

Digitized by the Internet Archive
in 2026

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ съ 4 портретами.

Томъ IX.

СОВРЕМЕННОИЪ 1862-1863.

Статьи экономическія.—Отдѣлъ „Политика“.

РОМАНЪ

„ЧТО ДѢЛАТЬ?“.

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонскаго. Лештуковъ пер., № 13

1906.

PRINTED IN RUSSIA

Оглавленіе IX тома.

Современникъ 1862—1863 гг.

1862 г.

	СТР.
№ 1. Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова.....	1
Посмертныя стихотворенія Н. А. Добролюбова.....	42
Библіографія: Этюды. Популярныя чтенія Шлейдена.....	50
Свѣдѣнія о числѣ подписчиковъ на „Современникъ“ 1861 г.....	56
Свистокъ: Опыты открытій и изобрѣтеній. Г. Магистръ Н. де Безобра- зовъ—псевдонимъ.....	61
№ 2. О росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ.....	72
Библіографія: Руководство къ сравнительной статистикѣ Г. Ф. Кольба. Переводъ А. Корсака.....	82
Въ изъясненіе признательности, письмо къ г. 3-му.....	100
№ 3. Самозванные старѣйшины.....	105
Библіографія: Ясная Поляна. Школа. Журналъ педагогическій, издавае- мый Гр. Л. Н. Толстымъ.—Ясная Поляна. Книжки для дѣтей.....	114
Французскіе законы по дѣламъ книгопечатанія.....	128
Литературная собственность (фантазія).....	157
№ 4. Научились ли?.....	174

Отдѣлъ «Политика»:

№ 1. Роль Пальмерстона въ дѣлѣ о выдачѣ арестованныхъ эмигрантовъ Юж- ныхъ Штатовъ.—Неизбѣжное паденіе хлопчатобумажныхъ план- тацій въ Южныхъ Штатахъ.—Желаніе Пальмерстона прислать новый предлогъ для войны съ Сѣверными Штатами.—Отношенія умѣренной партіи и аболіціонистовъ въ Сѣверныхъ Штатахъ.— Положеніе военныхъ дѣлъ въ Сѣверной Америкѣ.—Мексиканская экспедиція.—Австрійскіе финансы.—Неосновательность либераловъ, порицающихъ австрійское правительство за дефицитъ.—Итальян- скія дѣла.....	186
--	-----

№ 2. Дѣло о пенсіи Монтобану. — Пренія французскаго законодательнаго корпуса объ адресѣ. — Министерство Раттацци. — Распушеніе прусской палаты депутатовъ. — Взятіе форта Доннельсона	210
№ 3. Сѣверо-Американская война. — Дѣло въ англійскомъ парламентѣ о деревянныхъ корабляхъ и каменныхъ прибрежныхъ укрѣпленіяхъ. — Пруссія дѣла	225
№ 4. Выборы въ Пруссіи. — Пустая молва о Римѣ. — Битва при Питтсбургѣ-Ландингѣ и взятіе Новаго Орлеана	235

1863 г.

№№ 3—5. „Что дѣлать?“, изъ разсказовъ о новыхъ людяхъ	1—317
---	-------

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

Н. А. Добролюбова.

Бывши однимъ изъ людей, близкихъ къ Добролюбову, я разобралъ бумаги, оставшіяся послѣ него, и теперь занимаюсь собираніемъ другихъ матеріаловъ для его біографіи. Дѣло это требуетъ довольно долгаго времени; и пока я успѣю исполнить долгъ, лежащій на мнѣ, считаю полезнымъ напечатать нѣкоторые изъ матеріаловъ, уже находящихся въ моихъ рукахъ.

Н. Чернышевскій.

Михаилъ Алексѣевичъ Костровъ, мужъ сестры Николая Александровича, Антонины Александровны, приславъ мнѣ письма Николая Александровича къ сестрамъ и къ нему, приложилъ къ этому собранію небольшую записку о дѣтствѣ покойнаго, которому онъ давалъ уроки до поступленія Николая Александровича въ семинарію. Вотъ отрывки изъ этой записки:

«Домашнее обученіе его (Николая Александровича) начато было очень рано, а вмѣстѣ съ этимъ очень рано начала сказываться и его талантливая натура. Уже лѣтъ трехъ, со словъ матери своей (это была умная, прекрасная женщина, и недаромъ о ней доселѣ всѣ родные и знакомые такъ много жалѣютъ), онъ заучилъ нѣсколько басенъ Крылова и прекрасно произносилъ ихъ передъ домашними и чужими, ибо покойный родитель его, не скрывая своей радости и своихъ восторговъ отъ своего даровитаго Коли, любилъ иногда похвастаться имъ и передъ чужими, приходившими къ нему въ гости или по дѣлу. Я сказалъ, что онъ заучивалъ эти басни со словъ мамы своей. Дѣйствительно, такъ какъ отецъ его, занятый то службою церковною то училищною (онъ былъ нѣсколько времени законоучителемъ въ здѣшнемъ канцелярскомъ училищѣ), то уроками частными, а особенно стройкою своихъ домовъ, не могъ большею частью даже и быть дома подолгу, а не то, чтобы много заниматься съ дѣтьми,—то вообще на первое развитіе сына его по необходимости должна была имѣть вліяніе мать. Мать же выучила его и читать, да, кажется, и писать азбуку. Когда ему стало 8 лѣтъ (съ половиной, кажется), то приглашенъ былъ въ учителя для него кончившій курсъ семинаріи—Садовскій; но этотъ послѣдній занимался съ нимъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ, потому что поступилъ самъ въ священники. Тогда былъ приглашенъ къ нему я. Я былъ въ это время переведенъ въ философскій классъ и немного извѣстенъ былъ родителямъ Николая Александровича, потому что квартировалъ у родственниковъ ихъ, Благообразовыхъ. Поступивъ къ нему въ учителя, я старался во-первыхъ заохотить его къ ученію, чтобы «*учиться*» обратилось для него въ главную и насущную потребность; а во-вторыхъ, доводить его до яснаго, по возможности полнаго и отчетливаго понятія о

каждомъ предметѣ, не слишкомъ заботясь о буквальномъ заучиваніи имъ уроковъ (конечно, при обученіи латинскому и греческому языкамъ приходилось ограничиваться только, впрочемъ совершенно достаточнымъ, знаніемъ всякихъ правилъ грамматическихъ и синтаксическихъ). Покойная мать его не разъ тутъ замѣчала, что изъ нашей классной комнаты почти только и слышно: «почему», «отчего», да «какъ» и т. д. Отецъ его, видя, что сынъ его, при своей отличной воспримчивости, при усердіи и любознательности, оказывалъ отличные успѣхи, и что вообще наше учenie идетъ въ порядкѣ, не мѣшалъ намъ, и свободно предавался своимъ служебнымъ и хозяйственнымъ занятіямъ,—только иногда навѣдывался объ его успѣхахъ и давалъ ему тѣ или другіе вопросы по тому или другому предмету. Такимъ образомъ наше учение продолжалось около трехъ лѣтъ, если изъ этой цифры не исключать мѣсяцевъ пяти или шести его болѣзней или моихъ каникулъ. Тогда онъ, т. е. по прошествіи трехъ лѣтъ, былъ представленъ въ духовное училище, изъ котораго черезъ годъ и былъ переведенъ третьимъ ученикомъ въ семинарію. Въ семинаріи онъ учился пять лѣтъ, и шелъ все первымъ. Съ словесности же онъ началъ читать все, что только могло попадаться ему подъ руку; свѣтскіе журналы, онъ доставалъ или (иногда) у семинарскихъ наставниковъ, или (всего болѣе) у квартировавшихъ въ его домѣ генерала Улыбашева и князя Трубецкаго, и у нѣкоторыхъ прихожанъ. Семинарское образованіе не могло удовлетворить его, какъ онъ нерѣдко говорилъ и мнѣ объ этомъ; не надѣялся онъ удовлетвориться и въ духовной академіи, а непременно желалъ ѣхать въ какой нибудь университетъ. Отецъ его не прочь былъ и самъ отпустить его туда, но затруднительное положеніе кошелька (ибо онъ былъ кругомъ въ долгу по выстройкѣ дома своего) было причиной, что рѣшено было отправить его въ с.-петербургскую академію, по каковому поводу бывший тогда у насъ преосвященный Іеремія далъ ему даже рекомендательное письмо къ ректору оной.

«Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» кто-то сказалъ, что покойный Николай Александровичъ былъ всегда слабаго сложенія. Рѣшительно сказать этого нельзя, хотя и точно онъ былъ золотушнаго сложенія; золотуха обнаруживалась у него и у маленькаго, и лечился онъ отъ нея и въ бытность свою студентомъ Педаг. института. Конечно, усиленные занятія въ семинаріи, а отчасти и въ училищѣ, и по поступленіи въ институтъ, могли имѣть не очень благоприятное вліяніе на его здоровье;—но останься въ живыхъ его отецъ и мать, все обошлось бы для него недурно, и онъ живъ былъ бы и (относительно говоря) здравствовалъ бы доселѣ. Рѣшительное вліяніе на разстройство его здоровья произвела смерть его матери, а потомъ и отца, за которыми послѣдовали, какъ неизбежное слѣдствіе, его еще болѣе усиленные и непрерывныя работы и во время институтской жизни и послѣ, которыя, при грустномъ настроеніи духа его, и доконали его. Смерть родителей и особенно, кажется, матери, подлѣ которой онъ до 17-ти лѣтъ находился неотлучно, для которой онъ былъ любимымъ сыномъ, и не только сыномъ, но и лучшимъ другомъ,—потому что отецъ, по службѣ своей, чаще всего отсутствовалъ,—и которую и самъ онъ любилъ, какъ другому и не удастся любить, была такимъ ударомъ для него, отъ котораго онъ не опомнился до смерти своей. «На что мнѣ и жизнь-то теперь» (т. е. безъ матери), говорилъ онъ намъ при послѣднемъ нашемъ свиданіи: «развѣ только для братьевъ и сестеръ; ну, для нихъ-то я еще лѣтъ пять-шесть поживу». Эта смерть родителей имѣла вліяніе не только на физическое, но и нравственное состояніе его».

Сущность нравственной перемѣны, о которой говоритъ М. А. Костровъ, будетъ видна читателю изъ напечатанныхъ въ этой книжкѣ «Современника» стихотвореній Ник. Ал.—вича: «Благодѣтель» и «На гробѣ отца». Она видна также изъ слѣдующихъ словъ М. А. Кострова, который, упомянувъ объ этихъ стихотвореніяхъ, продолжаетъ:

«Онъ (Н. А.) былъ самымъ набожнымъ человѣкомъ въ Нижнемъ»—то есть до отъѣзда въ Педагогическій институтъ,—«считалъ за грѣхъ выпить чаю въ праздничный день до обѣдни, послѣ исповѣди до причастія даже воды не пилъ, усердно всегда молился и съ глубокимъ чувствомъ. Но вотъ онъ, получивъ извѣстіе о болѣзни матери,

съ такимъ чувствомъ и такъ же горячо и усердно молился Богу объ ея выздоровленіи. Богъ не внялъ его молитвамъ. Этого мало: черезъ пять мѣсяцевъ умеръ и отецъ, оставивъ восемь человѣкъ дѣтей, малъ-мала меньше. «Что жъ это такое?»—подумалось ему».

Изъ этихъ словъ читатель уже видитъ, что перемѣна, о которой упоминалъ выше М. А. Костровъ, состояла въ паденіи прежнихъ убѣжденій Н. А., и въ появленіи иного взгляда на законы вселенной.

Но колебаніе прежнихъ убѣжденій началось въ Н. А. еще раньше отъѣзда въ Петербургъ; это мы знаемъ изъ разговоровъ съ Н. А., и то же самое свидѣтельствуетъ любопытная въ психологическомъ отношеніи подневная записка очень оригинальнаго характера, уцѣлѣвшая въ его бумагахъ. Вотъ начало этого дневника, для котораго Н. А. придумалъ заглавіе «Психаторіумъ —углубленіе въ душу».

«Психаторіумъ».

«7 марта, 1853 г. 1-й часъ по полудни».

«Нынѣ сподобился я причащенія пречистыхъ Таинъ Христовыхъ и принялъ намѣреніе съ этого времени строже наблюдать за собою. Не знаю, будетъ ли у меня силъ давать себѣ каждый день отчетъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но по крайней мѣрѣ прошу Бога моего, чтобы онъ далъ мнѣ положить хотя начало благое. Боже мой! Какъ мало еще прошло времени ¹⁾ и какъ уже много лежитъ на моей совѣсти! Вчера, во время самой исповѣди, я осудилъ духовника своего и потомъ скрылъ это, не покааясь; кромѣ того, я сказалъ не всѣ грѣхи. и это не потому, что позабылъ ихъ или не хотѣлъ, но потому, что не рѣшился сказать духовнику, что еще рано разрѣшать меня, что я еще не все сказалъ. Потомъ я сѣтовалъ на отца духовнаго, что онъ не о многомъ спрашивалъ меня ²⁾; но развѣ я долженъ ожидать вопросовъ, а не самъ говорить о своихъ прегрѣшеніяхъ? Только вышелъ я изъ алтаря, и сдѣлался виновенъ въ страхѣ человѣческомъ ³⁾, за тѣмъ человѣкоугодіе ⁴⁾ и, хотя легкій, смѣхъ съ товарищами присоединился къ этому. Потомъ суетныя помысленія славолубія и гордости, разсѣянность во время молитвы, лѣность къ богослуженію, осужденіе другихъ—увеличивали число грѣховъ моихъ» и т. д. и т. д.

Этотъ ежедневный списокъ своихъ «прегрѣшеній», съ благочестивыми укоризнами себѣ, велъ Н. А. съ 7 марта до 9 апрѣля, такъ что набралось цѣлыхъ 32 страницы за эти 34 дня. Всѣ дни, разумѣется, похожи одинъ на другой; вотъ, напримѣръ, 29 страница «Психаторіума»:

«4 апрѣля, 12 часъ по полудни».

«Опять тѣ же грѣхи въ эти два дня: лѣность къ молитвѣ, разсѣянность и легкомысліе, осужденіе и насмѣшка, непріязнь къ ближнему, вольныя сужденія, ложь, хитрость,

¹⁾ То есть со времени принятія св. Таинъ.

²⁾ Такимъ образомъ, всѣ предвидѣнія прегрѣшенія объясняются очень просто: духовникъ, исповѣдая 17-лѣтняго юношу, жизнь и нравы котораго конечно звалъ очень хорошо и безъ исповѣди, по домашнему или учительскому знакомству съ нимъ, и за которымъ не было никакихъ особенныхъ проступковъ, не нашелъ нужнымъ напрасно длить исповѣди, а Н. А. посоветился затруднять его просьбою о продолженіи исповѣди, когда духовникъ прекратилъ ее разрѣшительною молитвою.

³⁾ Какимъ образомъ?—не объяснено; по всей вѣроятности, поклонился какому нибудь отцовскому знакомому, котораго не уважалъ въ душѣ, или что нибудь подобное.

⁴⁾ Въ чемъ оно состояло?—опять не объяснено; вѣроятно, не возразилъ какому нибудь товарищу на неправильное мнѣніе, чтобы не раздражать человѣка напраснымъ споромъ въ церкви, или что нибудь подобное.

притворство, призываніе лукаваго ¹⁾, честолюбіе и славолюбіе, преданіе чувственности ²⁾, чревоугодіе и лакомство» ³⁾ и т. д.

Списокъ этихъ «прегрѣшеній» заключается словами:

«Господи! Спаси мя, не остави мене погибающа!».

Но въ томъ же «Психаторіумѣ», среди длинныхъ перечней всякихъ мелочей, возводимыхъ на степень «прегрѣшеній» усердіемъ Н. А. къ самообличенію, среди краснорѣчивыхъ укоризнъ себѣ за эти «прегрѣшенія», и возваній о помилованіи и спасеніи, мы находимъ слѣдующія строки:

(7 марта). «Возникало во мнѣ нѣсколько разъ сомнѣніе о важнѣйшихъ истинахъ спасенія».

(12 марта). «Допустилъ въ себѣ сомнѣніе о святой перкви и ея постановленіяхъ».

Подобныя замѣтки встрѣчаются почти каждый день. Да и самое веденіе «Психаторіума» было не больше, какъ искусственною попыткою подогрѣть въ себѣ остывавшее благочестіе: постоянно замѣчаетъ Н. А., что ему скучно вести этотъ дневникъ покаянія, что онъ продолжаетъ его только въ исполненіе правила, которое разъ постановилъ себѣ при благочестивомъ настроеніи, овладѣвшемъ на минуту его душою послѣ исповѣди и причащенія: каждый день списывать страницу перечнемъ своихъ «прегрѣшеній» и укоризнами себѣ за нихъ. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ со стр. 30-й.

«7 апрѣля, 12 часъ по полудни».

«Вотъ мѣсяць прошелъ, какъ я предпринялъ доброе дѣло—давать себѣ каждый вечеръ отчетъ въ томъ, какъ я провелъ день,—а уже какъ я излѣнился, какъ извратилъ свое дѣло! Въмѣсто сокрушенія и сознательнаго раскаянія. ограничиваюсь только холоднымъ перечисленіемъ моихъ грѣховъ; я забочусь, чтобы только испнестъ страницу, и оставляя добрую цѣль въ сторонѣ, отягощаюсь и чувствую уже, что я не могу еще долго продолжать свою исповѣдь передъ собою».

М. А. Костровъ говоритъ о благотворномъ вліяніи Зинаиды Васильевны на первое развитіе ея сына и о чрезвычайно нѣжной любви его къ ней. Объ этомъ осталось много свидѣтельствъ въ перепискѣ ея съ Н. А., въ письмахъ его къ роднымъ и другимъ лицамъ послѣ ея смерти до самой смерти его, въ стихотвореніяхъ, найденныхъ нами въ его бумагахъ; наконецъ, мы знаемъ это и изъ разговоровъ съ нимъ. Но оставляя до будущаго времени извлеченіе матеріаловъ для его біографіи изъ его писемъ и изъ личныхъ нашихъ воспоминаній о немъ, мы теперь приведемъ только слѣдующій отрывокъ, писанный, какъ видно по разнымъ признакамъ, черезъ нѣсколько недѣль послѣ ея смерти, еще до канікулъ 1854 года—Первыя страницы этого размышленія затерялись, и уцѣлѣлъ только полулистъ, который начинается словами:

«....получилъ я ⁴⁾ свои лучшія качества, съ ней сроднился я съ первыхъ дней моего дѣтства; къ ней летѣло мое сердце, гдѣ бы я ни былъ, для нея было все, все,

¹⁾ Это значитъ, что употреблялъ фразы въ родѣ: «чортъ знаетъ», или «чортъ возьми».

²⁾ Это значитъ, какъ видно изъ другихъ страницъ «Психаторіума», что долго спалъ, и проснувшись, нѣсколько минутъ лѣнился вставать.

³⁾ Чревоугодіемъ, какъ опять видно изъ другихъ страницъ «Психаторіума», называетъ онъ то, что пилъ много чаю, который тогда очень любилъ; лакомство—то, что послѣ обѣда ѣлъ варенье, которымъ подчивала его мать.

⁴⁾ Очевидно, что надобно дополнить это фразу такъ: отъ нея (отъ матери) получилъ я.

что я ни дѣлалъ. Она понимала эту любовь; но я не успѣлъ показать ее на дѣлѣ, не успѣлъ осуществить то, чѣмъ хотѣлъ ее радовать... Мало радостныхъ минутъ доставить я ей. Я былъ слишкомъ гордъ; я не хотѣлъ прежде времени высказывать даже ей, моей дорогой, своихъ гордыхъ плановъ и надеждъ, думалъ, что будетъ время—на дѣлѣ увидить она, какого сына имѣть и сколько онъ любить ее.... Не случилось такъ.... И почему же не вѣрить мнѣ, что она смотритъ на меня съ высоты небесъ, радуется.... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ—если это правда, если она видитъ меня, мою тоску, мои терзанья, мои сомнѣнья, она умолитъ Бога, чтобы онъ послалъ ее вразумить бѣднаго, жалкаго сына. Иначе ей будетъ рай не въ рай, если только она не разлюбила меня. Мать моя! Милая, дорогая моя! Я всего лишился въ тебѣ! Видишь, я плачу... Мнѣ тяжело, мнѣ горько!... Помолись за меня, чтобы Богъ остановилъ меня на краю гибели!... Вѣдь ты чистая праведница, и Богъ услышитъ тебя. Явись мнѣ, утѣшь меня... Дай мнѣ вѣру, надежду... Съ надеждою можно жить въ мирѣ... Неужели же разстояніе между нами такъ непроходимо, что и материнское сердце не услышитъ мольбы страдающаго сына?... Или я въ самомъ дѣлѣ долженъ думать, что ты не существуешь болѣе, и что я тоже машина... Но зачѣмъ же эта странная тоска, эта грусть, эти сомнѣнія? Мать моя! Вѣрю, что ты любишь меня... Вразуми и научи безпомощнаго!... Заставь меня вѣрить и утѣшаться будущимъ!... Мое положеніе такъ горько, такъ страшно, такъ отчаянно, что теперь ничто на землѣ не утѣшитъ меня. Самая сильная радость обратится у меня въ печаль, самая громкая слава, огромное богатство, всевозможные успѣхи только заставятъ содрогнуться мое сердце, при одной мысли—что, если бы это знала мамаша,—какъ бы мы съ ней порадовались!... И эта мысль тяжело, громаднымъ камнемъ падетъ мнѣ на сердце, и не будетъ мнѣ счастья въ счастья одинокаго эгоизма....».

Этотъ отрывокъ замѣчательнъ, какъ памятникъ кратковременнаго періода борьбы прежнихъ убѣжденій съ новыми въ душѣ Николая Александровича. Тутъ онъ еще страшится безпредѣльнаго простора, открывающагося его мыслямъ и дѣятельности; этотъ просторъ еще представляется ему ужасною бездною; но онъ уже видитъ, что не удержится за прежними своими рамками, и дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы подставить опору для падающей преграды. Онъ ищетъ эту опору даже въ томъ самомъ чувствѣ, оскорбленною силою котораго влечется онъ на свободный просторъ.

Характеристиченъ и самый этотъ источникъ новой умственной жизни. Натуры, въ которыхъ преобладаетъ отвлоченный умъ, приходятъ къ разрыву съ мнѣніями дѣтства уже и вслѣдствіе однихъ только теоретическихъ соображеній. Я не встрѣчалъ чловѣка съ болѣе сильнымъ и свѣтлымъ умомъ, чѣмъ какой былъ въ Николаѣ Александровичѣ. Но при этомъ было въ немъ такое живое сердце, что чувство постоянно служило ему первымъ возбудителемъ и мыслей, и дѣлъ. Отъ этого его убѣжденія и намѣренія всегда были реальны, его стремленія всегда были чрезвычайно опредѣленны,—опредѣленны до конкретности, и при всей безпредѣльности своей теоретической программы, онъ всѣ силы свои обращалъ на исполненіе той части ея, которая могла быть осуществлена непосредственно, чтобы эта частная перемѣна служила средствомъ для осуществленія дальнѣйшихъ замысловъ. Пользуясь представившимся фактомъ его жизни, я хочу представить примѣръ свойственнаго ему хода мыслей.

Рядъ ихъ начинается конкретнымъ фактомъ: умерла женщина, смертью которой разстроена жизнь многихъ людей; и навсегда опечалены нѣкоторые изъ нихъ. Она умерла отъ неудовлетворительности отношеній, въ которыя была поставлена. Не годится, чтобы оставалось такъ. Обстановка чловѣческой жизни должна быть измѣнена, чтобы не умирали преждевременно люди. Но въ этомъ

общемъ стремленіи къ пересозданію всей человѣческой жизни, остается ему памятенъ частный фактъ, возбудившій все стремленіе въ немъ. Дѣло шло о женщинѣ, для которой теперь все зависитъ отъ семейныхъ отношеній. А въ семейныхъ отношеніяхъ тяжеле всего теперь грубость отношеній всякаго старшаго къ младшимъ. Потому ненависть сосредоточивается на грубомъ авторитетѣ, господствующемъ надъ патриархальною семьею. Вотъ объясненіе страстной силы, съ какою возставаѣ Николай Александровичъ противъ него, заклеививъ его именемъ самодурства. Изъ сердца, обливавшагося кровью, лились его слова. Когда онъ писалъ, передъ его мыслью неотступно стояли конкретные факты дѣйствительной жизни, стояли фигуры людей, съ которыми онъ сроднился въ жизни, скорбь которыхъ онъ прочувствовалъ. Его статьи—какъ будто эпилоги къ біографическимъ и автобіографическимъ разсказамъ.

О времени, которое провелъ Николай Александровичъ въ семинаріи, написалъ по моей просьбѣ слѣдующія воспоминанія М. Е. Лебедевъ, бывшій его товарищемъ во все время семинарскаго его ученія.

«Въ 1846 году 12—15-лѣтніе ученики высшаго отдѣленія нижегородскаго духовнаго уѣзднаго училища, только-что перешедшіе изъ низшаго отдѣленія и имѣя уже за плечами четыре года несладкой работы надъ горькими корнями ученія, были нѣсколько непріятно поражены, что къ нимъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ ректоръ училища привелъ 10-лѣтняго мальчика Добролюбова учиться. «Прямо въ четвертый классъ!», говорили ученики, удивлялись и завидовали.—«Да что ему!» объясняли наиболѣе практическіе и опытные, съ досадою: «у него отецъ-то никольскій священникъ, богатый; домъ какой! каменный. А нашъ Лебедевъ поросенка приметь и сдѣлаетъ что угодно».—«Семь копѣекъ принялъ отъ матери Скородумова», поясняетъ другой съ азартомъ.—«Три горшка отъ моей тетки принялъ и къ Рождеству за недѣлю отпустилъ меня домой», ядовито откровенничаетъ третій.... У первыхъ учениковъ шелъ другой толкъ. «Говорятъ, братцы, подготовленъ хорошо. А латинскій какъ знаетъ! Книгъ много у отца.... Онъ ужъ Карамзина прочиталъ». (Карамзина когда-то еще удастся имъ самимъ почитать, года черезъ четыре: таковъ порядокъ былъ тамъ въ распредѣленіи книгъ для чтенія). Вотъ будетъ качать!». И первые ученики заранѣе уже назначали, кого изъ нихъ долженъ сшибить Добролюбовъ; о возрастѣ его судили весьма одобрительно. Начали присматриваться. Прежде всего оказалось, что мальчикъ очень нѣжной, барской наружности, съ очень мягкими руками; увидали, что очень скромный и застѣнчивъ, какъ дѣвочка, дичится всѣхъ, чуждается. Въ переменахъ классныхъ и до прихода учителя ни съ кѣмъ не являлся, а читаетъ книжки, которые взялъ дому носить. Книжки были все по предметамъ, проходимымъ въ классѣ.—Въ этомъ классѣ уже начиналось изученіе латинскаго синтаксиса; учитель, преподававшій его весьма дѣльно, хотя и съ мѣрами строгими до жестокости, задавалъ переводы съ русскаго языка на латинскій такимъ манеромъ, что самъ назначалъ только немногія латинскія слова и фразы, наиболѣе трудныя, а остальные приписывались самимъ учениками. Тогда-то Добролюбовъ поразилъ всѣхъ новостью: самостоятельно фразируя нѣкоторые примѣры, насколько зналъ латинскій языкъ, онъ вставлялъ въ данныя сентенціи совершенно новыя и умѣстныя мысли, такъ-что съ перваго же опыта получилъ отъѣтку наставника: *ter optime*; слѣдующія загѣмъ отѣтки были: *eximie*, *egregie*, *ter eximie* и ниже *optime* никогда не опускались. Кромѣ того, наиболѣе замѣчательныя изъ его упражненій учитель съ искреннимъ удовольствіемъ читалъ и разбиралъ въ классѣ при всѣхъ. Успѣхъ этотъ былъ поразителенъ: первые ученики бросились за нимъ въ погоню; изученіе латинскаго языка сдѣлалось весьма интереснымъ (конечно только для меньшинства и для учителя). Пытались объяснить сначала успѣхъ Добролюбова посторонней

помощью, но скоро разубѣдились. Когда учитель заставлялъ въ классѣ учениковъ фразировать по-латинѣ русскія предложенія и рассказывать по-латинѣ своими словами изъ «Корнелія Непота» и «Латинской хрестоматіи», то Добролюбовъ постоянно отличался при всѣхъ. Наконецъ и собственные опыты подражателей его увѣрили, что это довольно возможно и безъ посторонней помощи. Съ такимъ же успѣхомъ Добролюбовъ занимался священной исторіей, географіей, ариметикой и другими науками, занимая повсюду 4-й № въ спискахъ, и въ 1848 г. перешелъ во 2-е отдѣленіе словесности (нижнее отдѣленіе семинаріи, по множеству воспитанниковъ дѣлившееся на два параллельныя отдѣленія). Въ семинаріи, съ теченіемъ времени, Добролюбовъ погружается въ ученныя занятія. Отъ товарищей держится такъ же далеко, хотя принимаетъ къ себѣ всѣхъ, кому угодно его посѣтить. Но все свободное отъ посѣщеній время занять книгами. Онъ читалъ русскихъ авторовъ, ученныя сочиненія, журналы—и дома и въ классѣ. Въ его упражненіяхъ по классу реторики и логикѣ постоянно было видно знакомство съ лучшими русскими литераторами, что и выставлялось на видъ учителемъ словесности. Въ немногихъ упражненіяхъ, какія были по исторіи всеобщей, была видна та же начитанность. Его возраженія, напримѣръ, по математикѣ профессору-монаху, по исторіи противъ учебника Кайданова—были выслушиваемы учениками съ участіемъ, которое возрастало, когда профессоръ не рѣшалъ возраженій, а заминалъ ихъ своимъ авторитетомъ, невозможностью распространяться по причинѣ недосуга и другими уловками. Въ среднемъ отдѣленіи семинаріи Добролюбовъ поражалъ громадными сочиненіями по философскимъ темамъ, особенно объ ученіи отцовъ церкви, отчасти изъ русской церковной исторіи. Надо замѣтить, что способы писанія задачъ въ семинаріи были истинно оригинальны. Задавалась, напримѣръ, тема на какойнибудь предметъ; наибольшая часть темъ давалась философскаго сорта, изрѣдка историческаго; въ классѣ профессоръ говорилъ почти то же, что въ сухихъ, короткихъ учебникахъ; предметъ темы никогда обстоятельно не разъяснялся; источники почти никогда не указывали и совершенно никогда не давали въ руки ученикамъ; между тѣмъ общественное мнѣніе въ семинаріи, благодаря самостоятельной дѣятельности лучшихъ учениковъ, было въ пользу большихъ (и дѣльных въпрочемъ) сочиненій; но требовало, чтобъ сочинитель *самъ* писалъ свои задачи, т. е. самъ своей головою доходилъ до рѣшенія заданныхъ темъ; а какъ скоро задача отличалась начитанностью, то же общественное мнѣніе обвиняло автора въ заимствованіяхъ: дескать, онъ списалъ, сдѣлалъ. Такимъ образомъ, ученикъ поставленъ въ необходимость или разбавлять реторическою водичей и безъ того жидкія свѣдѣнія учебника и летучія замѣтки профессора, или самостоятельно ломать голову надъ вещами, которыхъ не зналъ, или же претерпѣвать укоризну отъ товарищей за сдѣвательство и ужеенье своихъ задачъ изъ книгъ. Добролюбовъ, еще до знакомства съ такой страшной теоріей писанія задачъ, постоянно сопровождалъ свое чтеніе выписками изъ книгъ, постоянно свѣрялъ съ подлинниками тѣ цитаты въ разныхъ сочиненіяхъ, которыя прочитывалъ, такъ что значительную часть отысканныхъ по смерти его записокъ составляютъ именно подобныя выписки, веденныя имъ съ того времени—или по рубрикамъ различныхъ предметовъ, или по алфавиту, или по журналамъ, съ указаніемъ, гдѣ что напечатано. Ясно, что задаваемые въ семинаріи темы большею частью встрѣчали его уже совсѣмъ готоваго къ отвѣту; поэтому упражненія его отличались обиліемъ мыслей и знаній, и множествомъ цитатъ: все это становило въ тушкѣ профессоровъ и семинаристовъ. Сначала, какъ водится, на него косились ученики и обвиняли въ сдѣвательствѣ. Но скоро замѣтили, что Добролюбовъ дѣлаетъ выписки, не стѣсняясь ни задаваемыми темами, ни даже проходимыми въ семинаріи науками. Это ошеломило ихъ и въ то же время убѣдило, что тутъ дѣло ведется ни какъ не меньше, какъ на академію, или на университетъ, словомъ, на ученость, потому что ни филологія напримѣръ, ни литература, ни исторія, да и ничто другое въ такихъ широкихъ размѣрахъ не годится просто для семинарскихъ классовъ, темъ, списковъ и аттестатовъ. Такъ тѣмъ и покончили, занялись своими дѣлами, и результатовъ никакихъ. Въ свою очередь косились и профессора. Нельзя, напримѣръ, ученику обойтись безъ выговоровъ, и Добролюбову иные профессора дѣлали замѣчанія, потомъ и выговоры, за то, что онъ не слушалъ ихъ въ классѣ, а читалъ принесенныя съ собою книги. Добролюбовъ почтительно пред-

ставлялъ резонъ, что нечего слушать, когда спрашиваютъ учениковъ одно и то же (система ученія была зубрильная); иногда профессоръ успокоивался простымъ увѣщаніемъ, что все же что нибудь можно услышать новое и при спрашиваніи уроковъ; но были случаи, что Добролюбова ловили на классѣ какой нибудь Кайдановой или Устряловой исторіи, греческомъ или латинскомъ языкахъ, за журналомъ, повѣстью, романомъ. Тогда съ выговоромъ бралась книга, клалась на столъ, но не смѣла рваться и зажиматься, какъ у многихъ другихъ, потому что никольскій священникъ вѣдь тутъ на лицо, въ Нижнемъ.... Въ числѣ профессоровъ претендовавшихъ на вниманіе, былъ напимѣръ профессоръ логики, «чистый разумъ» котораго ученики, по отзыву своихъ предшественниковъ и собственному опыту, характеризовали такими силлогизмами, подслушанными даже у самого профессора: «когда дитя кричитъ, значить ему больно, потому что его бьютъ.... ахъ, нѣтъ, не такъ: когда дитя бьютъ, то ему больно, потому что оно крич.... ахъ, нѣтъ: когда дитя бьютъ, то оно кричитъ, потому что ему больно.... ну, да тамъ сами сдѣлаете послѣ».... Окончательный выводъ объ этомъ профессоръ выражался силлогизмомъ: въ углу палка стоять, слѣдовательно на дворѣ дождикъ идетъ. Другой, профессоръ догматики, бывшій профессоръ латинскаго языка и умѣвшій сыпать кстати и некстати цитаты изъ латинскихъ писателей, не могъ освободиться отъ своей привычки и тогда, какъ читалъ (по учебнику) догматику, совершенно новый и незнакомый для него предметъ. Этотъ профессоръ прибавлялъ новые выговоры за то, что языкъ въ сочиненіяхъ Добролюбова слишкомъ чистъ и напоминаетъ журнальные обороты.... Обыкновенно, эти профессора въ своихъ выговорахъ руководились вслухъ формальностью, голословнымъ запрещеніемъ. Но втайнѣ вѣроятно была причина проще, — общая причина всѣхъ формальностей: что какъ-то неловко смотрѣть. какъ ученикъ въ вашихъ глазахъ и за вашими часами, какъ разъ, узнаетъ больше васъ самихъ.... По крайней мѣрѣ на это слегка намекнулъ одинъ профессоръ за веселой компаніей. — Впрочемъ, Добролюбовъ не былъ въ семинаріи феноменомъ, предметомъ молвы или гордости семинаристовъ. Феноменъ въ семинаріи составлялъ молодецъ на возраженія профессорамъ, вскакивавшій и дѣльно отвѣчавшій при первомъ вопросѣ наставника: «кто скажетъ?» — прочитавшій Библію на еврейскомъ языкѣ, говорившій по-латинѣ, и особенно тотъ, кто постоянно сидѣлъ за картами или кутилъ, и все-таки шелъ въ первыхъ. Добролюбовъ же только въ первые года въ семинаріи держалъ на возраженія, а потомъ благоразумно утихъ. А что касается до огромной его начитанности, это скромное препровожденіе времени за книгами, и особенно занятіе литературой, всемірной исторіей и тому подобными *посторонними* предметами, не давало ему права быть феноменомъ; объ немъ не кричали, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ представлялъ задачи въ 30, 40 и 100 листовъ. Но такая параллель съ его молчаливымъ поведеніемъ въ классѣ была скорѣе въ ущербъ той молвѣ, какую порождала задача. — Со стороны товарищей возникли неудовольствія на Добролюбова по поводу требованія отъ него книгъ для чтенія; подобныя требованія не всегда и не для всѣхъ возможно было выполнять по ихъ множеству, и не всегда безопасно для цѣлости книгъ со стороны учениковъ, а еще болѣе, ихъ пѣстуновъ. Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ постоянными занятіями Добролюбова, давали поводъ считать его какъ бы чуждымъ, какъ бы отдаляющимся отъ товарищей. Такому мнѣнію помогала особенно природная и приватная дикость семинаристовъ, боявшихся ступить ногой къ его отцу, городскому священнику, въ домъ. — Словомъ, семинарія ни по личнымъ, ни по класснымъ отношеніямъ не сходила съ ума отъ Добролюбова, хотя знала и уважала его. Самъ Добролюбовъ не водилъ большой компаніи съ товарищами; когда приходили товарищи къ нему въ гости, онъ былъ одинаково любезенъ со всѣми; но какъ и изъ этихъ смѣльчаковъ многіе трусили посѣщать его въ собственномъ его домѣ чаще разу въ мѣсяцъ, то оставалось не болѣе троихъ, четверыхъ постоянныхъ его гостей, которые имѣли случай не только удостовѣриться, что Добролюбовъ не былъ букой, гордымъ или тому подобное, но и сами могли въ его обществѣ и семействѣ страхнуть съ своихъ костей привитую семинарскую дикость. — Между профессорами онъ напелъ одного или двоихъ, впрочемъ не изъ своего отдѣленія, которые отчасти напоминали собою гоголевскаго Александра Петровича. — Въ 1853 году былъ вызовъ изъ богословскаго класса (высшее отдѣленіе

семинаріи) въ с.-петербургскую духовную академію.—Отправили двоихъ, въ томъ числѣ Добролюбова. Прибывши въ Петербургъ, онъ разомъ держалъ два пріемныхъ экзамена: въ Педагогическомъ институтѣ и духовной академіи. Какъ скоро ходъ дѣла показали, что его примутъ въ институтъ, онъ прекратилъ сдачу экзамена въ академіи. И только тогда семинарія (ученики собственно) огласилась именемъ Добролюбова: «въ Педагогическій принять!»—«Самъ Ленцъ былъ доволенъ экзаменомъ!»—«Самъ Лоренцъ похвалилъ!»—«Благодарность прислали за него!» говорили восторженные товарищи, протягивая семинарскую лямку въ ⁵³/₅₄ годъ, которымъ оканчивался полный учебный курсъ. неоконченный Добролюбовымъ.

Для читателей, не знакомыхъ съ семинарскими порядками, нужно будетъ объяснить нѣкоторыя подробности этой записки. Напримѣръ: что такое значить «дѣлать возраженія»? Въ семинарскомъ преподаваніи осталось очень много средневѣковыхъ обычаевъ; къ числу ихъ принадлежатъ «диспуты» ученика съ учителемъ. Кончивъ объясненіе урока, учитель говоритъ: «кто имѣетъ сдѣлать возраженіе?»—Ученикъ, желающій «отличиться»,—отличиться не столько передъ учителемъ, сколько передъ товарищами,—встаетъ и говоритъ: «я имѣю возраженіе».—Начинается диспутъ; кончается онъ очень часто ругательствами возразившему отъ учителя; иногда возразившій посылается и «на колѣни»; но зато онъ приобретаетъ между товарищами славу «генія».—Надобно сказать, что каждый курсъ въ семинаріи имѣетъ человѣкъ пять «геніевъ», передъ которыми совершенно преклоняются товарищи.—Я описываю порядокъ, бывшій лѣтъ 15 или 20 тому назадъ въ семинаріи, гдѣ я учился.

М. Е. Лебедевъ упоминаетъ о «задачахъ».—Не знаю какъ теперь, а въ мои времена достоинство лучшихъ учениковъ оцѣнивалось въ семинаріи не по знанію уроковъ, а по достоинству «задачъ» или сочиненій на темы, задаваемые преподавателемъ. Уроки спрашивались у учениковъ только начиная съ осьмаго или десятаго имени въ спискѣ, который составлялся не по алфавитному порядку, а по успѣхамъ. Первый «пятокъ» въ мое время вовсе никогда и не училъ уроковъ, зная, что никогда не будетъ спрошенъ въ учебное время. Зато онъ работалъ надъ «задачами», собраніе которыхъ приносилось каждымъ ученикомъ и на экзаменъ. У кого эти задачи составляли толстую кипу, тому было обезпечено благоволеніе всего экзаменующаго начальства.

Не мѣшаетъ объяснить и терминъ «сдывать», употребляемый М. Е. Лебедевымъ. Количество темъ, находившихся въ обращеніи при задаваніи задачъ, было не слишкомъ многочисленно: «страданія приближаютъ насъ къ Богу», «о пользѣ терпѣнія», «дурное общество развращаетъ нравы», и т. п. въ риторическомъ классѣ или низшемъ отдѣленіи семинаріи; «о различіи души и тѣла», «о преимуществѣ умозрительнаго метода надъ опытнымъ» и т. п. въ философскомъ классѣ или среднемъ отдѣленіи; всѣхъ различныхъ темъ, задававшихся въ теченіе цѣлыхъ 5 или 6 курсовъ, т. е. 10 или 12 лѣтъ, набралось бы вѣроятно не больше 100; а каждый годъ писалось нѣсколько десятковъ «задачъ», стало быть однѣ и тѣ же темы очень часто повторялись. Поэтому старыя «задачи» заботливо хранились, передавались отъ одного курса къ другому въ наслѣдство на случай неизбежнаго повторенія тѣхъ же темъ. У меня были товарищи, у которыхъ по большому сундуку было набито такимъ запасомъ. «Геніи» конечно презирали этотъ способъ отличатся чужимъ трудомъ, и онъ носилъ ими «сдывательства». Въ рукахъ у семинаристовъ бывало очень

мало книгъ, какъ упоминаетъ и М. Е. Лебедевъ; потому списыванье чужихъ «задачъ» было почти единственнымъ доступнымъ для нихъ способомъ пользоваться какими-нибудь пособиями при сочиненіи «задачи»; отъ этого всякое пользованіе какими-нибудь пособиями было подводимо общественнымъ мнѣніемъ семинаристовъ подъ обыкновенный случай «сдувательства».

Отсутствіе близкихъ дружескихъ отношеній между Николаемъ Александровичемъ и его товарищами по семинаріи достаточно объяснялось бы уже однимъ тѣмъ обстоятельствомъ, которое выставлено и у М. Е. Лебедева: Николай Александровичъ былъ сынъ городского священника, пользовавшагося почетомъ у епархіальнаго начальства. Чтобы могли понять это люди, не знакомые съ семинарскимъ бытомъ, скажу о своихъ отношеніяхъ съ товарищами. Мой отецъ былъ также священникъ губернскаго города въ богатомъ (!) приходѣ (доходы моего отца отъ службы простирались до 1500 рублей ассигнаціями, и мы жили безбѣдно). Всѣ товарищи были мнѣ пріятели; человекъ десять изъ нихъ были со мной задушевные друзья. Сколько разъ явля мы бока другъ-другу въ шуточной борьбѣ,—счета нѣтъ; словомъ сказать, въ классѣ и «бурсѣ» (куда я ходилъ чуть не каждый день для дружеской бесѣды) со мною церемонились товарищи такъ же мало, какъ и со всякимъ другимъ. Но въ гости ко мнѣ ходили только двое или трое изъ товарищей, и то изрѣдка: и надобно сказать, что они вовсе не были изъ числа ближайшихъ моихъ друзей: они были не больше какъ пріятели; но они не совѣстились посѣщать меня въ моемъ семействѣ потому, что у нихъ была приличная одежда и обувь. Ничто не можетъ сравниться съ бѣдностью массы семинаристовъ. Помню, что въ мое время изъ 600 человекъ въ семинаріи только у одного была волчья шуба,—и эта необычайная шуба представлялась чѣмъ-то даже не совсѣмъ приличнымъ ученику семинаріи, въ родѣ того, какъ если бы мужикъ надѣлъ брильянтовый перстень. Помню, какъ покойный Миша Левитскій, не имѣвшій другаго костюма, кромѣ синяго зипуна зимой и желтаго нанковаго халата лѣтомъ,—помню, какъ этотъ первый мой другъ не рѣшался навѣстить меня, когда я надѣлъ три не выходилъ изъ дому, будучи боленъ лихорадкой: а между тѣмъ мы съ Левитскимъ не могли пробыть двухъ дней не видавшихъ, и когда онъ не ходилъ въ классъ, я каждый день приходилъ къ нему. Короче сказать, какъ ни умѣренна была степень знатности и богатства моей семьи, но почти для всѣхъ моихъ товарищей войти въ мой домъ казалось такъ же дико, они чувствовали бы себя въ немъ такими же бѣдняками и ничтожными людьми, какъ я чувствовалъ бы себя въ салонѣ герцога девонширскаго. Съ той поры конечно много измѣнилось въ нашей семинаріи: но не настолько, чтобы рассказъ мой сдѣлался совершенно обветшавшею стариною.

Очень можетъ быть, что и въ нижегородской семинаріи около 1850 г., когда учился Николай Александровичъ, было не совсѣмъ такъ, какъ въ мое время, около 1845 г., въ саратовской семинаріи: но не думаю, чтобы разница была значительная.

Теперь, какъ я слышу, въ многихъ, а быть можетъ и во всѣхъ семинаріяхъ уменьшилось или совсѣмъ вывелось пьянство. Но въ мое время въ саратовской семинаріи какое сходбище семинаристовъ не могло не быть попойкою. Николай Александровичъ былъ настолько моложе своихъ товарищей,

что не годился бы быть участникомъ попоекъ, еслибъ жизнь въ семействѣ и не удерживала его отъ подобной наклонности. Вотъ другая причина, по которой онъ довольно рѣдко видѣлся съ товарищами въ классовъ (впрочемъ въ «бурсу» онъ довольно часто ходилъ къ товарищамъ, навѣщалъ и товарищей, жившихъ на квартирахъ, какъ видно будетъ изъ его семинарскаго дневника, напечатаннаго на слѣдующихъ страницахъ). Не думаю, чтобы въ нижегородской семинаріи кутили тогда такъ сильно, какъ въ саратовской въ мои времена, болѣе старыя и грубыя. Но М. Е. Лебедевъ упоминаетъ, что его товарищи все-таки сильно кутили. А потомъ еще—разница лѣтъ: когда я перешелъ въ реторику, изъ моихъ 122-хъ человѣкъ товарищей только четверо имѣли по 14 лѣтъ и только одинъ былъ 13 лѣтъ,—и мы смотрѣли на него, какъ на ребенка. Этотъ юноша кутилъ очень сильно и съ необычайнымъ усердіемъ выдѣлывалъ всякія молодецкія штуки; но все его ухарство было недостаточно, чтобы товарищи смотрѣли на него, какъ равнаго себѣ. Николай Александровичъ перешелъ въ реторику имѣя только 12 лѣтъ. Онъ дѣйствительно не могъ по своимъ лѣтамъ войти въ жизнь товарищей.

Дѣлаю эти замѣчанія для людей, не знакомыхъ съ семинарскими обстоятельствами, въ предупрежденіе недоразумѣній. Но для семинариста довольно было бы знать: отецъ—членъ консисторіи: въ гостяхъ у отца бываютъ важные чиновники, иногда заѣзжаетъ къ нему даже самъ архіерей; сынъ не пьетъ вина, и при переходѣ въ реторику имѣетъ только 12 лѣтъ,—ясно, что домашнее знакомство съ этимъ ученикомъ невозможно почти ни для кого изъ товарищей и участникомъ интимной жизни своихъ товарищей онъ не можетъ быть.

Возвращаемся къ запискѣ М. Е. Лебедева. Вотъ какъ онъ рассказываетъ объ отношеніяхъ Николая Александровича къ его бывшимъ товарищамъ по отъѣздѣ его въ Петербургъ.

«Въ его первыхъ письмахъ изъ Петербурга выражалось совершенное невниманіе къ красотамъ столицы, полное хладнокровіе къ нимъ, которое онъ замѣтно старался передать и тѣмъ, кто требовалъ отъ него подробныхъ описаній. А какъ у семинаристовъ водится описывать всякій городъ, куда метнется ихъ судьба учиться, то молчаніе Добролюбова было очень непріятно для его товарищей. Напало довольно людей, которые, несколько не сговариваясь между собой, прямо осудили его за то, что онъ корчитъ изъ себя ужъ очень умнаго человѣка, на котораго какъ будто не дѣйствуетъ никакая внѣшность. Упреки въ гордости, въ невнимательности къ товарищамъ и тому подобное посыпались отовсюду.... За то, безъ всякой просьбы съ ихъ стороны. Николай Александровичъ дѣлился съ знакомыми тѣми идеями, какія онъ встрѣтилъ или развилъ въ институтѣ; онъ высылалъ дѣльныя тетрадки выписокъ, печатные листы, по почтѣ, или съ вѣрными людьми, къ нѣкоторымъ знакомымъ, къ профессорамъ; онъ звалъ ихъ на честную благоую дѣятельность, рисовалъ имъ идеалы обязанностей, преимущественно священническихъ; въ пріѣзды въ Нижній онъ довершалъ такія сношенія лично.—Но всегда его хлопоты оставались безуспѣшны. Правда, онъ трогалъ, шевелилъ сердце, видѣлъ, что убѣждались его доводами; но большая часть возражала однимъ страхомъ и опасеніями за его будущность, совѣтовала бросить завиральныя идеи; очень немногіе, сознавая безсиліе, горевали съ нимъ гражданскимъ горемъ и никто не попробовалъ приложить разобранныхъ съ нимъ идей къ дѣлу... Были люди, которые послѣ выражали болѣе сочувствія питейному откупу.... Съ появленіемъ его въ литературѣ развилась въ семинаріи преимущественно гордость, похвальбы имъ: были упреки въ дерзости: задавались вопросомъ, чѣмъ-то онъ кончитъ;—болѣе нечего».

Въ первыхъ письмахъ Николая Александровича изъ Петербурга къ роднымъ видѣнъ тотъ же самый характеръ, которымъ обижались его товарищи.

Матери, отцу, двоюродному брату, теткам онъ точно также говорить, что описывать Петербурга онъ не хочетъ, что мало и смотрѣлъ на него, да и нельзя ясно изобразить Петербурга людямъ, не видавшимъ ничего, кромѣ Нижняго. Въ письмахъ къ роднымъ этотъ отказъ отъ описаній, конечно, уже не происходилъ отъ гордости. Дальше увидить читатель изъ словъ самого Николая Александровича, что онъ, собираясь ѣхать въ Петербургъ, не интересовался его зданіями, а занятъ былъ другими мыслями.

Факты объ успіяхъ Николая Александровича—пробудить своихъ нижегородскихъ товарищей къ лучшей умственной и гражданской жизни находятся между прочимъ въ дневникѣ, который велъ онъ нѣсколько времени въ началѣ 1857 г., когда былъ въ IV курсѣ Педагогическаго института.

Кромѣ этого дневника, мы нашли въ его бумагахъ другой дневникъ, веденный въ Нижнемъ, до отъѣзда въ Петербургъ. Помѣщаемъ его здѣсь почти весь, за исключеніемъ лишь немногихъ страницъ, лишенныхъ интереса ¹⁾).

Впрочемъ, мы не совсѣмъ правильно назвали дневникомъ эти записки, веденныя въ Нижнемъ-Новгородѣ: въ теченіи пятнадцати мѣсяцевъ Н. А. принимался за продолженіе начатыхъ мемуаровъ только 11 разъ. Сначала, какъ видно, онъ дѣйствительно хотѣлъ записывать каждый день, съ перваго же раза запустилъ время такъ, что уже поздно было даже и вспоминать день за днемъ. Потомъ онъ садился записывать только какъ будто по особннымъ случаямъ, когда происходила особенно важная новость въ его жизни. Вотъ начало дневника.

«1 января 1852 г.».

«Вотъ и еще одинъ годъ *«юркнулъ въ вѣчность!»* И еще годъ прошелъ, и еще годомъ сократилась жизнь моя. Грустно встрѣтилъ я этотъ годъ, котораго ждалъ я, можно сказать, съ нетерпѣніемъ. Много я надѣялся на него и отъ него... Но вотъ пришелъ онъ, и при самомъ вступленіи его, надежды мои разсыплются прахомъ. Грустно, невесело!... Тяжелый день провелъ я нынѣ. Теперь (12 часовъ вечера) на дворѣ «бушуетъ вѣтеръ, злится буря, свиститъ и воетъ и бурлитъ», и это довольно близко къ состоянію души моей. Я не сдѣлалъ нынѣ ничего добраго и полезнаго. Встрѣчая новый годъ, не хотѣлъ я спать всю ночь, но въ два часа «легъ полегать»,— не больше,—и задремалъ и уснулъ.... А свѣча осталась на столѣ непогашенная, а книга лежала раскрытая. Къ счастью, огарокъ былъ невеликъ, и, вѣроятно, скоро догорѣлъ и погасъ самъ собой. Впрочемъ, можетъ быть погасила и няня. Я не говорилъ объ этомъ ни слова, но цѣлое утро былъ въ какомъ-то смущеніи. Надѣялся-было я дѣла,—подумать я проснувшись, и прямо бросился въ другую комнату къ столу, свѣчѣ и книгѣ, и нашелъ все въ цѣлости, не мало былъ удивленъ и еще болѣе обрадованъ.... Потомъ я поздно пришелъ къ обѣднѣ, простоялъ у порога, сконфузился при исполненіи нелѣпой фантазій, пришедшей мнѣ въ голову—поздравить въ церкви А. Н. Ник...., которая мнѣ только кивнула на мое привѣтствіе, и ушелъ, не доставъ молебна. Потомъ вздумалось мнѣ идти поздравить мать крестную—Т. В. П.; я пошелъ, встрѣтилъ сухой пріемъ, проскучалъ лишніе полчаса въ жизни, былъ раздосадованъ

¹⁾ Весь онъ состоитъ изъ шести тетрадокъ, въ каждой по 8 страницъ; мы выпускаемъ изъ 48 страницъ около 14. Имена и фамиліи, напечатанныя здѣсь только одними начальными буквами, такъ и написаны у Н. А., конечно, только потому, что не было надобности писать вполнѣ имена, слишкомъ знакомыя. Ряды точекъ не обозначаютъ пропусковъ, сдѣланныхъ нами или находящихся въ самомъ дневникѣ, это просто привычка Н. А. ставить ряды точекъ въ отрывистой рѣчи. Съ такими безпрестанными рядами точекъ написаны все его статьи, и теперь мы видимъ, что манера писать такъ явилась у него очень рано. Пропуски, дѣйствительно сдѣланные нами, мы обозначимъ на своихъ мѣстахъ особыми оговорками.

невниманіемъ къ себѣ, получилъ порученіе, которое потомъ позабылъ исполнить, и не знаю еще—какъ отдѣляюсь!.... Дома оскорбилъ маменьку, но вскорѣ помирился. Въ половинѣ 6-го пошелъ къ одному изъ товарищей, хорошему знакомому В. В. Л.... просидѣлъ тамъ часа два ни скучно, ни весело, хотя смѣялся очень много.... Оттуда мнѣ чрезвычайно хотѣлось, необыкновенно хотѣлось побывать у постояльцевъ нашихъ Щ.... и поиграть тамъ съ ихъ прекрасными дѣтьми.... особенно одна.... Тамъ было бы такъ весело!... Все это думалъ я дорогой; но дома ждало меня достойное заключеніе этого чуднаго дня.... Нужно было случиться, чтобы у насъ въ этотъ день сбѣжала со двора папа корова.... Паленька и такъ нынѣ былъ довольно въ худомъ расположеніи духа, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ; но когда сказали ему объ этомъ, онъ окончательно разстроился; и пришедши домой, я засталъ его въ крайне-мрачномъ расположеніи, особенно потому, что это случилось въ новый годъ, и слѣдовательно предвѣщало несчастія въ будущемъ,—предразсудокъ, оказавшій однако сильное вліяніе на папашу. Къ вѣщему несчастью, мамаша съ старшей моей сестрой уѣхали къ А. И. Н. на вечеръ, папаша былъ одинъ, и я долженъ былъ подвергнуться непріятностямъ. Сначала папаша пожалѣлъ о коровѣ, побранилъ заочно работницу,—за дѣло!—и принялся писать свои дѣла.... Я подумалъ, что ждать мнѣ больше нечего, взялъ свѣчу и пошелъ къ себѣ въ комнату. Но папаша позвалъ меня къ себѣ и сказали, что «еслибъ я мало-мальски радѣлъ отцу, жалѣлъ его, еслибы у меня хотя немного было 'мозгу въ головѣ, то я занялся бы этимъ дѣломъ, а не оставилъ его безъ вниманія, будто мнѣ все равно, хоть все гори, все распрощади».... Послѣ этого нечего было ждать ласкового слова. Я-таки испугался предстоящей сцены, и поскорѣе, по приказанію папашы, сошелъ въ кухню и спросилъ кухарку объ успѣхахъ ея поисковъ, которые были совсѣмъ безуспѣшны. Узнавши это, я въ точности донесъ папашѣ. Онъ сталъ что-то говорить, и вдругъ, Богъ-вѣсть-какъ, разговоръ перешелъ ко мнѣ, и тутъ-то я долженъ былъ выслушать множество вещей, которыхъ теперь и не припомню въ подробности. Но только главный смыслъ ихъ былъ таковъ: «ты негодай; ты не радѣешь отцу, не смотришь ни за чѣмъ; не любишь и не жалѣешь отца: мучишь меня и не понимаешь того, какъ я тружусь для васъ, не жалѣя ни силъ, ни здоровья. Ты дуракъ, изъ тебя толку не много выйдетъ; ты учень, хорошо сочиняешь, но все это вздоръ. Ты дуракъ и будешь всегда дуракомъ въ жизни, потому что ты ничего не умѣешь и не хочешь дѣлать. Вы меня не слушаете, вы меня мучите; когда нибудь вспомните, что я говорилъ, да будетъ поздно. Можетъ, я не долго ужъ проживу. Отъ такихъ безпокойствъ, тревогъ и непріятностей поневолѣ захочешь умереть; лучше прямо въ могилу, чѣмъ этакъ жить. Ничего въ свѣтѣ нѣтъ для меня радостнаго; нигдѣ не найду отрады; весь свѣтъ—подлецъ; всѣ твои науки никуда не годятся, если не будешь умѣть жить. Умѣй беречь деньги; безъ денегъ ничего не сдѣлаешь; деньги,—охъ!—трудно достаются: надо умѣть, да и умѣть пріобрѣтать ихъ; какъ меня не будетъ, вы съ голоду всѣ умрете; никакія твои сочиненія тебѣ не помогутъ!... Изъ тебя ничего хорошаго не выйдетъ; хило-гнило, хило-гнило; не много въ тебѣ мозгу; а еще умнымъ считаешься»....—Все это, на разные манеры повторяемое, я слушалъ отъ 8 до 11 часовъ,—ровно три часа.... Каково это вынести? Не въ первый и не въ послѣдній разъ слышалъ я эти упреки, но нынѣ они особенно были тяжелы для меня. Они продолжались три часа; произносились не съ сердцемъ, не въ гнѣвъ, но очень спокойно, только въ необыкновенно мрачномъ и грустномъ тонѣ. Я не видѣлъ никакого повода къ такому обороту разговора, хотя большею частью и сознавалъ относительную справедливость высказываемыхъ замѣчаній. Но все это ничего-бы: особенно поразили меня упреки въ любви, нерадѣніи къ отцу, пророческія слова о томъ, что изъ меня ничего не выйдетъ; всего же болѣе эти жалобы на свои труды и безпокойства, на то, что не долго ему остается жить. Чуть не плачу и теперь, припоминая это. Однако мнѣ не хочется вѣрить, и я не смѣю вѣрить этимъ словамъ. Но когда папаша говорилъ, я не смѣлъ, я не могъ произнести ни одного слова, если онъ самъ не спрашивалъ меня: «такъ ли?»—на что я отвѣчалъ только: такъ-съ.... Я бы напелся, что сказать; но у меня не доставало духу говорить.... Не понимаю, что это такое. А папашѣ это видимо непріятно.... Но что же дѣлать? Не такъ, не такъ надо со мной говорить и обращаться, чтобы

достигнуть того, чего ему хочется. Нужно прежде разрушить эту робость, побѣдить это чувство приличія предъ роднымъ отцомъ, будто съ чужимъ, смирить эту недовѣрчивость, и тогда уже явится эта младенческая искренность и простота.... Впрочемъ, что винить папашу?—я виноватъ, одинъ я причиной этого. Должно быть я гордъ, и изъ этого источника происходитъ весь мой гадкій характеръ. Это впрочемъ, кажется, у насъ наслѣдственное качество. хотя въ довольно благородномъ значеніи.... Однако чудный денекъ! Всѣ такъ встрѣчаютъ новый годъ? Не правда ли?... Можно повеселиться!...

«8 января, 4 часа утра».

«Вотъ недѣля прошла новаго года, а я еще только разъ открывалъ мой дневникъ. А все эта неотразимая лѣнь, сильная своей «энергіей слабости». Она даже увѣрила меня, что въ эти дни нечего было записывать, и еще когда нибудь увѣрить, что въ моей ничтожной жизни вовсе нечего записывать. и потому дневникъ мой надобно прекратить... Но прежде, чѣмъ сдѣлать это, я спѣшу,—тѣмъ болѣе, что опоздалъ—извиниться передъ новымъ годомъ за мои несправедливыя нареканія, которыя я дѣлалъ ему и въ стихахъ и въ прозѣ. Право, онъ вовсе недурень, для начала. Годъ какъ годъ. Ничего особенно страшнаго. Немножко, правда, холоденъ: градусовъ 20, и выше съ 2 или 3 числа, стоитъ постоянно; но это еще не великая бѣда. Однако не мѣшаетъ припомнить что нибудь по порядку.

«2 числа, въ среду, корова нашла. Папаша успокоился, былъ очень веселъ. но за обѣдомъ все-таки, не помню по какому поводу, повторено мнѣ было извлеченіе изъ вчерашняго правоученія, съ особеннымъ удареніемъ на то. что во мнѣ мозгу нѣтъ. и съ припопненіемъ таковымъ, что, дескать, напрасно я написалъ огромную задачу, гдѣ напоролъ множество чухи, а между тѣмъ своего дѣла не знаю. Нужно сказать здѣсь, что передъ Рождествомъ я написалъ сочиненіе о мужахъ апостольскихъ. листовъ въ 35, опустилъ при этомъ нѣсколько казенныхъ задачъ и уже нѣсколько разъ мнѣ доставалось за это... Въ этотъ день вечеромъ ходилъ я къ Ник., относилъ книгу—«Письма Святогорца», взялъ 2-ю часть ихъ же; слышалъ тамъ, что у нихъ въ тотъ день былъ преосвященный. Я спрашивалъ, не говорилъ ли онъ чего о папашѣ, но сказали, что ничего не поминалъ. Когда я, пришедши домой, сказалъ объ этомъ папашѣ. онъ сказалъ: «ну, ужъ отъ Ник. не жди добра, опять чего нибудь напутаютъ, наговорятъ. Все зло, ежели я что получилъ, такъ отъ нихъ»... Вотъ подозрительность! Вотъ преувеличеніе! Жаль, что пишу я эти слова... У Н. видѣлъ я, между прочимъ, madame, приставленную къ дѣтямъ П. Л. Наз. Это что-то новое для меня. Но романамъ я представлялъ гувернантку именно такимъ несчастнымъ существомъ, какъ ее описываютъ; но это совершенно другое дѣло! Она жеманится, вакинчаеть, жалуется на угаръ, сердится. говорить: «я не могу», «я не хочу»; а ей все смотреть въ глаза, все за ней ухаживаетъ, все ей кланяется. Мнѣ кажется, она весь домъ заберетъ скоро въ свои руки, если ужъ не забрала ¹⁾).

«3 января. Въ четвертокъ была у насъ—«Ангель мой! Христось съ вами! Душка мой! Ангель мой!...»—К. П. З.—(Странная женщина!.. Нѣжна до приторности. чувствительна до обидчивости и слезливости, деликатна до сентиментальности. «Словечка въ простотѣ не скажешь: все съ ужимкой»... Разъ я игралъ съ ней въ карты... Возможности нѣтъ; только и слышишь: «позвольте мнѣ спашевать», или: «Николичка! ангель мой! Будьте такъ добры,—передайте мнѣ прикунку»... или: «а мнѣ повистовать позволите?..» И все съ такой раздражающей душу приторно-жеманной гримасой, такимъ разсыпавшимся шѣбнымъ голосомъ, съ такой кисло-сладкой улыбкой, что я едва удерживался, чтобъ не воскликнуть: «прошу тебя: не мучь меня!..» Часто она пишетъ письма къ папашѣ, такія же, какъ она сама: такъ и вѣтъ отъ нихъ К. П.—пою, какъ отъ аптеки лекарствами. Признаюсь, и впечатлѣніе они на меня производятъ такое же, какъ анте-

¹⁾ Здѣсь выпущено нами нѣсколько строкъ, говорящихъ о женитьбѣ одного изъ родственниковъ Н. А.

«16 января».

«(Вот какъ я лѣнивъ! Когда я дописалъ тотъ листъ, подъ рукою не было другого—я подѣился встать и вынуть его, и такимъ образомъ провелъ болѣе недѣли!.. Каково?..)»

ка. Начинаетъ она обыкновенно очень романтически, напримѣръ: «Хижина въ селѣ Борцовѣ»,—такъ называетъ она свой господскій домъ. Папашу обыкновенно зоветъ она въ письмахъ, вмѣсто—милостивый государь такой-то—«Всегда благородный и никогда незабвенный духовникъ мой!..» или: «Всегда мнѣ милый! Благодѣтель мой!..» Кромѣ того въ концѣ или въ началѣ каждаго письма пишетъ: «цалую драгоценнѣйшія ручки ваши, и дѣтей ангеловъ цалую». Весьма пріятная и образованная женщина!.. Впрочемъ мнѣ еще придется поговорить о ней... Она общала прислать мнѣ книгу «Апостолы», по духу очень похожую на нее. На другой день я получилъ эту книгу и прочиталъ уже. Дрянная книжонка какого-то г. Яковлева, впрочемъ очень хорошая для подобныхъ К. П. З. Можетъ быть авторъ на нихъ и рассчитывалъ».

Біографическая важность разсказа, относящагося къ 1 и 2-му января, видна сама собою. Разсказъ, относящійся къ 3-му января, показался намъ интереснѣе потому, что онъ показываетъ, какъ зорко подмѣчалъ 16-лѣтній семинаристъ пошлость въ людяхъ, кажущихся идеаломъ изящества для другихъ юношей того круга, въ которомъ воспитывался Н. А.—Велѣдъ затѣмъ идетъ мѣсто, разсказывающее намъ первый случай, или одинъ изъ первыхъ случаевъ, проявленія мечты объ университетѣ: судя по тону разсказа, надобно полагать, Н. А. уже и прежде думалъ объ этомъ, но еще не говорилъ ни съ кѣмъ:

«4 былъ я у Л. Ив. С. Заговорили о Н. А. В., отпраивившемся въ нынѣшнемъ году въ университетъ, и Л. И. сказалъ, что онъ пишетъ къ нему, что экзамень сдалъ хорошо и легко, что заниматься тамъ легче, чѣмъ даже въ семинаріи. А ужь чего легче заниматься въ семинаріи. Я нисколько не занимаюсь, и все-таки изъ первыхъ не выхожу. Я сказалъ, что и мнѣ хотѣлось бы поступить туда же. Л. И. даже обрадовался этому, очень охотно сталъ со мной говорить объ этомъ, самъ вызвался написать къ Н. А. о моемъ желаніи и сказалъ даже, что «онъ (то есть Н. А.) я программой можетъ послужить». Кромѣ того онъ давалъ мнѣ нѣсколько совѣтовъ, какъ вести себя въ семинаріи, чтобъ успѣть приготовиться и чтобы меня не стали удерживать въ семинаріи, и еще сказалъ: «нѣтъ ли изъ вашихъ прихожанъ кого нибудь знакомаго съ Погодинымъ? Онъ можетъ однимъ благосклоннымъ словомъ сдѣлать для васъ многое». Это надо принять къ свѣдѣнію. Мы разошлись, и Л. И. сказалъ, что мы еще объ этомъ потолкуемъ... Но послѣ я былъ у него раза два и намъ еще «потолковать» не удавалось... Впрочемъ съ тѣхъ поръ я началъ серьезно объ этомъ подумывать. Главное затрудненіе теперь въ томъ, что я плохо знаю языки: латинскій довольно хорошо, греческій плохо, нѣмецкій еще хуже, а французскаго вовсе не знаю. А учителя для меня теперь нельзя нанять, потому что я учусь на фортепіано, а платить двумъ учителямъ вдругъ тяжело... Впрочемъ, изъ чего можно, я готовлюсь».

Послѣ этого я пропускаю 11 страницъ, не заключающихъ въ себѣ ничего интереснаго ¹⁾. Последнія изъ этихъ выпущенныхъ страницъ писаны 22 февраля и содержатъ окончаніе разсказа о поѣздкѣ съ отцомъ въ гости къ дядѣ, бывшей 16 января, и о томъ, что 17 января Н. А. ходилъ смотрѣть съ хоръ залы благороднаго собранія на происходившіе тогда дворянскіе выборы. Это писано, какъ мы замѣтили, 22 февраля, —такимъ образомъ, Н. А. отсталъ слишкомъ на мѣсяцъ въ записываніи своихъ воспоминаній, и послѣ того на

¹⁾ Далѣе выброшена по той же причинѣ одна страница между тѣмъ, что написано 24 января и 15 марта 1853 г.

четыре мѣсяца бросилъ записываніе. Прямо за строками о 17-мъ января, писанными 22 февраля, слѣдуетъ:

«17 іюня».

«Пора возобновить забытый мой дневникъ, излить въ немъ новыя живыя впечатлѣнія, которыя я нынѣ получилъ. Да,—это стоитъ того, чтобы записать, и я займусь этимъ теперь же, пока еще не прошелъ первый пылъ моего восторга, который, надо замѣтить, проходить необыкновенно скоро. Оставляю всѣ свои воспоминанія и замѣтки: теперь не до нихъ, когда нибудь въ другое время. Я слишкомъ занятъ настоящимъ. Нынѣшній день я познакомился съ Иваномъ Максимовичемъ Сладкопѣевымъ¹⁾,—давнишнее мое желаніе и цѣль, къ которой я стремился съ пламенной ревностью, но которая никогда бы не была, вѣроятно, достигнута безъ особенно счастливаго стеченія обстоятельствъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Иванъ Максимовичъ послѣ пасхи нынѣшней сталъ учить у насъ нѣмецкому языку, вмѣсто П. А., который отказался по случаю опредѣленія своего въ попы къ Покрову. По этому случаю Иванъ Максимовичъ немного узналъ меня, особенно потому, что онъ уже познакомился съ папашей на свадьбѣ у Лебедъ... Потомъ женился товарищъ и бывшій другъ Ивана Максимовича, А. А. К., взявъ дочь Гордѣевского священника, въ которой-то степени родственнику моей тетускѣ, В. В. К.—Иванъ Максимовичъ былъ шаферомъ; тетюшка была на свадьбѣ: они познакомились. Послѣ того, какъ-то Иванъ Максимовичъ былъ и у нихъ, то есть у моего дядюшки Л. И. К. съ тетюшкою В. В., и тутъ-то и былъ разговоръ обо мнѣ. Тетенька, которой я упи прожужжалъ Иваномъ Максимовичемъ, сказала ему о моей чрезвычайной привязанности къ нему; Ив. Максимовичъ очень ловко отклонилъ отъ себя это довольно щекотливое обстоятельство, похвалилъ меня, заговорилъ о моихъ занятіяхъ, и сказалъ даже, что онъ бы желалъ со мною познакомиться. Все это было довольно давно; но онъ съ тѣхъ поръ не перемѣнилъ своего обращенія со мною, и на нѣмецкихъ классахъ не подавалъ ни малѣйшаго вида, что отличаетъ меня отъ другихъ. Поэтому я боялся или, лучше совѣстился—ни съ того, ни съ сего идти къ нему, и ожидалъ все, не представится ли случай обратиться къ нему, какъ къ наставнику. Но *таковаго* не представилось, и я все не былъ знакомъ съ нимъ, хотя и *пламенно* желалъ этого, то есть такъ *пламенно*, какъ только могу я желать: а у меня натура довольно холодная. Наконецъ представился довольно благовидный предлогъ, подъ которымъ я могъ явиться къ Ивану Максимовичу и по крайней мѣрѣ посмотрѣть, что изъ этого будетъ. Я спрашивалъ въ семинарской библиотекѣ книгу; мнѣ сказали, что она у Ивана Максимовича, что онъ взялъ ее очень давно и что я могу попросить эту книгу у него. Въ самомъ дѣлѣ—не было ничего проще, и къ кому нибудь другому я бы ни минуты не задумавшись сходилъ и взялъ. Но при мысли что нужно идти къ Ивану Максимовичу, мнѣ было, какъ-то неловко, какъ-то боязно, и я все не могъ рѣшиться сходить къ нему и вѣроятно не пошелъ бы вовсе, если бы не помогли тутъ особенныя счастливыя обстоятельства, которыя какъ-то вообще довольно ко мнѣ благосклонны, особенно во всемъ, что касается внѣшности. Въ самое время моего глубокаго раздумья, которое обыкновенно начиналось во мнѣ всякій разъ, какъ мнѣ было нечего больше думать,—моя тетюшка сообщила мнѣ о своемъ разговорѣ съ Иваномъ Максимовичемъ. Дядюшка сказалъ мнѣ о желаніи его, чтобы я пришелъ къ нему: а съ другой стороны П. А. В. какъ-то сообщилъ мнѣ, что идти къ наставнику и выпросить книгу, взятую имъ изъ семинарской библиотeki, нѣтъ ничего легче, что это дѣлается очень часто и вообще всѣмъ принимается какъ вещь самая обыкновенная. Я наконецъ рѣшился (надо замѣтить, что г. П. А. М. прежде отговаривалъ меня отъ этого, представляя, что это неловко); но рѣшившись, просѣбрался съ недѣлю и наконецъ нынѣ зашелъ къ нему почти нечаянно, почти не думая идти къ нему. Вотъ судьба! Впрочемъ некогда, некогда—спрятать скорѣе, завтра окончу рассказъ о своихъ похожденияхъ.

¹⁾ Это имя у П. А. написано сокращено, мы печатаемъ его вполнѣ. Мы не знаемъ, живъ ли г. Сладкопѣевъ: но если онъ живъ, пусть онъ знаетъ, какою привязанностью платилъ ему бывшій его ученикъ за то, что онъ обращался съ семинаристами по-человѣчески и не скрывалъ своихъ честныхъ мнѣній отъ молодыхъ людей, искавшихъ истины.

«11 ноября».

«Вот и завтра!.. Оно продолжалось до сих поръ, и теперь уже поздно описывать подробности моего знакомства съ нимъ, когда оно такъ неожиданно прерывается. Да, я съ нимъ познакомился, и даже наши отношенія достигли нѣкоторой короткости, но я былъ недостойнъ этого счастья, и оно улетѣло отъ меня. Теперь не будетъ вокругъ меня ни одной души, къ которой я чувствовать бы сердечную привязанность (исключая, разумѣется, ближайшихъ родныхъ—отца и матери), съ которой могъ бы отдохнуть въ веселомъ или умномъ разговорѣ отъ пустоты моей жизни... Боже мой! Люди пристращаются—къ красотамъ природы, къ картинамъ, статуямъ, деньгамъ, и они не имѣютъ препятствій для наслажденія ими. Всѣ эти вещи могутъ принадлежать имъ, быть ихъ неотъемлемной собственностью, если только не принадлежать всѣмъ, что также не мѣшаетъ всякому наслаждаться ими... Чѣмъ же виновать я, что привязываюсь къ человѣку, превосходнѣйшему творенію Божію? Чѣмъ я несчастливъ, что моя душа не любитъ ничего въ мірѣ, кромѣ такой же души? Ужели преступленіе то, что я инстинктивно отгадываю умъ, благородство, доброту человѣка, и, отгадавши, всѣми силами души моей привязываюсь къ нему? И за что же наказывать меня, за что отнимать у меня мое счастье, когда оно такъ чисто, невинно и благородно? Сколько ни имѣлъ я привязанностей, всегда злая судьба умчати отъ меня далеко любимый предметъ, и въ дупѣ—тоскливое воспоминаніе и горькое сознаніе своего отчаянія... Я рожденъ съ чрезвычайно симпатическимъ сердцемъ: слезы состраданности чаще всѣхъ вытекали бывало изъ глазъ моихъ. Я никогда не могъ жить безъ любви, безъ привязанности къ кому бы то ни было. Это было такъ, что я себя ни zapomню. Но эта постоянная насмѣшка судьбы, по которой всѣ мои надежды и мечты обыкновенно разлетались прахомъ, постоянно сунуть и охлаждаетъ мое сердце, и пьетъ ничего мудреннаго, что скоро оно будетъ и твердо и холодно, какъ камень. Вотъ хоть бы и теперь—что вдругъ понадобилось Ивану Максимовичу въ Тамбовѣ? Чѣмъ ему нехорошо здѣсь? Что за обстоятельство?... А между тѣмъ я страдаю, и еще какъ страдаю—тѣмъ болѣе, что мнѣ этого ни передъ кѣмъ нельзя выказывать: всѣ станутъ смѣяться. Я бываю только внутренно, и произношу тысячу проклятій.—Но какія проклятій, какія слова выразить то, что я чувствую теперь въ глубинѣ души моей! Я пробовалъ всѣ энергическія восклицанія русскаго народа, которыми онъ выражаетъ свои сильныя ощущенія, но все, что я знаю,—слабо, не выражаетъ... и я по прежнему взволнованъ, и по прежнему въ душѣ моей кипитъ и бурлитъ страшное безпокойство. Я теперь надѣлалъ бы чортъ-знаетъ что, весь міръ перевернулъ бы вверхъ дномъ, выпарапалъ бы глаза, откусилъ бы пальцы тому... ¹⁾ который подписалъ увольненіе Ивана Максимовича. Но, увы! это ни къ чему не поведетъ, и мнѣ остается только стараться смирить свои бѣшеные порывы... И еще считаютъ меня за человѣка малокровнаго, чуть не флегматика!.. Тогда какъ самыя пламенные чувства, самыя неистовыя страсти скрываются подъ этой духовной оболочкой всегдашняго равнодушія. Если бы мнѣ вдругъ сказали, что меня исключаютъ изъ семинаріи, это не поразило бы меня такъ, какъ извѣстіе объ отъѣздѣ Ивана Максимовича. О, какъ огромно это бѣдствіе, какъ незамѣнима моя потеря! Съ кѣмъ теперь могу я провести вечеръ такъ незамѣтно, такъ счастливо, какъ съ нимъ? Въ чѣмъ разговорѣ могу отвести я душу, забыться отъ этихъ легкихъ неудовольствій, составляющихъ несчастье моей жизни? Я никогда не повѣрялъ ему сердечныхъ тайнъ, не имѣлъ даже надлежащей свободы въ разговорѣ съ нимъ; но при всемъ томъ, одна мысль—быть съ нимъ—дѣлала меня счастливымъ, и послѣ свиданія съ нимъ, и особенно послѣ вечера, проведеннаго съ нимъ наединѣ, я долго-долго наслаждался воспоминаніемъ и долго былъ подъ вліяніемъ обаятельнаго голоса и обращенія. Что-то особенно привлекало меня къ нему, возбуждало во мнѣ болѣе, нежели просто привязанность—какое-то благоговѣніе къ нему. При всей короткости нашихъ отношеній, я уважалъ его, какъ не уважалъ ни одного профессора, ни самаго ректора или архіерея, словомъ,—какъ не уважалъ ни одного начальника. Ни

¹⁾ Здѣсь выпущено нами нѣсколько словъ.

одним словомъ, ни однимъ движеніемъ не рѣшился бы я оскорбить его; просьбу его я считалъ для себя закономъ. Вздумалъ бы онъ публично наказать меня, я послушался бы, перенесъ наказаніе, и мое расположеніе къ нему нисколько бы оттого не уменьшилось... Какъ собака я былъ привязанъ къ нему, и для него я готовъ былъ сдѣлать все, не разсуждая о послѣдствіяхъ. За него я стоялъ горой, и готовъ былъ возненавидѣть человѣка, который сталъ бы доказывать, что Иванъ Максимовичъ нехорошій человѣкъ. Но къ счастью этого никогда не случилось: его любили и хвалили всѣ. Его душа, благородная и высокая, во всѣхъ болѣе или менѣе возбуждала чувство любви и уваженія. Но, конечно, никто не любилъ его болѣе меня... Я слѣдилъ за каждымъ движеніемъ, подмѣчалъ каждое измѣненіе его голоса, и все въ немъ казалось мнѣ совершеннымъ, превосходнымъ... и вдругъ, о Боже мой!.. лишиться всего этого, лишиться такъ внезапно, такъ неожиданно! Какъ хотите—это жестоко, невыносимо... «О жизнь, жизнь», говорилъ онъ,—«чего-то въ ней не случается, куда-то не кидаютъ насъ обстоятельства!» Но онъ ѣдетъ на родину, къ друзьямъ и знакомымъ, онъ не оставляетъ здѣсь ничего, чтобы ему было особенно дорого—что ему? Побудетъ тамъ мѣсяцъ-другой, и позабудетъ всѣхъ нижегородцевъ, съ которыми онъ не успѣлъ еще сродниться. Да и что могло представиться ему интереснаго, достойнаго его вниманія? Все пошло, глупо, мелко, ничто не удовлетворяетъ порывовъ высокаго ума, глубоко чувствующаго сердца. Но я остаюсь безъ него, какъ въ пустынѣ безъ проводника и товарища, отъ меня онъ уноситъ лучшую половину души моей, также какъ уноситъ мои лучшія надежды и желанія. Ныѣшній вечеръ сидѣлъ я у него, и чудныя, непонятныя желанія томили меня... Голова моя горѣла; мнѣ хотѣлось—то расплакаться, то разбить себѣ черепъ, то броситься къ нему на шею, разцаловать его, разцаловать его руки, припасть къ ногамъ его. Съ грустнымъ отчаяніемъ смотрѣлъ я на него, наглядываясь, можегъ быть, въ послѣдній разъ, и никогда еще, казалось мнѣ, черные волосы его не лежали такъ хорошо въ чудномъ безпорядкѣ на головѣ его. никогда смуглое, мужественное лицо его не было такъ привлекательно, никогда въ темно-голубыхъ глазахъ его не отражалось столько ума, благородства, добродушія, и этого огня и блеска, въ которомъ высказывалась сильная и могучая душа его. Я мысленно прощался съ нимъ, и сердце мое надрывалось. И вотъ жизнь наша: были знакомые, въ хорошихъ отношеніяхъ, души наши сроднились нѣсколько, и вдругъ—нѣсколько сотъ верстъ разстоянія раздѣляютъ насъ, и мы ничего не знаемъ другъ о другѣ, и мы чужіе одинъ-другому, и пѣть между нами ничего общаго. Я даже не могу имѣть и послѣдняго утѣшенія разлучающихся—не могу просить отъ него тѣхъ «нѣсколькихъ строкъ», которыя такъ жадно получилъ бы я отъ него! Не знаю даже, станеть ли у меня духу высказать ему, какъ я былъ привязанъ къ нему, высказать хоть сотую долю истины? Господи! Неужели же мы разстанемся, какъ простые знакомые, которые случайно сошлись и должны разойтись также случайно? О не дай Господи! Даруй мнѣ силу открыть ему мое сердце, и ему вниманіе—выслушать меня, и олагосклонно принять мои признанія не съ легкимъ смѣхомъ, но хоть съ легкимъ чувствомъ!..

«19 ноября 1852 года».

«Онъ, наконецъ, окончательно простился со мной, кумиръ души моей, мой идеаль, мой добрый тені!... Коротко и неожиданно было для меня наше прощаніе, и я не успѣлъ высказать многого, что хотѣлъ сказать, и только едва успѣлъ выпросить у него позволенія—писать къ нему. Нынѣ послѣ класса я зашелъ къ нему,—нѣтъ дома. Посидѣвъ у подлѣвара въ больницѣ, я опять пошелъ къ нему, опять не засталъ, походилъ и побылъ еще въ больницѣ, и наконецъ нашелъ его дома. Онъ былъ нѣсколько разстроенъ, занимался сборами, на меня обращалъ очень мало вниманія, и наконецъ напившись чаю, онъ собрался идти на именины къ А. Е., въ послѣдній разъ провести вечеръ въ кругу нижегородскихъ знакомыхъ. Я пошелъ вмѣстѣ съ нимъ; дорога была очень перовная и скользкая, ночь очень темная, разговаривать было очень неловко. Однакоже я началъ-было что-то, надѣясь высказать ему очень многое, но вдругъ онъ сказалъ, что надо взять извозчика, крикнулъ: «извозчикъ!», тотчасъ же явился какой-то,

и только успѣлъ я сказать ему, «прошайте же, Иванъ Максимовичъ», онъ пожалъ мнѣ крѣпко руку, поцаловаль трижды, пожелалъ быть счастливымъ, но не такъ, какъ онъ, и сѣлъ въ сани. Тутъ я просилъ позволенія писать къ нему, хоть не отсюда, а изъ другаго мѣста. Онъ сказалъ, что ему «будетъ очень пріятно, и что отсюда ему будетъ еще интереснѣе, а ужъ если вы будете въ академіи, то разумѣется»... Потомъ онъ еще разъ сказалъ мнѣ: прошайте, пожалъ мнѣ руку, и скрылся изъ глазъ моихъ въ темнотѣ ночи.—Вотъ и прощанье наше! Мнѣ чрезвычайно грустно и какъ-то тяжело на сердцѣ, особенно потому, что я ему не высказалъ всего, что хотѣлъ высказать, и разстался съ нимъ просто, безъ всякихъ особенныхъ объясненій. Но я напишу къ нему.—Подожду мѣсяцъ, увѣрюсь окончательно, что мое теперешнее чувство не порывъ разгоряченнаго воображенія, не пустая фантазія, не обманъ сердца, и тогда выскажу ему все, что волнуетъ душу мою. Но чтобы навсегда была драгоценна для меня память его, я даю обѣщаніе предъ своею совѣстью ¹⁾... я рѣшительно хочу оградиться этимъ воспоминаніемъ, какъ щитомъ и покровомъ... Да и отъ какой низости и не удержитъ образъ этого благороднаго, мужественнаго, добраго и вполне умнаго человѣка?.. Во мнѣ всегда мысль о его достоинствахъ возбуждала благородное чувство и стремленіе къ подражанію, и я съ новой силой, съ новой энергіей принимался за дѣло, и умъ мой какъ будто прояснялся и терпѣніе возрастало, и все существо мое оживлялось и развивалось, и какое-то священное одушевленіе разливалось во мнѣ и поддерживало меня въ моихъ занятіяхъ. О, какъ жаль, что я теперь могу жить однимъ воспоминаніемъ, и что не можетъ теперь уже повториться вліяніе его на меня. столько благотворное для меня и дѣлавшее меня такъ счастливымъ, такъ веселымъ, такъ довольнымъ... Прощай—все!..».

Приостанавливаемся тутъ, потому что въ бумагахъ, оставшихся послѣ Н. А., нашелся отрывокъ, который надобно помѣстить здѣсь, въ дополненіе къ этой части дневника.

Нижній-Новгородъ,
31 дек. 1852 г.

М. Г.

И. М.

«Давно уже хотѣлось мнѣ злоупотребить дапнымъ вами позволеніемъ—писать къ вамъ. Но меня все удерживала мысль, что я долженъ купить это удовольствіе цѣною вашей скуки. Долго я не рѣшался; наконецъ придумалъ средство—удовлетворить потребности сердца, не докучая вамъ. Я рѣшился писать, и потомъ оставлять у себя написанное. Когда нибудь, можетъ быть чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ и черезъ нѣсколько лѣтъ, я передамъ вотъ эту тетрадку, и вы заразъ отдѣляетесь отъ всей этой скуки, если, разумѣется, захотите прочесть это писаніе. По крайней мѣрѣ я выскажу на бумагѣ то, чего никогда не рѣшался сказать вамъ на словахъ. А много еще, много хотѣлъ бы я сказать вамъ, много собирался открыть заветныхъ мыслей—обо мнѣ и о васъ... Судьба судила иначе, и я разстался съ вами, не успѣвъ, съ обыкновенной робостью моею, въ пять мѣсяцевъ знакомства съ вами, высказать даже того, сколько я былъ къ вамъ привязанъ. Но вы сами замѣтили это, и болѣе, нежели слѣшкомъ вознаградили меня: иначе, чему же приписать мнѣ ваше благосклонное вниманіе, ваше сближеніе со мною, который дорожилъ каждымъ вашимъ словомъ, старался подмѣчать каждый взглядъ вашъ?.. Благодарю васъ за все,—вотъ что только могу я сказать теперь; но что же вамъ моя благодарность, что моя привязанность? Вы не можете быть увѣрены, подобно мнѣ, что никто не любилъ и не уважалъ васъ столько, какъ я. Другіе, можетъ быть, умѣли сказать вамъ это прежде, а я рѣшаюсь говорить только теперь, когда не вижу васъ передъ собою, когда вы не видите плавающего лица

1) Здѣсь мы выбрасываемъ восемь строкъ, заключающихъ въ себѣ домашнія тайны, о которыхъ и не нужно и не интересно было бы знать публикѣ.

моего, не слышите дрожащего моего голоса... А какъ, бывало, хотѣлось иногда поговорить съ вами откровенно, со всѣмъ увлеченіемъ юношескаго сердца, со всѣми порывами, которые я такъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ! Иногда я даже заводилъ подобный разговоръ и дѣлалъ нѣсколько неясныхъ намековъ,—оставалось произнести нѣсколько рѣшительныхъ словъ, послѣ которыхъ рѣкою полились бы признанія,—но этого-то я и не могъ... Со мною сбывалось то, что говорить Огаревъ въ «исповѣди»,

«Что только лишь сказать хочу,
Какъ вдругъ въ лицѣ весь вспыхну,
Займется духъ, и я молчу
И головой поникну...».

Конечно, можетъ быть мои признанія навели бы на васъ скуку; но за то сколько былъ бы счастливъ я, счастливъ въ эти минуты тѣмъ эгоистическимъ счастьемъ, которое занимается только собою и не обращаетъ вниманія на другихъ, даже виновниковъ этого счастья. Но за то хоть теперь позвольте мнѣ рассказать вамъ отрывокъ изъ моей душевной жизни, именно о знакомствѣ съ вами. Простите мнѣ,—я знаю, что для васъ нисколько неинтересно знать, что думалъ и говорилъ о васъ одинъ мальчикъ изъ вашихъ бывшихъ учениковъ, который не имѣетъ теперь къ вамъ никакого отношенія; но говорю вамъ, что я пишу собственно для своего удовольствія, чтобы удовлетворить неодолимому желанію сердца, а не для того, чтобы сколько нибудь занять васъ. Еще разъ простите меня, пожалуй не читайте дальше; но я не могу не писать, не могу допустить мысли, что мы теперь совершенно чужды другъ-другу и что всѣ сношенія наши прерваны. Мнѣ стыдно, мнѣ жалко своего ничтожества предъ вами, я вполне чувствую, что беспокою васъ, надобно вамъ своимъ вздоромъ; но при всемъ томъ, что-то чудное, для меня самого неразгаданное, заставляетъ меня докучать вамъ. Иванъ Максимовичъ! будьте снисходительны ко мнѣ, какъ прежде, и простите юношеское увлеченіе, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше было отъ всѣхъ скрываемо!

И такъ:—какъ теперь помню я первую вѣсть и первый отзывъ о васъ, когда вы только еще пріѣхали въ нижегородскую семинарію. Въ двѣнадцать часовъ, шедши изъ класса, услышалъ я отъ одного изъ вашихъ тогдашнихъ учениковъ, что у нихъ въ классѣ былъ новый профессоръ—Сладкопѣвцевъ. При этомъ, не знаю почему, я тотчасъ спросилъ: да какъ же его зовутъ?—«Иванъ Максимовичъ», отвѣчали мнѣ.—Ну, что же, каковъ?—«Молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ: и уменъ, и благороденъ».—Изъ петербургской академіи?—«Изъ петербургской».—Надобно будетъ посмотрѣть. Каковъ онъ собой-то?—«Черенъ только очень, а то хорошъ».—Какъ нибудь надо увидать... Мы разошлись, и этимъ разговоръ кончился. И послѣ этого, повидимому, пустого разговора, я уже не могъ успокоится. Смутно я постигалъ что-то прекрасное въ этомъ соединеніи понятій: бронець, изъ петербургской академіи, молодой, благородный и умный... Не говоря уже объ умѣ и благородствѣ, надо замѣтить, что я особенно люблю бронецовъ, чрезвычайно уважаю петербургскую академію, я молодыхъ профессоровъ предпочитаю старымъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда увижу васъ, и во все это время я чувствовалъ что-то особенное... Чего ищешь, то обыкновенно скоро находишь: на слѣдующій же день я съ полчаса прогуливался по нижнему корридору, и дождался-таки васъ. Правду сказать, при моей близорукости, я не могъ хорошо разсмотрѣть вашей фізіономіи: но и одинъ бѣглый взглядъ на васъ достаточенъ былъ, чтобы произвести во мнѣ самое выгодное впечатлѣніе. И люблю эти гордые, энергическія фізіономіи, въ которыхъ выражается столько отваги, ума и мужества. Признаться, я нѣсколько ошибся тогда, признавши васъ существомъ гордымъ и недоступнымъ; но это было тогда полезно мнѣ тѣмъ, что я сталъ съ того времени считать васъ чѣмъ-то высшимъ, неприступнымъ, предъ чѣмъ я долженъ только благоговѣть и смиренно поглядывать вслѣдъ, жалѣя, что не могу взглянуть прямо въ глаза. И тѣмъ пріятнѣе было мнѣ послѣ разувериться, и тѣмъ совершеннѣе было мое счастье... Вскорѣ послѣ того разнеслась вѣсть о вашемъ поступкѣ съ учениками В. и С. Много было тогда шума, много толковъ по всей семинаріи... Боже мой! Сколько пересудовъ, сколько брани, сколько ожесточенныхъ угрозъ посылалось на вашу голову! Я не могъ

терпѣть этого: горой всталъ я за васъ, ссорился со всѣми, кто только могъ со мной ссориться, спорилъ, бросалъ на вашъ поступокъ взгляды философскіе, разсматривалъ его на основаніи закона христіанскаго, и рѣшительно не могъ найти въ немъ ничего предосудительнаго. И одинъ только голосъ отозвался вначалѣ на мои крики. голосъ Ив. Злат., извѣстнаго вамъ ученика вашего. Всѣ прочіе назвали насъ подлецами; а одинъ, считавшій себя моимъ другомъ, говорилъ даже мнѣ: «что ты, дескать, больно по новомъ-то ревнуешь? Противъ него теперь просто всѣ озлоблены; смотри, не попадись!»... Пожалуйста не безпокойся, говорилъ я ему; вотъ, посмотри, пройдетъ какойнибудь мѣсяцъ, и всѣ станутъ говорить то же, что я,—что лучше Ивана Максимовича не бывало профессора въ нашей семинаріи.—И дѣйствительно скоро всѣ заговорили иначе: вы умѣли привлечь къ себѣ этихъ озлобленныхъ учениковъ, отъ которыхъ ваша жизнь могла быть въ опасности, какъ увѣрялъ Л. Ив!.. Такова сила душевнаго превосходства надъ самыми грубыми людьми, каковы наши бурсаки!

«6 января 1853 года».

«Съ тѣхъ поръ три дня особенно замѣтилъ я въ своей памяти до дѣйствительнаго знакомства съ вами: 29 ноября 1851 и 23 января и 7 февраля 1852 года. Въ первый изъ этихъ дней вы приходили къ намъ на нѣмецкій классъ вмѣсто П. А., и спрашивали меня. Сколько мечтаній пробудилось тогда во мнѣ! Сколько надеждъ пріятно ласкали меня еще въ то время, когда я шелъ въ классъ! Теперь приноминаю я подобное нетерпѣніе и ожиданіе въ то время, когда, за годъ слишкомъ передъ тѣмъ, ждали въ Нижній великихъ князей Николая Николаевича съ Михаиломъ Николаевичемъ. Но то ожиданіе было ничто въ сравненіи съ нетерпѣніемъ, съ которымъ я ждалъ вашего прихода въ классъ!—Наконецъ вы явились ¹⁾ меня, заставили переводить; мы переводили о крестовыхъ походахъ; спросили кетати, въ которомъ вѣкѣ жилъ Григорій VII? Я не зналъ тогда этого и сказалъ, что въ XIII. Вы замѣтили мнѣ, что пѣтъ, и я сконфузился и покраснѣлъ, какъ сказавшій ужасную глупость и заслужившій отъ васъ невыгодное мнѣніе. Долго горѣлъ я отъ стыда, что показалъ предъ вами свое незнаніе, и только тогда немного успокоился, когда справившись увидѣлъ, что Григорій жилъ въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка. «Ну, еще это ничего» подумалъ я: «Иванъ Максимовичъ подумаетъ, что я какънибудь ненарочно смѣшалъ, одно столѣтіе ничего не значить». Такимъ образомъ, хоть ложными аргументами, я на этотъ разъ успокоился.

Въ другой разъ приходили вы къ намъ на латинскій классъ, 23 января 1852 г. Въ этотъ разъ вы также спрашивали меня переводить и замѣтили, что не пужно очень скоро читать, и что не въ этомъ состоитъ достоинство хорошаго чтенія. Это было для меня очень чувствительно, потому что дѣйствительно до этого времени я полагалъ, по крайней мѣрѣ частію, и въ этомъ достоинство хорошаго чтенія. По латинѣ я зналъ хорошо, и перевелъ тогда не дурно, но все-таки не отличился. А отличиться чѣмънибудь въ вашихъ глазахъ было необходимою потребностью души моей. Но отличиться было нечѣмъ. Тщетно искалъ я случая и возможности, тщетно придумывалъ разные глупыя средства. Здравый смыслъ всегда меня удерживалъ при однихъ предположеніяхъ. За то случай какъ-то представился самъ: я встрѣтился съ вами въ четвергъ на масляницѣ, 7 февраля 1852 г., въ корридорѣ. Не знаю, слышали ли вы чтонибудь обо мнѣ, знали ли моего напеньку, или просто такъ заговорили со мной, но вы заговорили, и я вдругъ исполнился какого-то восторга и, кажется, чрезвычайно поглупѣлъ и растаялъ.—Я снялъ фуражку предъ вами въ почтительномъ отдаленіи ²⁾, едва отвѣчая на вашъ вопросъ о томъ, гдѣ собрались ученики философіи. Вы замѣтили мнѣ, чтобъ я надѣлъ фуражку; но мнѣ казалось это нестерпимою дерзостью, и я продолжалъ

¹⁾ Здѣсь оторванъ уголъ листа, и мы не можемъ разобрать слова, первая половина котораго оторвалась; вѣроятно, что нибудь въ родѣ: «вызвали».

²⁾ Для незнающихъ семинарскаго быта замѣтимъ, что таково правило, котораго нарушать не дозволяется.

стоять безъ фуражки, ничего не отвѣчая, такъ что вы усомнились, есть ли со мной фуражка, и спросили меня объ этомъ. Наконецъ я рѣшился послушаться васъ въ этомъ случаѣ, — и это, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ весьма рѣдкихъ случаевъ, когда бы я не послушался васъ съ перваго слова. Потомъ вы начали говорить со мной такъ хорошо, но главное такъ ласково и откровенно, что я рѣшительно былъ внѣ себя отъ радости, и удовольствіе слушать васъ смѣшалось во мнѣ съ гордостью и самодовольствіемъ, оттого что я былъ и говорившій съ вами. Это были счастливыя минуты для меня.

«15 января 1853 г.».

«Но это была только заря благодатнаго дня. Послѣ этого слишкомъ четыре мѣсяца я не имѣлъ съ вами никакихъ отношеній, и не знали вы, проходя тогда мимо меня, съ какою любовью глядѣлъ я на васъ, какимъ участіемъ къ вамъ было наполнено это сердце. Я принималъ близко къ сердцу всякую перемѣну въ вашемъ положеніи, всякую, даже ничтожную вѣсть о васъ. Я, напримѣръ, страшился за васъ, когда слышалъ о вашемъ будто бы близкомъ знакомствѣ съ А. А. К., когда говорили мнѣ, что драгоценный нашъ О. П. невыгодно отзывался о васъ предъ архіереємъ, и т. п., радовался слыша о васъ хорошіе отзывы, когда, напримѣръ, васъ расхваливали всѣ ученики за первый экзаменъ, на которомъ вы были: когда моя тетюшка Варвара Васильевна восхищалась вашимъ умомъ и образованіемъ. Но особенно безпокоился я о васъ во время вашей двукратной болѣзни, когда такъ хорошо заставили васъ, еще не совершенно здороваго, явиться на небывалый экзаменъ передъ Рождествомъ. На святкахъ, я нѣсколько разъ приходилъ въ семинарію, чтобы спросить поддѣкаря Соколъ о вашемъ здоровьи, и не могъ довольно нарадоваться, когда узналъ, что вы выздоровѣли. Но что же было со мной, когда наконецъ я сошелся съ вами ближе?.. Но я не могу утерпѣть, чтобы не припомнить нѣкоторыхъ, скучныхъ для васъ, но интересныхъ собственно для меня, подробностей.

«Дѣло было такимъ образомъ. Мнѣ нужна была одна книжка «Христіанскаго чтенія» 1847 года, и я пошелъ въ бібліотеку. Хозяинъ бібліотеки Е. Понятовскій сказалъ мнѣ, что эта книга у васъ. Это представляло мнѣ прекрасный случай по крайней мѣрѣ побывать у васъ, и я рѣшился имъ воспользоваться. Но — увы! — рѣшительность моя тотчасъ исчезла, какъ только я пошелъ къ вамъ. Мнѣ представлялось это почему-то неловкимъ, дерзкимъ; я думалъ, что это можетъ быть непріятно для васъ. Съ половины дороги воротился я, и потомъ болѣе недѣли собирался сходить къ вамъ. Однажды встрѣтился вы мнѣ въ корридорѣ и я хотѣлъ спросить о книгѣ: но тотчасъ представилось мнѣ, что, «если П. М. скажетъ, что книги нѣтъ у него, — и только, то случай быть въ еѣ квартирѣ опять потерянь для меня, и можетъ быть невозвратимо». И хорошо, что не спросилъ я тогда. Наконецъ 17 юня я рѣшился... Съ какимъ трепетомъ отворилъ я заветную дверь: какъ билось мое сердце, когда, вошедши въ прихожую, услышалъ я шаги ваши въ смежной комнатѣ!.. Чуть слышнымъ дрожащимъ голосомъ объяснилъ я вамъ причину своего прихода и покраснѣлъ, когда вы сказали: нѣтъ... Съ смущеніемъ и сожалѣніемъ хотѣлъ уже я уйти, какъ вдругъ, — не скажу неожиданно, но вопреки моимъ расчетамъ, — вы пригласили меня посидѣть у васъ. Я давно уже мечталъ о знакомствѣ съ вами, и это была одна изъ любимѣйшихъ думъ моихъ; но я всегда я оставлялъ ее какъ мечту, несбыточную въ настоящемъ моемъ положеніи. Никакъ не полагалъ я, чтобы вы были столько снисходительны. Поэтому хотя ваше приглашеніе отвѣчало тайной мысли моего сердца, однако я съ удивленіемъ услышалъ ваши пріветныя слова, смѣшался еще болѣе, а счастье было такъ полно, что я не имѣлъ силъ притвориться, и остался у васъ, хотя самъ не понималъ хорошенько, что же изъ этого выйдетъ... Напрасно старался бы я описать весь тогдашній восторгъ мой, все счастье, которымъ я наслаждался, слушая васъ и смотря на благородныя черты лица вашего вблизи, такъ, что въ первый разъ тогда я хорошо разсмотрѣлъ васъ. Совершенно забывшись, внѣ себя отъ восторга, я часа четыре пробылъ у васъ, и уходя, не позаботился даже извиниться, даже не подумалъ, что я утомилъ васъ: я думалъ только о себѣ. Какъ великому счастью, какъ великой милости

судьбы, радовался я тому, что могъ услужить вамъ, оставивши у васъ книжку «Современника». Притомъ, это открывало мнѣ возможность продолжать вперед свои посѣщенія... Давно не радовался я такъ искренно и полно, какъ въ тотъ день.

«Къ сожалѣнію я недолго пользовался своимъ счастьемъ: черезъ мѣсяцъ наступили вакаціи, и вы уѣхали. Но прежде этого случилось еще одно обстоятельство, которое также надолго останется для меня памятнымъ. Это было на экзаменѣ. Спрашивали по вашему предмету: сидѣли вы и Андрей Егорычъ. Вызвали меня, и досталось мнѣ читать по психологіи о памяти: статья очень знакомая и простая сама по себѣ, но очень запутанная и отрывистая въ нашихъ лекціяхъ. Я сталъ читать, остановился, снова принялся, опять всталъ и сбился. А. Е. сидѣлъ какъ пень и что-то отыскивалъ въ конспектѣ. Вы мнѣ и давали вопросы и возраженія, и поправляли и выручали меня. Но о. ректоръ замѣтилъ, что я не твердо читаю, и спросилъ А. Е.: есть ли у меня память. При всемъ томъ, что я былъ въ довольно непріятномъ положеніи, не могъ я не улыбнуться, когда А. Е. вдругъ всталъ, вытаращилъ глаза на ректора, потомъ на меня, заикнулся и высунулъ языкъ... Такъ онъ и простоялъ, да промышчалъ что-то; вы же замѣтили, что у меня болѣе развитъ разсудокъ. Не знаю, хотѣли вы только выручить меня, или въ самомъ дѣлѣ подмѣтили во мнѣ эту черту, но только вы сказали правду, и я въ ту же самую минуту пожелалъ только, чтобъ ваши слова были искренни.—Въ этотъ же день вы еще разъ показали свою внимательность ко мнѣ, когда меня спросили изъ латинскаго языка. Изъ нашего отдѣленія меня вызвали первого, а между тѣмъ ректоръ хотѣлъ продолжать то же, что переводили ученики перваго отдѣленія. Я не могъ найти мѣста, о. ректоръ разсердился и хотѣлъ отослать меня, не спросивши; А. Е. забился куда то въ уголь: къ счастью, вы были тутъ: тотчасъ дали вы мнѣ въ руки свою книгу, указали мѣсто, и я сталъ переводить вмѣстѣ съ вами. За этотъ разъ я благодаренъ былъ вамъ, чуть ли не больше, чѣмъ за первый: тамъ не такъ досадно было срѣзаться, потому что уроковъ я дѣйствительно не училъ; но не отвѣтить изъ латинскаго языка, при хорошемъ знаніи его, было бы уже особенно досадно. Не смотря на ваше заступленіе, я былъ очень недоволенъ этимъ экзаменомъ и особенно сокрушался о томъ, что вы будете уже нехорошаго мнѣнія о моихъ познаніяхъ... Но и эта мысль на другой же день была почти совсѣмъ уничтожена вами: вы такъ снисходительно отозвались о моемъ отвѣтѣ такъ хорошо успѣли оправдать меня, что я совершенно успокоился на этотъ счетъ...

«Не удалось мнѣ проводить васъ въ іюль мѣсяцъ на родину... Черезъ нѣсколько минутъ послѣ вашего отъѣзда вошелъ я въ вашу опустѣлую квартиру, пожалѣлъ, что не засталъ уже васъ, поговорилъ о васъ подъякаремъ Соголовымъ, отъ всего сердца пожелалъ вамъ мысленно счастливаго пути и благополучнаго возвращенія, и грустно пошелъ домой, раздумывая, что лучше было бы, если бы вы здѣсь остались... Да, лучше было бы!.. Лучше,—можетъ быть вы и сами съ этимъ согласитесь»...

Теперь, милостивые государи, называвшіе нашего друга человѣкомъ безъ души и сердца,—теперь честь имѣю обратиться къ вамъ, и отъ имени моего, отъ имени каждаго прочитавшаго эти страницы, въ томъ числѣ и отъ вашего собственнаго имени,—да, и вы сами повторяете себѣ то, что я говорю вамъ,—теперь имѣю честь назвать васъ тупоумными глупцами. Вызываю васъ явиться, дрянные пошляки,—поддерживайте же ваше прежнее мнѣніе, вызываю васъ...

Вы смущены? Вижу, вижу, какъ вы пятитесь.

Помните же, милые мои, что напечатать имена ваши въ моей волѣ и что съ трудомъ удерживаю я себя отъ этого.

Продолжается дневникъ Николая Александровича:

«24 января 1853 года».

«Сегодня минуло мнѣ 17 лѣтъ, и потому я хочу написать что нибудь въ моихъ запискахъ, или memoires какъ я называлъ ихъ годъ тому назадъ. Не знаю, что мнѣ писать здѣсь, но, по обыкновенію моему, думаю заняться разсмотрѣніемъ прошедшаго года въ отношеніи ко мнѣ. Но для этого надобно подумать, а я ничего не помышлялъ объ этомъ до сего часа... Начну съ этихъ записокъ. Хотя передо мной и нѣтъ теперь первыхъ листовъ ихъ за прошлый годъ, но я помню ясно, что въ тотъ годъ я хуже писалъ: нынче у меня рука тверже, и какъ-то размашистѣе пишу я. Во-вторыхъ, я припоминаю, что въ началѣ прошлаго года я записалъ споръ свой и поражение В. С. ¹⁾; теперь я иначе смотрю на это, и мнѣ стыдно, что обратилъ вниманіе на подобную мелочь. Нынче подобныхъ вещей со мной было уже съ десятокъ, но я не внесу ихъ сюда. Вотъ другое пріобрѣтеніе, довольно важное.—Потомъ, тогда я все собирался ѣхать въ университетъ и между тѣмъ ничего не дѣлалъ; нынче мои предположенія опредѣленнѣе, и я готовлюсь ихъ выполнить. Тогда мнѣ представлялось, что въ университетѣ лучше учиться, чѣмъ въ академіи. Но я считалъ тогда совершенно излишнимъ думать о томъ, что будетъ по окончаніи курса; теперь я подумалъ объ этомъ и нашелъ, что разница между тѣмъ и другимъ самая малая, а между тѣмъ сберегается въ 4 года около 1000 р. сер.—вещь немаловажная. Кромѣ того замѣтно даже мнѣ самому (впрочемъ это не диво: я люблю наблюдать за собой), что я сдѣлался гораздо серьезнѣе, положителнѣе, чѣмъ прежде. Бывало, я хотѣлъ все исчислить, все понять и узнать; науки казались мнѣ лучше всего, и моей *страстью къ книгамъ* я хотѣлъ доказывать,—для себя самого,—безкорыстное служеніе и природное призваніе къ наукѣ. Нынѣ я въ своихъ мечтахъ не забываю и деньги и, рассчитывая на славу, рассчитываю вмѣстѣ и на барыши, хотя еще не могу отказаться отъ плана—употребить ихъ опять таки для пріобрѣтенія новой славы. Страсть мою къ книгамъ я не называю нынче влеченіемъ къ наукѣ, а настоящимъ ея именемъ, и вижу въ ней только признакъ того, что я большой библіофилъ, потому что я люблю книги, какого бы рода онѣ ни были, и стараю желаніемъ, увидя книгу, не узнать то, что въ ней написано, но только узнать, что это за книга, какова и проч. Самому чтенію какой бы то ни было книги я большею частію предаюсь только для удовольствія сказать себѣ: я читалъ то и то; эта, и другая, и третья, и десятая книга мнѣ извѣстны... Поэтому-то я такъ люблю нынѣ читать журналы и преимущественно отдѣлы библіографіи и журнальныя замѣтки. Недавно присоединилось сюда и другое побужденіе: я читаю иное для того, что это пригодится на приемномъ экзаменѣ. Далѣе пока я не простираюсь. Литературныя цѣли мои достигаются пока только записываніемъ, списываніемъ и писаніемъ. Кстати замѣчу, что въ декабрѣ прошлаго года послалъ я 12 стихотвореній своихъ въ редакцію «Сына Отечества», принявъ поэтическое имя Владиміра Ленскаго. Нынче я уже не объявлялъ никакихъ требованій,—не то что въ ноябрѣ 1850 г., когда я просилъ отъ редакціи «Москвитянина» 100 рублей, общая прислать 40 плохихъ стихотвореній. Это давно лежитъ у меня на совѣсти; и если когда нибудь выведутъ на чистую воду, то я не знаю, что еще можетъ быть для меня стыднѣе этого?.. Писалъ я также три статейки для Нижегородскихъ Вѣдомостей; по одну цензоръ не пропустилъ,—невиннѣйшую статью—о погодѣ; другія двѣ, кажется, сгибли у редактора, по крайней мѣрѣ я доселѣ остаюсь для нихъ, т. е. онѣ для меня остаются во мракѣ неизвѣстности. Но это все пока вздоръ; гораздо важнѣе для меня пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ положительныхъ познаній, кой-какой павыкъ—малый—въ нѣмецкомъ языкѣ и большая установленность или твердость взгляда и убѣжденій. Въ началѣ прошлаго года, я какъ-то все сбивался: хотѣлъ походить на Печорина и Тамирина, хотѣлъ толковать, какъ Чацкій, а между тѣмъ представлялся какимъ-то Вихляевымъ и особенно похожъ былъ на Шамилова.

¹⁾ Этотъ споръ дѣйствительно записанъ былъ подъ 9 января 1852 г.; на стр. 16 дневника; но онъ не интересенъ и потому мы его не напечатали.

Изображеніе этого человѣка глубоко укололо мое самолюбіе, я устыдился, и если не тотчасъ принялся за дѣло, то по крайней мѣрѣ созналъ потребность труда, пересталъ заноситься въ высшія сферы, и мало по малу исправляюсь теперь. Конечно, много здѣсь подѣйствовало на меня и время, но не могу не сознать, что и чтеніе «Богатаго жениха» также способствовало этому. Оно пробудило и опредѣлило для меня давно спавшую во мнѣ и смутно понимаемую мною мысль о необходимости труда, и показало все безобразіе, пустоту и несчастье Шамиловыхъ. Я отъ души поблагодарилъ Писемскаго. Кто знаетъ,—можетъ быть онъ помогъ мнѣ, чтобы я со временемъ лучше могъ поблагодарить его!.. Нужно замѣтить еще одно пріятное пріобрѣтеніе: я освободился наконецъ отъ вліянія В. Л.—аго. Вообще, степенью моего уваженія и расположенія къ этому человѣку я измѣряю мои нравственные и умственные успѣхи. Было время, я какъ-то боялся его: замѣчалъ каждое его слово, которое могло имѣть отношеніе ко мнѣ, не смѣлъ противорѣчить его мнѣніямъ, любилъ выставять себя предъ нимъ съ хорошей стороны и пр. Нынѣ я уже не имѣю къ нему столько уваженія, не смѣюсь его островамъ, свободно могу высказывать при немъ свое мнѣніе, не боюсь показывать ему свои сочиненія, говорить съ нимъ о томъ, что я дѣлаю, смѣяться надъ тѣмъ, чѣмъ онъ восхищается, и уважать то, надъ чѣмъ онъ смѣется. Только еще, какъ памятникъ давно прошедшаго, осталось во мнѣ желаніе говорить съ нимъ о моей душевной жизни, и удовольствіе—пересказывать ему все, что встрѣтится мнѣ смѣшнаго. Но надѣюсь скоро избавиться и отъ этого. Чудное дѣло, какъ подумать, что значить школьный товарищъ. Не сойдись бы я съ нимъ,—я увѣренъ, что мое развитіе пошло бы совершенно иначе. Я-то на него, конечно, не имѣлъ вліянія; но онъ на меня—довольно значительное. Не могу еще рѣшить, хорошо или худо было это вліяніе, но оно состояло воть въ чемъ: онъ научилъ меня, по природѣ серьезнаго, смѣяться надъ всѣмъ, что только попадаетъ на глаза; онъ заставилъ меня, человѣка довольно основательнаго и медленнаго, смотрѣть на предметы поверхностно, произносить о нихъ сужденіе, посмотрѣвши только форму и не касаясь содержанія: изъ ума моего онъ сдѣлалъ остроуміе, изъ презрѣнія ко многому—насмѣшку надъ этимъ многимъ, изъ внимательности—находчивость. Быть можетъ, это мнѣ и пригодится; но теперь это дурно, не говоря уже о томъ, что отъ этого страдаетъ теперь мое необытное самолюбіе. Но довольно о немъ; обращусь къ другому человѣку, другому знакомому прошлаго года, который успѣлъ оставить во мнѣ самое чистое, самое сладостное воспоминаніе. Это—Иванъ Максимычъ! Я уже писалъ здѣсь о моей къ нему привязанности. Теперь могу только прибавить, что она не уничтожается съ теченіемъ времени, какъ я опасался, а продолжается все такъ же, какъ и прежде. Даже теперь я какъ будто все болѣе и болѣе начинаю понимать его, какъ будто въ отдаленіи онъ представляется мнѣ въ большемъ свѣтѣ, и я лучше могу разсмотрѣть превосходныя черты великой души его. Положа руку на сердце, говорю, что я не знаю никого лучше Ивана Максимыча, безъ всякихъ исключеній. Великость моей къ нему привязанности я могу выразить воть чѣмъ. Отъ природы добрый, но нестерпимо гордый, я не отвѣчаю обыкновенно на оскорбленія (разумѣется, дѣйствительное оскорбленіе, а не на шутку какую нибудь или неосторожное слово) но мое молчаніе продолжается очень надолго, если не навсегда. Точно также,—если я замѣчу, что меня принимаютъ слишкомъ сухо и презрительно, я перестаю туда ходить и послѣ того не внимаю первому зову. Это у меня случается даже съ родными. Но въ отношеніи къ Ивану Максимычу, я чувствую совершенно не то. И смѣло говорю, что еслибъ онъ меня обидѣлъ.—еслибъ случилось такое несчастье,—то я заплакалъ бы отъ досады на себя, надѣлалъ бы кучу непріятностей другимъ; но ничего худаго не подумалъ бы объ Иванѣ Максимычѣ. Напротивъ, я постарался бы заслужить отъ него прощеніе въ томъ, что могъ заслужить отъ него упрекъ, могъ довести его до оскорбленія,—его, который такъ великодушенъ, такъ высоко—благороденъ. Если бы онъ не захотѣлъ принимать меня, то я, отложивъ гордость въ сторону, пришелъ бы къ нему со слезами умолять его, чтобы онъ позволилъ мнѣ снова наслаждаться его бесѣдой... Многіе не поймутъ въ этомъ ничего; но человѣкъ, имѣющій въ себѣ гордость, пойметъ изъ этого всю великость моей привязанности. А что я не лгу—свидѣтель въ этомъ совѣсть моя. Что я не обманываюсь—свидѣтель

мой разсудокъ, который, кажется, довольно уже окрѣпъ и довольно ясно различаетъ ложь отъ истины, по крайней мѣрѣ въ своей душѣ.—Я хотѣлъ еще записать кое-что; но это воспоминаніе такъ хорошо, этотъ предметъ такъ прекрасенъ для меня, что на немъ хочу я окончить нынѣшній день, съ желаніемъ, чтобъ и ночью посѣтило меня во снѣ мое прелестное видѣніе, мой идеалъ въ образѣ Ив. Максимича.

«15 марта 1853 года».

«Совершились желанія. Давно задуманное и жданное исполнено! что же я такъ равнодушенъ, что же такъ холодно принялъ извѣстіе объ окончаніи моего дѣла? Или я привыкъ уже къ этой мысли, или сомнѣніе, все еще тревожащее меня, препятствуетъ мнѣ радоваться исполнѣ? Или я даже разочаровался?.. Не знаю; я еще не разберу хорошенько своихъ чувствъ и мыслей касательно этого предмета. Вѣрно только то, что чувствъ, мнѣ кажется, совѣмъ нѣтъ, а мыслей, непосредственно сюда относящихся, также немного... Однако замѣчу здѣсь все, что нужно, и разскажу исторію моего дѣла.

Августъ и сентябрь прошлаго года были бурны для моей душевной жизни. Во мнѣ происходила борьба, тѣмъ болѣе тяжелая, что ни одинъ человѣкъ не зналъ о ней во всей ея силѣ. Конечно,—я не проводилъ ночей безъ сна, не проливалъ ведрами слезъ, не стоналъ и не жаловался, даже не молился; потому что подобныя выходки не въ моемъ характерѣ, а молиться—сердце мое черство и холодно къ религіи, а я тогда даже и не заботился согрѣть его теплотой молитвы. Это самое, вѣроятно, дѣлало еще тяжелѣе борьбу мою. Я совершенно опустился, ничего не дѣлалъ, не писалъ, мало даже читалъ... Что-то такое тяготило меня и, указывая на всю суету мірскую, говорило: къ чему? Что тебя здѣсь ожидаетъ? Тебѣ суждено пройти незамѣченнымъ въ твоей жизни, и при первой попыткѣ выдвинутся изъ толпы, обстоятельства какъ ничтожнаго червя раздавить тебя... И ничего ты не сдѣлаешь, ничего не можешь ты сдѣлать, несмотря на всю твою самонадѣянность, и припоминался мнѣ жолчный стихъ Лермонтова:

«Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой!..»

«А между тѣмъ все дѣло было очень просто, причины такого состоянія очень нехитрыя.—Мнѣ непременно хотѣлось поступить въ университетъ. Папенька не хотѣлъ этого, потому что при его средствахъ это было невозможно. Но онъ не говорилъ мнѣ этого, и представлялъ только невыгоды университетскаго воспитанія, и превосходство академическаго. Тогда этого рода доказательствами меня невозможно было убѣдить: я былъ непоколебимо увѣренъ, что если могу гдѣ нибудь учиться въ высшемъ заведеніи, то это только въ университетѣ. Но между тѣмъ я видѣлъ ясно, что для моего отца дѣйствительно очень трудно, почти невозможно было содержать меня въ университетѣ. Конечно, будь я порѣшительнѣе, я бы объяснилъ, что хочу этого, и что проживу тамъ на 50 цѣлковыхъ въ годъ, только бы учиться въ университетѣ. Но я не хотѣлъ и не могъ этого; рѣшительнаго объясненія не было, а во мнѣ кровь кипѣла, воображеніе работало, разсудокъ едва сдерживалъ порывы страсти. Счастье или несчастье мое, что у меня нѣтъ крѣпкой воли!.. А то бы надѣлалъ я дѣла. Теперь же случилось такъ, что, по пословицѣ—«сила есть, да воли нѣтъ»,—и все дѣло окончилось тѣмъ, что я раза три поговорилъ съ родными, такъ грустно и жалобно, съ такимъ отчаяннымъ видомъ,—который однакожъ никого не тронулъ,—походилъ нѣсколько времени, повѣся носъ, помурлыкалъ про себя Кольцова:

«Долго ль буду я
Сиднемъ дома жить?..»

да

«Путь широкій давно...»

да изъ Лермонтова:

«Не вѣрь себѣ...»

«Въ минуту жизни трудную...»

да еще изъ Баратынскаго:

«Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найти...»

«Жутко было мнѣ тогда; но наконецъ папенька сказалъ, что мое желаніе выполнить невозможно, что тысячу рублей ассигнаціями въ годъ онъ мнѣ опредѣлить не можетъ, а меньше нельзя. Больше онъ слушать ничего не хотѣлъ, какъ ни увѣрялъ я его, что половины этой суммы для меня слишкомъ достаточно. И какъ только сказали, что этого нельзя, я успокоился, потому что добиваться невозможнаго я никогда не стараюсь. И стихи Гёте:

«Невозможное возможно
Человѣку одному...»

не для меня писаны.

«Но при всемъ томъ, я не могъ помириться съ мыслью—остаться еще на два года въ семинаріи, гдѣ ученіе было очень незавидное.—Благородный отзывъ Ивана Максимовича о петербургской академіи рѣшилъ дѣло: ему первому сообщить я мысль отправиться туда; онъ сказалъ: «хорошо», и его одобренія было для меня очень довольно, чтобы начать дѣло. На это дѣло папенька согласился легче; не было возраженій о трудности учиться, ни о возможности поступить туда; сказано было только нѣсколько словъ о моей молодости, но я представилъ, что молодому еще легче учиться, и дѣло было сложено. До отъѣзда еще Ивана Максимовича, я могъ уже (въ началѣ ноября) сообщить ему, что я рѣшился непременно ѣхать въ петербургскую академію. Превосходный этотъ человѣкъ съ участіемъ принялъ мои слова, далъ нѣсколько совѣтовъ и даже проговорилъ прошеніе, которое я долженъ былъ подать графу Протасову, такъ что я написалъ теперь прошеніе почти съ его словъ. Въ декабрѣ началъ приставать уже къ папенькѣ, чтобы сходить къ нашему о. ректору и спросился его. Но въ декабрѣ не собрались, а въ январѣ начали уже возникать сомнѣнія насчетъ выгодъ и пользы ученія въ петербургской академіи. Думали и сомнѣвались, рѣшались и передумывали, ходили къ ректору, не заставляли его дома и опять раздумывали цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ 3-го февраля папенька сходилъ къ ректору, тотъ одобрилъ и мое желаніе, и меня самого. Въ этотъ же вечеръ написалъ я просьбу къ графу Протасову, оберъ-прокурору святѣйшаго синода; но долго еще лежала она безъ употребленія; наконецъ получилъ я приказаніе переписать ее, и 18 февраля папенька снова ходилъ къ о. ректору, показалъ просьбу и ректоръ нѣсколько поправилъ ее. 19 февраля папенька пошелъ къ архіерею, и просилъ также его благословенія на это дѣло. Преосвященный Іеремія принялъ даже участіе въ этомъ дѣлѣ и приказалъ принести къ нему просьбу, обѣщая послать ее отъ себя. 24 февраля папенька принесъ къ преосвященному мое прошеніе, онъ посмотрѣлъ и сказалъ: «хорошо; подавайте».—Папенька удивился такому обороту дѣла и сказалъ: «ваше преосвященство! эта просьба написана на имя графа; не прикажете ли переименовать и написать на ваше имя»? Тогда преосвященный еще посмотрѣлъ прошеніе и сказалъ, что «если ужъ такъ, то нужно подать просьбу еще на мое имя. Вы уже подайте отъ своего имени». 26 числа, въ четвертокъ, на масленицѣ, папенька подалъ преосвященному просьбу къ нему о моемъ желаніи, приложивъ и мое прошеніе къ оберъ-прокурору. Въ это время былъ у преосвященнаго и отецъ-ректоръ семинаріи, они поговорили между собой, и преосвященный сказалъ моему отцу: «ваше желаніе будетъ исполнено». 27 числа, на другой день, архіерей сдалъ мое дѣло въ семинарское правленіе съ резолюціей: «представить мнѣ семинарское правленіе справку о его поведеніи и успѣхахъ обстоятельную». На первой недѣлѣ дѣлами преосвященный не занимался и потому эта справка, состоящая изъ моего аттестата, подана была ему уже 9 марта. 10 онъ сдалъ все дѣло въ консисторію, чтобы тамъ нѣкто Городковъ заготовилъ отъ него письмо обо мнѣ къ графу.

Въ этотъ же день вечеромъ моя просьба была еще разъ переписана, потому что нашлась въ ней ошибка и каплюшка саломъ. 11 марта черновое письмо подано къ преосвященному, и онъ, исправивъ его, снова далъ въ консисторію переписать. 12 марта переписали и подали ему, 13 отослали съ отходящей почтой въ С.-Петербургъ. Вотъ моя исторія, не длинная и не важная. По окончаніи дѣла мнѣ бы слѣдовало радоваться, а я очень равнодушенъ. Правду сказать, я и теперь еще не увѣренъ въ превосходствѣ академическаго образованія, и мысль поступить въ университетъ не оставляетъ меня. Впрочемъ это по обстоятельствамъ. Главнымъ образомъ соблазняетъ меня авторство, и если мнѣ хочется въ Петербургъ, то не по желанію видѣть сѣверную Пальмиру, не по разсчетамъ на превосходство столичнаго образованія: это все на второмъ планѣ, это только средство. На первомъ же планѣ стоитъ удобство сообщенія съ журналистами и литераторами. Прежде я безотчетно увлекался этой мыслью, а теперь начинаю подумывать, что

«То кровь кипить, то силъ избытокъ...»

Надежда на журналистовъ для меня очень плоха, потому что, не доучившись годъ въ семинаріи, я въ академіи долженъ буду заниматься очень сильно, и времени празднаго у меня не будетъ, и притомъ я не знаю новыхъ языковъ, слѣдовательно переводное дѣло уже не по моей части, а иначе какъ начать?.. Подумаешь, подумаешь, пишешь стихотвореніе:

«Мучать сомнѣнія душу тревожную...»

и потомъ опять какая-то апатія нападаетъ на душу, какъ будто это до меня и не касается. Одна надежда на премудрый промыслъ поддерживаетъ меня. Съ тѣхъ поръ, какъ благодѣтельная увѣренность въ благи и неунышной заботливости о насъ Божіей посѣтила меня, мнѣ кажется, что я даже несравненно легче снесу, если меня и прогонятъ назадъ въ Нижній изъ академіи. Этого я также имѣю причины опасаться, хотя и не теряю надежды сдать хоть кое-какъ пріемный экзаменъ. Много теперь нужно мнѣ трудиться, необычайная энергія требуется, чтобы поддержать себя, а между тѣмъ я какъ будто и не думаю объ этомъ, и едва-едва, потихоньку, принимаюсь готовиться. А тутъ еще классные уроки, задачи и пуще всего надѣждающіе классы, особенно о. П., драгоцѣннаго моего инспектора и бездѣннаго преподавателя догматическаго богословія, присловьями Цицерона и Квинтилиана, съ анекдотами (Суворова и Балакирева, съ допотопными понятіями о наукѣ и литературѣ, и при всемъ этомъ съ совершеннымъ отсутствіемъ здраваго смысла, съ пустѣйшей головой, съ отвратительной претензіей на подлое (плебейское) остроуміе и наконецъ съ положительной бездарностью преподаванія!.. Скоро ли-то я избавлюсь отъ этого педанта, глушца изъ глушцовъ?.. А что, ежели придется воротиться къ нему?..»

Этими словами кончается послѣдняя страница мемуаровъ, начатыхъ 1 января 1852 года.

О поступленіи П. А. въ Педагогическій институтъ и объ институтской его жизни прислалъ въ редакцію «Современника» слѣдующую статью г. Радо-нежскій, бывший товарищемъ Николая Александровича:

«Въ августѣ 1853 года, за Обводнымъ каналомъ въ Петербургѣ, противъ зданія духовной академіи, въ бѣдномъ трехъоконномъ домикѣ служителя Александро-Невской лавры, встрѣтилъ я въ первый разъ Николая Александровича на его квартирѣ, какъ теперь помню, съ исторіею Смарагова въ рукахъ. Какъ онъ, такъ и я, и много другихъ семинаристовъ только-что пріѣхали въ Петербургъ, съ цѣлю поступить въ духовную академию...

«Въ то время, о которомъ я говорю, въ квартирѣ Добролюбова было человѣкъ пять такихъ кандидатовъ на академиковъ... Семинаристы во всей неприкосновенности...

въ столицѣ... предъ рѣшительными днями вступительныхъ экзаменовъ, имѣвшихъ рѣшить наше: «быть или не быть»—поддержать или уронить предъ академическимъ трибуналомъ честь своихъ семинарій, въ лицѣ нашемъ пославшихъ, каждая изъ своего разсадника, по одному лучшему экземпляру изъ своихъ развитыхъ растений, на окончательную пробу,—всѣ мы, еще названные между собою, собранные во едино волею начальства, робко выражали другъ-другу свои надежды и опасенія, говорили о томъ, когда какой экзаменъ, по какому предмету, строгъ ли тотъ или другой экзаменаторъ, и въ то же время каждый изъ насъ читалъ пытливымъ глазомъ на лицахъ товарищей-соперниковъ степень ума, развитія, подготовленности, жадно вслушиваясь въ каждое слово другаго... Что до меня,—я съ перваго взгляда на свѣжее, молодое (Добролюбову въ то время было семнадцать лѣтъ) слегка румяное лицо Николая Александровича,—на очки, придававшіе его умной, строгой фizioноміи какую-то оригинальную смѣлость, отличилъ его отъ прочихъ... Особенно мнѣ бросились въ глаза очки на носу семинариста, по моему тогдашнему убѣжденію, такъ дерзко нарушавшіе законы скромной семинарской, а тѣмъ болѣе академической моды,—законы, по духу которыхъ носшеніе очковъ, пальто, сюртуковъ и панталонновъ, сшитыхъ не по казенной мѣркѣ семинарской, означало либерализмъ, заподозривало въ тенденціяхъ свѣтскихъ ¹⁾, далеко несогласныхъ съ идеаломъ истиннаго воспитанника семинаріи и тѣмъ болѣе воспитанника, избраннаго быть впоследствии, по выходѣ изъ академіи, наставникомъ духовнаго юношества...

«Впечатлѣніе на первый разъ Добролюбовъ произвелъ на меня *особенное*, не жели всѣ другіе, видѣнные также въ первый разъ, будущіе мои товарищи.—«Какая умненькая фizioномія!.. не даромъ очки носить (не знаю, почему *очки это* доказывали)... еще такой молоденькой... Ужели и онъ въ академію?..» размышлялъ я. И мнѣ тотчасъ же захотѣлось познакомиться съ очками...

«— Вы изъ какой семинаріи?

«— Изъ нижегородской...

«— Ваша фамилія—позвольте?

«— Добролюбовъ.

«— Надѣюсь, также въ академію? пыталъ я.

«— Да... отвѣчалъ мнѣ какъ-то неохотно Добролюбовъ. Потомъ онъ повернулся къ окну, взглянулъ за каналъ на фасадъ академическаго зданія, какъ разъ противъ оконъ его квартиры.—«Смотрите», прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ мало скрытою ироніею и указывая глазами на академію: «въ академіи *тринадцать оконъ*, это что-то плохой знакъ... Я едва ли буду держать экзаменъ тамъ... Боюсь...

«И дѣйствительно, Добролюбовъ экзамена въ академіи не держалъ. Онъ могъ это сдѣлать; потому что пріѣхалъ на свой счетъ и потому жилъ на своей квартирѣ. Я и многіе другіе, присланные на казенный счетъ и потому жившіе уже въ академіи, должны были сдавать страшные экзамены... Въ то время, когда мы держали экзамены, въ академіи пронесся слухъ, что нижегородскій студентъ (претенденты на академиковъ звались уже тогда студентами) держитъ отлично экзаменъ въ Педагогическомъ институтѣ. Черезъ нѣсколько времени и самъ Добролюбовъ зашелъ въ академію къ намъ, уже испытаннымъ неудобства затворнической жизни (прежде чѣмъ мы получили права адептовъ), и объявилъ, что онъ удачно кончилъ свои экзамены въ институтѣ... Я вмѣстѣ съ другими, не обольщенными прелестями предстоявшей намъ жизни и карьеры, помню, отъ души позавидовали счастью Добролюбова...

«Наконецъ и наши экзамены въ академіи кончились. Перекликаны были имена *избранныхъ*, потомъ имена *только* званыхъ. Въ числѣ, кажется, пятнадцати именъ послѣднихъ, я скоро услышалъ и свое...

«Тогда же четверо изъ насъ «попеченныхъ назадъ академиковъ», какъ тогда мы себя и насъ называли другіе, отправились на квартиру къ Добролюбову...

¹⁾ Эти *наружныя* тенденціи были причиною испустуленія многихъ въ число академическихъ студентовъ въ наше время... Л. Р.

— «И прекрасно: господа,—поступайте въ институтъ, утѣшаль насъ Добролюбовъ.—И тамъ не сладко, но по крайней мѣрѣ не будемъ сидѣть за 13 окнами...

«Въ тотъ же день мы, оскорбленные и униженные, поѣхали искать счастья въ институтъ...

«Насъ тамъ, сравнительно съ строгимъ академическимъ приѣмомъ, очень вѣжливо и ласково встрѣтилъ бывший тогда инспекторъ института А. Н. Тихомандритскій, поговорилъ съ каждымъ изъ насъ, далъ намъ необходимыя инструкціи, какъ приступить къ *новому*, еще болѣе рѣшительному экзамену... На другой день мы экзаменовались въ институтѣ, а черезъ нѣсколько времени намъ было объявлено, что мы приняты—мы спасены...

«Горькія, отчаянныя чувства убитости, униженія, испытанныя многими очень незаслуженно, отъ своей alma mater—академіи духовной, въ насъ быстро исчезли передъ восторгомъ отъ сознанія возстановленнаго самолюбія судомъ *свѣтскимъ*,—судомъ людей, которые въ глазахъ нашихъ стояли много выше, по своему образованію, нашихъ прежнихъ экзаменаторовъ. О радость! мы—студенты института,—мы, отверженные, неизвѣстно за что, нашею матерью! ¹⁾»

«Правда, много горя мы испытали и въ институтѣ; но что это горе въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ ожидало, если бы мы вернулись опять въ семинарію?!

«Вскорѣ по приѣмѣ въ институтъ, студентовъ, вновь принятыхъ, размѣстили по камерамъ. Насъ, «попаяченныхъ академиковъ», какъ тогда насъ называли другіе студенты, записавшихся на одинъ филологическій факультетъ, помѣстили всѣхъ въ одну камеру, гдѣ къ великому моему удовольствію я прочелъ въ спискѣ студентовъ этой камеры, повѣшенномъ на стѣнѣ, и имя Н. Добролюбова, подчеркнутое рукою директора. А противъ фамиліи Добролюбова написано: «старшій»—тою же рукою. Старшимъ Добролюбова у насъ сдѣлали потому, что онъ отлично держалъ экзаменъ по всѣмъ предметамъ, исключая математики и физики и французскаго языка. Съ французскимъ языкомъ Добролюбовъ уже познакомился въ институтѣ на второмъ году совершенно основательно по роману: *Mystères de Paris*. Цѣлыхъ два мѣсяца, не выпуская изъ рукъ, носился онъ съ «Парижскими Тайнами» и наконецъ-таки одолѣлъ многотомный романъ.

«Съ перваго дня нашей институтской жизни и до послѣдняго, я въ камерѣ сидѣлъ рядомъ за однимъ столомъ съ Николаемъ Александрычемъ. Мнѣ было интересно слѣдить за ходомъ занятій его, скоро пріобрѣвшаго надъ своими товарищами большое вліяніе... Скоро всѣ товарищи Добролюбова убѣдились въ его превосходствѣ надъ собою. Какъ у словесниковъ, у насъ часто заходили споры о литературѣ. Въ этихъ спорахъ скоро Добролюбовъ показалъ и свою начитанность, какую было трудно представить въ семинаристѣ, и силу горячаго убѣжденія, и недовѣрчивости къ словамъ съ кафедръ... Все это дало намъ возможность замѣтить въ Добролюбовѣ раннюю самостоятельность. Помню, всѣ мы какъ-то неохотно приступали къ славянской филологіи... Добролюбовъ съ первой же лекціи Н. Н. Срезневскаго полюбилъ и предметъ и профессора. Профессоръ впоследствии самъ горячо полюбилъ своего слушателя и, не въ примѣръ прочимъ, иногда звалъ его на лекціи по имени и отчеству ²⁾».

«Добролюбовъ владелъ особеннымъ искусствомъ на лету схватывать мысль профессора, и записывалъ такъ, что записки его по всѣмъ предметамъ, въ продолженіе всего курса служили источникомъ, откуда каждый студентъ, обязанный поочередно составлять лекціи профессору, бралъ все необходимое. Черезъ годъ Добролюбовъ дошелъ до такого умѣнья записывать профессорскія лекціи, что не опускалъ въ нихъ ничего существенно важнаго, успѣвалъ еще пародировать иную лекцію. Эти пародіи иногда со смѣхомъ читались въ аудиторіяхъ и дортуарахъ...

¹⁾ «Въ академіи балловъ, полученныхъ нами на приѣмномъ экзаменѣ, не читали, и намъ доселѣ неизвѣстно, почему такъ рѣшили нашу судьбу».

²⁾ Въ институтскомъ дневникѣ Н. А. есть много теплыхъ словъ о г. Срезневскомъ, у котораго былъ онъ принятъ, какъ домашній, въ послѣднее время институтскаго курса. Н. Ч.

«Если не всѣ любили Добролюбова, не всѣ соглашались съ нимъ, то положительно говорю—всѣ его уважали. Смѣло можно сказать: всѣ мы, его товарищи, обаяны многимъ и многимъ Николаю Александровичу, какъ студенту, отъликовавшемуся на все, за всѣмъ современнымъ слѣдившему. Большая часть изъ насъ у него искали разъясненія на многіе вопросы, съ которыми не могли сами совладѣть. Много было рѣзкаго въ его приговорахъ; но эти убѣжденія *его* были *свои*,—этотъ пылъ, эта искренняя откровенность—были всегдашнюю неизмѣнную принадлежность благородной натуры незабвеннаго Добролюбова, горячо оскорблявшагося всѣмъ, что, по его убѣжденію, не было добро и правда...

«Какъ-то вечеромъ, часовъ въ десять послѣ ужина, сидѣли мы въ своей камерѣ за столомъ: Добролюбовъ, я, и еще три студента. Добролюбовъ читалъ что-то, сдвинувши на лобъ очки. Является отъ знакомыхъ одинъ студентъ нѣкто N, считавшій себя аристократомъ между нами голышами, какъ помѣщикъ... N сталъ рассказывать одному студенту новости: будто бы носятся слухи объ освобожденіи крестьянъ (это было въ началѣ 1857 года). Передавая этотъ слухъ, N выразилъ отъѣнокъ неудовольствія, какъ помѣщикъ... Добролюбовъ, не переставая читать, доселѣ довольно покойно слушалъ рассказъ N. Но когда N сказалъ что подобная реформа еще не довольно современна для Россіи, и что интересъ его личный, интересъ помѣщичій, черезъ это пострадаетъ,—Добролюбовъ поблѣднѣлъ, вскочилъ съ своего мѣста и неистовымъ голосомъ, какого я никогда не слыхалъ отъ него, умѣвшаго владѣть собою, закричалъ: «господа, гоните этого подлеца вонъ! Вонъ, бездѣльникъ! Вонъ, безчестье нашей камеры!..» И выраженіямъ страсти своей и нѣва Добролюбовъ далъ полную волю...

«Добролюбовъ, при отличныхъ способностяхъ, владѣлъ какимъ-то особеннымъ тактомъ въ занятіяхъ. Довольствуясь записываніемъ лекцій въ аудиторіи, онъ никогда не терялъ времени на «*черную*» работу, т. е. на переписку, на составленіе лекцій, на репетиціи, какъ большая часть студентовъ. Онъ читалъ, читалъ всегда и вездѣ, по временамъ внося содержаніе прочитаннаго (хотя онъ и безъ того хорошо помнилъ) въ имѣвшуюся у него толстую въ алфавитномъ порядкѣ писателей библиографическую тетрадь. Въ столѣ у него было столько разнаго рода замѣтокъ, рѣдкихъ рукописей, тетрадей, корректуръ, держа которыя въ первое время онъ зарабатывалъ себѣ конфику,—въ шкапѣ столько книгъ, что и ящикъ въ столѣ и полки въ шкапѣ ломились... Но что бы Добролюбовъ ни дѣлалъ, какимъ бы серьезнымъ и срочнымъ трудомъ ни занимался, всегда онъ съ удовольствіемъ оставлялъ занятіе для живаго разговора, откровенной бесѣды, которыя при его участіи, начинались литературою или профессорскими лекціями, всегда сводились на вопросы житейскіе... Онъ еще и тогда относился къ этимъ послѣднимъ слишкомъ строго для 17-тилѣтняго юноши... Направленіе таланта Добролюбова, впоследствии такъ ярко обнаруженное имъ въ напечатанныхъ статьяхъ, прорывалось еще очень рано.

«Если не ошибаюсь, въ февралѣ 1855 года я отправился въ лазаретъ. Въ лазаретѣ я нашелъ Добролюбова здоровымъ. Онъ по вечерамъ тамъ что-то писалъ и записывался иногда далеко за полночь. Я полюбопытствовалъ спросить: «что ты пишешь, Николай?..»

«— А вотъ слушай. И онъ мнѣ прочелъ отрывокъ изъ предполагаемаго романа. Отрывокъ этотъ составлялъ первыя главы. Въ нихъ, помню, дѣло шло о *воспитаніи* двухъ мальчиковъ. Одинъ изъ нихъ былъ аристократенокъ—маленькинъ сыночекъ, другой пріемышъ—соединенный братъ, служившій компаньономъ барченку. Мнѣ особенно памятли тѣ страницы, гдѣ авторъ говорилъ о деспотическихъ отношеніяхъ перваго къ послѣднему,—и сцена, гдѣ мальчикъ пріемышъ-сирота однажды отдалъ встрѣченной имъ на улицѣ дѣвушкѣ-нищей, босой, съ окровавленными ногами, свои сапоги, за что барыня-мать больно высѣкла своего пріемнаго сына... Я долго слушалъ этотъ рассказъ, полный горячаго сочувствія къ сиротѣ, и читанный Добролюбовымъ съ большимъ одушевленіемъ... На глазахъ у меня навернулись слезы... Потомъ эти мальчики были отданы въ одно заведеніе учебное, вмѣстѣ учились, кончили курсъ удачно.—Барченочъ жилъ и учился съ протекціей... Сирота—самъ собою, безъ помощи, всегда въ борьбѣ

съ нуждою и людьми, подъ влияніемъ чего характеръ послѣдняго выработался симпатичный, твердый, самостоятельный. Чтеніе, помню, конечно было (тутъ же былъ и конецъ рукописи будущаго большаго романа) на томъ мѣстѣ, когда эти два героя начинаютъ служебную карьеру, какъ и слѣдовало ожидать, различными путями. Маленькій сыночекъ поступаетъ подъ крыло какого-то директора департамента, а сирота самъ гдѣ-то находитъ для себя мѣсто... Заглавія этого романа мнѣ тогда Добролюбовъ не сказалъ, вѣроятно и самъ еще не зналъ, какъ его назвать; но замѣтилъ мнѣ, что пишется легко, что вовсе не такой трудъ, какъ онъ прежде думалъ, писать повѣсти... Кажется, этой повѣсти или романа покойный Добролюбовъ такъ и не кончилъ.

«Когда Добролюбовъ кончилъ чтеніе, я спросилъ: «ужели ты, Николай, способенъ писать романы? Я считалъ тебя болѣе серьезнымъ...»

«Недаромъ у меня ничего и не выходитъ. «Воображенія» у меня вовсе нѣтъ. Я, замѣчаешь, резонерствую, а это скверно... Впрочемъ, покажу Чернышевскому, что онъ скажетъ,»—отвѣчалъ мнѣ Добролюбовъ.

«На той же недѣлѣ онъ отправился, кажется, съ неоконченною повѣстью къ Чернышевскому. Послѣ того, онъ мнѣ передать результатъ литературнаго консилиума. «Чернышевскій мнѣ положительно сказалъ, чтобы я не совался въ беллетристику, что я пишу не повѣсть, а *критику* на сцены, мною *придуманныя*...» Это слова буквально-подлинныя Добролюбова.

«Сейчасъ приведенный фактъ очень важенъ въ жизни Добролюбова, какъ рѣшительный толчокъ, давшій литературному призванію его окончательное направленіе критическое...»

«Первые два года пребыванія въ институтѣ у Добролюбова были отравлены двойнымъ ужаснымъ горемъ. Изъ частной переписки его въ то время съ родными, и особенно съ матерью, видно было, что онъ питалъ къ ней нѣжливѣйшую привязанность. Родители, въ свою очередь, до старости любили своего перваго сына и баловали его, какъ ребенка. Часто, бывало, Добролюбовъ получалъ съ почты присылаемые изъ дому, изъ Нижняго-Новгорода, конфеты отъ матери, которыми онъ послѣ ужина угощалъ своихъ товарищей. Однажды, вечеромъ, Добролюбовъ получаетъ отъ отца письмо за черною печатью, извѣщавшее о смерти любимой имъ матери, которая скончалась отъ родовъ. Это ужасное извѣстіе такъ сильно подѣйствовало на Добролюбова, что всѣ товарищи приняли участіе въ его горѣ, и, кажется, этотъ ударъ много имѣлъ влияния на самыя завѣтныя убѣжденія дорогаго нашего товарища...

«— За что такъ строга судьба? сказалъ онъ мнѣ однажды, перечитывая печальное письмо.—Матушка моя была такъ религіозна... такъ набожна... и такъ необходима малолѣтней семьѣ нашей... Зачѣмъ было отнимать ее у насъ?.. Поневоля задумаешься...

«Не успѣла еще зажить, да едва ли и зажила когда эта рана въ сердцѣ Добролюбова, какъ новая, не менѣе глубокая, нанесена была судьбою его любящему сердцу.

«Въ 1854 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, послѣ экзаменовъ, мы втроемъ отправились на каникулы по желѣзной дорогѣ, *«вѣтеть съ волгами»*, какъ выразился Добролюбовъ,—т. е. на тяжеломъ поѣздѣ, до Твери. Въ Твери мы сѣли на пароходъ, съ тѣмъ, чтобы отправиться по Волгѣ; я въ Ярославль, еще товарищъ въ Кострому, а Добролюбовъ—въ Нижний. Всю дорогу нашъ Николай Александровичъ былъ какъ-то особенно печаленъ. Къ тому же, онъ помѣтился на палубѣ, и его буквально испекло жаркимъ іюньскимъ солнцемъ. На пароходѣ съ нами ѣхали два болгарскихъ монаха; онъ съ ними всю дорогу проговорилъ о болгарскомъ языкѣ, о жизни болгаръ... Оттого ли, что у Добролюбова не было денегъ, или онъ не хотѣлъ ихъ тратить, или ему наскучила дорога, или не было хорошо здоровъ, или его томило недоброе предчувствіе—не знаю; но онъ всю дорогу грустилъ, ничего почти не ѣлъ и не пилъ въ продолженіе двухъ сутокъ... Послѣдствія оправдали его чуткую грусть; дома на этихъ каникулахъ постигло его семью новое горе.

Въ концѣ августа, на обратномъ пути изъ дома въ Петербургъ, я встрѣтилъ Добролюбова на желѣзной дорогѣ, уже ѣхавшаго на этотъ разъ съ какимъ-то баринномъ-землякомъ во II классѣ.

— Что новаго у васъ, Николай, въ Нижнемъ?

«— Отецъ умеръ,» отвѣчалъ онъ.

«Въ холодномъ тонѣ отвѣта, сказаннаго Добролюбовымъ съ язвительною улыбкою, мнѣ послышалось проклятіе, посланное судьбѣ... Да, онъ смѣялся, сообщая мнѣ эту грустную новость, но такъ смѣялся, что меня покорило.»

«Эти грустные семейныя обстоятельства, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, имѣли сильное вліяніе на Николая Александровича. Съ этой минуты его душа навсегда простилась съ мечтами... и жизнь, жизнь со всею ея реальностію стала предметомъ его изученія.»

«Я, помню, восхищался при покойномъ только-что тогда напечатаннымъ въ «Современникѣ» «Пахаремъ» Григоровича. Добролюбовъ съ жаромъ принялся доказывать всю несостоятельность повѣсти, съ особеннымъ напоромъ указывая на идеализацію, съ которою авторъ описалъ послѣднія минуты умирающаго пахаря...»

«Я любилъ «стишки, иногда напѣвалъ романсы... Однажды, въ минуту пѣвучаго настроенія, я запѣлъ, въ присутствіи Добролюбова, какой-то романсъ...»

«Радонежскій! перестанешь ли ты сердечные романсы напѣвать? Ужели ты не имѣешь въ запасѣ для пѣнія чего нибудь получше? На вотъ пой...» И Добролюбовъ сунулъ мнѣ стихотворенія Некрасова.—«Оставь, пожалуйста, любовь и цвѣты, пой «жизнь»—или плачь: это одно и то же,—ну, свисти!.. Пѣсня, иногда пѣтая мною: «Не слышно шуму городского», особенно нравилась Добролюбову, и онъ, вообще не-любившій пѣнія, очень часто просилъ меня ее пѣть и всегда слушалъ съ особеннымъ вниманіемъ.»

«Покойный Николай Александровичъ не любилъ мишуръ нигдѣ и ни въ чемъ, не любилъ рисоваться, и всегда ратовалъ противъ наряднаго черезъ-чуръ мундира, особенно ловкаго поклона, заискивающаго разговора, подобострастнаго отношенія къ кому бы то ни было... На тапцклассѣ, куда онъ являлся въ четыре года можетъ быть пять разъ, смѣшилъ танцмейстера своею неловкостію, и мудростей кадрили французской не постигъ...»

«Во время коронаціи, студентамъ института были присланы двѣ ложи даровыя въ Александринскомъ театрѣ. Бросили жребій, кому изъ студентовъ ѣхать. Добролюбову и мнѣ достались также мѣста. Давали «Парашу Сибирячку» и еще что-то. Въ одной изъ нихъ игралъ покойный Максимовъ. Во время дѣйствія, за нѣкоторые монологи, вызывали Максимова послѣ того, какъ онъ кончалъ свое явленіе. Максимовъ имѣлъ привычку выходить раскланиваться и, разумѣется, своимъ выходомъ нарушать художественную иллюзію... Въ то время, когда всѣ хлопали являвшемуся на вызовъ Максиму, хотя, по ходу дѣйствія, явленіе его не слѣдовало,—Добролюбовъ вставалъ съ своего мѣста и, высунувшись изъ ложи, кричалъ громко: «невѣжа, лакей!»—шпикалъ и свисталъ. (То же было съ Добролюбовымъ, когда Максимовъ въ другой разъ при немъ игралъ Чацкаго). И всегда потомъ, если заходила рѣчь объ Александринскомъ театрѣ, онъ ругалъ Максимова...»

«Добролюбовъ не скрывалъ никогда и ни къ кому своей антипатіи. Въ выраженіяхъ о нелюбимомъ лицѣ, и всегда нелюбимомъ за что нибудь особенно, по его убѣжденію, дурное, онъ не стѣнялся ничѣмъ. Тамъ, гдѣ дѣло шло о правдѣ, объ интересахъ студентовъ,—онъ первый бралъ на себя отвѣтственность протеста, рискуя потерять многое для себя...»

«При выпускѣ Добролюбовъ не получилъ золотой медали...»

«За то иная медаль, съ изображеніемъ покойнаго нашего общаго друга, осталась вычеканенною въ сердцѣ каждаго товарища его... Не знаю, что жизнь сдѣлала съ Добролюбовымъ послѣ, выѣзда изъ института... По студенческое имя Николая Добролюбова для его товарищей, такъ его любившихъ, и прежде было, и долго будетъ самымъ свѣтлымъ, задушевнымъ, ободряющимъ, путеводнымъ голосомъ... Немадую долю въ вынесенныхъ изъ студенческой жизни добрыхъ началахъ товарищи Николая Александровича заняли изъ его прекрасной, даровитой, любимой нами всеми до страсти, благородной души. Не берусь рѣшить, что потеряла литература въ — *бывш* —, но мы, товарищи по инсти-

туту съ Николаемъ Александровичемъ Добролюбовымъ потеряли много смѣлыхъ надеждъ, много свѣтлыхъ упований. потеряли красу и честь нашего молодого студенческаго кружка, гордость и утѣшеніе нашего курса».

Отъ времени институтской жизни Н. А. сохранилась тетрадь дневника, начатаго 1 января и доведеннаго до 11 февраля 1857 г. На этотъ разъ Н. А. записывалъ совершенно послѣдовательно, не пропуская ни одного дня, и очень подробно: 42 дня занимаютъ 88 страницъ въ 4-ю д. л., исписанныхъ плотно, такъ что если бы напечатать весь дневникъ, онъ занялъ бы около 75 страницъ; на внутренней сторонѣ обертки тетради написано:

«Прошу всѣхъ, кому попадется въ руки эта тетрадь, положить ее на мѣсто, не читая, потому что въ ней записалъ я нѣсколько тайнъ, не принадлежащихъ мнѣ и частію даже угаданныхъ мною».

По причинѣ, указываемой этою надписью, большая часть дневника должна пока остаться ненапечатанною, и только нѣкоторые, немногіе отрывки можно сообщить публикѣ теперь.

Сцена съ товарищемъ по случаю слуха объ освобожденіи крестьянъ разсказана въ дневникѣ Н. А. такъ:

«9 января. Въ теперешнемъ моемъ настроеніи я радъ всякой живой душѣ, которой могъ бы говорить о своихъ душевныхъ тревогахъ... Чувства мои рвутся наружу съ страшной силой. И что, если я встрѣчу сочувствіе?.. А между прочимъ, тревожное состояніе души моей выразилось вчера очень оригинальнымъ образомъ. Еще съ утра, на лекціи Срезневскаго, по поводу какого-то слова, совершенно ничтожнаго, у меня вдругъ родился цѣлый рядъ идей о томъ, какъ можно бы и какъ хорошо бы уничтожить это неравенство состояній, дѣлающее всѣхъ столь несчастными, или, по крайней мѣрѣ, повернуть все вверхъ дномъ: *авось* потомъ *какъ нибудь* получше устроится все. Этотъ странный порывъ, конечно, скоро былъ успокоенъ холоднымъ разсужденіемъ, доказавшимъ, что подобное памфленіе глупо. Но все-таки въ душѣ осталось чувство, что надо же дѣлать, если дѣлать, что нечего сидѣть, сложа руки. Въ такомъ настроеніи былъ я, когда получилъ слѣдующее извѣстіе. Въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» напечатанъ указъ, въ которомъ говорилось что-то о крѣпостныхъ. Вѣсть объ этомъ распространилась по городу, и извозники, дворники, мастеровые и т. п. толпами бросились въ сенатскую лавку—покупать себѣ *вольныя*... Прозвонилъ дѣмъ, шумъ, смятеніе. Указы перестали продавать. К. ходилъ вчера въ сенатскую лавку. Чиновникъ отвѣтилъ на его вопросъ объ указѣ касательно крѣпостныхъ: нѣтъ и не было... Но тутъ же и въ тѣ минуты, которыя К. пробылъ въ лавкѣ и возлѣ, человекъ 15 разнаго званія приходили спрашивать объ этомъ указѣ, и всѣмъ тотъ же отвѣтъ. Говорятъ, что многіе извозчики оставили своихъ хозяевъ, разсчитавъ, что теперь имъ оброку платить не нужно, и слѣдовательно отъ себя работать можно, что гораздо выгоднѣе. С. встрѣтилъ третьяго дня вечеромъ двухъ пьяныхъ мужиковъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ, что мы, дескать, вольные съ новаго года, а другой ему возразилъ: врешь, съ перваго числа.—Это меня возбудило и настроило какъ-то напряженно. Вечеромъ заговорили опять объ этомъ указѣ, и К., думая съострить, самодовольно замѣтилъ, что для студентовъ эта новость не можетъ быть интересной, потому что у нихъ нѣтъ крестьянъ. У. сталъ, по обычаю, очень туно острить на этотъ счетъ, и я, видя, что дѣло, свѣтое для меня, такъ пошло трактуется этими господами, я горячо замѣтилъ Н. неприличіе его выходки. Онъ хотѣлъ что-то отвѣчать, и, по обычаю, заикнулся, и, стоя предо мною, только производилъ непріятное трещаніе горломъ. Я сказалъ, что его острога обидна для всѣхъ, имѣющихъ несчастіе считать его своимъ товарищемъ, и что между нами много есть людей, которымъ интересы русскаго народа гораздо ближе къ сердцу, нежели какой нибудь чухонской свинѣ. Выговоривши это слово, я уже почувствовалъ что сдѣлалъ глупость, обративши

вниманіе на слова пошлаго мальчишки; но начало было сдѣлано. Х. сказалъ мнѣ самъ какую-то грубость, и я продолжалъ ругаться съ нимъ, пока не заставилъ его замолчать грознымъ движеніемъ, которое можно было растолковать, какъ намѣреніе прибить Н. Движеніе это было уже не искренно, а просто расчитано. Черезъ пять минутъ я со-всѣмъ эту исторію позабылъ, увлекшись теченіемъ мыслей» —
— въ одной изъ статей первой книжки «Современника», которую сталъ читать, чтобы успокоиться.

Вотъ еще два отрывка, въ которыхъ высказывается сужденіе Николай Александровича о своемъ характерѣ и отчасти опредѣляются его тогдашнія убѣжденія и стремленія. 12 января, рассказывая о возстановленіи хорошихъ отношеній своихъ съ однимъ изъ товарищей, съ которымъ прежде былъ дру-женъ, потомъ на нѣкоторое время расходился, Н. А. говоритъ, что примире-ніемъ съ этимъ товарищемъ онъ доволенъ, но прежняя дружба между ними не возстановится, и продолжаетъ:

«Каждая вещь, которую мы дѣлаемъ, основывается конечно на эгоизмѣ. — тѣмъ болѣе такая вещь, какъ дружба. Пріятно быть дружнымъ съ тѣмъ, кто намъ сочув-ствуетъ, кто можетъ понимать насъ, кто волнуется тѣми же интересами, какъ и мы. Въ этомъ случаѣ, мое самолюбіе удовлетворяется, когда я нахожу одобреніе моихъ мнѣній, уваженіе того, что я уважаю, и т. п. Но съ Z¹⁾ у насъ общаго только честность стремленій, да и то немногихъ: въ послѣднихъ цѣляхъ мы расходимся. Я — отчаянный социалистъ, хоть сейчасъ готовый вступить въ небогатое общество съ рав-ными правами и общимъ имуществомъ всѣхъ членовъ; а онъ признаетъ неравенство правъ и состояній даже въ высшемъ идеалѣ человѣчества... Я полонъ какой-то безот-четной, безпечной любви къ человѣчеству и уже привыкъ давно думать, что всякую гадость люди дѣлаютъ *по глупости*, и слѣдовательно нужно жалѣть ихъ, а не сер-диться; противодѣйствуя подлостямъ, я дѣлаю это безъ гнѣва, безъ возмѣщенія²⁾, а просто по сознанию надобности и обязанности дать щелчокъ дураку. Z, напротивъ, отличается страстностью дѣйствій, и потому они принимаютъ у него всегда личный характеръ; все, затѣянное имъ, начиналось съ него и къ нему непосредственно от-носилось; все, затѣянное мной, касалось меня менѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ, потому что лично я никогда ничѣмъ не былъ обиженъ отъ нашего начальства.

«...Я болѣе люблю Поржницкаго³⁾, котораго 10 числа проводилъ въ Казань. Это благородный человѣкъ, съ энергическимъ, постояннымъ желаніемъ добра и уча-стіемъ къ бѣднымъ ближнимъ; онъ ужасно много потерялъ, и приобрѣлъ энергію и опыт-ность, какихъ мнѣ, можетъ быть, никогда не удастся приобрести. Страшно подумать, какъ мало во мнѣ жизни, какъ мало страсти! Хорошо еще, что попалъ я на благо-родныя, честныя убѣжденія... Отсутствіемъ живаго начала въ моей натурѣ объясняю я и то, что разлука съ Поржницкимъ произвела на меня очень слабое впечатлѣніе, до того слабое, что на другой день я позабылъ о ней и не вписалъ даже ея въ свою тетрадь. А между тѣмъ мое уваженіе и любовь къ этому человѣку совершенно искренни, — и былъ горячъ поцѣлуй нашъ прощальный, крѣпко было пожатіе рукъ».

25 января, замѣчая у другаго институтскаго товарища сходство съ собою по характеру, Н. А. продолжаетъ:

«Для него вопросы социальные — вопросы внутренніе, стремленія души его, а никакъ не внѣшнія, навязанныя обстоятельствами увлеченія, какъ у большей части другихъ изъ намъ извѣстныхъ. Только у него натура ужасно слабая и способная къ увлеченіямъ, и я боюсь, что попавши въ дурной кружокъ, онъ легко распростится съ своими убѣжденіями. Этого бояться даже за самого себя я имѣю основаніе; но

¹⁾ Имя товарища, о которомъ идетъ рѣчь.

²⁾ То есть надобно подразумѣвать: «душевнаго, а съ хладнокровіемъ».

³⁾ Г. Поржницкій былъ тогда студентомъ медикохирургической академіи и долженъ былъ уѣхать въ Казань по неудовольствію начальства...

какъ же не сознаться—хоть и себѣ самому,—что во мнѣ (что ни говори Z)¹⁾ внутреннихъ силъ гораздо больше, презрѣніе къ людскимъ авторитетамъ и къ житейскимъ выгодамъ гораздо сильнѣе, и что къ высшимъ вопросамъ, къ послѣднимъ рѣшеніямъ я подошелъ гораздо ближе, гораздо смѣлѣе взглянулъ имъ въ лицо, нежели N? Меня своротить съ моей дороги ужасно трудно, тѣмъ болѣе, что я до сихъ поръ не трагилъ своихъ силъ на серьезную вѣшнюю борьбу, и въ случаѣ нужды могу явиться смѣлымъ и свѣжимъ бойцомъ. Кромѣ того, у меня есть еще шансъ: я уже успѣлъ себя очень хорошо поставить между людьми, которыхъ уваженіе мнѣ дорого. Если я сгибну, то они обо мнѣ искренно пожалѣютъ, и передъ концомъ меня не будетъ мучить мысль, что вотъ были у меня силы, да не успѣлъ я ихъ высказать и умираю безвѣстнымъ, безъ шума и слѣда».

Тутъ мы видимъ, между прочимъ, повтореніе обычной укоризны Н. А. себѣ за холодность и безчувственность. Но теперь читатель уже знаетъ его натуру настолько, чтобы видѣть совершенную неосновательность его недовольства собою съ этой стороны. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно впечатлительный, страстный, и чувства его были очень порывисты, глубоки, пылки. — Мнѣ довольно часто попадались люди, мучащіеся мыслью, что въ нихъ недостаетъ именно тѣхъ способностей или качествъ, которыя очень сильно развиты у нихъ. Напримѣръ, покойный И. И. Введенскій ужасно мучился тѣмъ, что у него слаба память. Но кромѣ общихъ впечатлѣній моихъ, свидѣтельствовавшихъ противное, я имѣлъ положительный случай видѣть, что память у него чрезвычайно сильна: когда онъ готовился къ магистерскому экзамену, онъ занялся при моемъ содѣйствіи славянскими нарѣчіями, о которыхъ не имѣлъ никакого понятія, и я видѣлъ замѣчательную быстроту и прочность, съ какою врѣзывалось у него въ памяти все, начиная отъ грамматическихъ мелочей до тонкаго подбора фактовъ для общихъ научныхъ соображеній. Точно такъ же находилъ довольно слабой свою память и Н. А., имѣвшій изумительную память. Разумѣется, мнимою слабостью своей памяти онъ не огорчался, потому что важность дѣла не въ томъ, какова память. Но подобно ему, большая часть встрѣчавшихся мнѣ людей замѣчательно твердаго характера были мучимы недовольствомъ собою за безхарактерность. — Переходя отъ ложнаго недовольства собою за мнимые недостатки хорошаго къ подобнымъ примѣрамъ недовольства мнимымъ недостаткомъ дурнаго, каждый читатель можетъ припомнить, какъ много встрѣчалъ онъ людей изворотливаго и фальшиваго характера, недовольныхъ собою за мнимый недостатокъ изворотливости. — Только очень немногіе негодяи считаютъ себя негодаями; огромное большинство людей этого разряда приписываетъ всѣ свои неудачи въ жизни только недостатку подлости въ своемъ характерѣ. — Эта иллюзія относительно собственныхъ качествъ объясняется очень просто. Человѣкъ, у котораго есть сильная способность къ чему нибудь, имѣетъ очень ясное представленіе о томъ, что такое значить сила этой способности: онъ очень живо и рельефно представляетъ себѣ идеаль ея, а передъ идеаломъ фактъ дѣйствительно не удовлетворителенъ; и вотъ онъ считаетъ себя слабымъ именно въ томъ, въ чемъ гораздо сильнѣе другихъ людей. — Разумѣется, такіе люди только въ этомъ послѣднемъ отношеніи ошибаются, — только въ томъ, что прилагаютъ къ себѣ мѣрку отвлеченнаго совершенства, пренебрегая мѣрять себя безпристрастнымъ сравненіемъ съ другими людьми по качеству, недостат-

¹⁾ Имя товарища, о которомъ шла рѣчь въ предыдущемъ отрывкѣ.

комъ котораго въ себѣ сокрушаются. Если они умны, то не трудно заставить ихъ сознаваться въ этой ошибкѣ, уличая въ томъ, что качествомъ, за недостатокъ котораго они порицаютъ себя, они одарены сильнѣе, чѣмъ люди, признанные за богато одаренныхъ тѣмъ же самымъ качествомъ. Такъ, бывало, дѣлаешь съ П. А., когда онъ начнетъ слишкомъ печалиться своею «безчувственностью» или «безхарактерностью». — «Ну, вотъ возьмите г. N или г. NN, — они извѣстны какъ люди впечатлительные, живые» или какъ люди твердые: ну, что же, какъ вы думаете объ вашихъ качествахъ сравнительно съ ними? — «Еще бы сравнительно съ ними не казался я вамъ человѣкомъ живымъ и твердымъ. Разумѣется, я подтверже ихъ, и чувства у меня посильнѣе». — «Ну, за что же вы браните себя въ такомъ случаѣ? — «Да какое мнѣ утѣшеніе въ томъ, что другіе хуже меня? Я хотѣлъ бы быть такимъ, какимъ самъ хочу быть, какимъ мнѣ нужно быть для довольства собою.»

Но кромѣ этого общаго повода къ иллюзіямъ подобнаго рода, было у Н. А. другое, частное основаніе воображать себя холоднымъ и безчувственнымъ. Онъ имѣлъ чрезвычайно сильный характеръ. По обыкновенію людей, одаренныхъ такимъ характеромъ, онъ считалъ себя лишеннымъ твердой воли и, какъ я уже говорилъ, сильно мучился этимъ. Но какимъ бы ни считалъ онъ себя, я расскажу современемъ множество дѣлъ, доказывающихъ удивительную силу его характера, а теперь пока укажу на одинъ фактъ, извѣстный всей публикѣ: никто никогда не дѣйствовалъ съ такою полною независимостью отъ всѣхъ окружавшихъ, какъ онъ. Никакія личныя отношенія не могли колебать его, когда онъ считалъ нужнымъ поступить такъ или иначе. Напримѣръ, ему извѣстно было, что я одобрялъ устройство диспута въ Пассажѣ между гг. Смирновымъ и Перрозио. Онъ очень хорошо зналъ, какъ непріятно мнѣ будетъ обнаруженіе глупости этого дѣла, въ которомъ разыгралъ я самую жалкую роль. Публика могла не знать, но мы съ нимъ оба очень хорошо понимали, что его статья «Любопытный пассажъ» убійственнѣе для меня, нежели для кого бы-то ни было другаго. Перечитайте же эту статью, — смягчалась ли въ ней насмѣшка привязанностью ко мнѣ? А между тѣмъ онъ любилъ меня, я имѣю на это доказательства. — Но что указывать частные случаи? — Литературный міръ знаетъ, какъ неизмѣнно выдерживалъ онъ принципъ: не сближаться ни съ кѣмъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ не стоило сближаться по его убѣжденію. Тутъ напрасны были всякія просьбы. При этой твердости характера и при ранней привычкѣ къ обдуманному дѣйствованію, Н. А. очень рано пріобрѣлъ очень замѣчательную силу сдерживать вѣдшія проявленія своихъ чувствъ. Напримѣръ, въ теченіе четырехъ лѣтъ безпрестанныхъ свиданій съ нимъ (съ лѣта 1856 г. до отъѣзда за границу) я только три раза былъ причиною или свидѣтелемъ того, что онъ измѣнялся въ лицѣ, всхливалъ и возвышалъ голосъ: а разумѣется, были десятки случаевъ, въ которыхъ онъ сильно досадовалъ на тотъ или другой мой поступокъ, и были сотни случаевъ, когда разговоръ нашъ шелъ о предметахъ, волновавшихъ его. Кромѣ трехъ случаевъ (изъ которыхъ два уже рассказаны г. Пятковскимъ въ «Книжномъ Вѣстникѣ»), я никогда не видѣлъ его теряющимъ власть надъ голосомъ, ни разу не видѣлъ дѣлающимъ тревожныя движенія. Эту сдержанность онъ принималъ за холодность, между тѣмъ какъ она только свидѣтельствовала о силѣ его воли.

Читатель видѣлъ страстность натуры Н. А. въ двухъ направленіяхъ чувства,—въ любви къ матери, и въ дружеской привязанности. Дневникъ, веденный въ Педагогическомъ институтѣ, заключаетъ въ себѣ много страницъ, относящихся къ собственно такъ-называемой любви. Разумѣется, мы не имѣемъ права печатать этихъ его воспоминаній, хотя въ нихъ нѣтъ ровно ничего предосудительнаго съ какой бы то ни было стороны для лицъ, которыя въ нихъ являются. Но надъ понятіями общества объ этихъ вопросахъ еще господствуетъ пошлость, требующая тайны. Тѣ отрывки институтскаго дневника, которые говорятъ о тогдашней любви Н. А., должны оставаться не напечатанными до той поры, когда никто не найдетъ ихъ обнародованіе нарушеніемъ общественныхъ условій, и мы печатаемъ только тѣ страницы, которыя показываютъ, какъ пробуждалась въ Н. А. жажда любви.

3 января, рассказавъ, что былъ въ театрѣ на «Ревизорѣ», Н. А. продолжаетъ:

«За реvisorомъ шла пьеса «Убѣдетъ или нѣтъ», дрянъ какая-то гр. Ростопчиной. пьеса, которой бы никто смотрѣть не сталъ, если бы ее не играла А, на которую все время наведены были всѣ имѣвшіеся въ театрѣ бинокли. Она, дѣйствительно, очень хороша собой.—Странное дѣло: нѣсколько дней тому назадъ я почувствовалъ въ себѣ возможность влюбиться; а вчера, ни съ того, ни съ сего, вдругъ мнѣ пришла охота учиться танцовать.—Чортъ знаетъ, что это такое. Какъ бы то ни было, а это означаетъ во мнѣ начало примиренія съ обществомъ¹⁾. Но я надѣюсь, что не поддамся такому настроенію: чтобы сдѣлать что нибудь, я долженъ не убаюкивать себя, не дѣлать уступки обществу, а напротивъ держаться отъ него дальше, питать жолчь свою. При этомъ разумѣется, конечно, что я не буду дѣлать себѣ насилія, а стану ругаться только до тѣхъ поръ, пока это будетъ занимать меня и доставлять мнѣ удовольствіе. Дѣлать то, что мнѣ противно, я не люблю. Если даже разумъ убѣдитъ меня, что то, къ чему имѣю я отвращеніе, благородно и нужно.—и тогда я сначала стараюсь приучить себя къ мысли объ этомъ, придать болѣе интереса для себя этому дѣлу,—словомъ, развить себя до того, чтобы поступки мои, будучи согласны съ абсолютной справедливостью, не были противны и моему личному чувству. Иначе, если я примусь за дѣло, для котораго я еще недовольно развитъ, и слѣдовательно не гоюсь, то — во-первыхъ, выйду изъ него — «не дѣло, только мука», а во-вторыхъ, никогда не найдешь въ своемъ отвлеченномъ разумѣ столько силъ, чтобы до конца выдержать пожертвованіе собственною личностью отвлеченному понятію, за которое бьешься.»

(8 января) за обѣдомъ въ одномъ семействѣ, гдѣ давалъ уроки Н. А., зашла рѣчь объ убійствѣ Сибура Вержесомъ. — случай, надѣлавшемъ тогда много шума на цѣлую Европу. Ужаснѣе всего казалось, что Вержесъ совершилъ убійство открыто, въ публичномъ мѣстѣ, среди многочисленной толпы. Собесѣдники Н. А. говорили въ этомъ тонѣ.

«Я сказалъ, что оправдывать убійство вообще нельзя, но не нужно и такъ строго обвинять (Вержеса) только за то, что оно совершено открыто и честно, а не подло и скрытно. Откуда разговоръ легко перешелъ, конечно, къ ослиной добродѣтели, которой Н. П. произнесла панегирикъ, а я захохоталъ. Смѣхъ мой ее озадачилъ и даже нѣсколько оскорбилъ. Начался споръ, въ которомъ я доказывалъ, что честный и благородный человѣкъ не можетъ и даже не имѣть права терпѣть гадостей и злоупотребленій, а обязанъ прямо и всѣми своими силами возставать противъ нихъ. Въмѣсто всякаго отвѣта на мою диссертацию въ этомъ смыслѣ, Н. П. только руками веде-

¹⁾ Точнѣе выразился бы Н. А., если бы сказалъ: „начало того, что я вовлекаюсь въ жизнь“.

нула: ахъ, какой онъ вольнодумецъ, Господи Боже мой! Скоро однако же она согласилась, что вольнодумство это очень благородно, но прибавила, что оно можетъ быть гибельно. Въ этомъ я съ нею согласился...

«В. А. стала просить меня прочесть чтонибудь. Но читать было нечего. Обратились къ старымъ книжкамъ «Современника». С. П. сказалъ, что очень хороши «Записки Учителя Музыки», и В. А., вмѣстѣ съ Н. П., стали меня просить прочесть ихъ. Отказаться было нельзя; но я ихъ читалъ прежде, повторять не хотѣлось. и я озлился. Мгновенно сталъ я мраченъ, въ сердцѣ была какая-то ярость, тяжело было, и чортъ знаетъ какое скверное расположение духа пришло при мысли о необходимости читать для другихъ то, чего бы я самъ не хотѣлъ читать. Я все старался оттянуть чтеніе... Къ счастью, судьба бросила подъ руку В. А. первый томъ «Легкаго Чтенія»: я вызвался прочесть для нихъ «Дневникъ Лишняго Человѣка». Онѣ согласились, и въ ту же минуту дурное расположение мое прошло, мнѣ стало легко и спокойно. Но какъ я страдалъ, пріятно страдалъ, читая первую половину разсказа, никѣмъ не тревожимый и не прерываемый!.. На половинѣ намъ помѣшали, и впечатлѣнія раздвоились. Пришелъ М. — fils, а потомъ М. — père; стали толковать о родовой чести, о потерѣ которой онъ очень сожалѣлъ, чѣмъ возбудилъ во мнѣ жолчный смѣхъ. Потомъ Н. П. отправилась дѣлать чай, и чтеніе на время прекратилось. Мы остались вдвоемъ съ В. А., и я сталъ ей говорить совершенно беззащитно о своей застѣнчивости, неловкости. познаніи свѣтскихъ приличій, неумѣнны держать себя въ обществѣ и т. п. Она согласилась, что я дѣйствительно не боекъ, но утѣшала меня тѣмъ, что всѣ означенныя достоинства находятся во мнѣ не въ столь высокой степени, какъ я думаю. А въ самомъ дѣлѣ, какое-то ужасающее сходство нашелъ я въ себѣ съ Чулкатуринымъ. Я былъ вѣдъ себя, читая разсказъ; сердце мое билось сильнѣе, къ глазамъ подступали слезы, и мнѣ такъ и казалось, что со мной непременно случится рано или поздно подобная исторія. Чувства же, подобныя чувствамъ Чулкатурина на балѣ, мнѣ приходилось не разъ испытывать. Вообще, съ нѣкотораго времени какое-то странное, совершенно новое, невѣдомое мнѣ прежде расположеніе души посѣтило меня. Я томлюсь, ищу чего-то, по пятидесяти разъ на день повторяю стихи Веневитинова:

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай.

«Жизнь меня тянетъ къ себѣ, тянетъ неотразимо. Бѣда, если я встрѣчу теперь хорошенькую дѣвушку, съ которой близко сойдуся, — влюблюсь непременно и сойду съ ума на нѣкоторое время...

«Итакъ вотъ она начинается, жизнь-то... Вотъ время для разгула и власти страстей... А я, дурачокъ, думаю въ своей педагогической и метафизической отвлеченности. въ своей книжной сосредоточенности, что уже я «пережилъ свои желанья» и «разлюбилъ свои мечты»... Я думалъ, что выйду на поприще общественной дѣятельности чѣмъ-то въ родѣ Катона безстрашнаго или Зенона Стоика. Но вѣрно жизнь возьметъ свое. И какъ странно началось во мнѣ это тревожное движеніе сердца! Въ первый разъ шевельнулось оно во мнѣ, когда я услышалъ отъ В. К., что ки. Трубецкая, очень бѣдная дѣвушка, выходила за Морин. Не могу опредѣленно вспомнить своихъ чувствъ въ ту минуту, но знаю положительно, что съ тѣхъ поръ я не знаю покоя. и социальные вопросы перенеслись въ моей головѣ съ мыслями объ отношеніяхъ моихъ къ обществу, въ которомъ мнѣ именно суждено жить. Вмѣсто теоретическихъ стремленій начинается какая-то лихорадочная жалка дѣятельности, — и дѣятельности живой, личной, а не книжной, неопредѣленно-безличной и отвлеченной. Что-то будетъ?.. Можетъ быть конецъ моихъ учебныхъ подвиговъ совершенно испортится теперешнимъ моимъ расположеніемъ, но противиться ему я не въ силахъ...»

29 января, записать, что былъ въ театрѣ на представленіи «Горе отъ ума» и что пьеса шла дурно, Н. А. продолжаетъ:

«При всемъ томъ, я доволенъ, что видѣлъ «Горе», хотя въ другой разъ уже не пойду смотрѣть его. — развѣ для того, чтобы любоваться Н. Она въ самомъ дѣлѣ поразительно-хороша, и ея красота именно въ моемъ родѣ: я всегда воображалъ себѣ такую мою будущую *bien-aimée*... Эти тонкія, прозрачныя черты лица, эти живые, огненные, умные глаза, эти роскошныя волосы, эта грація во всѣхъ движеніяхъ и неотразимое обаяніе въ каждомъ малѣйшемъ измѣненіи физіономіи—все это до сихъ поръ не выходитъ у меня изъ памяти. — Но впечатлѣніе, произведенное на меня Н., именно подходитъ къ тѣмъ, которыя Пушкинъ называетъ «благотворнымъ Богомольнымъ передъ святыней красоты». Смотрѣть на нее, слѣдить за чудными передвиженіями ея лица и игрою глазъ — есть уже для меня достаточное наслажденіе. Совсѣмъ другаго рода чувства волновали меня, когда танцовала Жебелева съ Богдановымъ мазуречку...

«30 января. Нѣсколько дней уже я ношусь съ Гейне и все восхищаюсь имъ. Ни одинъ поэтъ еще никогда не производилъ на меня такого полного, глубокаго, сердечнаго впечатлѣнія. Лермонтова, Кольцова и Н читалъ я съ сочувствіемъ; но это было, во-первыхъ, скорѣе *солласіе*, нежели сочувствіе, и во-вторыхъ, тамъ возбуждались все отрицательныя... чувства, жолчь разливалась, кровь кипѣла враждой и злобой, сердце поворачивалось отъ негодованія и тоекливаго, безсильнаго бѣшенства: таково было общее впечатлѣніе. Гейне не то: чтеніе его какъ-то расширяетъ міръ души, его пѣснь отдается въ сердце сладкой, тихой, задумчивой тоской... У Гейне есть и... страшныя, иронически отчаянныя, насмѣшливо-безотрадные пѣсн... но теперь не эти пѣсн особенно поразили меня. Теперь съ особеннымъ мучительнымъ наслажденіемъ читалъ и перечитывалъ я *intermezzo*. Вѣрно и мнѣ пришла серьезно пора жизни — полной, живой, съ любовью и отчаяніемъ, со всѣми ея радостями и горестями. Сердце мое бьется особенно сильно при мысли объ этомъ; я чего-то жду страстно и пламенно, и даже нахожу особенное удовольствіе въ томъ, чтобы себя экзальтировать.

«Сегодня утромъ я подумалъ о NN ¹⁾ и удивился, что сталъ такъ холоденъ къ ней. Вотъ что значить посмотреть на лучшее ²⁾, послѣ котораго не нравится уже хорошее. «Ни одна не станетъ въ спорѣ красота съ тобой» — вотъ чего бы я хотѣлъ для моей *bien-aimée*. Дождусь ли когда нибудь такого счастья?...

«31 января. Впечатлѣнія смѣняются впечатлѣніями и зовутъ меня жить, бороться, наслаждаться...

«Два часа спустя я сидѣлъ у ZZ ³⁾, и въ комнату вошли мать и сестра А. Я въ первый разъ увидѣлъ его сестру при свѣтѣ. Какъ-то разъ прежде я ее встрѣтилъ въ комнатѣ, но тогда было темно и еще не было подано свѣчей. Теперь я разглядѣлъ ее близко и хорошо... Это чудо, что такое! Ей должно быть лѣтъ 15 или 17. Она—великогбпная брюнетка, небольшого роста, съ чрезвычайно выразительными чертами лица. Если я ея никогда больше не увижу, я никогда не забуду этого лица. Я былъ въ какомъ-то дикомъ опьяненіи восторга послѣ того, какъ она чрезъ три минуты вышла изъ комнаты. Она не сказала ни одного слова, она посмотрѣла на меня съ видомъ небрежнаго покровительства, но я не досадовалъ за это, потому что она съ-разу стала въ моемъ сердцѣ выше всякой досады. Впрочемъ, несмотря на всю силу моего очарованія, я довольно спокойно и разсудительно продолжалъ потомъ толковать съ А.»

¹⁾ Имя дѣвушки, съ которой онъ былъ тогда въ дружбѣ.

²⁾ Это выраженіе надобно относить къ впечатлѣнію, оставленному наканунѣ театромъ.

³⁾ Въ домѣ ZZ Ник. Александровичъ былъ уже нѣсколько разъ; но только официальнымъ образомъ, не будучи еще принятъ въ домашній кругъ.

Останавливаюсь пока на этомъ.

Ко всѣмъ бывшимъ товарищамъ Николая Александровича и къ его друзьямъ, обращаюсь я съ просьбою: сообщать мнѣ свои воспоминанія о немъ и передать мнѣ на время тѣ его письма и бумаги, которыя сохранились у нихъ.

Смѣю увѣрить, что всѣми сообщаемыми мнѣ воспоминаніями и документами я буду пользоваться для печати лишь настолько, насколько мнѣ будетъ разрѣшено лицомъ, сообщившимъ этотъ матеріалъ. Едва ли надобно прибавлять, что всѣ бумаги, доставленныя мнѣ, будутъ мною бережно сохранены и возвращены по желанію доставившаго. Письма и посылки прошу присылать на мое имя по слѣдующему адресу: въ Петербургъ, близъ Владимірской церкви, въ домъ Есауловой, Николаю Гавриловичу Чернышевскому.

Посмертныя стихотворенія

Н. А. Добролюбова.

Мм. гг.,¹⁾

Намъреваясь занять вниманіе ваше стихотвореніями Н. А. Добролюбова, я прежде всего долженъ напомнить, что стихотворенія эти стояли далеко не на первомъ планѣ въ дѣятельности покойнаго. Добролюбова должно изучать въ его критическихъ и полемическихъ статьяхъ, къ чему публика получитъ возможность только съ изданіемъ его сочиненій, къ которому уже приступлено. Тогда станетъ ясно для каждаго, какъ много, съ небольшимъ въ четыре года, успѣлъ сдѣлать этотъ даровитый юноша, соединявшій съ силою таланта глубокое чувство гражданскаго долга, составлявшее основную, отличительную черту покойнаго и какъ писателя, и какъ человѣка. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, сожалѣя объ иллюзіяхъ молодости, разлѣтѣвшихся при строгомъ анализѣ мысли, Добролюбовъ между прочимъ говоритъ:

Но безъ надеждъ и упованій
Я гордо снесъ мою печаль.
И безъ наивныхъ ожиданій
Смотря на жизненную даль,
На битву жизни вышелъ смѣло,
И жизнь свободно потекла,
И дѣлалъ я благое дѣло
Среди царяющаго зла...

Вся литературная дѣятельность Добролюбова служитъ подтвержденіемъ этихъ словъ. Можно сказать болѣе, не рискуя впасть въ преувеличеніе: ихъ подтверждаетъ вся его жизнь. Онъ сознательно берегъ себя для дѣла; онъ, какъ говорится тоже въ одномъ изъ его стихотвореній: «не связалъ судьбы своей ни единымъ пристрастьемъ», устоялъ «передъ соблазномъ жизни» и остался «полнымъ господиномъ своего сердца»,—все для того, чтобы ничто не мѣшало ему служить своему призванію, нести себя всецѣло на жертву долга, какъ онъ понималъ его.—Вотъ изъ какого свѣтлаго источника вытекала дѣятельность Добролюбова, вотъ почему онъ такъ смѣлилъ работать, такъ много успѣлъ

¹⁾ Читано въ залѣ 1-й гимназіи, въ пользу бѣдныхъ студентовъ, 2 января 1862 года.

сдѣлать! Ничто въ этой дѣятельности не существовало для него, ничто *не должно было существовать*, по его убѣжденіямъ. Мы нашли у него недоконченное стихотвореніе, гдѣ замѣчательны слѣдующія строки:

... Для блага общаго назначенный служить,
Я смѣю чувствовать лишь сердцемъ гражданина,
Инстинкты юные я долженъ подавить...

Даже въ частной жизни, въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ людьми, Добролюбовъ представлялъ между нами, русскими, нѣчто особенное. Съ дѣтства привыкается къ намъ множество дурныхъ привычекъ, извѣстныхъ подъ именемъ: *умный жить*. Мы отъ дѣтства говоримъ «да» тамъ, гдѣ слѣдовало бы отвѣчать «нѣтъ»; улыбаемся, по слабодушію, тамъ, гдѣ слѣдовало бы браниться; прикидываемся внимательными къ какому нибудь вздору, на который слѣдовало бы отвѣчать смѣхомъ или даже негодованіемъ. Ничего подобнаго въ Добролюбовѣ не было. Онъ смѣялся въ лицо глущу, рѣзко отворачивался отъ негодая, онъ соглашался только съ тѣмъ, что не противорѣчило его убѣжденіямъ. Если къ этому прибавимъ, что онъ не только не заискивалъ у авторитетовъ, но даже избѣгалъ встрѣчъ съ ними, да припомнимъ ту независимость, съ которою онъ высказывался печатно, то поймемъ, почему въ литературѣ его немногіе любили. Сила таланта и честной правды, впрочемъ, начинала уже брать свое: въ послѣднее время чаще и чаще стало слышаться мнѣніе, что этотъ человѣкъ *не безъ права* сталъ въ главѣ современнаго литературнаго движенія. Кто — по крайней мѣрѣ теперь — не согласится, что нуженъ былъ этотъ рѣзкій, независимый, отрезвляющій, на дѣло зовущій голосъ?

О, погоди еще! желанная, святая!
Помедли приходить въ нашъ боязливый кругъ!
Теперь на твой призывъ отвѣтить тишь нѣмая,

Уже съ предчувствіемъ смерти въ груди, написалъ эти строки Добролюбовъ. Смерть, разумѣется, не подождала. Такова уже судьба русскаго народа: неживучи его лучшіе дѣятели...

Что касается до стихотвореній Николая Александровича (понятно, что я говорю здѣсь не о стихотвореніяхъ юмористическихъ, которые Добролюбовъ помѣщалъ въ «Систѣ»), то онъ писалъ ихъ весьма рѣдко, урывками, и самъ не придавалъ имъ вовсе никакого значенія. Большая часть ихъ написана до начала журнальной дѣятельности Николая Александровича; стало быть тогда, когда ему было не болѣе двадцати лѣтъ. Увидавъ у него однажды случайно тетрадку, гдѣ онъ записывалъ свои стихотворенія, я съ трудомъ уговорилъ его напечатать что нибудь изъ нихъ. Мы выбрали десять шестъ: лучшія четыре въ печать тогда не попали, а шесть помѣщены въ «Современникѣ» 1858 г., въ № IX, подъ псевдонимомъ: Волгитъ. Приступаю къ чтенію самихъ стихотвореній:

(Далѣе были помѣщены слѣдующія стихотворенія, вошедшія въ собраніе сочиненій Н. А. Добролюбова).

1.

Жалоба ребенка.

2.

Когда, среди зимы холодной,

3.

С о н ъ.

4.

Въ церкви.

5.

С о л о в е й.

6.

Сила слова.

7.

Пала ты, какъ травка полевая,

8.

Не диво доброе влеченье

9.

Дорожная пѣсня.

10.

Б ѣ д н я к у.

11.

Очарованіе.

12.

На смерть особы.

13.

14.

П о э т у.

15.

Тихій ангелъ.

16.

* * *

Еще недавно я неистовой сатирой

17.

Напрасно ты отъ вѣтренницы милой

18.

Памяти отца.

19.

Д о р о г о й.

20.

Н а п р а с н о !

21.

Р е ф л е к с і я.

22.

Мы не можемъ сказать, съ котораго года своей жизни Добролюбовъ началъ писать стихи; но знаемъ, что стихотворенія, сейчасть прочтенныя нами, писаны до осени 1858 года. Съ конца 1858 года Николай Александровичъ сталъ писать стихотворенія юмористическія; онъ тогда вообще работалъ такъ

много, что для лирических пѣсень не оставалось у него времени, и по всей вѣроятности онъ уже не писалъ ихъ, пока не перебрался за границу, въ 1860 г. Такимъ образомъ слѣдующія четыре стихотворенія должно отнести къ 1860 и 1861 годамъ: писаны они частью за границей, частью на возвратномъ пути и частью уже опять въ Россіи, передъ самой смертью. Мы прочтемъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ они по всей вѣроятности написались. Слѣдующая пѣса дастъ намъ понятіе о томъ, какія думы занимали Николая Александровича вдали отъ родины.

23.

Нѣтъ, мнѣ не миль и онъ, нашъ сѣверъ величавый...

А вотъ пѣса, написанная на возвратномъ пути:

24.

Необозримой, ровной степью
Поспѣшно я держу мой путь.

Къ тому же періоду принадлежитъ слѣдующая пѣса:

25.

Еще работы въ жизни много,

Наконецъ, вотъ и еще предсмертное стихотвореніе Добролюбова, — надо думать послѣднее.

26.

Пускай умру—печали мало,

P. S. Къ этому, по возможности, полному собранію стихотвореній Николая Александровича Добролюбова считаю не излишнимъ присоединить для читателей «Современника» слѣдующіе переводы его изъ Гейне.

ПѢСНИ ГЕЙНЕ.

1.

Къ груди твоей бѣлоснѣжной
Я голову тихо прижалъ,

2.

Отъ насъ выступаютъ гусары...

3.

Богъ вѣсть, гдѣ она сокрылась,
Сумасбродная моя!

4.

У тебя есть алмазы и жемчугъ,

5.

Будто въ самомъ дѣлѣ ты такъ разсердилась?

6.

Пѣсни мои ядовиты:

7.

Живыя чувства раздвѣтають

8.

О, перестань, мое сердце, крушиться;

9.

Какъ горестный Атлантъ, я долженъ міръ носить:

10.

В о п р о с ъ.

11.

Въ мракѣ жизненномъ когда-то
Чудный образъ мнѣ свѣтилъ;

12.

Подождите терпѣливо:

13.

Когда я вамъ ввѣрялъ души моей мученья

14.

Милая дѣвушка! Губки пурпурныя,

15.

Пусть на землю снѣгъ валится,

16.

Солнце уже поднялось надъ горами,

17.

Другъ любезный! Ты влюбился...

18.

Стоялъ я въ забытѣ тяжеломъ,

19.

Грустно вошелъ я въ густую аллею,

20.

Кастраты все бранили
Меня за пѣснь мою,

Теперь читателю извѣстно все, написанное и переведенное Добролюбовымъ стихами. — все, кромѣ нѣсколькихъ пѣсень, которыя могутъ явиться въ печати только впоследствии. Напомнимъ снова, что большая часть этихъ поэтическихъ опытовъ писана тогда, когда автору не было еще и двадцати лѣтъ, и что многія пѣссы напечатаны нами съ черновыхъ листковъ, ожидавшихъ переработки и обдѣлки. Можетъ быть, мы лучше сдѣлали бы, еслибъ исключили пѣссы, слишкомъ не совершенныя по формѣ: впечатлѣніе было бы цѣлѣе, но зато ускользнули бы отъ читателя нѣкоторыя черты, характеризующія личность покойнаго. А мы именно желали бы дать читателю возможность какъ можно ближе узнать эту личность, послѣ чего она уже сама собою запечатлѣлась бы

въ его сердцѣ. Съ этой стороны нельзя не порадоваться появленію «Матеріаловъ для біографіи Н. А. Добролюбова» (см. эту же книжку современника). Рекомендуемъ эти матеріалы читателямъ, рекомендуемъ ихъ особенно тѣмъ, которые называли Добролюбова человѣкомъ безъ сердца—да устыдятся! Что касается до насъ, то мы во всю нашу жизнь не встрѣчали русскаго юношу столь чистаго, безстрашнаго духомъ, самоотверженнаго! Наше сожалѣніе о немъ не имѣетъ границъ, и едва ли когда изгладится. Еще не было дня съ его смерти, чтобъ онъ не являлся нашему воображенію, то умирающій, то уже мертвый, опускаемый въ могилу нашими собственными руками. Мы ушли съ этой могилы, но мысль наша осталась тамъ, и поминутно зоветъ насъ туда и поминутно рисуетъ намъ одинъ и тотъ же неотразимый образъ...

Ты схороненъ въ морозы трескучіе,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо, черезъ щели гробовыя,
Проступить не успѣла вода.
Ты лежишь, какъ сейчасъ похороненный,
Только словно длиннѣй и бѣлѣй
Пальцы рукъ, на груди твоей сложенныхъ,
Да сквозь землю проникнувшимъ инеемъ
Убѣлили твои кудри морозъ,
Да слѣды наложили чуть видныя
Поцѣлуй суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутыя
И на впалыя очи твои...

2 янв. 1862 г.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Этюды. Популярныя чтенія Шлейдена. *Переводъ съ нѣмецкаго, профессора московскаго университета Калиновскаго. Москва. 1861.*

Шлейденъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ ученомъ мірѣ своими трудами и открытіями по части ботаники и растительной физиологіи: а публикѣ неученой онъ извѣстенъ, какъ авторъ популярнаго сочиненія «Растеніе и его жизнь». Ботаника, какъ видите, это его специальность; ею онъ занимался съ успѣхомъ, пріобрѣлъ себѣ порядочную репутацію, какъ знатокъ своего дѣла, отлично владѣлъ микроскопомъ и анатомическимъ ножичкомъ, умѣлъ слѣдить за растительною пылью и плодотворными крупинками, — кажется, чего же больше? И слѣдовало бы ему всегда подвизаться на этомъ поприщѣ, гдѣ онъ былъ какъ дома, какъ въ своей тарелкѣ; такъ нѣтъ же, область ботаники показала ему тѣсною, онъ рванулся въ другія сферы, воображая, что и здѣсь ему будетъ такъ же привольно какъ въ ботаникѣ, и здѣсь онъ не скомпрометируетъ себя, сдѣлается мастеромъ дѣла. Слѣдствіемъ такого порыва и были многія неботаническія статьи Шлейдена, нѣсколько скандализировавшія его ученость, въ томъ числѣ и настоящіе «Этюды». Содержаніе ихъ самое разнообразное: душа растений, мечтаніе естествоиспытателя въ лунную ночь, Валленштейнъ и астрологія, волшебство и суевѣріе, природа звуковъ и звуки въ природѣ и т. д. Но самый интересный этюдъ, это — Сведенборгъ и суевѣріе; уже одно имя Сведенборга невольно тянетъ вниманіе къ этому этюду.

Сведенборгъ былъ человѣкъ весьма замѣчательный по своей странной судьбѣ и по тому перевороту, который случился въ его головѣ. Въ свое время онъ былъ знаменитымъ, первокласснымъ ученымъ, отлично зналъ математику, астрономію, физику и другія естественныя науки: не одна теоретическая сторона этихъ наукъ занимала его: онъ трудился надъ ихъ практическимъ примѣненіемъ, писалъ практическія и техническія сочиненія, сдѣлалъ много разныхъ улучшеній въ производствахъ и промышленности, усовершенствовалъ и почти совершенно преобразовалъ горное дѣло въ своемъ отечествѣ, Швеціи. Никакъ нельзя было ожидать отъ такого практическаго человѣка какихъ нибудь мечтательныхъ странностей. И вдругъ въ 1747 году онъ удалился отъ всѣхъ дѣловыхъ занятій, сталъ часто уединяться и увѣрялъ всѣхъ, что душа и духовное тѣло его иногда отрываются отъ естественной плоти. Въ этомъ состояніи онъ будго бы могъ путешествовать по планетамъ и другимъ небеснымъ

тѣламъ, могъ видѣть и слышать все, что тамъ дѣлается. Онъ издавалъ описанія своихъ путешествій и въ нихъ рассказывалъ свои наблюденія: говорилъ, что духи на небесахъ ведутъ ученые диспуты о предметахъ, занимающихъ и насъ земнородныхъ, что на нѣкоторыхъ планетахъ живутъ существа, непохожія на людей, имѣющія шарообразную форму, а на другихъ совершенно схожія съ людьми, но только неумѣющія произносить буквъ «и» и «е»: видалъ онъ тамъ и умершихъ людей, ихъ занятія, образъ жизни и развлеченія, толковалъ съ ними, бесѣдовалъ съ Лютеромъ, Магометомъ и другими. Какъ ни странны были его рассказы и увѣренія, однакожь нашлись люди, которые отъ всей души повѣрили ему, признали Сведенборга за духовидца и человѣка необыкновеннаго, и образовали большую секту, которая существуетъ и до сихъ поръ, твердо вѣруя въ истину словъ Сведенборга, и которая, говорятъ, въ послѣднее время даже сильно стала увеличиваться.—Сведенборгъ не единственное явленіе въ своемъ родѣ; исторія представляетъ много личностей, подобныхъ ему, которыя тоже выдавали за истину разныя сказки и несбыточные фантазіи, говорили то, что совершенно противно здравому смыслу и всей природѣ человѣка. Имъ тоже вѣрили, и многіе изъ нихъ приобрѣтали многочисленныя секты послѣдователей. Что же это за личности такія, и что имъ за охота была проповѣдывать разныя небылицы и увѣрять людей въ очевидныхъ нецѣлостяхъ? «При размышленіи о Сведенборгѣ», говоритъ Шлейденъ, «невольна рождается вопросъ: былъ ли онъ плутъ, трунившій надъ простотою легковѣрныхъ читателей, былъ ли обманщикъ, подъ личиною религіознаго мечтательства набравшій послѣдователей для корыстныхъ цѣлей? На это мы отвѣчаемъ, съ полною увѣренностью: нѣтъ, онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ.» Въ доказательство онъ указываетъ на честный и благородный характеръ Сведенборга и на все его поведеніе. То же самое можно сказать и о всѣхъ другихъ мечтателяхъ, имѣвшихъ послѣдователей, подобно Сведенборгу; они не были ни обманщиками, ни плутами, отличались строгостью жизни, честнымъ характеромъ и безукоризненнымъ поведеніемъ. Но этого мало; если бы Сведенборгъ и ему подобные дѣйствовали обманомъ, они бы не имѣли послѣдователей. Человѣкъ, говорящій неискренно, если и можетъ увлечь кого нибудь, то во всякомъ случаѣ не надолго; сѣти обмана очень непрочно; кто нибудь изъ обманутыхъ можетъ рано или поздно замѣтить ихъ и образумить другихъ, и тогда горе обманщику, довѣріе къ нему теряется навсегда. Легковѣріе удобно поддается обману, но такіе удобно и оставляютъ его. Только искренность убѣжденія даетъ человѣку силу, покоряющую умъ и сердце другаго. «Кто же былъ Сведенборгъ?» спрашиваетъ Шлейденъ. «Скажемъ (отвѣчаетъ онъ же) категорически: помѣшанный, но добродушный и совершенно безвредный. Если бы онъ и клялся всѣмъ для него свяченнымъ, что онъ подлинно видѣлъ и слышалъ все, о чемъ рассказываетъ, то это несколько не мѣшаетъ ему оставаться въ то же время вполне честнымъ и правдивымъ человѣкомъ». Это вполне можетъ быть примѣнимо и къ другимъ восторженнымъ мечтателямъ въ родѣ Сведенборга. Они твердо были убѣждены въ томъ, что проповѣдывали, и говорили то, что хотя и было въ существѣ дѣла нецѣлостно и вздоромъ, но имъ казалось истинной вслѣдствіе ихъ умственного разстройства; всѣ необыкновенные случаи, происходившіе только въ ихъ разстроенномъ воображеніи, представлялись имъ, по

той же причинѣ, дѣйствительными фактами. Поэтому они твердо стояли за свою истину, готовы были жертвовать для нея всею, даже самою жизнью; это-то и сообщало ихъ словамъ убѣдительность и силу, которой трудно было противиться. Но эта истина есть истина для нихъ, людей нездоровыхъ умомъ; а для другихъ, для здраваго ума, она есть ложь, которой не слѣдуетъ вѣрить; несмотря на все ихъ клятвы и жертвы, такъ соблазнительно дѣйствующія на сердце. Строго говоря, они обманывали другихъ, потому что обманывались сами, и такимъ образомъ, вмѣсто истины, или вмѣстѣ съ частицей истины, распространяли въ большомъ количествѣ ложь и неправду, которая соблазняла и губила многихъ, такъ какъ она противорѣчила основнымъ началамъ здраваго смысла. Поэтому ихъ никакъ нельзя назвать «безвредными»: они стѣсняли чело-вѣческій разумъ и колебали его довѣріе къ своимъ силамъ. Разумъ видѣлъ въ ихъ словахъ противорѣчіе своимъ законамъ и не могъ принять ихъ положеній: но чувство, увлеченное искренностію проповѣди, невольно влекло и его къ принятію этихъ положеній: онъ начиналъ сомнѣваться въ вѣрности своихъ законовъ, наконецъ совершенно отказывался отъ нихъ, подчиняясь чувству, и нерѣдко приходилъ къ такому заключенію, что законы и требованія чувства вѣрнѣе и обязательнѣе законовъ и требованій ума даже въ той области, которая исключительно принадлежитъ уму. Все это должно было чрезвычайно замедлить развитіе ума.—(Отчего же происходитъ то, что мечтатели несущест-вующіе предметы признають дѣйствительными, и откуда у нихъ самихъ берется увѣренность въ дѣйствительномъ бытіи этихъ предметовъ? На это Шлейденъ отвѣчаетъ такъ:

«Вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія (въ чемъ бы оно ни заключалось, положимъ даже въ одномъ только нарушеніи равновѣсія нервной силы въ отдѣльных частяхъ нервной системы, что легко можетъ произойти отъ односторонняго упражненія извѣстныхъ группъ нервныхъ волоконъ) дѣятельность мозговыхъ волоконъ, обуславливающая представленіе опредѣленнаго предмета, можетъ быть до того жива, что распространяется на зрительный нервъ и, какъ скоро это случилось, человѣкъ теряетъ единственную возможность отличать мысленныя изображенія отъ дѣйствительныхъ. Тогда происходитъ то, что научно называютъ галлюцинаціями, или обманами чувствъ. Человѣкъ видитъ несуществующіе передъ нимъ предметы такъ ясно и отчетливо, какъ дѣйствительные, слышитъ голоса тамъ, гдѣ никто не говоритъ, а самого себя почитаетъ въ тоже время лишь пассивнымъ зрителемъ всей этой фантазмагоріи.

«Это-то и было съ Сведенборгомъ. Получивши уже въ ранней молодости ложное направленіе, по своей юношеской впечатлительности и потому, что отецъ его тоже имѣлъ большую склонность къ мистической теософіи, Сведенборгъ поддерживалъ это направленіе, предаваясь непомѣрнымъ богословскимъ занятіямъ, и неосторожно углубляясь въ философскія изслѣдованія. Усиленный трудъ, ночныя занятія, постоянное умственное напряженіе должны были произвести, даже и въ его желѣзномъ организмѣ, нѣкоторые разстройства: паивно рассказанная имъ самимъ комическая сцена перваго видѣнія наводитъ насъ на причину умственнаго его разстройства, заключающуюся въ бранныхъ завалахъ. Поужинавъ плотно поздно вечеромъ въ одномъ лондонскомъ трактирѣ, къ концу ужина онъ увидѣлъ передъ собою облако, а вокругъ комнаты ползающихъ отвратительныхъ пресмыкающихся, змѣи и жабы. Вскорѣ затѣмъ этотъ мракъ разсѣялся, и тогда, въ углу комнаты, посреди яснаго блестящаго свѣта, онъ увидѣлъ человека, который страннымъ голосомъ закричалъ ему: «не будь такъ много». Этими явными признаками сильныхъ приливовъ крови къ головѣ, повторявшихся потомъ при всѣхъ его видѣніяхъ, началось его помѣнательство; оно продолжалось ильня 27 лѣтъ, составляя въ полномъ смыслѣ слова счастье его жизни. Вслѣдствіе этого особеннаго

вида умственного разстройства, онъ невольно принималъ результаты пытливыхъ своихъ изслѣдованій и собственнаго здраваго разума за сообщенія постороннихъ, имъ самымъ созданныхъ образовъ; а потому онъ твердо вѣрилъ во все чудесное и невѣроятное.»

Это объясненіе совершенно справедливо и въ приложеніи ко всѣмъ мечтателямъ, принимавшимъ свои фантазіи за истину. Если бы намъ извѣстна была жизнь каждаго изъ нихъ съ такими исторически вѣрными подробностями, какія мы знаемъ о Сведенборгѣ, то мы могли бы найти объясненіе ихъ фантазій въ разныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ ихъ жизни, могли бы прослѣдить, какъ они постепенно все болѣе и болѣе увлекались своими мечтами и какъ наконецъ дошли до того, что эти мечты имъ показались дѣйствительностью.

Но Сведенборгъ представляетъ еще одну особенность, отличающую его отъ другихъ подобныхъ ему мечтателей. Всѣ они были совершенно помѣшанные, разстройство ихъ умственныхъ способностей было полное, они рѣшительно на все смотрѣли съ своей фантастической точки зрѣнія; тогда какъ Сведенборгъ разсуждалъ совершенно здраво, если дѣло не касалось спеціальныхъ предметовъ его помѣшательства. Описывая свои путешествія по планетамъ, онъ сообщалъ совершенно вѣрно тѣ научные факты, которые извѣстны были астрономіи въ его время, и говорилъ въ этихъ случаяхъ такъ, какъ сказалъ бы самый ученый и здравомыслящій астрономъ того времени; и за тѣмъ уже передавалъ бредъ своей больной фантазіи. Эта особенность Сведенборга тоже не рѣдкость, ее часто можно замѣчать у самыхъ ученыхъ людей. Иной ученый объ одномъ предметѣ разсуждаетъ вѣрно и судитъ здраво, но за то о другихъ предметахъ говоритъ точно помѣшанный, высказываетъ неглупости похуже бреда ией Сведенборга. Шлейденъ говоритъ: «всѣмъ извѣстно распространенное явленіе, что люди въ нѣкоторыхъ, даже можетъ быть во многихъ, отношеніяхъ весьма умные о другихъ предметахъ судятъ не особенно здраво, даже быть можетъ неглупо. Гуго-Гроцій и Ньютонъ долго ломали себѣ голову надъ объясненіемъ звѣрия въ апокалипсисѣ. Тихо де-Браге смѣло измѣрялъ системы небесныхъ тѣлъ, но робко возвращался домой, когда зайцы перебѣгали ему дорогу... Стало быть ученый Шлейденъ не можетъ оскорбиться, и мы нисколько не унижимъ его ученыхъ заслугъ, если скажемъ, что и самъ онъ принадлежитъ къ разряду подобныхъ людей, и много смахиваетъ на Сведенборга. Въ области ботаники онъ умный человѣкъ, о ботаническихъ вещахъ онъ судитъ вѣрно и здраво; но какъ только коснется другихъ предметовъ, сейчасъ же пускается въ такіа фантазіи, въ которыхъ замѣчается совершенное отсутствіе здраваго смысла. Читая его этюды о суевѣріи или о душахъ растений, никакъ не хочешь вѣрить, чтобы ихъ написалъ Шлейденъ, авторъ сочиненія «Растеніе и его жизнь». Въ этихъ этюдахъ онъ пускается въ какую-то странную мистику, повидимому что-то успивается сказать, а между тѣмъ изъ его словъ рѣшительно ничего не выходитъ. Мы увѣрены, что даже переводчикъ его, г. профессоръ Калининскій, самъ не понималъ этихъ этюдовъ. Шлейденъ какъ будто вооружается противъ суевѣрія, но потомъ защищаетъ его, старается найти какую-то разницу между суевѣріемъ вѣрнымъ и невѣрнымъ; отвергаетъ «столовыхъ» духовъ, но горячо стоитъ за другихъ духовъ, вызываемыхъ магіей, хотя и вооружается въ то же время противъ волшебства; говоритъ, что наука естествознанія не разрушаетъ суевѣрія и не можетъ его

разрушить, а потому самъ же соглашается, что изученіе законовъ природы разогнало цѣлый облакъ суевѣрій. Вотъ на пробу, нѣсколько мѣстъ изъ «Этюдовъ» Шлейдена:

«Я придаю большое значеніе естествознанію, но говорю съ полнымъ убѣжденіемъ, что естественныя науки не избавили и никогда не избавятъ насъ отъ суевѣрія. — Мало того, я смѣло прибавляю, что суевѣріе неизбѣжно въ каждомъ хорошемъ человѣкѣ, и только совершенно бездушный, углубляясь въ себя, могъ бы сказать, что совершенно свободенъ отъ суевѣрія» (стр. 173).

«Вѣра живетъ неизгладимо въ каждомъ изъ насъ; она принадлежитъ къ условіямъ существованія человѣка, чтобъ онъ могъ чувствовать не мертвую вещественность, но духовную жизнь. — Не вѣра въ безсмертіе въ томъ мірѣ, съ сонмомъ духовъ, возвышаетъ человѣка надъ окружающею его безчувственной борьбою мертвыхъ массъ и силъ. а убѣжденіе, что лучезарный небесный міръ нѣсколько не отличенъ отъ окружающаго насъ міра, но кажется различнымъ только вслѣдствіе ограниченныхъ понятій человѣка» (это что-то въ родѣ Сведенборга). «Но безсмертіе и свободное общеніе съ духами. все это остается для человѣка вѣчно непостижимымъ. И какъ душа его чувствуетъ потребность сознавать соприсутствіе этого непостижимаго, говорить о немъ, то человѣкъ долженъ употреблять условныя знаки, которые образно объясняютъ ему непостижимое. Побужденіе нашего сердца заставлятъ насъ въ каждомъ явленіи природы видѣть высшее значеніе, искать за ней чего-то лучшаго, нежели разумную законность природы» (стр. 175).

«Понятіе о предопредѣленіи сильно и живо поддерживаетъ моральное наше чувство въ жизни, составляетъ твердую самостоятельную основу нашего благочестія.

«Для удержанія этого чувства во всей его чистотѣ, мы нуждаемся въ подчиненіи себя закону изящнаго; всякій символъ, слѣдовательно и въ моральномъ смыслѣ слова, имѣетъ эстетическое значеніе. Поэтому, можно назвать негнѣимъ суевѣріемъ всякое отвратительное, негнѣимое выраженіе нашихъ высокихъ убѣжденій. Въ ворожбѣ и толкованіи знаменій высказывается одно только убѣжденіе, что мы постоянно находимся подъ эгидою всемогущей любви, которая все сочетала и устроила для нашего блага: но противно думать, что мы ищемъ и полагаемъ нании предостереженіе, одобреніе и т. п. предсказанія въ кофейной гущѣ, въ ничего незначущихъ формахъ расплавленнаго свинца или въ засаленныхъ картахъ оборванной нищенки, хотя астрологія заслуживаетъ съ этой стороны уже меньшаго порицанія. Когда простосердечный селянинъ, въ молчаливомъ кружкѣ своей семьи, рано утромъ, снявъ съ сѣдыхъ волосъ шапочку, набожно читаетъ: «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь», то каждый разсудительный человѣкъ сочувствуетъ такой живой вѣрѣ. Читая же въ жизни *Стивлинга* исторію о томъ, какъ докторъ, погрязшій по уши въ долгахъ отъ безпорядочнаго домохозяйства, падая съ женою на колѣни, просить небо, какъ потомъ, получивъ съ почти нежданнаго денги, онъ приписываетъ это непосредственному дѣйствию своей молитвы, — мы отворачиваемся съ отвращеніемъ отъ такого суевѣрія» (стр. 179—80).

«Мы можемъ дѣлать различіе между неизвинительнымъ и извинительнымъ между грубымъ и уточненнымъ суевѣріемъ: но мы не можемъ освободиться отъ него вовсе, если не хотимъ отказаться отъ всей силы моральныхъ идей» (стр. 286). «Мы видимъ постоянно въ исторіи, что по мірѣ возрастающихъ человѣческихъ знаній, мало по малу распадается и превращается въ прахъ фантастическое громадное зданіе суевѣрія» (значить, наука разрушаетъ суевѣрія). «Но вообще я сомнѣваюсь, чтобъ въ настоящее время наука могла имѣть вліяніе на подобныя вещи (?). Но не существовало еще привидѣніе, которое бы стояло противъ полицейской власти, какъ скоро она преслѣдовала его неподкупно. И, съ своей стороны, отбѣдася бы отъ докучливаго привидѣнія, проси помощи не у заклинателей духовъ и философовъ, но у современныхъ Фуше (то есть министровъ полиціи: стр. 311)».

Отчего же происходитъ такая странность у людей ученыхъ и умныхъ вообще, отчего они о нѣкоторыхъ предметахъ разсуждаютъ умно и здраво, а

о другихъ совершенно безтолково и нелѣпо? На этотъ вопросъ Шлейденъ отвѣчаетъ такъ:

«Ни одна часть нашего тѣла не имѣетъ такого сложнаго устройства и такой чувствительности, какъ нервная система. Сотни тысячъ волоконъ, составляющихъ нервную систему, можетъ быть не болѣе одного раза въ теченіе тысячелѣтія имѣютъ такое совершенное строеніе и развитіе у человѣка, что всѣ вмѣстѣ служатъ одинаково и превосходно для отправления духа. Большою частію большія или меньшія партіи ихъ остаются недоразвитыми; вслѣдствіе этого духъ не можетъ, сообразно высшему своему развитію, проявляться нормально въ соответственныхъ частяхъ; можетъ случиться, что это явленіе будетъ еще замѣтнѣе, чѣмъ болѣе развиты другія части къ большому ущербу общей гармоніи. На этомъ основывается общезвѣстное явленіе, что люди умные о нѣкоторыхъ предметахъ судятъ не здраво, даже нелѣпо».

Этимъ можно объяснять и странности самого Шлейдена; видно у него меньшія ботаническія партіи нервовъ развиты хорошо, а большія, такъ сказать философскія, остались недоразвитыми; вслѣдствіе чего онъ и запутался во мракѣ суевѣрія и даже счелъ его необходимымъ.

Свѣдѣнія о числѣ подписчиковъ на «Современникъ» 1861 г.

По примѣру двухъ прошлыхъ лѣтъ мы представимъ цифры о числѣ подписчиковъ на «Современникъ» по губерніямъ и уѣздамъ въ истекшемъ году и, сравнивъ эти данныя съ цифрами двухъ прежнихъ нашихъ отчетовъ, повторимъ тѣ изъ прошлогоднихъ выводовъ которые подтвердились новыми свѣдѣніями.

Въ прошедшій разъ мы замѣтили, что число подписчиковъ на «Современникъ» въ 1860 г. очень значительно возрасло сравнительно съ предыдущимъ 1859 годомъ, и что такое возрастаніе постоянно шло съ 1855 года. Намъ нельзя сказать того же самого сравнивая 1861 г. съ 1860: тутъ прибавка была ничтожна. Въ 1860 г. расходилось 6,598 экземпляровъ «Современника», въ 1861 г. 6,658: все увеличеніе составляетъ только 60 экземпляровъ. — ничтожная цифра сравнительно съ числомъ 1,098 экземпляровъ, составившихъ увеличеніе за 1860 годъ.

Въ прошлый разъ, говоря объ этомъ значительномъ увеличеніи числа экземпляровъ за 1860 годъ, мы имѣли добросовѣстность не ставить этого факта въ восхваленіе собственно нашему журналу; мы приобрѣли тѣмъ право требовать довѣрія публики и къ объясненію, какое мы представимъ для неопустительнаго результата нашихъ трудовъ за прошлый годъ.

Разсматривая значительное увеличеніе числа подписчиковъ на «Современникъ» въ 1860 г., мы говорили: «Чему приписывать это главнымъ образомъ? Увеличенію ли публикѣ любви собственно къ нашему журналу? Самолюбіе конечно заставляло бы насъ приписывать вакившее вліяніе этому обстоятельству; но мы имѣемъ основаніе полагать, что общее число печатаемыхъ экземпляровъ всѣхъ журналовъ и газетъ въ сложности значительно возросло въ 1860 г. сравнительно съ 1859 г., какъ и въ 1859 сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, и такое возрастаніе постоянно идетъ съ 1855 г. Поэтому мы готовы часть увеличенія числа читателей нашего журнала отнести къ дѣйствію общаго хода литературы, которая постепенно становилась въ послѣдніе годы болѣе и болѣе достойною вниманія публики, и вслѣдствіе того находила для себя все болѣе и болѣе кругъ публики».

Теперь съ такою же примотою скажемъ: мы имѣемъ основаніе полагать, что общее число печатаемыхъ экземпляровъ всѣхъ журналовъ и газетъ въ сложности въ 1861 г. не возрасло сравнительно съ 1860, а, напротивъ,

довольно значительно уменьшилось. Возрастаніе, постоянно шедшее съ 1855 г. до 1860, остановилось и даже произошло очень замѣтный упадокъ общей суммы. «Современникъ» былъ еще на столько счастливъ, что до него не коснулось въ прошломъ году общее пониженіе, и только очень немногіе журналы, подобно «Современнику», составили такое исключеніе. Они вмѣстѣ съ нами должны сказать, что общій упадокъ отразился на нихъ уменьшеніемъ той прибавки къ прежнему числу подписчиковъ, какой они должны были бы ожидать, если бы цифра итога, общаго для всей журналистики, возрастала попрежнему. Прежнее увеличеніе числа читателей нашего журнала мы относили къ дѣйствию общаго хода литературы. Фактъ, обнаружившійся въ прошломъ году, точно также долженъ быть отнесенъ къ дѣйствию общаго хода литературы, и надобно сказать прямо: съ прошлаго года перестала публика находить, что литература становится все болѣе и болѣе достойною ея вниманія, публика нашла противное и вслѣдствіе того стала меньше прежняго читать журналы. Дѣйствительно, каждый изъ нашихъ сотоварищей по литературѣ и каждый изъ читателей замѣчаютъ по разговорамъ въ обществѣ въ два послѣдніе года, что публикѣ начинаетъ надоедать безплодность хлопотъ нашей литературы. Прежде, читая журналы, она ждала, что выйдетъ какая нибудь польза для жизни изъ того, что пишутъ журналы. Обманувшись въ своемъ предположеніи, справедливо начала терять охоту къ занятію этой напрасной болтовней.

Неизвѣстно, каковъ будетъ окончательный результатъ этого измѣненія мыслей публики о степени важности и занимательности литературы въ нынѣшнемъ ея видѣ. Можно дѣлать предположенія разнаго рода, и самымъ вѣроятнымъ изъ нихъ представляется то, что увеличившаяся требовательность публики дастъ литературѣ возможность приобрести болѣе полезное вліяніе въ жизни. Но это предположеніе не больше какъ правдоподобное ожиданіе, а вовсе еще не фактъ. Фактъ до сихъ поръ остается еще совершенно иной: недовольство публики литературою еще не получило того опредѣленнаго направленія, которое придало бы литературѣ новое достоинство для жизни.

Этотъ упадокъ подивки на журналы и упадокъ всей книжной торговли, замѣтно обнаружившійся въ прошломъ году и усилюющійся въ нынѣшнемъ, обыкновенно приписываютъ общему безденежью; но само оно есть не болѣе какъ одинъ изъ результатовъ той болѣе глубокой причины, которую характеризовали мы словами «недостатокъ вліянія литературы на жизнь».

Въ прошлый разъ²⁾ мы дѣлали опытъ соединенія губерній и областей въ нѣсколько большихъ группъ, сообразно ихъ отношенію къ литературѣ, и тогда же замѣчали, что вѣроятно окажется надобность нѣсколько измѣнить группировку, сдѣланную нами въ видѣ опыта. Цифры прошедшаго года, подтверждая догадку, внушенную цифрами 1860 года, показываютъ основательность предположеній, высказанныхъ нами тогда. Губерніи Волынская и Каменецъ-Подольская дѣйствительно имѣютъ къ русской литературѣ точно такое же

¹⁾ Далѣе идетъ таблица, не помѣщаемая нынѣ какъ утратившая уже свой спеціальный интересъ. Цифры этой таблицы повторяются ниже въ текстѣ.

²⁾ См. т. VIII настоящаго изданія, стр. 67—75.

отношеніе, какъ литовскія губерніи, и оказываются совершенно различны отъ остальныхъ четырехъ малорусскихъ губерній характеромъ умственной жизни образованнаго класса: на Волини и въ Подоліи русская литература распространена несравненно меньше, чѣмъ въ губерніяхъ Кіевской, Полтавской, Харьковской и Черниговской.

Губерніи, лежащія между Малороссіею и нижнимъ Поволжьемъ, дѣйствительно не имѣютъ одинаковаго характера и каждая изъ нихъ обнаруживаетъ сходство съ тѣмъ краемъ, къ которому примыкаетъ: Курская и Воронежская похожи на Харьковскую и Полтавскую, Земля Войска Донскаго—на Новороссію, Орловская губернія на подмосковныя губерніи, Пензенская и Тамбовская на губерніи нижняго Поволжья. Сдѣлавъ распредѣленіе, сообразно этимъ даннымъ, мы получимъ слѣдующій рядъ округовъ (беремъ цифры экземпляровъ только за 1860 и 1861 гг., потому что списокъ 1859 г., составленный нѣсколько иначе, не годится для точнаго сравненія, какъ мы уже и замѣчали прошлый разъ).

I. Сѣверо-западный Великорусскій край.

Губерніи: Новгородская, Олонецкая, Псковская, Петербургская (за исключеніе города С.-Петербурга) и Смоленская:

1860	1861	населеніе
272	277	3.650,000

II и III. Литва и Волинь съ Подоліею.

Губерніи: Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская:

1860	1861	населеніе
224	226	8,675,000

IV. Малороссія (кроме Волини съ Подоліею) и прилежащія губерніи.

Губерніи: Воронежская, Кіевская, Курская, Полтавская, Харьковская, Черниговская:

1860	1861	населеніе
927	880	10,550,000

V. Новороссія и Крымъ съ прилежащими землями.

Область Бессарабская, Земли Войска Донскаго, губерніи: Екатеринославская, Ставропольская, Таврическая, Херсонская:

1860	1861	населеніе
904	857	5,475,000

VI. Подмосковная область.

Губерніи: Владимірская, Калужская, Костромская, Московская (за исключеніемъ города Москвы), Орловская, Рязанская, Тверская, Тульская, Ярославская:

1860	1861	населеніе
794	803	11,100,000

VII. Южная половина Восточнаго края.

Губерніи: Астраханская, Казанская, Нижегородская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская:

1860	1861	населеніе
601	645	10,500,000

VIII. Сѣверо-восточный край.

Губерніи: Архангельская, Вологодская, Вятская, Оренбургская, Пермская, Земля Войска Уральскаго:

1860	1861	населеніе
259	289	7,400,000

IX. Сибирь.

1860	1861	населеніе
221	250	3,400,000

X. Кавказъ и Закавказье.

1860	1861
158	161

XI, XII, XIII и XIV. Царство Польское, Остзейскія губерніи, Финляндія и заграничныя земли.

1860	1861
122	119

Цифры, относящіяся къ округамъ литовскому и кавказскому, губерніямъ Волынской и Подольской, служатъ мѣркою развитія любви къ чтенію въ этихъ мѣстностяхъ, по причинамъ, которыя указывали мы въ прошлый разъ. Точно также по цифрамъ, относящимся къ петербургскому журналу, нельзя сравнивать сѣверозападнаго края, въ которомъ, конечно, болѣе петербургская журналистика, съ подмосковными, въ которомъ, конечно, преобладаетъ московская журналистика. Разсмотримъ же пропорцію между населеніемъ и числомъ экземпляровъ въ другихъ русскихъ округахъ. (Цифры населенія у насъ взяты изъ мѣсяцеслова за прошлый годъ; а цифры экземпляровъ за оба года мы сложимъ и дѣлимъ на 2, чтобы получить среднее число за оба года).

	Среднее число экземпляровъ «Современни- ка», получав- шихся за 1860 и 1861 годовъ.	Число населенія.	На 1 миллионъ населенія по- лучилось эк- земпляровъ.
Новороссія (V)	880	5,475,000	161
Малороссія (IV)	904	10,550,000	86
Сибирь (IX)	236	3,400,000	70
Юговосточный край (VII)	623	10,600,000	59
Сѣверовосточный край (VIII) . .	274	7,400,000	39

Порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ одинъ за другимъ эти округа, остается тотъ же самый, какой мы получили изъ цифръ, относившихся къ одному 1860 г., и мы можемъ повторить замѣчаніе, сдѣланное въ прошлый разъ.

«Мы видимъ въ этой таблицѣ правильное возрастаніе любви къ чтенію съ сѣверовостока Европейской Россіи на югозападъ.

«По особенностямъ своей исторической судьбы, Сибирь, никогда не знавшая крѣпостнаго права, получавшая изъ Россіи постоянный приливъ самаго энергическаго и часто самаго развитаго населенія, издавна пользуется славой, что стоитъ въ умственномъ отношеніи выше Европейской Россіи,—по нашимъ цифрамъ это подтверждается, если слишкомъ общее выраженіе — Европейской Россіи мы замѣнимъ болѣе опредѣлительнымъ именемъ—Великороссія».

Разовьемъ подробнѣе замѣтки о другихъ округахъ, слишкомъ кратко сдѣланныя въ первый разъ.

Огромный перевѣсъ Новороссіи надъ Малороссіею надобно, по всей вѣроятности, приписывать собственно тому обстоятельству, что Новороссійскій край пользуется большимъ благосостояніемъ, чѣмъ Малороссія.

Въ свою очередь, Малороссія зажиточнѣе юговосточнаго Великорусскаго края, а онъ зажиточнѣе сѣверовосточнаго.

Конечно, довѣріе къ этимъ выводамъ совершенно зависить отъ вѣрности дѣлаемаго нами предположенія, что пропорція распространенности другихъ журналовъ и газетъ, по названнымъ нами краямъ, сходна съ пропорціею, представляемую «Современникомъ».

СВИСТОКЪ.

ОПЫТЫ ОТКРЫТІЙ И ИЗОБРѢТЕНІЙ.

«Оборотни не должны быть смѣшиваемы съ упырями, хотя тѣ и другіе вредны. Оборотнями называются люди, превращающіеся въ животныхъ, обыкновенно нечистыхъ; упыри же, сохраняя человѣческій видъ, сосутъ кровь изъ беззащитныхъ людей. Противъ оборотня достаточно зачураться; противъ упырей столь легкое средство недостаточно; отъ нихъ можно избавиться не иначе, какъ» и т. д.

«Сказаніе Русскаго Народа», И. Сахарова.

При отменной остротѣ ума, я обогатилъ умственную и матеріальную жизнь рода человѣческаго многими важными открытіями. Но, по несчастной судьбѣ моей, всегда оказывалось, что въ каждомъ сдѣланномъ мною изобрѣтеніи уже предупредилъ меня кто-нибудь другой. Человѣчество нимало не теряло отъ этого роковаго для меня обстоятельства; людямъ было гораздо выгоднѣе, что ходъ усовершенствованій подвигался впередъ, не дожидаясь моей изобрѣтательности. Но каково было видѣть мнѣ себя лишаемымъ признательности и славы, какими награждаются благодѣтели рода человѣческаго и творцы новыхъ эпохъ въ наукахъ? Каково было видѣть мнѣ, что предвосхищенъ кѣмъ нибудь каждый изъ безчисленныхъ лавровыхъ вѣнковъ, заслуженныхъ мною? Отъ этого развивалась во мнѣ хандра. Но природѣ человѣкъ веселій, я съ утра до ночи хохочу: самые угрюмые люди увлекаются заразительнымъ, добродушнымъ моимъ смѣхомъ. Меня даже не выпускаютъ изъ тѣхъ семействъ, гдѣ есть грудныя малютки, ибо раскаты моего смѣха не даютъ имъ спать, и трое младенцевъ уже подверглись надучей болѣзни, будучи внезапно пробуждены громогласными взрывами моей веселости. Но не знаютъ люди, что ракъ скорбѣ пожираетъ сердце мнимаго весельчака. Я мучусь день и ночь вышеупомянутымъ убійственнымъ обстоятельствомъ.

Рядъ предвосхищеній моей славы начался съ самой ранней юности, когда я открылъ металлическій термометръ; черезъ три мѣсяца я прочелъ, что это изобрѣтеніе гораздо раньше меня сдѣлалъ Брегетъ. Я проклялъ злонамереннаго часовщика, существовавшаго не въ свое дѣло, какъ будто нарочно съ цѣлью напакостить мнѣ. Но изобрѣтеніи металлическаго термометра, я обратилъ свою

мысль отъ физики къ математикѣ, и открылъ Ньютоновъ биномъ; но черезъ двѣ недѣли узналъ, что открытый мною биномъ есть Ньютоновъ. Занявшись черезъ нѣсколько времени русскою исторіею, я открылъ геніальность и благотворность въ дѣйствіяхъ Іоанна IV Васильевича, а потомъ размысливъ о политической экономіи, постигъ необходимость не допускать привоза машинъ изъ-за границы въ Россію. Но оказалось, что первое открытіе предвосхищено у меня знаменитымъ нашимъ историкомъ г. Соловьевымъ, а второе отпечатано въ журналѣ, редакторомъ котораго былъ глубокоуважаемый мною Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ, также профессоръ московскаго университета. Съ ними обоими сходилъ я въ мысляхъ неоднократно, особенно въ мысляхъ о томъ, какъ надобно расправляться съ молодежью. Тревожить меня только то, что я не увѣренъ—раздѣляютъ ли мнѣніе мое, г. Соловьева и г. Бабста, во всей силѣ его, молодые ученые профессора московскаго университета, г. О. Дмитріевъ и г. Чичеринъ? Въ г. Леонтьевѣ я увѣренъ; но достигла ли молодая пара той опредѣленности послѣдняго вывода, какою гордимся мы, ученые вполне зрѣлые (я, г. Соловьевъ и г. Бабстъ)? Принципъ г. Чичерина основателенъ: наука сама по себѣ, жизнь сама по себѣ, и наукѣ нѣтъ до нея дѣла. Изъ этого конечно слѣдуетъ, что если не только учащагося юношу, но хотя бы и вполне ученаго мужа стали мы сѣчь, это не мало не помѣшало бы его успѣхамъ въ наукахъ: вѣдь сѣченіе—дѣло жизни, а не науки, и розга ни мало не прикасается къ благороднымъ, скрытымъ подъ черепомъ органамъ, которыми познается научная истина: ученый, раздѣляющій принципы гг. О. Дмитріева и Чичерина, можетъ безмятежно мыслить о *leges barbarorum* и областныхъ учрежденіяхъ, несмотря ни на какія соприкосновенія извѣстныхъ предметовъ растительнаго царства съ органами его организма, не занимающимся мышленіемъ. Такъ, я льщу себя надеждой, что г. О. Дмитріевъ увлечетъ за собою къ этому положенію своихъ друзей англійскаго московскаго клуба, а г. Чичеринъ приметъ его среди аудиторіи. Но я только льщу себя надеждой, а полной увѣренности у меня еще нѣтъ.

Мои открытія не ограничивались общими научными истинами: я глубоко прозрѣвалъ и конкретные факты. Напримѣръ, при появленіи «Очерковъ Англіи и Франціи» г. Чичерина, я прозрѣвалъ философскимъ взоромъ, что молодой ученый скоро будетъ понимать обязанности полицейскаго служителя въ совершенствѣ, какого не достигаютъ сами полицейскіе чиновники. Но и это открытіе предвосхитилъ у меня нѣкто, написавшій еще въ 1859 году:

Г. Чичеринъ не замедлитъ сдѣлаться мертвымъ схоластикомъ, и будетъ философскими построеніями доказывать историческую необходимость каждаго предписанія земскои полиціи, согласно теоріи безпристрастія. Потомъ историческая необходимость можетъ обратиться у него и въ разумность» («Соврем.» 1859 г. № 5. Критика, стр. 58).

Я могъ бы бесконечно продолжать перечень открытій, предвосхищенныхъ у меня отчасти современниками, отчасти предками. Чтобы говорить только о современникахъ, скажу, что кромѣ одного только человека,—котораго я за то и люблю,—кромѣ Конрада Лиліеншавгера, не было ни одного извѣстнаго писателя, который не предвосхитилъ бы у меня какихъ нибудь хорошихъ мыслей. Напримѣръ:

ИМЯ ПРЕДВОСХИТИВШАГО.

ПРЕДВОСХИЩЕННАЯ ИМЪ У МЕНЯ МЫСЛЬ.

- Г. Альбертини Письмо изъ Турина, напечатанное въ № 3 «Совр.» 1861 г., проникнуто ненавистью къ національной независимости и пропитано гнуснымъ обскурантизмомъ, уничтожающимся до омерзительной клеветы.
- Г. Ив. Аксаковъ Безумные поляки... Намъ не нужно суда присяжныхъ.
- Г. Громека Благоразумный человекъ можетъ желать только того, чтобы наказаніе невинному было уменьшено, а не того, чтобы онъ былъ признанъ невиннымъ.
- Г. Буслаевъ Суевѣріе полезно.
- Г. Дудышкинъ Кто пишетъ ясно, тотъ плохой писатель.
- Г. Леонтьевъ Римъ погибъ оттого, что плебеи имѣли землю; мужику земля не нужна.
- Г. Катковъ Съ учащагося надо брать штрафъ за то, что онъ учится.
- Г. Н. Костомаровъ Не должно подчиняться деспотизму уличной толпы.
- Г. Кавелинъ Буду сотрудникомъ «Нашего Времени», издаваемого Н. Ф. Павловымъ.
- Г. Чернышевскій Сталь состоитъ изъ желѣза съ примѣсью кислорода.
- Гг. Достоевскіе Мы оторвались отъ почвы.
- Г. Лонгиновъ Бѣлинскій принесъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Остановлюсь. Въ другой разъ dokonчу этотъ едва начатый списокъ. Тогда пожалуй въ десять разъ больше пменъ, и противъ каждаго человека выставлю по десятку и больше мыслей, предвосхищенныхъ имъ у меня. Теперь довольно данныхъ приведено для моей цѣли. Цѣль состоитъ въ томъ, чтобы объяснить публикѣ причину, заставившую меня приняться за дѣло, объясняемое далѣе:

Убѣждаясь десятками и сотнями опытовъ, что напрасно мнѣ самому добиваться славы изобрѣтателя хорошихъ мыслей, что всякій разъ всякое мое открытіе будетъ предвосхищаемо другимъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ пламенѣя желаніемъ приносить моему отечеству пользу и честь благами изобрѣтеніями, и усматривая въ то же время, сколь многія такія изобрѣтенія, проходя незамѣченными, остаются непринесшими надлежащаго блага, я посвящаю себя безкорыстной заботѣ о доставленіи хотя другимъ изобрѣтателямъ той заслуженной извѣстности, которой столь долго и напрасно искалъ я для себя. Судьба не дозволяетъ мнѣ раздѣлять прекрасную репутацію г. Бабста, г. Чипчерна; попробую искать хвалы болѣе скромной, но все-таки пріятной: пусть скажутъ обо мнѣ: лишенный злымъ рокомъ всякаго случая блистать собственнымъ

талантомъ, онъ по крайней мѣрѣ раскрывалъ своему милому отечеству глаза, чтобы восхищаясь оно блескомъ талантовъ въ другихъ»; хочу, чтобы могъ я сказать о себѣ, подражая пѣвцу Руслана и Людмилы:

« И долго буду я народу тѣмъ любезенъ
Что мысли дивныя въ писакахъ открывалъ,
Что ловкостью живыхъ намековъ былъ полезенъ
И низость чувствъ изобличалъ».

Итакъ, идемъ на поискъ.

Я началъ поиски свои чтеніемъ статей по университетскому вопросу и въ каждой попадалось мнѣ замѣчательное открытіе. Вотъ списокъ лучшихъ.

Но нѣтъ, я не сообщу его. Я не въ силахъ превозмочь въ себѣ порывъ тщеславія, внушающаго мнѣ, будто бы, отыскивая чужія открытія, самъ я сдѣлалъ открытіе, несравненно болѣе важное. Умолчу же о другихъ, выставлю только себя. Вотъ оно, мое собственное.

Окончательное открытіе по университетскому вопросу, никѣмъ у меня не предвосхищенное.

Объ университетскомъ вопросѣ напечатано было въ теченіе четырехъ послѣднихъ мѣсяцевъ 4,444 статьи: ни одна изъ нихъ даже и не упоминала о существенной сторонѣ дѣла, о которой толковали 500,000 человекъ въ Петербургѣ, 400,000 въ Москвѣ, 75,000 въ Одессѣ, 70,000 въ Саратовѣ и т. д. (см. списокъ городовъ Россійской имперіи въ Мѣсяцесловѣ на 1862 годъ).

Вотъ такъ открытіе! Сплетайте мнѣ вѣнокъ изъ того самаго лавроваго листа, который продается въ овощной лавкѣ Бабкина (на Литейной близъ Невскаго) и изъ котораго былъ сплетенъ вѣнокъ, недавно возложенный на юную главу г. А. Майкова!

— Грозное видѣніе! кто ты, и чего отъ меня хочешь?—вопрошаю я въ трепетѣ, видя представшее предо мною существо, форму котораго не могъ я разсмотрѣть отъ страха.

— Ты ошибаешься, отвѣчала мнѣ тѣнь: я не имѣю формы, тебя страшящей; я не болѣе, не менѣе, какъ душа г. Лонгинова (пользующагося, впрочемъ добрымъ здоровьемъ): онъ спитъ теперь, а я воспользовалась свободными часами, чтобы прогуляться.—и вотъ явилась предъ тобою, чтобы уличить тебя въ грубомъ невѣдѣствѣ, происходящемъ отъ незнакомства съ трудами твоихъ предшественниковъ въ русской литературѣ. Возьми и читай.

Тѣнь подала мнѣ книгу, я прочелъ:

«Вы радуетесь на вашу литературу, будто-бы она въ самомъ дѣлѣ занимается чѣмъ нибудь полезнымъ: желаю вамъ радоваться. Какую пользу можно извлечь изъ вашихъ смутныхъ разсужденій, искажающихъ до микроскопическаго размѣра все, чего касается ваша рѣчь? Одно тутъ можетъ быть вліяніе: мельчаютъ понятія, мельчаютъ и надежды тѣхъ, кто вздумаетъ искать въ вашихъ разсужденіяхъ отвѣта на занимающіе его вопросы.—Если говорить правду, люди, довольные нашею литературою, не имѣютъ

пнятія о томъ, что такое литература, достойная этого имени.—Кто захотѣлъ бы слѣдить по нашей литературѣ, за тѣмъ, что происходитъ въ нашей жизни, тотъ зналъ бы одинъ, да и то самый ничтожный изъ 1,000 фактовъ, о которыхъ будетъ говорить исторія, да и этотъ фактъ показываетъ литература вамъ въ искаженномъ видѣ».

Тѣнь произнесла торжественнымъ голосомъ: это напечатано въ XII кн. «Современника» за 1857 г. въ «Современномъ обозрѣніи» на стр. 305—308, *passim*. Твое открытіе запоздало слишкомъ пятью годами».

Тѣнь исчезла, оставивъ по себѣ запахъ прѣлой бумаги.

Что жъ такое? подумалъ я про себя: изъ этого можно вывести новое открытіе, которое будетъ удачнѣй.

Второе открытіе, самое окончательное.

Въ пять лѣтъ литература наша не подвинулась ни на одинъ шагъ; а такъ какъ литература служить отраженіемъ жизни, то значить, что ни на шагъ не подвинулась и наша жизнь.

Но едва мелькнула эта мысль въ моей головѣ, какъ застыла кровь въ моихъ жилахъ отъ ужаса: что скажетъ о такомъ бездушномъ скептицизмѣ пламенный г. Громека! Да еще хорошо бы, если бы вознегодовалъ только г. Громека! Есть публицистъ, несравненно болѣе знаменитый и гораздо болѣе пылкій, который такъ и крикнетъ: *very dangerous!* и назоветъ меня «окаменѣлымъ титулярнымъ совѣтникомъ», или «исконаемымъ кандидатомъ»¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, какая безразсудная забывчивость бездушнаго скептицизма! какъ могъ я забыть, что въ эти пять лѣтъ совершенно освобожденіе крестьянъ!

Другой на моемъ мѣстѣ окончательно растерялся бы, будучи уличенъ въ томъ, что не замѣтилъ такого факта. Но человѣку, имѣющему *idée fixe*, каковъ я, все ниномъ: съ нимъ что ни случилось, онъ все гнетъ къ пункту своего помѣшательства; всякій фактъ, всякое слово обращается для него только въ средство къ удовлетворенію его неразумной страсти. Такъ г. Майковъ на все смотритъ, какъ на предлогъ для написанія пышныхъ стиховъ: вѣдетъ кто нибудь въ козакъ, — онъ сейчасъ напишетъ стихи въ честь проѣзжему; объявятъ рекрутскій наборъ, — онъ напишетъ стихи въ честь рекрутскаго набора; полагаю, что если бы случилось землетрясеніе (отъ котораго спасъ насъ Богъ! но оиъ-таки: всѣ мы подъ Богомъ ходимъ), — онъ написалъ бы стихи въ честь землетрясенія. Такъ вотъ и я: мнѣ что ни попадись на глаза, о чемъ ни подумай я, все обращается въ поводъ искать открытій. Какъ только подвернулась мнѣ мысль объ освобожденіи крестьянъ, такъ вотъ и подмываетъ сдѣлать какое-нибудь открытіе по этому вопросу. И что же вы думаете? Вѣдь не замедлитъ сдѣлать открытіе. Но важность его требуетъ отдѣльной статьи съ особымъ заглавіемъ.

¹⁾ Намекъ на Герцена. См. Былое 1906 г. № 4, Дѣло Н. Г. Чернышевскаго, стр. 154.

Г. МАГИСТРЪ Н. ДЕ-БЕЗОБРАЗОВЪ-ПСЕВДОНИМЪ!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОТКРЫТІЕ!!

(Посвящается нѣмецкому философу Фихте и русскому библиографу М. Н. Лонгинову).

Благодарная Россія съ глубокимъ сочувствіемъ читала изданную нѣкогда за границею брошюру, въ которой предлагался очень легкій способъ совершить начинавшееся тогда дѣло освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. По мнѣнію брошюры, не нужно было измѣнять никакихъ дѣйствительныхъ отношеній, — достаточно было замѣнить названіе «крѣпостныхъ крестьянъ» именемъ «крестьянъ, поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ», и затѣмъ уже болѣе ничего не требовалось: барщина, оброкъ, вотчинная власть оставались бы въ прежнемъ видѣ, а крестьяне все-таки могли бы называться освобожденными, и были бы совершенно довольны.

Столь остроумное содержаніе брошюры заставило всѣхъ разузнавать о ея авторѣ, который подписался именемъ магистра Н. Безобразова. Оказалось, что магистръ такого имени дѣйствительно существуетъ: нашлись люди, утверждавшіе, что они знакомы съ нимъ; черезъ нѣсколько времени, многіе жители Петербурга встрѣчались съ нимъ въ обществѣ или видѣли его на улицѣ; потому такіе же факты повторялись въ Москвѣ. Словомъ сказать, подлинность существованія г. Николая Безобразова являлась непоколебимо подтвержденною свѣдѣтельствомъ внѣшнихъ чувствъ.

Но, — просвѣщенный читатель знаетъ, что знаменитѣйшіе философы отвергали достовѣрность показаній нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Съ особенною убѣдительною изложено это такъ-называемое идеалистическое ученіе нѣмецкимъ мыслителемъ Фихте. Исходя отъ положенія

$$Я = Я,$$

то есть, въ примѣненіи къ индивидуальному случаю, насъ занимающему:

г. магистръ Н. Безобразовъ есть г. магистръ Н. Безобразовъ,

Фихте рядомъ неопровержимыхъ логическихъ выводовъ доказываетъ, что

$$Я = \text{не} — Я.$$

то-есть, въ примѣненіи къ тому же индивидууму:

г. магистръ Н. Безобразовъ есть не г. магистръ Н. Безобразовъ, а нѣкто другой.

Рождался вопросъ: кто же этотъ нѣкто другой, который тождественъ съ г. магистромъ Н. Безобразовымъ?

Долго всѣ изслѣдованія оставались напрасны. Сначала повелъ розыски философскимъ путемъ; но г. Страховъ успѣлъ только доказать (въ статьѣ о жителяхъ планетъ, «Время 1861 г., № 1»), что на лунѣ есть существа, по физиологическому строенію очень близкія къ г. магистру Н. Безобразову; но дѣйствительно ли кто либо изъ нихъ есть подлинный вышеупомянутый магистръ, этого не могъ рѣшить г. Страховъ.

Философія сдѣлала свое дѣло: разрушила заблужденіе, возбудила къ изслѣдованію истины, показала ее въ общемъ, неопредѣленномъ очертаніи, но до реальной истины довести не могла. Убѣдившись въ необходимости прибѣгнуть къ помощи опытныхъ наукъ, прежде всего поручили разъясненіе вопроса нашимъ знаменитымъ историкамъ. Г. Чичеринъ не могъ разъяснить ничего, потому что самъ оказался относящимся къ временамъ хазарскимъ и половецкимъ, далѣе которыхъ ничего не въ состояніи видѣть, а вопросъ о брошюрѣ и ея авторѣ принадлежитъ второй половинѣ XIX столѣтія. Итакъ, оставались г. Костомаровъ и г. Соловьевъ. Они разошлись между собою во взглядѣ на предметъ.

Г. Костомаровъ доказывалъ, что люди, имѣющіе образъ мыслей г. магистра Н. Безобразова, называются въ лѣтописяхъ нашихъ варягами. Этого никто не могъ оспорить. Но далѣе слѣдовалъ вопросъ: какой же варягъ г. Н. Безобразовъ?—Г. Костомаровъ, находя въ литовскомъ лексиконѣ Нессельмана слова: *sin*, предлогъ, *безъ*; *eus* существ. женск. рода, = *рожа*, *лицо*, *образъ*,—принималъ г. магистра Н. Безобразова за Синеуса ¹⁾. Но г. Соловьевъ принимаетъ имя «магистръ Н. Безобразовъ» не болѣе, какъ прозваніемъ Іоанна IV Грознаго, основываясь на словахъ лѣтописца: «царь же Иванъ (IV) образомъ бѣ нелѣпенъ»,—дѣйствительно, «образомъ бѣ нелѣпъ» и «Безобразовъ»—одно и то же.

Противъ той и другой догадки были важныя возраженія: о Синеусѣ лѣтопись не упоминаетъ, чтобы онъ печаталъ какія либо брошюры за границею; слѣдовательно, надобно еще доказать этотъ фактъ какими нибудь другими данными; что же касается мифіи г. Соловьева, то при всемъ своемъ остроуміи оно совершенно неосновательно: мы положительно знаемъ, что при Іоаннѣ IV Васильевичѣ въ Россіи знали только одного «магистра» ²⁾, и слѣдовательно въ имени г. магистра Н. Безобразова не могла бы явиться приставка «магистръ», если бы подъ этимъ именемъ разумѣлся Иванъ IV Грозный.

Видя, что исторія только запутываетъ дѣло, мы прибѣгли къ бібліографіи, стали рыться въ журналахъ, въ газетахъ, и скоро блеснулъ намъ лучъ истины. Въ 7-мъ номерѣ газеты «День» мы нашли статью «Уставная грамота»,—статью, съ которой стоитъ познакомиться поближе. Написана она въ формѣ разговора между какимъ-то «княземъ» ³⁾ и «Тверитиновымъ». «Князь» затрудняется составленіемъ уставной грамоты, потому что «крестьяне не поддаются на его предложенія», хотя онъ «не употребляетъ во зло своей власти» (читатель вспомнитъ, что лѣтописецъ также не винитъ Синеуса ни въ какихъ злоупотребленіяхъ власти. Догадка о Синеусѣ сильно подтверждается). Тверитиновъ говоритъ: если крестьяне не хотятъ подписывать уставную грамоту, то можно обойтись и безъ ихъ согласія.—Такъ вотъ что-съ, г. Тверитиновъ: можно обходиться и безъ согласія крестьянъ, по вашему-то?—Замѣчаемъ, замѣчаемъ, ушко-то чье выглядываетъ изъ-подъ вашей маски, г. Тверитиновъ.

¹⁾ Sin—eus, Синеусъ, Безобразовъ. Дѣйствительно, сходство поразительное.

²⁾ Именно, великаго магистра ливонскаго ордена.

³⁾ Просвѣщенный читатель помнитъ, что Синеусъ былъ князь; догадка г. Костомарова пріобрѣтаетъ новую довольно твердую опору.

А вѣдь подъ маскою Тверитинова скрывается авторъ статьи,—такъ всѣ газеты и журналы объявили ¹⁾).

Кому нибудь другому было бы извинительно говорить такія вещи; но г. Тверитиновъ не убаюкиваетъ себя объясненіями, заимствуемыми изъ второстепенныхъ побочныхъ обстоятельствъ: изъ безграмотности, изъ невѣжества, изъ боязни письменныхъ документовъ и т. п.—изъ вещей, которыми обыкновенно довольствуются при разсужденіяхъ о несогласіи крестьянъ подписывать уставныя грамоты; г. Тверитиновъ смотритъ, по прекрасному правилу Кузмы Пруtkова, «въ корень».—Корень оказывается очень толстый и крѣпкій. Вотъ подлинныя слова Тверитинова. На замѣчаніе князя (Синеуса?), что «сколько онъ ни толковалъ крестьянамъ, они попрежнему ни на что не соглашались», г. Д. Самаринъ устами Тверитинова отвѣчаетъ:

«Тверитиновъ. Да, объ этомъ несогласіи слышно со всѣхъ сторонъ; но именно, потому, что это явленіе общее во всей Россіи, полезно бы вникнуть въ причину этого глухого, пассивнаго... несогласія. Вѣдь вамъ извѣстно, что крестьяне подъ волею понимаютъ: *освобожденіе ихъ отъ барщины и отъ оброка*».

На важность послѣднихъ словъ напираетъ самъ г. Самаринъ, печатая ихъ особеннымъ шрифтомъ. Вопросъ въ такой откровенной постановкѣ долженъ бы казаться очень затруднителенъ для господъ, подобныхъ Тверитинову, желающему, чтобы князь продолжалъ получать съ крестьянъ прежній доходъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сдѣлать, чтобы люди, не желающіе платить, стали платить съ удовольствіемъ? Но для такого умнаго человѣка, какъ авторъ статьи г. Д. Самаринъ, ничего не стоитъ разрѣшить задачу какъ нельзя лучше, Тверитиновъ говоритъ:

«По моему мнѣнію, желательно было бы, чтобы повинности, оставаясь въ томъ же размѣрѣ, переставъ быть повинностями за пользованіе землею, вносились не помѣщику, а въ казну, какъ подать, и вмѣстѣ съ податью: а помѣщика вознаградите изъ казны ежегодною рентою. Тогда вопросъ рѣшится весьма легко: нужно, чтобы оброкъ, платимый крестьянами, проходя чрезъ казну, какъ бы измѣнился въ самомъ принципѣ своемъ, хотя на самомъ дѣлѣ измѣненія въ размѣрѣ никакого нѣтъ».

Ура! ура! искомое найдено, совершенно мною открытіе надъ которымъ напрасно ломали голову г. Страховъ, г. Костомаровъ и г. Соловьевъ: подлинный г. магистръ Н. Безобразовъ найденъ! Да, это онъ, г. Д. Самаринъ! Абсолютное тожество этихъ двухъ именъ очевидно.

Въ самомъ дѣлѣ: разницы между ними нѣтъ никакой.

Г. магистръ Н. Безобразовъ говоритъ: недовольство мужиковъ крѣпостнымъ правомъ весьма легко устранить одною перемѣною имени: надобно только переименовать крѣпостныхъ въ поселенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ, оставивъ ихъ отношенія къ помѣщику въ прежнемъ видѣ; вотъ и будетъ исчерпанъ весь вопросъ о крѣпостномъ правѣ.

¹⁾ Друзья автора закричатъ: «клевета! г. Д. Самаринъ никогда не могъ предложить, чтобы устройство крестьянскаго быта совершалось безъ согласія крестьянъ!» Нѣтъ-съ, извините: г. Д. Самаринъ прямо говоритъ это. Вотъ подлинныя слова:

«Князь. Они (крестьяне) не соглашались подписать уставной грамоты.

«Тверитиновъ. Мнѣ кажется, что и незачѣмъ этого слишкомъ добиваться.

Князь. Я съ вами согласенъ, что можно обойтись и безъ ихъ подписи».

Тверитиновъ не отвѣчаетъ, что князь неправильно понялъ его мнѣніе.

Г. Д. Самаринъ говоритъ: недовольство мужиковъ оброкомъ весьма легко устранить одною переименованіемъ: надобно только переименовать оброкъ въ подать, оставивъ его въ прежнемъ размѣрѣ; вотъ и будетъ исчерпанъ весь вопросъ объ оброкахъ.

Не было на землѣ двухъ Аристотелей; не можетъ быть въ Россіи двухъ людей, способныхъ къ изобрѣтенію такихъ гениальныхъ рѣшеній. Никто, кромѣ Ньютона, не могъ открыть законъ всеобщаго тяготѣнія; никто кромѣ г. Д. Самарина, не могъ изобрѣсти мысль, высказанную въ брошюрѣ г. магистра Н. Безобразова.

Какое торжество моей проницательности! какое торжество и для философіи! Аналитическимъ методомъ, путемъ многотруднаго опытнаго изслѣдованія подтверждена безусловная истина двухъ основныхъ формулъ философіи Фихте:

$$Я = Я,$$

то есть, г. магистръ Н. Безобразовъ есть г. магистръ Н. Безобразовъ,

и

$$Я = \text{не } Я,$$

то есть, г. магистръ Н. Безобразовъ есть не г. магистръ Н. Безобразовъ, а есть г. Д. Самаринъ.

Предлагаю дать достойныя награды всѣмъ активнымъ и пассивнымъ участникамъ этого великаго событія:

1) Награда нѣмецкому философу Фихте. Предлагаю постановить, чтобы ему, а по воспослѣдовавшей его смерти, его законнымъ наслѣдникамъ получать отъ г. Д. Самарина оброкъ подъ именемъ подати.

2) Награда мнѣ. Подносится въ подарокъ полное собраніе сочиненій г. магистра Николая Безобразова (г. Д. Самарина тоже), переплетенныхъ въ одну книгу, съ изображеніемъ на переплетѣ оной книги двойнаго портрета, золотымъ тисненіемъ: г. Д. Самаринъ, изображенный въ видѣ г. магистра Николая Безобразова, и г. магистръ Н. Безобразовъ, изображенный въ видѣ г. Д. Самарина.

3) Г. Д. Самарину. Переименовать его въ магистра Николая Безобразова.

4) Г. магистру Николаю Безобразову. Переименовать его въ г. Д. Самарина.

Возгордившись такимъ великимъ открытіемъ, какъ абсолютное тожество г. Д. Самарина и г. магистра Николая Безобразова, я отдыхаю на лаврахъ, услаждаясь созерцаніемъ дивной мысли г. Д. Самарина, и ея величіе растетъ, растетъ въ моихъ глазахъ:

«Оставаясь въ томъ же размѣрѣ, оброкъ измѣняется въ самомъ принципѣ своемъ, хотя на самомъ дѣлѣ измѣненія въ размѣрѣ никакого нѣтъ!»!

«Оставаясь въ томъ же размѣрѣ, оброкъ измѣняется въ самомъ принципѣ своемъ, хотя на самомъ дѣлѣ измѣненія въ размѣрѣ никакого нѣтъ!»!

«ОСТАВАЯСЬ ВЪ ТОМЪ ЖЕ РАЗМѢРѢ, ОБРОКЪ ИЗМѢНЯЕТСЯ ВЪ САМОМЪ ПРИНЦИПѢ СВОЕМЪ. ХОТЯ НА САМОМЪ ДѢЛѢ ИЗМѢНЕНИЯ ВЪ РАЗМѢРѢ НИКАКОГО НѢТЪ!»!

Ну, наконецъ-таки удалось мнѣ сдѣлать открытіе, котораго никто у меня не предвосхитилъ и не предвосхититъ.

Г. магистръ Николай Безобразовъ есть псевдонимъ г. Д. Самарина.

Слава мнѣ! Преклоняйте предо мною колѣна, пзумленные соотечественники!

Но тотъ, кто долго былъ злополученъ, становится недоувѣрчивъ, мните-ленъ; а какъ проникло въ душу сомнѣніе—уже нѣтъ возможности безмятежнаго наслажденія блаженствомъ, и счастье исчезаетъ. Такъ было и со мною. «Но дѣйствительно ли достоинъ я того, чтобы преклонялись предо мною соотечественники»? сталъ думать я не дальше какъ черезъ полчаса:—«точно ли сдѣлалъ я открытіе»? Отъ сомнѣнія до отрицанія одинъ шагъ. Самъ г. Д. Самаринъ еще требуетъ новаго изслѣдованія. Другое дѣло, если бы отыскалъ я подъ псевдонимомъ г. магистра Николая Безобразова какое-нибудь знаменитое подлинное лицо,—напримѣръ г. И. Аксакова,—тогда дѣло было бы кончено. Конечно я могу сдѣлать эту догадку: г. И. Аксаковъ—редакторъ газеты, въ которой помѣщена статья, подписанная именемъ «Д. Самаринъ». Аргументъ сильный. Но съ другой стороны несомнѣнно, что г. И. Аксаковъ тождественъ не со всѣми лицами, именами которыхъ подписаны статьи его газеты, слѣдовательно полного доказательства для моей догадки еще нѣтъ. Я доказалъ только тождество г. магистра Николая Безобразова съ г. Самаринымъ. Но кто такой самъ г. Д. Самаринъ? Быть можетъ онъ также псевдонимъ?—это даже несомнѣнно по принципу Фихте, нами принятому. Станемъ же продолжать изслѣдованіе.

По формулѣ

Я = не Я

очевидно, что

Г. Д. Самаринъ не есть г. Д. Самаринъ, а есть нѣкто другой.

Намъ должно узнать, что за человѣкъ этотъ нѣкто. Но чтобы узнать этотъ предметъ, должно анализировать его отличительныя свойства. Станемъ анализировать свойства лица, скрывающагося подъ псевдонимомъ г. Д. Самарина.

Первое свойство. Г. Д. Самаринъ говорить, что думаетъ о благѣ народа.

Второе свойство. Г. Д. Самаринъ во всемъ соглашается съ понятіями князя (Синеуса?) и хлопочетъ о сохраненіи его интересовъ.

Свойство третье. Онъ толкуетъ объ устройствѣ крестьянскаго дѣла только потому, что князь находится въ затруднительномъ положеніи.

Соединивъ эти три свойства, мы получаемъ четвертое качество: польза народа служить г. Д. Самарину только прикрытіемъ хлопотъ о пользѣ князя. Изъ этого легко открывается:

Пятое свойство. Интересъ крестьянъ онъ приносить въ жертву выгодамъ князя.

Вотъ пять отличительныхъ признаковъ, по которымъ долженъ быть узнанъ «нѣкто», скрывающійся подъ псевдонимомъ г. Д. Самарина. Въ комъ найдутся эти признаки, тотъ и есть искомый нами «нѣкто».

Боже мой, что я надѣлалъ надъ собою! я отнялъ у себя всякую возможность опредѣленно указать на одно какое-либо лицо, какъ на имѣющее исключительныя права быть узнану подъ псевдонимомъ г. Д. Самарина. Десятки, сотни, тысячи людей толкующихъ и хлопочащихъ объ устройствѣ крестьянскаго дѣла представляются мнѣ, и за исключеніемъ двухъ, трехъ между ними, все остальные обнаруживаютъ свойства, соответствующія псевдониму г. Д. Самарина. Что жъ я за несчастливецъ послѣ этого: можно ли назвать раскрытіемъ псевдонима, когда находишь, что онъ принадлежитъ не одному человѣку, а тысячамъ людей?..

дѣло нѣтъ.

О РОСПИСИ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ РАСХОДОВЪ И ДОХОДОВЪ.

Роспись доходовъ — то же самое, что перечень пожертвованій, требуемыхъ съ населенія страны для поддержанія государственнаго организма. Читатель знаетъ, что у насъ кромѣ денежныхъ пожертвованій или собственно такъ-называемыхъ податей и налоговъ существуютъ въ очень значительныхъ размѣрахъ такъ-называемыя натуральныя повинности. Изъ нихъ самыя большія: военная служба, постоянная повинность, подводная повинность, дорожная повинность. Мы говоримъ здѣсь только о повинностяхъ, распространяющихся на всю страну, не упоминая о повинностяхъ, лежащихъ только на крестьянахъ той или другой особенной мѣстности, потому что эти мѣстныя повинности имѣютъ болѣе характеръ крѣпостнаго права, чѣмъ налога, и правительство уже приступило къ ихъ отмѣненію, напримѣръ, къ освобожденію крестьянъ, приписанныхъ къ казеннымъ заводамъ, отъ обязательной заводской работы, и т. д. — Возвращаясь къ натуральнымъ повинностямъ, соответствующимъ не крѣпостному праву, а налогу, взимаемому натурою, мы должны сказать, что этотъ невыгодный способъ удовлетворенія государственныхъ надобностей до сихъ поръ сохраняетъ у насъ огромные размѣры. Въ какую денежную сумму надобно оцѣнить пожертвованія, требуемыя натуральными повинностями, этого никто не можетъ опредѣлить съ точностію. Но мы останемся гораздо ниже дѣйствительныхъ величинъ, если остановимся на слѣдующей приблизительно оцѣнкѣ.

Военная повинность. Работникъ приобретаетъ въ годъ среднимъ числомъ конечно гораздо болѣе 50 р. сер.; но положимъ только 50 р. сер. Въ 1859 г. считалось въ русскихъ войскахъ 1,271,660 человекъ нижнихъ чиновъ. Считая по 50 р. въ годъ на человека дохода, отъ приобретенія котораго отвлекаетъ его служба, мы должны сказать, что съ этой стороны военная повинность обходится странѣ болѣе чѣмъ въ 63,500,000 р. сер. Если съ 1859 г. численность войскъ уменьшена, то надобно помнить, что оцѣнка заработка въ 50 р. принята у насъ слишкомъ низкая; поэтому оцѣнка стоимости всей повинности, не смотря на уменьшеніе арміи, все-таки не будетъ въ дѣйствительности ниже цифры, принятой у насъ.

Эта цифра 63,500,000 не имѣетъ никакой претензіи на точность, имѣя только одно основательное право считаться погрѣбнающею противъ дѣйствительной величины не тѣмъ, чтобы была выше, а развѣ тѣмъ, что ниже ея. Еще труднѣе оцѣнить приблизительную величину пожертвованія, возлагаемаго на страну постоянной повинностью. Положивъ, что третья часть войска имѣетъ свое собственное помѣщеніе, а двѣ трети получаютъ его чрезъ повинность отъ населенія, и оцѣнивъ квартиру солдата въ 10 р. сер., офицера и генерала въ 50 р., мы получили бы слѣдующія цифры:

Изъ 1,271,660 нижнихъ чиновъ двѣ трети составляютъ около 850.000; по 10 р. на человѣка, будетъ 8,500,000. — Изъ 35,103 офицеровъ и генераловъ двѣ трети составляютъ около 24.000; по 50 р.—1,200,000 р. Итого 9,700,000 р.

Читателю извѣстно, что по приблизительнымъ смѣтамъ постоянная повинность оцѣнивается вдвое выше цифры, принимаемой нами: полагаютъ, что величина пожертвованія, ею возлагаемаго на страну, простирается до 20 милліоновъ р. Это можетъ служить доказательствомъ тому, до какой чрезмѣрности низки принимаемыя нами оцѣнки повинности.

Подводная повинность по общему впечатлѣнію, производимому ею на населеніе страны, составляетъ пожертвованіе не меньшее, чѣмъ постоянная повинность; и такъ оцѣнимъ ее такъ же въ сумму, около 10 милл. рублей.

Дорожную повинность вмѣстѣ съ разными мелкими повинностями оцѣнимъ также въ эту сумму.

Такимъ образомъ положимъ, что всѣ повинности вмѣстѣ съ воинскою составляютъ около 90 милл. р. сер.

Эта цифра должна быть гораздо ниже дѣйствительной, какъ мы видѣли изъ примѣра, относящагося къ постоянной повинности. Есть еще другой фактъ, убѣждающій въ томъ же самомъ. Въ 1850 г. та часть натуральныхъ повинностей, которая замѣнена денежными сборами, оцѣнивалась въ 21,202,234 р. 59 к. Тутъ вовсе не считалась воинская повинность, такъ что сумма эта составлялась только изъ частей остальныхъ повинностей (постоянной, подводной, дорожной и другихъ болѣе мелкихъ); а всѣ эти повинности вошли въ нашу итогъ только суммою около 27 милл. р. Но каждому извѣстно, что только меньшая половина ихъ обращена въ денежные сборы; и если эта меньшая половина составляла болѣе 21 милл. рублей, то вся сумма должна составлять не 27 милл., какъ принято въ нашемъ итогѣ, а болѣе 40 милл. рублей.

Все это мы говоримъ къ тому, что цифра государственныхъ доходовъ, вошедшая въ обнародованную таблицу, представляетъ собою не всю сумму пожертвованій, дѣлаемыхъ страной на общественныя надобности.

Притомъ, изъ самаго заглавія обнародованной Россіи видно, что она не заключаетъ въ себѣ и полного перечисленія всѣхъ денежныхъ доходовъ и расходовъ по всѣмъ частямъ общаго правительственнаго устройства. Почти каждое вѣдомство имѣетъ у насъ свои собственные источники доходовъ, которые не поступали до сихъ поръ въ государственное казначейство, а оставались въ распоряженіи самихъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Эти доходы и производимые изъ нихъ расходы вѣроятно не вошли въ обнародованную Россіи, какъ видно, по сдѣланному нами замѣчанію, изъ самаго ея заглавія: табель доходовъ и

расходовъ *государственному казначейству*. Въ подтвержденіе этого объясненія приведемъ два примѣра. Духовное вѣдомство получаетъ довольно значительный доходъ отъ продажи восковыхъ свѣчъ въ церквахъ. Этотъ доходъ не составляетъ мѣстнаго дохода самыхъ церквей или епархій, а представляется ими въ центральное управленіе духовнаго вѣдомства и остается въ его непосредственномъ распоряженіи, не поступая въ государственное казначейство. Поэтому и не вошли онъ въ обнародованную роспись доходовъ. Точно также не вошли въ обнародованную роспись расходовъ покрываемыя преимущественно этимъ такъ-называемымъ свѣчнымъ сборомъ издержки по содержанію учебныхъ заведеній православнаго исповѣданія въ великороссійскихъ, малороссійскихъ и сибирскихъ губерніяхъ. По этой статьѣ внесены въ роспись расходовъ только 29,269 р. «на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній въ западныхъ губерніяхъ»,—то есть, только часть расходовъ, на которую отпускается сумма изъ государственнаго казначейства. Точно также изъ податей, взимаемыхъ съ удѣльныхъ крестьянъ, внесена въ роспись прихода только подушная подать по 1 рублю съ каждаго лица. При подробномъ разсмотрѣніи надобно было бы перечислить очень много подобныхъ отраслей прихода и расхода не мѣстнаго, а общаго государственнаго, не вошедшихъ въ Роспись собственно потому, что не входили они доселѣ въ счета государственнаго казначейства.

Такимъ образомъ мы видимъ теперь, что кромѣ цифръ, вошедшихъ въ обнародованную Роспись, существуютъ три главные разряда не вошедшихъ въ нее сборовъ, повинностей и другаго рода доходовъ, взимаемыхъ съ страны на общественныя потребности.

1. Натуральныя повинности для общихъ государственныхъ надобностей.
2. Частные источники доходовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ общаго государственнаго управленія.
3. Мѣстные налоги, сборы и повинности на надобности мѣстнаго управленія и устройства.

Если бы мы захотѣли составить себѣ приблизительное понятіе о суммѣ всѣхъ этихъ трехъ разрядовъ государственнаго и мѣстнаго дохода, не внесенныхъ въ обнародованную Роспись, мы могли бы найти только слѣдующую, конечно вовсе не точную опору для сравненія.

Въ 1858 г. сумма всѣхъ доходовъ, полученныхъ съ государственныхъ имуществъ, простиралась до 45,412,886 руб.; изъ нихъ въ государственное казначейство поступило 32,656,063 руб. Такимъ образомъ остались невошедшими въ Роспись доходовъ государственнаго казначейства 12,756,823 руб. Это значитъ, что по вѣдомству государственныхъ имуществъ, на каждый рубль дохода, внесеннаго въ Роспись государственнаго казначейства, приходилось еще 39 к. дохода, не внесеннаго въ нее. Сдѣлавъ, конечно вовсе неточное, заключеніе, что и по другимъ вѣдомствамъ пропорція этихъ двухъ частей дохода была такова же, мы получили бы слѣдующій выводъ:

Итогъ дохода, доставленнаго налогами и другими сборами, обозначенъ въ Росписи государственнаго казначейства цифрою 295,861,839 руб. На эту цифру 39% составляють 115,386,117 рублей.

Эта добавочная цифра 115,386,117 р. представляла бы собою ту часть невошедшихъ въ государственную роспись суммъ общихъ государственныхъ и

мѣстныхъ сборовъ и повинностей, которая взимается деньгами. А тѣ натуральныя повинности, которыя не переведены на денежный счетъ, все-таки остались бы невошедшими въ нее. Изъ этихъ повинностей одна воинская должна быть оцѣнена не меньше какъ въ 60 милл. руб. Вотъ уже составляетъ сумма болѣе чѣмъ 175 милл. руб. Она должна быть дополнена частями другихъ натуральныхъ повинностей, не переведенными въ денежные сборы.

Мы очень хорошо понимаемъ, какъ неточно основаніе, принятое нами для выводовъ о величинѣ платежей и повинностей, не вошедшихъ въ обнародованную Роспись. Но мы можемъ утверждать три слѣдующія замѣтки какъ факты достовѣрные.

Во-первыхъ, точнаго исчисленія этой суммы, которая дополняетъ собою обнародованную Роспись, никто не въ состояніи нынѣ представить. Общее финансовое управленіе государства не имѣетъ точныхъ свѣдѣній о величинѣ этой суммы. Отдѣльныя вѣдомства имѣютъ точныя свѣдѣнія такъ же только о нѣкоторыхъ частяхъ своего отдѣльнаго дохода, не поступающаго въ государственное казначейство, а не обо всѣхъ частяхъ его. Наконецъ важная половина этого дохода, состоящая въ повинностяхъ, отправляемыхъ натурою, вовсе и не можетъ быть оцѣнена съ точностію.

Во-вторыхъ, отлагая всякую претензію на точность, можно однако же составить себѣ приблизительное понятіе о величинѣ этой дополнительной суммы. руководясь впечатлѣніемъ, какое производитъ она въ населеніи страны. Общее впечатлѣніе то, что натуральныя повинности и денежные сборы, не вошедшіе въ Роспись государственнаго казначейства, служатъ для населенія страны причиною расхода или пожертвованія, не слишкомъ многимъ меньшаго, чѣмъ подати и налоги, вошедшіе въ Роспись государственнаго казначейства. А эти подати и налоги составляютъ около 300 милл. рублей; потому сборы и повинности, не вошедшія въ Роспись, должны быть считаемы приблизительно въ 200 милл. руб., или нѣсколько больше, и такимъ образомъ надобно полагать, что весь бюджетъ налоговъ и повинностей, взимаемыхъ теперь какъ на общіе государственные, такъ и на мѣстные общественные расходы, составляетъ сумму около 500 милл. рублей.

Третье. Изъ огромной суммы повинностей и сборовъ, не вошедшихъ въ Роспись государственнаго казначейства, только меньшая половина имѣетъ или такую форму взмнанія, или такую форму употребленія, которая давала бы хотя нѣкоторую соразмѣрность достигаемаго результата съ дѣлаемымъ пожертвованіемъ. Что же касается до наибольшей половины этихъ сборовъ и повинностей, они составляютъ пожертвованіе, несоразмѣрное достигаемому результату. Мы говоримъ тутъ не о злоупотребленіяхъ, не о томъ, напримѣръ, что нѣкоторые чиновники пользуются иногда подвздою повинностью для развѣздовъ по частнымъ надобностямъ, или дѣшевою повинностью для насажденія частныхъ садовъ или обработки частныхъ полей; — эти вещи должно называть пустяками, которые можетъ выставить на первый планъ только такая жалкая литература, какъ наша. Мы хотимъ говорить не о злоупотребленіяхъ, а о правильномъ взиманіи или отправленіи этихъ сборовъ и повинностей, не вошедшихъ въ Роспись государственнаго казначейства, и о правильномъ ихъ употребленіи.

Напримѣръ, если бы постройка или наемъ помѣщеній для воиска произ-

водились хотя съ тою невысокою степенью расчетливости и добросовѣстности, какая обыкновенна у насъ въ подобныхъ дѣлахъ, если бы, напримѣръ, нанялись помѣщенія дѣйствительно стоящія 12 тыс. руб., когда достаточно было бы помѣщений на 10 тысячъ рублей, и за эти помѣщенія, дѣйствительно стоящія 12 тыс., платилось 15 тысячъ, — все-таки помѣщенія войскъ въ построенныхъ, купленныхъ или нанятыхъ для того зданійхъ, стало бы обременять страну втрое меньше того, чѣмъ нынѣ обременяетъ постоянная повинность. Извѣстно, что она въ нѣкоторыхъ городахъ и селахъ даже отвращаетъ население отъ постройки домовъ. Не говоримъ уже о томъ, какое разстройство хозяйства и семейнаго быта производится тѣмъ, что въ одной комнатѣ съ семействомъ хозяевъ помѣщается, безъ ихъ желанія и выбора, посторонній человѣкъ.

То же надобно сказать о подводной повинности. Каковы бы ни были злоупотребленія по вытребованію прогоновъ и путевыхъ суммъ въ излишнемъ количествѣ противъ дѣйствительныхъ издержекъ на разѣзды и передвиженія, дѣйствительно нужны, все же покрывать эти требованія общимъ налогомъ было бы для страны въ пять разъ легче разстройства, происходящаго отъ подводной повинности.

Полная безуспѣшность дорожной повинности очевидна для всѣхъ.

Извѣстно также, что отдѣльныя вѣдомства принуждены бываютъ дѣйствовать гораздо экономнѣе, когда должны требовать на извѣстный расходъ деньги изъ государственнаго казначейства, чѣмъ тогда, когда могутъ употребить на этотъ расходъ свои собственные средства, не передаваемые въ государственное казначейство. Каждому изъ насъ знакомо, какъ легко расходуются такъ-называемыя «экономическія суммы»

Словомъ сказать, тѣ изъ обращаемыхъ на общія государственныя надобности суммъ и повинностей, которыя не внесены въ обнародованную Роспись. во многихъ случаяхъ не приносятъ государству и той пользы, какую получаетъ оно отъ расходовъ, внесенныхъ въ эту Роспись, такъ что неполнота ея невыгодна для страны.

Устраненіе этой неполноты, простиравшей изъ формальной особенности счетоводства, доселѣ существовавшего, составляетъ, если мы не ошибаемся, предметъ заботы самого правительства при томъ преобразованіи порядка отчетности, о которомъ говорится и въ оффиціальномъ предисловіи, предшествующемъ обнародованной Росписи. Вотъ подлинныя слова предисловія:

«По извѣстному уже публикѣ преобразованію порядка отчетности по государственному контролю, между прочими предположеніями, находится и измѣненіе образа составленія смѣты министерствъ и главныхъ управленій, съ болѣе подробнымъ и яснымъ изложеніемъ всѣхъ статей расходовъ, каковой порядокъ и будетъ введенъ съ будущаго 1863 года.»

Предполагаемое введеніе большей подробности также будетъ очень полезнымъ улучшеніемъ. Въ Росписи, обнародованной нынѣ, нѣкоторыя статьи образованы изъ соединенія нѣсколькихъ различныхъ частей. Напримѣръ, соединены въ одну сумму доходы отъ подушной подати «съ мѣщанъ, цеховыхъ и другихъ городскихъ жителей, платящихъ подать по разнымъ окладамъ отъ 22 к. до 2 р. 50 к.» даже встрѣчаемъ также соединенными въ одну сумму

разные оклады подушной подати отъ 15 к. до 2 р. 67 к. съ слѣдующихъ разнородныхъ классовъ сельскаго населенія: «государственныхъ крестьянъ сибирскихъ губерній, поселенъ пришлыхъ къ фабрикамъ и заводамъ, вольныхъ людей, евреевъ-земледѣльцевъ, малороссійскихъ козаковъ, юртовскихъ, еменныхъ и крымскихъ татаръ». Такихъ примѣровъ находится еще нѣсколько въ росписи прихода. — Статьи въ росписи расходовъ имѣютъ наружный составъ менѣе сложный. Но и въ нихъ встрѣчаются соединенія разнородныхъ частей. Напримѣръ, «пенсія военнымъ и гражданскимъ чинамъ» показана одною суммою. Другія статьи, хотя и не соединяютъ расходовъ по разнымъ вѣдомствамъ, много выпираютъ точностью, когда будутъ раздѣлены по различію предметовъ расхода; напримѣръ: въ расходахъ «по военному вѣдомству» важно было бы различить суммы комиссаріатскаго расхода, провіантскаго расхода, жалованья и т. д. Къ тому или другому изъ этихъ двухъ разрядовъ принадлежать почти всѣ главныя статьи росписи расхода.

Обращаясь отъ формы росписи къ сущности дѣла, мы видимъ, что общая сумма прихода по государственному казначейству показана въ 310,619,739 р.; въ томъ числѣ 14,757,899 р. 72 к. должны быть взяты изъ «чрезвычайныхъ суммъ по послѣднему 4¹/₂% займу», и затѣмъ собственно доходовъ остается 295,861,839 р. 27 к. (доли копѣекъ мы пропускаемъ). Въ этой суммѣ важнѣйшія части таковы:

1) Съ податныхъ сословій: подушной подати 28,258,861 р. 90 к.; оброчной подати 25,256,733 р. 26 к.; разныхъ сборовъ 1,740,333 р. 52 к.; всего 55,255,928 р. 68 к.

2) Изъ «доходовъ экономическихъ» къ тому же разряду относятся слѣдующія статьи: съ арендныхъ имѣній 2,655,702 р. 40 к.; отъ добычи на казенныхъ горныхъ заводахъ металловъ (потому что этотъ доходъ получается посредствомъ обязательнаго труда, замѣняющаго оброкъ) 2,108,844 р. 30 к.; въ сложности обѣ статьи составляютъ 4,764,546 р. 70 к.

Соединяя обѣ суммы, мы видимъ, что прямыя подати съ податныхъ сословій доставляютъ государственному казначейству 60,020,475 р. 38 к.

Это впрочемъ не вся сумма, доставляемая податными, лежащими на податныхъ сословіяхъ. Къ ней надобно было бы отнести нѣкоторыя доли изъ другихъ статей, поставленныя подъ рубрику «доходовъ экономическихъ»: напримѣръ: изъ статьи «съ бывшихъ поіезуитскихъ фундушовыхъ имѣній и капиталовъ оныхъ»; но по невозможности отдѣлнить въ этой статьѣ часть, получаемую съ капиталовъ, отъ части, получаемой прямо съ имѣній, мы не можемъ ввести въ счетъ эту статью; по той же причинѣ не считаемъ и нѣкоторыхъ другихъ, которыя по-настоящему должны были бы увеличить собою сумму доходовъ, доставляемыхъ прямыми налогами на податныя сословія.

Изъ числа пошлинъ, винный акцизъ доставляетъ слѣдующія суммы: отъ питейныхъ, откупныхъ, акцизныхъ, чарочныхъ и пр. пошлинъ по губерніямъ великороссійскимъ, Ставропольской, сибирскимъ западнымъ, малороссійскимъ, новороссійскимъ и Бессарабской области, тремъ остзейскимъ и г. Нарвѣ — 123,022,580 р. 75 к.; отъ свидѣтельствъ на шинки въ привилегированныхъ губерніяхъ — 1,272,000; итого 124,294,580 р. 73 к.

(Отъ распродажи по государству соли 9,500,000 р.; съ паспортовъ 1,943,000 р.

Изъ «доходовъ, поступающихъ изъ разныхъ источниковъ на опредѣленные предметы» тотъ же характеръ имѣютъ: за вино, отпускаемое откупщикамъ сверхъ опредѣленной порціи по заготовительной цѣнѣ 7,377,107 р.; пошлинъ съ иностранной соли, привозимой въ Царство Польское, и акциза на соль цеховицкаго завода 1,135,000 р.;—итого 8,512,107 р.

Слагая эти суммы, мы видимъ, что доходы, собираемые исключительно съ податныхъ сословій (какъ подушная и оброчная подати) или почти исключительно съ нихъ (какъ паспортная пошлина, винный акцизъ), доставляютъ государственному казначейству 204,270,163 р. 11 к.

Сумма эта, какъ мы говорили, еще не полна; къ ней надобно было бы прибавить нѣкоторыя части изъ нѣкоторыхъ другихъ статей: но и останавливаясь на томъ, что уже сосчитано нами, и принимая для облегченія сравненій круглыя цифры, мы видимъ, что изъ 296,000,000 р. всего дохода, съ податныхъ сословій собирается 204 мил., то есть около $\frac{7}{10}$ частей всего государственнаго дохода.

Это въ значительной степени объясняетъ намъ нужду, замѣчаемую въ массѣ нашего населенія, и вполнѣ объясняетъ малую сумму доходовъ, получаемыхъ государствомъ. Главная масса платежей на покрытіе государственныхъ издержекъ требуется съ людей, еще не успѣвшихъ сдѣлаться зажиточными, и великость уплатъ, требуемыхъ съ нихъ, не допускаетъ ихъ дѣлаться зажиточными. А съ людей бѣдныхъ нельзя получить много, какъ бы требовательны ни были сборы съ нихъ. Потому въ итогѣ получается сумма незначительная. Исправить это неудовлетворительное для самой казны положеніе дѣлъ можно не иначе, какъ измѣнивъ самое распредѣленіе количества требованій съ разныхъ классовъ. Если бѣдные будутъ платить меньше, они скорѣе могутъ стать зажиточными; если съ зажиточныхъ и богатыхъ будетъ требоваться больше, то и доходъ казны будетъ обильнѣе. Достичь удовлетворительнаго для самой казны бюджета доходовъ можно только перенесеніемъ главной тяжести налоговъ съ сословій, доселѣ платившихъ слишкомъ много, на сословія, платившія слишкомъ мало. Измѣненія же только въ способѣ взиманія налоговъ нисколько не приведутъ къ этой цѣли; достичь ее можно только отмѣною однихъ налоговъ, уменьшеніемъ размѣра другихъ, возвышеніемъ третьихъ и установленіемъ новыхъ, падающихъ на предметы и классы, доселѣ не дававшие казнѣ ничего или почти ничего. Общая сумма государственнаго прихода увеличится только тогда, когда будетъ сдѣлано, чтобы вовсе исчезли изъ бюджета или потеряли важность въ немъ налоги, бывшіе до сихъ поръ главными, и заняли главнѣйшія мѣста въ немъ налоги новые или не бывшіе важными.

Скажемъ нѣсколько словъ о перемѣнахъ, произведенныхъ или производимыхъ въ двухъ главныхъ нашихъ налогахъ — подушномъ и винномъ.

Официальнымъ образомъ подушная подать состоитъ изъ двухъ частей: собственнаго такъ-называемаго подушнаго оклада и поземельнаго оброка. То, что правительство находитъ существенную разницу между этими двумя частями, подтверждаютъ, между прочимъ, слѣдующіе два факта: оброкъ взимается только съ крестьянъ, поселенныхъ на государственной землѣ; бывшіе крѣпостные

крестьяне, поселенные не на государственной землѣ, платять только подушный окладъ, а того оклада, который называется казеннымъ оброкомъ, они не платять. Но само населеніе не знаетъ разницы между этими двумя частями подати: государственные крестьяне всю платимую ими въ казну сумму называютъ подушнымъ окладомъ. Разницу въ величинѣ своихъ платежей въ казну и платежей, требуемыхъ казною съ крѣпостныхъ крестьянъ, они приписываютъ только тому обстоятельству, что, не будучи обязаны повинностями помѣщику, они въ состояніи заплатить казнѣ больше, чѣмъ можетъ она получить съ помѣщичьихъ крестьянъ, съ которыхъ требуетъ она меньше только потому, что не могутъ они платить столько, какъ государственные крестьяне.

Дѣйствительно, государственныя потребности должны привести къ установленію такого порядка, при которомъ не будетъ никакой разницы въ отношеніяхъ земли къ налогамъ, какъ бы ни называлась земля. Напримѣръ, до сихъ поръ дворянская земля не платила или ничего, или почти ничего въ государственную казну. Но теперь само дворянство начинаетъ находить, что эта привилегія должна быть отмѣнена.

По винному акцизу взиманіе налога посредствомъ откуповъ замѣняется прямымъ взиманіемъ налога черезъ государственныхъ чиновниковъ. Но при этомъ хотѣли сохранить казнѣ всю ту сумму дохода, какую получала она отъ этого налога черезъ государственныхъ чиновниковъ. Но при этомъ хотѣли сохранить казнѣ всю ту сумму дохода, какую получала она отъ этого налога при откупѣ. Единственнымъ средствомъ къ достиженію этого результата было найдено установить акцизъ такой высоты, что онъ много превышаетъ цѣну, въ какую обходится производителю самый продуктъ. А при такой величинѣ акциза офиціальныи надзоръ едва ли въ состояніи будетъ предотвратить очень сильное развитіе контрабанды, выгода отъ котораго будетъ чрезвычайно велика. Вся прибыль, получаемая контрабандистами по тайному провозу товаровъ изъ-за границы, совершенно ничтожна предъ громадными суммами, какія можно будетъ получать черезъ тайную продажу водки. Поэтому мы опасаемся, что расчетъ, которымъ руководились при установленіи акциза, окажется не вѣренъ. Казна будетъ введена въ чувствительный недочетъ контрабандою, и обнаружится необходимость сдѣлать одно изъ двухъ: или понизить акцизъ, или возвратиться къ системѣ откуповъ. Нечего и говорить о томъ, что первый исходъ гораздо лучше для государства. Но едва ли можно ожидать, что казна получитъ 125 милліоновъ рублей съ вина отъ такой величины акциза, которая не вызвала бы слишкомъ сильной контрабанды при казенномъ управленіи, и не принуждала бы снова прибѣгнуть къ откупамъ. Потому мы думаемъ, что надобно теперь же заняться установленіемъ налоговъ для замѣны уменьшенія въ доходахъ отъ виннаго акциза.

Самый легкій и самый справедливый источникъ для покрытія этого недочета представляетъ подоходный налогъ, на основаніяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія онъ имѣетъ въ Англіи. При совершенной неразработанности вопроса о величинѣ доходовъ частныхъ лицъ въ Россіи, трудно сказать о цифрахъ, какія можетъ онъ дать, что-нибудь опредѣлительнаго вывода, основаннаго только на видимомъ впечатлѣніи и на офіцѣ слишкомъ валовой. Представимъ же хотя эти приблизительныя соображенія, не имѣющія никакой претензіи на точность.

По общему принципу всякаго подоходнаго налога, отъ него должны быть свободны доходы, не достигающіе извѣстной величины, едва достаточной для сноснаго содержанія семейства. Въ Англіи этотъ мінімумъ принятъ въ 100 ф., около 600 рублей. У насъ деньги дороже, чѣмъ въ Англіи, потому надобно принять за мінімумъ меньшую сумму—положимъ рублей 300.

Въ Англіи количество доходовъ, подлежащихъ налогу, далеко превышаетъ 1,500 милл. рублей серебромъ.

Если предположить, что русское населеніе, даже въ 4 раза бѣднѣе англійскаго, — пропорція конечно уже слишкомъ низкая, — то все-таки Россія, имѣя слишкомъ вдвое больше населенія чѣмъ Англія, представляла бы основаніемъ для налога сумму доходовъ только вдвое меньшую, чѣмъ Англія. Можно полагать, поэтому, что количество доходовъ, подлежащихъ налогу, оказалось бы у насъ отъ 800 до 1000 милл. рублей. Налогъ въ 5 к. съ рубля далъ бы отъ 40 до 50 милл.

Столь же затруднительно по неразработанности данныхъ сказать, какую часть ренты понадобилось бы брать налогомъ для замѣны суммъ, доставляемыхъ нынѣ разными видами подушной подати подъ разными именами. Но судя опять только по приближительному впечатлѣнію, надобно думать, что средняя величина ренты съ земель, занятыхъ пашнями и лугами, составляетъ не менѣе 1 руб. 50 коп. съ десятины. Такіхъ земель считаютъ болѣе 100 милл. десятинъ (мы говоримъ исключительно о Европейской Россіи). Прибавивъ сюда ренту, даваемую лѣсами и другими угодьями, мы увидимъ, что общую сумму ренты не слѣдуетъ предполагать меньше 200 милл. руб. серебромъ; но всей вѣроятности она гораздо больше. Но если и не больше, то все-таки налогъ, берушій только отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ части ренты, давалъ бы около 50 милл. рублей.

Установленіе этихъ двухъ налоговъ, спеціальнаго налога съ ренты и общаго подоходнаго налога, — которые вмѣстѣ давали бы около 100 милл. руб. сер., открыло бы возможность отмѣнить подушную и такъ называемую оброчную подать и понизить винный акцизъ до величины, которая не была бы обременительна и не порождала бы корчемства. А такая реформа открыла бы путь къ быстрому улучшенію матеріальнаго быта массы, то есть и къ увеличенію доходности налоговъ, лежащихъ на промышленной и коммерческой дѣятельности.

Таковъ по нашему мнѣнію самый вѣрный или, лучше сказать, единственный вѣрный путь къ увеличенію государственнаго дохода: установленіе налога съ ренты и подоходнаго налога, съ отмѣненіемъ подушной подати во всѣхъ ея видахъ и названіяхъ, съ пониженіемъ виннаго акциза и, по замѣчанію, сдѣланному нами выше, съ замѣненіемъ повинностей денежными сборами.

Мы нисколько не скрываемъ отъ себя, что проведеніе подобной реформы въ системѣ налоговъ, при всей своей простотѣ, требовало бы очень большой твердости и послѣдовательности. До какой степени осуществимо это условіе, которое одно только и нужно было бы для успѣха дѣла, могутъ судить лица, знающія положеніе дѣлъ.

Въ росписи расходовъ мы займемся только двумя статьями, самыми большими и представляющими наиболѣе возможности къ огромнымъ сбереженіямъ.

Платежи по внутреннимъ и вѣнскимъ долгамъ составляютъ 54,296,187 р.

91 к. Почти всё они дѣлаются по 5⁰/₀-мъ займамъ. Если бы фонды наши поднялись до такой степени, чтобы можно было замѣнить 5⁰/₀-я облигаціи 4⁰/₀-ми, ежегодные расходы по платежу процентовъ уменьшились бы слишкомъ на 10 милл. р. с. Нельзя сказать, что цѣль эта недостижима, и притомъ въ довольно короткое время,—лѣтъ въ пять фонды могли бы подняться до высокаго курса, нужнаго для подобнаго оборота. Но кредитъ возвышается только экономностью и прогрессивностью общаго управленія государствомъ. Возможность сбереженія по процентамъ государственныхъ долговъ зависитъ отъ сбереженій и реформъ по другимъ частямъ бюджета.

Изъ нихъ самая важная — военные расходы.

Расходы по военной части показаны въ слѣдующихъ статьяхъ: по военному министерству—106,575,892 р. 39 к.; по главному управленію военно-учебныхъ заведеній 3,535,959 р. 7 к.; по эмеритальной кассѣ военного вѣдомства 1,527,730 р. 19 к. Итого—111,639,581 р. 65 к.

По морскому министерству — 20,589,830 р. 74 к.; сюда же должна быть отнесена большая часть превышающей 2 милл. р. сер. статьи «помильная плата» пароходнымъ обществамъ: на долю Русскаго Общества пароходства и торговли приходится тутъ гораздо болѣе милліона. Итого около 22,000,000 р.

Изъ расходамъ по содержанію военныхъ силъ принадлежитъ и значительная часть превышающей 13 милл. статьи «пенсіи военнымъ и гражданскимъ чинамъ»; но не зная, сколько тутъ приходится на долю военныхъ чиновъ, не будемъ вовсе считать этой статьи: уже и безъ нея изъ двухъ прежнихъ суммъ составляется итогъ—слишкомъ 133 милл. руб. — Весь итогъ расходовъ на военныя силы еще значительнѣе, какъ показываетъ уже одна статья о пенсіяхъ; кромѣ нея къ тому же итогу должно было бы причислить значительныя доли нѣкоторыхъ другихъ статей, напримѣръ арендныхъ выдачъ (1,461,509 р. 6 к.) и строительныхъ расходовъ (9,128,213 р. 84 к.); изъ этихъ статей къ расходамъ по военному вѣдомству принадлежатъ: аренды военнымъ чинамъ, расходы по крѣпостямъ, казармамъ и т. п. Сочетая все это, надобно полагать, что общая сумма всѣхъ расходовъ государственнаго казначейства по содержанію военныхъ силъ простирается до 145 милл., или больше.

За вычетомъ суммы около 55 милліоновъ, идущей на уплату процентовъ по долгамъ, остается изъ бюджета расходовъ около 255 милл. расхода, производимаго по текущимъ дѣламъ; 145 милл. расхода по содержанію военныхъ силъ составляютъ около трехъ пятыхъ частей этой цифры.

Вотъ предметъ, самый удобный для заботъ объ облегченіи бюджета и обобщающій самыя крупныя сбереженія.

Если бы расходы по военнымъ силамъ могли быть сокращены на одну третью часть, это дало бы около 50 милл. руб. сбереженія. При одномъ этомъ сбереженіи не было бы уже никакихъ слѣдовъ дефицита, и оставалось бы много денегъ въ казнѣ на всякія дѣйствительно полезныя дѣла.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Руководство къ сравнительной статистикѣ. Г. Ф. Кольба. Переведено и дополнено подъ редакціею А. Горсака. Изданіе Николая Тиблина. Томъ I. Спб. 1862 г.

Въ послѣдніе годы стали являться у насъ издатели, какихъ прежде не было: люди по своимъ знаніямъ могущіе вполне судить о достоинствѣ издаваемыхъ ими книгъ и притомъ совершенно добросовѣстные въ выборѣ книгъ для изданія. Перваго изъ такихъ издателей нашла литература въ г. Тиблинѣ. Нѣтъ надобности говорить какую пользу книжному дѣлу приносятъ издательская предприимчивость, когда находится въ соединеніи съ такими качествами. Напримѣръ, достаточно просмотрѣть списокъ изданій г. Тиблина, чтобы убѣдиться въ серьезности и дѣльности книгъ, на которыхъ останавливается его выборъ. Онъ напечаталъ или печатаетъ: «Исторію цивилизаціи Гизо», «Курсъ Политической Экономіи» Мошнари и «Курсъ Сенѣлли», «Полное собраніе сочиненій Маколея», «біографію Маколея г. Визинскаго», «Гражданское Право Мейера», «Повѣсти Марка Вовчка» на малорусскомъ языкѣ, «Очеркъ торговли московскаго государства» г. Костомарова, «Исторію новой философіи» Куно Фишера: онъ готовитъ къ печати «Исторію французской литературы» Юліана Шмидта, «о представительномъ правленіи» Милля, «Исторію цивилизаціи въ Англіи» Бокля. За исключеніемъ одного Мошнари, да еще Куно Фишера, тутъ нѣтъ ни одной книги, о которой не слѣдовало бы сказать, что она принадлежитъ къ числу сочиненій, изданіе которыхъ заслуживаетъ безусловнаго одобренія. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ безспорное классическое достоинство; другія все-таки—самыя лучшія по своей части изъ сочиненій, могущихъ быть издаваемыми у насъ.— Въ свое время мы высказывали недостатки нѣкоторыхъ книгъ, издаваемыхъ г. Тиблиномъ, напримѣръ, указывали односторонность историческихъ и политическихъ убѣжденій Гизо и Маколея,—но, какъ бы ни думалъ кто о направленіи такихъ писателей, всякій понимаетъ, какъ нужно и полезно существовать имъ въ русскомъ переводѣ. Вообще же, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можетъ, г. Тиблинъ выбираетъ для изданія такіе книги, которыя заслуживаютъ полнаго одобренія не только по достоинству своего изложенія или по фактическому богатству своего содержанія, но и по истинности своего направленія.

Къ этому послѣднему разряду принадлежатъ «Статистика» Кольба, смотрящаго на вещи съ самой вѣрной точки зрѣнія. Г. Корсакъ, извѣстный своими добросовѣстными трудами по части политической экономіи и статистики, принявъ на себя редакцію перевода, значительно увеличилъ достоинство книги тѣмъ, что присоединилъ къ статьѣ Кольба о Россіи свой собственный статистическій очеркъ, гораздо болѣе обширный. Въ нѣмецкомъ оригиналѣ Кольба статья о Россіи занимаетъ только 27 страницъ; при столь значительномъ ея расширеніи въ русскомъ изданіи г. Тиленъ долженъ былъ раздѣлить на два тома книгу, составляющую въ нѣмецкомъ изданіи одинъ томъ. Въ первой вышедшей теперь части русскаго изданія находится статистика пяти европейскихъ великихъ державъ. Но мало того, что статья г. Корсака обширна: она очень дѣльна, такъ что этотъ трудъ г. Корсака надобно назвать самымъ лучшимъ и полнымъ сборникомъ общихъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи.

Свой добросовѣстный и обширный трудъ г. Корсакъ начинаетъ замѣчаніемъ, что «статистика Россіи представляетъ самыя шаткія данныя. Одни изъ ея фактовъ не опредѣлены пока даже приблизительно вѣрно, другіе недоступны для науки. Къ числу первыхъ можно отнести даже свѣдѣнія о пространствѣ и населеніи». Неудивительно были бы неточность свѣдѣній о пространствѣ азіатскихъ пустынь, считающихся нашими владѣніями; но даже пространство Европейской Россіи опредѣляется разными источниками очень неодинаково. Въ перечисленіяхъ населенія точно также находится очень большая разница между свѣдѣніями, изданными отъ министерства финансовъ и отъ Ценсальнаго Статистическаго комитета, который насчитываетъ въ Русской имперіи на 1.826.000 чело-вѣкъ больше, чѣмъ министерство финансовъ.

Но каково бы то ни было неизвѣстное намъ съ точностью пространство нашей Имперіи и число ея населенія, мы можемъ весьма основательно радоваться тому, что со второй половины прошлаго вѣка чрезвычайно расширили свои границы на западѣ. Вотъ очень любопытная таблица разстоянія нашихъ границъ отъ нѣкоторыхъ городовъ Западной Европы нынѣ и 90 лѣтъ тому назадъ

	1772 г.	нынѣ
отъ Стокгольма	32 миль	18 миль.
» Кёнигсберга	50 »	20 »
» Берлина	202 »	43 »
» Бреславля	174 »	11 »
» Дрездена	207 »	44 »
» Праги	208 »	45 »
» Вѣны	228 »	64 »
» Мюнхена	252 »	89 »
» Франкфурга	268 »	105 »
» Парижа	337 »	174 »
» Лондона	330 »	171 »

Неудивительно, что при сличеніи этихъ цифры, западныя державы чувствуютъ безпокойство и недовѣріе. Вѣдь еслибы дѣло продолжало идти такимъ же путемъ, то черезъ 20 лѣтъ наша граница достигла бы Праги, черезъ

30—Вѣны, черезъ 35—Мюнхена, черезъ 40—Франкфурта, а еще черезъ 20 или 30 лѣтъ даже Парижа и самаго Лондона. Та партія рьяныхъ славянофиловъ, которая вмѣстѣ съ г. В. Ламанскимъ хлопочетъ объ отысканіи намъ вотчинныхъ правъ на Севилю и Кордову, исконные славянскіе города,—и вообще о «пріисканіи новыхъ земель» вдобавокъ къ нынѣшнимъ нашимъ землямъ,—эта партія имѣетъ за себя и факты исторіи послѣдняго столѣтія точно также, какъ находитъ аргументы для себя въ первыхъ временахъ Среднихъ вѣковъ, когда, по свидѣтельству покойнаго Савельева-Ростиславпча, мы, русскіе, подъ именемъ вандаловъ и готовъ завоевали Италію, подъ именемъ саксовъ завоевали Британію.

Но кромѣ шутокъ. Политика Россіи до недавняго времени была болѣе всего обращена на расширеніе границъ, и дѣло это, шедшее съ большимъ успѣхомъ, развлекало силы нашего кореннаго русскаго населенія. Мы не могли обзавестись у себя ни образованностью, ни даже хотя бы порядочнымъ частнымъ хозяйствомъ, потому что некогда намъ было ни о чемъ своемъ домашнемъ подумать, да и не оставалось у насъ никакихъ средствъ на домашній дѣла: мы постоянно исполняли въ обратномъ смыслѣ знаменитое предсказаніе, которымъ всегда характеризовалась возможность благосостоянія: «перекуютъ мечи въ плуги и копыя въ серпы»; у насъ постоянно ковались мечи и копыя изъ желѣза, которому слѣдовало бы идти на плуги и серпы: потому-то намъ до сихъ поръ нечѣмъ пахать землю.

Это прежнее направленіе всѣхъ нашихъ общественныхъ мыслей и силъ къ расширенію границъ напрасно было бы приписывать исключительно или преимущественно прежнимъ правительствомъ въ отдѣльности отъ общества. Само общество вызвало и поддерживало такое направленіе правительственной дѣятельности. Нечего говорить о старыхъ временахъ, когда общество было заражено этимъ завоевательствомъ еще больше нынѣшняго. Вспомнимъ, какъ при началѣ восточной войны изъ ста такъ-называемыхъ образованныхъ людей девяносто девять ликовали при мысли, что мы скоро овладѣемъ Константинополемъ. Зачѣмъ имъ нуженъ былъ Константинополь? Квартальными надирателями что ли разсчитывали они быть въ немъ, получить исправническія должности въ Румелии, Фессалии, Албаніи? Сдѣлаться нашими адрианопольскими, филиппопольскими, салоникскими, яинскими? Хотя бы этотъ расчетъ былъ у нихъ, ликовавшихъ господъ,—оно было бы понятно, хотя и низко было бы желать новаго обремененія отечеству для полученія выгодныхъ должностей себѣ. Но нѣтъ, они ликовали совершенно безкорыстно, идеально, такъ сказать научно: ихъ просто восхищала мысль, что вотъ на ландшахъ весь турецкій полуостровъ будетъ обведенъ тою же краскою, которая идетъ отъ Торнео черезъ Полангенъ, Калитъ, Броды и т. д.; что въ академическомъ мѣсяцесловѣ къ прежнимъ двумъ странницамъ въ спискѣ губерній прибавится третья съ неслыханными именами какихъ нибудь губерній Шумлянскои, Шистовскои, Киритъ-Килпсесенскои, Ушкубскои, Ларисскои, Едбассанскои и т. д. О томъ, что надобно будетъ и по окончаніи войны содержать на Балканскомъ полуостровѣ лишнѣхъ двѣсти тысячъ воиска, о томъ, что на содержаніе этого воиска нужно будетъ лишнихъ 50 милл.,—о томъ, что заботы о сохраненіи нашей власти надъ Балканскимъ полуостровомъ еще меньше прежняго оставятъ намъ времени устроивать свои дѣла,—о

томъ, что мы объѣдѣмъ отъ новаго завоеванія, — объ этомъ наше общество и не думало. Помилуйте, мы будемъ владѣть Константинополемъ, Босфоромъ, Дарданеллами, Балканами, чуть ли не Парнассомъ и Олимпомъ, Адриатическимъ побережьемъ, быть можетъ островомъ Теаки, древнею Итакою отечествомъ Улисса, — восторгъ, восторгъ! Подумайте только: тогда Вѣна будетъ съ трехъ сторонъ окружена нашими владѣніями, наша флотилія будетъ плавать по Савѣ и всегда готова войти въ Драву и Мораву, — вѣдь это восхитительно. Я васъ спрошу: что тогда будетъ дѣлать Вѣна? чуть что нибудь не по нашему, — собираются пять корпусовъ русской арміи въ Бѣлградѣ и двигаются они вверхъ по долинѣ Дуная прямо на Вѣну; а тутъ съ другой стороны собираются пять корпусовъ русской арміи около Вислицы и Стобицы и двигаются съ другой стороны тоже на Вѣну. Обѣ арміи соединяются между Вѣною и Пресбургомъ. Вѣна отрѣзана отъ восточной половины Австрійской имперіи. Подъ Люксембургомъ происходитъ рѣшительная битва: австрійцы вывели 200 тыс. человекъ, а мы 400 тысячъ; австрійцы обойдены съ праваго фланга, отбѣснены отъ Вѣны, хотятъ отступать къ Грену; но Сенрингскія дефиле уже заняты нашими войсками и — остатки австрійской арміи кладутъ оружіе, — въ томъ родѣ, помните, какъ было подъ Арадомъ съ венграми, — а Вѣна уже за два дня передъ тѣмъ, на утро послѣ битвы, выслала ключи побѣдителямъ и т. д... (Словомъ сказать, «жизнь наша течетъ въ эмпиреяхъ, музыка играетъ, штандартъ скачетъ», и... «и въ ту же минуту по улицамъ (покоренной Вѣны) курьеры, курьеры (изъ Берлина, Гаги, Брюсселя, Парижа, Мадрита, Лиссабона), курьеры... можете представить себѣ, тридцать тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? — Иванъ Александровичъ, — то бишь Владиміръ Ивановичъ съ товарищами — ступайте управлять департаментомъ, — то бишь, всю Европою. Въданный г. В. Ламанскій, милый бывшій нашъ собесѣдникъ, за что мы нападаемъ на васъ, человекъ невиннаго и неважнаго, ученаго и почтеннаго? Вы съ неменѣе почтеннымъ г. И. Аксаковымъ не больше многихъ любезныхъ нашихъ соотечественниковъ наклонны къ завоевательной хлестаковщинѣ, — то есть, они наклонны къ ней не меньше васъ, — а мы выводимъ на посѣщенье только васъ двоихъ, не смягчаясь даже тѣмъ, что вы, при всей географической свирѣпости, добродушнѣйшіе люди въ мірѣ, благонамѣреннѣйшіе сыны отечества... Но вѣдь и то сказать: если смягчаться надъ вами за то, что вы говорите вздоръ только по крайней наивности, а не по злему умыслу, такъ и ни на кого изъ сыновъ нашего отечества нельзя претендовать за то, что Россія была двѣсти лѣтъ занята псканіемъ «новыхъ землицъ». А надобно же на комъ нибудь сорвать злобу, и мы срываемъ ее на васъ, добродушнѣйшій изъ смертныхъ.

О государственныхъ доходахъ и расходахъ помѣщена въ этой книжкѣ «Современника» отдѣльная статья, въ которой мы много пользовались цифрами, представленными въ изслѣдованіи г. Корсака. А здѣсь мы приведемъ изъ его очерка статью о государственномъ долгѣ. Сказавъ, что къ 1 января 1860 г. консолидированный государственный долгъ считался въ 555,012, 127 р. сер., и что увеличеніе этой цифры передъ долгомъ, бывшимъ въ 1858 г., равняется 39,024,115 р. сер., г. Корсакъ продолжаетъ:

Кромѣ консолидированнаго долга существуетъ долгъ, не внесенный въ государ-

ственную долговую книгу и соответствующий тому, что во Франціи называютъ *dette flottante* (текущій долгъ); къ 1 января 1859 г. онъ былъ въ слѣдующемъ видѣ:

Долги срочные.

Разныя серіи билетовъ государств. казначейства.	93,000,000
Долгъ заемному банку	325,000,000

Долгъ безсрочный:

Кредитные билеты (ассигнаціи)	644,648,719
---	-------------

Итогъ . 1,062,648,819

А съ консолидированнымъ долгомъ = 515,988,012

Составится 1,568,636,731

За вычетомъ же резерва, обезпечивающаго ассигнаціи, и суммъ, назначенныхъ для уплаты долговъ всего . . 115,028,197

Останется къ 1 январю 1859 г. всего долга. . . . 1,463,608,534

«Въ 1860 г., какъ мы уже видѣли, консолидированный долгъ умножился въ 39,024,115 р. Что же касается до текущаго долга, то опредѣлить его довольно трудно; можно только сказать, насколько умножилась къ этому времени сумма кредитныхъ билетовъ:—она возросла на 35,229,134 руб. Все приращеніе долги этихъ двухъ рядовъ составляло слѣдовательно 74,253,249 руб., которые увеличатъ послѣдній итогъ до 1,537,861,783 руб., или круглымъ числомъ до 1½ милліардовъ».

«Происхожденіе государственнаго долга и состояніе его въ послѣднее время. Главное основаніе государственному долгу положено было *ассигнаціями*; военныя и другія потребности заставили прибѣгнуть къ нимъ въ царствованіе Екатерины II; съ тѣхъ поръ они слѣлались обыкновеннымъ способомъ покрывать расходы. По смерти Екатерины ассигнацій находилось въ обращеніи около 200 милл. руб., и курсъ ассигнаціоннаго рубля еще не падалъ значительно. Впослѣдствіи, съ умноженіемъ расходовъ, особенно во время войнъ французской революціи, русское правительство все чаще и чаще прибѣгало къ выпуску бумажныхъ денегъ. Отсюда—постоянный и быстрый упадокъ ихъ курса, такъ что наконецъ серебрянный рубль сталъ равняться 4 руб. ассигнаціями. Мѣдная монета имѣла одинаковую цѣнность съ бумагой, служба для ея размѣна. Въ 1810 г. русскіе финансы находились въ чрезвычайно разстроеномъ состояніи. Бюджетъ представлялъ дефицитъ болѣе чѣмъ въ 105 милл. руб. и ассигнаціонный рубль утратилъ 3/4 своей первоначальной цѣнности. Новые выпуски ассигнацій казались уже невозможными: правительство рѣшилось прекратить ихъ. Устроена была коммиссія погашенія, которая постановила продать часть государственныхъ имуществъ, и съ помощью вырученной суммы уменьшить массу ассигнацій. Съ этихъ поръ правительство было намѣрено сдѣлать серебрянную монету главнымъ орудіемъ мѣны. Но наступила война 1812 г., и исполненіе реформы приостановлено. Съ 1812 г. до исхода 1814 г. курсъ ассигнацій все болѣе и болѣе падалъ, такъ что въ 1815 г. серебрянный рубль равнялся 4 р. 18 коп. асс.

«Послѣ всеобщаго мира, внесенный въ государственную долговую книгу долгъ Россіи не превышалъ 125 милл. руб. сер. Правительство постановило правдомъ не дѣлать новыхъ выпусковъ ассигнацій и принялось затѣмъ уменьшать ихъ количество. Для этого оно предпочло сдѣлать заемъ и на соответствующую ему сумму сжечь ассигнацій. Это былъ первый заграничный заемъ (подписка открыта въ Амстердамѣ). Такимъ образомъ въ 1819 году 118 милл. ассигнацій было извлечено изъ обращенія; въ то же время монетный дворъ приготовилъ на 26 мил. звонкой монеты.

«Въ 1820 г. открыть новый заемъ въ 40 милл. руб. въ Англіи и Голландіи, при посредствѣ Беринга и Гоппе. Ассигнаціи продолжали извлекаться изъ обращенія,

но курсъ ихъ поднимался медленно. Съ 418 коп. (въ 1815 г.) онъ постепенно доходилъ до 403 (1816), 383 (1817), 379 (1818) и 373 к. (въ 1819 и 1820 г.). Въ 1821 г. ассигнацій находилось въ обращеніи на 639,460,220 руб. Однако съ извлеченіемъ старыхъ, на покрытіе государственныхъ расходовъ дѣлались постоянно новыя выпуски.

«Процентный долгъ также увеличился, и въ 1821 г. его было до 49,100,000 голландск. гульденами до 25 милл. руб. звонкою монетою и 286,624,121 банковыми билетами. Долгъ этотъ раздѣлялся на три категоріи: 1) долги, предшествовавшіе 1817 году; 2) долги, сдѣланные для уменьшенія массы бумажныхъ денегъ; 3) долги для расходовъ по разнымъ отраслямъ управленія.

«Коммиссія погашенія долговъ, основанная въ 1817 г., дѣйствовала энергически; по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ процентный долгъ (въ 1822 г.) оказался на 62 милл. менѣе. Въ то же время уничтожено ассигнацій на 236 милл. и въ обращеніи ихъ находилось только на 596 милл. Хотя, по отчету министра финансовъ, Гурьева, положеніе кредитныхъ учреждений было очень удовлетворительно, однако черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого отчета былъ заключенъ новый заемъ въ 35 милл. въ Лондонѣ, при посредствѣ дома Ротшильда. Въ 1823 г. въ управленіе министерствомъ финансовъ вступилъ графъ Канкринъ. Курсъ ассигнацій значительно улучшился; серебряный рубль стоилъ 3 р. 60 к. асс.; тѣмъ не менѣе масса ассигнацій оставалась на прежней цифрѣ 596 милл. Займы, сдѣланные до сихъ поръ для извлеченія бумажныхъ денегъ, соединялись съ жертвами, не соответствовавшими цѣли: изъ обращенія извлечено было, правда, на 236 милл. ассигнацій, но взамѣнъ этого прибавилась значительная масса долговъ, на 5 и 6% и по низкимъ курсамъ. Кредиторы сверхъ того выговорили условіе, чтобы первоначальные проценты никогда не понижались. Улучшеніе курса ассигнацій не выкупалось этой жертвой, и, вмѣсто безпроцентнаго долга, явился другой долгъ, обременяющій государство процентами. Бумажныя деньги и мелкая разнѣнная монета оставалась единственными орудіями обращенія. Совѣтъ государственныхъ кредитныхъ учреждений, по внушенію графа Канкрина, рѣшилъ въ 1824 г. приостановить уничтоженіе ассигнацій. Суммы которыя назначались до сихъ поръ на этотъ предметъ, положено обратить на погашеніе консолидированнаго долга. Эта операція погашенія быстро подняла русскіе фонды. Долгъ, внесенный въ государственную долговую книгу, простирался круглымъ числомъ до 175 милл. руб. сер. Канкринъ употреблялъ при этомъ все средства, чтобы внести экономію и порядокъ въ финансы. Дѣйствительно, въ теченіе 1823—25 г. не было сдѣлано ни одного займа, а уменьшеніе расходовъ дало экономіи 160,300,000 тогдашнихъ рублей (49,933,750 р. с.).

«Финансы, казалось, находились въ цвѣтущемъ состояніи. Несмотря на содержаніе большихъ военныхъ силъ, правительство не прибѣгло къ новымъ налогамъ; оно заключило только заемъ съ домоу Гоппе въ Амстердамѣ въ 42 милл. флориновъ и еще на 24 милл. къ концу 1829 г., между тѣмъ какъ Адрианопольскій трактатъ доставилъ казначейству обильный источникъ военной контрибуціи. Сумма процентнаго государственнаго долга простиралась до 221½ милл., а ассигнацій въ обращеніи находилось на 186 милл. (всего 407½ милл. р. с.).

«Съ 1820 по 1832 г. холера, неурожай и польская революція потребовали большихъ расходовъ, новый заемъ въ 20 милл. р. заключенъ былъ съ домоу Гоппе.

«Наконецъ, 1 іюля 1839 г., правительство объявило, что отнынѣ основной монетой государства становится серебряная, и что курсъ серебрянаго рубля принимается постоянный въ 350 к. асс., что все разсчеты производятся на серебро, но платежи дѣлаются безразлично — звонкою монетою и ассигнаціями по постоянному курсу, принимая рубль золотомъ 3-мя процентами выше серебрянаго рубля.

«Вслѣдъ за этимъ при коммерческомъ банкѣ учрежденъ *депозитный* банкъ, который долженъ былъ принимать на сохраненіе отъ частныхъ лицъ суммы серебряною монетою. Серебро, принимаемое на сохраненіе, служило разнѣннымъ фондомъ билетовъ. Вмѣсто вкладовъ, банкъ выдавалъ вкладчикамъ билеты, называемые билетами депозитнаго банка. Они были въ 3, 5, 10 и 25 р. с. Вислѣдствіи банку разрѣшено

было выпускать билеты въ 50 и 100 р. с. Билеты депозитнаго банка ходили наравнѣ съ серебряною монетою во всей имперіи и размѣнивались по прѣдъявленіи на звонкую монету.

«Цѣль этой мѣры была та, чтобы устранить колебаніе курса ассигнацій. Новыя бумаги, какъ размѣнные знаки, не подвергались колебаніямъ курса и ходили наравнѣ съ звонкой монетою.

«Съ тѣхъ поръ правительство занялось составленіемъ достаточнаго резерва драгоцѣнными металлами для обезпеченія бумажныхъ денегъ. Этому содѣйствовала особенно разработка уральскихъ рудниковъ, которая годъ-отъ-году усиливалась. Такъ въ 1884 г. въ Петропавловскую крѣпость доставлено было 70,750,000 р. с. резерва.

«Въ сентябрѣ 1845 г. умеръ графъ Канкринъ. Финансовое положеніе Россіи было недурно. На Западѣ между тѣмъ (въ 1847 г.) свирѣпствовали неурожаи, монетный и коммерческій кризисъ. Вслѣдствіе неурожая, Франція, Англія и Германія должны были покупать огромныя количества хлѣба въ другихъ странахъ. На уплату этихъ покупокъ звонкая монета утекала съ необыкновенной быстротой, такъ что было время, когда во французскомъ банкѣ находилось только 71 милл. франковъ монетнаго резерва, между тѣмъ какъ уплаты достигали 368 милл. Возвышеніе учета не помогало.

«Въ этихъ обстоятельствахъ русское правительство предложило французскому банку продать ему рентъ государственнаго долга на 50 милл. франковъ, съ поставкой въ Петербургъ. Банкъ охотно принялъ это предложеніе. Вслѣдствіе такой мѣры, звонкая монета притекла къ Петербургу, такъ что резервъ крѣпости увеличился до 115 милл. р. сер. Кромѣ того французская торговля была поставлена въ необходимость дѣлать свои закупы хлѣба преимущественно въ Россіи. Французскій банкъ, какъ кредиторъ 50 милл. франковъ, дѣлалъ до этой суммы переводы на казенныя банки Россіи, и большая часть его переводовъ служила средствомъ расплаты за хлѣбъ, купленный на счетъ французскихъ негоціантовъ.

«Вскорѣ послѣ покупки рентъ у французскаго банка, 21 марта 1847 г., вышелъ у насъ указъ объ обращеніи 30 милл. руб. с. въ англійскія консоли, голландскіе фонды и проч. Правительство доставило такимъ образомъ обширный сбытъ произведеніямъ почвы; оно само должно было уплачивать переводы по закупкамъ этихъ произведеній.

«Департаментъ экономіи государственнаго совѣта одобрилъ покупки рентъ, съ условіемъ, чтобы происходящія отсюда выгоды обрацаемы были на погашеніе разныхъ долговъ государства. Выгоды эти состояли въ томъ, что, если металлическій запасъ нѣсколько уменьшился, то исчезающая часть замѣнилась солидными бумагами, которыя давали постоянный доходъ, усиливали кредитъ государства и въ случаѣ нужды, могли быть обращены въ звонкую монету, между тѣмъ оставшійся запасъ былъ все еще достаточенъ для безостановочнаго размѣна кредитныхъ билетовъ. Вслѣдствіе этой мѣры притокъ металлическихъ денегъ въ государственное казначейство былъ такъ великъ, что (1 іюня 1847 г.) въ кладовыя Петропавловской крѣпости перенесено золотой и серебряной монеты на 12,650,054 р. с.

«Такимъ образомъ въ теченіе 30 лѣтъ (1817—47) финансы Россіи постоянно улучшались; съ 1848 г. положеніе ихъ начало измѣняться.

«Февральская революція заставила увеличить военныя силы: это стоило 15 милл. р. с., которыми расходы 1848 г. превышали расходы предыдущаго года. Издержки 1849 г. были на 30 милл. выше издержекъ 1848 г. Причина заключалась въ венгерской войнѣ, въ занятіи Дунайскихъ княжествъ, въ сосредоточеніи войскъ въ Польшѣ. Къ этому присоединился скотскій наводъ, сдѣлавшій большія опустошенія на югѣ Россіи.

«На покрытіе расходовъ венгерской кампаніи надо было выпустить нѣсколько серій билетовъ казначейства, и ихъ выпущено на сумму болѣе 13 милл. р. сер.

«Съ другой стороны на окончаніе желѣзной дороги отъ Москвы до Петербурга былъ заключенъ 4½ процентный заемъ въ 5,500,000 ф. стер., чрезъ посредство петербургскаго дома Штиглица и лондонскаго Беринга, съ 2½ погашенія.

«Въ началѣ 1850 г. въ обращеніи находилось кредитныхъ билетовъ на 300 милл. руб.; въ кладовыхъ крѣпости было монетою и слитками 99,763,361 р. с. Правитель-

ство разрѣшило вывозъ звонкой монеты, запрещенный въ 1848 г. Въ 1851 г. расходы опять превышали доходы; дефицитъ увеличивался. Восточный вопросъ еще болѣе затруднилъ финансовое положеніе. Уже въ 1853 г. стали дѣлаться приготовленія къ войнѣ, а вмѣстѣ съ этимъ послѣдовали новые выпуски кредитныхъ билетовъ. Въ 1853 г. въ обращеніи ихъ находилось болѣе 368 милл. р., билетовъ казначейства на 60 милл. Съ объявленіемъ войны съ Франціей и Англіей масса бумажныхъ денегъ дошла до 450 милл. руб. сер. При одномъ извѣстіи объ объявленіи войны, курсъ на Парижѣ упалъ въ Петербургѣ до 308, то есть рубль, стоящій при нормальномъ курсѣ 4 франка, стоилъ только 3 фр. и 8 сант. Правительство сочло нужнымъ запретить вывозъ золота. Военные расходы были громадны. Надо было прибѣгнуть къ новымъ займамъ, и указомъ въ ноябрѣ 1855 г. разрѣшенъ заемъ въ 50 милл. руб., который заключенъ былъ за границей, при посредствѣ Штиглица и реализованъ на биржахъ Берлина, Гамбурга и Амстердама. Расходы увеличивались, долги и масса ассигнацій росли: кредитныхъ билетовъ къ 1 января 1858 г. находилось въ обращеніи на 735,297,006 р., а съ 1858 года размѣтъ ихъ на звонкую монету прекращенъ.

«Но въ то же время (указомъ 18 апрѣля 1858 г.) 60 милл. руб., различными фондами, принадлежащими государственному казначейству, назначены на погашеніе равной суммы кредитныхъ билетовъ, которые и были преданы сожженію. Кромѣ того въ теченіе 1858 г. изъ обращенія извлечено ихъ размѣномъ на звонкую монету 41,312,790 р.; вновь выпущено на 11,671,503 руб., и къ 1 января 1859 г. было въ обращеніи на 644,648,719 р. сер. кредитныхъ билетовъ.

«Въ кассѣ было резерва: 1 января 1858 г.—119,140,921 р. монетой и слитками и 21,319,850 р. фондами: въ теченіе 1858 г. поступило 24,009,453 р. монетой, но израсходовано 43,811,631 руб. монетой и слитками и 10,846,110 фондами; такъ что къ 1 января 1859 г. оставалось въ кассѣ 99,338,743 р. монетой и слитками и 11,473,640 р. фондами,—всего 110,8 милл. Колебаніе валюты было чрезвычайно сильное: 16 января 1859 г. фунтъ стерлинговъ стоилъ въ Петербургѣ (по курсу $36\frac{15}{16}$ пенса за рубль) 6 р. 49 коп., а 1 мая (по курсу $31\frac{1}{4}$ пенса) 7 руб. 68 к.; другими словами: кто 16 января получилъ изъ Лондона 10,000 фунт. ст., стоявшихъ тогда 64,974 руб., тотъ 1 мая долженъ былъ уплатить за нихъ 76,800 р., т. е. есть терялъ 11,826 руб. Въ одной только Австріи можно найти примѣръ такого колебанія валюты. Въ 1859 г. цѣнность нашихъ ассигнацій составляла не болѣе $81\frac{1}{2}$ серебра-наго рубля ¹⁾.

«Чтобы помочь затруднительному финансовому положенію, въ мартѣ 1859 г. правительство заключило съ англійскимъ домомъ Томсонъ, Бонаръ и К^о договоръ о займѣ въ 12 милл. ф. ст., по которому предполагалось выпустить 3-хъ процентныя облигаціи по курсу $66\frac{1}{2}$. Но такъ какъ итальянская война (единственное вліяніе которой въ этомъ случаѣ оспаривается, впрочемъ, нѣкоторыми) уронила курсъ бумагъ ниже опредѣленной цифры, то договоръ былъ уничтоженъ, а уплаченные уже $15\frac{1}{2}$ займа возвращены. По заключеніи Виллафранкскаго мира, заемъ удался и помѣщенъ по 68, считая проценты съ 1 мая 1859 г., что понизило его до $66\frac{1}{2}$. Извѣстное французское общество—*Société générale du crédit industriel et commercial* взялось помѣстить 40 милл. фр. во Франціи, въ чемъ и успѣло. Этимъ займомъ русскій долгъ увеличился въ теченіе 1859 г. на 7 милл. ф. ст., а по внесеніи всего займа онъ долженъ умножиться на 75 милл. рублей.

«Въ то же время текущій долгъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ началъ превращаться въ срочный консолидированный. Приступая къ преобразованію этихъ учрежденій, правительство сначала уменьшило платимыя ими на вклады проценты съ 4 на $3\frac{1}{2}$, на томъ основаніи, что, составляя непроизводительный капиталъ, про-

¹⁾ Въ Берлинѣ $\frac{4}{16}$ мая 1859 г. 100 руб. стоили только 87 талеровъ, изъ коихъ каждый заключалъ серебра около 93 к., такъ что 100 р. асс.=87 талеровъ.= $87 \times 93 = 80,91$ руб. сер. Такой курсъ бумажныя деньги имѣли въ 1781 и 1803 г.

центные вклады отягощают собою кредитныя учреждения. Между тѣмъ пониженіе процентовъ объявлено было тотчасъ послѣ основанія главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, акціямъ котораго правительство гарантировало 5%. Вѣроятно, это имѣлось въ виду при вытѣсненіи капиталовъ изъ банковъ. Вслѣдствіе такой мѣры, изъ кредитныхъ учреждений деньги потекли на заграничныя биржи; а такъ какъ при предстоящемъ займѣ 12 милл. ф. ст., можно было ожидать еще большаго отлива, то ихъ старались удержать 4%-ми непрерывно-доходными билетами ¹⁾, которые и были выпущены въ апрѣлѣ 1859 г.; на нихъ же обмѣнены капиталы, внесенные на вѣчное время въ разныя кредитныя учрежденія. Но эти бумаги не были такъ выгодны, какъ прежнія, напр. 4% облигаціи и т. п., вслѣдствіе того онѣ и не имѣли большого успѣха. Вслѣдъ за тѣмъ, 10 сентября 1859 г., учреждены государственные 5% банковые билеты, также съ цѣлью консолидировать банковые вклады; они предложены въ обмѣнъ на прежніе билеты государственныхъ банковъ и на 4% непрерывно-доходные—и погашаются съ 1861 г. въ теченіе 37 лѣтъ по тиражу. вмѣстѣ съ тѣмъ вкладчикамъ предложено на выборъ, или оставить свои вклады въ кредитныхъ учрежденіяхъ, или получить ихъ обратно; но съ 1 января 1860 г. имъ выдается вмѣсто 3% только 2%, а начисленіе сложныхъ процентовъ прекращается; то же примѣнено и къ будущимъ вкладамъ, которые поступить къ 1 января 1860 г. Капиталы, внесенные частными лицами на вѣчное время, дозволено обращать въ 4% непрерывно-доходные билеты; въ противномъ случаѣ они остаются на 2%. Въ теченіе 1859 г. въ государственную долговую книгу было внесено такимъ образомъ изъ текущаго долга 22,863,658 р. 4-хъ процентными непрерывно-доходными билетами. Консолидированный долгъ увеличился съ 515,6 милл. до 555 мил.; а масса кредитныхъ билетовъ съ 644,6 милл. 679,877,853 руб. (Размѣнный фондъ уменьшился съ 110,812,483 до 96,241,618 р.) ²⁾.

«Въ 1860 г., при учрежденіи государственнаго банка, вмѣсто прежнихъ кредитныхъ учрежденій, определено передать ему всѣ вклады, принятые этими учрежденіями, всѣ счета по 4% непрерывно-доходнымъ билетамъ, суммы вкладовъ обращенныхъ на 5% государственные банковые билеты, счета экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ и суммы, выданныя изъ кредитныхъ учреждений государственному казначейству. Это центральное учрежденіе сдѣлалось такимъ образомъ главнымъ орга-

¹⁾ «Отливъ дѣйствительно былъ огромный:

Количество вложенныхъ вкладовъ.	Взятыхъ обратно.
1855 г. 223,695,926 р.	191,475,357 р.
1856 » 286,685,983 »	239,182,889 »
Итого 510,381,909 р.	430,658,246 р.
1857 г. 288,650,735 »	299,950,425 »
1858 » 302,807,044 »	355,615,293 »
Итого 591,457,779 р.	655,565,718 р.

Въ 1855—56 г. вложено болѣе, чѣмъ взято на 79,723,663 р.

— 1857—58 г. взято болѣе, чѣмъ вложено на 64,107,939 »

²⁾ «Ассигнацій находилось въ обращеніи:

Съ 1828 по 1839 г.	170,221,828
Къ 1 января 1850 г.	301,578,170
» » 1853 »	333,443,008
» » 1854 »	356,337,021
» » 1855 »	509,181,397
» » 1856 »	686,276,844
» » 1857 »	735,297,006

номъ по операциямъ консолидированія текущаго долга. Изъ его отчета за 1860 г. мы можемъ опредѣлить отчасти и величину самаго долга къ началу 1861 г. Изъ его отчета видно:

«1) Что къ 1 января 1861 г. кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи на 712,976,569 р., а размѣнный фондъ 92,884,431 р.; слѣдовательно безпроцентнаго долга по кредитнымъ билетамъ оставалось 620,092,137 р.

«2) Что сумма 5⁰/₀ билетовъ, причитавшаяся взаимнѣ процентныхъ вкладовъ, составляла 276,578,500 —

«3) Что сумма 4⁰/₀ непрерывно-доходныхъ билетовъ, отчасти уже занесенная въ государственную долговую книгу, отчасти еще незанесенная, простиралась до 168,922,827 —

«4) Что долги государственнаго казначейства по займамъ изъ кредитныхъ установленій, за вычетомъ уплаченныхъ вкладными билетами, принадлежащими казеннымъ мѣстамъ (болѣе 14 мил. руб.) и обращенныхъ на 4⁰/₀ непрерывно-доходные билеты, составляли. 103,898,428 —

«Кромѣ того, въ теченіе 1860 г. сдѣлано было нѣсколько новыхъ займовъ, отчасти уже употребленныхъ на расходы. Указъ 14 іюня уполномочилъ министра финансовъ не только объявить подписку на остальную сумму займа 12 мил. ф. ст., заключеннаго въ 1859 г., но и увеличить этотъ остатокъ съ 5 до 8 милл., превративъ первоначальныя 3¹/₂⁰/₀ облигаціи въ 4⁰/₀ ренты. Этотъ заемъ дѣйствительно состоялся въ Лондонѣ въ іюлѣ, и подписано было 5 м. ф. ст. (Подписчики, братья Берингъ въ Лондонѣ, Гоппе и К⁰ въ Амстердамѣ, получили разрѣшеніе остальные 3 мил. выпустить до конца года. Неизвѣстно, воспользовались ли они этимъ дозволеніемъ, или срокъ былъ продолженъ). Возьмемъ 5 милл. ф. ст. 31,250,000 —

«Черезъ нѣсколько дней послѣ предыдущаго, другой указъ (17 іюня) разрѣшилъ выпускъ пяти новыхъ серій билетовъ казначейства (LVI—LX), въ 3 милл. руб. каждая,—всего 15 милл., съ процентами по 4,32 на 100. Каждый билетъ въ 50 р. приносить 2 р. 16 к. въ годъ процентовъ. До исхода 1860 г. было два выпуска, которые дали ¹⁾). 10,791,700 —

«Прибавимъ сюда прежніе выпуски билетовъ казначейства, которые къ 1 января 1859 г. простирались до 93,000,000 —

«И консолидированный долгъ, къ 1860 г. составлявшій . . . 555,012,127 —

Итого . . . 1,859,545,709 р.

«Къ 1860 г. состояло въ капиталѣ выкупа 60,262,008 руб.; предполагая, что вся эта сумма уйдетъ по назначенію 60,262,009 —

«Получимъ общую сумму госуд. долга къ 1861 г. 1,799,283,700 р.

¹⁾ «Подписка на первый выпускъ въ 4 милл. р. (30 сент.) простиралась до 36,674,700 р., такъ что надо было уменьшить до 8¹/₂⁰/₀ суммы, подписаныя лицами, требовавшими болѣе 20 билетовъ (1.000 р.). Вторая подписка на 5 милл. руб. окончена 15 декабря и дошла до огромной цифры 306,760,600 р.: для удовлетворенія по возможности подписчиковъ, государственный банкъ, съ разрѣшенія министра финансовъ, увеличилъ выпускную сумму на 1,791,700 р. Подписавшіеся на 16 билетовъ и менѣе получали полную сумму; всѣ же тѣ, которые подписались на большее количество билетовъ, получили 17».

«Наконецъ въ исходѣ 1860 г. (16 декабря) государственному банку разрѣшено выпустить на 100 милл. р. 4⁰/₀ металлическихъ билетовъ. въ 300 р. каждый, погашая ихъ въ теченіе 41 года. Какъ проценты, такъ и погашеніе платятся звонкой монетой; на погашеніе назначенъ 1⁰/₀. Два выпуска этихъ билетовъ уже состоялись (въ 1861 г.), каждый въ 12 милл. р.

Въ вышеопредѣленномъ итогѣ . . 1,799,283,700 р. заключается:

Долговъ процентныхъ 1,179,191,563 »

» безпроцентныхъ 620,092,137 »

«Въ 1859 г. по процентному долгу въ 580,686,622 р. на погашеніе употреблено 30,113,295 р. и на уплату процентовъ положено 28,069,082 р.; всего 58,182,377 р., не считая текущихъ долговъ. На новые долги 1860 г. однихъ процентовъ можно считать 26,750,000 р., да на прежніе билеты казначейства около 4 милл.; итого процентовъ 54,8 милл.; изъ нихъ около 14 милл. по 5⁰/₀ банковымъ билетамъ обезпечены платежами дебиторовъ бывшихъ кредитныхъ учрежденій.

«Считая только консолидированные долги собственно Россіи съ ассигнаціями, находимъ, что эти двѣ категоріи долговъ возрастали слѣдующимъ образомъ:

	1847	1853	1856	1860
Рубли	571,251,788	768,917,692	1,142,455,179	1,234,889,980».

За этими слѣдуетъ у г. Корсака статья о финансахъ и государственныхъ долгахъ Царства Польскаго; но до нихъ намъ нѣтъ дѣла. Говоря за тѣмъ, о военныхъ силахъ нашего отечества, г. Корсакъ между прочимъ замѣчаетъ:

«Такъ называемые инспекторскіе смотры лежатъ на обязанности начальниковъ дивизій и корпусныхъ командировъ, инспектирующихъ полки въ установленное время; а между тѣмъ эти лица суть прямые начальники инспектируемыхъ ими войскъ, слѣдовательно, совмѣщаютъ въ себѣ и распорядительную власть, и контроль надъ этими войсками.

«Въ 1858 г. по смѣтамъ на содержаніи провіантнаго вѣдомства находилось:

Людей . . . 1,099,305

Лошадей . . . 159,950

«На нихъ къ «непремѣнному» отпуску назначено было 39,474,141 р. Среднимъ числомъ причиталось на одного человѣка 24 р. 56 к., а на одну лошадь 64 р. 51 к. На довольствіи комиссаріата въ 1858 г. было 990,817 чел., въ томъ числѣ солдатъ 959,806, а расходовъ ассигновано 28,217,783 р. или 28 р. 47 к. на человѣка. Вообще продовольствіе войска на 1858 г. требовало: заготовки муки 2,088,843, крупъ 167,107¹/₂, овса 402,702 четвертей, всего на 10,353,225 р.

«Сила войскъ. Войска раздѣляются на регулярныя; первыя—на дѣйствующія и резервныя. Къ 1858 г. находилось по спискамъ на регулярныхъ войскахъ:

	Генераловъ, штабъ и об.- офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.
Дѣйствующихъ	28,289	841,522
Резервныхъ	2,655	85,570
Итогъ	31,944	827,091

«За измѣненіями, послѣдовавшими въ составѣ ихъ въ 1858 г., числительная сила *регулярныхъ* войскъ къ 1869 г. была по спискамъ:

	Генера- ловъ.	Штабъ и об.-оф.	Нижнихъ чиновъ.	Ору- дій.
Дѣйствующихъ .	334	26,997	783,352	744
Резервныхъ . .	23	3,054	66,873	88
Итогъ .	357	30,051	850,225	832
Иррегулярныхъ .	30	4,665	421,435	248
Всего.	387	34,716	1,271,660	1,080

«Немедленно по окончаніи крымской войны, въ войскахъ сдѣланы были многія сокращенія: изъ рядовъ регулярныхъ, иррегулярныхъ войскъ и государственнаго ополченія уволено до милліона человекъ; но и съ этимъ сокращеніемъ армія представляла еще громадную цифру, превышающую милліонъ. Поэтому сдѣланы были новыя ограниченія, и регулярная армія, до войны представлявшая круглую цифру 1,140,000, уменьшилась къ 1859 г. на 290,000 и состояла только изъ 850,000 человекъ. Между прочимъ въ 1858 г. уволено изъ регулярныхъ войскъ въ безсрочный отпускъ около 19,500 человекъ и во временный 20,000. Вообще къ 1 января 1859 г. находилось въ губерніяхъ въ безсрочномъ и временномъ отпуску нижнихъ чиновъ 503,335 человекъ; въ этомъ числѣ было отпускныхъ сверхкомплектныхъ, предназначенныхъ на пополненіе обыкновенной убыли въ дѣйствующихъ и резервныхъ войскахъ, въ теченіе льготнаго времени отъ рекрутскихъ наборовъ—259,101, и ожидалось къ прибытію въ губерніи еще 4,989, такъ что весь фондъ для пополненія обыкновенной убыли простирался до 264,090 человекъ. Остальные 239,245 человекъ назначены для укомплектованія дѣйствующихъ и для сформированія резервныхъ войскъ на случай *военнаго времени*. Кромѣ временныхъ отпусковъ сокращенію военнаго сословія содѣйствовали слѣдующія важныя мѣры: указомъ 25 декабря 1856 г. велѣно исключить изъ военнаго вѣдомства и обратить въ свободныя податныя сословія всѣхъ солдатскихъ дѣтей (военныхъ кантонистовъ), и возвращено такимъ образомъ до 378,000 малолѣтнихъ въ ихъ семейства. Но съ цѣлью пристроить солдатскихъ дѣтей, оставшихся безъ пріюта, заведенія военныхъ кантонистовъ и учебныхъ стрѣлковыхъ полковъ преобразованы въ училища военнаго вѣдомства, число которыхъ предполагается сократить съ развитіемъ народныхъ школъ и съ распространеніемъ въ войскахъ грамотности. Во всѣхъ этихъ кантонистскихъ заведеніяхъ къ 1 января 1858 г. воспитанниковъ было 19,617 человекъ, а къ 1 января 1859 г. оставалось уже только 12,451 человекъ.

Въ то же время послѣдовало упраздненіе военныхъ поселеній, не имѣвшихъ никакого значенія въ составѣ военныхъ силъ, а между тѣмъ парализовавшихъ производительность и промышленность значительной части южнаго и югозападнаго края и губерній: Новгородской, Витебской и Могилевской.

Далѣе начата замѣна казенной прислуги (нестроевыхъ командъ, комплектуемыхъ неспособными низкими чинами) вольнонаемными людьми. Эта мѣра избавить отъ обязательной службы до 62,000 человекъ. Сокращено число караульных нарядовъ, вслѣдствіе чего число постовъ уменьшилось до 2,000, а ежедневный расходъ людей сократился на 6000. Кромѣ того отмѣненъ нарядъ часовыхъ въ разныхъ заведеніяхъ, присутственныхъ мѣстахъ и заставахъ, что также сократило число постовъ на 1,500. Слѣдствіемъ сокращенія арміи предвидится уменьшеніе на 25% числа призываемыхъ на службу рекрутъ; оно уменьшило уже на $\frac{1}{3}$ квартирную и подводную повинность. Но вмѣстѣ того сформированы на совершенно новыхъ основаніяхъ резервныя части арміи, изъ которыхъ могутъ пополняться дѣйствующія войска. Увеличено число стрѣлковыхъ частей въ арміи учрежденіемъ стрѣлковыхъ ртъ въ каждомъ батальонѣ и присоединеніемъ къ составу каждой пѣхотной дивизіи по одному стрѣлковому батальону.

Вводятся усовершенствованныя огнестрѣльные оружія (къ 1 января 1860 г. предполагалось имѣть въ войскахъ 80,554 шести-линейныхъ винтовокъ; вся пѣхота будетъ окончательно вооружена ими къ 1864 г.). Для обученія стрѣльбѣ учреждены три стрѣлковые школы съ учебными стрѣлковыми ротами; для кавалеріи — кавалерійское училище въ Елисаветградѣ.

«По хозяйственной части готовятся также нѣкоторыя преобразованія. Между прочимъ составлены проекты новыхъ табелей или росписаній разныхъ потребностей для войскъ. Не касаясь устарѣлыхъ формъ провіантской администраціи, замедляющей ходъ дѣлъ лишними инстанціями (вообще по военному министерству въ теченіе 1858 г. было бумагъ входящихъ 440,122 и исходящихъ 305,922, всего 746,044), сократили покуда провіантскій штатъ на 286 человекъ чиновниковъ и 870 нижнихъ чиновъ. Содержаніе солдатъ улучшено прибавкою такъ-называемыхъ приварочныхъ денегъ (стоимость содержанія каждаго солдата обошлась въ 1858 г. въ 72 р. 40 к., а въ 1859 г. 74 р. 39 к.); для офицеровъ учреждена эмеритальная касса и усилены оклады. Утвержденное уже измѣненіе въ гражданскомъ и полицейскомъ законодательствѣ тѣхъ постановленій, въ силу которыхъ армія наша считалась какъ бы мѣстомъ ссылки, и готовящійся новый уголовный уставъ, въ которомъ значительно смягчены наказанія (высшая мѣра тѣлеснаго наказанія за обыкновенныя преступленія — 1500 ударовъ вмѣсто 6000!) должны оказать полезное вліяніе на нравственное состояніе войскъ. Въ заключеніе всего, съ 1857 года обращено вниманіе на обученіе солдатъ грамотѣ.»

Этихъ реформъ нельзя не одобрить и есть основаніе полагать, что готовятся новыя преобразованія въ томъ же духѣ, отъ которыхъ улучшится положеніе солдата, армія приобрететъ большую дѣйствительную боевую силу, число безполезныхъ въ боевомъ отношеніи частей ея уменьшится, и поэтому рекрутская повинность облегчится, а съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ равномернѣе распредѣлено ея отправление. Если мы не ошибаемся, нынѣшній военный министръ дѣлаетъ все зависящее отъ него для осуществленія широкихъ и дѣйствительно полезныхъ реформъ по своей части. Вотъ извлеченіе изъ исторіи русскаго войска, сообщаемой г. Кореакомъ:

«Историческія замѣтки. Русское войско при Петрѣ I, въ 1712 г., состояло изъ 108,000 чел., въ годъ его смерти (1725) уже считалось 196,000 челов. Въ Семилѣтнюю войну, когда Россіи въ первый разъ пришлось сражаться въ Средней Европѣ, у нея было регулярныхъ войскъ 162,750 чел., а именно: 30 полковъ кавалеріи (6 кирасирскихъ, 6 гренадерскихъ, 18 драгунскихъ) — 31,950 челов., и 50 полковъ пѣхоты (4 гренадерскихъ и 46 мушкетерскихъ) = 130,800. Къ этому можно бы причислить нѣсколько милиціонныхъ полковъ. Императрица Екатерина II значительно увеличила армію. Въ 1785 г. считалось уже до 360,000 челов. По подробному разсчету 1794 г. значилось:

53 полка и 19 бригадъ кавалеріи	81,200
72 » » 32 батальона пѣхоты	203,900
5 » » 2 роты артиллеріи	27,700

130 полковъ и проч. регулярныхъ войскъ 312,800

Сверхъ того нерегулярныя войска:

Казакъ, башкирцы и пр.	69,200
Гарнизонъ	60,000

Всего. . . . 442,000

«Одинъ списокъ, относящійся къ концу 1863 года, представляетъ слѣдующія данныя:

1) <i>Гвардія:</i>	Кавалеріи	3,300	} 12,600
	Пѣхоты	9,300	

2) <i>Полевые полки:</i>	Кавалерія	49,700	} 382,600
	Пѣхота	219,100	
	Артиллерія	42,900	
	Гарнизонъ	70,900	
Всего			395,200

«Со включеніемъ инвалидовъ и иррегулярныхъ войскъ, вся масса военныхъ силъ (на бумагѣ) простиралась до 506,700 чел.

«Въ оба похода 1805 и 1807 г. русскіе выставили въ Германію не болѣе 80—90,000 человекъ.

«Подъ Аустерлицомъ дѣйствительныя силы союзниковъ не составляли и 80.000; изъ нихъ 15,700 австрійцевъ. (Французы противопоставили имъ равное число).

«Что касается до великой войны 1812 г., то по поводу ея составлялись о числѣ войскъ вѣдомости, изъ которыхъ приводимъ слѣдующее краткое извлеченіе:

Регулярныхъ войскъ (въ томъ числѣ 98,000 гарниз. солдатъ и инвалидовъ)	539,400
Иррегулярныхъ войскъ	100,000
Народнаго ополченія	851,100
Всего	1,490,500

«Въ началѣ войны русская армія численностью далеко уступала французской; въ составъ ея входили:

Войска первой линіи:

<i>Первая западная армія</i>	104,150 чел.
<i>Вторая западная армія</i>	35,000 »
<i>Резервная армія.</i>	36,000 »

Всего въ первой линіи по большей мѣрѣ . 175,000 чел.

регулярнаго войска и 938 орудій, не считая козаконъ, въ которыхъ въ началѣ кампаніи мало представлялось надобности. Противъ этого сравнительно слабаго войска Наполеонъ выступилъ болѣе чѣмъ съ 400,000 человекъ.

Во второй линіи у Сакена было 42,500 чел.

Изъ третьей линіи дѣйствующая армія всегда могла получить въ подкрѣпленіе 46,000 пѣхоты 9,300 конницы и рекрутъ. Сверхъ того въ Финляндіи стояло 30,000 подъ начальствомъ Штейнгеля и 53,000 на Дунаѣ.

«Трудности похода привели русское войско почти въ такое же разстройство, какъ и французское, и отозвались немного меньшимъ ущербомъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ истреблены были цѣлыя роты, отъ нѣкоторыхъ батальоновъ осталось по 2—3 человека (по удостовѣренію Бутурлина, адъютанта императора Александра): изъ 120,000 главной арміи, подъ начальствомъ Кутузова осталось 35,000; у Витгенштейна изъ 50,000 всего 15,000; отъ 10,000, посланныхъ изъ внутреннихъ губерній на подкрѣпленіе арміи, только 1,700 достигли театра войны у Вильно (по увѣренію англійскаго комиссара, сэра Роберта Вильсона). Въ запискахъ Толя находимъ слѣдующій расчетъ:

Обѣ западныя арміи (за вычетомъ 21 тысячнаго корпуса Витгенштейна): первая 83,000, вторая 35,000 составляли	118,000
Подкрѣпленій онѣ получили	91,800
Всего	209,800

Въ половинѣ декабря въ Вильно еще было въ строю 40,290

Слѣдоват. съ конца іюня до половины декабря убыло . . . 169,510

«Въ лазаретахъ лежало 48,335 челоѡ. Если бы большая часть этихъ больныхъ выздоровѣла.— чего впрочемъ, какъ достоверно извѣстно, не было.—то и тогда число убитыхъ людей превышало бы первоначальное число войска. Русская армія, преслѣдовавшая Наполеона въ январѣ 1813 г., составляла только 15,000 чел. (Толь).

«Въ походы 1813 и 1814 г. сила русскихъ войскъ никогда не превышала 150,000.

«Въ оба турецкіе похода 1828 и 1829 г. русскіе явились на Прутѣ въ числѣ 80,000, къ которымъ въ слѣдующемъ году выслано было еще около 40,000. Когда главный корпусъ прибылъ къ Андрианополю, въ немъ считалось едва 10 — 15,000 перешли обратно Прутъ. Жomini говоритъ, что русская армія въ эти два похода потеряла 115,000 чел., изъ коихъ 100,000 погибло отъ болѣзней. Уже первый походъ уничтожилъ 40,000 солдатъ. Съ мая 1828 до февраля 1829 г. 201,108 чел. лежало въ госпиталяхъ; съ особенною силою свирѣпствовала чума. Борьба съ Польшею въ 1831 г. снова требовала значительныхъ усилій. Съ тѣхъ поръ признана была необходимость основательныхъ преобразованій; изъ нихъ многія уже сдѣланы, другія остались еще неисполненными. Въ венгерскомъ походѣ 1849 г., русская вспомогательная армія явилась къ австрійцамъ въ числѣ около 120,000 чел. *Крымская война* разомъ открыла существованіе многихъ злоупотребленій, особенно въ продовольствіи. Если уже до войны по официальнымъ свѣдѣніямъ у насъ считалось 1,200,000 войска (въ томъ числѣ 200,000 кантонистовъ), то тѣмъ замѣчательнѣе незначительность силъ, двинувшихся въ Дунайскія княжества. Для продолженія борьбы требовались необыкновенныя усилія. Правда, что Россія надо было заботиться и о защитѣ многихъ, весьма отдаленныхъ пунктовъ; но на главномъ театрѣ войны никогда не было въ дѣйствиі за разъ и 200,000 чел. Въ теченіе 20 мѣсяцевъ объявлены были слѣдующіе *наборы*:

указомъ 10 февраля 1854 г.,	9 чел. съ 1,000 въ западныхъ губерніяхъ.
» 9 мая » 9 »	» » восточныхъ »
» 7 сентября » 10 »	» » западныхъ »
» 13 декабря » 10 »	» » восточныхъ »
» 10 февраля 1855 г.,	13 » » 18 губерн. — <i>Ополченіе</i> .
» 31 мая »	} 13 » » } прочихъ губерніяхъ.
» 12 августа »	
» 7 октября »	
» 6 мая » 12 »	» » западныхъ губерніяхъ.
» 15 октября » 10 »	» » во всѣхъ губ., искл. 7.

Ополченіе дало 372,000; оно было раздѣлено на 337 дружинъ; старые солдаты, поступившіе въ резервные батальоны, и новые наборы составили 267,000, — всего слѣдовательно 739,000 (по отчету министра внутреннихъ дѣлъ) число огромное, но все таки вдвое меньше того, какое можно набрать въ прочей Европѣ. Въ официальныхъ спискахъ число войскъ въ Крыму въ началѣ 1855 г. показывалось въ 250,000 съ 100,000 лошадей. Общее число солдатъ во всемъ государствѣ, состоящихъ на попеченіи комиссаріата, простиралось въ 1855 г. до 845,000 съ 187,360 лошадьми, а въ 1856 г. до 796,975 и 183,570. Такимъ образомъ въ послѣдній годъ было уже трудно держать военныя силы на прежней высотѣ. Потеря увеличивалась. По одному вычисленію, русская армія до конца 1854 года лишилась 111,132 челоѡкъ, изъ коихъ 29,204 убитыми, 56,304 ранеными, 6,460 контуженными, 16,156 умершими отъ болѣзней. (Послѣдняя цифра очень низка; вѣроятно здѣсь считаются только солдаты, умершіе въ ближайшихъ въ мѣсту дѣйствія лазаретахъ); тутъ не приняты въ расчетъ потери кавказской арміи и нерегулярныхъ войскъ, козачковъ и пр. Въ одномъ Симферополѣ, главномъ госпиталѣ Севастополя, съ апрѣля 1855 до іюля 1856 г. умерло болѣе 40,000 челоѡкъ; кромѣ того отсюда пошло до 300 транспортовъ почти съ 100,000 больныхъ въ другія соседнія мѣста. Почти то же можно сказать о Бахчисарѣ и Перекопѣ, бывшихъ также сборными мѣстами для больныхъ. Парижскій «*Pays*» вычислялъ потерю русской арміи въ 277,000 челоѡкъ; сверхъ того, черно-

морскій флотъ изъ 38,400 человекъ потерялъ 23,000. — Приведемъ еще одинъ замѣчательный фактъ: по свѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, послѣ удаленія изъ Крыма непріятели, убрано и зарыто было въ землю для очищенія воздуха, около 200,000 остововъ скота, служившаго для перевозки тяжестей.»

Изъ отдѣла объ «общественныхъ, промышленныхъ и торговыхъ отношеніяхъ» мы извлечемъ слѣдующіе отрывки. Вотъ, по справедливымъ словамъ г. Корсака, —

«Цифры, которыя могутъ служить указателемъ того, въ какомъ положеніи находятся государственные крестьяне и въ чемъ они особенно нуждаются. Въ 1858 году среднимъ числомъ у государственныхъ крестьянъ приходилось:

1 питейное заведеніе на	1,409	ч.	об.	п.
1 административное или судебное мѣсто	2,348	»	»	»
1 школа	7,994	»	»	»
1 вспомогательная касса	15,258	»	»	»
1 церковь	17,722	»	»	»
1 сберегательная касса	35,191	»	»	»
1 богадѣльня	54,037	»	»	»
1 больница	1,010,000	»	»	»
1 учащійся на	130	»	»	»
1 должностное лицо	218	»	»	»
1 духовное лицо или церковно-служитель	378	»	»	»
1 повивальная бабка	1,830	»	»	»
1 наставникъ или наставница	6,978	»	»	»
1 фельдшеръ	30,606	»	»	»
1 врачъ	101,508	»	»	»

Далѣе г. Корсакъ говоритъ о промышленномъ и торговомъ законодѣльствѣ:

«Промышленная и торговая дѣятельность связана множествомъ стѣснительныхъ учреждений которыя, въ послѣднее время, обратили на себя вниманіе правительства и составляютъ предметъ разсужденій специальныхъ комиссій. Изъ постановленій, не прямо касающихся промышленности и торговли, особенно тяжело отзываются на той и другой круговая порука при отправленіи рекрутской повинности и уплатѣ подушной, и паспортная система. Круговая порука, которая нисколько не предотвращаетъ недоборовъ въ податяхъ и не можетъ замѣнить хорошей системы налоговъ, служить только къ ограниченію свободы передвиженія и свободы приложенія труда къ производству. Паспортная система соединена съ огромной тратой времени и денегъ и даетъ только безчисленные поводы къ вѣдѣтельству чиновниковъ въ дѣла промышленника, къ штрафамъ, арестамъ и т. п. Объ откупной системѣ и вліяніи ея на промышленность было уже сказано. Здѣсь мы сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія о цехахъ, гильдіяхъ, о таможенномъ тарифѣ, какъ о предметахъ, прямо относящихся къ промышленному и торговому законодательству.

«Ремесленные постановленія въ Россіи (за исключеніемъ Остзейскихъ и отчасти западныхъ губерній) не имѣли исторической основы, а были почти цѣлкомъ заимствованы у западныхъ государствъ еще въ прошломъ столѣтіи. Это учрежденіе имѣло, можетъ быть (что впрочемъ весьма сомнительно), въ свое время полезное вліяніе на наши ремесленные сословія: но съ тѣхъ поръ какъ фабрично-ремесленное производство сдѣлало у насъ нѣкоторыя успѣхи, цеховыя учрежденія обратились прямо въ стѣсненія для промысловъ. На основаніи дѣйствующихъ постановленій, различіе между фабриками и ремеслами сопровождается важными различіями въ значеніи и правахъ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній. Содержатели фабрикъ и заводовъ должны быть занесены

въ гильдіи, по лица, вновь учреждающія фабрики и заводы, должны записываться въ извѣстный цехъ и обязаны подчиняться цеховымъ постановленіямъ. Къ этимъ двумъ главнымъ родамъ заведеній слѣдуетъ причислить такъ-называемыя *домашнія заведенія*, содержатели которыхъ (мѣщане и крестьяне) освобождаются и отъ гильдейскихъ платежей и отъ записки въ цеха. При такомъ различіи правъ и обязанностей этихъ заведеній, законодательство не опредѣляетъ точно ихъ взаимныхъ границъ; единственнымъ разграниченіемъ ремесль отъ фабрикъ онъ признаетъ ручную работу. Ремесленные управы, для усиленія ремесленныхъ сборовъ, простирали свои требованія о запискѣ въ цехи не только на домашнія заведенія или малыя фабрики, содержатели которыхъ вовсе освобождены отъ взятія гильдейскихъ свидѣтельствъ, но и на фабричныя и заводскія заведенія, снабженныя льготными свидѣтельствами, и даже на признанныя фабрики, подъ тѣмъ предлогомъ, что на нихъ работа производится ручнымъ способомъ, и что есть цехи одинаковаго съ ними названія. Онѣ произвольно размножали число цеховъ и безъ разбора примѣняли къ нимъ нѣсколько не сходныя производства ¹⁾, не только ремесленные, но и фабричныя, стараясь включить въ кругъ своего вѣдѣнія всю мелкую фабричную и заводскую промышленность. Мелкій фабрикантъ, попавшій однажды въ цехъ, съ трудомъ уже можетъ выбраться изъ него и поступить на фабричное положеніе, расширивъ производство, тѣмъ болѣе, что полученіе свидѣтельства на званіе фабриканта или заводчика сопряжено съ сложными формальностями и потерей времени. Притомъ цеховыя формальности, отвлекая рабочихъ отъ дѣла, затрудняя хозяевъ, служатъ поводомъ къ явнымъ неудовольствіямъ и спорамъ. Коммиссія, назначенная въ 1860 г. для изслѣдованія этого вопроса, убѣдилась въ необходимости кореннаго измѣненія промышленныхъ постановленій, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ и уничтоженіе цеховъ.

«Гильдіи имѣютъ не только матеріальное, но и нравственно вредное вліяніе на торговлю и на торговцевъ. По крайней неравномѣрности налога онѣ стѣсняютъ чрезмерно мелкихъ торговцевъ и чрезмерно облегчаютъ большихъ ко вреду малыхъ. Этотъ вопросъ также занимаетъ правительство. Какими стѣсненіями для торговли долженъ отзывать тарифъ, можно видѣть уже изъ того, что изъ 311 статей его, обложенныхъ привозною пошлиной 99 дали въ 1859 г. 19,425,000 р. дохода или 87% (всего получено по европейской торговлѣ 22,358,000), а 212 статей — 2,933,000, то есть 13%. Есть десятки статей, которыя доставляютъ дохода лишь по нѣсколькимъ копѣекъ въ годъ. Провозъ товаровъ черезъ таможи обставленъ не менѣе стѣснительными формальностями. Таможенное законодательство также преобразовывается.

«Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на многія сословныя и личныя привилегіи, на слабость и шаткость кредитнаго законодательства, которое дѣлаетъ чрезвычайно затруднительнымъ взысканіе по разнымъ обязательствамъ и этимъ сильно подрываетъ кредитъ, — и на безчисленные поводы къ вмѣшательству полиціи въ промышленныя и торговыя дѣла, которое уничтожаетъ возможность правильныхъ расчетовъ

¹⁾ „Въ 1850 г. въ числѣ 35 цеховъ, состоявшихъ при санктпетербургской ремесленной управѣ, между прочимъ поименованъ цехъ ситцепечатный, съ причисленіемъ къ нему производствъ: шпалернаго, клееночнаго и резиновыхъ вещей; въ цехъ малярный занесены табачное и сургучное производствъ; въ цехъ колбасный — помадное, горчичное и ваксельное производствъ; въ цехъ шорный — ватное и прядильное. Въ 1857 г. въ числѣ 24 цеховъ, состоявшихъ при московской ремесленной управѣ, были: цехъ ленточный, къ которому отнесены заведенія красильныя и ткацкія, кумачный — съ крашеніемъ и чищеніемъ суконъ и матерій и ткачествомъ; въ цехъ мѣдный причислено дѣланіе оптическихъ инструментовъ, производство жестяное и оловянное; къ цеху каретному причислены: выдѣлка обручей, бочекъ, четвериковъ; къ цеху кузнечному — дѣланіе физическихъ и математическихъ инструментовъ“.

въ предприятияхъ, а многихъ лицъ совершенно удерживаетъ отъ промышленной дѣятельности. Эти поводы порождаются впрочемъ не однимъ только торговымъ и промышленнымъ законодательствомъ, но общимъ характеромъ администраціи, которая даетъ слишкомъ мало простора для частной дѣятельности. Въ этомъ случаѣ упрекъ, дѣлаемый Франціи за ея чрезмѣрную централизацію, чуть ли не въ большей степени прилагается къ намъ, особенно, если принять въ расчетъ различіе въ степени развитія и добросовѣстности исполнителей».

Изъ этихъ выписокъ читатель можетъ видѣть, какихъ трудовъ и хлопотъ должно было стоить собираніе и обнародованіе статистическихъ данныхъ, сообщаемыхъ русской публикѣ г. Корсакомъ, и какъ важна «Статистика Кольба въ русскомъ переводѣ».

Въ изъявленіе признательности.

ПИСЬМО КЪ Г. З—НУ.

Прочитавъ статью вашу въ январской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія», хотѣлъ я, милостивый государь, просить у васъ свиданія, чтобы въ частномъ разговорѣ раскрыть вамъ глаза на неловкость, сдѣланную вами въ этой статьѣ. Но скоро я передумалъ: вы отличились публично; стало быть публично надобно и показать вамъ, какъ вы отличились.

Вы имѣете на дѣятельность Добролюбова взглядъ, различный отъ нашего: это еще не заставило бы меня входить съ вами въ пренія: ваше мнѣніе не такъ важно, чтобы кому нибудь стоило обращать на него вниманіе. Но есть въ вашей статьѣ нѣсколько строкъ, претендующихъ опредѣлить мое отношеніе къ Добролюбову, съ похвальными эпитетами мнѣ. Вы хотѣте засвидѣтельствовать для исторіи литературы фактъ, который былъ бы очень почетенъ для меня; если я оставлю ваши слова безъ отвѣта, то должно показаться, что я безъ возраженій принимаю ихъ за правду. Такую роль я не могу взять на себя.

На страницахъ 38 и 39 вашей статьи вы говорите, что въ литературномъ кругу, къ которому принадлежалъ Добролюбовъ, былъ человѣкъ, болѣе его замѣчательный по дарованіямъ; этого человѣка вы почитаете учителемъ Добролюбова; вы приписываете этому человѣку энергію убѣжденій, гораздо большую той, какую находите въ Добролюбовѣ. На 34 стр. вы о томъ же человѣкѣ говорите: «мы совершенно искренно уважаемъ нѣкоторыхъ изъ друзей покойнаго—бова, въ особенности одного, о лицемѣрномъ непризнаваніи заслугъ котораго, мы, кажется, первые сказали, что оно преступно мѣру». Очевидно, что вы тутъ упоминаете статью обо мнѣ, помѣщенную въ одной изъ осеннихъ книжекъ вашего журнала за прошлый годъ. Очевидно, что подъ человѣкомъ, который былъ учителемъ Добролюбова, превосходящимъ его талантомъ и энергіею, вы разумѣете меня. Это принуждаетъ меня разъяснить вамъ мои отношенія къ развитію образа мыслей Добролюбова, сказать, какъ представляется мнѣ самому отношеніе моихъ связей къ силамъ его и какая разница дѣйствительно существуетъ, по степени энергіи, между мною и имъ.

Учителемъ Добролюбова я не могъ быть, во-первыхъ, уже и потому, что не былъ его учителемъ никто изъ людей, писавшихъ по-русски. Довольно

много пользы принесли ему статьи Вѣлинскаго и другихъ людей того литературнаго круга. Но не подъ ихъ главнымъ вліяніемъ сложились его образъ мыслей. Поступивъ въ Педагогическій институтъ лѣтомъ 1853 г. онъ скоро привыкъ читать книги по-французски, а съ нѣмецкими книгами началъ знакомиться еще до поступленія въ институтъ. Если же даровитый человѣкъ въ рѣшительные для своего развитія годы читаетъ книги нашихъ общихъ западныхъ великихъ учителей, то книги и статьи, писанныя по-русски, могутъ ему нравиться, могутъ восхищать его (какъ и Добролюбовъ восхищался тогда нѣкоторыми вещами, писанными по-русски), но ни въ какомъ случаѣ не могутъ уже онѣ служить для него важнѣйшимъ источникомъ тѣхъ занятій и понятій, которыя почерпаетъ онъ изъ чтенія. Что же касается вліянія моихъ статей на Добролюбова, этого вліянія не могло быть даже и въ той, не очень значительной степени, какую могли имѣть статьи Вѣлинскаго. Я не имѣлъ тогда важнаго вліянія въ литературѣ. Въ доказательство сошлюсь на «Современникъ» 1855 и 1856 гг. Пересмотрѣвъ эти годы журнала, вы увидите незначительность и неопредѣленность тогдашней моей роли. Когда же это усилъ я до появленія Добролюбова въ литературѣ пріобрѣсти такой замѣтный голосъ въ ней, чтобы могли тогда быть у меня ученики? Вѣдь Добролюбовъ началъ помѣщать статьи въ «Современникѣ» съ половины того же 1856 г.

Для человѣка сообразительнаго было бы довольно фактовъ, отпечатанныхъ курсивными и заглавными шрифтами въ оглавленіяхъ тогдашняго «Современника». Но для васъ, милостивый государь, быть можетъ мало имѣть факты, къ которымъ самому надобно прилагать нѣкоторое соображеніе; быть можетъ вамъ необходимы готовыя пережевыванія заключенія. Вы могли бы слышать ихъ отъ каждаго, имѣющаго близкія свѣдѣнія объ отношеніяхъ Добролюбова ко мнѣ. Число этихъ людей не такъ мало, чтобы не приводилось встрѣчаться съ ними каждому, находящемуся въ порядочномъ литературномъ кругу. Я долженъ заключить, милостивый государь, что или вы совершенно чужды ему, или не умѣете понимать разговоровъ, въ которыхъ участвуете. Но въ томъ и другомъ случаѣ все-таки остается неизвинительна ваша опрометчивость. Вы имѣли въ печати прямое мое свидѣтельство о фактѣ, который совершенно опровергаетъ вашу фантазію, будто я былъ учителемъ Добролюбова. Г. Пятковскій вскорѣ по смерти Добролюбова напечаталъ въ «Книжномъ Вѣстникѣ» его некрологъ, въ которомъ прямо говорилъ, что біографическія данныя о Добролюбовѣ получилъ отъ меня. Тутъ рассказываетъ онъ между прочимъ, что, когда Добролюбовъ познакомился со мною, его образъ мыслей уже былъ вполне установившійся; стало быть съ этой стороны я не могъ имѣть на него вліянія. Всякому другому на вашемъ мѣстѣ, милостивый государь, было бы понятно, что въ этомъ случаѣ г. Пятковскій основывается на моемъ собственномъ признаніи.

Вамъ не случилось знать или не удалось понять ничего этого: иначе не могла бы вамъ придти въ голову фантазія, будто я былъ учителемъ Добролюбова. Но вы оказываетесь незнающимъ и не умѣющимъ понимать уже не какихъ нибудь частныхъ фактовъ, а и ровно ничего, когда фантазируете объ отношеніяхъ моихъ дарованій къ дарованіямъ Добролюбова. Положимъ, вы не заглядывали въ «Современникъ» 1855—1856 годовъ, положимъ, вы не читали

того, что писалось о Добролюбовѣ по его смерти; положимъ, вамъ не случалось встрѣчаться ни съ кѣмъ изъ людей порядочнаго литературнаго круга, — ни изъ «Отечественныхъ Записокъ» или «Русскаго Слова», ни изъ «Времени» или «Современника»; но все-таки вѣдь читали же вы какія-нибудь статьи Добролюбова и какія-нибудь мои статьи; вы сами говорите, что читали многія изъ нихъ. Какъ же могли вы не замѣтить, что слишкомъ смѣшно ставить написанное мною выше написаннаго имъ.

Съ той поры, какъ Добролюбовъ могъ безпрепятственно отдаться литературной дѣятельности до самаго отъѣзда его за границу, я не писалъ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ писалъ онъ. Я уже не разбиралъ ни одной беллетристической книги и ни одной книги по предметамъ, имѣющимъ близкую связь съ русскою жизнью. Отчего это могло происходить? Неужели ни разу въ эти три съ половиною года не приходила мнѣ охота написать что нибудь по этой отрасли дѣла, по которой прежде писалъ я постоянно и иногда не безъ внутренняго влеченія къ такой работѣ? Нѣтъ, я просто понималъ, что для меня было бы невыгодно, если бы мои статьи могли быть сопоставляемы съ статьями Добролюбова для сравнительной оцѣнки насъ обоихъ. Поэтому я старался и вовсе не писать для отдѣла критики и библиографіи: а когда Добролюбовъ говорилъ мнѣ, что онъ не успѣетъ наполнить этихъ отдѣловъ въ какой нибудь книжкѣ журнала и что нужна для нихъ моя статья, я бралъ предметы, не входившіе въ кругъ его обыкновенныхъ работъ, писалъ, напримѣръ, объ Англіи и Франціи по поводу книги г. Чичерина, или о Тюрго по поводу диссертациі г. Муравьева. Даже въ первую половину прошлаго года, — когда онъ, оставаясь за границею, уже не имѣлъ подъ руками новыхъ русскихъ книгъ и потому необходимо стало мнѣ писать для отдѣла критики. — я все-таки не писалъ ничего о беллетристическихъ книгахъ и о сочиненіяхъ по тѣмъ отраслямъ литературы, которыми прежде занимался онъ. И хотѣлъ избѣгать невыгоднаго для меня сравненія, надѣясь, что онъ возвратится къ намъ поправившись здоровьемъ, и возобновитъ свою дѣятельность.

Всѣмъ извѣстно, что черезъ годъ или меньше по началѣ своего постоянного сотрудничества, къ лѣту 1858 года, или даже нѣсколько раньше, Добролюбовъ имѣлъ ужъ преобладающее вліяніе въ журналѣ. Почему это могло быть, когда тутъ былъ и я? И не могу объяснить этого ничѣмъ другимъ, кромѣ его превосходства. Слава-Богу, настолько-то все же есть у меня ума и добросовѣстности, чтобы понимать подобные факты.

Но, если вамъ мало моего собственнаго сужденія объ этомъ предметѣ, вы могли бы, милостивый государь, узнать то же самое отъ кого вамъ угодно изъ людей не совсѣмъ глупыхъ и не совсѣмъ ничего не знающихъ о «Современникѣ». Они рассказали бы вамъ слѣдующіе факты: когда Добролюбовъ только-что началъ писать въ «Современникѣ», его статьи приписывались мнѣ, — но съ прибавками, не лестными для моего самолюбія. «Изъ вашихъ статей въ нынѣшней книжкѣ самая удачная вотъ такая-то», говорилъ мнѣ какой нибудь знакомый и называлъ статью не мою, а Добролюбова. Но очень недолго было время, когда статьи Добролюбова смѣшивались съ моими. А въ концѣ 1858 и въ началѣ 1859 годовъ уже не было ни одного человѣка въ порядочныхъ литературныхъ кругахъ, который не выражался бы въ томъ смыслѣ, что Добролю-

бовъ—самый сильный талантъ въ «Современникѣ». Нашъ кругъ зналъ это и гораздо раньше. Изъ этого вы можете видѣть, милостивый государь, какъ не вѣрны ваши слова, будто бы мы считали его «меньшимъ изъ своихъ братій, второстепеннымъ человѣкомъ своего кружка» (стр. 30) и будто бы друзья покойнаго—бова ни при его жизни, ни послѣ его смерти, никогда не могли думать о—бовѣ, чтобы онъ былъ первымъ человѣкомъ между ними, или даже вторымъ, или даже третьимъ» (стр. 31). Мы не были, милостивый государь, такъ тупы и глупы, чтобы не считать его первымъ человѣкомъ въ своемъ кругу. Но вы можете не повѣрить моему свидѣтельству. Сообщу же вамъ два изъ многихъ случаевъ, бывшихъ со мной. Первый изъ нихъ относится къ концу 1858 г. Я сидѣлъ у г. Кавелина, въ домѣ котораго Добролюбовъ сталъ близкимъ человѣкомъ съ начала того года. Странное дѣло, сказалъ мнѣ между прочимъ г. Кавелинъ—я не могу чувствовать къ Добролюбову того мирнаго расположенія, какъ, напримѣръ, къ вамъ. Отчего это? образъ мыслей у насъ, повидимому, одинаковъ; а какъ человѣкъ онъ—превосходнѣйшій человѣкъ; мое мнѣнiе о его сердцѣ и характерѣ доказывается тѣмъ, что я допустилъ его совершенно овладѣть мыслями моего сына, чего не сдѣлалъ бы, еслибъ могъ считать что нибудь дурнымъ въ Добролюбовѣ. Но отчего же я чувствую, что онъ совершенно чуждъ мнѣ, между тѣмъ, какъ напримѣръ вы не вовсе чужды?»—Я сказалъ тогда: «это оттого, что въ Добролюбовѣ нѣтъ тѣхъ слабостей и шаткостей въ мысляхъ и характерѣ, которыя даютъ вамъ нѣкоторыя точки опоры, чтобы притягивать мой образъ мыслей и поступковъ въ нѣкоторое согласіе съ вашими требованіями. Взглядъ его тверже и яснѣе, чѣмъ у меня, потому не остается для васъ возможности понимать его въ вашемъ смыслѣ, какъ можете вы въ значительной степени дѣлать съ моимъ взглядомъ».—«Да», сказалъ г. Кавелинъ съ искренностью чувства, которое влечетъ къ нему, какъ къ человѣку, сколько бы ни желалъ иной разъ посердиться на него,—«да», сказалъ онъ, вотъ вы принадлежите къ поколѣнію, которое должно идти дальше нашего, а поколѣніе Добролюбова должно находиться въ такомъ же отношеніи къ вашему; между вами и нами есть связь; между вами и ими тоже есть связь; а между нами и ими видно уже нѣтъ связи. Чтожъ дѣлать? Это грустно для насъ; но такъ нужно для прогресса».—Сходный съ этимъ разговоръ имѣлъ я черезъ нѣсколько времени, въ началѣ 1860 г., съ г. Тургеневымъ. Это было на первомъ литературномъ чтеніи въ пользу «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Члены комитета этого общества и лица, участвовавшіе въ чтеніи, собрались въ галлерейхъ, окружающихъ залу Пассажа, гдѣ происходило чтеніе. Въ одной изъ нихъ случилось какъ-то остаться тремъ или четверымъ изъ насъ, въ томъ числѣ г. Тургеневу и мнѣ. Онъ былъ тогда недоволенъ одною изъ статей Добролюбова и въ заключеніе спора со мною о ней сказалъ: васъ я могу еще переносить, но Добролюбова не могу».—«Это оттого, сказалъ я, что Добролюбовъ умнѣе и взглядъ на вещи у него яснѣе и тверже».—«Да, отвѣчалъ онъ съ добродушной шутливостью, которая очень привлекательна въ немъ,—да, вы—простая змѣя, а Добролюбовъ—отчужденная змѣя. Вотъ вамъ, милостивый государь, два случая, показывающіе, какъ понимались отношенія мои къ Добролюбову. Вы можете видѣть изъ нихъ, что онъ давно уже счи-

тался самымъ полнымъ представителемъ того направленія, которое далеко не съ такою опредѣленностью и силою выражалось во мнѣ.

Для совершенной точности опредѣленія долженъ я прибавить еще третье слово: и далеко не съ такою непреклонностью. Для объясненія этой прибавки слѣдуетъ коснуться личныхъ характеровъ Добролюбова и моего, насколько нужно для показанія вамъ, какъ смѣшна ваша догадка, будто Добролюбовъ уступалъ мнѣ энергіею натуры. У меня характеръ уклончивый до фальшивости; это свойство, сходное съ мягкостью въ личномъ обращеніи, можетъ очаровывать моихъ знакомыхъ; дѣйствительно ли очаровываетъ или возбуждаетъ въ нихъ нѣкоторую долю презрѣнія, я не знаю. Но какъ бы то ни было, вы согласитесь, что при такомъ изгибающемъ, податливомъ характерѣ никакъ не могу я сравниваться энергіею чувства съ людьми прямого и, сказать безъ церемоній, честнаго характера. Въ Добролюбовѣ такого, какъ во мнѣ, недостатка рѣшительно не было.

Вотъ, милостивый государь, кончены мои объясненія для васъ, и остается начинать заключительную часть письма съ обычнымъ ея содержаніемъ, — изъясненіемъ чувствъ пишущаго къ получающему письмо.

Вы принудили меня въ опроверженіе вашихъ вздорныхъ соображеній выставить самому такія черты моей литературной дѣятельности и моего личнаго характера, которыми не слишкомъ доволенъ я самъ. Человѣкъ, принужденный выставить свои слабости и недостатки, досадуетъ на того, кто принудилъ его къ этому.

Вы наговорили мнѣ комплиментовъ, очень пошло отзываются о статьяхъ Добролюбова, которыя лучше моихъ. Какое чувство должно было родиться во мнѣ отъ этого? «Вотъ господинъ, который не въ состояніи цѣнить дѣйствительно хорошаго; а мои статьи онъ высоко цѣнитъ. Что же это значитъ? Есть молодцы, которымъ не нравится Гоголь; эти молодцы хвалятъ повѣсти гг. Соллогуба и комедіи г. Львова: неужели отъ подобнаго свойства моихъ статей произошли похвалы имъ со стороны г. З—на?» — Это неизбежное впечатлѣніе отъ вашей статьи было для меня очень оскорбительно.

А вѣдь по всему видно, что вы вовсе не хотѣли оскорблять меня, — напротивъ, вы ждали, что я буду очень доволенъ. Вы не могли сообразить, въ какое положеніе меня ставите. Я проникаюсь состраданіемъ къ вашей умышленной слабости.

Но состраданіе мое, смѣшанное съ досадою и чувствомъ обиды, соединяется, — извините это рѣзкое слово, — соединяется съ отвращеніемъ. Ругаясь надъ мертвымъ, льстятъ живому! Да впрочемъ понимали ли вы, что именно это вы дѣлаете?

Самозванные старѣйшины.

На дняхъ попалась мнѣ въ руки брошюра: «Къ сербамъ. Посланіе изъ Москвы». Подъ посланіемъ этимъ выставлены подписи: «Алексѣй Хомяковъ, Михайлъ Погодинъ, Александръ Кошелевъ, Иванъ Вѣлиевъ, Николай Елагинъ, Юрій Самаринъ, Петръ Безсоновъ, Константинъ Аксаковъ, Петръ Бартеневъ, Ѳедоръ Чижевъ, Иванъ Аксаковъ»: на другой страницѣ тѣ же подписи выставлены въ сербской формѣ, —напримѣръ, «Георгіе Самаринъ, Іованъ Аксаковъ» и т. п.; посланіе напечатано на двухъ языкахъ, —въ русскомъ текстѣ и въ сербскомъ переводѣ. Наборъ подписей показываетъ, что брошюра хотеть явиться передъ сербами выраженіемъ мнѣнія не отдѣльнаго лица, а цѣлой группы русскаго общества или и цѣлаго русскаго общества. Это заставляетъ насъ обратить на нее вниманіе.

Посланіе писано въ 1860 г. по поводу того, что въ сербскомъ княжествѣ народъ, прогнавъ прежняго князя, избѣжавшаго національнымъ интересамъ, возвратилъ власть Милошу, своему любимцу. Лица, подписавшія посланіе, поздравляютъ сербовъ съ этою переменою и говорятъ, что радуются за нихъ, какъ за своихъ кровныхъ братьевъ: «ды насъ, сербы (говорятъ подписавшіяся лица), вы земные братья по роду и духовные братья по Христу. Намъ любезенъ языкъ, звучащій одинаково» и т. д., —даже быть можетъ и все вѣрно, но въ приведенныхъ строкахъ есть странная вещь. Каждому извѣстно, что сербскій типъ вовсе не сходенъ съ русскимъ. Мы русскіе, то есть народъ, занимающій бассейны Волги и Оки съ прилежащими странами, —мы люди блѣдые, широколицые, а сербы —народъ смуглый, съ римскими носами. Сербъ больше похожъ лицомъ на итальянца, чѣмъ на насъ; мы болѣе похожи лицомъ на финновъ или даже на нѣмцевъ, пожалуй хоть на шведовъ или англичанъ, чѣмъ на сербовъ. Что мы съ сербами кровные братья, это правда: но зачѣмъ же подтверждать правду ссылкой на сходство по лицу, котораго нѣтъ? — По сочувствію къ вамъ, сербамъ, продолжаютъ подписавшіяся, «да будетъ позволено намъ, вашимъ братьямъ, любящимъ васъ любовью глубокою и искреннею, обратиться къ вамъ съ нѣкоторыми предостереженіями и совѣтами. Мы старше васъ въ дѣйствующей исторіи, —здесь опять надо приостановиться. Во-первыхъ, что это такое *дѣйствующая* исторія? По-русски понять нельзя.

справимся съ сербскимъ переводомъ; въ немъ сказано: «ми смо старіи одъ васъ у исторіи», то есть просто: «мы старше васъ въ исторіи», ну это понятно. Однакоже, какъ это мы русскіе старше сербовъ въ исторіи? Вѣдь на самомъ-то дѣлѣ сербы являются въ исторіи нѣсколькими вѣками раньше, чѣмъ мы. Справьтесь-ко у Шафарика, когда начинаютъ упоминать о сербахъ византіицы? Не хорошо хвастаться старшинствомъ, когда самъ моложе. Или «глубина и искренность любви» состоитъ въ самохвальствѣ и въ желаніи сдѣлать младшимъ передъ нами того, кто старше насъ и кого мы увѣряемъ въ своей любви? Не прикрывается ли тутъ именемъ любви просто кичливость?

Итакъ подписавшіеся, неосновательно присвоивъ себѣ старшинство, начинаютъ давать сербамъ предостереженія и совѣты не какъ равные равнымъ, а какъ старшіе младшимъ. Посмотримъ, каковы эти предостереженія. Первое направлено противъ—чего бы вы думали?—противъ гордости. «Первая и величайшая опасность» для сербовъ, по мнѣнію подписавшихся старѣйшинъ, заключается въ гордости». Для человѣка, какъ и для народа, возможны три вида гордости: гордость духовная, гордость умственная и гордость внѣшнихъ успѣховъ и славы. «Во всѣхъ трехъ видахъ она можетъ быть причиною совершеннаго паденія человѣка или гибели народной, и всѣ три встрѣчаемъ мы въ исторіи и въ мірѣ современномъ». Вредъ гордости духовной можно видѣть на нынѣшнихъ грекахъ; отъ умственной гордости погибаютъ «всѣ западные народы: ослѣпленные своими успѣхами, они сдѣлались вполнѣ равнодушными къ высшему благу—вѣрѣ»—позвольте, здѣсь опять надобно остановить васъ, гг. старѣйшины. Какой же это изъ западныхъ народовъ сдѣлался «вполнѣ равнодушнымъ» къ вѣрѣ: нѣмцы ли, у которыхъ протестантская часть въ своей массѣ такъ набожна, а католическая во всемъ слушается своего духовенства? въ Баваріи или въ Тиролѣ нашли вы равнодушіе къ вѣрѣ? или равнодушны къ вѣрѣ англичане или прландцы? да и въ самой Франціи масса поселянъ развѣ не въ рукахъ клерикальной партіи? Нѣтъ, господа старѣйшины, слишкомъ еще рано вамъ говорить о равнодушіи къ вѣрѣ въ массахъ западныхъ народовъ. Скорѣе можно было бы находить и на западѣ въ массахъ излишекъ сектантской нетерпимости и суевѣрія. Напрасно вы рассказываете сербамъ неправду. Но слушаемъ далѣе: они (рѣчь идетъ о всѣхъ западныхъ народахъ) сдѣлались врагами человѣчества»—да, именно такъ и напечатано на стр. 14. Это хорошо; но заглянемъ въ сербскій переводъ, такъ ли тамъ. «Они су постави неприятельи човѣчанства»—да, и по-сербски то же самое. Вотъ это уже очень дурно. Говорить дикія пошлости въ своемъ домашнемъ русскомъ кругу,—это бы еще ничего: русскіе знаютъ, что думать о г. Погодинѣ и его товарищахъ; но что, если сербы, услышавъ отъ нихъ такую фразу, почтутъ ихъ за представителей русскаго образа мыслей? Вѣдь мы станемъ въ глазахъ сербовъ страннице китайцевъ. Продолжаемъ слушать самозванныхъ старѣйшинъ. «Горькій опытъ слишкомъ ясно доказалъ славянамъ», по словамъ старѣйшинъ, что всѣ западные народы враги человѣчества. Но итальянцы, португальцы, испанцы, французы, бельгійцы, англичане, шотландцы, прландцы, датчане, норвежцы, вѣроятно, вѣдь тоже западные народы; когда же какой вредъ дѣлали они славянамъ? Умыселъ тутъ былъ очевидно на однихъ нѣмцевъ; такъ зачѣмъ же было приплетать къ нимъ всѣ западные народы? Вѣдь эдакъ я, пожалуй, скажу, что всѣ азіатцы

говорить по-арабски или что вся Америка говорить по-испански. Что же за охота рассказывать пустяки.

Но охаявши всё западные народы, наши старѣйшины впадаютъ въ раскаяніе: мы, говорятъ они, не можемъ скрыть и своей вины: мы гордились своею «вещественною силою, которою мы были отличены передъ другими народами, и не думали о духовномъ усовершенствованіи»: но теперь, прибавляютъ они, «мы покалялись» и обратились къ «смиренію». А если «обратились», такъ что же вы суетесь къ другимъ съ своими совѣтами и предостереженіями? Развѣ покаянiе и смиреніе состоятъ въ томъ, чтобы напрашиваться въ совѣтники и руководители? Нашимъ нечистымъ рукамъ не предоставилъ Богъ совершить чистое дѣло облегченія участи юговосточныхъ славянъ. Ну, коли руки у васъ не чисты, то не хватайте ими людей болѣе чистыхъ, каковы по вашему, да и по нашему мнѣнію—сербы. А коли и самъ Богъ не предоставляетъ вамъ хватать ихъ съ усмѣхомъ, такъ ужъ и бросьте эту замашку, за которую, по вашимъ же словамъ, «Богъ поразилъ» васъ.

Такъ вотъ, заключаютъ наши старѣйшины, не впадайте въ тройственную гордость, братіе наши сербы, и держитесь братолюбія. Что жъ, это хорошо. Только не стоило изъ-за этого писать посланіе на двухъ языкахъ. Сербы, пожалуй, ждали отъ васъ совѣта, имѣющаго близкое соотношеніе съ ихъ частными обстоятельствами: а вы имъ проповѣдуете пользу смиренія и братолюбія. Этакъ я, пожалуй, стану писать увѣщательныя посланія къ какимъ хотите народамъ, напримѣръ: «милые братья, бельгійцы! Будьте смиренны и братолюбивы»,—и, пожалуй, переводъ сдѣлаю на ихъ языкъ: точно также обращусь и къ чувашамъ, и къ англичанамъ, и къ бразильцамъ, и къ мадагаскарцамъ: «милые братья, будьте смиренны и братолюбивы». А написавши дюжину такихъ посланій, обращусь къ нашимъ старѣйшинамъ и возглаголю имъ: милые братья! будьте братолюбивы; скажите мнѣ, прилично ли человѣку въ здоровомъ умѣ обращаться къ чуждымъ народамъ съ правоученіями, которыя у каждаго народа давно уже написаны въ его азбукахъ и изъ которыхъ нельзя выжать ничего живого? Но слушаемъ далѣе: «милые братья сербы», говорятъ имъ наши московскіе старѣйшины: сколько въ дѣлошнихъ вашихъ междоусобнаго кровопролитія, братоубійствъ и даже отцеубійствъ, чѣмъ и язычники гнушаются! А вѣдь это все «пороки»,—хорошъ «порокъ», отцеубійство!—По русски-то говорить выучились бы вы, милые московскіе братья.—За такіе пороки Господь Богъ наказываетъ, назидаютъ наши старѣйшины сербовъ.—Вотъ въ самомъ дѣлѣ новость-то сказали они сербамъ, что Господь Богъ не велитъ сыну убивать отца. А не мѣшало бы тоже объясниться относительно другихъ пороковъ, что, дескать, и людоедство дѣло не хорошее, и идолопоклонство не хорошо:—да помилуйте, преданы ли сербы такимъ порокамъ? Развѣ они, въ самомъ дѣлѣ, имѣютъ что ли привычку рѣзать своихъ отцовъ, какъ барановъ, или занимаются междоусобіями? Вѣдь то, отъ чего вы предостерегаете сербовъ, было еще при Стефанѣ Душанѣ и до него, въ тѣ времена, какъ русскіе поклонялись Хорсу, и Мокоши, и Симарглу, и Виламъ, и Берегиянямъ! Какое отношеніе подобная давнымъ-давно забытая народомъ старина имѣетъ къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ? Это говоримъ мы (то есть предостерегаемъ васъ, сербы, отъ порока отцеубійства) конечно не съ тѣмъ, чтобы оскорбить васъ.

нашихъ дорогихъ и уважаемыхъ братій, но съ тѣмъ, чтобы, уразумѣвъ свои виды, вы стремились впередъ ко всякой добродѣтели», заключаютъ наши самозванные старѣйшины. Ахъ, ты, Господи милостивый!—да вѣдь этакъ, пожалуй, они могутъ и на насъ съ вами, читатель, накинуться за то, что Святополкъ окаанный убилъ Бориса и Глѣба, да еще прибавягъ, чтобы мы не обижались этимъ назиданіемъ, а стремились впередъ ко всякой добродѣтели. Но укоривъ сербовъ за замѣченную въ нихъ наклонность къ отцеубійствамъ, наши старѣйшины не лишаютъ ихъ и своего одобренія. «Вы все-таки, говорятъ они, народъ хорошій (съ наклонностью-то къ отцеубійству?) и счастливый: сами вы еще не знаете, какъ вы счастливы, и какъ велики ваши преимущества передъ другими народами»,—такъ буквально и сказано «преимущества»,—ну, какъ же это научить людей смиренію, толкуя имъ, что они преимуществуютъ передъ другими людьми?—Такъ вотъ, говорятъ, мы укажемъ вамъ ваши преимущества и блаженство.

«Первое важнѣйшее и неоцѣнимое счастье ваше, сербы,—это единство ваше въ православіи, то есть въ высшемъ знаніи и въ высшей истинѣ, въ корнѣ всякаго душевнаго» и т. д.,—это все хорошо, только вотъ въ чемъ дѣло: именно этого-то единства и нѣтъ въ сербскомъ народѣ. Наши самозванные старѣйшины и наставники сербовъ забыли, что въ Босніи есть очень много сербовъ-мусульманъ. А еще вотъ что: чѣмъ отличаются отъ сербовъ кроаты? Вѣдь они чистѣйшіе сербы и по языку и по всему, а разнятся отъ другихъ сербовъ только своимъ католическимъ исповѣданіемъ. Да вѣдь этакъ, пожалуй, я скажу, что всѣ нѣмцы—протестанты; надобно только будетъ не считать нѣмцами тѣхъ племенъ нѣмецкаго народа, которые держатся католическаго исповѣданія. Точно такимъ способомъ наши старѣйшины достигаютъ возможности сказать сербамъ: «таково ваше единство въ вѣрѣ, что слова *сербъ* и *православный* кажутся однозначащими».

Слушайте же, что выходитъ изъ понятій, внушаемыхъ сербамъ самозванными русскими старѣйшинами: «здоровое общество гражданское основывается на понятіи его членовъ о братствѣ, правдѣ, судѣ и милосердіи: а эти понятія не могутъ быть одинаковыми при различныхъ вѣрахъ. И у христіанъ, кромѣ истинной православной церкви, нѣтъ ни вполне яснаго понятія, ни вполне искренняго чувства братства». Этого понятія не можетъ быть ни у латинцовъ, ни у реформатовъ. Оттого и славянскіе вполне славянскомъ виѣ православія быть не могутъ. Итакъ, не говоря уже о полякахъ, специально порицаемыхъ людьми подобнаго возрѣнія, лужичане, словаки, чехи, хорутане, кроаты не должны считаться вполне славянами. Каково чувство славянской любви у господъ державшихся такого взгляда! Но они хороши тѣмъ, что не хотятъ оставлять своихъ прекрасныхъ чувствъ только безплодными чувствами,—они совѣтуютъ сербамъ устроить государственный бытъ по этимъ понятіямъ, совершенно соответствующимъ духу папы Пиюскія III-го, такъ отлично понимавшаго отношенія альбгойцевъ къ другимъ французамъ. Кто не принадлежитъ къ православной церкви, говорятъ сербамъ наши старѣйшины, тотъ у васъ «да не будетъ уже ни законодательемъ, правителемъ, ни судьей, ни членомъ общественнаго схода: ибо иная совѣсть у него, иная у васъ. Поэтому повѣрещъ не долженъ быть полноправнымъ гражданиномъ, или сыномъ великаго сербскаго дома, судящимъ съ братьями въ дѣлахъ общественныхъ».

Этимъ понятіями былъ бы очень доволенъ герцогъ Альба; ими совершенно оправдывается Филиппъ II испанскій. Но въ нынѣшнее время они совершенно неудобопримѣнимы. Возьмемъ самые простые случаи. Положимъ, у сербовъ война съ турками. Къ сербамъ являются храбрые волонтеры изъ Англіи, Франціи, изъ Чехіи: отвергнуть ли сербы готовность этихъ волонтеровъ умереть за святое дѣло сербской свободы? Неужели, напримѣръ, греки во время своей войны за независимость должны были отвергнуть Байрона и его друзей, которые вѣдь были не одного исповѣданія съ греками? А если иновѣрные волонтеры приняты на службу и находятся между ними отличные офицеры, то какъ же не дать имъ голоса въ военныхъ дѣлахъ? А вѣдь военныя дѣла связаны съ гражданскими дѣлами; стало быть и въ гражданскихъ дѣлахъ иновѣрные офицеры будутъ имѣть голосъ. Въ войскѣ необходимъ судъ. Кто офицеръ, тому въ военное время часто приходится играть роль судьи; слѣдовательно волонтеры будутъ и судьями. Нѣтъ, сербы не должны допускать этого по рѣшенію нашихъ старѣйшинъ; а не допустить этого нельзя иначе, какъ прогнавъ отъ себя волонтеровъ; и такъ волонтеры должны быть прогнаны. Любопытно было бы знать, какъ думаютъ наши старѣйшины о запорожскихъ козакахъ,—не отщепенцами ли отъ чистоты славянскихъ началъ, не врагами ли славянства представляются имъ запорожцы? Вѣдь запорожцы не разбирали, какой кто вѣры, лишь бы хотѣлъ онъ вѣрно стоять за козацкое дѣло: въ козацкихъ рядахъ бывали не только католики и реформаты, бывали даже соцініане.—Это о военныхъ дѣлахъ. Возьмемъ самый обыкновенный случай гражданскаго быта. Поселяется въ сербскомъ городѣ французскій или англійскій негодіантъ и покупаетъ себѣ домъ. Онъ не долженъ имѣть голоса въ городскихъ дѣлахъ. Другой случай: католикъ и католичка, живущіе въ сербскомъ городѣ, хотятъ повѣнчаться. Дозволителенъ ли бракъ между ними, по законамъ католической церкви? Истолкователемъ католическихъ церковныхъ законовъ католическій священникъ долженъ имѣть православнаго судью или чиновника, потому что католики вѣдь не могутъ имѣть ни судебной, ни административной власти у сербовъ. Или, можетъ быть, и самая свадьба этихъ католиковъ по католическому обряду должна быть совершена православнымъ священникомъ? Оно по настоящему такъ и слѣдуетъ, изъ принципа нашихъ старѣйшинъ. Вѣдь бракъ есть актъ, касающійся гражданскихъ и общественныхъ отношеній; для его совершенія нужно лицо, власть котораго признавалась бы обществомъ; а сербское общество не должно признавать никакой власти ни за какимъ иновѣрцемъ. Да оно повидному выходитъ такъ: крестить дѣтей католиковъ, вѣнчать католиковъ, хоронить ихъ долженъ будетъ православный священникъ. То же разумѣй и о всѣхъ другихъ иновѣрцахъ.

Трудная обязанность возлагалась бы на православнаго священника закономъ, составленнымъ по принципу нашихъ старѣйшинъ,—обязанность, которая противорѣчила бы его совѣсти: совершать обряды чуждыхъ ему исповѣданій,—католическаго, лютеранскаго, реформатскаго, совершать даже обряды мусульманскіе и языческіе. У насъ въ Россіи нѣтъ такого противоестественнаго требованія отъ нашихъ православныхъ священниковъ,—но по принципу нашихъ самозванныхъ старѣйшинъ это должно считаться одною изъ «нашихъ ошибокъ». Хотите ли знать другую нашу ошибку или, вѣрнѣе сказать, другое знаніе

безуміе»? Извольте; это исторія длинная, но навѣрное она не будетъ скучна для васъ, потому что очень оригинальна.

«Извѣстно всѣмъ, что прежде императора Петра Перваго, берега Чернаго моря принадлежали Турціи, и только одно устье Дибра было въ рукахъ русскихъ казаковъ, нашихъ братьевъ запорожцевъ. Не было у нихъ кораблей. ни возможности строить корабли. На легкихъ челнокахъ, часто на однодеревкахъ и душегубкахъ, цукались они въ бурное море, изстари страшное мореплавателямъ, страшное даже и теперь при всѣхъ усовершенствованіяхъ, и тысячами налетали на берега вѣчныхъ враговъ имени Христіанскаго. Отъ Батума до Цареграта гремѣла ихъ гроза. Трапезунтъ и Синопъ и самыя замки Босфора дрожали передъ ними. Турецкіе флоты, смѣло гулявшіе по Средиземному морю, и не рѣдко грозившіе берегамъ Франціи, Италіи и Испаніи, прятались въ пристани предъ лодками запорожскими. Не изъ хвастливости, но по истинной правдѣ говоримъ мы: свидѣтелями вамъ самыя турецкія лѣтописи и еще теперь незабытыя преданія. Не было въ цѣлой Европѣ ни одного народа, который могъ бы похвалиться такими дивными подвигами мужества на моряхъ. — и опять безъ хвастливости можемъ мы сказать, что люди сѣверные ничѣмъ не уступали своимъ южнымъ братьямъ. Не слѣдовало ли думать, что съ такими людьми русскій флотъ далеко превзойдетъ флоты другихъ народовъ, когда лодки замѣнятся могучими и сильно вооруженными судами? ¹⁾ Такой успѣхъ былъ вѣроятенъ. Смѣло скажемъ, онъ былъ несомнѣненъ, но ожиданія не сбылись ²⁾: въ этомъ должны мы признаться, не смотря на безспорное мужество нашихъ моряковъ. Отъ чего же такая неудача? отъ чего люди, далеко превосходившіе на морѣ всѣхъ своихъ соперниковъ, стали едва равными имъ? Причина весьма проста. Они стали не тѣми людьми, которыми были прежде. Императоръ Петръ началъ первый у насъ строить большія корабли по образцу голландскому и за то ему честь и слава! : но къ разумному дѣлу онъ примѣшалъ страшное неразуміе. Названіе всѣхъ частей корабельныхъ, всѣ слова, относящіеся до морехожденія, всѣ слова команды прини́мъ онъ также отъ голландцевъ. Какія же вышли послѣдствія? Этихъ нѣмецкихъ словъ, этихъ названій, вовсе безмысленныхъ для русскаго уха и не представляющихъ ничего русскому уму, набрались тысячи. Теперь поступаетъ на корабль будущій морякъ, человѣкъ, котораго Богъ одарилъ и ловкостью и смѣлостью необычайною, человѣкъ, подобный тѣмъ, которые въ старые годы на узкихъ лодкахъ громили берега Чернаго моря, потрескали Царьградъ и уничтожали флоты турецкіе; но онъ теперь поступаетъ не въ моряки, а въ школьники. Ему надо твердить тысячи безмысленныхъ и дико звучащихъ словъ, — и въ этомъ безмысленномъ ученіи проходитъ года его горячей и живой молодости. вмѣсто любви къ своему дѣлу, вмѣсто опытности моряка, онъ пріобрѣтаетъ равнодушіе, и даже какъ бы отвращеніе отъ своего занятія, отъ своего корабля, отъ самаго моря. Пройдутъ года, и морской богатырь обратится въ полумертвый нѣмецкій словарь. Правда, онъ будетъ исправлять свою обязанность, потому что онъ христіанинъ и русскій; но истинный морякъ уже погибъ въ немъ безвозвратно».

¹⁾ Милые братья русскіе, совѣтователи сербовъ! Неужели вы не понимаете, что изъ храбрости въ одномъ дѣлѣ никакъ не слѣдовало заключать объ успѣхахъ въ другомъ дѣлѣ, совершенно разничномъ? Вѣдь плавать въ лодкахъ по побережью — это не имѣетъ ровно ничего сходнаго съ искусствомъ, какое нужно матросу большаго военнаго корабля. Понимаете ли вы, милые братья, что хорошей ямщикъ можетъ быть плохимъ машинистомъ, если его заставить возиться съ локомотивомъ. Милые братья, повѣрьте, что это очень можетъ случиться и что ничего удивительнаго тутъ не будетъ.

²⁾ Милые братья, да вѣдь кромѣ васъ никому никогда и въ голову не приходили такіа неосновательныя ожиданія, что казаки окажутся подготовлены къ матросскому искусству своими козацкими набѣгами. Иное дѣло бѣломорскіе рыбаки, къ которымъ вѣроятно относится упоминаніе о какихъ-то сѣверныхъ людяхъ, неуступавшихъ южнымъ: они хорошіе моряки. Но, милые братья, вѣдь бѣломорскіе рыбаки составляютъ очень маленькую горсть людей. Если бы ихъ всѣхъ поголовно забрать въ матросы, то можетъ быть не набралось бы изъ нихъ полнаго экипажа на одинъ линейный корабль. Милые братья, постарались бы вы понять, что сотни людей недостаточны тамъ, гдѣ нужны десятки тысячъ.

Этотъ прекрасный эпизодъ совершенно измѣняетъ нашъ взглядъ на дѣло— не о русскомъ флотѣ, а о совѣтахъ, даваемыхъ сербамъ г. П. Аксаковымъ и компанією. Читая свирѣпыя совѣты отнять всѣ политическія права у инновѣрцевъ, читая фанатическое правило, что кто католикъ, тотъ уже не можетъ считаться настоящимъ славяниномъ, мы воображали, что слушаемъ изверговъ фанатизма, духовныхъ потомковъ Торквемады и герцога Альбы. Теперь обнаружилось, что дикую свирѣпость принимаютъ они на себя только по своему ребяческому непониманію вещей—самыхъ ясныхъ. Отчего русскій военный флотъ не такъ силенъ, какъ англійскій или французскій? Да откуда же можетъ взяться сильный военный флотъ, когда нѣтъ большого коммерческаго флота? Въдѣ если нѣтъ коммерческаго флота у какой нибудь націи, это значитъ, что не развито у ней дѣло кораблестроенія, нѣтъ у ней множества опытныхъ моряковъ и хорошихъ матросовъ; а если нація не имѣетъ многочисленныхъ матросовъ и не умѣетъ строить кораблей, то какимъ же манеромъ будетъ силенъ у ней военный флотъ? Въдѣ это вопросы въ родѣ того, почему бываетъ плохо артиллерія у народа, плохо знакомаго съ литейнымъ искусствомъ, почему не подкованы лошади у народа скуднаго желѣзомъ, почему холодно зимою въ нетопленныхъ комнатахъ, почему нельзя рубить деревья въ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и т. д. и т. д. Наши мудрые совѣтники вѣроятно отвѣчали бы на всѣ эти вопросы въ такомъ родѣ: въ безлѣсномъ мѣстѣ нельзя рубить деревья потому, что англійскіе купцы притѣсняютъ насъ; въ сумрачную погоду не свѣтитъ солнце оттого, что нѣмцы порицаютъ нашъ климатъ, какъ слишкомъ холодный; въ нетопленныхъ комнатахъ холодно оттого, что мы приняли чужую, нѣмецкую физику, а не выдумали свою собственную; не имѣя желѣза нельзя подковывать лошадей потому, что русская смѣтливость убита подражаніемъ Западу; а безъ хорошихъ литейщиковъ нельзя имѣть хорошей артиллеріи потому, что Петръ Великій одѣлъ нашихъ артиллеристовъ въ иностранные мундиры. Право, такъ отвѣчали бы наши умные совѣтники,—иначе не догадались бы они, что причиною всѣхъ недостатковъ нашего флота служитъ иностранная терминологія въ нашемъ кораблестроеніи. Какой ребяческій взглядъ на вещи!—Берутъ въ матросы на фрегатѣ человека, который не видывалъ морскихъ судовъ. Ему надобно узнать тысячи вещей, о которыхъ онъ не имѣлъ понятія; у каждой вещи есть имя,—въдѣ какое бы оно ни было, онъ приучится понимать его лишь тогда, когда узнаетъ самую вещь. Вотъ напримѣръ, если мы съ вами не видывали, какъ плетутъ лапти, знаемъ ли мы, что такое за штука «кочедыкъ», которымъ плетутъ ихъ,—рѣшительно не знаемъ, хоть это слово и не голландское. А если бы мы вздумали научиться плести лапти, то измѣнился бы срокъ, пужный для достиженія мастерства въ этомъ занятіи, какимъ бы именемъ ни назывался кочедыкъ? А то вотъ еще: я не могу бить бѣлокъ въ глазъ, какъ долженъ бить хорошій охотникъ; отчего это происходитъ? Ужъ не оттого ли, что мудрены для меня слова—винтовка, порохъ, пуля, заряжать, стрѣлять? Назову винтовку ружьемъ, стану говорить «прикладываться» вмѣсто «прицѣливаться»,—и тогда навѣрное не дамъ ни одного промаха по бѣлкѣ, хотя съ роду не стрѣлялъ изъ ружья! Надобно полагать, что и въ охотничьемъ дѣлѣ, и въ матросскомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, трудность состоитъ въ хорошемъ ознакомленіи съ самими вещами и въ достиженіи требуемаго иску-

ства обращаться съ ними, а не въ словахъ. Еслибъ не самое дѣло было трудно для матросовъ, а только слово, матросы навѣрное придумали бы легкія слова вмѣсто трудныхъ; а если не придумали, значить собственно словами-то они и не затрудняются.

Разгадка брошюры найдена: ребяческое непониманіе самыхъ простыхъ вещей. Перечитываемъ съ этою мыслью брошюру, дикость которой прежде вызвала у насъ строгое порицаніе лицамъ, написавшимъ и подписавшимъ ее, — и, пересматривая ее съ этой новой точки зрѣнія, мы уже чувствуемъ умиленіе; да и какъ не чувствовать его, читая слѣдующіе совѣты, обращенные къ цѣлому народу съ цѣлью наставить его на путь политической мудрости:

«Счастіе и благоденствіе преисполнены соблазна, и многіе сохранившіе достоинство въ несчастіяхъ, предались искушеніямъ, когда видимое несчастіе отъ нихъ удалилось».

«Гибельное сѣмя даетъ и гибельный плодъ».

«Гордость силъ вещественныхъ унижаетъ, чѣмъ гордость умственная и гордость душевная».

«Успѣхъ въ борьбѣ часто зависитъ отъ обстоятельствъ, которыхъ самое отчаянное мужество побѣдить не можетъ».

«Тѣлесное здоровье есть одно изъ лучшихъ благъ для человѣка».

«Наука расширяетъ предѣлы Богомъ даннаго намъ разума, уясняетъ наши понятія, просвѣтляетъ наши умственные взоры, раскрываетъ тайны міра божьяго и чудеса его творческой премудрости. Приобрѣтать науку не только необходимо для жизни общественной, но и обязательно для исполненія воли Божіей, давшей намъ разумъ какъ поле многоплодное, которое не должно лежать въ залежи и поростать терніями невѣжества и ложныхъ мнѣній, но украшаться жатвою знанія и истины».

«Приобрѣтеніе высшаго нравственнаго развитія есть высшая задача для человѣка».

«Гордость есть великій и гибельный порокъ».

«Честно и праведно сражаться за родину».

«Сохраниайте простоту своихъ нравовъ».

«Въ самыхъ почестяхъ и знакахъ отличія будьте осторожны».

«Общество отличаетъ и награждаетъ службу общественную, но это не должно подавать повода къ тщеславію».

«Презирайте роскошь».

«Не смѣшивайте предметовъ, служащихъ къ истинному удобству жизни съ предметами роскоши! Одни улучшаютъ жизнь, какъ наирѣмѣръ лучшее освѣщеніе, крѣпкія и легкія ткани; а другія служатъ только къ нѣгѣ».

«Не употребляйте богатства на нѣгу и роскошь».

«Показывая уваженіе къ людямъ порочнымъ, общество дѣлается участникомъ ихъ пороковъ».

«Правда и милосердіе въ наказаніяхъ заключаются въ томъ, чтобы всякая ненужная жестокость была устранена, и чтобы невинный несколько не страдалъ за виновнаго».

«Дайте совѣсти мѣсто въ судѣ гражданскомъ».

«Да будетъ у васъ правда выше всего».

«Всякая неправда—отъ лжи и темнаго духа».

«Обличайте неправду».

«Себялюбіе говорить о правѣ; братолюбіе говорить объ обязанности».

«Уважайте своихъ пастырей духовныхъ».

Такія назиданія очень хороши въ прописяхъ; употребительны и въ азбукахъ. Но напичкивать ими программу, которая составляетъ для руководства народа въ государственной жизни, растягивать каждое изъ этихъ назиданій на цѣлыя страницы, и этими разсужденіями о вредѣ пороковъ и достоинствахъ добродѣтелей, о хорошихъ свойствахъ правды и о дурныхъ качествахъ діавола, отца лжи, наполнять политическій памфлетъ могутъ только люди, до крайности скудные разумѣніемъ обстоятельствъ и потребностей исторической жизни, да и всякимъ разумѣніемъ чего бы то ни было. Для того, чтобы написать или подписать такую хрю, нужно стоять на той степени политическаго образованія, на какой стояли Аѳанасій Ивановичъ съ Пульхерією Ивановною и Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Пріятно видѣть, что и въ такихъ людяхъ существуетъ склонность покаянать объ общественныхъ дѣлахъ.

Но пусть бы они калякали между собою, въ своемъ уголкѣ, а не совались въ наставники другимъ народамъ. Какое право имѣютъ они срамить насъ передъ нашими славянскими братьями, выдавая себя передъ ними за представителей русскаго народа?

Бѣдные люди! они не знаютъ, что у послѣдняго мужика въ русской или въ сербской ли землѣ, или въ какой угодно другой землѣ, больше знанія государственной жизни, больше способностей понимать политическія дѣла, чѣмъ у нихъ. Жалкіе люди! они воображаютъ, что постигли Богъ-знаетъ какую новую истину, додумавшись до того, что гордость вредна, а наука полезна, и съ важнымъ докторальнымъ видомъ поучаютъ сербовъ этой неслыханной между сербами премудрости. Понимаютъ ли они, какъ оскорбительно должно быть для сербовъ подобное назиданіе?

Вообразите себѣ, что чехи вздумали бы написать къ намъ, русскимъ, посланіе такого рода: «милые наши братья, русскіе! мы опытные васъ въ государственной жизни. Потому выслушайте наши братскіе предостереженія и совѣты: узнайте, милые братья, что тѣлесное здоровье есть одно изъ лучшихъ благъ для человѣка, потому старайтесь избѣгать болѣзней, не пресыщайтесь яствами; ибо многояденіе разстроиваетъ силы тѣлесныя; кромѣ того оно усиливаетъ силы душевныя. Милые братья наши, русскіе! если непріатели нападутъ на вашу родину, то знайте, что вамъ надобно будетъ защищаться отъ нихъ, ибо сражаться за родину есть дѣло честное и праведное. Но паче всего, о милые наши братья, сохраняйте чистоту нравовъ и не предавайтесь порокамъ, какъ-то: роскоши, отцеубійству, братоубійству: вы можете быть не знаете, что грѣшно заниматься разбоемъ,—спросите объ этомъ своихъ пастырей духовныхъ, которыхъ уважайте, о милые братья», и т. д., и т. д. Что подумали бы мы, русскіе, прочитавъ такое посланіе къ своему народу? Не знаю, какъ другіе русскіе, а я до глубины души возмущенъ бы такимъ тупоумнымъ высокомеріемъ и почтенью бы людей, подписавшихъ посланіе, ни больше, ни меньше, какъ самозванцами, которые только называютъ себя чехами, а на самомъ дѣлѣ—готтентоты.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Ясная Поляна. *Школа. Журналъ педагогическій, издаваемый* Гр. Л. Н. Толстымъ. *Москва, 1862 г.*

Ясная Поляна. *Книжки для дѣтей. Книжка 1 и 2-я.*

Этотъ педагогическій журналъ и эти книжки для народныхъ школъ издаются при школѣ, устроенной графомъ Л. Н. Толстымъ въ селѣ или деревнѣ Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи, Ясной Полянѣ. Въ первой же книжкѣ журнала помѣщено описаніе школы.—Часовъ въ 8 поутру звонятъ въ школѣ, сзывая учениковъ изъ деревни. Они идутъ—и посмотрите на нихъ, вы увидите замѣчательную черту:

«Съ собою никто ничего не несетъ—ни книгъ, ни тетрадокъ. Уроковъ на домъ не задаютъ. Мало того, что въ рукахъ ничего не несутъ, имъ нечего и въ головѣ нести. Никакого урока, ничего сдѣланнаго вчера, онъ не обязанъ помнить нынѣ. Его не мучитъ мысль о предстоящемъ урокѣ. Онъ несетъ только себя, свою воспримчивую натуру и увѣренность въ томъ, что въ школѣ нынѣ будетъ весело такъ же, какъ вчера. Онъ не думаетъ о классѣ до тѣхъ поръ, пока классъ не начался. Никогда никому не дѣлаютъ выговоры за опаздыванье и никогда не опаздываютъ: нешто старшіе, которыхъ отцы, другой разъ, задержать дома какою нибудь работой. И тогда этотъ большой рысью, запыхавшись, прибѣгаетъ въ школу».

Что жъ, это очень хорошо, что дѣти идутъ въ школу съ легкимъ сердцемъ, безъ всякихъ тревогъ. Въ ожиданіи учителя ученики и ученицы болтаютъ, играютъ, шалятъ, какъ бываетъ впрочемъ во всѣхъ школахъ. Но вотъ уже не во всѣхъ школахъ видитъ учитель при входѣ въ классъ то, что находитъ въ классной комнатѣ яснополянской школы. Въ нашихъ форменныхъ училищахъ дѣти обыкновенно сторожатъ приходъ учителя и, завидѣвъ вдалекѣ своего наставника, торопливо разсаживаются по мѣстамъ, принимаютъ натянутый, чинный видъ,—словомъ сказать, пріучаются скрывать, лицебритъ и подобострастничать. Въ яснополянской школѣ этого нѣтъ.

«Учитель приходитъ въ комнату, а на полу лежатъ и пищатъ ребята, кричащіе: «мала куча!» или «задавили ребята!» или «будетъ! брось виски-то» и т. д. «Петръ Михайловичъ!» кричить снизу кучи голосъ входящему учителю «вели имъ бросить».

«Здравствуй, Петръ Михайлович!» кричатъ другіе, продолжая свою возню. Учитель беретъ книжки, раздастъ тѣмъ, которые съ нимъ пошли къ шкапу; изъ кучи на полу— верхніе, лежа, требуютъ книжку. Куча понемногу уменьшается. Какъ только большинство взяло книжки, всѣ остальные уже бѣгутъ къ шкапу и кричатъ: и мнѣ, и мнѣ. «Дай мнѣ вчерашнюю»;— «а мнѣ *кольцовую*» ¹⁾ и т. п. Если останутся еще какіе нибудь два разгоряченные борьбой, продолжающіе валяться на полу, то сидящіе съ книгами кричатъ на нихъ: «что вы тутъ замѣшались?—ничего не слышно. Будетъ». Уличенные—покоряются и, запыхавшись, берутся за книги и только въ первое время, сидя за книгой, помахиваютъ ногой отъ неулегшагося волненія. Духъ войны улетаетъ и духъ чтенія воцаряется въ комнатѣ.

Садятся по мѣстамъ дѣти, гдѣ кто попалъ, кому гдѣ вздумалось: начальственнаго распредѣленія мѣстъ нѣтъ. Зато, принимаясь учиться безъ всякаго принужденія и стѣсненія, дѣти учатся съ такимъ же полнымъ усердіемъ, съ какимъ до начала класса шалили. «Во время класса» (говоритъ авторъ статьи, вѣроятно гр. Толстой, а впрочемъ не знаемъ: статья не подписана) «я никогда не видѣлъ, чтобы шептались, щипались, смѣялись потихоньку, фыркали въ руку и жаловались другъ на друга учителю». Оно и естественно, потому что учатся не по принужденію, а по охотѣ: кому показалось скучно, можетъ уйти изъ класса, никто ему не мѣшаетъ. Иногда случается въ яснополянской школѣ, особенно по вечерамъ передъ праздникомъ, когда дома топятся бани, дѣти расходятся не досидѣвъ класса, но не отъ скуки, а потому, что вспомнили, что дома ихъ ждутъ.

«На второмъ или третьемъ послѣобѣденномъ классѣ два или три мальчика забѣгаютъ въ комнату и спѣша разбираютъ шапки. «Что вы?»—Домой.—«А учиться? вѣдь пѣніе».—А ребята говорятъ домой! отвѣчаютъ онѣ, ускользая съ своей шапкой.—«Да кто говорить?» Ребята пошли!—«Какъ же такъ?» спрашиваетъ озадаченный учитель, приготовившій свой урокъ—«останься!». Но въ комнату вбѣгаетъ другой мальчикъ съ разгоряченнымъ, озабоченнымъ лицомъ. «Что стоишь?» сердито нападаетъ онъ на удержавшаго, который въ нерѣшительности заправляетъ хлопки въ шапку—«ребята ужъ во-онъ гдѣ, у кузни ужъ небось».—Пошли?—«Пошли». И оба бѣгутъ вонъ, изъ-за двери крича: «Прощайте, Иванъ Ивановичъ!» И кто такіе эти ребята, которые рѣшили идти домой, какъ они рѣшили?—Богъ ихъ знаетъ. Кто именно рѣшилъ, вы никакъ не найдете. Они не совѣщались, не дѣлали заговора, а такъ, вздумали ребята домой. «Ребята идутъ!»—и застучали ноженки по ступенькамъ, кто котомъ свалился со ступеней и, подпрыгивая иibuлтыхаясь въ свѣтъ, оббѣгая по узкой дорожкѣ другъ друга, съ крикомъ побѣждали домой ребята. Такіе случаи повторяются разъ и два въ недѣлю. Оно обидно и непріятно для учителя—кто не согласится съ этимъ, но кто не согласится тоже, что вслѣдствіе одного такого случая, на сколько большее значеніе получаютъ тѣ пять, шесть, а иногда семь уроковъ въ день для каждаго класса, которые свободно и охотно выдерживаются каждый день учениками. Только при повтореніи такихъ случаевъ можно быть увѣрену, что преподаванье, хотя и недостаточное и одностороннее, не совсѣмъ дурно и не вредно. Если бы вопросъ былъ поставленъ такъ: что лучше—чтобы въ продолженіи года не было ни одного такого случая, или чтобы случаи эти повторялись больше чѣмъ на половину уроковъ,—мы бы выбрали послѣднее. И, по крайней мѣрѣ, въ яснополянской школѣ былъ радъ этимъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ повторявшимся случаямъ. Не смотря на частыя повторенія ребятамъ, что они могутъ уходить всегда, когда имъ хочется,—вліяніе учителя такъ сильно, что я боялся, послѣднее время, какъ бы дисциплина классовъ, росписаній и отмѣтокъ незамѣтно для

¹⁾ Такъ дѣти называютъ стихотворенія Кольцова.

нихъ не стѣснила ихъ свободы такъ, чтобы они совсѣмъ не покорились хитрости нашей разставленной сѣти порядка, чтобы не утратили возможности выбора и протеста. Ежели они продолжаютъ ходить охотно, несмотря на предоставленную имъ свободу, я никакъ не думаю, чтобы это доказывало особенныя качества яснополянской школы, я думаю, что въ большей части школъ тоже самое бы повторялось, и что желаніе учиться въ дѣтяхъ такъ сильно, что для удовлетворенія этого желанія они подчиняются многимъ труднымъ условіямъ и прощаютъ много недостатковъ. Возможность такихъ убоганий полезна и необходима только какъ средство застрахованія учителя отъ самыхъ сильныхъ и грубыхъ ошибокъ и злоупотребленій».

Превосходно, превосходно. Дай Богъ, чтобы все въ большемъ числѣ школъ заводился такой добрый и полезный «безпорядокъ», — такъ называетъ его въ видѣ уступки предполагаемымъ возражаемымъ авторъ статьи, его панегиристъ, — а по нашему, слѣдуетъ сказать просто: «порядокъ», потому что какой же тутъ безпорядокъ, когда всѣ учатся очень прилежно, на сколько у нихъ хватитъ силъ, а когда сила покидаетъ ихъ, или надобно имъ отлучиться изъ школы по домашнимъ дѣламъ, то перестаютъ учиться? Такъ и слѣдуетъ быть во всѣхъ школахъ, гдѣ это можетъ быть, — во всѣхъ первоначальныхъ народныхъ школахъ.

Такое живое пониманіе пользы предоставлять дѣтямъ полную свободу, такая неуклонная выдержанность этого принципа подкудываетъ насъ въ пользу редакціи журнала, издаваемого основателемъ яснополянской школы. Въ предисловіи къ журналу г. Л. Н. Толстой говоритъ, что готовъ выслушать возраженія противъ мыслей, кажущихся ему истинными, и что боится онъ только одного, — чтобы мнѣнія, противныя его мыслямъ, «не выражались жёстко, чтобы обсужденіе столь дорогаго и важнаго для всѣхъ предмета, какъ народное образованіе, не перешло въ насмѣшки, личности, въ журнальную полемику», которая отвлекла бы отъ сущности дѣла къ спорамъ и горячности пёз-за мелочей. Потому издатель «Ясной Поляны» проситъ «будущихъ противниковъ» его мнѣній «выражать свои мысли» спокойнымъ и безобиднымъ тономъ. Изъ уваженія къ порядку, установленному имъ въ яснополянской школѣ, и къ его горячей преданности этому доброму порядку, мы исполнимъ его желаніе; и безъ этого обстоятельства, — т. е. если бы не знали мы, какъ свободно и легко устроено для дѣтей ученіе въ яснополянской школѣ, — мы вѣроятно не удержались бы отъ колкостей при разборѣ теоретическихъ статей «Ясной Поляны», потому что есть въ нихъ вещи, напоминающія о знаменитыхъ статьяхъ г. Дали и г. Белюстина.

Вотъ наирѣзвѣтнѣе, первая статья 1-й книжки, содержащая profession de foi редакціи. На первой же страницѣ авторъ высказываетъ недоумѣніе, очень странное. Отчего это, говоритъ онъ, «народъ постоянно противоѣдствуетъ тѣмъ усиліямъ, которыя употребляетъ для его образованія общество или правительство?» — Что, говоритъ онъ, явленіе, непонятное для меня. Оно стало непонятнымъ только потому, что исключительные случаи возведены авторомъ въ общее положеніе. Мало ли чему можетъ иногда противоѣдствовать народъ! При Іосифѣ II въ Вельгін и Венгріи онъ противоѣдствовалъ разрушенію феодальнаго порядка; при Арандѣ и Флоридѣ Бланкѣ въ Испаніи онъ противоѣдствовалъ отчужденію ликвизціи; у насъ онъ противоѣдствовалъ попыткамъ ознакомить его съ воздѣлываніемъ картофеля. Если я изъ этихъ исключитель-

нихъ случаевъ выведу общее заключеніе, будто бы народъ «постоянно» противодействовалъ уничтоженію привилегій, преслѣдованій, улучшенію пищи, то оно дѣйствительно выйдетъ вещь непонятная. Только эта вещь,—т. е. постоянство народнаго сопротивленія всему полезному,—вовсе не будетъ «явленіемъ», черта исторической жизни; эта вещь просто будетъ моя мечта, моя ошибка въ построеніи силлогизма. Въ нѣкоторыхъ, — пожалуй въ довольно многихъ случаяхъ,—народъ довольно упорно противился заботамъ объ его образованіи. Что жъ тутъ удивительнаго? Развѣ народъ—собраніе римскихъ папъ, существъ непогрѣшительныхъ? Вѣдь и онъ можетъ ошибаться, если справедливо, что онъ состоитъ изъ обыкновенныхъ людей. А почему трудно предположить и то, что въ этихъ случаяхъ виновата была какая нибудь ошибка или какая нибудь недобросовѣстность людей, принимавшихъ на себя заботу о народномъ образованіи? Вѣдь они тоже были люди; значитъ, могли ошибаться или могли дѣйствовать по эгонистическимъ расчетамъ, не соответствовавшимъ народной потребности. Ни въ той, ни въ другой альтернативѣ нѣтъ ничего не понятнаго.

Кромѣ того, что иногда (очень рѣдко) случается упорное сопротивленіе со стороны народа образованію, по какой нибудь случайной ошибкѣ народа или его просвѣтителей, есть еще одинъ фактъ, который могъ ввести редакцію «Ясной Поляны» въ заблужденіе на счетъ существенныхъ отношеній народа къ образованію. Этотъ фактъ уже не исключительный, а общій, и проходитъ черезъ всю исторію просвѣщенія. Онъ состоитъ въ томъ, что когда кто бы то ни былъ,—самъ ли народъ,—то есть большинство простолюдиновъ,—образованное ли общество, правительство ли задумаетъ какую нибудь реформу въ народномъ образованіи, реформа на первыхъ порахъ встрѣчаетъ болѣе или менѣе сильную оппозицію,—но не исключительно въ народѣ, а точно такъ же и въ образованномъ обществѣ (если ею занимается оно) и въ нѣкоторыхъ членахъ самого правительства (если реформу задумаетъ правительство). Но тутъ нѣтъ никакой специальной черты, относящейся именно только къ частному дѣлу народнаго образованія или только къ народу. Это общая принадлежность реформъ или переменъ въ чемъ бы то ни было и съ кѣмъ бы то ни было, что онѣ не совершаются безъ нѣкоторой оппозиціи,—проще сказать, не совершаются безъ хлопотъ, безъ надобности толковать, разсуждать, убѣждать. Возьмите самое простое дѣло,—напримѣръ хоть въ какой-нибудь деревнѣ починку моста, который сталъ плохъ и который всѣмъ въ деревнѣ одинаково нуженъ: все-таки сначала потолкуютъ и поспорятъ—кто же?—сами же мужики между собой. Мужики, которые пособообразительнѣе или порѣшительнѣе, раньше другихъ увидятъ, что надобно чинить мостъ, а другіе думаютъ, что можно еще погодить этимъ дѣломъ; вотъ вамъ и неизбежность спора. Да развѣ въ одномъ народѣ такъ? Во всякомъ классѣ то-же самое. Помните, напримѣръ, какъ шла дѣла о томъ, нужны ли ненужны желѣзныя дороги, электрическіе телеграфы и пр.—и въ англійскихъ и во французскихъ парламентахъ, палатахъ, въ парижскомъ институтѣ были споры: однимъ казалось, что эти вещи нужны, полезны, другимъ что онѣ неудобны, вредны.

Штука состоитъ въ томъ, что вездѣ по всякому дѣлу обнаруживается существованіе двухъ партій, консервативной и прогрессивной, вѣчныхъ партій, соответствующихъ двумъ сторонамъ человѣческой природы: силѣ привычки и

желанію улучшеній. Натурально, что эти двѣ партіи являются и въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ въ нѣдрахъ общества, такъ и въ самомъ народѣ. Есть мужики и мѣщане (какъ есть купцы, чиновники, дворяне), говорящіе: будемъ жить по старому и воспитывать дѣтей по старому; есть другіе мужики и другіе мѣщане, подобно другимъ купцамъ, чиновникамъ и дворянамъ, говорящіе: постараемся устроить жизнь лучше прежняго и станемъ воспитывать дѣтей лучше, чѣмъ воспитывались сами.

Ну, что же тутъ особеннаго? Отчего тутъ смущаться, терять «пониманіе?».

Есть еще одинъ фактъ, тоже проходящій черезъ всю исторію, — его замѣтила даже редакція «Ясной Поляны»: мужики стѣсняются посылать своихъ дѣтей въ школы потому, что сынъ или дочь помогали бы въ чемъ нибудь по хозяйству, оставаясь дома, или зарабатывали бы нѣсколько денегъ на фабрикѣ, или въ какомъ нибудь мастерствѣ. Это обстоятельство ужъ дѣйствительно прискорбное, когда дѣла родителей такъ стѣснены, что мысль о пользѣ дѣтей подавляется необходимостью какъ можно скорѣе извлекать изъ дѣтей что нибудь на подмогу хозяйству. Но и это развѣ у однихъ простолюдиновъ бываетъ? Сколько есть небогатыхъ чиновниковъ и дворянъ, которые принуждены не давать дѣтямъ учиться, а какъ можно раньше опредѣлять ихъ на гражданскую службу или въ юнкера. Очень жаль, что это такъ; но развѣ это можно назвать упорствомъ противъ образованія? Вовсе нѣтъ, — очень многіе изъ родителей, принужденныхъ такъ поступать, самые горячіе приверженцы образованія. Плачутъ, что не могутъ дать дѣтямъ такого образованія, какъ желали бы, но чтожъ дѣлать, когда нѣтъ средствъ? — Ну, разумѣется, относительно этого факта недостаточно успокоивать себя психологическими соображеніями о врожденной силѣ консерватизма въ человѣческой натурѣ или о необходимости ошибокъ, недоразумѣній и эгоистическихъ цѣлей, о чемъ разсуждали мы выше. Тутъ дѣло не въ человѣческой натурѣ, а въ недостаткѣ денегъ: значить дѣтели народнаго образованія должны заботиться о томъ, какъ бы улучшить матеріальное положеніе народа. Но и это опять не какая нибудь специальная черта только простонароднаго образованія, — и во всякомъ сословіи будетъ учиться большее количество дѣтей и будутъ учиться они дольше, будутъ образовываться они лучше, если сословіе будетъ пользоваться лучшимъ благосостояніемъ. Ни непонятнаго, ни особеннаго — тутъ ровно ничего нѣтъ.

Такъ что же оказалось у насъ? Большою помѣхою ученью дѣтей простолюдиновъ служитъ бѣдность простолюдиновъ; иногда заботы о народномъ образованіи могутъ оставаться неудачны по какой нибудь случайной ошибкѣ или недобросовѣстности заботящихся, иногда по какому нибудь случайному недоразумѣнію самихъ простолюдиновъ, а во всякомъ случаѣ, и при успѣшномъ и при неуспѣшномъ ходѣ, улучшение народнаго образованія, какъ и всякое другое улучшение, имѣетъ противъ себя людей, въ которыхъ консерватизмъ слишкомъ силенъ и которые составляютъ и въ простомъ народѣ, какъ и во всякомъ другомъ сословіи, довольно значительную долю (впрочемъ все-таки меньшинство), а другая, тоже довольно значительная доля простолюдиновъ (какъ и людей всякаго другаго сословія) будетъ очень горячо стоять за улучшение; впрочемъ и эта доля, состоящая изъ людей, въ которыхъ прогрессивность рѣшительно преобладаетъ надъ консерватизмомъ, также только меньшинство въ простомъ,

какъ и во всякомъ другомъ сословіи; а главная масса простонародья, какъ и всякаго другаго сословія, будетъ держать себя нерѣшительно, выжидать, приглядываться, какъ идетъ дѣло: пойдетъ оно хорошо, вся эта масса примкнетъ къ прогрессистамъ; пойдетъ оно неудачно, вся она примкнетъ къ консерваторамъ. Что тутъ особеннаго и непонятнаго? Неужели сама редакція «Ясной Поляны» не видѣла передъ своими глазами всего, о чемъ мы говоримъ? Навѣрное, встрѣчала она между мужиками такихъ непоколебимыхъ прогрессистовъ, которые ломаютъ себѣ все одно: «ученье—свѣтъ, а неученье—тьма», и которыхъ никакія ошибки или неудачи народныхъ просвѣтителей не могутъ смѣстять этого пункта; и навѣрное видѣла она, что масса выжидаетъ и говоритъ: «а посмотримъ, что выйдетъ изъ начинающихся попытокъ».

Человѣкъ вообще,—не то что въ частности простолюдинъ, а человѣкъ, *genus homo*, или по другимъ натуралистамъ *species homo*, двуногое млекопитающее, довольно тяжелое на подъемъ,—довольно склоненъ отлагать дѣло, если на первый разъ видитъ неудачу или хоть не видитъ большой удачи съ перваго раза; но эти свойства онъ обнаруживаетъ по всякимъ улучшеніямъ, не въ одномъ дѣлѣ образованія; а все-таки, разсуждая хладнокровно, надобно сказать, что онъ всегда расположенъ улучшать свое положеніе по всякимъ дѣламъ; значить онъ скорѣе склоненъ къ образованію, чѣмъ упоренъ противъ него.

Но редакція «Ясной Поляны», предполагая въ мужикѣ какія-то особенныя свойства, которыхъ нѣтъ въ человѣкѣ,—т. е. просто въ человѣкѣ, каковаго бы тамъ званія онъ ни былъ,—думаетъ, что народъ «постоянно противодѣйствуетъ» заботамъ помочь его образованію. Ну что, если бы въ самомъ дѣлѣ было такъ? Вѣдь тогда всѣмъ намъ слѣдовало бы бросить всякія заботы о народномъ образованіи; между прочимъ графу Т. Н. Толстому не слѣдовало бы основывать школу, издавать ни его журналы, ни его книжки. Вѣдь насильно милъ не будешь; а навязывать какое нибудь дѣло людямъ, которые вѣчно должны упорствовать противъ него по своей натурѣ, значить напрасно мучить ихъ, напрасно утруждать себя.

Нѣтъ, редакція «Ясной Поляны» дѣлаетъ не такой выводъ: оно и точно, не слѣдуетъ ей дѣлать такого вывода, потому что она не думаетъ, что народъ враждебенъ образованію: на второй же строкѣ первой страницы первой статьи своей она говоритъ, что «народъ хочетъ образованія», и мы напрасно опровергали противное мнѣніе: она сама его отвергаетъ, какъ видно изъ этой второй строки. Но если такъ, какими же судьбами на 9-й строкѣ той же страницы очутились слова, противъ которыхъ мы спорили, что будто бы «народъ постоянно противодѣйствуетъ» и т. д.? А вотъ какимъ способомъ улаживаются эти двѣ мысли, мало идущія одна къ другой: если народъ, желающій образованія, постоянно противодѣйствуетъ всѣмъ заботамъ о его образованіи, это значитъ, по мнѣнію «Ясной Поляны», что мы, образованные люди, не знаемъ, чему его учить и какъ его учить, и никакъ не можемъ узнать этого. Что это за странность: возьмите неглупаго человѣка каковаго хотите сословія, сведите его съ неглупымъ человѣкомъ каковаго хотите другаго сословія, и они могутъ растолковать другъ другу, что кому изъ нихъ нужно; отчего же это такая непостижимая вещь, что никакъ не могли намъ растолковать неглупые люди изъ

простолюдиновъ, чему нужно учить и какъ нужно учить ихъ, простолюдиновъ. Сяду я на постояломъ дворѣ, стану спрашивать проезжихъ мужиковъ о чемъ хотите изъ ихъ быта,—всѣ ихъ потребности и желанія по всякому дѣлу я могу узнать и понять, только будто бы по одному дѣлу образованія не могу. Это что-то неправдоподобно.

Но если это такое непостижимое дѣло, то, почему знать, не нужно ли нашимъ простолюдинамъ учиться, напримѣръ, латинскому языку? Редакція «Ясной Поляны» хохочетъ: «ну, этого ужъ имъ навѣрное не нужно!» отвѣчаетъ она. (Или она не въ состоянн отвѣчать даже этого?). А если вы хотя объ одномъ предметѣ знаете, что его не нужно преподавать въ народныхъ школахъ, такъ вы, значить, уже имѣете нѣкоторое понятіе о томъ, что нужно народу. Вѣдь судить о томъ, что не нужно, можно только на основаніи знанія о нужномъ. Вѣдь отрицательные отвѣты основываются же на чемъ нибудь положительномъ.

Или вы ничего не знаете не то-что о предметахъ ученія, а только о методахъ ученія? Полноте, и объ этомъ у васъ есть вѣрныя понятія. Если бы кто-нибудь захотѣлъ поступить въ яснополянскую школу преподавателемъ и объяснить, что учить мальчишекъ нельзя иначе, какъ таская ихъ за волосы, кормя оплеухами и т. д., вѣдь вы не приняли бы такого преподавателя? (Или приняли бы?). Нѣтъ, у васъ положенъ принципъ: учить не только безъ всякихъ наказаній, даже безъ всякихъ наградъ, и совершенно никакого принужденія не употреблять. Методъ прекрасный, за твердость въ которомъ нельзя не сочувствовать вамъ; но пока дѣло не въ томъ, что вашъ методъ хорошъ, а въ томъ, что у васъ есть методъ. Зачѣмъ же вы говорите, что вы не знаете метода, когда не только знаете, но даже исполняете.

«Да это еще не методъ преподаванія, это лишь система обращенія съ учениками». Положимъ, но изъ этой системы ужъ непременно происходитъ и методъ преподаванія и притомъ очень опредѣленный. Если наказывать и принуждать нельзя, нужно преподавать такъ, чтобы ученіе было интересно и легко. Вы такъ и стараетесь дѣлать. «Да нѣтъ, это все еще не методъ». Какъ не методъ? Ну вотъ если кто нибудь вамъ скажетъ: преподавать русскую исторію надобно, заставляя дѣтей зубрить наизусть руководство г. Устрялова,—что вы на это скажете? Опять расхохочетесь. Значить, вы знаете, какъ не слѣдуетъ преподавать русскую исторію, а изъ этого обнаруживается, что вы знаете, какъ слѣдуетъ ее преподавать.

Быть можетъ напрасно мы говоримъ такимъ тономъ съ редакціею «Ясной Поляны». Быть можетъ она найдетъ его обиднымъ. Но воли ваша, вѣдь досадно слушать, когда люди, основавшіе школу и преподающіе въ ней и даже утверждающіе, что устроили свою школу очень хорошо и преподають въ ней не душно,—когда эти люди говорятъ, что не знаютъ, чему учить и какъ учить народъ, и не знаютъ даже, нужно ли его учить. Полноте, господа, говорить про себя такіе пустяки.

А вѣдь нѣтъ, они говорятъ про себя не пустяки; они дѣйствительно не знаютъ, чему и какъ учить, и есть въ ихъ программѣ, въ передовой статьѣ, которую мы разбираемъ, такія мѣста, что даже ослабляютъ надежду на возможность имъ когда нибудъ узнать и понять это. Слушайте, читатель.

Стр. 8. Въ Россіи «народъ большею частію озлобленъ противъ мысли о школѣ». Гдѣ же озлобленъ противъ школы? противъ дурныхъ школъ, въ которыхъ ничему не выучиваютъ, въ которыхъ только бьютъ, терзаютъ дѣтей, притупляютъ ихъ, развращаютъ ихъ, противъ такихъ школъ народъ точно озлобленъ; но вѣдь противъ нихъ озлоблены и мы съ вами. Это значитъ только, что и мы съ вами думаемъ, и народъ думаетъ объ этомъ, какъ слѣдуетъ думать порядочнымъ и неглупымъ людямъ.

Стр. 8. Въ той же Россіи «всѣ школы, даже для высшаго сословія, существуютъ только подѣ условіемъ приманки чина. До сихъ поръ дѣтей вездѣ почти силою заставляютъ идти въ школу». Это было съ грѣхомъ пополамъ правдою лѣтъ 20 тому назадъ или побольше. А теперь развѣ то? Изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ нынѣшнихъ университетскихъ студентовъ вы навѣрное не найдете даже одного десятка человѣкъ, которые были бы силою заставлены пойти въ университетъ. Гдѣ вы видѣли такихъ студентовъ? Богъ съ вами, вы говорите Богъ-знаетъ что. А что касается до чина, даваемого за ученіе, то изъ людей небогатыхъ, которымъ надобно будетъ жить жалованьемъ, конечно, многіе интересуются полученіемъ чина по праву ученой степени, но и то мало; повѣрьте, никто изъ нихъ не учится собственно для чина; но не давать имъ его,—было бы несправедливостью, потому что вѣдь получаютъ его на службѣ ихъ сверстники, которые прямо изъ гимназій пошли служить. Неужели справедливо было бы, чтобы молодой человѣкъ проигрывалъ по службѣ тѣмъ, что посвятилъ нѣсколько лѣтъ на лучшее приготовленіе себя къ ней университетскимъ образованіемъ?

Стр. 11. «Образованіе, имѣющее своею основой религію, т. е. божественное откровеніе, въ истинѣ и законности котораго никто не можетъ сомнѣваться, неоспоримо должно быть прививаемо народу, насиліе въ этомъ случаѣ законно».

Стр. 15. «Въ Германіи девять десятыхъ школьнаго народнаго населенія выносятъ изъ школы столь сильное отвращеніе къ испытаннымъ ими путямъ науки, что они впослѣдствіи уже не берутъ книгъ въ руки». Въ противоположность этому можно привести ходячій въ низшихъ слояхъ нашего средняго класса разсказъ о томъ, какъ «нѣмецъ землю пашетъ, а самъ въ рукѣ книжку держитъ, читаетъ».—Надобно быть слишкомъ легковѣрнымъ, чтобы утверждать то или другое.

Стр. 22. Въ народныхъ школахъ Марсели преподается «счетоводство», т. е. бухгалтерія. «Какимъ образомъ счетоводство можетъ составить предметъ преподаванія, я никакъ не могъ понять, и ни одинъ учитель не могъ объяснить мнѣ». Это очень странно. Чего тутъ не понимать? Марсель—городъ торговый, и бухгалтерія можетъ пригодиться всякому простолюдину. А что она можетъ быть предметомъ преподаванія, это доказываютъ всѣ коммерческія училища, въ которыхъ читается курсъ бухгалтеріи. Нѣтъ, по мнѣнію автора статьи, дѣлать бухгалтерію предметомъ преподаванія не стоитъ потому, что «она есть наука, требующая четыре часа объясненія для всякаго ученика, знающаго четыре правила ариметики». Нѣтъ, бухгалтеромъ сдѣлаться не такъ легко; иначе порядочные бухгалтеры не были бы такъ рѣдки и не получали бы такой большой платы въ торговыхъ конторахъ. Авторъ статьи не потрудился познакомиться

съ дѣломъ, иначе не порицалъ бы марсельскія школы за преподаваніе бухгалтеріи.

Стр. 26. «Хорошо нѣмцамъ на основаніи 200-лѣтняго существованія школы исторически защищать ее; но на какомъ основаніи намъ защищать народную школу, которой у насъ нѣтъ»? Что такое? что такое? Глазамъ не вѣримъ. Неужели редакция «Ясной Поляны» думаетъ, что это только нѣмцамъ нужны народныя школы, а намъ не нужны? Да, повидимому такъ,—въ этомъ духѣ тянется разсужденіе на всей 26-й страницѣ. Не нужно, дескать, намъ народныхъ школъ, потому что «мы русскіе живемъ въ исключительно счастливыхъ условіяхъ относительно народнаго образованія». На слѣдующей страницѣ сначала какъ будто не то, что не нужно намъ школъ, а только то, что наши народныя школы не должны быть рабскимъ скопомъ съ западныхъ; но дальше опять то же, что въ школахъ нѣтъ надобности у насъ, потому что уже и «въ Европѣ образованіе избрало себѣ другой путь, обошло школу», не нуждается въ ней (стр. 28). Удивительно.

Тутъ же, на стр. 27-й, другая удивительная вещь: авторъ статьи убѣдился, что «народъ подчиняется образованію только при насиліи»,—ей-богу такъ и написано на строкѣ 24-й этой 27-й страницы.—Тутъ же 5-ю строками ниже третья удивительная вещь: авторъ статьи убѣдился, что «чѣмъ дальше двигалось человѣчество, тѣмъ невозможнѣе становился критеріумъ педагогики, т. е. знаніе того, чему и какъ должно учить». Неужели? Чѣмъ больше приобреталось людьми опытности въ дѣлѣ образованія, тѣмъ менѣе могли они судить объ этомъ дѣлѣ? Неужели такъ? Это протнворѣчнло бы тѣмъ законамъ разсудка и жизни, по которымъ всегда бываетъ, что чѣмъ больше знакомишься съ предметомъ, тѣмъ больше знаешь его.

Стр. 29. «Основаніемъ нашей дѣятельности служить убѣжденіе, что мы не только не знаемъ, но и не можемъ знать того, въ чемъ должно состоять образованіе народа, что не только не существуетъ никакой науки образованія и воспитанія—педагогики, но что первое основаніе ея еще не положено, что опредѣленіе педагогики и ея цѣли въ философскомъ смыслѣ невозможно, бесполезно и вредно». Повторяемъ: если не знаете, то нельзя еще вамъ быть основателями школъ, наставниками въ нихъ, издателями педагогическихъ журналовъ; вамъ надобно еще учиться самимъ,—отправляйтесь въ университетъ, тамъ узнаете.—Но вы думаете, что даже и не можете узнать,—очень жаль, если такъ,—но это свидѣтельствовало бы только о несчастной организаціи вашей нервной системы: если вы не можете понять такой простой вещи, какъ вопросъ о кругѣ предметовъ народнаго преподаванія, то значитъ природа лишила васъ способности приобретать какія бы то ни было знанія.

Возьмемъ 2-ю книжку «Ясной Поляны» и просматриваемъ въ ней руководящую статью, которая называется: «О методахъ обученія грамотѣ». Общій смыслъ статьи—развитіе мысли, что всѣ методы обученія грамотѣ одинаково хороши или одинаково дурны, такъ что по какой ни учить, все равно. Съ такой точки зрѣнія пришлось бы говорить точно то же обо всемъ на свѣтѣ. Напримѣръ: какой способъ добывать огонь самый удобный: треніе двухъ кусковъ дерева другъ о друга, или кремень и огниво, или фосфорныя спички?—все равно, каждымъ изъ этихъ способовъ можно достигъ огня. Какая бритва самая

хорошая: наша ли доморощенная изъ обломка косы, или плохая англійская, или хорошая англійская?—все равно, всякой можно обрить бороду. Какое дѣлопроизводство самое лучшее: бухарское ли, или наше, или французское?—все равно, по каждому можно рѣшать дѣла. Вѣдь подобныя отвѣты свидѣлствуютъ только, что у человѣка, ихъ дающаго, не установились понятія о предметѣ. Я, напримѣръ, о многихъ предметахъ принужденъ давать такіе отвѣты: наприм., спросите меня, какой методъ, интегрированія лучше: лейбницевскій или ньютоновскій,—я рѣшительно не знаю, но слыхивалъ, что по тому и другому выучивались интегрированью; вотъ я и отвѣчаю: все равно, каждый годится. Или спросите меня, какой паровой плугъ лучше: Бойлевъ или Фаулеровъ? Я не могу судить ни о томъ, ни о другомъ, но слыхивалъ, что можно тѣмъ и другимъ пахать; вотъ я и долженъ отвѣчать: оба хороши. Эти отвѣты показываютъ только, что я не гожусь быть ни преподавателемъ высшей математики, ни управляющимъ завода земледѣльческихъ машинъ, ни англійскимъ фермеромъ; ими только прикрывается мое незнаніе. Помилуйте, какъ скоро есть два способа дѣлать что нибудь, то непременно одинъ изъ этихъ способовъ вообще лучше, а другой вообще хуже; а если есть исключительныя обстоятельства, въ которыхъ удобнѣе примѣняется менѣе совершенный способъ, то знающій человѣкъ умѣетъ въ точности опредѣлить и перечислить эти исключительные случаи. А кого эти исключительные случаи смущаютъ такъ, что онъ не можетъ разобрать разницу между ихъ особенностями и общимъ правиломъ, тотъ мало знакомъ съ дѣломъ. Такое впечатлѣніе и производитъ общій смыслъ статьи: «о методахъ обученія грамотѣ». Но кромѣ общаго смысла всей статьи изумляютъ въ ней многія отдѣльныя мѣста; напримѣръ:

Стр. 9. «Народъ не хочетъ учиться грамотѣ». Это напечатано на строкѣ 16-й.

Стр. 10. «Фактъ противодѣйствія народа образованію посредствомъ грамоты существуетъ во всей Европѣ».

Стр. 11. «Споръ въ нашей литературѣ о пользѣ или вредѣ грамотности, надъ которымъ такъ легко было смѣяться, по нашему мнѣнію есть весьма серьезный споръ». Неужели? Неужели можетъ казаться не лишеннымъ основательности мнѣніе людей, утверждающихъ, что грамотность вредна? Да, на ихъ сторонѣ не менѣе основательности и правды, чѣмъ на сторонѣ людей, признающихъ пользу грамотности,—таковъ смыслъ послѣдней половины 11-й страницы. Защитники грамотности—теоретики, противники грамотности—наблюдатели фактовъ и «тѣ и другіе совершенно правы» (стр. 11, строка 20).—т. е. по теоріи грамотность полезна, а на практикѣ оказывается вредной. Но это еще пока только колебаніе между двумя мнѣніями, а въ началѣ стр. 12-й авторъ уже склоняется на сторону противниковъ грамотности. Онъ говоритъ: если ближе всмотрѣться въ дѣйствительные результаты лишшняго обученія грамотѣ, то «я думаю, что большинство отвѣтитъ противъ грамотности (стр. 12-я, строка 1-я).

Далѣе слѣдуетъ на той же стр. 12-й очень неосторожныя колкости противъ людей, занимающихся преподаваніемъ въ воскресныхъ школахъ. Это ужъ рѣшительно не хорошо. Каковы бы тамъ ни были эти люди, умны ли они по вашему или глупы, но они честные люди, любящіе народъ, дѣлающіе для него

все, что могутъ. Если вы поднимаете на нихъ руку, отъ васъ должны отвернуться всѣ порядочные люди.

На стран. 23-й находятся такіе же колкости противъ людей университетскаго образованія, занимающихся обученіемъ народа, съ поясненіемъ, что «пономари учать лучше ихъ».

Редакція «Ясной Поляны» можетъ оскорбиться тѣмъ, какъ мы обозрѣвали передовыя статьи ея педагогическаго журнала, можетъ сказать: зачѣмъ же вы брали изъ нашихъ статей только эти мѣста, а не брали другихъ, имѣющихъ совершенно противоположный смыслъ? Дѣйствительно, мы были бы несправедливы, если бы подбирали дурныя мѣста съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ выводъ, что редакція «Ясной Поляны» проникнута духомъ мракобсія. Но мы этого вовсе не хотимъ сказать, а хотимъ только указать ей, какія странныя вещи попадаютъ въ ея мысли по отсутствію надлежащаго знакомства съ предметами, о которыхъ она разсуждаетъ. Мы говоримъ ей: прежде, чѣмъ станете поучать Россію своей педагогической мудрости, сами поучитесь, подумайте, постарайтесь приобрѣсти болѣе опредѣленный и связный взглядъ на дѣло народнаго образованія. Ваши чувства благородны, ваши стремленія прекрасны; это можетъ быть достаточно для вашей собственной практической дѣятельности: въ вашей школѣ вы не деретесь, не ругаетесь, напротивъ, вы ласковы съ дѣтьми, — это хорошо. Но установленіе общихъ принциповъ науки требуетъ кромѣ прекрасныхъ чувствъ еще иной вещи: нужно стать въ уровень съ наукой, а не довольствоваться кое-какими личными наблюденіями, да безсистемнымъ прочтеніемъ кое-какихъ статей. Развѣ не можетъ, напр., какинъ нибудь полуграмотный засѣдатель уѣзднаго суда быть человѣкомъ очень добрымъ и честнымъ, обращаться съ просителями ласково, стараться по справедливости рѣшать дѣла, попадающія ему въ руки. Если онъ таковъ, онъ очень хорошій засѣдатель уѣзднаго суда, и его практическая дѣятельность очень полезна. Но способенъ ли онъ при всей своей опытности и благонамѣренности быть законодателемъ, если онъ не имѣетъ ни юридическаго образованія, ни знакомства съ общимъ характеромъ современныхъ убѣжденій? Чѣмъ-то очень похожимъ на него являетесь вы: рѣшитесь или перестать писать теоретическія статьи, или учиться, чтобы стать способными писать ихъ.

Редакція «Ясной Поляны» извинитъ намъ жестокость этого приговора, если пойметъ, какъ въ самомъ дѣлѣ дурны многія изъ вещей, отысканныхъ нами въ ея статьяхъ. Она убѣдится тогда, что мы говоримъ неприятную ей правду собственно изъ желанія, чтобы она увидѣла опасность компрометировать себя такими странными тирадами, дурную сторону которыхъ не замѣчала прежде, конечно, только по непривычкѣ къ теоретическому анализу мыслей, къ выводу послѣдствій и отыскиванію принциповъ. Просимъ ее не сердиться, но если она и разсердится, все равно, мы обязаны передъ публикой не селадонничать съ «Ясною Поляною», а прямо указать недостатки теоретическаго взгляда редакціи этого журнала, потому что хорошія стремленія его могли бы иначе подкупить многихъ на неразборчивое согласіе со всѣмъ, что наговорено въ «Ясной Полянѣ». А наговорено въ ней все безъ разбора: и хорошее и дурное. Сущность дѣла состоитъ вотъ въ чемъ:

За изданіе педагогическаго журнала принялись люди, считающіе себя очень

умными, наклонные считать всѣхъ остальныхъ людей, — на примѣръ, и Руссо и Песталоцци, — глупцами; люди, имѣющіе нѣкоторую личную опытность, но не имѣющіе ни опредѣленныхъ общихъ убѣжденій, ни научнаго образованія. Съ этими качествами принялись они читать педагогическія книги; читать внимательно, дочитывать до конца они не считаютъ нужнымъ. — Это, дескать, все глупости написаны, до насъ никто ничего не смыслилъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Но въ прочтенныхъ ими отрывкахъ книгъ и статей излагаются взгляды, очень различныя: у одного автора рекомендуется одинъ методъ преподаванія, у другого — другой, у третьяго — третій; у одного автора одинъ взглядъ на потребности народа, у другого — другой, и т. д.; по одному автору кругъ предметовъ преподаванія для народа одинъ, у другого — другой, и т. д. Чтобы разобратъ, кто правъ въ этой разногласіи, нужно тяжелое изученіе, нужна привычка къ логическому мышленію, нужны опредѣленные убѣжденія. А эти люди не постарались пріобрѣсти ни одного изъ этихъ условій, и потому не въ силахъ ничего разобратъ. Вотъ и явились у нихъ выводы, что ничего нельзя разобратъ, что все вздоръ и все правда, и всѣ системы никуда негодятся и всѣ системы справедливы, и науки нѣтъ, и предмета нельзя знать, и методовъ нельзя опредѣлить. И осталось имъ руководиться только своими случайными впечатлѣніями, да своими прекрасными чувствами. Но кое-что они все же читали и запомнили, и — обрывки чужихъ мыслей, попавшіе въ ихъ память, летятъ у нихъ съ языка какъ попало, въ какой понало связи другъ съ другомъ и съ ихъ личными впечатлѣніями. Изъ этого, натурально, выходитъ хаосъ.

Лучшая часть «Ясной Поляны» — издающіяся при ней маленькія книжки для простонароднаго чтенія, и хороша въ нихъ собственно та сторона, для выполненія которой не нужно имѣть и убѣжденій въ мысляхъ, а достаточно имѣть нѣкоторую личную опытность и нѣкоторый талантъ: хорошо въ нихъ изложеніе. Оно совершенно просто; языкъ безыскусственъ и понятенъ. Какъ, на примѣръ, не похвалить манеру разказа въ слѣдующемъ отрывкѣ:

«Жилъ былъ во Франціи столяръ, звали его Николай. Жена у него померла, а сынъ остался. Сыну было 4 года. Николай не былъ богатъ: у него былъ домъ и было земли немного, — сажалъ онъ на ней виноградъ. Съ земли Николаю прожить нельзя было, а ходилъ онъ по людямъ работать. Его мальчикъ оставался дома. Матери не было, никто не обшивалъ его; отецъ жалѣлъ мальчика, а жениться другой разъ не хотѣлъ.

«Разъ идетъ Николай съ работы домой и слышитъ: кто-то плачетъ. Онъ посмотрѣлъ и увидѣлъ дѣвку. Дѣвку звали Марья. Сидитъ она подлѣ канавы и плачетъ.

«Николай ее спросилъ: — объ чемъ ты плачешь, Марья?

«А она говоритъ: Николай, жила я у Михайлы мужика, задолжала ему десять франковъ за уголь (по нашему десять четвертаковъ). А Михайла мнѣ за долгъ сундукъ не отдаетъ, мнѣ теперь нечѣмъ сундука выкупить и жить негдѣ. И она заплакала еще пуще. Николай говоритъ: подожди здѣсь, я снесу свой инструментъ, да мальчика Матюшку посмотрю, а тогда подумаемъ, какъ быть.

«Николай пошелъ домой, отнесъ свой инструментъ, пообедалъ съ сыномъ, досталъ десять франковъ и пошелъ на дорогу, гдѣ Марья сидѣла. Ему въ умъ взшло ее къ себѣ взять. Онъ пришелъ на дорогу и говоритъ: пойдемъ, Марья, къ твоему Михайлѣ, отдадимъ ему десять франковъ и возьмемъ твой сундукъ. А Марья говоритъ: кто мнѣ дастъ 10 франковъ? А онъ говоритъ: пойдемъ.

«Они пошли къ мужику къ Михайлѣ, вошли въ домъ; Николай и говоритъ: «здравствуй, Михайла!» — Здравствуй, чего тебѣ? — А Николай говоритъ: «за что ты

обидѣлъ дѣвку?—А за то, что не твое дѣло.—А Николай говоритъ: «возьми десять франковъ, а ей отдай сундукъ».

«Марья взяла свой сундукъ, забрала все имѣніе и говоритъ:—какъ я тебѣ, Николай, отдамъ деньги? А онъ говоритъ: «отдашь»,—и позвалъ ее жить къ себѣ.—«Пойду на работу, а ты за Матюшкой ходить будешь».

«Она заплакала и стала за него молиться Богу. Марья была дѣвка немолодая, ростомъ большая и здоровая, какъ мужикъ. Лицо у ней было дурное конопатое (рыбое), оттого ея и замужъ никто не взялъ. Она тѣмъ жила, что на поденную работу ходила, за ребятами смотрѣла, когда хозяева на работу уходили. Она за больными ходить хорошо умѣла. Дѣвка она была смиренная: когда ей за работу ничего не давали, она не спрашивала. Всѣ ребята ее на деревнѣ знали, всѣ любили и нянькой прозвали. Николай взялъ ее къ себѣ въ домъ; Марья и стала у него жить, какъ хозяйка: обѣдъ варила, виноградъ поливала и землю копала. Во Франціи землю больше скребкой, чѣмъ сохой, работаютъ, оттого, что ея мало. Обѣдъ всегда Марья собирала къ тому времени, когда придетъ Николаю съ работы, а за Матюшкой такъ ходить стала, что Николай не нарадуется. У нихъ въ домѣ лучше стало.

«Вздумалось Марьѣ, чтобы Николай купилъ корову и козу. Во Франціи козье молоко пьютъ. Она и говоритъ:—Николай, купи корову и козу, намъ лучше жить будетъ.—А Николай говоритъ: я куплю, а кто стеречь будетъ?—Ты купи, стеречь я сама буду. Матюшка услышала, да и говоритъ: я съ ребятами буду стеречь; шшей только мнѣ сумочку хлѣбъ класть. Я устерегу. Они купили. Марья сшила Матюшкѣ сумку, положила ему хлѣба и сыру и послала его съ ребятами. Во Франціи хлѣбъ бѣлый. Бдѣть его съ сыромъ, а сыръ изъ козьего молока дѣлаютъ.

«Надѣлъ Матюшка сумочку на спину, перекрестилъ веревочки на груди и погналъ корову и козу. И каждому свое дѣло было. По воскресеньямъ Марья съ Матюшкой въ церковь ходила. Уберетъ его, обмоетъ и пойдутъ вмѣстѣ, какъ сынъ съ матерью. Во Франціи въ церковь ходятъ съ книжками. Придутъ въ церковь, сядутъ на стулья и читаютъ по книжкамъ, и въ церкви всѣ запоютъ, когда надо. Священникъ, также какъ у насъ, передъ алтаремъ обѣдно служить, только онъ бритый и въ бѣлой ризѣ. А народъ на стульяхъ сидитъ, и за стулья деньги берутъ. У кого есть деньги, тотъ платитъ по 5 сантимовъ (по нашему 5 коп. ассигнаціями), а у кого нѣтъ, тотъ стоитъ.

«Марья стула не брала, а ставала съ Матюшкой либо на ногахъ, либо бирала Матюшку на руки и ему, какъ съ горы, все видно было, что въ церкви дѣлалось: какъ священникъ въ алтарѣ служилъ и какъ народъ въ церковь приходилъ и вонъ выходилъ. И стали они жить лучше прежняго.

«Стало Матюшкѣ ужъ семь лѣтъ. Николай и говоритъ Марьѣ:—Марья, надобно Матюшку отдать въ училище.—А она ему говоритъ: «зачѣмъ его отдавать въ училище, онъ будетъ и безъ твоего ученія хорошо работать. Онъ и такъ мальчикъ хорошій. Ты грамотѣ не знаешь, а развѣ хуже работаешь». А Николай говоритъ: не правда твоя, Марья! Если-бъ я зналъ грамоту, я бы самъ записать могъ, кто мнѣ что долженъ, а то я не знаю и долги забываю—другой разъ и пропадаютъ. Я и самъ жалѣю.

Матюшка услышала, что тетка съ отцомъ говорила, да и говоритъ: кто же безъ меня козу стеречь станетъ?

«А отецъ говоритъ: устережемъ безъ тебя, только ужъ учись хорошенько, чтобы мои деньги не пропали. Николай не послушался Марьи и отдалъ своего Матюшку въ училище. И Матюшка стала учиться очень хорошо. Учитель хвалилъ его. А корову и козу Марья стеречь стала. Когда Матюшкѣ время бывало, онъ за отцомъ вечеромъ инструментъ напивалъ, а по праздникамъ съ теткой Марьей въ огородѣ копалъ, и всѣ говорили, что мальчикъ хорошій. Такъ они жили очень хорошо».

Это первая глава повѣсти «Матѣй», которою начинается 2-я книжка. Все остальное написано точно также, т. е. очень хорошо.

Но въ содержаніи вещей, рассказанныхъ такъ хорошо, отразился недостатокъ определенныхъ убѣжденій, недостатокъ сознанія о томъ, что нужно

народу, что полезно и что вредно для него. Напримѣръ, въ 1-й книжкѣ послѣ разсказа «Матвѣй», который по содержанію такъ себѣ, помѣщена суетѣрная сказка о томъ, какъ чортъ соблазнялъ монаха Теодора, принимая на себя видъ его друга, монаха Василя; и рассказано это такимъ тономъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ вотъ сейчасъ же можетъ въ мою комнату подъ видомъ моего пріятеля войти чортъ, то есть настоящій чортъ, какъ есть настоящій. Во 2-й книжкѣ помѣщенъ Робинзонъ, обратившійся въ сказку, лишенную всякаго смысла. За Робинзономъ напечатана арабская сказка о горѣ Сесамъ и 40 разбойникахъ, передѣланная на русскіе нравы. Въ ней дѣйствуютъ Дуняшка, Евдокимъ, Петръ Ивановичъ, Пахомъ Сидорычъ и т. д. Зачѣмъ сдѣлана эта передѣлка и зачѣмъ вынуть смыслъ изъ Робинзона,—это, конечно, никому неизвѣстно, въ томъ числѣ и самой редакціи «Ясной Поляны»: вѣдь нельзя знать, что и какъ рассказывать народу. А языкъ рассказовъ очень хорошъ.

Французскіе законы

ПО ДѢЛАМЪ КНИГОПЕЧАТАНІЯ.

При объявленіи объ учрежденіи комиссіи для пересмотра, дополненія и измѣненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія выражено было желаніе, «чтобы литература наша нѣсколько ближе ознакомила публику съ вопросами, до законодательства о печати относящимися». Тутъ же было высказано мнѣніе, что «сравнительное изложеніе законодательствъ другихъ образованныхъ государствъ и теоретическая оцѣнка ихъ могли бы приготовить общественное мнѣніе къ правильному разумѣнію силы и значенія новой системы законодательства о книгопечатаніи».

Въ Западной Европѣ и въ Америкѣ существуютъ двѣ главныя системы законодательныхъ и правительственныхъ отношеній къ дѣламъ книгопечатанія.

Первая система, господствующая въ Англіи, въ Швейцаріи и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, утверждаетъ на томъ общемъ принципѣ, что дѣламъ книгопечатанія не придается никакого спеціальнаго значенія или исключительнаго положенія: законъ и правительство не дѣлаютъ никакой существенной разницы между этими и другими подобными дѣлами, подлежащими только дѣйствию общихъ законовъ. Такъ, во-первыхъ, типографская сторона книгопечатанія ставится въ одно положеніе со всѣми обыкновенными фабричными производствами или мастерствами. Если не нужно никакого особеннаго разрѣшенія, чтобы основать столярное или токарное заведеніе, суконную фабрику или свѣчной заводъ, то не требуется никакого разрѣшенія и на заведеніе типографіи. Ее можетъ открыть всякій, у кого есть охота и средства. — Точно также, если суконный фабрикантъ или шляпный мастеръ воленъ выставять или не выставять свое имя на издѣліи, то и типографикъ воленъ печатать книги съ обозначеніемъ или безъ обозначенія своего имени на нихъ. Но если шляпный фабрикантъ или зонтичный мастеръ выставитъ на своемъ издѣліи имя

другаго мастера или фабриканта, онъ, по жалобѣ этого мастера или фабриканта, подвергается извѣстному наказанію за подлогъ. Тому же наказанію подвергается типографщикъ по претензіи другаго типографщика, если выставить его имя на книгѣ, которую напечаталъ. Словомъ сказать, нѣтъ особенныхъ законовъ и особенныхъ наказаній для типографщиковъ, какъ нѣтъ особенныхъ законовъ и наказаній для каретниковъ, шорниковъ, портныхъ, трубочистовъ.

Точно также нѣтъ особенныхъ законовъ и наказаній для книгопродавцевъ, какъ нѣтъ особенныхъ законовъ и наказаній для купцовъ, торгующихъ мыломъ или саломъ, шелковыми матеріями или зеркалами. Какъ безъ всякаго разрѣшенія открывается чайный магазинъ или мелочная лавочка, точно также и книжная лавка.

Что касается писателей, сотрудниковъ, редакторовъ, собственниковъ статей, газетъ, журналовъ и книгъ, они также считаются обыкновенными людьми, вовсе не заслуживающими такого великаго вниманія со стороны законодательства и администраціи, чтобы обращаться съ ними по какимъ нибудь особннымъ правиламъ, чѣмъ съ другими людьми. Какъ и всякіе другіе люди, они могутъ совершать дѣйствія, противныя закону; но не предполагается, чтобы способъ совершенія такихъ дѣйствій посредствомъ маленькихъ вещей, отливаемыхъ въ сплава, называющагося гартонъ, посредствомъ черной масляной краски, заключать въ себѣ нѣчто специально-чародѣйственное и чтобы отъ этого способа измѣнялся характеръ самаго дѣйствія, такъ что уже недостаточны противъ поступка, такимъ способомъ совершеннаго, тѣ законы, которые достаточны противъ того же поступка, совершеннаго всякимъ другимъ способомъ. Напримѣръ, человекъ можетъ оклеветать или обезславить какое нибудь лицо разными способами: распуская пзподтишка изустные слухи, или рассказывая громко въ обществѣ, или разсылая письма;—если есть законъ, достаточный для наказанія клеветы, для уменьшенія охоты къ ней, для возстановленія чести оклеветаннаго лица, во всѣхъ этихъ случаяхъ,—то считается, что этотъ законъ достаточенъ для достиженія той же цѣли и при совершеніи клеветы посредствомъ печати.—Точно также человекъ можетъ очень различными способами возбуждать другихъ людей къ нарушенію общественнаго порядка: онъ можетъ дѣлать это тайными разговорами наединѣ, громкими разговорами въ обществѣ, разсылкою анонимныхъ или подписанныхъ писемъ; можетъ вести людей къ тому же какими нибудь своими хитрыми дѣйствіями, приводящими ихъ въ раздраженіе не противъ него, а противъ закона или администраціи, или вводя ихъ въ положенія, ставящія во вражду къ порядку, и дѣйствія эти, совершаемыя ими подъ его вліяніемъ, могутъ быть сами по себѣ или преступны (напримѣръ, дать человеку сдѣлаться воромъ—значить, сдѣлать его готовымъ и къ дѣйствіямъ противъ правительства, отъ котораго будетъ онъ опасаться наказанія), или могутъ быть сами по себѣ не преступны (напримѣръ, дать человеку выйти лишнее, тутъ еще нѣтъ преступленія; но пьяный человекъ готовъ на многое такое, чего не сдѣлаетъ трезвый).—Если общій законъ, охраняющій спокойствіе страны и ея правительственныя формы, достаточенъ для наказанія за эти многоразличные способы возбужденія и для обузданія охоты пользоваться ими, то предполагается, что онъ достаточенъ и противъ возбужденій, которыя бы могли дѣлаться посредствомъ печати.

Такой взгляд утвердился, какъ мы сказали, въ нѣкоторыхъ странахъ: въ печати нѣтъ ничего столь важнаго, или опаснаго, или особеннаго, чтобы нужно или полезно было имѣть для нея особенные законы; достаточно для общественной и частной безопасности прилагать къ дѣламъ печати тѣ самые законы, какіе прилагаются вообще ко всякимъ дѣламъ.

Но на континентѣ западной Европы преобладаетъ другой взглядъ, дающій дѣламъ печати какое-то исключительное значеніе и потому ставящій ихъ въ исключительное положеніе. Предполагается, что типографскій станокъ имѣетъ какую-то специфическую силу въ родѣ беладоны, сѣрной кислоты, гремучаго серебра, — вещей очень полезныхъ, но только при чрезвычайно бдительномъ надзорѣ за ихъ употребленіемъ, и мгновенно могущихъ надѣлать страшныхъ бѣдъ при малѣйшей оплошности. Попадись пакетъ съ гремучимъ серебромъ въ руки неосторожнаго или злонамѣреннаго, разрушится цѣлый домъ, погибнутъ пожалуй сотни людей. Такое мнѣніе, приписывающее чрезвычайно вредоносную силу наносить неисцѣлимыя раны, существовало или существуетъ по отношенію очень многихъ предметовъ, не имѣющихъ въ себѣ ровно ничего такого. Наше личное мнѣніе не расположено къ ожиданію не натурально-вредоносныхъ результатовъ отъ предметовъ и дѣйствій, въ которыхъ нѣтъ силы производить такіа бѣдствія. Мы думаемъ, что для произведенія общественныхъ бѣдъ типографскій станокъ слишкомъ слабъ. Въдѣ нѣтъ на немъ столько чернилъ, чтобы, прорвавшись какъ нибудь, затопили они страну, и нѣтъ въ немъ такихъ пружинъ, чтобы, сорвавшись какъ нибудь и хлопнувъ по гартовымъ литерамъ, стрѣльнули онѣ ими какъ картечью. Намъ кажется, что безъ достаточной причины не можетъ произойти никакое потрясеніе или испроверженіе, да и вообще никакое дѣйствіе; а если есть достаточныя причины, то дѣйствіе произойдетъ, какъ тамъ ни хлопотать объ устраненіи способовъ и поводовъ произойти ему: какіе нибудь способы и поводы все-таки представятся. Напримѣръ, если нѣтъ людямъ достаточныхъ причинъ быть недовольными, то и не вынужшь ихъ недовольства никакими словами, изустными ли, письменными ли, печатными ли. Это дѣлается не словами, а фактами жизни, — общественными отношеніями и великими историческими случайностями въ родѣ какого нибудь неурожаа или другаго бѣдствія, которому ни содѣйствовать, ни противоудѣйствовать типографскій станокъ не можетъ.

Но мы знаемъ, что и въ этомъ дѣлѣ, какъ въ очень многихъ другихъ, нашъ простой взглядъ на дѣло кажется не довольно эффектенъ, не довольно мелодраматиченъ для большинства, которому вездѣ грезятся романческіе фокусы, чудныя сибилленія, непостижимыя особенности, производящія то колоссальную пользу, то неизмѣримый вредъ посредствомъ самыхъ слабыхъ силъ и недостаточныхъ матеріаловъ. Во многомъ тутъ причиною сами литераторы, до забавности преувеличивающіе важность своего ремесла, по слабости, свойственной людямъ всякаго званія. По примѣру мольеровскаго ювелира, разсматривавшаго все на свѣтѣ съ точки зрѣнія ювелирнаго мастерства, литераторы слишкомъ часто провозглашаютъ литературу тою осью, на которой вращается земля. Послушать ихъ, такъ всѣ великія событія производились литературой. Неудивительно, что они подвержены такому самообольщенію; но смѣшно, что посторонніе-то люди, образованная-то публика и просвѣщенные-то администраторы во многихъ стра-

нахъ еще вѣрятъ этой похвалѣ и приходятъ — кто въ удивленіе, кто въ благоговѣніе, кто въ огорченіе, кто въ озлобленіе передъ великою, всевозбуждающею, всесовершенствою силою литературы надъ государственною жизнью. Вѣдь не вѣрятъ же они сапожникамъ, думающимъ, что всего важнѣе сапожное искусство; смѣются же они надъ портными, воображающими, что люди живутъ на свѣтѣ только ихъ услугами. Какъ повидимому не разсудить постороннимъ людямъ, что всякое ремесло важно въ своей специальной сферѣ, а земля вертится и исторія движется вовсе не этимъ мастерствомъ, а силами несравненно болѣе и могущественными и простыми. Сапожникъ важенъ по части обуви, а въ другихъ дѣлахъ ничего не значить. У литературы тоже свое особенное дѣло, — конечно, гораздо болѣе возвышенное, но тоже специальное, и важна она только въ этой специальной отрасли жизни, а общій ходъ жизни не зависитъ отъ нея. Литература излагаетъ наблюденія, мысли, сообщаетъ теоретическія свѣдѣнія. Въ этомъ дѣлѣ она чрезвычайно важна. Но развѣ отъ приобрѣтенія теоретическихъ свѣдѣній человѣкъ чувствуетъ голодъ и холодъ, раздражается обидами, радуется счастливому устройству своихъ обстоятельствъ? Это все дѣлается въ немъ совершенно съ одинаковою силою, грамотенъ ли онъ, или безграмотенъ. Съ литературою и безъ литературы все равно стремится онъ къ однимъ и тѣмъ же цѣлямъ, возбуждается тѣми же чувствами. Только онъ менѣе просвѣщенъ безъ литературы, вотъ и вся разница. Правда, разница очень важная, оказывающая великое вліяніе и на характеръ историческихъ событій. Мы не вѣрно сказали, что исторія не зависитъ отъ литературы. — нѣтъ, много зависитъ; только въ чемъ? Не въ сущности событій, а въ ихъ формѣ. Форма дѣйствій человѣка опредѣляется степенью его образованности. Разсердитесь очень грубый человѣкъ, — онъ бьетъ въ зубы того, на кого разсердился; если онъ немножко образованъ, онъ уже не станетъ драться. — онъ стыдится драки, да и знаетъ, что она — дѣло лишнее: онъ умѣетъ достаточно уязвить противника грубыми словами. Но если онъ еще болѣе развитъ, онъ и грубыми-то слова находитъ лишними: въ мягкихъ, совершенно приличныхъ выраженіяхъ онъ сумѣетъ обнаружить свое раздраженіе и достигнетъ той же цѣли. Значить, дѣло не въ томъ, бываютъ ссоры или не бываетъ ихъ: это зависитъ отъ обстоятельствъ жизни, чаще всего отъ денежныхъ дѣлъ, а не отъ степени просвѣщенія; она опредѣляетъ только то, какая форма избирается для ссоры: грубая или благопристойная.

Но мы повторяемъ, что вовсе не ждемъ, чтобы такъ ужъ сейчасъ же показалось такое мнѣніе справедливымъ большинству общества у насъ ли, или даже на континентѣ западной Европы, кромѣ одной Швейцаріи. Эти страны еще слишкомъ мало познакомились съ размѣромъ литературнаго вліянія при такой же свободѣ дѣйствій литературнаго занятія, какими пользуются въ занятія, поставленныя только подъ общій законъ, не стѣсненныя никакими специальными организаціями и надзорами. Это большинство восхищается или тревожится суевѣрными оболыщеніями относительно силы литературы производить историческіе перевороты. А мнѣніе большинства, — справедливое или несправедливое, все равно, — господствуетъ надъ всѣми общественными отношеніями и между прочимъ оно опредѣляетъ общественное положеніе литературы. Оно внушаетъ и держитъ во Франціи, въ Пруссіи, въ Австріи* специальные законы

и спеціальныя мѣры предосторожности противъ литературы. Нельзя думать, чтобы въ нашемъ обществѣ, еще менѣе опытномъ и разсудительномъ по этому дѣлу, могъ волшебнымъ образомъ установиться другой взглядъ. Поэтому, если мы хотимъ говорить о правдоподобномъ, то должны обратить вниманіе не на ту систему, которая подчиняетъ литературу только общему закону, — а на систему, считающую необходимымъ спеціальное законодательство для литературы.

Изъ спеціальныхъ законодательствъ по литературнымъ дѣламъ самое образцовое — нынѣшнее французское законодательство. Называемъ его образцовымъ не потому, чтобы оно было самое лучшее для правительства или для общества (а для литературы оно самое худшее: это всѣмъ извѣстно), — нѣтъ, оно образцовое потому, что фактически служило и служитъ образцомъ для другихъ законодательствъ той же системы, какъ и вообще вся французская государственная жизнь служила и служитъ образцомъ для континентальныхъ странъ западной Европы, не успѣвшихъ подняться еще и на ту степень историческаго развитія, какой достигла Франція. Браните Францію, хвалите Францію, какъ хотите, а все-таки она — передовая страна европейскаго континента и теперь, какъ была съ давнихъ поръ, и все-таки другія страны учатся у ней. Но ученики не могутъ хорошенько разбирать, что именно хорошо и что дурно у француза, — если бъ они умѣли разбирать это, они были бы опытнѣе и разумнѣе учителя, то есть ужъ и не были бы его учениками, а сдѣлались бы его наставниками. Мы хотѣли сказать очень не новую мысль, что вмѣстѣ съ огромнымъ количествомъ хорошаго, континентальныя страны перенимаютъ у Франціи и довольно много дурнаго. Рѣчь не о томъ, къ хорошему или къ дурному принадлежитъ то, что онѣ перенимаютъ отъ нея спеціальное литературное законодательство, — мы думаемъ только, что это вещь неизбѣжная.

Итакъ, прежде всего намъ надобно изучить французское литературное законодательство. Мы хотимъ сдѣлать это самымъ солиднымъ и холоднымъ образомъ, и начнемъ прямо переводомъ важнѣйшихъ французскихъ постановленій по дѣламъ печати. Они не сведены въ одинъ кодексъ, а состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ законовъ. Мы представимъ существенныя статьи главныхъ изъ этихъ законовъ.

Переводъ займетъ довольно много страницъ, и страницы эти будутъ совершенно сухи, очень скучны. Но кто хочетъ вѣрять на слово заключеніямъ, которыя мы сдѣлаемъ изъ нихъ, тотъ можетъ и вовсе не заглядывать въ эти страницы голаго перевода. А кто захочетъ провѣрить наши соображенія, тому обязаны же мы представить самый текстъ законовъ, о которыхъ будемъ судить.

Текстъ важнѣйшихъ французскихъ постановленій по дѣламъ печати.

ЗАКОНЪ 21 ОКТЯБРЯ 1814.

Статья 11. Ни типографщикомъ, ни книгопродавцемъ не можетъ быть никто иначе, какъ по патенту отъ правительства и по принесеніи присяги.

Статья 12. Патентъ можетъ быть взятъ назадъ у каждаго типографщика или книгопродавца, признаннаго по судебному приговору виновнымъ въ нарушеніи законовъ и правилъ.

Статья 13. Тайныя типографіи подвергаются уничтоженію, а ихъ владельцы и хранители наказываются штрафомъ въ 10 тысячъ франковъ и 6-мѣсячнымъ заключеніемъ въ тюрьму.—Тайною считается всякая типографія, не объявленная въ общемъ управленіи книжныхъ дѣлъ и для которой не было получено разрѣшенія.

Статья 14. Типографщикъ не можетъ печатать сочиненія, не объявивъ предварительно, что намѣренъ печатать его, и не можетъ какимъ бы то ни было образомъ выпускать его въ продажу или обнародывать безъ предварительнаго представленія предписаннаго числа экземпляровъ, въ Парижѣ—въ секретарство общаго правленія книжныхъ дѣлъ, а въ департаментахъ—въ секретарство префектуры.

Статья 15. Задержка и секвестръ сочиненія происходитъ: 1) если типографщикъ не представитъ росписокъ въ объявленіи и въ представленіи сочиненія по предыдущей статьѣ; 2) если на каждомъ экземплярѣ не выставлено истиннаго имени и истиннаго жительства типографщика; 3) если сочиненіе предано суду за свое содержаніе.

Статья 16. Недостатокъ предварительнаго объявленія до печатанія и недостатокъ предварительнаго представленія до обнародованія, обнаруженный по смыслу предыдущей статьи, наказывается каждый въ отдѣльности штрафомъ въ 1,000 франковъ въ первый разъ и въ 2,000 франковъ во второй.

Статья 17. Недостатокъ выставленія своего имени и своего жилища типографщикомъ наказывается штрафомъ въ 3,000 франковъ.—Выставленіе ложнаго имени и ложнаго мѣсто-жительства наказывается штрафомъ въ 6,000 франковъ, независимо отъ тюремнаго заключенія, установленнаго уголовнымъ кодексомъ.

Статья 18. Экземпляры, задержанные по причинѣ простаго нарушенія настоящаго закона, возвращаются по уплатѣ штрафовъ.

Статья 19. Книгопродавецъ, у котораго будетъ найдено сочиненіе безъ имени типографщика или который будетъ уличенъ въ томъ, что продавалъ или раздавалъ такое сочиненіе, подвергается штрафу въ 2,000 франковъ. Штрафъ уменьшается до 1,000 франковъ, если книгопродавецъ укажетъ типографщика.

ЗАКОНЪ 28 ФЕВРАЛЯ 1818.

Когда сочиненіе было задержано по 15 статьѣ закона 21 октября 1814, приказъ и протоколъ о его задержаніи теряютъ свою силу, если не будутъ объявлены въ теченіе 24 часовъ лицу, у котораго должна быть произведена задержка и которое можетъ протестовать противъ него.

ЗАКОНЪ 17 МАЯ 1819.

ГЛАВА I.

О публичномъ возбужденіи къ преступленіямъ и проступкамъ.

1. Кто рѣчами, криками или угрозами, произнесенными въ общественныхъ мѣстахъ или собраніяхъ, или сочиненіями и всякими печатными вещами, рисунками, гравюрами, картинами или эмблемами, проданными или розданными, продающимися или выставленными въ общественныхъ мѣстахъ или собраніяхъ, или объявленіями и афишами, выставленными на виду публки, возбудитъ виновника или виновниковъ какого либо дѣйствія, признаваемого преступленіемъ или проступкомъ, къ совершенію этого поступка, — признается соучастникомъ этого поступка и наказывается, какъ соучастникъ.

2. Если кто однимъ изъ способовъ, исчисленныхъ въ статьѣ 1-й, сдѣлаетъ возбужденіе къ совершенію какого либо преступленія или какихъ либо преступленій, по это возбужденіе останется безъ всякаго послѣдствія, — тотъ наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 3 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 50 франковъ до 6,000 франковъ.

3. Если кто однимъ изъ тѣхъ же способовъ сдѣлаетъ возбужденіе къ совершенію какого либо проступка или какихъ либо проступковъ, по это возбужденіе останется безъ всякаго послѣдствія, то наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 3 дней до 2 лѣтъ, и штрафомъ отъ 30 франковъ до 4,000 франковъ, или только однимъ изъ этихъ двухъ наказаній, смотря по обстоятельствамъ; кромѣ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ законъ постановляетъ менѣе тяжелое наказаніе самому виновнику проступка, — въ этихъ случаяхъ наказаніе, определенное виновнику, влается и на возбуждающаго къ проступку.

6. Возбужденіе однимъ изъ этихъ способовъ къ неповиновенію законамъ подлежитъ наказаніямъ, установленнымъ статьею 3-ю.

ГЛАВА II.

Объ оскорбленіяхъ общественной и религіозной нравственности, или добрыхъ нравовъ.

8. Всякое оскорбленіе общественной и религіозной нравственности или добрыхъ нравовъ однимъ изъ способовъ, исчисленныхъ въ статьѣ 1-й, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 1 года и штрафомъ отъ 16 франковъ до 500 франковъ.

ГЛАВА III.

Объ оскорбленіяхъ королю.

9. Кто однимъ изъ способовъ, исчисленныхъ въ ст. 1-й настоящаго закона, сдѣлается виновнымъ въ оскорбленіи лицу короля, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 6 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 500 франковъ до 10,000 франковъ.—Виновный сверхъ того можетъ быть лишенъ нѣкоторыхъ или всѣхъ правъ, упомянутыхъ въ статьѣ 42 уголовного кодекса, на время, равное сроку тюремнаго заключенія, на которое онъ осужденъ; это время считается съ того дня, въ который онъ подвергается наказанію.

(Ст. 42 уголовного кодекса. Исправительныя судилища могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ лишать вполне или отчасти слѣдующихъ общественныхъ, частныхъ и семейныхъ правъ: 1) права голоса на выборахъ; 2) права быть избираемымъ; 3) быть призываемымъ или назначаемымъ въ званіе присяжнаго, или другія общественныя званія, или административныя должности, или исполнять эти званія или должности; 4) право носить оружіе; 5) права участіюванія и голоса въ семейныхъ совѣтахъ; 6) права быть опекуномъ, попечителемъ, кромѣ какъ своихъ дѣтей и только по рѣшенію семейнаго совѣта; 7) быть экспертомъ или свидѣтелемъ въ актахъ; 8) быть свидѣтелемъ въ судѣ иначе какъ просто для сообщенія свѣдѣній, невозбуждающихъ спора).

ГЛАВА IV.

О публичныхъ оскорбленіяхъ членамъ королевской фамиліи, иностраннымъ государямъ и главамъ иностранныхъ правительствъ.

10. Оскорбленіе однимъ изъ способовъ, исчисленныхъ въ ст. 1, членомъ королевской фамиліи наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 5,000 франковъ.

12. Оскорбленіе однимъ изъ тѣхъ же средствъ иностранныхъ государей или главъ иностранныхъ правительствъ наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 5,000 франковъ.

ГЛАВА V.

О публичныхъ обезславленіи и обидѣ.

13. Приведеніе или взведеніе на какое либо лицо или корпорацію факта, предящаго чести или уваженію этого лица или этой корпораціи, есть обезславленіе.—Оскорбительное выраженіе, презрительное или нападчивое слово, не заключающее въ себѣ взведенія никакого факта, есть обида.

14. Обезславленіе и обида, совершенныя однимъ изъ способовъ, исчисленныхъ въ статьѣ 1-й настоящаго закона, наказываются по слѣдующимъ различіямъ.

16. Обезславленіе облеченнаго общественною властью или служащаго лица за факты, относящіеся къ его должности, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 8 дней до 1¹/₂ года и штрафомъ отъ 50 до 3,000 фр.—Заключеніе въ тюрьму и штрафъ въ этомъ случаѣ могутъ назначаться оба вмѣстѣ или только одно изъ нихъ, смотря по обстоятельствамъ.

17. Обезславленіе посланниковъ, полномочныхъ министровъ, пословъ, повѣренныхъ по дѣламъ или другихъ дипломатическихъ агентовъ, аккредитованныхъ у короля, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 8 дней до 1^{1/2} года и штрафомъ отъ 50 до 3,000 фр., или только однимъ изъ этихъ наказаній, смотря по обстоятельствамъ.

18. Обезславленіе частныхъ лицъ наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 5 дней до 1 года и штрафомъ отъ 25 до 2,000 фр. или только однимъ изъ этихъ двухъ наказаній, смотря по обстоятельствамъ.

19. Обида лицамъ, означеннымъ статьями 16 и 17 настоящаго закона, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 5 дней до 1 года и штрафомъ отъ 25 до 2,000 фр. или только однимъ изъ этихъ двухъ наказаній, смотря по обстоятельствамъ. — Обида частнымъ лицамъ наказывается штрафомъ отъ 16 до 500 фр.

ГЛАВА VI.

Общія распоряженія.

24. Типографички, напечатавшіе сочиненія, авторы которыхъ подвергнутся суду по силѣ настоящаго закона, если исполнили обязанности, предписанныя закономъ 21 октября 1814 г., не могутъ быть предаваемы суду за самый фактъ напечатанія этихъ сочиненій, если не дѣйствовали умышленно.

ЗАКОНЪ 26 МАЯ 1819.

1. Преслѣдованіе преступленій и проступковъ, совершенныхъ посредствомъ печати или другимъ способомъ обнародованія, происходитъ отъ официальной власти и по требованію королевскаго прокурора, съ нижеслѣдующими видоизмѣненіями.

2. Въ случаяхъ оскорбленія обѣимъ палатамъ или одной изъ нихъ, преслѣдованіе происходитъ не иначе какъ по разрѣшенію палаты, которая сочтетъ себя оскорбленною.

3. Въ случаяхъ того же проступка противъ лица иностранныхъ государей и главъ иностранныхъ правительствъ преслѣдованіе происходитъ не иначе какъ по жалобѣ или требованію государя или главы правительства, который почтетъ себя оскорбленнымъ.

4. Въ случаѣ обезславленія или обиды правительственныхъ мѣстъ, судищъ и другихъ правительственныхъ учрежденій, преслѣдованіе происходитъ не иначе какъ по совѣщанію этихъ учрежденій въ общемъ присутствіи и по рѣшенію ихъ требовать преслѣдованія.

5. Въ случаѣ тѣхъ же проступковъ противъ облеченнаго общественною властью или служащаго лица, противъ иностраннаго дипломатическаго агента, аккредитованнаго при королѣ, или противъ частнаго лица, преслѣдованіе происходитъ не иначе какъ по жалобѣ лица, которое почтетъ себя обиженнымъ.

7. Немедленно по полученіи прокурорскаго обвинительнаго акта или по полученіи жалобы, слѣдственный судья можетъ секвестровать сочиненія, афиши,

рисунки, гравюры, эмблемы или другія средства обнародованія.—Приказъ о секвестрѣ и протоколъ секвестрованія долженъ быть въ теченіе 3-хъ дней по совершеніи секвестра объявленъ лицу, въ рукахъ котораго находился секвестрованный предметъ; иначе секвестръ теряетъ свою силу.

8. Въ теченіе 8 дней отъ вышесказаннаго объявленія слѣдственный судья обязанъ сдѣлать докладъ палатѣ совѣта, которая поступаетъ по слѣдъ уголовного слѣдственного кодекса, кн. 1-й, гл. IX-й, кромѣ измѣненій, устанавливаемыхъ ниже.

9. Если палата совѣта единогласно думаетъ, что нѣтъ основанія къ преслѣдованію, она отмѣняетъ секвестръ.

10. Въ противномъ случаѣ, или въ случаѣ протеста королевскаго прокурора или истца противъ рѣшенія палаты совѣта, слѣдственные акты немедленно передаются генералъ-прокурору, который обязанъ въ пятидневный срокъ по ихъ полученіи сдѣлать докладъ палатѣ, разсматривающей вопросы о преданіи суду, которая обязана постановить рѣшеніе въ теченіе 3-хъ дней.

11. По несоблюденію какого либо изъ этихъ сроковъ секвестръ тѣмъ самымъ уже уничтожается, и лицо, храненію котораго врученъ секвестрованный предметъ, обязано возвратить его собственнику по простому предъявленію экзекуторскаго удостовѣренія въ томъ, что распоряженія въ срокъ не сдѣлано.—Экзекуторъ обязанъ по первому требованію давать такое удостовѣреніе подъ страхомъ штрафа въ 300 франковъ и сверхъ того уплаты могущихъ быть проторей и убытковъ.

14. Проступки обезславленія и обиды посредствомъ печати частнымъ лицамъ судятся трибуналами исправительной полиціи.

20. Не дозволяется доказывать истину обезславливающихъ фактовъ, кромѣ какъ въ случаѣ взведенія ихъ на лица, облеченныя общественною властью или служащія, когда эти взводимые на нихъ факты относятся къ исполненію ими должности и совершены ими въ официальномъ характерѣ. Въ этомъ случаѣ факты могутъ быть доказываемы предъ уголовнымъ судомъ всѣми обыкновенными путями.—Доказательство взведенныхъ фактовъ ставитъ взведшее лицо въ всякаго наказанія, независимо, впрочемъ, отъ наказаній, налагаемыхъ за всякую обиду, независящую необходимо отъ этихъ самыхъ фактовъ.

23. Жалующійся на обезславленіе или обиду можетъ представлять свидѣтелей въ защиту своей нравственности. Обвиняемому имъ въ обезславленіи или обидѣ не дозволяется представлять свидѣтелей противъ нравственности жалующагося.

26. Приговоръ, осуждающій виновныхъ или соучастниковъ преступленій и проступковъ, совершенныхъ посредствомъ опубликованія, всегда долженъ повелѣвать уничтоженіе или разрушеніе секвестрованныхъ предметовъ.—Публикація приговора въ газетахъ или посредствомъ афишъ можетъ быть приговоромъ постановляема на счетъ осужденнаго.

29. Преслѣдованіе преступленій и проступковъ, совершенныхъ путемъ печати или какимъ либо другимъ способомъ публикаціи, не можетъ уже быть начинаемо по истеченіи 6 мѣсячнаго срока со времени обнародованія.

ЗАКОНЪ 9 ЮНЯ 1819.

3. Газетный залогъ исключительно назначается на издержки, протори и убытки и штрафы, которымъ могутъ подвергаться собственники или издатели. Въ случаѣ его недостаточности взысканіе производится съ имущества отвѣтственныхъ собственниковъ или издателей газеты или журнала и авторовъ и редакторовъ осужденныхъ статей.

4. Штрафы должны быть уплачены и залогъ пополненъ въ 15-дневный срокъ отъ объявленія приговора; по истеченіи 15 дней безъ пополненія залога, газета или журналъ перестаетъ выходить, пока залогъ будетъ пополненъ.

6. Кто выпуститъ въ свѣтъ газету или журналъ безъ удовлетворенія условіямъ, предписаннымъ статьею 4-ю настоящаго закона, подвергается исправительному наказанію заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 до 6 мѣсяцевъ и штрафомъ отъ 200 до 1,200 франковъ.

8. Всякая газета обязана помѣщать присылаемыя ей правительствомъ для напечатанія officialныя сообщенія на слѣдующій же день по полученіи этихъ бумагъ, подъ однимъ условіемъ уплаты издержекъ ихъ напечатанія.

9. Собственники или отвѣтственные издатели газеты или журнала или авторы, или редакторы напечатанныхъ въ немъ статей, преданныхъ суду, будутъ преслѣдуемы и судимы по формамъ и степенямъ, установленнымъ относительно всѣхъ другихъ публикацій.

10. Въ случаѣ осужденія они подвергаются тѣмъ же наказаніямъ; но штрафы могутъ быть увеличиваемы вдвое, а въ случаѣ повторенія преступленія или проступка увеличиваемы въ четыре раза, независимо отъ устанавливаемыхъ уголовнымъ кодексомъ наказаній за повтореніе проступка или преступленія.

(По проступкамъ, повтореніемъ проступка называется то, когда до истеченія года со времени перваго приговора совершается тѣмъ же лицомъ новый проступокъ (Уголовный кодексъ, ст. 483).

Уголовный кодексъ ст. 58. Виновные, осужденные на исправительное наказаніе заключеніемъ въ тюрьму болѣе чѣмъ на годъ, присуждаются, въ случаѣ новаго проступка, къ вышей мѣрѣ наказанія, установленной закономъ, и это наказаніе можетъ быть увеличиваемо вдвое. Сверхъ того они подвергаются особенному надзору правительства отъ 5 до 10 лѣтъ.

Это относится къ случаямъ, когда подвергающее наказанію дѣйствіе составляетъ по французскому закону только проступокъ, а не преступленіе, а къ повторенію преступленій относятся слѣдующія статьи:

Ст. 56. Кто, будучи осужденъ на карательное или безславящее наказаніе (безславящимъ наказаніемъ называется по французскому закону лишеніе какихъ либо правъ), совершитъ второе преступленіе, влекущее за собою потерю гражданскихъ правъ, тотъ подвергается изгнанію. Если второе преступленіе влечетъ за собою заключеніе въ тюрьму, онъ подвергается вышей мѣрѣ этого наказанія, могущей быть увеличиваемою вдвое.

Уголовный кодексъ ст. 57. Кто, будучи наказанъ за преступленіе, совершитъ проступокъ, влекущій за собою исправительное наказаніе, подвергается вышей мѣрѣ наказанія, и она можетъ быть удвоена).

12. Нарушеніе ст. 8-й наказывается штрафомъ отъ 100 до 1000 фр.

13. Преслѣдованіе за нарушеніе ст. 8-й не можетъ быть начинаемо по прошествіи трехъ мѣсяцевъ со времени нарушенія.

ЗАКОНЪ 25 МАРТА 1822.

О наказаніи.

1. Кто однимъ изъ способовъ, перечисленныхъ въ ст. закона 17 мая 1819, оскорбитъ или обратитъ въ смѣхъ государственную религію, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 3 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 300 до 6.000 фр.—Тѣмъ же наказаніемъ подвергается тотъ, кто оскорбитъ или обратитъ въ смѣхъ всякую другую религію, существованіе которой законно признано во Франціи.

4. Кто, однимъ изъ тѣхъ же способовъ, будетъ возбуждать къ ненависти или презрѣнію противъ правительства короля, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 4 лѣтъ и штрафомъ отъ 150 до 5.000 франковъ. Настоящая статья не нарушаетъ права подвергать обсужденію и порицанію дѣйствія министровъ.

5. Обезславленіе или обида, однимъ изъ тѣхъ же способовъ, правительственныхъ мѣстъ, судилищъ, законныхъ учреждений, общественныхъ властей и администраціи наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 15 дней до 2 лѣтъ и штрафомъ отъ 150 до 5.000 франковъ.

6. Публичное оскорбленіе, какимъ либо способомъ, одного или нѣсколькихъ членовъ палаты, или лица, состоящаго на службѣ, или служителя государственной религіи или какой либо изъ религій, существованіе которыхъ закономъ признано во Франціи, за его служебныя обязанности или въ его служебномъ характерѣ, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 15 дней до 2 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 4.000 франковъ. Такой же проступокъ противъ присяжнаго за его обязанности или противъ свидѣтеля за его показанія наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 10 дней до 1 года и штрафомъ отъ 50 до 3.000 франковъ.

7. Невѣрность и недобросовѣстность въ газетныхъ и журнальныхъ отчетахъ о засѣданіяхъ палаты, правительственныхъ мѣстъ и судилищъ наказывается штрафомъ отъ 1.000 до 6.000 франковъ. Въ случаѣ повторенія или когда отчетъ будетъ оскорбителенъ для той или другой палаты или для кого либо изъ норовъ и депутатовъ, или обиденъ для правительственного мѣста, судилища или кого либо изъ судебныхъ сановниковъ, присяжныхъ или свидѣтелей, — издатели газеты сверхъ того наказываются заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ. Въ тѣхъ же случаяхъ можетъ быть запрещаемо на время или навсегда собственникамъ и издателямъ осужденныхъ газеты или журнала помѣщать отчеты о законодательныхъ или судебныхъ преніяхъ. Нарушеніе этого запрещенія подвергается наказаніемъ, указаннымъ этою статьею, въ удвоенномъ размѣрѣ.

10. Кто, однимъ изъ средствъ, перечисленныхъ 1-ю статьею закона 17-го мая 1819 г., будетъ стараться нарушать общественное спокойствіе, возбуждая гражданъ къ презрѣнію или ненависти противъ какого либо класса или какихъ либо классовъ, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 15 дней до 2 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 4.000 франковъ.

11. Собственники или издатели газеты или журнала обязаны помѣщать въ 3-хъ дневный срокъ отъ полученія или въ ближайшемъ номерѣ, если изданіе не выходило до истеченія 3-хъ дневнаго срока, отвѣтъ всякаго лица, поименованнаго или обозначеннаго въ газетѣ или журналѣ, подѣ страхомъ штрафа отъ 50 до 500 фр., независимо отъ другихъ наказаній и проторей и убытковъ, могущихъ возникнуть изъ обвиненной статьи. Это помѣщеніе должно быть бесплатное, и отвѣтъ можетъ имѣть размѣръ вдвое большій статьи, на которую онъ дѣлается.

ЗАКОНЪ 18 ІЮЛЯ 1828.

1. Всякій совершеннолѣтній французъ, пользующійся гражданскими правами, можетъ, безъ предварительнаго разрѣшенія, издавать газету или журналъ, сообразуясь съ постановленіями настоящаго закона.

2. Собственники или издатели газеты или журнала обязаны до начала изданія представить залогъ.

3. Изъемяются отъ всякаго залога: 1) газеты или журналы, выходящіе только разъ въ мѣсяцъ или рѣже; 2) газеты или журналы, исключительно посвященные математическимъ, физическимъ и естественнымъ наукамъ или ученымъ трудамъ и изслѣдованіямъ, или механическимъ и свободнымъ искусствамъ, то есть наукамъ и искусствамъ, которыми занимаются академіи наукъ и словесности; 3) газеты и журналы, чуждые политикѣ и исключительно посвященные словесности или другимъ отраслямъ знанія, не обозначеннымъ выше, если выходятъ не болѣе двухъ разъ въ недѣлю; 4) періодическія изданія, чуждыя политикѣ и выходящія не на французскомъ языкѣ; 5) періодическіе листы, исключительно посвященные объявленіямъ, извѣстіямъ о дѣлахъ и прейскурантамъ.

6. Газета или журналъ, подлежащіе залогу, не могутъ издаваться безъ предварительнаго объявленія, содержащаго: 1) имя газеты или журнала и сроки выхода; 2) имя всѣхъ собственниковъ, ихъ жительство и ихъ участіе въ предпріятіи; 3) имя и мѣсто жительства отвѣтственныхъ редакторовъ; 4) заявленіе, что эти собственники и редакторы имѣютъ качества, требуемыя закономъ (качества эти опредѣляются статьею 980 гражданского кодекса слѣдующимъ образомъ: они должны быть мужнины, совершеннолѣтніе, подданные императора, пользующіеся гражданскими правами); 5) указаніе типографіи, въ которой будетъ печататься газета или журналъ; о всякой перемѣнѣ въ имени изданія, срокахъ его выхода, въ собственникахъ или отвѣтственныхъ издателяхъ, или въ типографіи должно быть заявлено власти въ теченіе 15 дней, слѣдующихъ за перемѣною. Эта обязанность лежитъ на отвѣтственныхъ редакторахъ; за неисполненіе они наказываются штрафомъ въ 500 франковъ.

8. Всякій № изданія подписывается въ корректурѣ отвѣтственнымъ редакторомъ. Этотъ подписанный экземпляръ представляется мѣстному королевскому прокурору, а въ городахъ, въ которыхъ нѣтъ трибунала первой инстанціи, мэру, подѣ страхомъ штрафа въ 500 франковъ. Въ предъявленіи подписаннаго экземпляра дается росписка. Подпись печатается на всѣхъ экземплярахъ. — Лицо подписавшее отвѣтствуетъ за содержаніе подписаннаго номера и подвергается всѣмъ наказаніямъ, могущимъ послѣдовать за него, независимо отъ

отвѣтственности автора статьи, какъ соучастника. Потому судебное преслѣдованіе можетъ быть ведено, какъ противъ лицъ, подписавшихъ нумеръ, такъ и противъ автора или авторовъ обвиненной статьи.

15. Въ случаѣ повторенія преступленія или проступка тѣмъ-же отвѣтственнымъ редакторомъ, судилища независимо отъ постановленія статьи 10-й закона 9 іюня 1819 г. могутъ, смотря по важности проступка, приостанавливать изданіе газеты или журнала на время отъ 10 дней до 2 мѣсяцевъ.

ЗАКОНЪ 8 ОКТЯБРЯ 1830.

1. Всѣ проступки, совершаемые способомъ печати, подлежатъ производству въ ассизныхъ судахъ.

6. Политическіе проступки также подлежатъ производству въ ассизныхъ судахъ.

ЗАКОНЪ 29 НОЯБРЯ 1830.

1. Нападеніе однимъ изъ способовъ, перечисленныхъ статьею 1-ю закона 17 мая 1819 г., противъ королевскаго достоинства, порядка престолонаслѣдія, правъ, имѣемыхъ королемъ по желанію французской націи и по конституціонной хартіи, противъ его конституціонной власти, неприкосновенности его особы, противъ правъ и власти палатъ, наказывается заключеніемъ въ тюрьму на время отъ 3 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ, и штрафомъ отъ 300 до 6.000 франковъ.

ЗАКОНЪ 14 ДЕКАБРЯ 1830.

2. Неизмѣнная штемпельная пошлина съ газетъ и журналовъ устанавливается въ 6 сантимовъ съ каждаго листа, величиною въ 30 квадратныхъ дециметровъ и меньше, и въ 3 сантима съ каждаго полулиста въ 15 квадратныхъ дециметровъ и меньше.—Газета или журналъ, печатаемые на полулистѣ болѣе 15 и менѣе 30 квадратныхъ дециметровъ, платятъ по прибавочному сантимѣ за каждые 5 квадратныхъ дециметровъ.—Не берется прибавочной пошлины за дробь меньшую 5 дециметровъ.—Не берется пошлины съ прибавленія, не превышающаго 30 квадратныхъ дециметровъ, выдаваемого при газетахъ, печатаемыхъ на листѣ въ 30 квадратныхъ дециметровъ и меньше.

ЗАКОНЪ 10 СЕНТЯБРЯ 1835.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О преступленіяхъ, проступкахъ и нарушеніяхъ правилъ.

1. Всякое возбужденіе однимъ изъ средствъ, перечисленныхъ въ статьѣ 1-й закона 17 мая 1819 г., къ преступленіямъ, предусмотрѣннымъ статьями 86 и 87 уголовного кодекса. будетъ ли оно имѣть послѣдствіе, или останется

безъ послѣдствій, есть преступленіе противъ государственной безопасности. — Если оно будетъ имѣть послѣдствія, то наказывается сообразно ст. 1-й закона 17 мая 1819 г. (то есть, какъ государственное преступленіе, подлежитъ наказанію, опредѣленному статьею 87-ю уголовного кодекса). — Если оно останется безъ послѣдствій, оно наказывается лишеніемъ личной свободы и штрафомъ отъ 10,000 до 50,000 франковъ.

(Уголовный кодексъ, ст. 87. Преступленіе, имѣющее цѣлью низверженіе или измѣненіе правительства, или порядка престолонаслѣдія, или возбужденіе гражданъ къ поднятію оружія противъ императорской власти, наказывается ссылкой въ крѣпость.

Ст. 88. Только исполненіе или попытка къ исполненію составляютъ преступленіе (то есть одинъ замыселъ, не сопровождавшійся никакою попыткою исполненія, не составляетъ преступленія).

Лишеніемъ свободы (detention) называется по французскому уголовному кодексу наказаніе болѣе сильное, чѣмъ простое заключеніе въ тюрьму (emprisonnement). Заключение въ тюрьму бываетъ простымъ исправительнымъ, а не уголовнымъ наказаніемъ; лишеніе свободы всегда уже уголовное наказаніе. — Заключение въ тюрьму имѣетъ сроки и очень непродолжительные, напримѣръ, нѣсколько дней; а лишеніе свободы назначается всегда на срокъ не менѣе 5 лѣтъ. Наконецъ заключеніе въ тюрьму есть заключеніе въ обыкновенную тюрьму, а лишеніе свободы есть заключеніе въ крѣпость. Вотъ опредѣленіе лишенія свободы по статьѣ 20-й уголовного кодекса. «Осужденный на лишеніе свободы запирается въ одну изъ крѣпостей, находящихся на континентальной территоріи имперіи. — Онъ имѣетъ сношенія съ лицами, находящимися въ мѣстѣ его заключенія или въѣзъ того мѣста, по полицейскимъ регламентамъ» (то есть свиданія съ нимъ и переноска его подлежатъ болѣе строгому ограниченію и надзору, чѣмъ у лица, подвергнувшагося простому заключенію въ тюрьму). «Лишеніе свободы налагается на время отъ 5 до 20 лѣтъ». — Наконецъ, по статьѣ 47 уголовного кодекса, чело- вѣкъ, подвергнувшійся лишенію свободы, остается по окончаніи своего наказанія на всю жизнь подъ надзоромъ политической полиціи, которому не подлежитъ лицо, подвергнувшееся простому заключенію).

2. Оскорбленіе королю, совершенное тѣми же способами, когда оно имѣетъ цѣлью возбудить къ ненависти и къ презрѣнію его особы или его конституціонной власти, есть преступленіе противъ государственной безопасности. Виновный въ немъ судится и наказывается по предыдущей статьѣ.

3. Всякое другое оскорбленіе королю наказывается по ст. 9 закона 17 мая 1819 г.

4. Кто переноситъ на короля порицаніе или отвѣтственность за дѣйствія его правительства, наказывается заключеніемъ въ тюрьму срокомъ отъ 1 мѣсяца до 1 года и штрафомъ отъ 500 до 5,000 франковъ.

5. Нападеніе на принципъ или форму правительства, установленнаго конституціею 1830 года, есть государственное преступленіе противъ безопасности государства, когда имѣетъ цѣлью возбудить къ низверженію или перемѣнѣ правительства. Виновный въ немъ судится и наказывается по ст. 1-й настоящаго закона.

6. Всякое другое нападеніе, предусмотрѣнное закономъ 21 ноября 1830 г., остается подлежащимъ наказанію, установленному тѣмъ закономъ.

7. Наказаніямъ, упомянутымъ въ предыдущей статьѣ, подлежатъ тѣ, которые публично признають всякую другую форму правительства, приписывая права на французскій престолъ лицамъ, навсегда изгнаннымъ по закону 10 апрѣля

1832 года (то есть Бурбонамъ старшей линіи), или кому либо кромѣ Людовика Филиппа I и его потомства; или принимая названіе республиканца, или иное несовмѣстное съ конституціею 1830 г.; или выражая желаніе, надежду или угрозу о низверженіи конституціоннаго монархическаго порядка, или о возстановленіи низложенной династіи.

8. Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ предыдущею статьею настоящаго закона и статьею 8 закона 17 мая 1819 г., судилища могутъ, смотря по обстоятельствамъ, возвышать наказаніе до двойнаго размѣра означенной въ томъ законѣ высшей степени.

9. Во всѣхъ случаяхъ обезславленія, предусмотрѣнныхъ законами, установленныя наказанія могутъ, смотря по важности обстоятельствъ, быть увеличиваемы до двойнаго размѣра высшей степени наказанія, какъ относительно заключенія въ тюрьму, такъ и относительно штрафа. — (Вверхъ того виновный можетъ быть лишамъ всѣхъ или нѣкоторыхъ правъ, перечисляемыхъ статьею 42 уголовного кодекса, на время равное сроку заключенія въ тюрьму.

(Ст. 42 уголовного кодекса приведена выше).

11. Воспрещается публично открывать или объявлять подлиски, имѣющія цѣлью вознаградить штрафы, издержки, протори и убытки, наложенныя судебными приговорами. Нарушеніе этого наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 1 года и штрафомъ отъ 500 до 5,000 франковъ.

12. Въ случаѣ вторичнаго осужденія того же отвѣтственнаго редактора или той же газеты въ теченіе одного года, судилища могутъ приостанавливать изданіе газеты на время до 4 мѣсяцевъ, если осужденіе было за преступленіе (то есть, — а не за простой проступокъ).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Объ отвѣтственномъ редакторѣ газетъ и журналовъ.

13. Залогъ вносится деньгами въ казначейство, которое платитъ по немъ проценты. Залогъ опредѣляется слѣдующій. Если газета или журналъ выходитъ болѣе двухъ разъ въ недѣлю, залогъ долженъ быть 100,000 франковъ. Онъ долженъ быть въ 75,000 фр., если газета или журналъ выходитъ только два раза въ недѣлю. Онъ долженъ быть въ 50,000 фр., если газета или журналъ выходитъ одинъ разъ въ недѣлю. Онъ долженъ быть въ 25,000 фр., если газета или журналъ выходитъ только болѣе одного раза въ мѣсяцъ. (Эти размѣры залога опредѣляются для изданій, выходящихъ въ департаментъ Сены. Сены-и-Уазы, Сены-и-Марны, т. е. въ Парижъ и его окрестностяхъ). Залогъ ежедневныхъ газетъ, выходящихъ въ другихъ департаментахъ, кромѣ трехъ поименованныхъ, долженъ быть въ 25,000 франк. въ городахъ, имѣющихъ 50,000 жителей и болѣе; онъ долженъ быть въ 15,000 фр. въ городахъ, имѣющихъ менѣе 50,000 жителей. Онъ равняется половинѣ этихъ суммъ для газетъ и журналовъ не ежедневныхъ.

14. Продолжаютъ быть изъяты отъ всякаго залога газеты и журналы, упомянутые въ статьѣ 3-й закона 18 іюля 1828 года.

15. Отвѣтственный редакторъ долженъ владѣть на свое частное имя третьею частью залога. Если эта часть подвергается уменьшенію или по частной сдѣлкѣ или по взысканію съ нея штрафа, отвѣтственный редакторъ въ теченіе 15 дневнаго срока долженъ смѣниться или пополнить эту часть; иначе изданіе останавливается.

16. По статьѣ 8-й закона 18 іюля 1828 г., отвѣтственный редакторъ обязанъ подписывать каждый нумеръ своего изданія. Нарушеніе этого правила наказывается штрафомъ отъ 500 до 3,000 франковъ.

17. Отвѣты, упоминаемые ст. 11-ю закона 25 марта 1822 г., должны быть помѣщаемы въ полномъ составѣ и бесплатно въ нумерѣ, слѣдующемъ за днемъ ихъ полученія, подъ страхомъ наказаній по сказанному закону. Но если отвѣтъ имѣетъ размѣръ, превышающій двойную длину статьи, на которую дѣлается, то за печатаніе превышающей части берется плата по такѣ объявленій.

19. Въ случаѣ заключенія въ тюрьму отвѣтственного издателя за преступленіе или проступокъ по дѣламъ печати или за нарушеніе правилъ по этимъ дѣламъ, изданіе во все время его заключенія и лишенія гражданскихъ правъ не можетъ выходить иначе, какъ съ новымъ отвѣтственнымъ редакторомъ.

ЗАКОНЪ 16—23 ІЮЛЯ 1850.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О залогахъ.

1. Для департаментовъ Сены, Сены-и-Уазы, Сены-и-Марны залогъ газетъ опредѣляется слѣдующій: если газета или журналъ выходитъ болѣе 3-хъ разъ въ недѣлю, залогъ долженъ быть 24,000 франковъ.—Онъ долженъ быть въ 18,000 франковъ, если газета выходитъ только 3 раза въ недѣлю или рѣже.—Въ городахъ, имѣющихъ 50,000 жителей и болѣе, залогъ газетъ, выходящихъ болѣе 5 разъ въ недѣлю, долженъ быть 6,000 фр. Онъ долженъ быть 3,600 фр. въ другихъ департаментахъ. Газеты и журналы, выходящіе 5 разъ въ недѣлю или рѣже, должны имѣть залогъ въ половину этихъ суммъ.

(Послѣ февральской революціи какъ залогъ, такъ и штемпельный налогъ были совершенно отмѣнены декретомъ 4 марта 1848 года).

3. Всякая статья, разсуждающая о политикѣ, философій и религіи, должна быть подписана своимъ авторомъ подъ страхомъ штрафа въ 500 фр. за первое нарушеніе, 1,000 фр. въ случаѣ его повторенія. Фальшивая подпись наказывается штрафомъ въ 1,000 фр. и заключеніемъ въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ, какъ лица, фальшиво подписавшагося, такъ и противъ автора статьи и отвѣтственнаго редактора.

4. Постановленія предыдущей статьи прилагаются ко всемъ журнальнымъ статьямъ, въ которыхъ разсуждается о дѣйствіяхъ или мнѣніяхъ гражданъ и индивидуальныхъ или коллективныхъ интересахъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

О штемпелѣ.

12. Газеты и журналы, выходящіе нумерами меньше 10 листовъ отъ 25 до 32 квадратныхъ дециметровъ или меньше 5 листовъ отъ 50 до 72 квадратныхъ дециметровъ, подвергаются штемпельной пошлинѣ. Она устанавливается въ 5 сантимовъ съ листа въ 72 квадратныхъ дециметра и меньше въ департаментахъ Сены и Сены-и-Мазы и въ два сантима съ газетъ и изданій въ другихъ департаментахъ.

(72 квадратные дециметра равняются 380 квадратнымъ вершкамъ, такъ что листъ этого размѣра будетъ имѣть около аршина въ длину или высоту и около $1\frac{1}{2}$ аршина въ ширину ($16 \times 24 = 376$). Парижскія газеты большаго формата имѣютъ листъ около 15 вершковъ въ длину или высоту и около 21 вершка въ ширину, то есть около 315 квадратныхъ вершковъ. Изъ нашихъ изданій почти таковъ форматъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостей и Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника. Размѣръ печатнаго листа нашихъ журналовъ вдвое меньше; напримѣръ, листъ Отечественныхъ Записокъ имѣетъ около 11 вершковъ въ высоту и около 14 вершковъ въ ширину, то есть около 155 квадратныхъ вершковъ).

13. За каждые 10 квадратныхъ дециметровъ или долю ихъ свыше размѣра въ 72 дециметра взимается $1\frac{1}{2}$ сантима.

14. Романъ, печатаемый въ фельетонѣ журнала или въ прибавленіи къ нему, подвергается штемпелю въ одинъ сантимъ съ нумера.

15. Штемпель служитъ франкированіемъ: штемпель въ 5 сантимовъ за пересылку и раздачу по всему пространству республики, а штемпель въ 2 сантима за пересылку и раздачу въ департаментѣ, гдѣ печатается изданіе, и въ прилежащихъ къ нему департаментахъ.

18. Прибавленіе, не превышающее 72 квадратныхъ дециметровъ, при газетахъ, выходящихъ болѣе 2-хъ разъ въ недѣлю, освобождается отъ штемпеля, если посвящено исключительно политическимъ извѣстіямъ, преніямъ законодательнаго собранія и трибуналовъ, перепечаткѣ и обсужденію правительственныхъ актовъ.

20. Уступка одного процента изъ штемпеля дѣлается издателемъ на макулатурную растрату бумаги.

22. Сборники и изданія, бывшіе изъавленными отъ штемпеля до декрета 4 марта 1848 г., останутся изъатыми отъ него.

24. За нарушеніе этихъ правилъ газетами и журналами, независимо отъ возвращенія утаенной пошлины, налагается штрафъ въ 50 франковъ за каждый не штемпелеванный листъ или часть листа. Въ случаѣ повторенія штрафъ удваивается. — Въ другихъ сочиненіяхъ (то есть въ отдѣльныхъ брошюрахъ) каждое нарушеніе наказывается, кромѣ возвращенія утаенной пошлины, штрафомъ, равнымъ удвоенной суммѣ этой пошлины и ни въ какомъ случаѣ не меньше 200 франковъ.

ДЕКРЕТЪ 31 ДЕКАБРЯ 1851—3 января 1852.

ПРЕЗИДЕНТЪ РЕСПУБЛИКИ ДЕКРЕТИРУЕТЪ:

1. Въдѣніе всѣхъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ законами о печати, передается трибуналамъ исправительной полиціи.

(То есть дѣла эти изъеются отъ суда присяжныхъ, ассизнаго суда, исключительному вѣдѣнію котораго были предоставлены прежними законами. Трибуналы исправительной полиціи имѣютъ судопроизводство гражданское и словесное, но безъ присяжныхъ).

ОРГАНИЧЕСКІЙ ДЕКРЕТЪ 17—23 ФЕВРАЛЯ 1852.

ПРЕЗИДЕНТЪ РЕСПУБЛИКИ ДЕКРЕТИРУЕТЪ:

ГЛАВА I.

О предварительномъ разрѣшеніи и залогѣ газетъ и журналовъ.

1. Никакая газета или журналъ, говорящіе о политическихъ дѣлахъ или общественной экономіи, будутъ ли они выходить въ опредѣленные сроки или выпусками въ неопредѣленные сроки, не могутъ быть основаны или издаваемы безъ предварительнаго разрѣшенія правительства. Это разрѣшеніе можетъ быть даваемо только французу, совершеннолѣтнему, пользующемуся гражданскими и политическими правами. — Предварительное разрѣшеніе правительства также необходимо для всякой перемѣны въ личностяхъ отвѣтственныхъ редакторовъ, главныхъ редакторовъ, собственниковъ или администраторовъ газеты.

4. Въ департаментахъ Сены, Сены-и-Уазы, Сены-и-Марны и Роны ¹⁾, залогъ устанавливается слѣдующій: у газетъ и журналовъ, выходящихъ болѣе 3 разъ въ недѣлю, 50,000 франковъ; у выходящихъ только 3 раза въ недѣлю, и рѣже, 30,000 франковъ. — Въ городахъ, имѣющихъ 50,000 жителей и болѣе, залогъ газетъ и журналовъ, выходящихъ болѣе 3 разъ въ недѣлю, долженъ быть 25,000 франковъ; а въ другихъ городахъ — 15,000 франковъ, и половина этихъ суммъ для изданій, выходящихъ 3 раза въ недѣлю или рѣже.

5. Изданіе газеты или журнала безъ предварительнаго разрѣшенія, безъ залога или безъ пополненія залога, наказывается штрафомъ отъ 100 до 2,000 франковъ за каждый номеръ или выпускъ, изданный съ нарушеніемъ этихъ правилъ, и заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ. — Издатель газеты или журнала и типографическіе оба подлежатъ отвѣтственности. — Газета или журналъ перестаетъ издаваться.

¹⁾ Въ департаментѣ Роны находится Ліонъ.

ГЛАВА II.

О штемпель.

6. Газеты и журналы, имѣющіе меньше 10 листовъ отъ 25 до 32 квадрат. дециметр., или меньше 5 листовъ отъ 50 до 72 квадратныхъ дециметровъ, подлежатъ штемпельной пошлинѣ. Она устанавливается въ 6 сантимовъ съ листа въ 72 квадрат. дециметровъ и меньше въ департаментахъ Сены и Сены-и-Уазы и въ 3 сантима въ другихъ департаментахъ. За каждые 10 квадрат. дециметровъ платится 1½ сантима въ департаментахъ Сены и Сены-и-Уазы и 1 сантима въ другихъ департаментахъ.

9. Непериодическія сочиненія, говорящія о политическихъ предметахъ или общественной экономіи, издаваемые однимъ или нѣсколькими выпусками меньше 10 печатныхъ листовъ отъ 25 до 32 квадратныхъ дециметровъ, подвергаются штемпелю въ 5 сантимовъ съ листа. За каждые 10 квадратныхъ дециметровъ и каждую дробь ихъ сверхъ этой величины платится 1½ сантима.

11. Нарушеніе этихъ правилъ въ газетахъ и журналахъ наказывается независимо отъ уплаты утаенной пошлины штрафомъ въ 50 франковъ съ cadaго листа или части листа безъ штемеля. Сумма штрафа не можетъ превосходить цифру залога. Въ другихъ периодическихъ изданіяхъ нарушеніе, независимо отъ уплаты утаенной пошлины, наказывается штрафомъ, равнымъ удвоенной суммѣ пошлины. Этотъ штрафъ не можетъ быть меньше 200 фр., ни выше 50,000 фр.

13. Сверхъ штемпельной пошлины, опредѣляемой настоящимъ закономъ, восстанавливается плата за пересылку по почтѣ, существовавшая до закона 16 іюля 1850 года.

ГЛАВА III.

Проступки и нарушенія правилъ, не предусмотрѣнные прежними законами.—Подвѣдомственность дѣлъ.—Право приостановки и запрещенія.

15. Обнародованіе или перепечатка ложныхъ извѣстій, подложныхъ, измѣненныхъ или лживо-принимаваемыхъ кому либо документовъ наказывается штрафомъ отъ 50 до 1,000 франковъ.—Если обнародованіе или перепечатка сдѣланы злоумышленно или могутъ нарушить общественное спокойствіе, они наказываются заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 1 года и штрафомъ отъ 500 до 1,000 франковъ. Если обнародованіе или перепечатка и сдѣланы злоумышленно и могутъ нарушить общественное спокойствіе, то опредѣляется высшій размѣръ этого наказанія.

17. Запрещается печатать отчеты о процессахъ по проступкамъ въ дѣлахъ печати; но приговоръ во всякомъ случаѣ можетъ быть публикованъ. Судилища могутъ запрещать печатаніе отчетовъ о процессахъ во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ, исправительной полиціи и уголовныхъ. Это запрещеніе не примѣняется къ приговору, который всегда можетъ быть публикованъ.

18. Нарушеніе статьи 17 настоящаго закона наказывается штрафомъ отъ 50 до 5,000 франковъ, независимо отъ наказаній, устанавливаемыхъ закономъ за то, если отчетъ не вѣренъ и злонамѣренъ.

19. Ответственный издатель обязан помѣщать на первомъ мѣстѣ въ газетѣ официальные документы, подлинныя свѣдѣнія, отчеты и исправленія, присылаемые ему официальнымъ лицомъ. Они должны печататься въ 1-мъ номерѣ, выходящемъ послѣ дня полученія бумагъ.—Печатаются они бесплатно.—Нарушеніе наказывается штрафомъ отъ 50 до 1,000 франкъ. Сверхъ того, газета можетъ быть приостановлена въ изданіи административнымъ путемъ на время, не превышающее 15 дней.

20. Если обнародованіе газеты или журнала, приостановленныхъ или запрещенныхъ административнымъ путемъ, продолжается подъ тѣмъ же заглавіемъ или подъ прикрытымъ заглавіемъ, авторы, ответственные редакторы или типографщики подвергаются тюремному заключенію срокомъ отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ, и всѣ совокупно штрафу отъ 500 до 3,000 франковъ за каждый номеръ или листъ, изданный съ нарушеніемъ правилъ.

21. Запрещается печатаніе всякой статьи о политическихъ предметахъ или общественной экономіи, и написанной лицомъ, осужденнымъ на карательное и безчестящее или только на безчестящее наказаніе.—Издатели, ответственные редакторы, типографщики, содѣйствовавшіе этому напечатанію, наказываются всѣ совокупно штрафомъ отъ 1,000 до 5,000 франковъ.

(Уголовный кодексъ ст. 7. Карательныя и безчестящія наказанія суть: 1) смертная казнь, 2) вѣчная каторга, 3) ссылка, 4) временная каторга, 5) лишеніе свободы, 6) заключеніе въ смиренный домъ.

Наказанія безчестящія суть: 1) изгнаніе, 2) лишеніе гражданскихъ правъ.

Приведемъ нѣкоторые примѣры тому, за какія преступленія человекъ подвергается одному изъ этихъ наказаній. Угол. Код. ст. 305. «Письменная угроза убійствомъ наказывается каторжною работою, если сопровождалась приказаніемъ исполнить что-либо».

Ст. 309. «Заключеніемъ въ смиренный домъ наказывается всякій, кто нанесъ раны или удары, если оттого произошла болѣзнь или неспособность заниматься трудомъ болѣе нежели въ теченіе 20 лѣтъ.—Если удары или раны, нанесенныя безъ намѣренія причинить смерть, причинять ее, виновный наказывается временною каторжною работою.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что карательному и безчестящему наказанію можетъ подвергнуться человекъ за поступокъ, совершенный въ порывѣ страсти или по случайному стеченію обстоятельствъ и нимало не свидѣтельствующій противъ способности его вообще разсуждать о дѣлахъ здравымъ и спокойнымъ образомъ).

24. Кто занимается книжною торговлею безъ полученія патента, требуемаго 11-ю статьею закона 2 окт. 1814 г., наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 2,000 франковъ. Его заведеніе закрывается.

25. Трибуналами исправительной полиціи судятся: 1) проступки, совершаемые способомъ печати по ст. 1-й закона 17 мая 1819 г. и подлежавшіе прежде ассизному суду; 2) нарушенія правилъ о печати, предусмотрѣнными прежними законами; 3) проступки и нарушенія, поименованныя въ настоящемъ законѣ.

28. Представленіе свидѣтелей для доказательства дѣйствительности фактовъ, обидныхъ или безславящихъ, ни въ какомъ случаѣ не допускается.

32. Одно осужденіе за преступленіе, совершенное посредствомъ печати, два осужденія за проступки или нарушенія правилъ, совершенныя въ теченіе двухъ лѣтъ, безусловно влекутъ за собою запрещеніе газеты, ответственный

редакторъ которой былъ осужденъ.—Послѣ осужденія за проступокъ или нарушение правилъ по дѣламъ печати, правительство въ теченіе двухмѣсячнаго срока можетъ опредѣлить или временную пріостановку или запрещеніе газеты.—Газета можетъ быть пріостановлена министерскимъ рѣшеніемъ, хотя бы и не подвергалась никакому осужденію, послѣ двухъ мотивированныхъ предупрежденій, на срокъ не свыше двухъ мѣсяцевъ.—Послѣ судебной или административной пріостановки, также можетъ быть запрещена, но только особеннымъ декретомъ императора по соображенію общественной безопасности.

ГЛАВА VI.

Переходныя мѣры.

33. Собственники существующихъ нынѣ газетъ и журналовъ освобождаются отъ надобности въ разрѣшеніи, требуемомъ статьею 1-ю настоящаго закона.

ЗАКОНЪ 27 ФЕВРАЛЯ—2 МАРТА 1858.

1. Кто какимъ-бы то ни было способомъ будетъ публично возбуждать къ преступленіямъ, поименованнымъ въ статьяхъ 86 и 87 уголовного кодекса, если это возбужденіе останется безъ послѣдствій, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 2 до 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 500 до 10,000 франковъ.

(86 ст. Уголовнаго кодекса говорить о преступленіяхъ лица противъ императора и особъ императорской фамиліи.—Статья 87 уголовного кодекса приведена выше).

2. Кто, съ цѣлью нарушить общественное спокойствіе или возбудить къ ненависти или презрѣнію противъ императорскаго правительства, ведетъ интриги или сношенія въ предѣлахъ или за предѣлами имперіи, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 2,000 франковъ.

4. Лица, осужденныя по предыдущимъ статьямъ, могутъ быть лишены всѣхъ или нѣкоторыхъ правъ, поименованныхъ въ 42 ст. уголовного кодекса, на время, равное сроку тюремнаго заключенія, которому подверглись.

5. Всякое лицо, осужденное за одинъ изъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ настоящимъ закономъ, можетъ быть для огражденія общей безопасности отправляемо на безвыѣздное жительство въ одинъ изъ департаментовъ имперіи или въ Алжирію или изгоняемо изъ французской территоріи.

8. Власть, даваемая правительству 5-ю статьею настоящаго закона, должна прекратиться 31 марта 1865 г., если не будетъ возобновлена до того времени.

Мы пожертвовали почти полтора печатными листами ¹⁾ на скучный и по настоящему лишній переводъ, котораго почти никто не прочтетъ; за то теперь, имѣя возможность отправлять каждаго недовѣрчиваго читателя за справками къ предъидущимъ страницамъ, мы чувствуемъ себя въ правѣ утверждать, что выводы изъ изученія французскихъ законовъ по дѣламъ печати, представляемые нами здѣсь, не подлежатъ никакому дѣльному опроверженію.

Во-первыхъ, мы не хотимъ пропустить безъ вниманія цифръ годовъ и мѣсяцевъ, выставленныхъ на этихъ законахъ.

Первые шесть законовъ принадлежатъ эпохѣ реставраціи (21 октября 1814; 17 мая 1819; 26 мая 1819; 9 іюня 1819; 25 марта 1822; 18 іюля 1828). Извѣстно, въ какомъ отношеніи къ націи находилось правительство реставраціи. Оно было установлено во Франціи иностранцами, завоевавшими Францію. Мы не говоримъ о томъ, хорошо или дурно оно было само по себѣ,—это уже все равно послѣ такого факта, какъ происхожденіе отъ иностранныхъ завоевателей. Вообразимъ себѣ, что какое нибудь учрежденіе было бы установлено Наполеономъ I въ 1812 въ русскихъ провинціяхъ, которыя онъ занялъ своими войсками. Будь это учрежденіе очень хорошо само по себѣ, мы русскіе немедленно постарались бы уничтожить его, замѣнить чѣмъ угодно, лучшимъ ли, худшимъ ли, только замѣнить чѣмъ нибудь своимъ, не наложеннымъ на насъ волею иностраннаго завоевателя. Точно таково было отношеніе французской націи къ правительству реставраціи. Она все время только и думала о томъ, чтобы уничтожить его. Оно очень хорошо чувствовало это: оно понимало, что ему надобно опасаться французовъ, держать себя съ управляемою націею какъ націею враждебною ему. Оно не могло существовать иначе, какъ подавляя національныя чувства.

Это несчастное положеніе продиктовало реставраціонные законы по дѣламъ печати. Вотъ почему ремесло типографщика было подчинено особенному надзору, вотъ откуда взялась надобность, чтобы никто безъ особеннаго разрѣшенія не могъ завести типографію или открыть книжную лавку (Законъ 21 октября 1814, ст. 11). Французы вообще были враги французскаго правительства. Безъ выбора допускать каждому желающему заводить типографію или книжную лавку, значило бы увидѣть, что изъ тысячи типографій и книжныхъ лавокъ девятьсотъ девяносто принадлежатъ врагамъ правительства (какъ изъ тысячи ткацкихъ станковъ, изъ тысячи конюшескихъ прилавокъ, за девятьюстами девяносто станками и прилавками сидѣли враги правительства). Люди, согласные не то что поддерживать, а хотя бы равнодушно переносить тогдашнее правительство, были во Франціи исключеніями,—стало-быть, допускать людей становиться хозяевами типографій и книжныхъ лавокъ можно было только по выбору.—Но правительство было такъ ненавистно и образованному обществу и простому народу, что не могло рассчитывать на постоянство и этихъ немногихъ избранныхъ въ ихъ преданности: они вѣдь были люди, они могли поддаться общему чувству, которое втолковывали имъ всѣ встрѣчные и поперечные,—стало-быть, необходима была предосторожность противъ измѣны въ этихъ немногихъ избранныхъ. Вотъ откуда возникло постановленіе, что разрѣшеніе содержать типо-

¹⁾ По «Современнику». Примѣч. издателя.

графію можетъ быть отнято во всякое время (тотъ же законъ, ст. 12). Но какъ сдѣлать, чтобы всегда могъ найтись благовидный предлогъ къ отнятію разрѣшенія?—Для этого были составлены правила, изложенныя въ статьяхъ 14-той и слѣдующихъ того же закона. Затеряйся какая-нибудь квитанція, окажись на какомъ нибудь листѣ по оплошности наборщика несправность въ имени или адресѣ типографщика, попадись какая нибудь книжонка безъ этого имени и адреса,—вотъ и есть по закону предлогъ закрыть типографію или книжную лавку.

По этой же самой причинѣ нужны были спеціальныя законы для огражденія правительственныхъ лицъ (законъ 17 мая 1819 г.). Если бы нація была не то что привержена, а хотя равнодушна къ правительству, не у многихъ являлась бы охота оскорблять печатнымъ словомъ короля или его родственниковъ или его министровъ и ихъ чиновниковъ.—если люди равнодушны къ кому нибудь, то они никому не допустятъ оскорблять его безнаказанно: поднимается въ обществѣ гвалтъ противъ обидчика, и человекъ, къ которому прежде было оно безучастно, сдѣлается предметомъ сочувствія, когда оскорбленъ кто нибудь. Для охраненія каждаго, не находящагося въ особенной непріязни съ обществомъ, достаточно общихъ законовъ. Но французскія правительственныя лица время реставраціи находились въ исключительно непріязненныхъ отношеніяхъ къ обществу, потому для ихъ охраненія и нужны были исключительныя законы (тотъ же законъ, ст. 9, 10, 11, 16). Только въ соответствии этимъ статьямъ явились и исключительныя наказанія для охраненія иностранныхъ правительствъ (тотъ же законъ, ст. 12, 17)—неловко было бы не сдѣлать въ пользу другихъ правительствъ такой же привилегіи, какъ въ свою пользу.—Только отъ этой же причины явилась надобность и въ спеціальному законѣ для охраненія религіи и нравственности (тотъ же законъ, ст. 8)—правительство покровительствовало клерикальной партіи, потому католическая церковь раздѣляла непопулярность правительства; а нравственность поставлена тутъ лишь для благозвучія,—нельзя же, упомянувъ о религіи, не замолвить слова и за нравственность.

Если бы не эти исключительныя обстоятельства и соображенія, не было бы никакой нужды въ дѣломъ законѣ 17 мая 1819,—не къ чему было бы постановлять особеннымъ закономъ, что дѣйствія, объявляемыя въ уголовномъ кодексѣ преступленіями и проступками, подвергаются наказанію, когда совершаются способомъ печати (тотъ же законъ, ст. 1)—вѣдь ужъ опредѣлить уголовный кодексъ, т. е. общій законъ, что эти дѣйствія, какимъ бы способомъ ни совершались, все равно преступны; такъ что же еще толковать о нихъ? Но дѣло въ томъ, что общественная мысль была непріязненна правительству, и надобно было сдѣлать новыя постановленія, чтобы подвести подъ наказаніе какъ можно большее число ея проявленій и чтобы наказывать ихъ какъ можно сильнѣе. Для этой послѣдней цѣли даже придумано было странное средство, противорѣчащее коренному правилу юриспруденціи, постановляющему, что за одно преступленіе двухъ наказаній не бываетъ. Въ общемъ законѣ это правило соблюдено. Напримѣръ, за оскорбленіе официального лица при исполненіи его обязанностей общій законъ постановляетъ заключеніе въ тюрьму отъ 1-го до 6-ти мѣсяцевъ (Уголовный кодексъ, ст. 243).—Законъ 17 мая 1819 г. говорить,

что такое оскорбленіе, нанесенное способомъ печати, подвергается сверхъ заключенія въ тюрьму еще денежному штрафу; да и тюремное заключеніе доводится до полутора года вмѣсто общаго полугодового срока (ст. 16). Вообще всѣ наказанія въ законѣ 17 мая 1819 г. двойны: заключеніе въ тюрьму само по себѣ, да сверхъ того денежный штрафъ. Откуда эта надобность? Очевидно откуда: главная сила заключенія въ тюрьму состоитъ въ томъ, что общество теряетъ часть уваженія къ человѣку, сидѣвшему въ тюрьмѣ; но въ дѣлахъ, за которыя хотѣлъ наказывать законъ 17 мая 1819 г., общество сочувствовало человѣку, запираемому за нихъ въ тюрьму, и уваженіе къ нему не уменьшалось, а увеличивалось отъ этого наказанія; вотъ и оказывалось оно недостаточнымъ,—его не стыдились и потому мало боялись; значитъ, нужно было бить по карману.

Но всего этого было еще недостаточно. Правительство находилось въ такой непопулярности, что не могло быть увѣрено даже въ готовности судищъ заступаться за него. Судьи опять-таки были люди, могли поддаться общественному мнѣнію, не признать преступленіемъ такого дѣйствія, которому сочувствовала вся нація. Поэтому нужно было отыскать для преданія суду и для денежныхъ штрафовъ такой предлогъ, который былъ бы чуждъ правительственной непопулярности. Вотъ и былъ поставленъ спеціальныи законъ о наказаніяхъ за «обезславленіе частныхъ лицъ, опять съ денежными штрафами. Теперь было достаточно попасть въ газету какому нибудь слову о какомъ нибудь купцѣ, что онъ продаетъ товары дорого или дурнаго качества,—вотъ и готово наказаніе (законъ 17 мая 1819 г., ст. 13 и 18). А чтобы нельзя было избавиться отъ наказанія доказательствомъ справедливости порицанія, постановлено было, что доказательства справедливости не принимаются въ оправданіе (законъ 26 мая, ст. 23).

Но всего этого было мало,—вѣдь наказанія и штрафы все-таки—частные случаи, постигающіе только отдѣльные лица и изданія; а правительство имѣло противъ себя всю націю и всѣ проявленія національной мысли, то есть и всю литературу. Надобно было принять общія мѣры противъ всей этой отрасли дѣятельности, постараться вообще подрѣзать ее. Для этого послужили залогъ и штемпель. Залогъ отнималъ возможность дѣятельности у лицъ, не располагающихъ значительнымъ количествомъ наличныхъ свободныхъ денегъ, то есть у огромнаго большинства людей. Штемпель возвышалъ цѣну газетъ и брошюръ, то есть уменьшалъ распространенность ихъ въ публикѣ.

Кажется, было довольно. Но оказалось мало: законъ 25 марта 1822 г. постарался увеличить число дѣйствій, за которыя можно было наказывать, и увеличилъ мѣру наказаній. Извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ былъ изданъ онъ. Фанатикъ изъ простолюдиновъ закололъ герцога беррійскаго. Человѣкъ этотъ не имѣлъ никакой связи ни съ кѣмъ изъ литературнаго или хотя бы вообще образованнаго общества. Экзальтированная ненависть его къ Вурбонамъ развилась безъ всякой помощи какого бы то ни было чтенія. Его ожесточили матеріальныя страданія простолюдиновъ, высококомѣрные поступки чиновниковъ и другихъ людей правительственной партіи. Но ужасъ, наведенный его дѣломъ на правительственную партію, затмилъ въ ней всякую разсудительность: она провозгласила соучастниками въ его дѣлѣ не только литераторовъ, но и близ-

кихъ къ королю придворныхъ, которыми была недовольна, въ томъ числѣ министра Деказа, личнаго друга королю. Деказъ и всѣ другіе сколько нибудь разсудительные люди были выгнаны изъ дворца и правительства, а литература подвергнута новымъ стѣсненіямъ.

Какую пользу принесло все это, извѣстно каждому. Бурбоны пали. Но Людовикъ-Филиппъ, занявшій ихъ мѣсто, захватилъ власть путемъ не очень чистымъ,—онъ интриговалъ противъ Бурбоновъ, выказывая имъ величайшую преданность на словахъ; онъ точно такъ же обманывалъ и враговъ прежняго правительства, которые скоро увидѣли, что вручили власть лицу, не думающему исполнить данныхъ обѣщаній. А для массы народа ничего не было сдѣлано, и ею овладѣла досада на то, что она перемѣнила правительство совершенно безуспѣшно. Такимъ образомъ Людовикъ-Филиппъ сталъ и къ образованному обществу и къ націи точно въ такое же положеніе, въ какомъ были Бурбоны: число людей не только преданныхъ правительству, а хотя бы только согласныхъ переносить его, было очень не велико сравнительно съ массою французовъ, непріязненныхъ ему. Поэтому и должны были оставаться законы, стѣснявшіе проявленіе національной мысли.

Скоро они были усилены новымъ закономъ 9 сентября 1835 г. Это постановленіе было издано при такихъ обстоятельствахъ. Два-три фанатика, опять изъ простоподиновъ, не имѣвшихъ ни связей въ литературномъ или образованномъ обществѣ, ни привычки къ чтенію, покушались на жизнь короля. Панический страхъ, овладѣвшій правительственною партіею, внушилъ ей, что прежнія мѣры для стѣсненія политической жизни и для огражденія правительства отъ покушеній недостаточны. Отсюда новыя стѣсненія для журналистики, хотя она и ровно ничѣмъ не участвовала въ покушеніяхъ.

Но сваливанье всей бѣды на журналистику было такою очевидною натишкою, что самому правительству, несмотря на его паническое ослѣпленіе, чувствовалась недостаточность стѣсненій для своего укрѣпленія. Оно чувствовало, что слабость его и опасности для него возникаютъ не отъ журналистики, а совершенно отъ другаго обстоятельства: оно не имѣло приверженцевъ въ націи; надобно было придумать что нибудь, чтобы пріобрѣсти ихъ. По внушенію этого инстинкта, оно попробовало склонять общество на свою сторону доказываніемъ, что семейное спокойствіе, безопасность собственности и всѣ матеріальные интересы связаны съ существованіемъ тогдашнихъ правительственныхъ формъ: что ихъ потрясеніе было бы равнозначительно междоусобной войнѣ между сословіями. Отсюда и въ законы по дѣламъ печати проникла надобность въ спеціальномъ постановленіи, ограждающемъ собственность и доброе согласіе между различными классами (законъ 9 сентября 1835 г., ст. 8). Спеціальныя наказанія проступковъ посредствомъ печати по этимъ вещамъ были просто средствомъ доказывать обществу, что существовавшее правительство должно считаться за привилегированную партію защитниковъ собственности.

Дальнѣйшія усиленія стѣснительныхъ мѣръ по дѣламъ печати почти не нуждаются въ объясненіяхъ, потому что еще всѣмъ памяты событія, изъ которыхъ они возникли.

Декретомъ 4 марта 1848 г. (вслѣдствіе февральской революціи) были уничтожены стѣсненія литературной дѣятельности, въ томъ числѣ залогъ и

штемпель. Эта мѣра объясняется мнѣніемъ тогдашняго правительства, что на его сторонѣ масса націи и что общественное мнѣніе въ его пользу.—Намъ нѣтъ надобности разбирать, каковы были отношенія и событія, вслѣдствіе которыхъ выборъ президента республики и потомъ выборы депутатовъ въ законодательное собраніе произошли въ направленіи, противномъ существовавшимъ формамъ. Для нашей цѣли достаточно знать тотъ фактъ, что президентомъ республики было избрано лицо, считавшее нужнымъ учредить на мѣсто республики имперію, а большинство новаго собранія составилось изъ лицъ, считавшихъ нужнымъ возстановить королевскую власть, которую одни изъ этихъ лицъ хотѣли возвратить Бурбонамъ, а другіе Орлеанскому дому. Такимъ образомъ обѣ отрасли правительственной власти, исполнительная и законодательная, стремились къ низверженію существовавшей правительственной формы; общество отъ этого тревожилось ожиданіемъ новой катастрофы, которая казалась тѣмъ страшнѣе, что въ самомъ правительствѣ шла борьба между тремя партіями, думавшими сражаться между собой во время катастрофы: эта борьба повидимому должна была удлинитъ катастрофу, довести ее до продолжительной междоусобицы. Страхась этого бѣдствія, общество становилось въ непріязнь къ правительству, приводившему своими дѣйствіями къ такой развязкѣ. Понятно послѣ того, что правительство нашло нужнымъ стѣснить проявленія общественного мнѣнія.—и вотъ объясненіе декрета 16 іюля 1850 г., возстановившаго залогъ и штемпель. Придуманы были даже новыя мѣры стѣсненія; изъ нихъ особенно важно было постановленіе, чтобы каждая статья, имѣющая отношеніе къ политикѣ, была подписана авторомъ. Въ этомъ не было надобности для цѣлей, собственно карательныхъ: ни одинъ, сколько нибудь замѣтный писатель никогда не прятался за анонимность, если его неподписанная статья предавалась суду. Но анонимность статей нужна была газетамъ для того, чтобы являться представителями направленія цѣлой извѣстной партіи, а не выраженіемъ личныхъ взглядовъ того или другаго писателя. Неподписанная статья—мнѣніе самой газеты и всѣхъ лицъ, сочувствующихъ газетѣ; это общее значеніе пропадаетъ въ личномъ характерѣ мнѣнія, если статья подписана. И такъ постановленіе о необходимости подписей служить однимъ изъ безспорныхъ признаковъ того, что законъ 16 іюля 1850 года былъ порожденъ не другими какими нибудь соображеніями, а именно тѣмъ, что правительство чувствовало необходимость ослабить журналистику, какъ представительницу враждебнаго ему общественного мнѣнія.

Но при всемъ желаніи подавить ее, тогдашнее правительство находило надобность показывать, что оно считаетъ себя болѣе популярнымъ, чѣмъ до-революціонное орлеанское правительство. Потому въ законъ 16 іюля 1850 г. были введены нѣкоторые правила, смягчавшія суровость мѣръ, принимаемыхъ противъ журналистики. Напримѣръ: штемпель возстановленъ въ размѣрѣ, нѣсколько меньшемъ прежняго: прежде бралось 6 сантимовъ съ листа въ 30 квадратныхъ дециметровъ (законъ 14 декабря 1830 г.), теперь только 5 сантимовъ съ допущеніемъ листа слишкомъ вдвое большаго формата (законъ 16 іюля 1850 г.). При этомъ штемпель возстановился подъ видомъ платы за пересылку газеты по почтѣ (тотъ же законъ, ст. 15), а не просто въ прежнемъ видѣ чистаго налога. Залогъ былъ возстановленъ въ размѣрѣ гораздо меньшемъ прежняго. Прежде ежедневная газета въ Парижѣ должна была представлять

100.000 франковъ залога (законъ 10 сентября 1835 г., ст. 13): теперь отъ нея требовалось только 24,000 фр. залога.

Вскорѣ произошла перемѣна, поставившая правительство въ необходимость принять болѣе сильныя мѣры противъ выраженій общественнаго мнѣнія. Послѣ катастрофы 2 декабря 1851 г. президентъ республики, уничтожившій парламентскую форму правленія и потому имѣвшій своими врагами всѣхъ приверженцевъ этой формы, долженъ былъ устранить присяжныхъ отъ рѣшенія процессовъ по дѣламъ печати, потому что судъ присяжныхъ не казался достаточно отражающимъ новое правительство (декретъ 31 декабря 1851). Такимъ образомъ журналистика была отдана подъ власть судей, назначаемыхъ самимъ правительствомъ.

То отношеніе правительства къ общественному мнѣнію, которое рѣшительно обрисовалось послѣ катастрофы 2 декабря, оказалось немимолетнымъ явленіемъ, какъ надѣялось новое правительство: неприязнь не ослабѣвала, а оставалась непреклонна. Потому правительство убѣдилось въ необходимости болѣе сильныхъ мѣръ для обузданія общественнаго мнѣнія и принуждено было издать декретъ 17 февраля 1852 г., дававшій ему безусловную власть надъ журналисткой. Кромѣ полного возстановленія всѣхъ стѣснительныхъ мѣръ, существовавшихъ при Орлеанскомъ домѣ, и кромѣ новыхъ мѣръ, установленныхъ закономъ 16 іюля 1850 г., декретъ 17 февраля 1852 г. окончательно устанавливаетъ устраненіе суда присяжныхъ отъ всякихъ дѣлъ по печати и, находя недостаточнымъ даже то обезпеченіе, какое дается правительству преданностью судей, назначаемыхъ самимъ правительствомъ, предоставляетъ уже чисто административнымъ сановникамъ пріостановлять изданіе газетъ или журналовъ и запрещать ихъ безъ суда и слѣдствія. (Декретъ 17 февраля 1852 г.; ст. 32).

Наконецъ послѣ орснѣвскаго дѣла понадобилось правительству еще болѣе дѣйствительное средство для огражденія своей безопасности, и декретъ 2 марта 1858 г. постановилъ, что оно имѣетъ право въ случаѣ нужды отсылать на жительство въ отдаленную провинцію или въ Аліпрію каждое лицо, заслужившее его неблагосклонность.

На этомъ общемъ очеркѣ происхожденія французскихъ законовъ по дѣламъ печати мы пока и остановимся. Они могли бы казаться странными, еслибы мы стали разсматривать ихъ съ какой нибудь другой точки зрѣнія, кромѣ чисто исторической. Перечитайте всѣ ихъ,—вы увидите въ нихъ только одно желаніе: по возможности затруднять и стѣснить литературную дѣятельность. Но что-же дѣлать,—это было необходимо для французскихъ правительствъ по ихъ отношенію къ націи и къ общественному мнѣнію; потому съ исторической точки зрѣнія, которую старались мы разъяснить, эти законы совершенно естественны. Если правительство Бурбоновъ, потомъ правительство Людовика-Филиппа, потомъ правительство, возникшее послѣ февральской республики—чувствовали себя неконулярными, имѣющими противъ себя общественное мнѣніе, то нельзя находить, что они были неспособовательны, принимая всевозможныя мѣры противъ обнаруженія общественнаго мнѣнія. Для этой цѣли дѣйствительно очень хорошими средствами надобно признать и залогъ, и итемнелъ, и выдачу снѣгальнаго

разрѣшенія на открытіе типографій съ правомъ отнимать это разрѣшеніе, и спеціальныя законы о проступкахъ по дѣламъ печати, и право административной власти приостанавливать и запрещать газеты и журналы. Если бы французскія правительства могли считать себя имѣющими общественное мнѣніе на своей сторонѣ, могли думать, что нація имѣетъ преданность или хотя довѣріе къ нимъ, тогда дѣйствительно они могли бы обойтись безъ этихъ спеціальныхъ законовъ. Вѣдь для огражденія собственности короля Людовика-Филиппа, или бывшаго президента республики, или нынѣшняго императора французовъ, или ихъ министровъ, или ихъ судей и чиновниковъ не требуется никакихъ спеціальныхъ законовъ, потому что въ этихъ случаяхъ общественное мнѣніе на ихъ сторонѣ: воръ, укравшій деньги у министра или чиновника, не поддерживается общественнымъ мнѣніемъ, потому не нужно противъ него исключительныхъ законовъ. Но власть французскаго правительства не ограждается общественнымъ мнѣніемъ, и потому для ея безопасности дѣйствительно необходимы исключительныя мѣры.

Мы не имѣемъ ни времени, ни охоты разобрать здѣсь, до какой степени положеніе другихъ континентальныхъ западныхъ правительствъ сходно съ положеніемъ французскаго и до какой степени необходимы для нихъ исключительныя законы по дѣламъ печати, дѣйствительно необходимые для французскаго правительства: мы не будемъ разбирать потому, что подобное изслѣдованіе было бы совершенно напрасно: мы уже говорили, что Франція, какъ передовая страна, имѣетъ неотразимое вліяніе всѣми и хорошими и дурными сторонами своей жизни на другія континентальныя страны западной Европы и что по самому превосходству ея надъ ними въ огромномъ количествѣ выработаннаго ею хорошаго, не могутъ онѣ не заимствовать изъ нея и довольно много дурнаго. Что дѣлать? Тутъ еще не отъ чего унывать.

По той же самой причинѣ мы не будемъ разбирать теперь вопроса, до какой степени нужны были бы у насъ спеціальныя законы по дѣламъ печати. Еслибъ и оказалось, что они не нужны, все-таки изъ этого вывода ровно ничего не вышло бы. Мы все-таки не обошлись бы безъ нихъ. А что, если бы оказалось, что они дѣйствительно нужны у насъ? Тогда мы вновь заслужили бы имя обскурантовъ, враговъ прогресса, ненавистниковъ свободы, панегиристовъ деспотизма и т. д., какъ уже много разъ подвергали себя такому нареканію. Вотъ другая и, по правдѣ сказать, важнѣйшая причина тому, что мы не хотимъ изслѣдовать вопроса о надобности или ненадобности спеціальныхъ законовъ по дѣламъ печати у насъ: мы опасаемся, что добросовѣстное изслѣдованіе привело бы насъ къ отвѣту: да, они нужны.

Литературная собственность.

(ФАНТАЗИЯ).

До изобрѣтенія книгопечатанія, т. е. пока единственнымъ средствомъ распространенія сочиненій служила переписка ихъ, — не существовало и авторскаго права. Напротивъ, переписка была не только свободна, но ея покровительствовали законодательными мѣрами. Случилось иначе, когда явилось книгопечатаніе. Легкость и дешевизна, съ какою можно было увеличивать число экземпляровъ, и быстрое увеличеніе запроса на книги придали новое значеніе писателямъ. Литература стала средствомъ денежнаго выигрыша, получила меркантильный характеръ, и авторы начали или издавать сами свои сочиненія, чisto въ коммерческихъ видахъ, или же продавали сочиненія особымъ издателямъ.

Но скоро и авторамъ и издателямъ стала грозить опасность. Явилось третье лицо, находившее выгоднымъ заняться перепечаткой, конкуррировать съ издателемъ. Издатель, платя автору за трудъ, рисковалъ капиталомъ, не зная навѣрно, пойдетъ ли изданіе и какія дастъ выгоды. Перепечатчикъ же, не рискуя ничѣмъ, только выискивалъ, и если видѣлъ, что запросъ на сочиненіе хорошъ, перепечатывалъ его и пускалъ въ продажу.

Обычай перепечатки распространился очень быстро, и люди, которые могли страдать отъ него, старались, разумѣется, принять всѣ мѣры, чтобы защитить себя отъ такой опасной конкуренціи. И Мартинъ Лютеръ, въ числѣ прочихъ, возставалъ противъ перепечатчиковъ и прикрываясь текстами изъ посланій апостола Павла и авторитетомъ Соломона, называлъ ихъ, т. е. перепечатчиковъ, безъ всякой церемоніи ворами и разбойниками.

Все это однако не помогало. Нѣмцы чувствовали, что кромѣ ругательствъ нужно придумать что нибудь другое, болѣе дѣйствительное, и остановились на мысли искать защиты въ законѣ. Начались справки въ римскомъ правѣ — нѣмцамъ нуженъ былъ юридическій авторитетъ. — но оказалось, что римляне не знали книгопечатанія, и перепечатки у нихъ не существовало. Когда ни уголовное, ни гражданское римское право не дало отвѣта, обратились къ каноническому праву, къ обычаю, къ тому, что на русскомъ административномъ языкѣ называется «бывшими примѣрами», но нигдѣ не находили разрѣшенія этого

вопроса. Причина неудачи понятна:—искали отвѣта тамъ, гдѣ его и нельзя было найти, потому что новые интересы, которые хотѣли защищать, явились вслѣдствіе новыхъ, небывалыхъ прежде условій, созданныхъ новымъ изобрѣтеніемъ.

Тогда придумали привилегіи, т. е. стали защищать литературные интересы исключеніями, такъ какъ существующее право ничѣмъ ихъ не защищало.

Подобныя привилегіи появляются въ Европѣ уже во второй половинѣ пятнадцатаго столѣтія, и прежде всего въ Венеціанской республикѣ. Привилегіи давались только на извѣстныя сочиненія, и только эти сочиненія и нельзя было перепечатывать. Нарушеніе запрещенія наказывалось конфискаціей книгъ и денежными взысканіями.

Привилегіи однако не могли удовлетворить ни издателей, ни авторовъ, потому что имѣли характеръ частныхъ, исключительныхъ постановленій: въ нихъ не видѣли юридическаго права, имѣвшаго общее значеніе. Только съ XVIII столѣтія явились такого рода постановленія. Произвольное исключительное покровительство правительствъ кончилось, и создано юридическое понятіе объ авторскомъ правѣ, принятое положительнымъ законодательствомъ.

Съ этихъ поръ литература юридически стала на экономическую почву и начала принимать болѣе и болѣе характеръ коммерческаго предпріятія, отрѣшившись вполне отъ прежнихъ началъ. До изобрѣтенія книгопечатанія правительства хлопотали о томъ, чтобы распространять сочиненія, и поощряли для этого переписку; съ книгопечатаніемъ, напротивъ, стали принимать мѣры, чтобы сочиненія, имѣющія успѣхъ, не шли особенно быстро въ публику.

Разумѣется, мѣры эти устанавливались не съ тѣмъ, чтобы мѣшать распространенію образованія, — ихъ вызвали коммерческія расчеты авторовъ и издателей; разумѣется, правительства и люди, хлопотавшіе о признаніи авторскаго и издательскаго права, и не предвидѣли, къ чему приведетъ все это, въ чемъ заключается безнравственная сторона дѣла, въ защиту котораго они дѣйствовали; но они и не могли ничего предвидѣть:—они хотѣли защитить свои денежные интересы, и достигли этого; а интересы болѣе высокіе и не входили въ ихъ соображенія.

Но и признаніе авторскаго права не обошлось совсѣмъ безъ споровъ: у него, кромѣ защитниковъ, были и противники. Защитниковъ было, разумѣется, гораздо больше, потому что на все дѣло смотрѣли съ точки зрѣнія собственности; на его сторонѣ была вся такъ-называемая экономическая и юридическая наука и всѣ представители нѣмецкой философіи: Кантъ, Фихте, Гегель. Последніе двое рассуждали такъ: издатель, сдѣлавъ условіе съ авторомъ, приобретаетъ этимъ право на извѣстнаго рода пользованіе собственностью автора, т. е. мыслями, облеченными въ извѣстную форму. Онъ имѣетъ право, если онъ хочетъ и можетъ, продавать не мысли автора и ихъ форму, а возможность ихъ усвоивать, вызванную печатаніемъ. Цѣлая масса писателей и ученыхъ отстаивала право литературной собственности и только немногіе голоса слышались съ противной стороны. Вопросъ даже ставился такимъ образомъ: можетъ ли мысль быть рыночнымъ товаромъ? Обвиняли авторовъ, что они берутъ плату за свои сочиненія и тѣмъ возвышаютъ цѣну книгъ. Наконецъ доказывали, что перепечатка есть естественное право всякаго покупателя книги; что перепечатанные экзем-

пиры—свободная собственность того, кто их перепечаталъ, и было бы несправедливо ставить книгопродавцевъ и издателей въ той конкуренціи, которой подлежатъ вообще всё промышленники.

Споры эти повели къ тому, что стала чувствоваться все болѣе и болѣе необходимость разрѣшить вопросъ. Эту задачу взяли на себя правительства и разрѣшили ее изданіемъ ряда постановленій, обезпечивающихъ литературную собственность.

Но обезпеченіе литературной собственности въ предѣлахъ одной какой нибудь державы было еще недостаточно. Въ Германіи, гдѣ существуетъ одинъ общій языкъ, а между тѣмъ страна разбита на множество мелкихъ государствъ, литературная собственность не обезпечивалась еще вполне отдѣльными постановленіями, имѣвшими значеніе въ предѣлахъ того государства, которое ихъ издавало для себя. Съ уничтоженіемъ таможенныхъ границъ въ Германскомъ союзѣ, явилась необходимость издать и общія для всего Союза правила. Но и эти правила оказались неполными, когда съ развитіемъ языкознанія расширились литературныя и художественныя сношенія между разными народами. Въѣсть съ этимъ ослабѣло значеніе національныхъ и территоріальныхъ границъ, и право, имѣвшее значеніе для каждой страны въ ея собственныхъ предѣлахъ, пришлось признать наконецъ и общенароднымъ правомъ. Такъ сложились, наконецъ, существующія въ настоящее время во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ постановленія о литературной собственности.

Правила эти развивались вполне послѣдовательно изъ того начала, которое купцы признавали вполне справедливымъ. Но было ли начало это справедливо? Точно ли экономическія соображенія, въ томъ видѣ, какъ ихъ привыкли понимать люди прежняго ученаго закала, могли служить основаніемъ при разрѣшеніи вопроса? Да и разрѣшенъ ли вопросъ? Неужели слѣдуетъ признать его разрѣшеніемъ тысячи правительственныхъ постановленій, когда ни одно изъ нихъ не можетъ выдержать возраженій? Не въ томъ дѣло, чтобы издать законъ, а въ томъ, чтобы онъ разрѣшалъ вопросъ. Всѣ же изданныя правила разрѣшали дѣло односторонне,—съ точки зрѣнія тѣхъ экономическихъ принциповъ, которые примѣнимы къ литературѣ и къ искусствамъ, только при тѣхъ экономическихъ и общественныхъ понятіяхъ, неудовлетворительность которыхъ признается все болѣе и болѣе.

Основная мысль законодательства о литературной собственности заключается въ томъ, что перепечатка есть посягательство на чужую собственность и должна быть преслѣдуема. Но въ чемъ опасность отъ перепечатки и кому грозитъ она? Можетъ ли авторъ сказать, что мысль, изложенная имъ въ своемъ сочиненіи, есть его личная собственность? Только люди, очень самолюбивые и недостаточно слѣдившіе за процессомъ мышленія, могутъ въ каждой своей мысли видѣть свою исключительную собственность. Ошибка эта происходитъ оттого, что они берутъ на вѣру выраженіе разговорнаго языка, по которому каждой мысли дается свой хозяинъ. Если всмотрѣться въ дѣло ближе, то легко придти къ убѣжденію, что у мысли нѣтъ отдѣльнаго хозяина, какъ нѣтъ хозяина у воздуха, и что рѣшительно несправедливо говорить, что такая-то мысль принадлежитъ такому-то, а такая-то — такому. Процессъ мышленія есть органическая принадлежность чловѣка, какъ дыханіе и зрѣніе. Чловѣкъ, у котораго здоровые

глаза, не можетъ смотрѣть на предметы безъ того, чтобы ихъ не видѣть. Не видятъ только слѣпой. Но вѣдь у слѣпаго нѣтъ глазъ, потому что нельзя считать глазами нѣчто похожее на нихъ, не обладающее способностью видѣть. То же и съ мыслью. Человѣкъ мыслить потому, что ему нельзя иначе, что это есть жизнь. Какъ только перестаетъ процессъ мышленія, кончается и жизнь. Но человѣкъ мыслить такъ или иначе, потому что получаетъ извнѣ тѣ или другія впечатлѣнія. Впечатлѣнія эти зависятъ не отъ него, а отъ тѣхъ предметовъ, которые онъ встрѣчаетъ, и отъ качествъ своей впечатлительности. Разумѣется, существуютъ люди такого сорта, которые совершенно равнодушны ко всему, которыхъ не возмущаютъ ни людскія страданія, ни даже убійства; но этотъ сортъ слабо-впечатлительныхъ людей въ дѣлѣ общаго мышленія играетъ роль тоже весьма важную—они служатъ проводниками впечатлѣній; они возбуждаютъ въ другихъ тотъ или другой процессъ мышленія. Слѣдовательно производятъ мысль предметы или явленія, которыя производятъ впечатлѣніе. Но нельзя находиться внѣ всякихъ впечатлѣній, потому что внѣ ихъ находится только мертвое тѣло; поэтому и передача мыслей тоже органическая потребность. Пока человѣкъ живетъ въ обществѣ, онъ не можетъ жить такъ, чтобы впечатлѣнія его не сообщались никому: и радость и горе, и холодъ и голодъ, и довольство и недовольство не живутъ въ немъ безъ передачи этихъ впечатлѣній другимъ людямъ. Живя мыслью въ настоящемъ, человѣкъ думаетъ такъ или иначе потому, что до него въ дѣлѣ мысли было уже сдѣлано кое-что. Человѣкъ получаетъ умственное наслѣдство, отъ котораго зависитъ его настоящій характеръ и сила его умственной дѣятельности. Человѣкъ думаетъ теперь такъ, а не иначе, не только потому, что вся дѣятельность его вращается въ извѣстной сферѣ, производящей на человѣка извѣстное впечатлѣніе; но и потому, что пережитая людьми, прошедшая умственная жизнь выработала въ жизни извѣстныя условія, подготовила ту сферу, которая въ настоящее время производитъ на человѣка извѣстное впечатлѣніе. Какъ въ такой зависимости мысли одного человѣка отъ мысли другого человѣка—указать, кто хозяинъ той или другой мысли? Кому первому принадлежитъ мысль, хоть бы того правильнаго пониманія общественныхъ вопросовъ и отношеній, какое служитъ основой новой теоріи общественной науки? Перваго тутъ нѣтъ, потому что все, кто былъ заинтересованъ вопросомъ, разбирали его вмѣстѣ. Кому было неловко, тѣ и работали; все это были отдѣльныя желанія и чувствованія; они жили, высказывались, обобщались. Явился грамотный человѣкъ между этими людьми: послушать, собрать, понять, слить въ одно, напечатать и говорить, что это мысль его, и просить за нее денегъ. Можетъ ли такой авторъ сказать, что мысль принадлежитъ дѣйствительно и исключительно только ему? Развѣ не жизнь, не люди внушили ему ее? И нѣмецкіе философы понимали это вѣроятно точно такъ же, когда говорили, что продается не мысль и форма, а возможность усвоивать ее, вызванная печатаніемъ. Если въ этомъ дѣлѣ такую роль играетъ печатаніе, то въ такомъ случаѣ награда слѣдуетъ не автору, а Гуттенбергу; а какъ Гуттенберга нѣтъ въ живыхъ, то и давать ее некому. Если же рѣчь о возможности усвоиванія разсматривать отдѣльно отъ печатанія, то вѣдь и устная рѣчь представляетъ ту же возможность; все чтеніе лекцій основано на этой возможности. А какъ за лекціи берутъ деньги, то отчего же не брать денегъ

за всякій разговоръ, за всякую мысль, которая покажется кому либо его собственной. Развивая теорію возможности усвоенія мыслей, не трудно придти къ тому, что люди не должны говорить ни одного слова даромъ, потому что всякій разговоръ есть рядъ новыхъ мыслей.

Разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія права собственности на мысль, защитники должны были придти къ тому, что нарушеніе авторскаго права должно принадлежать къ одному изъ видовъ кражи. Хотѣли видѣть въ этомъ «поддѣлку». Но поддѣлка предполагаетъ замѣну одного другимъ, скрیتіе истины. Какое же скрیتіе истины въ томъ, что является перепечатка? Тутъ никто не обмануть, и имя, и мысли, и способъ ихъ изложенія совершенно одинаковы въ обоихъ изданіяхъ. Другое дѣло, если будетъ сохранена фирма издателя, входившаго въ сношеніе съ авторомъ, т. е. на перепечатанномъ сочиненіи будетъ показанъ первый издатель и даже его типографія. Но и тутъ нѣтъ еще никакой поддѣлки, потому что сочиненіе перепечатано вполне вѣрно, а указано невѣрно только имя издателя, до котораго въ сущности читателю нѣтъ никакого дѣла. Значитъ, тутъ не поддѣлка, а только невѣрное показаніе имени лица, играющаго въ дѣлѣ наименѣе важную роль.

Другіе хотѣли видѣть въ этомъ дѣлѣ обманъ, потому что перепечатчикъ занимается тихонько, скрываясь отъ автора и его издателя; а нѣкоторые говорили, что перепечатка—кража. Но и это невѣрно. Кражей называется пользованіе чужой вещью, а книга, съ которой дѣлалась перепечатка, не была украдена. Она могла быть добыта честнымъ путемъ и за тѣмъ уже перепечатана. Что же тутъ украдено? Если же думать, что украдена мысль, то еще менѣе вѣрно. Мысль не имѣетъ матеріальной формы; украденъ же можетъ быть только предметъ матеріальный, вещь, которая можетъ быть взята въ руки. Видѣть въ этомъ посягательство на духовную собственность менѣе всего вѣрно. Что значитъ духовная собственность? Какъ можно вторгнуться въ предѣлы чужаго міросозерцанія? Чѣмъ опредѣляются границы сферы умственной дѣятельности каждаго человѣка? Границъ этихъ нѣтъ, и невозможно опредѣлить ихъ никакими инструкціями и законодательствами, какъ невозможно сказать, кому именно принадлежитъ извѣстная мысль, потому что она принадлежитъ всѣмъ, потому что въ разработкѣ ея принимали участіе не одинъ, а множество людей.

Отъ того, что невозможно опредѣлить принадлежности мысли тому или другому лицу, что въ ней нельзя видѣть личной собственности, слѣдовало бы очевидно придти къ заключенію, что по этому предмету не слѣдуетъ издавать никакихъ постановленій; что если совершенно не разъяснена сущность вопроса, то нельзя издавать и ясныхъ постановленій; а неясныя постановленія не въ состояніи защитить никого. Но случилось не такъ, и вотъ почему существующія постановленія въ сущности не охраняють ни авторскаго права, ни права издателя, а еще хуже:—что литературную собственность поставили въ тѣсные предѣлы меркантильныхъ соображеній, сдѣлали изъ нея собственность, какъ хлѣбъ, говядину или масло, и самый вызовъ людей на литературную дѣятельность получилъ тотъ же характеръ: при стремленіи добывать деньги литературой, она становится ремесломъ.

Чтобы имѣть возможность издавать постановленія, нужно было, разумѣется, опредѣлить, о чемъ слѣдуетъ говорить въ нихъ и что защищать. Первый

вопросъ—о чемъ? Отвѣтъ казался ясенъ:—о литературной собственности. Но что такое литература, что составляетъ предметъ ея? Разумѣется, всѣ тѣ произведенія, которые назначены составлять литературу какого-либо народа, т. е. совокупность всѣхъ умственныхъ произведеній, выражаемыхъ словомъ и служащихъ не для матеріальнаго употребленія, а для общаго обмѣна мыслей и представлений. Законодатели видѣли, очевидно, въ литературѣ ту свободную нравственную силу, которая, не зная никакихъ ограниченій, выражаетъ собой и вмѣстѣ съ тѣмъ служить для прогрессивнаго движенія человѣчества.

Вмѣстѣ съ литературой признали необходимымъ защитить и артистическія произведенія. Но и тутъ опять вопросъ: что слѣдуетъ признать произведеніями искусства? Нѣкоторые говорили, что ими слѣдуетъ считать все то, что удовлетворяетъ болѣе или менѣе эстетическому чувству, или тѣ произведенія искусства, которые признаются такими въ торговлѣ. Но ни то, ни другое опредѣленіе не имѣетъ точнаго смысла, хотя для практики представляетъ удовлетворительную повидимому точность. Первое слишкомъ смутно потому, что неопредѣлены предѣлы эстетическаго чувства, что при настоящемъ состояніи знаній едва ли и возможно. Что значитъ удовлетворять болѣе или менѣе? Смотри на вопросъ такъ, приходится сводить его къ личному эстетическому чувству каждаго: а въ такомъ случаѣ въ каждой вещи могутъ найтись такія качества, которые удовлетворяютъ чьему нибудь эстетическому чувству. Если же предметами искусства считать все то, что удовлетворяетъ вообще эстетическому чувству, — то поэтому могутъ удовлетворять и другія вещи, не считаемыя обыкновенно предметами искусства. Если же положиться на разграниченіе, дѣлаемое торговлей, то нужно оцѣнку произведеній предоставить произволу торговцевъ. Разумѣется, между художественными произведеніями литературы и произведеніями искусства установить повидимому границы не трудно; принято понимать, что литературныя произведенія выражаются письменными знаками, а произведенія искусства, смотря по ихъ роду, — красками, пластикой или музыкальными нотами. Но трудность вопроса не столько въ этомъ, сколько въ томъ, какъ въ самихъ произведеніяхъ искусства разграничить искусство, требующее защиты авторской собственности отъ ремесла? Куда принадлежать поэтическія произведенія—къ искусству или къ литературѣ? Куда принадлежать рисунки ученаго содержания? На нихъ можно смотрѣть и какъ на произведенія искусства, и какъ на предметъ литературы.

Кромѣ трудности подобнаго разграниченія предметовъ искусства отъ предметовъ неискусства, и самый вопросъ о духовной собственности не выдерживаетъ никакого разбора. Законодательства Европы остановились на той мысли, что авторское право прилагается къ такимъ предметамъ литературы и искусства, которые служатъ представленіемъ личнаго духовнаго творчества. Но вѣдь такое творчество не есть ничто отрѣшенное отъ земли и отъ жизни. Люди творятъ потому, что въ своихъ жизненныхъ отношеніяхъ паталживаются на предметы и явленія, которые, производя въ нихъ извѣстныя впечатлѣнія, побуждаютъ ихъ изъ готовыхъ матеріаловъ дѣлать новыя комбинаціи. Архитекторъ, составляющій чертежъ какого нибудь зданія, беретъ готовыя отдѣльныя части и, располагая ихъ какъ нибудь иначе, создаетъ какъ бы новый фасадъ, хотя въ сущности тутъ нѣтъ ничего новаго; тутъ только новая перестановка отдѣльныхъ старыхъ

архитектурныхъ мыслей. Насколько авторъ такого новаго чертежа можетъ гордиться своей творческой способностью и своимъ авторскимъ правомъ? Въ чемъ дѣйствительная новизна его мыслей? Какимъ средствомъ, анализируя свою такъ-называемую творческую способность, архитекторъ, скульпторъ, художникъ опредѣлили бы, что принадлежитъ собственно и исключительно имъ и что создано въ нихъ другими? Архитекторъ вышелъ архитекторомъ потому, что онъ изучилъ предметы искусства. Онъ видѣлъ и греческую и арабскую постройку; знакомъ и съ мавританскимъ стилемъ, и пожалуй, съ постройками Вавилона. Неужели все впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этого знакомства, не значили ничего въ его архитектурномъ развитіи? Разумѣется, значили. Все эти чужія мысли и сдѣлали изъ него архитектора. Гдѣ же провести черту между чужимъ и своимъ? Какъ сказать, что вотъ такая-то мысль пришла оттуда, другая оттуда, а вотъ это собственная архитектора? Или на мысли можно смотрѣть какъ на разнородныя и хлѣбныя зерна, насыпанныя въ одинъ общій мѣшокъ, такъ что безъ всякаго труда можно разсорттировать или отдѣлить овесъ отъ ячменя и пшеницу отъ ржи.

То же самое примѣняется вполнѣ и къ скульпторамъ и къ живописцамъ. Скульпторъ изучаетъ свое дѣло на тѣхъ произведеніяхъ искусства, которые онъ встрѣчаетъ и во дворцахъ, и на публичныхъ гуляніяхъ, и въ собраніяхъ скульптурныхъ произведеній. Нельзя сказать, чтобы его личное участіе въ томъ, что называется творчествомъ, ничего не значило. Процессъ мысли существуетъ и въ скульпторѣ и въ живописцѣ; но вѣдь процессъ мысли участвуетъ и во всякомъ промышленномъ производствѣ и въ ремеслахъ. И тѣ производства, которые удовлетворяютъ чувству изящнаго, должны быть сдѣланы со вкусомъ, то есть правиться. И въ ремесленныхъ производствахъ есть творчество. Но мѣръ развитія образованія и цивилизаціи, по мѣрѣ накопленія такихъ произведеній и предметовъ, которые относятся къ области изящнаго, развивается все больше и больше вкусъ во всѣхъ фабричныхъ и ремесленныхъ производствахъ. Для тѣхъ вещей, которыя выходили изъ мастерской Бенвенуто Челлини или Бернара Паллиси, требуется нынче гораздо меньше усилій человѣческаго духа, чѣмъ требовалось прежде. Ремесла перестали быть представленіемъ чего-то грубаго, первичнаго. И на что требовались прежде какіе-то герои и исключительныя личности, то дѣлается теперь мастерами, вовсе не претендующими на гениальность. Довольно взглянуть на мелочныя издѣлія парижской промышленности, на изящную бронзу, фарфоръ, деревянные издѣлія, чтобы понять, какъ уровень вкуса сталъ шире и какъ невозможно провести теперь границу между художественными и не художественными произведеніями, между творчествомъ артиста и творчествомъ ремесленника. Если бы въ тѣхъ людяхъ, кто имѣетъ слабость считать себя великими художниками, было меньше самолюбія и меньше презрѣнія къ тѣмъ, кого они считаютъ ниже себя и ремесленниками, они бы увидѣли, что, требуя защиты своего авторскаго права, они требуютъ и несправедливаго и невозможнаго. Это привилегія, неизмѣняющая никакого разумнаго основанія и невозможная въ практическомъ примѣненіи настолько, чтобы она не встрѣчала противорѣчій и чтобы могла быть устранена вполнѣ несправедливость. Если же противорѣчія и несправедливость существуютъ, то очевидно, что правило неврѣно и законъ не достигаетъ своей цѣли; а въ такомъ случаѣ лучше ему и не существовать.

Художническое произведение, какъ продуктъ личнаго творчества, законъ защищаетъ отъ воспроизведенія его или копій, потому что авторъ считаетъ себя исключительнымъ воплостителемъ мысли и потому, что эта вещь даетъ ему выгоды. Во всемъ этомъ денежная прибыль стоитъ на первомъ планѣ, и законъ, защищая авторство, защищаетъ въ сущности денежные интересы автора. Какимъ же образомъ можетъ законъ защитить авторское право, когда нѣтъ границъ въ результатахъ личной дѣятельности каждаго, считающаго себя художникомъ? Телѣгу, или вообще всякій экипажъ, можетъ дѣлать всякій, авторство въ этихъ дѣлахъ не признается, потому что телѣга не считается произведеніемъ искусства. Но вотъ какой нибудь телѣжничекъ-скульпторъ вздумалъ украсить свое произведение и отдѣлать ее, какъ нѣкогда Бенвенуто Челлини отдѣлывалъ латы. Здѣсь является уже авторство, потому что человѣкъ боится, что другой, воспользовавшись его мыслью и рисункомъ, сдѣлаетъ точно такую же телѣгу и уменьшитъ прибыль перваго. Но авторство будетъ только въ такомъ случаѣ справедливо, когда другая вещь будетъ сдѣлана вполне, какъ первая. Если же она будетъ имѣть подобное сходство, значить она копія, то есть неподлинная вещь, а если она неподлинная вещь, то кто бы ее ни дѣлалъ, она по понятіямъ художника не имѣетъ уже цѣны оригинала. да и самъ оригиналъ, какъ вещь, воспроизведенная въ нѣсколькихъ копіяхъ, можетъ цѣниться не потому, что бы онъ по мысли или по отдѣлкѣ былъ выше, а только потому, что онъ сдѣланъ первымъ. Это достоинство, разумѣется, небольшое:—если есть десять статуй, одна какъ другая, сдѣланныхъ десятио разными художниками, то для цѣнителя эстетическихъ наслажденій рѣшительно все равно, какая изъ нихъ первая или послѣдняя, если впечатлѣніе, производимое ими, совершенно одинаково.

Но тутъ является и еще замѣчаніе: справедливо ли толковать объ авторскомъ правѣ тому, чьи произведенія такъ легко воспроизводятся всякимъ художникомъ? Не перейдутъ ли такіа произведенія искусства въ область производства экипажей, фарфоровой и стеклянной посуды? Какая цѣль давать такимъ издѣліямъ характеръ монополій и защищать ихъ привилегіями? Не проще ли, чтобы художественное произведение защищало само себя отъ всякой контрафакціи силой своего содержанія и невозможностію ея поддѣлки или копирования? Рафаэль не просилъ привилегій на сицистинскую мадонну, и не нуждался въ защитѣ своего авторскаго права. Пусть копируютъ, если есть люди настолько сильные. Пусть копія не отличается ничѣмъ отъ оригинала. Но такихъ копистовъ не было, а если и явились, такъ что же—неужели Рафаэль не остался бы Рафаэлемъ? Вотъ почему Рафаэль не просилъ привилегій и не нуждался въ нихъ; а вопросъ о монополіи подняли жалкіе и безталанные люди, неумѣвшіе найти защиты въ своей собственной силѣ и потому только обратившіеся къ полицейской защитѣ правительствъ.

Но и защита правительственной власти не ведетъ тутъ ни къ чему. Законъ защищаетъ художественную собственность, а собственность эта сама ускользаетъ отъ его защиты. Возьмемъ въ примѣръ хоть какую нибудь картину или опять телѣгу, украшенную удивительною рѣзбой. Съ такой картины или телѣги снята не копія, а то же картина, съ нѣкоторыми измѣненіями съ оригинала въ размѣрѣ, или съ самыми незначительными измѣненіями въ фигурахъ

и въ расположеніи ихъ. Можно ли такую вещь считать кантрафакціей? Нѣтъ, потому что она не контрафакція и не копія; а что-то другое, и въ произведеніи ея участвовалъ тоже творческій духъ мастера, какъ и въ первой картинѣ, или телѣгѣ, участвовалъ духъ творчества автора. Разница вся только въ томъ, что въ первомъ случаѣ авторъ набирался мысли, вглядываясь въ другія картины и въ жизнь, т. е. пользовался предварительными трудами многихъ; а во второмъ случаѣ, мастеръ пользовался только однимъ источникомъ. Значить, вся разница сводится къ обилію основныхъ источниковъ. Творчество же тутъ ничего не значитъ, потому что и первый и второй художникъ тратилъ относительно равное количество силы. Совершенно тоже, какъ со стороны слона нѣтъ никакой заслуги, что онъ можетъ сvezти больше тяжести, чѣмъ лошадь. Въ чемъ же тутъ защита, когда сила защищаетъ себя сама? Но этого мало. Какъ доказать юридически, что новая телѣга съ измѣненными украшеніями есть посягательство на чужую духовную собственность, когда эти телѣги представляютъ нѣкоторую разницу; ни одинъ судъ въ мірѣ не обвинитъ въ кражѣ мысли мастера, сдѣлавшаго другую телѣгу. И чтобы такое обвиненіе не могло состояться, совершенно достаточно сдѣлать самыя незначительныя измѣненія противъ оригинала. Измѣненія же эти сдѣлать легко. А въ такомъ случаѣ авторское право художниковъ защищать закономъ невозможно, и защищать невозможно не только потому, что всегда можно доказать, что вещь, измѣненная въ производствѣ противъ той, которая вызвала на работу, не есть контрафакція; но еще и потому, что нѣтъ возможности слѣдить за подобной поддѣлкой.

Въ Австріи, напримѣръ, оригинальное произведеніе законъ различаетъ отъ копій. Но если художникъ вздумаетъ дѣлать самъ копіи съ своихъ произведеній, то на основаніи авторскаго права онъ можетъ не допустить, чтобы копіи дѣлались кѣмъ либо другимъ, кромѣ его. Но что значить не допустить? Русскій художникъ, купивъ копію или даже оригиналъ и привези его въ Россію, можетъ пустить въ продажу десятки новыхъ копій. Кто же вступится за авторское право австріица? Самъ онъ не можетъ, потому что не знаетъ объ этомъ; а убытокъ ему очевиденъ: лучше бы ему самому достать деньги за десятки копій, проданныхъ въ Россіи, чѣмъ предоставить эту выгоду русскому художнику. Слѣдовательно, чтобы защитить авторское право, недостаточно издать законъ, а нужно, чтобы была возможность исполнять его и дѣйствительно защищать всѣхъ людей, считающихъ себя авторами чего нибудь. Для этого и были придуманы международные договоры, чтобы авторы одного государства не могли вредить авторамъ другаго государства. Но и эти договоры не достигаютъ своей цѣли. Чтобы они достигали ея, нужно правительствамъ имѣть особыхъ чиновниковъ или ревизоровъ. А ужъ если дѣло пойдетъ этимъ, впрочемъ вполне послѣдовательнымъ путемъ, то, очевидно, придется учредить во-первыхъ надзоры за ревизорами, чтобы они изъ корысти не плутовали; да не обойдешься и безъ учрежденія въ каждомъ государствѣ особаго министерства авторской собственности. Что же выйдетъ изъ этого хорошаго? Прибавится только чиновниковъ, которыхъ вслѣдъ и безъ того уже слишкомъ много, увеличатся расходы, дадутся поводы къ злоупотребленіямъ и только увеличится административная путаница, отъ которой и теперь люди видятъ мало хорошаго.

Нѣмецкія законодательства, приводя въ систему мысли людей, хлопотав-

шихъ о защитѣ авторскаго права, только специализировали и подбирали частные случаи, не разрѣшивъ общаго вопроса. Поэтому они и говорятъ, что само собой разумѣется, что тамъ, гдѣ предметъ «внѣшней природы» сдѣланъ «безъ духовнаго творчества», но единственно «ручной ловкостью», не можетъ быть и рѣчи объ авторскомъ правѣ, напримѣръ, при отливкѣ черепа. Но тутъ примѣръ плохо сходится съ опредѣленіемъ; а опредѣленіе совершенно неудовлетворительно. Ручная ловкость не существуетъ безъ творчества; невозможно заниматься никакимъ такъ-называемымъ механическимъ трудомъ безъ участія мысли, и одной ручной ловкостью нельзя воспроизводить предметы внѣшней природы. Разумѣется, отливка черепа не требуетъ особенныхъ способностей; но чтобы выбрать черепъ для отливки, нужно руководствоваться извѣстной идеей, чтобы черепъ по чему нибудь отвѣчалъ той мысли, которая заставила выбрать именно этотъ, а не другой черепъ. Тутъ вопросъ о мысли. А какъ по праву литературной и вообще авторской собственности, у каждой мысли есть свой хозяинъ, и хозяинъ можетъ отстаивать свою собственность, то за что же устранить отъ этого права человѣка, имѣющаго полное основаніе сказать, что мысль объ отливкѣ именно такого-то черепа принадлежитъ ему и у него для этого были именно такія основанія и соображенія, составляющія тоже его исключительную собственность.

Какъ нельзя защитить художественное авторское право, въ той же степени нельзя защитить и литературную собственность. Положимъ, за Пушкиннымъ или Гоголемъ явилась цѣлая толпа писателей, которые, усвоивъ ихъ манеру и воззрѣніе, начали писать иначе, чѣмъ писали прежде. Вліяніе Пушкина и Гоголя могло быть даже такъ велико, что нѣкоторые изъ послѣдователей ихъ даже копировали иногда своихъ учителей. Могутъ ли Пушкинъ и Гоголь, начавъ въ судѣ процессъ въ защиту своего авторскаго права, назвать подражателей ворами и потребовать отъ нихъ уплаты извѣстнаго процента съ суммы, полученной ими за такія подражательныя сочиненія? Нѣтъ. А по понятію о литературной собственности могутъ, потому что подражатели въ сущности пользовались чужими мыслями и ушли въ область чужаго міросозерцанія; они пользуются доходомъ съ чужой почвы. Несмотря на вѣрность такого вывода, ни Пушкинъ не рѣшился бы начать процессъ съ своими подражателями, ни Байронъ съ Пушкиннымъ. Отчего же процессъ такой былъ бы невозможенъ? Только потому, что въ дѣлѣ мысли нѣтъ отдѣльныхъ полюсовъ, какъ при личномъ землевладѣніи; никто не разрабатываетъ свою полосу отдѣльно, а все трудятся вмѣстѣ. Взять же сочиненія Пушкина или Гоголя цѣликомъ какому нибудь Иванову или Вольфсону и выдать ихъ за свои нелзя, какъ нельзя кому нибудь назваться Рафаэлемъ или Ньютономъ, потому что такое самозванство не поведетъ ни къ чему и не доставитъ ни копѣйки барыша.

Но такое самозванство не существовало никогда, да и не могло бы существовать. Слѣдовательно объ немъ напрасно и разсуждать закону. Что же касается до тѣхъ случаевъ, когда законъ невидимому могъ бы защитить авторовъ, то невозможность опредѣлить всевозможные случаи какуцдагося посягательства на чужую собственность прямо показываетъ невозможность закона вступаться въ это дѣло. Напримѣръ, вполне перепечатать чужое сочиненіе нельзя, но сдѣлать изъ него извлеченіе, сокращеніе, перепечатать цѣликомъ

отдѣльныя мѣста можно. Сокращенія, если только нѣкоторыя мѣста выпущены, а все остальное перепечатано слово въ слово, не допускаются. Но что значить нѣкоторыя мѣста? Если опредѣлить ихъ въ дробяхъ, т. е. сказать—нельзя перепечатать треть или половину, то я такая кажущаяся точность въ сущности не ведетъ ни къ чему. Ловкій человѣкъ съумѣетъ эту треть разбить такимъ образомъ по частямъ, что никакимъ циркулемъ не узнаешь, точно ли это вѣрная треть; ну, а если нѣсколько меньше? Значить можно? Нельзя только ровно треть или ровно половину? Но кто же не видитъ, что такое понятіе о дробяхъ, какъ точныхъ математическихъ величинахъ, совсѣмъ непримѣнимо къ книгамъ.

Не дозволяя перепечатки, законъ дозволяетъ извлеченія. Извлеченіе или болѣе короткое и доступное изложеніе ученаго сочиненія, чѣмъ это сдѣлано самимъ авторомъ, развѣ не будетъ въ сущности посягательствомъ на авторскую собственность? Развѣ оно не будетъ конкурировать съ первымъ изданіемъ? Не только будетъ, но и можетъ быть лучше первоначальнаго изложенія предмета, пожалуй и рисунки въ немъ будутъ тѣ же самые, развѣ нѣсколько измѣненные, и несмотря на то законъ, зная, что отъ этого терпитъ первое изданіе, все таки не запретить извлеченія, потому что ему пришлось бы идти противъ той принципа, который послужилъ ему основаніемъ для защиты авторскаго и издательскаго права. Пожалуй, можно возставать противъ такихъ изданій, называть ихъ безсовѣстными спекуляціями, и все-таки имѣть основанія остановить ихъ или начать процессъ о нарушеніи литературной собственности.—а въ этой спекуляціи есть «личное духовное творчество».

Въ одномъ только случаѣ законодательства западной Европы не признаютъ авторскаго и издательскаго права—въ разныхъ правительственныхъ постановленіяхъ и въ законахъ. Эти вещи, по мнѣнію правительствъ, не принадлежать къ сферѣ литературныхъ произведеній. Но отчего же нѣтъ? Развѣ литературныя и ученныя произведенія должны пользоваться меньшею гласностью? Или они приносятъ меньшую пользу? Могутъ быть изъ нихъ и такія, польза и значеніе которыхъ выше и больше значенія и пользы любого закона. Но авторское и издательское право не мѣрится важностью и пользою сочиненій; законъ защищаетъ это право въ соображеніяхъ чисто меркантильныхъ, коммерческихъ. А если такъ, то зачѣмъ же не охранять и издательскаго права того лица, которое стало перепечатывать законы? Вѣдь и оно рискуетъ своимъ капиталомъ? На это отвѣчаютъ тѣмъ, что законы и постановленія должны имѣть возможно большую гласность. А развѣ дѣйствительно замѣчательныя и полезныя литературныя произведенія не должны пользоваться ей? Какъ же согласить такое противорѣчіе? Противорѣчіе это и не согласено законодательствами западной Европы. Только великое герцогство Гессенъ оказалось послѣдовательнымъ, запретивъ перепечатку законовъ, инструкцій и вообще всѣхъ постановленій правительства. Запрещеніе это сдѣлано не изъ политическихъ, а чисто въ коммерческихъ цѣляхъ, потому что не дозволяется голая перепечатка изданій правительства; всякое же изданіе съ замѣчаніями и комментаріями дозволено.

Постановленія, существующія для охраненія литературной и ученой собственности, не охраняютъ, и безсильны охранить ее. Если законъ хочетъ имѣть дѣло только съ мыслью и установить понятіе, что каждый человѣкъ есть хозяинъ

ему не могла играть той полезной роли, какую предполагали въ ней правительства, когда вздумали защитить ее правомъ монополіи. И чего хотѣли достигнуть этимъ? Обезпечить вѣрный барышъ капиталсту, употребившему свои деньги не на хорошее дѣло? Да стоить ли защищать такое дѣло? Гдѣ тѣ случаи изъ книгопродавческой дѣятельности, когда бы они дѣйствительно помогли серьезному дѣлу науки? Взялся ли бы кто нибудь изъ нашихъ издателей напечатать какое нибудь серьезное и вполне замѣчательное въ научномъ смыслѣ сочиненіе по математикѣ или по химіи, если невозможно рассчитывать на его популярность? Нѣтъ. Вотъ почему и существовали, и существуютъ меценаты, дававшие кусокъ насущнаго хлѣба тѣмъ ученымъ, которые своими полезными, но непопулярными сочиненіями не могли добыть себѣ средства для существованія. Вотъ почему нынѣ подобныя сочиненія издаются учеными обществами, и для чего главнѣйше и существуютъ они. Изданія ученыхъ обществъ—прямой протестъ противъ издателей-спекуляторовъ. Это доказательство, что отъ издателей вовсе нѣтъ и нельзя ожидать той пользы, которую они сами приписываютъ себѣ. И если бы литературная спекуляція давала обезпеченіе тѣмъ людямъ, которые входятъ въ сношеніе съ издателями,—но и этого нѣтъ. Разсчитывая на большій барышъ, издатели платятъ скупо, они только плодятъ литературный пролетаріатъ и заманиваютъ на жалкую литературную работу тѣхъ, кто безъ приманки денежной корысти, безъ примѣровъ обогащенія отдѣльныхъ лицъ, посвятившихъ себя литературѣ, занялся бы другимъ дѣломъ, болѣе полезнымъ и можетъ быть, болѣе хлѣбнымъ. Все зло въ этомъ случаѣ именно въ томъ, что литература сдѣлалась торговлею, что на нее смотрятъ, какъ на средство существованія, и изъ чисто денежныхъ соображеній люди стали готовы писать все, только бы имъ платили деньги. И если бы расчеты на обезпеченіе литературой были вѣрны; но этого нѣтъ въ дѣйствительности. Многіе ли могутъ существовать исключительно литературнымъ трудомъ?—два, три, въ крайнемъ случаѣ четыре постоянныхъ сотрудника при каждомъ журналѣ. Много ли всѣхъ журналовъ, которые могли бы обезпечить существованіе и своихъ постоянныхъ сотрудниковъ въ такой степени, чтобы имъ не приходилось заниматься другимъ дѣломъ? Журналовъ десять, не болѣе. Допустивъ даже, что двадцать, и считая по четыре постоянныхъ сотрудника на каждый, окажется максимумъ въ восемьдесятъ человекъ. Да и обезпеченіе этихъ сотрудниковъ тоже не особенно блистательно, несмотря на то, что каждый изъ нихъ пишетъ изъ всѣхъ силъ, и больше того, что онъ пишетъ.—писать уже не въ состояніи. А сколько пишется вздоръ только потому, что и за вздоръ платятъ деньги, и что невозможно всю книжку или номеръ газеты наполнить исключительно умными вещами и талантливыми литературными произведеніями!

Но что же вызываетъ на литературную дѣятельность,—неужели исключительно денежные соображенія? Что заставляетъ юношу писать стихи, повѣсти, статьи публицистскаго содержанія? Не денегъ онъ хочетъ; денежные соображенія являются уже послѣ; они признакъ извѣстной литературной зрѣлости писателя и вмѣстѣ съ тѣмъ его нравственной порчи. Юноша пишетъ, но чего—онъ и самъ не знаетъ;—ему кажется, что онъ хочетъ славы, извѣстности; да, хочетъ онъ и этого; а говоря проще, ему нужна общественная дѣятельность. Вотъ почему всякій человѣкъ, чувствующій въ себѣ нѣкоторую силу, способность,

а главное ищущій общественной дѣятельности, при извѣстномъ литературномъ талантѣ дѣлается писателемъ. Онъ дѣлается имъ потому, что только этимъ путемъ, при существующихъ вообще въ Европѣ учрежденіяхъ, и можетъ выражаться общественная дѣятельность. Тамъ, гдѣ эта дѣятельность можетъ выражаться непосредственно, прямымъ, личнымъ участіемъ каждаго въ общественныхъ дѣлахъ—людямъ незначѣмъ писать статей и статеекъ. Они заявляютъ свои мысли другимъ путемъ или съ трибуны, или непосредственными распоряженіями и дѣйствіями. Вотъ почему ни Наполеонъ, ни лордъ Пальмерстонъ, ни даже прусскій король не участвуютъ ни въ какой газетѣ и не пишутъ никакихъ передовыхъ статей для журналовъ. А тотъ же Пальмерстонъ, поставленный въ другія условія, легко могъ сдѣлаться литераторомъ и публицистомъ. Журналистика есть средство для публичнаго заявленія мыслей и мнѣній, которыя не могутъ быть заявлены другимъ путемъ. Еслибы человѣкъ могъ все свои мысли, касающіяся общественныхъ дѣлъ, заявить въ общественныхъ, или въ народныхъ собраніяхъ, ему бы незначѣмъ дѣлать изъ нихъ журнальныхъ статей. Въмѣсто того, чтобы писать, онъ бы говорилъ; а если мысли эти должны быть извѣстны всему, непринимавшему участія въ собраніи, ихъ бы записалъ стенографъ. Иначе сказать, трудъ общественнаго дѣятеля раздвоился: нынче онъ и думаетъ, и записываетъ самъ свои мысли; а тогда стенографъ избавилъ бы его отъ механическаго труда, и публицистъ только бы говорилъ, а писали бы за него другіе.

Вступивъ на поприще общественной дѣятельности и находя въ ней средства для своего существованія, человѣкъ, разумеется, знаетъ бы, чего отъ него требуютъ люди и при исполненіи имъ какихъ именно условій люди будутъ считать его полезнымъ. Не для пустословія выбрали его люди: не для того, чтобы онъ говорилъ много о томъ, о чемъ и говорить не стоитъ; а чтобы онъ говорилъ дѣло и дѣлалъ дѣло. Не по размѣру рѣчей будетъ даваться ему и жалованье; длинныхъ и скучныхъ рѣчей и слушать не стануть; значить, основнымъ побужденіемъ оратора будетъ сказать, какъ можно короче, какъ можно умѣе и какъ можно убѣдительно. То есть, въ своихъ рѣчахъ онъ будетъ стремиться именно къ достиженію тѣхъ цѣлей, совокупность которыхъ дастъ такую цѣну литературнымъ произведеніямъ, считается творчествомъ, талантомъ, и чѣмъ, къ несчастію, заставляютъ пренебрегать тѣ жалкія условія экономическаго положенія, въ которыхъ живутъ литераторы, видящіе въ литературѣ кусокъ насущнаго хлѣба и получающіе плату по ариинамъ писанной ими бумаги.

Меркантильный характеръ литературнаго дѣла не обнаруживаетъ вреднаго вліянія только на таланты гениальныхъ и сильно-даровитыхъ людей. Но много ли такихъ писателей? Затѣмъ все остальные, пишущіе изъ-за денегъ, истощаютъ только свои послѣднія силы, распуская ихъ въ многословіи и изобиліи писанія. Въмѣсто двухъ дѣйствительно хорошихъ вещей, человѣкъ, сдѣлавшій изъ литературы промыселъ, напишетъ двадцать плохихъ. Число книгъ увеличивается страшно, а качество литературныхъ произведеній въ той же степени падаетъ. Даже самый языкъ портится отъ этого и пропадаетъ его сила, краткость, мѣткость, и является какой-то заразой общая манера идти въ фразу, въ длинноту рѣчи и хлопотать не столько о содержаніи, сколько о формѣ. Нынче

всѣ и вездѣ пишутъ длинно, потому что это выгодноѣ, чѣмъ писать коротко. Нынче не только для журналовъ, но и ученыя сочиненія пишутъ съ плеча, потому что чѣмъ больше человекъ напишетъ, тѣмъ больше онъ достанетъ денегъ. Вотъ почему написано много, а читать почти нечего.

Выходъ изъ этого литературнаго разврата одинъ:—нужно, чтобы литература не служила кускомъ насущнаго хлѣба. Пусть человекъ добываетъ его другимъ путемъ.

И въ теоріи и въ практикѣ вопросъ этотъ вовсе не такъ труденъ для разрѣшенія. Разумѣется, наша рѣчь не о полномъ проэктѣ преобразованія: мы только намѣтимъ, въ какомъ направленіи можно бы идти, чтобы выйти изъ того жалкаго положенія, въ которое поставлена литература понятіемъ о литературной собственности и денежнымъ характеромъ всего дѣла.

Въ томъ, что называется литературой, слѣдуетъ различить три рода произведеній: публицистика, изящныя произведенія, то есть беллетристика и поэзія, и науки или ученыя сочиненія. Все это можетъ существовать отлично помимо теперешнихъ меркантильных расчетовъ. Кто изъ литераторовъ не знаетъ, что имѣть ничего мучительноѣ и трудноѣ, какъ писать исключительно для того, чтобы имѣть средства для жизни. Какого бы рода вещь ни приходилось писать, нужно для этого извѣстное расположеніе духа. Ни одинъ изъ извѣстныхъ беллетристовъ не пишетъ сплюнь, заурядъ, каждый день. Всѣ они работаютъ съ промежутками. Даже въ работѣ публицистовъ есть отдыхъ. И у нихъ явится одна, двѣ блестящія статьи, за тѣмъ рядъ статей самыхъ обыкновенныхъ, казенныхъ—это отдыхъ, и чрезъ извѣстный промежутокъ новая блестящая статья. Такихъ писателей, у которыхъ каждый мѣсяцъ является что нибудь дѣйствительно замѣчательное, называютъ гениями; а гениі рѣдки. Но и для гения нуженъ отдыхъ. Люди со средствами, въ тѣ промежутки времени, когда чувствуютъ, что сказать имъ нечего, не пишутъ ничего и набираются новыхъ впечатлѣній; люди же, для которыхъ литературный трудъ есть кусокъ хлѣба, или которые находятся на литературной службѣ, пишутъ и въ эти промежутки времени. Писатели, находящіеся въ такомъ положеніи, знаютъ очень хорошо, въ какой степени трудъ этого рода непріятенъ и какъ тяжелъ самый механизмъ писанія. Литературный трудъ этого рода такъ же тяжелъ, такъ же разстроиваетъ здоровье и сокращаетъ жизнь, какъ разстроиваетъ фабричнаго рабочаго его фабричная работа. Но неужели жизнь людей должна быть устроена такъ, чтобы трудъ служилъ мученіемъ, чтобы онъ убивалъ въ человекѣ силы, доводилъ его до чахотки и сводилъ въ могилу ранѣе, доставивъ человеку мало минутъ наслажденія, или даже и совсѣмъ ихъ не доставивъ? Если же это существуетъ въ жизни такъ, то существуетъ совсѣмъ не потому, чтобы умственная дѣятельность человека не могла проявиться иначе, а потому, что самый трудъ организовался такимъ страннымъ и безотраднымъ способомъ. Что же нужно для этого? Нужно, чтобы не существовало людей, посвятившихъ себя исключительно литературному труду и незнающихъ другаго занятія, кромѣ вѣчнаго писанія статей и повѣстей. При небольшихъ измѣненіяхъ общественныхъ условій, умственная дѣятельность могла бы получить совсѣмъ другую организацию, и вотъ какимъ образомъ.

Чѣмъ заняты публицисты? Они разрабатываютъ текущіе общественные

вопросы, и разрабатываютъ ихъ въ печати, потому что не существуетъ другаго способа заявленія своихъ мыслей, для разрѣшенія разныхъ споровъ и недоразумѣній. Существующій способъ, разумѣется, и неудобенъ, и медленъ, и недѣлителенъ. Общественное мнѣнiе вырабатывается при этомъ тоже медленно; во многихъ случаяхъ оно смотритъ безучастно на спорные литературные вопросы, и нерѣдко въ журналистикѣ являются толки и споры, если не вполне чуждые жизни, то по крайней мѣрѣ второстепенной или даже третьестепенной важности: вотъ почему, по отношенiю къ жизни, на литературу во многихъ случаяхъ смотрятъ, какъ на теорiю и умозрѣнiе. Упрекъ этотъ, если и не вполне, но все-таки справедливъ. Какъ же связать публицистику съ жизнью? Нужно, чтобы литературные дѣятели находились въ средѣ жизни и сами жили тѣми интересами, о которыхъ они говорятъ.

Если мы представимъ себѣ общественную жизнь, развитую вполне изъ началъ самоуправленiя, то, разумѣется, и связать литературу съ жизнью будетъ очень легко. Люди съ стремленiями и съ способностями къ общественной дѣятельности, то есть, какъ разъ тѣ, которые кидаются нынче въ публицистику, пойдутъ въ общественную службу. Каждый такой человекъ найдетъ себѣ мѣсто въ какомъ нибудь центрѣ самоуправленiя; въ большемъ или меньшемъ, смотря по своимъ способностямъ и по важности разрѣшаемыхъ вопросовъ. На этомъ поприщѣ, и живя интересами своего мѣста и общими интересами страны, избранный человекъ, въѣсто того, чтобы сдѣлаться публицистомъ, какъ это нынче, будетъ ораторомъ. Положенiе политическое научитъ его быть и краснорѣчивымъ, и убѣдительнымъ, научитъ развить свой талантъ, и дастъ силу и послѣдовательность мыслимъ, которая, при нынѣшнихъ условiяхъ литературнаго развитiя писателей, замѣчается очень у немногихъ. Высказывая убѣжденiя, касающiяся общественныхъ вопросовъ, устно, оратору писать ихъ незначитъ, а продавать некому. Рѣчь будетъ записана stenogrammъ, и если она имѣетъ важный общественный интересъ, то и будетъ напечатана въ мѣстной газетѣ, издаваемой, разумѣется, на общественный счетъ.

Такимъ образомъ человекъ съ способностями и наклонностью къ общественной дѣятельности, тотъ, кто дѣлается нынче литераторомъ-публицистомъ, — превратится въ оратора; онъ вступитъ на свою истинную дорогу и перестанетъ быть литературнымъ рабочимъ. Не литература будетъ давать ему средства для существованiя, и, разумѣется, онъ станетъ говорить лучше, чѣмъ онъ пишетъ теперь.

Такое измѣненiе въ положенiи публициста измѣнитъ и характеръ журналистики. Нынѣшняя журналистика, установившись разъ въ извѣстныхъ формахъ, какъ будто бы хочетъ поглотить въ себѣ всю литературу, всю нашу умственную дѣятельность. Чего цѣль въ нашихъ журналахъ! — и науки, и искусства, и политика, и новости — рѣшительно все! И обо всемъ говорится очень легко; во всемъ видна снѣжная, какъ бы недоконченная работа. А между тѣмъ сочиненiе, печатанiе и чтенiе отдѣльныхъ сочиненiй развито слабо. Мы учимся всему изъ журнальныхъ статей; а на чтенiе дѣльныхъ и серьезныхъ книгъ обращаемъ самое слабое вниманiе, да и не любимъ заниматься такимъ чтенiемъ. Отъ этого знанiе большинства лишено послѣдовательности и отличается какой-то урывчатостью и отсутствiемъ связи. Въ этомъ много виновата наша журналистика, и

сама отличающаяся такимъ же характеромъ. Съ развитіемъ общественной жизни на иныхъ, болѣе широкихъ началахъ, журналистика будетъ отмѣчать исключительно только явленія общественной и частной жизни, представляющія общественный интересъ, и вопросы политическаго характера. Беллетристика и наука отъ нея отпадутъ; литературныя произведенія этого рода будутъ появляться уже въ видѣ отдѣльныхъ книгъ.

Теперь, когда каждый журналъ ищетъ и проситъ вездѣ повѣстей и романовъ, когда за эту изыскную литературу платится гораздо дороже, чѣмъ за серьезныя сочиненія, — быть беллетристомъ, даже и при маленькомъ талантѣ, очень выгодно; а сколько есть и совершенно безталанныхъ людей, которые, не менѣе того, все-таки ищутъ, и находятъ журналы, въ которыхъ печатаютъ ихъ произведенія? Стоитъ только журналистикѣ заняться исключительно текущими вопросами общественнаго значенія, оставивъ повѣсти и романы являться въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій, чтобы все безталанное перестало появляться въ публику. При томъ порядкѣ жизни, при которомъ писатели перестанутъ смотрѣть на литературу, какъ на кормилицу, все неувѣренное въ своихъ силахъ поищетъ себѣ занятій прочныхъ, нелитературныхъ, и только тотъ станетъ писать, въ комъ есть дѣйствительный талантъ и вдохновеніе; а такихъ не много. Все же прочее безталанное, но нынѣ пишущее, тогда замолчитъ, и грамотные люди, разумѣется, выиграютъ, потому что плохія издѣлія исчезнутъ и будетъ появляться только дѣйствительно хорошее.

Что же касается до ученыхъ сочиненій, то это дѣло школъ, ученыхъ обществъ, академій и университетовъ. Кто окажется способнымъ къ дѣлу воспитанія, или въ разработкѣ науки, тотъ найдетъ себѣ мѣсто между учеными, посвятившими себя общественной службѣ. Академіи и ученые общества, находясь подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, разумѣется, станутъ заниматься своимъ дѣломъ и не получать даромъ общественныхъ денегъ. За всѣ же сочиненія, напечатанныя на общественный счетъ, можетъ быть дана и общественная награда.

Этимъ средствомъ трудъ и талантъ не пропадутъ даромъ, они найдутъ себѣ вознагражденіе; а останется только литературное торгашество и люди безталанные, которые, обратившись къ другимъ постояннымъ занятіямъ, окажутся тамъ вѣроятно болѣе даровитыми людьми.

Научились ли?

Въ «С.-Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ» напечатана и перепечатана въ «Сѣверной Пчелѣ», а быть можетъ еще и въ другихъ газетахъ, статья подъ заглавіемъ: «Учиться или не учиться?»¹⁾ Она обрадовала людей, имѣющихъ привычку всякую вину во всякихъ неприятныхъ дѣлахъ приписывать исключительно молодому поколѣнію, да литераторамъ. Эти люди обрадовались потому, что вздумали увидѣть въ статьѣ выраженіе взгляда министерства народнаго просвѣщенія. Но мы полагаемъ, что они ошибаются и что статья эта выражаетъ собою только ихъ собственное мнѣніе, и что министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ никакой солидарности съ подобными обскурантами.

Начинается она тѣмъ, что «и смѣшно и грустно», а приходится сдѣлать вопросъ: хотимъ мы учиться или нѣтъ? Кто это «мы»? По грамматическому смыслу ближе всего тутъ разумѣть автора статьи и людей, составляющихъ одно съ нимъ. Если бы онъ предлагалъ свой вопросъ въ этомъ смыслѣ, было бы, пожалуй, «и смѣшно и грустно» для общества, но полезно для этихъ «мы», что они пришли наконецъ къ сознанію, не нужно ли имъ хоть немножко поучиться. Смѣшно и грустно было бы для общества узнать отъ самихъ этихъ «мы», что они еще не знаютъ, полезно ли учиться; но для самихъ этихъ «мы» было бы ужь очень большимъ шагомъ впередъ то, что отъ прежней увѣрен-

¹⁾ Хорошо ли сдѣлали тѣ, которые напечатали эту статью, мы увидимъ изъ того, явится ли изъ печати мысль, вызвавшая ея въ насъ. Каждый можетъ имѣть о всякомъ предметѣ собственное мнѣніе и поступать хорошо, если предлагаетъ его на обсужденіе общества: если статьи «Учиться или не учиться» предлагаются на обсужденіе общества взглядъ, ею выражаемый, лица, помѣстившія эту статью въ нашихъ газетахъ, поступили хорошо. Но въ такомъ случаѣ пусть же они не отнимаютъ у общества права обсуждать этотъ взглядъ. Если же считаютъ они необходимымъ для себя или псевдобликимъ для кого нибудь или для чего нибудь высказывать и при взгляду общества только поиницироваться, не разсуждая объ его основательности, — въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ высказываться въ формѣ приказанія, распоряженія, циркуляра, а не въ формѣ разсуждающей статьи, и придавать ему такую форму — было дѣло не хорошее. Посмотримъ же, можно ли кому нибудь, кромѣ автора статьи «Учиться или не учиться» и людей, одобряющихъ его взглядъ, публично разсуждать о предметахъ, къ разсужденію о которыхъ по видимому вызываетъ эта статья.

ности въ ненужности и вредѣ ученія, они перешли къ сомнѣнію объ этомъ предметѣ и начинаютъ подумывать, что можетъ быть и нужно имъ учиться; это служило бы для общества предвѣстіемъ тому, что когда нибудь и убѣдятся въ надобности учиться.

Но авторъ статьи, очевидно, относитъ не къ себѣ и къ своимъ единомышленникамъ, а къ русскому обществу свое сомнѣніе о существованіи охоты учиться. Онъ говоритъ, что повидимому кажется, будто общество хочетъ учиться. Признаками тому, какъ будто, служатъ «сотни новыхъ журналовъ, десятки воскресныхъ школъ». — *Сотни* новыхъ журналовъ, да гдѣ же это авторъ насчиталъ сотни? А нужны были бы дѣйствительно сотни. И хочетъ ли авторъ знать, почему не основываются сотни новыхъ журналовъ (вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать: газетъ), какъ было бы нужно? Потому, что по нашимъ цензурнымъ условіямъ невозможно существовать сколько нибудь живому періодическому изданію нигдѣ, кромѣ нѣсколькихъ большихъ городовъ. Каждому богатому торговому городу было бы нужно имѣть нѣсколько хотя маленькихъ газетъ; въ каждой губерніи нужно было бы издаваться нѣсколькимъ мѣстнымъ листкамъ. Ихъ нѣтъ, потому что имъ нельзя быть. Говорятъ, что это скоро перемѣнится; — дай Богъ.

«Десятки воскресныхъ школъ». — Вотъ это не преувеличено, не то что сотни новыхъ журналовъ : воскресныя школы въ имперіи, имѣющей болѣе 60 милл. населенія, дѣйствительно считаются только десятками. А ихъ нужны были бы десятки тысячъ, и скоро могли бы точно устроиться десятки тысячъ, и теперь же существовать по крайней мѣрѣ много тысячъ. Отчего же ихъ только десятки? Оттого, что онѣ подозрѣваются, стѣсняются, членятся, такъ что у самыхъ преданныхъ дѣлу преподаванія въ нихъ людей отбивается охота преподавать.

Если это неправда, потрудитесь доказать противное и попробуйте въ доказательство обнародовать нѣкоторыя записки и сообщанія, результатомъ которыхъ были разныя правила и инструкціи относительно воскресныхъ школъ.

Но по мнѣнію автора статьи, эти признаки желанія общества учиться, то есть небывалыя сотни новыхъ журналовъ и дѣйствительныя десятки (удивительное число!) воскресныхъ школъ — признаки обманчивыя: «послушаешь крики на улицахъ, скажутъ, что вотъ тамъ-то случилось то-то, и поневолѣ повѣсишь голову, и разочаруешься ... Позвольте, г. авторъ статьи: какіе крики слышите вы на улицахъ? Крики городскихъ и квартальныхъ, — эти крики и мы слышимъ. Про нихъ ли вы говорите? — «Скажутъ, что вотъ тамъ случилось то-то, а здѣсь вотъ то-то» — что же такое, напримѣръ? Тамъ случилось воровство, здѣсь превышена власть, тамъ сдѣлано пригѣсненіе слабому, здѣсь оказано потворство сильному, — объ этомъ безпрестанно говорятъ.

Отъ этихъ криковъ, слышныхъ всѣмъ, и отъ этихъ ежедневныхъ разговоровъ въ самомъ дѣлѣ «поневолѣ повѣсишь голову и разочаруешься». Но авторъ статьи ведетъ рѣчь не о томъ. Онъ толкуетъ о такъ-называемыхъ исторіяхъ со студентами. Что жъ, и объ этихъ исторіяхъ мы умѣли бы разсказать много любопытнаго. Напримѣръ, захватываніе всѣхъ людей, которыхъ заставляла полиціекая или другая команда на извѣстномъ пространствѣ набѣжкою, служащая единственнымъ путемъ сообщенія между двумя частями города.

и всѣ эти люди держались не одинъ мѣсяцъ въ заключеніи, безъ разбора даже того, какимъ образомъ кто изъ нихъ находился на опальномъ пространствѣ въ несчастную минуту, — не проходилъ ли кто нибудь изъ нихъ черезъ это пространство съ Васильевского острова въ гостиный дворъ для покупки сукна или сапогъ: не проходилъ ли другой съ этой стороны города на бывшую тогда выставку картинъ въ академіи художествъ, — не только безъ всякаго отношенія къ студенческой исторіи, но быть можетъ и безъ понятія о томъ, что существуютъ на бѣломъ свѣтѣ люди, называемые студентами. Если угодно, можно будетъ указать сотни подобныхъ сторонъ въ дѣлахъ, называемыхъ студенческими исторіями. Но авторъ статьи говоритъ не объ этихъ многочисленныхъ сторонахъ, но только объ одной той, которая, по его мнѣнію, можетъ быть обращена въ порицаніе студентамъ. По его словамъ, «поколѣніе», которое нынѣ должно кончать свое образованіе, отказалось отъ ученія, оно можетъ обойтись и безъ науки: это поколѣніе косвеннымъ образомъ содѣйствовало закрытію петербургскаго университета и прямо прекращенію публичныхъ лекцій. Будемъ говорить о дѣлѣ даже только въ тѣхъ слишкомъ узкихъ границахъ, въ которыхъ угодно разсуждать о немъ автору статьи.

Первымъ доказательствомъ тому, что молодое поколѣніе, представляемое студентами здѣшняго университета, отказалось отъ ученія, онъ выставилъ событія, вслѣдствіе которыхъ былъ закрытъ университетъ. Чѣмъ были вызваны эти событія? Тѣмъ «правиламъ», которыя сдѣлались извѣстны подъ именемъ матрикулъ. Чѣмъ были недовольны студенты въ этихъ правилахъ? Общій духъ правилъ состоялъ въ томъ, что студентовъ, людей, вообще имѣющихъ тотъ возрастъ, въ которомъ, по законамъ нашей же имперіи, мужчина можетъ жениться и становиться отцомъ семейства, возрастъ, въ которомъ, по законамъ нашей же имперіи, человѣкъ принимается на государственную службу, можетъ быть командиромъ военного отряда, можетъ быть товарищемъ предсѣдателя гражданской или уголовной палаты, — студентовъ, людей этого возраста, «правила» хотѣли поставить въ положеніе маленькихъ ребятъ. Удобно ли это вообще? — Пусть разсудитъ авторъ статьи. Мы ограничимся только тою стороною дѣла, о которой угодно разсуждать ему. Если люди признаны недостойными или неспособными находиться въ иномъ положеніи, чѣмъ маленькіе ребята, значить эти люди признаны неспособными и науку слушать въ такомъ видѣ, въ какомъ сообщается она взрослымъ людямъ и въ какомъ должна преподаваться въ университетѣ; значить, общій духъ правилъ необходимо велѣтъ къ обращенію университетовъ со стороны преподаванія въ училище малолѣтнихъ ребятъ, въ низшіе классы гимназій, въ уздѣшныя училища. Значить ли, что взрослые человѣкъ отказывается отъ ученія, когда недоволенъ тѣмъ, что его хотять учить какъ маленькаго ребенка? Это пусть знаетъ авторъ статьи относительно общаго духа «правилъ». Кромѣ того были въ нихъ два отдѣльные постановленія, въ особенности возбуждавшія неудовольствіе студентовъ. Эти два постановленія были: во-первыхъ, отнятіе права у университетскаго начальства освобождать недостаточныхъ студентовъ отъ взноса платы за слушаніе лекцій, и воспрещеніе студенческихъ сходовъ. Разъяснимъ автору статьи значеніе этихъ постановленій.

Плата за слушаніе лекцій составляетъ 50 р. въ годъ. Большинство сту-

дентовъ люди, не имѣющіе совершенно ничего и живущіе самыми скудными и невѣрными доходами, изъ-за пріобрѣтенія которыхъ они бьются Богъ-знаетъ-какъ. Кто изъ этихъ бѣдниковъ имѣетъ какіе нибудь уроки, тотъ уже счастливецъ. Не имѣя вѣрнаго рубля серебромъ на чай и сахаръ, не имѣя никогда хотя бы 20 р. свободныхъ денегъ, какимъ образомъ могли бы эти люди взносить по полугодіямъ 25 р., требуемые въ началѣ каждого семестра? Прекращеніе права университетскаго начальства освобождать бѣдныхъ студентовъ отъ взноса платы за слушаніе лекцій равнялось отнятію у большинства студентовъ права слушать лекціи. Если они почувствовали неудовольствіе на такое распоряженіе, значить ли, что они не имѣли охоты учиться?

Людямъ, перебивающимся такими малыми и невѣрными доходами, какъ большинство студентовъ, безпрестанно бываютъ очень важны какіе нибудь 10 или 20 рублей. Черезъ мѣсяць, черезъ два студентъ какъ нибудь перевернется,—получить уроки, достанетъ нѣсколько листовъ перевода, и будетъ удѣлять рубли на уплату долга; черезъ три, четыре мѣсяца доходы опять изсякнутъ и опять придется занимать. Понятна важность кассы взаимнаго вспоможенія для общества людей, живущихъ въ такомъ положеніи. Понятно также, что этою кассою никто не можетъ управлять, кромѣ товарищей тѣхъ людей, которымъ она должна помогать. Тутъ нужно до мельчайшихъ точностей знать дѣла и характеръ каждого просищаго денегъ. Въѣдъ обезпеченія въ уплатѣ нѣтъ никакого, кромѣ личнаго характера; а видимое положеніе почти всей массы таково, что кромѣ близкихъ знакомыхъ никто не можетъ различить, дѣйствительно ли нужно пособіе требующему его, или требованіе неосновательно. Ни профессора, никакое начальство не можетъ замѣнить студентовъ въ управленіи ихъ кассой. Также никто кромѣ студентовъ не въ состояніи и провѣрять добросовѣстность или безпристрастіе распорядителей кассы. Значить, при существованіи кассы необходимы сходки студентовъ для выбора депутатовъ, распоряджающихся кассой, для повѣрки ихъ отчетовъ, для обсужденія многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ сами распорядители кассы будутъ чувствовать надобность спрашивать совѣтовъ. Значить, запрещеніе студенческихъ сходокъ равнялось уничтоженію студенческой кассы, столь необходимой.

Понятно ли теперь автору статьи и его единомышленникамъ, какой смыслъ имѣло недовольство студентовъ воспрещеніемъ сходокъ и непремѣнною обязанностью платы за слушаніе лекцій съ каждого студента? Тутъ дѣло шло не о какихъ нибудь политическихъ замыслахъ, а просто о кускѣ хлѣба и о возможности слушать лекціи. Этотъ хлѣбъ, эта возможность отнимались.

Или это не такъ? Попробуйте доказать противное; попробуйте напечатать документы, относящіеся къ этому періоду дѣла.

Угодно ли слушать, что было далѣе? Студенты, которымъ сходки еще не были воспрещены, собрались, чтобы путемъ, который они считали законнымъ и который тогда еще не былъ незаконнымъ (потому что «правила» еще не были приведены въ дѣйствіе, и потому студенты, даже и формально еще не имѣли основанія считать воспрещеннымъ для нихъ въ эти дни то, что не было имъ воспрещено прежде),—чтобы законнымъ путемъ просить высшее начальство университета ходатайствовать передъ правительствомъ объ отменѣннѣ правилъ,

искажавшихъ характеръ университетскаго преподаванія и отнимавшихъ у большинства студентовъ возможность слушать лекціи. Начальство это находилось въ зданіи университета. Но узнавъ о предполагавшемся представленіи просьбы, оно исчезло. Надобно было отыскивать, гдѣ оно. Натуральнѣе всего было предположить, что надобно искать его на его квартирѣ. Студенты пошли къ этой квартирѣ. Они шли совершенно спокойно.

Или это не такъ? Но вѣдь это извѣстно всему городу.

Винимъ ли мы когонибудь? Нѣтъ, мы еще только пробуемъ, можно ли и безъ всякихъ обвиненій протявъ когонибудь объяснить автору статьи и его единомышленникамъ, что напрасно винять они студентовъ въ нежеланіи учиться. Мы еще сомнѣваемся, допущено ли будетъ говорить хотя въ этомъ тонѣ. Но если изъ допущенія этихъ замѣчаній мы увидимъ, что можно сдѣлать дальнейшую пробу публичнаго разбора этихъ дѣлъ, тогда мы прямо попробуемъ сказать, кого тутъ слѣдуетъ винить и за что.

Итакъ студенты вынуждены были перейти изъ зданія университета въ другую часть города, чтобы отыскать свое начальство для представленія ему просьбы, на представленіе которой оставалось за ними законное право и были у нихъ такія уважительныя причины, какъ желаніе учиться и забота о кускѣ хлѣба для возможности учиться. Найденное ими начальство пригласило ихъ возвратиться въ зданіе университета. Они сдѣлали это съ радостью, какъ только получили отъ начальства обѣщаніе, что оно также отправится туда для выслушанія ихъ просьбы.

Образъ ихъ дѣйствій—былъ такъ миренъ и законенъ, что само это начальство почло себя въ правѣ увѣрить студентовъ на совѣщаніи съ ними въ зданіи университета, что никто изъ нихъ не будетъ арестованъ или преслѣдуемъ за событія того дня. На другой день поутру жители Петербурга и въ томъ числѣ студенты были встревожены извѣстіемъ, что ночью арестовано значительное число студентовъ.

Винимъ ли мы когонибудь за эти аресты? Нѣтъ, мы еще не пробуемъ теперь дѣлать этого, какъ уже и говорили выше.

По весь городъ недоумѣвалъ при несоотвѣтствіи факта съ увѣреніемъ, которое публично дано было наауну университетскимъ начальствомъ. Студенты желали, чтобы начальство разъяснило имъ это недоумѣніе и сообщило имъ насколько то удобно по обстоятельствамъ, въ чемъ обвиняются ихъ арестованные товарищи, чего ждать этимъ товарищамъ и всѣмъ другимъ студентамъ.

Узнать это желалъ весь городъ.

Вслѣдствіе попытки студентовъ узнать, не можетъ ли университетское начальство скольконибудь разъяснить имъ это дѣло и скольконибудь успокоить тревогу каждаго изъ нихъ за самого себя—были новые аресты.

Опять повторяемъ, что мы еще не пробуемъ винить кого бы то ни было. Посмотримъ, откроется ли намъ въслѣдствіи возможность къ этому. Но если откроется, то разумѣется мы воспользуемся ею.

Продолжать ли изложеніе дальнѣйшаго хода осенней студенческой исторіи, слѣдствіемъ которой было закрытіе здѣшняго университета? Если угодно будетъ автору статьи и его единомышленникамъ, мы готовы будемъ сдѣлать это для пополненія ихъ свѣдѣній о ней. Но для нашей цѣли довольно изложенныхъ фактовъ. Авторъ статьи выставилъ закрытіе здѣшняго университета слѣдствіемъ или признакомъ нежеланія студентовъ учиться. Мы доказали, что событія, имѣвшія своимъ слѣдствіемъ закрытіе университета, произошли отъ недовольства студентовъ «правилами», отнимавшими у большинства ихъ возможность учиться.

Разсматривать ли вопросъ, до какой степени имѣлась въ виду при составленіи «правилъ» эта цѣль,—отнятіе возможности учиться у большинства людей, поступавшихъ въ студенты университета. Мы не будемъ разсматривать этого вопроса теперь; но если авторъ статьи или его единомышленники считаютъ нужнымъ доказать, что эта цѣль нисколько не имѣлась въ виду при составленіи правилъ, пусть они напечатаютъ документы, относящіеся къ тѣмъ совѣщаніямъ, изъ которыхъ произошли «правила».

Но во всякомъ случаѣ, какую бы цѣль ни полагали себѣ лица, занимавшіеся составленіемъ «правилъ», правила были таковы, что необходимымъ ихъ послѣдствіемъ было бы именно отнятіе возможности учиться у большинства студентовъ и возбужденіе недовольства въ студентахъ этимъ отнятіемъ. Таково было мнѣніе не однихъ студентовъ, а также и большинства профессоровъ здѣшняго университета и многихъ другихъ лицъ, занимавшихъ или занимающихъ теперь въ министерствѣ народнаго просвѣщенія мѣста болѣе высокія.

Если авторъ статьи и его единомышленники хотятъ опровергнуть это наше свѣдѣтельство, пусть попробуютъ они напечатать документы, относящіеся къ засѣданіямъ совѣта здѣшняго университета по вопросу о тогдашнихъ университетскихъ «правилахъ» и другіе документы связанныя съ этимъ вопросомъ.

Если же они захотятъ утверждать, что раздѣляемое нами мнѣніе этихъ лицъ о тогдашнихъ «правилахъ» неосновательно, то пусть они докажутъ, что мы ссылаемся на факты, выдуманные нами, когда говоримъ, что въ скоромъ времени послѣ закрытія здѣшняго университета правительство учредило комиссію для пересмотра этихъ «правилъ»; что председателемъ этой комиссіи было назначено лицо, формально осудившее эти «правила» при самомъ же ихъ обнародованіи и отказавшееся приводить ихъ въ исполненіе въ своемъ университетѣ; что теперь эти «правила» совершенно отвергнуты правительствомъ.

Когда будетъ доказано, что мы лжемъ, указывая на эти факты, только тогда будетъ доказано и то, что ошибочно было впечатлѣніе, произведенное этими правилами на студентовъ здѣшняго университета, и что причиною закрытія здѣшняго университета были не именно эти «правила», а нежеланіе студентовъ учиться.

Переходимъ къ другому факту, выставляемому у автора статьи вторымъ доказательствомъ нежеланія студентовъ учиться. Этотъ фактъ—прекращеніе публичныхъ лекцій весною нынѣшняго года. Мы думаемъ, что авторъ статьи

и его единомышленники не найдутъ вредящимъ убѣдительности своего мнѣнія объ этомъ происшествіи то, что мы не дѣлаемъ попытки къ изложенію обстоятельства, за нѣсколько дней передъ прекращеніемъ лекцій возбужденнаго очень сильныя толки въ цѣломъ городѣ; надѣясь на то, мы не будемъ касаться этого предварительнаго обстоятельства ¹⁾, имѣвшаго вліяніе на прекращеніе лекцій. Но какимъ образомъ произошло самое прекращеніе ихъ? Объяснять это печатнымъ образомъ мы не хотимъ, потому что иначе пришлось бы поименовать множество лицъ, не имѣющихъ никакой претензіи парадировать передъ публикою въ качествѣ интересныхъ для нея дѣятелей. Уважая ихъ скромность, я не стану здѣсь излагать подробности, къ нимъ относящіяся. Но у меня все таки есть средство заставить автора статьи отказаться отъ обвиненія студентовъ по дѣлу прекращенія публичныхъ лекцій. Этимъ средствомъ я уже пользовался съ успѣхомъ по тому же самому дѣлу. Вотъ оно. Я предлагаю безыменному автору статьи, чтобы онъ или пожаловалъ ко мнѣ (мой адресъ онъ можетъ узнать въ конторѣ «Современника») — или сообщилъ мнѣ свой адресъ и согласился, чтобы я пришелъ къ нему для разъясненія этого дѣла вслѣдствіемъ споромъ при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, выбранныхъ въ равномъ числѣ отъ меня и отъ него. Выслушавъ наши объясненія, свидѣтели изложить въ формѣ протокола свое заключеніе. Если авторъ статьи не приметъ этого моего формально заявляемаго здѣсь приглашенія, я приобретаю право утверждать, что онъ самымъ непрямимъ его засвидѣтельствовалъ невозможность доказать основательность своего мнѣнія.

Мы посвятили нѣсколько страницъ разбору нѣсколькихъ строкъ, которыми начинается статья «Учиться или не учиться. Теперь можетъ идти быстро».

Авторъ статьи, «разочаровавшись» въ нынѣшнихъ студентахъ, спрашиваетъ себя, каковы будутъ будущіе студенты: «будутъ ли они грозить кафедрамъ свистками, мочеными яблоками и т. п. уличными орудіями протестующихъ», т. е. нынѣшнихъ студентовъ. Свистки и мочоныя яблоки употребляются не какъ «уличные орудія»: уличными орудіями служатъ: штыки, приклады, палашки:

¹⁾ Рассмотрѣніе котораго не необходимо для частнаго вопроса о степени виновности студентовъ въ прекращеніи публичныхъ лекцій. Для нашей дѣли достаточно будетъ начать изложеніе дѣла нѣсколькими днями позже этого первоначальнаго случая. Мы слышали, что за два дня до прекращенія лекцій, объявленнаго въ четвергъ 8 марта, было (во вторникъ, 6 марта, вечеромъ) на квартирѣ одного профессора собраніе профессоровъ, читавшихъ лекціи; что на этомъ собраніи эти профессора приняли рѣшеніе прекратить лекціи; что будучи спрошены, свободно ли и по собственному ли убѣжденію они приняли это рѣшеніе, они отвѣчали, что приняли его совершенно свободно по собственному убѣжденію. Мы желаемъ знать, можетъ ли быть отрицаема достовѣрность этого слышаннаго нами разсказа; и пока не будетъ намъ доказано, что она можетъ быть отрицаема, мы считаемъ дѣломъ излишнимъ доказывать какими либо другими соображеніями, что прекращеніе публичныхъ лекцій не должно быть приписываемо студентамъ. Если же авторъ статьи или его единомышленники захотятъ опровергать слышанный нами и сообщенный здѣсь разсказъ о собраніи профессоровъ вечеромъ во вторникъ 6 марта, то мы предупреждаемъ, что онъ можетъ быть опровергаемъ только свидѣтельствомъ самихъ профессоровъ, бывшихъ на этомъ собраніи, и что это свидѣтельство будетъ заслуживать рассмотрѣнія только тогда, когда будетъ скрѣплено ихъ подписями.

пусть вспомнить авторъ статьи, студентами ли употреблялись эти уличныя орудія противъ кого нибудь, или употреблялись они противъ студентовъ, и пусть скажетъ, если можетъ, была ли нужда употреблять ихъ противъ студентовъ; и если вздумаетъ говорить, что нужда въ этомъ была, то пусть объяснитъ, было ли въ то время раздѣляемо такое мнѣніе высшимъ начальствомъ расположеннаго въ городѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса. И такъ отлагаемъ рѣчь объ употребленіи уличныхъ орудій во время студенческой исторіи до той поры, когда авторъ статьи покажетъ намъ возможность подробнѣе заняться этимъ предметомъ.—Что же касается свистковъ и мочоныхъ яблокъ, эти орудія протеста употребляются за границею въ театральныхъ и концертныхъ залахъ, а не на улицахъ; но находились ли хотя одинъ свистокъ въ рукахъ у кого нибудь изъ студентовъ и было ли хотя одно мочоное яблоко брошено въ кого нибудь на какой нибудь лекціи или студенческой сходкѣ? Мы не слышали ничего подобнаго, и будемъ полагать, что ничего подобнаго не было, пока авторъ статьи не докажетъ противнаго. Впрочемъ, онъ вѣроятно только не умѣлъ выразиться съ точностью или увлекся краснорѣчіемъ, а въ сущности намѣренъ былъ сказать только, что 8 марта въ залѣ городской думы было шиканье и свистъ. Кто свисталъ и шикалъ? По однимъ рассказамъ большая половина присутствовавшихъ, по другимъ рассказамъ меньшинство, но очень многочисленное. Между тѣмъ извѣстно, что студенты составляли лишь небольшую часть публики, находившейся въ залѣ. И если бы не хотѣла свистать и шикать публика, то голоса студентовъ были бы заглушены ея аплодисментами, если бы и всѣ до одного студенты шикали. А при томъ извѣстно, что многіе изъ нихъ не свистали и не шикали. Слѣдовательно многочисленность свиставшихъ и шикавшихъ показываетъ, что шикала и свистала публика. Это положительно утверждаютъ и всѣ слышанные нами рассказы: часть публики аплодировала, другая часть шикала. Если шиканье было тутъ дурно или неосновательно, то извольте обращать свои упоризмы за него на публику, а не на студентовъ. Пропуская нѣсколько тирадъ, содержащихъ въ себѣ варіаціи на строки, нами разобранныя, замѣтимъ слова, относящіяся также къ прекращенію публичныхъ лекцій: студенты стали требовать отъ профессоровъ, чтобы они пристали къ ихъ протестамъ и демонстраціямъ. Когда это было? Сколько мы знаемъ, этого никогда не было. «Конечно, послѣдніе отказались». Какъ они могли отказываться отъ того, къ чему ихъ никогда не приглашали и чего никогда не предполагали дѣлать сами студенты. Это вызвало со стороны учащихся рядъ такихъ неприличныхъ выходокъ — какихъ это выходокъ? Когда онѣ были?—«что и публичныя лекціи должны были закрыться». Рѣшеніе прекратить публичныя лекціи, какъ мы сказали, было принято профессорами вечеромъ 6 марта, свободно и по ихъ собственному убѣжденію, какъ они тогда объявили, и никакія выходки со стороны студентовъ не предшествовали этому свободно принятому профессорами рѣшенію.

Далѣе авторъ статьи разсуждаетъ о «свободѣ» чловѣка «имѣть въ религіи, политикѣ и т. д. такія убѣжденія, какія почитаетъ лучшими», и порицаетъ нашихъ «либераловъ» за то, что они стѣсняютъ эту свободу во всѣхъ другихъ людяхъ. Въ доказательство тому приведена фраза изъ одной моей статьи; впрочемъ она совершенно напрасно выставляется уликой противъ

либераловъ, которые всегда отвергали всякую солидарность со мною и порицали мои статьи не меньше, чѣмъ авторъ статьи порицаетъ студентовъ. А главное дѣло въ томъ, что чѣмъ же студенты-то виноваты въ моихъ статьяхъ или въ неблагонамѣренности либераловъ? Развѣ я сойтуюсь съ студентами, когда пишу свои статьи? или развѣ наши «либералы», — пия, подѣ которыми разумѣются люди болѣе или менѣе не молодые и чиновные и ужъ ни въ какомъ случаѣ не студенты, — развѣ они набираются своихъ мнѣній отъ студентовъ? Впрочемъ авторъ только не умѣлъ начать рѣчь такъ, чтобы понятно было, къ чему онъ ведетъ ее, — а онъ ведетъ ее не къ тому, чтобы винить студентовъ за неблагонамѣренность нашихъ «либераловъ», каковыхъ онъ обвиняетъ совершенно напрасно, выставляя ихъ солидарными со мною, съ которыми не хотятъ они имѣть ничего общаго, а къ тому, чтобы убѣдить студентовъ перестать вѣрить этимъ «либераламъ», которыхъ онъ выставляетъ похожими на турецкихъ пашей и имѣющими привычку угрожать побоями людямъ другихъ мнѣній. Но, во-первыхъ, студенты никогда и не вѣрили нашимъ «либераламъ», всегда считали ихъ людьми пустыми, даже и не турецкими пашами, а просто пустозвонами; во-вторыхъ, если статья имѣетъ цѣлью подольститься къ студентамъ и разочаровать ихъ насчетъ либераловъ (забѣта совершенно излишняя), то статья не должна была бы такъ несправедливо винить самихъ студентовъ и тѣмъ отнимать у нихъ расположеніе къ мыслямъ, въ ней изложеннымъ.

Потомъ идетъ рѣчь о какихъ-то «деспотахъ» и «инквизиторахъ», подѣ которыми авторъ статьи разумѣетъ все тѣхъ же нашихъ «турецкихъ пашей», то есть по его мнѣнію «либераловъ». Они между прочимъ сравниваются съ двумя Наполеонами, — тѣмъ, который ходилъ въ Москву, и тѣмъ, который управляетъ теперь Франціею, и которые «оба были республиканцами». Но это послѣднее слово ужъ никакъ неприменимо къ нашимъ «либераламъ», которые отъ республиканскихъ понятій гораздо дальше, чѣмъ отъ понятій, свойственныхъ автору статьи. Вотъ удивятся они, что успѣли прослыть республиканцами!

Затѣмъ авторъ «отъ души жалѣетъ тѣхъ молодыхъ людей, которые, еще не искушенные опытомъ жизни, увлекаются общащиной и ласковою наружностью либераловъ» — усмѣнитесь, почтенныя авторъ: ни либералами, ни просто либералами молодые люди никогда и не увлекались, когда собирались просить свое начальство объ отпѣвѣ «правиль», изъ-за которыхъ произошли событія, имѣвшія своимъ послѣдствіемъ закрытіе университета; а прекращеніе публичныхъ лекцій было слѣдствіемъ рѣшенія, принятаго, какъ мы уже говорили, профессорами, читавшими лекціи. Затѣмъ опять идетъ рѣчь о «министральныхъ бонапартикахъ и кромвельчикахъ», которые были будто бы «коноводами» студентовъ. Любопытно было бы знать, на какихъ основаніяхъ авторъ статьи полагаетъ, что во время, предшествовавшее закрытію университета, или во время, предшествовавшее прекращенію публичныхъ лекцій, у студентовъ были «коноводы» изъ людей, не принадлежавшихъ къ студенческому обществу? Мы положительно говоримъ, что никакихъ такихъ «коноводовъ» студенты не имѣли. Если же авторъ статьи желаетъ опровергнуть это, то пусть попробуетъ напечатать слѣдственные дѣла, произошедшія по поводу осенней

студенческой исторіи или по другимъ процессамъ, въ которыхъ надало подозрѣніе на какихъ нибудь студентовъ,—тогда мы увидимъ, подтверждается или опровергается этими документами мнѣніе автора о какихъ-то будто бы существовавшихъ тогда связяхъ между студентами и какими-то «коноводами». Пока не будутъ обнаружены документальныя доказательства подобныхъ отношеній, мы будемъ утверждать, что ни въ какихъ документахъ ничего подобнаго отыскать нельзя, а во множествѣ документовъ должно находиться множество фактовъ, положительно уничтожающихъ всякую возможность хотя сколько нибудь основательнаго предположенія о существованіи этихъ мнимыхъ связей.

Но вѣдѣ за обличеніемъ миниатюрныхъ бонапартиковъ и кромвельчиковъ, которые губили студентовъ, мы читаемъ успокоительное увѣреніе, что теперь студенты уже отвергли этихъ прежнихъ своихъ зловредныхъ коноводовъ: «высказавшись слишкомъ рано, они (миниатюрные бонапартики и кромвельчики) во время оттолкнули отъ себя тѣхъ, которые сначала повѣрили было искренности ихъ стремленій», т. е. оттолкнули отъ себя студентовъ. Ну, вотъ и слава Богу. Далѣе слѣдуетъ увѣреніе, еще болѣе отрадное: по словамъ автора, скоро и вовсе провалится въ общественномъ мнѣніи миниатюрные бонапартики или кромвельчики. Вотъ въ подлинникъ это чрезвычайно утѣшительное предувѣдомленіе:

«До сихъ поръ еще впрочемъ условія цензуры нѣсколько затрудняли общественное разочарованіе; если же (какъ поется слухи) печать будетъ, въ скоромъ времени, болѣе облегчена, тогда мыльные пузыри или миражи разѣются сами собою, и тогда врядъ ли будутъ увлекаться даже наивнѣйшіе изъ самыхъ наивныхъ людей. Это будетъ первой и огромной пользой, которую принесетъ за собою облегченіе печати.

«Когда можно будетъ говорить свободнѣе, тогда лже-либералы встрѣтятъ себѣ сильный отпоръ въ людяхъ, истинно преданныхъ какой нибудь мысли: тогда никто не будетъ стѣсненъ: на одинъ полунамекъ, темный, неясный, обманичивый и двусмысленный, отвѣтитъ десятью ясными и здравыми словами. Внутренняя пустота, скрывающаяся теперь подъ наружными формами какихъ-то убѣжденій, должна будетъ уступить полнотѣ убѣжденій истинныхъ».

Дай Богъ, дай Богъ, чтобы поскорѣе пришло такое хорошее время!

Но дальше авторъ статьи какъ будто нѣсколько сбивается въ словахъ: обществу», говоритъ онъ, нужны коноводы; ну, на что же это похоже, что онъ желаетъ всему обществу стать въ послушаніе «коноводоѣ», когда самъ же такъ сильно напустился на студентовъ по одному неосновательному подозрѣнію, что они имѣли «коноводоѣ». Ай, ай, ай, вѣдъ это ужъ вовсе не хорошо! Да то ли еще провозглашаетъ авторъ статьи: мало того, говорить, что обществу нужны «коноводоѣ», — народу нужны полководцы», — съ нами крестная сила, что это такое значить? какіе это полководцы нужны народу? Развѣ народъ надобно поднимать противъ кого нибудь, вооружать? вести въ какія нибудь битвы? Странно, странно читать такія вещи, напечатанныя въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, и перепечатанныя отсюда въ Сѣверной Печати. Ну, договорился благонамѣренный авторъ статьи до того, что оставалось бы ему только тутъ же закончить статью восклицаніемъ про себя: языкъ мой—врагъ мой! Но онъ, нимало не конфузясь, продолжаетъ: довольно мы слышали всякихъ возгласовъ; намъ теперь нужны дѣло и люди дѣла».

Я совершенно разочаровываюсь въ благонамѣренности автора и кричу: «слово и дѣло!» Что же это, въ самомъ дѣлѣ, авторъ хочетъ, чтобы у насъ образовалось то, что въ Италіи называется «партія дѣйствія?».

Выразивъ это желаніе, которое такъ удивительно видѣть напечатаннымъ въ петербургскихъ газетахъ, авторъ возвращается отъ заботъ о веденіи народа въ какія-то битвы снова къ студентамъ. Ну, думаемъ, авось либо поправится, обнаружитъ прежнюю благонамѣренность: не тутъ то было. Онъ говоритъ, напримѣръ, что еслибы публичныя лекціи не были прекращены демонстраціею 8 марта въ залѣ городской думы, то «сочувствіе общества принадлежало бы» студентамъ «вполнѣ, потому что въ такомъ случаѣ всѣ ихъ прежнія демонстраціи имѣли бы смыслъ».—Позвольте, позвольте: а какой смыслъ имѣютъ эти слова? Дѣло студентовъ испорчено прекращеніемъ публичныхъ лекцій,—безъ этого случая «прежнія ихъ демонстраціи имѣли бы смыслъ, и сочувствіе общества принадлежало бы студентамъ вполнѣ»—такъ; значить, до этого случая оно не было испорчено, и «сочувствіе публики вполнѣ принадлежало студентамъ» и ихъ «прежнія демонстраціи» казались публичнѣ (или даже и автору статьи?) «имѣющими смыслъ?» Такъ, такъ. А вѣдь рѣшеніе прекратить публичныя лекціи было принято профессорамъ; значить, только профессора испортили дѣло студентовъ, а то оно «вполнѣ» пользовалось сочувствіемъ публики,—ну, хорошо; только уже не слишкомъ ли авторъ выставляетъ профессоровъ порицанію публики?

Къ этому, что ли, хотѣлъ привести рѣчь авторъ статьи, что студенческое дѣло испорчено только профессорами?

Хорошо, хорошо, слушаемъ, что будетъ дальше.

Дальше авторъ говоритъ, что столичныя университеты безнадежны, погубили себя безвозвратно (или онъ не то хочетъ сказать? Вѣдь у него не разберешь,—вѣдь можетъ быть онъ и профессоровъ не хотѣлъ выставять людьми, испортившими студенческое дѣло, и народъ не хотѣлъ вести на борьбу противъ какихъ-то враговъ), и что «остается надежда» только «на провинціальныя университеты»—что это значить? Предположено уничтожить здѣшній и московскій университеты? Или это только неумѣнье автора выражаться? Должно быть, только неумѣнье выражаться, потому что вслѣдъ затѣмъ статья оканчивается увѣдомленіемъ о возобновленіи лекцій въ здѣшнемъ университетѣ и вопросомъ: «какіе слушатели соберутся» въ здѣшній университетъ, когда онъ снова откроется, и будутъ или не будутъ они учиться? На эти вопросы отвѣчать очень легко: соберутся въ университетъ всѣ тѣ не успѣвшіе кончить курса слушатели его, которые будутъ имѣть средства и получать дозволеніе собираться; а учиться они будутъ, пока имъ не помѣшаютъ учиться.

Но авторъ статьи вѣроятно только не умѣлъ выразить свою настоящую мысль, и хотѣлъ спросить вовсе не объ этомъ, а о томъ, будутъ ли новыя демонстраціи со стороны студентовъ при открытіи или по открытіи университета? И на это можно отвѣчать очень опредѣленно: студенты рѣшили до послѣдней крайности воздерживаться отъ всякихъ демонстрацій, и на сколько дѣланіе или недѣланіе демонстрацій зависитъ отъ воли студентовъ, демонстрацій не будетъ. Но вѣдь не всеильны же студенты—мало ли что дѣлается противъ ихъ желанія? Вотъ, напримѣръ, публичныя лекціи они устраивали съ мыслью

держатъ себя совершенно спокойно, и удерживали спокойствіе въ залахъ лекцій, пока могли; а все-таки произошла демонстрація 8 марта. Студенты наканунѣ рѣшали, что не нужно дѣлать демонстрацій: но обстоятельства сложились противъ ихъ воли такъ, что она была произведена публичною.

Прошедшія событія должны служить урокомъ для людей, которые думаютъ, что демонстраціи вредны. Эти люди должны предотвращать такія обстоятельства, изъ которыхъ рождаются демонстраціи.

О, если бы эти люди приобрѣли хотя на половину столько самообладанія и благоразумія, сколько имѣютъ студенты—тогда конечно не было бы никакихъ демонстрацій.

Посмотримъ, какъ эти люди будутъ держать себя при открытіи и по открытіи университета, и тогда увидимъ, научились ли они разсудительности. А мало надежды на это, если люди, о которыхъ мы говоримъ, раздѣляютъ взглядъ, выразившійся въ статьѣ, нами разобранной.

ПОЛИТИКА.

Январь 1862.

РОЛЬ ПАЛЬМЕРСТОНА ВЪ ДѢЛѢ О ВЫДАЧѢ АРЕСТОВАННЫХЪ ЭМИССАРОВЪ ЮЖНЫХЪ ШТАТОВЪ. — НЕИЗБѢЖНОЕ ПАДЕНІЕ ХЛОПЧАТУМАЖНЫХЪ ПЛАНТАЦІЙ ВЪ ЮЖНЫХЪ ШТАТАХЪ. — ЖЕЛАНІЕ ПАЛЬМЕРСТОНА ПРИСКАТЬ НОВЫЙ ПРЕДЛОГЪ ДЛЯ ВОЙНЫ СЪ СѢВЕРНЫМИ ШТАТАМИ. — ОТНОШЕНІЯ УМѢРЕННОЙ ПАРТІИ И АБОЛИЦИОНISTОВЪ ВЪ СѢВЕРНЫХЪ ШТАТАХЪ. — ПОЛОЖЕНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЛЪ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. — МЕХИКАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ. — АВСТРІЙСКІЕ ФИНАНСЫ. — НЕОСНОВАТЕЛЬНОСТЬ ЛИБЕРАЛОВЪ, ПОРИЦАЮЩИХЪ АВСТРІЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ЗА ДЕФИЦИТЪ. — ИТАЛЬЯНСКІЯ ДѢЛА.

Мы не находили ничего важнаго въ шумѣ, поднятомъ газетами по случаю арестованія двухъ эмиссаровъ Южныхъ Штатовъ на англійскомъ пароходѣ капитаномъ военнаго парохода Сѣверныхъ Штатовъ. Оно и точно: воимъ изъ этого дѣла не вышло. Но если оно оказалось пустымъ съ той стороны, о которой шумѣли публицисты и маловажность которой мы доказывали, то явилось оно очень замѣчательнымъ съ другихъ сторонъ, обнаружившихся въ немъ уже послѣ его развязки.

Пока дѣло тянулось, дипломатическіе акты, относящіеся къ нему, хранились по заведенному порядку въ секретѣ. Не зная денегъ американскаго правительства, Англія и вся Европа воображали, что англійскому правительству необходимо было употребить самыя крайнія угрозы, поддерживаемыя самими быстрыми энергическими мѣрами, для принужденія вашингтонскаго кабинета загладить обиду, нанесенную англійскому флагу. Всѣ находили очень благо-разумнымъ то, что лордъ Пальмерстонъ, не теряя ни минуты, сталъ посылать войска въ Канаду и эскадру за эскадрой къ сѣверо-американскимъ берегамъ. Газета, служащая органомъ лорда Пальмерстона, до послѣдней минуты утверждала, что вашингтонскій кабинетъ упрямо противится требованіямъ Англіи, что надежда на мирную развязку очень слаба, и даже эта слабая надежда основывается только на томъ, что Сѣверные Штаты будутъ зауганы быстрыми приготовленіями Англіи къ войнѣ. Что же открывается?—Какъ только пришло въ Лондонъ извѣстіе объ арестѣ эмиссаровъ Южныхъ Штатовъ, американскій

посланникъ сказалъ Пальмерстону и Росселю, что, сколько онъ можетъ угадывать намѣренія вашингтонскаго правительства, случай этотъ не поведетъ къ неприяностямъ. Не смотря на то, Пальмерстонъ прямо началъ грозить войною, какъ будто предполагалъ, что Линкольнъ и Сьюардъ не имѣютъ никакой готовности дружелюбно покончить дѣло. Но гораздо раньше, чѣмъ пришла въ Вашингтонъ его грозная депеша, была уже послана оттуда въ Англію отъ Сьюарда депеша, отрицавшая всякую возможность ждать неприятой развязки. Дѣло въ томъ, что, какъ только получено было въ Вашингтонъ извѣстіе объ арестѣ эмиссаровъ, кабинетъ Линкольна рѣшилъ смотрѣть на этотъ случай тѣми же самыми глазами, какими взглянули на него англичане. Американское правительство всегда защищало неприкосновенность нейтральнаго флага противъ англійскаго правительства, поступавашаго съ нейтральными кораблями точно такъ, какъ американскій капитанъ поступилъ съ пароходомъ, который везъ эмиссаровъ. Поэтому вашингтонскій кабинетъ отступился, бы отъ собственнаго принципа, если бы отказался признать неправильнымъ поступокъ своего капитана. Такимъ образомъ Сьюардъ тотчасъ же отправилъ къ американскому посланнику въ Лондонъ депешу, говорившую, что вашингтонское правительство готово удовлетворить всѣ претензіи Англіи по случаю неправильнаго ареста эмиссаровъ и ждетъ только того, какія требованія представить Англія, чтобы исполнить ихъ. Пароходъ, который везъ эту депешу въ Англію, уже приближался къ Европѣ, когда отправился въ Америку пароходъ съ угрожающею депешою Пальмерстона. Слухъ о полученіи изъ Америки депешы, отклонявшей всякую возможность вражды, распространился въ Лондонъ. Но Morning Post, служащій органомъ лорду Пальмерстону, посмѣлилъ объявить, что нельзя ждать мирной развязки. Англійскія войска и военные корабли продолжали отправляться къ американскимъ берегамъ. Но изъ Америки шли слухи о невозможности иной развязки, кромѣ мирной; извѣстія о дружеской депешѣ подтверждались. Газета, служащая органомъ лорда Пальмерстона, объявила, что англійское правительство не получало отъ американскаго никакой депешы подобнаго содержанія. Теперь, когда она обнародована, такое обманчивое отрицаніе показалось англійской публикѣ слишкомъ дурнымъ коварствомъ, и почти всѣ газеты потребовали у Morning Post объясненія. Лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ чрезъ свою газету, что миролюбивая депеша не была получена англійскими министрами, то есть не была оставлена у нихъ въ копіи американскимъ посланникомъ, а что онъ только прочелъ имъ ее. Такимъ образомъ, по формальному смыслу словъ, газета Пальмерстона осталась права; но относительно сущности дѣла слишкомъ ясно обнаружилось, что Пальмерстонъ, желая раздражать въ англичанахъ расположеніе къ войнѣ съ Америкою, преднамѣренно вводилъ ихъ въ ошибку объявленіемъ, опровергающимъ справедливый слухъ о миролюбивыхъ намѣреніяхъ вашингтонскаго кабинета. Желаніе устроить войну съ Америкою доходило въ Пальмерстонѣ до того, что онъ повторилъ эту фальшь даже и въ такое время, когда она была уже слишкомъ глупа. Угрожающая депеша его очень затруднила вашингтонскому кабинету исполненіе желаній, на которыя уже заранѣе соглашалось вашингтонское правительство. Оно ждало только, чтобы Англія выражала желаніе обратномъ выдачи захваченныхъ эмиссаровъ. Но желаніе было высказано такимъ повелительнымъ тономъ и сопровождалось такими угрожающими

демонстраціями, что исполнить его теперь значило подать слишком сильный повод къ истолкованію, оскорбительному для самолюбія Сѣверныхъ Штатовъ: ихъ правительство выдало англичанамъ захваченныхъ эмисаровъ не потому, что находило справедливымъ это требованіе Англіи, а потому, что испугалось ея угрозъ. Линкольнъ и Сьюардъ не отступили однакожь отъ своего прежняго рѣшенія и объявили англійскому посланнику въ Вашингтонѣ, что они просятъ его назначить время и мѣсто для передачи плѣнниковъ въ его руки. Почтовый пароходъ, съ которымъ было отправлено извѣстіе о такой развязкѣ дѣла, прибылъ въ Ирландскую гавань Квинстонъ и отправилъ въ Лондонъ телеграммы. Нѣкоторыя изъ нихъ были адресованы къ банкирамъ, сообщившимъ ихъ биржѣ, и газеты напечатали, что дѣло совершенно улажено. Пальмерстонъ отличился и тутъ. Почта изъ Квинстона въ Лондонъ идетъ часовъ 16 или 18. Пальмерстонъ воспользовался этимъ промежуткомъ времени, чтобы объявить въ *Morning Post*, что правительство не получало никакихъ официальныхъ извѣстій о дружелюбномъ окончаніи переговоровъ, о которомъ газеты говорятъ по биржевымъ слухамъ. Лондонъ снова встревожился. Къ чему могла послужить эта вторая продѣлка? Вѣдь Пальмерстонъ зналъ, что на другой день надобно будетъ признаться ему въ неудачѣ военныхъ замысловъ на этотъ разъ.

Англійская публика была раздражена этимъ двойнымъ обманомъ. Видно, что сердились на Пальмерстона и нѣкоторые изъ его товарищей по министерству, особенно лордъ Россель, органъ котораго *Daily News* съ особенною точностію обнаруживалъ фальшивыя манёвры *Morning Post*. Нѣкоторыя газеты предсказывали отпаденіе довольно значительнаго числа отъ депутатовъ лорда Пальмерстона, который и безъ того располагаетъ въ палатѣ общинъ только большинствомъ, очень слабымъ. Дѣло еще не дошло до такого разрыва; но то вѣрно, что Пальмерстонъ сильно повредилъ себѣ излишнимъ коварствомъ. Впрочемъ онъ такой изворотливый человѣкъ, такъ умѣетъ подлаживаться подъ все капризы публики, что скоро съумѣетъ возстановить свою популярность. На что уже хуже было той бѣдѣ, которую въ 1858 г. послѣ орениевского дѣла навлекъ онъ на себя трусостью передъ угрозами императора французовъ, требовавшего, чтобы удалены были изъ Англіи враждебные ему эмигранты. Что же, — черезъ годъ Пальмерстонъ опять былъ первымъ министромъ и популярнѣйшимъ человѣкомъ въ Англіи.

Въ нынѣшній разъ онъ сдѣлалъ свои неудачные манёвры также по вліянію парижскаго кабинета. Мы уже говорили въ прошлый разъ, что французское правительство желало вовлечь Англію въ войну съ Америкой, чтобы получить болѣе простора въ распоряженіи европейскими дѣлами. Французскія полуофициальныя газеты громче англійскихъ кричали о необходимости омыть кровью обиду, нанесенную англійскому флагу. Съ такимъ же усердіемъ доказываютъ онѣ, что Англія не можетъ допускать продолженіе блокады портовъ въ Южныхъ Штатахъ и должна начать войну, чтобы открыть подвозъ хлопка, безъ котораго нечего будетъ дѣлать и быть работникамъ манчестерскихъ фабрикъ. Въ этомъ случаѣ многіе хлопчатобумажные фабриканты въ самой Англіи сначала раздѣляли мысль французскаго правительства, и Пальмерстонъ хотѣлъ угодить имъ еще больше, чѣмъ императору французовъ, когда старался устроить войну изъ простаго дѣла объ арестѣ эмисаровъ.

Вопросъ о хлопкѣ дѣйствительно очень важенъ для Англіи. Нынѣшній запасъ хлопка въ ливерпульскихъ кладовыхъ еще равняется обыкновенному количеству запаса въ это время года. Но цѣна хлопка уже поднялась въ полтора раза, и если не будетъ новаго усиленнаго подвоза, къ веснѣ поднимется она еще вдвое, а къ іюлю мѣсяцу весь прежній запасъ истощится. Легко было бы пособить дѣлу, позаботившись съ прошлой весны объ увеличеніи привоза хлопка въ Англію изъ Остъ-Индіи. Хлопчатая бумага уже воздѣлывается тамъ на огромныхъ пространствахъ; населеніе готово увеличить свои плантаціи до всякаго размѣра, лишь бы имѣть сбытъ. Годъ тому назадъ, англичане очень много говорили о томъ, что замѣнятъ американскій хлопокъ остъ-индскимъ. Въ надеждѣ на это было уже и отправлено изъ Индіи количество хлопка, гораздо большее обыкновеннаго. Но весь этотъ планъ на первый разъ рухнулъ силою пристрастія манчестерскихъ фабрикантовъ къ американскимъ сортамъ хлопка. Не смотря на недостатокъ въ нихъ, сбытъ остъ-индскаго хлопка въ Англію не увеличивался, отпускъ изъ Индіи снова ослабѣлъ, и плантаціи у индійцевъ остались пока еще не расширившимися. Дѣйствительно ли Остъ-Индія не можетъ производить такихъ высокихъ сортовъ хлопка, какъ лучшіе изъ американскихъ,—этого мы не знаемъ. Но самъ по себѣ остъ-индскій хлопокъ довольно хорошъ, въ этомъ согласны всѣ, и англійскія хлопчатобумажныя фабрики могли бы пользоваться имъ. Всему помѣшала только рутинная, которая повсюду очень упряма и не допускаетъ ничего новаго иначе, какъ вслѣдствіе крайней необходимости. Почувствовавъ недостатокъ матеріала, хлопчатобумажная фабрикація въ Англіи разстроилась, и вотъ какими черными красками изображаетъ ея положеніе *Times*:

«Съ промышленной точки зрѣнія графство Ланкастерское составляетъ какъ будто провинцію Соединенныхъ Штатовъ. Въ Южной Америкѣ жгутъ и топятъ хлопокъ или оставляютъ его на поляхъ необраннымъ, а Манчестеръ несетъ свою долю этого бѣдствія. Много тысячъ людей въ немъ остались вовсе безъ работы, у другихъ работы лишь на столько, чтобы не совсѣмъ стояли безъ дѣла машины и могли сами они кое-какъ таскать ноги. Фабриканты собираются въ лондонскихъ клубахъ и объявляютъ, что заперли свои фабрики. Будущее мрачно, и если Сѣверные Штаты будутъ продолжать войну съ Южными, дѣло станетъ еще гораздо хуже. Не Южная Каролина, а Ланкастерское графство подвергается блокадѣ, потому что не тамъ, а здѣсь чувствуется вредъ ея. Камни, которыми завалена чарльстонская гавань, испортили не ее, а ливерпульскую гавань».

Но что же дѣлать?—продолжаетъ *Times*: начинать ли войну для прекращенія блокады? Этого хотятъ многіе: *Times* еще не рѣшается поддерживать ихъ желанія. «Подождемъ», говоритъ онъ.—Въ самомъ дѣлѣ начинать войну съ Сѣверными Штатами для полученія хлопка изъ Южныхъ было бы самымъ нелѣпымъ безразсудствомъ. Не дурно объясняетъ это *Révue des deux Mondes*. Мы такъ рѣдко чувствуемъ возможность соглашаться съ этимъ достославнымъ журналомъ, вообще отличающимся самою пошлою непонятливостью, что нѣсколько странно было намъ встрѣтить въ немъ правильное сужденіе объ этомъ дѣлѣ. Статья *Révue des deux Mondes* еще сильнѣе *Times*'а говоритъ о тяжелыхъ послѣдствіяхъ отъ недостатка хлопка въ Англіи:

«Органы общественнаго мнѣнія въ Англіи очень сильно стараются изъ самолюбія скрыть національное бѣдствіе или по крайней мѣрѣ уменьшить его размѣръ. Они лишь слегка говорятъ о томъ, какъ увеличился науперизмъ въ послѣдніе мѣсяцы, и очень трудно собирать свѣдѣнія объ этомъ. А все-таки обнаруживаются грустные факты, и статистическіе отчеты даютъ намъ догадываться о великости бѣдствія. Напримѣръ, уже въ началѣ ноября прошлаго года изъ 842 бумагопрядильныхъ машинъ въ манчестерскомъ округѣ только 205 работали безостановочно; 408 работали только по 5 дней, по 4, по 3 дня въ недѣлю; а 49 машинъ стояли совершенно безъ работы. Изъ 172,257 работниковъ, находившихся на этихъ заведеніяхъ, только третья часть продолжала получать полную плату; другая третья часть имѣла работу только по 4 дня въ недѣлю; около 30,000, т. е. шестая часть работниковъ, были заняты только по 3 дня въ недѣлю, а 8 тысячъ оставались совершенно безъ работы. Съ той поры закрыто еще много фабрикъ, а другія еще уменьшили свое производство, такъ что теперь (въ началѣ января) работа хлопчатобумажныхъ фабрикъ уменьшилась по крайней мѣрѣ на половину противъ обыкновеннаго. Сообразно тому уменьшилась и сумма платы, получаемой работниками; обыкновенно простирается она до 24 милл. франковъ въ мѣсяцъ, а теперь понизилась до 12 милл.».

Многіе думаютъ, что если европейскія морскія державы заключатъ союзъ съ Южными Штатами и доставятъ имъ побѣду, это тяжелое положеніе англійской хлопчатобумажной промышленности прекратится. *Révue des deux Mondes* опровергаетъ такую мысль. Предположимъ, говоритъ этотъ журналъ, — «предположимъ случай самый благоприятный для Южныхъ Штатовъ, что они выйдутъ изъ войны побѣдоносными, могущественными, защищенными отъ Сѣвера цѣпью таможенъ и фортификацій, могущественнымъ флотомъ и дружбою Англіи; не смотря на свое торжество, плантаторы не будутъ въ состояніи такъ много, какъ прежде, заниматься воздѣлываніемъ хлопчатой бумаги и перестанутъ быть главными поставщиками ея для Англіи. Монополія этой поставки была получена Южными Штатами Сѣверной Америки потому, что они могли продавать тюкъ хлопчатой бумаги дешевле другихъ производителей другихъ странъ, воздѣлывающихъ хлопокъ. Но если хлопокъ станетъ обходиться дороже прежняго самимъ американцамъ, то по необходимости возрастетъ и продажная цѣна его, и американскіе плантаторы потеряютъ прежнюю выгоду соперничества на европейскихъ рынкахъ. А стоимость воздѣлыванія хлопка въ Америкѣ неизбежно возрастетъ влѣдствіе войны. Война обременитъ производство хлопчатой бумаги добавочными издержками, отъ которыхъ оно сдѣлается убыточнымъ. Уже и до войны американскіи плантаторы получали съ тюка хлопка лишь незначительную выгоду, а послѣ войны, какъ бы ни былъ успѣшенъ для него конецъ ея, расходы его чрезвычайно увеличатся. Если даже предположить, что негры останутся покорны попрежнему, что не нужно будетъ новыхъ издержекъ на надзоръ за ними и на ихъ наказаніе, то все-таки увеличатся расходы на ихъ прокормленіе, одежду, снабженіе ихъ орудіями труда и другими фабричными издѣліями, которыя получались прежде изъ Сѣверныхъ Штатовъ совершенно свободно, а по отдѣленіи Южныхъ Штатовъ должны будутъ оплачиваться таможенными пошлинами. Кромѣ того плантаторы, составивъ отдѣльное государство, должны

будутъ содержать армію, флотъ и государственную администрацію. Имъ понадобится строить зданія для правительства, платить проценты государственнаго долга, дѣлать въ мирное время расходы на приготовленіе къ наступательнымъ или оборонительнымъ войнамъ. Къ какимъ налогамъ могутъ прибѣгнуть они для покрытія этихъ расходовъ? Будучи народомъ по преимуществу земледѣльческимъ, будучи принуждены получать изъ Франціи, Англіи, Канады всѣ мануфактурные товары, — они должны будутъ открыть свои гавани свободному ввозу товаровъ съ очень легкими пошлинами. Слѣдовательно и въ мирное время придется имъ покрывать, какъ стараются они въ военное время покрывать свои расходы налогами на земледѣльческій продуктъ. Своимъ бюджетомъ они должны будутъ истощать источники своихъ доходовъ. Мало того, что налоги обременяютъ американскій хлопокъ и затрудняютъ ему соперничество съ иностраннымъ продуктомъ, — самая перевозка хлопка станетъ гораздо дороже. Въ другихъ хлопчатобумажныхъ странахъ, особенно въ Гиндустанѣ, пути сообщенія быстро улучшаются, а въ Южныхъ Штатахъ большая часть существующихъ дорогъ будетъ покинута за недостаткомъ локомотивовъ или за порчею рельсовъ. Шоссе и простыя дороги останутся перекопаны рвами и испорчены, мосты и дебаркадеры будутъ разрушаться; магазины обратятся въ казармы во время войны; на поправку и содержаніе всѣхъ этихъ сооружений налогъ будетъ взиматься съ хлопка. Наконецъ великимъ, непреодолимымъ затрудненіемъ успѣшному воздѣлыванію бумаги въ Южныхъ Штатахъ то самое рабство, которое доселѣ казалось причиною быстрого его расширенія. Правственные законы неизмѣнно мстятъ за свое нарушеніе, кто бы ни нарушилъ ихъ, отдѣльный ли человекъ или цѣлый народъ. Мы и теперь имѣемъ право спросить, не отъ рабства ли происходитъ нынѣшнее бѣдствіе Американскихъ Штатовъ, — не оттого ли, что одни изъ нихъ имѣли невольниковъ, а другіе допускали это. Слишкомъ слабые для мести, невольники не возстали на своихъ владѣльцевъ, но сами владѣльцы съ ужасающимъ хладнокровіемъ губятъ теперь себя. Подвергая свою страну военному вторженію, оставляя невоздѣланными свои поля, они изъ глубокаго мира ринулись въ ужасный рискъ междоусобія. Если ихъ дѣло, то есть дѣло рабства, на время восторжествуетъ, если посрамлена будетъ совѣсть рода человѣческаго, то гибель ихъ только замедлится, а не отвлечется: они безвозвратно обречены на нее сущностью своего дѣла. Для воздѣлыванія хлопка плантаторамъ нужна огромная территория. Они безпощадно истощаютъ землю, на которой останавливаются, какъ истощаютъ безжалостною работою силы негровъ. Истощивъ землю, они бросаютъ ее и переносятъ плантацію на другое мѣсто, пока вся страна становится бесплодною. Вотъ причина, по которой столь многіе плантаторы Виргиніи, Мериланда и Кентукки перестали воздѣлывать землю, занявшись выкармливаніемъ невольниковъ для южныхъ рынковъ. Тѣ рабовладельцы, которые не хотѣли покидать занятій сельскимъ хозяйствомъ, должны были переселяться на новыя земли. Сначала довольно было имъ земель по атлантическому побережью, потомъ перешли они за Аппалачскія горы; купили Луизиану и Флориду; вторглись въ великолѣпную долину Миссисиппи. Они обратили всю силу Соединенныхъ Штатовъ на завоеваніе Техаса и отняли у Мексики обширную территорию. Они напали на Кубу, хотя Куба принадлежить такимъ же рабовладельцамъ, какъ они сами, и отправляли шхеры въ

Гондурасъ и Никарагуу. Захватывая земли на югъ и западъ, они старались захватывать земли и на сѣверѣ. Они получили отъ конгресса дозволеніе распространить невольничество въ Канзасъ и Небраску (къ счастью, это разрѣшеніе оказалось напрасно). Они получили отъ верховнаго суда власть надъ всѣмъ Сѣверомъ, когда рѣшено было, что въ свободныхъ штатахъ невольникъ точно также остается собственностью владѣльца, какъ и въ невольническихъ штатахъ. Теперь положеніе измѣняется. Выдача бѣлыхъ невольниковъ еще не отмѣнена официально, но невольническая конфедерація имѣетъ границу. Она стала тѣснѣе прежней. Каковъ бы ни былъ исходъ войны, несомнѣнно то, что останутся соединены съ Сѣверомъ страны, въ которыхъ огромное большинство населенія—свободные люди: Мериландъ, Делаваръ, Колумбія, Западная Виргінія, значительная часть Миссури и Кентукки. Эта территорія, превосходящая своею величиною Францію, потеряна для невольничества. Плантаторы, ограниченные пространствомъ, меньшимъ прежняго, уже не могутъ замѣнять истощенныхъ земель новыми, и воздѣлываніе хлопка будетъ обходиться имъ все дороже и дороже. Правда, креолы новой конфедераціи, соединяющіе англо-саксонскую настойчивость съ южною страстностью, доказываютъ теперь, что способны дѣлать величайшія усилія для достиженія своей цѣли; но хотя ихъ отважность и переносимость уравнивали на время силу Сѣвера, они падутъ въ напрасной борьбѣ противъ экономическихъ и нравственныхъ законовъ, управляющихъ обществомъ. Земля, подвергнувшаяся невольническому труду, слабѣетъ въ своемъ плодородіи, и для восстановленія ея производительности нуженъ свободный трудъ. Когда великолѣпный бассейнъ Миссиссиппи и долины Аппалачскихъ горъ будутъ населены свободными людьми, снова развѣтвѣтутъ поля, опустошенные рабствомъ».

Къ этимъ совершенно справедливымъ соображеніямъ надобно прибавить еще два другихъ. Въ случаѣ отдѣленія Южныхъ Штатовъ отъ Сѣверныхъ, торговля между этими двумя государствами, сдѣлавшись заграничною, конечно утратила бы часть прежней своей живости: таможня всегда служитъ задержкою, какъ бы легки ни были пошлины. Изъ этого слѣдуетъ, что отпускъ хлѣба съ Сѣвера на Югъ уменьшился бы, и Южнымъ Штатамъ пришлось бы навсегда уменьшить хлопчатобумажныя плантаціи для расширенія своего хлѣбопашества, какъ это уже и начали они дѣлать въ прошедшемъ году. Другое соображеніе приводили мы еще при самомъ началѣ войны. Мы говорили тогда, что крайніе аболіціонисты Сѣвера вовсе не желаютъ удерживать Югъ въ государственной связи съ Сѣверомъ, а напротивъ самымъ выгоднымъ для своей цѣли рѣшеніемъ считаютъ признаніе независимости Южной конфедераціи. Какъ только была бы установлена граница между двумя государствами, невольники пограничной полосы Юга стали бы убѣгать въ Сѣверное государство, и пограничнымъ плантаторамъ не оставалось бы другого средства сохранить свою черную собственность, какъ передвинуться съ нею подальше отъ границы на югъ. Такимъ образомъ пограничные южные штаты быстро очистились бы отъ невольничества и присоединились бы къ Сѣверному свободному государству. Граница невольничества постоянно подвигалась бы на югъ, и съ каждою новою пограничною полосою происходило бы то же самое. Такимъ образомъ постоянно уменьшалась бы и пространство и производительная сила невольческихъ штатовъ, быстро умень-

нался бы и сборъ хлопка, если его воздѣлываніе основывается на невольническомъ трудѣ.

Все это было бы самой благопріятной для аболіціонистовъ развязкой дѣла. Потому люди принципиальные давно уже поняли, что попыткою отдѣлаться отъ Сѣвера Югъ самъ ускорилъ отмѣненіе невольничества на всемъ пространствѣ прежняго Союза и что невозможно рассчитывать на полученіе изъ Америки прежняго количества хлопчатой бумаги, воздѣланной невольническимъ трудомъ.

Но и по этому вопросу, какъ всегда по всякимъ дѣламъ, число людей дальновидныхъ довольно незначительно по сравненію съ большинствомъ, довольствующимся самымъ поверхностнымъ взглядомъ на дѣло. И вотъ въ Англіи, какъ мы уже говорили, господствуетъ напрасное ожиданіе, что лишь бы прекратилась блокада южныхъ портовъ, привозъ хлопка изъ Америки пойдетъ попрежнему. Раздѣляетъ или не раздѣляетъ Пальмерстонъ эту ошибочную надежду, но во всякомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто самъ питаетъ ее. Не имѣя никакихъ прочныхъ принциповъ, онъ всегда основывалъ свои успѣхъ на угожденіи всякому мимолетному капризу общественнаго мнѣнія, искалъ популярности не въ томъ, чтобы заслуживать солидную славу реформами, достойными государственнаго человека, а въ томъ, чтобы служить олицетвореніемъ всѣхъ слабостей и заблужденій англійской публики. Его желаніе похвалить ей въ дѣлѣ объ арестѣ южныхъ эмисаровъ уже обошлось англійскому народу довольно дорого: отправка войскъ въ Канаду и вооруженіе эскадръ для угрозы американскому берегу поглотило до 4 милл. фунтовъ. Деньги эти брошены совершенно на вѣтеръ; а между тѣмъ уже одна эта сумма, составляющая по всей вѣроятности только первую статью цѣлаго ряда задуманныхъ Пальмерстономъ подобныхъ расходовъ, была бы почти достаточна на покрытіе всего недочета рабочей платы у страдающихъ работниковъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ.

Мы сказали, что Пальмерстонъ думаетъ продолжать свои убыточные демонстраціи противъ Сѣверныхъ Штатовъ. Дѣйствительно, едва успѣло кончиться дѣло объ эмисарахъ, какъ газеты лорда Пальмерстона начали убѣждать публику въ существованіи новыхъ новодовъ къ непріятностямъ съ вашингтонскимъ правительствомъ. Очень много шума надѣлалъ онъ криками объ опасности, которой подвергается Канада. Въ Сѣверныхъ Штатахъ всегда господствовало мнѣніе, что Канада недолго захочетъ оставаться англійскою колоніею. Когда Пальмерстонъ сталъ грозить войною американцамъ, нѣкоторые вашингтонскія и ньюйоркскія газеты начали восторженно кричать, что сама Англія приглашаетъ Сѣвероамериканскій Союзъ къ приобрѣтенію Канады: надобно поскорѣ заключить миръ съ южными штатами, и обѣ арміи, соединившись, двинутся черезъ рѣку св. Лаврентія на завоеваніе англійскихъ владѣній въ Америкѣ. Эти слова были выставлены за выраженіе мыслей всего населенія Сѣверныхъ Штатовъ. Обманъ былъ очень грубъ: газеты, кричавшія о завоеваніи Канады, были органы сѣверныхъ союзниковъ плантаторской партіи. Они точно такъ же стремятся возбудить войну между Англіею и Америкою, какъ лордъ Пальмерстонъ ищетъ популярности угрозами противъ Америки. Они, какъ мы уже много разъ замѣчали, рассчитываютъ, что иностранная война заставитъ бы Сѣверъ согласиться

на всѣ условія, какія захотятъ продиктовать ему плантаторы. Но теперь эта партія на Сѣверѣ безцильна, а всѣ три партіи, раздѣляющія между собою влияние на дѣла, не могутъ имѣть и мысли о насильственномъ завладѣніи Канадою. Умѣренные демократы, умѣренные республиканцы и аболіціонисты никогда не представляли себѣ присоединеніе Канады къ Соединеннымъ Штатамъ иначе, какъ слѣдствіемъ желанія самой Канады. Въ ея жителяхъ постоянно была мысль слиться съ Соединенными Штатами, и они удерживались отъ ея исполненія только двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, сами они не были еще такъ сильны, чтобы Англія безпрекословно приняла ихъ отзывъ, если бы они сказали, что слагаютъ съ себя зависимость отъ нея. Во-вторыхъ, жителямъ Канады, имѣющимъ совершенно европейское или аболіціонистское отвращеніе отъ невольничества, было бы противно и унижительно входить въ составъ государства, признающаго существованіе невольничества въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ. Первое обстоятельство, опасеніе тяжелой борьбы съ Англіею—быстро отстраняется возрастаніемъ могущества Канады. На устраненіе втораго препятствія, т. е. невольничества, надѣются аболіціонисты, и даже умѣренные республиканцы. Вотъ въ какомъ смыслѣ говорятъ жители Сѣверныхъ Штатовъ о соединеніи съ Канадою, въ смыслѣ добровольнаго влеченія обѣихъ сторонъ къ соединенію. Но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ Канада не имѣетъ ни малѣйшаго желанія вступить въ составъ Соединенныхъ Штатовъ: она не хочетъ подвергаться тяжелымъ жертвамъ борьбы съ Югомъ. Потому она стала вооружаться для защиты своихъ границъ, когда возникло опасеніе войны между Англіею и Соединенными Штатами. Пока внутреннія дѣла Соединенныхъ Штатовъ уладятся, ей выгодноѣ держаться въ сторонѣ отъ нихъ. Этимъ расположеніемъ умовъ въ Канадѣ отстранялась для Англіи всякая опасность потерять свои сѣверо-американскія владѣнія въ нынѣшнее время: завоевывать Канаду Соединенные Штаты никогда не думали и не могутъ. Крѣпки объ этомъ, поднятые въ Англіи, были совершенно напрасны.

Но они все-таки имѣли хотя наружную благовидность. Даже и этого лишень былъ шумъ, поднятый лордомъ Пальмерстономъ по случаю заваленія камнями одного изъ фарватеровъ Чарльстонской гавани.

Читатель знаетъ, что Чарльстонъ былъ первымъ центромъ возстанія; онъ увлекъ за собою Южную Каролину, Южная Каролина увлекла за собою другіе южные штаты. Повидно, что изъ всѣхъ южныхъ городовъ Чарльстонъ наиболѣе ненавидѣнъ Сѣвернымъ Штатамъ. Есть и другое обстоятельство. Чарльстонъ—самая важная гавань Южныхъ Штатовъ на атлантическомъ берегу. По обѣимъ этимъ причинамъ Сѣвернымъ Штатамъ нужно было блокировать Чарльстонъ самымъ строгимъ образомъ. Но дѣло это затруднялось многочисленностью фарватеровъ; особенно неудобно было наблюдать за однимъ изъ нихъ, самымъ широкимъ. Сѣверные Штаты прибѣгли къ способу, новому въ исторіи морскихъ воиъ. Они нагрузили камнями 16 старыхъ купеческихъ судовъ и затопили ихъ въ три ряда поперекъ фарватера, который труденъ былъ для блокады. Что тутъ слышанно жестокаго? Новость дѣла считала только въ томъ, что оно совершено противъ гавани непріателемъ съ цѣлю усилить блокаду, а точно такъ же переговаривались фарватеры затопленными кораблями уже много разъ самими защитниками гаваней, чтобы не допустить въ нихъ

непріятеля. Такъ поступили, напримѣръ, мы съ Севастопольскою бухтою. Ни англичане, ни французы не называли тогда насъ врагами рода человѣческаго и нарушителями законовъ природы за это дѣло. А если нѣтъ ничего ненадуральнаго, когда сами владѣльцы гавани на время портятъ ее по военной надобности, то еще менѣе можно претендовать за это на непріятелей. Но Пальмерстонъ, въ согласіи съ французскимъ кабинетомъ, захотѣлъ искать тутъ новаго предлога для ссоры съ Сѣверными Штатами. Затопленіе Чарльстонскаго фарватера было объявлено варварствомъ, какого не видѣлъ міръ со времени Чингизхана. Хладнокровныя газеты замѣчали на это: но вѣдь если бы сѣверный флотъ бомбардировалъ Чарльстонъ, сжегъ его до тла и погубилъ жителей подъ развалинами домовъ, тутъ не было бы ничего противнаго законамъ цивилизованной войны; какимъ же образомъ слишкомъ уже безчеловѣчно то, что, нисколько не портя ни одного дома въ городѣ, не подвергая опасности ни одного изъ жителей, отнимають у этого города на время морскую торговлю? Пройдетъ война, и фарватеръ будетъ очищенъ, только и всего. Конечно очищеніе фарватера будетъ стоить чарльстонцамъ довольно много денегъ; но неужели не позволительно подвергать непріятеля денежнымъ расходамъ?

Не знаемъ, какіе новые предлоги къ ссорѣ съ Сѣверными Штатами найдутъ лордъ Пальмерстонъ и французскій кабинетъ. Теперь они какъ будто остановились на этомъ пути. Органы лорда Пальмерстона въ послѣднее время стали говорить, что Англія желаетъ сохранить строгіи нейтралитетъ; императоръ французовъ, въ рѣчи при открытіи законодательнаго корпуса, сказалъ то же самое. Эта перемена произошла очевиднымъ образомъ оттого, что западныя морскія державы поколебались въ прежнемъ своемъ мнѣніи о непобѣдимости Южныхъ Штатовъ. Не знаемъ, до какой степени оправдается фактами предположеніе, что Южные Штаты скоро увидятъ невозможность продолжать борьбу: но въ концѣ января, когда мы пишемъ эти строки, господствовало такое ожиданіе въ Европѣ. Прежнее сомнѣніе въ достаточности силъ Сѣверныхъ Штатовъ для побѣды надъ Югомъ распространялось въ европейской публікѣ больше всего письмами вашингтонскаго корреспондента 'Times'a, который, подобно самому 'Times'у, враждебенъ дѣлу Сѣверныхъ Штатовъ. Но въ половинѣ января даже онъ увидѣлъ надобность измѣнить свои предсказанія о непобѣдимости Юга. «Я никогда не сомнѣвался (сталъ говорить онъ теперь), что громадное преимущество матеріальныхъ и нравственныхъ силъ Сѣвера обезпечиваетъ ему скорую и рѣшительную побѣду; это всегда было видно; жаль, что въ теченіе всего прошлаго года онъ старался скрыть это. Лишь бы хотѣли Сѣверные Штаты вести борьбу до конца, исходъ ея неизбежно будетъ въ ихъ пользу», продолжаетъ онъ. Но ему все-таки хочется поддержать въ англійской публікѣ мнѣніе, что Сѣверъ не достигнетъ своей цѣли, что война останется напрасною и что потому Европа должна вмѣшаться въ нее, помочь Южнымъ Штатамъ. Съ этою цѣлью онъ прискиваетъ новый поводъ къ сомнѣніямъ въ возможности успѣха Сѣверныхъ Штатовъ. И самъ 'Times', раздѣляющій желаніе своего корреспондента, началъ ежедневно развивать его мысль. Она относится уже не къ военной, а къ финансовой сторонѣ дѣла. Война стоитъ Сѣверу очень дорого. — по приблизительному разсчету, военныя издержки его составляютъ около милліона долларовъ (болѣе милліона руб. сер.) въ день. На первое время успѣ-

вали покрывать этот громадный расход займами безъ установленія налоговъ, специально назначенныхъ на военные расходы и на уплату процентовъ по военнымъ займамъ. Деньги давались ньюйоркскими, филадельфійскими и бостонскими банками. Давъ болѣе 100 милл. долларовъ золотомъ государственному казначейству, банки эти въ концѣ прошлаго года увидѣли наконецъ, что запасы звонкой монеты въ ихъ кассахъ начинаютъ истощаться, и дали своимъ директорамъ право остановить размѣнъ своихъ билетовъ на золото, когда это будетъ нужно. Ровно ничего особеннаго тутъ нѣтъ: такъ дѣлается во всѣхъ государствахъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ серьезной войны; такъ сдѣлано было и англійскимъ банкомъ во время войнъ съ Франціею въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка. Правительство Сѣверныхъ Штатовъ знало, что займы звонкой монеты изъ банковъ годятся только на первое время войны, а для ея продолженія надобно будетъ прибѣгнуть къ другимъ источникамъ, и обратилось къ нимъ. Конгрессъ установилъ военные налоги суммою до 150 милл. долларовъ (200 милл. руб. сер.) и готовъ установить еще новые налоги въ такую же сумму, если понадобится. Эта надобность можетъ явиться чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а теперь пока кажутся достаточными уже установленные налоги, часть которыхъ пойдетъ на военные издержки, а другая послужитъ обезпеченіемъ процентовъ по заключаемымъ долгамъ и постепеннаго ихъ выкупа. Первый изъ новыхъ долговъ рѣшено сдѣлать посредствомъ замѣны нѣкоторой части кредитныхъ билетовъ частныхъ банковъ кредитными билетами, выпускаемыми отъ правительства. Ровно никакой перемѣны въ денежной системѣ по отношенію къ публикѣ тутъ не будетъ: какъ и всякая коммерческая страна, Соединенные Штаты чувствовали надобность, чтобы кромѣ звонкой монеты находились въ обращеніи у нихъ бумажные деньги, и бумажные деньги съ самаго начала республики существуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ существуютъ въ самой Англій. До сихъ поръ они выпускались частными банками, теперь частные банки обязываются обмѣнять часть своихъ кредитныхъ билетовъ на билеты, выпускаемые правительствомъ, — въ родѣ того, какъ англійскіе частные банки и банкиры обязаны принимать билеты англійскаго банка наравнѣ съ звонкою монетою. Что тутъ особенно страшнаго? Иное дѣло, если бы количество кредитныхъ билетовъ, обращающихся въ Соединенныхъ Штатахъ, увеличилось чрезъ этотъ обмѣнъ: тогда можно было бы Times'у говорить объ опасности упадка цѣнности бумажныхъ денегъ въ Соединенныхъ Штатахъ и т. п. Но количество бумажныхъ денегъ вовсе не увеличивается: частные банки вынимаютъ изъ обращенія ровно такую же сумму своихъ билетовъ, какую выпускаетъ правительство. Этотъ оборотъ, вмѣстѣ съ установленными налогами, даетъ Сѣвернымъ Штатамъ финансовыя средства на покрытіе военныхъ издержекъ до конца нынѣшняго года; а по мнѣнію многихъ, Южные Штаты должны будутъ покориться раньше этого срока. Но еслибъ случилось не такъ, еслибы война продолжалась долѣе, финансовое положеніе Сѣверныхъ Штатовъ не представило бы ничего ужаснаго. Вопросъ не въ томъ, найдутся ли у нихъ средства на веденіе войны, а только въ томъ, какая партія одержитъ верхъ въ вашингтонскомъ конгрессѣ: та, которая стремится покончить войну не иначе, какъ освобожденіемъ невольниковъ, или та, которая хочетъ покончить войну какимъ бы то ни было образомъ, лишь бы поскорѣе покончить ее.

Въ конгрессѣ, который точнѣ всѣхъ другихъ органовъ правительственной власти служить представителемъ общественнаго мнѣнія, постоянно усиливается партія абolicіонистовъ; палата представителей и сенатъ уже начинаютъ исполнять нѣкоторыя, на первый разъ еще маловажныя, части ея программы. Такъ, напримѣръ, рѣшено уничтожить невольничество въ столицѣ сѣвернаго союза— Вашингтонѣ и въ округѣ этого города, называющемся Колумбією и находящемся подъ непосредственнымъ управленіемъ союзнаго правительства. На выкупъ невольниковъ въ этомъ небольшомъ округѣ конгрессъ назначилъ миліонъ долларовъ. Теперь идутъ въ конгрессѣ пренія о существеннѣйшей части плана абolicіонистовъ: по мѣрѣ того, какъ сѣверныя войска будутъ подвигаться на югъ, во всѣхъ занимаемыхъ ими мѣстностяхъ должно быть по плану абolicіонистовъ провозглашаемо освобожденіе невольниковъ съ выдачею вознагражденія тѣмъ владѣльцамъ, которые оставались вѣрны Союзу, а владѣльцы, участвовавшіе въ возстаніи, должны быть оставлены безъ всякаго вознагражденія. Этотъ проєктъ былъ отсрочиваемъ уже нѣсколько разъ въ нынѣшней сессіи конгресса, да и въ настоящую минуту абolicіонисты еще не имѣютъ силы провести его; но при каждомъ возобновленіи преній возрастало число голосовъ, подаваемыхъ за это предложеніе, и если война протянется, оно восторжествуетъ.

Но совершенно иное направленіе обнаруживается въ дѣйствіяхъ президента и министерства. Види быстрое возрастаніе крайней партіи въ конгрессѣ, исполнительная власть старается по возможности задерживать развитіе событій въ абolicіонистскомъ духѣ и сближается съ демократическою партією, желающею щадить интересы плантаторовъ. Разумѣется, тутъ рѣчь идетъ не о сочувствіи Линкольна и Сьюарда къ плантаторамъ: президентъ и первый министръ также желаютъ уничтоженія невольничества; но они думаютъ, что прежде всего надобно заботиться о прекращеніи войны: принятіе абolicіонистской программы укрѣпило бы отчаянную рѣшимость южныхъ плантаторовъ, отняло бы у нихъ всякую охоту покориться, а этимъ продлилась бы война, если бы противъ крайней энергіи отчаявшихся плантаторовъ не были приняты столь же крайнія мѣры: формированіе партизанскихъ отрядовъ изъ свободныхъ негровъ Сѣвера, стремящихся идти на югъ, и призывъ южныхъ невольниковъ къ оружію. Едва ли можно будетъ избѣжать Линкольну этихъ рѣшительныхъ мѣръ, если война продлится; но онъ не желалъ бы принимать ихъ, потому что онѣ подвергнутъ слишкомъ большому опасностямъ бѣлое населеніе южныхъ плантацій. Вотъ почему сѣверное правительство до сихъ поръ не допускаетъ рѣшительныхъ людей стать во главѣ военныхъ дѣйствій и даже смѣняетъ тѣхъ прежнихъ генераловъ и сановниковъ, которые обнаруживаютъ въ себѣ абolicіонистскій духъ. Такъ была дана, мѣсяца три тому назадъ, отставка генералу Фримонту, командовавшему войсками въ Миссури. Послѣ того, также за абolicіонизмъ, получилъ отставку командиръ другаго корпуса западныхъ войскъ, Зигель; наконецъ въ половинѣ января также за абolicіонизмъ получилъ отставку военный министръ Камеронъ и на мѣсто его назначенъ демократъ Стантонъ; говорятъ, что скоро будутъ удалены еще нѣкоторые министры, разбѣляющіе образъ мыслей Камерона, и также замѣнены людьми болѣе снисходительными къ рабовладѣльцамъ.

Разумѣется, умѣренная республиканская партія, сохраняющая господство въ кабинетѣ Линкольна, дѣлаетъ эти пожертвованія неохотно: она понимаетъ, что они вредны для веденія войны. Фримонтъ пользовался огромною популярностію въ западныхъ штатахъ и ихъ войскахъ, а Зигелемъ, нѣмцемъ, чрезвычайно гордилась нѣмецкая часть населенія Соединенныхъ Штатовъ, выставившая очень много волонтеровъ. Но умѣренные республиканцы до сихъ поръ хотѣли дѣйствовать противъ Юга не столько фактическими ударами, сколько моральнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ огромностію силъ, собранныхъ Сѣверомъ. Умѣренные республиканцы хотѣли бы не то что побѣдить Югъ, а только склонить его къ тому, чтобы онъ смирился. Потому генералы, возбуждающіе энтузіазмъ въ войскахъ, казались сѣверному правительству несоотвѣтствующими его планамъ. Напримѣръ, и Макъ-Клееланъ, сдѣланный главнокомандующимъ, принадлежитъ людямъ, желающимъ вести войну съ невозможною пощадою для Юга. Мы уже говорили объ этихъ отношеніяхъ, мѣсяца три или четыре тому назадъ. Ходъ событій подтверждаетъ замѣчанія, сдѣланныя нами тогда. По мѣрѣ того, какъ война длится, усиливается крайняя партія, желающая воспользоваться ею для немедленнаго уничтоженія невольничества. Эта партія уже овладѣваетъ конгрессомъ, а президенту уже надобно смѣщать генераловъ и министровъ, чтобы она не овладѣла веденіемъ войны. До сихъ поръ умѣренными республиканцамъ, дѣйствующимъ чрезъ президента, еще можно было сохранять свое господство надъ гражданскою и военною администраціею, и отъ этого происходить нѣкоторая холодность между конгрессомъ и болѣе умѣренными органами исполнительной власти.

Люди, не знающіе быта Сѣверныхъ Штатовъ, воображаютъ, что несогласіе главнокомандующаго съ мнѣніями, достигающими сильнаго вліянія на конгрессъ, можетъ грозить опасностію законному устройству вашингтонскаго Союза. Они подозрѣваютъ Макъ-Клеелана въ честолюбивыхъ замыслахъ и готовы предсказывать, что изъ него выйдетъ Наполеонъ I. Этому превращенію мѣшаютъ только два обстоятельства. Во-первыхъ, Макъ-Клееланъ не одержалъ еще такихъ блистательныхъ побѣдъ, какія дали Наполеону возможность захватить диктатуру; во-вторыхъ, когда онъ одержитъ какія угодно побѣды, американцы припишутъ почти всю заслугу тутъ самимъ себѣ, массѣ войска, массѣ всего народа, а не силѣ одного человѣка. У нихъ уже такая привычка считать отдѣльнаго человѣка существомъ не Богъ-знаетъ-какимъ важнымъ въ отдѣльности отъ общества, которое даетъ ему и матеріальныя и нравственныя силы ко всему хорошему или блестящему, что онъ сдѣлаетъ. Они — народъ впечатлительный, любящій шумныя сцены: потому они готовы устроить восторженные ованіи тому или другому лицу, которое отличится чѣмъ нибудь; но устрояютъ это, шумятъ и кричатъ они не столько въ честь ему, сколько въ свое удовольствіе, и ни на минуту не забываютъ, что прославляемый герой ни больше, ни меньше, какъ ихъ собственное созданіе, и всю важность свою получаютъ лишь отъ того, что имъ вздумалось сдѣлать его своимъ любимцемъ. Если же хоть немного покажется имъ, что онъ приписываетъ себѣ важность, независимую отъ нихъ, они бросаютъ его, и онъ возвращается въ ничтожество.

На эти замѣчанія мы вызваны появившимися въ газетахъ разсужденіями, будто бы война можетъ породить въ Сѣверныхъ Штатахъ серьезную диктатуру.

А если бы не вздумали другіе толковать объ этой мнимой опасности, разумѣется, мы и не коснулись бы предмета, совершенно не идущаго къ нынѣшнему положенію дѣла въ Сѣверной Америкѣ. Дѣло теперь не о томъ, какую роль будетъ играть какой нибудь генералъ, прославившійся необыкновенными побѣдами,—вѣдь и побѣдъ еще никакихъ не было: наша рѣчь должна идти о томъ, въ какомъ положеніи находится война, до сихъ поръ ограничивавшаяся почти только одними приготовленіями къ будущимъ сраженіямъ.

Югъ давно уже вывелъ въ поле всѣ силы, которыми могъ располагать, а Сѣверъ съ каждымъ мѣсяцемъ увеличиваетъ силу своихъ армій. По отчету, представленному военнымъ министромъ при началѣ засѣданій конгресса, въ началѣ декабря Сѣверные Штаты имѣли въ своихъ арміяхъ до 665 тысячъ войска. Послѣ того по прежнему формировались все новыя полки, такъ-что численность дѣйствующихъ армій не увеличивалась только потому, что правительство не находило въ томъ нужды. Новыя волонтеры были оставляемы въ резервахъ на случай надобности.—Южныя арміи имѣютъ отъ 300 до 400 тысячъ солдатъ. Убѣдившись въ превосходныхъ силахъ непріятеля, южныя генералы ограничивались оборонительною системою дѣйствій. Сѣверные генералы не могли начать въ прошломъ году наступательныхъ дѣйствій потому, что должны были заниматься обученіемъ своихъ волонтеровъ. Теперь по ихъ мнѣнію войска приготовлены достаточнымъ образомъ, и надобно съ каждымъ днемъ ждать наступленія. Оно должно начаться съ фланговъ и съ тыла главной арміи Южныхъ Штатовъ, расположенной по южному берегу Потомака. Съ праваго фланга двинутся на нее отряды, которые будутъ перевезены моремъ на атлантическое побережье Южныхъ Штатовъ. Одинъ таковъ корпусъ подъ командою Бёрнсайда уже высадился на виргинскомъ берегу. Вслѣдъ за нимъ будутъ отправлены другіе корпуса, если этотъ первый окажется недостаточно сильнымъ. Съ тыла главной арміи Южныхъ Штатовъ дѣйствуетъ корпусъ, высадившійся близъ Чарльстона въ порт-рояльской бухтѣ. Полагаютъ, что другіе корпуса будутъ посланы на побережье Мексиканскаго Залива. Съ лѣваго фланга южной арміи дѣйствуютъ также нѣсколько отрядовъ, одинъ изъ которыхъ началъ спускаться по Миссиссиппи. Другіе пойдутъ сухимъ путемъ черезъ Миссури и Кентукки на югъ. Одинъ изъ нихъ уже одержалъ (въ Кентукки) значительную побѣду надъ сепаратистами, какъ мы знаемъ изъ телеграфическихъ депешъ. Степень важности этого дѣла мы еще не можемъ опредѣлить, не имѣя болѣе подробныхъ извѣстій о немъ. Эти диверсіи съ востока, юга и запада должны по мнѣнію сѣверныхъ генераловъ заставить Южное правительство отдѣлать изъ главной сепаратистской арміи много войскъ на защиту прибрежныхъ и западныхъ границъ южной конфедераціи, и нѣкоторые думаютъ, что главная армія инсургентовъ, будучи ослаблена отдѣленіемъ отрядовъ, будетъ отступать къ Ричмонду, не отвѣщая на сраженіе. У нѣкоторыхъ сѣверныхъ газетъ надежды еще значительнѣе: онѣ полагаютъ, что сѣверныя войска, высадившіяся на виргинскомъ берегу, отразятъ отступленіе главной арміи инсургентовъ, такъ что она будетъ окружена и разбѣется или положить оружіе. Разумѣется, это—догадка, основанная пока только на желаніи видѣть такой исходъ дѣла. Вѣрно только то, что сѣверное правительство думаетъ на дняхъ начать общее наступленіе всѣми своими силами и что къ веснѣ надобно ждать рѣшительныхъ дѣйствій.

По пока силы американскаго народа заняты борьбою съ южными плантаторами, западно-европейскія державы пользуются для вмѣшательства въ американскія дѣла временною невозможностью вашингтонскаго правительства устранять европейское вмѣшательство изъ другихъ частей американскаго материка. Попытки подобнаго рода начались при самомъ же началѣ междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ. Испанцы устроили заговоръ въ Доминиканской республикѣ, занимающей ту часть острова Сантъ-Доминго, которая прежде была подвластна Испаніи. Генералъ-губернаторъ острова Кубы снарядилъ экспедицію: когда она была готова, заговорщики объявили, что жители Доминиканской республики желаютъ возстановить надъ собою испанскую власть, при которой будетъ имъ лучше, нежели теперь; испанскія войска высадились на берегъ по ихъ призыву, овладѣли нѣсколькими крѣпостями, захваченными врасплохъ, и переворотъ былъ совершенъ. Мы не упоминали о немъ, потому что онъ не имѣлъ особенной важности, если бы на томъ и остановилось дѣло. Но первый успѣхъ ободрилъ западныя морскія державы, и теперь ихъ вмѣшательство въ американскія дѣла уже получается съ мексиканскою экспедиціей такіе размѣры, которыхъ нельзя оставить безъ вниманія.

Формальный предлогъ къ мексиканской экспедиціи состоитъ въ томъ, что Мехика не платила процентовъ по своимъ долгамъ. Большая часть этихъ облигацій находится въ рукахъ англичанъ; довольно много ихъ и у французовъ. Вотъ зачѣмъ, чтобы заставить Мехику платить проценты, и снаряжена экспедиція изъ англійскихъ и французскихъ кораблей и войскъ. Зачѣмъ тутъ примѣшались испанскіе корабли и войска, это совершенно неизвѣстно. Но какъ бы то ни было, Испанія приняла самое горячее участіе въ экспедиціи, и ея эскадра даже опередила эскадры двухъ другихъ союзниковъ. Если бы дѣло шло только о взысканіи процентовъ, экспедицію надобно было бы назвать предпріятіемъ неразсчетливымъ: навѣрное она будетъ стоить англичанамъ гораздо большихъ денегъ, чѣмъ сколько составляютъ всѣ долги мексиканскаго правительства англійскимъ капиталистамъ. О долгахъ его французамъ нечего и говорить: они, безъ сомнѣнія, въ двадцать разъ меньше издержекъ Франціи на экспедицію для ихъ взысканія. Потому разсудительные люди въ Англіи и Франціи говорили своимъ правительствамъ: если вамъ ужь такъ жалко кредиторовъ, теряющихъ свои деньги, то лучше прямо вознаградите ихъ за потерю; это обойдется намъ дешевле, чѣмъ вести войну съ Мехикою для взысканія долговъ. Но занимательнѣйшая сторона дѣла состоитъ въ томъ, что войну для наказанія мексиканцевъ за неисправность платежей Англія и Франція начали какъ разъ въ то самое время, когда въ Мехикѣ установилось правительство, способное и хотящее быть исправнымъ передъ кредиторами; а пока не было надежды на появленіе такого правительства въ Мехикѣ, пока кредиторы дѣйствительно не могли имѣть надежды на полученіе процентовъ, никто заступаться за нихъ не хотѣлъ. Это исторія такого рода.

Съ незапамятныхъ временъ существовала въ Мехикѣ такъ-называемая клерикальная партія, которая имѣла на своей сторонѣ полудикія племена, образовавшіяся изъ смѣшенія испанцевъ съ индійцами; изъ этихъ дикарей она набирала армію, которая всегда готова была грабить и рѣзать въ честь клериковъ. По временамъ народъ, выведенный изъ терпѣнія грабительствомъ,

вооружался противъ этихъ бандитовъ, прогонялъ ихъ въ пустыни, но до послѣдняго времени не имѣлъ столько благоразумія и стойкости, чтобы прочно обезопасить себя отъ ихъ нападеній. Призываемые клерикалами бандиты пользовались первою оплошностью мирнаго населенія, чтобы снова явиться, низвергнуть правильную администрацію, поставить надъ Мехикой правителя изъ подобныхъ себѣ молодцовъ. Послѣднимъ изъ этихъ клерикальныхъ правителей былъ Мирамонъ. Нѣсколько лѣтъ шла борьба мирныхъ гражданъ противъ его разбойническихъ шаекъ; наконецъ, съ годъ тому назадъ, бандиты были окончательно побѣждены, и Мирамонъ бѣжалъ. Вотъ, когда онъ и подобные ему предводители шаекъ господствовали надъ Мехикой, она, конечно, не платила процентовъ по долгамъ. Но западныя морскія державы ни мало не претендовали за то на Мирамона; напротивъ, они даже поддерживали его въ борьбѣ со всѣми честными гражданами. Теперь, когда ямъ показалось, что времена прежнихъ разбойническихъ смутъ покончились въ Мехикѣ, что законное правительство установилось прочно, западныя морскія державы двинули войска противъ этого правительства, которое само прямо говорило о твердомъ своемъ намѣреніи удовлетворить претензіи кредиторовъ. Эта мексиканская экспедиція не можетъ быть понята иначе, какъ въ смыслѣ удивительнѣйшаго примѣра макиавеллевской политики: надобно мѣшать устройству дѣлъ у другихъ народовъ, чтобы держать ихъ въ безплатіи и въ зависимости отъ себя. Разумѣется, никакъ не рѣшились бы Англія, Франція и Испанія на такое странное дѣло, если бы не видѣли, что Соединенные Штаты слишкомъ заняты внутренними смутами.

Когда готовилась троюбенная экспедиція, участвовавшіе въ ней державы увѣряли, что нимало не будутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Мексики и думаютъ только вытребовать у нея гарантіи для исправнаго платежа процентовъ. Теперь, какъ извѣстно читателю, открывается не то: союзники предполагаютъ завоевать Мексику и отдать ее одному изъ европейскихъ принцевъ, — чаще всего этимъ кандидатомъ называютъ одного изъ австрійскихъ эрц-герцоговъ, — чтобы онъ сдѣлался мексиканскимъ королемъ. Если положить, что это будетъ пріятно и выгодно для династій, членъ которой получить власть надъ Мехикой, все-таки остается непонятнымъ, изъ-за чего же тратить деньги и губить тысячи своихъ солдатъ три державы, бьющіяся для достиженія такой цѣли. Въдѣ онѣ, какъ мы читаемъ, даже условились не представлять кандидатомъ на мексиканскій престолъ никакого принца изъ своихъ династій, чтобы не возбуждать между собою зависти и споровъ и быть чистыми предъ лицомъ всего человѣчества отъ подозрѣній въ честолюбивыхъ или своекорыстныхъ замыслахъ. Изъ-за чего же онѣ бьются?

Изъ-за чего бьются, этого нельзя понять; но для чего онѣ занялись мексиканскимъ дѣломъ, это видно. Онѣ хотѣтъ утвердить свое вліяніе въ южной части сѣверо-американскаго материка: онѣ хотѣтъ все испытывать, до какой степени ослаблены Соединенные Штаты во внѣшнихъ дѣлахъ междоусобною войною. Соединенные Штаты не могли протестовать противъ экспедиціи, которой не допустили бы въ другое время, и вновь ободренные этимъ доказательствомъ желанія Соединенныхъ Штатовъ уклониться отъ внѣшней войны, лордъ Пальмерстонъ и тюрингскій кабинетъ возобновляютъ рѣчь о союзѣ съ Южными Штатами противъ Сѣверныхъ. Въ рѣчи своей, при открытіи засѣданій законо-

дательнаго корпуса, императоръ французовъ говорилъ о намѣреніи своемъ сохранять нейтралитетъ. Но тотчасъ же въ полуофициальныхъ французскихъ газетахъ явились комментаріи, что Франція намѣрена соблюдать нейтралитетъ только въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, эти три мѣсяца даются Сѣвернымъ Штатамъ на испытаніе ихъ силъ. Если къ веснѣ они не кончатъ войны, это значитъ, что они взяли за войну безразсудно, и обязанности западныхъ морскихъ державъ будетъ прекратить раздоръ принужденіемъ Сѣверныхъ Штатовъ признать независимость Южной конфедераціи. Этого необходимо требуютъ интересы хлопчатобумажной промышленности въ Англіи и Франціи.

Разумѣется, дѣло это зависитъ не отъ Франціи, а отъ Англіи, и въ Англіи собственно отъ манчестерскихъ фабрикантовъ. Полгода тому назадъ, между ними господствовало мнѣніе, что для нихъ полезно было бы вооруженною рукою снять блокаду южныхъ портовъ, и въ угожденіе этому прежнему расположенію дѣйствовалъ Пальмерстонъ, когда искалъ ссоры съ Америкою. Но теперь манчестерскіе фабриканты повидимому стали думать иначе. По крайней мѣрѣ вотъ какое письмо напечатавъ одинъ изъ нихъ въ Daily News по поводу рѣши, произнесенной однимъ изъ представителей Манчестера въ палатѣ общинъ, партизаномъ Пальмерстона, Масси.

«Г. Масси повидимому поддерживаетъ партію, которая хочетъ возбудить войну съ Соединенными Штатами изъ состраданія къ бѣдствіямъ хлопчатобумажной промышленности въ Англіи и во Франціи. Я полагаю, что изъ 20 фабрикантовъ, 19 согласятся со мною, когда я скажу вамъ, что мы не хотимъ помощи, которую предлагаетъ намъ г. Масси; она была бы слишкомъ дорога и напрасна. Если бы война и могла доставить намъ хлопокъ, она подняла бы его цѣну до такой высоты, при которой уничтожилась бы вся наша промышленность. Если бы война и могла открыть гавани Южныхъ Штатовъ, мы должны были бы платить за хлопокъ военную страховую премію, отъ которой цѣна фрахта слишкомъ поднялась бы.

Если наше правительство хочетъ пособить хлопчатобумажной промышленности, есть къ тому способъ менѣе убыточенъ. Если бы казна прямо стала выдавать работникамъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ ихъ жалованье, а фабрикантамъ прибавь по сложности послѣднихъ семи лѣтъ, и если бы это пособие выдавалось за все время бездѣйствія фабрикъ по недостатку хлопка, то даже на это пошло бы меньше денегъ, чѣмъ на войну, и этотъ расходъ кончился бы скорѣе военнаго, потому что въ нынѣшнемъ году мы по всей вѣроятности получили бы два милліона тюковъ хлопка изъ Индіи, а въ слѣдующемъ году станемъ совершенно независимы отъ американскаго хлопка. Потому, если правительство станетъ выдавать умѣренное пособие тѣмъ изъ манчестерскихъ работниковъ, которые лишлись занятія, оно поступитъ гораздо разсудительнѣе и израсходуетъ меньше денегъ».

Въ этомъ же смыслѣ принято единодушное рѣшеніе митингомъ фабрикантовъ, бывшимъ въ Манчестерѣ въ концѣ января.

Однакоже, если мы будемъ продолжать такимъ сухимъ тономъ, мы окончательно потеряемъ право на вниманіе читателей, какъ люди, совершенно отсталые. Нынѣ всѣ либерализируются, и мы волею-неволею должны поддѣлываться подъ эту моду. Попробуемъ же писать въ либеральномъ духѣ.

Каждому просвѣщенному человѣку извѣстно, что Прусское королевство— государство конституціонное. Каждому даже и непросвѣщенному человѣку извѣстно также, что всѣ люди, слѣдовательно и просвѣщенные люди, могутъ заблуждаться; а изъ этого слѣдуетъ, что не должно принимать безъ критики упомянутое нами убѣжденіе просвѣщенныхъ людей. Очень можетъ быть, что ихъ мнѣніе о государственномъ устройствѣ Пруссіи ни больше, ни меньше, какъ иллюзія. Мы когда нибудь займемся этимъ вопросомъ; но пока еще не занялись имъ, не имѣемъ основанія отвергать распространенный въ цѣломъ свѣтѣ взглядъ на Пруссію, какъ на государство конституціонное; напротивъ, должны пока думать, что самая распространенность вышеозначеннаго мнѣнія служить нѣкоторымъ ручательствомъ за его истину. Принимая же его до дальнѣйшаго изслѣдованія за истину, мы можемъ до-поры-до-времени построить слѣдующій силлогизмъ:

Въ конституціонныхъ государствахъ есть либеральныя газеты.

Слѣдовательно въ Пруссіи должны быть либеральныя газеты.

Основываясь на этомъ выводѣ, мы ищемъ прусскихъ либеральныхъ газетъ, и находимъ, что изъ всѣхъ попадающихся намъ на глаза самая либеральная— *National-Zeitung*. Въ настоящее время приличіе требуетъ отъ каждаго, какъ мы сказали, чтобы онъ старался имѣть либеральный образъ мыслей. Будемъ, какъ сказали, стараться объ этомъ и мы.—Пора, давно пора была намъ позаботиться объ этомъ; вѣдь на насъ уже насыпаны цѣлыя горы упрековъ за нашу нелюбовь къ свободѣ, за топтаніе въ грязь всѣхъ дѣятелей и органовъ европейскаго либерализма отъ Маколея и Токвиля до Кавура и г. Рикевскаго, отъ *Débats* и *Times'a* до почтенныхъ порицателей нашихъ въ русской прессѣ. Изнемогая подъ тяжестью заслуженныхъ порицаній, мы, какъ уже объявляли, чувствуемъ нужду исправиться и хотимъ учиться либерализму,—но не у нашихъ русскихъ собратій, рѣчи которыхъ сами слишкомъ пахнутъ ученичествомъ, а у ихъ достойныхъ западно-европейскихъ наставниковъ, и на первый разъ беремъ за руководителя себѣ *National-Zeitung*.

Это предпочтеніе нѣмецкаго руководства англійскому или французскому основано на томъ, что нынѣ приходится намъ говорить о нѣмецкихъ отношеніяхъ: Австрія отличалась очень замѣтельными разсужденіями о бюджетѣ. Начнемъ же съ австрійскаго бюджета и послушаемъ, что говорятъ о немъ наша руководительница *National-Zeitung*.

«Государственные доходы и расходы, начиная съ 1861 г., будущіе приведены въ равновѣсіе—такова моя воля.—такъ повелѣлъ императоръ австрійскій торжественнымъ рескриптомъ отъ 11 ноября 1859 г.

«Если бы государственные доходы и расходы оставались безъ измѣненія, дефицитъ на будущій 1861 г. простирался бы до 43 милліоновъ гульденовъ. Но ожидаемое улучшеніе курса дозволяетъ надѣяться на уменьшеніе въ 5 милліоновъ гульденовъ въ расходахъ по потерямъ на курсы. Министры внутреннихъ дѣлъ и юстиціи обѣщаютъ мнѣ сбереженіе въ 4 милліоновъ. Такое же сбереженіе возможно по финансовому управленію. Расходы по арміи и флоту могутъ быть уменьшены на 11 милліоновъ.

Итакъ, при неизмѣнности прочихъ статей, дефицитъ 1862 г. уменьшится съ 43 до 19 милліоновъ гульденовъ. Этой цифръ равняется сумма расходовъ, назначенныхъ на поименованіе государственнаго долга. Отложивъ это дѣло, мы можемъ считать, что между государственными доходами и расходами въ 1862 году будетъ сохранено равновѣсіе». Такъ говорилъ управляющій министерствомъ финансовъ Австрійской имперіи г. фонъ-Пленеръ 31 іюля 1860 г. въ своемъ *Соображеніи о финансовой будущности Австріи на 1862 г.*

«Бюджетъ за 1861 годъ, въ которомъ по императорскому повелѣнію долженъ былъ исчезнуть дефицитъ, въ которомъ по мечтѣ министра финансовъ могъ по крайней мѣрѣ считаться дефицитъ исчезнувшимъ,—бюджетъ 1861 г. теперь у насъ передъ глазами, и въ немъ оказывается дефицитъ, равняющійся 110,186,000 гульденовъ.

«Что значать мечты австрійскихъ министровъ противъ логики финансоваго хозяйства, основаннаго на банкротствѣ и требующаго невозможностей отъ народныхъ средствъ!

«Чѣмъ же покрыть этотъ дефицитъ въ 110 милл.?—*Не вѣчно прибѣгать къ займамъ!*—энергически восклицаетъ фонъ-Пленеръ: *нужна бережливость!*—Но восклицая это, онъ объясняетъ, что дефицитъ будетъ покрытъ кредитными операціями: государство возьметъ деньги изъ банка, которому возвратитъ ихъ въ теченіе слѣдующихъ 20-ти мѣсяцевъ. Откуда возьметъ оно тогда деньги, чтобы возвратитъ ихъ банку, это никому неизвѣстно. Но то видно, что банкъ дастъ государству деньги, то есть сдѣлаетъ новый выпускъ бумажныхъ денегъ. Отъ такой кредитной операціи, по мнѣнію г. фонъ-Пленера, поднимется курсъ бумажныхъ денегъ.

«Судьба Австріи да послужитъ для другихъ государствъ урокомъ, чтобы они не дѣлали расходовъ, превышающихъ финансовую ихъ силу. Причину разоренія Австріи служить безмѣрность расходовъ ея на войско».

Таковы размышленія National-Zeitung объ австрійскомъ бюджетѣ. Мы не имѣемъ возможности опровергнуть фактовъ, на которыхъ построена переведенная нами статья. Эти данныя засвидѣтельствованы къ сожалѣнію самимъ австрійскимъ правительствомъ. Оно имѣло неосторожность объявить цифру своего дефицита и объяснить средства, которыми намѣрено покрыть его. Ошибка сдѣлана, и у приверженцевъ австрійскаго правительства отняты всѣ способы спорить съ врагами австрійской системы относительно фактовъ. Но къ счастью, еще можно перенести преніе въ другую сферу, въ область принциповъ и на почву исторической необходимости. Этимъ оборотомъ дѣло австрійскаго правительства несомнѣнно будетъ выиграно.

Расходы на войско въ Австріи очень велики. Положимъ; но какую пользу извлекутъ противники австрійской системы изъ указанія на этотъ фактъ, съ благородствомъ столь же излишнимъ, сколько и добросовѣтнымъ, выставленный самимъ австрійскими министрами? Неужели National-Zeitung думаетъ, что австрійскому правительству пріятно расходовать два гульдена тамъ, гдѣ довольно было бы израсходовать одинъ? Развѣ австрійское правительство дастъ подрѣд-

чикамъ и поставщикамъ больше, чѣмъ сами они требуютъ? Или развѣ нѣтъ въ Австріи между купцами соперничества, такъ что берутъ они за поставляемые предметы больше, чѣмъ могутъ взять безъ убытка для себя? Нѣтъ. Вещь, продающаяся за гульденъ, покупается австрійскимъ правительствомъ не больше, какъ за гульденъ. Если и бывають злоупотребленія, они поглощаютъ лишь ничтожную часть казенныхъ денегъ,—какой нибудь десятокъ милліоновъ изъ сотни. Злоупотребленіями нельзя объяснить огромнаго дефицита,—онъ почти весь остался бы, хотя бы ни одинъ чиновникъ не пользовался ни однимъ казеннымъ гульденомъ. Сообразите сами: австрійская армія многочисленнѣе французской, а ея содержаніе обходится почти на половину дешевле. Между тѣмъ во Франціи нѣтъ значительныхъ злоупотребленій по военной администраціи. Значить, не могутъ они поглощать много денегъ и въ Австріи,—напротивъ, очевидно, что Австрія умѣетъ содержать солдата на меньшее число рублей, чѣмъ содержится онъ во Франціи.

National-Zeitung скажетъ: я именно о томъ и говорю, что армія въ Австріи слишкомъ многочисленна.—Хорошо такъ разсуждать National-Zeitung: но мы опять спрашиваемъ: неужели она воображаетъ, что австрійскому правительству пріятно содержать двѣ роты тамъ, гдѣ достаточно одной? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, австрійская армія существуетъ для чьего нибудь каприза? Если содержатся подъ знаменами эти люди жалкой наружности, плохо одѣтые, плохо обутые, то конечно не для доставленія удовольствія кому нибудь любоваться на нихъ, а только по необходимости. Вотъ показала бы National-Zeitung возможность обойтись безъ такой многочисленной арміи, тогда былъ бы смыслъ въ ея словахъ.

«Мы готовы показать и каждый день показываемъ, какими способами можно устранить необходимость въ содержаніи такой многочисленной арміи, — скажетъ National-Zeitung:—надобно отказаться отъ Венеціи, удовлетворить требованія венгровъ, и можно будетъ тогда распустить больше половины арміи. — Странные люди! Сдѣлають неосновательный упрекъ и потомъ придумываютъ предлагать невозможный способъ для его отвращенія. Какое правительство отказывалось когда нибудь добровольно отъ обладанія какою нибудь землею? National-Zeitung винить австрійскую систему въ обскурантизмъ, деспотизмъ и проч. Но въ Англіи было много разъ правительство просвѣщенное и либеральное; однако же Англія никогда не отказывалась отъ господства надъ Ирландіею, которая до недавняго времени точно такъ же ненавидѣла Англію, какъ Венеція—Австрію. Да и сама National-Zeitung при всемъ своемъ либерализмѣ соглашается ли на добровольное прекращеніе господства прусскихъ нѣмцевъ надъ тою частью Пруссіи, которая стремится къ отдѣльному отъ нея національному существованію? Значить, обскурантизмъ и деспотизмъ австрійскаго правительства остается тутъ не причеиъ: либеральное правительство точно такъ же старалось бы сохранить власть надъ Венеціею. А для этого надобно держать триста тысячъ воиска въ Венеціи и сосѣднихъ областяхъ: иначе итальянцы тотчасъ бросились бы изъ Ломбардіи и Романьи на Венецію, да и она сама возмущалась бы, и австрійская власть надъ нею рухнула бы въ двѣ-три недѣли. Вотъ мы видимъ, что одна половина австрійской арміи занята дѣломъ.

не допускающимъ уменьшить ее. Изъ другой половины большая часть нужна для охраненія порядка въ Венгріи. — *National-Zeitung* говоритъ: «пусть австрійское правительство удовлетворитъ желаніямъ Венгріи, тогда не будетъ надобности содержать огромную армію въ этомъ королевствѣ». — Вѣдь это все равно, какъ если бы совѣтовать купцу, чтобы онъ не бралъ торговой прибыли, или совѣтовать землевладѣльцу, чтобы онъ не бралъ дохода съ своей земли, или совѣтовать *National-Zeitung*, чтобы она отказывалась отъ подписчиковъ. Или нѣтъ: эти совѣты, совершенно нелѣпые, все-таки менѣе странны, чѣмъ совѣты, даваемые австрійскому правительству либералами. Удовлетворительная развязка венгерскихъ отношеній точно такъ же не зависить отъ австрійскаго правительства, какъ и разрѣшеніе вопроса о Венеціи. Тутъ нужны совершенно инныя обстоятельства, и виновато ли австрійское правительство, что обстоятельство такихъ до сихъ поръ нѣтъ? Чтобы нѣсколько разъяснить дѣло, сообразимъ положеніе венеціанскаго вопроса.

Итальянцы хотятъ изгнать австрійцевъ изъ Венеціи. Виновато ли австрійское правительство въ томъ, что итальянцы до сихъ поръ не приступали къ исполненію этого своего желанія? Очень можетъ быть, что совершенно правы кавурисы, находящіе итальянское войско еще слишкомъ слабымъ для подобной попытки. Но если такъ, неужели австрійское правительство виновато въ слабости итальянской арміи? Неужели оно должно было заботиться объ ея усиленіи? Никто не обязанъ хлопотать о развитіи силъ своего врага. Считать это обязанностью австрійцевъ значило бы требовать отъ нихъ великодушія, почти сверхъестественнаго. Но австрійцы оказываютъ даже и это столь тяжелое благородство. Сколько могутъ, они хлопочатъ объ усиленіи итальянской арміи. Они нисколько не скрываютъ своего намѣренія начать съ Италіею войну для возстановленія прежняго порядка; они ссорятся и грозятъ. Чего же больше? Кажется, довольно ясно указываютъ они итальянцамъ надобность усиливать національную армію. Неужели можно ждать, чтобы они дѣлали больше для итальянцевъ? Ждать было бы нельзя, но австрійцы превышаютъ своимъ благородствомъ всѣ ожиданія: они даже указываютъ итальянцамъ вѣрнѣйшій способъ довести національную армію до силы, какая нужна для успѣха итальянскаго дѣла. Они выражаютъ самую сильную тревогу, когда кто нибудь въ Италіи говоритъ о формированіи волонтерскихъ корпусовъ. Регулярное войско не такъ ихъ беспокоитъ: но войны, обязывающіеся служить только на время войны, не требующіе, чтобы правительство содержало ихъ въ мирное время, и добровольно обязывающіеся идти на непріятеля безъ всякой надежды на выгоды, доставляемыя военною карьерою. — эти войны чрезвычайно непріятны для австрійцевъ. Кажется, указаніе очень попитно: Италія должна заботиться о формированіи волонтеровъ въ подкрѣпленіе своему регулярному войску.

Какъ же послѣ этого достанетъ у насъ духу вмѣстѣ съ *National-Zeitung* порицать австрійцевъ за то, что они не могутъ привести къ равновѣсію свои бюджеты? Помните, они дѣлаютъ все зависящее отъ нихъ, чтобы поскорѣе избавиться отъ натянутаго положенія, вовлекающаго ихъ въ чрезмѣрные расходы. Напримѣръ, итальянцамъ они прямо говорятъ: усиливайте же свою армію и въ особенности формируйте волонтеровъ, чтобы поскорѣе избавить себя отъ опас-

ности, своихъ соотечественниковъ венеціанцевъ отъ нашей власти, а насъ отъ чрезмѣрныхъ расходовъ на Венецію. Точно такъ же ясно указываютъ они и венграмъ на то, какимъ образомъ Венгрія должна избавить вѣнское правительство отъ чрезмѣрныхъ расходовъ на нее. Стало быть за то, что не печезаетъ дефицитъ изъ австрійскаго бюджета, надобно винить не австрійцевъ, а венгровъ и итальянцевъ.

А къ весѣ нынѣшняго года опять возникаютъ съ увеличившеюся силою ожиданія, бывшія къ прошлогодней веснѣ, что венгры и итальянцы вступятъ на путь, на который тянетъ ихъ австрійское правительство. Относительно Италіи, Австрія даже принимаетъ мѣры, чтобы развязка никакъ не могла быть отсрочена нерѣшительностью итальянцевъ въ будущую весну, какъ была отсрочена въ прошлую.

Австрія требуетъ обезоруженія Итальянскаго королевства. Рикасоли, конечно, не можетъ согласиться на это. Австрія грозитъ, что приметъ ультиматумъ; Италія отвѣчаетъ или думаетъ, что не боится его.—Еслибы не императоръ французовъ, удерживающій изъ любви къ Италіи слишкомъ быстрые порывы Рикасоли къ установленію и достиженію полнаго единства Италіи, война была бы неизбѣжна. Но при могущественномъ посредничествѣ французскаго правительства Рикасоли находитъ нужнымъ быть скромнымъ на словахъ, а еще больше на дѣлѣ. Объ Австріи нечего и говорить: она не начнетъ войны, пока не получитъ разрѣшеніе отъ Франціи или не устроитъ противъ Франціи какой нибудь союзъ. Ни того, ни другаго она еще не успѣла добиться. Все еще не можетъ добиться Рикасоли и того, чтобы французы отдали итальянцамъ иностранный городъ Римъ или по крайней мѣрѣ сказали, что когда нибудь отдадутъ его. Изъ послѣдняго обстоятельства видно, какъ напрасны фразы о политическомъ коварствѣ. Политика всѣхъ державъ дѣйствительно была коварна въ отдаленную старину, въ средніе вѣка или въ слѣдующія столѣтія, можетъ быть даже и во времена дѣдовъ нашихъ. Тогда точно было коварство. Напримѣръ: зазоветъ къ себѣ папа Александръ VI или король Людовикъ XI гостей, да и отравитъ ихъ или велитъ удушить. Въ XVII, XVIII вв. этого уже не дѣлалось; но бывали такіе случаи, что назоветъ себя какое нибудь правительство союзникомъ другаго, пошлетъ войска на его защиту, а потомъ и объявитъ своими занятія области. Такъ дѣлывалъ еще и Наполеонъ I. напримѣръ—съ Испаніей. Но теперь этого уже не водится: даже и не даютъ обѣщаній, когда не имѣютъ готовности исполнить ихъ, и никакіи просьбы не могутъ склонить къ этому. Вотъ, напримѣръ, Рикасоли боится не изъ того, чтобы французы очистили Римъ: дайте намъ, говорятъ, только обѣщаніе, что очистите, а тамъ и не очищайте; съ меня довольно будетъ обѣщанія, чтобы провести парламентъ. Нѣтъ, не даютъ. А вотъ любопытно тоже, что мы называли городъ Римъ иностраннымъ для итальянцевъ. Незнающему человѣку оно покажется странно; а вѣдь на самомъ-то дѣлѣ такъ: Римъ—столица католическаго міра, стало быть принадлежитъ не Италіи, а всей католической Европѣ: этотъ городъ настолько же прусскій, французскій, испанскій, португальскій, австрійскій, настолько итальянскій.—все равно.—какъ бы это сказать? все равно, что наша знаменитая зала въ Пассажѣ; и цыганская она, потому что въ ней ны-

гане пѣли, и театръ она теперь, и ученымъ она принадлежитъ, потому что въ ней лекціи читались, и поэтамъ она принадлежитъ, потому что оглашалась аплодисментами гг. А. Майкову и Бенедиктову.—«Такъ, кому угодно, всякій можетъ отличиться въ залѣ Пассажа, но вѣдь это не мѣшаетъ же ей имѣть одного хозяина; точно такъ, почему бы и Римъ не могъ принадлежать одному хозяину, своему итальянскому народу?»—Нѣтъ, это не такъ; сравненіе было выбрано нами неудачно.

Но бѣдному Рикасоли не легче отъ этого. Лучше бы для него, если бы сохранилось въ политикѣ исчезнувшее изъ нея старинное коварство; отъ прямодушія французскаго правительства онъ терпитъ ужасно. Вообразите, собрался парламентъ и спрашиваетъ его: что вы сдѣлали по венеціанскому вопросу, по римскому вопросу?—«Ничего не могъ сдѣлать. Надобно только надѣяться»...—На чемъ же основаны ваши надежды? имѣете ли вы какія нибудь обѣщанія?—«Нѣтъ никакихъ обѣщаній».—Значитъ, ровно ничего намъ и надѣяться при васъ,—думаетъ парламентъ, и, хоть не говоритъ онъ этого, а все-таки извѣстно Рикасоли, что онъ думаетъ,—и чувствуетъ бѣдный министръ, что хотятъ его столкнуть. Да и нельзя не чувствовать, когда не можетъ Рикасоли даже найти человѣка, согласнаго принять въ его кабинетъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ: видно, каждый знаетъ, что не стоитъ связывать своей карьеры съ разваливающимся кабинетомъ Рикасоли. Обратился онъ къ Ланцѣ,—отказъ, обратился къ Бонкомпаньи,—тоже отказъ, къ Раттацци,—тоже, къ Санъ-Мартино,—тоже самое. Приверженцы Рикасоли переглянулись, слыша, какъ ихъ компаньоны отпѣкиваются отъ Рикасоли, и собрались разсудить, что это значитъ? Собрались, разсудили,—видятъ: Рикасоли никуда не годится: выбрали двухъ самыхъ бойкихъ между собою и отправили къ Рикасоли сказать ему, что онъ не годится, пусть выходитъ изъ министерствъ. Отправили депутацию, а сами продолжаютъ разсуждать: прогонимъ его, кого же назначить? Переглянулись опять, каждый видитъ, что всѣ остальные еще хуже Рикасоли. Нечего выбрать. Рикасоли провѣдалъ объ этомъ и говоритъ депутатамъ, явившимся съ объявленіемъ, чтобы онъ выходилъ въ отставку: «хорошо; завтра явлюсь я объясниться съ гг. депутатами консервативной партіи».—Явился и говоритъ: «замѣните меня у васъ некимъ, такъ ужъ каковъ я ни есть (оно и точно, что плохъ, самъ вижу), но ужъ вы меня поддерживайте».—Хорошо, нечего дѣлать, станемъ поддерживать, хоромъ отвѣчали консерваторы, и Рикасоли остался правителемъ Италіи. Вотъ и видно.—такъ оно даже и на географической картѣ нарисовано.—что въ Италіи земля клиномъ сошлась: нѣтъ людей кромѣ Рикасоли, да и баста.—То есть, оно можетъ быть и есть люди; должно быть даже много людей между тѣми, которые, наперекоръ первобытности Кавура и самого Рикасоли, присоединили къ владѣніямъ Виктора Эммануэля Тоскану, герцогства, легатства, Сицилію, Неаполь; но тѣ люди вообще—все непорядочные люди. Стало быть, пока нѣтъ крайности, порядочные люди съ ними и не могутъ имѣть дѣла. Только крайность можетъ заставить благомыслящаго человѣка замарать свою руку пожатіемъ мошкистой руки какого нибудь Гарибальди или грязныхъ рукъ его пріятелей. А вѣдь у его пріятелей грязныя руки: Бертини—воръ; Никотера—бандитъ; эти еще хоть не уличены, а другіе даже осуждены законнымъ порядкомъ въ трибуналахъ Итальянскаго королевства какъ убійцы;

Рикасоли недавно объявлялъ, и Кавуръ не задолго предъ смертю тоже объявлялъ, что не можетъ онъ признать несправедливымъ приговора, произнесеннаго надъ однимъ изъ нихъ, и потому не можетъ допустить его возвращенія на родину. Такіе люди, подвергающіеся справедливымъ приговорамъ судилищъ, конечно могутъ только удить рыбу въ мутной водѣ,—вотъ поэтому-то они все и мутили Италію противъ австрійцевъ и австрійскихъ кліентовъ, мутили, мутили, и—составили нынѣшнее Итальянское королевство. Будутъ смутныя времена, придетъ неминуемая бѣда отъ австрійцевъ, тогда они понадобятся и обратятъ бѣду въ полное торжество итальянскаго единства. А теперь хоть все идетъ плохо въ Итальянскомъ королевствѣ, но бѣда еще далека, стало быть можно называть этихъ людей ворами и убійцами, сумасшедшими и злодѣями.

ПОЛИТИКА.

Февраль 1862.

ДЪЛО О ПЕНСИ МОНТОБАНУ.—ПРЕНІЯ ФРАНЦУЗСКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО КОРПУСА ОБЪ АДРЕСЪ.—
МИНИСТЕРСТВО РАТТАЦЦИ.—РАСПУЩЕНІЕ ПРУССКОЙ ПАЛАТЫ ДЕПУТАТОВЪ.—ВЗЯТІЕ ФОРТА ДОН-
НЕЛЬСОНА.

Зловѣщія птицы начинаютъ каркать похоронную пѣсню надъ существующимъ порядкомъ западной Европы. Каркали они давно—такая ужъ ихъ натура: но карканье карканью рознь. Ворона кричитъ безпрестанно; но когда она кричитъ такъ-себѣ, по одному влеченію природы, унылое ея карканье глухо, и въ немъ слышится только ея безсильная злоба. Тотчасъ можно отличить отъ этихъ заунывныхъ звуковъ тотъ веселый, звонкій крикъ, съ которымъ поднимается она летѣть на добычу, прослышавъ запахъ трупа. Такъ и зловѣщія птицы западной Европы долго кричали заунывнымъ глухимъ тономъ, выражавшимъ только ихъ собственную досаду на спокойный порядокъ ихъ странъ и на ихъ безсилье поклевать его. Теперь не то. Самоувѣренное предчувствіе приближающагося разгула для нихъ даетъ какую-то адекватную веселость крику ихъ.

Мы не скажемъ, что ошибаются зловѣщія птицы. Обонаніе у нихъ тонкое: очень можетъ быть, что и въ самомъ дѣлѣ скоро начнется пиръ для нихъ, но мы скажемъ, что ошибаются онѣ, если думаютъ, что проченъ или хотя долготъ будетъ готовящійся имъ праздникъ. Въ народахъ Европы, какъ и во всякихъ другихъ народахъ, есть недовольство существующимъ порядкомъ, и отъ времени до времени стекаются обстоятельства, доводящія недовольство до взрыва. Но вѣдь взрывъ произведенъ только стеченіемъ обстоятельствъ, только неопредѣленнымъ недовольствомъ, и разрушивъ прежнее, толпа не знаетъ, какъ ей быть съ постройкой новаго: своего плана нѣтъ у ней, а жить безъ крова и пріюта нельзя: надобно строить, поскорѣе строить. И начинается торопливое возсозданіе: обломки стараго подъ руками,—это и прекрасно по ея мнѣнію: обтесывать новый матеріалъ некогда, да онъ можетъ быть и не запасенъ: со старымъ матеріаломъ работа пойдетъ скорѣе; а планъ?—что-жъ, когда нѣтъ

новаго плана, развѣ нельзя воспользоваться воспоминаніями о прежнемъ знаніи? Развѣ все въ немъ было уже безусловно дурно? Если оно было неудобно, такъ не отъ того ли только, что обветшало? Можетъ быть самый планъ его и былъ хорошъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей.

Вотъ и возстановляется торопливо почти все по старому плану изъ обломковъ прежняго.—«Въ чемъ же прогрессъ?»—воскликнутъ лица, называющія васъ утопистомъ за то, что вы не отказываетесь отъ предвидѣнія счастливой жизни для человѣчества въ будущемъ, и тутъ же, не переводя духа, называющія васъ скептикомъ или нигилистомъ за то, что вы не вѣрите въ безмятежное осуществленіе ихъ маленькихъ иллюзій на завтрашній же день,—«гдѣ же въ такомъ случаѣ прогрессъ и къ чему же стремиться, если послѣзавтра возстановляется то, что падетъ завтра? Если такъ, зачѣмъ же работать? лучше сложимъ руки. Ваши слова ведутъ къ отчаянію, а отчаяніе повергаетъ въ апатію».—Нѣтъ, унывать не за чѣмъ, и прогрессъ вовсе не отвергается разрушеніемъ иллюзій. Будутъ строить изъ стараго матеріала; но вѣдь часть его разсыпалась въ порошокъ и унесена вѣтромъ; стало быть стараго матеріала не достанетъ, поневолѣ прибавится новый. Да и старый планъ нельзя же запомнить совершенно точно,—кое-что забылось; значитъ, кое-что надобно устроить и не по старымъ воспоминаніямъ, а по нынѣшнимъ соображеніямъ. Вотъ, значитъ, все-таки и оказывается прогрессъ.

Всѣ эти размышленія о прогрессѣ и нигилистахъ вызваны у насъ карканьемъ зловѣщихъ птицъ, чующихъ поживу себѣ въ западной Европѣ, а карканье ихъ оживлено ходомъ дѣлъ во Франціи. Вѣдь что тамъ ни говорите, а Франція все-таки остается, по прекрасному выраженію консерваторовъ, волканомъ, взрывы котораго потрясаютъ Европу. Она какъ будто и пріутихла; отъ этого даже потеряла репутацію въ глазахъ лицъ, вышеупомянутыхъ нами. Но тонкіе люди, дипломаты и хорошіе консерваторы, никогда не обманывались видимымъ ся усмиреніемъ. Вѣдь уже три раза, со временъ нашихъ прадѣдовъ, прикидывался этотъ Везувій угасшимъ и остепенившимся: тихо было внутри Франціи при Наполеонѣ I, много лѣтъ прикидывалась она усмирѣвшей при Бурбонахъ, потомъ опять много лѣтъ при Луи-Филиппѣ, и каждый разъ, если можно цинически выразиться, надувала почтеннѣйшую Европу. Вотъ и теперь, чуткое ухо злонамѣренныхъ людей слышитъ въ подземныхъ слояхъ Франціи глухой гулъ,—предвѣстникъ приближающагося изверженія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ началъ носиться неопредѣленные слухи о какомъ-то звѣрскомъ тайномъ обществѣ, называющемся «Маріанною». Съ той поры все идутъ слухи, будто оно растетъ и растетъ. Успѣвали иногда какъ будто поймать какую нибудь отрасль его,—пойманныхъ наказывали; но къ прискорбію видѣли, что они вовсе не главные люди; а гдѣ и въ комъ пайти главныхъ людей этой вредной закваски, никто не зналъ. Вотъ и теперь, въ февралѣ 1862 г., арестовали въ Паризѣ нѣсколько человѣкъ,—въ числѣ ихъ Грешпо, бывшаго единственнымъ изъ 1,200 членовъ конститутивнаго собранія 1848 года, подавшимъ голосъ за предложеніе Прудона объ уменьшеніи цифръ платежа во всѣхъ существующихъ контрактахъ. Посмотрѣли, посмотрѣли на этого Грешпо, повертѣли, повертѣли его на разные стороны,—не оказывается въ немъ никакихъ слѣдовъ злоумышленія: и отпустили его опять заниматься своимъ коммер-

ческимъ дѣломъ, а руководителей «Маріанны» все-таки не нашли, не добились и того, чтобы хотя узнать, точно ли отъ «Маріанны» надобно ждать опасностей, или съ другихъ сторонъ, а «Маріанна» только фантомъ.

Этого не разберутъ люди, специально занявшіеся разузнаваніемъ о «Маріаннѣ»; а со стороны очень видно, что собственно она—неважный фантомъ, и дѣло не въ ней, а въ отношеніяхъ, всѣмъ извѣстныхъ, въ актахъ, печатаемыхъ самимъ французскимъ правительствомъ.

Зачѣмъ, напримѣръ, обнародованъ французскимъ правительствомъ докладъ Фульда, о которомъ говорили мы мѣсяца два тому назадъ? Развѣ не понимало французское правительство, что этимъ актомъ отнимаетъ оно у себя возможность отрицать разстроенное положеніе финансовъ? Конечно понимало; но продолжать заперательство не было уже ни пользы, ни возможности. Возможности не было потому, что изсякли всѣ средства прикрыть дефицитъ обыкновенными секретными оборотами; приходилось возвышать налоги и заключать новый заемъ; значить, явился бы фактъ, понятный всѣмъ и безъ признанія въ немъ. Пользы не было продолжать заперательство потому, что уже никто давно ему не вѣрилъ. Значить, лучше было уже признаться прямо и формально. Такъ; но изъ этого возникаетъ новый аргументъ для противниковъ: «вы, дескать, сами признались, что довели финансы до разстройства; значить, ваша система не годится».

И вотъ изъ такихъ-то, можно сказать, пустяковъ, посмотрите, какой поднимается гвалтъ. Законодательный корпусъ обезкураженъ: «нѣтъ», думаетъ онъ: «тутъ надобно дѣйствовать иначе. Явися мы сами защитниками истинныхъ принциповъ. Начнемъ дѣлать оппозицію; приобрѣтемъ этимъ популярность»...

Вообразите себѣ толпу лицъ, вздумавшихъ, что имъ нужно либеральничать, дѣлать оппозицію, выступать приверженцами демократическихъ принциповъ, но не имѣющихъ понятія обо всемъ этомъ и либерализмъ свой ставящихъ въ привязкахъ къ какимъ нибудь мелочамъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ у нихъ мысль, что вѣдь они «вольнодумничаютъ», а вольнодумство вообще вредно для нихъ же неприлично.

Предметъ для оппозиціи выбрали они самый мелкій, какъ извѣстно читателю: награду генералу Монтобану. Генераль этотъ не отличается особыми дарованіями, но онъ приобрѣлъ себѣ порядочное состояніе въ китайской экспедиціи, которою начальствовалъ. Это фактъ; есть сплетня, говорящая о другой его способности: онъ совсѣталъ двушнику очень красивой наружности, доставившую очень доходное мѣсто,—должность сенскаго префекта, то есть должность парижскаго оберъ-полиціеімейстера и губернатора, своему отцу. Монтобанъ рассчиталъ, что дѣвица Гаусманъ будетъ и для мужа не менѣе полезна, чѣмъ для отца. Впрочемъ это—парижская сплетня, не имѣющая, разумѣется, никакого отношенія къ слѣдующей исторіи. Говорятъ, будто генераль Монтобанъ, нашедши въ Китаѣ два милліона франковъ, получаетъ съ нихъ тысячь сто или больше франковъ дохода. Жалованье его, по разнымъ должностямъ, простирается также до ста тысячь франковъ; но за жалованье можно ручаться только при нынѣшней системѣ: случись перемѣна въ правительствѣ, Монтобану дадутъ отставку, и жалованье пропадетъ; а капиталъ въ два милліона франковъ—имущество благопріобрѣтенное; родового имущества генераль Монтобанъ не имѣетъ.

По такому соображенію былъ представленъ въ законодательный корпусъ проэктъ закона о назначеніи графу Паликао (Монтобану) съ потомствомъ наслѣдственной и вѣчной пенсіи въ 50 тысячъ франковъ. Вотъ на этотъ проэктъ и обрушился либерализмъ законодательнаго корпуса. «Какъ потомственная пенсія?»—заговорили члены законодательнаго корпуса:—«но вѣдь это будетъ майоратъ, а майораты запрещены во Франціи. Вѣдь это будетъ возвращеніе къ до революціонному порядку, нарушеніе законовъ, неиспроверженіе демократическихъ принциповъ», и т. д., и т. д. Монтобанъ, услышавъ про оппозицію его пенсіи, написалъ къ императору, что онъ отказывается отъ предполагаемой награды, и т. д. Немедленно явилось въ газетахъ отвѣтное письмо императора, говорившее, что императоръ не возьметъ назадъ проэктъ закона о пенсіи; что законодательный корпусъ не умѣетъ цѣнить заслугъ, оказанныхъ Франціи, но Франція разсудитъ между императоромъ и законодательнымъ корпусомъ и проч.—Что же законодательный корпусъ? Законодательный корпусъ упорствовалъ; коммиссія, разсматривавшая проэктъ о пенсіи, представила докладъ въ томъ смыслѣ, что, несмотря на письмо императора къ Монтобану, пенсію надобно отвергнуть. Но императоръ не допустилъ своихъ вѣрныхъ приверженцевъ довести скандалъ до конца. За нѣсколько дней до срока, назначеннаго для преній о докладѣ коммиссіи, президентъ законодательнаго корпуса, графъ Морни, публично вынулъ изъ кармана въ началѣ засѣданія и прочелъ письмо императора къ нему, графу Морни, говорившее, что императоръ не хочетъ огорчать законодательный корпусъ, не желаетъ ставить его членовъ въ необходимость тяжелаго для нихъ выбора между угожденіемъ ему, императору, и вѣрностью ихъ демократическимъ убѣжденіямъ, и потому беретъ назадъ проэктъ закона о пенсіи графу Паликао.

Мы не приверженцы того мрачнаго взгляда, который старается все объяснить хитрымъ расчетомъ, каждую развязку считаетъ предусматривавшеюся заранѣе. Дѣло происходило гораздо проще. Императоръ французовъ много разъ прибѣгалъ къ средству, употребленному имъ теперь для уничтоженія попытокъ оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ: когда какой нибудь проэктъ возбуждалъ оппозицію депутатовъ, депутатамъ говорилось, что такова личная воля императора, и что Франція осудитъ ихъ за то. Въ теченіе десяти лѣтъ это было сдѣлано сто разъ (хотя и безъ такой огласки, какъ теперь), и всегда удавалось. Теперь не удалось. Вотъ и все. Но отчего же не удалось? Обстоятельства не тѣ. Что не тѣ они, могъ видѣть императоръ французовъ ужъ изъ представившейся ему надобности дать дѣлу огласку, какой не нужно было прежде. Бывало, достаточны были конфиденціальныя внушенія депутатамъ черезъ графа Морни. Внушенія были сдѣланы, и не подѣйствовали. Оставалось прибѣгнуть къ мѣрѣ болѣе сильной,—къ печатному письму. Но какъ же было не разсчитать, что если огласка даетъ больше важности обороту, то она же и отнимаетъ у него всякій шансъ успѣха? Вѣдь тутъ повиновеніе депутатовъ было бы понято всею публикою какъ слѣдствіе страха. Публичность отрѣзывала имъ путь отступленія, и они превратились въ леонидовыхъ спартанцевъ: «умремъ, дескать, но не отступимъ», т. е. въ переводѣ: «подвергнемся случайностямъ новыхъ выборовъ, возможности потерять мѣста и жалованье, но не можемъ же мы формально выставить себя передъ всею Франціею людьми, не имѣющими

никакой самостоятельности». Помните «Утро дѣловаго человѣка», какъ тамъ у Гоголя разсуждаетъ Иванъ Петровичъ съ Александромъ Ивановичемъ:

«Алекс. Иван. Такъ вамъ чины, можно сказать, потомъ и кровью достались.

«Ив. Петр. *(вздыхнувъ)*. Именно, потомъ и кровью. Чтожь будете дѣлать, вѣдь у меня такой характеръ. Чѣмъ бы я теперь не былъ, если бы самъ доискивался? У меня бы мѣста на груди не осталось для орденовъ. Но что прикажете! не могу! Стороною я буду намекать часто, и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя... Нѣтъ, это не мое дѣло! Другіе выигрываютъ безпрестанно... А у меня ужъ такой характеръ: до всего могу унизиться, но до полности никогда!»

Но это все посторонній анекдотъ изъ нашихъ нравовъ, а настоящее дѣло шло во Франціи такимъ манеромъ. Правительство было очень удивлено, что депутаты упорствуютъ, хотя само укрѣпило ихъ въ упорствѣ слишкомъ крутою мѣрою внушенія, не разсчитанною по обстоятельствамъ. Оно рѣшилось распустить законодательный корпусъ и предписать новые выборы. Но префекты и другіе полицейскіе начальники, обязанные разузнавать о настроеніи умовъ, донесли изъ всѣхъ концовъ Франціи одно и то же: при нынѣшнемъ, дескать, затруднительномъ положеніи обстоятельствъ и неблагонамѣренномъ настроеніи общественнаго мнѣнія, выборы были бы неблагопріятны правительству. И такъ оказалось, что не слѣдуетъ распускать нынѣшняго законодательнаго корпуса, и пришлось правительству уступить.

Хотите ли видѣть другое доказательство? Оно дано преніями объ адресѣ. Размышленія о нихъ мы представимъ послѣ. Сначала попросимъ васъ прочесть голый и сухой отчетъ объ этихъ преніяхъ, составленный самимъ графомъ Мори и напечатанный въ «Монитерѣ».

Едва ли нужно напоминать, что въ концѣ 1860 г. уже почувствовалась во Франціи надобность сдѣлать что нибудь въ пользу расширенія правъ законодательной власти и что это было сдѣлано декретомъ 24 ноября того года. Онъ между прочимъ возвратилъ депутатамъ право, которымъ они пользовались при прежнемъ конституціонномъ порядкѣ: представлять правительству свои замѣчанія относительно общей политики и требованія о томъ, въ какомъ смыслѣ надобно измѣнить или общій духъ ея, или ту или другую отрасль. Средствомъ къ этому былъ при конституціонномъ порядкѣ адресъ, служившій отвѣтомъ на тропную рѣчь. Итакъ, законодательному корпусу съ прошлой зимы дано право представлять императору адреса.

Далѣе, читатель знаетъ, что въ нынѣшнемъ законодательномъ корпусѣ находятся пять членовъ, не раздѣляющихъ приверженности всего остальнаго собранія къ нынѣшней системѣ. Когда проектъ адреса былъ написанъ избранною для того комиссіею, эти пять членовъ предложили сдѣлать въ немъ измѣненія, — конечно не въ надеждѣ, что ихъ мнѣніе будетъ принято законодательнымъ корпусомъ, а только для того, чтобы формально заявить свой взглядъ и развить его въ преніяхъ, которыя будутъ прочтены всею Франціею. — Изъ измѣненій, предложенныхъ пятью оппозиціонными членами, самое важное относится къ первому параграфу проекта, предлагающему одобреніе общей политики правительства законодательнымъ корпусомъ. Теперь приводимъ самыя пренія въ точномъ переводѣ изъ officialнаго отчета о нихъ:

«Измѣненіе въ первой статьѣ проекта адреса законодательнаго корпуса, предложенное пятью оппозиціонными членами, и пренія о немъ.

«Измѣненіе, предложенное гг. Жюлемъ Фавромъ, Энономъ, Даримономъ, Пикаромъ и Эмилемъ Олливье:

«Общественное довѣріе можетъ возродиться только искреннимъ возвращеніемъ къ системѣ свободы;

«Журналистика должна перестать быть монополіею;

«Выборы, дѣлаемые избирателями, а не префектами, съ правомъ собраній и съ равными шансами публичности и охраненія избирательной свободы каждаго;

«Муниципальная власть, назначаемая общиною, а не правительствомъ.

«Личная свобода, ограждаемая совокупностью мѣръ, первую изъ которой должно быть отмѣненіе закона всеобщей безопасности.

«Таковы главные условія политики, опирающейся на принципы 1789 г.

«Такова реформа, повелительно требуемая нравственными интересами страны, ея достоинствомъ, развитіемъ ея дѣятельности и ея богатства, и не могущая быть отсрочиваема безъ того, чтобы Франція не стала въ положеніе, униженное передъ другими націями».

«Засѣданіе 7 марта.

«Рѣчь Пикара.

«Знаменитый министръ финансовъ сказалъ нѣкогда: «пусть будетъ у васъ хороша политика, и финансы будутъ у меня хороши». Когда разразились въ «Монитерѣ» признанія, заключавшіяся въ докладѣ г. Фульда, что финансовое положеніе очень дурно. первую мысль общества былъ вопросъ: не связано ли оно съ политическимъ положеніемъ? Основательные наблюдатели понимали, что открытое теперь зло, финансовое разстройство, значительные дефициты,—все это ничтожно сравнительно съ нравственнымъ зломъ, которому уже давно подвергаетъ страну наша бѣдственная политическая система (въ палатѣ ропотъ).

«Съ этимъ чувствомъ я требую права разъяснить отношенія, породившія эту систему. Мы перечисляемъ ихъ въ измѣненіи, прочитанномъ вамъ. Они связаны съ отношеніемъ, которое господствуетъ надъ всѣми остальными. Я говорю о положеніи журналистики.

«Она служитъ всяческимъ интересамъ, даже личнымъ интересамъ.

«Напримѣръ, вы принимаете извѣстный законъ,—положимъ, о замѣнѣ 4¹/₂% облигацій государственнаго долга 3%-ми. Правительство, связывая журналистику, пользуется этимъ закономъ для личныхъ выгодъ. Министры пишутъ префектамъ, префекты говорятъ всѣмъ официальнымъ лицамъ: удерживайте отъ продажи 4¹/₂% облигацій, чтобы не было возможности сдѣлать съ ними ничего, кромѣ какъ обмѣнять ихъ на 3%-я. У меня въ рукахъ находятся такіе циркуляры.

«Когда г. Миресь выпускалъ облигаціи римскаго займа и акціи римскихъ желѣзныхъ дорогъ, одна газета хотѣла разсмотрѣть достоинство этихъ бумагъ. Ее официально попросили молчать. Спрашиваю: можетъ ли что нибудь быть ненормальнѣе такихъ фактовъ для правительства и для законовъ о журналистикѣ? Когда истина противна чьей нибудь выгодѣ, она подавляется (многіе члены восклицаютъ: нѣтъ, нѣтъ, вы преувеличиваете). Повторяю; положеніе дѣлъ очень бѣдственно и унижительно. Я не могъ безъ глубокой печали слышать сказанныя въ сенатѣ слова, противъ которыхъ нечего было возразить: «въ Австріи больше свободы печатному слову, чѣмъ во Франціи» (въ палатѣ шумъ). Вотъ каково, повторяю вамъ, положеніе журналистики. Въ одной изъ провинціальныхъ газетъ я прочелъ слова: «сановникъ имѣетъ право получать жалованье и ежедневно по одной похвальной статьѣ въ газетахъ».

«Засѣданіе 8 марта.

«Рѣчь Пикара.

«Вчера я хотѣлъ прямо поставить важные вопросы, возбуждаемые нашимъ измѣненіемъ. Я старался показать, какъ журналистика лишена свободы механизмомъ нынѣшняго законодательства, и какъ эта система сдѣлала журналистику настоящимъ монологомъ правительства самого съ собою.

«Президентъ. Приглашаю г. Пикара выразаться приличіе.

«Пикарь. Я полагаю, г. президентъ, что выражаюсь прилично.

«Президентъ. Я не позволю вамъ въ этой палатѣ нападать на основные законы страны, говорить, что какой нибудь существующій законъ униженъ для страны. Вы можете подвергать критикѣ политику и распоряженія правительства, но не можете говорить о существующемъ законѣ, что онъ униженъ для Франціи. Здѣсь дѣло идетъ объ уваженіи къ существующему порядку, и я могу напомнить вамъ о приличіи.

«Пикарь. Я не раздѣляю вашего мнѣнія.

«Президентъ. Продолжайте вашу рѣчь.

«Пикарь. Возвращаюсь къ вопросу, мною разсматриваемому: онъ состоитъ въ томъ, какому суду должны подлежать дѣла журналистики. Я говорю: суду присяжныхъ. Почему же судъ присяжныхъ натураленъ въ дѣлахъ печатнаго слова? Во-первыхъ, потому, что проступки по нимъ не могутъ быть опредѣлены точнымъ образомъ, и разсуждать о нихъ не могутъ другіе судьи, обязанные только прилагать точные законы къ точно опредѣленнымъ случаямъ.

«Другая причина та, что правительственные судьи сами желаютъ, чтобы ихъ избавили отъ страшной обязанности судить дѣла журналистики; они бываютъ смущены, когда судятъ такое дѣло; они сами сознаютъ, что не компетентны въ этихъ дѣлахъ, въ которыхъ компетентенъ судъ присяжныхъ». (Послѣ этого Пикарь говоритъ о свободѣ выборовъ и о независимости общиннаго управленія, затѣмъ переходитъ къ вопросу о личной свободѣ).

«Пикарь. Что такое личная свобода? Обезпеченность лица въ томъ, что оно будетъ судиться по законамъ своей страны. Существуютъ ли эти гарантіи? Правительство можетъ арестовать и осудить на заключеніе отъ одного мѣсяца до одного года всякое лицо, ведущее интриги, враждебныя правительству, и имѣющее преступныя сношенія внутри страны или заграницею. По этому праву оно можетъ у каждаго гражданина потребовать отвѣта на вопросъ: «не имѣете ли вы преступныхъ сношеній съ кѣмъ нибудь?» Возможно ли подозрѣваемому доказать противное?» (Ропотъ). «Господа, я не понимаю этого ропота на мои слова противъ закона. Доказать противное тутъ невозможно, потому что обвиненіе неопредѣленно. Президентъ законодательнаго корпуса черезъ г. вице-президента Шнейдера сказалъ, что коммиссія, составившая проектъ адреса, нашла наше измѣненіе противорѣчащимъ общей политикѣ правительства.

«Шнейдеръ. Я говорилъ только о политикѣ большинства палаты.

«Пикарь. Политика этого большинства—политика правительства. и я очень жалѣю о томъ и о другомъ» (Ропотъ). «Я вамъ объясню, почему жалѣю. Франція не хотѣла бы подвергаться новой революціи» (многочисленные голоса: правда, правда, не хотимъ). «Не хотите, а дѣлаете все, что нужно, чтобы привести революцію» (продолжительный шумъ). «Правительство само опровергаетъ себя» (Новый шумъ).

«Президентъ. Чѣмъ же?

«Пикарь. Тѣмъ, что начало дѣлать въ послѣднее время.

«Президентъ. Объясните это.

«Пикарь. Объясню, если вы дадите мнѣ объяснить.

«Президентъ. Объясните; иначе было бы слишкомъ легко отказываться отъ объясненій.

«Пикарь. Я отказываюсь отъ объясненій; потому что не имѣлъ бы въ нихъ свободы (Шумъ).

«Президентъ. Однакоже, г. Пикарь...

«Пикарь. Я такъ хорошо понимаю, что былъ бы тутъ связанъ, что не хочу и начинать рѣчи объ этомъ.

«Президентъ. Это—преніе, невозможное въ нашей палатѣ.

«Пикарь. Вы говорите правду.

«Президентъ. Ваша партія имѣла власть и возбудила противъ себя неудовольствие, отнявшее у нея власть.

«Эмиль Оливье. Вы также теряли власть: первая имперія пала.

«Барошъ (министръ). Развѣ первая имперія была низвергнута націею?

«Пикарь. Я вамъ скажу...

«Президентъ. Это—преніе невозможное. Въ интересѣ общества я не могу допустить его продолженія. Замѣчу только, что когда вы сказали, что правительство само опровергаетъ себя, вы были несправедливы; я могъ бы прибавить, что вы поступаете съ правительствомъ невеликодушно,—если можно такъ выразиться. Вы невеликодушны къ нему, потому что чѣмъ больше оно обезоруживаетъ себя, тѣмъ больше вы на него нападаете, вмѣсто того, чтобы съ умѣренностью пользоваться свободою, которую оно даетъ странѣ.

«Пикарь. Я не принимаю упрека, сдѣланнаго моей партіи, моимъ принципамъ. Я чту безкорыстіе и величіе людей, имѣвшихъ власть въ эпоху, о которой упомянулъ г. президентъ. Но возвратимся къ настоящему. Вы утверждаете, что вы—нація свободная, а г. Буркне, сенаторъ и бывший посланникъ, говоритъ сенату, что въ Австріи больше свободы, чѣмъ во Франціи. Съ печалью слышу я, господа, что Франція не только не свободна, но что ее называютъ недостойною свободы.

«(Барошъ, президентъ государственнаго совѣта и министръ безъ портфеля, отвѣчаетъ на рѣчь Пикара. Послѣ Бароша встаетъ Жюль Фавръ).

«Рѣчь Жюля Фавра.

«Обстоятельства, въ которыхъ ведутся пренія палаты, очень важны. Я скоро займусь разсмотрѣніемъ границъ власти палаты, а теперь скажу вещь, противъ которой никто не можетъ спорить: слова, произносимыя здѣсь, слышитъ и судитъ вся Франція. Скоро она будетъ призвана посредствомъ выборовъ дать свое одобреніе или выразить порицаніе политикѣ, которую постоянно поддерживала эта палата. Потому небезполезно будетъ разсмотрѣть вопросы, возбуждаемые внутреннимъ положеніемъ Франціи.

«Сейчасъ г. президентъ государственнаго совѣта говорилъ вамъ, что наши исправленія должны считаться программой, выставляемою противъ официальной редакціи адреса (Сильный шумъ).

«Президентъ. Что называете вы официальной редакціей адреса?

«Эмиль Оливье. Г. президентъ, не мѣшайте же говорить! (Шумъ).

«Президентъ (къ Эмилю Оливье). Вы не имѣете права давать мнѣ приказанія. Я не допускаю вашего вмѣшательства. Я спрашиваю у г. Жюля Фавра, что онъ разумѣетъ подъ словами: официальная редакція адреса?

«Жюль Фавръ. Разумѣю официальную редакцію коммисіи (Шумъ).

«Президентъ. Вѣроятно вы находите это объясненіе очень простымъ? Но я знаю, и вы сами знаете, что такое хотѣли вы сказать словами: официальная редакція адреса.

«Жюль Фавръ. Если я буду прерываюмъ каждую минуту, я прекращаю рѣчь. Вы, г. президентъ,—конечно невольно,—отнимаете у меня свободу мыслей (Шумъ). Я отказываюсь отъ слова (Садится).

«Президентъ. Я никогда не отнималъ у васъ слова, никогда не стѣснялъ свободы пренія. Вы придаете дѣлу оборотъ не искренній.

«Жюль Фавръ. Я не дозволю вамъ, г. президентъ, приписывать мнѣ неискренность.

«Президентъ. Обращаюсь къ суду палаты. Проницательность ея поняла смыслъ употребленныхъ вами словъ. Я имѣлъ право остановить васъ, потому что вы употребили выраженіе, намекавшее, что адресъ составленъ не столько комиссіею палаты, сколько правительствомъ (многочисленные голоса: вы правы, вы правы). Потому не прибѣгайте къ отговоркамъ.

«Жюль Фавръ. Я и не прибѣгалъ къ нимъ.

«Президентъ. Позвольте мнѣ сказать вамъ: выраженіе «официальная редакція адреса» употреблено ораторомъ не столь искуснымъ, какъ вы, употреблено непредна-мѣренно. Серьезнѣйшимъ образомъ прошу васъ, г. Фавръ, продолжать вашу рѣчь.

«Жюль Фавръ. Наше положеніе въ этой палатѣ, господа, исполнено затрудненій. Повѣрьте, что не въ удовольствіе себѣ мы остаемся въ немъ, и что только чувство обязанности удерживаетъ насъ въ немъ. Возвращаюсь къ замѣчаніямъ, которыя были начаты мною.

«Въ послѣднія десять лѣтъ произошли важные факты. Особенно важны два. Первый изъ нихъ—декретъ 24 ноября 1860 г. (возвратившій законодательному корпусу право, чтобы его пренія печатались). Какъ назвать этотъ декретъ? Удержусь отъ опредѣленій.

«24 ноября 1861 г. произошелъ другой фактъ, также имѣющій свое значеніе. Говорю о письмѣ, которымъ императоръ призывалъ г. Фульда въ министры финансовъ, и о докладѣ, напечатанномъ г. Фульдомъ. Всѣмъ извѣстно, какіе дефициты были засвидѣтельствованы этимъ докладомъ».

Съ холодной исторической точки зрѣнія, отъ которой мы никогда ни на шагъ не отступали, самая важная часть переведенныхъ нами страницъ отчета заключается не въ содержаніи рѣчей Пикара и Жюля Фавра; замѣчательнъ способъ обращенія графа Морни, представителя правительства и палаты, съ оппозиционными депутатами. Не понравится ему какое-нибудь колкое выраженіе, онъ останавливаетъ оратора; прежде такъ и кончалось дѣло: ораторъ чувствовалъ себя принужденнымъ смириться и поправлялъ свою фразу; теперь не то: поднимается длинный споръ, и оппозиционные депутаты наступаютъ, тѣснятъ президента, онъ и вся палата чувствуютъ себя неловко, и побѣда остается за оппозиционнымъ ораторомъ: онъ торжественно повторяетъ колкую фразу и продолжаетъ въ томъ же тонѣ; а между тѣмъ въ палатѣ только пятеро оппозиционныхъ депутатовъ; голоса ихъ не имѣютъ никакого вѣса при вотированіи; въ самой палатѣ оппозиція ихъ формальнымъ образомъ совершенно ничтожна. Такъ ее и третировали еще года полтора тому назадъ. А вотъ теперь не то: когда Жюль Фавръ сказалъ: «не перерывайте меня, или я замолчу», президентъ сталъ утѣшать его; Жюль Фавръ повторилъ: «я прекращаю рѣчь» и сѣлъ,—президентъ сталъ просить, «серьезно просить» его продолжать говорить, и Жюль Фавръ, возобновляя рѣчь, становился въ такое положеніе, что я, дескать, говорю здѣсь въ палатѣ только изъ снисходительности.

Справка о расположеніи умовъ, наведенная правительствомъ по поводу упрямства палаты въ дѣлѣ о пенсіи Монтобана, обнаружила, каковъ будетъ ходъ фактовъ, если не будетъ онъ ускоренъ чрезвычайными случайностями. Нынешній законодательный корпусъ засѣдаетъ послѣдній годъ. На слѣдующую зиму должны будутъ собраться новые депутаты, выборы которыхъ должны происходить въ концѣ нынѣшняго и въ началѣ слѣдующаго года. Префекты объявили, что выборы будутъ неблагопріятны нынѣшней системѣ. И такъ на слѣдующую зиму произойдетъ формальное столкновеніе нынѣшней системы съ общественнымъ мнѣніемъ въ ея представителяхъ, депутатахъ, если не произой-

детъ оно пнымъ путемъ. Это не мы говоримъ,—это выходитъ изъ свѣдѣній, собранныхъ самимъ правительствомъ и до того убѣдительныхъ, что оно само измѣнило по нимъ свои отношенія къ законодательному корпусу въ спорѣ о пенсіи генералу Монтобану.

Споръ этотъ по своему предмету совершенно ничтоженъ, неважны сами по себѣ и рѣчи оппозиціонныхъ депутатовъ въ преніяхъ объ адресѣ, но характеристичны эти случаи для опредѣленія конца, къ которому идутъ дѣла.

Такой опредѣленности нѣтъ въ перемѣнѣ рукъ, управляющихъ Италіею. Трудно даже разобрать, выгоду или невыгоду для національнаго дѣла надобно видѣть въ этой перемѣнѣ. По общему цвѣту своихъ убѣжденій Раттацци долженъ бы быть министромъ, болѣе полезнымъ для Италіи, чѣмъ его предшественникъ. Рикасоли былъ человѣкъ, совершенно сдѣланый крайнимъ консерватизмомъ, и при немъ итальянское правительство не могло ни вступить въ прямую связь съ энергическими элементами итальянской націи, ни пользоваться ими какъ бы то ни было. Раттацци имѣетъ взглядъ, нѣсколько болѣе широкій, и понимаетъ важность живыхъ силъ. Онъ былъ не въ дурныхъ отношеніяхъ съ Гарибальди, всегда считалъ нужнымъ поддерживать связи съ популярными людьми. Говорятъ, онъ уже видѣлся съ Гарибальди по своему вступленію въ министерство и вступилъ въ переговоры съ передовою партіею. Это все такъ. Но слишкомъ сомнительный отбѣнокъ на его способность къ твердому дѣйствованію набрасывается главнымъ изъ тѣхъ отношеній, отъ которыхъ палъ Рикасоли. Французское правительство было недовольно суровымъ высочемъ прежняго министра. Рикасоли не былъ охотникъ идти впередъ, но относительно самостоятельности въ приобрѣтенномъ положеніи былъ неуступчивъ. Парижскія полуофициальныя газеты съ конца прошлаго года, когда Раттацци ѣздили въ Парижъ, твердили, что онъ будетъ министромъ, болѣе полезнымъ для Италіи и болѣе пріятнымъ для императора французовъ, чѣмъ Рикасоли, на котораго онъ очень сердился. Извѣстно также, что и прямую причину удаленія Рикасоли было неумѣнье его ладить съ тюйлерійскимъ вліяніемъ; всѣ другія причины были только предлогами, не имѣвшими существеннаго значенія. Изъ этого натурально возникаетъ предположеніе, что французское правительство надѣялось найти въ Раттацци человѣка болѣе послушнаго и рассчитывало, что легче можетъ обойти его, чѣмъ Рикасоли. И дѣйствительно, Раттацци называютъ непмѣющимъ ни твердаго характера, ни даже той не чрезвычайной даровитости, какая есть у Рикасоли. Очень можетъ быть, что онъ уже связанъ обѣщаніями, данными въ Парижѣ. Впрочемъ при нынѣшнемъ состояніи австрійскихъ дѣлъ, ходъ событій въ Италіи зависитъ не столько отъ охоты правительства итальянскаго, сколько отъ готовности передовой партіи къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ австрійцевъ. Готова ли она къ нимъ, то есть уладился ли планъ общаго дѣйствованія итальянцевъ, венгровъ и проч.,—это мы посмотримъ; но, кажется, ничего окончательнаго еще не рѣшено. А впрочемъ, какъ знать. Вѣдь эти вещи держатся въ секретѣ, гораздо менѣе прозрачномъ, чѣмъ дипломатическія тайны.

Многіе упрекаютъ насъ въ отрицательномъ направленіи за то, что мы опровергаемъ нѣкоторыя мнѣнія, почти всѣми повторяемая безъ критики. Не справедливо ли называть отрицателемъ того, кто опирается на факты и при-

знаетъ въ полной силѣ ихъ значеніе? Вотъ, напримѣръ, въ прошлый разъ говорили мы, что неосновательны нѣмецкіе и вообще западно-европейскіе либералы, считающіе Пруссію конституціоннымъ государствомъ. Пожалуй, это могло показаться отрицаніемъ. Но вотъ теперь, не больше какъ черезъ мѣсяць, явились факты, заставившіе прусскихъ, а за ними всѣхъ нѣмецкихъ, а за ними всѣхъ западно-европейскихъ либераловъ признаться, что ихъ мнѣніе о Пруссіи, какъ о государствѣ конституціонномъ, было неосновательно. А вѣдь мы это самое и говорили.

Теперь посмотримъ пока, какъ произошло разрушеніе ошибки либераловъ. Объ этомъ пусть разскажетъ намъ «Times».

«Прусская палата депутатовъ распущена королемъ. Это произвело большое волненіе не въ одной Пруссіи, но по всей Германіи. Поводъ къ разрыву кажется маловаженъ. Въ Пруссіи, какъ и во Франціи, министры, особенно военный министръ, переносили суммы, вотированныя палатою, съ одного предмета на другой. Бюджетъ вотировался какъ одно цѣлое, и министры считали себя въ правѣ дѣлать эти переносы суммъ изъ одной статьи въ другую. Пока не расходовалось въ общемъ итогъ болѣе вотированной цифры, пруссаки не претендовали на то, что деньги, вотированныя для покупки штучеровъ, обращались на покупку лошадей, или вмѣсто пуль покупались порохи. Такъ было прежде. Но въ послѣднее время палата стала недовольна этимъ. Одинъ изъ депутатовъ предложилъ, чтобы каждая сумма расходовалась только на тотъ предметъ, на который вотирована. Министры объявили, что выйдутъ въ отставку, если предложеніе будетъ принято, но оно было принято 175 голосами противъ 130. Послѣ того начались совѣщанія между королемъ, наслѣднымъ принцемъ и министрами. Результатомъ было распущеніе палаты, и теперь скоро должны быть новые выборы, на которыхъ будетъ господствовать вопросъ о конституціонныхъ правахъ палаты депутатовъ.

«Трудно сказать, что король поступилъ разсчетливо. Говорятъ, что наслѣдный принцъ доказывалъ надобность уступить палатѣ, объясняя, что Пруссія теперь конституціонная монархія, и потому представителей націи надобно принимать за дѣйствительную власть. Уступая желанію депутатовъ, король приобрѣталъ бы популярность, т. е. упрочилъ бы за собою существенную власть. Онъ избралъ другой путь. Результатъ не можетъ быть сомнителенъ. Предсказанія наслѣднаго принца и министровъ навѣрное осуществляются. Принцъ и министры говорили, «что новые выборы только возвратятъ въ палату оппозиціонныхъ депутатовъ въ увеличенномъ числѣ и съ прибавкою людей болѣе рѣзкаго образа мыслей. Король любезною уступкою обратилъ бы неудовольствіе палаты въ энтузіазмъ. Министры хотѣли выйти въ отставку, уступая депутатамъ, и депутаты были бы тогда готовы дѣлать очень многое для государя, министры котораго уступили имъ. Но король прусскій не принялъ ихъ отставки. Онъ не заботится о расположеніи депутатовъ. Предводителей партій въ палатѣ онъ считаетъ своими врагами, людьми, которымъ онъ никогда не долженъ давать торжества. А между тѣмъ какой путь величія открылся бы ему, еслибы онъ держалъ себя иначе. Безъ особеннаго искусства, онъ могъ бы сдѣлаться господиномъ всей Германіи. Потребность единства такъ велика въ ней, что король прусскій вошелъ бы на императорскій престолъ, еслибы только объявилъ, что на самомъ дѣлѣ хочетъ быть конституціоннымъ государемъ».

Дѣло ясно даже для англичанъ, смотрящихъ на него издали. Министры хотѣли уступить палатѣ; но король не захотѣлъ. Но Times совершенно напрасно дѣлаетъ изъ этого факта заключеніе, будто король поступилъ нерасчетливо. Нѣтъ, король совершенно правъ и понимаетъ свои интересы гораздо вѣрнѣе своего непрощеннаго англійскаго совѣтника. Но эту несправедливость

Times'a къ прусскому королю мы замѣчаемъ мимоходомъ, а намъ дѣло собственно только до прусскихъ либераловъ, справедливость которыхъ мы отрицаемъ. Не говоримъ уже о половинныхъ либералахъ, партія которыхъ въ прусской палатѣ называлась просто либеральною,—они двоедущинчаютъ въ каждомъ словѣ. Посмотримъ, что говорятъ истые либералы прусской палаты, которые, въ отличіе отъ полулибераловъ, назвавшихся просто либералами, называли свою партію «прогрессивною». По распущеніи палаты эта партія обнародовала слѣдующій документъ, который украсила пышнымъ именемъ «воззванія»: вотъ уже и фальшь въ самомъ заглавіи: не годится титуловать громкимъ именемъ документецъ очень плохой. Но это опять мимоходомъ: важность не въ заглавіи, а въ содержаніи. Вотъ оно:

«Воззваніе центрального избирательнаго комитета нѣмецкой прогрессивной партіи.

«Либеральныя партіи нашего отечества были почти единодушно согласны относительно дѣлей политическаго стремленія, выставленныхъ нашею программою при прежнихъ выборахъ. Онѣ и теперь не отступаютъ отъ нихъ. Мы призывали тогда всѣхъ либеральныхъ людей къ соединенію противъ реакціонной партіи, и прошлогодні выборы рѣшили дѣло противъ нея. Непримиимо противорѣча живымъ силамъ нашего времени, она никогда не будетъ управлять Пруссіею съ согласія прусскаго народа. Она—ничто, если она не опирается на искусственную поддержку со стороны правительства. Но надежды на энергическій прогрессъ, возникавшія изъ прошлогоднихъ выборовъ, не осуществились. Люди, которымъ его величество, король, ввѣрилъ правленіе, не могли стать въ согласіе съ палатою депутатовъ, которая готова была поддерживать всякій либеральный шагъ министерства. Обѣщанія реформъ, требуемыхъ духомъ времени, остаются неисполненными.

«При прошлогоднихъ выборахъ мы могли еще надѣяться, что министерство, соображаясь съ развивающимся сознаніемъ народа, приметъ болѣе рѣшительную политику. Теперь мы не можемъ надѣяться этого. Тѣмъ необходимѣе представителямъ націи охранять ея права.

«Правительство находитъ, что все должно рѣшаться только его волею, безъ всякаго вниманія къ представителямъ народа. Мы не хотѣли допустить этого. Министры распустили палату и апеллировали къ народу, чтобы онъ выразилъ свое мнѣніе новыми выборами. Мы надѣемся, что оно выразится очень опредѣленно».

Въ Сѣверной Америкѣ дѣла идутъ по видимому къ развязкѣ. Читатель знаетъ объ успѣхахъ, полученныхъ Союзомъ, и намъ довольно будетъ въ нѣсколькихъ словахъ напомнить связь событій, чтобы яснѣе былъ подробный рассказъ о важнѣйшемъ изъ этихъ дѣлъ, приводимый нами изъ New York Times'a на слѣдующихъ страницахъ.

Читатель помнитъ, каковъ былъ планъ сѣвернаго правительства, рассказанный нами въ прошлый разъ. Линія театра войны по сухопутной границѣ между Союзомъ и отдѣлившимися штатами тянется на 2,000 верстъ. Близко къ восточному концу этой линіи стоятъ главные силы обѣихъ сторонъ подъ Вашингтономъ. Сѣверное правительство рѣшило начать наступленіе съ западной части пограничной линіи. Въ ней значительныя силы обѣихъ сторонъ находились Кентукки и Теннесси. Наступленіе началось. Авангардъ сѣверной арміи подъ командою Гранта, имѣвшаго до 30 тысячъ человекъ, двинулся, очистивъ штатъ Кентукки, дальше на югозападъ по направленію къ Нашвиллю, главному городу штата Теннесси, около котораго сосредоточивалась западная армія инсургентовъ. Авангардъ ея, имѣвшій до 25 тысячъ человекъ, занималъ

очень крѣпкую позицію въ огромномъ укрѣпленномъ лагерѣ, который названъ былъ фортомъ Доннельсономъ. Вотъ описаніе этой позиціи:

«Первое, чѣмъ поражены вы, вошедши въ фортъ Доннельсонъ, — чрезвычайная сила его. Фортъ Генри считается почти что Гибралтаромъ, но онъ слабъ въ сравненіи съ фортомъ Доннельсономъ. Рѣка Кемберлендъ течетъ почти прямо на сѣверъ. Вдругъ она дѣлаетъ изгибъ въ нѣсколько сотъ ярдовъ и потомъ опять течетъ въ прежнемъ направленіи. Въ этомъ изгибѣ на лѣвомъ берегу рѣки поставлены у самой воды двѣ баттарен, имѣющія 12 очень тяжелыхъ орудій. Онѣ господствуютъ надъ рѣкою и прикрыты брустверами громадной толстоты. За этими баттареями берегъ поднимается довольно крутымъ холмомъ до высоты около 100 футовъ надъ водою. Вершина этого холма — фортъ Доннельсонъ, окопы котораго обнимаютъ пространство около 100 акровъ (35 десятинъ). Мѣстность передъ фортомъ холмистая, покрытая лѣсомъ. На нѣсколько сотъ ярдовъ кругомъ форта онъ вырубленъ, чтобы свободно было дѣйствовать артиллеріи. Вокругъ всего форта, на милое разстояніе отъ него, идетъ траншея для стрѣлковъ, отъ рѣки до рѣки. На западъ отъ форта сдѣлана страшная засѣка, затрудняющая почти до невозможности подступъ съ этой стороны».

Авангардъ сѣверной арміи шелъ къ этому пункту по теченію рѣкѣ. Вотъ разсказъ американской газеты *New York Times*'а объ этомъ походѣ и о взятіи форта Доннельсона:

«Генераль Грантъ рѣшился сдѣлать атаку по двумъ направленіямъ, — съ земли — отъ форта Генри, а водою — съ рѣки Кемберленда; атакующимъ съ нея канопирскимъ лодкамъ должна была содѣйствовать колонна, двигавшаяся по берегу. По окончаніи приготовленій, водяная экспедиція (спустившись по Миссиссиппи до рѣки Огайо и потомъ поднявшись по Огайо) достигла устій Кемберленда ночью, 12 февраля. Сцена была неописанно великолѣпна: ночь была тепла, какъ августовскій вечеръ на нашемъ сѣверѣ, на небѣ не было ни облачка, полный мѣсяцъ, сіяя, отражался на безчисленныхъ штыкахъ. Повременамъ клубы дыма являлись на парпетахъ двухъ фортовъ, стоящихъ на высотахъ надъ городомъ, и раскаты выстрѣловъ переливались эхомъ по холмамъ и возвращались шопотомъ отъ отдаленныхъ кентуккійскихъ горъ. Оркестры лодокъ въ отвѣтъ очаровывали ухо краснорѣчивѣйшей музыкой, которая вмѣстѣ съ видомъ нѣрядныхъ дамъ, десятками прогуливавшихся по палубѣ, давала сценѣ характеръ какъ будто какого-то огромнаго бала; до того доходило сходство, что никто не удивился бы, еслибы вся толпа вдругъ понеслась вихремъ въ вальсъ или плавными движеніями кадрили. Уже послѣ полночи экспедиція снова пустилась въ путь и пошла медленно вверхъ по рѣкѣ. На слѣдующее утро, 13 февраля, она дошла до Эддивилля, маленькаго города на восточномъ берегу рѣки. Если заключать по демонстраціямъ людей, сошедшихся на берегъ смотрѣть на насъ. — итъ подъ солнцемъ города, болѣе преданнаго Союзу, чѣмъ Эддивилль. Жѣнщины махали платками всѣхъ цвѣтовъ, фартуками, шляпками; мужчины — шляпами, и кричали: «ура Союзу» и «ура Линкольну» — до совершеннаго онѣмѣнія отъ хрипоты. Даже эддивилльскія собаки были вѣрны Союзу: лаiali и виляли хвостами въ патріотической радости при національномъ нашествіи. Но только въ одномъ человѣкѣ были признаки искренности. Старикъ съ бѣлосѣбною головою стоялъ на берегу, опираясь на палку и съ наружною апатіею слѣдя за тѣмъ, какъ идутъ лодки, которыхъ не могъ онъ хорошенько разсмотрѣть своими меркнувшими глазами. Случилось такъ, что на одной изъ лодокъ, въ то самое время, какъ она поравнялась съ нимъ, заиграли народную пѣсню Новой Англіи — *Yankee Doodle*. Звуки ея какъ будто пробудили давно спавшія воспоминанія старика, — онъ сорвалъ съ себя шляпу и съ быстрымъ движеніемъ, отъ котораго разсыпался по воздуху его сѣдые волосы, три раза прокричалъ: «ура Союзу!» — Союзу, въ которомъ родился, которымъ были охраняемы и онъ, и его дѣти, и внуки. Экспедиція высадилась ниже форта и тутъ соединилась съ 20-тысячною колонною, которую велъ генераль Грантъ изъ форта Генри. Онъ расположилъ свои силы полукругомъ около форта Доннельсона; оба фланга

его упирались въ рѣку. Занятіе позиціи было сдѣлано не безъ большихъ затрудненій. Пикеты и застрѣльщики непріятеля казались безчисленны, и каждую ложбину, каждый холмъ приходилось отнимать у нихъ съ боя. Но большаго урона мы не потерпѣли, и къ ночи совершенно втѣснили инсургентовъ въ ихъ укрѣпленныя линіи, а сами пріохотились начать болѣе серьезную схватку на другой день. Въ 10 часовъ утра, отрядъ союзныхъ войскъ, состоявшій изъ 5-ти полковъ пѣхоты и 4-хъ батальоновъ артиллеріи (то есть около 5-ти тысячъ человѣкъ), двинулся къ скалистымъ холмамъ, которые занималъ непріятель. За 1,000 ярдовъ (за версту) отъ хребта нашъ отрядъ былъ встрѣченъ непріятелемъ въ большихъ силахъ и произошелъ упорный бой, главнымъ образомъ между стрѣлками и артиллеріей съ обѣихъ сторонъ. Непріятель постепенно отступалъ и черезъ часъ скрылся въ своихъ укрѣпленіяхъ; наши войска овладѣли грядою холмовъ, примыкающихъ къ оврагу, за которымъ находилась внѣшняя линія непріятельскихъ укрѣпленій. Между ними и холмами не больше 300 ярдовъ (150 саж.); они покрыты лѣсомъ и нѣсколько возвышаются надъ укрѣпленіями; поэтому были они прекрасною позиціею для нашихъ стрѣлковъ, не замедлившихъ воспользоваться ею. Они стрѣляли по инсургентамъ, выглядывавшимъ изъ-за парашета. Въ 11 часовъ мы сдѣлали второе движеніе. Три полка (около 2,500 человѣкъ), подъ командою полковника Моррисона, пошли скорымъ шагомъ въ оврагъ, чтобы штурмовать внѣшнія укрѣпленія. Достигнувъ дна ложбины, Моррисонъ былъ сбитъ съ лошади пулей. Видя, что командиръ упалъ и никто не занимаетъ его мѣста, солдаты поколебались и отступили на холмы въ стройномъ порядкѣ, но съ большою потерею. Послѣ того ходилъ штурмовать еще одинъ полкъ, но встрѣченный вдвое болѣею силою, долженъ былъ отступить послѣ отчаяннаго боя, продолжавшагося часъ. Пока велись эти атаки, подошла одѣтая желѣзомъ канонирская лодка «Карондлетъ» и вступила въ бой съ непріятельскими батареями; она пустила въ нихъ 102 выстрѣла и долго не страдала отъ страшнаго непріятельскаго огня, пока наконецъ 128 фунтовое ядро, ударивъ въ одинъ изъ люковъ и ранивъ 8 человѣкъ, засѣло въ мѣшкахъ съ каменнымъ углемъ, прикрывавшихъ котлы. Это заставило лодку отойти. Ночью войска сильно страдали отъ холода. Днемъ, 14 числа, погода была прекрасная, и мы могли разсмотрѣть непріятельскую позицію. Мѣстность около форта идетъ въ гору, покрыта густымъ лѣсомъ и перерѣзана частыми оврагами, скалистыя стѣны которыхъ почти отнимаютъ возможность перехода. Самый фортъ стоитъ на высокомъ утесѣ, отлого спускающемся съ другой стороны къ рѣкѣ; онъ вышиною вѣроятно не меньше 100 футовъ. Вершина его искусственно выровнена на протяженіи мили, и на этомъ выровненномъ мѣстѣ стоитъ фортъ, укрѣпленія котораго занимаютъ все это мѣсто. Передъ скалою тянется неглубокій ровъ, а за нимъ гряда холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ; гряда перерѣзана ложбинами ручьевъ. Въ этотъ день подошла къ фортамъ вся наша эскадра, состоявшая изъ четырехъ одѣтыхъ желѣзомъ и трехъ простыхъ канонирскихъ лодокъ; желѣзныя вышли впередъ, простыя остановились далеко позади ихъ. Одѣтыя желѣзомъ лодки начали бомбардировать фортъ съ разстоянія мили (около 1½ версты). Сначала грохотъ выстрѣловъ не прерывался ни на минуту, — такъ они были часты, и шелъ непрерывный стукъ отъ падающихъ снарядовъ. Черезъ полчаса огонь форта началъ слабѣть, и черезъ нѣсколько времени остались стрѣляющими въ немъ только три пушки, — остальные, какъ видно, были сбиты нашими выстрѣлами. Наши лодки, постепенно подвигаясь ближе къ форту, были отъ него только уже на 400 ярдовъ (175 саж.) и готовились стрѣлять картечью, когда непріятельское ядро разбило рулевой снарядъ на одной изъ лодокъ. Лодкою нелзя стало править, и она должна была удалиться; за нею отступили на прежнюю позицію и другія лодки, сильно поврежденныя. Ночью поврежденія были исправлены. 15-го числа, передъ разсвѣтомъ, непріятель сдѣлалъ вылазку въ числѣ 3,000 человѣкъ, съ 12-ю батареями артиллеріи: онъ горячо бросился на 2 наши полка, стоявшіе на крайнемъ правомъ флангѣ. Этотъ отрядъ твердо деркался, потомъ сталъ отступать; на выручку ему пришли два другіе полка и задержали непріятеля. Скоро подошли еще свѣжія войска съ обѣихъ сторонъ, и бой принялъ страшные размѣры. Одна изъ нашихъ батарей стала на возвышеніи, и нѣлыхъ четыре часа ни на одинъ мигъ не замолкали ея тяжелыя пушки,

24-х фунтоваго калибра. Все это время она подвергалась сильному огню непріятельской артиллеріи, занявшей холмы, возвышавшіеся надъ ея позиціей. Нѣсколько и другихъ нашихъ баттарей были въ дѣлѣ. То наши, то непріятельскія войска, то наступали, то отступали. Битва была продолжительна и отчаянна. То подвигалась она по холмамъ, то спускалась въ овраги,—и все это было въ лѣсу. Люди становились за деревьями, обломками скалъ, и все сраженіе нѣхотныхъ войскъ имѣло характеръ схватки застрѣльщиковъ. Одинъ изъ нашихъ полковъ, стоявшій на крайнемъ правомъ флангѣ, былъ атакованъ роємъ непріятеля съ такою живостію, что разстроился и бѣжалъ въ безпорядкѣ; съ другой стороны мы были атакованы такимъ превосходнымъ числомъ, что наша линія разорвалась, и сраженіе казалось близко къ совершенному проигрышу для насъ. Въ это разорванное мѣсто обратила свою картечь наша баттарей, занимавшая холмъ, и выпустила всѣ, до послѣдняго, свои заряды, удерживая непріятеля. Напрасно командиръ ея ждалъ подкрѣпленія. Въ тотъ самый мигъ, когда она истощила всѣ свои заряды, около 10 часовъ утра, сильный отрядъ непріятеля приблизился къ ней подъ закрытіемъ холмовъ и лѣса и открылъ по ней штуцерный огонь съ разстоянія 200 ярдовъ (менѣе 100 саж.). Всѣ пушки были подбиты, кромѣ одной; въ нее запрягли 6 лошадей, но орудіе было такъ тяжело, а грязь—такъ глубока, что, протаскивъ пушку съ полмили, увидѣли невозможность увести ее, и должны были бросить. Всѣ орудія баттарей достались непріятелю. Но черезъ нѣсколько времени страшная атака нашихъ войскъ отбѣсила его съ этого мѣста, разрывъ нашей линіи былъ опять наполненъ войсками и потерянные пушки были возвращены. Вой длился до самаго полудня и кончился тѣмъ, что непріятель былъ отбѣсненъ обратно въ его окопы. Поле битвы было миля двѣ въ длину (болѣе 3 версты), и каждый клочокъ земли былъ тутъ ареною ожесточенной схватки. Инсургенты сражались съ самою непоколебимою храбростію и, повидимому, хотѣли во что бы то ни стало пробиться чрезъ правое наше крыло. Они лизли на наши позиціи, какъ наводненіе, и нужна была храбрость равная съ ними нашимъ солдатамъ, чтобы устоять противъ ихъ бурнаго прилива, и наконецъ, отбѣснить его въ прежнія границы. Наши войска сражались геройски. Не прерываясь ни на минуту, сыпался на насъ градъ ядеръ, бомбъ и картечи, а тысячи непріятельскихъ стрѣлковъ пускали пули изъ-за каждаго дерева, куста и камня. Грохотъ битвы походилъ на ревъ бури, несущейся черезъ валимый ею лѣсъ. Побѣда досталась намъ дорого. Нѣкоторые полки были совершенно истреблены. Пропорція убитыхъ офицеровъ ужасна. Раненыхъ у насъ очень много, но раны большею частію легкія. Едва покончилось дѣло на правомъ флангѣ, какъ началъ атаку нашъ лѣвый флангъ, подъ командою генерала Смита. Передъ нимъ былъ вѣншій рядъ непріятельскихъ укрѣпленій, мы рѣшились штурмовать его. Въ третьемъ часу дня двинулась густая цѣпь застрѣльщиковъ, черезъ часъ одинъ изъ нашихъ полковъ бросился въ атаку на непріятельскій брустверь, штурмовалъ его въ штыки съ разбѣгу, и съ потирающимъ крикомъ утвердился на немъ. Онъ былъ поддержанъ другими полками. Инсургенты были сбиты съ первой линіи своихъ укрѣпленій и загнаны за вторую. Скоро были заставлены замолчать ихъ баттарей. Тѣмъ кончился кровопролитнѣйшій день этой осады. Въ нынѣшнюю войну не было еще битвы, болѣе упорной, и никогда еще не было у нашихъ войскъ такой увѣренности въ успѣхъ. Никто не сомнѣвался въ немъ подъ самымъ жестокимъ огнемъ.

«На слѣдующее утро, 16 числа, инсургенты прислали сказать, что они сдаются. Генераль Бекнеръ, командиръ ихъ, просилъ перемирія до полудня, говоря, что къ тому времени могутъ уладиться условія сдачи форта. Генераль Грантъ требовалъ безусловной сдачи; инсургенты согласились».

Число взятыхъ тутъ въ плѣнъ инсурентовъ простиралось, какъ знаетъ читатель, до 15,000 человекъ. Но еще сильнѣе нравственный уронъ, испытанный инсургентами. Потерявъ свой авангардъ, западная ихъ армія, стоявшая у Нанзивилля, безъ боя отступила на югъ, и сѣверныя войска заняли столицу штата Теннесси.

ПОЛИКА.

Мартъ 1862.

СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА.—ДѢЛО ВЪ АНГЛІЙСКОМЪ ПАРЛАМЕНТѢ О ДЕРЕВЯННЫХЪ КОРАБЛЯХЪ
И КАМЕННЫХЪ ПРИБРЕЖНЫХЪ УКРѢПЛЕНІЯХЪ. — ПРУССКІЯ ДѢЛА.

Счастье до сихъ поръ благоприятствуетъ войскамъ сѣверо-американскаго Союза: на всѣхъ пунктахъ они тѣснятъ инсургентовъ, и если война еще два-три мѣсяца пойдетъ такимъ же образомъ, южные штаты должны будутъ безусловно смириться и возвратиться въ прежній Союзъ безъ всякихъ условій. Военныхъ дѣйствій мы не будемъ рассказывать въ подробности, потому что каждое изъ нихъ въ отдѣльности не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, за исключеніемъ одной морской битвы, совершенно новой въ своемъ родѣ, о которой надобно будетъ и намъ поговорить вслѣдъ за газетами. Но эта морская битва важна только съ технической стороны для соображеній о томъ, изъ какихъ кораблей должны отнынѣ состоять военные флоты. На ходъ событій въ войнѣ между Союзомъ и инсургентами она не имѣла никакого вліянія, а сухопутныя дѣла, опредѣлившія ходъ войны, до сихъ поръ не заключали въ себѣ ничего особеннаго. Большихъ битвъ еще не было. Происходили схватки между отрядами, которые охватываютъ теперь двойною цѣпью всю окрѣпость отдѣлившихся штатовъ, составляя неправильный овалъ, длина котораго тысячи двѣ версты, а ширина тысячи полторы. Сѣверныя войска, собравшіяся вдоль всей сѣверной границы южныхъ штатовъ по линіи, имѣвшей около трехъ тысячъ верстъ, начали крайнимъ западнымъ своимъ крыломъ загибаться на югъ по долинѣ Миссисиппи, такъ что сухопутныя марши ихъ идутъ теперь съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ. А съ лѣваго восточнаго крыла ихъ все посылаются моремъ отряды на атлантическій берегъ и на мексиканскій берегъ южныхъ штатовъ, такъ что этими десантами занято теперь множество пунктовъ восточной и южной границы. Безпрестанно получая подкрѣпленіе, эти высадившіеся отряды подвигаются во-внутрь страны. Соответственно такой круговой атакѣ растянулись полной окружностью и войска инсургентовъ, сосредоточившіеся

прежде по сѣверной границѣ. Вездѣ сѣверныя войска до сихъ поръ оказывались или многочисленнѣе, или лучше, такъ-что инсургенты отступаютъ на всѣхъ пунктахъ. Кругъ постепенно сжимается, и критическій моментъ войны настанетъ вѣроятно тогда, когда кругъ этотъ сожмется до диаметра, довольно уже незначительнаго. Южныя войска будутъ имѣть тогда выгоду сосредоточеннаго расположенія, въ родѣ того, какимъ пользовался Фридрихъ II-й въ Семилѣтнюю войну. Эта выгода вѣроятно ободритъ ихъ поступить такъ, какъ дѣйствовалъ тогда Фридрихъ II-й: оставивъ только наблюдательныя отряды по всѣмъ другимъ сторонамъ круга, ринутся почти всѣми силами въ одну его сторону, чтобы дать рѣшительную битву одной изъ окружающихъ армій.

Но что будетъ, то еще будетъ, а теперь пока положеніе дѣлъ таково. Мѣсяца четыре тому назадъ, театромъ войны были только такъ-называемые пограничные штаты: Виргинія, Кентукки и Миссури. За оплотомъ своихъ армій, стоявшихъ по этой линіи въ числѣ отъ 350 до 400 тысячъ, остальные южные штаты пользовались безопасностью. Теперь ихъ войска вытѣснены изъ пограничныхъ штатовъ западной половины этой прежней границы,—не только изъ Миссури и Кентукки, но также почти изъ всего штата Теннесси, лежащаго на югъ отъ Кентукки. Это въ центрѣ сѣверной линіи: а на крайнемъ западѣ сѣверныя войска также вторглись изъ Миссури даже на югъ въ Арканзасъ: такъ что теперь линія войны съ сѣвера вошла на сѣверозападъ уже въ хлопчато-бумажные штаты, которые собственно и подняли возстаніе: сѣверныя войска съ сѣверо-запада проникли кромѣ Арканзаса въ штаты Миссисиппи и въ штатъ Алабаму. Съ юга она своими десантными отрядами захватили почти всю Флориду и заняли береговую линію штатовъ Георгія, Южной Каролины и Сѣверной Каролины. Не осталось уже ни одного изъ отставшихъ штатовъ, въ которыхъ не вошла бы война. Но главныя силы обѣихъ сторонъ остаются по прежнему на сѣверо-западной и въ особенности на сѣверо-восточной сторонахъ театра войны. Арміи, стоявшія во все продолженіе военнаго времени по берегамъ Потомака, остаются главными арміями. Тутъ отступленіе инсургентовъ происходитъ медленнѣе, чѣмъ на сѣверо-западѣ. Отчего эта разница? Мнѣнія очень различны. По увѣренію главнокомандующаго союзною потомакскою арміею, Макъ-Клеелана, тутъ нельзя было начинать наступленія раньше, чѣмъ онъ сдѣлалъ. До января онъ себѣ лгалъ на то, что его армія недостаточно организована: а потомъ, до начала марта, мѣшала движенію зимняя распутица. Но генералъ Макъ-Клееланъ принадлежит по своимъ политическимъ убѣжденіямъ къ демократической партіи, вообще расположенной шадить Югъ, и притомъ именно къ тому отдѣлу ея, который на прошлыхъ президентскихъ выборахъ имѣлъ своимъ кандидатомъ Брекенриджа, находящагося теперь однимъ изъ предводителей инсургентовъ. Этотъ отдѣлъ демократической партіи, такъ-называемые брекенриджевскіе демократы, постоянно дѣйствовали вмѣстѣ съ людьми, которые потомъ произвели возстаніе. Поэтому республиканская партія и въ особенности крайній отдѣлъ ея, аболіціонисты, подозреваютъ Макъ-Клеелана, будто-бы онъ измѣнически тянулъ войну, чтобы Сѣверъ утомился и въ усталости призналъ Южную конфедерацію. Дѣйствительно ли Макъ-Клееланъ виноватъ въ такомъ предательскомъ коварствѣ, этого, разумѣется, не можемъ рѣшить мы при скудости доходящихъ въ Европу извѣстій. Но очень неблаго-

видный характеръ команды Макъ-Клеллана обнаружился при самомъ же началѣ наступленія союзной потомакской арміи: оказалось, что инсургенты за нѣсколько дней узнали о предполагаемомъ наступленіи: благодаря этому, они успѣли спокойно отступить съ своихъ позицій при Потомакѣ на другую оборонительную линію за рѣкою Раппаганнокомъ. Какъ они могли узнать это, еще не раскрыто теперь. Но какъ бы тамъ ни было, пропущенъ случай разбить ихъ при отступленіи, пропущенъ случай окружить ихъ на прежней позиціи у Потомака,—а между тѣмъ Макъ-Клелланъ именно такъ и хвастался, что окружитъ ихъ на этой позиціи. Онъ говорилъ: погодите, погодите: если преждевременно начнемъ наступленіе, они уйдутъ за Раппаганнокомъ, и борьба продолжится; дайте мнѣ время, я обещаюсь отрѣзать имъ отступленіе, и мы заберемъ въ плѣнъ ихъ всѣхъ,—кончимъ войну въ нѣсколько дней. Если онъ не предатель, то онъ—полководецъ не очень искусный: если онъ не обманулъ сѣверное правительство, то непріятельскіе генералы обманули его. Носится слухъ, еще болѣе вредный для его репутаціи или какъ честнаго человѣка, или какъ искуснаго генерала: говорятъ, будто съ самаго октября потомакская армія инсургентовъ была уже до того ослаблена отдѣленіемъ отрядовъ на сѣверо-западъ и на атлантическое побережье, что начиная съ ноября во всякое время можно было раздавить ее почти безъ сопротивленія. Макъ-Клелланъ говорилъ, что онъ считаетъ у противниковъ отъ 150 до 200 тысячъ войска, а на самомъ дѣлѣ будто-бы съ конца прошлаго года оставалось у нихъ въ этой мѣстности только отъ 40 до 50 тысячъ. Не знаемъ, какъ что было на самомъ дѣлѣ. Но подозрѣніе и ропотъ на Макъ-Клеллана возросли въ февралѣ до того, что союзное правительство убѣдилось въ необходимости взять изъ рукъ Макъ-Клеллана въ свои руки главное начальство надъ дѣйствіями военныхъ силъ. Въ половинѣ февраля президентъ созвалъ военный совѣтъ изъ 14 главныхъ генераловъ потомакской арміи и предлагалъ вопросъ, можно ли начать наступленіе не дальше, какъ черезъ полторы недѣли. Макъ-Клелланъ и 9 другихъ генераловъ близкаго къ нему образа политическихъ убѣжденій отвѣчали, что это значило бы идти на вѣрное пораженіе: потомакская армія инсургентовъ еще слишкомъ сильна; нужно предварительно принудить ее разными диверсіями, чтобы она отдѣлила отъ себя еще нѣсколько корпусовъ на защиту другихъ пунктовъ. Только четыре генерала республиканской партіи сказали, что начинать наступленіе и можно и должно. Президентъ принялъ ихъ мнѣніе и приказалъ начинать наступленіе. Оказалось, что не только пораженія союзная армія не могла встрѣтить, но и самого непріятеля. Изъ этого извлекается сѣверо-американцами правило (правду сказать, какое новое правило!), что веденіе дѣла не слѣдуетъ отдавать въ руки людей, не сочувствующихъ дѣлу. Начавъ проникаться такою мудростью, они оставили Макъ-Клеллана только главнокомандующимъ одной потомакской арміей, а главнокомандующихъ другихъ своихъ армій сдѣлали независимыми отъ него, подчинивъ ихъ прямо президенту, который по крайней мѣрѣ не измѣнникъ. Опасеніе сильно раздражить демократическую партію удержало ихъ отъ того, чтобы лишить Макъ-Клеллана команды и надъ потомакскою арміею; но раздѣливъ эту армію на четыре корпуса, они сдѣлали командирами корпусовъ тѣхъ четырехъ генераловъ, которые говорили правду на военномъ совѣтѣ, такъ что Макъ-Клелланъ получилъ этихъ помощниковъ, сдѣлался почти безвреденъ.

Итакъ война приняла наконецъ серьёзный характеръ послѣ проволочекъ, происшедшихъ отъ неискусства или измѣны человѣка, которому была поручена прежде. Какъ она пойдетъ и чѣмъ кончится, мы посмотримъ, а теперь не мѣшаетъ заняться разъясненіемъ нѣкоторыхъ мнѣній о ней.

Во-первыхъ, была ли она законна со стороны Союза. Мы знаемъ, что годъ тому назадъ, когда начиналась она, господствовала на Сѣверѣ умѣренная республиканская партія, которая, разумѣется, двоедушничала и ставила вопросъ фальшиво. По ея комментаріямъ дѣло шло о томъ, имѣютъ ли отдѣлявшіеся штаты отвлеченное теоретическое право отдѣляться отъ государства, принадлежать къ которому не хотятъ. На это вмѣстѣ съ умѣренною демократическою партіею она отвѣчала, что такого права не имѣютъ отдѣлявшіеся штаты. Тонкими комментаріями на разные казусы международного права и на разные статьи конституціи она доказывала, что центральная государственная власть въ Соединенныхъ Штатахъ имѣетъ право силою оружія удерживать въ подчиненіи себѣ тѣ области государства, которыя хотятъ быть независимыми. Теорія выходила очень оригинальная съ американской точки зрѣнія, такъ что искренніе люди и на сѣверѣ и на югѣ Соединенныхъ штатовъ должны были только пожимать плечами, слушая подобныя рѣчи. Но крайняя партія сѣверныхъ людей—аболіціонисты разсуждали совершенно иначе. Они говорили: еслибы дѣло шло о правѣ народа Южныхъ штатовъ или какихъ нибудь другихъ штатовъ отдѣлиться отъ государства, принадлежать къ которому не хочетъ населеніе этихъ областей, то ни союзная власть, никакая другая власть на свѣтѣ не имѣла бы права мѣшать этимъ областямъ устроить свою судьбу какъ имъ угодно. Но дѣло вовсе не въ томъ. Сепарационисты долгое время господствовали надъ всѣмъ Союзомъ и принуждали Сѣверные штаты терпѣть невольничество, существованіе котораго противно убѣжденіямъ сѣвернаго населенія. Они находятъ, что поддерживать невольничество нельзя имъ иначе, какъ господствуя надъ всѣмъ Союзомъ, и теперь начинаютъ войну для возстановленія своей потерянной власти надъ нимъ. Не мы мѣшаемъ имъ быть самостоятельными, а они хотятъ завоевать насъ. Мы должны защищаться.—Это чувство овладѣло Сѣверомъ. Тогда сепарационисты, увидѣвъ, что не успѣли запугать своими вооруженіями, стали предлагать миръ. Умѣренная партія на Сѣверѣ начала разсуждать опять такимъ фальшивымъ образомъ: примириться значило бы признать независимость Южныхъ штатовъ, то есть раздробить государство, уменьшить его могущество, его блескъ; значитъ, мириться нельзя. Аболіціонисты говорили иначе. Дѣло идетъ не о государственномъ могуществѣ или блескѣ,—если бы только эти вещи могли пострадать отъ мира, надобно было бы не колеблясь заключить его: во-первыхъ, Сѣверъ останется достаточно могущественъ и безъ Юга; во-вторыхъ, благосостояніе дороже могущества, и не стоитъ жертвовать людьми для пустаго тщеславія. Но дѣло въ томъ, что большинство населенія въ Южныхъ штатахъ не хочетъ отдѣляться отъ Союза; инсургенты составляютъ меньшинство, которое на самомъ Югѣ не можетъ удерживать за собою захваченную власть иначе, какъ насильственными мѣрами; Югъ въ отдѣльности отъ Сѣвера не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ военною державою, въ которой будетъ господствовать войско, и командиры этого войска или предводители партій, имѣющіе своими агентами этихъ генераловъ, постоянно будутъ думать

только о завоеваніяхъ, чтобы обольщать свой народъ блескомъ могущества, военной славы, побѣдъ. Они уже пытались завоевать насъ, и теперь только хотятъ выиграть время, чтобы, собравшись съ силами, напасть на насъ врасплохъ въ другой разъ.

Таково теперь политическое положеніе дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Инсургенты предлагаютъ миръ. На Сѣверѣ повидному господствуетъ партія, полагающая, что предводители инсургентовъ—люди, съ которыми нельзя мириться. Но успеетъ ли эта партія удержать за собою власть до конца дѣла, или Сѣверъ утомится войною, этого мы не знаемъ. Въ массахъ усиливается мнѣніе, принадлежащее аболіціонистамъ; но какіе элементы съ какимъ успѣхомъ борются между собою въ союзномъ правительствѣ, этого мы еще не можемъ различить по нынѣшнимъ недостаточнымъ извѣстіямъ о закулисномъ ходѣ дѣлъ. Мы здѣсь имѣемъ источники свѣдѣній только слѣдующихъ двухъ, равно ненадежныхъ видовъ. Подробные и съ своей точки зрѣнія очень обдуманые рассказы корреспондента «Times'a» пишутся съ явнымъ желаніемъ доказать, что Сѣверу слѣдуетъ смириться передъ Югомъ. Большая часть европейскихъ газетъ питается заимствованіями изъ «Times'a». Газеты, которыя хотѣли бы писать правдивѣе, не обладаютъ большими средствами, потому сѣверо-американскіе корреспонденты ихъ—люди темные, не имѣющіе доступа въ правительственныя сферы и не знающіе хорошенько, что тамъ дѣлается. За неимѣніемъ лучшаго, приводимъ послѣднее письмо нью-йоркскаго корреспондента «Times'a», который, какъ мы сказали,—отъявленный партизанъ инсургентовъ.

«Нью-Йоркъ, 26 марта».

«Во всякомъ возстаніи противъ преобладающей партіи сила рѣшаетъ, какое имя останется за предводителями возстанія. То, что было бунтомъ, когда Людовикъ Наполеонъ Бонапарте являлся въ Страсбургѣ и въ Булонь, перестало быть бунтомъ, когда онъ сдѣлался императоромъ французовъ. Даже великій и благородный Вашингтонъ былъ только бунтовщикомъ, пока успѣхъ покрылъ его имя безсмертною его славою. Каково теперь съ этой стороны положеніе президента Южной конфедераціи, Джефферсона Дэвиса? Бунтовщикъ или патріотъ онъ? И бунтъ или патріотизмъ—попытка основать Южную конфедерацію? Событія быстро рѣшаютъ этотъ вопросъ. Еще мѣсяць тому назадъ въ Англіи перевѣсъ былъ на сторонѣ мнѣнія въ пользу южной независимости. Но три послѣднія недѣли произвели совершенную перемѣну въ здѣшнихъ дѣлахъ. Побѣда, капризно порхавшая за южными знаменами, теперь сѣла на знаменахъ Сѣвера и повидному не слетитъ съ нихъ. Южныя арміи потеряли день за день столько неудачъ и поражений, что не только люди нервышительные, всегда пристающіе къ выигрывающей сторонѣ, но и нѣкоторые изъ самыхъ пылкихъ и самоувѣренныхъ партизановъ Юга убѣдились, что дѣло ихъ потеряно. Видъ войны измѣнился, инсургенты отбѣсняются въ небольшой уголокъ своей земли. Едва ли они попытаются удержать въ Виргиніи наступленіе Макъ-Клеллана,—вѣроятноже, что они удалятся въ штаты Мексиканскаго залива на крайній югъ, куда побоятся идти дѣтомъ сѣверныя арміи, если война продолжится до лѣта». (Дѣтомъ изменности хлопчато-бумажныхъ штатовъ опасны своими миазмами). «А теперь Джефферсонъ Дэвисъ и его товарищи повидному упали духомъ». (Джефферсонъ Дэвисъ въ послѣднее время говорилъ уже не о надеждѣ на успѣхъ, а о томъ, что дѣло, за которое взялся Югъ, оказывается не по силамъ ему, и что надобно погибнуть со славою). «Южныя газеты и народъ на Югѣ поддались взаимнымъ ссорамъ, всегда рождающимся отъ неуспѣха, винятъ своихъ предводителей и другъ-друга, своими несогласіями еще больше ослабляя дѣло, въ которомъ весь успѣхъ основывался только на энтузіазмѣ. Если Южные штаты принуждены будутъ на время или навсегда возвра-

тятся въ Союзъ, то въ бѣдѣ ихъ не столько будутъ виноваты сѣверныя арміи, сколько ихъ собственная неразумительная надежда на помощь Англіи и Франціи. Сѣверъ началъ гибельную войну отъ излишней увѣренности во *всемогущество* хлонка, который долженъ былъ будто бы выпутать его изъ всякихъ затрудненій. Югъ ожидалъ, что Англія скорѣе начнетъ войну съ Сѣверомъ, чѣмъ перенесетъ остановку въ подвозѣ хлонка. Югъ думалъ побѣдить постороннею помощью. — она не явилась. Въ началѣ борьбы Югъ имѣлъ всѣ шансы успѣха на своей сторонѣ: и привычку повелѣвать, и благоприятность времени, и лучшихъ офицеровъ арміи и флота Соединенныхъ Штатовъ, симпатію демократической партіи на Сѣверѣ, недовѣріе Сѣвера къ аболіціонистамъ, предательство союзныхъ сановниковъ, содѣйствіе всего высшаго общества на Сѣверѣ; а Сѣверъ не только не былъ приготовленъ сопротивляться столь страшному движенію, а даже и не вѣрилъ, что на Югѣ серьезно хотятъ отторгнуться отъ Союза, онъ былъ безъ арміи, безъ генераловъ, безъ плана и безъ военныхъ средствъ. Но когда онъ опира-вился отъ перваго расклоха, то оказалось, что онъ имѣетъ рѣшимость и страстный энтузіазмъ. Этими силами онъ совершилъ чудеса. Онъ надѣялся только на себя, раз-вернулъ всѣ свои силы, и теперь дѣло въ такомъ положеніи, что возвращеніе всѣхъ пограничныхъ штатовъ въ Союзъ можетъ уже считаться вещью конченною, а покореніе хлончатобумажныхъ—вещью, зависящею отъ воли Сѣвера.

«Но говорятъ, что президентъ Союза не хочетъ унижать Южные штаты и ждетъ только большой побѣды, чтобы протянуть имъ оливковую вѣтвь и миромъ возвратитъ въ лоно Союза заблудшее овца. А если такъ, что будетъ съ республиканскою партіею? И, еще важнѣе, что будетъ съ вопросомъ о невольничествѣ? Возвратитъ мирнымъ обра-зомъ въ Союзъ Южные штаты невозможно иначе, какъ признавъ законнымъ существо-ваніе невольничества въ нихъ. Но развѣ для этого гдеть войну Сѣверѣ? — Почему знать? Демократическая партія на Сѣверѣ прямо говоритъ, что такъ. Сѣверные домо-краты, въ противоположность республиканцамъ, не имѣютъ никакого расположенія къ дѣлу негровъ и ненавидятъ аболіціонистовъ гораздо искреннѣе, чѣмъ южныхъ сецес-сіонистовъ. Дѣло въ томъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ только не очень значитель-ное меньшинство ненавидитъ невольничество по принципу. Большинство смотритъ на него равнодушно. Гдѣ оно отмѣнено, тамъ отмѣнено по расчету. На Сѣверѣ оно невыгодно. Въ пограничныхъ штатахъ, гдѣ трудъ невольника такъ же невыгоденъ, оно будетъ уничтожено черезъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и мѣсяцевъ. Но чтобы оно было отмѣнено въ хлончатобумажныхъ штатахъ, гдѣ оно чрезвычайно выгодно,—этому не повѣритъ никто, знающій американцевъ». (Разумѣется, ничего важнаго никогда въ исторіи не дѣлалось иначе, какъ по расчету выгоды. Но въ томъ и дѣло, что на Сѣверѣ распространяется убѣжденіе, что южное невольничество невыгодно для Сѣвера, что Сѣверу нельзя жить мирно ни въ союзѣ, ни порознь съ Югомъ, пока на Югѣ будетъ существовать учрежденіе, требующее инаго гражданскаго быта въ сосѣднихъ областяхъ, чѣмъ какой утвердился на Сѣверѣ). «Смотрите, съ какой точки зрѣнія, невольничество деготъ въ меду сѣверо-американской республикой». (Потому оно и оцѣно-отмѣнено). Этого дѣла нельзя ни отстранить, ни уладить мирнымъ путемъ; (потому оно и разрѣшается военнымъ). «Самое большое, чего можно надѣяться отъ нынѣшней борьбы—то, что невольничество будетъ изгнано изъ пограничныхъ штатовъ и огра-ничено хлончатобумажными областями. Но этотъ результатъ могъ быть достигнутъ обыкновеннымъ ходомъ дѣлъ» (нѣтъ, пока Югъ не вывелъ изъ терріи Сѣверъ, неволь-ничество старалось захватывать все новыя области, даже такія, въ которыхъ не могло держаться безъ междоусобной войны, напримѣръ Канзасъ, и никакъ не хотѣло поки-дать пограничныхъ штатовъ) «и силою чисто коммерческихъ причинъ» (да вѣдь самъ же авторъ сказалъ, что Сѣверъ ведетъ войну не по филантропіи, а по коммерческому расчету: вотъ, значитъ, коммерческія причины и дѣйствуютъ); «потому не было необхо-димости аболіціонистамъ доводить Югъ до междоусобной войны» (да вѣдь не аболі-ціонисты, не имѣвшіе до войны никакой практической силы, довели Югъ до войны, а онъ самъ началъ войну, чтобы завоевать Сѣверъ), «которая уже стоила больше денегъ,—не говоря о крови, разореніяхъ и бѣдствіяхъ,—чѣмъ стоило бы выкупить и освободить всѣхъ негровъ Юга» (но что жъ было дѣлать, когда южные плантаторы не

хотѣли и слышать о выкупѣ и начали войну, чтобы уничтожить на (ѣверѣ всякую возможность мысли объ этомъ выкупѣ?).

Судя по этимъ признаніямъ приверженна сецессіонистовъ, надобно заключать, что всякая надежда устоять въ борьбѣ потеряна инсургентами и что всю свою надежду они возлагаютъ теперь на хлопоты своихъ сѣверныхъ партизановъ о заключеніи мира.

Мы упомянули о морской битвѣ, которая не имѣла никакого вліянія на ходъ войны, но замѣчательна по заключеніямъ, которыя должны быть изъ нея выведены относительно постройки военныхъ судовъ. Сами инсургенты совершенно не имѣли флота, но они овладѣли при началѣ войны главнымъ военнымъ портомъ Союза, Норфолькскою гаванью. Большая часть кораблей Союза, стоявшихъ тогда въ этой гавани, успѣли уйти: но большой фрегатъ «Мерримакъ» былъ разбитъ, такъ-что союзные командиры не могли увести его и затопили. Вытащивъ фрегатъ, инсургенты одѣли его желѣзомъ, и вотъ онъ, переименованный въ «Виргинія», пошелъ изъ Норфолькской гавани къ соседнему устью рѣки Джемса, гдѣ стоитъ фортъ Монро, служащій операционнымъ базисомъ для дѣйствій сѣверныхъ войскъ въ сѣверной части вѣргинскаго прибрежья. Подъ прикрытіемъ форта и береговыхъ баттарей находилась союзная эскадра, состоявшая изъ трехъ фрегатовъ такой же величины, какъ «Мерримакъ», нѣсколькихъ корветовъ, и т. д. Эти корабли имѣли до 250 орудій тяжелаго калибра; на береговыхъ баттаряхъ также были тяжелыя орудія. Но «Мерримакъ» сновагоно шелъ подъ ихъ выстрѣлами прямо на одинъ изъ союзныхъ кораблей, далъ по немъ залпъ изъ своихъ 12 пушекъ (тяжелая желѣзная одежда заставляетъ уменьшать число орудій на такихъ корабляхъ) и съ полною силою паровъ ударилъ своимъ стѣннымъ изъ желѣза носомъ въ бокъ противника. Стѣна деревяннаго корабля разѣлась. «Мерримакъ» отонедши сажень на 50, далъ другой залпъ и опять ударилъ носомъ: корабль сталъ быстро тонуть. «Мерримакъ» пошелъ противъ другаго фрегата.—тоже сдѣлалъ. Наступила ночь. «Мерримакъ», дождавшись утра, принялся было тонить другіе союзные корабли. Ихъ залпы и выстрѣлы береговыхъ баттарей нисколько не вредили ему: только ходъ его нѣсколько задерживался, когда разомъ толкалось въ него слишкомъ много непріятельскихъ ядеръ: ихъ удары дѣйствовали на него въ родѣ того, какъ противный вѣтеръ. Всѣ тѣ союзные корабли, которые не успѣли бы убійать, были бы потоплены, но случайнымъ образомъ принялся къ тому дѣству странная вещь, тоже въ родѣ «Меррикама», только совершенно оригинальнаго устройства. Извѣстный стрѣлель пароходовъ Эриссонъ, изобрѣтатель особеннаго способа замѣнять паръ разгоряченнымъ воздухомъ, придумалъ корабль, надъ негѣбностью и непригодностью котораго очень много смѣялись. Весь корпусъ этого корабля находится подъ водою, такъ что сверхъ воды выкалывается лишь часть палубы и баненка въ видѣ огромнаго опрокинутаго стакана. Палуба корабля одѣта толстымъ желѣзомъ (шесть слоевъ, каждый въ дюймъ толщины, крѣпко свинченныя); верхняя полоса стѣны корабля, хотя и подъ водою, тоже одѣта желѣзомъ до такой глубины, до какой уже не могутъ хватать черезъ воду ядра. Баненка, тоже изъ желѣза, толщиной въ 9 дюймовъ, вертится на вѣрзаниномъ въ палубу желѣзномъ кругу, который представляетъ собою какъ будто бы верхушку круглаго стола, посреди котораго внутри корабля.

По сигналамъ отъ человѣка, находящагося въ башнѣ, экипажъ корабля снизу повертываетъ куда надобно столь и башенку. Въ башнѣ 2 амбразуры для двухъ пушекъ, одна подлѣ другой, такъ что стрѣлять изъ обѣихъ можетъ одинъ человѣкъ. Окна эти сдѣланы вплоть по дуламъ пушекъ, — пушкамъ повертываться не нужно въ амбразурахъ, онѣ повертываются вмѣстѣ съ башенкой. Въ башнѣ стоитъ человѣкъ и стрѣляетъ. Надъ рулемъ сдѣланъ желѣзный домикъ такой же толщины, какъ башенка. Въ домикѣ другой человѣкъ, который правитъ рулемъ. Только эти два человѣка и находятся поверхъ воды. Остальной экипажъ весь внутри затопленного корпуса подъ желѣзной крышей. Пушекъ на этой штукѣ только двѣ, какъ мы сказали, но огромнаго, по нашей терминологіи 5-пудоваго калибра. Ядра для этихъ пушекъ сдѣланы тоже особенныя, не чугуныя — чугунъ слишкомъ хрупокъ, — а изъ кованнаго желѣза. Этотъ странный союзный пароходъ случайно шелъ по сосѣдству, услышалъ выстрѣлы и пошелъ защищать своихъ. «Мерримакъ» вдвое больше его величиною и имѣетъ 12 пушекъ противъ 2-хъ, которыми вооружена странная машина Эриксона, называющаяся «Увѣщателемъ», Monitor. «Мерримакъ» оказался противъ «Монитора» столь же безсиленъ, какъ деревянные корабли противъ «Мерримака». Нѣсколько часовъ они стрѣляли другъ въ друга на разстояніи отъ 20 до 40 саж. и не дальше какъ на 70 саж. Раза 2 или 3 «Мерримакъ», надѣясь на свою величину и тяжесть, набрасывался со всѣхъ паровъ на противника, чтобы пробить его своимъ длиннымъ, желѣзнымъ носомъ, придѣланнымъ нѣсколько ниже водяной линіи, или потопить его. Но только носъ повредился, хотя былъ сдѣланъ изъ куска желѣза шириною фута въ полтора и толщиною съ футъ. «Мониторъ» не хотѣлъ ни тонуть отъ набѣжавшей на него тяжести, ни поргаться отъ ударовъ, и «Мерримакъ» снова отходилъ, и опять начинались залпы. «Мониторъ» такъ и остался безъ всякаго поврежденія: на его палубѣ и башенкѣ было только сдѣлано множество выбоинъ глубиною около дюйма. Но калибръ орудій «Монитора» и кованныя ядра оказались наконецъ невыносимы для «Мерримака»: нѣкоторые ядра попадали въ амбразуры «Мерримака», кромѣ того повредили ему руль, и послѣ боя, тянувшагося, какъ мы сказали, нѣсколько часовъ, онъ уступилъ, — пошелъ чиниться назадъ въ Норфолкъ. По поврежденіи были нанесены ему только ядрами «Монитора», очень долго бившими его съ разстоянія отъ 40 до 20 сажень. На выстрѣлы береговыхъ баттарей онъ не обращалъ никакого вниманія, и изъ всей этой исторіи стало очевидно, что не только деревянные корабли, но и каменные форты нигде негодятся противъ кораблей, одѣтыхъ желѣзомъ: ставъ въ саженихъ 150 отъ форта, такой корабль разобьетъ его въ мусоръ, а самъ не потеритъ никакого поврежденія, потому что 5-ти пудовыя ядра дѣйствуютъ на него очень слабо и въ 50 саженихъ разстоянія. — Какъ только принесть телеграфъ извѣстіе объ этой битвѣ въ Вашингтонъ, союзный конгрессъ назначилъ около 20 милл. р. сер. на постройку одѣтыхъ желѣзомъ кораблей и эриксоновскихъ машинъ. Но это еще не такъ любопытно, какъ дѣйствіе того же извѣстія въ Англіи.

Англійское правительство не знало, на что рѣшиться. Но въ парламентѣ спросили его, какой практическій результатъ извлечетъ оно изъ исторіи «Мерримака» и «Монитора». Пальмерстонъ и его товарищи отвѣчали въ такомъ

смыслъ, что всеконечно, эта исторія поучительна, но надобно подумать, что она значить. — Да чего тутъ думать, сказали имъ, вы видите, что цѣлый флотъ деревянныхъ кораблей безнаказанно истребляется однимъ кораблемъ, одѣтымъ въ желѣзо. Такъ ли? — «Такъ». — У насъ строятся деревянные корабли? — «Строятся». — Это работа пропащая, и деньги пропащія. Такъ ли? — «Такъ». — Такъ чего же думать? Надобно послать приказаніе прекратить эту работу. — «Да», сказалъ Пальмерстонъ, «точно, надобно остановить. Сейчасъ пошлю приказаніе объ этомъ». — А какъ вы думаете о способности каменныхъ укрѣпленій защищать гавань отъ кораблей, одѣтыхъ желѣзомъ? — «Надобно подумать». — Да опять, что же тутъ думать? Вы видите, что форты не защита. Надобно защищать гавани одѣтыми въ желѣзо пловучими батареями, поставленными у входа въ гавань. Такъ ли? — «Такъ». — А у насъ строятся форты? — «Строятся». — Это пропащія деньги? — «Да». — Такъ надобно послать приказаніе остановить эти напрасныя работы. — «Да, сейчасъ пошлю приказаніе объ этомъ».

Вотъ что значить простой и живой разговоръ: въ два дня порѣшили дѣло, котораго иначе не рѣшили бы въ нѣсколько мѣсяцевъ, и въ эти нѣсколько мѣсяцевъ было бы израсходовано миллионъ двадцать, тридцать рублей на работы, оказавшіяся напрасными, и было бы потеряно нѣсколько мѣсяцевъ драгоценнаго времени, которымъ теперь воспользуются для огражденія англійской безопасности усиленною работою надъ кораблями, одѣтыми въ желѣзо, и желѣзными пловучими батареями.

Впрочемъ все это плохая потѣха: тамъ сражаются, тамъ строятъ одѣтые желѣзомъ корабли въ виду какихъ-то угрожающихъ войнъ; а въ нынѣшнее весеннее время человѣкъ расположенъ быть веселымъ, и хочется ему чѣмъ нибудь позабавиться. Для насъ нѣтъ лучшей забавы, какъ либерализмъ, — такъ вотъ и подмываетъ насъ отыскать гдѣ нибудь либераловъ, чтобы потѣшиться надъ ними. А, вотъ гдѣ они теперь: въ Пруссіи. Краснорѣчиво толкуютъ они о злонамѣренности новыхъ прусскихъ министровъ (прежніе, которыхъ они тоже считали виновниками всѣхъ своихъ огорченій, вышли въ отставку, потому что, какъ видно, не желали ихъ огорчать). Новые министры будто бы не въ примѣръ хуже прежнихъ. Такъ расходились противъ нихъ прусскіе либералы, что даже постороннихъ людей сталъ забирать страхъ. Холодный и разсудительный берлинскій корреспондентъ Times'a — и тотъ пришелъ въ азартъ: новые министры, говорятъ, ведутъ Пруссію къ гибели. Будто и ведутъ! А вотъ послушаемъ, какъ это они ведутъ, — переведемъ его письмо, въ немъ все-таки поменьше двоедушія, чѣмъ въ самихъ рѣчахъ прусскихъ либераловъ.

«Берлинъ, 6 апрѣля».

«Замѣчательная черта настоящаго положенія дѣлъ въ Пруссіи — то, что сильно заинтересовались политикою люди, которые въ обыкновенныя времена нисколько не заботятся объ ней, но теперь горячо разсуждаютъ о политическихъ дѣлахъ и выражаютъ самымъ примымъ языкомъ свое неудовольствіе» (да на кого же они сердятся, чулаки? Сами не занимались дѣлами, и вдругъ разсердились, что дѣла идутъ не по ихъ желанію. Да вѣдь они молчали? Такъ какими же судьбами было кому исполнять ихъ желаніе, котораго никто и не слышалъ? Никогда что ли было правительству приставить

къ нимъ, чтобы отгадывали ихъ мысли, смотря имъ въ глазки? Да вѣдь и въ глазкахъ-то у нихъ ничего нельзя прочесть, потому что мыслей-то у нихъ никакихъ не было!). «Между такими лицами предметомъ постоянныхъ разговоровъ продолжаетъ быть циркуляръ г. фонъ-Ягова, и никто не говоритъ о немъ безъ негодованія» (какой удивительный предметъ для своего негодованія наши оны: министръ внутреннихъ дѣлъ написалъ своимъ чиновникамъ циркуляръ, въ которомъ говорить, что правительству было бы пріятно, еслибы въ депутаты были выбраны лица, одобряющія образъ дѣйствій правительства. А эти господа негодователи ждали видно, что министръ внутреннихъ дѣлъ порекомендуетъ выбрать въ депутаты людей, порицающихъ правительство!) «Разумѣется, инструкция министра внутреннихъ дѣлъ, обнародованная въ довольно осторожной формѣ, превышаетъ и злоупотребляется подобострастіемъ его подчиненныхъ» (вотъ видите, куда оно пошло, ужъ и не министръ виноватъ, а его подчиненные. Только и на подчиненныхъ едва ли не понапрасну клеветаютъ прусскіе либералы, будто они «превышаютъ и злоупотребляютъ»: вѣдь еслибы въ самомъ дѣлѣ превышали и злоупотребляли, то были бы отставлены министромъ, «и ежедневно мы видимъ въ газетахъ воззванія провинціальныхъ чиновниковъ къ избирателямъ, исполненія извращенныхъ свѣдѣній, написанныя съ цѣлю обмануть и запугать избирателей» (Проще сказать: чиновники излагаютъ дѣло съ своей точки зрѣнія, которой не раздѣляютъ люди другихъ убѣжденій: къ чему же такъ уже кричать, что чиновники искажаютъ факты,—они только излагаютъ факты въ такомъ видѣ, въ какомъ сами ихъ понимаютъ; тутъ еще нѣтъ ничего удивительнаго). «Кто привыкъ видѣть привязанность пруссаковъ къ королю, ихъ уваженіе къ его добрымъ намѣреніямъ, ихъ надежду, что онъ, хотя бытъ можетъ медленнымъ, но твердымъ шагомъ будетъ идти къ осуществленію великихъ благъ для народа, тому прискорбно замѣчать, что онъ,—только на время, какъ мы надѣемся,—утратилъ свою популярность. Прежде его добрыя качества были любимымъ предметомъ разговоровъ, теперь вниманіе устремлено на его недостатки и ошибки» (но вѣдь онъ не перемѣнился, не потерялъ ни одного изъ своихъ прежнихъ качествъ? значить, несправедливы люди, которые отъ похвалы ему прѣшли къ порицанію?). «Нѣкоторые даже не надѣются, что онъ будетъ въ силахъ исправить сдѣланныя ошибки. А другіе говорятъ, что если и можно исправить ихъ, то многихъ трудностей и долгаго времени будетъ стоять ему избавиться отъ сѣтей, въ которыхъ онъ запутанъ злыми совѣтами людей, вліянію которыхъ приписываются сдѣланныя ошибки» (но если ошибокъ не было?). «Конечно, напрасно было бы слишкомъ винить его совѣтниковъ» (вотъ видите ли, они не такъ виноваты, конечно, потому, что важныхъ ошибокъ не было сдѣлано.—Послѣ этого корреспондентъ Times'a цускается въ разсужденія о королѣ, совершенно ошибочныя, которыхъ мы не хотимъ и повторять. Перейдемъ прямо къ изложенію нынѣшнихъ дѣлъ). «Прежніе министры вышли въ отставку, принявъ на себя упрекъ за распущеніе палаты, но не желая слѣдовать политикѣ, требовавшей распущенія палаты».

Новые министры искренно преданы этой политикѣ и потому заслуживаютъ такой же похвалы за твердость, съ которою рѣшились служить ей, какъ прежніе министры за то, что не успивались удерживать за собою должностей долгое время послѣ того, какъ это стало несогласно съ ихъ убѣжденіями. Выборы будутъ происходить подъ вліяніемъ недовольства, о которомъ упоминаетъ корреспондентъ Times'a въ началѣ своего письма. Ждутъ, что большинство въ новой палатѣ составятъ люди, порицающіе нынѣшнюю политику. Но будемъ надеяться, что преданность прусскаго народа королю предотвратитъ всѣ послѣдствія такого выбора. Можетъ быть, что злонамѣренные люди составятъ большинство въ новой палатѣ депутатовъ; но это большинство увидитъ себя безсильнымъ.

П О Л И Т И К А.

Апрѣль 1862.

ВЫБОРЫ ВЪ ПРУССІИ.—ПУСТАЯ МОЛБА О РИМѢ.—БИТВА ПРИ ПИТТСБУРГЪ-ЛАНДИНГЪ И ВЗЯТІЕ
НОВАГО ОРЛЕАНА.

Пруссія рѣшительно не хочетъ отказываться отъ внезапно овладѣвшаго ею честолюбія служить предметомъ всеобщаго любопытства. Нѣтъ двѣнадцатъ лѣтъ 1850 г., существовала она такимъ смиреннымъ манеромъ, что самые рьяные публицисты и газетные корреспонденты, умѣющіе находить себѣ пищу и въ Португаліи, и въ Голландіи, и въ Бельгіи, не умѣли отыскать въ Пруссіи предмета, о которомъ написать бы двѣ-три колонны. Безплодность поемы довела корреспондентовъ до отчаянной рѣшимости: они ѣздили изъ Берлина. Какимъ же способомъ произошло, что Пруссія вдругъ превзошла даже свою вѣчную соперницу Австрію обиліемъ матеріала, доставляемаго для газетъ! Этимъ она обязана своему правительству.

Съ возшествіемъ вѣнцискаго короля на престолъ, пруссаки не извѣстно на какомъ основаніи, связывали надежду, что сама водворится у нихъ система истинно конституціоннаго правленія. До той поры, вѣдѣе ли. Пруссія только на бумагѣ называлась конституціонною страной, а въ дѣйствительности управлялась точно такимъ же порядкомъ, какъ во времена до-конституціонныя. Ждали пруссаки годъ, два, три—нѣтъ, все она сама собою не водворяется. Вотъ, прошлой осенью они сдѣлали попытку познакомиться о ея водвореніи, совершивъ необикновенно мудреное открытіе, что если они хотѣли имѣть палату депутатовъ, желающую дѣйствительно ввести въ государство конституціонныя порядки, то надобно выбирать въ депутаты людей, которые дѣйствительно имѣли бы конституціонныя убѣжденія. Прежде, вѣдѣе ли, пруссаки не знали этого и выбирали въ депутаты тѣхъ людей, которыхъ рекомендовали имъ ландтаги, то есть провинціальныя зачальники. Одинадцать или двѣнадцать лѣтъ нужно было пруссакамъ чтобы понять, что какъ бы хороши ни были ландтаги, но имѣютъ своею обязанностию и своимъ дѣланіемъ вовсе не введеніе

истинно конституціоннаго правленія въ Пруссіи, а только то, чтобы добросовѣстно исполнять приказанія министерства; и что поэтому люди, рекомендуемые ландратами въ депутаты, никакъ не способны стремиться къ тому, чтобы поставить министровъ въ зависимость отъ палаты депутатовъ. Одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ опыта нужно было пруссакамъ для уразумѣнія такой трансцендентальной истины, — по неужели это много времени, какихъ нибудь съ небольшимъ десятокъ лѣтъ, на обученіе націи первому приему новой для нея жизни? Вѣдь первый приемъ тяжеле всего. Итакъ въ прошлую осень пруссаки выбрали депутатовъ, хотѣвшихъ ввести на самомъ дѣлѣ конституціонное управленіе. Новая палата потребовала, чтобы на ея разсмотрѣніе представлялся подробный бюджетъ вмѣсто краткаго перечня государственныхъ доходовъ и расходовъ, которымъ довольствовались прежнія палаты, но изъ котораго ничего не было видно. Кромѣ того она требовала, чтобы уменьшены были издержки на войско, нарушавшія равновѣсіе расхода съ приходомъ. Если бы само правительство вздумало сдѣлать то, чего требовала палата, отъ этихъ переменъ не выходило бы еще никакой особенной разницы въ системѣ управленія. Представленіе палатѣ короткаго, а не подробнаго бюджета было только дѣломъ формы. А уменьшеніе издержекъ на военныя силы палата требовала въ размѣрѣ не очень большомъ, такъ что составъ военныхъ силъ мало измѣнялся бы этою убавкою. Собственно говоря, еслибы требуемыя переменъ не были требуемы депутатами, а были сдѣланы самимъ правительствомъ, правительство и не сочло бы ихъ важною уступкою съ своей стороны. Но большая разница въ томъ, по независимому ли рѣшенію правительства, или по формальному требованію общества дѣлается какая нибудь переменъ. Реформа, не имѣющая ни малѣйшей важности въ первомъ случаѣ, можетъ оказываться переворотомъ всей системы управленія во второмъ, потому что она тутъ уже будетъ признакомъ, что отношеніе между правительствомъ и обществомъ измѣнилось, что общественное мнѣніе взяло господство надъ правительствомъ.

Разсматривая дѣло съ этой вѣрной точки зрѣнія, мы никакъ не можемъ согласиться съ поверхностными порицателями, упрекающими прусское правительство за то, что оно поссорилось съ палатою депутатовъ изъ-за такихъ вопросовъ, которые сами по себѣ маловажны. Напрасно удивляются либералы тому, что оно не сдѣлало палатѣ удовольствія, а предпочло волновать страну распущеніемъ палаты и предложеніемъ обществу прямого вопроса: на чьей сторонѣ хотятъ стоять пруссаки, на сторонѣ правительства или на сторонѣ конституціонистовъ. Мы находимъ, что прусскому правительству такъ и слѣдовало поступить. Дѣйствительно, ходъ исторіи пододвинулъ рѣшеніе вопроса, на какой ступени конституціоннаго настроенія стоитъ прусское общество: ограничивается ли оно тѣмъ, что приобрѣло знаніе надобности въ людяхъ съ конституціонными убѣжденіями для конституціоннаго управленія государствомъ, или уже приготовлено и ко второму шагу конституціоннаго пути, къ рѣшимости поддерживать людей конституціоннаго направленія въ ихъ спорахъ съ правительствомъ. Чѣмъ скорѣе ставился этотъ вопросъ, тѣмъ скорѣе и разъяснялось дѣло.

Такимъ образомъ прусское правительство дѣйствовало какъ нельзя лучше въ пользу національнаго прогресса, распуская палату, съ убѣжденіями которой

была не согласна прежняя система, и предлагая націи средство испытать, каковы на самомъ дѣлѣ ея мысли: хочетъ ли она только того, чтобы палата депутатовъ ораторствовала о конституціонномъ порядкѣ, не имѣя средства установить его, или хочетъ поддерживать этихъ депутатовъ, чтобы они, опираясь на націю, могли осуществить свои убѣжденія.

Чтобы не оставить обществу никакого сомнѣнія объ истинномъ положеніи вопроса, правительство приняло два рѣшенія, столь же неосновательно порицаемые поверхностными либералами, какъ и распушеніе палаты. Объ одномъ изъ нихъ мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ: всѣмъ чиновникамъ и зависящимъ отъ правительства корпораціямъ было предписано употреблять всевозможныя усилія для поддержки правительственныхъ кандидатовъ на новыхъ выборахъ и всячески отклонять публику отъ выбора депутатовъ, не одобряемыхъ министерствомъ. Въ прошлый разъ мы защищали эту мѣру со стороны ея натуральности и необходимости, доказывая, что напрасно обвинялись прусскіе министры за дѣйствованіе въ пользу своихъ интересовъ, потому что ни отъ кого нельзя ждать или требовать чего либо иного. Теперь мы пойдемъ дальше въ защитѣ прусскаго правительства и скажемъ, что это его дѣйствіе было не только естественно, но и совершенно разумно, политично и законно. Надобно помнить, о чемъ шло дѣло. Вовсе не о замѣнѣ одного министерства, принадлежащаго къ извѣстной политической системѣ, другимъ министерствомъ, признающимъ ту же систему и разнящимся отъ перваго только большею или меньшею степенью либерализма или консерватизма. Случай былъ совершенно не такой, какъ замѣненіе тѣри вигами, или наоборотъ, въ Англіи. Пальмерстонъ и Дерби, Россель и д'Израэлъ, подобно Кобдену и Брауну, всѣ признаютъ одинаковое правительственное устройство и спорятъ между собою только о полезности или вредѣ, своевременности или несвоевременности той или другой практической мѣры, которую каждый изъ нихъ станетъ проводить или задерживать совершенно тѣми же способами, какими пользуется и его противникъ. Принципы государственнаго управленія не подвергаются спору: онъ идетъ только о его подробностяхъ. Конечно, тутъ было бы недобросовѣстно, если бы для торжества на выборахъ министры воспользовались тою силою, какую даетъ имъ правительственная власть, потому что, какъ мы сказали, правительственная власть сама по себѣ не подвергается никакому вмѣненію отъ замѣны одного министерства другимъ или оттого, какой партіи будетъ дано выборами большинство въ палатѣ депутатовъ. Правительственная власть при всѣхъ этихъ переменахъ остается неприкосновенна: значитъ, и не приходится ей вмѣшиваться въ борьбу партій.

Въ Пруссіи совсѣмъ не то. Еслибы выборы дали въ палатѣ большинство министрамъ, это значило бы, что нація хочетъ подчиняться прежней правительственной власти; если же большинство новыхъ депутатовъ будетъ противъ министровъ, это будетъ значить, что нація хочетъ сама взять въ свои руки правительственную власть, будучи недовольна прежними принципами правленія, ставившими власть внѣ общества. Очевидно, что не одни министры были заинтересованы ходомъ выборовъ, а зависѣла отъ нихъ и судьба самой власти, существовавшей до тѣхъ поръ. Изъ этого видно, что правительственная власть имѣла достаточное основаніе вмѣшиваться въ избирательную борьбу и что никакъ не слѣдуетъ упрекать министровъ за это.

При ихъ посредствѣ правительственная власть приняла и другую мѣру, окончательно разъясняющую вопросъ. Формальною причиною несогласія между министрами и палатою депутатовъ были дѣла о представленіи палатѣ подробнаго бюджета и о дефицитѣ. Власть почла нужнымъ отстранить эти мелкія дѣла, чтобы существенный смыслъ борьбы не затемнился ими. Передъ выборами было напечатано письмо министра финансовъ къ военному министру, которому его товарищъ предлагалъ позаботиться о сокращеніи военныхъ издержекъ, чтобы не было дефицита и чтобы можно было отмѣнить сборъ экстренной прибавки къ одному изъ прямыхъ налоговъ, служившей для уменьшенія дефицита. Черезъ нѣсколько времени напечатанъ былъ документъ, объявлявшій, что эти предложенія министра финансовъ будутъ исполнены и что отнынѣ бюджетъ представляться палатѣ депутатовъ подробный бюджетъ. Поверхностные либералы видѣли и тутъ недобросовѣстность. Они говорили: вотъ правительство дѣлаетъ то, чего требовала прежняя палата депутатовъ и за что она была распущена. Ей объявили, что ея требованія противны государственному благоустройству и неудобополнимы. Но теперь нашли же ихъ безвредными для государства и возможными. Если такъ, то не зачѣмъ было порицать прежнюю палату и распускать ее.—Мы опять не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, потому что оно разсуждаетъ только объ отдѣльных фактахъ, выбрасывая изъ нихъ смыслъ ихъ. Дѣла, по которымъ обнаружилось разнорѣчіе между палатою и правительствомъ, были сами по себѣ не важны, какъ мы уже говорили, и то или другое рѣшеніе этихъ дѣлъ не приносило государству ни большаго вреда, ни особенной пользы. Но вѣдь прежняя палата, высказывая свои требованія, имѣла не ту только мысль, чтобы именно вотъ лишь *эти* дѣла были рѣшены такъ, а не иначе,—она черезъ эти дѣла хотѣла ввести въ государственное устройство тотъ совершенно новый для Пруссіи принципъ, чтобы воля палаты депутатовъ вообще была закономъ для правительства: а это уже вовсе не то, что требованіе какой нибудь мѣры, по какому нибудь частному вопросу.

Прусское правительство распустило прежнюю палату не изъ-за важности частныхъ предметовъ спора съ нею, а потому, что не признавало за нею права приказывать ему.

Благодаря такому хорошему разъясненію вопроса самимъ правительствомъ, результатъ выборовъ не имѣетъ уже никакой двусмысленности. Тѣ депутаты прежней палаты, которые рѣшительно желали введенія конституціонной системы, избраны въ новую палату всѣ, безъ исключенія. Во многихъ округахъ замѣнены людьми этой партіи прежніе депутаты первѣйшаго образа мыслей: большая часть тѣхъ депутатовъ, которые поддерживали нынѣшнюю систему правленія, потерпѣли пораженіе на выборахъ, точно такъ же, какъ и всѣ министры. Это послѣднее обстоятельство очень замѣчательно въ своемъ родѣ: въ цѣлой Пруссіи не нашлось городского или сельскаго округа, который согласился бы имѣть своимъ представителемъ кого нибудь изъ нынѣшнихъ министровъ.

Теперь новая палата собралась, и тронная рѣчь при ея открытіи была написана тономъ очень уклончивымъ, совершенно непохожимъ на прежнія заявленія правительства. Но этотъ мягкій приступъ къ дѣлу выражаетъ собою

только желаніе прусскаго правительства по возможности удерживаться отъ рѣзкихъ столкновеній, — желанія, раздѣляемаго и прогрессистами. — а нимало не свидѣтельствуешь, что дѣло обойдется безъ такого столкновенія. Оно можетъ пойти двумя путями.

Во-первыхъ, прежняя система можетъ находить, что еще не истощила всѣхъ своихъ средствъ сопротивленія обществу; если правительство дерзится такого мнѣнія теперь, оно думаетъ совершенно справедливо. Въ такомъ случаѣ новая палата будетъ распушена подобно прежней. Когда она будетъ распушена, это зависить уже отъ нея самой. Правительство приглашаетъ ее въ начинающуюся непродолжительную сессію заняться только удовлетвореніемъ текущихъ надобностей администраціи, отлагая политическій споръ о принципахъ управленія до слѣдующей сессіи, которая начнется зимою. Быть можетъ палата такъ и поступитъ, чтобы не затягивать нынѣшнюю сессію долѣе обыкновеннаго срока парламентскихъ засѣданій, до котораго остается лишь нѣсколько недѣль. А быть можетъ она найдетъ нужнымъ теперь же предъявить свои политическія требованія. Если такъ, она будетъ распушена теперь же, и опять будутъ назначены новые выборы, результатъ которыхъ не подлежитъ сомнѣнію: они дадутъ прогрессистамъ еще сильнѣйшій перевѣсъ въ палатѣ.

Какъ ни поступитъ палата: отложить ли по приглашенію правительства политическую борьбу до слѣдующей сессіи, или начать ее теперь же, все-таки при нынѣшнемъ настроеніи публики — эта борьба неизбежна, если правительство не почтетъ нужнымъ сдѣлать видимую уступку; а уступка хотя по формѣ сколько нибудь удовлетворительная, можетъ состоять только въ замѣнѣ нынѣшняго министерства людьми болѣе либеральнаго образа мыслей. Намъ кажется, что, избравъ этотъ второй способъ дѣйствія, путь уступокъ, прусское правительство поступило бы неосновательно, потому что, какъ мы сказали, оно еще не истощило своихъ средствъ сопротивленія и, слѣдовательно, еще не имѣетъ необходимости отказываться отъ борьбы. Но въ сущности будетъ все равно. Ходъ исторіи неуклонно опредѣляется реальнымъ отношеніемъ силъ, и ошибки, дѣлаемыя людьми, имѣютъ вліяніе только на форму, а никакъ не на сущность вещей. Напримѣръ, если бы прусское правительство и вздумало теперь уже сдѣлать уступку, надобности въ которой еще нѣтъ для него при силахъ, остающихся у него въ резервѣ, то всякія нынѣшнія уступки съ его стороны оказались бы чистою формальностью, лишенною всякаго реальнаго значенія, хотя бы оно и само искренно желало дѣлать уступки не кажущіяся, а дѣйствительныя. Попробуемъ всмотрѣться въ дѣло, и мы увидимъ, что иначе быть не можетъ. Если бы прусское правительство вздумало уступить теперь палатѣ депутатовъ, то есть замѣнить нынѣшнихъ министровъ людьми конституціоннаго образа мыслей, оно сдѣлало бы это по доброй волѣ. — не потому, чтобы уже лишено было возможности сопротивляться или надежды на успѣхъ сопротивленія, а только по снисходительному добросовѣстству, чтобы пощадить страну, не подвергать ее тяжелымъ симптомамъ гражданскихъ смутъ. Но кто дѣлаетъ что нибудь по снисходительности, для пощады, тотъ сохраняетъ за собою сознаніе силы и никакъ не въ состояніи избавиться отъ мысли, что власть все-таки за нимъ и что противникъ, пощаженный его снисходительностію, обязанъ быть пріятельнымъ къ нему, то есть держать себя въ зависимомъ отъ него

положеніи; если же окажется и послѣ этой пощадѣ неблагороднымъ и дерзкимъ, то уже лишится всякаго права на состраданіе и долженъ будетъ подвергнуться справедливому наказанію отъ силъ, остающихся въ резервѣ у великодушнаго. Такимъ образомъ великодушный обладатель силъ, сдѣлавшій уступку, все-таки считаетъ себя сохраняющимъ власть и могущимъ дѣйствовать сообразно тому, а пощаженный противникъ остается въ положеніи, зависимомъ отъ него; слѣдовательно, дѣйствительныя отношенія остаются и послѣ уступки совершенно таковы же, какъ были до ней, и уступка имѣетъ лишь формальное значеніе: если она дѣлается, то придаетъ блескъ великодушія снисходительному спльному, и если принимается его противникомъ, то свидѣлствуетъ, что этотъ противникъ считаетъ себя слабѣе его,—вѣдь иначе этотъ противникъ не сталъ бы и ждать уступокъ, не только что принимать ихъ, а самъ продиктовалъ бы условія новаго порядка вещей. Стало быть историческіе вопросы нисколько не рѣшаются уступками, которыя имѣютъ лишь то вліяніе, что на нѣсколько времени замаскировываютъ реальное положеніе дѣлъ формальной благовидностью снисходительнаго великодушія.

Потому мы полагаемъ, что прусское правительство поступило бы неосновательно, еслибы замѣнило нынѣшнихъ министровъ прежними, которые вышли въ отставку по несогласію на рѣшительныя мѣры и считаются за либераловъ сравнительно съ нынѣшними министрами. Да оно, повидимому, и не расположено дѣлать такую ошибку. Мы считаемъ совершенно ложнымъ разнесшійся слухъ объ образованіи новаго либеральнаго кабинета. Гораздо правдоподобнѣе противоположный слухъ, что прусское правительство нашло возможнымъ продолжать администрацію, обходясь безъ согласія палаты депутатовъ. Положимъ, что она будетъ выражать недовѣріе къ нынѣшнимъ министрамъ и проситъ о назначеніи новыхъ,—нынѣшніе министры будутъ сохранять свои мѣста; палата будетъ отвергать всѣ проекты законовъ, вносимые министерствомъ,—но правительство можетъ обходиться и безъ всякихъ улучшеній въ законодательствѣ. Такимъ образомъ дѣло можетъ тянуться до тѣхъ поръ, пока нынѣшніе министры утомятся непопулярностью своего положенія и подадутъ въ отставку: они, при всей своей преданности прежней системѣ, желаютъ сохранять конституціонныя формы. Тогда на ихъ мѣсто будутъ назначены люди болѣе рѣшительные, которые согласятся скрѣпить своими подписями эдикты, измѣняющіе конституцію, такъ, чтобы общество имѣло менѣе простора выбрать въ депутаты людей, не расположенныхъ къ прежней системѣ. Для этого нужны двѣ перемѣны въ конституціи; во-первыхъ, надобно передѣлать законы о выборахъ въ такомъ духѣ, чтобы администрація получила больше силы надъ ними; во-вторыхъ, надобно уменьшить свободу печати. Такое намѣреніе уже было у правительства, и отложено потому, что нынѣшніе министры нашли его или преждевременнымъ, или несогласнымъ съ своими убѣжденіями.

Во всякомъ случаѣ, послѣ выбора новой палаты, прусскій вопросъ подвинулся шагомъ впередъ къ окончательному разъясненію. Прежними выборами прусское общество показало, какъ мы говорили, что оно желаетъ имѣть депутатами людей, расположенныхъ ввести въ государство конституціонное правленіе на самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ прежде это правленіе существовало только по имени; новыми выборами прусское общество показало, что оно готово под-

держивать этихъ людей въ борьбѣ противъ гражданскихъ средствъ прежней системы. Теперь остается видѣть, будетъ ли оно готово поддерживать ихъ и при употребленіи другихъ средствъ прежнею системою. Гражданскія средства составляютъ только меньшую часть силъ, находящихся въ распоряженіи прежней системы. Коренная сила ея заключается въ военныхъ мѣрахъ, которыя постоянно держатся въ резервѣ при всякихъ важныхъ историческихъ вопросахъ. Какъ споры между различными государствами ведутся сначала дипломатическимъ путемъ, точно такъ же и борьба изъ-за принциповъ внутри самого государства ведется сначала средствами гражданского вліянія или такъ-называемымъ законнымъ путемъ. Но какъ между различными государствами споръ, если имѣетъ достаточную важность, всегда приходитъ къ военнымъ угрозамъ, точно такъ и во внутреннихъ дѣлахъ государства, если дѣло немаловажно. Если споряція государства слишкомъ неравносильны, дѣло обыкновенно рѣшается уже одними военными угрозами: слабое государство исполняетъ волю сильнаго, и этимъ отвращается дѣйствительная война. Точно такъ же и въ важныхъ внутреннихъ дѣлахъ война отвращается только тѣмъ, если одна изъ спорящихъ сторонъ чувствуетъ себя слишкомъ слабою, сравнительно съ другою: тогда она смиряется, лишь только увидитъ, что противная партія дѣйствительно рѣшилась прибѣгнуть къ военнымъ мѣрамъ. Но если два споряція государства не такъ неравносильны, чтобы слабѣйшее изъ нихъ не могло надѣяться отразить нападеніе, то отъ угрозъ доходитъ дѣло и до войны. Обороняющійся имѣетъ на своей сторонѣ очень большую выгоду, и потому, если онъ уже не слишкомъ слабъ, онъ не падаетъ духомъ отъ рѣшимости болѣе сильнаго противника напасть на него. Посмотримъ, какое понятіе о своихъ силахъ имѣютъ партіи, ведущія между собою борьбу въ Пруссіи. Тутъ, конечно, все зависитъ отъ настроенія общественнаго мнѣнія. Та сторона, которая имѣла громаднѣйшую силу, можетъ увидѣть себя совершенно ослабѣвшею въ нѣсколько мѣсяцевъ или даже недѣль. Но судя по нынѣшнему настроенію общественнаго мнѣнія въ Пруссіи, надобно полагать, что противники нынѣшней системы находятъ себя слишкомъ слабыми для военной борьбы и готовы смириться по первой рѣшительной угрозѣ правительства, что оно прибѣгнетъ къ военнымъ мѣрамъ. Разумѣется, это отношеніе очень шатко, какъ мы уже и говорили, и можетъ совершенно измѣниться отъ всякаго событія, которымъ измѣнялось бы настроеніе общества. Внутри Пруссіи незамѣтно матеріаловъ, отъ которыхъ могли бы возникнуть такіа событія, и опасность чего нибудь подобнаго можетъ грозить нынѣшней прусской системѣ только отъ хода исторіи въ другихъ земляхъ; да и нынѣшнее настроеніе общественнаго мнѣнія, изъ котораго возникъ происходящій теперь въ Пруссіи споръ, навѣрно на Пруссію заграничными событіями, итальянскими дѣлами, видимою шаткостью нынѣшняго положенія во Франціи и вообще тревожнымъ, возбуждающимъ первы состояніемъ всего континента западной Европы. Эта сторона самая любопытная и важная въ нынѣшнемъ прусскомъ движеніи. Будучи не болѣе, какъ отголоскомъ глухого шума, усиливающагося въ западно-европейскомъ континентѣ, оно служитъ признакомъ готовящихся событій, отъ которыхъ зависитъ и его собственная судьба. Если ихъ наступленіе замедлится, конституціонная партія въ Пруссіи снова подвергнется старгической безнадѣжности, въ которой лежала столько лѣтъ почти безъ всякаго признака жизни.

Но только начнись ураганъ на Западѣ, онъ захватить и Пруссію, и въ ней произведетъ ломку.

А Франція, какъ мы уже много разъ замѣчали, обнаруживаетъ признаки расположенія подновить свою старинную репутацію, гласящую, что она вулканъ, изъ котораго лется лава и т. д. Два мѣсяца тому назадъ, мы говорили о преніяхъ законодательнаго корпуса по поводу адреса, и замѣчали въ нихъ черту, очень двусмысленную относительно прочности нынѣшней системы: законодательный корпусъ сталъ почтительно слушать рѣзкія рѣчи ничтожной по числу оппозиціи, которую прежде презиралъ и осмѣивалъ. Мы замѣчали, какъ уступчивъ и любезенъ былъ президентъ законодательнаго корпуса графъ Морни съ Жюлемъ Фавромъ, какъ въ любезности графа Морни и сконфуженномъ вниманіи всего законодательнаго корпуса обнаруживалось затаенное опасеніе, что, пожалуй,—чего добраго,—придется судьбѣ людей нынѣшней системы зависѣть отъ снисходительности партіи Жюля Фавра.

Но то были еще только слова и манеры обращенія. Вотъ уже начинаются и дѣйствія, въ которыхъ проглядываетъ сознаніе людей нынѣшней системы, что ей полезно избѣгать столкновеній съ новыми претензіями. Мѣсяца полтора, а можетъ быть и больше, черезъ каждые два-три дня являются въ газетахъ предсказанія, что французы отдадутъ Римъ Виктору Эммануэлю. Поводомъ къ этой молвѣ послужила распря между генераломъ Гойономъ, командующимъ французскими войсками въ Римѣ, и французскимъ посланникомъ въ Римѣ Лавалеттомъ. Гойонъ, усердный приверженецъ паны, утверждаетъ, что выводить французскихъ войскъ изъ Рима нельзя. Что такое говорилъ Лавалеттъ, мы хорошенъко не знаемъ, но должно быть что-то несогласное съ мнѣніемъ Гойона, потому что оба они объявили, что имъ обонмъ вмѣстѣ нельзя оставаться въ Римѣ. Спорили, спорили. Лавалеттъ то ли былъ вызванъ, то ли самъ поѣхалъ въ Парижъ, за тѣмъ ли, чтобы убѣдить правительство отозвать Гойона изъ Рима и самому возвратиться туда, или безъ надежды возвратиться, рѣшился оставить поле дѣйствія за Гойономъ. Начались въ Парижѣ какія-то аудіенціи, въ которыхъ что-то разсуждали съ Лавалеттомъ о римскомъ вопросѣ, стали чаще прежняго посылаться изъ Парижа какія-то депеши Гойону, а отъ него какіе-то отвѣты на депеши, и напослѣдокъ дѣло чѣмъ-то кончилось: то ли Гойонъ остается въ Римѣ, а Лавалеттъ удаляется, то ли Лавалеттъ остается, а Гойонъ удаляется, то ли оба они остаются, то ли оба они удаляются,—въ точности не помнимъ, чѣмъ именно кончилось, но помнимъ, что именно чѣмъ-то въ этомъ родѣ; а можетъ быть и то, что дѣло еще и не кончено,—но правдѣ сказать, не помнимъ хорошенъко.—Кажется, кончилось;—нѣтъ, опять кажется, будто не кончилось. А впрочемъ все равно. Французскія войска до поры до времени остаются въ Римѣ, какъ и слѣдовало ожидать. Въ чемъ же тутъ важность, что Лавалеттъ попусту спорилъ о чемъ-то съ Гойономъ? А вотъ въ чемъ важность,—въ соображеніи, по которому надѣлано было столько шума изъ-за этого спора. Нынѣшняя сессія—послѣдняя сессія настоящаго законодательнаго корпуса. Законный срокъ его кончается въ концѣ года, и зимою должны быть новые выборы. По свѣдѣніямъ, собраннымъ черезъ полицію, министры увидѣли, что положеніе правительства при выборахъ будетъ невыгодно, если не сдѣлать уступокъ итальянцамъ по римскому вопросу, и что въ новый

законодательный корпус войдет много оппозиционных депутатов. Министры так прониклись этим опасением, что даже увфрили императора, будто оппозиционная партія пріобрѣтетъ перевѣсъ, — ну, это пока еще неправдободно при нынѣшнемъ колебаніи общественнаго мнѣнія между конституціонистами и республиканцами, которые сходятся только во враждѣ къ существующему порядку, а между собою не успѣли еще устроить никакого перемирія, и силы которыхъ кажутся одинаковы, такъ что нація не знаетъ, къ какой изъ этихъ двухъ партій лучше пристать людямъ, не увлекающимся политическими убѣжденіями, а желающимъ только спокойнаго и умѣреннаго правительства. При этой невозможности опредѣлить, которая изъ двухъ оппозиционныхъ партій сильнѣе, каждая изъ нихъ имѣетъ претензію не уступить безъ вооруженной борьбы власть своей противницѣ при паденіи нынѣшней системы, и эта перспектива междоусобія удерживаетъ французское общество отъ серіозныхъ попытокъ устранить нынѣшнюю систему, которая собственно только этимъ и держится, какъ мы много разъ говорили. Пока существующее равновѣсіе силъ республиканской и конституціонно-монархической партій не измѣнится въ очевидный перевѣсъ которой нибудь изъ нихъ надъ другою, нынѣшнее правительство будетъ существовать. Но мы только опровергали чрезмѣрные опасенія нынѣшнихъ французскихъ министровъ, а вѣроятно, что положеніе дѣлъ во Франціи на самомъ дѣлѣ уже пошатывается, если министры прониклись такими опасеніями. Тревогою министровъ объясняется, какъ мы говорили, шумъ, поднятый о римскомъ вопросѣ, а то, что изъ этого шума пока еще ничего не выходитъ, объясняется тѣмъ, что опасенія министровъ нѣсколько преждевременны и овладѣли только воображеніемъ, еще не успѣвъ совершенно овладѣть ихъ разсудкомъ.

Въ Сѣверной Америкѣ, какъ мы объясняли въ прошлый разъ, театръ войны постепенно стѣсняется наступленіемъ союзныхъ силъ со всѣхъ сторонъ круга. Мы говорили прошлый разъ, что рѣшительныхъ битвъ надобно будетъ ожидать тогда, когда кругъ этотъ уменьшится на столько, что арміи инсургентовъ пріобрѣтутъ выгоду концентрическаго положенія. Большая битва, произошедшая въ началѣ апрѣля на западной окраинѣ сѣверной стороны театра военныхъ дѣйствій, въ окрестностяхъ Корпюа, у мѣстечка Питтсбургъ-Мандинга, объясняется тѣмъ, что генералы, командовавшіе западною арміею инсургентовъ, уже почли себя получившими выгоду такого положенія. Ихъ рѣшимости дать битву много помогла удивительная неосторожность союзнаго генерала Гранта (того самаго, корпусомъ котораго былъ взятъ фортъ Доннелсъонъ). Читатель знаетъ, что союзныя войска движутся главнымъ образомъ по долинамъ рѣкъ, чтобы удобнѣе былъ подвозъ провіанта (сухопутныя дороги въ южныхъ штатахъ вообще плохи). Овладевъ теченіемъ рѣки Кумберланда (на которой лежатъ фортъ Доннелсъонъ и главный городъ штата Теннесси, Нанвилль), сѣверныя войска стали двигаться по рѣкѣ Теннесси, которая отъ своего устья до половины теченія открывала дорогу этимъ войскамъ прямо на югъ. Верхняя половина рѣки составляетъ почти прямой уголъ съ нижнею. Вдоль по верхней половинѣ ея теченія идетъ главная желѣзная дорога южныхъ штатовъ, начинающаяся на Миссиссиппи у Мемфиса и пролегающая черезъ весь

материкъ до самаго атлантическаго побережья, близь котораго проходить она черезъ главный городъ Виргиніи, Ричмондъ. Эта дорога служитъ единственнымъ путемъ сообщенія между западными и восточными штатами Юга. По западной части ея расположилась западная армія инсургентовъ, когда была вытѣснена изъ штатовъ Кентукки и Теннесси. Защищать дорогу надобно было ей для того, чтобы не были отрѣзаны одни отъ другихъ возставшіе штаты. Центральнымъ пунктомъ инсургентовъ была очень крѣпкая позиція при Коринѣ, лежащемъ верстахъ въ 30 отъ того мѣста, гдѣ рѣка Теннесси дѣлаетъ изгибъ и гдѣ надобно было переходить черезъ нее сѣвернымъ войскамъ, если они хотѣли подвигаться далѣе на югъ. Сѣверная войска шла тремя большими корпусами, на разстояніи четырехъ или пяти переходовъ одинъ отъ другаго. Тѣмъ корпусомъ, который шелъ впереди другихъ, командовалъ генералъ Грантъ, имѣвшій отъ 30 до 35 тысячъ войска. Пока онъ не переходилъ съ праваго (сѣверо-восточнаго) берега рѣки Теннесси на лѣвый (югозападный), онъ былъ закрытъ рѣкою отъ непріятеля, и потому-то главнокомандующій западной союзной арміи Галлекъ допустилъ такое большое разстояніе, какъ пять переходовъ, между корпусомъ Гранта и слѣдовавшимъ за нимъ корпусомъ Бьюлля. Дошедши до мѣста, гдѣ надобно переходить на непріятельскую сторону рѣки, Грантъ зналъ, что центръ арміи инсургентовъ находится очень близко къ этому мѣсту и что непріятель, владѣющій желѣзною дорогою, можетъ очень быстро собрать въ этомъ пунктѣ тысячъ до 100 войска. Тѣмъ не менѣе Грантъ, не останавливаясь, перешелъ черезъ рѣку, оставивъ за собою Бьюлля въ четырехъ дняхъ пути. Увидѣвъ такую опрометчивость, Борегаръ, командовавшій западною арміею инсургентовъ, успѣшилъ собрать всѣ свои силы, чтобы опрокинуть Гранта въ рѣку. Къ счастью, онъ не могъ урватьсь съ своими сборами раньше трехъ сутокъ, и это поколебало военную репутацію Борегара въ глазахъ самыхъ жаркихъ его панегирястовъ. На четвертый день инсургенты штурмовали позицію Гранта, котораго вдвое превосходили силами, и совсѣмъ было смяли его въ рѣку. Но отчаянное сопротивленіе сѣверныхъ солдатъ и огонь канонирскихъ лодокъ съ рѣки успѣли задержать непріятеля, пока на другой день битвы пришелъ на выручку Гранта Бьюлль. Тогда инсургенты въ свою очередь потерѣли пораженіе и возвратились на прежнюю позицію къ Коринѣ, почти не преслѣдуемые сѣверными войсками, изъ которыхъ одна часть изнурена была двухъ-дневнымъ боемъ, а другая форсированнымъ маршемъ. Это была самая кровопролитная битва во всю нынѣшнюю войну. Потери сѣверныхъ войскъ убитыми и ранеными простиралась тысячъ до десяти, а у инсургентовъ тысячъ до пятинадцати. Въ первый день битвы инсургенты взяли до 4 тысячъ плѣнными, на второй день сами потеряли тысячъ восемь. Но въ то самое время, когда происходила эта кровопролитная битва, послѣ котораи обѣ сражавшіяся арміи остались въ прежнихъ своихъ позиціяхъ, сѣверный генералъ Митчелъ съ незначительнымъ отрядомъ сдѣлалъ смѣлое движеніе, имѣвшее гораздо больше вліянія на ходъ войны. Онъ бросился на желѣзную дорогу, о которой мы говорили, въ такомъ пунктѣ, гдѣ она оставалась не защищена (въ Гентевиллѣ, далѣе на востокъ отъ той части дороги, которую охранялъ Борегаръ); овладѣвъ этою станціей, онъ посадилъ солдатъ въ вагоны, и они захватили желѣзную дорогу на разстояніи верстъ полутора, между прочимъ овладѣли и тѣмъ

пунктомъ, гдѣ съ этою главною дорогою, идущею отъ Миссисиппи на западъ, соединяется другая желѣзная дорога, идущая съ юга на сѣверо-западъ, отъ Чарльстона, во внутрь материка. Овладевъ этимъ главнымъ узломъ путей сообщенія между южною и сѣвornoю, западною и восточною половинами южныхъ штатовъ, сѣверныя войска разорвали теперь связь между восточною и западною арміями инсургентовъ и отрѣзали юго-восточные штаты отъ обѣихъ этихъ армій. Такимъ образомъ, кругъ дѣйствія инсургентовъ раздробленъ на три куска. Очень вѣроятно, что это удачное дѣло Митчеля значительно ускоритъ развязку войны.

Всѣми кричавшими о невозможности побѣдить Югъ признана близость этой развязки, когда узнали въ Европѣ о занятіи Новаго Орлеана сѣверными войсками. Городъ этотъ, лежащій верстахъ въ двухъ стахъ отъ моря, и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣющій всѣ выгоды приморской гавани (Миссисиппи до самаго Новаго Орлеана имѣетъ глубину, допускающую морскія суда), считался неприступнымъ со стороны моря. Верстахъ въ ста ниже его, построены по обѣимъ берегамъ рѣки два очень сильные форта, одинъ противъ другаго, такъ что огонь ихъ перекрещивается. Кромѣ того было настроено много береговыхъ батарей, а черезъ рѣку, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, были повѣшены толстыя желѣзныя цѣпи. Очень много говорили инсургенты и о своихъ пловучихъ батареяхъ, и о подводныхъ минахъ, такъ что европейскіе партизаны ихъ впередъ предавали посмѣянію экспедицію, отправленную съ сѣвера моремъ противъ Новаго Орлеана. Но въ числѣ судовъ этой экспедиціи было нѣсколько канонирскихъ лодокъ, одѣтыхъ желѣзомъ. Поднявшись по Миссисиппи до фортовъ, они стали между ними, два дня занимались ихъ разрушеніемъ, разрушили. Заставивъ молчать форты, они стали подниматься выше, и подъ выстрѣлами непріятельскихъ батарей рвать перегораживавшія рѣку цѣпи. Такимъ манеромъ поднялись они до Новаго Орлеана и, ставъ противъ города, послали требованіе, чтобы онъ сдался. Береговія батареи не могли вредить имъ, и защищать противъ нихъ городъ—значило бы только подвергать его разрушенію. Поэтому 20-тысячный гарнизонъ города удалился во внутрь страны, и торговая столица Юга, имѣющая до 150 тысячъ жителей, была покорена флотиліею изъ нѣсколькихъ (кажется, всего только пзъ двухъ) лодокъ, съ нѣсколькими пушками и нѣсколькими десятками человѣкъ экипажа. Съ недѣлю ждала покорившаяся этимъ лодкамъ столица Юга, пока придутъ сѣверныя войска, чтобы занять ее. Канонирскія лодки отправились дальше вверхъ по Миссисиппи, такъ что теперь почти все теченіе этой рѣки находится во власти сѣвернаго правительства. Взятіе Новаго Орлеана наноситъ Югу почти такой же ударъ, какой наносила бы Англіи взятіе Ливерпуля. А потерять Миссисиппи для него то же самое, что было бы для Австрійской имперіи занятіе всей долины Дуная непріятельскими силами.

На сѣверовосточной части театра войны произошло нѣчто подобное паденію Новаго Орлеана на югозападъ. Послѣ того какъ генераль Макъ-Клееланъ, по оплошности или предательству, далъ инсургентамъ спокойно отступить съ Потомака на Раппаганнокъ, инсургенты успѣли устроить себѣ очень сильный укрѣпленный лагерь на этой рѣкѣ у города Йорктона. Европейскіе партизаны южныхъ штатовъ провозгласили эту позицію неприступною и предрекали, что

сѣверная армія будетъ счастлива, если только будетъ до безконечности удерживаема йорктонскими укрѣпленіями, а что по всей вѣроятности она будетъ истреблена подъ ними. Были печатаемы отзывы европейскихъ офицеровъ, увѣрившихъ, что взять Йорктонъ труднѣе Севастополя. Были уже извѣстія и о томъ, что сѣверная армія разбита подъ нимъ. Но послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ схватокъ инсургенты отступили изъ своей непобѣдимой позиціи; сѣверная армія, преслѣдуя ихъ, смяла ихъ аррьергардъ и теперь идетъ къ Ричмонду.

Повидимому, война почти кончена. Такъ говорятъ теперь Times и его нью-йоркскій корреспондентъ, съ голоса которыхъ твердилось въ Европѣ, что война никогда не кончится. Но у инсургентовъ еще остаются двѣ арміи, каждая силою до 150 тысячъ человѣкъ. Трудно полагать, чтобы они не сдѣлали попытокъ повернуть ходъ войны отчаянными битвами. Повернуть его они не могутъ: перевѣсъ силъ Сѣвера слишкомъ очевиденъ; но нѣтъ ничего невозможнаго, что они пріобрѣтутъ два три успѣха, какъ едва не пріобрѣли побѣды подъ Кориноомъ; только можно знать, что никакіе частные выигрыши не спасутъ теперь Югъ отъ необходимости смириться, и онъ будетъ побѣжденъ, если тайные партизаны плантаторовъ въ Нью-Йоркѣ и Вашингтонѣ не успѣютъ склонить сѣвернаго правительства къ уступкамъ, которыя теперь уже были бы очевидною ошибкою.

Н. Г. Чернышевскій.

ЧТО ДѢЛАТЬ?

РОМАНЪ.

ИЗДАНИЕ 3-Е,

М. Н. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 линія, 28.

1906.

Что дѣлать?

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О НОВЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

(Посвящается моему другу О. С. Ч.).

I.

Д у р а к ъ.

Понутру 11 іюля 1856 года прислуга одной изъ большихъ петербургскихъ гостинницъ у станціи московской желѣзной дороги была въ недоумѣніи, отчасти даже въ тревогѣ. Наканунѣ, въ 9-мъ часу вечера, пріѣхалъ господинъ съ чемоданомъ, занялъ номеръ, отдалъ для прописки свой паспортъ, спросилъ себѣ чаю и котлетку, сказалъ, чтобы его не тревожили вечеромъ, потому что онъ усталъ и хочетъ спать, но чтобы завтра непременно разбудили въ 8 часовъ, потому что у него есть спѣшныя дѣла, заперъ дверь номера и, пошумѣвъ ножомъ и вилкою, пошумѣвъ чайнымъ приборомъ, скоро притихъ,—видно, заснулъ. Пришло утро; въ 8 часовъ слуга постучался къ вчерашнему пріѣзжему—пріѣзжій не подаетъ голоса; слуга постучался сильнѣе, очень сильно—пріѣзжій все не откликается. Видно, крѣпко уснулъ. Слуга подождать четверть часа, опять сталъ будить, опять не добудился. Сталъ совѣтоваться съ другими слугами, съ буфетчикомъ.—„Ужъ не случилось ли съ нимъ чего?“—„Надо выломать двери“.—„Нѣтъ, такъ не годится: дверь ломать надо съ полиціею“. Рѣшили: попытаться будить еще разъ, посильнѣе; если и тутъ не проснется, послать за полиціею.—Сдѣлали послѣднюю пробу; не добудились, послали за полиціею, и теперь ждутъ, что увидятъ съ нею.

Часамъ къ 10 утра пришелъ полицейскій чиновникъ, постучался самъ, велѣлъ слугамъ постучаться,—успѣхъ тотъ же, какъ и прежде.—„Нечего дѣлать, ломай двери, ребята“.

Двери выломали. Комната пуста.—„Загляните-ко подъ кровать“—и подъ кроватью нѣтъ прѣзжаго. Полицейскій чиновникъ подошелъ къ столу,—на столѣ лежалъ листъ бумаги, а на немъ крупными буквами было написано:

„Ухожу въ 11 часовъ вечера, и не возвращусь. — Меня услышать на Литейномъ мосту, между 2 и 3 часами ночи. Подозрѣній ни на кого не имѣть“.

— Такъ вотъ оно, штука-то теперь и понятна, а то никакъ не могли сообразить, — сказалъ полицейскій чиновникъ.

— Что же такое, Иванъ Аванасьевичъ? — спросилъ буфетчикъ.

— Давайте чаю, расскажу.

Рассказъ полицейскаго чиновника долго служилъ предметомъ одушевленныхъ пересказовъ и разсужденій въ гостинницѣ. Исторія была вотъ какого рода.

Въ половинѣ 3-го часа ночи, — а ночь была облачная, темная, — на срединѣ Литейнаго моста сверкнулъ огонь и послышался пистолетный выстрѣлъ. Бросились на выстрѣлъ караульные служители, сбѣжались малочисленные прохожіе, — никого и ничего не было на томъ мѣстѣ, гдѣ раздался выстрѣлъ. Значить, не застрѣлилъ, а застрѣлился. Нашлись охотники нырять, притащили черезъ нѣсколько времени багры, притащили даже какую-то рыбацкую сѣть, ныряли, нащупывали, ловили, поймали полсотни большихъ щепъ, но тѣла не нашли и не поймали. Да и какъ найти? — ночь темная. Оно въ эти два часа ужъ на взморьѣ, — поди, ищи тамъ. — Поэтому возникли прогрессисты, отвергнувшіе прежнее предположеніе: — „А можетъ быть, и не было никакого тѣла? Можетъ быть, пьяный. или просто озорникъ, подурачился, — выстрѣлилъ, да и убѣжалъ, — а то, пожалуй, тутъ же стоитъ въ хлопочущей толпѣ, да подсмѣивается надъ тревогою, какую надѣлалъ“.

Но большинство, какъ всегда, когда разсуждаетъ благоразумно, оказалось консервативно и защищало старое: „какое, подурачился — пустил себѣ пулю въ лобъ, да и все тутъ“. Прогрессисты были побѣждены. Но побѣдвшая партія, какъ всегда, раздѣлилась тотчасъ послѣ побѣды. Застрѣлился, такъ: но отчего? — „Пьяный“, было мнѣніе однихъ консерваторовъ: „промотался“, утверждали другіе консерваторы. — „Просто, дуракъ“, сказалъ кто-то. На этомъ „просто, дуракъ“, сошлись всѣ, даже и тѣ, которые отвергали, что онъ застрѣлился. Дѣйствительно, пьяный ли, промотавшійся ли застрѣлился, или озорникъ, вовсе не застрѣлился, а только выкинулъ штуку, — все равно, глупая, дурацкая штука.

На этомъ остановилось дѣло на мосту ночью. — Повтру въ гостинницѣ у московской желѣзной дороги обнаружилось, что дуракъ не подурачился, а застрѣлился. Но остался въ результатѣ исторіи элементъ, съ которымъ были согласны и побѣжденные, именно, что если и не пошалилъ, а застрѣлился, то все-таки дуракъ. Этотъ удовлетворительный для всѣхъ результатъ особенно проченъ былъ именно потому, что восторжествовали консерваторы: въ самомъ дѣлѣ, если бы только пошалилъ выстрѣломъ на мосту, то вѣдь въ сущности было бы еще сомнительно, дуракъ ли, или только озорникъ. Но застрѣлился на мосту, — кто же стрѣляется на мосту? какъ же это, на мосту? зачѣмъ, на мосту? глупо, на мосту! — и потому, несомнѣнно дуракъ.

Опять явилось у нѣкоторыхъ сомнѣніе: застрѣлился на мосту; — на мосту не стрѣляются, — слѣдовательно, не застрѣлился. — Но къ вечеру прислуга гостинницы была позвана въ часть смотрѣть вытащенную изъ воды прострѣленную фуражку, — всѣ признали, что фуражка та самая, которая была на проѣзжемъ. — И такъ, несомнѣнно, застрѣлился, и духъ отрицанія и прогресса побѣжденъ окончательно.

Всѣ были согласны, что „дуракъ“,—и вдругъ всѣ заговорили: на мосту—ловкая штука! это, чтобы, значить, не мучиться долго, коли не удастся хорошо выстрѣлить,—умно разсудилъ! отъ всякой раны свалится въ воду и захлебнется, прежде чѣмъ опомнится,—да, на мосту... умно!

Теперь ужъ ровно ничего нельзя было разобрать, — и дуракъ, и умно.

II.

Первое слѣдствіе дурацкаго дѣла.

Въ то же самое утро, часу въ 12-мъ молодая дама сидѣла въ одной изъ трехъ комнатъ маленькой дачи на Каменномъ острову, шила и вполголоса напѣвала французскую пѣсенку, бойкую, смѣлую. — „Мы бѣдны, говорила пѣсенка, но мы рабочіе люди, у насъ здоровыя руки. Мы темны, но мы не глупы, и хотимъ свѣта. Будемъ учиться—знаніе освободитъ насъ; будемъ трудиться, трудъ обогатитъ насъ,—это дѣло пойдетъ,—поживемъ, доживемъ—

*Ça ira,
Qui vivra verra.*

„Мы грубы, но отъ нашей грубости терпимъ мы же сами. Мы исполнены предразсудковъ, но вѣдь мы же сами страдаемъ отъ нихъ, это чувствуется нами. Будемъ искать счастья, и найдемъ гуманность, и станемъ добры,— это дѣло пойдетъ,— поживемъ, доживемъ.

„Трудъ безъ знанія безплоденъ, наше счастье невозможно безъ счастья другихъ. Просвѣтимся—и обогатимся; будемъ счастливы—и будемъ братья и сестры,—это дѣло пойдетъ,—поживемъ, доживемъ.

„Будемъ учиться и трудиться, будемъ пѣть и любить, будетъ рай на землѣ. Будемъ же веселы жизнью,—это дѣло пойдетъ, оно скоро придетъ, всѣ дождемся его,—

*Donc vivons,
Ça bien vite ira,
Ça viendra,
Nous tous le verrons“.*

Смѣлая, бойкая была пѣсенка, и ея мелодія была веселая,—было въ ней двѣ-три грустныхъ ноты, но онѣ покрывались общимъ свѣтлымъ характеромъ мотива, исчезали въ рефренѣ, исчезали во всемъ заключительномъ куплетѣ,—по крайней мѣрѣ, должны были покрываться, исчезать,—и исчезали бы, если бы дама была въ другомъ расположеніи духа; но теперь у ней эти немногія грустныя ноты звучали слышнѣе другихъ, она какъ будто вострепелась, замѣтивъ это. понизить на нихъ голосъ и сильнѣе начать пѣть веселые звуки, ихъ смѣняющіе, но вотъ она опять унесется мыслями отъ пѣсни къ своей думѣ, и опять грустные звуки берутъ верхъ. Видно, что молодая дама любитъ поддаваться грусти, только видно, что грусть не хочетъ отстать отъ нея, какъ ни

отталкиваетъ она ее отъ себя. Но грустна ли веселая пѣсня, становится ли опять весела, какъ ей слѣдуетъ быть, дама шьетъ очень усердно. Она хорошая швея.

Въ комнату вошла служанка, молоденькая дѣвушка.

— Посмотрите, Маша, каково я шью? я ужъ почти кончила рукавички, которые готовлю себѣ къ вашей свадьбѣ.

— Ахъ, да на нихъ меньше узора, чѣмъ на тѣхъ, которые вы мнѣ вышили!

— Еще бы! Еще бы невѣста не была наряднѣе всѣхъ на свадьбѣ!

— А я принесла вамъ письмо, Вѣра Павловна.

По лицу Вѣры Павловны пробѣжало недоумѣніе, когда она стала распечатывать письмо: на конвертѣ былъ штемпель городской почты. „Какъ же это? вѣдь онъ въ Москвѣ?“ Она торопливо развернула письмо и поблѣднѣла; рука ея съ письмомъ опустилась. „Нѣтъ, это не такъ, я не успѣла прочесть, въ письмѣ вовсе нѣтъ этого!“ И она опять подняла руку съ письмомъ. Все было дѣломъ двухъ секундъ. Но въ этотъ второй разъ ея глаза долго неподвижно смотрѣли на немногія строки письма, и эти свѣтлые глаза тускнѣли, тускнѣли, письмо выпало изъ ослабѣвшихъ рукъ на швейный столикъ, она закрыла лицо руками, зарыдала. — „Что я надѣлала! Что я надѣлала!“ — и опять рыданье.

— Вѣрочка, что съ тобой? развѣ ты охотница плакать? когда-жъ это съ тобою бываетъ? что-жъ это съ тобой? — Молодой человѣкъ быстрыми, но легкими, осторожными шагами вошелъ въ комнату.

— Прочти... оно на столѣ... — Она уже не рыдала, но сидѣла неподвижно, едва дыша.

Молодой человѣкъ взялъ письмо; и онъ поблѣднѣлъ, и у него задрожали руки, и онъ долго смотрѣлъ на письмо, хотя оно было не велико, всего-то словъ десятка два:

„Я смущалъ ваше спокойствіе. Я схожу со сцены. Не жалѣйте; я такъ люблю васъ обоихъ, что очень счастливъ своею рѣшимостью. Прощайте“.

Молодой человѣкъ долго стоялъ, потирая лобъ, потомъ сталъ крутить усы, потомъ посмотрѣлъ на рукавъ своего пальто; наконецъ, онъ собрался съ мыслями. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ къ молодой женщинѣ, которая сидѣла попрежнему неподвижно, едва дыша, будто въ летаргіи. Онъ взялъ ея руку. — „Вѣрочка!“

Но лишь коснулась его рука ея руки, она вскочила съ крикомъ ужаса, какъ поднятая электрическимъ ударомъ, стремительно отшатнулась отъ молодого человѣка, судорожно оттолкнула его. — „Прочь! Не прикасайся ко мнѣ! Ты въ крови! На тебѣ его кровь! Я не могу видѣть тебя! я уйду отъ тебя! Я уйду! отойди отъ меня!“ И она отталкивала, все отталкивала пустой воздухъ, и вдругъ, пошатнувшись, упала въ кресло, закрыла лицо руками. — „И на мнѣ его кровь! На мнѣ! Ты не виноватъ — я одна... я одна! Что я надѣлала!“ — Она задыхалась отъ рыданія.

— Вѣрочка, — тихо и робко сказалъ онъ; — другъ мой!..

Она тяжело перевела духъ и спокойнымъ и все еще дрожащимъ голосомъ проговорила, едва могла проговорить:

— Милый мой, оставь теперь меня! Черезъ часъ войди опять,—я буду уже спокойна. Дай мнѣ воды, и уйди!

Онъ повиновался молча. Вошелъ въ свою комнату, сѣлъ опять за свой письменный столъ, у котораго сидѣлъ такой спокойный, такой довольный за четверть часа передъ тѣмъ, взялъ опять перо... „Въ такія-то минуты и надобно умѣть владѣть собою; у меня есть воля,—и все пройдетъ... пройдетъ“... А перо, безъ его вѣдома, писало среди какой-то статьи: „перенесетъ ли?—ужасно—счастье погибло“...

— Милый мой! я готова, поговоримъ!—послышалось изъ сосѣдней комнаты... Голосъ молодой женщины былъ глухъ, но твердъ.

— Милый мой, мы должны разстаться. Я рѣшилась. Это тяжело. Но еще тяжелѣе было бы намъ видѣть другъ друга. Я его убійца. Я убила его для тебя.

— Вѣрочка, чѣмъ же ты виновата?

— Не говори ничего, не оправдывай меня, или я возненавижу тебя. Я, я во всемъ виновата. Прости меня, мой милый, что я принимаю рѣшеніе очень мучительное для тебя,—и для меня, мой милый, тоже! Но я не могу поступить иначе, ты самъ черезъ нѣсколько времени увидишь, что такъ слѣдовало сдѣлать. Это неизмѣнно, мой другъ. Слушай же. Я уѣзжаю изъ Петербурга. Легче будетъ вдали отъ мѣстъ, которыя напоминали бы прошлое. Я продаю свои вещи; на эти деньги я могу прожить нѣсколько времени,—гдѣ? въ Твери. въ Нижнемъ, я не знаю, все равно. Я буду искать уроковъ пѣнія; вѣроятно, найду, потому что поселюсь гдѣ-нибудь въ большомъ городѣ. Если не найду, пойду въ гувернантки. Я думаю, что не буду нуждаться; но если буду, обращусь къ тебѣ; позаботься же, чтобъ у тебя на всякій случай было готово нѣсколько денегъ для меня; вѣдь ты знаешь, у меня много надобностей, расходовъ, хоть я и скупа: я не могу обойтись безъ этого. Слышишь? я не отказываюсь отъ твоей помощи! пусть, мой другъ, это доказываетъ тебѣ, что ты остаешься милъ мнѣ... А теперь простимся навсегда! Отправляйся въ городъ... сейчасъ, сейчасъ! мнѣ будетъ легче, когда я останусь одна. Завтра меня уже не будетъ здѣсь — тогда возвращайся. Я ѣду въ Москву, тамъ осмотрюся, узнаю, въ какомъ изъ провинціальныхъ городовъ вѣрнѣе можно разсчитывать на уроки. Запрещаю тебѣ быть на станціи, чтобы провожать меня. Прощай же, мой милый, дай руку на прощанье, въ послѣдній разъ пожму ее.

Онъ хотѣлъ обнять ее,—она предупредила его движеніе.

— Нѣтъ, не нужно, нельзя! Это было бы оскорбленіемъ ему. Дай руку. Жму ее—видишь, какъ крѣпко! Но прости!

Онъ не выпускалъ ея руки изъ своей.

— Довольно, иди. Она отняла руку, онъ не смѣлъ противиться. — Прости же!—Она взглянула на него такъ нѣжно, но твердыми шагами ушла въ свою комнату, и ни разу не оглянулась на него, уходя.

Онъ долго не могъ отыскать свою шляпу; хоть разъ пять бралъ ее въ руки, но не видѣлъ, что беретъ ее. Онъ былъ какъ пьяный; наконецъ понимая, что это подъ рукою у него именно шляпа, которую онъ ищетъ, вышелъ въ переднюю, надѣлъ пальто; вотъ онъ уже подходитъ къ воротамъ: „кто это бѣжитъ за мною? вѣрно, Маша... вѣрно, съ нею дурно!“ Онъ обернулся — Вѣра Павловна бросилась ему на шею, обняла, крѣпко поцѣловала.

— Нѣтъ, не утерѣла, мой милый! Теперь, прости навсегда!

Она убѣжала, бросилась въ постель и залилась слезами, которыя такъ долго сдерживала.

III.

Предисловіе.

— „Содержаніе повѣсти—любовь, главное лицо—женщина,—это хорошо, хотя бы сама повѣсть и была плоха“,—говоритъ читательница.—Это правда, говорю я.

Читатель не ограничивается такими легкими заключеніями,—вѣдь у мужчины мыслительная способность и отъ природы сильнѣе, да и развита гораздо больше, чѣмъ у женщины; онъ говоритъ,—читательница тоже вѣроятно думаетъ это, но не считаетъ нужнымъ говорить, и потому я не имѣю основанія спорить съ нею,—читатель говоритъ: „я знаю, что этотъ застрѣлившійся господинъ не застрѣлился“. Я хватаюсь за слово „знаю“ и говорю: ты этого не знаешь, потому что этого тебѣ еще не сказано, а ты знаешь только то, что тебѣ скажутъ; самъ ты ничего не знаешь, не знаешь даже того, что тѣмъ, какъ я началъ повѣсть, я оскорбилъ, унизилъ тебя. Вѣдь ты не зналъ этого,—правда?—ну, такъ знай же.

Да, первыя страницы разсказа обнаруживаютъ, что я очень плохо думаю о публикѣ. Я употребилъ обыкновенную хитрость романистовъ: началъ повѣсть эффектными сценами, вырванными изъ середины или конца ея. прикрылъ ихъ туманомъ. Ты, публика, добра, очень добра, а потому ты неразборчива и недогадлива. На тебя нельзя положиться, что ты съ первыхъ страницъ можешь различить, будетъ ли содержаніе повѣсти стоить того, чтобы прочесть ее, у тебя плохое чутье, оно нуждается въ пособіи, а пособій этихъ два: или имя автора, или эффектность манеры. Я разсказываю тебѣ еще первую свою повѣсть, ты еще не приобрѣла себѣ сужденія, одаренъ ли авторъ художественнымъ талантомъ (вѣдь у тебя такъ много писателей, которымъ ты присвоила художественный талантъ!), моя подпись еще не заманила бы тебя, и я долженъ былъ забросить тебѣ удочку съ приманкою эффектности. Не осуждай меня за то,—ты сама виновата; твоя простодушная наивность принудила меня унизиться до этой пошлости. Но теперь ты уже попалась въ мои руки, и я могу продолжать разсказъ, какъ по-моему слѣдуетъ, безъ всякихъ уловокъ. Дальше не будетъ таинственности, ты всегда будешь за двадцать страницъ впередъ видѣть развязку каждаго положенія, а на первый случай я скажу тебѣ и развязку всей повѣсти: дѣло кончится весело, съ бокалами, пѣсней; не будетъ ни эффектности, никакихъ прикрасъ. Автору не до прикрасъ, добрая публика, потому что онъ все думаетъ о томъ, какой сумбуръ у тебя въ головѣ, сколько лишнихъ, лишнихъ страданій дѣлаетъ каждому человѣку дикая путаница твоихъ понятій. Мнѣ жалко и смѣшно смотрѣть на тебя: ты такъ немошна и такъ зла отъ чрезмѣрнаго количества чепухи въ твоей головѣ.

Я сердить на тебя за то, что ты такъ зла къ людямъ, а вѣдь люди—это ты: что же ты такъ зла къ самой себѣ? Потому я и браню тебя. Но ты

зла отъ умственной немощности, и потому, браня тебя, я обязанъ помогать тебѣ. Съ чего начать оказываніе помощи? да хоть съ того, о чемъ ты теперь думаешь: что это за писатель, такъ нагло говорящій со мною?—я скажу тебѣ, какой я писатель.

У меня нѣтъ ни тѣни художественнаго таланта. Я даже и языкомъ-то владѣю плохо. Но это все-таки ничего: читай, добрый публика! прочтешь не безъ пользы. Истина—хорошая вещь: она вознаграждаетъ недостатки писателя, который служить ей. Поэтому я скажу тебѣ: еслибъ я не предупредилъ тебя, тебѣ, пожалуй, показалось бы, что повѣсть написана художественно, что у автора много поэтическаго таланта. Но я предупредилъ тебя, что таланта у меня нѣтъ,—ты и будешь знать теперь, что всѣ достоинства повѣсти даны ей только ея истинностью.

Впрочемъ, моя добрый публика, толкуя съ тобою, надобно договаривать все до конца; вѣдь ты хоть и охотница, но не мастерица отгадывать недосказанное. Когда я говорю, что у меня нѣтъ ни тѣни художественнаго таланта, и что моя повѣсть очень слаба по исполненію, ты не вздумай заключить, будто я объясняю тебѣ, что я хуже тѣхъ твоихъ повѣствователей, которыхъ ты считаешь великими, а мой романъ хуже ихъ сочиненій. Я говорю не то. Я говорю, что мой разсказъ очень слабъ по исполненію сравнительно съ произведеніями людей, дѣйствительно одаренныхъ талантомъ; съ прославленными же сочиненіями твоихъ знаменитыхъ писателей ты смѣло ставь на ряду мой разсказъ по достоинству исполненія, ставь даже выше ихъ—не ошибешься! въ немъ все-таки больше художественности, чѣмъ въ нихъ; можешь быть спокойна на этотъ счетъ.

Поблагодари же меня; вѣдь ты охотница кланяться тѣмъ, которые пренебрегаютъ тобою,—поклонись же и мнѣ.

Но есть въ тебѣ, публика, нѣкоторая доля людей,—теперь уже довольно значительная доля,—которыхъ я уважаю. Съ тобою, съ огромнымъ большинствомъ, я наглъ,—но только съ нимъ, и только съ нимъ я говорилъ до сихъ поръ. Съ людьми, о которыхъ я теперь упомянулъ, я говорилъ бы скромно, даже робко. Но съ ними мнѣ не нужно было объясняться. Ихъ мнѣніями я дорожу, но я впередъ знаю, что оно за меня. Добрые и сильные, честные и умѣющіе, недавно вы начали возникать между нами, но васъ уже не мало, и быстро становится все больше. Если бы вы были публика, мнѣ уже не нужно было бы писать; если бы васъ еще не было, мнѣ еще не было бы можно писать. Но вы еще не публика, а уже вы есть между публикою,—потому мнѣ еще нужно и уже можно писать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Жизнь Вѣры Павловны въ родительскомъ семействѣ.

I.

Воспитаніе Вѣры Павловны было очень обыкновенное. Жизнь ея до знакомства съ медицинскимъ студентомъ Лопуховымъ представляла кое-что замѣчательное, но не особенное. А въ поступкахъ ея уже и тогда было кое-что особенное.

Вѣра Павловна выросла въ многэтажномъ домѣ на Гороховой, между Садовой и Семеновскимъ мостомъ. Теперь этотъ домъ отмѣченъ какимъ ему слѣдуетъ номеромъ, а въ 1852 году, когда еще не было такихъ номеровъ, на немъ была надпись: „домъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Захаровича Сторешникова“. Такъ говорила надпись; но Иванъ Захарычъ Сторешниковъ умеръ еще въ 1837 году, и съ той поры хозяинъ дома былъ сынъ его, Михаилъ Ивановичъ, — такъ говорили документы. Но жильцы дома знали, что Михаилъ Ивановичъ — хозяйкинъ сынъ, а хозяйка дому — Анна Петровна.

Домъ и тогда былъ, какъ теперь, большой, съ двумя воротами и четырьмя подъѣздами по улицѣ, съ тремя дворами въ глубину. На самой парадной излѣстницѣ на улицу, въ бельэтажѣ, жила въ 1852 году, какъ и теперь живетъ, хозяйка съ сыномъ. Анна Петровна и теперь осталась, какъ тогда была, дама видная. Михаилъ Ивановичъ теперь видный офицеръ, и тогда былъ видный и красивый офицеръ.

Кто теперь живетъ на самой грязной изъ безчисленныхъ черныхъ лѣстницъ перваго двора, въ 4-мъ этажѣ, въ квартирѣ направо, я не знаю; а въ 1852 году жилъ тутъ управляющій домомъ, Павелъ Константинычъ Розальскій, плотный, тоже видный мужчина, съ женою Марьею Алексѣвною, худощавою, крѣпкою, высокаго роста дамою, съ дочерью, взрослою дѣвицею, — она-то и есть Вѣра Павловна, — и съ 9 лѣтнимъ сыномъ, Ѳедею.

Павелъ Константинычъ, кромѣ того, что управлялъ домомъ, служилъ помощникомъ столоначальника въ какомъ-то департаментѣ. По должности онъ не имѣлъ доходовъ; по дому — имѣлъ, но умѣренные: другой получалъ бы гораздо больше. а Павелъ Константинычъ, какъ самъ говорилъ, зналъ совѣсть: зато хозяйка была очень довольна имъ, и въ четырнадцать лѣтъ управленія онъ скопилъ тысячу до десяти капиталу. Но изъ хозяйкина кармана было тутъ тысячи три, не больше: остальные выросли къ нимъ отъ оборотовъ не въ ущербъ хозяйкѣ: Павелъ Константинычъ давалъ деньги подъ ручной залогъ.

У Марьи Алексѣвны тоже былъ капиталецъ, — тысячу пять, какъ она говорила кумушкамъ, — на самомъ дѣлѣ побольше. Основаніе капиталу было положено лѣтъ 15 тому назадъ продажею енотовой шубы, платишка и мѣбелишки, доставшихся Марьѣ Алексѣвнѣ послѣ брата-чиновника. Выручивъ

рублей полтораста, она тоже пустила ихъ въ оборотъ подъ залоги, дѣйствовала гораздо рискованнѣе мужа, и нѣсколько разъ попадалась на удочку; какой-то плутъ взялъ у нея 5 руб. подъ залогъ паспорта,—паспортъ вышелъ краденый, и Марья Алексѣвнѣ пришлось приложить еще рублей 15, чтобы выпутаться изъ дѣла; другой мошенникъ заложилъ за 20 рублей золотые часы,—часы оказались снятыми съ убитаго, и Марья Алексѣвнѣ пришлось заплатить порядкомъ, чтобы выпутаться изъ дѣла. Но если она терпѣла потери, которыхъ избѣгалъ мужъ, разборчивый въ приемъ залоговъ, зато и прибыль у нея шла быстрѣе. Подъискивались и особенные случаи получать деньги. Однажды,—Вѣра Павловна была еще тогда маленькая: при взрослой дочери Марья Алексѣвна не стала бы дѣлать этого, а тогда почему было не сдѣлать? ребенокъ вѣдь не понимаетъ! и точно, сама Вѣрочка не поняла бы, да, спасибо, кухарка растолковала очень вразумительно; да и кухарка не стала бы толковать, потому что дитяти этого знать не слѣдуетъ, но такъ уже случилось, что душа не стерпѣла послѣ одной изъ сильныхъ потасовокъ отъ Марьи Алексѣвны за гульбу съ любовникомъ (впрочемъ, глазъ у Матрены былъ всегда подбитый не отъ Марьи Алексѣвны, а отъ любовника,—а это и хорошо, потому что кухарка съ подбитымъ глазомъ дешевле!) Такъ вотъ однажды пріѣхала къ Марья Алексѣвнѣ невиданная знакомая дама, нарядная, пышная, красивая, пріѣхала и осталась погостить. Недѣлю гостила смирно, только все ѣздила къ ней какой-то статскій, тоже красивый, и дарилъ Вѣрочкѣ конфеты, и надарилъ ей хорошихъ куколъ, и подарилъ двѣ книжки, обѣ съ картинками: въ одной книжкѣ были хорошія картинки,—звѣри, города; а другую книжку Марья Алексѣвна отняла у Вѣрочки, какъ уѣхалъ гость, такъ что только разъ она и видѣла эти картинки, при немъ: онъ самъ показывалъ. Такъ съ недѣлю гостила знакомая, и все было тихо въ домѣ: Марья Алексѣвна всю недѣлю не подходила къ шкапчику (гдѣ стоялъ графинъ съ водкой), ключъ отъ котораго никому не давала, и не била Матрену, и не била Вѣрочку, и не ругалась громко. Потомъ, одну ночь, Вѣрочку безпрестанно будили страшныя вскрикиванья гости, и ходьба и суетня въ домѣ. Утромъ Марья Алексѣвна подошла къ шкапчику и дольше обыкновеннаго стояла у него, и все говорила: „слава Богу, счастливо было, слава Богу!“ даже подозвала къ шкапчику Матрену и сказала: „на здоровье, Матренушка, вѣдь и ты много потрудилась“, и послѣ не то, чтобы драться да ругаться, какъ бывало въ другія времена послѣ шкапчика, а легла спать, поцѣловавши Вѣрочку. Потомъ опять недѣлю было смирно въ домѣ, и гостя не кричала, а только не выходила изъ комнаты, а потомъ уѣхала. А черезъ два дня послѣ того, какъ она уѣхала, приходилъ статскій, только уже другой статскій, и приводилъ съ собою полицію. и много ругалъ Марью Алексѣвну; но Марья Алексѣвна сама ни въ одномъ словѣ не уступала ему и все твердила: „я никакихъ вашихъ дѣловъ не знаю. Справьтесь по домовымъ книгамъ, кто у меня гостилъ: псковская купчиха Савастьянова, моя знакомая, вотъ вамъ и весь сказъ!“ Наконецъ, поругавшись, статскій ушелъ, и больше не показывался. Это видѣла Вѣрочка, когда ей было восемь лѣтъ, а когда ей было девять лѣтъ, Матрена ей растолковала, какой это былъ случай. Впрочемъ, такой случай только одинъ и былъ: а другіе бывали разные, но не такъ много.

Когда Вѣрочкѣ было десять лѣтъ, дѣвочка, шедшая съ матерью на Толкучій рынокъ, получила при поворотѣ изъ Гороховой въ Садовую неожиданный подзатыльникъ, съ замѣчаніемъ: „глазѣшь на церковь, дура, а лба-то что не перекрестишь? Чать, видишь, всѣ добрые люди крестятся!“

Когда Вѣрочкѣ было двѣнадцать лѣтъ, она стала ходить въ пансіонъ, а къ ней сталъ ходить фортепьянный учитель, — пьяный, но очень добрый нѣмецъ, и очень хорошій учитель, но, по своему пьянству, очень дешевый.

Когда ей былъ четырнадцатый годъ, она обшивала всю семью, впрочемъ, вѣдь и семья-то была не велика.

Когда Вѣрочкѣ подошелъ шестнадцатый годъ, мать стала кричать на нее такъ: „отмывай рожу-то, что она у тебя, какъ у цыганки! Да не отмоешь, такая чучела уродилась, не знаю въ кого“. Много доставалось Вѣрочкѣ за смуглый цвѣтъ лица, и она привыкла считать себя дурнушкой. Прежде мать водила ее чуть не въ лохмотьяхъ, а теперь стала наряжать. А Вѣрочка, наряженная, идетъ съ матерью въ церковь, да думаетъ: „къ другой шли бы эти наряды, а на меня что ни надѣнь, все цыганка — чучело, какъ въ ситцевомъ платьѣ, такъ и въ шелковомъ. А хорошо быть хорошенькою. Какъ бы мнѣ хотѣлось быть хорошенькою?“

Когда Вѣрочкѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, она перестала учиться у фортепьяннаго учителя и въ пансіонѣ, а сама стала давать уроки въ томъ же пансіонѣ; потомъ мать нашла ей и другіе уроки.

Черезъ полгода мать перестала называть Вѣрочку цыганкою и чучелою, а стала наряжать лучше прежняго, а Матрена, — это ужъ была третья Матрена послѣ той: у той былъ всегда подбитъ лѣвый глазъ, а у этой разбита лѣвая скула, но не всегда, — сказала Вѣрочкѣ, что собирается сватать ее начальникъ Павла Константиныча, и какой-то важный начальникъ, съ орденомъ на шеѣ. Дѣйствительно, мелкіе чиновники въ департаментѣ говорили, что начальникъ отдѣленія, у котораго служитъ Павелъ Константинычъ, сталъ благосклоненъ къ нему, а начальникъ отдѣленія между своими равными сталъ выражать такое мнѣніе, что ему нужно жену хоть безприданницу, но красавицу, и еще такое мнѣніе, что Павелъ Константинычъ хорошій чиновникъ.

Чѣмъ бы это кончилось, неизвѣстно; но начальникъ отдѣленія собирался долго, благоразумно, а тутъ подвернулся другой случай.

Хозяйкинъ сынъ зашелъ къ управляющему сказать, что матушка проситъ Павла Константиныча взять образцы разныхъ обоевъ, потому что матушка хочетъ за-ново отдѣлывать квартиру, въ которой живетъ. А прежде подобныя приказанія отдавались черезъ дворецкаго. Конечно, дѣло понятное и не для такихъ бывалыхъ людей, какъ Марья Алексѣвна съ мужемъ. Хозяйкинъ сынъ, зашедши, просидѣлъ больше полчасы, и удостоилъ выкупать чаю (цвѣточнаго). Марья Алексѣвна на другой же день подарила дочери фермуаръ, оставшійся невыкупленнымъ въ закладѣ, и заказала дочери два новыхъ платья, очень хорошихъ — одна матерія стояла на одно платье 40 руб., на другое 52 р., а съ оборками, да лентами, да фасономъ оба платья обошлись 174 руб.; по крайней мѣрѣ такъ сказала Марья Алексѣвна мужу, а Вѣрочка знала, что всѣхъ денегъ вышло на нихъ меньше 100 р., — вѣдь покупки тоже дѣлались при ней, — но вѣдь и на 100 руб. можно сдѣлать два очень хорошія платья.

Вѣрочка радовалась платьямъ, радовалась фермуару, но больше всего радовалась тому, что мать наконецъ согласилась покупать ботинки ей у Королева: вѣдь на Толкучемъ рынкѣ ботинки такіе безобразныя, а Королевскіе такъ удивительно сидятъ на ногѣ.

Платья не пропали даромъ; хозяйкинъ сынъ повадился ходить къ управляющему и, разумеется, больше говорилъ съ дочерью, чѣмъ съ управляющимъ и управляющей, которые тоже, разумеется, носили его на рукахъ. Ну, и мать дѣлала наставленія дочери, все какъ слѣдуетъ,—этого нечего и описывать, дѣло извѣстное.

Однажды, послѣ обѣда, мать сказала: „Вѣрочка, одѣвайся, да получише. Я тебѣ приготовила сюрпризъ — поѣдемъ въ оперу, я во второмъ ярусѣ взяла билетъ, гдѣ все генеральши бывають. Все для тебя, дурочка. Последнихъ денегъ не жалѣю. У отца-то отъ расходовъ на тебя ужъ всѣ животы подвело. Въ одинъ пансіонъ мадамъ сколько переплатили, а фортопьянщику-то сколько! Ты этого ничего не чувствуешь, неблагодарная, нѣтъ, видно, души-то въ тебѣ, безчувственная ты этакая!“ Только и сказала Марья Алексѣвна, больше не бранила дочь, а это какая же брань? Марья Алексѣвна только вотъ ужъ такъ и говорила съ Вѣрочкою, а браниться на нея давно перестала, и бить ни разу не была съ той поры, какъ промель слухъ про начальника отдѣленія.

Поѣхали въ оперу. Послѣ перваго акта вошелъ въ ложу хозяйкинъ сынъ и съ нимъ двое пріятелей. — одинъ статскій, сухощавый и очень изящный. другой военный, полный и попроще. Сѣли и усѣлись, и много шептались между собою, все больше хозяйкинъ сынъ со статскимъ, а военный говорилъ мало. Марья Алексѣвна вслушивалась, разбирала почти каждое слово, да мало могла понять, потому что они говорили все по-французски. Слово пятокъ изъ ихъ разговора она знала: *belle, charmante, amour, bonheur*,—да что толку въ этихъ словахъ? *Belle, charmante*—Марья Алексѣвна и такъ уже давно слышитъ, что ея цыганка *belle* и *charmante*; *amour*—Марья Алексѣвна и сама видитъ, что онъ по уши врюхался въ *amour*; а коли *amour*, то ужъ разумеется, и *bonheur*, — что толку отъ этихъ словъ? Но, только что же, сватать-то скоро ли будетъ?—Вѣрочка, ты неблагодарная, какъ есть неблагодарная, шепчетъ Марья Алексѣвна дочери:—что рыло-то воротишь отъ нихъ? Обидѣли они тебя, что вошли? Честь тебѣ, дурѣ, дѣлають. А свадьба-то по-французски—*marriage*, что ли, Вѣрочка? А какъ женихъ съ невестою, а вѣнчаться какъ по-французски?—Вѣрочка сказала.—Нѣтъ, такихъ словъ что-то не слышно... Вѣра, да ты мнѣ, видно, слова-то не такъ сказала? Смотри у меня!—„Нѣтъ, такъ; только этихъ словъ вы отъ нихъ не услышите. Поѣдьте, я не могу оставаться здѣсь дольше“.

— Что? что ты сказала, мерзавка?—глаза у Марьи Алексѣвны налились кровью.

— Поѣдьте. Дѣлайте потомъ со мною, что хотите, а я не останусь. Я вамъ скажу послѣ почему.—Маменька,—это ужъ было сказано вслухъ:—у меня очень разболѣлась голова. Я не могу сидѣть здѣсь. Прошу васъ! Вѣрочка встала.

Кавалеры засуетились.

— Это пройдетъ, Вѣрочка, — строго, но чинно сказала Марья Алексѣвна: — походи по корридору съ Михайломъ Ивановичемъ, и пройдетъ голова.

— Нѣтъ, не пройдетъ, я чувствую себя очень дурно. Скорѣе, маменька.

Кавалеры отворили дверь, хотѣли вести Вѣрочку подъ руки, — отказалась мерзкая дѣвчонка! сами подали салоны, сами пошли сажать въ карету. Марья Алексѣвна гордо посматривала на лакеевъ: „глядите, хамы, каковы кавалеры, — а вотъ этотъ моимъ зятемъ будетъ! Сама такихъ хамовъ заведу. А ты у меня ломайся, ломайся, мерзавка — я те поломаю!“ — Но стой, стой, — что-то говорить зятекъ ей скверной дѣвчонкѣ, сажая мерзкую гордячку въ карету? *Santé* — это, кажется, здоровье, *savoir* — узнаю, *visite* — и по нашему тоже, *permettez* — прошу позволенія. Не уменьшилась злоба Марьи Алексѣвны отъ этихъ словъ; но надо принять ихъ въ соображеніе. Карета двинулась.

— Что онъ тебѣ сказалъ, когда сажалъ?

— Онъ сказалъ, что завтра поутру зайдетъ узнать о моемъ здоровьѣ?

— Не врешь, что завтра?

Вѣрочка молчала.

— Счастливъ твой Богъ! — Однако не утерпѣла Марья Алексѣвна, рванула дочь за волосы, — только разъ, и то слегка.

— Ну, пальцемъ не трону, только завтра чтобъ была весела! Ночь спи. дура! Не вздумай плакать. Смотри, если увижу завтра, что блѣдна, или глаза заплаканы! Спущала до сихъ поръ... не спущу. Не пожалѣю смазливой-то рожи. ужъ за одно пропадать будетъ, такъ хоть дамъ себя знать!

— Я ужъ давно перестала плакать, вы знаете.

— То-то же, да будь съ нимъ поразговорчивѣе.

— Да, я завтра буду съ нимъ говорить.

— То-то, пора за умъ взяться. Побойся Бога, да пожалѣй мать, страмница! Прошло минутъ десять.

— Вѣрочка, ты на меня не сердись. Я изъ любви къ тебѣ бранюсь, тебѣ же добра хочу. Ты не знаешь, каковы дѣти милы матерямъ. Девять мѣсяцевъ тебя въ утробѣ носила! Вѣрочка, отблагодари, будь послушна, сама увидишь, что къ твоей пользѣ. Веди себя, какъ я учу, — завтра же предложенье сдѣлаетъ!

— Маменька, вы ошибаетесь. Онъ вовсе не думаетъ дѣлать предложенія. Маменька! что они говорили!

— Знаю: коли не о свадьбѣ, такъ извѣстно о чемъ. Да не на такихъ напалъ. Мы его изъ бараній рогъ согнемъ. Въ мѣшкѣ въ церковь привезу, за виски вокругъ наложу обведу, да еще радъ будетъ. Ну, да нечего съ тобой много говорить, и такъ лишнее наговорила: дѣвушкамъ не слѣдуетъ этого знать, это материно дѣло. А дѣвушка должна слушаться, она еще ничего не понимаетъ. Такъ будешь съ нимъ говорить, какъ я тебѣ велю?

— Да, буду съ нимъ говорить.

— А вы, Павелъ Константинычъ, что сидите, какъ пень? Скажите и вы отъ себя, что и вы, какъ отецъ, ей приказываете слушаться матери, что мать не станетъ учить ее дурному.

— Марья Алексѣвна, ты умная женщина, только дѣло-то опасное; не слишкомъ ли круто хочешь вести!

— Дуракъ! вотъ брякнулъ,—при Вѣрочкѣ-то! Не рада, что и расшевелила! правду пословица говоритъ: не тронь дерма, не воняетъ! Эко бухнулъ! Ты не разсуждай, а скажи: должна дочь слушаться матери?

— Конечно, должна; что говорить, Марья Алексѣвна!

— Ну, такъ и приказывай, какъ отецъ.

— Вѣрочка, слушайся во всемъ матери. Твоя мать умная женщина. опытная женщина. Она не станетъ тебя учить дурному. Я тебѣ какъ отецъ приказываю.

Карета остановилась у воротъ.

— Довольно, маменька. Я вамъ сказала, что буду говорить съ нимъ. Я очень устала. Мнѣ надобно отдохнуть.

— Ложись, спи. Не потревожу. Это нужно къ завтраму. Хорошенько выспись.

Дѣйствительно, все время, какъ они всходили по лѣстницѣ, Марья Алексѣвна молчала,—а чего ей это стоило! и опять, чего ей стоило, когда Вѣрочка пошла прямо въ свою комнату, сказавши, что не хочетъ пить чаю,—чего стоило Марьѣ Алексѣвнѣ ласковымъ голосомъ сказать: „Вѣрочка, подойди ко мнѣ!“—Дочь подошла.—„Хочу тебя благословить на сонъ грядущій, Вѣрочка!“—Дочь нагнулась.—„Богъ тебя благословить, Вѣрочка, какъ я тебя благословляю“.—Она три раза благословила дочь и подала ей поцѣловать свою руку.

— Нѣтъ, маменька. Я ужъ давно сказала вамъ, что не буду цѣловать вашей руки. А теперь отпустите меня. Я въ самомъ дѣлѣ чувствую себя дурно.

Ахъ, какъ было опять вспыхнули глаза Марьи Алексѣвны. Но пересилила себя и кротко сказала: „ступай, отдохни“.

Едва Вѣрочка раздѣлась и убрала платье,—впрочемъ, на это ушло много времени, потому что она все задумывалась: сняла браслетъ, и долго сидѣла съ нимъ въ рукѣ, вынула серьгу—и опять забылась, и много времени прошло, пока она вспомнила, что вѣдь она страшно устала, что вѣдь она даже не могла стоять передъ зеркаломъ, а опустилась въ изнеможеніи на стулъ, какъ добрела до своей комнаты, что надобно же поскорѣе раздѣться и лечь,—едва Вѣрочка легла въ постель, въ комнату вошла Марья Алексѣвна съ подносомъ, на которомъ была большая отцовская чашка и лежала цѣлая грудa сухарей.

— Кушай, Вѣрочка! вотъ, кушай на здоровье! Сама тебѣ принесла: видишь, мать помнитъ о тебѣ! Сиж, да и думаю: какъ же это Вѣрочка легла спать безъ чаю? сама пью, а сама все думаю. Вотъ и принесла. Кушай, моя дочка милая!

Страненъ показался Вѣрочкѣ голосъ матери: онъ въ самомъ дѣлѣ былъ мягокъ и добръ,—этого никогда не бывало. Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на мать. Щеки Марьи Алексѣвны пылали и глаза нѣсколько блуждали.

— Кушай, я посижу, посмотрю на тебя. Выкушаешь, принесу другую чашку.

Чай, на половину налитый густыми, вкусными сливками, разбудилъ аппетитъ. Вѣрочка приподнялась на локоть и стала пить. — „Какъ вкусенъ чай. когда онъ свѣжій, густой, и когда въ немъ много сахара и сливокъ! Чрезвычайно вкусенъ! Совсе не похожъ на тотъ спитой, съ однимъ кусочкомъ са-

хару, который даже противенъ. Когда у меня будутъ свои деньги, я всегда буду пить такой чай, какъ этотъ".—Благодарю васъ, маменька.

— Не спи, принесу другую.—Она вернулась съ другой чашкой такого же прекраснаго чаю.—Кушай, а я опять посижу. Съ минуту она молчала, потомъ вдругъ заговорила какъ-то особенно, то самую быстрою скороговоркою, то растягивая слова.

— Вотъ, Вѣрочка, ты меня поблагодарила. Давно я не слышала отъ тебя благодарности. Ты думаешь, я злая. Да, я злая, только нельзя не быть злой! А слаба я стала, Вѣрочка! отъ трехъ пуншей ослабѣла, а какія еще мои лѣта! Да и ты меня разстроила, Вѣрочка,—очень огорчила! Я и ослабѣла. А тяжела моя жизнь, Вѣрочка. Я не хочу, чтобы ты такъ жила. Богато живи. Я сколько мученья приняла, Вѣрочка, и-и-и, и-и-и, сколько! Ты не помнишь, какъ мы съ твоимъ отцомъ жили, когда онъ еще не былъ управляющимъ! Бѣдно, и-и-и, какъ бѣдно жили,—а я тогда была честная, Вѣрочка! Теперь я не честная,—нѣтъ, не возьму грѣха на душу, не солгу передъ тобою, не скажу, что я теперь честная! Гдѣ ужъ,—то время давно прошло. Ты, Вѣрочка, ученая, а я неученая, да я знаю все, что у васъ въ книгахъ написано; тамъ и то написано, что не надо такъ дѣлать, какъ со мною сдѣлали. „Ты, говорятъ, не честная!“ вотъ и отецъ твой,—тебѣ-то онъ отецъ, это Наденькѣ не онъ былъ отецъ,—голый дуракъ, а тоже колетъ мнѣ глаза, надругается! Ну, меня и взяла злость: а когда, говорю, по вашему я не честная, такъ я и буду такая! Наденька родилась. Ну, такъ что-жъ, что родилась? Меня этому кто научилъ? Кто должность-то получилъ? Тутъ моего грѣха меньше было, чѣмъ его. А они у меня ее отняли, въ воспитательный домъ отдали,—и узнать-то было нельзя, гдѣ она,—такъ и не видала ее, и не знаю, жива ли она... чать, ужъ гдѣ быть въ живыхъ! ну, въ теперешнюю пору мнѣ бы мало горя, а тогда не такъ легко было,—меня пуще злость взяла! Ну, и стала злая. Тогда и пошло все хорошо. Твоему отцу, дураку, должность доставилъ кто?—я доставила. А въ управляющіе кто его произвелъ?—я произвела. Вотъ, и стали жить хорошо. А почему?—потому, что я стала нечестная, да злая. Это, я знаю, у васъ въ книгахъ написано, Вѣрочка, что только нечестнымъ, да злымъ и хорошо жить на свѣтѣ. А это правда, Вѣрочка! Вотъ, теперь и у отца твоего деньги есть,—я предоставила: и у меня есть, можетъ и побольше, чѣмъ у него.—все сама достала, на старость кусокъ хлѣба приготовила. И отецъ твой, дуракъ, меня уважать сталъ, по стрункѣ сталъ у меня ходить, я его вышколаила! А то гналъ меня, надругался надо мною. А за что? Тогда было не за что,—а за то, Вѣрочка, что не была злая. А у васъ въ книгахъ, Вѣрочка, написано, что не годится такъ жить,—а ты думаешь, я этого не знаю? Да въ книгахъ-то у васъ написано, что коли не такъ жить, такъ надо все по новому завести, а по нынѣшнему заведенью нельзя такъ жить, какъ они велятъ,—такъ что-жъ они по новому-то порядку не заводятъ? Охъ, Вѣрочка, ты думаешь, я не знаю, какіе у васъ въ книгахъ новые порядки расписаны?—знаю: хорошіе. Только мы съ тобой до нихъ не доживемъ, больно глупъ народъ—гдѣ съ такимъ народомъ хорошіе-то порядки завести! Такъ станемъ жить по старымъ. И ты по нимъ живи. А старый порядокъ какой? У васъ въ книгахъ написано: старый по-

рядокъ тотъ, чтобы обирать, да обманывать. А это правда, Вѣрочка. Значить, когда новаго-то порядку нѣтъ, по старому и живи: обирай, да обманывай: по любви тебѣ говор—хрр...

Марья Алексѣвна захрапѣла и повалилась.

II.

Марья Алексѣвна знала, что говорилось въ театрѣ, но еще не знала, что выходило изъ этого разговора.

Въ то время, какъ она, разстроенная огорченіемъ отъ дочери, и въ разстройствѣ налившая много рому въ свой пуншъ, уже давно храпѣла. Михаилъ Ивановичъ Сторешниковъ ужиналъ въ какомъ-то моднѣйшемъ ресторанѣ съ другими кавалерами, приходившими въ ложу. Въ компаніи было еще четвертое лицо, — французенка, пріѣхавшая съ офицеромъ. Ужинъ приближался къ концу.

— Мсьё Сторешникъ! — Сторешниковъ возликовалъ: французенка обращалась къ нему въ третій разъ во время ужина: — мсьё Сторешникъ! — вы позволите мнѣ такъ называть васъ, это пріятнѣе звучитъ и легче выговаривается, — я не думала, что я буду одна дама въ вашемъ обществѣ; я надѣялась увидѣть здѣсь Адель, — это было бы пріятно, я ее такъ рѣдко вижу.

— Адель поссорилась со мною, къ несчастью.

Офицеръ хотѣлъ сказать что-то, но промолчалъ.

— Не вѣрьте ему, m-lle Жюли, — сказалъ статскій: — онъ боится открыть вамъ истину, думаетъ, что вы разсердитесь, когда узнаете, что онъ бросилъ французенку для русской.

— Я не знаю, зачѣмъ и мы-то сюда поѣхали! — сказалъ офицеръ.

— Нѣтъ, Сержъ, отчего же, когда Жанъ просилъ! и мнѣ было очень пріятно познакомиться съ мсьё Сторешникомъ. Но, мсьё Сторешникъ, фи, какой у васъ дурной вкусъ! Я бы ничего не имѣла возразить, если бы вы покинули Адель для этой грузинки, въ ложѣ которой были съ ними обоими; но промѣнять французенку на русскую... воображаю! безцвѣтные глаза, безцвѣтные жиденькіе волосы, бессмысленное безцвѣтное лицо... виновата, не безцвѣтное, а, какъ вы говорите, кровь со сливками, то-есть кушанье, которое могутъ брать въ ротъ только ваши эскимосы! Жанъ, подайте пепельницу грѣшнику противъ грацій, пусть онъ посыплетъ пепломъ свою преступную голову!

— Ты наговорила столько вздора, Жюли, что не ему, а тебѣ надобно посыпать пепломъ голову, — сказалъ офицеръ: — вѣдь та, которую ты назвала грузинкою, — это она и есть русская-то.

— Ты смѣешься надо мною.

— Чистѣйшая русская, — сказалъ офицеръ.

— Невозможно!

— Ты напрасно думаешь, милая Жюли, что въ нашей націи одинъ типъ красоты, какъ въ вашей. Да и у васъ много блондинокъ. А мы, Жюли, смѣемъ племянъ, отъ бѣловолосыхъ, какъ финны („да, да, финны“ — замѣтила для себя французенка) до черныхъ, гораздо чернѣе итальянцевъ, — это татары, монголы („да, монголы, знаю“, — замѣтила для себя французенка), — они вѣтъ

дали много своей крови въ нашу! У насъ блондинки, которыхъ ты ненавидишь, только одинъ изъ мѣстныхъ типовъ, — самый распространенный, но не господствующій.

— Это удивительно! но она великолѣпна! Почему она не поступить на сцену?— Впрочемъ, господа, я говорю только о томъ, что я видѣла. Остается вопросъ, очень важный: ея нога?— Вашъ великій поэтъ Карасень, говорили мнѣ, сказалъ, что въ цѣлой Россіи нѣтъ пяти паръ маленькихъ и стройныхъ ногъ.

— Жюли, это сказалъ не Карасень, — и лучше зови его: Карамзинъ, — Карамзинъ былъ историкъ, да и то не русскій, а татарскій, — вотъ тебѣ новое доказательство разнообразія нашихъ типовъ. О ножкахъ сказалъ Пушкинъ, — его стихи были хороши для своего времени, но теперь потеряли большую часть своей цѣны. Кстати, эскимосы живутъ въ Америкѣ, а наши дикари, которые пьютъ оленью кровь, называются самоѣды.

— Благодарю, Сержъ. Карамзинъ — историкъ; Пушкинъ — знаю; эскимосы въ Америкѣ; русскіе — самоѣды; да, самоѣды, — но это звучитъ очень мило: са-мо-ѣ-ды! Теперь буду помнить. Я, господа, велю Сержу все это говорить мнѣ, когда мы одни, или не въ нашемъ обществѣ. Это очень полезно для разговора. Притомъ, науки — моя страсть; я родилась быть m-me Сталь, господа. Но это посторонній эпизодъ. Возвращаемся къ вопросу: ея нога?

— Если вы позволите мнѣ завтра явиться къ вамъ, m-lle Жюли, я буду имѣть честь привезти къ вамъ ея башмакъ.

— Привозите, я примѣрю. Это затрогиваетъ мое любопытство.

Сторешниковъ былъ въ восторгѣ: какъ же? — онъ едва цѣплялся за хвостъ Жана, Жанъ едва цѣплялся за хвостъ Сержа, Жюли — одна изъ первыхъ француенокъ между француженками общества Сержа, — честь, великая честь!

— Нога удовлетворительна, — подтвердилъ Жанъ: — но я, какъ чело-вѣкъ положительный, интересуюсь болѣе существеннымъ. Я разсматривалъ ея бюстъ.

— Бюстъ очень хорошъ, — сказалъ Сторешниковъ, ободрившійся выгодными отзывами о предметѣ его вкуса и уже замыслившій, что можетъ говорить комплименты Жюли, чего до сихъ поръ не смѣлъ: — ея бюстъ очарователенъ, хотя, конечно, хвалить бюстъ другой женщины здѣсь — святотатство.

— Ха, ха, ха! Этотъ господинъ хочетъ сказать комплиментъ моему бюсту! Я не ипокритка и не обманщица, мосьё Сторешникъ: я не хваюсь и не терплю, чтобы другіе хвалили меня за то, что у меня плохо. Слава Богу, у меня еще довольно осталось, чѣмъ я могу хвалиться по правдѣ. Но мой бюстъ — ха, ха, ха! Жанъ, вы видѣли мой бюстъ — скажите ему! Вы молчите, Жанъ? Вашу руку, мосьё Сторешникъ, — она схватила его за руку, — чувствуете, что это не тѣло? — Попробуйте еще здѣсь, — и здѣсь, — теперь знаете? — Я пошу накладной бюстъ, какъ пошу илаты, юбку, рубашку, не потому, чтобъ это мнѣ нравилось, — по-моему, было бы лучше безъ этихъ ипокритствъ, — а потому, что это такъ принято въ обществѣ. Но женщина, которая столько жила, какъ я, — и какъ жила, мосьё Сторешникъ! я теперь святая, схимница передъ тѣмъ, что была — такая женщина не можетъ сохранить бюста! И вдругъ, она заплакала: — мой бюстъ! — мой бюстъ! — моя чистота! — о, Боже, за тѣмъ ли я родилась?

— Вы лжете, господа, — закричала она, вскочила и ударила кулакомъ по столу: — вы клевете! Вы низкіе люди! она не любовница его! онъ хочетъ кушать ее! Я видѣла, какъ она отворачивалась отъ него, горѣла негодованіемъ и ненавистью. Это гнусно!

— Да, — сказалъ статскій, лѣниво потягиваясь: — ты прихвастнулъ, Сторешниковъ; у васъ дѣло еще не кончено, а ты ужъ наговорилъ, что живешь съ нею, разошелся съ Аделью для лучшаго завѣренія насъ. Да, ты описывалъ намъ очень хорошо, но описывалъ то, чего еще не видалъ; впрочемъ, это ничего; не за недѣлю до нынѣшняго дня, такъ черезъ недѣлю послѣ нынѣшняго дня, — это все равно. И ты не разочаруешься въ описаніяхъ, которые дѣлалъ по воображенію; найдешь даже лучше, чѣмъ думаешь. Я разсматривалъ: останешься доволенъ.

Сторешниковъ былъ внѣ себя отъ ярости: — нѣтъ, m-lle Жюли, вы обманулись, смѣю васъ увѣрить, въ вашемъ заключеніи; простите, что осмѣливаюсь противорѣчить вамъ, но она — моя любовница. Это была обыкновенная любовная ссора отъ ревности; она видѣла, что я первый актъ сидѣлъ въ ложѣ m-lle Матильды, — только и всего!

— Врешь, мой милый, врешь, — сказалъ Жанъ и зѣвнулъ.

— А не вру, не вру.

— Докажи. Я человѣкъ положительный, и безъ доказательствъ не вѣрю.

— Какія же доказательства я могу тебѣ представить?

— Ну, вотъ, и пятишься, и уличаешь себя, что врешь. Какія доказательства? Будто трудно найти? Да вотъ тебѣ: завтра мы собираемся ужинать опять здѣсь. М-лe Жюли будетъ такъ добра, что привезетъ Сержа, я привезу свою миленькую Бертю, ты привезешь ее. Если привезешь — я проигралъ, ужинъ на мой счетъ; не привезешь — изгоняешься со стыдомъ изъ нашего круга! Жанъ дернулъ сонетку; вошелъ слуга. — Simon, будьте такъ добры: завтра ужинъ на шесть персонъ, точно такой, какъ былъ, когда я вѣнчался у васъ съ Бертою, — помните, предъ рождествомъ? — и въ той же комнатѣ.

— Какъ не помнить такого ужина, мсье. Будетъ исполнено. — Слуга вышелъ.

— Гнусные люди! гадкіе люди! я была два года уличною женщиною въ Парижѣ, я полгода жила въ домѣ, гдѣ собирались вору, я и тамъ не встрѣчала троихъ такихъ низкихъ людей вмѣстѣ! Боже мой, съ кѣмъ я принуждена жить въ обществѣ! За что такой позоръ мнѣ, о, Боже? — Она упала на колѣни. Боже! я слабая женщина! Голодъ я умѣла переносить, но въ Парижѣ такъ холодно зимой! Холодъ былъ такъ силенъ, обольщенія такъ хитры! Я хотѣла жить, я хотѣла любить, — Боже! вѣдь это не грѣхъ, — за что же ты такъ наказываешь меня? Вырви меня изъ этого круга, вырви меня изъ этой грязи! Дай мнѣ силу сдѣлаться опять уличною женщиною въ Парижѣ, я не прошу у тебя ничего другого, я недостойна ничего другого, но освободи меня отъ этихъ людей, отъ этихъ гнусныхъ людей! — Она вскочила и подбѣжала къ офицеру: — Сержъ, и ты такой же! Нѣтъ, ты лучше ихъ! („лучше“, флегматически замѣтилъ офицеръ) — развѣ это не гнусно?

— Гнусно, Жюли.

— И ты молчишь? допускаешь? соглашаешься? участвуешь?

— Садись ко мнѣ на колѣни, моя милая Жюли.— Онъ сталъ ласкать ее, она успокоилась.—Какъ я люблю тебя въ такія минуты! Ты славная женщина. Ну, что ты не соглашаешься повѣнчаться со мною? сколько разъ я просилъ тебя объ этомъ! Согласись.

— Бракъ? ярно? предразсудокъ? Никогда! я запретила тебѣ говорить мнѣ такія глупости. Не серди меня. Но... Сержъ! милый Сержъ! запрети ему! онъ тебя боится,—спаси ее!

— Жюли, будь хладнокровнѣе. Это невозможно. Не онъ, такъ другой, все равно. Да вотъ, посмотри. Жанъ уже думаетъ отбить ее у него, а такихъ Жановъ тысячи, ты знаешь. Отъ всѣхъ не убережешь, когда мать хочетъ торговать дочерью. Лбомъ стѣну не прошибешь, говоримъ мы, русскіе. Мы умный народъ, Жюли. Видишь, какъ спокойно я живу, принявъ этотъ нашъ русскій принципъ.

— Никогда! Ты рабъ, француженка свободна. Француженка борется,—она падаетъ, но она борется! Я не допущу! Кто она? Гдѣ она живетъ? Ты знаешь?

— Знаю.

— Ёдемъ къ ней. Я предупрежу ее.

— Въ первомъ-то часу ночи! Поѣдемъ-ко лучше спать. До свиданья, Жанъ. До свиданья, Сторешниковъ. Разумѣется, вы не будете ждать Жюли и меня на вашъ завтрашній ужинъ: вы видите, какъ она раздражена. Да и мнѣ, сказать по правдѣ, эта исторія не нравится. Конечно, вамъ нѣтъ дѣла до моего мнѣнія. До свиданья.

— Экая бѣшеная француженка,—сказалъ статскій, потягиваясь и зѣвая, когда офицеръ и Жюли ушли.—Очень пикантная женщина, но это ужъ черезчуръ. Очень пріятно видѣть, когда хорошенькая женщина будируетъ, но съ нею я не ужился бы четыре часа, не то что четыре года. Конечно, Сторешниковъ, нашъ ужинъ не разстраивается отъ ея каприза. Я привезу Поля съ Матильдою вмѣсто нихъ. А теперь, пора по домамъ. Мнѣ еще нужно заѣхать къ Бертѣ и потомъ къ маленькой Лотхентъ, которая очень мила.

III.

— Ну, Вѣра, хорошо. Глаза не заплаканы. Видно, поняла, что мать говорить правду, а то все на дыбы подымалась.—Вѣрочка сдѣлала нетерпѣливое движеніе,—ну, хорошо, не стану говорить, не разстроивайся. А я вчера такъ и заснула у тебя въ комнатѣ, можетъ, наговорила чего лишняго. Я вчера не къ своему видѣ была. Ты не вѣрь тому, что я съ пьяныхъ-то глазъ наговорила,—слышишь? не вѣрь.

Вѣрочка опять видѣла прежнюю Марью Алексѣвну. Вчера ей казалось, что изъ-подъ звѣрской оболочки протлываютъ человѣческія черты, теперь опять звѣрь, и только. Вѣрочка усиливалась побѣдить въ себѣ отвращеніе, но не могла. Прежде она только ненавидѣла мать, вчера думалось ей, что она перестаетъ ее ненавидѣть, будетъ только жалѣть,—теперь опять она чувствовала ненависть, но и жалость осталась въ ней.

— Одѣвайся, Вѣрочка! чать, скоро придетъ.—Она очень заботливо осматрѣла нарядъ дочери.—Если ловко поведешь себя, подарю серьги съ большими-то изумрудами,—онѣ стараго фасона, но если передѣлать, выйдетъ хорошая брошка. Въ залогѣ остались за 150 р., съ процентами 250, а стоятъ больше 400. Слышишь, подарю.

Явился Сторешниковъ. Онѣ вчера долго не знали, какъ ему справиться съ задачею, которую накликалъ на себя; онѣ шелъ пѣшкомъ изъ ресторана домой, и все думалъ. Но пришелъ домой уже спокойный,—придумалъ, пока шелъ,—и теперь былъ доволенъ собой.

Онѣ справился о здоровьи Вѣры Павловны—„я здорова“; онѣ сказалъ, что очень радъ, и навелъ рѣчь на то, что здоровьемъ надобно пользоваться,—„конечно надобно, а по мнѣнію Марьи Алексѣвны, и молодостью также“; онѣ совершенно съ этимъ согласенъ, и думаетъ, что хорошо было бы воспользоваться нынѣшнимъ вечеромъ для поѣздки за городъ; день морозный, дорога чудесная.—Съ кѣмъ же онѣ думаетъ ѣхать?—Только втроемъ: вы, Марья Алексѣвна, Вѣра Павловна и я.—Въ такомъ случаѣ, Марья Алексѣвна совершенно согласна; но теперь она пойдетъ готовить кофе и закуску, а Вѣрочка споетъ что нибудь. „Вѣрочка, ты споешь что нибудь?“ прибавляетъ она тономъ, недопускающимъ возраженій.—„Спою“.

Вѣрочка сѣла къ фортепьяно и запѣла „тройку“—тогда эта пѣсня была только-что положена на музыку—по мнѣнію, питаемому Марьей Алексѣвною за дверью, эта пѣсня очень хороша: дѣвушка засматрѣлась на офицера,—Вѣрка-то, когда захочетъ, вѣдь умная, шельма!—Скоро Вѣрочка остановилась: и это все такъ; Марья Алексѣвна такъ и велѣла: немножко пропой, а потомъ заговори.—Вотъ, Вѣрочка и говоритъ, только, къ досадѣ Марьи Алексѣвны, по-французски,—„экая дура я какая, забыла сказать, чтобы по русски“:—но Вѣра говоритъ тихо... улыбнулась,—ну, значитъ, ничего, хорошо. Только, чтожъ онѣ-то выпучилъ глаза? впрочемъ, дуракъ, такъ дуракъ и есть, онѣ только и умѣетъ хлопать глазами. А намъ такихъ-то и надо. Вотъ, подала ему руку—умная стала Вѣрка, хвалю.

— Мсьё Сторешниковъ, я должна говорить съ вами серьезно. Вчера вы взяли ложу, чтобы выставить меня вашимъ пріятелемъ какъ вашу любовницу. Я не буду говорить вамъ, что это безчестно: если бы вы были способны понять это, вы не сдѣлали бы такъ. Но я предупреждаю васъ: если вы осмѣлитесь подойти ко мнѣ въ театрѣ, на улицѣ, гдѣ нибудь,—я дамъ вамъ пощечину. Мать замучить меня (вотъ тутъ-то Вѣрочка улыбнулась), но пусть будетъ со мною, что будетъ, все равно! Нынче вечеромъ вы получите отъ моей матери записку, что катанье наше разстроилось, потому что я больна.

Онѣ стоялъ и хлопалъ глазами, какъ уже и замѣтила Марья Алексѣвна.

— Я говорю съ вами, какъ съ человѣкомъ, въ которомъ нѣтъ ни искры чести. Но, можетъ быть, вы еще не до конца испорчены. Если такъ, я прошу васъ: перестаньте бывать у насъ. Тогда я прошу вамъ вашу клевету. Если вы согласны, дайте вашу руку.—она протянула ему руку: онѣ взялъ ее, самъ не понимая, что дѣлаетъ.

— Благодарю васъ. Уйдите же. Скажите, что вамъ надобно торониться приготовить лошадей для поѣздки.

Онъ опять похлопалъ глазами. Она уже обернулась къ нотамъ и продолжала „тройку“. Жаль, что не было знатоковъ; любопытно было послушать; вѣрно, не часто имъ случалось слушать пѣніе съ такимъ чувствомъ; даже ужъ слишкомъ много было чувства, не артистично.

Черезъ минуту, Марья Алексѣвна вошла, и кухарка втащила подносъ съ кофе и закускою. Михаилъ Ивановичъ, вмѣсто того, чтобы сѣсть за кофе, пятился къ дверямъ. — „Куда же вы, Михаилъ Ивановичъ?“ — „Я тороплюсь, Марья Алексѣвна, распорядиться лошадьми“. — Да еще успѣте, Михаилъ Ивановичъ; — но Михаилъ Ивановичъ былъ уже за дверями.

Марья Алексѣвна бросилась изъ передней въ залъ, съ поднятыми кулаками. „Что ты сдѣлала, Вѣрка проклятая? А?“ — но проклятой Вѣрки уже не было въ залѣ; мать бросилась къ ней въ комнату, но дверь Вѣрочкиной комнаты была заперта; мать надвинула всѣмъ корпусомъ на дверь, чтобы выломать ее, но дверь не подавалась, а проклятая Вѣрка сказала: „Если вы будете выламывать дверь, я разобью окно, и стану звать на помощь. А вамъ не дамся въ руки живая“. — Марья Алексѣвна долго бѣсновалась, но двери не ломала; наконецъ, устала кричать. Тогда Вѣрочка сказала: „маменька, прежде я только не любила васъ; а со вчерашняго вечера, мнѣ стало васъ и жалко. У васъ было много горя, и оттого вы стали такая. Я прежде не говорила съ вами, а теперь хочу говорить, только когда вы не будете сердиться. Поговоримъ тогда хорошенько, какъ прежде не говорили“.

Конечно, не очень-то приняла къ сердцу эти слова Марья Алексѣвна; но утомленные нервы просятъ отдыха, и у Марьи Алексѣвны стало рождаться раздумье: не лучше ли вступить въ переговоры съ дочерью, когда она, мерзавка, ужъ совсѣмъ отбивается отъ рукъ? Вѣдь безъ нея ничего нельзя сдѣлать, вѣдь не женишь же безъ ней на ней Мишку дурака! Да вѣдь еще и неизвѣстно, что она ему сказала, — вѣдь они руки пожали другъ другу, — чтожъ это значить?

Такъ и сидѣла усталая Марья Алексѣвна, раздумывая между свирѣпствомъ и хитростью, когда раздался звонокъ. Это были Жюли съ Сержемъ.

IV.

— Сержъ, говорить по-французски ея мать? — было первое слово Жюли, когда она проснулась.

— Не знаю; а ты еще не выкинула изъ головы этой мысли?

— Нѣтъ не выкинула; и когда, сообразивши всѣ примѣты въ театрѣ, рѣшили, что, должно быть, мать этой дѣвушки не говорить по-французски, Жюли взяла съ собою Сержа переводчикомъ. Впрочемъ, ужъ такая была его судьба, что пришлось бы ему вѣхать, хотя бы матерью Вѣрочки былъ кардиналъ Меццофанти; и онъ не ропталъ на судьбу, а вѣздилъ повсюду, при Жюли, въ родѣ наперсницы корнелевской героини. Жюли проснулась поздно, по дорогѣ заѣзжала къ Вихманъ, потомъ, ужъ не по дорогѣ, а по надобности, еще въ четыре магазина. Такимъ образомъ, Михаилъ Ивановичъ успѣлъ объясниться, Марья Алексѣвна успѣла набѣситься и насидѣться, пока Жюли и Сержъ доѣхали съ Литейной на Гороховую.

— А подь какимъ же предлогомъ мы пріѣхали? фп, какая гадкая лѣстница! Такихъ я и въ Парижѣ не знала.

— Все равно, что вздумается. Мать даетъ деньги въ залогъ, сними брошку. Или вотъ, еще лучше: она даетъ уроки на фортепяно. Скажемъ, что у тебя есть племянница.

Матрена въ первый разъ въ жизни устыдилась своей разбитой скулы, узрѣвъ мундиръ Сержа и въ особенности великолѣпіе Жюли: такой важной дамы она еще никогда не видывала лицомъ къ лицу. Въ такое же благоговѣніе и неописанное изумленіе пришла Марья Алексѣвна, когда Матрена объявила, что изволили пожаловать полковникъ NN съ супругою. Особенно это: „съ супругою!“—Тотъ кругъ, сплетни о которомъ спускались до Марьи Алексѣвны, возвышался лишь до дѣйствительно статскаго слоя общества, а сплетни объ настоящихъ аристократахъ уже замирали въ пространствѣ на половинѣ пути до Марьи Алексѣвны; потому она такъ и поняла въ полномъ законномъ смыслѣ имена „мужъ и жена“, которыя давали другъ другу Сержъ и Жюли по парижскому обычаю. Марья Алексѣвна оправилась наскоро и выбѣжала.

Сержъ сказалъ, что очень радъ вчерашнему случаю и проч., что у его жены есть племянница и проч., что его жена не говоритъ по-русски, и потому онъ переводчикъ.

— Да, могу благодарить моего создателя,—сказала Марья Алексѣвна:— у Вѣрочки большой талантъ учить на фортепьянахъ, и я за счастье почту, что она вхожа будетъ въ такой домъ; только учительница-то моя не совсѣмъ здорова,—Марья Алексѣвна говорила особенно громко, чтобы Вѣрочка услышала и поняла появленіе перемирія, а сама, при всемъ благоговѣніи, такъ и впивалась глазами въ гостей: — не знаю, въ силахъ ли будетъ выйти и показать вамъ пробу свою на фортепьянахъ.—Вѣрочка, другъ мой, можешь ты выйти, или нѣтъ?

Какіе-то посторонніе люди,—сцены не будетъ,—почему ужъ не выйти?—Вѣрочка отперла дверь, взглянула на Сержа и вспыхнула отъ стыда и гнѣва.

Этого не могли бы не замѣтить и плохіе глаза, а у Жюли были глаза чуть ли не позорче, чѣмъ у самой Марьи Алексѣвны. Француженка начала прямо:

— Милое дитя мое, вы удивляетесь и смущаетесь, видя человѣка, при которомъ были вчера такъ оскорбляемы, который, вѣроятно, и самъ участвовалъ въ оскорбленіяхъ. Мой мужъ легкомысленъ, но онъ все-таки лучше другихъ повѣсь. Вы его извините для меня. я пріѣхала къ вамъ съ добрыми намѣреніями. Уроки моей племянницѣ—только предлогъ; но надобно поддерживать его. Вы сыграете что-нибудь,—покороче,—мы пойдемъ въ вашу комнату и переговоримъ. Слушайте меня, дитя мое.

Та ли это Жюли, которую знаетъ вся аристократическая молодежь Петербурга? Та ли это Жюли, которая отпускаетъ шуточки, заставляющія краснѣть иныхъ повѣсь? Нѣтъ, это княгиня, до ушей которой никогда не доносилось ни одно грубоватое слово.

Вѣрочка сѣла дѣлать свою пробу на фортепяно. Жюли стала подлѣ нея. Сержъ занимался разговоромъ съ Марьей Алексѣвною, чтобы вывѣдать, каковы именно ея дѣла съ Сторешниковымъ. Черезъ нѣсколько минутъ Жюли остановила Вѣрочку, взяла ее за талью, прошла съ нею по залу, потомъ увела ее

въ ея комнату. Сержъ пояснилъ, что его жена довольна игрою Вѣрочки, но хочетъ потолковать съ нею, потому что нужно знать и характеръ учительницы, и т. д., и продолжалъ наводить разговоръ на Сторешникова. Все это было прекрасно, но Марья Алексѣвна смотрѣла все зорче и подозрительнѣе.

— Милое дитя мое, — сказала Жюли, вошедши въ комнату Вѣрочки: — ваша мать очень дурная женщина. Но чтобы мнѣ знать, какъ говорить съ вами, прошу васъ, расскажите, какъ и зачѣмъ вы были вчера въ театрѣ? я уже знаю все это отъ мужа, но изъ вашего разсказа я узнаю вашъ характеръ. Не опасайтесь меня. — Выслушавши Вѣрочку, она сказала: — „да, съ вами можно говорить, вы имѣете характеръ“. — и въ самымъ осторожныхъ, деликатныхъ выраженіяхъ разсказала ей о вчерашнемъ пари: на это Вѣрочка отвѣчала разсказомъ о предложеніи кататься.

— Что-жъ, онъ хотѣлъ обмануть вашу мать, или они оба были въ заговорѣ противъ васъ? — Вѣрочка горячо стала говорить, что ея мать ужъ не такая же дурная женщина, чтобы быть въ заговорѣ. — Я сейчасъ это увижу, — сказала Жюли. — Вы оставайтесь здѣсь, — вы тамъ лишнія. — Жюли вернулась въ залу.

— Сержъ, онъ уже звалъ эту женщину и ея дочь кататься нынѣ вечеромъ. Расскажи ей о вчерашнемъ ужинѣ.

— Ваша дочь нравится моей женѣ. теперь надобно только условиться въ цѣнѣ, и, вѣроятно, мы не разойдемся изъ-за этого. Но позвольте мнѣ докончить нашъ разговоръ о нашемъ общемъ знакомомъ. Вы его очень хвалите. А извѣстно ли вамъ, что онъ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ вашему семейству, — на примѣръ, съ какою цѣлью онъ приглашалъ насъ вчера въ вашу ложу?

Въ глазахъ Марьи Алексѣвны, вмѣсто выпытывающаго взгляда, блеснулъ смыслъ: „такъ и есть“. — Я не сплетница, — отвѣчала она съ неудовольствіемъ: — сама не разношу вѣстей и мало ихъ слушаю! Это было сказано безъ колкости, при всемъ ея благоговѣніи къ посѣтителю. — Мало ли что болтаютъ молодые люди между собою; этимъ нечего заниматься.

— Хорошо-съ: ну, а вотъ это вы назовете сплетнями! — Онъ сталъ разсказывать исторію ужина. Марья Алексѣвна не дала ему докончить: какъ только произнесъ онъ первое слово о пари, она вскочила и съ бѣшествомъ закричала, совершенно забывши важность гостей:

— Такъ вотъ онѣ, штуки-то какія! Ахъ, онъ разбойникъ! Ахъ, онъ мерзавецъ! такъ вотъ зачѣмъ онъ кататься-то звалъ! онъ хотѣлъ меня за городомъ-то на тотъ свѣтъ отправить, чтобы беззащитную дѣвушку обезчестить! Ахъ, онъ сквернавецъ! — и такъ далѣе. Потомъ она стала благодарить гостя за спасеніе жизни ея и чести ея дочери. — То-то, батюшка, я ужъ и сначала догадывалась, что вы что-нибудь не съ-просту пріѣхали, что уроки-то уроками, а цѣль у васъ другая, да я не то полагала: я думала, у васъ ему другая не вѣста приготовлена, вы его у насъ отбить хотите. — погрѣшила на васъ, окаянная, простите великодушно. Вотъ, можно сказать, по гробъ жизни облагодѣтельствовали, — и т. д. Ругательства, благодарности, извиненія долго лились безпорядочнымъ потокомъ.

Жюли не долго слушала эту безконечную рѣчь, смыслъ которой былъ ясенъ для нея изъ тона голоса и жестовъ: съ первыхъ словъ Марья Алексѣвна французенка встала и вернулась въ комнату Вѣрочки.

— Да, ваша мать не была его сообщницею, и теперь очень раздражена противъ него. Но я хорошо знаю такихъ людей, какъ ваша мать. У нихъ никакія чувства не удержатся долго противъ денежныхъ расчетовъ; она скоро опять примется ловить жениха, и чѣмъ это можетъ кончиться, Богъ знаетъ: во всякомъ случаѣ, вамъ будетъ очень тяжело. На первое время она оставитъ васъ въ покоѣ; но я вамъ говорю, что это будетъ не надолго. Что вамъ теперь дѣлать? Есть у васъ родные въ Петербургѣ?

— Нѣтъ.

— Это жаль. У васъ есть любовникъ?—Вѣрочка не знала, какъ и отвѣчать на это, она только странно раскрыла глаза.—Простите, простите, это видно, но тѣмъ хуже. Значитъ, у васъ нѣтъ пріюта. Какъ же быть? Ну, слушайте. Я не то, чѣмъ вамъ показалась. Я не жена ему, я у него на содержаньи. Я извѣстна всему Петербургу, какъ самая дурная женщина. Но я честная женщина. Прийти ко мнѣ для васъ значитъ потерять репутацію; довольно опасно для васъ и то, что я уже одинъ разъ была въ этой квартирѣ, а пріѣхать къ вамъ во второй разъ, было бы навѣрное губить васъ. Между тѣмъ, надобно еще увидѣться съ вами, быть можетъ и не разъ.—то есть, если вы довѣряете мнѣ. Да!—Такъ когда вы завтра можете располагать собою?

— Часовъ въ двѣнадцать,—сказала Вѣрочка. Это для Юли немного рано, но все равно, она велитъ разбудить себя и встрѣтится съ Вѣрочкою въ той линіи Гостинаго двора, которая противоположна Невскому; она короче всѣхъ, тамъ легко найти другъ друга, и тамъ никто не знаетъ Юли.

— Да, вотъ еще счастливая мысль: дайте мнѣ бумаги, я напишу этому негодяю письмо, чтобы взять его въ руки.—Юли написала: „Мсье Сторешниковъ, вы теперь, вѣроятно, въ большомъ затрудненіи; если хотите избавиться отъ него, будьте у меня въ 7 часовъ. М. Те-Телль“.—Теперь прощайте!

Юли протянула руку, но Вѣрочка бросилась къ ней на шею, и цаловала, и плакала, и опять цаловала. А Юли и подавно не выдержала—вѣдь она не была такъ воздержна на слезы, какъ Вѣрочка, да и очень ей трогательна была радость и гордость, что она дѣлаетъ благородное дѣло; она пришла въ экстазъ, говорила, говорила, все со слезами и поцалуями, заключила восклицаніемъ:

— Другъ мой, милое мое дитя! о, не дай тебѣ Богъ никогда узнать, что чувствую я теперь, когда послѣ многихъ лѣтъ въ первый разъ прикасаются къ моимъ губамъ чистыя губы. Умри, но не давай поцалуя безъ любви!

V.

Планъ Сторешникова былъ не такъ челоуѣкоубійственъ, какъ предположила Марья Алексѣвна: она, по своей манерѣ, дала дѣлу слишкомъ грубую форму, но сущность дѣла отгадала. Сторешниковъ думалъ попозже вечеромъ завести своихъ дамъ въ ресторанъ, гдѣ собирался ужинъ; разумѣется, онѣ всѣ замерзли и проголодались, надобно погрѣться и выпить чаю; онъ выпьетъ онѣму въ чашку или рюмку Марья Алексѣвнѣ; Вѣрочка растеряется, увидѣвъ мать безъ чувствъ; онъ заведетъ Вѣрочку въ комнату, гдѣ ужинъ.—вотъ уже пари

и выиграно; что дальше — какъ случится. Можетъ быть, Вѣрочка въ своемъ смятеніи ничего не пойметъ и согласится посидѣть въ незнакомой компаніи, а если и сейчасъ уйдетъ — ничего, это извинять, потому что она только вступила на поприще авантюристки и, натурально, совѣстится на первыхъ порахъ. Поэтому онъ уладится деньгами съ Марьей Алексѣевною, — вѣдь ей ужъ нечего будетъ дѣлать.

Но теперь какъ ему быть? онъ проклиналъ свою хвастливость передъ пріятелями, свою ненаходчивость при внезапномъ крутомъ сопротивленіи Вѣрочки, желалъ себѣ провалиться сквозь землю. И въ этомъ-то разстройствѣ и сокрушеніи духа — письмо отъ Жюли, цѣлительный бальзамъ на рану, лучъ спасенія въ непроглядномъ мракѣ, столбовая дорога подъ ногою тонувшаго въ бездонномъ болотѣ. О, она поможетъ, она умнѣйшая женщина, она можетъ все придумать! благороднѣйшая женщина! — Минуть за десять до семи часовъ, онъ былъ уже передъ ея дверью. — „Извольте ждать, и приказали принять“.

Какъ величественно сидитъ она, какъ строго смотритъ! Едва наклонила голову въ отвѣтъ на его поклонъ. „Очень рада васъ видѣть, прошу садиться“. — Ни одинъ мускулъ не пошевелился въ ея лицѣ. Будетъ сильная головомойка, — ничего, ругай, только спаси.

— Мосѣ Сторешникъ, — начала она холоднымъ, медленнымъ тономъ: — вамъ извѣстно мое мнѣніе о дѣлѣ, по которому мы видимся теперь и которое, стало быть, мнѣ не нужно вновь характеризовать. Я видѣла ту молодую особу, о которой былъ вчера разговоръ, слышала о вашемъ нынѣшнемъ визитѣ къ нимъ, слѣдовательно, знаю все, и очень рада, что это избавляетъ меня отъ тяжелой необходимости разспрашивать васъ о чемъ-либо. Ваше положеніе съ одинаковою опредѣленностью ясно и мнѣ, и вамъ („Господи, лучше бы ругалась!“ думаетъ подсудимый). Мнѣ кажется, что вы не можете выйти изъ него безъ посторонней помощи, и не можете ждать успѣшной помощи ни отъ кого, кромѣ меня. Если вы имѣете возразить что-нибудь, я жду. — И такъ (послѣ паузы) вы подобно мнѣ полагаете, что никто другой не въ состояніи помочь вамъ, — выслушайте же, что я могу и хочу сдѣлать для васъ; если предлагаемое мною пособіе покажется вамъ достаточно, я выскажу условія, на которыхъ согласна оказать его.

И тѣмъ же длиннымъ, длиннымъ манеромъ оффиціального изложенія, она сказала, что можетъ послать Жану письмо, въ которомъ скажетъ, что послѣ вчерашней вѣспинки передумала, хочетъ участвовать въ ужинѣ, но что нынѣшній вечеръ у нея уже занятъ, что поэтому она проситъ Жана уговорить Сторешникова отложить ужинъ, — о времени его она послѣ условится съ Жаномъ. Она прочла это письмо, — въ письмѣ слышалась увѣренность, что Сторешниковъ выиграетъ пари, что ему досадно будетъ отерочивать свое торжество. Достаточно ли будетъ этого письма? — конечно. Въ такомъ случаѣ, продолжаетъ Жюли все тѣмъ же длиннымъ, длиннымъ тономъ оффиціальныхъ записокъ, — она отправитъ письмо на двухъ условіяхъ — „вы можете принять или не принять ихъ, — вы принимаете ихъ, я отправляю письмо; вы отвергаете ихъ — я жгу письмо“, и т. д., все въ этой же безконечной манерѣ, вытягивающей душу изъ спасаемаго. Наконецъ, и условія. Ихъ два: — „Первое: вы прекращаете всякія преслѣдованія молодой особы, о которой мы говоримъ; второе: вы перестаете упоминать ея имя

въ вашихъ разговорахъ“, — Только-то! — думаетъ спасаемый: — я думалъ, ужъ она чортъ знаетъ чего потребуеть, и ужъ чортъ знаетъ на что не былъ бы готовъ“. Онъ согласенъ, и на его лицѣ восторгъ отъ легкости условій, но Жюли не смягчается ничѣмъ, и все тянетъ, и все объясняется... „первое — нужно для нея, второе — также для нея, но еще болѣе для васъ: я отложу ужинъ на недѣлю, потомъ еще на недѣлю, и дѣло забудется: но вы поймете, что другіе забудутъ его только въ томъ случаѣ, когда вы не будете напоминать о немъ какимъ бы то ни было словомъ о молодой особѣ, о которой“ и т. д. И все объясняется, все доказывается, даже то, что письмо будетъ получено Жаномъ еще во время. — „Я справлялась, онъ обѣдаетъ у Берты“ и т. д., — „онъ пойдетъ къ вамъ, когда докурить свою сигару“ и т. д., и все въ такомъ родѣ. и напримѣръ, въ такомъ: „Итакъ, письмо отправляется, я очень рада. Потрудитесь перечесть его, — я не имѣю и не требую довѣрія. Вы прочли. — потрудитесь самъ запечатать его, — вотъ конвертъ. — Я звоню. — Полина, вы потрудитесь передать это письмо“, и т. д. — „Полина, я не видѣлась нынче съ мсье Сторешникомъ, онъ не былъ здѣсь, — вы понимаете?“ — Около часа тянулось это мучительное спасаніе. Наконецъ письмо отправлено, и спасенный дышитъ свободнѣе, но потъ лить съ него градомъ, и Жюли продолжаетъ:

— Черезъ четверть часа, вы должны будете спѣшить домой, чтобы Жанъ засталъ васъ. Но четвертью часа вы еще можете располагать, и я воспользуюсь ею, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ: вы послѣдуете, или не послѣдуете совѣту, въ нихъ заключающемуся, но вы зрѣло обдумаете его. Я не буду говорить объ обязанностяхъ честнаго человѣка относительно дѣвушки, имя которой онъ компрометировалъ: я слишкомъ хорошо знаю нашу свѣтскую молодежь, чтобы ждать пользы отъ разсмотрѣнія этой стороны вопроса. Но я нахожу, что женитьба на молодой особѣ, о которой мы говоримъ, была бы выгодна для васъ. Какъ женщина прямая, я изложу вамъ основанія такого моего мнѣнія съ полною ясностью, хотя нѣкоторые изъ нихъ и щекотливы для вашего слуха, — впрочемъ, малѣйшаго вашего слова будетъ достаточно, чтобы я остановилась. Вы человѣкъ слабого характера, и рискуете понасть въ руки дурной женщины, которая будетъ мучить васъ и играть вами. Она добра и благородна, потому не стала бы обижать васъ. Женитьба на ней, несмотря на низкость ея происхожденія и, сравнительно съ вами, бѣдность, очень много двинула бы впередъ вашу карьеру: она, будучи введена въ большой свѣтъ, при вашихъ денежныхъ средствахъ, при своей красотѣ, умѣ и силѣ характера, заняла бы въ немъ блестящее мѣсто: выгоды отъ этого для всякаго мужа понятны. Но, кромѣ тѣхъ выгодъ, которыя получилъ бы всякій другой мужъ отъ такой жены, вы, по особенностямъ вашей натуры, болѣе, чѣмъ кто либо, нуждаетесь въ содѣйствіи, — скажу прямѣе: въ руководствѣ. Каждое мое слово было взвѣшено: каждое — основано на наблюденіи надъ нею. Я не требую довѣрія, но рекомендую вамъ обдумать мой совѣтъ. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы она приняла вашу руку; но еслибы она приняла ее, это было бы очень выгодно для васъ. Я не удерживаю васъ болѣе, вамъ надобно спѣшить домой.

VI.

Марья Алексѣевна, конечно, уже не претендовала на отказъ Вѣрочки отъ катанья, когда увидѣла, что Мишка-дуракъ вовсе не такой дуракъ, а чуть было даже не поддѣлъ ее. Вѣрочка была оставлена въ покоѣ и на другое утро безъ всякой помѣхи отправилась въ Гостинный дворъ. „Здѣсь морозно, я не люблю холода“, сказала Жюли:— „надобно куда нибудь отпираться. Куда бы? погодите, я сейчасъ вернусь изъ этого магазина“. Она купила густой вуаль для Вѣрочки. „Надѣньте, тогда можете ѣхать ко мнѣ безопасно. Только не подымайте вуаля, пока мы не останемся однѣ. Полина очень скромна, но я не хочу, чтобъ и она васъ видѣла. Я слишкомъ берегу васъ, дитя мое! — дѣйствительно, она сама была въ салопъ и шляпъ своей горничной и подъ густымъ вуалемъ.—Когда Жюли отогрѣлась, выслушала все, что имѣла новаго Вѣрочка, она рассказала про свое свиданье съ Сторешниковымъ.

— Теперь, милѣе дитя мое, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ сдѣлаетъ вамъ предложеніе. Эти люди влюбляются по уши, когда ихъ волокитство отвергается. Знаете ли вы, дитя мое, что вы поступили съ нимъ, какъ опытная кокетка? Кокетство,—я говорю про настоящее кокетство, а не про глупыя, бездарныя поддѣлки подъ него: онѣ отвратительны, какъ всякая плохая поддѣлка подъ хорошую вещь,—кокетство—это умъ и тактъ въ примѣненіи къ дѣламъ женщины съ мужчиною. Потому, совершенно наивныя дѣвушки безъ намѣренія дѣйствуютъ, какъ опытныя кокетки, если имѣютъ умъ и тактъ. Можетъ быть, и мои доводы отчасти поддѣйствуютъ на него, но главное—ваша твердость.—Какъ бы то ни было, онъ сдѣлаетъ вамъ предложеніе, и я совѣтую вамъ принять его.

— Вы, которая вчера сказали мнѣ: лучше умереть, чѣмъ дать поцалуй безъ любви?

— Милое дитя мое, это было сказано въ увлеченіи: въ минуты увлеченія оно вѣрно и хорошо. Но жизнь—проза и разсчитать.

— Нѣтъ, никогда, никогда! онъ гадокъ, это отвратительно! я не унижусь, пусть меня съѣдятъ, я брошусь изъ окна, я пойду собирать милостыню... но отдать руку гадкому, низкому человѣку—нѣтъ, лучше умереть!

Жюли стала объяснять выгоды: вы избавитесь отъ преслѣдованій матеря, вамъ грозитъ опасность быть проданной, онъ не золь, а только недалеко, недалеко и не злой мужъ лучше всякаго другого для умной женщины съ характеромъ, вы будете госпожею въ домѣ. Она въ яркихъ краскахъ описывала положеніе актрисъ, танцовщицъ, которыя не подчиняются мужчинамъ въ любви, а господствуютъ надъ ними: „это самое лучшее положеніе въ свѣтѣ для женщины, кромѣ того положенія, когда къ такой же независимости и власти еще присоединяется со стороны общества формальное признаніе законности такого положенія, то-есть, когда мужъ относится къ женѣ, какъ поклонникъ актрисы къ актрисѣ“. Она говорила много, Вѣрочка говорила много, обѣ разгорячились, Вѣрочка наконецъ дошла до паюса.

— Вы называете меня фантазеркою, спрашиваете, чего же я хочу отъ

жизни? Я не хочу ни властвовать, ни подчиняться, я не хочу ни обманывать, ни притворяться, я не хочу смотрѣть на мнѣніе другихъ, добиваться того, что рекомендуютъ мнѣ другіе, когда мнѣ самой этого не нужно. Я не привыкла къ богатству—мнѣ самой оно не нужно—зачѣмъ же я стану искать его только потому, что другіе думаютъ, что оно всякому пріятно и, стало быть, должно быть пріятно мнѣ? Я не была въ обществѣ, не испытывала, что значитъ блистать и у меня еще нѣтъ влеченія къ этому,—зачѣмъ же я стану жертвовать чѣмъ нибудь для блестящаго положенія только потому, что, по мнѣнію другихъ, оно пріятно? Для того, что не нужно мнѣ самой,—я не пожертвую ничѣмъ, не только собой, даже малѣйшимъ капризомъ не пожертвую. Я хочу быть независима и жить по-своему; что нужно мнѣ самой, на то я готова, чего мнѣ не нужно, того не хочу и не хочу. Что нужно мнѣ будетъ, я не знаю; вы говорите: я молода, неопытна, со временемъ перемѣнюсь, — ну, чтожь, когда перемѣнюсь, тогда и перемѣнюсь, а теперь не хочу, не хочу, не хочу, ничего, ничего не хочу! А чего я хочу теперь? вы спрашиваете, — ну, да, я этого не знаю. Хочу ли я любить мужчину?—Я не знаю,—вѣдь я вчера поутру, когда вставала, не знала, что мнѣ захочется полюбить васъ; за нѣсколько часовъ до того, какъ полюбила васъ, не знала, что полюблю, и не знала, какъ это я буду чувствовать, когда полюблю васъ. Такъ теперь я не знаю, что я буду чувствовать, если я полюблю мужчину, я знаю только то, что не хочу никому поддаваться, хочу быть свободна, не хочу никому быть обязана ничѣмъ, чтобы никто не смѣлъ сказать мнѣ: ты обязана дѣлать для меня что-нибудь! Я хочу дѣлать только то, чего будутъ хотѣть, и пусть другіе дѣлаютъ также; я не хочу ни отъ кого требовать ничего, я хочу не стѣснять ничьей свободы и сама хочу быть свободна.

Жюли слушала и задумывалась, задумывалась и краснѣла, и—вѣдь она не могла не вспыхивать, когда подлѣ былъ огонь, — вскочила и прерывающимся голосомъ заговорила:

— Такъ, дитя мое, такъ! Я и сама бы такъ чувствовала, еслибъ не была развращена. Не тѣмъ я развращена, за что называютъ женщину погибшей, не тѣмъ, что было со мною, что я терпѣла, отъ чего страдала, не тѣмъ я развращена, что тѣло мое было предано поруганью, а тѣмъ, что я привыкла къ праздности, къ роскоши, не въ силахъ жить сама собою, нуждаюсь въ другихъ. Угождаю, дѣлаю то, чего не хочу—вотъ это развратъ! не слушай того, что я тебѣ говорила, дитя мое: я развращала тебя—вотъ мученье! я не могу прикасаться къ чистому, не оскверняя; бѣги меня, дитя мое, я гадкая женщина.— не думай о свѣтѣ! тамъ всѣ гадкіе, хуже меня: гдѣ праздность, тамъ гнусность, гдѣ роскошь, тамъ гнусность!—Бѣги, бѣги!

VII.

Сторешниковъ чаще и чаще началъ думать: а что, какъ я въ самомъ дѣлѣ возьму, да женюсь на ней? Съ нимъ произошелъ случай, очень обыкновенный въ жизни не только людей несамостоятельныхъ въ его родѣ, а даже и людей съ независимымъ характеромъ. Даже въ исторіи народовъ: этими слу-

чаями наполнены томы Юма и Гиббона, Ранке и Тьерри; люди толкаются въ одну сторону, только потому, что не слышатъ слова: „а попробуйте-ко, братцы, толкнуться въ другую“, — услышать, и начнутъ поворачиваться направо кругомъ, и пошли толкаться въ другую сторону. Сторешниковъ слышалъ и видѣлъ, что богатые молодые люди приобретаютъ себѣ хорошенькихъ небогатыхъ дѣвушекъ въ любовницы, — ну, онъ и добивался сдѣлать Вѣрочку своею любовницею: другого слова не приходило ему въ голову; слышалъ онъ другое слово: „можно жениться“, — ну, и сталъ думать на тему „жена“, какъ прежде думалъ на тему „любовница“.

Это общая черта, по которой Сторешниковъ очень удовлетворительно изображалъ въ своей особѣ девять десятыхъ долей исторіи рода человѣческаго. Но историки и психологи говорятъ, что въ каждомъ частномъ фактѣ общая причина „индивидуализируется“ (по ихъ выраженію) мѣстными, временными, племенными и личными элементами, и будто-бы они-то, особенные-то элементы, и важны, — то есть, что всѣ ложки хотя и ложки, но каждый хлебаетъ супъ или щи тою ложкою, которая у него, именно вотъ у него въ рукѣ, и что именно вотъ эту-то ложку надобно разсматривать. Почему не разсмотрѣть.

Главное уже сказала Жюли (точно читала она русскіе романы, которые всѣ объ этомъ упоминаютъ!): сопротивленіе разжигаетъ охоту. Сторешниковъ привыкъ мечтать, какъ онъ будетъ „обладать“ Вѣрочкою. Подобно Жюли, я люблю называть грубыя вещи прямыми именами грубаго и пошлаго языка, на которомъ почти всѣ мы почти постоянно думаемъ и говоримъ. Сторешниковъ уже нѣсколько недѣль занимался тѣмъ, что воображалъ себѣ Вѣрочку въ разныхъ позахъ, и хотѣлось ему, чтобы эти картины осуществились. Оказалось, что она не осуществитъ ихъ въ званіи любовницы, — ну, пусть осуществляетъ въ званіи жены; это все равно, главное дѣло не званіе, а позы, то есть обладаніе. О, грязь! о, грязь! — „обладать“ — кто смѣетъ обладать человѣкомъ? Обладаютъ халатомъ, туфлями. — Пустяки: почти каждый изъ насъ, мужчинъ, обладаетъ кѣмъ нибудь изъ васъ, наши сестры; опять, пустяки: какія вы намъ сестры? — вы наши лакейки! Иныя изъ васъ, — многія — господствуютъ надъ нами — это ничего: вѣдь и многіе лакеи властвуютъ надъ своими барамъ.

Мысли о позахъ разыгрались въ Сторешниковѣ послѣ театра съ такою силою, какъ еще никогда. Показавши пріятелямъ любовницу своей фантазіи, онъ увидѣлъ, что любовница гораздо лучше, чѣмъ онъ думалъ. Вѣдь красоту, все равно, что умъ, что всякое другое достоинство, большинство людей оцениваетъ съ точностью только по общему отзыву. Всякій видитъ, что красивое лицо красиво, а до какой именно степени оно красиво, какъ это разберешь, пока рангъ не опредѣленъ дипломомъ? Вѣрочку въ галлерей или въ послѣднихъ рядахъ креселъ, конечно, не замѣчали; но когда она явилась въ ложѣ 2-го яруса, на нее было наведено много биноклей; а сколько похвалъ ей слышалъ Сторешниковъ, когда, проводивъ ее, отправился въ фойе! а Сержъ? о, это человѣкъ съ самымъ тонкимъ вкусомъ! — а Жюли? — ну, нѣтъ, когда наклеивается такое счастье, тутъ нечего разбирать, подъ какимъ званіемъ „обладать“ имъ.

Самолюбіе было раздражено вмѣстѣ съ сладострастіемъ. Но оно было бы затронуто и съ другой стороны: „она едва-ли пойдетъ за васъ“ — какъ? не

пойдетъ за него, при такомъ мундирѣ и домѣ! нѣтъ, врешь, французенка, пойдеть! вотъ пойдеть же, пойдеть!

Была и еще одна причина въ томъ же родѣ: мать Сторешникова, конечно, станетъ противиться женитьбѣ — мать въ этомъ случаѣ представительница свѣта, — а Сторешниковъ до сихъ поръ трусилъ матери, и, конечно, тяготился своею зависимою отъ нея. Для людей безхарактерныхъ очень завлекательна мысль: „я не боюсь; у меня есть характеръ“.

Конечно, было и желаніе подвинуться въ своей свѣтской карьерѣ черезъ жену.

А ко всему этому прибавлялось, что вѣдь Сторешниковъ не смѣлъ показаться къ Вѣрочкѣ въ прежней роли, а между тѣмъ такъ и тянетъ посмотрѣть на нее.

Словомъ, Сторешниковъ съ каждымъ днемъ все тверже думалъ жениться, и черезъ недѣлю, когда Марья Алексѣвна, въ воскресенье, вернувшись отъ поздней обѣдни, сидѣла и обдумывала, какъ ловить его, онъ самъ явился съ предложеніемъ. Вѣрочка не выходила изъ своей комнаты, онъ могъ говорить только съ Марьею Алексѣвною. Марья Алексѣвна, конечно, сказала, что она съ своей стороны считаетъ себѣ за большую честь, но, какъ любящая мать, должна узнать мнѣніе дочери и просить пожаловать за отвѣтомъ завтра по-утру.

— Ну, молодецъ дѣвка моя Вѣра, — говорила мужу Марья Алексѣвна, удивленная такимъ быстрымъ оборотомъ дѣла: — гляди-ко, какъ она забрала молодца-то въ руки! А я думала, думала, не знала, какъ и умъ приложить! думала, много хлопотъ мнѣ будетъ опять его заманить, думала, испорчено все дѣло, а она, моя голубушка, не портила, а къ доброму концу вела, — знала, какъ надо поступать. Ну, хитра, нечего сказать.

— Господь умудряетъ младенцы, — произнесъ Павелъ Константинычъ.

Онъ рѣдко игралъ роль въ домашней жизни. Но Марья Алексѣвна была строгая хранительница добрыхъ преданій, и въ такомъ нарядномъ случаѣ, какъ объявленіе дочери о предложеніи, она назначить мужу ту почетную роль, какая по праву принадлежитъ главѣ семейства и владыкѣ. Павелъ Константинычъ и Марья Алексѣвна уѣхали на диванѣ, какъ на торжественнѣйшемъ мѣстѣ, и послали Матрену просить барышню пожаловать къ нимъ.

— Вѣра, — началъ Павелъ Константинычъ, — Михайлъ Ивановичъ дѣлаетъ намъ честь, просить твоей руки. Мы отвѣчали, какъ любящіе тебя родители, что принуждать тебя не будемъ, но что съ одной стороны рады. Ты, какъ добрая и послушная дочь, какою мы тебя всегда видѣли, положишься на нашу опытность, что мы не смѣли отъ Бога молить такого жениха. Согласна, Вѣра?

— Нѣтъ, — сказала Вѣрочка.

— Что ты говоришь, Вѣра? — закричалъ Павелъ Константинычъ: — дѣло было такъ ясно, что и онъ могъ кричать, не освѣдомившись у жены, какъ ему поступать.

— Съ ума ты сошла, дура! Смѣй повторить, мерзавка-ослушница! — закричала Марья Алексѣвна, подымаясь съ кулаками на дочь.

— Позвольте, маменька, — сказала Вѣра, вставая: — если вы до меня до-тронетесь, я уйду изъ дому, запрете — брошусь изъ окна. Я знала какъ вы примете мой отказъ и обдумала, что мнѣ дѣлать. Сядьте и сидите, или я уйду.

Марья Алексѣвна опять усѣлась.—Экая глупость сдѣлана, передняя-то дверь не заперта на ключъ! задвижку-то въ одну секунду отодвинетъ—не поймашь, уйдетъ! вѣдь бѣшеная!

— Я не пойду за него. Безъ моего согласія не станутъ вѣнчать.

— Вѣра, ты съума сошла,—говорила Марья Алексѣвна задыхающимся голосомъ.

— Какъ же это можно? Что же мы ему скажемъ завтра? — говорилъ отецъ.

— Вы невиноваты передъ нимъ, что я несогласна.

Часа два продолжалась сцена. Марья Алексѣвна бѣсилась, двадцать разъ начинала кричать и сжимала кулаки, но Вѣрочка говорила: „не вставайте, или я уйду“. Бились, бились, ничего не могли сдѣлать. Покончилось тѣмъ, что вошла Матрена и спросила, подавать ли обѣдъ—пирогъ уже перестоялся.

— Подумай до вечера, Вѣра, одумайся, дура! — сказала Марья Алексѣвна и шепнула что-то Матренѣ.

— Маменька, вы что-то хотите сдѣлать надо мною, вынуть ключъ изъ двери моей комнаты, или что-нибудь такое. Не дѣлайте ничего: хуже будетъ.

Марья Алексѣвна сказала кухаркѣ: „не надо“. — Экой звѣрь какой. Вѣрка-то! Какъ-бы не за рожу ея онъ ее бралъ, въ кровь бы ее всю избить. а теперь какъ тронуть? Изуродуетъ себя, проклятая!

Пошли обѣдать. Обѣдали молча. Послѣ обѣда Вѣрочка ушла въ свою комнату, Павелъ Константинычъ прилегъ, по обыкновенію, соснуть. Но это не удалось ему: только что сталъ онъ дремать, вошла Матрена и сказала, что хозяйскій человѣкъ пришелъ: хозяйка проситъ Павла Константиныча сейчасъ же пожаловать къ ней.—Матрена вся дрожала, какъ осиновый листъ: ей-то какое дѣло дрожать?

VIII.

А какъ же прикажете ей не дрожать, когда черезъ нее сочинилась вся эта бѣда? Какъ только она позвала Вѣрочку къ маменькѣ и маменькѣ, тотчасъ же побѣжала сказать женѣ хозяина позара, что „вашъ баринъ сосваталъ нашу барышню“: призывали младшую горничную хозяйки, стали упрекать, что она не по пріятельски себя ведетъ, ничего имъ до сихъ поръ не сказала; младшая горничная не могла взять въ толкъ, за какую скрытность порицаютъ ее—она никогда ничего не скрывала; ей сказали — „я сама ничего не слышала“, — передъ нею извинились, что напрасно ее поклепали въ скрытности; она побѣжала сообщить новость старшей горничной, старшая горничная сказала: „значить, это онъ сдѣлалъ потихоньку отъ матери, коли я ничего не слыхала, ужъ я все-то должна знать, что Анна Петровна знаетъ“, и пошла сообщить барынѣ. Вотъ какую исторію надѣлала Матрена! „Язычекъ мой проклятый, много онъ меня губил!“ — думала она. Вѣдь дослѣдуетъ Марья Алексѣвна, черезъ кого вышло наружу. Но дѣло пошло такъ, что Марья Алексѣвна забыла дослѣдовать, черезъ кого оно вышло.

Анна Петровна ахала, ахала, два раза упала въ обморокъ. — наединѣ

со старшею горничною; значитъ, сильно была огорчена, и послала за сыномъ. Сынъ явился.

— Мишель, справедливо ли то, что я слышу? (тономъ гнѣвнаго страданія).

— Что вы слышали, маман?

— То, что ты сдѣлалъ предложеніе этой... этой... этой... дочери нашего управляющаго?

— Сдѣлалъ, маман.

— Не спросивъ мнѣнія матери?

— Я хотѣлъ спросить вашего согласія, когда получу ея.

— Я полагаю, что въ ея согласіи ты могъ быть болѣе увѣренъ, чѣмъ въ моемъ.

— Маман, такъ нынче принято, что прежде узнають о согласіи дѣвушки, потомъ уже говорятъ родственникамъ.

— Это по-твоему принято? быть можетъ, по-твоему также принято: сыновьямъ хорошихъ фамилій жениться Богъ знаетъ на комъ, а матерямъ соглашаться на это?

— Она, маман, не Богъ-знаетъ-кто; когда вы узнаете ее, вы одобрите мой выборъ.

— „Когда я узнаю ее?“ — я никогда не узнаю ее! „одобрю твой выборъ!“ — я запрещаю тебѣ всякую мысль объ этомъ выборѣ! слышишь, запрещаю!

— Маман, это не принято нынче; я не маленький мальчикъ, чтобъ вамъ нужно было водить меня за руку. Я самъ знаю, куда иду.

— Ахъ! — Анна Петровна закрыла глаза.

Передъ Марьею Алексѣвною, Жюли, Вѣрочкою Михайлъ Ивановичъ наговаривалъ, но вѣдь онѣ были женщины съ умомъ и характеромъ; а тутъ, по части ума бой былъ равный, и если по характеру былъ небольшой перевѣсъ на сторонѣ матери, то у сына была подъ ногами надежная почва; онъ до сихъ поръ боялся матери, по привычкѣ, но они оба твердо помнили, что вѣдь по настоящему-то, хозяйка-то не хозяйка, а хозяйнова мать, не больше, что хозяйкинынъ сынъ не хозяйкинынъ сынъ, а хозяйинъ. Потому-то хозяйка и медлила рѣшительныхъ словомъ „запрещаю“, тянула разговоръ, надѣясь сбить и утомить сына прежде, чѣмъ дойдетъ до настоящей схватки. Но сынъ запелъ уже такъ далеко, что нельзя было вернуться, и онъ по необходимости долженъ былъ держаться.

— Маман, увѣряю васъ, что лучшей дочери вы не могли бы имѣть.

— Извергъ! убійца матери!

— Маман, будемте разсуждать хладнокровно. Раньше или позже жениться надобно, а женатому человѣку нужно больше расходовъ, чѣмъ холостому. Я бы могъ, пожалуй, жениться на такой, что всѣ доходы съ дома понадобятся бы на мое хозяйство. А она будетъ почтительною дочерью, и мы могли бы жить съ вами, какъ до сихъ поръ.

— Извергъ! убійца мой! уйди съ моихъ глазъ!

— Маман, не сердитесь: я ничѣмъ не виноватъ.

— Женитса на какой-то дрянн, и не виноватъ.

— Ну, теперь, маман, я самъ уйду. Я не хочу, чтобы при мнѣ называли ее такими именами.

— Убійца мой! — Анна Петровна упала въ обморокъ, а Мишель ушелъ, довольный тѣмъ, что бодро выдержалъ первую сцену, которая важнѣе всего.

Видя, что сынъ ушелъ, Анна Петровна прекратила обморокъ. Сынъ рѣшительно отбивается отъ рукъ! Въ отвѣтъ на „запрещаю!“ онъ объясняетъ, что домъ принадлежитъ ему! — Анна Петровна подумала, подумала, излила свою скорбь старшей горничной, которая въ этомъ случаѣ совершенно раздѣляла чувства хозяйки по презрѣнію къ дочери управляющаго, посоветовалась съ нею и послала за управляющимъ.

— Я была до сихъ поръ очень довольна вами, Павелъ Константинычъ; но теперь интриги, въ которыхъ вы, можетъ быть, и не участвовали, могутъ заставить меня поссориться съ вами.

— Ваше превосходительство, я ни въ чемъ тутъ не виноватъ, Богъ свѣдѣтель.

— Мнѣ давно было извѣстно, что Мишель волочится за вашей дочерью. Я не мѣшала этому, потому что молодому человѣку нельзя же жить безъ развлеченій. Я снисходительна къ шалостямъ молодыхъ людей. Но я не потеряю униженія своей фамилии. Какъ ваша дочь осмѣлилась забрать себѣ въ голову такіе виды?

— Ваше превосходительство, она не осмѣливалась имѣть такихъ видовъ. Она почтительная дѣвушка, мы ее воспитали въ уваженіи.

— То-есть, что это значить?

— Она, ваше превосходительство, противъ вашей воли никогда не посмѣетъ.

Анна Петровна ушамъ своимъ не вѣрила. Неужели въ самомъ дѣлѣ такое благополучіе?

— Вамъ должна быть извѣстна моя воля... Я не могу согласиться на такой странный, можно сказать, неприличный бракъ.

— Мы это чувствуемъ, ваше превосходительство, и Вѣрочка чувствуетъ. Она такъ и сказала: я не смѣю, говорить, прогнѣвать ихъ превосходительство.

— Какъ же это было?

— Такъ было, ваше превосходительство, что Михаилъ Ивановичъ выразили свое намѣреніе моей женѣ, а жена сказала имъ, что я вамъ, Михаилъ Ивановичъ, ничего не скажу до завтраго утра, а мы съ женою были намѣрены, ваше превосходительство, явиться къ вамъ и доложить обо всемъ, потому что какъ въ теперешнее позднее время не осмѣливались тревожить ваше превосходительство. А когда Михаилъ Ивановичъ ушли, мы сказали Вѣрочкѣ, и она говоритъ: я съ вами, папенька и маменька, совершенно согласна, что намъ объ этомъ думать не слѣдуетъ.

— Такъ она благоразумная и честная дѣвушка?

— Какъ же, ваше превосходительство, почтительная дѣвушка!

— Ну, я этому очень рада, что мы можемъ остаться съ вами въ дружбѣ. Я награжу васъ за это. Теперь же готова наградить. По парадной лѣстницѣ, гдѣ живетъ портной, квартира во-2-мъ этажѣ вѣдь свободна?

— Черезъ три дня освободится, ваше превосходительство.

— Возьмите ее себѣ. Можете израсходовать до ста рублей на отдѣлку. Прибавляю вамъ и жалованья 240 р. въ годъ.

— Позвольте попросить ручку у вашего превосходительства!

— Хорошо, хорошо. Татьяна!—Вошла старшая горничная.—Найди мое синее бархатное пальто. Это я дарю вашей женѣ. Оно стоитъ 150 р. (85 р.), а его только два раза (гораздо болѣе 20) надѣвала! Это я дарю вашей дочери.—Анна Петровна подала управляющему очень маленькіе дамскіе часы,—я за нихъ заплатила 300 р. (120 р.). Я умѣю награждать, и впередъ не забуду. Я снисходительна къ шалостямъ молодыхъ людей.

Отпустивъ управляющаго, Анна Петровна опять кликнула Татьяну.—Попросить ко мнѣ Михаила Ивановича,—или итъ, лучше я сама пойду къ нему.—Она побоялась, что посланница передастъ лакею сына, а лакей сыну содержаніе извѣстій, сообщенныхъ управляющимъ, и букетъ выдохнется, не такъ шибнетъ сыну въ носъ отъ ея словъ.

Михаиль Ивановичъ лежалъ, и не безъ нѣкотораго довольства покручивалъ усы.—„Это еще зачѣмъ пожаловала сюда-то? Вѣдь у меня итъ нюхательныхъ спиртовъ отъ обмороковъ“. думалъ онъ, вставая при появленіи матери. Но онъ увидѣлъ на ея лицѣ презрительное торжество.

Она сѣла, сказала:—„Садитесь, Михаилъ Ивановичъ, и мы поговоримъ“,—и долго смотрѣла на него съ улыбкою; наконецъ произнесла:—Я очень довольна, Михаилъ Ивановичъ; отгадайте, чѣмъ я довольна?

— Я не знаю, что и подумать, *тапан*; вы такъ странно...

— Вы увидите, что нисколько не странно; подумайте, можетъ быть, и отгадаете.

Опять долгое молчаніе. Онъ теряется въ недоумѣніяхъ, она наслаждается торжествомъ.

— Вы не можете отгадать,—я вамъ скажу. Это очень просто и натурально; если бы въ васъ была искра благороднаго чувства, вы отгадали бы. Ваша любовница,—въ прежнемъ разговорѣ Анна Петровна лавировала, теперь ужъ нечего было лавировать: у непріятеля отнято средство побѣдить ее,—ваша любовница,—не возражайте, Михаилъ Ивановичъ, вы сами повсюду разглашали, что она ваша любовница,—это существо низкаго происхожденія, низкаго воспитанія, низкаго поведенія,—даже это презрѣнное существо...

— Матап, я не хочу слушать такихъ выраженій о дѣвушкѣ, которая будетъ моею женою.

— Я и не употребляла бъ ихъ, если бы полагала, что она будетъ вашею женою. Но я и начала съ тою цѣлью, чтобы объяснить вамъ, что этого не будетъ, и почему не будетъ. Дайте же мнѣ докончить. Тогда вы можете свободно порицать меня за тѣ выраженія, которые тогда останутся неумѣстны по вашему мнѣнію, но теперь дайте мнѣ докончить. Я хочу сказать, что ваша любовница, это существо безъ имени, безъ воспитанія, безъ поведенія, безъ чувства, —даже она поняла все неприличіе вашего намѣренія...

— Что? Что такое, *матап*? говорите же!

— Вы сами задерживаете меня. Я хотѣла сказать, что даже она,—понимаете ли, даже она! —умѣла понять и оцѣнить мои чувства, даже она, узнавши отъ матери о вашемъ предложеніи, прислала своего отца сказать мнѣ, что не возстанетъ противъ моей воли и не обезчеститъ нашей фамиліи своимъ замазаннымъ именемъ.

— Матап, вы обманываете?

— Къ моему и вашему счастью, нѣтъ. Она говоритъ, что...

Но Михаила Ивановича уже не было въ комнатѣ, онъ уже накидывалъ шинель.

— Держи его, Петръ, держи его!—закричала Анна Петровна. Петръ разинулъ ротъ отъ такого чрезвычайнаго распоряженія, а Михаилъ Ивановичъ уже сбѣгалъ по лѣстницѣ.

IX.

— Ну, что? спросила Марья Алексѣвна входящаго мужа.

— Отлично, матушка; она ужъ знала и говоритъ: какъ вы осмѣливаетесь? а я говорю: мы не осмѣливаемся, ваше превосходительство, и Вѣрочка ужъ отказала.

— Что? что? Ты такъ съ дуру-то и бухнулъ, осель?

— Марья Алексѣвна...

— Осель! подлецъ! убилъ! зарѣзалъ! Вотъ же тебѣ!—мужъ получилъ пощечину.—Вотъ же тебѣ!—другая пощечина.—Вотъ какъ тебя надобно учить, дурака!—Она схватила его за волоса и начала таскать. Урокъ продолжался не мало времени, потому что Сторешниковъ, послѣ длинныхъ паузъ и назиданій матери, вбѣжавшій въ комнату, засталъ Марью Алексѣвну еще въ полномъ жару преподаванія.

— Осель, и дверь-то не заперъ,—въ какомъ видѣ чужіе люди застанутъ! стыдился бы, свинья ты этакая!—только и нашлась сказать Марья Алексѣвна.

— Гдѣ Вѣра Павловна? Мнѣ нужно видѣть Вѣру Павловну, сейчасъ же! неужели она отказываетъ?

Обстоятельства были такъ трудны, что Марья Алексѣвна только махнула рукою. То же самое случилось и съ Наполеономъ послѣ Ватерлооской битвы, когда маршалъ Груши оказался глупъ, какъ Павелъ Константиновичъ, а Лафайетъ сталъ бунить, какъ Вѣрочка: Наполеонъ тоже бился, бился, совершалъ чудеса искусства,—и остался ни при чемъ, и могъ только махнуть рукою и сказать: отрекаюсь отъ всего, дѣлай, кто хочетъ, что хочетъ, и съ собою, и со мною.

Вѣра Павловна! Вы отказываете мнѣ?

— Судите сами, могу ли не отказать вамъ.

— Вѣра Павловна! я жестоко оскорбилъ васъ, я виноватъ, достоинъ казни, но не могу перенести вашего отказа—и такъ дальше, и такъ дальше.

Вѣрочка слушала его нѣсколько минутъ; наконецъ, пора же прекратить—это тяжело:

— Нѣтъ, Михаилъ Ивановичъ, довольно; перестаньте. Я не могу согласиться.

— Но если такъ, я прошу у васъ одной пощады: вы теперь еще слишкомъ живо чувствуете, какъ я оскорбилъ васъ... не давайте мнѣ теперь отвѣта, оставьте мнѣ время заслужить ваше прощенье! Я кажусь вамъ низокъ, подлѣ, но посмотрите, быть можетъ, я исправлюсь, я употреблю всѣ силы на то, чтобъ исправиться! помогите мнѣ, не отталкивайте меня теперь, дайте мнѣ время, я буду во всемъ слушаться васъ! вы увидите, какъ я покоренъ: быть можетъ, вы увидите во мнѣ и что-нибудь хорошее, дайте мнѣ время.

— Мнѣ жаль васъ, — сказала Вѣрочка: — я вижу искренность вашей любви (Вѣрочка, это еще вовсе не любовь, это смѣсь разной гадости съ разной дрянью, — любовь не то; не всякій тотъ любить женщину, кому непріятно получить отъ нея отказъ, — любовь вовсе не то, — но Вѣрочка еще не знаетъ этого, и растрогана), — вы хотите, чтобъ я не давала вамъ отвѣта — извольте. Но предупреждаю васъ, что отсрочка ни къ чему не поведетъ: я никогда не дамъ вамъ другого отвѣта, кромѣ того, какой дала нынче.

— Я заслужу, заслужу другой отвѣтъ, вы спасаете меня! — онъ схватилъ ея руку и сталъ цаловать.

Марья Алексѣвна вошла въ комнату, и въ порывѣ чувства хотѣла благословить милыхъ дѣтей безъ формальности, то-есть безъ Павла Константиныча. потомъ позвать его и благословить парадно. Сторешниковъ разбилъ половину ея радости, объяснивъ ей съ поцалуями, что Вѣра Павловна, хотя и не согласилась, но и не отказала, а отложила отвѣтъ. Плохо, но все-таки хорошо сравнительно съ тѣмъ, что было.

Сторешниковъ возвратился домой съ побѣдою. Опять явился на сцену домъ, и опять Аннѣ Петровнѣ приходилось только падать въ обмороки.

Марья Алексѣвна рѣшительно не знала, что и думать о Вѣрочкѣ. Дочь и говорила, и какъ будто бы поступала рѣшительно противъ ея намѣреній. Но выходило то, что дочь побѣдила всѣ трудности, съ которыми не могла сладить Марья Алексѣвна. Если судить по ходу дѣла, то оказывалось: Вѣрочка хочетъ того же, чего и она, Марья Алексѣвна, только, какъ ученая и тонкая штука, обрабатываетъ свою матерію другимъ манеромъ. Но если такъ, зачѣмъ же она не скажетъ Марьѣ Алексѣвнѣ: матушка, я хочу одного съ вами, будьте спокойны! или ужъ она такъ озлоблена на мать, что и то самое дѣло, въ которомъ обѣ должны бы дѣйствовать заодно, она хочетъ вести безъ матери? Что она медлитъ отвѣтомъ, это понятно для Марьи Алексѣвны: она хочетъ совершенно вышkolить жениха, такъ чтобъ онъ безъ неядохнуть не смѣлъ, и вынудить покорность у Анны Петровны. Очевидно, она хитрѣе самой Марьи Алексѣвны. Когда Марья Алексѣвна размышляла, размышленія приводили ее именно къ такому взгляду. Но глаза и уши постоянно свидѣтельствовали противъ него. А между тѣмъ, какъ же быть, если онъ и ошибоченъ, если дочь дѣйствительно не хочетъ идти за Сторешникова? Она такой звѣрь, что неизвестно, какъ ее укротить. По всей вѣроятности, негодная Вѣрка не хочетъ выходить замужъ, — это даже несомнѣнно, — здравый смыслъ былъ слишкомъ силенъ въ Марьѣ Алексѣвнѣ, чтобы обольститься хитрыми ея же собственными раздумьями о Вѣрочкѣ, какъ о тонкой интриганкѣ; но эта дѣвчонка устраиваетъ все такъ, что если выйдетъ (а чортъ ее знаетъ, что у ней на умѣ, можетъ быть и это!), то дѣйствительно уже будетъ полной госпожей и надъ мужемъ, и надъ его матерью, и надъ домомъ, — что-жъ остается? Ждать и смотрѣть, больше ничего нельзя. Теперь Вѣрка еще не хочетъ, а попривыкнетъ, шутя и захочетъ, — ну, и принужнуть можно будетъ... только во время! а теперь надо только ждать, когда придетъ это время. Марья Алексѣвна и ждала. Но соблазнительна была для нея мысль, осуждаемая ея здравымъ смысломъ, что Вѣрка ведетъ дѣло къ свадьбѣ. Все, кромѣ словъ и поступковъ Вѣрочки, подтверждало эту мысль: женихъ былъ шелковый. Мать жениха бо-

ролась недѣли три, но сынъ побивалъ ее домою, и она стала смиряться. Выѣздила желаніе познакомиться съ Вѣрочкой, — Вѣрочка не отправилась къ ней. Въ первую минуту Марья Алексѣвна подумала, что еслибъ она была на мѣстѣ Вѣрочки, она поступила бы умнѣе, отправилась бы, но подумавъ, поняла, что не отправиться — гораздо умнѣе. О, это хитрая штука! — и точно: недѣли черезъ двѣ, Анна Петровна зашла сама, подъ предлогомъ посмотреть новую отдѣлку новой квартиры, была холодна, язвительно любезна; Вѣрочка послѣ двухъ-трехъ ея колкихъ фразъ ушла въ свою комнату; пока она не ушла, Марья Алексѣвна не думала, что нужно уйти, думала, что нужно отвѣчать колкостями на колкости, но когда Вѣрочка ушла, Марья Алексѣвна сейчасъ поняла: да, уйти лучше всего, — пусть ее допекаетъ сынъ, это лучше! Недѣли черезъ двѣ Анна Петровна опять зашла, и уже не выставила предлоговъ для посѣщенія, сказала просто, что зашла навѣстить, и при Вѣрочкѣ не говорила колкостей.

Такъ шло время. Женихъ дѣлалъ подарки Вѣрочкѣ; они дѣлались черезъ Марью Алексѣвну и, конечно, оставались у ней, подобно часамъ Анны Петровны, впрочемъ, не всѣ; иные, которые подешевле, Марья Алексѣвна отдавала Вѣрочкѣ подъ именемъ вещей, оставшихся невыкупленными въ залогъ: надобно же было, чтобы женихъ видѣлъ хоть нѣкоторыя изъ своихъ вещей на невѣстѣ. Онъ видѣлъ и убѣждался, что Вѣрочка рѣшилась согласиться — иначе не принимала бы его подарковъ; почему-жъ она медлитъ? онъ самъ понималъ, и Марья Алексѣвна указывала, почему: она ждетъ, пока совершенно объѣздитъ Анна Петровна... И онъ съ удвоеннымъ усердіемъ гонялъ на кордѣ свою родительницу, — занятіе, доставлявшее ему не мало удовольствія.

Такимъ образомъ, Вѣрочку оставляли въ покоѣ, смотрѣли ей въ глаза. Эта собачья угодливость была ей гадка, она старалась какъ можно меньше быть съ матерью. Мать перестала осмѣливаться входить въ ея комнату, и когда Вѣрочка сидѣла тамъ, то есть, почти круглый день, ее не тревожили. Михаилу Ивановичу позволяла она иногда заходить и въ ея комнату. Онъ былъ съ нею послушенъ, какъ ребенокъ: она велѣла ему читать, — онъ читалъ усердно, будто готовился къ экзамену; толку изъ чтенія извлекалъ мало, но все-таки кое-какой толкъ извлекалъ; она старалась помогать ему разговорамъ, — разговоры были ему понятнѣе книгъ, и онъ дѣлалъ кое-какіе успѣхи. медленные, очень маленькіе, но все-таки дѣлалъ. Онъ уже началъ нѣсколько приличнѣе прежняго обращаться съ матерью, сталъ предпочитать гоняныю на кордѣ простое держанье въ уздѣ.

Такъ прошло три-четыре мѣсяца. Было перемиріе, было спокойствіе, но съ каждымъ днемъ могла разразиться гроза, и у Вѣрочки замирало сердце отъ тяжелаго ожиданія — не нынче, такъ завтра, или Михаилъ Ивановичъ, или Марья Алексѣвна приступятъ съ требованіемъ согласія, — вѣдь не вѣкъ же они будутъ терпѣть. Если бы я хотѣлъ сочинять эффектные столкновенія, я-бъ и далъ этому положенію трескучую развязку; но ея не было на дѣлѣ: еслибъ я хотѣлъ заманивать неизвѣстностью, я бы не сталъ говорить теперь же, что ничего подобнаго не произошло: но я пишу безъ уловокъ, и потому впередъ говорю: трескучаго столкновенія не будетъ, положеніе развяжется безъ бѣды, безъ громовъ и молній.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первая любовь и законный бракъ.

I.

Извѣстно, какъ въ прежнія времена оканчивались подобныя положенія: отличная дѣвушка въ гадкомъ семействѣ; насильно навязываемый женихъ пошлый человѣкъ, который ей не нравится, который самъ по себѣ былъ дрянноватымъ человѣкомъ, и становился бы чѣмъ дальше, тѣмъ дряннѣе, но, насильно держась подлѣ нея, подчиняется ей и понемногу становится похожъ на человѣка такъ себѣ, не хорошаго, но и не дурного. Дѣвушка начинала тѣмъ, что не пойдетъ за него; но постепенно привыкала имѣть его подъ своею командою и, убѣждаясь, что изъ двухъ золъ—такого мужа и такого семейства, какъ ея родное, мужъ зло меньшее, осчастливливала своего поклонника: сначала было ей гадко, когда она узнавала, что такое значить осчастливливать безъ любви; но мужъ былъ послушенъ; стерпится—слюбится, и она обращалась въ обыкновенную хорошую даму, то есть женщину, которая сама-то по себѣ и хороша, но примирилась съ пошлостью и, живя на землѣ, только контитъ небо.—Такъ бывало прежде съ отличными дѣвушками, такъ бывало прежде и съ отличными юношами, которые все обращались въ хорошихъ людей, живущихъ на землѣ тоже только затѣмъ, чтобы контитъ небо. Такъ бывало прежде, потому что порядочныхъ людей было слишкомъ мало: такіе, видно, были урожаи на нихъ въ прежнія времена, что росъ „колося отъ колоса, не слышать и голоса“. А вѣкъ не проживешь ни одинокою, ни одинокимъ, не зачехнувши,—вотъ, они и зачехли, или примирились съ пошлостью.

Но теперь, чаще и чаще стали другіе случаи: порядочные люди стали встрѣчаться между собою. Да и какъ же не случаться этому все чаще и чаще, когда число порядочныхъ людей растетъ съ каждымъ новымъ годомъ? А со временемъ, это будетъ самымъ обыкновеннымъ случаемъ, а еще со временемъ, и не будетъ бывать другихъ случаевъ, потому что все люди будутъ порядочные люди. Тогда будетъ очень хорошо.

Вѣрочкѣ и теперь хорошо. Я потому и рассказываю (съ ея согласія) ея жизнь, что, сколько я знаю, она одна изъ первыхъ женщинъ, жизнь которыхъ устроилась хорошо. Первые случаи имѣютъ историческій интересъ. Первая ласточка очень интересуется сѣверныхъ жителей.

Случай, съ котораго стала устраиваться ея жизнь хорошо, былъ такого рода. Надобно стало готовить въ гимназію маленькаго брата Вѣрочки. Отецъ сталъ спрашивать у сослуживцевъ дешеваго учителя. Одинъ изъ сослуживцевъ рекомендовалъ ему медицинскаго студента Лопухова.

Разъ пять или шесть Лопуховъ былъ на своемъ новомъ урокѣ, прежде чѣмъ Вѣрочка и онъ увидѣли другъ друга. Онъ сидѣлъ съ Федеемъ въ одномъ концѣ квартиры, она въ другомъ концѣ, въ своей комнатѣ. Но дѣло подходило къ экзаменамъ въ академіи: онъ перенесъ уроки съ утра на вечеръ,

потому что по утрамъ ему нужно заниматься, и когда пришелъ вечеромъ, то засталъ все семейство за чаемъ.

На диванѣ сидѣли лица знакомыя: отецъ, мать ученика, подлѣ матери, на стулѣ, ученикъ, а нѣсколько поодаль лицо незнакомое—высокая стройная дѣвушка, довольно смуглая, съ черными волосами—„густые, хорошіе волоса“—съ черными глазами—„глаза хорошіе, даже очень хорошіе“—съ южнымъ типомъ лица.—„какъ будто изъ Малороссіи: пожалуй, скорѣе даже кавказскій типъ; ничего, очень красивое лицо, только очень холодное, это ужъ не по южному; здоровье хорошее: насъ, медиковъ, поубавилось бы, если бы такой былъ народъ! да, румянецъ здоровый, и грудь широкая,—не познакомится со стетоскопомъ. Когда войдетъ въ свѣтъ, будетъ производить эффектъ. А впрочемъ, не интересуюсь“.

И она посмотрѣла на вошедшаго учителя. Студентъ былъ уже не юноша, человѣкъ средняго роста, или нѣсколько повыше средняго, съ темными каштановыми волосами, съ правильными, даже красивыми чертами лица, съ гордымъ и смѣлымъ видомъ—„не дуренъ и, должно быть, добръ, только слишкомъ серьезенъ“.

Она не прибавила въ мысляхъ: а впрочемъ не интересуюсь“. потому что и вопроса не было, станетъ ли она имъ интересоваться. Развѣ Одея не говорилъ ей столько, что скучно стало и слушать?—„Онъ, сестрица, добрый, только не разговорчивый А я ему, сестрица, сказалъ, что вы у насъ красавица, а онъ, сестрица, сказалъ: „ну такъ что же?“ а я, сестрица, сказалъ: да вѣдь красавицъ всѣ любятъ, а онъ сказалъ: „всѣ глупые любятъ“, а я сказалъ: а развѣ вы ихъ не любите? а онъ сказалъ: „мнѣ некогда“.—А я ему, сестрица, сказалъ: такъ вы съ Вѣрочкою не хотите познакомиться? а онъ сказалъ: „у меня и безъ нея много знакомыхъ“.—Это все наболталъ Одея вскорѣ послѣ перваго же урока, и потомъ болталъ все въ томъ же родѣ, съ разными такими прибавленіями: „а я ему, сестрица, нынче сказалъ, что на васъ всѣ смотрятъ, когда вы гдѣ бываете, а онъ, сестрица, сказалъ: „ну, и прекрасно“; а я ему сказалъ: а вы на нее не хотите посмотрѣть? а онъ сказалъ: „еще увижу“.—Или, потомъ: „а я ему, сестрица, сказалъ, какія у васъ ручки маленькія, а онъ, сестрица, сказалъ: „вамъ болтать хочется, такъ развѣ не о чемъ другомъ, полюбопытнѣ“.

И учитель узналъ отъ Оеди все, что требовалось узнать о сестрицѣ: онъ останавливалъ Оеди отъ болтовни о семейныхъ дѣлахъ, да какъ вы помѣшаете девятилѣтнему ребенку выболтать вамъ все, если не запугаете его? на пятомъ словѣ вы успѣваете перервать его, но ужъ поздно,—вѣдь дѣти начинаютъ безъ приступа, прямо съ сущности дѣла: и въ перемежку съ другими объясненіями всякихъ другихъ семейныхъ дѣлъ, учитель слышалъ такія начала рѣчей: „А у сестрицы женихъ-то богатый! А маменька говоритъ: женихъ-то глупый!“ „А ужъ маменька какъ за женихомъ-то ухаживаетъ!“ „А маменька говоритъ: сестрица ловко жениха поймала!“ „А маменька говоритъ: я хитра, а Вѣрочка хитрѣе меня!“ „А маменька говоритъ: мы женихову-то мать изъ дому выгонимъ“, и такъ дальше.

Натурально, что, при такихъ свѣдѣніяхъ другъ о другѣ, молодые люди имѣли мало охоты знакомиться. Впрочемъ, мы знаемъ пока только, что это было

натурально со стороны Вѣрочки: она не стояла на той степени развитія, чтобы стараться „побѣждать дикарей“ и „сдѣлать этого медвѣдя ручнымъ“, — да и не до того ей было: она рада была, что ее оставляютъ въ покоѣ; она была разбитый, измученный человѣкъ, которому какъ-то посчастливилось прилечь такъ, что сломанная рука затихла, и боль въ боку не слышна, и который боится пошевелиться, чтобъ не возобновилась прежняя ломота во всѣхъ составахъ. Куда ужъ ей пускаться въ новыя знакомства, да еще съ молодыми людьми?

Да, Вѣрочка такъ; ну, а онъ? Дикарь онъ, судя по словамъ Ѳеи. и голова его набита книгами, да анатомическими препаратами, составляющими самую милую пріятность, самую сладостнѣйшую пищу души для хорошаго медицинскаго студента. Или Ѳея навралъ на него?

II.

Нѣтъ, Ѳея не навралъ на него: Лопуховъ, точно, былъ такой студентъ, у котораго голова набита книгами, — какими, это мы увидимъ изъ библиографическихъ изслѣдованій Марьи Алексѣвны, — и анатомическими препаратами: не набивши голову препаратами, нельзя быть профессоромъ, а Лопуховъ рассчитывалъ на это. Но такъ какъ мы видимъ, что изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Ѳедею о Вѣрочкѣ, Лопуховъ не слишкомъ-то хорошо узналъ ее, слѣдовательно и свѣдѣнія, которыя сообщены Ѳедею объ учителѣ, надобно пополнить, чтобы хорошо узнать Лопухова.

По денежнымъ своимъ дѣламъ, Лопуховъ принадлежалъ къ тому очень малому меньшинству медицинскихъ вольнослушающихъ, то-есть, не живущихъ на казенномъ содержаніи студентовъ, которое не голодаетъ и не холодаетъ. Какъ и чѣмъ живетъ огромное большинство ихъ — это Богу, конечно, извѣстно, а людямъ непостижимо. Но нашъ разсказъ не хочетъ заниматься людьми, нуждающимися въ свѣстномъ продовольствіи: потому онъ упоминаетъ лишь въ двухъ-трехъ словахъ о времени, когда Лопуховъ находился въ такомъ неприличномъ состояніи.

Да и находился-то онъ въ немъ недолго, — года три, даже меньше. До медицинской академіи питался онъ въ изобиліи. Отецъ его, рязанскій мѣщанинъ, жилъ, по мѣщанскому званію, достаточно, то-есть его семейство имѣло ши съ мясомъ не по однимъ воскресеньямъ, и даже пило чай каждый день. Содержать сына въ гимназіи онъ кое-какъ могъ; впрочемъ, съ 15 лѣтъ, сынъ самъ облегчалъ это кое-какими уроками. Для содержанія сына въ Петербургѣ, ресурсы отца были неудовлетворительны: впрочемъ, въ первые два года, Лопуховъ получалъ изъ дому рублей по 35 въ годъ, да еще почти столько же доставалъ перепискою бумагъ по вольному найму въ одномъ изъ кварталовъ выборгской части. — только вотъ въ это-то время, онъ и нуждался. Да и то былъ самъ виноватъ: его было приняли на казенное содержаніе, но онъ завелъ какую-то ссору, и долженъ былъ удалиться на подножный кормъ. Когда онъ былъ въ третьемъ курсѣ, дѣла его стали поправляться: помощникъ квартальнаго надзирателя предложилъ ему уроки, потомъ стали находиться другіе уроки, и вотъ уже два года пересталъ нуждаться и больше года жилъ на одной квартирѣ, но не въ одной, а въ двухъ разныхъ комнатахъ. — значитъ, не бѣдно, — съ

другимъ такимъ же счастливецемъ, Кирсановымъ. Они были величайшіе друзья. Оба рано привыкли пробивать себѣ дорогу своей грудью, не имѣя никакой поддержки; да и вообще, между ними было много сходства, такъ что, если бы ихъ встрѣчать только порознь, то оба они казались бы людьми одного характера. А когда вы видѣли ихъ вмѣстѣ, то замѣчали, что хоть оба они люди очень солидные и очень открытые, но Лопуховъ нѣсколько сдержаннѣе, его товарищъ—нѣсколько экспансивнѣе. Мы теперь видимъ только Лопухова, Кирсановъ явится гораздо позднѣе, а врознь отъ Кирсанова о Лопуховѣ можно замѣтить только то, что надобно было бы повторять и о Кирсановѣ. Напримѣръ, Лопуховъ больше всего былъ теперь занятъ, какъ устроить свою жизнь по окончаніи курса, до котораго осталось ему лишь нѣсколько мѣсяцевъ, какъ и Кирсанову, а планъ будущности былъ у нихъ обоихъ одинаковый.

Лопуховъ положительно зналъ, что будетъ ординаторомъ (врачомъ) въ одномъ изъ петербургскихъ военныхъ госпиталей—это считается большимъ счастьемъ,—и скоро получить кафедру въ Академіи. Практикой онъ не хотѣлъ заниматься. Это черта любопытная; въ послѣднія лѣтъ десять стала являться между нѣкоторыми лучшими изъ медицинскихъ студентовъ рѣшимость не заниматься, по окончаніи курса, практикою, которая одна даетъ медуку средства для достаточной жизни, и при первой возможности бросить медицину для какой-нибудь изъ ея вспомогательныхъ наукъ—для физиологіи, химіи, чего-нибудь подобнаго. А вѣдь каждый изъ этихъ людей знаетъ, что, занявшись практикою, онъ имѣлъ бы въ 30 лѣтъ громкую репутацію, въ 35 лѣтъ—обеспеченіе на всю жизнь, въ 45—богатство. Но они разсуждаютъ иначе: видите ли, медицина находится теперь въ такомъ младенческомъ состояніи, что нужно еще не лечить, а только готовить будущимъ врачамъ матеріалы для умѣня лечить. И вотъ они, для пользы любимой науки,—они ужасные охотники бранить медицину, только посвящаютъ все свои силы ея пользѣ,—они отказываются отъ богатства, даже отъ довольства, и сидятъ въ госпиталяхъ, дѣлая, видите ли, интересныя для науки наблюденія, рѣжутъ лягушекъ, вскрываютъ сотни труповъ ежегодно, и при первой возможности обзаводятся химическими лабораторіями. Съ какою степенью строгости исполняютъ они эту высокую рѣшимость, зависитъ, конечно, отъ того, какъ устроивается ихъ домашняя жизнь: если не нужно для близкихъ имъ, они такъ и не начинаютъ заниматься практикою, то есть, оставляютъ себя почти въ нищетѣ; но если заставляетъ семейная необходимость, то обзаводятся практикою на столько, на сколько нужно для семейства, то-есть въ очень небольшомъ размѣрѣ, и лечатъ лишь людей, которые дѣйствительно больны и которыхъ дѣйствительно можно лечить при нынѣшнемъ еще жалкомъ положеніи науки, то-есть, больныхъ вовсе невыгодныхъ. Вотъ къ этимъ-то людямъ принадлежали Лопуховъ и Кирсановъ. Они должны были въ томъ году кончить курсъ и объявили, что будутъ держать (или, какъ говорится въ Академіи: сдавать) экзаменъ прямо на степень доктора медицины; теперь они оба работали для докторскихъ диссертаций и уничтожали громадное количество лягушекъ; оба они выбрали своею спеціальностью нервную систему, и, собственно говоря, работали вмѣстѣ; но для диссертационной формы, работа была раздѣлена: одинъ вписывалъ въ матеріалы для своей диссертации факты, замѣчаемыя обоими по одному вопросу, другой—по другому.

Однако, пора же наконецъ говорить объ одномъ Лопуховѣ. Было время, онъ порядкомъ кутилъ; это было, когда онъ сидѣлъ безъ чаю, иной разъ безъ сапогъ. Такое время очень благоприятно для кутежа не только со стороны готовности, но и со стороны возможности: пить дешевле, чѣмъ ѣсть и одѣваться. Но кутежъ былъ слѣдствіемъ тоски отъ невыносимой нищеты, не больше. Теперь давно ужъ не было человѣка, который велъ бы болѣе строгую жизнь. — и не въ отношеніи къ одному вину. Въ старину, у Лопухова было довольно много любовныхъ приключеній. Однажды, напримѣръ, произошла такая исторія, что онъ влюбился въ заѣзжую танцовщицу. Какъ тутъ быть? онъ подумалъ, подумалъ, да и отправился къ ней на квартиру. — „Что вамъ угодно?“ — „Присланъ отъ графа такого-то съ письмомъ“. — Студенческій мундиръ былъ безъ затрудненія принять слугою за писарскій или какой-нибудь особенный деньщицкій. — „Давайте письмо. Отвѣта будете ждать?“ — „Графъ приказалъ ждать“. Слуга возвратился въ удивленіи. — „Велѣла васъ позвать къ себѣ“. — Такъ вотъ онъ, вотъ онъ! Кричитъ мнѣ всегда такъ, что даже изъ уборной различаю его голосъ. Много разъ отводили васъ въ полицію за неистовства въ мою честь!“ — „Два раза“. — „Мало. Ну, зачѣмъ вы здѣсь?“ — „Видѣть васъ“. — Прекрасно. А что дальше?“ — „Не знаю. Что хотите“. — „Ну, я знаю, что хочу. Я хочу завтракать. Видите, приборъ на столѣ. Садитесь и вы“. — Подали другой приборъ. Она смѣялась надъ нимъ, онъ смѣялся надъ собою. Онъ молодъ, недурень собою, неглупъ, — да и оригинально, — почему не подурачиться съ нимъ? Дурачилась съ нимъ недѣли двѣ, потомъ сказала: „убирайтесь!“ — „Да я ужъ и самъ хотѣлъ, да неловко было!“ — „Значитъ расстаемся друзьями?“ — Обнялись еще разъ, и отлично. — Но это было давно, года три назадъ, а теперь, года два ужъ, онъ бросилъ всякія шалости.

Кромѣ товарищей, да двухъ — трехъ профессоровъ, предвидѣвшихъ въ немъ хорошаго дѣятеля науки, онъ видѣлся только съ семействами, въ которыхъ давалъ уроки. Но съ этими семействами онъ только видѣлся: онъ какъ огня боялся фамиллярности, и держалъ себя очень сухо, холодно со всѣми лицами въ нихъ, кромѣ своихъ маленькихъ учениковъ и ученицъ.

III.

Итакъ, Лопуховъ вошелъ въ комнату, увидѣлъ общество, сидѣвшее за чайнымъ столомъ, въ томъ числѣ и Вѣрочку: ну, конечно, и общество увидѣло, въ томъ числѣ и Вѣрочка увидѣла, что въ комнату вошелъ учитель.

— Прошу садиться, сказала Марья Алексѣвна: — Матрена, дай еще стаканъ.

— Если это для меня, то благодарю васъ: я не буду пить.

— Матрена, не нужно стакана. (Благосчитанный молодой человѣкъ!). Почему же не будете? Выкушали бы.

Онъ смотрѣлъ на Марью Алексѣвну, но тутъ, какъ нарочно, взглянулъ на Вѣрочку, — а можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ нарочно? Можетъ быть, онъ замѣтилъ, что она слегка пожала плечами? „А вѣдь онъ увидѣлъ, что я покраснѣла“.

— Благодарю васъ; я пью чай только дома.

„Однакоже онъ вовсе не такой дикарь, онъ вошелъ и поклонился легко, свободно“, — замѣчается про себя на одной сторонѣ стола. — „Однакожь, если она и испорченная дѣвушка, то, по крайней мѣрѣ, стыдится пошлостей матери“, замѣчается на другой сторонѣ стола.

Но Федя скоро кончилъ чай и отправился учиться. Такимъ образомъ, важнѣйшій результатъ вечера былъ только тотъ, что Марья Алексѣвна составила себѣ выгодное мнѣніе объ учителѣ, видя, что ея сахарница, вѣроятно, не будетъ терпѣть большого ущерба отъ перенесенія уроковъ съ утра на вечеръ.

Черезъ два дня, учитель опять нашелъ семейство за чаемъ, и опять отказался отъ чаю и тѣмъ окончательно успокоилъ Марью Алексѣвну. Но въ этотъ разъ онъ увидѣлъ за столомъ еще новое лицо — офицера, передъ которымъ лебезила Марья Алексѣвна. „А! женихъ!“

А женихъ, сообразно своему мундиру и дому, почелъ нужнымъ не просто увидѣть учителя, а, увидѣвъ, смѣрять его съ головы до ногъ небрежнымъ, медленнымъ взглядомъ, принятымъ въ хорошемъ обществѣ. Но едва онъ началъ снимать мѣрку, какъ почувствовалъ, что учитель — не то, чтобы снимаетъ тоже съ него самого мѣрку, а даже хуже: смотритъ ему прямо въ глаза. да такъ прилежно, что, вмѣсто продолженія мѣрки, женихъ сказалъ: „А трудная ваша часть, мсьё Лопуховъ, — я говорю, докторская часть“.

— Да, трудная. — И все продолжаетъ смотрѣть прямо въ глаза.

Женихъ почувствовалъ, что лѣвою рукою, неизвѣстно зачѣмъ, перебираетъ вторую и третью сверху пуговицы своего вицъ-мундира: ну, если дѣло дошло до пуговицъ, значитъ, уже нѣтъ иного спасенія, какъ поскорѣ допивать стаканъ, чтобы спросить у Марьи Алексѣвны другой.

— На васъ, если не ошибаюсь, мундиръ такого-то полка?

— Да, я служу въ такомъ-то полку. — отвѣчаетъ Михаилъ Ивановичъ.

— И давно служите?

— Девять лѣтъ.

— Прямо поступили на службу въ этотъ полкъ?

— Прямо.

— Имѣете роту, или еще нѣтъ?

— Нѣтъ, еще не имѣю. — (Да онъ меня допрашиваетъ, точно я къ нему ординарцемъ явился).

— Скоро надѣетесь получить?

— Нѣтъ еще.

— Гм. — Учитель почелъ достаточнымъ и прекратилъ допросъ, еще разъ пристально посмотрѣвши въ глаза воображаемому ординарцу.

„Однако же — однако же“ думаетъ Вѣрочка. — что такое „однако же?“ — Наконецъ нашла, что такое это „однако же“ — „однако же, онъ держитъ себя такъ, какъ держалъ бы Сержъ, который тогда пріѣзжалъ съ доброю Юли. Какой же онъ дикарь? Но почему же онъ такъ странно говорить о дѣвушкахъ, о томъ, что красавицы любятъ глуые п — и — что такое „п“ — нашла что такое „п“ — и почему же онъ не хотѣлъ ничего слушать обо мнѣ, сказалъ, что это не любопытно?

— Вѣрочка, ты сыграла бы что-нибудь на фортопьянахъ, мы съ Ми-

хаиломъ Иванычемъ послушали бы! говорить Марья Алексѣвна, когда Вѣрочка ставить на столъ вторую чашку.

— Пожалуй.

— Если бы вы спѣли что-нибудь, Вѣра Павловна, прибавляетъ заискивающимъ тономъ Михаилъ Ивановичъ.

— Пожалуй.

Однакожь, это „пожалуй“ звучить похоже на то, что „я готова, чтобы только отвязаться“. — думаетъ учитель. И вѣдь вотъ уже минутъ пять онъ сидитъ тутъ, и хоть на нее не смотрѣлъ, но знаетъ, что она ни разу не взглянула на жениха, кромѣ того, когда теперь вотъ отвѣчала ему. А тутъ посмотрѣла на него точно такъ, какъ смотрѣла на мать и на отца. — холодно, и вовсе не любезно. Тутъ что-то не такъ, какъ рассказывалъ Одея. Впрочемъ, скорѣе всего, дѣйствительно, дѣвушка гордая, холодная, которая хочетъ войти въ большой свѣтъ, чтобы господствовать и блистать; ей непріятно, что не нашелся для этого женихъ получше; но презирая жениха, она принимаетъ его руку, потому что нѣтъ другой руки, которая ввела бы ее туда, куда хочется войти. А впрочемъ, это нѣсколько интересно.

— Одея, а ты допивай поскорѣе, замѣтила мать.

— Не торопите его, Марья Алексѣвна, я хочу послушать, если Вѣра Павловна позволитъ.

Вѣрочка взяла первыя ноты, какія попались, даже не посмотрѣвъ, что это такое, раскрыла тетрадь опять, гдѣ попалось, и стала играть машинально. — все равно, чтобы ни сыграть, лишь бы поскорѣе отдѣлаться. Но пьеса попала съ смысломъ, что-то изъ какой-то порядочной оперы, и скоро игра дѣвушки одушевилась. Кончивъ, она хотѣла встать.

— Но вы обѣщались спѣть, Вѣра Павловна; если бы я смѣлъ, я попросилъ бы васъ пропѣть изъ Риголетто (въ ту зиму, *la donna è mobile* была модною арією).

— Извольте. — Вѣрочка пропѣла *la donna è mobile*, встала и ушла въ свою комнату.

„Нѣтъ, она не холодная дѣвушка безъ души. Это интересно“.

— Не правда ли, хорошо? сказалъ Михаилъ Ивановичъ учителю уже простымъ голосомъ, и безъ сниманія мѣрки; — вѣдь ненужно быть въ дурныхъ отношеніяхъ съ такими людьми, которые допрашиваютъ ординарцевъ. — почему жъ не заговорить безъ претензій съ учителемъ, чтобы онъ не сердился!

— Да, хорошо.

— А вы знатокъ въ музыкѣ.

— Такъ себѣ.

— И сами музыкантъ?

— Нѣсколько.

У Марьи Алексѣвны, слушавшей разговоръ, блеснула счастливая мысль.

— А на чемъ вы играете, Дмитрій Сергѣичъ? — спросила она.

— На фортепьяно.

— Можно ли попросить васъ доставить намъ удовольствіе?

— Очень радъ. Онъ сыгралъ какую-то пьесу. Игралъ онъ не Богъ знаетъ какъ, но такъ себѣ, пожалуй и недурно.

Когда онъ оканчивалъ урокъ, Марья Алексѣвна подошла къ нему и сказала, что завтра у нихъ маленькій вечеръ—день рожденія дочери, и что она просить его пожаловать.

Понятно, въ кавалерахъ недостатокъ, по обычаю всѣхъ такихъ вечеровъ: но ничего, онъ посмотритъ поближе на эту дѣвушку.—въ ней или съ ней есть что-то интересное. — „Очень благодаренъ буду“. — Но учитель ошибся: Марья Алексѣвна имѣла цѣль гораздо болѣе важную для нея, чѣмъ для танцующихъ дѣвицъ.

Читатель, ты, конечно, знаешь впередъ, что на этомъ вечерѣ будетъ объясненіе, что Вѣрочка и Лопуховъ полюбятъ другъ друга! — Разумѣется, такъ.

IV.

Марья Алексѣвна хотѣла сдѣлать большой вечеръ въ день рожденія Вѣрочки, а Вѣрочка упрашивала, чтобы не звали никакихъ гостей: одной хотѣлось устроить выставку жениха, другой выставка была тяжела. Поладили на томъ, чтобы сдѣлать самый маленькій вечеръ, пригласить лишь нѣсколько человѣкъ близкихъ знакомыхъ. Позвали сослуживцевъ (конечно, постарше чинами и повыше должностями) Павла Константиныча, двухъ пріятельницъ Марьи Алексѣвны, трехъ дѣвушекъ, которыя были короче другихъ съ Вѣрочкой.

Осматривая собравшихся гостей, Лопуховъ увидѣлъ, что въ кавалерахъ нѣтъ недостатка; при каждой изъ дѣвицъ находился молодой человѣкъ, кандидатъ въ женихи или и вовсе женихъ. Стало быть, Лопухова пригласили въ качествѣ кавалера; зачѣмъ же? Подумавши, онъ вспомнилъ, что приглашенію предшествовало испытаніе его игры на фортепьяно. Стало быть, онъ позванъ для сокращенія расходовъ, чтобы не брать тапера. „Хорошо,—подумалъ онъ:—извините, Марья Алексѣвна“, и подошелъ къ Павлу Константинычу.

— А что, Павелъ Константинычъ, пора бы устроить вистъ: видите, старички-то скучаютъ!

— А вы по какой играете?

— По всякой.

Тотчасъ же составила партія, и Лопуховъ успѣлъ играть. Академія на выборгской сторонѣ—классическое учрежденіе по части картъ. Тамъ не рѣдкость, что въ какомъ-нибудь номерѣ (т.-е. комнатъ казенныхъ студентовъ) играютъ полтора сутокъ съ ряду. Надобно признаться, что суммы, находящіяся въ оборотѣ на карточныхъ столахъ, тамъ гораздо меньше, чѣмъ въ англійскомъ клубѣ, но уровень искусства игроковъ выше. Сильно игрывалъ въ свое—то-есть въ безденежное—время и Лопуховъ.

— Mesdames, какъ же быть?—играть поочередно, это такъ; но вѣдь насъ остается только семь; будетъ недоставать кавалера или дамы для кадрили.

Первый робберъ оканчивался, когда одна изъ дѣвицъ, самая бойкая, подлетѣла къ Лопухову.

— Мсьё Лопуховъ, вы должны танцовать.

— Съ однимъ условіемъ,—сказалъ онъ, вставая и кланяясь.

— Съ какимъ?

— Я прошу у васъ первую кадрили.

— Ахъ, Боже мой, я на первую ангажирована: вторую—извольте.

Лопуховъ снова сдѣлалъ глубокий поклонъ. Двое изъ кавалеровъ поочередно играли. На третью кадрили Лопуховъ просилъ Вѣрочку, — первую она танцевала съ Михайломъ Ивановичемъ, вторую—онъ съ бойкой дѣвицею.

Лопуховъ наблюдалъ Вѣрочку и окончательно убѣдился въ ошибочности своего прежняго понятія о ней, какъ о бездушной дѣвушкѣ, холодно выходящей по расчету за человѣка, котораго презираетъ; онъ видѣлъ передъ собою обыкновенную молоденькую дѣвушку, которая отъ души танцуетъ, хохочетъ; да къ стыду Вѣрочки надобно сказать, что она была обыкновенная дѣвушка, любившая танцевать. Она настаивала, чтобы вечера вовсе не было, но вечеръ устроился, маленькій, безъ выставки, стало быть, неотяготительный для нея, и она, — чего никакъ не ожидала, — забыла свое горе; въ эти годы горевать такъ не хочется, бѣгать, хохотать и веселиться такъ хочется, что малѣйшая возможность забыть заставляетъ забыть на время горе. Лопуховъ былъ расположенъ теперь въ ея пользу, но ему все еще было непонятно многое.

Онъ былъ заинтересованъ странностью положенія Вѣрочки.

— Мелѣ Лопуховъ, я никакъ не ожидала видѣть васъ танцующимъ, — начала она.

— Почему же? развѣ это такъ трудно, танцевать?

— Вообще—конечно, нѣтъ; для васъ—разумѣется, да.

— Почему жѣ для меня?

— Потому что я знаю вашу тайну, — вашу и Оедину: вы пренебрегаете женщинами.

Оеда не совѣмъ вѣрно понялъ мою тайну: я не пренебрегаю женщинами, но я избѣгаю ихъ, — и знаете, почему? у меня есть невѣста, очень ревнивая, которая, чтобы заставить меня избѣгать ихъ, рассказала мнѣ ихъ тайну.

— У васъ есть невѣста?

— Да.

— Вотъ неожиданность! студентъ — и ужъ обрученъ! Она хороша собою, вы влюблены въ нее?

— Да, она красавица и я очень люблю ее.

— Она брюнетка или блондинка?

— Этого я не могу вамъ сказать. Это тайна.

— Ну, Богъ съ нею, когда тайна. Но какую же тайну женщинъ она открыла вамъ, чтобы заставить васъ избѣгать ихъ общества?

— Она замѣтила, что я не люблю быть въ дурномъ расположеніи духа, и шепнула мнѣ такую ихъ тайну, что я не могу видѣть женщину безъ того, чтобы не придти въ дурное расположеніе духа, — и потому я избѣгаю женщинъ.

— Вы не можете видѣть женщину безъ того, чтобы не придти въ дурное расположеніе духа? Однако, вы не мастеръ говорить комплименты.

— Какъ же сказать иначе? Жалѣть — значитъ быть въ дурномъ расположеніи духа.

— Развѣ мы такъ жалки?

— Да развѣ вы не женщина? Мнѣ стоитъ только сказать вамъ самое

задушевное ваше желаніе—и вы согласитесь со мною. Это общее желаніе всѣхъ женщинъ.

— Скажите, скажите.

— Вотъ оно: „ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось быть мужчиною!“ Я не встрѣчалъ женщины, у которой бы нельзя было найти эту задушевную тайну. А большею частью, нечего и доискиваться ее—она прямо высказывается, даже безъ всякаго вызова. какъ только женщина чѣмъ-нибудь разстроена,—тотчасъ же слышишь что-нибудь такое: „Бѣдныя мы существа, женщины!“ или: „мужчина совсѣмъ не то, что женщина“, или даже и такъ. прямыми словами: „Ахъ, зачѣмъ я не мужчина!“

Вѣрочка улыбнулась:—правда. это можно слышать отъ всякой женщины.

— Вотъ видите, какъ жалки женщины, что еслибы исполнилось задушевное желаніе каждой изъ нихъ, то на свѣтѣ не осталось бы ни одной женщины.

— Да, кажется такъ,—сказала Вѣрочка.

— Все равно, какъ не осталось бы на свѣтѣ ни одного бѣднаго, еслибы исполнилось задушевное желаніе каждого бѣднаго. Видите, какъ же не жалки женщины! Столько же жалки, какъ и бѣдные. Кому пріятно видѣть бѣдныхъ? Вотъ точно также непріятно мнѣ видѣть женщинъ, съ той поры, какъ я узналъ ихъ тайну. А она была мнѣ открыта моею ревнивою невѣстою въ самый день обрученія. До той поры, я очень любилъ бывать въ обществѣ женщинъ: послѣ того,—какъ рукою сняло. Невѣста вылечила.

— Добрая и умная дѣвушка ваша невѣста; да. мы, женщины—жалкія существа, бѣдныя мы!—сказала Вѣрочка:—только. кто же ваша невѣста? вы говорите такъ загадочно.

— Это моя тайна, которой Федя не разскажетъ вамъ. Я совершенно раздѣляю желанія бѣдныхъ, чтобъ ихъ не было. и когда-нибудь это желаніе исполнится: вѣдь раньше или позже мы съумѣемъ же устроить жизнь такъ, что не будетъ бѣдныхъ; но....

— Не будетъ?—перебила Вѣрочка:—я сама думала, что ихъ не будетъ: но какъ ихъ не будетъ, этого я не умѣла придумать,—скажите, какъ?

— Этого я одинъ не умѣю сказать: это умѣетъ разсказывать только моя невѣста; я здѣсь одинъ. безъ нея, могу сказать только: она заботится объ этомъ, а она очень сильная, она сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Но мы говоримъ не объ ней. а объ женщинахъ. Я совершенно согласенъ съ желаніемъ бѣдныхъ, чтобъ ихъ не было на свѣтѣ, потому что это и сдѣлаетъ моя невѣста. Но я не согласенъ съ желаніемъ женщинъ, чтобы женщинъ не было на свѣтѣ, потому что этому желанію нельзя исполниться: съ тѣмъ, чему быть нельзя, я не соглашусь. Но у меня есть другое желаніе: мнѣ хотѣлось бы, чтобы женщины подружались съ моею невѣстою.—она и о нихъ заботится, какъ заботится о многомъ, обо всемъ. Еслибы они подружались съ нею, у меня не было бы причины жалѣть ихъ, и у нихъ исчезло бы желаніе: „Ахъ, зачѣмъ я не родилась мужчиною!“ При знакомствѣ съ нею. и женщинамъ было бы не хуже. чѣмъ мужчинамъ.

— Мсьё Лопуховъ! еще одну кадриль! непремѣнно!

— Похваляю васъ за это!—Онъ пожалъ ея руку, да такъ спокойно и серьезно. какъ будто онъ ея подруга или она его товарищъ.—Которую же?

— Последнюю.

— Хорошо.

Марья Алексѣвна нѣсколько разъ шмыгала мимо нихъ во время этой кадрили.

Что подумала Марья Алексѣвна о такомъ разговорѣ, если подслушала его? Мы, слышавшіе его весь, съ начала до конца, все скажемъ, что такой разговоръ во время кадрили — очень страненъ.

Пришла последняя кадрили.

— Мы все говорили обо мнѣ, — началъ Лопуховъ: — а вѣдь это очень нелюбезно съ моей стороны, что я все говорилъ о себѣ. Теперь я хочу быть любезнымъ, — говорить о васъ, Вѣра Павловна. Знаете, я былъ о васъ еще гораздо худшаго мнѣнія, чѣмъ вы обо мнѣ. А теперь... ну, да это послѣ. Но, все-таки, я не умѣю отвѣчать себѣ на одно. Отвѣчайте вы мнѣ. Скоро будетъ ваша свадьба?

— Никогда.

— Я такъ и думалъ, — въ послѣдніе три часа, съ той поры, какъ вышелъ сюда изъ-за карточнаго стола. Но зачѣмъ же онъ считается женихомъ?

— Зачѣмъ онъ считается женихомъ? — зачѣмъ! — одного я не могу сказать вамъ, мнѣ тяжело. А другое могу сказать: мнѣ жаль его. Онъ такъ любить меня. Вы скажете: надобно высказать ему прямо, что я думаю о нашей свадьбѣ — я говорила; онъ отвѣчаетъ: не говорите, это убиваетъ меня, молчите.

— Это вторая причина, а первую, которую вы не можете сказать мнѣ, я могу сказать вамъ: ваше положеніе въ семействѣ ужасно.

— Теперь оно сносно. Теперь меня никто не мучить. — ждутъ, и оставляютъ или почти оставляютъ одну.

— Но вѣдь это не можетъ такъ продолжаться много времени. Къ вамъ начнутъ приставать. Что тогда?

— Ничего. Я думала объ этомъ, и рѣшилась. Я тогда не останусь здѣсь. Я могу быть актрисой. Какая это завидная жизнь! Независимость! Независимость!

— И аплодисменты.

— Да, и это пріятно. Но главное — независимость! Дѣлать, что хочу. — жить, какъ хочу, никого не спрашиваясь, ничего ни отъ кого не требовать, ни въ комъ, ни въ комъ не нуждаться! Я такъ хочу жить!

— Это такъ, это хорошо! Теперь у меня къ вамъ просьба: я узнаю, какъ это сдѣлать, къ кому надобно обратиться, — да?

— Благодарю. Вѣрочка пожала ему руку. — Дѣлайте это скорѣе: мнѣ такъ хочется скорѣе вырваться изъ этого гадкаго, несноснаго, унижительнаго положенія! Я говорю: „я спокойна, мнѣ сносно“ — развѣ это въ самомъ дѣлѣ такъ? Развѣ я не вижу, что дѣлается моимъ именемъ? Развѣ я не знаю, какъ думаютъ обо мнѣ все, кто здѣсь есть? Интригантка, хитритъ, хочетъ быть богата, хочетъ войти въ свѣтское общество, блистать, будетъ держать мужа подъ башмакомъ, вертѣтъ имъ, обманывать его. — развѣ я не знаю, что все обо мнѣ такъ думаютъ? Не хочу такъ жить, не хочу! — Вдругъ она задумалась. — Не смѣйтесь тому, что я скажу: вѣдь мнѣ жаль его. — онъ такъ меня любитъ!

— Онъ васъ любитъ? Такъ онъ на васъ смотритъ, какъ вотъ я, или нѣтъ? Такой у него взглядъ?

— Вы смотрите прямо, просто. Нѣтъ, вашъ взглядъ меня не обижаетъ.

— Видите, Вѣра Павловна, это оттого... Но все равно. А онъ такъ смотреть?

Вѣрочка покраснѣла и молчала.

— Значить, онъ васъ не любитъ. Это не любовь, Вѣра Павловна.

— Но... Вѣрочка не договорила и остановилась.

— Вы хотѣли сказать: но что-жъ это, если не любовь? Это пусть будетъ все равно. Но что это не любовь, вы сами скажете. Кого вы больше всѣхъ любите?—я говорю не про эту любовь,—но изъ родныхъ, изъ друзей?

— Кажется, никого особенно. Изъ нихъ никого сильно. Но нѣтъ, недавно мнѣ встрѣтилась одна очень странная женщина. Она очень дурно говорила мнѣ о себѣ, запретила мнѣ продолжать знакомство съ нею.—мы видѣлись по совершенно особенному случаю,—сказала, что когда мнѣ будетъ крайность, но такая, что оставалось бы только умереть, чтобы тогда я обратилась къ ней, но иначе — никакъ. Ее я очень полюбила.

— Вы желаете, чтобы она сдѣлала для васъ что-нибудь такое, что ей неприятно или вредно?

Вѣрочка улыбнулась.—Какъ же это можно?

— Но нѣтъ, представьте, что вамъ очень, очень нужно было бы, чтобы она сдѣлала для васъ что-нибудь, и она сказала бы вамъ: „если я это сдѣлаю, это будетъ мучить меня“,—повторили бы вы ваше требованіе, стали ли бы настаивать?

— Скорѣе умерла бы.

— Вотъ, вы сами говорите, что это — любовь. Только эта любовь — просто чувство, а не страсть. А что же такое любовь—страсть? Чѣмъ отличается страсть отъ простаго чувства? Силою. Значить, если при простомъ чувствѣ, слабомъ, слишкомъ слабомъ передъ страстью, любовь ставитъ васъ въ такое отношеніе къ человѣку, что вы говорите: „лучше умереть, чѣмъ быть причиною мученья для него“; если простое чувство такъ говоритъ, что же скажетъ страсть, которая въ тысячу разъ сильнѣе? Она скажетъ: „скорѣе умру, чѣмъ — не то что потребую, не то что попрошу,—а скорѣе, чѣмъ допущу, чтобы этотъ человѣкъ сдѣлалъ для меня что-нибудь, кромѣ того, что ему самому пріятно; умру скорѣе, чѣмъ допущу, чтобы онъ для меня сталъ къ чему-нибудь принуждать себя, въ чемъ-нибудь стѣснять себя“.—Вотъ такая страсть, которая говорить такъ, это—любовь. А если страсть не такая, то она страсть, но вовсе не любовь. И сейчасъ ухожу отсюда. Я все сказала. Вѣра Павловна.

Вѣрочка пожала ему руку.—До свиданья.—Что-жъ вы не поздравите меня? Вѣдь нынче день моего рожденія.

Лопуховъ посмотрѣлъ на нее.—Можетъ быть... можетъ быть! Если вы не ошиблись, хорошо для меня.

V.

Какъ это такъ скоро, какъ это такъ неожиданно — думаетъ Вѣрочка, одна въ своей комнатѣ, по окончаніи вечера:—„въ первый разъ говорили, и

стали такъ близки! за полчаса вовсе не знать другъ друга, и черезъ часъ видѣть, что стали такъ близки! какъ это странно!”

Нѣтъ, это вовсе не странно, Вѣрочка. У этихъ людей, какъ Лопуховъ, есть магическія слова, привлекающія къ нимъ всякое огорченное, обижаемое существо. Это ихъ невѣста подсказываетъ имъ такія слова. А вотъ что въ самомъ дѣлѣ странно, Вѣрочка—только не намъ съ тобою.—что ты такъ спокойна. Вѣдь думаютъ, что любовь—тревожное чувство. А ты заснешь такъ тихо, какъ ребенокъ, и не будутъ ни смущать, ни волновать тебя никакіе сны,—развѣ приснятся веселыя дѣтскія игры, фанты, горѣлки, или, можетъ быть, танцы, только тоже веселые, беззаботные. Это другимъ странно, а ты не знаешь, что это странно, а я знаю, что это не странно. Тревога въ любви—не самая любовь,—тревога въ ней что-нибудь не такъ, какъ слѣдуетъ быть, а сама она весела и беззаботна.

„Какъ это странно,—думаетъ Вѣрочка:—вѣдь я сама все это передумала, перечувствовала, что онъ говоритъ и о бѣдныхъ, и о женщинахъ, и о томъ, какъ надобно любить,—откуда я это взяла? Или это было въ книгахъ, которыя я читала?—Нѣтъ, тамъ не то: тамъ все это или съ сомнѣніями, или съ такими оговорками, и все это какъ будто что-то необыкновенное, невѣроятное. Какъ будто мечты, которыя хороши, да только не сбудутся! а мнѣ казалось, что это просто, проще всего, что это самое обыкновенное, безъ чего нельзя быть, что это вѣрно все такъ будетъ, что это вѣрнѣе всего! а вѣдь я думала, что это самыя лучшія книги. Вѣдь вотъ Жоржъ Зандъ — такая добрая, благонравная,—а у ней все это только мечты! или наши — нѣтъ, у нашихъ ужъ вовсе ничего этого нѣтъ. Или у Диккенса—у него это есть, только онъ какъ будто этого не надѣется; только желаетъ, потому что добрый, а самъ знаетъ, что этому нельзя быть. Какъ же они не знаютъ, что безъ этого нельзя, что это въ самомъ дѣлѣ надобно такъ сдѣлать, и что это непременно сдѣлается, чтобы вовсе никто не былъ ни бѣденъ, ни несчастенъ. Да развѣ они этого не говорятъ? Нѣтъ, имъ только жалко, а они думаютъ, что въ самомъ дѣлѣ такъ и останется, какъ теперь,—немного лучше будетъ, а все такъ же. А того они не говорятъ, что я думала. Если бы они *это* говорили, я бы знала, что умные и добрые люди такъ думаютъ; а то вѣдь мнѣ все казалось, что это только я такъ думаю, потому что я глупенькая дѣвочка, что кромѣ меня, глупенькой, никто такъ не думаетъ, никто этого въ самомъ дѣлѣ не ждетъ. А вотъ онъ говоритъ, что его невѣста растолковала всѣмъ, кто ее любить, что это именно все такъ будетъ, какъ мнѣ казалось, и растолковала такъ понятно, что всѣ они стали заботиться, чтобы это поскорѣе такъ было. Какая его невѣста умная! Только, кто-жь это она? Я узнаю, непременно узнаю. Да, вотъ хорошо будетъ, когда бѣдныхъ не будетъ, никто никого принуждать не будетъ, всѣ будутъ веселые, добрые, счастливые“...

И съ этимъ Вѣрочка заснула, и спала крѣпко, и ничего не видѣла во снѣ.

Нѣтъ, Вѣрочка, это не странно, что передумала и приняла къ сердцу все это ты, простенькая дѣвочка, не слышавшая и фамилій-то тѣхъ людей, которые стали этому учить и доказали, что этому такъ надо быть, что это непременно такъ будетъ, что этого не можетъ не быть; не странно, что ты поняла и приняла къ сердцу эти мысли, которыхъ не могли тебѣ ясно пред-

ставить твои книги: твои книги писаны людьми, которые учились этимъ мыслямъ, когда онѣ были еще мыслями; эти мысли казались удивительны, восхитительны,—и только. Теперь, Вѣрочка, эти мысли ужъ ясно видны въ жизни, и написаны другія книги, другими людьми, которые находятъ, что эти мысли хороши, но удивительнаго нѣтъ въ нихъ ничего, и теперь, Вѣрочка, эти мысли носятся въ воздухѣ, какъ ароматъ въ поляхъ, когда приходитъ пора цвѣтовъ; онѣ повсюду проникаютъ, ты ихъ слышала даже отъ твоей пьяной матери, говорившей тебѣ, что надобно жить и почему надобно жить обманомъ и обираниемъ; она хотѣла говорить противъ твоихъ мыслей, а сама развивала твои же мысли; ты ихъ слышала отъ наглой, испорченной французенки, которая таскаетъ за собою своего любовника, будто горничную, дѣлаетъ изъ него все, что хочетъ, и все-таки, лишь опомнится, находить, что она не имѣетъ своей воли, должна угождать, принуждать себя, что это очень тяжело,—ужъ ей ли, кажется, не житье съ ея Сергѣемъ, и добрымъ, и деликатнымъ, и мягкимъ,—а она говорить все-таки: „и даже мнѣ, такой дурной, такія отношенія дурны“. Теперь, Вѣрочка, не трудно набраться такихъ мыслей, какія у тебя. Но другіе не принимаютъ ихъ къ сердцу, а ты приняла—это хорошо, но тоже не странно: что-жъ страннаго, что тебѣ хочется быть вольнымъ и счастливымъ человѣкомъ! вѣдь это желаніе — не Богъ знаетъ какое головоломное открытіе, не Богъ знаетъ какой подвигъ геройства.

А вотъ что странно, Вѣрочка, что есть такіе же люди, у которыхъ нѣтъ этого желанія, у которыхъ совсѣмъ другія желанія, и имъ, пожалуй, покажется странно, съ какими мыслями ты, мой другъ, засыпаешь въ первый вечеръ твоей любви, что отъ мысли о себѣ, о своемъ миломъ, о своей любви ты перешла къ мыслямъ, что всѣмъ людямъ надобно быть счастливыми, и что надобно помогать этому скорѣе придти. А ты не знаешь, что это странно, а я знаю, что это не странно, что это одно и натурально, одно и по-человѣчески; просто по-человѣчески; — „я чувствую радость и счастье“ — значитъ „мнѣ хочется, чтобы всѣ люди стали радостны и счастливы“ — по-человѣчески, Вѣрочка, эти обѣ мысли одно. Ты добрая дѣвушка; ты неглупая дѣвушка; но ты меня извини, я ничего удивительнаго не нахожу въ тебѣ; можетъ быть, половина дѣвушекъ, которыхъ я зналъ и знаю, а можетъ быть и больше. чѣмъ половина,—я не считалъ, да и много ихъ, что считать-то,—не хуже тебя, а инья и лучше, ты меня прости.

Лонухову кажется, что ты удивительная дѣвушка, это такъ; но это не удивительно, что это ему кажется, — вѣдь онъ полюбилъ тебя! и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, что полюбилъ: тебя можно полюбить; а если полюбилъ, такъ ему такъ и должно казаться.

VІ.

Марья Алексѣвна шмыгала мимо дочери и учителя во время первой ихъ кадрили; но во время второй она не показывалась подлѣ нихъ, и вся была погружена въ хлопоты хозяйки по приготовленію закуски въ родѣ ужина. Ковчивъ эти заботы, она справилась объ учителѣ—учителя уже не было.

Черезъ два дня учитель пришелъ на урокъ. Подали самоваръ, — это всегда приходилось во время урока. Марья Алексѣвна вышла въ комнату, гдѣ учитель занимался съ Ѳедею; прежде звала Ѳедю Матрена; учитель хотѣлъ остаться на своемъ мѣстѣ, потому что вѣдь онъ не пьетъ чаю, и просмотритъ въ это время Ѳедину тетрадь, но Марья Алексѣвна просила его пожаловать посидѣть съ ними, ей нужно поговорить съ нимъ. Онъ пошелъ, сѣлъ за чайный столъ.

Марья Алексѣвна начала разспрашивать его о способностяхъ Ѳеди, о томъ, какая гимназія лучше, не лучше ли будетъ помѣстить мальчика въ гимназическій пансіонъ, — разспросы очень натуральные, только не рано ли немножко дѣлаются? Во время этого разговора она такъ усердно и любезно просила учителя выкушать чаю, что Лопуховъ согласился отступить отъ своего правила, взялъ стаканъ. Вѣрочка долго не выходила, — вышла; она и учитель обмѣнялись поклонами, будто ничего между ними не было, а Марья Алексѣвна все еще продолжала бесѣдовать о Ѳедѣ. Потомъ вдругъ круто поворотила разговоръ на самого учителя и стала разспрашивать, кто онъ, чтѣ онъ, какіе у него родственники, имѣютъ ли состояніе, какъ онъ живетъ, какъ думаетъ жить; учитель отвѣчалъ коротко и неопредѣленно, что родственники есть, живутъ въ провинціи, люди небогатые, онъ самъ живетъ уроками, останется медикомъ въ Петербургѣ; словомъ сказать, изъ всего этого не выходило ничего. Видя такое упорство, Марья Алексѣвна приступила къ дѣлу прямѣе:

— Вотъ вы говорите, что останетесь здѣсь докторомъ; а здѣшнимъ докторамъ, слава Богу, можно жить: еще не думаете о семейной жизни, или имѣете дѣвушку на примѣтѣ?

Что это? учитель ужъ и позабылъ-было про свою фантастическую невѣсту, хотѣлъ-было сказать „не имѣю на примѣтѣ“, но вспомнилъ: „ахъ, да вѣдь она подслушивала!“ Ему стало смѣшно, — вѣдь какую глупость тогда придумалъ! какъ это я сочинилъ такую аллегорію, да и вовсе не нужно было! ну вотъ, подите же, говорятъ, пропаганда вредна — вонъ, какъ на нее подѣйствовала пропаганда, когда у ней сердце чисто и нерасположено къ вредному; ну, подслушала и поняла, такъ мнѣ какое дѣло? — Какъ же, имѣю, — сказалъ Лопуховъ.

— Помолвлены или нѣтъ еще? — Помолвленъ. — И формально помолвлены, или только такъ, между собою говорили? — Формально помолвленъ.

Бѣдная Марья Алексѣвна! — Она слышала слова „моя невѣста“, — „ваша невѣста“ — „я ее очень люблю“ — „она красавица“, — и успокоилась на счетъ волокитства со стороны учителя; и вторую кадрили уже могла вполне отдать хлопотамъ о закускѣ въ родѣ ужина. Но ей хотѣлось пообстоятельнѣе и поосновательнѣе узнать эту успокоительную исторію. Она продолжала разспросы: вѣдь каждому пріятны успокоительные разговоры, да и во всякомъ случаѣ, любопытно, — вѣдь все любопытно. Учитель отвѣчалъ основательно, хотя, по своему правилу, кратко. — Хороша ли его невѣста? — Необыкновенно. — Есть ли приданое? — Теперь нѣтъ, но получаетъ большое наслѣдство. — Большое? — Очень большое. — Какъ велико? — Очень велико. — Тысячъ до ста? — Гораздо больше. — А сколько же? — Да что объ этомъ говорить, довольно того, что очень много. — Въ деньгахъ? — Есть и въ деньгахъ. — Можетъ быть, и въ помѣстьяхъ! — Да, есть и въ помѣстьяхъ. — Скоро? — Скоро. — А свадьба скоро ли? — Скоро. —

Такъ и слѣдуетъ, Дмитрій Сергѣичъ, покуда еще не получила наслѣдства, а то вѣдь отъ жениховъ отбою не будетъ.—Совершенная правда.—Да какъ это Богъ послалъ ему такое счастье, да какъ это не перехватили другіе? — Да такъ; почти еще никто не знаетъ, что она должна получить наслѣдство.—А онъ провѣдалъ? — Провѣдалъ.—Да какъ же? — Да онъ, признаться сказать, давно провѣдывалъ, ну, нашелъ.—И вѣрно разузналъ? — Еще бы, документы самъ провѣрялъ.—Самъ? — Самъ. Съ того и началъ.—Съ того и началъ? — Разумѣется, кто въ своемъ умѣ, безъ документовъ шагу не дѣлаетъ.—Правда, Дмитрій Сергѣичъ, не дѣлаетъ. Какое счастье-то! Вѣрно за молитвы родителей! — Вѣроятно.

Учитель и прежде понравился Марьѣ Алексѣвнѣ тѣмъ, что не пьетъ чаю; по всему было видно, что онъ человѣкъ солидный, основательный; говорилъ онъ мало — тѣмъ лучше, не вертопрахъ; но что говорилъ, то говорилъ хорошо — особенно о деньгахъ; но съ вечера третьяго дня она увидѣла, что учитель даже очень хорошая находка, по совершенному препятствію къ волокитству за дѣвушками въ семействахъ, гдѣ даетъ уроки: такое полное препятствіе рѣдко бываетъ у такихъ молодыхъ людей. А теперь она была въ полномъ удовольствіи отъ него. Въ самомъ дѣлѣ, какой солидный человѣкъ! и вѣдь не хвастался, что у него богатая невѣста: каждое слово изъ него надобно было клещами вытягивать. И какъ пронохивалъ-то, — видно, давно ужъ думалъ подыскивать богатую невѣсту, — и, поди, чать, какъ примазывался-то къ ней! Ну, этотъ, можно сказать, умѣетъ свои дѣла вести. И съ документовъ прямо такъ и началъ, да и говорить-то какъ! „безъ этого, говорить, нельзя, кто въ своемъ умѣ“ — рѣдкой основательности молодой человѣкъ!

Вѣрочка сначала едва удерживалась отъ слишкомъ замѣтной улыбки, но постепенно ей стало казаться, — какъ это ей стало казаться? — нѣтъ, это не такъ, нѣтъ, это такъ! что Лопуховъ хоть отвѣчалъ Марьѣ Алексѣвнѣ, но говорить не съ Марьей Алексѣвною, а съ нею, Вѣрочкою, что надъ Марьей Алексѣвною онъ подшучиваетъ, серьезно же и правду, и только правду говорить одной ей, Вѣрочкѣ.

Казалось ли только такъ Вѣрочкѣ, или въ самомъ дѣлѣ такъ было, кто знаетъ? Онъ зналъ, и она узнала; а намъ, пожалуй, и не нужно знать: намъ нужны только факты. А фактъ былъ тотъ, что Вѣрочка, слушавшая Лопухова сначала улыбаясь, потомъ серьезно, думала, что онъ говоритъ не съ Марьей Алексѣвною, а съ нею, и не шутя, а правду, а Марья Алексѣвна, съ самаго начала слушавшая Лопухова серьезно, обратилась къ Вѣрочкѣ и сказала: „другъ мой, Вѣрочка, что ты все такой букой сидишь? ты теперь съ Дмитріемъ Сергѣичемъ знакома, попросила бы его сыграть тебѣ въ аккомпаниментъ, а сама бы спѣла!“ и смыслъ этихъ словъ былъ: „мы васъ очень уважаемъ, Дмитрій Сергѣичъ, и желаемъ, чтобы вы были близкимъ знакомымъ нашего семейства; а ты, Вѣрочка, не дичись Дмитрія Сергѣича, я скажу Михаилу Ивановичу, что ужъ у него есть невѣста, и Михаилъ Ивановичъ тебя къ нему не будетъ ревновать“. — Это было для Вѣрочки и Дмитрія Сергѣича, — онъ теперь ужъ и въ мысляхъ Марьи Алексѣвны былъ не „учитель“, а „Дмитрій Сергѣичъ“; — а для самой Марьи Алексѣвны слова ея имѣли третій, самый естественный и настоящій смыслъ: „надо его приласкать: знакомство можетъ впоследствии приго-

даться, когда будетъ богатъ, шельма“; это былъ общій смыслъ словъ Марьи Алексѣвны для Марьи Алексѣвны, а кромѣ общаго, былъ въ нихъ для нея и частный смыслъ: „приласкавши, стану ему говорить, что мы люди небогатые, что намъ тяжело платить по цѣлковому за урокъ“. Вотъ сколько смысловъ имѣли слова Марьи Алексѣвны. Дмитрій Сергѣичъ сказалъ, что теперь онъ кончитъ урокъ, а потомъ съ удовольствіемъ поиграетъ на фортепьяно.

VII.

Много смысловъ имѣли слова Марьи Алексѣвны, и не меньше того имѣли они результатовъ. Со стороны частнаго смысла ихъ для нея самой, то-есть сбереженія платы за уроки, Марья Алексѣвна достигла большаго успѣха, чѣмъ сама разсчитывала: когда черезъ два урока она повела дѣлю о томъ, что они люди небогатые, Дмитрій Сергѣичъ сталъ торговаться, сильно торговался, долго не уступалъ, долго держался не трехъ-рублевымъ (тогда еще были трехъ-рублевые, т.-е., если помните, монета въ 75 к.); Марья Алексѣвна и сама не надѣялась спустить ниже, но, сверхъ чаянія, успѣла сбить на 60 к. за урокъ. Повидимому, частный смыслъ ея словъ, — надежда сбить плату, — противорѣчилъ ей же мнѣнію о Дмитріи Сергѣичѣ (не о Лопуховѣ, а о Дмитріи Сергѣичѣ), какъ объ алчномъ пройдохѣ: съ какой стати корыстолюбецъ будетъ поступаться въ деньгахъ для нашей бѣдности? а если Дмитрій Сергѣичъ поступился, то, по настоящему, слѣдовало бы ей разочароваться въ немъ, увидѣть въ немъ человѣка легкомысленнаго и слѣдовательно вреднаго. Конечно, такъ она и разсудила бы въ чужомъ дѣлѣ. Но ужъ такъ устроены чело-вѣкъ, что трудно ему судить о своихъ дѣлахъ по общему правилу: охотникъ онъ дѣлать исключенія въ свою пользу. Когда коллежскій секретарь Ивановъ увѣряетъ коллежскаго совѣтника Ивана Ивановича, что преданъ ему душою и тѣломъ, Иванъ Ивановичъ знаетъ по себѣ, что преданности душою и тѣломъ нельзя ждать ни отъ кого, а тѣмъ больше знаетъ, что въ частности Ивановъ пять разъ продалъ отца родного за весьма сходную цѣну, и тѣмъ даже превзошелъ его самого, Ивана Ивановича, который успѣлъ продать своего отца только три раза, а все-таки Иванъ Ивановичъ вѣритъ, что Ивановъ преданъ ему, то-есть, и не вѣритъ ему, а благоволитъ къ нему за это, и хоть не вѣритъ, а даетъ ему дурачить себя, — значитъ, все-таки вѣритъ, хоть и не вѣритъ. Что прикажете дѣлать съ этимъ свойствомъ чело-вѣческаго сердца? Оно дурно, оно вредно: но Марья Алексѣвна не была, къ сожалѣнію, изъята отъ этого недостатка, которымъ страдаютъ почти все корыстолюбцы, хитрецы и дрянные люди. Отъ него есть избавленіе только въ двухъ крайнихъ сортахъ нравственнаго достоинства: или въ томъ, когда чело-вѣкъ уже трансцендентальный негодай, восьмое чудо свѣта плутовской виртуозности, въ родѣ Али-Паши Янинскаго, Джеззаръ-паши Сирійскаго, Мегеметь-Али Египетскаго, которые проводили европейскихъ дипломатовъ и (Джеззаръ) самого Наполеона Великаго такъ легко, какъ дѣтей, когда мошенничество выросло на чело-вѣкѣ такую абсолютно-прочную броню, сквозь которую нельзя пробраться ни до какой чело-вѣческой слабости: ни до амбиціи, ни до честолюбія, ни до властолюбія, ни до самолюбія, ни до чего; но такихъ героев мошенничества

чрезвычайно мало, почти что не попадаетъ въ европейскіхъ земляхъ, гдѣ виртуозность негодяйства уже портится многими человѣческими слабостями. Потому, если вамъ укажутъ хитреца и скажутъ: „вотъ этого человѣка никто не проведетъ“,—смѣло ставьте 10 р. противъ 1 р., что вы, хоть вы человѣкъ и не хитрый, проведете этого хитреца, если только захотите, а еще смѣлѣе ставьте 100 р. противъ 1 р., что онъ самъ себя на чемъ-нибудь водить за носъ, ибо это обыкновеннѣйшая, всеобщая черта въ характерѣ у хитрецовъ, на чемъ-нибудь водить себя за носъ. Ужъ начто, кажется, искусники были Луи-Филиппъ и Меттернихъ, а вѣдь какъ отлично вывели сами себя за носъ изъ Парижа и Вѣны въ мѣста злачныя и спокойныя буколически наслаждаться картиною того, какъ тамъ, въ этихъ мѣстахъ, Макаръ телятъ гоняетъ. А Наполеонъ I какъ былъ хитеръ,—гораздо хитрѣе ихъ обоихъ, да еще при такой-то хитрости имѣлъ, говорятъ, геніальный умъ,—а какъ мастерски провелъ себя за носъ на Эльбу, да еще мало показалось, захотѣлъ подальше, и удалось, удалось такъ, что дотащилъ себя за носъ до Св. Елены! а вѣдь какъ трудно-то было,—почти невозможно,—а съумѣлъ преодолѣть всѣ препятствія къ достиженію острова Св. Елены! прочтите-ко „Исторію кампаніи 1815 г.“ Шарраса—даже умиленно то усердіе и искусство, съ какимъ онъ тащилъ тутъ себя за носъ! Увы, и Марья Алексѣвна не была изъята отъ этой вредной наклонности.

Мало людей, которымъ бронею противъ обольщенія служить законченная доскональность въ обманываніи другихъ. Но зато многочисленны люди, которымъ надежно въ этомъ отношеніи служить простая честность сердца. По свидѣтельству всѣхъ Видоквъ и Ванекъ Каиновъ, нѣтъ ничего труднѣе, какъ надуть честнаго, безхитростнаго человѣка, если онъ имѣетъ хоть нѣсколько разсудка и житейскаго опыта. Неглуные честные люди въ одиночку не обольщаются. Но у нихъ есть другой, такой же вредный видъ этой слабости: они подвержены повальному обольщенію. Плутъ не можетъ взять ни одного изъ нихъ за носъ: но носы всѣхъ ихъ, какъ одной компаніи, постоянно готовы къ услугамъ. А плуты, въ одиночку слабые на счетъ независимости своихъ носовъ, компаніо-нально не проводятся за носъ. Въ этомъ вся тайна всемірной исторіи.

Но забираться намъ во всемірную исторію будетъ ужъ лишнее: занимаемся разсказомъ, такъ занимайся разсказомъ.

Первымъ результатомъ словъ Марьи Алексѣвны было удешевленіе уроковъ. Другимъ результатомъ—то, что отъ удешевленія учителя (то-есть уже не учителя, а Дмитрія Сергѣича) Марья Алексѣвна еще больше утвердилась въ хорошемъ мнѣніи о немъ, какъ о человѣкѣ основательномъ, дошла даже до убѣжденія, что разговоры съ нимъ будутъ полезны для Вѣрочки, склоняютъ Вѣрочку на вѣнчанье съ Михаиломъ Ивановичемъ—этотъ выводъ былъ уже очень блистателенъ, и Марья Алексѣвна своимъ умомъ не дошла бы до него, но встрѣтилось ей такое ясное доказательство, что нельзя было не замѣтить этой пользы для Вѣрочки отъ вліянія Дмитрія Сергѣича. Какъ встрѣтилось это доказательство, мы сейчасъ увидимъ.

Третій результатъ словъ Марьи Алексѣвны былъ, разумѣется, тотъ, что Вѣрочка и Дмитрій Сергѣичъ стали, съ ея разрѣшенія и поощренія, проводить вмѣстѣ довольно много времени. Кончивъ урокъ часовъ въ восемь, Лоцуховъ оставался у Розальскихъ еще часа два-три: игрывалъ въ карты съ матерью се-

мейства, отцомъ семейства и женихомъ; говорилъ съ ними: игралъ на фортепьяно, а Вѣрочка пѣла, или Вѣрочка играла, а онъ слушалъ: иногда и разговаривалъ съ Вѣрочкою, и Марья Алексѣвна не мѣшала. не косилась, хотя, конечно, не оставляла безъ надзора.

О, разумѣется, не оставляла, потому что хотя Дмитрій Сергѣичъ и очень хорошій молодой человѣкъ, но все же не даромъ говорится пословица: не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ. А что Дмитрій Сергѣичъ воръ.—не въ порицательномъ, а въ похвальномъ смыслѣ,—нѣтъ никакого сомнѣнія: иначе, за что-жъ бы его и уважать и дѣлать хорошимъ знакомымъ? Неужели съ дураками знакомиться? Конечно, слѣдуетъ и съ дураками, когда отъ нихъ можно пользоваться. Но у Дмитрія Сергѣича пока еще нѣтъ ничего; стало быть, съ нимъ можно водить дружбу только за его достоинства, т.-е. за умъ, т.-е. за основательность, расчетливость, умѣнье вести свои дѣла. А если у всякаго человѣка чортъ знаетъ что на умѣ, то у такого умнаго человѣка и подавно. Стало быть, за Дмитріемъ Сергѣичемъ надобно смотрѣть, да смотрѣть. Марья Алексѣвна и смотрѣла очень прилежно. Но всѣ наблюденія только подтверждали основательность и благонамѣренность Дмитрія Сергѣича. Напримѣръ, почему сейчасъ можно замѣтить амурныя шапки?—По заглядыванію за корсетъ. Вотъ Вѣрочка играетъ, Дмитрій Сергѣичъ стоитъ и слушаетъ, а Марья Алексѣвна смотритъ, не запускаетъ ли онъ глазъ за корсетъ,—нѣтъ, и не думаетъ запускать! или иной разъ вовсе не глядитъ на Вѣрочку, а такъ куда-нибудь глядитъ, куда случится, или иной разъ глядитъ на нее, такъ просто въ лицо ей глядитъ, да такъ безчувственно, что сейчасъ видно: смотритъ на нее только изъ учтивости, а самъ думаетъ о невѣстиномъ приданомъ,—глаза у него не разгораются, какъ у Михаила Ивановича. Опять, въ чемъ еще замѣчаются амурныя дѣла?—въ любовныхъ словахъ:—никакихъ любовныхъ словъ не слышно; да и говорятъ-то они между собою мало,—онъ больше говоритъ съ Марьей Алексѣвной. Или вотъ: сталъ онъ приносить книги Вѣрочкѣ. Разъ Вѣрочка ушла къ подругѣ, и Михаилъ Ивановичъ тутъ сидѣлъ. Вотъ Марья Алексѣвна взяла книги, принесла Михаилу Ивановичу.

— Посмотрите-ко, Михаилъ Ивановичъ, французскую-то я сама почти что разобрала: „Гостиняя“—значитъ, самоучитель свѣтскаго обращенія, а нѣмецкую-то не пойму.

— Нѣтъ, Марья Алексѣвна, это не „Гостиняя“, это Destinée—судьба.

— Какая-жъ это судьба? романъ, что ли, такъ называется, али орacula, толкованіе сновъ?

— А вотъ сейчасъ увидимъ, Марья Алексѣвна, изъ самой книги. Михаилъ Ивановичъ перевернулъ нѣсколько листовъ.—Тутъ все о серіяхъ больше говорится, Марья Алексѣвна,—ученая книга.

— О серіяхъ? Это хорошо: значитъ, какъ денежныя обороты вести.

— Да, все объ этомъ, Марья Алексѣвна.

— Ну, а нѣмецкая-то?

Михаилъ Ивановичъ медленно прочелъ: „О религіи, сочиненіе Людвига“—Людовика—четырнадцатаго. Марья Алексѣвна, сочиненіе Людовика XIV; это было, Марья Алексѣвна, французскій король, отецъ тому королю, на мѣсто котораго нынѣшній Наполеонъ сѣлъ.

— Значить о божественномъ?

— О божественномъ, Марья Алексѣвна.

— Это хорошо, Михаилъ Ивановичъ; то-то, я и знаю, что Дмитрій Сергѣичъ солидный молодой человѣкъ, а все-таки нуженъ глазъ-да-глазъ за всякимъ человѣкомъ!

— Конечно, у него не то на умѣ, Марья Алексѣвна, а я все-таки очень вамъ благодаренъ, Марья Алексѣвна, за ваше наблюденіе.

— Нельзя, наблюдаю, Михаилъ Ивановичъ; такая ужъ обязанность матери, чтобы дочь въ чистотѣ сохранить, и могу вамъ поручиться на счетъ Вѣрочки. Только вотъ что я думаю, Михаилъ Ивановичъ: король - то французскій какой былъ вѣры?

— Католикъ, натурально.

— Такъ онъ тамъ не въ папскую ли вѣру обращаетъ?

— Не думаю, Марья Алексѣвна. Если бы католическій архіерей писать, онъ, точно, сталъ бы обращать въ папскую вѣру. А король не станеть этимъ заниматься: онъ, какъ мудрый правитель и политикъ, просто будетъ внушать благочестіе.

Кажется, чего еще? Марья Алексѣвна не могла не видѣть, что Михаилъ Ивановичъ, при всемъ своемъ ограниченномъ умѣ, разсудилъ очень основательно: но все-таки вывела дѣло уже совершенно на чистоту. Дня черезъ два, черезъ три, она вдругъ сказала Лопухову, играя съ нимъ и Михаиломъ Ивановичемъ въ преферансъ.

— А что, Дмитрій Сергѣичъ, я хочу у васъ спросить: прошлаго французскаго короля отецъ, того короля, на мѣсто котораго нынѣшній Наполеонъ сѣлъ, велѣлъ въ папскую вѣру креститься?

— Нѣтъ, не велѣлъ, Марья Алексѣвна.

— А хороша папская вѣра, Дмитрій Сергѣичъ?

— Нѣтъ, Марья Алексѣвна, не хороша. А я семь въ бубнахъ сыиграю.

— Это я такъ по любопытству спросила, Дмитрій Сергѣичъ, какъ я женщина неученая, а знать интересно. А много вы ремизовъ-то списали, Дмитрій Сергѣичъ!

— Нельзя, Марья Алексѣвна, тому насъ въ Академіи учать. Медику нельзя не умѣть играть.

Для Лопухова до сихъ поръ остается загадкою, зачѣмъ Марья Алексѣвна понадобилось знать, велѣлъ ли Филиппъ Эгалите креститься въ папскую вѣру.

Ну, какъ послѣ всего этого не было бы извинительно Марья Алексѣвна перестать утомлять себя неослабнымъ надзоромъ? и глазъ не запускать за корсетъ, и лицо безчувственное, и божественныя книги дасть читать, — кажется, довольно бы. Но нѣтъ, Марья Алексѣвна не удовлетворилась надзоромъ, а устроила даже пробу, будто учила „логику“, которую и я училъ наизусть, говорящую: „наблюденіе явленій, каковыя происходятъ сами собою, должно быть повѣряемо опытами, производимыми по обдуманному плану, для глубочайшаго проникновенія въ тайны таковыхъ отношеній“, — и устроила она эту пробу такъ, будто читала Саксона Грамматика, разсказывающаго, какъ испытывали Гамлета въ лѣсу дѣвицею.

VIII.

Гамлетовское испытаніе.

Однажды Марья Алексѣвна сказала за чаемъ, что у нея разболѣлась голова; разливъ чай и заперевъ сахарницу, ушла и улеглась. Вѣра и Лопуховъ остались сидѣть въ чайной комнатѣ, подлѣ спальни, куда ушла Марья Алексѣвна. Черезъ нѣсколько минутъ, больная кликнула Федю. „Скажи сестрѣ, что ихъ разговоръ не даетъ мнѣ уснуть; пусть уйдутъ куда подальше, чтобъ не мѣшали. Да скажи хорошенько, чтобы не обидѣть Дмитрія Сергѣича: видишь, онъ какой заботливый о тебѣ“. Федя пошелъ и сказалъ, что маменька проситъ васъ вотъ о чемъ. — „Пойдемте въ мою комнату. Дмитрій Сергѣичъ, — она далеко отъ спальни. тамъ не будемъ мѣшать“. Этого, разумѣется, и ждала Марья Алексѣвна. Черезъ четверть часа она въ однихъ чулкахъ, безъ башмаковъ, подкралась къ двери Вѣрочкиной комнаты. Дверь была полуотворена: между дверью и косякомъ была такая славная щель. — Марья Алексѣвна приложила къ ней глазъ и наострила уши.

Увидѣла она слѣдующее:

Въ Вѣрочкиной комнатѣ было два окна, между оконъ стоялъ письменный столъ. У одного окна, съ одного конца стола сидѣла Вѣрочка и вязала шерстяной нагрудникъ отцу, свято исполняя заказъ Марьи Алексѣвны: у другого окна, съ другого конца стола, сидѣлъ Лопуховъ: локтемъ одной руки оперся на столъ, и въ этой рукѣ была сигара, а другая рука у него была засунута въ карманъ; разстоянія между нимъ и Вѣрочкою было аршина два, если не больше. Вѣрочка больше смотрѣла на свое вязанье; Лопуховъ больше смотрѣлъ на сигару. Диспозиція успокоительная.

Услышала она слѣдующее:

— ...Надобно такъ смотрѣть на жизнь? — съ этихъ словъ начала слушать Марья Алексѣвна.

— Да, Вѣра Павловна, такъ надобно.

— Стало быть, правду говорятъ холодные практическіе люди, что человѣкомъ управляетъ только расчетъ выгоды?

— Они говорятъ превду. То, что называютъ возвышенными чувствами, идеальными стремленіями—все это въ общемъ ходѣ жизни совершенно ничтожно передъ стремленіемъ каждаго къ своей пользѣ, и въ корнѣ само состоитъ изъ того же стремленія къ пользѣ.

— Да вы, напримѣръ, развѣ вы таковы?

— А каковъ же, Вѣра Павловна? Вы послушайте, въ чемъ существенная пружина всей моей жизни. Сущность моей жизни состояла до сихъ поръ въ томъ, что я учился, я готовился быть медикомъ. Прекрасно. Зачѣмъ отдалъ меня отецъ въ гимназію? Онъ твердилъ мнѣ: „учись, Митя; выучишься—чиновникъ будешь, насъ съ матерью кормить будешь, да и самому будетъ хорошо“. Вотъ почему я учился; безъ этого расчета отецъ не отдалъ бы меня учиться: вѣдь семейству нуженъ былъ работникъ. Да и я самъ, хотя полю-

билъ ученѣе, сталъ ли бы тратить время на него, если бы не думалъ, что трата вознаградится съ процентами? Я сталъ оканчивать курсъ въ гимназіи; убѣдиль отца отпустить меня въ медицинскую академію, вмѣсто того, чтобы опредѣлять въ чиновники. Какъ это произошло? Мы съ отцомъ видѣли, что медики живутъ гораздо лучше канцелярскихъ чиновниковъ и столоначальниковъ, выше которыхъ не подняться бы мнѣ. Вотъ вамъ причина, по которой я очутился и оставался въ Академіи—хорошій кусокъ хлѣба. Безъ этого разсчета я не поступилъ бы въ Академію и не оставался бы въ ней.

— Но вѣдь вы любили учиться въ гимназіи, вѣдь вы полюбили потомъ медицинскія науки?

— Да. Это украшеніе; оно и полезно для успѣха дѣла; но дѣло обыкновенно бываетъ и безъ этого украшенія, а безъ разсчета не бываетъ. Любовь къ наукѣ была только результатомъ, возникшимъ изъ дѣла, а не причиною его; причина была одна—выгода.

— Положимъ, вы правы,—да, вы правы. Всѣ поступки, которые я могу разобрать, объясняются выгодою. Но вѣдь эта теорія холодна.

— Теорія должна быть сама по себѣ холодна. Умъ долженъ судить о вещахъ холодно.

— Но она безпощадна.

— Къ фантазіямъ, которыя пусты и вредны.

— Но она прозаична.

— Для науки не годится стихотворная форма.

— Итакъ, эта теорія, которой я не могу не допустить, обрекаетъ людей на жизнь холодную, безжалостную, прозаичную?...

— Нѣтъ, Вѣра Павловна: эта теорія холодна, но учить человѣка доживать тепло. Спичка холодна, стѣна коробочки, о которую трется она—холодна, дрова—холодны, но отъ нихъ огонь, который готовитъ теплую пищу человѣку и грѣетъ его самого. Эта теорія безжалостна, но, слѣдуя ей, люди не будутъ жалкимъ предметомъ празднаго состраданія. Танцетъ не долженъ гнаться—иначе, надобно будетъ жалѣть о пациентѣ, которому не будетъ легче отъ нашего сожалѣнія. Эта теорія прозаична, но она раскрываетъ истинные мотивы жизни, а поэзія въ правдѣ жизни. Почему Шекспиръ величайшій поэтъ? потому что въ немъ больше правды жизни, меньше обольщенія, чѣмъ у другихъ поэтовъ.

— Такъ буду и я безпощадна. Дмитрій Сергѣичъ,—сказала Вѣрочка, улыбаясь: —вы не обольщайтесь мыслью, что имѣли во мнѣ упорную противницу вашей теоріи разсчета выгодъ и пріобрѣли ей новую послѣдовательницу. Я сама давно думала въ томъ родѣ, какъ прочла въ вашей книгѣ и услышала отъ васъ. Но я думала, что это мои личныя мысли, что умные и ученые люди думаютъ иначе, оттого и было колебанье. Все, что читаешь, бывало, —все написано въ противоположномъ духѣ, наполнено порицаніями, сарказмами противъ того, что замѣчаешь въ себѣ и другихъ. Природа, жизнь, разсудокъ ведутъ въ одну сторону, книги тянутъ въ другую, говорятъ: это дурно, низко. Знаете, мнѣ самой были отчасти смѣшны тѣ возраженія, которыя я вамъ дѣлала!

— Да, они смѣшны, Вѣра Павловна.

— Однако,—сказала она смѣясь:—мы дѣлаемъ другъ другу удивительные комплименты. Я вамъ: вы, Дмитрій Сергѣичъ, пожалуйста, не слишкомъ-то поднимайте носъ: вы мнѣ: вы смѣшны съ вашими сомнѣніями, Вѣра Павловна!

— Что-жь,—сказалъ онъ, тоже улыбувшись:—намъ нѣтъ расчета любезничать, потому мы не любезничаемъ.

— Хорошо, Дмитрій Сергѣичъ; люди—эгоисты, такъ вѣдь? Вотъ вы говорили о себѣ,—и я хочу поговорить о себѣ.

— Такъ и слѣдуетъ; каждый думаетъ всего больше о себѣ.

— Хорошо. Посмотримъ, не понимаю ли я васъ на вопросахъ о себѣ.

— Посмотримъ.

— У меня есть богатый женихъ. Онъ мнѣ не нравится. Должна ли я принять его предложеніе?

— Разсчитывайте, что для васъ полезнѣе.

— Что для меня полезнѣе! Вы знаете, я очень небогата. Съ одной стороны—нерасположеніе къ человѣку: съ другой—господство надъ нимъ, завидное положеніе въ обществѣ, деньги, толпа поклонниковъ.

— Взвѣсьте все; что полезнѣе для васъ, то и выбирайте.

— И если я выберу—богатство мужа и толпу поклонниковъ?

— Я скажу, что выбрали то, что вамъ казалось сообразнѣе съ вашимъ интересомъ.

— И что надобно будетъ сказать обо мнѣ?

— Если вы поступили хладнокровно, разсудительно обдумавъ, то надобно будетъ сказать, что вы поступили обдуманно и, вѣроятно, не будете жалѣть о томъ.

— Но будетъ мой выборъ заслуживать порицанія?

— Люди, говорящіе разные пустяки, могутъ говорить о немъ, какъ имъ угодно; люди, имѣющіе правильный взглядъ на жизнь, скажутъ, что вы поступили такъ, какъ слѣдовало вамъ поступить; если вы такъ сдѣлали, значитъ, такова была ваша личность, что нельзя вамъ было поступить иначе при такихъ обстоятельствахъ, они скажутъ, что вы поступили по необходимости вещей, что, собственно говоря, вамъ и не было другого выбора.

— И никакого порицанія моему поступку?

— Кто имѣетъ право порицать выводы изъ факта, когда существуетъ фактъ? Ваша личность въ данной обстановкѣ—фактъ; ваши поступки—необходимые выводы изъ этого факта, дѣлаемые природою вещей. Вы за нихъ не отвѣчаете, а порицать ихъ—глупо.

— Однако, вы не отступаете отъ своей теоріи. Такъ я не заслужу ваше порицаніе, если приму предложеніе моего жениха?

— Я былъ бы глупъ, если бы сталъ порицать.

— Итакъ, разрѣшеніе,—быть можетъ, даже одобреніе,—быть можетъ, даже прямой совѣтъ поступить такъ, какъ я говорю?

— Совѣтъ всегда одинъ: разсчитывайте, что для васъ полезно; какъ скоро вы слѣдуете этому совѣту—одобреніе.

— Благодарю васъ. Теперь мое личное дѣло разрѣшено. Вернемся къ первому, общему вопросу. Мы начали съ того, что человѣкъ дѣйствуетъ по необходимости, его дѣйствія опредѣляются вліяніями, подъ которыми происхо-

дять; болѣ сильныя вліянія берутъ верхъ надъ другими; тутъ мы и оставили разсужденіе, что когда поступокъ имѣетъ житейскую важность, эти побужденія называются выгодами, игра ихъ въ человѣкѣ—соображеніемъ выгодъ, что поэтому человѣкъ всегда дѣйствуетъ по разсчету выгодъ. Такъ я передаю связь мыслей?

— Такъ.

— Видите, какая я хорошая ученица. Теперь этотъ частный вопросъ о поступкахъ, имѣющихъ житейскую важность, конченъ. Но въ общемъ вопросѣ остаются затрудненія. Ваша книга говоритъ: человѣкъ дѣйствуетъ по необходимости. Но вѣдь есть случаи, когда кажется, что отъ моего произвола зависитъ поступить такъ или иначе. Напримѣръ: я играю и перевортываю страницы нотъ; я перевортываю ихъ иногда лѣвою рукою, иногда правою. Положимъ, теперь я перевернула правою: развѣ я не могла перевернуть лѣвою? не зависитъ ли это отъ моего произвола?

— Нѣтъ, Вѣра Павловна; если вы перевортываете, не думая ничего о томъ, какою рукою перевернуть, вы перевортываете тою рукою, которою удобнѣе, произвола нѣтъ; если вы подумали: „дай переверну правою рукою“—вы перевернете подъ вліяніемъ этой мысли, но эта мысль явилась не отъ вашего произвола; она необходимо родилась отъ другихъ...

Но на этомъ словѣ Марья Алексѣвна уже прекратила свое слушаніе: „ну, теперь занялись ученостію.—не по моей части, да и ненужно. Какой умный, основательный, можно сказать, благородный молодой человѣкъ! Какія благоразумныя правила внушаетъ Вѣрочкѣ. И что значить, ученый человѣкъ: вѣдь вотъ я тоже самое стану говорить ей—не слушаетъ, обижается: не могу на нее потрафить, потому что не умѣю по ученому говорить. А вотъ какъ онъ по ученому-то говорить, она и слушаетъ, и видитъ, что правда, и соглашается. Да, не даромъ говорится: ученье свѣтъ, неученье тьма. Какъ бы я-то воспитанная женщина была, развѣ бы то было, что теперь? Мужа бы въ генералы произвела, по провіантской бы части мѣсто ему достала, или по другой по какой по такой же. Ну, конечно, дѣла бы за него сама вела съ подрядчиками-то: ему гдѣ—плохъ! Домъ-то бы не такой состроила, какъ этотъ. Не одну бы тысячу душъ купила. А теперь не могу. Тутъ надо прежде въ генеральскомъ обществѣ себя зарекомендовать.—а я какъ зарекомендую?—ни по-французски, ни по-каковски по-ихнему не умѣю. Скажутъ: манеръ не имѣетъ, только на Обѣдней ругаться годится. Вотъ и не гожусь. Неученье—тьма. Подлинно: ученье свѣтъ, неученье—тьма“.

Вотъ именно этотъ подслушанный разговоръ и привелъ Марью Алексѣвну къ убѣжденію, что бесѣды съ Дмитріемъ Сергѣичемъ не только не опасны для Вѣрочки,—это она и прежде думала,—а даже принесутъ ей пользу, помогутъ ей заботамъ, чтобы Вѣрочка бросила глупыя неопытныя дѣвическія мысли и поскорѣ покончила вѣнчаніемъ дѣло съ Михаиломъ Ивановичемъ.

IX.

Отношенія Марьи Алексѣвны къ Лопухову походятъ на фарсъ. сама Марья Алексѣвна выставлена черезъ нихъ въ смѣшномъ видѣ. То и другое рѣшительно противъ моей воли. Если бы я хотѣлъ заботиться о томъ, что называется у насъ художественностью, я скрылъ бы отношенія Марьи Алексѣвны къ Лопухову, рассказъ о которыхъ придаетъ этой части романа водевильный характеръ. Скрыть ихъ было бы легко. Существенный ходъ дѣла могъ быть объясненъ и безъ нихъ. Что удивительнаго было бы, что учитель и безъ дружбы съ Марьею Алексѣвною имѣлъ бы случаи говорить иногда, хоть изрѣдка, по нѣскольку словъ съ дѣвушкою, въ семействѣ которой даетъ уроки? Развѣ много нужно словъ, чтобъ росла любовь? Въ-содѣйствіи Марьи Алексѣвны вовсе не было нужды для той развязки, какую получила встрѣча Вѣрочки съ Лопуховымъ. Но я рассказываю дѣло не такъ, какъ нужно для доставленія мнѣ художнической репутаціи, а какъ оно было. Я, какъ романпстъ, очень огорченъ тѣмъ, что написалъ нѣсколько страницъ, унижающихся до водевильности.

Мое намѣреніе. выставить дѣло, какъ оно было, а не такъ, какъ мнѣ удобнѣе было бы рассказывать его, дѣлаетъ мнѣ и другую непріятность: я очень недоволенъ тѣмъ, что Марья Алексѣвна представляется въ смѣшномъ видѣ съ размышленіями своими о невѣстѣ, которую сочинила Лопухову. съ такими же фантастическими отгадываніями содержанія книгъ, которыя давалъ Лопуховъ Вѣрочкѣ, съ разсужденіями о томъ, не обращалъ ли людей въ напскую вѣру Филиппъ Эгалите и какія сочиненія писалъ Людовикъ XIV. Ошибаться можетъ каждый, ошибки могутъ быть нелѣпы, если человѣкъ судитъ о вещахъ, чуждыхъ его понятіямъ; но было бы несправедливо выводить изъ нелѣпыхъ промаховъ Марьи Алексѣвны, что ея расположеніе къ Лопухову основывалось лишь на этихъ вздорахъ: нѣтъ, никакія фантазіи о богатой невѣстѣ и благочестіи Филиппа Эгалите ни на минуту не затмили бы ея здраваго смысла, если бы въ дѣйствительныхъ поступкахъ и словахъ Лопухова было замѣтно для нея хотя что-нибудь подозрительное. Но онъ дѣйствительно держалъ себя такъ, какъ по мнѣнію Марьи Алексѣвны, могъ держать себя только человѣкъ въ ея собственномъ родѣ; вѣдь онъ молодой, бойкій человѣкъ, не запускать глазъ за корсетъ очень хорошенькой дѣвушки, не таскался за нею по слѣдамъ, игралъ съ Марьею Алексѣвною въ карты безъ отговорокъ, не отзывался, что „лучше я посижу съ Вѣрою Павловною“, разсуждалъ о вещахъ въ духѣ, который казался Марьѣ Алексѣвнѣ ея собственнымъ духомъ; подобно ей, онъ говорилъ, что все на свѣтѣ дѣлается для выгоды, что когда плутъ плутуетъ, нечего тутъ приходить въ азартъ и вошіять о принципахъ чести, которые слѣдовало бы соблюдать этому плуту, что и самъ плутъ вовсе не напрасно плутъ, а такимъ ему и надобно быть по его обстоятельствамъ, что не быть ему плутомъ.—не говоря ужь о томъ, что это невозможно,—было бы нелѣпо,—просто сказать глупо съ его стороны. Да, Марья Алексѣвна была права, находя много родственнаго себѣ въ Лопуховѣ.

Я понимаю, какъ сильно компрометируется Лопуховъ въ глазахъ проевѣ-

щенной публики сочувствіемъ Марьи Алексѣвны къ его образу мыслей. Но я не хочу давать потачки никому и не прячу этого обстоятельства, столь вреднаго для репутаціи Лопухова, хоть и доказалъ, что могъ утаить такую дурную сторону отношеній Лопухова въ семействѣ Розальскихъ; я дѣлаю даже больше: я самъ принимаюсь объяснять, что онъ именно заслуживалъ благосклонность Марьи Алексѣвны.

Дѣйствительно, изъ разговора Лопухова съ Вѣрочкою обнаруживается, что образъ его мыслей гораздо легче могъ показаться хорошъ людямъ въ родѣ Марьи Алексѣвны, чѣмъ краснорѣчивымъ партизанамъ разныхъ прекрасныхъ идей. Лопуховъ видѣлъ вени въ тѣхъ самыхъ чертахъ, въ какихъ представляются онѣ всей массѣ рода человѣческаго, кромѣ партизановъ прекрасныхъ идей. Если Марья Алексѣвна могла повторить съ удовольствіемъ отъ своего лица его внушенія Вѣрочкѣ по вопросу о предложеніи Сторешникова, то и онъ могъ бы съ удовольствіемъ подписать „правда“ подъ ея пьяною исповѣдью Вѣрочкѣ. Сходство ихъ понятій было такъ велико, что просвѣщенные и благородные романисты, журналисты и другіе поучатели нашей публики давно провозгласили: „эти люди въ родѣ Лопухова ничѣмъ не разнятся отъ людей въ родѣ Марьи Алексѣвны“. Если столь просвѣщенные и благородные писатели такъ поняли людей въ родѣ Лопухова, то неужели мы будемъ осуждать Марью Алексѣвну за то, что она не разсмотрѣла въ Лопуховѣ ничего, кромѣ того, что поняли въ людяхъ его разряда лучшіе наши писатели, мыслители и назидатели?

Конечно, если бы Марья Алексѣвна знала хотя половину того, что знаютъ эти писатели, у ней достало бы ума сообразить, что Лопуховъ плохая компанія для нея. Но кромѣ того, что она была женщина не ученая, она имѣетъ и другое извиненіе своей ошибкѣ: Лопуховъ не договаривался съ нею до конца. Онъ былъ пропагандистъ, но не такой, какъ любители прекрасныхъ идей, которые постоянно хлопочатъ о внушеніи Марьямъ Алексѣвнамъ благородныхъ понятій, какими восхищены сами въ себѣ. Онъ имѣлъ столько разсудительности, чтобы не выпрямлять 50-лѣтняго дерева. Онъ и она понимали факты одинаково, и толковали о нихъ. Какъ человѣкъ, теоретически образованный, онъ могъ дѣлать изъ фактовъ выводы, которыхъ не умѣли дѣлать люди подобные Марьѣ Алексѣвнѣ, не знающіе ничего, кромѣ обыденныхъ личныхъ заботъ да ходячихъ афоризмовъ простонародной общечеловѣческой мудрости: пословицъ, поговорокъ и тому подобныхъ старыхъ и старинныхъ, древнихъ и ветхихъ изреченій. Но до выводовъ у нихъ дѣло не доходило. Если бы, напримѣръ, онъ сталъ объяснять, что такое „выгода“, о которой онъ толкуетъ съ Вѣрочкою, быть можетъ, Марья Алексѣвна поморщицалась бы, увидѣвъ, что выгода этой выгоды не совсѣмъ сходна съ ея выгодой, но Лопуховъ не объяснялъ этого Марьѣ Алексѣвнѣ, а въ разговорѣ съ Вѣрочкою также не было такого объясненія, потому что Вѣрочка знала, каковъ смыслъ этого слова въ тѣхъ книгахъ, по поводу которыхъ они вели свой разговоръ. Конечно, и то правда, что, поднимая на пьяной исповѣди Марьи Алексѣвны „правда“, Лопуховъ прибавилъ бы: „а такъ какъ по вашему собственному признанію, Марья Алексѣвна, новые порядки лучше прежнихъ, то я и не запрещаю хлопотать о ихъ заведеніи тѣмъ людямъ, которые находятъ себѣ въ томъ удовольствіе; что же касается до глупости народа, которую вы считаете помѣхою заведенію новыхъ порядковъ, то

дѣйствительно, она помѣха дѣлу; но вы сами не будете спорить, Марья Алексѣвна, что люди довольно скоро умнѣютъ, когда замѣчаютъ, что имъ выгодно стало поумнѣть, въ чемъ прежде не замѣчалась ими надобность; вы согласитесь также, что прежде и не было имъ возможности научиться уму разуму, а доставьте имъ эту возможность, то, пожалуй, вѣдь они и воспользуются ею". Но до этого онъ не договаривался съ Марьею Алексѣвною, и даже не по осторожности, хотя былъ остороженъ, а просто по тому же внушенію здраваго смысла и приличія, по которому не говорилъ съ нею на латинскомъ языкѣ и не утруждалъ ея слуха очень интересными для него самого разсужденіями о новѣйшихъ успѣхахъ медицины: онъ имѣлъ настолько разсудка и деликатности, чтобы не мучить человѣка декламаціями, непонятными для этого человѣка.

Но все это я говорю только въ оправданіе недосмотра Марьи Алексѣвны, не успѣвшей во-время раскусить, что за человѣкъ Лопуховъ, а никакъ не въ оправданіе самому Лопухову. Лопухова оправдывать было бы нехорошо, а почему не хорошо, узиши ниже. Люди, которые, не оправдывая его, захотѣли бы по человѣколюбію своему извинить его, не могли бы извинить. Напримѣръ, они сказали бы въ извиненіе ему, что онъ былъ медикъ и занимался естественными науками, а это располагаетъ къ матеріалистическому взгляду. Но такое извиненіе очень плохо. Мало ли какія науки располагаютъ къ такому же взгляду?— и математическія, и историческія, и общественныя, да и всякія другія. Но развѣ всѣ геометры, астрономы, всѣ историки, политико-экономы, юристы, публицисты и всякіе другіе ученые, такъ ужъ и матеріалисты? Далеко нѣтъ. Стало быть, Лопуховъ не избавляется отъ своей вины. Сострадательные люди, не оправдывающіе его, могли бы также сказать ему въ извиненіе, что онъ не совершенно лишенъ нѣкоторыхъ похвальныхъ признаковъ: сознательно и твердо рѣшился отказаться отъ всякихъ житейскихъ выгодъ и почетовъ для работы на пользу другимъ, находя, что наслажденіе такою работою—лучшая выгода для него: на дѣвушку, которая была такъ хороша, что онъ влюбился въ нее, онъ смотрѣлъ такимъ чистымъ взглядомъ, какимъ не всякій братъ глядитъ на сестру: но противъ этого извиненія его матеріализму надобно сказать, что вѣдь и вообще нѣтъ ни одного человѣка, который былъ бы совершенно безъ всякихъ признаковъ чего-нибудь хорошаго, и что матеріалисты, каковы бы тамъ они ни были, все-таки матеріалисты, а этимъ самымъ уже рѣшено и доказано, что они люди низкіе и безнравственные, которыхъ извинять нельзя, потому что извинять ихъ значило бы потворствовать матеріализму. Итакъ, не оправдывая Лопухова, извинить его нельзя. А оправдать его тоже не годится, потому что любители прекрасныхъ идей и защитники возвышенныхъ стремленій, объявившіе матеріалистовъ людьми низкими и безнравственными, въ послѣднее время такъ отлично зарекомендовали себя со стороны ума, да и со стороны характера, въ глазахъ всѣхъ порядочныхъ людей, матеріалистовъ ли, не-матеріалистовъ, что защищать кого-нибудь отъ ихъ порицаній стало дѣломъ излишнимъ, а обращать вниманіе на ихъ слова стало дѣломъ неприличнымъ.

X.

Разумѣется, главнымъ содержаніемъ разговоровъ Вѣрочки съ Лопуховымъ было не то, какой образъ мыслей надобно считать справедливымъ, но вообще они говорили между собою довольно мало, и длинные разговоры у нихъ, бывавшіе рѣдко, шли только о предметахъ постороннихъ, въ родѣ образа мыслей и тому подобныхъ сюжетовъ. Вѣдь они знали, что за ними слѣдятъ два очень зоркіе глаза. Потому о главномъ предметѣ, ихъ занимавшемъ, они обмѣнивались лишь нѣсколькими словами—обыкновенно въ то время, какъ перебирали ноты для игры и пѣнія. А этотъ главный предметъ, занимавшій такъ мало мѣста въ ихъ не слишкомъ частыхъ длинныхъ разговорахъ, и даже въ короткихъ разговорахъ занимавшій тоже лишь незамѣтное мѣсто, этотъ предметъ былъ не ихъ чувство другъ къ другу,—нѣтъ, о чувствѣ они не говорили ни слова послѣ первыхъ неопредѣленныхъ словъ въ первомъ ихъ разговорѣ на праздничномъ вечерѣ: имъ некогда было объ этомъ толковать: въ двѣ-три минуты, которыя выбирались на обмѣнъ мыслями безъ боязни подслушиванія, едва успѣвали они переговорить о другомъ предметѣ, который не оставлялъ имъ ни времени, ни охоты для объясненій въ чувствахъ,—это были хлопоты и раздумья о томъ, когда и какъ удастся Вѣрочкѣ избавиться отъ ея страшнаго положенія.

На слѣдующее же утро послѣ перваго разговора съ нею Лопуховъ уже разузнавалъ о томъ, какъ надобно приняться за дѣло о ея поступленіи въ актрисы. Онъ зналъ, что дѣвушкѣ представляется много непріятныхъ опасностей на пути къ сценѣ, но полагалъ, что при твердомъ характерѣ можетъ она пробиться прямою дорогою. Оказалось не такъ. Пришедши черезъ два дня на урокъ, онъ долженъ былъ сказать Вѣрочкѣ: „совѣтую вамъ оставить мысль о томъ, чтобы сдѣлаться актрисою“. — „Почему?“ — „Потому что ужъ лучше было бы вамъ идти за вашего жениха“. На томъ разговоръ и прекратился. Это было сказано, когда онъ и Вѣрочка брали ноты, онъ—чтобы играть, она—чтобы пѣть. Вѣрочка повѣсила-было голову и нѣсколько разъ сбивалась съ такта, хотя пѣла пьесу очень знакомую. Когда пьеса кончилась, и они стали говорить о томъ, какую выбрать теперь другую. Вѣрочка уже сказала: „А это мнѣ казалось самое лучшее. Тяжело было услышать, что это невозможно. Но—труднѣе будетъ жить, а все-таки можно будетъ жить. Пойду въ гувернантки“.

Когда онъ опять былъ, черезъ два дня, у нихъ, она сказала: „Я не могла найти, черезъ кого бы мнѣ искать мѣсто гувернантки. Похлопочите, Дмитрій Сергѣичъ: кромѣ васъ никому“. — „Жаль, у меня мало знакомыхъ, которые могли бы тутъ быть полезны. Семейства, въ которыхъ я даю или давалъ уроки, все люди небогатые, и ихъ знакомые почти все такіе же, но попробуемъ“. — „Другъ мой, я отнимаю у васъ время, но какъ же быть“. — „Вѣра Павловна, нечего говорить о моемъ времени, когда я вашъ другъ“.

Вѣрочка и улыбнулась, и покраснѣла: она сама не замѣтила, какъ имя „Дмитрій Сергѣичъ“ замѣнилось у ней именемъ „друга“.

Лопуховъ тоже улыбнулся. — Вы не хотѣли этого сказать, Вѣра Павловна,—отнимите у меня это имя, если жалѣете, что дали его.

Вѣрочка улыбнулась: — „поздно“ — и покраснѣла, — „и не жалѣю“ — и покраснѣла еще больше.

— Если будетъ надобно, то увидите, что вѣрный другъ.

Они пожали другъ другу руки.

Вотъ вамъ и всѣ первые два разговора послѣ того вечера.

Черезъ два дня въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ было напечатано объявленіе, что „благородная дѣвица, говорящая по-французски и по-нѣмецки и проч., ищетъ мѣста гувернантки, и что спросить о ней можно у чиновника такого-то, въ Коломнѣ, въ NN улицѣ, въ домѣ NN“.

Теперь Лопухову пришлось, дѣйствительно, тратить много времени по дѣлу Вѣрочки. Каждое утро онъ отпраивался, большею частью пѣшкомъ, съ Выборгской стороны въ Коломну къ своему знакомому, адресъ котораго былъ выставленъ въ объявленіи. Путешествіе было далекое; но другого такого знакомаго, поближе къ Выборгской сторонѣ, не нашлось; вѣдь надобно было, чтобы въ знакомомъ соединялось много условій: порядочная квартира, хорошія семейныя обстоятельства, почтенный видъ. Бѣдная квартира поведетъ къ предложенію невыгодныхъ условій гувернанткѣ; безъ почтенности и видимой хорошей семейной жизни рекомендующаго лица не будутъ имѣть выгоднаго мнѣнія о рекомендуемой дѣвушкѣ. А своего адреса ужъ конечно никакъ не могъ Лопуховъ выставить въ объявленіи: что подумали бы о дѣвушкѣ, о которой некому позаботиться, кромѣ какъ студенту! Такимъ образомъ, Лопуховъ и дѣлалъ порядочный моціонтъ. Забравъ у чиновника адреса являющихся искать гувернантку, онъ пускался продолжать путешествіе: чиновникъ говорилъ, что онъ дальній родственникъ дѣвушки, и только посредникъ, а есть у ней племянникъ, который завтра самъ пріѣдетъ переговорить пообстоятельнѣе. Племянникъ, вмѣсто того чтобы пріѣзжать, приходилъ, всматривался въ людей, и разумѣется, большею частію оставался недоволенъ обстановкою: въ одномъ семействѣ слишкомъ надменны; въ другомъ — мать семейства хороша, отецъ дуракъ, въ третьемъ наоборотъ, и т. д., въ иныхъ и можно бы жить, да условія невозможныя для Вѣрочки; или надобно говорить по-англійски, — она не говоритъ; или хотять имѣть собственно не гувернантку, а няньку: или, люди всѣмъ хороши, кромѣ того что сами бѣдны, и въ квартирѣ нѣтъ помѣщенія для гувернантки, кромѣ дѣтской съ двумя большими дѣтьми, двумя малютками, нянькою и кормилицею. Но объявленія продолжали являться въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ, продолжали являться и ищущіе гувернантки, и Лопуховъ не терялъ надежды.

Въ этихъ поискахъ прошло недѣли двѣ. На пятый день поисковъ, когда Лопуховъ, возвратившись изъ хожденій по Петербургу, лежалъ на своей кушеткѣ, Кирсановъ сказалъ:

— Дмитрій, ты сталъ плохимъ товарищемъ мнѣ въ работѣ. Пропадаешь каждый день на цѣлое утро, и на половину дней пропадаешь по вечерамъ. Нахватался уроковъ, что ли? Такъ время ли теперь набирать ихъ? Я хочу бросить и тѣ, которые у меня есть. У меня есть рублей 40 — достанетъ на три мѣсяца до окончанія курса. А у тебя было больше денегъ въ запасъ, кажется, рублей до сотни?

— Больше, до полутораэта. Да у меня не урокъ: я ихъ бросилъ всѣ, кромѣ одного. У меня дѣло. Кончу его — не будешь на меня жаловаться, что отстаю отъ тебя въ работѣ.

— Какое же?

— Видишь, на томъ урокъ, котораго я не бросилъ, семейство дрянное, а въ немъ есть порядочная дѣвушка. Хочетъ быть гувернанткой, чтобъ уйти отъ семейства. Вотъ я ищу для нея мѣста.

— Хорошая дѣвушка?

— Хорошая.

— Ну, это хорошо. Ищи.—Тѣмъ разговоръ и кончился.

Эхъ, господа Кирсановъ и Лопуховъ, ученые вы люди, а не догадались, что особенно-то хорошо! Положимъ, и то хорошо, о чемъ вы говорили. Кирсановъ и не подумалъ спросить, хороша ли собою дѣвушка. Лопуховъ и не подумалъ упомянуть объ этомъ. Кирсановъ и не подумалъ сказать: „да ты, братъ, не влюбился ли, что больно усердно хлопочешь“, Лопуховъ и не подумалъ сказать: „а я, братъ, очень ею заинтересовался“, или если не хотѣлъ говорить этого, то и не подумалъ замѣтить въ предотвращеніе такой догадки: „ты не подумай, Александръ, что я влюбился“. Имъ, видите ли, обоимъ думалось, что когда дѣло идетъ объ избавленіи человѣка отъ дурного положенія, то нимало не относится къ дѣлу, красиво ли лицо у этого человѣка, хотя бы онъ даже былъ и молодая дѣвушка, а о влюбленности или невлюбленности тутъ нѣтъ рѣчи. Они даже и не подумали того, что думаютъ это; а вотъ это-то и есть самое лучшее, что они и не замѣчали, что думаютъ это.

А впрочемъ, не показываетъ ли это проницательному сорту читателей (большинству записныхъ литературныхъ людей показываетъ—вѣдь оно состоитъ изъ проницательнѣйшихъ господъ), не показываетъ ли это, говорю я, что Кирсановъ и Лопуховъ были люди сухіе, безъ эстетической жилки? Это было еще недавно модное выраженіе у эстетическихъ литераторовъ съ возвышенными стремленіями: „эстетическая жилка“, можетъ быть, и теперь остается моднымъ у нихъ движеніемъ—не знаю, я давно ихъ не видалъ. Натурально ли, чтобы молодые люди, если въ нихъ есть капля вкуса и хоть маленькій кусочекъ сердца, не заинтересовались вопросомъ о лицѣ, говоря про дѣвушку? Конечно, это люди безъ художественнаго чувства (эстетической жилки). А по мнѣнію другихъ, изучавшихъ натуру человѣка въ кругахъ, еще болѣе богатыхъ эстетическимъ чувствомъ, чѣмъ компанія нашихъ эстетическихъ литераторовъ, молодые люди въ такихъ случаяхъ непременно потолкуютъ о женщинѣ даже съ самой пластической стороны. Оно такъ и было, да не теперь, господа; оно и теперь такъ бываетъ, да не въ той части молодежи, которая одна и называется нынѣшней молодежью. Это, господа, странная молодежь.

XI.

— Что, мой другъ, все еще нѣтъ мѣста?

— Нѣтъ еще, Вѣра Павловна, но не унывайте, найдется. Каждый день я бываю въ двухъ, въ трехъ семействахъ. Нельзя же, чтобы не нашлось, наконецъ, порядочное, въ которомъ можно жить.

— Ахъ, но если бы вы знали, мой другъ, какъ тяжело, тяжело мнѣ оставаться здѣсь. Когда мнѣ не представлялось близко возможности избавиться

отъ этого униженія, этой гадости, я насильно держала себя въ какомъ-то мертвомъ безчувствіи. Но теперь, мой другъ, слишкомъ душно въ этомъ гниломъ, гадкомъ воздухѣ.

— Терпѣніе, терпѣніе, Вѣра Павловна, найдемъ!

Въ этомъ родѣ были разговоры съ недѣлю.—Вторникъ:

— Терпѣніе, терпѣніе, Вѣра Павловна, найдемъ!

— Другъ мой, сколько хлопотъ вамъ, сколько потери времени! Чѣмъ я вознагражу васъ?

— Вы вознаградите меня, мой другъ, если не разсердитесь.

Лопуховъ сказалъ, и смутился. Вѣрочка посмотрѣла на него—нѣтъ, онъ не то, что недоговорилъ, онъ не думалъ продолжать, онъ ждетъ отъ нея отвѣта.—Да за что же, мой другъ, что вы сдѣлали?

Лопуховъ еще больше смутился, и какъ будто опечалился.

— Что съ вами, мой другъ?

— Да, вы и не замѣтили, — онъ сказалъ это такъ грустно, и потомъ засмѣялся такъ весело.—Ахъ, Боже мой, какъ я глупъ, какъ я глупъ! простите меня, мой другъ!

— Ну, что такое?

— Ничего. Вы ужъ наградили меня.

— Ахъ, вотъ что! Какой же вы чудакъ! — Ну, хорошо, зовите такъ.

Въ четвергъ было Гамлетовское испытаніе по Саксону Грамматику. Послѣ того, на нѣсколько дней, Марья Алексѣвна даетъ себѣ нѣкоторый (небольшой) отдыхъ въ надзорѣ.

Суббота. Послѣ чаю, Марья Алексѣвна уходитъ считать бѣлье, принесенное прачкою.

— Мой другъ, дѣло, кажется, устроится.

— Да? — Если такъ... ахъ, Боже мой... ахъ, Боже мой, скорѣе! Я, кажется, умру, если это продлится. Когда же и какъ?

— Рѣшится завтра. Почти, почти несомнѣнная надежда.

— Что же, какъ же?

— Держите себя смирно, мой другъ: замѣтятъ! вы чуть не прыгаете отъ радости. Вѣдь Марья Алексѣвна можетъ сейчасъ войти зачѣмъ-нибудь.

— А самъ хорошъ! Вошелъ, сіяетъ такъ, что маменька долго смотрѣла на васъ.

— Что-жъ, я ей сказалъ, отчего я веселъ, я замѣтилъ, что надобно было ей сказать, я такъ сказалъ: „я нашелъ отличное мѣсто“.

— Несносный, несносный! Вы занимаетесь предостереженіями мнѣ, и до сихъ поръ ничего не сказали. Что же, говорите, наконецъ.

— Нынче поутру Кирсановъ, — вы знаете, мой другъ, фамилія моего товарища Кирсановъ...

— Знаю, несносный, несносный, знаю! говорите же скорѣе, безъ этихъ глупостей.

— Сами мѣшаете, мой другъ!

— Ахъ, Боже мой! и все замѣчанія, вмѣсто того, чтобы говорить дѣло. Я не знаю, что я съ вами сдѣлала бы—я васъ на колѣни поставлю: здѣсь нельзя.—велю вамъ стать на колѣни въ вашей квартирѣ, когда вы вернетесь

домой, и чтобы вашъ Кирсановъ смотрѣлъ и прислалъ мнѣ записку, что вы стояли на колѣняхъ,—слышите, что я съ вами сдѣлаю.

— Хорошо, я буду стоять на колѣняхъ. А теперь молчу. Когда исполню наказаніе, буду прощенъ, тогда и буду говорить.

— Прощаю, только говорите, несносный.

— Благодарю васъ. Вы прощаете, Вѣра Павловна, когда сами виноваты. Сами все перебивали.

— Вѣра Павловна? Это что? А вашъ другъ гдѣ же?

— Да, это былъ выговоръ, мой другъ. Я человѣкъ обидчивый и суровый.

— Выговоръ? Вы смѣете давать мнѣ выговоры? Я не хочу васъ слушать.

— Не хотите?

— Конечно, не хочу. Что мнѣ еще слушать? Вѣдь вы ужъ все сказали; что дѣло почти кончено, что завтра оно рѣшится,—видите, мой другъ, вѣдь вы сами еще ничего не знаете нынче. Что же слушать? До свиданья, мой другъ!

— Да послушайте, мой другъ... Другъ мой, послушайте же!

— Не слушаю, и уйду.—Вернулась. Говорите скорѣе, не буду перебивать. Ахъ, Боже мой, еслибъ вы знали, какъ вы меня обрадовали! Дайте вашу руку. Видите, какъ крѣпко, крѣпко жму.

— А слезы на глазахъ зачѣмъ?

— Благодарю васъ, благодарю васъ.

— Нынче поутру Кирсановъ далъ мнѣ адресъ дамы, которая назначила мнѣ завтра быть у нея. Я лично незнакомъ съ нею, но очень много слышалъ о ней отъ нашего общаго знакомаго, который и былъ посредникомъ. Мужа ея знаю я самъ,—мы видѣлись у этого моего знакомаго много разъ. Судя по всему этому, я увѣренъ, что въ ея семействѣ можно жить. А она, когда давала адресъ моему знакомому для передачи мнѣ, сказала, что увѣрена, что сойдется со мною въ условіяхъ. Стало быть, мой другъ, дѣло можно считать почти совершенно конченнымъ.

— Ахъ, какъ это будетъ хорошо! какая радость!—твердила Вѣрочка.— Но я хочу знать это скорѣе, какъ можно скорѣе. Вы отъ нея пройдете прямо къ намъ?

— Нѣтъ, мой другъ, это возбудитъ подозрѣнія. Вѣдь я бываю у васъ только для уроковъ. Мы сдѣлаемъ вотъ что. Я пришлю по городской почтѣ письмо къ Марьѣ Алексѣвнѣ, что не могу быть на урокъ во вторникъ, и переносу его на среду. Если будетъ написано: на среду утро—значить, дѣло состоялось; на среду вечеръ—неудача. Но почти несомнѣнно „на утро“. Марья Алексѣвна это расскажетъ и Федѣ, и вамъ, и Павлу Константиновичу.

— Когда же придетъ письмо?

— Вечеромъ.

— Такъ долго! нѣтъ, у меня неостанетъ терпѣнья. И что-жь я узнаю изъ письма? Только „да“—и потомъ ждать до среды! Это мученье! Если „да“, я какъ можно скорѣе уѣду къ этой дамѣ. Я хочу знать тотчасъ же. Какъ же это сдѣлать? Я сдѣлаю вотъ что: я буду ждать васъ на улицѣ, когда вы пойдете отъ этой дамы.

— Другъ мой, да это было бы еще неосторожнѣе, чѣмъ мнѣ пріѣхать къ вамъ. Нѣтъ, ужъ лучше я пріѣду.

— Нѣтъ, здѣсь, можетъ быть, нельзя было-бъ и говорить. И во всякомъ случаѣ, маменька стала бы подозрѣвать. Нѣтъ, лучше такъ, какъ я вѣду-мала. У меня есть такой густой вуаль, что никто не узнаетъ.

— А что же, и въ самомъ дѣлѣ, кажется, это можно. Дайте подумать.

— Некогда думать. Маменька можетъ войти каждую минуту. Гдѣ живетъ эта дама?

— Въ Галерной, подлѣ моста.

— Во сколько часовъ вы будете у нея?

— Она назначила въ двѣнадцать.

— Съ двѣнадцати я буду сидѣть на Конно-Гвардейскомъ бульварѣ, на послѣдней скамьѣ того конца, который ближе къ мосту. Я сказала, что на мнѣ будетъ густой вуаль. Но вотъ вамъ примѣта: я буду держать въ рукѣ свертокъ ноть. Если меня еще не будетъ, значить, меня задержали. Но вы садитесь на эту скамью и ждите. Я могу опоздать, но буду непремѣнно. Какъ я хорошо придумала! Какъ я вамъ благодарна! Какъ я буду счастлива! Что ваша невѣста, Дмитрій Сергѣичъ? Вы ужъ разжалованы изъ друзей въ Дмитрія Сергѣича. Какъ я рада, какъ я рада!—Вѣрочка побѣжала къ фортепьяно и начала играть.

— Другъ мой, какое униженіе искусства! Какая порча вашего вкуса! Оперы брошены для галоповъ!

— Брошены, брошены!

Черезъ нѣсколько минутъ вошла Марья Алексѣвна. Дмитрій Сергѣевичъ поигралъ съ нею въ преферансъ вдвоемъ, сначала выигрывалъ, потомъ далъ отыграться, даже проигралъ 35 копѣекъ, — это въ первый разъ снабдилъ онъ ее торжествомъ, и уходя, оставилъ ее очень довольною, — не деньгами, а собственно торжествомъ: есть чисто идеальныя радости у самыхъ погрязшихъ въ матеріализмъ сердецъ, чѣмъ и доказывается, что матеріалистическое объясненіе жизни неудовлетворительно.

ХІІ.

Первый сонъ Вѣрочки.

И снится Вѣрочкѣ сонъ.

Снится ей, что она заперта въ сыромъ, темномъ подвалѣ. И вдругъ, дверь растворилась, и Вѣрочка очутилась въ полѣ, бѣгаетъ, рѣзвится, и думаетъ: „какъ же это я могла не умереть въ подвалѣ?“ — „это потому, что я не видала поля; если бы я видала его, я бы умерла въ подвалѣ“, — и опять бѣгаетъ, рѣзвится. Снится ей, что она разбита параличемъ, и она думаетъ: „какъ же это я разбита параличемъ? Это бываютъ разбиты старики, старухи, а молодая дѣвушка не бываетъ“. — „Бываютъ, часто бываютъ, говорить чей-то незнакомый голосъ, а ты теперь будешь здорова, вотъ только я коснусь твоей руки, — видишь, ты ужъ и здорова, вставай же“. — Кто-жъ это говорить? — А какъ стало легко! — вся болѣзнь прошла, — и Вѣрочка встала, идетъ, бѣжитъ, и опять на полѣ, и опять рѣзвится, бѣгаетъ, и опять думаетъ: „какъ же это

я могла переносить параличъ?“— „это потому, что я родилась въ параличѣ, не знала, какъ ходить и бѣгаютъ; а еслибъ знала, не перенесла бы“,—и бѣгаетъ, рѣзвится. А вотъ идетъ по полю дѣвушка,—какъ странно!—и лицо, и походка, все мѣняется, безпрестанно мѣняется въ ней; вотъ она англичанка, французенка, вотъ она ужъ нѣмка, полячка, вотъ стала и русская, опять англичанка, опять нѣмка, опять русская,—какъ же это у ней все одно лицо? Вѣдь англичанка не похожа на французенку, нѣмка на русскую, а у ней и мѣняется лицо, и все одно лицо,—какая странная! и выраженіе лица безпрестанно мѣняется: какая кроткая! какая сердитая! вотъ печальная, вотъ веселая,—все мѣняется! а все добрая,—какъ же это, и когда сердитая, все добрая? но только, какая же она красавица! какъ ни мѣняется лицо, съ каждою перемѣною все лучше, все лучше. Подходить къ Вѣрочкѣ.— „Ты кто?“ — „Онъ прежде звалъ меня: Вѣра Павловна, а теперь зоветъ: мой другъ“. — „А, такъ это ты та Вѣрочка, которая меня полюбила?“ — „Да, я васъ очень люблю. Только, кто же вы?“ — „Я невѣста твоего жениха“. — „Какого жениха?“ — „Я не знаю. Я не знаю своихъ жениховъ. Они меня знаютъ, а мнѣ нельзя ихъ знать: у меня ихъ много. Ты кого-нибудь изъ нихъ выбери себѣ въ женихи, только изъ нихъ, изъ моихъ жениховъ“. — „Я выбрала...“ — „Имени мнѣ не нужно, я ихъ не знаю. Но только выбирай изъ нихъ, изъ моихъ жениховъ. Я хочу, чтобъ мои сестры и женихи выбирали только другъ друга. Ты была заперта въ подвалѣ? Была разбита параличомъ?“ — „Была“. — „Теперь избавилась?“ — „Да“. — „Это я тебя выпустила, я тебя вылечила. Помни же, что еще много невыпущенныхъ, много невылеченныхъ. Выпускай, лечи. Будешь?“ — „Буду. Только какъ же васъ зовутъ? мнѣ такъ хочется знать“. — „У меня много именъ. У меня разныя имена. Кому какъ надобно меня звать, такое имя я ему и сказываю. Ты меня зови любовью къ людямъ. Это и есть мое настоящее имя. Меня немногіе такъ зовутъ. А ты зови такъ“. — И Вѣрочка идетъ по городу: вотъ подвалъ,—въ подвалѣ заперты дѣвушки. Вѣрочка притронулась къ замку,—замокъ слетѣлъ: „идите“—онѣ выходятъ. Вотъ комната,—въ комнатѣ лежатъ дѣвушки, разбитыя параличемъ: „вставайте“—онѣ встаютъ, идутъ, и всѣ онѣ опять на полѣ, бѣгаютъ, рѣзвятся,—ахъ, какъ весело! съ ними вмѣстѣ гораздо веселѣе, чѣмъ одной! Ахъ, какъ весело!

ХІІІ.

Въ послѣднее время Лопухову некогда было видѣться съ своими академическими знакомыми. Кирсановъ, продолжавшій видѣться съ ними, на вопросы о Лопуховѣ отвѣчалъ, что у него, между прочимъ, вотъ какая забота, и одинъ изъ ихъ общихъ пріятелей, какъ мы знаемъ, далъ ему адресъ дамы, къ которой теперь отправлялся Лопуховъ.

„Какъ отлично устроится, если это будетъ такъ, думалъ Лопуховъ, по дорогѣ къ ней:—черезъ два, много черезъ два съ половиною года, я буду имѣть каѳедру. Тогда можно будетъ жить. А пока она проживетъ спокойно у Б.,—если только Б. дѣйствительно хорошая женщина,—да въ этомъ нельзя и сомнѣваться“.

Дѣйствительно, Лопуховъ нашелъ въ г-жѣ Б. женщину умную, добрую, безъ претензій, хотя по службѣ мужа, по своему состоянію и родству она могла бы имѣть большія претензіи. Ея условія были хороши, семейная обстановка для Вѣрочки очень покойна, — все оказалось отлично, какъ и ждалъ Лопуховъ. Г-жа Б. также находила удовлетворительными отвѣты Лопухова о характерѣ Вѣрочки, дѣлю быстро шло на ладъ, и потолковавъ полчаса, г-жа Б. сказала, что „если ваша молоденькая тетюшка будетъ согласна на мои условія, прошу ее переселяться ко мнѣ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ пріятнѣе для меня“.

— Она согласна; она уполномочила меня согласиться за нее. Но теперь, когда мы рѣшили, я долженъ сказать вамъ то, о чемъ напрасно было бы говорить прежде, чѣмъ сошлись мы. Эта дѣвушка мнѣ не родственница. Она дочь чиновника, у котораго я даю уроки. Кромѣ меня, она не имѣла человѣка, которому могла бы поручить хлопоты. Но я совершенно посторонній человѣкъ ей.

— Я это знала, мсьё Лопуховъ. Вы, профессоръ N (она назвала фамилію знакомаго, черезъ котораго полученъ былъ адресъ) и вашъ товарищъ, говорившій съ нимъ о вашемъ дѣлѣ, знаете другъ друга за людей достаточно чистыхъ, чтобы вамъ можно было говорить между собою о дружбѣ одного изъ васъ съ молодою дѣвушкою, не компрометируя эту дѣвушку во мнѣніи другихъ двухъ. А N. такого же мнѣнія обо мнѣ, и зная, что я ищу гувернантку, онъ почелъ себя въ правѣ сказать мнѣ, что эта дѣвушка не родственница вамъ. Не порицайте его за нескромность, — онъ очень хорошо знаетъ меня. Я тоже честный человѣкъ, мсьё Лопуховъ, и повѣрьте, я понимаю, кого можно уважать. Я вѣрю N. столько же, какъ сама себѣ, а N. вамъ столько же, какъ самъ себѣ. Но N. не зналъ ея имени; теперь, кажется, я могу уже спросить его, вѣдь мы кончили, и нынче-завтра она войдетъ въ наше семейство.

— Ее зовутъ Вѣра Павловна Розальская.

— Теперь еще объясненіе съ моей стороны. Вамъ можетъ казаться страннымъ, что я, при своей заботливости о дѣтяхъ, рѣшилась кончить дѣло съ вами, не видѣвъ ту, которая будетъ имѣть такое близкое отношеніе къ моимъ дѣтямъ. Но я очень-очень хорошо знаю, изъ какихъ людей состоитъ вашъ кружокъ. Я знаю, что если одинъ изъ васъ принимаетъ такое дружеское участіе въ человѣкѣ, то этотъ человѣкъ долженъ быть рѣдкой находкой для матери, желающей видѣть свою дочь дѣйствительно хорошимъ человѣкомъ. Потому осмотръ мнѣ казался совершенно излишнею не деликатностью. Я говорю комплиментъ не вамъ, а себѣ.

— Я очень радъ теперь за m-ле Розальскую. Ея домашняя жизнь была такъ тяжела, что она чувствовала бы себя очень счастливою во всякомъ сносномъ семействѣ. Но я не мечтаю, чтобы нашлась для нея такая дѣйствительно хорошая жизнь, какую она будетъ имѣть у васъ.

— Да, N. говорилъ мнѣ, что ей было дурно жить въ семействѣ.

— Очень дурно. — Лопуховъ сталъ рассказывать то, что нужно было знать г-жѣ Б., чтобы въ разговорахъ съ Вѣрою избѣгать предметовъ, которые напоминали бы дѣвушкѣ ея прошлыя непріятности. Г-жа Б. слушала съ участіемъ, наконецъ пожала руку Лопухову: — Нѣтъ, довольно, мсьё Лопуховъ, или я расчувствуюсь, а въ мои лѣта, — вѣдь мнѣ подъ 40, — было бы смѣшно показывать, что я до сихъ поръ не могу равнодушно слушать о семейномъ тиранствѣ, отъ котораго сама терпѣла въ молодости.

— Позвольте же сказать еще только одно; это такъ неважно для васъ, что можетъ быть и не было бы надобности говорить. Но все-таки, лучше предупредить. Теперь она бѣжить отъ жениха, котораго ей навязываетъ мать.

Г-жа Б. задумалась. Лопуховъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на нее и тоже задумался.

— Если не ошибаюсь, это обстоятельство не кажется для васъ такимъ маловажнымъ, какимъ представлялось мнѣ?

Г-жа Б. казалась совершенно разстроенною.

— Простите меня,—продолжалъ онъ, видя, что она совершенно растерялась:—простите меня, но я вижу, что это васъ затрудняетъ.

— Да, это дѣло очень серьезное, мсьё Лопуховъ. Уѣхать изъ дома противъ воли родныхъ,—это, конечно, уже значить вызывать сильную ссору. Но это, какъ я вамъ говорила, было бы еще ничего. Если бы она бѣжала только отъ грубости и тиранства ихъ, съ ними было бы можно уладить такъ или иначе,—въ крайнемъ случаѣ, нѣсколько лишнихъ денегъ, и они удовлетворены. Это ничего. Но... такая мать навязываетъ ей жениха; значить, женихъ богатый, очень выгодный.

— Конечно, сказалъ Лопуховъ совершенно унылымъ тономъ.

— Конечно, мсьё Лопуховъ, конечно, богатый; вотъ это-то меня и смущало. Въдѣ въ такомъ случаѣ, мать не можетъ быть примирена ничѣмъ. А вы знаете права родителей! Въ этомъ случаѣ, они воспользуются ими вполне. Они начнутъ процессъ и поведутъ его до конца.

Лопуховъ всталъ.

— И такъ, мнѣ остается просить васъ, чтобы то, что было говорено мною, было забыто вами.

— Нѣтъ, останьтесь. Дайте же мнѣ хоть сколько-нибудь оправдаться передъ вами. Боже мой, какъ дурна должна я казаться въ вашихъ глазахъ! То, что должно заставлять каждого порядочнаго человѣка сочувствовать, защищать,—это самое останавливаетъ меня. О, какіе мы жалкіе люди!

На нее, въ самомъ дѣлѣ, было жалко смотрѣть: она не прикидывалась. Ей было, въ самомъ дѣлѣ, больно. Довольно долго ея слова были безсвязны,—такъ она была сконфужена за себя; потомъ, мысли ея прилипли въ порядокъ, но и безсвязныя, и въ порядкѣ, онѣ уже не говорили Лопухову ничего новаго. Да и самъ онъ былъ также разстроенъ. Онъ былъ такъ занятъ открытіемъ, которое она сдѣлала ему, что не могъ заниматься ея объясненіями по случаю этого открытія. Давши ей наговориться въ волю, онъ сказалъ:

— Все, что вы говорили въ свое извиненіе, было напрасно. Я обязанъ былъ оставаться, чтобы не быть грубымъ, не заставить васъ подумать, что я виню или сержусь. Но, признаюсь вамъ, я не слушалъ васъ. О, если-бъ я не зналъ, что вы правы! Да, какъ это было бы хорошо, если-бъ вы не были правы. Я сказалъ бы ей, что мы не сошлись въ условіяхъ, или что вы не понравились мнѣ!—и только, и мы съ нею стали бы надѣяться встрѣтить другой случай избавленія. А теперь, что я ей скажу?

Г-жа Б. плакала.

— Что я ей скажу? повторялъ Лопуховъ, сходя съ лѣстницы.—Какъ же это ей быть? Какъ же это ей быть? думалъ онъ, выходя изъ Галерной въ улицу, которая ведетъ на Конно-Гвардейскій бульваръ.

Разумѣется, г-жа Б. не была права въ томъ безусловномъ смыслѣ, въ какомъ правы люди, доказывающіе ребятишкамъ, что мѣсяца нельзя достать рукою. При ея положеніи въ обществѣ, при довольно важныхъ должностныхъ связяхъ ея мужа, очень вѣроятно, даже несомнѣнно, что если бы она ужъ не-премѣнно захотѣла, чтобы Вѣрочка жила у нея, то Марья Алексѣвна не могла бы ни вырвать Вѣрочку изъ ея рукъ, ни сдѣлать серьезныхъ неприяностей ни ей, ни ея мужу, который былъ бы официальнымъ отвѣтчикомъ по процессу, и за котораго она боялась. Но все-таки, г-жѣ Б. пришлось бы имѣть довольно хлопотъ, быть можетъ и нѣкоторые неприятные разговоры; надобно было бы одолжаться по чужому дѣлу людьми, услуги которыхъ лучше приберечь для своихъ дѣлъ. Кто обязанъ и какой благоразумный человѣкъ захочетъ поступать не такъ, какъ г-жа Б.? мы нисколько не въ правѣ осуждать ее; да и Лопуховъ не былъ неправъ, отчаявшись за избавленіе Вѣрочки.

XIV.

А Вѣрочка давно, давно сидѣла на условленной скамьѣ, и сколько разъ начинало быстро, быстро биться ея сердце, когда изъ за - угла показывалась военная фуражка.—Наконецъ-то! онъ! другъ! — Она вскочила, побѣжала навстрѣчу.

Быть можетъ, онъ и прибодрился бы, подходя къ скамьѣ, но застигнутый врасплохъ, раньше чѣмъ ждалъ показать ей свою фигуру, онъ былъ застигнутъ съ пасмурнымъ лицомъ.

— Неудача?

— Неудача, мой другъ.

— Да вѣдь это было такъ вѣрно? Какъ же неудача? Отчего же, мой другъ?

— Пойдемъ-те домой, мой другъ, я васъ провожу. Поговоримъ. Я черезъ нѣсколько минутъ скажу, въ чемъ неудача. А теперь, дайте подумать. Я все еще не собрался съ мыслями. Надобно придумать что нибудь новое. Не будемъ унывать, придумаемъ.—Онъ уже прибодрился на послѣднихъ словахъ, но очень плохо.

— Скажите сейчасъ, вѣдь ждать невыносимо. Вы говорите: придумать что нибудь новое—значить, то, что мы прежде придумали, вовсе не годится? Мнѣ нельзя быть гувернанткою? Бѣдная я, несчастная я!

— Что васъ обманывать? Да, нельзя. Я это хотѣлъ сказать вамъ. Но—терпѣніе, терпѣніе, мой другъ! Будьте тверды! Кто твердъ, добьется удачи.

— Ахъ, мой другъ, я тверда, но какъ тяжело.

Они шли нѣсколько минутъ молча.—Что это? да, она что-то несетъ въ рукѣ подъ пальто.

— Другъ мой, вы несете что-то, дайте, я возьму.

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно. Это не тяжело. Ничего.

Опять идутъ молча. Долго идутъ.

— А вѣдь я до двухъ часовъ не спала отъ радости, мой другъ. А когда я уснула, какой сонъ видѣла! Будто я освобождаюсь изъ душнаго подвала.

будто я была въ параличѣ и выздоровѣла, и выбѣжала въ поле, и со мной выбѣжало много подругъ, тоже, какъ я, вырвавшихся изъ подваловъ, выздоровѣвшихъ отъ паралича, и намъ было такъ весело, такъ весело бѣгать по просторному полю! Не сбылся сонъ! А я думала, что ужъ не ворочусь домой.

— Другъ мой, дайте же, я возьму вашъ узелокъ, вѣдь теперь онъ ужъ не секретъ.

Опять идутъ молча. Долго идутъ и молчать.

— Другъ мой, видите, до чего мы договорились съ этою дамою: вамъ нельзя уйти изъ дому безъ воли Марьи Алексѣвны. Это нельзя—нѣтъ, нѣтъ, пойдемъ подъ-руку, а то я боюсь за васъ.

— Нѣтъ, ничего, только мнѣ душно подъ этимъ вуалемъ.

Она отбросила вуаль.—Теперь ничего, хорошо.

— („Какъ блѣдна!“) Нѣтъ, мой другъ, вы не думайте того, что я сказалъ. Я не такъ сказалъ. Все устроимъ какъ-нибудь.

— Какъ устроимъ, мой милый? это вы говорите, чтобы утѣшить меня. Ничего нельзя сдѣлать.

Онъ молчитъ. Опять идутъ молча.

— („Какъ блѣдна! какъ блѣдна!“) Мой другъ, есть одно средство.

— Какое, мой милый?

— Я вамъ скажу, мой другъ, но только когда вы нѣсколько успокоитесь. Объ этомъ надобно будетъ вамъ разсудить хладнокровно.

— Говорите сейчасъ! Я не успокоюсь, пока не услышу.

— Нѣтъ; теперь вы слишкомъ взволнованы, мой другъ. Теперь вы не можете принимать важныхъ рѣшеній. Черезъ нѣсколько времени. Скоро. Вотъ подъѣздъ. До свиданья, мой другъ. Какъ только увижу, что вы будете отвѣчать хладнокровно, я вамъ скажу.

— Когда же?

— Послѣ завтра на урокъ.

— Слишкомъ долго!

— Нарочно буду завтра.

— Нѣтъ, скорѣе!

— Нынче вечеромъ.

— Нѣтъ, я васъ не отпущу. Идите со мною. Я не спокойна, вы говорите; я не могу судить, вы говорите,—хорошо, обѣдайте у насъ. Вы увидите, что я буду спокойна. Послѣ обѣда маменька спитъ, и мы можемъ говорить.

— Но какъ же я войду къ вамъ? Если мы войдемъ вмѣстѣ, ваша маменька будетъ опять подозрѣвать.

— Подозрѣвать!—Что мнѣ! Нѣтъ, мой другъ, и для этого вамъ лучше ужъ войти. Вѣдь я шла съ поднятымъ вуалемъ, насъ могли видѣть.

— Ваша правда.

XV.

Марья Алексѣвна очень удивилась, увидѣвъ дочь и Лопухова входящими вмѣстѣ. Самыми пристальными глазами принялась она всматриваться въ нихъ.

— Я зашелъ къ вамъ, Марья Алексѣвна, сказать, что послѣ завтра вечеръ у меня занятъ, и я вмѣсто того приду на урокъ завтра. Позвольте мнѣ сѣсть. Я очень усталъ и разстроенъ. Мнѣ хочется отдохнуть.

— Въ самомъ дѣлѣ, что съ вами, Дмитрій Сергѣичъ! Вы ужасно пасмурны.

Съ амурныхъ дѣлъ они, или такъ встрѣтились? Какъ бы съ амурныхъ дѣлъ, онъ бы былъ веселый. А ежели бы въ амурныхъ дѣлахъ они поссорились, по ея несоотвѣтствію на его желаніе, тогда бы, точно, онъ былъ сердитый, только тогда они вѣдь поссорились бы,—не сталъ бы онъ ее провожать. И опять, она прошла прямо въ свою комнату, и на него не поглядѣла, а ссоры незамѣтно,—нѣтъ, видно, такъ встрѣтились. А чортъ ихъ знаетъ, надо глядѣть въ оба.

— Я-то ничего особеннаго, Марья Алексѣвна, а вотъ Вѣра Павловна какъ будто блѣдна,—или мнѣ такъ показалось?

— Вѣрочка-то? Съ ней бываетъ.

— А можетъ быть, мнѣ, только такъ показалось. У меня, признаюсь вамъ, отъ всѣхъ мыслей голова кругомъ идетъ.

— Да что же такое, Дмитрій Сергѣичъ? Ужъ не съ невѣстой ли какая размолвка?

— Нѣтъ, Марья Алексѣвна, невѣстой я доволенъ. А вотъ съ родными хочу ссориться.

— Что это вы, батюшка? Дмитрій Сергѣичъ, какъ это можно съ родными ссориться? Я объ васъ, батюшка, не такъ думала.

— Да нельзя, Марья Алексѣвна, такое семейство-то. Требуютъ отъ человека Богъ знаетъ чего, чего онъ не въ силахъ сдѣлать.

— Это другое дѣло, Дмитрій Сергѣичъ,—всѣхъ не наградишь, надо мѣру знать, это точно. Ежели такъ, то есть по деньгамъ ссора, не могу васъ осуждать.

— Позвольте мнѣ быть невѣжою, Марья Алексѣвна: я такъ разстроенъ, что надобно мнѣ отдохнуть въ пріятномъ и уважаемомъ мною обществѣ; а такого общества я нигдѣ не нахожу, кромѣ какъ въ вашемъ домѣ. Позвольте мнѣ напроситься обѣдать у васъ нынче и позвольте сдѣлать нѣкоторыя порученія вашей Матренѣ. Кажется, тутъ есть недалеко погребъ Денкера, у него вино не Богъ знаетъ какое, но хорошее.

Лицо Марьи Алексѣвны, сильно разъярившееся при первомъ словѣ про обѣдъ, сложило съ себя рѣшительный гнѣвъ при упоминаніи о Матренѣ и приняло выжидающій видъ:—„посмотримъ, голубчикъ, что-то приложинишь отъ себя къ обѣду?—у Денкера,—видно, что-нибудь хорошее!“ Но голубчикъ, вовсе не смотря на ея лицо, уже вынулъ портъ-сигаръ, оторвалъ клочекъ бумаги отъ заваливашагося въ немъ письма, вынулъ карандашъ и писалъ.

— Если смѣю спросить, Марья Алексѣвна, вы какое вино кушаете?

— Я, батюшка Дмитрій Сергѣичъ, признаться вамъ сказать, мало знаю толку въ винѣ, почти что и не пью: не женское дѣло.

„Оно и по рожѣ съ перваго взгляда было видно, что не пьешь“.— Конечно, такъ, Марья Алексѣвна, но мараскины пьютъ даже дѣвицы. Мнѣ позволите написать?

— Это что такое, Дмитрій Сергѣичъ?

— Просто, не вино даже, можно сказать, а сиропъ.—Онъ вынулъ красненькую бумажку.—Кажется, будетъ довольно?—онъ повелъ глазами по запискѣ—на всякій случай, дамъ еще 5 рублей.

Доходъ за три недѣли, содержаніе на мѣсяцъ. Но нельзя иначе, надо хорошую взятку Марья Алексѣвна.

У Марья Алексѣвны глаза покрылись влагою, и лицомъ неудержимо овладѣла сладостнѣйшая улыбка.

— У васъ есть и кондитерская недалеко? Не знаю, найдется ли готовый пирогъ изъ грецкихъ орѣховъ,—на мой вкусъ, это самый лучший пирогъ, Марья Алексѣвна; но если нѣтъ такого,—какой есть, не взыщите.

Онъ отправился въ кухню и послалъ Матрену дѣлать покупки.

— Кутнемъ нынче, Марья Алексѣвна. Хочу пропить ссору съ родными. Почему не кутнуть, Марья Алексѣвна? Дѣло съ невѣстой на лады идетъ. Тогда не такъ заживемъ,—весело заживемъ,—правда, Марья Алексѣвна?

— Правда, батюшка, Дмитрій Сергѣичъ. То-то, я смотрю, что-то ужъ вы деньгами-то больно сорите, чего я отъ васъ не ждала, какъ отъ человѣка основательнаго. Видно, отъ невѣсты задаточекъ получили?

— Задаточка не получилъ, Марья Алексѣвна, а если деньги завелись, то кутнуть можно. Что задаточекъ? Тутъ не въ задаточкѣ дѣло. Что задаточками-то пробавляться? Дѣло надо на чистоту вести, а то еще подозрѣнье будетъ. Да и не благородно, Марья Алексѣвна.

— Не благородно, Дмитрій Сергѣичъ, точно, не благородно. По моему, надо во всемъ благородство соблюдать.

— Правда ваша, Марья Алексѣвна.

Съ полчаса, или съ три четверти часа, остававшіеся до обѣда, шель самый любезный разговоръ въ этомъ родѣ о всякихъ благородныхъ предметахъ. Тутъ Дмитрій Сергѣичъ, между прочимъ, высказалъ въ порывѣ откровенности, что его женитьба сильно приблизилась въ это время.—А какъ свадьба Вѣры Павловны?—Марья Алексѣвна ничего не можетъ сказать, потому что не принуждаетъ дочь.—Конечно; но по его замѣчанію, Вѣра Павловна скоро рѣшится на замужество; она ему ничего не говорила, только вѣдь у него глаза-то есть.—Вѣдь мы съ вами, Марья Алексѣвна, старые воробы, насъ на мякинѣ не проведешь. Миѣ хоть лѣтъ не много, а я тоже старый воробей, тертый калачъ, такъ ли, Марья Алексѣвна?—Такъ, батюшка, тертый калачъ, тертый калачъ!—Словомъ сказать, пріятная бесѣда по душѣ съ Марьею Алексѣвною такъ оживила Дмитрія Сергѣича, что куда дѣвалась его грусть! онъ былъ такой веселый, какимъ его Марья Алексѣвна еще никогда не видывала.—Тонкая бестія, шельма этакій! схапалъ у невѣсты ужъ не одну тысячу,—а родные-то провѣдали, что онъ карманъ-то понабилъ, да и приступили; а онъ имъ: нѣтъ батюшка и матушка, какъ сынъ, я васъ готовъ уважать, а денегъ у меня для васъ нѣтъ. Экая шельма-то какая!—Пріятно бесѣдовать съ такимъ человѣкомъ, особенно, когда, услышавъ, что Матрена вернулась, сбѣгаешь на кухню, сказавъ, что идешь въ свою спальную за носовымъ платкомъ, и увидишь, что вина куплено на 12 руб. 50 коп.,—вѣдь только третью долю выпьемъ за обѣдомъ,—и кондитерскій пирогъ въ 1 р.

50 коп.,—ну, это можно сказать, брошенные деньги, на пирогъ-то! но все же останется и пирогъ: можно будетъ кумамъ подать вмѣсто варенья, все же не въ убытокъ, а въ сбереженіе.

XVI.

А Вѣрочка сидитъ въ своей комнатѣ.

„Хорошо ли я сдѣлала, что заставила его зайти? Маменька смотрѣла такъ пристально.

„И въ какое трудное положеніе поставила я его! Какъ остаться обѣдать?

„Боже мой, что со мной, бѣдной, будетъ?

„Есть одно средство, говорить онъ,—нѣтъ, мой милый, нѣтъ никакого средства!

„Нѣтъ, есть средство,—вотъ оно: окно. Когда будетъ уже слишкомъ тяжело, брошусь изъ него.

„Какая я смѣшная: „когда будетъ слишкомъ тяжело“—а теперь-то?

„А когда бросишься въ окно, какъ быстро, быстро полетишь,—будто не падаешь, а въ самомъ дѣлѣ летишь,—это должно быть очень пріятно. Только потомъ ударишься о тротуаръ—ахъ, какъ жестко! и больно! нѣтъ я думаю, боли не успѣешь почувствовать,—а только очень жестко! Да вѣдь это одинъ, самый коротенькій мигъ; а зато передъ этимъ—воздухъ будто самая мягкая перина,—разступается такъ легко, нѣжно... Нѣтъ, это хорошо...

„Да, а потомъ? Будутъ всѣ смотрѣть—голова разбитая, лицо разбитое, въ крови, въ грязи... Нѣтъ, еслибы можно было на это мѣсто посыпать чистаго песку,—здѣсь и песокъ-то все грязный... нѣтъ, самаго бѣлаго, самаго чистаго... вотъ бы хорошо было. И лицо бы осталось не разбитое, чистое, не пугало бы никого.

„А въ Парижѣ бѣдныя дѣвушки задумаются чадомъ. Вотъ это хорошо; это очень, очень хорошо. А бросаться изъ окна нехорошо. А это хорошо.

„Какъ они громко тамъ говорятъ. Что она говорятъ?—Нѣтъ, ничего не слышно.

„И я бы оставила ему записку, въ которой бы все написала. Вѣдь я ему тогда сказала: „нынче день моего рожденія“. Какая смѣлая тогда я была. Какъ это я была такая! Да вѣдь я была тогда глупенькая, вѣдь я тогда не понимала.

„Да, какія умныя въ Парижѣ бѣдныя дѣвушки! А что же, развѣ я не буду умной? Вотъ, какъ смѣшно будетъ: входить въ комнату—ничего не видно, только угарно, и воздухъ зеленый; испугались: что такое? гдѣ Вѣрочка? маменька кричитъ на папеньку: что ты стоишь, выбей окно!—выбили окно, и видятъ: я сижу у туалета, и опустила голову на туалетъ, а лицо закрыла руками.—„Вѣрочка, ты угорѣла!“—а я молчу.—„Вѣрочка, что ты молчишь?“—„Ахъ, да она удушилась!“—Начинаютъ кричать, плакать. Ахъ, какъ это будетъ смѣшно, что они будутъ плакать, и маменька станетъ рассказывать, какъ она меня любила.

„Да, а вѣдь онъ будетъ жалѣть.—Что-жъ, я ему оставлю записку.

„Да, посмотрю, посмотрю, да и сдѣлаю, какъ бѣдныя парижскія дѣвушки. Вѣдь если я скажу, такъ сдѣлаю. Я не боюсь.

„Да и чего тутъ бояться? вѣдь это такъ хорошо! Только вотъ подожду, какое это средство, про которое онъ говорить. Да нѣтъ, никакого нѣтъ. Это только такъ, онъ успокоивалъ меня.

„Зачѣмъ это люди успокоиваютъ? Вовсе не нужно успокоивать. Развѣ можно успокоивать, когда нельзя помочь? Вѣдь вотъ онъ умный, а тоже такъ сдѣлалъ. Зачѣмъ это онъ сдѣлалъ? Это не нужно.

„Что-жь это онъ такъ говорить? Будто ему весело, такой веселый голосъ!

„Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ придумалъ средство?

„Да нѣтъ, средства никакого нѣтъ.

„А если-бъ онъ не придумалъ, развѣ бы онъ былъ веселый?

„Что жъ это онъ придумалъ?

XVII.

— Вѣрочка, иди обѣдать!—крикнула Марья Алексѣвна.

Въ самомъ дѣлѣ, Павелъ Константиновичъ возвратился, пирогъ давно готовъ,—не кондитерскій, а у Матрены, съ начинкою изъ говядины отъ вчерашняго супа.

— Марья Алексѣвна, вы не пробовали никогда передъ обѣдомъ рюмку водки? Это очень полезно, особенно вотъ этой, горькой померанцовой. Я вамъ говорю, какъ медикъ. Пожалуйста, попробуйте. Нѣтъ, нѣтъ, непременно попробуйте. Я какъ медикъ предписываю попробовать.

— Развѣ только медика надобно слушать, и то поль-рюмочки.

— Нѣтъ, Марья Алексѣвна, поль-рюмочки не принесетъ пользы.

— А сами-то что же, Дмитрій Сергѣичъ?

— Старъ сталъ, остепенился, Марья Алексѣвна. Зарокъ дать.

— Въ самомъ дѣлѣ, согрѣваетъ какъ будто бы!

— Въ томъ и польза, Марья Алексѣвна, что согрѣваетъ.

(„Какой онъ веселый, въ самомъ дѣлѣ! Неужели въ самомъ дѣлѣ есть средство? И какъ это онъ съ нею такъ подружился? А на меня и не смотреть,—ахъ, какой хитрый!“).

Сѣли за столъ.

— А вотъ мы съ Павломъ Константинычемъ этого выпьемъ, такъ выпьемъ. Эль—это все равно, что пиво—не больше, какъ пиво. Попробуйте, Марья Алексѣвна.

Если вы говорите, что пиво, позвольте,—пива почему не выпить!

(„Господи, сколько бутылокъ! Ахъ, какая я глупенькая! Такъ вотъ она, дружба-то!“).

(„Окая шельма какой! Самъ-то не пьетъ. Только губы приложилъ къ своей ели-то. А славная эта ель,—и будто кваскомъ припахиваетъ, и сила есть. Когда Мишку съ нею окручу, водку брошу, все эту ель стану пить.—Ну, этотъ ума не прощеть! Хоть бы приложился, каналья! Ну, да миѣ же лучше. А поди, чай, ежели бы захотѣлъ пить, здоровъ пить“). Да вы бы сами выкушали хоть что-нибудь, Дмитрій Сергѣичъ.

— Э, на моемъ вѣку много выпито, Марья Алексѣвна,—въ запасъ выпито, надолго станетъ! Не было дѣла, не было денегъ—пить; есть дѣло, есть деньги—не нужно вина, и безъ него весело.

И такимъ образомъ идетъ весь обѣдъ. Подаютъ кондитерскій пирогъ.

— Милая Матрена Степановна, а что къ этому слѣдуетъ?

— Сейчасъ, Дмитрій Сергѣичъ, сейчасъ. — Матрена возвращается съ бутылкою шампанскаго.

— Вѣра Павловна, вы не пили, и я не пилъ. Теперь выпьемъ и мы. Здоровье моей невѣсты и вашего жениха!

„Что это?“ — „Неужели это?“ — думаетъ Вѣрочка.

— Дай Богъ вашей невѣстѣ и Вѣрочкину жениху счастья,—говоритъ Марья Алексѣвна:—а намъ, старикамъ, дай Богъ поскорѣ Вѣрочкиной свадьбы дождаться.

— Ничего, скоро дождетесь, Марья Алексѣвна. Да, Вѣра Павловна? да?

„Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ это говорить?“ — думаетъ Вѣрочка.

— Да, Вѣра Павловна, разумѣется, да. Говорите же „да“.

— Да,—говоритъ Вѣрочка.

— Такъ, Вѣра Павловна, что понапрасну маменьку вводить въ сомнѣнiе. „Да“, и только. Такъ теперь надобно второй тостъ. За скорую свадьбу Вѣры Павловны! Пейте, Вѣра Павловна! ничего, хорошо будетъ. Чокнемтесь. За вашу скорую свадьбу!

Чокаются.

— Дай Богъ, дай Богъ! Благодарю тебя, Вѣрочка, утѣшаешь ты меня. Вѣрочка, на старости лѣтъ! — говоритъ Марья Алексѣвна и утираетъ слезы. Англійская ель и мараскинъ привели ее въ чувствительное настроенiе духа.

— Дай Богъ, дай Богъ! — повторяетъ Павелъ Константиновичъ.

— Какъ мы довольны вами, Дмитрій Сергѣичъ,—говоритъ Марья Алексѣвна по окончанiи обѣда:—ужь какъ довольны! у насъ же да насъ же угостили; — вотъ ужь можно сказать, праздникъ сдѣлали! — Глаза ея смотрятъ уже болѣе прiятно, нежели бодро.

Не все-то такъ хитро дѣлается, какъ хитро выходитъ. Лопуховъ не считывалъ на этотъ результатъ, когда покупалъ вино; онъ хотѣлъ только дать взятку Марьѣ Алексѣвнѣ, чтобъ не потерять ея благосклонности, назвавшись на обѣдъ. Станетъ ли она напиваться при постороннемъ человѣкѣ, которому хоть и сочувствуетъ во всемъ, но не довѣряетъ, потому что кому же она можетъ довѣрять?—Да и сама она не ждала отъ себя такого быстрого образа дѣйствiй: она располагала отложить основательное наслажденiе до послѣ-чаю. Но слабъ каждый человѣкъ. Противъ водки и другихъ знакомыхъ вкусовъ она устояла бы, но эль и тому подобныя прелести соблазнили ея неопытность.

Обѣдъ вышелъ совершенно парадный и барскiй, и потому Марья Алексѣвна распорядилась, чтобъ Матрена поставила самоваръ, какъ слѣдуетъ послѣ барскаго обѣда. Но этою деликатностью воспользовались только она, да Лопуховъ. Вѣрочка сказала, что не хочетъ чаю, и ушла въ свою комнату. Павелъ Константиновичъ, человѣкъ необразованный, тотчасъ послѣ послѣдняго блюда пошелъ прилечь, какъ всегда. Дмитрій Сергѣичъ пилъ медленно: выпивъ чашку, сиропилъ другую. Тутъ Марья Алексѣвна уже изнемогла, извинилась тѣмъ, что

чувствуетъ себя нехорошо съ самаго утра, — гость просилъ не церемониться, и остался одинъ. Выпилъ вторую чашку, выпилъ третью, и задремалъ въ креслахъ, должно быть, тоже нализался, какъ наше-то золото, по разсужденію Магрены. А золото уже храпѣло: должно быть, этотъ храпъ и разбудилъ Дмитрія Сергѣича, когда Матрена окончательно ушла въ кухню, убравъ самоваръ и чашки.

XVIII.

— Простите меня, Вѣра Павловна, — сказалъ Лопуховъ, входя въ ея комнату, — какъ тихо онъ говоритъ, и голосъ дрожитъ, а за обѣдомъ кричалъ, — и не „другъ мой“, а „Вѣра Павловна“, — простите меня, что я былъ дерзокъ. Вы знаете, что я говорилъ: да, жену и мужа не могутъ разлучить. Тогда вы свободны.

— Милый мой! ты видѣлъ, я плакала, когда ты вошелъ, — это отъ радости.

Онъ взялъ и поцаловалъ ея руку.

— Милый мой, ты видѣлъ, я плакала, когда ты вошелъ, — это отъ радости.

Лопуховъ поцаловалъ ея руку, и много разъ поцаловалъ ея руку.

— Вотъ, мой милый, ты меня выпускаешь на волю изъ подвала: какой ты умный и добрый. Какъ ты это вздумалъ?

— Да какъ танцовали мы съ тобою тогда, такъ и вздумалъ.

— Милый мой, и я тогда же подумала, что ты добрый. Выпускаешь меня на волю, мой милый. Теперь я готова терпѣть; теперь я знаю, что уйду изъ подвала, теперь мнѣ будетъ не такъ душно въ немъ, теперь вѣдь я ужъ знаю, что выйду изъ него. А какъ же я уйду изъ него, мой милый?

— А вотъ какъ, Вѣрочка. Теперь ужъ конецъ апрѣля. Въ началѣ іюля кончатся мои работы по Академіи, — ихъ надо кончить, чтобы можно было намъ жить. Тогда ты и уйдешь изъ подвала. Только мѣсяца три потерпи еще, даже меньше. Ты уйдешь. Я получу должность врача. Жалованье небольшое; но такъ и быть, буду имѣть нѣсколько практики, — насколько будетъ необходимо, — и будемъ жить.

— Ахъ, мой милый, намъ будетъ очень, очень мало нужно. Но только я не хочу такъ: я не хочу жить на твои деньги. Вѣдь я и теперь имѣю уроки. Я ихъ потеряю тогда — вѣдь маменька всеѣмъ разскажетъ, что я злодѣйка. Но найдутся другіе уроки. Я стану жить. Да, вѣдь такъ надобно? Вѣдь мнѣ не должно жить на твои деньги?

— Кто это тебѣ сказалъ, мой милый другъ, Вѣрочка?

— Ахъ, еще спрашиваетъ, кто сказалъ. Да не ты ли самъ толковалъ все объ этомъ? А въ твоихъ книгахъ? Въ нихъ цѣлая половина объ этомъ написана.

— Въ книгахъ? Я говорилъ тебѣ это? Да когда же, Вѣрочка?

— Ахъ, когда? А кто говорилъ, что все основано на деньгахъ? Кто это говорилъ, Дмитрій Сергѣичъ?

— Ну, такъ что же?

— А ты думаешь, я ужъ такая глупенькая, что не могу, какъ выражаются ваши книги, вывести заключеніе изъ послылокъ?

— Да какое же заключеніе? Ты, Богъ знаетъ, что говоришь, мой милый другъ, Вѣрочка.

— Ахъ, хитрецъ! онъ хочетъ быть деспотомъ, хочетъ, чтобъ я была его рабой! Нѣтъ-съ, этого не будетъ, Дмитрій Сергѣичъ, — понимаете?

— Да ты скажи, я и пойму.

— Все основано на деньгахъ, говорите вы, Дмитрій Сергѣичъ; у кого деньги, у того власть и право, говорятъ ваши книги; значитъ, пока женщина живетъ на счетъ мужчины, она въ зависимости отъ него, — такъ-съ, Дмитрій Сергѣичъ? Вы полагали, что я этого не понимаю, что я буду вашей рабой, — нѣтъ, Дмитрій Сергѣичъ, я не дозволю вамъ быть деспотомъ надо мною: вы хотите быть добрымъ, благодѣтельнымъ деспотомъ, а я этого не хочу, Дмитрій Сергѣичъ! Ну, мой миленькій, а еще какъ мы будемъ жить? Ты будешь рѣзать руки и ноги людямъ, поить ихъ гадкими микстурами, а я буду давать уроки на фортепьяно. А еще какъ мы будемъ жить?

— Такъ, такъ, Вѣрочка. Всякій пусть охраняетъ свою независимость всѣми силами отъ всякаго, какъ бы ни любилъ его, какъ бы ни вѣрилъ ему. Удастся тебѣ то, что ты говоришь, или нѣтъ, не знаю, но это почти все равно: кто рѣшился на это, тотъ уже почти оградилъ себя; онъ уже чувствуетъ, что можетъ обойтись самъ собою, отказаться отъ чужой опоры, если нужно, и этого чувства уже почти довольно. А вѣдь какіе мы смѣшные люди, Вѣрочка! Ты говоришь „не хочу жить на твой счетъ“, а я тебя хвалю за это. Кто же такъ говоритъ, Вѣрочка?

— Смѣшные, такъ смѣшные, мой миленькій, — что намъ за дѣло! Мы станемъ жить по-своему, какъ намъ лучше. Какъ же мы будемъ жить еще, мой миленькій?

— Вѣра Павловна, я вамъ предложилъ свои мысли объ одной сторонѣ нашей жизни, — вы изволили совершенно неспровергнуть ихъ вашимъ планомъ, назвали меня тиранномъ, поработителемъ, — извольте же придумывать сами, какъ будутъ устроены другія стороны нашихъ отношеній! я считаю напраснымъ предлагать свои соображенія, чтобъ они были точно такъ же изломаны вами. Другъ мой, Вѣрочка, да ты сама скажи, какъ ты думаешь жить; навѣрное, мнѣ останется только сказать: моя милая! какъ она умно думаетъ обо всемъ!

— Это что? вы изволите говорить комплименты? Вы хотите быть любезнымъ? Но я слишкомъ хорошо знаю: лстать затѣмъ, чтобы господствовать подъ видомъ покорности. Прошу васъ говорить проще! Милый мой, ты захвалишь меня! мнѣ стыдно, мой милый, — нѣтъ, не хвали меня, чтобъ я не стала слишкомъ горда.

— Хорошо, Вѣра Павловна, я начну говорить вамъ грубости, если вамъ это пріятнѣе. Въ вашей натурѣ, Вѣра Павловна, такъ мало женственности, что вѣроятно вы выскажете совершенно мужскія мысли.

— Ахъ, милый, скажи: что это значитъ эта „женственность?“ я понимаю, что женщина говоритъ контральтомъ, мужчина — баритономъ, такъ что-жъ изъ этого? Своить ли толковать изъ-за того, чтобъ мы говорили контральтомъ? стоитъ ли упрямивать насъ объ этомъ? Зачѣмъ же всѣ такъ толкуютъ намъ, чтобы мы оставались женственны? Вѣдь это глупость, мой милый!

— Глупость, Вѣрочка, и очень большая пошлость.

— Такъ я, мой милый, ужъ и не буду заботиться о женственности: извольте, Дмитрій Сергѣичъ, я буду говорить вамъ совершенно мужскія мысли о томъ, какъ мы будемъ жить. Мы будемъ друзьями. Только я хочу быть первымъ твоимъ другомъ. Ахъ, я еще тебѣ не говорила, какъ я ненавижу этого твоего милаго Кирсанова!

— Не слѣдуетъ, Вѣрочка: онъ очень хорошій человѣкъ.

— А я его ненавижу. Я запрещу тебѣ видѣться съ нимъ.

— Прекрасное начало. Такъ запугана моимъ деспотизмомъ, что хочетъ сдѣлать мужа куклою. И какъ же намъ съ нимъ не видѣться, когда мы живемъ вмѣстѣ?

— Да, и все сидите обнявшись.

— Конечно. За чаемъ и за обѣдомъ. Только руки заняты, трудно обняться-то.

— И цѣлые дни неразлучны.

— Вѣроятно. Онъ съ своею комнатою, я—съ своею, почти неразлучны.

— А если такъ, почему-жъ тебѣ и не перестать съ нимъ видѣться вовсе?

— Да вѣдь мы дружны, иногда хочется поговорить, и говоримъ, пока не въ тягость другъ другу.

— Все сидятъ вмѣстѣ, обнимаются и ссорятся, обнимаются и ссорятся. Ненавижу его.

— Да съ чего ты это взяла, Вѣрочка? Ссориться мы ни разу не ссорились. Живемъ почти врознь, дружны, это правда, но что-жъ изъ этого?

— Ахъ, мой милый, какъ я тебя обманула, какъ я тебя славно обманула! Ты не хотѣлъ мнѣ сказать, какъ мы съ тобой будемъ жить, а самъ все рассказалъ! Какъ я тебя обманула! Слушай же какъ мы будемъ жить,—по твоимъ же рассказамъ. Во-первыхъ, у насъ будетъ двѣ комнаты, твоя и моя,—и третья, въ которой мы будемъ пить чай, обѣдать, принимать гостей, которые бывають у насъ обоихъ, а не у тебя одного, не у меня одной. Во-вторыхъ, я въ твою комнату не смѣю входить, чтобъ не надоедать тебѣ: вѣдь Кирсановъ не смѣетъ,—потому-то вы и не ссоритесь. Ты въ мою также. Это второе. Теперь третье,—ахъ, мой милый, я и забыла спросить объ этомъ: Кирсановъ вмѣшивается въ твои дѣла, или ты въ его? Вы имѣете право спрашивать другъ друга о чемъ-нибудь?

— Э, да вѣдь теперь ужъ я знаю, къ чему этотъ Кирсановъ! Не скажу.

— Нѣтъ, я его все-таки ненавижу. И не сказывай, не нужно. Я сама знаю: не имѣете права ни о чемъ спрашивать другъ друга. Итакъ, въ-третьихъ: я не имѣю права ни о чемъ спрашивать тебя, мой милый. Если тебѣ хочется или надобно сказать мнѣ что-нибудь о твоихъ дѣлахъ, ты самъ мнѣ скажешь. И точно то же наоборотъ. Вотъ три правила. Что еще?

— Вѣрочка, второе правило требуетъ объясненій. Мы видимся съ тобою въ нейтральной комнатѣ за чаемъ и за обѣдомъ. Теперь представь себѣ такую случай. Мы напились чаю поутру, я сижу въ своей комнатѣ, и не смѣю носа показывать въ твою, значить, не увижу тебя до обѣда—такъ вѣдь?

— Конечно.

— Прекрасно. Приходить ко мнѣ знакомый, и говорить, что въ два

часа будетъ у меня другой знакомый; а я въ часъ уйду по дѣламъ; я могу попросить тебя передать этому знакомому, который зайдетъ въ два часа, отвѣтъ, какой ему нуженъ,—могу я просить тебя объ этомъ, если ты думаешь оставаться дома?

— Конечно, можешь. Возьмусь ли я за это,—другой вопросъ. Если я отказываюсь, ты не можешь претендовать, не можешь и спрашивать, почему я отказываюсь. Но спросить, не соглашусь ли я оказать тебѣ эту услугу,—спросить объ этомъ ты можешь.

— Прекрасно. Но вѣдь за чаемъ я еще не зналъ этого, а войти въ твою комнату не могу. Какъ же я спрошу?

— О, Боже, какъ онъ простъ,—это маленькое дитя! Какое недоумѣніе, скажите пожалуйста! Вы дѣлаете вотъ какъ, Дмитрій Сергѣичъ. Вы выходите въ нейтральную комнату и говорите: „Вѣра Павловна!“ Я отвѣчаю изъ своей комнаты: „что вамъ угодно, Дмитрій Сергѣичъ?“ Вы говорите: „я уйду; безъ меня зайдетъ ко мнѣ господинъ А. (вы называете фамилію вашего знакомаго). У меня есть нѣкоторыя свѣдѣнія для передачи ему. Могу ли я просить васъ, Вѣра Павловна, передать ихъ ему?“ Если я отвѣчаю „нѣтъ“, нашъ разговоръ конченъ. Если я отвѣчаю „да“, я выхожу въ нейтральную комнату, и вы сообщаете мнѣ, что я должна передать вашему знакомому. Теперь вы знаете, маленькое дитя, какъ надобно поступать?

— Да, милая Вѣрочка, шутки шутками, а вѣдь въ самомъ дѣлѣ лучше всего жить, какъ ты говоришь. Только, откуда ты набралась такихъ мыслей?—Я-то ихъ знаю, да я помню, откуда я ихъ вычитала. А вѣдь до вашихъ рукъ эти книги не доходятъ. Въ тѣхъ, которыя я тебѣ давалъ, такихъ частностей не было. Слышать?—не отъ кого было. Вѣдь едва ли не перваго меня ты встрѣтила изъ порядочныхъ людей.

— Ахъ, мой милый, да развѣ трудно до этого додуматься? Вѣдь я видала семейную жизнь,—я говорю не про свою семью: она такая особенная! но вѣдь у меня есть же подруги, я же бывала въ ихъ семействахъ; Боже мой, сколько непріятностей между мужьями и женами—ты не можешь себѣ вообразить, мой милый!

— Ну, я-то, Вѣрочка, воображаю.

— Знаешь ли что мнѣ кажется, мой милый? Такъ не слѣдуетъ жить людямъ, какъ они живутъ: все вмѣстѣ, все вмѣстѣ. Надобно видѣться между собою или только по дѣламъ, или когда собираются вмѣстѣ отдохнуть, повеселиться. Я всегда смотрю и думаю: отчего съ посторонними людьми каждый такъ деликатенъ? отчего при чужихъ людяхъ всѣ стараются казаться лучше, чѣмъ въ своемъ семействѣ?—и въ самомъ дѣлѣ, при постороннихъ людяхъ бываютъ лучше,—отчего это? Отчего съ своими хуже, хоть ихъ и больше любить, чѣмъ съ чужими? Знаешь, мой милый, о чемъ бы я тебя просила: обращай со мною всегда такъ, какъ обращался до сихъ поръ; вѣдь это не мѣшало же тебѣ любить меня, вѣдь все-таки мы съ тобою были другъ другу ближе всѣхъ. Какъ ты до сихъ поръ держалъ себя? Отвѣчалъ ли неучтиво, дѣлалъ ли выговоры?—нѣтъ! Говорять, какъ это можно быть неучтивымъ съ посторонней женщиною или дѣвушкою, какъ можно дѣлать ей выговоры? Хорошо, мой милый! вотъ я твоя невѣста, буду твоя жена, а ты все-таки обращайся

со мною, какъ велятъ обращаться съ посторонней: это, мой другъ, мнѣ кажется, лучше для того, чтобы было прочное согласіе, чтобы поддерживалась любовь. Такъ, мой милый?

— Я не знаю, Вѣрочка, что мнѣ и думать о тебѣ. Да ты меня и прежде удивляла.

— Миленькій мой, ты хочешь захвалить меня! нѣтъ, мой другъ, это понять не такъ трудно, какъ тебѣ кажется. Такія мысли не у меня одной, мой милый; онѣ у многихъ дѣвушекъ и молоденькихъ женщинъ, такихъ же простенькихъ, какъ я. Только имъ нельзя сказать своимъ женихамъ или мужьямъ того, что онѣ думаютъ, онѣ знаютъ, что за это про нихъ подумаютъ: ты безнравственная. Я за то тебя и полюбила, мой милый, что ты не такъ думаешь. Знаешь, когда я тебя полюбила, когда мы въ первый разъ разговаривали на мое рожденіе? какъ ты сталъ говорить, что женщины бѣдныя, что ихъ жалко: вотъ я тебя и полюбила.

— А я когда тебя полюбилъ? въ тотъ же день, это ужъ я говорилъ, только когда?

— Какой ты смѣшной, миленькій? такъ сказать, что нельзя не угадать; а угадаю, опять станешь хвалить.

— А ты все-таки угадай.

— Ну, конечно, когда: когда я спросила, правда ли, что можно сдѣлать, чтобы людямъ хорошо было жить.

— За это надобно опять поцаловать твою ручку, Вѣрочка.

— Полно, мой милый, это мнѣ не нравится, когда у женщинъ цалуютъ руки.

— Почему же, Вѣрочка?

— Ахъ, мой милый, ты самъ знаешь, почему—зачѣмъ же у меня спрашиваешь? Не спрашивай такъ, мой миленькій.

— Да, мой другъ, это правда: не слѣдуетъ такъ спрашивать. Это дурно. Я стану спрашивать только тогда, когда въ самомъ дѣлѣ не знаю, что ты хочешь сказать. А ты хотѣла сказать, что ни у кого не слѣдуетъ цаловать руки.

Вѣрочка захохотала. — Вотъ теперь я тебя прощаю, потому что самой удалось надъ тобою посмѣяться. Видишь, хотѣлъ меня экзаменовать, а самъ не зналъ главной причины, почему это нехорошо. Ни у кого не слѣдуетъ цаловать руки, это правда, но вѣдь я не объ этомъ говорила, не вообще, а только о томъ, что не надобно мужчинамъ цаловать рукъ у женщинъ. Это, мой милый, должно бы быть очень обидно для женщинъ; это значитъ, что ихъ не считаютъ такими же людьми, думаютъ, что мужчина не можетъ унижить своего достоинства передъ женщиною, что она на столько ниже его, что сколько онъ ни унижайся передъ нею, онъ все не ровный ей, а гораздо выше ея. А вѣдь ты не такъ думаешь, мой миленькій, такъ зачѣмъ же тебѣ цаловать у меня руку? А послушай, что мнѣ показалось, мой миленькій: какъ будто мы съ тобою не женихъ съ невѣстой?

— Да, это правда, Вѣрочка, мало похожего: только что же такое — мы съ тобою?

— Богъ знаетъ что, мой миленькій, — или вотъ что: будто мы давно, давно повѣнчаны.

— Да что же, мой другъ: вѣдь это и правда. Старые друзья, ничего не перемѣнилось.

— Только одно перемѣнилось, мой миленькій: что я теперь знаю, что изъ подвала на волю выхожу.

XIX.

Такъ они поговорили, — странноватый разговоръ для перваго разговора между женихомъ и невѣстой, — и пожали другъ другу руки, и пошелъ себѣ Лопуховъ домой, и Вѣрочка заперла за нимъ дверь сама, потому что Матрена засидѣлась въ полпивной, надѣясь на то, что ея золото еще долго прохрапить. И дѣйствительно, ея золото еще долго храпѣло.

Возвратившись домой часу въ седьмомъ, Лопуховъ хотѣлъ приняться за работу, по долго не могъ приняться. Голова была занята не тѣмъ, а все тѣмъ же, чѣмъ всю длинную дорогу отъ сосѣдства Семеновскаго моста до Выборгской. Конечно, любовными мечтами. Да, ими, только не совсѣмъ любовными, и не совсѣмъ мечтами. Жизнь человѣка необезпеченнаго имѣетъ свои прозаическіе интересы, о нихъ - то Лопуховъ и размышлялъ. Понятное дѣло: матеріалистъ. все только думаетъ о выгодахъ. Онъ и дѣйствительно думалъ все о выгодахъ, вмѣсто высокихъ поэтическихъ и пластическихъ мечтаній, онъ занимался такими любовными мечтами, которыя приличны грубому матеріалисту.

„Жертва — вѣдь этого почти никакъ нельзя будетъ выбить изъ ея головы. А это дурно. Когда думаешь, что чѣмъ нибудь особеннымъ обязанъ человѣку, отношенія къ нему уже нѣсколько натянуты. А вѣдь узнаешь. Пріятели объясняютъ, что вотъ какая предстояла карьера. Да хоть и не объясняли бы, сама сообразить: „ты, мой другъ, для меня вотъ отъ чего отказался, отъ карьеры, на которой ждалъ“, — ну, положимъ, не денегъ, — этого не взведутъ на меня ни пріятели, ни она сама, — ну, хоть и то хорошо, что не будетъ думать, что „онъ для меня остался въ бѣдности, когда безъ меня былъ бы богатъ“. Этого не будетъ думать. Но узнаешь, что я желалъ ученой извѣстности, и получилъ бы. Вотъ, и будетъ сокрушаться: „ахъ, какую онъ для меня принесъ жертву“! И не думалъ жертвовать. Не былъ до сихъ поръ такъ глупъ, чтобы приносить жертвы. — надѣюсь, и никогда не буду. Какъ для меня лучше, такъ и сдѣлалъ. Не такой человѣкъ, чтобы приносить жертвы. Да ихъ и не бываетъ, никто не приноситъ: это фальшивое понятіе: жертва — сапоги въ смятку. Какъ пріятнѣе, такъ и поступаешь. Такъ вотъ поди ты, растолкуй это. Въ теоріи - то оно понятно; а какъ видитъ передъ собою фактъ, человѣкъ-то и умиляется: вы, говоритъ, мой благодѣтель. И вѣдь ужъ показался всходъ этой будущей жатвы: „ты, говоритъ, меня изъ подвала выпустилъ, — какой ты для меня добрый“. Очень нужно было бы мнѣ выпускать тебя, если бы самому это не нравилось. Это я тебя выпускаю, ты думаешь? — сталъ бы заботиться, какъ же, жди, какъ бы это не доставляло мнѣ самому удовольствія! Можетъ быть, я самого себя выпустилъ. Да, разумѣется, себя: самому жить хочется, любить хочется, — понимаешь? — самому, для себя все дѣлаю. Какъ бы это сдѣлать, чтобы не развилось въ ней это вредное чувство признательности, которое стало бы тяготить ее. Ну, да какъ нибудь сдѣлаемъ. — она же умная.

поймешь, что это пустяки. Конечно, я не так располагалъ сдѣлать. Думалъ, что если она успѣетъ уйти изъ семейства, то отложить дѣло года на два: въ это время успѣлъ бы стать профессоромъ, денежные дѣла были бы удовлетворительны. Вышло, что отсрочить нельзя. Ну, такъ мнѣ - то какой убытокъ? Развѣ я о себѣ что ли думалъ, когда соображалъ, что прежде надобно устроить денежные дѣла? Мужчинѣ что? Мужчинѣ ничего. Недостатокъ денегъ отзывается на женщинѣ. Сапоги есть, локти не продраны, щи есть, въ комнатѣ тепло—какого рожна горячаго мнѣ еще нужно? А это у меня будетъ. Стало быть, какой же мнѣ убытокъ? Но женщинѣ, молоденькой, хорошенькой, этого мало. Ей нужны удовольствія, нуженъ успѣхъ въ обществѣ. А на это у ней не будетъ денегъ. Конечно, она не будетъ думать, что этого не достаетъ ей; она умная, честная дѣвушка; будетъ думать себѣ: это пустяки, это дрянь, которую я презираю,—и будетъ презирать. Да развѣ помогаетъ то, что человѣкъ не знаетъ, чего ему не достаетъ, или даже увѣренъ, что оно ему не нужно? Это иллюзія, фантазія. Натура заглушена разсудкомъ, обстоятельствами, гордостью, — и молчитъ, и не даетъ о себѣ голоса сознанию, а молча все-таки работаетъ и подтачиваетъ жизнь. Не такъ слѣдуетъ жить молоденькой, не такъ слѣдуетъ жить красавицѣ; это не годится, когда она и одѣта не такъ хорошо, какъ другія, и не блещетъ, по недостатку средствъ. Жаль тебя, бѣдненькая: я думалъ, что все-таки нѣсколько лучше для тебя устроишься. А мнѣ что? Я въ выигрышѣ,— еще неизвѣстно, пошла ли бы она за меня черезъ два года; а теперь идетъ “...

— Дмитрій, иди чай пить.

— Иду. — Лопуховъ отправился въ комнату Кирсанова, и на дорогѣ успѣлъ думать: „а вѣдь какъ вѣрно, что *Я* всегда на первомъ планѣ—и началъ съ себя, и кончилъ собою. И съ чего началъ: „жертва“ — какое плутовство; будто я отъ ученой извѣстности отказываюсь, и отъ каѳедры—какой вздоръ! не все ли равно, буду такъ же работать, и такъ же получу каѳедру, и такъ же послужу медицинѣ. Пріятно человѣку, какъ теоретика, замѣчать, какъ играетъ эгоизмъ его мыслями на практикѣ“.

Я обо всемъ предупреждаю читателя, потому скажу ему, чтобъ онъ не предполагалъ этотъ монологъ Лопухова заключающимъ въ себѣ таинственный намекъ автора на какой нибудь важный мотивъ дальнѣйшаго хода отношеній между Лопуховымъ и Вѣрою Павловною; жизнь Вѣры Павловны не будетъ подтачиваться недостаткомъ возможности блистать въ обществѣ и богато наряжаться, и ея отношенія къ Лопухову не будутъ портиться „вреднымъ чувствомъ“ признательности. Я не изъ тѣхъ художниковъ, у которыхъ въ каждомъ словѣ скрывается какая нибудь пружина, я пересказываю, то что думали и дѣлали люди, и только; если какой нибудь поступокъ, разговоръ, монологъ въ мысляхъ нуженъ для характеристики лица или положенія, я рассказываю его, хотя бы онъ и не отзывался никакими послѣдствіями въ дальнѣйшемъ ходѣ моего романа.

— Теперь, Александръ, не будешь на меня жаловаться, что отстаю отъ тебя въ работѣ. Наверстаю.

— Что, кончилъ хлопоты по дѣлу этой дѣвушки?

— Кончилъ.

— Поступаетъ въ гувернантки къ Б.?

— Нѣтъ, въ гувернантки не поступаетъ. Уладилось иначе. Ей теперь можно будетъ вести пока сносную жизнь въ ея семействѣ.

— Чтожь это хорошо. Въ гувернанткахъ вѣдь тяжело. А я, братъ, теперь съ зрительнымъ нервомъ покончилъ, и принимаюсь за слѣдующую пару. А ты на чемъ остановился?

— Да мнѣ еще надобно будетъ кончить работу надъ..... И пошли анатомическіе и физиологическіе термины.

XX.

„Теперь 28 апрѣля. Онъ сказалъ, что его дѣла устроятся въ началѣ іюля,—положимъ, 10-го: вѣдь это ужъ не начало. 10-е число можно взять. Или, для вѣрности, возьму 15-ое: нѣтъ, лучше 10-ое, — сколько же остается дней? Нынѣшняго числа ужъ нечего считать,—остается только пять часовъ его; въ апрѣлѣ остается 2 дня; май — 31, да 2, 33; іюнь — 30 да 33. 63; изъ іюля, 10 дней,—всего только 73 дня,—много ли это, только 73 дня! и тогда, свободна! Выйду изъ этого подвала! Ахъ, какъ я счастлива! Миленькій мой, какъ онъ умно это вздумалъ! Какъ я счастлива!

Это было въ воскресенье, вечеромъ. Въ понедѣльникъ, урокъ, перенесенный со вторника.

— Другъ мой, миленькій мой, какъ я рада, что опять съ тобою, хоть на минуточку! Знаешь, сколько мнѣ осталось сидѣть въ этомъ подвалѣ? Твои дѣла когда кончатся? къ 10-му іюля кончатся?

— Кончатся, Вѣрочка.

— Такъ теперь мнѣ осталось сидѣть въ подвалѣ только 72 дня, да нынѣшній вечеръ. Я одинъ день ужъ вычеркнула, — вѣдь я сдѣлала табличку, какъ дѣлаютъ пансіонерки и школьники, и вычеркиваю дни. Какъ весело вычеркивать!

— Миленькая моя Вѣрочка, миленькая моя! Да, ужъ недолго тебѣ токовать здѣсь, два съ половиною мѣсяца пройдутъ скоро, и будешь свободна.

— Ахъ, какъ весело будетъ! Только ты, мой миленькій, теперь вовсе не говори со мною, и не гляди на меня, и на фортепьяно не каждый разъ будешь играть. И не каждый разъ буду выходить при тебѣ изъ своей комнаты. Нѣтъ, не утерплю, выйду всегда, только на одну минуточку, и такъ холодно буду смотрѣть на тебя, не ласково. И теперь сейчасъ уйду въ свою комнату. До свиданья, мой милый. Когда?

— Въ четвергъ.

— Три дня! Какъ долго! А тогда ужъ только 68 дней останется.

— Считай меньше: около 7-го числа тебѣ можно будетъ вырваться отсюда.

— 7-го? Такъ ужъ теперь только 69 дней? Какъ ты меня обрадовалъ! До свиданья, мой миленькій!

Четвергъ.

— Мой миленькій, только 66 дней мнѣ здѣсь сидѣть.

— Да, Вѣрочка, время идетъ скоро.

— Скоро? Нѣтъ, мой милый. Ахъ, какіе долгіе стали дни! Въ другое время, кажется, успѣлъ бы цѣлый мѣсяцъ пройти, пока шли эти три дня. До свиданья, мой миленькій, намъ вѣдь не надобно долго говорить, — вѣдь мы хитрые, — да? — До свиданья. Ахъ, еще 66 дней мнѣ осталось сидѣть въ подвалѣ!

(„Гмъ, гмъ. Мнѣ, разумѣется, незамѣтно—за работою время летитъ. Да вѣдь и не я въ подвалѣ-то. Гмъ, гмъ! Да“.)

Суббота.

— Ахъ, мой миленькій, еще 64 дня осталось! Ахъ, какая тоска здѣсь! Эти два дня шли дольше тѣхъ трехъ дней. Ахъ, какая тоска! Гадость какая здѣсь, если бы ты зналъ, мой миленькій. До свиданья, мой милый, голубчикъ мой,—до вторника; а эти три будутъ дольше всѣхъ пяти дней. До свиданья, мой милый.

(„Гмъ, гмъ! Да! Гмъ!—Глаза не хороши. Она плакать не любитъ. Это не хорошо. Гмъ! Да!“)

Вторникъ.

— Ахъ, мой миленькій, я ужъ и дни считать перестала. Не проходятъ. вовсе не проходятъ.

— Вѣрочка, мой дружочекъ, у меня есть просьба къ тебѣ. Намъ надобно поговорить хорошенько. Ты очень тоскуешь по волѣ. Ну, дай себѣ немножко воли, вѣдь намъ надобно поговорить?

— Надобно, мой миленькій, надобно.

— Такъ вотъ о чемъ я тебя прошу. Завтра, когда тебѣ будетъ удобнѣе, — въ какое время, все равно, только скажи, — будь опять на той скамьѣ на Конно-Гвардейскомъ Бульварѣ. Будешь?

— Буду, мой миленькій, непременно буду. Въ 11 часовъ.—такъ?

— Хорошо. Благодарю тебя, дружочекъ.

— До свиданія, мой миленькій. Ахъ, какъ я рада, что ты это вздумалъ! какъ это я сама, глупенькая, не вздумала. До свиданія. Поговоримъ, все-таки я вздохну вольнымъ воздухомъ. До свиданія, миленькій. Въ 11 часовъ непременно.

Пятница.

— Вѣрочка, ты куда это собираешься?

— Я, маменька? — Вѣрочка покраснѣла, — къ Невскому проспекту, маменька.

— Такъ и я съ тобою пойду, Вѣрочка, мнѣ въ Гостинный Дворъ нужно. Да что это, Вѣрочка, говоришь, идешь, на Невскій, а такое платьѣ надѣла! Надобно получше, когда на Невскій,—тамъ люди.

— Мнѣ это платьѣ нравится. Подождите одну секунду, маменька; я только возьму въ своей комнатѣ одну вещь.

Отправляются. Идутъ. Дошли до Гостиного Двора, идутъ по той линіи, которая вдоль Садовой, уже не далеко до угла Невского, — вотъ и лавка Рузанова.

— Маменька, я вамъ два слова скажу.

— Что съ тобою, Вѣрочка?

— До свиданья, маменька; не знаю, скоро ли: если не будете сердиться, до завтра.

— Что, Вѣрочка? я что-то не разберу.

— До свиданья, маменька. Я теперь къ мужу. Мы съ Дмитриемъ Сергѣичемъ третьяго дня повѣнчались. — Поѣзжай въ Караванную, извозчикъ.

— Четвертачокъ, сударыня.

— Хорошо, поѣзжай поскорѣе. Онъ къ вамъ нынче вечеромъ зайдетъ, маменька. А вы не сердитесь на меня, маменька.

Эти слова ужъ едва долетѣли до Марьи Алексѣвны.

— Да ты не въ Караванную, я только такъ сказала, чтобы ты не думалъ долго, чтобы мнѣ поскорѣе отъ этой дамы уѣхать. Налѣво, по Невскому. Мнѣ гораздо дальше Караванной — на Васильевскій Островъ, въ 5 линію, за Среднимъ проспектомъ. Поѣзжай хорошенько, прибавлю.

— Ахъ, сударыня, обмануть меня изволили! Надо ужъ будетъ полтинничекъ положить.

— Если хорошо поѣдешь.

XXI.

Свадьба устроилась не очень многосложнымъ, хоть и не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ.

Дни два послѣ разговора о томъ, что они женихъ и невѣста, Вѣрочка радовалась ближнему освобожденію: на третій день уже вдвое несноснѣе прежняго сталъ казаться ей „подвалъ“, какъ она выражалась, на четвертый день, она ужъ поплакала, чего очень не любила, но поплакала немножко, на пятый побольше, на шестой уже не плакала, а только не могла заснуть отъ тоски.

Допуховъ посмотрѣлъ, — когда произнесъ монологъ „гмъ, гмъ“, — посмотрѣлъ въ другой разъ, и произнесъ монологъ „гмъ, гмъ! Да! гмъ!“ Первымъ монологомъ онъ предположилъ что-то, только что именно предположилъ, самъ не зная, а во второмъ монологѣ объяснилъ себѣ, какое именно въ первомъ сдѣлалъ предположеніе. „Не годится, показавши волю, оставлять человека въ неволѣ“, и послѣ этого думалъ два часа: полтора часа по дорогѣ отъ Семеновскаго моста на Выборгскую, и полчаса на своей кушеткѣ: первую четверть часа думалъ не нахмуривая лба, остальные часъ и три четверти думалъ нахмуривъ лобъ; по прошествіи же двухъ часовъ ударилъ себя по лбу и, сказавши „хуже Гоголевскаго почтмейстера, телятина!“ — посмотрѣлъ на часы. — „10, еще можно“ — и пошелъ съ квартиры.

Первую четверть часа, не хмурия лба, онъ думалъ такъ: „все это вздоръ, зачѣмъ нужно кончать курсъ? и безъ диплома не пропаду, да и не нужно его. Уроками, переводами достану не меньше, — пожалуй, больше, чѣмъ получалъ бы отъ своего докторства. Пустяки“.

Стало быть тутъ нечего было хмурить лба, — сказать правду: задача ока-

залась не головоломна отчасти и потому, что еще съ прошлаго урока предчувствовалось ему нѣчто въ родѣ такого размышленія. Это онъ понялъ теперь. А еслибы ему напомнить размышленіе, начинавшееся на тему „жертва“ и кончавшееся мыслями о нарядахъ, то можно бы его уличить, что предчувствовалось ужъ и съ той самой поры нѣчто въ родѣ этого обстоятельства, потому что иначе не зачѣмъ было бы и являться тогда въ немъ мысли: „отказываюсь отъ ученой карьеры“. Тогда ему представлялось, что не отказывается, а инстинктъ уже говорилъ: „откажешься, отерочки не будетъ“. И еслибы уличить Лопухова, какъ практическаго мыслителя, въ тогдашней его неосновательности „не отказываюсь“, — онъ восторжествовалъ бы, какъ теоретикъ, и сказалъ бы: „вотъ вамъ новый примѣръ, какъ эгоизмъ управляетъ нашими мыслями! — вѣдь я долженъ бы былъ видѣть, но не видѣлъ, потому что хотѣлось видѣть не то — и нашими поступками, потому что зачѣмъ же заставилъ дѣвушку сидѣть въ подвалѣ лишнюю недѣлю, когда слѣдовало предвидѣть и все устроить тогда же!“

Но ничего этого не вспомнилось и не подумалось ему, потому что надобно было нахмурить лобъ, и нахмуривъ его, думать часъ и три четверти надъ словами: „кто повѣнчаетъ“? — и все былъ одинъ отвѣтъ: „никто не повѣнчаетъ! И вдругъ вмѣсто „никто не повѣнчаетъ“ — явилась у него въ головѣ фамилія „Мерцаловъ“; тогда онъ ударилъ себя по лбу, и выбранилъ справедливо: какъ было съ самаго же начала не вспомнить о Мерцаловѣ? А отчасти и несправедливо: вѣдь не привычно было думать о Мерцаловѣ, какъ о человѣкѣ вѣнчающемъ.

Въ Медицинской Академіи есть много людей всякихъ сортовъ, есть, между прочимъ, и семинаристы; они имѣютъ знакомства въ Духовной Академіи, — черезъ нихъ, были въ ней знакомства и у Лопухова. Одинъ изъ знакомыхъ ему студентовъ Духовной Академіи, — не близкій, но хорошій знакомый, — кончилъ курсъ годъ тому назадъ, и былъ священникомъ въ какомъ-то зданіи съ безконечными корридорами на Васильевскомъ Островѣ. Вотъ, къ нему-то и отправился Лопуховъ, и по экстренности случая и позднему времени, даже на извозчикѣ.

Мерцаловъ, сидѣвшій дома одинъ, читалъ какое-то новое сочиненіе, — то ли Людовика XIV, то ли кого другаго изъ той же династіи.

— Вотъ какое и вотъ какое дѣло, Алексѣй Петровичъ! знаю, что для васъ это очень серьезный рискъ; хорошо, если мы помиримся съ родными, а если они начнутъ дѣло? вамъ можетъ быть бѣда, да и навѣрное будетъ; но... Никакого „но“ не могъ отыскать въ своей головѣ Лопуховъ: какъ, въ самомъ дѣлѣ, убѣждать человѣка, чтобы онъ за насъ клалъ шею въ петлю!

Мерцаловъ долго думалъ, тоже искалъ „но“ для уполномоченія себя на такой рискъ, и тоже не могъ придумать никакого „но“.

— Какъ же съ этимъ быть? Вѣдь хотѣлось бы... то, что вы теперь дѣлаете, сдѣлать и я годъ назадъ да сталъ не воленъ въ себѣ, какъ и вы будете. А совѣстно: надо бы помочь вамъ. Да когда есть жена, оно и страшновато идти безъ оглядки.

— Здравствуй, Алеша. Мои все тебѣ кланяются, здравствуйте, Лопуховъ; давно мы съ вами не видѣлись. Что вы тутъ говорите про жену? Все у васъ жены виноваты, — сказала возвратившаяся отъ родныхъ дама лѣтъ 17, хорошенькая и бойкая блондинка.

Мерцаловъ пересказалъ женѣ дѣло. У молодой дамы засверкали глазки.

— Алеша, вѣдь не съѣдятъ же тебя!

— Есть рискъ, Наташа.

— Очень большой рискъ, — подтвердилъ Лопуховъ.

— Ну, что дѣлать, рискни, Алеша, — я тебя прошу.

— Когда ты меня не станешь осуждать, Наташа, что я забылъ про тебя, идя на опасность, такъ разговоръ конченъ. Когда хотите вѣнчаться, Дмитрій Сергѣичъ? Слѣдовательно, препятствій не оставалось.

Въ понедѣльникъ поутру, Лопуховъ сказалъ Кирсанову:

— Знаешь ли, что, Александръ? ужъ вѣрно подарить тебѣ ту половину нашей работы, которая была моею долею. Бери мои бумаги и препараты, я бросаю. Выхожу изъ Академіи, вотъ и просьба. Женюсь. — Лопуховъ разсказалъ исторію въ двухъ словахъ.

— Еслибы ты былъ глупъ, или бы я былъ глупъ, сказалъ бы я тебѣ, Дмитрій, что этакъ дѣлають сумасшедшіе. А теперь не скажу. Всѣ возраженія ты, вѣрно, постарательнѣе моего обдумалъ. А и не обдумывалъ, такъ вѣдь все равно. Глупо ли ты поступаешь, умно ли — не знаю; но, по крайней мѣрѣ самъ не стану дѣлать той глупости, чтобы пытаться отговаривать, когда знаю, что не отговорить. Я тебѣ тутъ нуженъ на что-нибудь, или нѣтъ?

— Нужно квартиру пріискать, гдѣ-нибудь въ дешевой мѣстности, три комнаты. Миѣ надобно хлопотать въ Академіи, чтобы поскорѣ выдали бумаги, чтобы завтра же. Такъ поищи квартиру ты.

Во вторникъ Лопуховъ получилъ свои бумаги, отправился къ Мерцалову, сказалъ, что свадьба завтра, — въ какое время для васъ удобнѣе, Алексѣй Петровичъ? — Алексѣю Петровичу все равно, онъ завтра весь день дома. — „Я думаю, впрочемъ, что успѣю прислать Кирсанова предупредить васъ“.

Въ среду въ 11 часовъ, пришедши на бульваръ, Лопуховъ довольно долго ждалъ Вѣрочку, и начиналъ уже тревожиться; но вотъ и она, такъ спѣшить.

— Вѣрочка, другъ мой, не случилось ли чего съ тобой?

— Нѣтъ, миленькій, ничего, я опоздала только оттого, что проспала.

— Это, значить, ты во сколько же часовъ уснула?

— Миленькій, я не хотѣла тебѣ сказать; въ семь часовъ, миленькій, а то все думала; нѣтъ, раньше, въ шесть.

— Вотъ о чемъ я хотѣлъ тебя просить, моя милая Вѣрочка: намъ надобно поскорѣ посовѣтоваться, чтобы обоимъ быть спокойными.

— Да, миленькій, надобно. Поскорѣй надобно.

— Такъ дня черезъ четыре, черезъ три...

— Ахъ, еслибы такъ, миленькій, вотъ бы ты былъ умникъ.

— Черезъ три вѣрно ужъ найду квартиру, закуплю, что нужно по хозяйству, тогда намъ и можно будетъ поселиться съ тобою вмѣстѣ.

— Можно, мой голубчикъ, можно.

— Но вѣдь прежде надобно повѣнчаться.

— Ахъ, я и забыла, миленькій, надо повѣнчаться прежде.

— Такъ вѣнчаться и нынче можно, — объ этомъ я и хотѣлъ просить тебя.

— Пойдемъ, миленькій, повѣнчаемся: да какъ же ты все это устроилъ? какой ты умненькій, миленькій!

— А вотъ на дорогѣ все расскажу, поѣдемъ.

Приѣхали, прошли по длиннымъ корридорамъ къ церкви, отыскали сторожа, послали къ Мерцалову; Мерцаловъ жилъ въ томъ же домѣ съ безконечными корридорами.

— Теперь, Вѣрочка, у меня къ тебѣ еще просьба. Вѣдь ты знаешь, въ церкви заставляютъ молодыхъ цаловаться?

— Да, мой миленькій; только какъ это стыдно!

— Такъ вотъ, чтобы не было тогда слишкомъ стыдно, поцѣлуемся теперь.

— Такъ и быть, мой миленькій, поцѣлуемся, да развѣ нельзя безъ этого?

— Да вѣдь въ церкви же нельзя безъ этого, такъ приготовимся.

Они поцѣловались.

— Миленькій, хорошо, что успѣли приготовиться, вонъ ужъ сторожъ идетъ, теперь въ церкви не такъ стыдно будетъ.

Но пришелъ не сторожъ, — сторожъ побѣждалъ за дьячкомъ, — вошелъ Кирсановъ, дожидавшійся ихъ у Мерцалова.

— Вѣрочка, вотъ это и есть Александръ Матвѣичъ Кирсановъ, котораго ты ненавидишь, и съ которымъ хочешь запретить мнѣ видѣться.

— Вѣра Павловна, за что же вы хотите разлучать наши нѣжныя сердца?

— За то, что онъ нѣжныя, — сказала Вѣрочка, подавая руку Кирсанову, и, все еще продолжая улыбаться, задумалась: — а съумѣю ли я любить его, какъ вы? Вѣдь вы его очень любите?

— Я? я никого, кромѣ себя не люблю, Вѣра Павловна.

— И его не любите?

— Жили—не ссорились, и того довольно.

— И онъ васъ не любилъ?

— Не замѣчалъ что-то. Впрочемъ спросимъ у него: ты любилъ что ли меня, Дмитрій?

— Особенной ненависти къ тебѣ не имѣлъ.

— Ну, когда такъ, Александръ Матвѣичъ, я не буду запрещать ему видѣться съ вами, и сама буду любить васъ.

— Вотъ это гораздо лучше, Вѣра Павловна.

— А вотъ и я готовъ.— подошелъ Алексѣй Петровичъ:—пойдемте въ церковь. — Алексѣй Петровичъ былъ веселъ, шутилъ, но когда началъ вѣнчанье, голосъ его нѣсколько задрожалъ—а если начнется дѣло? Наташа, ступай къ отцу, мужъ не кормилецъ, а плохое житіе отъ живого мужа на отцовскихъ хлѣбахъ! впрочемъ, послѣ нѣсколькихъ словъ, онъ опять совершенно овладѣлъ собою.

Въ половинѣ службы пришла Наталья Андревна, или Наташа, какъ звали ее Алексѣй Петровичъ; по окончаніи свадьбы попросила молодыхъ зайти къ ней; у ней былъ приготовленъ маленькій завтракъ; зашли, поемѣялись, даже протанцовали двѣ кадрили въ двѣ пары, даже вальсировали: Алексѣй Петровичъ, не умѣвшій танцевать, игралъ имъ на скрипкѣ: часа полтора пролетѣли легко и незамѣтно. Свадьба была веселая.

— Меня, я думаю, дома ждутъ ужъ обѣдать, — сказала Вѣрочка: — пора. Теперь, мой миленькій, я и три, и четыре дня проживу въ своемъ подвалѣ безъ тоски, пожалуй и больше проживу, — стану я теперь тосковать! Вѣдь мнѣ

теперь нечего бояться—нѣтъ, ты меня не провожай: я поѣду одна, чтобы не увидали какъ-нибудь.

— Ничего, не съѣдятъ меня, не совѣститесь, господа!—говорилъ Алексѣй Петровичъ, провожая Лопухова и Кирсанова, которые оставались еще нѣсколько минутъ, чтобы дать отъѣхать Вѣрочкѣ:—я теперь очень радъ, что Наташа ободрила меня.

На другой день, послѣ четырехъ-дневныхъ поисковъ, нашлась хорошая квартира, въ дальнемъ концѣ 5 линіи Васильевского Острова. Имѣя всего рублей 160 въ запасѣ, Лопуховъ разсудилъ съ своимъ пріятелемъ, что невозможно ему съ Вѣрочкою думать теперь же обзаводиться своимъ хозяйствомъ, мебелью, посудой; потому и наняли три комнаты съ мебелью, посудой и столомъ отъ жильцовъ-мѣщанъ: старика, мирно проводившаго дни свои съ лоткомъ пуговицъ, лентъ, булавокъ и прочаго у забора на Среднемъ проспектѣ между 1-ю и 2-ю линіею, а вечера въ разговорахъ со своею старухою, проводившею дни свои въ штопаньѣ сотенъ и тысячъ всякаго старья, приносимаго къ ней оханками съ толкучаго рынка. Прислуга тоже была отъ хозяевъ, то-есть сами хозяева. Все это стоило 30 рублей въ мѣсяцъ. Тогда,—лѣтъ десять тому назадъ,—были въ Петербургѣ времена, еще дешевыя по петербургскому масштабу. При такомъ устройствѣ, были въ готовности средства къ жизни на три, пожалуй даже на четыре мѣсяца; вѣдь на чай 10 рублей въ мѣсяцъ довольно? а въ четыре мѣсяца Лопуховъ надѣялся найти уроки, какую-нибудь литературную работу, занятія въ какой-нибудь купеческой конторѣ,—все равно. Въ тотъ же день, какъ была пріискана квартира,—и дѣйствительно, квартира отличная: для того-то искали долго, за то и нашли,—Лопуховъ, бывши на урокѣ, въ четвергъ по обыкновенію, сказалъ Вѣрочкѣ:

— Завтра переѣзжай, мой другъ; вотъ адресъ. Больше теперь говорить не стану, чтобы не замѣтили.

— Миленкій мой, ты спасъ меня!

Теперь, какъ уйти изъ дому? сказать Вѣрочка и подумала было, но мать бросится драться, можетъ запереть. Вѣрочка разсудила оставить письмо въ своей комнатѣ. Когда Марья Алексѣвна, услышавъ, что дочь отправляется по дорогѣ къ Невскому, сказала, что идетъ вмѣстѣ съ нею, Вѣрочка вернулась въ свою комнату и взяла письмо: ей показалось, что лучше, честнѣе будетъ, если она сама, въ лицо скажетъ матери—вѣдь драться на улицѣ мать не станетъ же? только надобно, когда будешь говорить, нѣсколько подальше отъ нея остановиться, поскорѣе садиться на извозчика и ѣхать, чтобы она не успѣла схватить за рукавъ.

Такимъ-то манеромъ и произошла эффектная сцена у лавки Рузанова.

XXII.

Но мы видѣли только еще половину этой сцены.

Съ минуту,—нѣтъ, нѣсколько поменьше, Марья Алексѣвна, не подозревавшая ничего подобнаго, стояла ошеломленная, стараясь понять, и все не понимая, что-жъ это говорить дочь, что-жъ это значить, и какъ же это? но

только съ минутой, или поменьше... Она встрепенулась, вскрикнула какое-то ругательство, но дочь уже выѣзжала на Невскій; Марья Алексѣвна пробѣжала нѣсколько шаговъ въ ту сторону, — надобно извозчика, — бросилась на тротуаръ — „Извозчикъ!“ — „Куда прикажете, сударыня?“ — куда она прикажетъ? Послышалось, что дочь сказала „въ Караванную“, но повернула дочь налѣво по Невскому. Куда же прикажетъ она? „Догонять ту, мерзавку!“ — „Догонять, сударыня? да вы скажите толкомъ, куда; а то какъ же безъ ряды ѣхать, а какой конецъ, неизвѣстно“. — Марья Алексѣвна совершенно вышла изъ себя, ругнулась на извозчика. — „Пьяна ты, барыня, я вижу, вотъ что“, — сказалъ извозчикъ, и отошелъ. Марья Алексѣвна и ругала его въ догонку, и кричала другихъ извозчиковъ, и бросалась въ разныя стороны на нѣсколько шаговъ, и махала руками, и окончательно установилась опять подъ колоннадой, и топала, и бѣсилась; а вокругъ нея уже стояло человѣкъ пять парней, продающихъ разную разность у колоннъ Гостиннаго Двора; парни любовались на нее, обмѣнивались между собою замѣчаніями болѣе или менѣе неуважительнаго свойства, обращались къ ней съ похвалами остроумнаго и совѣтами благонамѣреннаго свойства: „Ай да барыня, въ кою пору успѣла нализаться, хватъ, барыня!“ — „Барыня, а барыня, купи пятокъ лимоновъ-то у меня, ими хорошо закусывать, для тебя дешево отдамъ!“ — „Барыня, а барыня, не слушай его, лимонъ не поможетъ, а ты поди опохмелись!“ — „Барыня, а барыня, здорова ты ругаться: давай обзакладъ ругаться, кто кого переругаетъ!“ — Марья Алексѣвна, сама не помня, что дѣлаетъ,хватила по уху ближайшаго изъ собесѣдниковъ — парня лѣтъ 17, не безъ граціи высовывавшаго ей языкъ: шапка слетѣла, а волосы тутъ какъ разъ подъ рукой; Марья Алексѣвна вцѣпилась въ нихъ. Это привело остальныхъ собесѣдниковъ въ неописанный энтузіазмъ: — „Ай, да барыня!“ — „Валий его, барыня!“ — Нѣкоторые замѣчали: — „Оедька, а ты дай-ко ей сдачи“, но большинство собесѣдниковъ было рѣшительно на сторонѣ Марьи Алексѣвны: „Куда Оедькѣ противъ барыни! — Валий, барыня, валий Оедьку, такъ ему, подлецу, и надо“. Было уже много зрителей, кромѣ собесѣдниковъ: и извозчики, и сидѣльцы изъ лавокъ, и прохожіе. Марья Алексѣвна какъ будто опомнилась, и послѣднимъ машинальнымъ движеніемъ далеко отшатнувъ Оедькину голову, зашагала черезъ улицу. Восторженные похвалы собесѣдниковъ провожали ее.

Она увидѣла, что идетъ домой, когда прошла уже ворота Пажескаго Корпуса, взяла извозчика, и пріѣхала счастливо. побила у двери отворившаго ей Оедю, бросилась къ шкапчику, побила высунувшуюся на шумъ Матрену, бросилась опять къ шкапчику, бросилась въ комнату Вѣрочки, черезъ минуту выбѣжала къ шкапчику, побѣжала опять въ комнату Вѣрочки, долго оставалась тамъ, потомъ пошла по комнатамъ ругаясь, но бить было уже некогда: Оедя бѣжалъ на грязную лѣстницу, Матрена, подсматривая въ щель Вѣрочкиной комнаты, бѣжала опрометью, увидѣвъ, что Марья Алексѣвна поднимается, въ кухню не попала, а очутилась въ спальной подъ кроватью Марьи Алексѣвны, гдѣ и пробыла благополучно до мирнаго востребованія.

Долго ли, коротко ли Марья Алексѣвна ругалась и кричала, ходя по пустымъ комнатамъ, опредѣлить она не могла, но должно быть долго, потому что вотъ и Павелъ Константинычъ явился изъ должности, — досталось и ему,

идеально и матеріально досталось. Но какъ всему бываетъ конецъ, то Марья Алексѣвна закричала: „Матрена, подавай обѣдать.“ Матрена увидѣла, что штурмъ кончился, вылѣзла изъ-подъ кровати и подала обѣдать.

За обѣдомъ Марья Алексѣвна дѣйствительно уже не ругалась, а только рычала, и уже безъ всякихъ наступательныхъ намѣреній, а такъ только, для собственнаго употребленія; потомъ лечь не легла, но сѣла и сидѣла одна, и молчала, и ворчала, потомъ и ворчать перестала, а все молчала, наконецъ крикнула:

— Матрена! разбуди барина, вели ко мнѣ придти.

Матрена, въ ожиданіи распоряженій не смѣвшая уйти ни въ полшивную, ни куда, исполнила приказъ, Павелъ Константиновичъ явился.

— Ступай къ хозяйкѣ, скажи, что дочь по твоей волѣ вышла за этого чорта. Скажи: я противъ жены былъ. Скажи: вамъ въ угоду сдѣлалъ, потому что видѣлъ, не было вашего желанія. Скажи: моя жена была одна виновата, я вашу волю исполнялъ. Скажи: я самъ ихъ и свелъ. Понялъ, что ли?

— Понялъ, Марья Алексѣвна; это ты очень умно рассуждаешь.

— Ну, ступай же! хоть обѣдаетъ, все равно вызови, подними отъ стола. Покуда не знаетъ.

Справедливость словъ Павла Константиновича была такъ осязательна, что хозяйка повѣрила бы имъ, еслибъ онъ и не обладалъ даромъ убѣдительной благоговѣйности изложенія. А убѣдительность этого дара была такъ велика, что хозяйка простила бы Павла Константиновича, еслибъ и не было осязательныхъ доказательствъ, что онъ постоянно дѣйствовалъ противъ жены и нарочно свелъ Вѣрочку съ Лопуховымъ, чтобы отвратить неблагородную женитьбу Михаила Ивановича.—Какъ же они повѣрились!—Павелъ Константиновичъ не пожалѣлъ приданаго; далъ 5.000 Лопухову деньгами, свадьбу и обзаведенье сдѣлалъ все на свой счетъ. Черезъ него они и записочками передавались; у его сослуживца на квартирѣ, у столоначальника Филантьева,—женатаго человѣка, ваше превосходительство, потому что хоть я и маленькій человѣкъ, но дѣвическая честь дочери, ваше превосходительство, мнѣ дорога, имѣли при мнѣ свиданья, и хоть наши деньги не такія, чтобы мальчишкѣ въ такихъ лѣтахъ учителей брать, но якобы предлогъ далъ, ваше превосходительство, и т. д. Неблагоданѣренность жены Павелъ Константиновичъ изобличалъ въ самыхъ черныхъ порицаніяхъ.

Какъ было не убѣдиться и не помиловать Павла Константиновича? А главное—великая, неожиданная радость! Радость смягчаетъ сердце. Хозяйка начала свою отпустительную рѣчь очень длиннымъ поясненіемъ гнѣсности мыслей и поступковъ Марьи Алексѣвны, и сначала требовала, чтобы Павелъ Константиновичъ прогналъ жену отъ себя; но онъ умолялъ, да и она сама сказала это больше для блезиру, чѣмъ для дѣла; наконецъ, резолюція вышла такая, что Павелъ Константиновичъ остается управляющимъ, квартира на улицу отнимается, и переводится онъ на задній дворъ, съ тѣмъ, чтобы жена его не смѣла и показываться въ тѣхъ мѣстахъ перваго двора, на которыя можетъ упасть взглядъ хозяйки, и обязана выходить на улицу не иначе, какъ воротами дальними отъ хозяйкиныхъ оконъ. Изъ 20 р. въ мѣсяцъ прибавки къ жалованью 15 р. отнимаются, а 5 р. оставляются въ вознагражденіе какъ усердія управляющаго къ волѣ хозяйки, такъ и его расходовъ по свадьбѣ дочери.

XXIII.

У Марьи Алексѣвны было въ мысляхъ нѣсколько проектовъ о томъ, какъ поступить съ Лопуховымъ, когда онъ явится вечеромъ. Самый чувствительный состоялъ въ томъ, чтобы спрятать на кухнѣ двухъ дворниковъ, — они бросятся на Лопухова по данному сигналу и исколотятъ его. Самый патетическій состоялъ въ томъ, чтобы торжественно провозгласить устами своими и Павла Константиныча родительское проклятіе ослушной дочери и ему разбойнику, съ объясненіемъ, что оно сильно, — даже земля, какъ извѣстно, не принимаетъ праха проклятыхъ родителями. Но это были точно такія же мечты, какъ у хозяйки мысль развести Павла Константиныча съ женою; такіе проекты, какъ всякая поэзія, служатъ собственно не для практики, а для отрады сердцу, лежась основаніемъ для безконечныхъ размышленій наединѣ и для иныхъ изъясненій въ бесѣдахъ будущности, что, дескать, я вотъ что могла (или, смотря по полу лица: могъ) сдѣлать, и хотѣла (хотѣлъ), да по своей добротѣ пожалѣла (пожалѣлъ).

Проекты побить Лопухова и проклясть дочь были идеальной стороною мыслей и чувствъ Марьи Алексѣвны. Реальная сторона ея ума и души имѣла направленіе не столь возвышенное и болѣе практическое — разница, неизбѣжная по слабости всякаго человѣческаго существа. Когда Марья Алексѣвна опомнилась у воротъ Пажескаго корпуса, постигла, что дочь дѣйствительно исчезла, вышла замужъ и ушла отъ нея, этотъ фактъ явился ея сознанію въ формѣ слѣдующаго мысленнаго восклицанія: „обокрала!“ П всю дорогу она продолжала восклицать мысленно, а иногда и вслухъ: „обокрала!“ Поэтому, задержавшись лишь на нѣсколько минутъ сообщеніемъ скорби своей Оедѣ и Матренѣ по человѣческой слабости, — всякій человѣкъ увлекается выраженіемъ чувствъ до того, что забываетъ въ порывѣ души житейскіе интересы минуты, — Марья Алексѣвна пробѣжала въ комнату Вѣрочки, бросилась въ ящики туалета, въ гардеробъ, — окинула все торопливымъ взглядомъ, — нѣтъ, кажется, все цѣло! — и потомъ принялась повѣрять это успокоительное впечатлѣніе подробнымъ пересмотромъ. Оказалось, что дѣйствительно всѣ вещи и платья остались у нея, кромѣ пары простенькихъ золотыхъ серегъ, да стараго кисейнаго платья, да стараго пальто, въ которыхъ Вѣрочка пошла изъ дому. По этому вопросу реальнаго направленія Марья Алексѣвна ждала, что Вѣрочка дастъ Лопухову списокъ своихъ вещей, чтобы требовать ихъ, и твердо рѣшилась изъ золотыхъ и другихъ такихъ вещей не давать ничего, изъ платьевъ дать четыре, которыя попроще, и дать нѣсколько бѣлья, которое побольше изношено: ничего не дать нельзя, благородное приличіе не позволяетъ, а Марья Алексѣвна всегда строго соблюдала благородное приличіе.

Другой вопросъ реальной жизни былъ: отношенія къ хозяйкѣ; мы уже видѣли, что Марья Алексѣвна удалось разрѣшить его удачно.

Теперь, третій вопросъ: что дѣлать съ мерзавкою и подлецомъ, съ дочерью и непрошаннымъ зятемъ? Проклясть? — это не трудно, но годится только, какъ десертъ къ чему-нибудь существенному. Существенное возможно только

одно: подать просьбу, начать дѣло, отдать подъ судъ. Сначала, въ волненіи чувствъ, Марья Алексѣвна смотрѣла на это рѣшеніе вопроса идеально, и съ идеальной точки зрѣнія оно представлялось очень привлекательнымъ. Но по мѣрѣ того, какъ успокоивалась кровь, отъ утомленія бурей, дѣло стало обнаруживаться въ другомъ видѣ. Никто не зналъ лучше Марьи Алексѣвны, что дѣла ведутся деньгами и деньгами, а такіа дѣла, какъ обольщавшее ее своею идеальною прелестью, ведутся большими и большими деньгами, и тянутся очень долго, и, вытянувъ много денегъ, кончаются совершенно ничѣмъ.

Что же дѣлать? Въ концѣ концовъ выходило, что предстоятъ только два занятія: поругаться съ Лопуховымъ до послѣдней степени удовольствія, и отстоять отъ его требованій Вѣрочкины вещи, а средствомъ къ тому употребить угрозу подачею жалобы. Но поругаться надобно очень сильно, въ полную сласть.

Не удалось и поругаться. Пришелъ Лопуховъ и началъ въ томъ слогѣ, что мы съ Вѣрочкою просимъ васъ, Марья Алексѣвна и Павелъ Константинычъ, извинить насъ, что безъ вашего согласія...

Марья Алексѣвна на этомъ словѣ закричала: „Я прокляну ее, негодницу!“

Но вмѣсто слова „негодницу“, успѣло выговориться только „него...“, потому что Лопуховъ сказалъ очень громко: „вашей брани я слушать не стану, я пришелъ говорить о дѣлѣ. Вы сердитесь, и не можете говорить спокойно, такъ мы поговоримъ одни, съ Павломъ Константинычемъ, а вы, Марья Алексѣвна, пришлите Федю или Матрену позвать насъ, когда успокоитесь“—и говоря это, уже велъ Павла Константиныча изъ зала въ его кабинетъ, а говорилъ такъ громко, что перекричать его не было возможности, а потому и пришлось остановиться въ своей рѣчи.

Довелъ онъ Павла Константиныча до дверей зала, тутъ остановился, обернулея и сказалъ: „А то, Марья Алексѣвна, теперь же и съ вами буду говорить; только вѣдь о дѣлѣ надобно говорить спокойно“.

Она было опять готовилась закричать, но онъ опять перебилъ: „Ну, не можете говорить спокойно, такъ мы уходимъ“.

— Да ты зачѣмъ уходишь, дуракъ?—прокричала Марья Алексѣвна.

— Да онъ меня ведетъ.

— А если Павлу Константинычу было бы тоже неужгодно говорить хладнокровно, такъ и я уйду, пожалуй—мнѣ все равно. Только зачѣмъ же вы, Павелъ Константинычъ, позволяете называть себя такими именами? Марья Алексѣвна дѣлъ не знаетъ, она вѣрно думаетъ, что съ нами можно Богъ знаетъ что сдѣлать, а вы чиновникъ, вы дѣловой порядокъ должны знать. Вы скажите ей, что теперь она съ Вѣрочкой ничего не сдѣлаетъ, а со мной и того меньше.

„Знаешь, подлецъ, что съ нимъ ничего не сдѣлаешь,—подумала Марья Алексѣвна и сказала Лопухову, что въ первую минуту она погорячилась, какъ мать, а теперь можетъ говорить хладнокровно.“

Лопуховъ возвратился съ Павломъ Константинычемъ,—сѣли; Лопуховъ попросилъ ее слушать, пока онъ доскажетъ то, что начнетъ, а ея рѣчь будетъ впереди, и началъ говорить, сильно возвышая голосъ, когда она пробовала перебивать его, и благополучно довелъ до конца свою рѣчь, которая состояла въ томъ, что развѣчивать ихъ нельзя, потому дѣло со Сторешниковымъ—

дѣло пронащее, какъ вы сами знаете, стало быть, и утруждать себя вамъ будетъ напрасно, а впрочемъ, какъ хотите: коли лишнія деньги есть, то даже совѣтую попробовать; да что и огорчаться-то не изъ чего, потому что вѣдь Вѣрочка никогда не хотѣла идти за Сторешникова, стало быть, это дѣло всегда было несбыточное, какъ вы и сами видѣли, Марья Алексѣвна, а дѣвушку во всякомъ случаѣ надобно отдавать замужъ, а это дѣло вообще убыточное для родителей: надобно приданое, да и свадьба, сама по себѣ, много денегъ стоитъ, а главное, приданое: стало быть, еще надобно вамъ, Марья Алексѣвна и Павелъ Константинычъ, благодарить дочь, что она вышла замужъ безъ всякихъ убытковъ для васъ! Вотъ онъ такъ говорилъ, и прочее, въ этомъ родѣ, и говорилъ онъ обстоятельно, битыхъ полчаса.

Когда онъ кончилъ, то Марья Алексѣвна видѣла, что съ такимъ разбойникомъ нечего говорить, и потому прямо стала говорить о чувствахъ, что она была огорчена собственнo тѣмъ, что Вѣрочка вышла замужъ, не испросивши согласія родительскаго, потому что это для материнскаго сердца очень больно; ну, а когда дѣло пошло о материнскихъ чувствахъ и огорченіяхъ, то, натурально, разговоръ сталъ представлять для обѣихъ сторонъ болѣе только тотъ интересъ, что, дескать, нельзя же не говорить и объ этомъ, такъ приличіе требуетъ; удовлетворили приличію, поговорили, — Марья Алексѣвна, что она, какъ любящая мать, была огорчена, — Лопуховъ, что она, какъ любящая мать, можетъ и не огорчаться; когда же исполнили мѣру приличія надлежащею длиною разсужденій о чувствахъ, перешли къ другому пункту, требуемому приличіемъ, что мы всегда желали своей дочери счастья, — съ одной стороны, а съ другой стороны отвѣчалось, что это, конечно, вещь несомнѣнная; когда разговоръ былъ доведенъ до приличной длины и по этому пункту, стали прощаться, тоже съ объясненіями такой длины, какая требуется благороднымъ приличіемъ, и результатомъ всего оказалось, что Лопуховъ, понимая разстройство материнскаго сердца, не проситъ Марью Алексѣвну теперь же дать дочери позволеніе видѣться съ нею, потому что теперь это, быть можетъ, было бы еще тяжело для материнскаго сердца, а что вотъ Марья Алексѣвна будетъ слышать, что Вѣрочка живетъ счастливо, въ чемъ, конечно, всегда и состояло единственное желаніе Марьи Алексѣвны, и тогда материнское сердце ея совершенно успокоится, стало быть, тогда она будетъ въ состояніи видѣться съ дочерью, не огорчась.

Такъ на томъ и порѣшили, и разошлись миролюбиво.

— Ну, разбойникъ! — сказала Марья Алексѣвна, проводивъ зятя.

Ночью даже приснился ей сонъ такого рода, что сидитъ она подъ окномъ, и видитъ: по улицѣ ѣдетъ карета, самая отличная, и останавливается эта карета, и выходитъ изъ кареты пышная дама, и мужчина съ дамой, и входятъ они къ ней въ комнату, и дама говоритъ: посмотрите, мамаша, какъ меня мужъ наряжаетъ! и дама эта — Вѣрочка. И смотритъ Марья Алексѣвна, матерія на платьѣ у Вѣрочки самая дорогая, и Вѣрочка говоритъ: одна матерія 500 цѣлковыхъ стоитъ, и это для насъ, мамаша, пустяки: у меня такихъ платьевъ цѣлая дюжина; а вотъ, мамаша, это дороже стоитъ, — вотъ, на пальцы посмотрите! Смотритъ Марья Алексѣвна на пальцы Вѣрочки, а на пальцахъ перстни съ крупными брилліантами! — Этотъ перстень, мамаша, стоитъ 2.000 р., а этотъ,

мамаша, дороже—4.000 р., а вотъ на грудь посмотрите, мамаша, эта брошка еще дороже: она стоитъ 10.000 р.! А мужчина говоритъ, и этотъ мужчина Дмитрій Сергѣичъ: „это все для насъ еще пустяки, милая маменька, Марья Алексѣвна! а настоящая-то важность вотъ у меня въ карманѣ: вотъ, милая маменька, посмотрите бумажникъ, какой толстый, и набить все однѣми 100-рублевыми бумажками, и этотъ бумажникъ я вамъ, мамаша, дарю, потому что и это для насъ пустяки! а вотъ этого бумажника, который еще толще, милая маменька, я вамъ не подарю, потому что въ немъ бумажекъ нѣтъ, а въ немъ все банковые билеты да векселя, и каждый билетъ и вексель дороже стоитъ, чѣмъ весь бумажникъ, который я вамъ подарилъ, милая маменька, Марья Алексѣвна!“ — Умѣли вы, милый сынъ, Дмитрій Сергѣичъ, составить счастье моей дочери и всего нашего семейства: только откуда же, милый сынъ, вы такое богатство получили? — Я, милая мамаша, пошелъ по откупной части!

И проснувшись, Марья Алексѣвна думаетъ про себя: „истинно, ему бы по откупной части идти“.

XXIV.

Похвальное слово Марѣ Алексѣвнѣ.

Вы перестаете быть важнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ жизни Вѣрочки, Марья Алексѣвна, и разставаясь съ вами, авторъ этого разсказа проситъ васъ не сѣтовать на то, что вы отпускаетесь со сцены съ развязкою, нѣсколько невыгодной для васъ. Не думайте, что вы черезъ то лишились уваженія. Вы остались одураченною, но это нисколько не роняетъ нашего мнѣнія о вашемъ умѣ, Марья Алексѣвна: ваша ошибка не свидѣтельствуетъ противъ васъ. Вы встрѣтились съ людьми, которыхъ не привыкли встрѣчать прежде, и не грѣхъ вамъ было обмануться въ нихъ, судя по прежнимъ вашимъ опытамъ. Вся ваша прежняя жизнь привела васъ къ заключенію, что люди дѣлятся на два разряда: дураковъ и плутовъ: „кто не дуракъ, тотъ плутъ, непременно плутъ, думали вы, а не плутомъ можетъ быть только дуракъ“. Этотъ взглядъ былъ очень вѣренъ, Марья Алексѣвна, до недавняго времени былъ совершенно вѣренъ, Марья Алексѣвна. Вы встрѣчали, Марья Алексѣвна, людей, которые говорили очень хорошо, и вы видѣли, что все эти люди, безъ исключенія, — или хитрецы, морочащіе людей хорошими словами, или взрослые глухие ребята, не знающіе жизни и не умѣющіе ни за что приняться. Потому вы, Марья Алексѣвна, не вѣрили хорошимъ словамъ, считали ихъ за глупость или обманъ, и вы были правы, Марья Алексѣвна. Вашъ взглядъ на людей уже совершенно сформировался, когда вы встрѣтили первую женщину, которая не была глуха и не была плутовка: вамъ простительно было смутиться, остановиться въ раздумѣ, не зная, какъ думать о ней, какъ обращаться съ нею. Вашъ взглядъ на людей уже совершенно сформировался, когда вы встрѣтили перваго благороднаго человека, который не былъ простодушнымъ, жалкимъ ребенкомъ, зная жизнь не хуже васъ, судить о ней не менѣе вѣрно, чѣмъ вы, умѣлъ дѣлать дѣло не менѣе основательно, чѣмъ вы: вамъ простительно было ошибиться и принять его за такого же пройдоху, какъ вы. Эти ошибки, Марья Алексѣвна,

не уменьшают моего уваженія къ вамъ, какъ женщинѣ умной и дѣльной. Вы вывели вашего мужа изъ ничтожества, приобрѣли себѣ обезпеченіе на старость лѣтъ,—это вещи хорошія, и для васъ были вещами очень трудными. Ваши средства были дурны, но ваша обстановка не давала вамъ другихъ средствъ. Ваши средства принадлежатъ вашей обстановкѣ, а не вашей личности, за нихъ безчестье не вамъ,—но честь вашему уму и силѣ вашего характера.

Довольны ли вы, Марья Алексѣвна, признаніемъ этихъ вашихъ достоинствъ? Конечно, вы остались бы довольны и этимъ, потому что вы и не думали никогда претендовать на то, что вы мила или добра; въ минуту невольной откровенности, вы сами признавали, что вы человѣкъ злой и не честный, и не считали злобы и нечестности своей безчестьемъ для себя, доказывая, что иною вы не могли быть при обстоятельствахъ вашей жизни. Стало быть, вы не станете много интересоваться тѣмъ, что къ похвалѣ вашему уму и силѣ вашего характера не прибавлено похвалы вашимъ добродѣтелямъ, вы и не считаете себя имѣющею ихъ, и не считаете достоинствомъ, а скорѣе считаете принадлежностью глупости имѣть ихъ. Стало быть, вы не стали бы требовать еще другой похвалы, кромѣ той, прежней. Но я могу сказать въ вашу честь еще одно: изъ всѣхъ людей, которыхъ я не люблю и съ которыми не желалъ бы имѣть дѣла, я все-таки охотнѣе буду имѣть дѣло съ вами, чѣмъ съ другимъ. Конечно, вы безпощадна тамъ, гдѣ это нужно для вашей выгоды. Но если вамъ нѣтъ выгоды дѣлать кому нибудь вредъ, вы не станете дѣлать его изъ какихъ нибудь глупыхъ страстишекъ; вы разсчитываете, что не стоитъ вамъ терять время, трудъ, деньги безъ пользы. Вы, разумѣется, рады были бы изжарить на медленномъ огнѣ вашу дочь и ея мужа, но вы умѣли обуздать мстительное влеченіе, чтобы холодно разсудить о дѣлѣ, и поняли, что изжарить ихъ не удалось бы вамъ; а вѣдь это великое достоинство, Марья Алексѣвна, умѣть понимать невозможность! Понявъ ее, вы и не стали начинать процесса, который не погубилъ бы людей, раздражившихъ васъ; вы разочли, что тѣ мелкія непріятности, которыя надѣлали ли бы имъ хлопотами по процессу, подвергали бы саму васъ гораздо большимъ хлопотамъ и убыткамъ, и потому вы не начали процесса. Если нельзя побѣдить врага, если нанесеніемъ ему мелочнаго урона самъ дѣлаешь себѣ больше урона, то не зачѣмъ начинать борьбы; понявъ это, вы имѣете здравый смыслъ и мужество покориться невозможности безъ напраснаго дѣланія вреда себѣ и другимъ,—это также великое достоинство, Марья Алексѣвна. Да, Марья Алексѣвна, съ вами еще можно имѣть дѣло, потому что вы не хотите зла для зла въ убытокъ себѣ самой—это очень рѣдкое, очень великое достоинство, Марья Алексѣвна! Миліоны людей, Марья Алексѣвна, вредятъ васъ себѣ и другимъ, хотя не имѣютъ того ужаснаго вида, какой имѣете вы. Изъ тѣхъ, кто не хорошъ, вы еще лучше другихъ, именно потому что вы не безразсудны и не тупоумны. Я радъ былъ бы стереть васъ съ лица земли, но я уважаю васъ: вы не портите никакого дѣла; теперь, вы занимаетесь дурными дѣлами, потому что такъ требуетъ ваша обстановка, но дать вамъ другую обстановку, и вы съ удовольствіемъ станете безвредны, даже полезны, потому что безъ денежнаго разсчета вы не хотите дѣлать зла, а если вамъ выгодно, то можете дѣлать что угодно,—стало быть, даже и дѣйствовать честно и благородно, если такъ будетъ нужно. Вы способны къ этому, Марья Але-

ксѣвна, не вы виноваты въ томъ, что эта способность бездѣйствуетъ въ васъ, что, вмѣсто нея, дѣйствуютъ противоположныя способности, но она есть въ васъ, а этого нельзя сказать о всѣхъ. Дрянные люди не способны ни къ чему; вы только дурной человѣкъ, а не дрянный человѣкъ. Вы выше многихъ и по нравственному масштабу.

Довольны ли вы, Марья Алексѣвна?

— Что, батюшка мой, мнѣ быть довольной-то? Обстоятельства-то мои плоховаты?

— Это и прекрасно, Марья Алексѣвна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Замужество и вторая любовь.

I.

Прошло три мѣсяца послѣ того, какъ Вѣрочка вырвалась изъ подвала. Дѣла Лопуховыхъ шли хорошо. Онъ уже имѣлъ порядочные уроки, досталъ работу у какого-то книгопродавца—переводъ учебника географіи. Вѣра Павловна также имѣла два урока, хотя незавидныхъ, но и не очень плохихъ. Вдвоемъ они получили уже рублей 80 въ мѣсяцъ; на эти деньги нельзя жить иначе, чакъ очень небогато, но все-таки испытать имъ нужды не досталось, средства ихъ понемногу увеличивались, и они рассчитывали, что мѣсяца еще черезъ четыре, или даже скорѣе, они могутъ уже обзавестись своимъ хозяйствомъ (оно такъ и было потомъ).

Порядокъ ихъ жизни устроился, конечно, не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ полу-шутя, полу-серьезно устраивала его Вѣра Павловна въ день своей фантастической помолвки, но все-таки очень похоже на то. Старикъ и старуха, у которыхъ они поселились, много толковали между собою о томъ, какъ странно живутъ молодые,—будто вовсе и не молодые,—даже не мужъ и жена, а такъ, точно не знаю, кто.

— Значить, какъ самъ вижу и ты, Петровна, рассказываешь, на то похоже, какъ бы сказать, она ему сестра была, али онъ ей братъ.

— Нашелъ, чему прировнять! между братомъ да сестрой никакой церемонности нѣтъ; а у нихъ какъ? онъ встанетъ, пальто надѣнетъ и сидитъ, ждетъ, покуда самоваръ принесешь. Сдѣлаетъ чай, кликнетъ ее, она тоже ужъ одѣта выходить. Какіе тутъ братъ съ сестрой? А ты такъ скажи; вотъ бываетъ тоже, что небогатые люди, по бѣдности, живутъ два семейства въ одной квартирѣ.—вотъ этому можно прировнять.

— И какъ это, Петровна, чтобы мужъ къ женѣ войти не могъ: значить, не одѣта, нельзя. Это на что похоже?

— А ты то лучше скажи, какъ они вечеромъ-то расходятся. Говорить:

прощай, миленькій, спокойной ночи! Разойдутся, оба по своимъ комнатамъ сидятъ, книжки читаютъ, онъ тоже пишетъ. Ты слушай, что разъ было. Легла она спать, лежитъ, читаетъ книжку; только слышу черезъ перегородку-то,—на меня тоже что-то сна не было,—слышу, встаетъ. Только, что же ты думаешь? слышу, передъ зеркаломъ стала, значить, волосы пригладить. Ну, вотъ какъ есть, точно къ гостямъ выйти собирается. Слышу, пошла. Ну, и я въ корридоръ вышла, стала на стулъ, гляжу въ его-то комнату черезъ стекло. Слышу подошла. — „Можно войти, миленькій? А онъ: „Сейчасъ, Вѣрочка, минутку погоди“. — Лежалъ тоже. Платишко натянулъ, пальто: ну, думаю, галстухъ подвизывать станеть; нѣтъ, галстуха не подвизалъ, оправился, говоритъ: „теперь можно, Вѣрочка“. „Я, говоритъ, вотъ въ этой книжкѣ не понимаю, ты растолкуй“. Онъ сказалъ. — „Ну, говоритъ, извини, миленькій, что я тебя побеспокоила“. А онъ говоритъ: „Ничего, Вѣрочка, я такъ лежалъ, ты не помѣшала“. Ну, она и ушла.

— Такъ и ушла?

— Такъ и ушла.

— И онъ ничего?

— И онъ ничего. Да ты не тому дивись, что ушла, а ты тому дивись: одѣлась, пошла; онъ говоритъ: погоди; одѣлся, тогда говоритъ: войди. Ты про это говори: какое это заведенье?

— А вотъ что, Петровна: это секта такая, значить; потому что есть всякія секты.

— Оно похоже на то. Смотри, что вѣрно твое слово.

Другой разговоръ.

— Данилычъ, а вѣдь я ее спросила про ихнее заведенье. Вы, говорю, не разсердитесь, что я васъ спрошу: вы какой вѣры будете?— „Обыкновенно какой, русской“, говоритъ.—А супругникъ вашъ?—Тоже, говоритъ, русской. А секты никакой не изволите содержать?—Никакой, говоритъ: а вамъ почему такъ вздумалось?—Да вотъ почему, сударыня, барыней ли, барышней ли, не знаю, какъ васъ назвать: вы съ муженькомъ-то живете ли?—засмѣялась; живемъ, говоритъ.

— Засмѣялась?

— Засмѣялась: живемъ, говоритъ. Такъ отчего же у васъ заведенье такое, что вы неодѣтая не видите его, точно вы съ нимъ не живете? — Да, это, говоритъ, для того, что зачѣмъ же растрепанной показываться? а секты тутъ никакой нѣтъ.—Такъ что же такое? говорю. А для того, говоритъ, что такъ-то любви больше, и размолвокъ нѣтъ.

— А это точно, Петровна, что на правду похоже. Значить, всегда въ своемъ видѣ.

— Да она еще какое слово сказала: ежели, говоритъ, я не хочу, чтобы другіе меня въ безобразіи видѣли, такъ мужа-то я больше люблю, значить, къ нему-то и вовсе не приходится не умывшись на глаза лѣзть.

— А и это на правду похоже, Петровна: отчего же на чужихъ-то женъ зарятся? Оттого, что ихъ въ нарядѣ видятъ, а свою въ безобразіи. Такъ въ писаніи говорится, въ притчахъ Соломоновыхъ. Премудрѣйшій царь былъ.

II.

Хорошо шла жизнь Лопуховыхъ. Вѣра Павловна была всегда весела. Но однажды,—это было мѣсяцевъ черезъ пять послѣ свадьбы.—Дмитрій Сергѣичъ, возвратившись съ урока, нашелъ жену въ какомъ-то особенномъ настроеніи духа: въ ея глазахъ сіяла и гордость, и радость. Тутъ Дмитрій Сергѣичъ припомнилъ, что уже нѣсколько дней можно было замѣчать въ ней признаки пріятной тревоги, улыбающагося раздумья, нѣжной гордости.

— Другъ мой, у тебя есть какое-то веселье: что же ты не подѣлишься со мною?

— Кажется, есть, мой милый, но погоди еще немного: скажу тебѣ тогда, когда это будетъ вѣрно. Надобно подождать еще нѣсколько дней. А это будетъ мнѣ большая радость. Да и ты будешь радъ, я знаю; и Кирсанову, и Мерцаловымъ понравится.

— Но что же такое?

— А ты забылъ, мой миленькій, нашъ уговоръ: не разспрашивать? Скажу, когда будетъ вѣрно.

Прошло еще съ недѣлю.

— Мой миленькій, стану рассказывать тебѣ свою радость. Только ты мнѣ посовѣтуй, ты вѣдь все это знаешь. Видишь, мнѣ ужъ давно хотѣлось что-нибудь дѣлать. И я придумала, что надо завести швейную; вѣдь это хорошо?

— Ну, мой другъ, у насъ былъ уговоръ, чтобъ я не цаловать твоихъ рукъ, да вѣдь то говорилось вообще, а на такой случай уговора не было. Давайте руку, Вѣра Павловна.

— Послѣ, мой миленькій, когда удастся сдѣлать.

— Когда удастся сдѣлать, тогда и не мнѣ дашь цаловать руку, тогда и Кирсановъ, и Алексѣй Петровичъ, и всѣ поцалуютъ. А теперь пока я одинъ. И намѣреніе стоитъ этого.

— Насиліе? я закричу.

— А кричи.

— Миленькій мой, я застыжусь и не скажу ничего. Будто ужъ это такая важность!

— А вотъ какая важность, мой другъ: мы всѣ говоримъ и ничего не дѣлаемъ. А ты позже насъ всѣхъ стала думать объ этомъ, и раньше всѣхъ рѣшилась приняться за дѣло.

Вѣрочка припала головою къ груди мужа, спряталась:—Милый мой, ты захвалилъ меня.

Мужъ поцаловалъ ея голову:—умная головка.

— Миленькій мой, перестань. Вотъ тебѣ и сказать нельзя; видишь, какой ты.

— Перестану: говори, моя добрая.

— Не смѣй такъ называть.

— Ну, злая.

— Ахъ, какой ты! все мѣшаешь. Ты слушай, сиди смирно. Вѣдь тутъ,

мнѣ кажется, главное то, чтобы съ самаго начала, когда выбираешь немногихъ, дѣлать осмотрительно, чтобы это были въ самомъ дѣлѣ люди честные, хорошіе, не легкомысленные, не шаткіе, настойчивые и вмѣстѣ мягкіе, чтобы отъ нихъ не выходило пустыхъ ссоръ, и чтобы они умѣли выбирать другихъ, — такъ?

— Такъ, мой другъ.

— Теперь я нашла трехъ такихъ дѣвушекъ. Ахъ, сколько я искала! вѣдь я, мой миленькій, ужъ мѣсяца три заходила въ магазины, знакомясь, — и нашла. Такія славныя дѣвушки. Я съ ними хорошо познакомилась.

— И надобно, чтобы онѣ были хорошія мастерицы своего дѣла; вѣдь нужно, чтобы дѣло шло собственнымъ достоинствомъ, вѣдь все должно быть основано на торговомъ расчетѣ.

— Ахъ, еще бы нѣтъ, это разумѣется.

— Такъ чтожь еще? о чемъ со мной совѣтоваться?

— Да подробности, мой миленькій.

— Рассказывай подробности, да, вѣрно, ты сама все обдумала и съумѣешь приспособиться къ обстоятельствамъ. Ты знаешь, тутъ важнѣе всего принципъ, да характеръ, да умѣнье. Подробности опредѣляются сами собою, по особеннымъ условіямъ каждой обстановки.

— Знаю, но все-таки, когда ты скажешь, что это такъ, я буду больше увѣрена.

Они толковали долго. Лопуховъ не нашелъ ничего поправить въ планѣ жены; но для нея самой планъ ея развился и прояснился отъ того, что она рассказывала его.

На другой день Лопуховъ отнесъ въ контору полицейскихъ вѣдомостей объявленіе, что „Вѣра Павловна Лопухова принимаетъ заказы на шитье дамскихъ платьевъ, бѣлья“ и т. д., „по сходнымъ цѣнамъ“ и проч.

Въ то же утро Вѣра Павловна отправилась къ Юли. „Нынѣшней моей фамилии она не знаетъ, — скажите, что m-ле Розальская“.

— Дитя мое, вы безъ вуаля, открыто, ко мнѣ, и говорите свою фамилію слугѣ, но это безумство, вы губите себя, мое дитя!

— Да вѣдь я же теперь замужемъ, и могу быть вездѣ и дѣлать, что хочу.

— Но вашъ мужъ, — онъ узнаетъ.

— Онъ черезъ часъ будетъ здѣсь. — Началась разспросы о томъ, какъ она вышла замужъ. Юли была къ восторгѣ, обнимала ее, цаловала, плакала. Когда пароксизмъ прошелъ, Вѣра Павловна стала говорить о цѣли своего визита.

— Вы знаете, старыхъ друзей не вспоминаютъ иначе, какъ тогда, когда имѣютъ въ нихъ надобность. У меня къ вамъ большая просьба. Я завожу швейную мастерскую. Давайте мнѣ заказы и рекомендуйте меня вашимъ знакомымъ. Я сама хорошо шью, и помощницы у меня хорошія, — да вы знаете одну изъ нихъ. Дѣйствительно, Юли знала одну изъ нихъ за отличную швею. — Вотъ вамъ образцы моей работы. И это платье я дѣлала сама себѣ: вы видите, какъ хорошо сидитъ.

Юли очень внимательно разсмотрѣла, какъ сидитъ платье, разсмотрѣла шитье платка, рукавичковъ, и осталась довольна.

— Мое дитя, вы могли бы имѣть хорошій успѣхъ, у васъ есть мастерство и вкусъ. Но для этого надобно имѣть пышный магазинъ на Невскомъ.

— Да, я заведу современнымъ; это будетъ моя цѣль. Теперь я принимаю заказы на дому. — Кончили дѣло, начали опять толковать о замужествѣ Вѣрочки.

— А этотъ Сторешникъ, онъ двѣ недѣли кутилъ ужасно; но потомъ помирился съ Аделью. Я очень рада за Адель: онъ добрый малый: только жаль, что Адель не имѣетъ характера.

Выѣхавъ на свою дорогу, Жюли пустилась болтать о похожденияхъ Адели и другихъ: теперь m-ше Розальская уже дама, слѣдовательно, Жюли не считала нужнымъ сдерживаться; сначала она говорила разсудительно, потомъ увлекалась, увлекалась, и стала описывать кутежи съ восторгомъ, и пошла, и пошла: Вѣра Павловна сконфузилась, Жюли ничего не замѣчала; Вѣра Павловна оправилась и слушала уже съ тѣмъ тяжелымъ интересомъ, съ какимъ разсматриваешь черты милаго лица, искаженные болѣзнию. Но вошелъ Лопуховъ. Жюли мгновенно обратилась въ солидную свѣтскую даму, исполненную строжайшаго такта. Однако, и эту роль она выдержала не долго. Начавъ поздравлять Лопухова съ женою, такою красавицею, она опять разгорячилась: — „нѣтъ, мы должны праздновать вашу свадьбу“, велѣла подать завтракъ на скорую руку, подать шампанское, Вѣрочка была должна выпить полстакана за свою свадьбу, полстакана за свою мастерскую, полстакана за саму Жюли. У нея закружилась голова, подняли онѣ съ Жюли крикъ, шумъ, гамъ: Жюли ущипнула Вѣрочку, вскочила побѣжала, Вѣрочка за нею: бѣготня по комнатамъ, прыганье по стульямъ; Лопуховъ сидѣлъ и смѣялся. Кончилось тѣмъ, что Жюли вздумала хвалиться силою: „я васъ подниму на воздухъ одною рукою“. — „Не поднимете“. Принялись бороться, упали обѣ на диванъ, и уже не захотѣли встать, а только продолжали кричать, хохотать и обѣ заснули.

Съ давняго времени это былъ первый случай, когда Лопуховъ не зналъ, что ему дѣлать. Будить? жалко, испортишь все веселое свиданье неловкимъ концомъ. Онъ осторожно всталъ, пошелъ по комнатамъ, не попадетъ ли книга. Книга попалась — *Chronique de l'Oeil de Boeuf*, — вещь, передъ которою „Фоблазъ“ вялъ: онъ уѣлся на диванъ въ другомъ концѣ комнаты, сталъ читать, и черезъ четверть часа самъ заснулъ отъ скуки.

Часа черезъ два Полина разбудила Жюли: было время обѣдать. Съли оди, безъ Сержа, который былъ на какомъ-то парадномъ обѣдѣ; Жюли и Вѣрочка опять покричали, опять посолондничали, при прощаньи стали вовсе солидны, и Жюли вздумала спросить, — прежде не случилось вздумать, — зачѣмъ Вѣрочка заводитъ мастерскую? вѣдь если она думаетъ о деньгахъ, то гораздо легче ей сдѣлаться актрисою, даже пѣвицею: у нея такой сильный голосъ; по этому случаю опять уѣлись. Вѣрочка стала разсказывать свои мысли и Жюли опять пришла въ энтузіазмъ, и посыпались благословенья, перемѣшанные съ тѣмъ, что она, Жюли де-Теллье, погибшая женщина, — и слезы, но что она знаетъ, что такое „добродѣтель“ — и опять слезы, и обниманья, и опять благословенья.

Дня черезъ четыре Жюли пріѣхала къ Вѣрѣ Павловнѣ и дала довольно много заказовъ отъ себя, дала адреса нѣсколькихъ своихъ пріятельницъ, отъ которыхъ также можно получить заказы. Она привезла съ собою Сержа, сказавъ, что безъ этого нельзя: Лопуховъ былъ у меня, ты долженъ теперь сдѣлать ему визитъ. Жюли держала себя солидно, и выдержала солидность безъ

малѣйшаго отступленія, хотя просидѣла у Лопуховыхъ долго; она видѣла, что тутъ не стѣны, а жиденькія перегородки, а она умѣла дорожить чужими именами. Въ азартъ она не приходила, а впадала больше въ буколическое настроеніе, съ восторгомъ вникая во всѣ подробности бѣдноватаго быта Лопуховыхъ и находя, что именно такъ слѣдуетъ жить, что иначе нельзя жить, что только въ скромной обстановкѣ возможно истинное счастье, и даже объявила Сержу, что они съ нимъ отправятся жить въ Швейцарію, поселятся въ маленькомъ домикѣ среди полей и горъ, на берегу озера, будутъ любить другъ друга, удить рыбу, ухаживать за своимъ огородомъ; Сержъ сказалъ, что онъ совершенно согласенъ, но посмотритъ, что она будетъ говорить часа черезъ три, четыре.

Громъ изящной кареты и топотъ удивительныхъ лошадей Жюли произвели потрясающее впечатлѣніе въ населеніи 5-й линіи между Среднимъ и Малымъ проспектами, гдѣ ничего подобнаго не было видано, по крайней мѣрѣ, со времени Петра Великаго, если не раньше. Много глазъ смотрѣли, какъ дивный феноменъ остановился у запертыхъ воротъ одноэтажнаго деревяннаго домика въ 7 оконъ, какъ изъ удивительной кареты явился новый, еще удивительнѣйшій феноменъ, великолѣпная дама съ блестящимъ офицеромъ, важное достоинство котораго не подлежало сомнѣнію. Всеобщее огорченіе было произведено тѣмъ, что черезъ минуту ворота отперлись и карета въѣхала на дворъ: любознательность лишилась надежды видѣть величественнаго офицера и еще величественнѣйшую даму вторично при ихъ отъѣздѣ. Когда Данилычъ возвратился домой съ торговли, у Петровны съ нимъ произошелъ разговоръ.

— Петровичъ, а видно жильцы-то наши изъ важныхъ людей. Приѣзжали къ нимъ генераль съ генеральшею. Генеральша такъ одѣта, что и рассказать нельзя, а на генералѣ двѣ звѣзды.

Какимъ образомъ Петровна видѣла звѣзды на Сержѣ, который еще и не имѣлъ ихъ, да еслибъ и имѣлъ, то вѣроятно не носилъ бы при поѣздкахъ на службѣ Жюли, это вещь изумительная: но что дѣйствительно она видѣла ихъ, что не ошибалась и не хвастала, это не она свидѣтельствуетъ, это я за нее также ручаюсь: она видѣла ихъ. Это мы знаемъ, что на немъ ихъ не было; но у него былъ такой видъ, что съ точки зрѣнія Петровны нельзя было не увидать на немъ двухъ звѣздъ, — она и увидѣла ихъ: не шутя я вамъ говорю: увидѣла.

— И на лакеѣ ливрея какая. Данилычъ: сукно англійское, по 5 рублей аршинъ: онъ суровый такой, важный, но учтивъ, отвѣчаетъ: давалъ и пробовать на рукавѣ, отличное сукно. Видно, что денегъ-то куры не клюютъ. И сидѣли они у нашихъ. Данилычъ, часа два, и наши съ ними говорятъ просто, вотъ какъ я съ тобою, и не кланяются имъ, и смѣются съ ними: и нашъ-то сидитъ съ генераломъ, оба развалившись, въ креслахъ-то, и курить, и нашъ курить при генералѣ, и развалился: да чего?—напириска погасла, такъ онъ взялъ у генерала-то, да и закурилъ свою-то. А ужъ съ какимъ почтеніемъ генераль ручку поцаловалъ у нашей-то, и рассказать нельзя. Какъ же теперь это дѣло разсудить, Данилычъ?

— Все отъ Бога. я такъ разсуждаю; значитъ, и знакомство али родство какое,—отъ Бога.

— Такъ, Данилычъ, отъ Бога, слова нѣтъ; а я и такъ думаю, что либо нашъ, либо наша, приходится, либо братомъ, либо сестрой, либо генералу, либо генеральшѣ. И признаться, я больше на нее думаю, что она генералу сестра.

— Какъ же это будетъ по твоему, Петровна? Не похоже что-то. Какъ бы такъ, у нихъ бы деньги были.

— А такъ, Данилычъ, что мать не въ бракѣ родила, либо отецъ не въ бракѣ родилъ. Потому лицо другое: подобія-то, точно, нѣтъ.

— Это можетъ статься, Петровна, что не въ бракѣ. Бываетъ.

Петровна на четыре цѣлые дня пріобрѣла большую важность въ своей мелочной лавочкѣ. Эта лавочка цѣлые три дня отвлекала часть публики изъ той, которая наискось. Петровна для интересовъ просвѣщенія даже нѣсколько пренебрегла въ эти дни своимъ штопаньемъ, утоляя жажду жадующихъ знанія.

Слѣдствіемъ всего этого было, что черезъ недѣлю явился къ дочери и зятю Павелъ Константинычъ.

Марья Алексѣвна собирала свѣдѣнія о жизни дочери и разбойника, — не то чтобы постоянно и заботливо, а такъ, вообще, тоже больше изъ чисто научнаго инстинкта любознательности. Одной изъ мелкихъ ея кумушекъ, жившей на Васильевскомъ, было поручено справляться о Вѣрѣ Павловнѣ, когда случится идти мимо, и кумушка доставляла ей свѣдѣнія, иногда разъ въ мѣсяцъ, иногда и чаще, какъ случится. Топуховы живутъ между собою въ ладу. Дебоша никакого нѣтъ. Одно только: молодыхъ людей много бываетъ, да все мужнины пріятели и скромные. Живутъ небогато; но видно, что деньги есть. Не то что продавать, а покупаютъ. Сшила себѣ два шолковыхъ платья. Купили два дивана, столъ къ дивану, полъ-дюжины креселъ, по случаю; заплатили 40 руб., а мебель хорошая, рублей сто надо дать. Сказывали хозяевамъ, чтобъ искали новыхъ жильцовъ; мы, говоритъ, черезъ мѣсяцъ на свою квартиру свѣдемъ, а вами, значить, хозяевами-то, очень благодарны за расположеніе; ну, и хозяева: и мы, говоритъ, вами тоже.

Марья Алексѣвна утѣшалась этими слухами. Женщина очень грубая и очень дурная, она мучила дочь, готова была и убить, и погубить ее для своей выгоды, и проклинала ее, потерпѣвъ черезъ нее разстройство своего плана обогатиться—это такъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что она не имѣла къ дочери никакой любви? Нисколько не слѣдуетъ. Когда дѣло было копчено, когда дочь безвозвратно вырвалась изъ ея рукъ, что-жъ было дѣлать? Что съ возу упало, то пропало. А все-таки дочь; и теперь, когда уже не представлялось никакого случая, чтобы какой-нибудь вредъ Вѣры Павловны могъ служить для выгоды Марьѣ Алексѣвнѣ, мать искренно желала дочери добра. И опять не то, чтобы желала, ужъ Богъ знаетъ, какъ, но это все равно: по крайней мѣрѣ она все-таки не Богъ знаетъ съ какою внимательностію шпионила за нею. Мѣры для слѣженія за дочерью были приняты только такъ, между прочимъ, потому что, согласитесь, нельзя же не слѣдить; ну, и желанье добра было тоже между прочимъ, потому что, согласитесь, все-таки дочь. Почему-жъ и не помириться? тѣмъ больше, что разбойникъ-зять, изо всего видно, человѣкъ основательный, можетъ быть, и пригодится со временемъ. Такимъ образомъ, Марья Алексѣвна шла по немногу къ мысли возобновить сношенія съ дочерью. Понадобилось бы еще съ полгода, пожалуй, съ годъ, чтобы доплетись до этого: не было нужды

торопиться, время терпѣть. Но извѣстіе о генералѣ съ генеральшею разомъ двинуло исторію впередъ на всю остававшуюся половину пути. Разбойникъ дѣйствительно оказывался шельмецомъ. Отставной студентика безъ чина, съ двумя грошами денегъ, вошелъ въ дружбу съ молодымъ, стало быть, ужь очень важнымъ, богатымъ генераломъ и подружилъ свою жену съ его женою: такой человѣкъ далеко пойдетъ. Или это Вѣра подружилась съ генеральшею и мужа подружила съ генераломъ? все равно, значить Вѣра далеко пойдетъ.

Итакъ, немедленно по полученіи свѣдѣнія о визитѣ, отправленъ былъ отецъ объявить дочери, что мать простила ее и зоветъ къ себѣ. Вѣра Павловна и мужъ отправились съ Павломъ Константиновичемъ и просидѣли начало вечера. Свиданіе было холодно и натянуто. Говорили больше всего о Оедѣ, потому что это предметъ не щекотливый. Онъ ходилъ въ гимназію; уговорили Марью Алексѣвну отдать его въ пансіонъ гимназіи, — Дмитрій Сергѣичъ будетъ тамъ навѣщать его, а по праздникамъ Вѣра Павловна будетъ брать его къ себѣ. Кое-какъ дотянули время до чаю, потомъ спѣшили разстаться: Лопуховы сказали, что у нихъ нынче будутъ гости.

Полгода Вѣра Павловна дышала чистымъ воздухомъ, грудь ея уже совершенно отвыкла отъ тяжелой атмосферы хитрыхъ словъ, изъ которыхъ каждое произносится по корыстному разсчету, отъ слушанія мошенническихъ мыслей, низкихъ плановъ, и страшное впечатлѣніе произвелъ на нее ея подвалъ. Грязь, пошлость, цинизмъ всякаго рода — все это бросалось теперь въ глаза ей съ рѣзкостью новизны.

„Какъ у меня доставало силы жить въ такихъ гадкихъ стѣсненіяхъ? Какъ я могла дышать въ этомъ подвалѣ? И не только жила, даже осталась здорова. Это удивительно, непостижимо. *Какъ я могла тутъ вырасти съ любовью къ добру? Непонятно, невѣроятнo*“, думала Вѣра Павловна, возвращаясь домой, и чувствовала себя отдыхающею послѣ удушья.

Когда они прѣхали домой, къ нимъ черезъ нѣсколько времени собрались гости, которыхъ они ждали, — обыкновенные тогдашніе гости: Алексѣй Петровичъ съ Натальей Андреевной, Кирсановъ, — и вечеръ прошелъ, какъ обыкновенно проходилъ съ ними. Какъ вдвойнѣ отрадна показалась Вѣрѣ Павловнѣ ея новая жизнь съ чистыми мыслями, въ обществѣ чистыхъ людей! По обыкновенію, шелъ и веселый разговоръ со множествомъ воспоминаній, шелъ и серьезный разговоръ обо всемъ на свѣтѣ: отъ тогдашнихъ историческихъ дѣлъ (междоусобная война въ Канзасѣ, предвѣстница нынѣшней великой войны съ-вера съ югомъ, предвѣстницы еще болѣе великихъ событій не въ одной Америкѣ, занимала этотъ маленький кружокъ: теперь о политикѣ толкуютъ все, тогда интересовались ею очень немногіе; въ числѣ немногихъ — Лопуховъ, Кирсановъ, ихъ пріятели) до тогдашняго спора о химическихъ основаніяхъ земледѣлія по теоріи Либиха; и о законахъ историческаго прогресса, безъ которыхъ не обходился тогда ни одинъ разговоръ въ подобныхъ кружкахъ, и о великой важности различенія реальныхъ желаній, которыя ищутъ и находятъ себѣ удовлетвореніе, отъ фантастическихъ, которымъ не находится, да которымъ и не нужно найти себѣ удовлетвореніе, какъ фальшивой жаждѣ во время горячки, которымъ, какъ ей, одно удовлетвореніе: излеченіе организма, болѣзненнымъ состояніемъ котораго они порождаются черезъ искаженіе реальныхъ желаній, и

о важности этого коренного различія, выставленной тогда антропологическою философіею, и обо всемъ, тому подобномъ и неподобномъ, но родственномъ. Дамы по временамъ и вслушивались въ эти учености, говорившіяся такъ просто, будто и не учености, и вмѣшивались въ нихъ своими вопросами, а больше—больше, разумѣется, не слушали, даже обрызгали водою Лопухова и Алексѣя Петровича, когда они уже очень восхитились великою важною минеральнаго удобренія; но Алексѣй Петровичъ и Лопуховъ толковали о своихъ ученостяхъ непоколебимо. Кирсановъ плохо помогалъ имъ, былъ больше, даже вовсе на сторонѣ дамъ, и они втроемъ играли, пѣли, хохотали до глубокой ночи, когда, уставши, развели наконецъ и непоколебимыхъ ревнителей серьезнаго разговора.

III.

Второй сонъ Вѣры Павловны.

И вотъ Вѣра Павловна засыпаетъ, и снится Вѣрѣ Павловнѣ сонъ.

Поле, и по полю ходятъ мужъ, то есть, миленькій, и Алексѣй Петровичъ, и миленькій говоритъ: „вы интересуетесь знать, Алексѣй Петровичъ, почему изъ одной грязи родится пшеница такая бѣлая, чистая и нѣжная, а изъ другой грязи не родится? Эту разницу вы сами сейчасъ увидите. Посмотрите корень этого прекраснаго колоса: около корня грязь, но эта грязь свѣжая, можно сказать, чистая грязь; слышите, запахъ сырой, непріятный, но не затхлый, не скиснувшійся. Вы знаете, что на языкѣ философіи, которой мы съ вами держимся, эта чистая грязь называется реальная грязь. Она грязна, это правда; но всмотритесь въ нее хорошенько, вы увидите, что всѣ элементы, изъ которыхъ она состоитъ, сами по себѣ здоровы. Они составляютъ грязь въ этомъ соединеніи, но пусть немного перемѣнится расположеніе атомовъ, и выйдетъ что нибудь другое: и все другое, что выйдетъ, будетъ также здоровое, потому что основные элементы здоровы. Откуда же здоровое свойство этой грязи? обратите вниманіе на положеніе этой поляны: вы видите, что вода здѣсь имѣетъ стокъ, и потому здѣсь не можетъ быть гнилости“.

— Да, движеніе есть реальность, говоритъ Алексѣй Петровичъ, потому что движеніе—это жизнь, а реальность и жизнь одно и то же. Но жизнь имѣетъ главнымъ своимъ элементомъ трудъ, а потому главный элементъ реальности—трудъ, и самый вѣрный признакъ реальности—дѣльность.

— Такъ видите, Алексѣй Петровичъ, когда солнце станетъ согрѣвать эту грязь и теплота станетъ перемѣщать ея элементы въ болѣе сложныя химическія сочетанія, то-есть въ сочетанія высшихъ формъ, колосъ, который вырастаетъ изъ этой грязи отъ солнечнаго свѣта, будетъ здоровый колосъ.

— Да, потому что это грязь реальной жизни,—говоритъ Алексѣй Петровичъ.

— Теперь, перейдемъ на эту поляну. Беремъ и здѣсь растеніе, также разсматриваемъ его корень. Онъ также загрязненъ. Обратите вниманіе на характеръ этой грязи. Не трудно замѣтить, что это грязь гнилая.

— То-есть, фантастическая грязь, по научной терминологіи,—говоритъ Алексѣй Петровичъ.

— Такъ; элементы этой грязи находятся въ нездоровомъ состояніи. Натурально, что какъ бы они ни перемѣнились, и какія бы другія вещи, не похожія на грязь, ни выходили изъ этихъ элементовъ, всё эти вещи будутъ нездоровыя, дрянныя.

— Да, потому что самые элементы нездоровы,—говоритъ Алексѣй Петровичъ.

— Намъ не трудно будетъ открыть причину этого нездоровья...

— То-есть, этой фантастической гнилости,—говоритъ Алексѣй Петровичъ.

— Да, гнилости этихъ элементовъ, если мы обратимъ вниманіе на положеніе этой поляны. Вы видите, вода не имѣетъ стока изъ нея, потому застаивается, гніетъ.

— Да, отсутствіе движенія есть отсутствіе труда,—говоритъ Алексѣй Петровичъ:—потому что трудъ представляется въ антропологическомъ анализѣ коренною формою движенія, дающею основаніе и содержаніе всёму другимъ формамъ: развлеченію, отдыху, забавѣ, веселію; онѣ безъ предшествующаго труда не имѣютъ реальности. А безъ движенія нѣтъ жизни, то-есть реальности, потому это грязь фантастическая, то-есть гнилая. До недавняго времени не знали, какъ возвращать здоровье такимъ полянамъ: но теперь открыто средство; это—дренажъ: лишняя вода сбѣгаетъ по канавамъ, остается воды сколько нужно, и она движется, и поляна получаетъ реальность. Но пока это средство не примѣнено, эта грязь остается фантастическою, то-есть гнилою, а на ней не можетъ быть хорошей растительности; между тѣмъ какъ очень натурально, что на грязи реальной являются хорошія растенія, такъ какъ она грязь здоровая. Что и требовалось доказать: о-е-а-a-dum, какъ говорится по-латинѣ.

Какъ говорится по-латинѣ „что и требовалось доказать“. Вѣра Павловна не можетъ разслушать.

— А у васъ, Алексѣй Петровичъ, есть охота забавляться кухонною латинью и силлогистикою,—говоритъ миленькій, то-есть мужъ.

Вѣра Павловна подходитъ къ нимъ и говоритъ:—Да полно-те вамъ толковать о своихъ анализахъ, тождествахъ и антропологизмахъ, пожалуйста, господа, что-нибудь другое, чтобъ и я могла участвовать въ разговорѣ. или, лучше, давайте играть.

— Давайте играть,—говоритъ Алексѣй Петровичъ:—давайте исповѣдываться.

— Давайте, давайте, это будетъ очень весело,—говоритъ Вѣра Павловна:—но вы подали мысль, вы покажите и примѣръ исполненія.

— Съ удовольствіемъ, сестра моя,—говоритъ Алексѣй Петровичъ:—но вамъ сколько лѣтъ, милая сестра моя, осьмнадцать?

— Скоро будетъ девятнадцать.

— Но еще нѣтъ; потому положимъ, осьмнадцать, и будемъ всё исповѣдываться до осьмнадцати лѣтъ, потому что нужно равенство условій. Я буду исповѣдываться за себя и за жену. Мой отецъ былъ дьячокъ въ губернскомъ городѣ и занимался переплетнымъ мастерствомъ, а мать пускала на квартиру семинаристовъ. Съ утра до ночи, отецъ и мать все хлопотали и толковали о кускѣ хлѣба. Отецъ выпивалъ, но только когда приходилась нужда не въ терпѣжъ,—это реальное горе, или когда доходъ былъ порядочный: тутъ онъ от-

давалъ матери всѣ деньги и говорилъ: „Ну, матушка, теперь, слава Богу, на два мѣсяца нужды не увидишь; а я себѣ полтинничекъ оставилъ, на радости выпью“—это реальная радость. Моя мать часто сердилась, иногда бивала меня, но тогда, когда у нея, какъ она говорила, отнималась поясница отъ тасканья корчагъ и чугуновъ, отъ мытья бѣлья на насъ пятерыхъ и на пять человѣкъ семинаристовъ, и мытья половъ, загрязненныхъ нашими двадцатью ногами, не носившими калошъ, и ухода за коровой: это — реальное раздраженіе нервъ чрезмѣрною работою безъ отдыха; и когда, при всемъ этомъ, „концы не сходились“, какъ она говорила, то-есть не хватало денегъ на покупку сапогъ кому нибудь изъ насъ, братьевъ, или на башмаки сестрамъ,—тогда она бивала насъ. Она и ласкала насъ, когда мы, хоть глупенькія дѣти, сами вызывались помогать ей въ работѣ, или когда мы дѣлали что-нибудь другое умное, или когда выдавалась ей рѣдкая минута отдохнуть, и ея „поясницу отпускало“, какъ она говорила,—это все реальные радости...

— Ахъ, довольно вашихъ реальныхъ горестей и радостей, — говоритъ Вѣра Павловна.

— Въ такомъ случаѣ, извольте слушать исповѣдь за Наташу.

— Не хочу слушать: въ ней такія же реальные горести и радости, знаю.

— Совершенная правда.

— Но, быть можетъ, вамъ интересно будетъ выслушать мою исповѣдь, — говоритъ Сержъ, неизвѣстно откуда взявшійся.

— Посмотримъ, — говоритъ Вѣра Павловна.

— Мой отецъ и мать, хотя были люди богатые, тоже вѣчно хлопотали и толковали о деньгахъ; и богатые люди не свободны отъ такихъ же заботъ...

— Вы не умѣете исповѣдываться, Сержъ, — любезно говоритъ Алексѣй Петровичъ: — вы скажите, почему они хлопотали о деньгахъ, какіе расходы ихъ беспокоили, какимъ потребностямъ затруднялись они удовлетворять?

— Да, конечно, я понимаю, къ чему вы спрашиваете, — говоритъ Сержъ: — но оставимъ этотъ предметъ, обратимся къ другой сторонѣ ихъ мыслей. Они также заботились о дѣтяхъ.

— А кусокъ хлѣба былъ обезпеченъ ихъ дѣтямъ? — спрашиваетъ Алексѣй Петровичъ.

— Конечно; но должно было позаботиться о томъ, чтобы...

— Не исповѣдуйтесь, Сержъ! — говоритъ Алексѣй Петровичъ: — мы знаемъ вашу исторію; заботы объ излишнемъ, мысли о ненужномъ, — вотъ почва, на которой вы выросли: это почва фантастическая. Потому, посмотрите вы на себя: вы отъ природы человѣкъ и не глупый, и очень хорошій, быть можетъ, не хуже и не глупѣе насъ, а къ чему же вы пригодны, на что вы полезны?

— Пригоденъ на то, чтобы провожать Юли повсюду, куда она беретъ меня съ собою; полезенъ на то, чтобы Юли могла кутить, — отвѣчаетъ Сержъ.

— Изъ этого мы видимъ, — говоритъ Алексѣй Петровичъ: — что фантастическая или нездоровая почва...

— Ахъ, какъ вы надѣянъ съ вашею реальностью и фантастичностью! Давно нечепитно, а они продолжаютъ толковать! — говоритъ Вѣра Павловна.

— Такъ не хочешь ли потолковать со мною? — говоритъ Марья Але-

кѣвна, тоже неизвѣстно откуда взявшаяся: — вы, господа, удалитесь, потому что мать хочетъ говорить съ дочерью.

Всѣ исчезаютъ. Вѣрочка видитъ себя наединѣ съ Марьей Алексѣвной. Лицо Марьи Алексѣвны принимаетъ насмѣшливое выраженіе.

— Вѣра Павловна, вы образованная дама, вы такая чистая и благородная, — говоритъ Марья Алексѣвна, и голосъ ея дрожитъ отъ злобы: — вы такая добрая... какъ же мнѣ, грубой и злой пьяницѣ, разговаривать съ вами? У васъ, Вѣра Павловна, злая и дурная мать; а позвольте васъ спросить, сударыня, о чемъ эта мать заботилась? о кускѣ хлѣба; это по вашему, по ученому, реальная, истинная, человѣческая забота, не правда ли? Вы слышали ругательства, вы видѣли дурныя дѣла и низости; а позвольте васъ спросить, какую цѣль они имѣли? пустую, вздорную? Нѣтъ, сударыня. Нѣтъ, сударыня, какова бы ни была жизнь вашего семейства, но эта была не пустая, фантастическая жизнь. Видите, Вѣра Павловна, я выучилась говорить по вашему, по ученому. Но вамъ, Вѣра Павловна, прискорбно и стыдно, что ваша мать дурная и злая женщина? Вамъ угодно, Вѣра Павловна, чтобъ я была доброю и честною женщиною? Я вѣдьма, Вѣра Павловна, я умѣю колдовать, я могу исполнить ваше желаніе. Извольте смотрѣть, Вѣра Павловна, ваше желаніе исполняется: я, злая, исчезаю; смотрите на добрую мать и ея дочь.

Комната. У порога храпитъ пьяный, небритый, гадкій мужчина. Кто — это нельзя узнать, лицо на половину закрыто рукою, на половину покрыто синяками. Кровать. На кровати женщина, — да, это Марья Алексѣвна только добрая! зато, какая она блѣдная, дряхлая въ своей 45 лѣтъ, какая изнуренная! У кровати дѣвушка лѣтъ 18, да это я сама, Вѣрочка: только какая же я образованная. Да что это? у меня и цвѣтъ лица какой-то желтый, да и черты грубѣе, да и комната какая бѣдная! Мебели почти нѣтъ. — Вѣрочка, другъ мой, ангелъ мой, — говоритъ Марья Алексѣвна: — прилягъ, отдохни, сокровище, ну, что на меня смотрѣть, я и такъ полежу. Вѣдь ты третью ночь не спишь.

— Ничего, маменька, я не устала, — говоритъ Вѣрочка.

— А мнѣ все нѣтъ лучше, Вѣрочка; какъ-то ты безъ меня останешься? У отца жалованьишко маленькое, и самъ-то онъ плохая тебѣ опора. Ты дѣвушка красивая; злыхъ людей на свѣтѣ много. Предостережь тебя будетъ некому. Боюсь я за тебя. — Вѣрочка плачетъ.

— Милая моя, ты не огорчись, я тебѣ не въ укоръ это скажу, а въ предостереженіе: ты зачѣмъ въ пятницу изъ дому уходила, за день передъ тѣмъ, какъ я разнемоглась? — Вѣрочка плачетъ.

— Онъ тебя обманетъ, Вѣрочка, брось ты его.

— Нѣтъ, маменька.

Два мѣсяца. Какъ это, въ одну минуту, прошли два мѣсяца?

Сидитъ офицеръ. На столѣ передъ офицеромъ бутылка. На колѣняхъ у офицера она, Вѣрочка.

Еще два мѣсяца прошли въ одну минуту.

Сидитъ барыня. Передъ барынею стоитъ она, Вѣрочка.

— А гладить умѣешь, милая?

— Умѣю.

— А изъ какихъ ты, милая? крѣпостная или вольная?

— У меня отецъ чиновникъ.

— Такъ изъ благородныхъ, милая? Такъ я тебя нанять не могу. Какая ты будешь слуга? Ступай, моя милая, не могу.

Вѣрочка на улицѣ.

— Мамзель, а мамзель, — говоритъ какой-то пьяноватый юноша: — вы куда идете? Я васъ провожу. — Вѣрочка бѣжитъ къ Невѣ.

— Что, моя милая, посмотрѣлась, какая ты у доброй-то матери была? — говоритъ прежняя, настоящая Марья Алексѣвна; — хорошо я колдовать умѣю? Аль не угадала? Что молчишь? Языкъ-то есть? Да я изъ тебя слова-то выжму: вишь ты, нейдутъ съ языка-то! По магазинамъ ходила?

— Ходила — отвѣчаетъ, Вѣрочка, а сама дрожить.

— Видала? Слыхала?

— Да.

— Хорошо имъ жить? Ученныя онѣ? Книжки читаютъ, объ новыхъ вашихъ порядкахъ думаютъ, какъ бы людямъ добро дѣлать? Думаютъ что-ли? — говори!

Вѣрочка молчитъ, а сама дрожить.

— Экъ изъ тебя и слова-то нейдутъ. Хорошо имъ жить? — спрашиваю.

Вѣрочка молчитъ, а сама холодѣетъ.

— Нейдутъ изъ тебя слова-то. Хорошо имъ жить? — спрашиваю; хороши онѣ? — спрашиваю; такой хотѣла бы быть, какъ онѣ? — Молчишь! рыло-то воротишь! — Слушай же ты, Вѣрка, что я скажу. Ты ученая — на мои воровскія деньги учена. Ты объ добромъ думаешь, а какъ бы я не злая была, такъ бы ты и не знала, что такое добромъ называется. Понимаешь? *Все* отъ меня, *моя* ты дочь, понимаешь? *Я* тебѣ мать.

Вѣрочка и плачетъ, и дрожить, и холодѣетъ. — Маменька, чего вы отъ меня хотите? Я не могу любить васъ.

— А я развѣ прошу: полюби?

— Мнѣ хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, уважать васъ; но я и этого не могу.

— А я нуждаюсь въ твоёмъ уваженіи?

— Что же вамъ нужно, маменька? Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ такъ страшно говорить со мною? Чего вы хотите отъ меня?

— Будь признательна, неблагодарная. Не люби, не уважай. Я злая: что меня любить? Я дурная: что меня уважать? Но ты пойми, Вѣрка, что кабы я не такая была, и ты бы не такая была. Хорошая ты — отъ меня дурной; добрая ты — отъ меня злой. Пойми, Вѣрка, благодарна будь.

— Уйдите, Марья Алексѣвна, теперь я поговорю съ сестрицею.

Марья Алексѣвна исчезаетъ.

Невѣста своихъ жениховъ, сестра своихъ сестеръ беретъ Вѣрочку за руку. — Вѣрочка, я хотѣла всегда быть доброй съ тобою, вѣдь ты добрая, а я такова, каковъ самъ человекъ, съ которымъ я говорю. Но ты теперь грустная, — видишь, и я грустная; посмотри, хороша ли я грустная?

— Все-таки лучше всѣхъ на свѣтѣ.

— Поцалуй меня, Вѣрочка, мы вѣсѣмъ огорчены. Вѣдь твоя мать говорила правду. Я не люблю твою мать, но она мнѣ нужна.

— Развѣ безъ нея нельзя вамъ?

— Послѣ будетъ можно, когда не нужно будетъ людямъ быть злыми. А теперь нельзя. Видишь, добрые не могутъ сами стать на ноги, злые сильны, злые хитры. Но видишь, Вѣрочка, злые бываютъ разные: однимъ нужно, чтобы на свѣтѣ становилось хуже, другимъ, тоже злымъ, чтобы становилось лучше: такъ нужно для ихъ пользы. Видишь, твоей матери было нужно, чтобы ты была образованная: вѣдь она брала у тебя деньги, которыя ты получала за уроки; вѣдь она хотѣла, чтобы ея дочь поймала богатаго зятя ей, а для этого ей было нужно, чтобы ты была образованная. Видишь, у нея были дурныя мысли, но изъ нихъ выходила польза человѣку: вѣдь тебѣ вышла польза? А у другихъ злыхъ не такъ. Если бы твоя мать была Анна Петровна, развѣ ты училась бы такъ, чтобы ты стала образованная, узнала добро, полюбила его? Нѣтъ, тебя бы не допустили узнать что нибудь хорошее, тебя бы сдѣлали куклой, — такъ? Такой матери нужна дочь кукла, потому что она сама кукла, и все играетъ съ куклами, въ куклы. А твоя мать человѣкъ дурной, но все-таки человѣкъ, ей было нужно, чтобы ты не была куклой. Видишь, какъ злые бываютъ разные? Одни мѣшаютъ мнѣ: вѣдь я хочу, чтобы люди стали людьми, а они хотятъ, чтобы люди были куклами. А другіе злые помогаютъ мнѣ. — они не хотятъ помогать мнѣ, но даютъ просторъ людямъ становиться людьми. А мнѣ только этого и нужно. Да, Вѣрочка, теперь мнѣ нельзя безъ такихъ злыхъ, которые были бы противъ другихъ злыхъ. Мои злые — злы, но подъ ихъ злою рукою растетъ добро. Да, Вѣрочка, будь признательна къ своей матери. Не люби ея, она злая, но ты ей всеѣмъ обязана, знай это: безъ нея не было бы тебя.

— И всегда такъ будетъ? Нѣтъ, такъ не будетъ?

— Да, Вѣрочка, послѣ, такъ не будетъ. Когда добрые будутъ сильны, мнѣ не нужны будутъ злые. Это скоро будетъ Вѣрочка. Тогда злые уведятъ, что имъ нельзя быть злыми: и тѣ злые, которые были людьми, станутъ добрыми: вѣдь они были злыми только потому, что имъ вредно было быть добрыми, а вѣдь они знаютъ, что добро лучше зла, они полюбятъ его, когда можно будетъ любить его безъ вреда.

— А тѣ злые, которые были куклами, что съ ними будетъ? Мнѣ и ихъ жаль.

— Они будутъ играть въ другія куклы, только ужъ въ безвредныя куклы. Но вѣдь у нихъ не будетъ такихъ дѣтей, какъ они: вѣдь у меня всѣ люди будутъ людьми; и ихъ дѣтей я выучу быть не куклами, а людьми.

— Ахъ, какъ это будетъ хорошо!

— Да, но и теперь хорошо, потому что готовится это хорошее: по крайней мѣрѣ, тѣмъ и теперь очень хорошо, кто готовитъ его. Когда ты, Вѣрочка, помогаешь кухаркѣ готовить обѣдъ, вѣдь въ кухнѣ душно, чадно, а вѣдь тебѣ хорошо, нужды нѣтъ, что душно и чадно? Всеѣмъ хорошо сидѣть за обѣдомъ, но лучше всеѣхъ тому, кто помогалъ готовить его: тому онъ вдвое вкуснѣе. А ты любишь сладко покушать, Вѣрочка, — правда?

— Правда, — говоритъ Вѣрочка и улыбается, что уличена въ любви къ сладкимъ печеньямъ и въ хлопотахъ надъ ними въ кухнѣ.

— Такъ о чемъ же грустить? Да ты ужъ и не грустишь.

— Какая вы добрая!

— И веселая, Вѣрочка, я всегда веселая, и когда грустная, все-таки веселая. — Правда?

— Да, когда мнѣ грустно, вы придете тоже какъ будто грустная, а всегда сейчасъ прогоните грусть; съ вами весело, очень весело.

— А помнишь мою пѣсенку: *donc vivons*?

— Помню.

— Давай же пѣть.

— Давайте.

— Вѣрочка! Да я разбудилъ тебя? Впрочемъ, ужъ чай готовъ. Я было испугался: слышу, ты стонешь, пошелъ, ты ужъ поешь.

— Нѣтъ, мой миленькій, не разбудилъ, я сама бы проснулась. А какой я сонъ видѣла, миленькій, я тебѣ расскажу за чаемъ. Ступай, я одѣнусь. А какъ вы смѣли войти въ мою комнату безъ дозволенія, Дмитрій Сергѣичъ? Вы забываетесь. Испугался за меня, мой миленькій? подойди, я тебя поцалую за это. Поцаловала; ступай же, ступай, мнѣ надо одѣваться.

— Да ужъ такъ и быть, давай, я тебѣ прислужу вмѣсто горничной.

— Ну, пожалуй, миленькій; только, какъ это стыдно!

IV.

Мастерская Вѣры Павловны устроилась. Основанія были просты, въ началѣ даже такъ просты, что нечего о нихъ и говорить. Вѣра Павловна не сказала своимъ тремъ первымъ швеямъ ровно ничего, кромѣ того, что дастъ имъ плату нѣсколько, немного побольше той, какую швеи получаютъ въ магазинахъ; дѣло не представляло ничего особеннаго; швеи видѣли, что Вѣра Павловна женщина не пустая, не легкомысленная, потому безъ всякихъ недоумѣній приняли ея предложеніе работать у ней: не надъ чѣмъ было недоумѣвать, что небогатая дама хочетъ завести шейную. Эти три дѣвушки нашли еще трехъ или четырехъ, выбрали ихъ съ тою осмотрительностью, о которой просила Вѣра Павловна: въ этихъ условіяхъ выбора тоже не было ничего возбуждающаго подозрѣнія, то есть ничего особеннаго: молодая и скромная женщина желаетъ, чтобы работницы въ мастерской были дѣвушки прямодушнаго, добраго характера, разсудительныя, уживчивыя, что же тутъ особеннаго? не хочетъ ссоръ, и только: поэтому умно, и больше ничего. Вѣра Павловна сама познакомилась и съ этими выбранными, хорошо познакомилась прежде, чѣмъ сказала, что принимаетъ ихъ, это натурально: это тоже рекомендуетъ ее, какъ женщину основательную, и только. Думать тутъ не надъ чѣмъ, не довѣрять нечему.

Такимъ образомъ, проработали мѣсяцъ, получая въ свое время условленную плату. Вѣра Павловна постоянно была въ мастерской, и уже онѣ успѣли узнать ее очень близко, какъ женщину разсудливую, осмотрительную, разсудительную, при всей ея добротѣ, такъ что она заслужила полное довѣріе. Особеннаго тутъ ничего не было и не предвидѣлось, а только то, что хозяйка — хорошая хорошая хозяйка, у которой дѣло пойдетъ: умѣетъ вести.

Но когда кончился мѣсяцъ, Вѣра Павловна пришла въ мастерскую съ

какою-то счетною книгою, попросила своихъ швей прекратить работу и послушать, что она будетъ говорить.

Стала говорить она, самымъ простымъ языкомъ, вещи понятныя, очень понятныя, но какихъ отъ нея, да и ни отъ кого прежде не слышали ея швей:

„Вотъ мы теперь хорошо знаемъ другъ друга, — начала она: — я могу про васъ сказать, что вы и хорошія работницы, и хорошія дѣвушки. А вы про меня не скажете, чтобы я была какая-нибудь дура. Значить, можно мнѣ теперь поговорить съ вами откровенно, какія у меня мысли. Если вамъ представится что-нибудь странно въ нихъ, такъ вы теперь уже подумаете объ этомъ хорошенько, а не скажете съ перваго же раза, что у меня мысли пустыя, потому что знаете меня, какъ женщину не какую-нибудь пустую. Вотъ какія мои мысли.

„Добрые люди говорятъ, что можно завести такія швейныя мастерскія, чтобы швеямъ было работать въ нихъ много выгоднѣе, чѣмъ въ тѣхъ мастерскихъ, которыя мы всѣ знаемъ. Мнѣ и захотѣлось попробовать. Судя по первому мѣсяцу, кажется, что точно можно. Вы получили плату исправно, а вотъ я вамъ скажу, сколько, кромѣ этой платы и всѣхъ другихъ расходовъ, осталось у меня денегъ въ прибыли“. — Вѣра Павловна прочла счетъ прихода и расхода въ мѣсяцъ. Въ расходъ были поставлены, кромѣ выданной платы, всѣ другія издержки: на наемъ комнаты, на освѣщеніе, даже издержки Вѣры Павловны на извозчика по дѣламъ мастерской, около рубля.

„Вы видите, — продолжала она: — у меня въ рукахъ остается столько-то денегъ. Теперь; что дѣлать съ ними! Я завела мастерскую за тѣмъ, чтобъ эти прибыльныя деньги шли въ руки тѣмъ самымъ швеямъ, за работу которыхъ получены. Потому и раздаю ихъ вамъ; на первый разъ, всѣмъ по ровну, каждой особо. Послѣ посмотримъ, такъ ли лучше распоряжаться ими, или можно еще какъ-нибудь другимъ манеромъ, еще выгоднѣе для васъ“. — Она раздала деньги.

Швей нѣсколько времени не могли опомниться отъ удивленія, потомъ начали благодарить. Вѣра Павловна дала имъ довольно поговорить о ихъ благодарности за полученныя деньги, чтобы не обидѣть отказомъ слушать, похожимъ на равнодушіе къ ихъ мнѣнію и расположенію; потомъ продолжала:

„Теперь надобно мнѣ разсказать вамъ самую трудную вещь изъ всего, о чемъ придется намъ когда-нибудь говорить, и не знаю, счѣмъ ли разсказать ее хорошенько. А все-таки поговорить надобно. Зачѣмъ я эти деньги не оставила у себя, и какая охота была мнѣ заводить мастерскую, если не брать отъ нея дохода? Мы съ мужемъ живемъ, какъ вы знаете, безъ нужды: люди не богатые, но всего у насъ довольно. А еслибы мнѣ чего было мало, мнѣ стоило бы мужу сказать, да и говорить бы не надобно, онъ бы самъ замѣтилъ, что мнѣ нужно больше денегъ, и было бы у меня больше денегъ. Онъ теперь занимается не такими дѣлами, которыя выгоднѣе, а такими, которыя ему больше нравятся. Но вѣдь мы съ нимъ другъ друга очень любимъ, и ему всего пріятнѣе дѣлать то, что для меня пріятно, все равно, какъ и мнѣ для него. Поэтому, еслибы мнѣ недоставало денегъ, онъ занялся бы такими дѣлами, которыя выгоднѣе его нынѣшнихъ занятій, а онъ счѣмъ бы найти, потому что онъ человекъ умный и оборотливый, — вѣдь вы его нѣсколько знаете. А если онъ этого не дѣлаетъ, значить, мнѣ довольно и тѣхъ денегъ, которыя у насъ съ нимъ

есть. Это потому, что у меня нѣтъ большого пристрастія къ деньгамъ; вѣдь вы знаете, что у разныхъ людей разные пристрастія, не у всѣхъ же только къ деньгамъ: у иныхъ пристрастіе къ баламъ, у другихъ—къ нарядамъ, или картамъ, и всѣ такіе люди готовы даже раззориться для своего пристрастія, и многіе раззоряются, и никто этому не дивится, что ихъ пристрастіе имъ дороже денегъ. А у меня пристрастіе вотъ къ тому, чѣмъ заниматься я съ вами пробую, и я на свое пристрастіе не то что не раззоряюсь, а даже и вовсе не трачу никакихъ денегъ, только что рада имъ заниматься и безъ дохода отъ него себѣ. Что жъ, по моему, тутъ нѣтъ ничего страннаго; кто же отъ своего пристрастія ищетъ дохода? Всякій еще деньги на него тратитъ. А я и того не дѣлаю, не трачу. Значитъ, мнѣ еще большая выгода передъ другими. Если я своимъ пристрастіемъ занимаюсь, и нахожу себѣ удовольствіе безъ убытка себѣ, когда другимъ ихъ удовольствіе стоитъ денегъ. Почему жъ у меня это пристрастіе?—Вотъ почему. Добрые и умные люди написали много книгъ о томъ, какъ надобно жить на свѣтѣ, чтобы всѣмъ было хорошо; и тутъ самое главное, говорятъ они, въ томъ, чтобы мастерскія завести по новому порядку. Вотъ мнѣ и хочется посмотрѣть, съумѣемъ ли мы съ вами завести такой порядокъ, какой нужно. Это все равно, какъ иному хочется выстроить хорошій домъ, другому—развести хорошій садъ или оранжерею, чтобы на нихъ любоваться; такъ вотъ мнѣ хочется завести хорошую швейную мастерскую, чтобы весело было любоваться на нее.

„Конечно, ужъ и то было бы порядочно, еслибы я стала только каждый мѣсяцъ раздавать вамъ прибыль, какъ теперь. Но умные люди говорятъ, что можно сдѣлать еще гораздо лучше, такъ что и прибыли будетъ больше, и можно выгоднѣе дѣлать употребленіе изъ нея. Говорятъ, будто можно устроить очень хорошо. Вотъ мы посмотримъ. Я буду вамъ понемногу рассказывать, что еще можно сдѣлать по словамъ умныхъ людей, да вы и сами будете присматриваться, такъ будете замѣчать, и какъ вамъ кажется, что можно сдѣлать что-нибудь хорошее, мы и будемъ пробовать это дѣлать,—по немножечку, какъ можно будетъ. Но только надобно вамъ сказать, что я безъ васъ ничего новаго не стану заводить. Только то и будетъ новое, чего вы сами захотите. Умные люди говорятъ, что только то и выходитъ хорошо, что люди сами захотятъ дѣлать. И я такъ думаю. Стало быть, вамъ не для чего бояться новаго, все будетъ по старому, кромѣ того, что сами вы захотите переимѣнить. Безъ вашего желанія ничего не будетъ.“

„А вотъ теперь мое послѣднее хозяйское распоряженіе безъ вашего совѣта. Вы видите, надобно вести счеты и смотрѣть за тѣмъ, чтобы не было лишнихъ расходовъ. Въ прошлый мѣсяцъ я одна это дѣлала; а теперь одна дѣлать не хочу. Выберите двухъ изъ себя, чтобы онѣ занимались этимъ вмѣстѣ со мною. И безъ нихъ ничего не буду дѣлать. Вѣдь ваши деньги, а не мои, стало быть, вамъ надобно и смотрѣть за ними. Теперь это дѣло еще новое: не извѣстно, кто изъ васъ больше способенъ къ нему, такъ для пробы надобно сначала выбрать на короткое время, а черезъ недѣлю увидите, другихъ ли выбирать, или оставить прежнихъ въ должности“.

Долгіе разговоры были возбуждены этими необыкновенными словами. Но довѣріе было уже приобретено Вѣрою Павловною: да и говорила она просто, не

заходя далеко впередъ, не рисуя никакихъ особенно заманчивыхъ перспективъ, которыя послѣ минутнаго восторга рождаютъ недовѣріе. Потому дѣвушки не сочли ее помѣшанною, а только и было нужно, чтобы не сочли помѣшанною. Дѣло пошло понемногу.

Конечно, понемногу. Вотъ короткая исторія мастерской за цѣлые три года, въ которые эта мастерская составляла главную сторону исторіи самой Вѣры Павловны.

Дѣвушки, изъ которыхъ образовалась основа мастерской, были выбраны осмотрительно, были хорошія швеи, были прямо заинтересованы въ успѣхѣ работы; потому, натуральнымъ образомъ, работа шла очень успѣшно. Мастерская не теряла ни одной изъ тѣхъ дамъ, которыя разъ пробовали сдѣлать ей заказъ. Явилась нѣкоторая зависть со стороны нѣсколькихъ магазиновъ и швейныхъ, но это не произвело никакого вліянія, кромѣ того, что, для устраненія всякихъ придирокъ, Вѣрѣ Павловнѣ очень скоро понадобилось получить право имѣть на мастерской вывѣску. Скоро заказовъ стало получаться больше, нежели могли исполнять дѣвушки, съ самаго начала вошедшія въ мастерскую, и составъ ея постепенно увеличивался. Черезъ полтора года, въ ней было до двадцати дѣвушекъ, потомъ и больше.

Одно изъ первыхъ послѣдствій того, что окончательный голосъ по всему управленію данъ былъ самимъ швеямъ, состояло въ рѣшеніи, котораго и слѣдовало ожидать; въ первый же мѣсяцъ управленія, дѣвушки опредѣлили, что не годится самой Вѣрѣ Павловнѣ работать безъ вознагражденія. Когда онѣ объявили ей объ этомъ, она сказала, что и дѣйствительно такъ слѣдуетъ. Хотѣли дать ей третью часть прибыли. Она откладывала ее нѣсколько времени въ сторону, пока растолковала дѣвушкамъ, что это противно основной мысли ихъ порядка. Онѣ довольно долго не могли понять этого: но потомъ согласились, что Вѣра Павловна отказывается отъ особенной доли прибыли не изъ самолюбія, а потому что такъ нужно по сущности дѣла. Къ этому времени, мастерская приняла уже такой размѣръ, что Вѣра Павловна не успѣвала одна быть закройщицею, надобно было имѣть еще другую: Вѣрѣ Павловнѣ положили такое жалованье, какъ другой закройщицѣ. Деньги, которыя прежде откладывала она изъ прибыли, теперь были приняты назадъ въ кассу, по ея просьбѣ, кромѣ того, что слѣдовало ей, какъ закройщицѣ; остальные пошли на устройство банка. Около года, Вѣра Павловна большую часть дня проводила въ мастерской и работала дѣйствительно не меньше всякой другой, по количеству времени. Когда она увидѣла возможность быть въ мастерской уже не цѣлый день, плата ей была уменьшаема, какъ уменьшалось время ея занятій.

Какъ дѣлить прибыль? Вѣрѣ Павловнѣ хотѣлось довести до того, чтобы прибыль дѣлилась поровну между всѣми. До этого дошли только въ половинѣ третьего года, а прежде того перешли черезъ нѣсколько разныхъ ступеней, начиная съ раздѣла прибыли пропорціонально заработанной платѣ. Прежде всего увидѣли, что если дѣвушка пропускала безъ работы нѣсколько дней по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, то нехорошо за это уменьшать ея долю изъ прибыли, которая вѣдь приобрѣтена не собственно этими днями, а всѣмъ ходомъ работъ и общимъ состояніемъ мастерской. Потомъ согласились, что закройщицы и другія дѣвушки, получающія особую плату по

развозу заказовъ и другимъ должностямъ, уже довольно вознаграждаются своимъ особеннымъ жалованьемъ, и что несправедливо имъ брать больше другихъ еще и изъ прибыли. Простыя швеи, не занимавшія должностей, были такъ деликатны, что не требовали этой перемены, когда замѣтили несправедливость прежняго порядка, ими же введеннаго: сами должностныя лица почувствовали неловкость пользоваться лишнимъ и отказались отъ него, когда достаточно поняли духъ новаго порядка. Надобно впрочемъ сказать, что эта временная деликатность — терпѣніи однихъ, и отказа другихъ, не представляла особеннаго подвига, при постоянномъ улучшеніи дѣлъ тѣхъ и другихъ. Труднѣе всего было развить понятіе о томъ, что простыя швеи должны все получать одинаковую долю изъ прибыли, хотя одни успѣваютъ зарабатывать больше жалованья, чѣмъ другія, что швеи, работающія успѣшнѣе другихъ, уже достаточно вознаграждаются за успѣшность своей работы тѣмъ, что успѣваютъ зарабатывать больше платы. Это и была послѣдняя перемена въ распредѣленіи прибыли, сдѣланная уже въ половинѣ третьяго года, когда мастерская поняла, что полученіе прибыли — не вознагражденіе за искусство той или другой личности, а результатъ общаго характера мастерской, результатъ ея устройства, ея цѣли, а цѣль эта — всевозможная одинаковость пользы отъ работы для всехъ, участвующихъ въ работѣ, каковы бы ни были личныя особенности; что отъ этого характера мастерской зависитъ все участіе работающихъ въ прибыли: а характеръ мастерской, ея духъ, порядокъ составляется единодушіемъ всехъ, а для единодушія одинаково важна всякая участница: молчаливое согласіе самой застѣнчивой или наименѣе даровитой не менѣе полезно для сохраненія и развитія порядка, полезнаго для всехъ, для успѣха всего дѣла, чѣмъ дѣятельная хлопотливость самой бойкой или даровитой.

Я пропускаю множество подробностей, потому что не описываю мастерскую, а только говорю о ней лишь въ той степени, въ какой это нужно для обрисовки дѣятельности Вѣры Павловны. Если я упоминаю о нѣкоторыхъ частностяхъ, то единственно затѣмъ, чтобы видно было, какъ поступала Вѣра Павловна, какъ она вела дѣло шагъ за шагомъ, и терпѣливо, и неутомимо, и какъ твердо выдерживала свое правило: не распоряжаться ничѣмъ, а только совѣтовать, объяснять, предлагать свое содѣйствіе, помогать исполненію рѣшеннаго ея компаніею.

Прибыль дѣлилась каждый мѣсяцъ. Сначала, каждая дѣвушка брала свою и расходовала отдѣльно отъ другихъ: у каждой были безотлагательныя надобности, и не было привычки дѣйствовать дружно. Когда, отъ постоянного участія въ дѣлахъ, онѣ приобрѣли навыкъ соображать весь ходъ работъ въ мастерской, Вѣра Павловна обратила ихъ вниманіе на то, что въ ихъ мастерствѣ количество заказовъ распредѣляется по мѣсяцамъ года очень неодинаково, и что въ мѣсяцы особенно выгодные недурно было бы отлагать часть прибыли для уравниванія невыгодныхъ мѣсяцевъ. Счеты велись очень точные, дѣвушки знали, что если кто изъ нихъ покинетъ мастерскую, то безъ задержки получить свою долю, остающуюся въ кассѣ. Потому онѣ согласились на предложеніе. Образовался небольшой запасный капиталъ, онъ постепенно росъ: начали приискивать разныя употребленія ему. Съ перваго же раза все поняли, что изъ него можно дѣлать ссуды тѣмъ участницамъ, которымъ встрѣчается

экстренная надобность въ деньгахъ, и никто не захотѣлъ присчитывать проценты на занятые деньги: бѣдные люди имѣютъ понятіе, что хорошее денежное пособіе бываетъ безъ процентовъ. За учрежденіемъ этого банка послѣдовало основаніе комиссіонерства для закупокъ: дѣвушки нашли выгоднымъ покупать чай, кофе, сахаръ, обувь, многія другія вещи черезъ посредство мастерской, которая брала товары не по мелочи, стало быть, дешевле. Отъ этого, черезъ нѣсколько времени, пошли дальше: сообразили, что выгодно будетъ такимъ порядкомъ устроить покупку хлѣба и другихъ припасовъ, которые берутся каждый день въ булочныхъ и мелочныхъ лавочкахъ; но тутъ же увидѣли, что для этого надобно всѣмъ жить по сосѣдству: стали собираться по нѣскольку на одну квартиру, выбирать квартиры подлѣ мастерской. Тогда явилось у мастерской свое агентство по дѣламъ съ булочною и мелочною лавочкою. А года черезъ полтора, почти всѣ дѣвушки уже жили на одной большой квартирѣ, имѣли общій столъ, запасались провизіею тѣмъ порядкомъ, какъ дѣлается въ большихъ хозяйствахъ.

Половина дѣвушекъ были существа одинокія. У нѣкоторыхъ были старухи родственницы, матери или тетки; двѣ содержали стариковъ отцовъ: у многихъ были маленькіе братья или сестры. По этимъ родственнымъ отношеніямъ, три дѣвушки не могли поселиться на общей квартирѣ: у одной мать была неуживчиваго характера; у другой мать была чиновница и не хотѣла жить вмѣстѣ съ мужичками, у третьей отецъ былъ пьяница. Онѣ пользовались только услугами агентства; точно такъ же и тѣ швеи, которыя были не дѣвушки, а замужнія женщины. Но, кромѣ трехъ, всѣ остальные дѣвушки, имѣвшія родственниковъ на своихъ рукахъ, жили на общей квартирѣ. Сами онѣ жили въ однѣхъ комнатахъ, по двѣ, по три въ одной; ихъ родственники или родственницы расположились по своимъ удобствамъ: у двухъ старухъ были особыя комнаты у каждой, остальные старухи жили вмѣстѣ. Для маленькихъ мальчиковъ была своя комната, двѣ другія для дѣвочекъ. Положено было, что мальчики могутъ оставаться тутъ до 8 лѣтъ; тѣхъ, кому было больше, размѣщали по мастерствамъ.

Всему велся очень точный счетъ, чтобы вся компанія жила твердою мыслью, что никто ни у кого не въ обидѣ, никто никому не въ убытокъ. Разсчеты одинокихъ дѣвушекъ по квартирѣ и столу были просты. Послѣ нѣсколькихъ колебаній, опредѣлили считать за брата или сестру до 8 лѣтъ четвертую часть расходовъ взрослой дѣвicy, потомъ содержаніе дѣвочки до 12 лѣтъ считалось за третью долю, съ 12—за половину содержанія сестры ея, съ 13 лѣтъ дѣвочки поступали въ ученицы въ мастерскую, если не пристраивались иначе, и положено было, что съ 16 лѣтъ онѣ становятся полными участницами компаніи, если будутъ признаны выучившимися хорошо шить. За содержаніе взрослыхъ родныхъ считалось, разумѣется, столько же, какъ за содержаніе швей. За отдѣльныя комнаты была особая плата. Почти всѣ старухи и всѣ три старика, жившіе въ мастерской квартирѣ, занимались дѣлами по кухнѣ и другимъ хозяйственнымъ вещамъ; за это, конечно, считалась имъ плата.

Все это очень скоро разсказывается на словахъ, да и на дѣлѣ показалось очень легко, просто, натурально,—когда устроилось. Но устраивалось медленно, и каждая новая мѣра стоила очень многихъ разсужденій, каждый пере-

ходъ былъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда хлопотъ. Было бы слишкомъ длинно и сухо говорить о другихъ сторонахъ порядка мастерской такъ же подробно, какъ о раздѣлѣ и употребленіи прибыли; о многомъ придется вовсе не говорить, чтобы не наскучить, о другомъ лишь слегка упомянуть; наприимѣръ, что мастерская завела свое агентство продажи готовыхъ вещей, работанныхъ во время, не занятое заказами,—отдѣльнаго магазина она еще не могла имѣть, но вошла въ сдѣлку съ одною изъ лавокъ Гостинаго Двора, завела маленькую лавочку въ Толкучемъ рынкѣ,—двѣ изъ старухъ были приказчицами въ лавочкѣ. Но надобно нѣсколько подробнѣе сказать объ одной сторонѣ жизни мастерской.

Вѣра Павловна съ первыхъ же дней стала приносить книги. Сдѣлавъ свои распоряженія, она принималась читать вслухъ, читала полчаса, часъ, если раньше не прерывала ее надобность опять заняться распоряженіями. Потомъ дѣвушки отдыхали отъ слушанія; потомъ опять чтеніе, и опять отдыхъ. Нечего и говорить, что дѣвушки съ первыхъ же дней пристрастились къ чтенію, нѣкоторыя были охотницы до него и прежде. Черезъ двѣ, три недѣли, чтеніе во время работы приняло регулярный видъ. Черезъ три, четыре мѣсяца явился нѣсколько мастерицъ читать вслухъ; было положено, что онѣ будутъ смѣнять Вѣру Павловну, читать по получасу, и что этотъ получасъ зачитывается имъ за работу. Когда съ Вѣры Павловны была снята обязанность читать вслухъ, Вѣра Павловна, уже и прежде замѣнявшая иногда чтеніе разказами, стала рассказывать чаще и больше; потомъ рассказы обратились во что-то похожее на легкіе курсы разныхъ знаній. Потомъ,—это было очень большимъ шагомъ,—Вѣра Павловна увидѣла возможность завести и правильное преподаваніе: дѣвушки стали такъ любознательны, а работа ихъ шла такъ успѣшно, что онѣ рѣшили дѣлать среди рабочаго дня, передъ обѣдомъ, большой перерывъ для слушанія уроковъ.

— Алексѣй Петровичъ,—сказала Вѣра Павловна, бывши однажды у Мерцаловыхъ:—у меня есть къ вамъ просьба. Наташа ужъ на моей сторонѣ. Моя мастерская становится лицеемъ всевозможныхъ знаній. Будьте однимъ изъ профессоровъ.

— Чтожъ я стану имъ преподавать? развѣ латинскій и греческій, или логику и реторику?—сказалъ, смѣясь, Алексѣй Петровичъ:—вѣдь моя специальность не очень интересна, по вашему мнѣнію, и еще по мнѣнію одного человека, про котораго я знаю, кто онъ.

— Нѣтъ, вы необходимы именно, какъ специалистъ: вы будете служить щитомъ благонравія и отличнаго направленія нашихъ наукъ.

— А вѣдь это правда. Вижу, безъ меня было бы неблагоустроенно. Назначайте каѳедру.

— Наприимѣръ, русская исторія, очерки изъ всеобщей исторіи.

— Превосходно. Но это я буду читать, а будетъ предполагаться, что я специалистъ. Отлично. Двѣ должности: профессоръ и щитъ.

Наталя Андревна, Лопуховъ, два-три студента, сама Вѣра Павловна были другими профессорами, какъ они въ шутку называли себя.

Вѣсть съ преподаваніемъ устраивались и развлеченія. Бывали вечера, бывали загородныя прогулки: сначала изрѣдка, потомъ, когда было уже по-

больше денегъ, то и чаще; брали ложи въ театрѣ. На третью зиму было абонировано десять мѣстъ въ боковыхъ мѣстахъ итальянской оперы.

Сколько было радости, сколько счастья Вѣрѣ Павловнѣ; очень много трудовъ и хлопотъ, были и огорченія. Особенно сильно подѣйствовало не только на нее, но и на весь кружокъ несчастіе одной изъ лучшихъ дѣвушекъ мастерской. Сашенька Прибыткова, одна изъ тѣхъ трехъ швей, которыхъ нашла сама Вѣра Павловна, была очень недурна, была очень деликатна. У ней былъ женихъ, добрый, хорошій молодой человѣкъ, чиновникъ. Однажды она шла по улицѣ, довольно поздно. Къ ней присталъ какой-то господинъ. Она ускорила шагъ. Онъ за нею, схватилъ ее за руку. Она рванулась и вырвалась; но движеніемъ вырывавшейся руки задѣла его по груди, на тротуарѣ зазвенѣли оторвавшіяся часы любезнаго господина. Любезный господинъ схватилъ Прибыткову уже съ апломбомъ и чувствомъ законнаго права, и закричалъ: „Воровство! будочникъ!“ Прибѣжали два будочника и отвели Прибыткову на съѣзжую. Въ мастерской три дня ничего не знали о ея судьбѣ и не могли придумать, куда она пропала. На четвертый день добрый солдатъ, одинъ изъ служителей при съѣзжей, принесъ Вѣрѣ Павловнѣ записку отъ Прибытковой. Тотчасъ же Лопуховъ отправился хлопотать. Ему наговорили грубостей, онъ наговорилъ ихъ вдвое, и отправился къ Сержу. Сержъ и Юли были на какомъ-то далекомъ и большомъ пикникѣ и возвратились только на другой день. Черезъ два часа послѣ того, какъ возвратился Сержъ, частный приставъ извинился передъ Прибытковой, поѣхалъ извиняться передъ ея женихомъ. Но жениха онъ не засталъ. Женихъ уже былъ наканунѣ у Прибытковой на съѣзжей, узналъ отъ задержавшихъ ее будочниковъ имя франта, пришелъ къ нему, вызвалъ его на дуэль; до вызова франтъ извинялся въ своей ошибкѣ довольно насмѣшливымъ тономъ, а услышавъ вызовъ, расхохотался. Чиновникъ сказалъ: „такъ вотъ отъ этого вызова не откажетесь“, и ударилъ его по лицу: франтъ схватилъ палку, чиновникъ толкнулъ его въ грудь: франтъ упалъ, на шумъ вбѣжала прислуга: баринъ лежалъ мертвый, онъ былъ ударенъ о землю сильно и попалъ вискомъ на острый выступъ рѣзвой подножки стола. Чиновникъ очутился въ острогѣ, началось дѣло, и не предвидѣлось конца этому дѣлу. Что дальше? Дальше ничего, только съ той поры жалко было смотрѣть на Прибыткову.

Было въ мастерской еще нѣсколько исторій, не такихъ уголовныхъ, но тоже не веселыхъ: исторіи обыкновенныя, тѣ, отъ которыхъ дѣвушкамъ бываютъ долгія слезы, а молодымъ, или пожилымъ людямъ не долгое, но пріятное развлеченіе. Вѣра Павловна знала, что, при нынѣшнихъ понятіяхъ и обстоятельствахъ, эти исторіи неизбѣжны, что не можетъ всегда предохранить отъ нихъ никакая заботливость другихъ о дѣвушкахъ, никакая осторожность самихъ дѣвушекъ. Это то же, что въ старину была оспа, пока не выучились предотвращать ее. Теперь, кто страдаетъ отъ оспы, такъ уже виноватъ самъ, а гораздо больше его близкіе; а прежде было не то: некого было винить, кромѣ гадкаго повѣтрія, или гадкаго города, села, да развѣ еще того человѣка, который, страдая оспою, прикоснулся къ другому, а не заперся въ карантинъ, пока выздоровѣетъ. Такъ теперь съ этими исторіями: когда-нибудь и отъ этой

оспы люди избавять себя, даже и средство извѣстно, только еще не хотять принимать его, все равно, какъ долго, очень долго не хотѣли принимать и средства противъ оспы. Знала Вѣра Павловна, что это гадкое повѣтріе еще неотвратно носится по городамъ и селамъ и хватаетъ жертвы даже изъ самыхъ заботливыхъ рукъ: — но вѣдь это еще плохое утѣшеніе, когда знаешь только, что „я въ твоей бѣдѣ не виновата, и ты, мой другъ, въ ней не виновата“: все-таки каждая изъ этихъ обыкновенныхъ исторій приносила Вѣрѣ Павловнѣ много огорченій, а еще гораздо больше дѣла: иногда нужно бывало искать, чтобы помочь; чаще искать не было нужды, надобно было только помогать: успокоить, возстановлять бодрость, возстановлять гордость, вразумлять, что „перестань плакать, — какъ перестанешь, такъ и не о чемъ будетъ плакать“.

Но гораздо больше, — о, гораздо больше! — было радости. Да все было радость, кромѣ огорченій; а вѣдь огорченія были только отдѣльными, да и рѣдкими случаями: нынѣ, черезъ полгода, огорчишься за одну, а въ то же время радуешься за всѣхъ другихъ; а пройдетъ двѣ, три недѣли, и за эту одну тоже ужъ можно опять радоваться. Свѣтель и веселье быть весь обыденный ходъ дѣла, постоянно радовалъ Вѣру Павловну. А если и бывали иногда въ немъ тяжелыя нарушенія отъ огорченій, за нихъ вознаграждали и особенные радостные случаи, которые встрѣчались чаще огорченій: вотъ удалось очень хорошо пристроить маленькихъ сестру или брата той, другой дѣвушки; на третій годъ двѣ дѣвушки выдержали экзаменъ на домашнихъ учительницъ, — вѣдь это было какое счастье для нихъ! Было нѣсколько разныхъ такихъ хорошихъ случаевъ. А чаще всего причиною веселья для всей мастерской и радости для Вѣры Павловны бывали свадьбы. Ихъ бывало довольно много, и всѣ были удачны. Свадьба устраивалась очень весело: много бывало вечеровъ и передъ нею и послѣ нея, много сюрпризовъ невѣстѣ отъ подругъ по мастерской; изъ резервнаго фонда дѣлалось ей приданое; но опять, сколько и хлопотъ бывало тутъ Вѣрѣ Павловнѣ, — полныя руки, разумѣется! Одно только сначала казалось мастерской неделикатно со стороны Вѣры Павловны: первая невѣста просила ее быть посаженною матерью и не упростила; вторая тоже просила и не упростила. Чаще всего посаженною матерью бывала Мерцалова, или ея мать, тоже очень хорошая дама, а Вѣра Павловна никогда: она и одѣвала, и провожала невѣсту въ церковь, но только какъ одна изъ подругъ. Въ первый разъ подумали, что отказъ былъ отъ недовольства чѣмъ-нибудь, но нѣтъ: Вѣра Павловна была очень рада приглашенію, только не приняла его: во второй разъ поняли, что это, просто, скромность: Вѣрѣ Павловнѣ не хотѣлось официально являться патроншею невѣсты. Да и вообще, она всячески избѣгала всякаго вида вліянія, старалась выводить впередъ другихъ и успѣвала въ этомъ, такъ что многія изъ дамъ, пріѣзжавшихъ въ мастерскую для заказовъ, не различали ея отъ двухъ другихъ закройщицъ. А Вѣра Павловна чувствовала едва ли не самую пріятную изъ всѣхъ своихъ радостей отъ мастерской, когда объяснила кому-нибудь, что весь этотъ порядокъ устроенъ и держится самими дѣвушками: этими объясненіями она старалась убѣдить саму себя въ томъ, что ей хотѣлось думать: что мастерская могла бы идти безъ нея, что могутъ явиться совершенно самостоятельно другія такія же мастерскія, и даже почему же нѣтъ? вотъ было бы хорошо! — это было бы лучше всего! — даже безъ всякаго ру-

ководства со стороны кого-нибудь не изъ разряда швей, а исключительно мысля и умѣньемъ самихъ швей: это была самая любимая мечта Вѣры Павловны.

V.

И вотъ, такимъ образомъ прошли почти три года со времени основанія мастерской, болѣе трехъ лѣтъ со времени замужества Вѣры Павловны. Какъ тихо и дѣлательно прошли эти годы, какъ полны были они и спокойствія, и радости, и всего добраго.

Вѣра Павловна, проснувшись, долго нѣжится въ постели: она любитъ нѣжиться, и немножко будто дремлетъ, и не дремлетъ, а думаетъ, что надобно сдѣлать: и такъ полежить, не дремлетъ и не думаетъ—нѣтъ, думаетъ: „какъ тепло, мягко, хорошо, славно нѣжиться поутру“; такъ и нѣжится, пока изъ нейтральной комнаты,—нѣтъ, надобно сказать: одной изъ нейтральныхъ комнатъ, теперь уже двѣ ихъ, вѣдь это ужъ четвертый годъ замужества,—мужъ, то-есть „миленькій“ говорить: „Вѣрочка, проснулась?“—„Да, миленькій“. Это значить, что мужъ можетъ начинать дѣлать чай: поутру онъ дѣлаетъ чай, и что Вѣра Павловна,—нѣтъ, въ своей комнатѣ она не Вѣра Павловна, а Вѣрочка,—начинаетъ одѣваться. Какъ же долго она одѣвается!—Нѣтъ, она одѣвается скоро, въ одну минуту, но она долго плещется въ водѣ, она любитъ плескаться, и потомъ долго причесываетъ волосы,—нѣтъ, не причесываетъ долго, это она дѣлаетъ въ одну минуту, а долго такъ шалить ичи, потому что она любитъ свои волосы: впрочемъ, иногда долго занимается она и одною изъ настоящихъ статей туалета, надѣваніемъ ботинокъ: у ней отличныя ботинки: она одѣвается очень скромно, но ботинки ея страсть.

Вотъ она и выходитъ къ чаю, обнимаетъ мужа:—„каково почиваль, миленькій?“ толкуетъ ему за чаемъ о разныхъ пустякахъ и непустякахъ: впрочемъ, Вѣра Павловна—нѣтъ, Вѣрочка: она и за утреннимъ чаемъ еще Вѣрочка,—пьетъ не столько чай, сколько сливки: чай только предлогъ для сливокъ, ихъ больше половины чашки: сливки—это тоже ея страсть. Трудно имѣть хорошія сливки въ Петербургѣ, но Вѣрочка отыскала дѣйствительно отличныя, безъ всякой подмѣси. У ней есть мечта имѣть свою корову: чтожь, если дѣла пойдутъ, какъ или, это можно будетъ сдѣлать черезъ годъ. Но вотъ десять часовъ. „Миленькій“ уходитъ на уроки, или на занятіе: онъ служитъ въ конторѣ одного фабриканта. Вѣра Павловна.—теперь она уже окончательно Вѣра Павловна до слѣдующаго утра,—хлопочетъ по хозяйству: вѣдь у ней одна служанка, молоденькая дѣвочка, которую надобно учить всему: а только выучишь, надобно пріучать новую къ порядку: служанки не держатся у Вѣры Павловны, все выходитъ замужъ—полгода, немного больше, смотришь, Вѣра Павловна ужъ и шьетъ себѣ какую-нибудь пелеринку или рукавички, готовится быть посаженною матерью; тутъ ужъ нельзя отказаться.—„какъ же, Вѣра Павловна, вѣдь вы сами все устроили, некому быть, кромѣ васъ“ Да, много хлопотъ по хозяйству. Потомъ надобно отправляться на уроки, ихъ довольно много, часовъ 10 въ недѣлю: больше было бы тяжело, да и некогда. Передъ уроками надобно довольно надолго зайти въ мастерскую, возвращаясь съ уроковъ,

тоже надобно заглянуть въ нее. А вотъ и обѣдъ съ „миленькимъ“. За обѣдомъ довольно часто бываетъ кто-нибудь: одинъ, много двое, — больше двоихъ нельзя: когда и двое обѣдаютъ, ужъ наобно нѣсколько хлопотать, готовить новое блюдо, чтобы достало кушанья. Если Вѣра Павловна возвращается усталая, обѣдъ бываетъ проще: она передъ обѣдомъ сидитъ въ своей комнатѣ, отдыхая, и обѣдъ остается, какой былъ начать при ея помощи, а доконченъ безъ нея. Если же она возвращается не усталая, въ кухнѣ начинается кипѣть дѣло, и къ обѣду является прибавка, какое-нибудь печенье, чаще всего что-нибудь такое, что ѣдятъ со сливками, то-есть, что можетъ служить предлогомъ для сливокъ. За обѣдомъ Вѣра Павловна опять рассказываетъ и спрашиваетъ, но больше рассказываетъ; да и какъ же не рассказывать? Сколько новаго надобно сообщить объ одной мастерской. Послѣ обѣда сидятъ еще съ четверть часа съ миленькимъ, „до свиданья“, и расходятся по своимъ комнатамъ, и Вѣра Павловна опять на свою кровать, и читаетъ, и нѣжится; частенько даже спитъ, даже очень часто, даже чуть ли не на половину дней спитъ часъ, полтора, — это слабость, и чуть ли даже не слабость дурного тона, но Вѣра Павловна спитъ послѣ обѣда, когда заснется, и даже любитъ, чтобы заснулось, и не чувствуетъ ни стыда, ни раскаянія въ этой слабости дурного тона. Встаетъ, вздремнувши или такъ понѣжившись часа полтора, два, одѣвается, опять въ мастерскую, остается тамъ до чаю. Если вечеромъ нѣтъ никого, то за чаемъ опять рассказать миленькому, и съ полчаса сидятъ въ нейтральной комнатѣ; потомъ „до свиданья, миленькій“, целуются и расходятся до завтрашняго чаю. Теперь, Вѣра Павловна, иногда довольно долго, часовъ до двухъ, работаетъ, читаетъ, отдыхаетъ, отъ чтенія за фортепьяно, — рояль стоитъ въ ея комнатѣ; рояль недавно купленъ, прежде былъ абонированный; это было тоже довольно порядочное веселье, когда былъ купленъ свой рояль, — вѣдь это и дешевле. Онъ купленъ по случаю, за 100 р., миленькій Эраровскій, старый, поправка стоила около 70 рублей; но зато рояль дѣйствительно очень хорошаго тона. Изрѣдка, миленькій приходитъ послушать пѣніе, но только изрѣдка: у него очень много работы. Такъ проходитъ вечеръ: работа, чтеніе, игра, пѣніе, больше всего чтеніе и пѣніе. Это, когда никого нѣтъ. Но очень часто по вечерамъ бываютъ гости, — большею частью молодые люди, моложе „миленькаго“, моложе самой Вѣры Павловны, — изъ числа ихъ и преподаватели мастерской. Они очень уважаютъ Лопухова, считают его одною изъ лучшихъ головъ въ Петербургѣ, можетъ быть, они не ошибаются, и настоящая связь ихъ съ Лопуховыми заключается въ этомъ: они, находятъ полезными для себя разговоры съ Дмитріемъ Сергѣичемъ. Къ Вѣрѣ Павловнѣ они питаютъ безпредѣльное благоговѣніе, она даже даетъ имъ цаловать свою руку, не чувствуя себѣ униженія, и держитъ себя съ ними, какъ будто пятнадцатью годами старше ихъ, то-есть, держитъ себя такъ, когда не дурачится, но, по правдѣ сказать, большею частью дурачится, бѣгаетъ, шалитъ съ ними, и они въ восторгѣ, и тутъ бываетъ довольно много галопированья и вальсированья, довольно много простой бѣготни, много игры на фортепьяно, много болтовни и хохотни, и чуть ли не больше всего пѣнія; но бѣготня, хохотня и все нисколько не мѣшаетъ этой молодежи совершенно, безусловно и безгранично благоговѣть передъ Вѣрою Павловною, уважать ее такъ, какъ дай Богъ уважать

старшую сестру, какъ не всегда уважается мать, даже хорошая. Впрочемъ, пѣніе уже не дурачество, хоть иногда не обходится безъ дурачества; но большею частью Вѣра Павловна поетъ серьезно, иногда и безъ пѣнія играетъ серьезно, и слушатели тогда сидятъ въ нѣмой тишинѣ. Не очень рѣдко бываютъ гости и по-старше, ровня Лопуховымъ: большею частью бывшіе товарищи Лопухова, знакомые его бывшихъ товарищей, человѣка два, три молодыхъ профессоровъ, почти все люди безсемейные; изъ семейныхъ людей почти только Мерцаловы. Лопуховы бываютъ въ гостяхъ не такъ часто, почти только у Мерцаловыхъ, да у матери и отца Мерцаловой: у этихъ добрыхъ и простыхъ стариковъ есть множество сыновей, занимающихъ порядочныя должности по всевозможнымъ вѣдомствамъ, и потому въ домѣ стариковъ, живущихъ съ нѣкоторымъ изобиліемъ, Вѣра Павловна видитъ многообразное и разнокалиберное общество.

Вольная, просторная, дѣятельная жизнь, и не безъ нѣкотораго сибаритства: лежанья нѣжась въ своей теплой, мягкой постелькѣ, сливокъ и печеній со сливками,—она очень нравится Вѣрѣ Павловнѣ.

Бываетъ ли лучше жить на свѣтѣ? Вѣрѣ Павловнѣ еще кажется: нѣтъ. Да, въ началѣ молодости едва ли бываетъ.

Но годы идутъ, и съ годами становится лучше, если жизнь идетъ, какъ должна идти, какъ теперь идетъ у немногихъ, какъ будетъ когда-нибудь идти у всѣхъ.

VI.

Однажды, — это было уже подъ конецъ лѣта, — дѣвушки собрались, по обыкновенію, въ воскресенье на загородную прогулку. Лѣтомъ онѣ почти каждый праздникъ ѣздили на лодкахъ, на острова. Вѣра Павловна обыкновенно ѣздила съ ними, въ этотъ разъ поѣхалъ и Дмитрій Сергѣичъ, вотъ почему прогулка и была замѣчательна: его спутничество было рѣдкостью, и въ то лѣто онъ ѣхалъ еще только во второй разъ. Мастерская, узнавъ объ этомъ, осталась очень довольна; Вѣра Павловна будетъ еще веселѣе обыкновеннаго, и надобно ждать, что прогулка будетъ особенно, особенно одушевлена. Нѣкоторыя, располагавшія провести воскресенье иначе, измѣнили свой планъ и присоединились къ собиравшимся ѣхать. Понадобилось взять, вмѣсто четырехъ большихъ яликовъ, пять, и того оказалось мало, взяли шестой. Компанія имѣла человѣкъ пятьдесятъ или больше народа: болѣе двадцати швей, — только шесть не участвовали въ прогулкѣ, — три пожилыя женщины, съ десяткомъ дѣтей, матери, сестры и братья швей, три молодые человѣка, женихи: одинъ былъ подмастерье часовщика, другой — мелкій торговецъ, и оба эти мало уступали манерами третьему, учителю уѣзднаго училища, человѣкъ пять другихъ молодыхъ людей, разношерстныхъ званій, между ними даже двое офицеровъ, человѣкъ восемь университетскихъ и медицинскихъ студентовъ. Взяли съ собою четыре большихъ самовара, цѣлыя груды всякихъ булочныхъ издѣлій, громадные запасы холодной телятины и тому подобнаго: народъ молодой, движенія будутъ много, да еще на воздухѣ. — на аппетитъ можно разсчитывать; было и съ полдюжины бутылокъ вина: на 50 человѣкъ, въ томъ числѣ болѣе 15 молодыхъ людей, кажется, немного.

И дѣйствительно, прогулка удалась какъ нельзя лучше. Тутъ всего было: танцовали въ 16 паръ, и только въ 12 паръ, зато и въ 18, одну кадрили даже въ 20 паръ; играли въ горѣлки, чуть ли не въ 22 пары, импровизировали трое качелей между деревьями; въ промежуткахъ всего этого пили чай, закусывали: съ полчаса, — мѣтъ меньше, гораздо меньше, чуть ли не половина компаніи даже слѣшала споръ Дмитрія Сергѣича съ двумя студентами, самыми коренными его пріятелями изъ всѣхъ младшихъ его пріятелей; они отыскивали другъ въ другѣ неконсеквентности, модерантизмъ, буржуазность, — это были взаимныя опорочиванья; но въ частности, у каждаго отыскивался и особенный грѣхъ. У одного студента — романтизмъ, у Дмитрія Сергѣича — схематистика, у другого студента — ригоризмъ; разумеется, постороннему человѣку трудно выдержать такія разыскиванья дольше пяти минутъ, даже одинъ изъ спорившихъ, романтикъ, не выдержалъ больше полутора часовъ, убѣжалъ къ танцующимъ, но убѣжалъ не безъ славы. Онъ вознегодовалъ на какого-то модерантиста, чуть ли не на меня даже, хотъ меня тутъ и не было, и зная, что предмету его гнѣва ужъ не мало лѣтъ, онъ воскликнулъ: „Да что вы о немъ говорите? я приведу вамъ слова, сказанныя мнѣ на дняхъ однимъ порядочнымъ человѣкомъ, очень умной женщиной: только до 25 лѣтъ человѣкъ можетъ сохранять честный образъ мыслей“. — Да вѣдь я знаю, кто эта дама, — сказалъ офицеръ, на бѣду романтика подошедшій къ спорившимъ; — это г-жа N.; она при мнѣ это и сказала; и она дѣйствительно отличная женщина, только ее тутъ же уличили, что за полчаса передъ тѣмъ она хвалилась, что ей 26 лѣтъ, и помнишь, сколько она хохотала вмѣстѣ со всѣми? И теперь всѣ четверо захохотали, и романтикъ съ хохотомъ бѣжалъ. Но офицеръ замѣтилъ его въ спорѣ, и пошла потѣха пуще прежней, до самаго чаю. И офицеръ, жесточе чѣмъ романтикъ обличая ригориста и схематиста, самъ былъ сильно уличаемъ въ огюсть-контизмъ. Послѣ чаю офицеръ объявилъ, что пока онъ еще имѣетъ лѣта честнаго образа мыслей, онъ не прочь присоединиться къ другимъ людямъ тѣхъ же лѣтъ; Дмитрій Сергѣичъ, а тогда ужъ поневолѣ и ригористъ, послѣдовали его примѣру: танцовать не танцовали, но въ горѣлки играли. А когда мужчины вздумали бѣгать взапуски, прыгать черезъ канаву, то три мыслителя отличились самыми усердными состязателями мужественныхъ упражненій: офицеръ получилъ первенство въ прыганьи черезъ канаву, Дмитрій Сергѣичъ, человѣкъ очень сильный, вошелъ въ большой азартъ, когда офицеръ поборолъ его: онъ надѣялся быть первымъ на этомъ поприщѣ послѣ ригориста, который очень удобно поднималъ на воздухъ и клалъ на землю офицера и Дмитрія Сергѣича вмѣстѣ; это не вводило въ амбіцію ни Дмитрія Сергѣича, ни офицера: ригористъ былъ признанный атлетъ, но Дмитрію Сергѣичу никакъ не хотѣлось оставить на себѣ того аффронта, что не можетъ побороть офицера; пять разъ онъ схватывался съ нимъ, и всѣ пять разъ офицеръ низлагалъ его, хотя не безъ труда. Послѣ шестой схватки Дмитрій Сергѣичъ призналъ себя несомнѣнно слабѣйшимъ: оба они выбились изъ силъ. Три мыслителя прилегли на траву, продолжали споръ; теперь огюсть-контистомъ оказывался уже Дмитрій Сергѣичъ, а схематистомъ офицеръ, но ригористъ такъ и остался ригористомъ.

Отправились домой въ 11 часовъ. Старухи и дѣти такъ и заснули въ лодкахъ; хорошо, что запасено было много теплой одежды, зато остальные го-

ворили безъ умолку, и на всѣхъ шести яликахъ не было перерыва шуткамъ и смѣху.

XII.

Черезъ два дня, за утреннимъ чаемъ, Вѣра Павловна замѣтила мужу, что цвѣтъ его лица ей не нравится. Онъ сказалъ, что дѣйствительно эту ночь спать не совсѣмъ хорошо, и вчера съ вечера чувствовалъ себя дурно, но что это ничего, немного простудился на прогулкѣ, конечно. въ то время, когда долго лежалъ на землѣ послѣ бѣгання и борьбы; побранилъ себя за неосторожность, но увѣрилъ Вѣру Павловну, что это пустяки. Онъ отправился на свои обыкновенныя занятія; за вечернимъ чаемъ говорилъ, что, кажется, совершенно все прошло. но поутру на другой день сказалъ, что ему надобно будетъ нѣсколько времени посидѣть дома. Вѣра Павловна, сильно встревожившаяся и вчера, теперь серьезно испугалась и потребовала, чтобы Дмитрій Сергѣичъ пригласилъ медика. — „Да вѣдь я самъ медикъ, и самъ съумѣю лечиться, если понадобится; а теперь пока еще не нужно“, отговаривался Дмитрій Сергѣичъ. Но Вѣра Павловна была неотступна, и онъ написалъ записку Кирсанову, говорилъ въ ней, что болѣзнь пустая, и что онъ проситъ его только въ угожденіе женѣ.

Поэтому Кирсановъ не поторопился: пребылъ въ госпиталѣ до самаго обѣда, и пріѣхалъ къ Лопуховымъ уже часу въ 6-мъ вечера.

— Нѣтъ, Александръ, я хорошо сдѣлалъ, что позвалъ тебя, — сказалъ Лопуховъ: — опасности нѣтъ, и вѣроятно не будетъ; но у меня воспаленіе въ легкихъ. Конечно, я и безъ тебя вылечился бы, но все-таки навѣщай. Нельзя, нужно для очищенія совѣсти: вѣдь я не бобыль, какъ ты.

Долго они шутили бока одному изъ себя. Кирсановъ слушалъ грудь, и нашли оба, что Лопуховъ не ошибся: опасности нѣтъ, и вѣроятно не будетъ, но воспаленіе въ легкихъ сильное. Придется пролежать недѣли полторы. Немного запустилъ Лопуховъ свою болѣзнь, но все-таки еще ничего.

Кирсанову пришлось долго толковать съ Вѣрою Павловною, успокаивать ее. Наконецъ, она повѣрила вполне, что ее не обманываютъ, что, по всей вѣроятности, болѣзнь не только не опасна, но и не тяжела; но вѣдь только „по всей вѣроятности“, а мало ли что бываетъ и противъ всякой вѣроятности?

Кирсановъ сталъ бывать по два раза въ день у больного: они съ нимъ оба видѣли, что болѣзнь проста и не опасна. На четвертый день поутру Кирсановъ сказалъ Вѣрѣ Павловнѣ:

— Дмитрій ничего, хорошъ: еще дня три, четыре будетъ тяжеловато, но не тяжеле вчерашняго, а потомъ станетъ ужъ и поправляться. Но о васъ, Вѣра Павловна, я хочу поговорить съ вами серьезно. Вы дурно дѣлаете: зачѣмъ не спать по ночамъ? Ему совершенно не нужна сидѣлка, да и я не нуженъ. А себѣ вы можете повредить, и совершенно безъ надобности. Вѣдь у васъ и теперь нервы ужъ довольно разстроены.

Долго онъ урезонивалъ Вѣру Павловну, но безъ всякаго толку. „Никакъ“, и „ни за что“, и „я сама рада бы, да не могу“ — т.-е. спать по ночамъ и оставлять мужа безъ караула. Наконецъ она сказала: — „да вѣдь все, что вы

мнѣ говорите, онъ мнѣ ужъ говорилъ, и много разъ, вѣдь вы знаете. Конечно, и скорѣе бы послушалась его, чѣмъ васъ,—значить, не могу“.

Противъ такого аргумента нечего было спорить. Кирсановъ покачалъ головою и ушелъ.

Пріѣхавъ къ больному въ десятомъ часу вечера, онъ просидѣлъ подлѣ него вмѣстѣ съ Вѣрою Павловною съ полчаса, потомъ сказалъ:—„теперь вы, Вѣра Павловна, идите отдохнуть. Мы оба просимъ васъ. Я останусь здѣсь ночевать“.

Вѣрѣ Павловнѣ было совѣстно: она сама наполовину, больше, чѣмъ наполовину, знала, что какъ будто и нѣтъ необходимости сидѣть всю ночь подлѣ больного, и вотъ заставляетъ же Кирсанова, человѣка занятого, терять время. Чтожъ это, въ самомъ дѣлѣ? да, „какъ будто не нужно“... „какъ будто“... а кто знаетъ? нѣтъ, нельзя оставить „миленькаго“ одного, мало ли что можетъ случиться? да, наконецъ, пить захочетъ, можетъ быть, чаю захочетъ, вѣдь онъ деликатный, будить не станетъ, значить, и нельзя не сидѣть подлѣ него. Но Кирсанову сидѣть не нужно, она не дозволитъ. Она сказала, что не уйдетъ, потому что не очень устала, что она много отдыхаетъ днемъ.

— Въ такомъ случаѣ, простите меня, но я прошу васъ уйти, рѣшительно прошу. Кирсановъ взялъ ее за руку и почти силою отвелъ въ ея комнату.

— Мнѣ, право, совѣстно передъ тобою, Александръ,—проговорилъ больной:—какую смѣшную роль ты играешь, сидя ночь у больного, болѣзнь котораго вовсе не требуетъ этого. Но я тебѣ очень благодаренъ. Вѣдь я не могъ уговорить ее взять хоть сидѣлку, если боялся оставить одного. — никому не могла довѣрить.

— Еслибъ я этого не видѣлъ, что она не можетъ быть спокойна, довѣривъ тебя кому-нибудь другому, разумѣется не сталъ бы я нарушать своего комфорта. Но теперь, падѣюсь, уснетъ: вѣдь я медикъ и твой пріятель.

Въ самомъ дѣлѣ, Вѣра Павловна, какъ дошла до своей кровати, такъ и повалилась и заснула. Три безсонныя ночи сами по себѣ не были бы важны. И тревога сама по себѣ не была бы важна. Но тревога вмѣстѣ съ безсонными ночами, да безъ всякаго отдыха днемъ, точно была опасна: еще двое, трое сутокъ безъ сна, она бы сдѣлалась больна посерьезнѣе мужа.

Кирсановъ провелъ еще три ночи съ больнымъ; его-то это мало утомляло, конечно, потому что онъ преспокойно спалъ, только изъ предосторожности заперъ дверь, чтобы Вѣра Павловна не могла увидѣть такой безпечности. Она и подозрѣвала, что онъ спитъ на своемъ дежурствѣ, но все-таки была спокойна: вѣдь онъ медикъ, такъ чего же опасаться? онъ знаетъ, когда можно ему спать, когда нѣтъ. Ей было совѣстно, что она не могла прежде успокоиться, чтобы не тревожить его, но теперь ужъ онъ не обращалъ вниманія на ея увѣренія, что будетъ спать, хотя бы его тутъ и не было:—„Вы виноваты, Вѣра Павловна, и за то должны быть наказываемы. Я вамъ не довѣряю“.

Но черезъ четыре дня было уже очевидно для нея, что больной почти пересталъ быть больнымъ, улики ея скептицизму были слишкомъ ясны: въ этотъ вечеръ они втроемъ играли въ карты. Тонуховъ уже полу-лежалъ, а не лежалъ, и говорилъ очень хорошимъ голосомъ. Кирсановъ могъ прекратить свои сонныя дежурства, и объявилъ объ этомъ.

— Александръ Матвѣичъ, почему вы совершенно забыли меня, именно меня? Съ Дмитріемъ вы все-таки хороши, онъ бываетъ у васъ довольно часто; но вы у насъ передъ его болѣзнью не были, кажется, съ полгода; да и давно такъ. А помните, въ началѣ вѣдь мы съ вами были дружны.

— Люди перемѣняются, Вѣра Павловна. Да вѣдь я и страшно работаю, могу похвалиться. Я почти ни у кого не бываю: некогда, лѣнь. Такъ устаешь съ 9 часовъ до 5 въ госпиталѣ и въ академіи, что потомъ чувствуешь невозможность никакого другого перехода, кромѣ какъ изъ мундира прямо въ халатъ. Дружба хороша, но не сердитесь, сигара на диванѣ, въ халатѣ — еще лучше.

Въ самомъ дѣлѣ Кирсановъ уже больше двухъ лѣтъ почти вовсе не бывалъ у Лопуховыхъ. Читатель не замѣчалъ его имени между ихъ обыкновенными гостями, да и между рѣдкими посѣтителями онъ давно сталъ самымъ рѣдкимъ.

VIII.

Проницательный читатель, — я объясняюсь только съ читателемъ: читательница слишкомъ умна, чтобы надѣдать своей догадливостью, потому я съ нею не объясняюсь, говорю это разъ навсегда; есть и между читателями не мало людей не глухихъ: съ этими читателями я тоже не объясняюсь; но большинство читателей, въ томъ числѣ почти всѣ литераторы и литературщики, люди проницательные, съ которыми мнѣ всегда пріятно бесѣдовать, — и такъ, проницательный читатель говоритъ: я понимаю, къ чему идетъ дѣло: въ жизни Вѣры Павловны начинается новый романъ; въ немъ будетъ играть роль Кирсановъ; я понимаю даже больше: Кирсановъ уже давно влюбленъ въ Вѣру Павловну, потому-то онъ и пересталъ бывать у Лопуховыхъ. О, какъ ты понятливъ, проницательный читатель: какъ только тебѣ скажешь что-нибудь, ты сейчасъ же замѣчаешь: „я понялъ это“, и восхищаешься своею проницательностью. Благодарю передъ тобою, проницательный читатель.

И такъ, въ исторіи Вѣры Павловны является новое лицо, и надобно было бы описать его, если бы оно уже не было описано. Когда я рассказывалъ о Лопуховѣ, то затруднялся обособить его отъ его душевнаго пріятеля и не умѣлъ сказать о немъ почти ничего такого, чего не надобно было бы повторить и о Кирсановѣ. И дѣйствительно, все, что можетъ (проницательный) читатель узнать изъ слѣдующей описи примѣтъ Кирсанова, будетъ повтореніемъ примѣтъ Лопухова. Лопуховъ былъ сынъ мѣщанина, зажиточнаго по своему словію, то-есть, довольно часто имѣющаго мясо во щакѣ; Кирсановъ былъ сынъ писца уѣзднаго суда, то-есть, человѣка, часто не имѣющаго мяса во щакѣ. — значить, и наоборотъ, часто имѣющаго мясо во щакѣ. Лопуховъ съ очень ранней молодости, почти съ дѣтства, добывалъ деньги на свое содержаніе; Кирсановъ съ 12 лѣтъ помогать отцу въ переписываніи бумагъ, съ IV класса гимназій тоже давалъ уже уроки. Оба грудью, безъ связей, безъ знакомствъ пролагали себѣ дорогу. Лопуховъ былъ какой человѣкъ? Въ гимназій по-французски не выучивались, а по-нѣмецки выучивались склонять *der, die, das*, съ небольшими ошибками; а поступивши въ академію, Лопуховъ скоро увидѣлъ,

что на русскомъ языкѣ далеко не уѣдешь въ наукѣ: онъ взялъ французскій словарь, да какія случились французскія книжонки, а случились: Телемакъ, да повѣсти г-жи Жанлисъ, да нѣсколько ливрезоновъ нашего умнаго журнала *Revue Étrangère*,—книги, все не очень заманчивыя,—взялъ ихъ, а самъ, разумѣется, былъ страшный охотникъ читать, да и сказалъ себѣ: не раскрою ни одной русской книги, пока не стану свободно читать по-французски; ну, и сталъ свободно читать. А съ нѣмецкимъ языкомъ обошелся иначе: нанялъ уголь въ квартирѣ, гдѣ было много нѣмцевъ мастеровыхъ: уголь былъ мерзкій, нѣмцы скучны, ходить въ академію было далеко, а онъ все-таки выжилъ тутъ, сколько ему было нужно. У Кирсанова было иначе: онъ нѣмецкому языку учился по разнымъ книгамъ съ лексикономъ, какъ Лопуховъ французскому, а по-французски выучился другимъ манеромъ, по одной книгѣ, безъ лексикона: евангеліе—книга очень знакомая; вотъ онъ досталъ Новый Завѣтъ въ женевскомъ переводѣ, да и прочелъ его восемь разъ; на девятый уже все понималъ,—значить, готово. Какой человекъ былъ Лопуховъ?—Вотъ какой: шелъ онъ въ оборванномъ мундирѣ по Каменно-Островскому проспекту (съ урока, по 50 коп. урокъ, верстахъ въ трехъ за лицеемъ). Идетъ ему на встрѣчу нѣкто осанистый, моціонъ дѣлаетъ, да, какъ осанистый, прямо на него, не сторонится; а у Лопухова было въ то время правило: кромѣ женщинъ, ни передъ кѣмъ первый не сторонюсь: задѣли другъ друга плечами; нѣкто, сдѣлавъ полуоборотъ, сказалъ: „что ты за свинья, скотина“, готовясь продолжать назиданіе, а Лопуховъ сдѣлалъ полный оборотъ къ нѣкому, взялъ нѣкогого въ охапку и положилъ въ канаву, очень осторожно, и стоитъ надъ нимъ, и говоритъ: ты не шевелись, а то дальше проташу, гдѣ грязь глубже. Проходили два мужика, заглянули, похвалили; проходилъ чиновникъ, заглянулъ, не похвалилъ, но сладко улыбнулся; проѣзжали экипажи,—изъ нихъ не заглядывали: не было видно, что лежить въ канавѣ; постоялъ Лопуховъ, опять взялъ нѣкогого, не въ охапку, а за руку, поднялъ, вывелъ на шоссе и говоритъ: „Ахъ, милостивый государь, какъ это вы изволили оступиться? Не повредились, надѣюсь? Позвольте васъ обтереть? Проходилъ мужикъ, сталъ помогать обтирать, проходили два мѣщанина, стали помогать обтирать, обтерли нѣкогого и разошлись. Съ Кирсановымъ не было такого случая, а былъ другой случай. Нѣкая дама, у которой нѣкіе бывали на посылкахъ, вздумала, что надобно составить каталогъ бібліотеки, оставшейся послѣ мужа-вольтеріанца, который умеръ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Зачѣмъ именно черезъ двадцать лѣтъ понадобился каталогъ, неизвѣстно. Составлять каталогъ подвернулся Кирсановъ, взялся за 80 р.; работалъ полтора мѣсяца. Вдругъ дама вздумала, что каталогъ не нуженъ, вошла въ бібліотеку и говоритъ: „не трудитесь больше, я передумала; а вотъ вамъ за ваши труды“, и подала Кирсанову 10 р.—„Я ваше **** даму назвалъ по титулу, сдѣлалъ уже больше половины работы: изъ 17 шкаповъ переписалъ 10“.—„Вы находите, что я васъ обидѣла въ деньгахъ? Nicolas. поди сюда, переговоры съ этимъ господиномъ“. Влетѣлъ Nicolas.—„Ты какъ смѣешь грубить маманъ!“—„Да ты, молокососъ“—выраженіе неосновательное со стороны Кирсанова: Nicolas былъ старше его годами пятью,—„выслушай бы прежде“.—„Люди!“ прикринулъ Nicolas. „Ахъ, люди? Вотъ я тебѣ покажу людей!“ Во мгновеніе ока дама взвизгнула и упала въ обморокъ, а Nicolas постигъ, что не можетъ

пошевельнуть руками, которыя притиснуты къ его бокамъ, какъ желѣзнымъ поясомъ, и что притиснуты онѣ правою рукою Кирсанова, и постигъ, что лѣвая рука Кирсанова, дернувши его за вихорь, уже держать его за горло. и что Кирсановъ говорить: „посмотри, какъ легко мнѣ тебя задушить“—и дакнулъ горло: и Nicolas постигъ, что задушить точно легко, и рука уже отпустила горло, можно дышать, только все держится за горло. А Кирсановъ говорить, обращаясь къ появившимся у дверей голяамамъ: — „стой! а то его задушю. Разтупитесь, а то его задушю“. Все это постигъ Nicolas въ одно мгновеніе ока и сдѣлалъ помаваніе носомъ, что, дескать, онъ основательно разсуждаетъ. — „Теперь проводи-ко, братъ, меня до лѣстницы“ сказалъ Кирсановъ, опять обратясь къ Nicolas и продолжая попрежнему обнимать Nicolas, вышелъ въ переднюю и сошелъ съ лѣстницы, издали напутствуемый умиленными взорами голяаовъ и на послѣдней ступенькѣ отпустилъ горло Nicolas, отпихнулъ самого Nicolas и пошелъ въ лавку покупать фуражку вмѣсто той, которая осталась добычею Nicolas.

Ну, что же различнаго скажете вы о такихъ людяхъ? Всѣ рѣзко выдающіяся черты ихъ—черты не индивидуумовъ, а типа, типа до того разнѣшагося отъ привычныхъ тебѣ, проицательный читатель, что его общими особенностями закрываются личныя разности въ немъ. Эти люди среди другихъ, будто среди китайцевъ нѣсколько человѣкъ европейцевъ, которыхъ не могутъ различить одного отъ другого китайцы: во всѣхъ видятъ одно, что они „красноволосые варвары, не знающіе церемоній“: на ихъ глаза, вѣдь, и французы такіе же „красноволосые“, какъ англичане. Да китайцы и правы: въ отношеніяхъ съ ними всѣ европейцы, какъ одинъ европеецъ, не индивидуумы, а представители типа, больше ничего; одинаково не ѣдятъ таракановъ и мокрицъ, одинаково не рѣжутъ людей въ мелкіе кусочки, одинаково пьютъ водку и виноградное вино, а не рисовое, и даже единственную вещь, которую видятъ свою родную въ нихъ китайцы,—питье чаю, дѣлаютъ вовсе не такъ, какъ китайцы: съ сахаромъ, а не безъ сахару. Такъ и люди того типа, къ которому принадлежали Лоуховъ и Кирсановъ, кажутся одинаковы людямъ не того типа. Каждый изъ нихъ — человѣкъ отважный, не колеблющійся, не отступающій, умѣющій взяться за дѣло, и если возьмется, то уже крѣпко хватающійся за него, такъ что оно не выскользнетъ изъ рукъ: это одна сторона ихъ свойствъ; съ другой стороны, каждый изъ нихъ человѣкъ безукоризненной честности, такой, что даже и не приходитъ въ голову вопросъ: „можно ли положиться на этого человѣка во всемъ безусловно? Это ясно, какъ то, что онъ дышетъ грудью; пока дышетъ эта грудь, она горяча и неизмѣнна,—смѣло кладите на нее свою голову, на ней можно отдохнуть. Эти общія черты такъ рѣзки, что за ними сглаживаются всѣ личныя особенности.

Недавно зародился у насъ этотъ типъ. Прежде были только отдѣльныя личности, предвѣщавшія его; онѣ были исключеніями, и, какъ исключенія, чувствовали себя одинокими, безсильными, и отъ этого бездѣйствовали, или унывали, или экзальтировались, романтизировали, фантазировали, то-есть, не могли имѣть главной черты этого типа, не могли имѣть хладнокровной практичности, ровной и расчетливой дѣятельности, дѣятельной разсудительности. То были люди, хоть и той же натуры, но еще не разившейся до этого типа, а онъ,

этотъ типъ, зародился недавно; въ мое время его еще не было, хоть я не очень старъ, даже вовсе не старъ человѣкъ. Я и самъ не могъ вырасти такимъ.— росъ не въ такую эпоху; потому-то, что я самъ не таковъ, я и могу не совѣстясь выражать свое уваженіе къ нему; къ сожалѣнію, я не себя прославляю, когда говорю про этихъ людей: славные люди.

Недавно родился этотъ типъ и быстро распложается. Онъ рожденъ временемъ, онъ знаменіе времени, и, сказать ли?—онъ исчезнетъ вмѣстѣ съ своимъ временемъ, недолгимъ временемъ. Его недавняя жизнь обречена быть и недолгою жизнью. Шесть лѣтъ тому назадъ этихъ людей не видѣли; три года тому назадъ презирали; теперь... но все равно, что думаютъ о нихъ теперь: черезъ нѣсколько лѣтъ, очень немного лѣтъ, къ нимъ будутъ взывать: „спасите насъ!“ и что будутъ они говорить, будетъ исполняться всѣми; еще немного лѣтъ, быть можетъ и не лѣтъ, а мѣсяцевъ, и станутъ ихъ проклинять, и они будутъ согнаны со сцены, опиканные, страшимые. Такъ что же, шикайте и страмите, гоните и проклиняйте, вы получили отъ нихъ пользу, этого для нихъ довольно, и подъ шумомъ шиканья, подъ громомъ проклятій они сойдутъ со сцены гордые и скромные, суровые и добрые, какъ были. И не останется ихъ на сценѣ?—Нѣтъ. Какъ же будетъ безъ нихъ?—Плохо. Но послѣ нихъ все-таки будетъ лучше, чѣмъ до нихъ! И пройдутъ года, и скажутъ люди: „послѣ нихъ стало лучше; но все-таки осталось плохо“. И когда скажутъ это, значитъ, пришло время возродиться этому типу, и онъ возродится въ болѣе многочисленныхъ людяхъ, въ лучшихъ формахъ, потому что тогда всего хорошаго будетъ больше, и все хорошее будетъ лучше; и опять та же исторія въ новомъ видѣ. И такъ пойдетъ до тѣхъ поръ, пока люди скажутъ: „Ну, теперь намъ хорошо“, тогда ужъ не будетъ этого отдѣльнаго типа, потому что всѣ люди будутъ этого типа, и съ трудомъ будутъ понимать, какъ же это было время, когда онъ считался особеннымъ типомъ, а не общою натурою всѣхъ людей?

IX.

Но какъ европейцы между китайцами всѣ на одно лицо и на одинъ манеръ только по отношенію къ китайцамъ, а на самомъ дѣлѣ между европейцами несравненно больше разнообразія, чѣмъ между китайцами, такъ и въ этомъ, повидимому, одномъ типѣ, разнообразіе личностей развивается на разности болѣе многочисленныя и болѣе отличающіяся другъ отъ друга, чѣмъ всѣ разности всѣхъ остальныхъ типовъ разнятся между собою. Тутъ есть всякіе люди: и сибариты, и аскеты, и суровые, и нѣжные, и всякіе, всякіе. Только, какъ самый жестокой европеецъ очень кротокъ, самый трусливый очень храбръ, самый сладострастный очень нравственъ передъ китайцемъ, такъ и они: самые аскетичные изъ нихъ считаютъ нужнымъ для человѣка больше комфорта, чѣмъ воображаютъ люди не ихъ типа, самые чувственные строже въ нравственныхъ правилахъ, чѣмъ морализаторы не ихъ типа. Но все это они представляютъ себѣ какъ-то по-своему: и нравственность и комфортъ, и чувственность, и добро понимаютъ они на особый ладъ, и всѣ на одинъ ладъ, и не только всѣ на одинъ ладъ, но и все это какъ-то на одинъ ладъ, такъ что и нравственность

и комфортъ, и добро и чувственность, все это выходитъ у нихъ какъ будто одно и то же. Но все это опять только по отношенію къ понятіямъ китайцевъ, а сами между собою они находятъ очень большія разности пониманія, по разности натуръ. Но какъ теперь условить эти разности натуръ и понятій между ними?

Въ разговорахъ о дѣлахъ между собою, но только между собою, а не съ китайцами, выказываютъ свою разницу европейскія натуры. Такъ и у людей этого типа видно бываетъ очень большое разнообразіе, когда дѣла ведутся между ними, но только между ними, а не съ посторонними. Мы видѣли передъ собою двухъ людей этого типа: Вѣру Павловну и Лопухова, и видѣли, какъ устроились отношенія между ними. Теперь входитъ третій человѣкъ. Посмотримъ, какія разности обнаружатся отъ возможности одному изъ нихъ сравнивать двухъ другихъ. Вѣра Павловна видитъ передъ собою Лопухова и Кирсанова. Прежде ей не было выбора; теперь есть.

Х.

Но надобно же сказать два, три слова о внѣшнихъ примѣтахъ Кирсанова.

У него, какъ и у Лопухова, были правильныя, красивыя черты лица. Одни находили, что красивѣе тотъ, другіе—этотъ. У Лопухова, болѣе смуглаго, были темно-каштановые волосы, сверкающіе каріе глаза, казавшіеся почти черными, орлиный носъ, толстыя губы, лицо нѣсколько овальное. У Кирсанова были русые волосы довольно темнаго оттѣнка, темно-голубые глаза, прямой греческій носъ, маленькій ротъ, лицо продолговатое, замѣчательной бѣлизны. Оба они были люди довольно высокаго роста, стройные, Лопуховъ нѣсколько шире костью, Кирсановъ нѣсколько выше.

Внѣшняя обстановка Кирсанова была довольно хороша. Онъ уже имѣлъ каеэдру. Огромное большинство избравшихъ было противъ него: ему бы не только не дали каеэдры, его бы не выпустили докторомъ, да нельзя было. Два, три молодые человѣка, да одинъ не молодой человѣкъ изъ его бывшихъ профессоровъ, его пріятели, давно наговорили остальнымъ, будто бы есть на свѣтѣ какой-то Фирховъ, и живетъ въ Берлинѣ, и какой-то Клодь-Бернаръ, и живетъ въ Парижѣ, и еще какіе-то такіе же, которыхъ не упомянешь, которые тоже живутъ въ разныхъ городахъ, и что будто бы эти Фирховъ, Клодь Бернаръ и еще кто-то — будто бы они свѣтила медицинской науки. Все это было до крайности неправдоподобно, потому что свѣтила науки намъ извѣстны: Бургавъ, Гуфеландъ; Гарве тоже былъ великій ученый, открытъ обращеніе крови, тоже Дженнеръ, выучилъ оспопрививанію; такъ вѣдь мы знаемъ ихъ, а этихъ Фирховъ да Клодовъ Бернаровъ мы не знаемъ, какія же они свѣтила? А впрочемъ, чортъ ихъ знаетъ. Такъ вотъ этотъ самый Клодь Бернаръ отзывался съ уваженіемъ о работахъ Кирсанова, когда Кирсановъ еще оканчивалъ курсъ, — ну, и нельзя: дали Кирсанову докторство, да ни года черезъ полтора каеэдру. Студенты говорили, что съ его поступленіемъ партія хорошихъ профессоровъ замѣтно усилилась. Практики онъ не имѣлъ и говорилъ, что бросилъ практическую медицину: но въ госпиталѣ бывалъ очень подолгу: вы-

падали дни, что онъ тамъ и обѣдалъ, а иной разъ и почевалъ. Чтожь онъ тамъ дѣлалъ? онъ говорилъ, что работаетъ для науки, а не для больныхъ: „Я не лечу, а только наблюдаю и дѣлаю опыты“. Студенты подтверждали это, прибавляя, что нынѣ лечатъ только дураки, потому что нынѣ лечить еще нельзя. Служители судили иначе: „Ну, этого Кирсановъ беретъ въ свою палату,—значить, труденъ“,—говорили они между собою, а потомъ больному: „Будь благонадеженъ: противъ этого лекаря рѣдкая болѣзнь можетъ устоять, мастеръ; и какъ есть, отецъ“.

XI.

Въ первое время замужества Вѣры Павловны Кирсановъ бывалъ у Лопуховыхъ очень часто, почти что черезъ день, а ближе сказать, почти что каждый день, и скоро, да почти что съ перваго же дня, сталъ чрезвычайно друженъ съ Вѣрою Павловною, столько же, какъ съ самимъ Лопуховымъ. Такъ продолжалось съ полгода. Однажды они сидѣли втроемъ: онъ, мужъ и она. Разговоръ шелъ, какъ обыкновенно, безъ всякихъ церемоній: Кирсановъ болталъ больше всѣхъ, но вдругъ замолчалъ.—„Что съ тобою, Александръ?“— „Что вы пріутихли, Александръ Матвѣичъ?“— „Такъ что-то, вышла хандра“.

— Это съ вами рѣдко случается, Александръ Матвѣичъ,—сказала Вѣра Павловна.

— Безъ причины даже никогда,—сказалъ Кирсановъ какимъ-то натянутымъ тономъ.

Черезъ нѣсколько времени, раньше обыкновеннаго, онъ всталъ и ушелъ, простившись, какъ всегда, просто.

Дня черезъ два Лопуховъ сказалъ Вѣрѣ Павловнѣ, что заходилъ къ Кирсанову и, какъ ему показалось, встрѣченъ былъ довольно странно. Кирсановъ какъ будто хотѣлъ быть съ нимъ любезенъ, что было вовсе лишнее между ними. Лопуховъ, посмотрѣвши на него, сказалъ прямо: „Ты, Александръ, что-то дуешься; на кого, на меня, что ли?“— „Нѣтъ“.— „На Вѣрочку?“— „Нѣтъ“.— „Такъ что же съ тобою сдѣлалось?“— „Нѣтъ, ничего: что это тебѣ показалось?“— „Да ты не хорошъ со мною нынѣ, натянутъ, любезенъ, и видно, что дуешься“. Кирсановъ началъ расточать увѣренія, что нисколько, и тѣмъ окончательно выказалъ, что дуется. Потомъ ему, должно быть, стало стыдно, онъ сдѣлался простъ, хорошъ, какъ слѣдуетъ. Лопуховъ, воспользовавшись тѣмъ, что человѣкъ пришелъ въ разсудокъ, спросилъ опять:— „Ну, Александръ, скажи, за что же ты дулся?“— „Я не думалъ дуться“; и опять сталъ приторенъ и противенъ.

Что за чудо? Лопуховъ не умѣлъ вспомнить ничего, чѣмъ бы могъ оскорбить его, да это и не было возможно, при ихъ уваженіи другъ къ другу, при горячей дружбѣ. Вѣра Павловна тоже очень усердно вспоминала, не она ли чѣмъ оскорбила его, и тоже не могла ничего отыскать, и тоже знала, по той же причинѣ, какъ у мужа, что это невозможно съ ея стороны.

Прошло еще два дня; не зайти къ Лопуховымъ четыре дня сряду было дѣломъ необыкновеннымъ для Кирсанова. Вѣра Павловна даже вздумала: здоровъ ли онъ? Лопуховъ зашелъ посмотрѣть, не боленъ ли въ самомъ дѣлѣ.

Какое, нездоровь! продолжаетъ дуться. Лопуховъ приступилъ къ нему настойчиво. Онъ, послѣ долгихъ отпѣкиваній, началъ говорить какой-то нелѣпый вздоръ о своихъ чувствахъ къ Лопухову и къ Вѣрѣ Павловнѣ, что онъ очень любить и уважаетъ ихъ; но изъ всего этого слѣдовало, что они къ нему невнимательны, о чемъ, — что хуже всего, — не было, впрочемъ, никакого намека въ его высокопарности. Ясно было, что господинъ вломался въ амбицію. Все это такъ дико было видѣть въ человѣкѣ, за какого Лопуховъ считалъ Кирсанова, что гость сказалъ хозяину: — „Послушай, вѣдь мы съ тобою пріатели; вѣдь это, наконецъ, должно быть совѣстно тебѣ“. Кирсановъ съ изысканною переносливостью отвѣчалъ, что дѣйствительно это съ его стороны, можетъ быть, мелочность, но чтожъ дѣлать, если онъ многимъ обижался. — „Ну, чѣмъ же?“ Онъ началъ высчитывать множество случаевъ, которыми оскорблялся въ последнее время, все въ такомъ родѣ: „Ты сказалъ, что чѣмъ свѣтлѣе у человека волосы, тѣмъ ближе онъ къ безцвѣтности. Вѣра Павловна сказала, что нынѣ чай вздорюжалъ. Это колючь на мой цвѣтъ волосъ. Это намекъ, что я васъ объѣдаю“. У Лопухова опустились руки: помѣшался человѣкъ на амбиціонности, или, вѣрнѣе сказать, просто сталъ дуракомъ и пошлякомъ.

Лопуховъ возвратился домой даже опечаленный: горько было увидѣть такую сторону въ человѣкѣ, котораго онъ такъ любилъ. На разспросы Вѣры Павловны, что онъ узналъ, онъ отвѣчалъ грустно, что лучше объ этомъ не говорить, что Кирсановъ говорилъ непріятный вздоръ, что онъ, вѣроятно, боленъ.

Черезъ три, четыре дня Кирсановъ, должно быть, опомнился, увидѣлъ дикую пошлость своихъ выходокъ; пришелъ къ Лопуховымъ, былъ какъ слѣдуетъ, потомъ сталъ говорить, что онъ былъ пошлъ; изъ словъ Вѣры Павловны онъ замѣтилъ, что она не слышала отъ мужа его глупостей, искренно благодарилъ Лопухова за эту скромность, сталъ самъ, въ наказаніе себѣ, рассказывать все Вѣрѣ Павловнѣ, расчувствовался, извинялся, говорилъ, что былъ боленъ, и опять выходило какъ-то дрянно. Вѣра Павловна попробовала сказать, чтобъ онъ бросилъ толковать объ этомъ, что это пустяки, онъ привязался къ слову „пустяки“ и началъ нести такую же пошлую чепуху, какъ въ разговорѣ съ Лопуховымъ: очень деликатно и тонко сталъ развивать ту тему, что, конечно, это „пустяки“, потому что онъ понимаетъ свою маловажность для Лопуховыхъ, но что онъ большаго и не заслуживаетъ, и т. д., и все это говорилось темнѣйшими, тончайшим намекамъ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ уваженія, преданности. Вѣра Павловна, слушая это, точно такъ же опустила руки, какъ прежде мужъ. Когда онъ ушелъ, они припомнили, что ужъ нѣсколько дней до своего явнаго опошленія онъ былъ страненъ: тогда они не замѣтили и не поняли, теперь эти прежнія выходки объяснились: онъ былъ въ томъ же вкусѣ, только слабъ.

Послѣ этого Кирсановъ сталъ-было заходить довольно часто; но продолженіе прежнихъ простыхъ отношеній было уже невозможно: изъ-подъ маски порядочнаго человѣка высовывалось нѣсколько дней такое длинное ослиное ухо, что Лопуховы потеряли бы слишкомъ значительную долю уваженія къ бывшему другу, еслибъ это ухо и спряталось навсегда, но оно по временамъ продолжало выказываться: выставлялось не такъ длинно, и торопливо пряталось, но было жалко, дрянно, пошло.

Скоро къ Кирсанову въ самомъ дѣлѣ стали холодны, онъ дѣйствительно имѣлъ уже причину не находить себѣ удовольствія у Лопуховыхъ, и пересталъ бывать.

Но онъ встрѣчался съ Лопуховымъ у однихъ знакомыхъ. Черезъ нѣсколько времени омерзѣніе Лопухова къ нему ослабѣло: онъ былъ ничего, какъ слѣдуетъ. Лопуховъ сталъ заходить къ нему. Черезъ годъ онъ даже возобновилъ посѣщенія къ Лопуховымъ и былъ прежнимъ отличнымъ Кирсановымъ, простымъ и честнымъ. Но бывалъ рѣдко: видно было, что ему неловко вспоминать о глупой исторіи, которую онъ разыгралъ. Лопуховъ почти забылъ ее, Вѣра Павловна тоже. Но разъ порванные отношенія не возобновлялись. По наружности онъ и Лопуховъ были опять друзья, да и на дѣлѣ, Лопуховъ сталъ почти попрежнему уважать его и бывалъ у него нерѣдко: Вѣра Павловна также возвратила ему часть прежняго расположенія, но она очень рѣдко видѣла его.

XII.

Теперь болѣзнь Лопухова, лучше сказать, чрезвычайная привязанность Вѣры Павловны къ мужу, принудила Кирсанова быть болѣе недѣли въ короткихъ ежедневныхъ отношеніяхъ съ Лопуховыми. Онъ понималъ, что ступаетъ на опасную для себя дорогу, рѣшаясь просиживать вечера съ ними, чтобы отбывать у Вѣры Павловны дежурство; вѣдь онъ былъ такъ радъ и гордъ, что тогда, около трехъ лѣтъ назадъ, замѣтивъ въ себѣ признаки страсти, умѣлъ такъ твердо сдѣлать все, что было нужно для остановки ея развитія. Вѣдь ему было такъ хорошо отъ этого. Двѣ, три недѣли его тянуло тогда къ Лопуховымъ, но и въ это время было больше удовольствія отъ сознанія своей твердости въ борьбѣ, чѣмъ боли отъ лишенія, а черезъ мѣсяцъ боль вовсе прошла, и осталась одно довольство своею честностью. Такъ спокойно, такъ мило было у него на душѣ.

А теперь опасность была больше, чѣмъ тогда: въ эти три года Вѣра Павловна, конечно, много развилась нравственно; тогда она была наполовину еще ребенокъ, теперь уже не то; чувство, ею внушаемое, уже не могло походить на шутливую привязанность къ дѣвчкѣ, которую любишь и падъ которой улыбаешься въ одно и то же время. И не только нравственно развилась она: если красота женщины — настоящая красота, то у насъ на сѣверѣ женщина долго хорошеетъ съ каждымъ годомъ. Да, три года жизни въ эту пору развиваютъ много хорошаго и въ душѣ, и въ глазахъ, и въ чертахъ лица, и во всемъ человѣкѣ, если человѣкъ хорошъ и жизнь хороша.

Опасность была большая, но только для него, Кирсанова: Вѣрѣ Павловнѣ какая же опасность? Она любитъ мужа. Кирсановъ не такъ пугъ и глупъ, чтобы считать себя опаснымъ соперникомъ Лопухову. Не изъ фальшивой скромности онъ думаетъ это: всѣ порядочные люди, которые знаютъ его и Лопухова, ставятъ ихъ равно. А на сторонѣ Лопухова то неизмѣримое преимущество, что онъ уже заслужилъ любовь, да, заслужилъ ее, что онъ уже вполне приобрѣлъ сердце. Выборъ сдѣланъ, она очень довольна и счастлива выборомъ, у ней не можетъ явиться и мысли искать лучшаго: развѣ ей не хорошо? Объ этомъ

смѣшно и думать, это опасеніе за нее и за Лопухова было бы нелѣпымъ тщеславіемъ со стороны его, Кирсанова.

Такъ неужели же изъ-за вздора, изъ-за того, что Кирсанову придется потосковать мѣсяцъ, много два, неужели изъ-за этого вздора давать женщинѣ разстраиывать нервы, рисковать серьезною болѣзнію отъ сидѣнья по ночамъ у кровати больного? Неужели для того, чтобъ избѣжать неважнаго и недолгаго нарушенія тишины собственной жизни, допускать серьезный вредъ другому, не менѣе достойному человѣку? Вѣдь это было бы нечестно. А нечестный поступокъ гораздо непріятнѣе той, въ сущности и не тяжелой, борьбы съ собою, которую придется ему выдержать, и въ развязкѣ которой—въ гордомъ довольствѣ собою за твердость, нѣтъ сомнѣнія.

Такъ рассуждалъ Кирсановъ, рѣшаясь прогнать Вѣру Павловну съ напраснаго дежурства.

Надобность въ дежурствѣ прошла. Для соблюденія благовидности, чтобы не дѣлать крутого перерыва, возбуждающаго вниманіе. Кирсанову нужно было еще два, три раза навѣстить Лопуховыхъ на дняхъ, потомъ черезъ недѣлю, потомъ черезъ мѣсяцъ, потомъ черезъ полгода. Затѣмъ, удаленіе будетъ достаточно объясняться занятіями.

XIII.

Все шло у Кирсанова хорошо, какъ онъ и думалъ. Привязанность возобновилась, и сильнѣе прежняго; но борьба съ нею не представляла никакого серьезнаго мученія, была легка. Вотъ Кирсановъ былъ уже во второй разъ у Лопуховыхъ, черезъ недѣлю по окончаніи леченія Дмитрія Сергѣича, вотъ онъ посидитъ часовъ до 9-ти: довольно, благовидность соблюдена; въ слѣдующій разъ онъ будетъ у нихъ черезъ двѣ недѣли: удаленіе почти исполнилось. А теперь надобно посидѣть еще съ часъ. А въ эту недѣлю, ужъ на половину заглушено развитіе страсти; черезъ мѣсяцъ, все пройдетъ. Онъ очень доволенъ. Онъ участвуетъ въ разговорѣ такъ непринужденно, что самъ радуется своимъ успѣхамъ, и отъ этого довольства непринужденность его еще увеличивается.

Лопуховъ собирался завтра выйти въ первый разъ изъ дому. Вѣра Павловна была отъ этого въ особенно хорошемъ расположеніи духа, радовалась чуть ли не больше, да и навѣрное больше, чѣмъ самъ бывшій больной. Разговоръ коснулся болѣзни, смѣялись надъ нею, восхваляли шутивнымъ тономъ супружескую самоотверженность Вѣры Павловны, чуть-чуть не разстроившей своего здоровья тревогою изъ-за того, чѣмъ не стоило тревожиться. „Смѣйтесь, смѣйтесь,—говорила она:—но вѣдь я знаю, у васъ самихъ не было бы силы поступить иначе на моемъ мѣстѣ“.

— А какое вліяніе имѣетъ на человѣка заботливость другихъ,—сказалъ Лопуховъ: вѣдь онъ и самъ отчасти подвергается обольщенію, что ему нужна, Богъ знаетъ, какая осторожность, когда видитъ, что изъ-за него тревожатся. Вѣдь вотъ я могъ бы выходить изъ дому уже дня три, а все продолжалъ сидѣть. Нынѣ поутру хотѣлъ выйти, и еще отложить на день для большей безопасности.

— Да, тебѣ давно можно выходить,—подтвердилъ Кирсановъ.

— Вотъ это я называю геройствомъ, и правду сказать, страшно надоѣло оно: сейчасъ бы такъ и убѣжалъ.

— Милый мой, вѣдь это ты для моего успокоенія геройствовалъ. А убѣжимъ сейчасъ же, въ самомъ дѣлѣ, если тебѣ такъ хочется поскорѣе кончить карантинъ. Я скоро пойду на полчаса въ мастерскую. Отправимтесь всѣ вмѣстѣ: это будетъ съ твоей стороны очень мило, что ты первый визитъ послѣ болѣзни сдѣлаешь нашей компаніи. Она замѣтитъ это и будетъ очень рада такой внимательности.

— Хорошо, отправимся вмѣстѣ,—сказалъ Лопуховъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ, что подышать свѣжимъ воздухомъ нынѣ же.

— Вотъ хозяйка съ тактомъ,—сказала Вѣра Павловна,—и не подумала, что у васъ, Александръ Матвѣичъ, можетъ вовсе не быть желанія идти съ нами.

— Нѣтъ, это очень любопытно, я давно собирался. Ваша мысль счастлива.

Точно, мысль Вѣры Павловны была удачна. Дѣвушки дѣйствительно были очень довольны, что Лопуховъ сдѣлалъ имъ первый визитъ послѣ болѣзни. Кирсановъ дѣйствительно очень интересовался мастерскою: да и нельзя было не интересоваться ею человѣку съ его образомъ мыслей. Еслибъ особенная причина не удерживала его, онъ съ самаго начала былъ бы однимъ изъ усердныхъ преподавателей въ ней. Полчаса, можетъ быть, часъ, пролетѣло незамѣтно. Вѣра Павловна водила его по разнымъ комнатамъ, показывала все. Они возвращались изъ столовой въ рабочія комнаты, когда къ Вѣрѣ Павловнѣ подошла дѣвушка, которой не было въ рабочихъ комнатахъ. Дѣвушка и Кирсановъ взглянули другъ на друга: — „Настенька!“ — „Саша!“ — и обнялись.

— Сашенька, другъ мой, какъ я рада, что встрѣтила тебя!—дѣвушка все цаловала его, и смѣялась, и плакала. Опомнившійся отъ радости, она сказала: — нѣтъ, Вѣра Павловна, о дѣлахъ ужъ не буду говорить теперь. Не могу разстаться съ нимъ. Пойдемъ, Сашенька, въ мою комнату.

Кирсановъ былъ не меньше ея радъ. Но Вѣра Павловна замѣтила и много печали въ первомъ же взглядѣ его, какъ онъ узналъ ее. Да это было и не мудрено: у дѣвушки была чахотка въ послѣдней степени развитія.

Крюкова поступила въ мастерскую съ годъ тому назадъ, уже очень больная. Еслибъ она оставалась въ магазинѣ, гдѣ была до той поры, она ужъ давно умерла бы отъ швейной работы. Но въ мастерской нашлась для нея возможность прожить нѣсколько подольше. Дѣвушки совершенно освободили ее отъ питья: можно было найти довольно другого, не вреднаго занятія для нея; она замѣнила половину дежурствъ по мелкимъ надобностямъ швейной, участвовала въ завѣдываніи разными кладовыми, принимала заказы, и никто не могъ сказать, что Крюкова менѣе другихъ полезна въ мастерской.

Лопуховы ушли, не дождавшись конца свиданія Крюковой съ Кирсановымъ.

XIII.

Разсказъ Брюковой.

На другой день рано поутру Брюкова пришла къ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Я хочу поговорить съ вами о томъ, что вы вчера видѣли, Вѣра Павловна, — сказала она; она нѣсколько времени затруднялась, какъ ей продолжать: — мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы дурно подумали о немъ, Вѣра Павловна.

— Что это, какъ вы сами дурно думаете обо мнѣ, Настасья Борисовна.

— Нѣтъ, еслибъ это была не я, а другая, я бы не подумала этого. А вѣдь я, вы знаете, не такая, какъ другія.

— Нѣтъ, Настасья Борисовна, вы не имѣете права такъ говорить о себѣ. Мы знаемъ васъ годъ; да и прежде васъ знали многія изъ нашего общества.

— Такъ, я вижу, вы ничего обо мнѣ не знаете?

— Нѣтъ, какъ же, я знаю очень много. Вы были служанкою. — въ послѣднее время у актрисы N.; когда она вышла замужъ, вы отошли отъ нея, чтобъ уйти отъ отца ея мужа, поступили въ магазинъ N., изъ котораго перешли къ намъ; я знаю это со всѣми подробностями.

— Конечно, за Максимову и Шейну, которыя знали, что со мною было прежде, я была увѣрена, что онѣ не станутъ разсказывать. А все-таки, я думала, что могло какъ-нибудь со стороны дойти до васъ или до другихъ. Ахъ, какъ я рада, что онѣ ничего не знаютъ! А вамъ я все-таки скажу, чтобы вы знали, какой онъ добрый. Я была очень дурная дѣвушка, Вѣра Павловна.

— Вы, Настасья Борисовна?

— Да, Вѣра Павловна, была. И я была очень дерзкая, у меня не было никакого стыда, и я была всегда пьяная — у меня оттого и болѣзнь, Вѣра Павловна, что, при своей слабой груди, я слишкомъ много пила.

Вѣрѣ Павловнѣ уже раза три случалось видѣть такіе примѣры. Дѣвушки, которыя держали себя безукоризненно съ тѣхъ поръ, какъ начиналось ея знакомство съ ними, говорили ей, что прежде когда-то вели дурную жизнь. На первый разъ она была изумлена такою исповѣдью; но подумавъ надъ нею нѣсколько дней, она разсудила: „а моя жизнь? — грязь, въ которой я выросла, вѣдь тоже была очень дурна: однакоже, не приехала она ко мнѣ, и остаются же чисты отъ нея тысячи женщинъ, выросшихъ въ семействахъ не лучше моего. Чтожъ особеннаго, если изъ этого униженія также могутъ выходить неиспорченными тѣ, которымъ поможетъ счастливый случай избавиться отъ него? Вторую исповѣдь она слушала уже не изумляясь тому, что дѣвушка, ее дѣлавшая, сохранила всѣ благородныя свойства человѣка: и безкорыстіе, и способность къ вѣрной дружбѣ, и мягкость души, — сохранила даже довольно много наивности.

— Настасья Борисовна, я имѣла такіе разговоры, какой вы хотите начать. И той, которая говорить, и той, которая слушаетъ, — обѣимъ тяжело. Я васъ буду уважать не меньше, скорѣе, больше прежняго, когда знаю теперь, что вы много перенесли, но я понимаю все, и не слышавъ. Не будемъ говорить объ этомъ: передо мною не нужно объясняться. У меня самой много лѣтъ

прошло тоже въ большихъ огорченіяхъ; я стараюсь не думать о нихъ и не люблю говорить о нихъ,—это тяжело.

— Нѣтъ, Вѣра Павловна, у меня другое чувство. Я вамъ хочу сказать, какой онъ добрый; мнѣ хочется, чтобы кто-нибудь зналъ, какъ я ему обязана, а кому сказать, кромѣ васъ? Мнѣ это будетъ облегченіе. Какую жизнь я вела, объ этомъ, разумѣется, нечего говорить,—она у всѣхъ такихъ бѣдныхъ одинакая. Я хочу сказать только о томъ, какъ я съ нимъ познакомилась. Объ немъ такъ пріятно говорить мнѣ; и вѣдь я переѣзжаю къ нему жить,—надобно же вамъ знать, почему я бросаю мастерскую.

— Если для васъ этотъ разсказъ будетъ пріятенъ, Настасья Борисовна, я рада слушать. Позвольте же, я возьму работу.

— Да, а вотъ мнѣ и работать нельзя. Какія добрыя эти дѣвушки, находили мнѣ занятіе по моему здоровью. Я ихъ всѣхъ буду благодарить, каждую. Скажите и вы имъ, Вѣра Павловна, что я васъ просила благодарить ихъ за меня.

„Я ходила по Невскому, Вѣра Павловна: только еще вышла, было еще рано; идетъ студентъ, я привязалась къ нему. Онъ ничего не сказалъ, а перешелъ на другую сторону улицы. Смотрить, я опять подбѣгаю къ нему, схватила его за руку.— „Нѣтъ, я говорю, я не отстану отъ васъ, вы такой хорошенькій.“ — „А я васъ прошу объ этомъ, оставьте меня“, онъ говоритъ.— „Нѣтъ, пойдемте со мной.“ — „Незачѣмъ.“ — „Ну, такъ я съ вами пойду. Вы куда идете? Я ужъ отъ васъ ни за что не отстану.— Вѣдь я была такая безстыдная, хуже другихъ.“

— Оттого, Настасья Борисовна, что, можетъ быть, на самомъ-то дѣлѣ были застѣнчивы, совѣстились.

— Да, это можетъ быть. По крайней мѣрѣ, на другихъ я это видѣла,— не тогда, разумѣется, а послѣ поняла. Такъ когда я ему сказала, что непременно пойду съ нимъ, онъ засмѣялся и сказалъ: „когда хотите, идите: только напрасно будетъ“,—хотѣлъ проучить меня, какъ послѣ сказалъ: ему было досадно, что я пристаю. Я и пошла, и говорила ему всякій вздоръ; онъ все молчалъ. Вотъ мы пришли. По студенческому, онъ ужъ и тогда жилъ хорошо, получалъ отъ уроковъ рублей 20 въ мѣсяцъ, и жилъ тогда одинъ. Я развалилась на диванъ и говорю: „ну, давай вина.“ Нѣтъ, говоритъ, вина я вамъ не дамъ, а чай пить, пожалуй, давайте“. „Съ пуншемъ“, я говорю. „Нѣтъ, безъ пунша“. Я стала дѣлать глупости, безстыдничать. Онъ сидитъ, смотритъ, но не обращаетъ никакого вниманія: такъ обидно. Теперь встрѣчаются такіе молодые люди, Вѣра Павловна, — молодые люди много лучше стали съ того времени, а тогда это было диковиной. Мнѣ стало даже обидно, я начала ругать его: „когда ты такой деревянный—и выругала его,—такъ я уйду“. — „Теперь что жъ уходить, онъ говоритъ, ужъ напейтесь чаю: хозяйка сейчасъ принесетъ самоваръ. Только не ругайтесь“. И все говорилъ мнѣ „вы“. — „Вы лучше разскажите-ка мнѣ, кто вы, и какъ это съ вами случилось“. — Я ему стала разсказывать, что про себя выдумала: вѣдь мы сочиняемъ себѣ разныя исторіи, и отъ этого никому изъ насъ не вѣрятъ; а въ самомъ дѣлѣ есть такія, у которыхъ эти исторіи не выдуманныя: вѣдь между нами бываютъ и благородныя, и образованныя. Онъ послушалъ и говоритъ: „нѣтъ, у васъ плохо при-

думано; я бы вотъ и хотѣлъ вѣрить, да нельзя“. А мы ужъ пили чай. Вотъ онъ и говоритъ: „а знаете, что я по вашему сложенію вижу: что вамъ вредно пить; у васъ отъ этого чуть ли грудь-то ужъ не разстроена. Дайте-ка, я васъ осмотрю“. Что же, Вѣра Павловна, вы не повѣрите, вѣдь мнѣ стыдно стало, — а въ чемъ моя жизнь была, да передъ этимъ какъ я безстыдничала! И онъ это замѣтилъ, — „да нѣтъ, говоритъ, вѣдь только грудь послушать“. Онъ тогда еще во 2-мъ курѣ былъ, а ужъ много зналъ по медицинѣ, онъ впередъ заходилъ въ наукахъ. Сталъ слушать грудь. „Да, говоритъ, вамъ вовсе не годится пить, у васъ грудь плоха“. — „А какъ же намъ не пить? говорю: — намъ безъ этого нельзя“. И точно, нельзя, Вѣра Павловна. — „Такъ вы бросьте такую жизнь“. — „Стану я бросать! Вѣдь она веселая!“ — „Ну, говоритъ, мало веселья. — Ну, говоритъ, я теперь дѣломъ займусь, а вы идите.“ — И ушла я, разсерженная, что вечеръ пропалъ даромъ; да и обидно мнѣ было, что онъ такой безчувственный: вѣдь тоже своя амбиція у насъ въ этомъ. Вотъ, черезъ мѣсяцъ случилось мнѣ быть въ тѣхъ мѣстахъ: дай, думаю, зайду къ этому деревянному, потѣшусь надъ нимъ. А это было передъ обѣдомъ: я съ ночи-то выспалась и не была пьяная. Онъ сидѣлъ съ книгою. — „Здравствуй, деревянный“. — „Здравствуйте, что скажете?“ Я опять стала дѣлать глупости. — „Я, говоритъ, васъ прогону, перестаньте, я вамъ говорилъ, что не люблю этого. Теперь вы не пьяная, можете понимать. А вы лучше вотъ что подумайте: лицо-то у васъ больнѣе прежняго, вамъ надо бросить вино. Поправьте одежду-то, да поговоримъ хорошенько!“ А у меня, точно, грудь ужъ начинала болѣть. Онъ опять слушалъ, сказалъ, что разстроена больше прежняго, много говорилъ; да и грудь-то у меня болѣла, — я и расчувствовалась, заплакала: вѣдь умирать-то не хотѣлось, а онъ все чахоткой пугалъ. И я говорю: „какъ же я такую жизнь брошу? Меня хозяйка не выпуститъ — я ей 17 цѣлковыхъ должна“. Вѣдь насъ всегда въ долгу держать, чтобы мы были безответны. — „Ну, говоритъ, у меня 17 цѣлковыхъ не наберется, а послѣ завтра приходите“. Такъ это странно мнѣ показалось, вѣдь я вовсе не къ тому сказала: да и какъ же этого ждать было? да я и ушамъ своимъ не вѣрила, расплакалась еще больше, думала, что это онъ надо мною насмѣхается: „грѣшно вамъ обижать бѣдную дѣвушку, когда видите, что я плачу“; и долго ему не вѣрила, когда онъ сталъ увѣрить, что говоритъ не въ шутку. И что вы думаете? — вѣдь набралъ денегъ и отдалъ мнѣ черезъ два дня. Мнѣ и тутъ все еще какъ будто не вѣрилось. „Да какъ же, говорю, да за что же, когда вы не хотите имѣть со мною дѣла?“ Выкупила отъ хозяйки, наняла особую комнату. Но дѣлать мнѣ было нечего: вѣдь у насъ особые билеты. — куда я съ такимъ билетомъ покажусь? А денегъ нѣтъ. Я и жила попрежнему. — то-есть не попрежнему: какое сравненіе. Вѣра Павловна! Вѣдь я къ себѣ ужъ принимала только своихъ знакомыхъ, хорошихъ, такихъ, которые не обижали. И вина у меня не было. Потому, какое же сравненіе. И, знаете, мнѣ ужъ это легко было передъ прежнимъ. Только пѣтъ, все-таки тяжело; и что я вамъ скажу: вы подумаете, потому тяжело, что у меня было много пріятелей, человѣкъ пять, — нѣтъ, вѣдь я къ нимъ во всемъ имѣла расположеніе, такъ это мнѣ было ничего. Вы меня простите, что я такъ говорю, только я съ вами откровенна: я и теперь такъ думаю. Вы меня знаете, нескромная ли я теперь; кто теперь слышалъ отъ меня

что-нибудь, кромѣ самаго хорошаго? Вѣдь я въ мастерской сколько вожусь съ дѣтьми, и всѣ меня любятъ, и старухи не скажутъ, чтобы я не учила ихъ самому хорошему. Только я съ вами откровенна, Вѣра Павловна, я и теперь такъ думаю: если расположеніе имѣешь, это все равно, когда тутъ нѣтъ обману: другое дѣло, если бы обманъ былъ.

„Вотъ я такъ и жила. Прошло мѣсяца три, и много ужъ отдохнула я въ это время, потому что жизнь моя уже была спокойная, и хоть я совѣстилась по причинѣ денегъ, но дурной дѣвушкою себя ужъ не считала.

„Только, Вѣра Павловна, Сашенька бывалъ у меня въ это время, и я его навѣщала. Вотъ я и опять къ тому подошла, о чемъ объ одномъ надобно было говорить. Только онъ не за тѣмъ меня навѣщалъ, какъ другіе, а такъ, наблюдалъ за мною, чтобы я опять не возвратилась къ своей прежней слабости, не пила бы вина. И точно, въ первые дни онъ меня поддержалъ, потому что меня тянуло къ вину. А его я совѣстилась: ну, какъ онъ зайдетъ, да увидеть. И должно быть, что я безъ того не устояла бы, потому что мои пріятели, хорошіе люди, говорили: „я пошлю за виномъ“. А какъ я его совѣстилась, я говорила:—нѣтъ, никакъ нельзя. А то соблазнилась бы: одной этой мысли, что вино мнѣ вредно, не было бы довольно. Потомъ, недѣли черезъ три, я и сама укрѣпилась: позывъ къ вину прошелъ, и ужъ я отвыкла отъ пьянаго обращенія. И я все собирала деньги, чтобъ ему отдать, мѣсяца черезъ два и отдала всѣ. Онъ былъ такъ радъ, что я ему отдала. На другой день онъ принесъ мнѣ кисей на платье, другихъ вещей мнѣ на эти деньги купилъ. Вотъ онъ бывалъ и послѣ этого, все такъ же, будто докторъ за больнымъ смотритъ. А потомъ, съ мѣсяцъ послѣ того, какъ я съ нимъ расплатилась, онъ тоже сидѣлъ у меня, и сказалъ: „Вотъ теперь, Настенька, вы мнѣ стали нравиться“. И точно: отъ вина лицо портится, и это не могло вдругъ пройти, а тогда ужъ прошло, и цвѣтъ лица у меня сталъ пѣжный, и глаза стали ясные; и опять то, что я отъ прежняго обращенія отвыкла, стала говорить скромно, знаете, мысли у меня скоро стали скромныя, когда я перестала пить, а въ словахъ я еще путалась и держала себя иногда въ забывчивости, по прежнему неряшеству; а къ этому времени я ужъ попри- выкла и держать себя и говорить скромнѣе. Какъ онъ это сказалъ, что я стала ему нравиться, я такъ обрадовалась, что хотѣла къ нему на шею броситься, да не поспѣла, остановилась. А онъ сказалъ: — „Вотъ видите, Настенька, я не безчувственный“. И говорилъ, что я стала хорошенькая и скромная, и сталъ ласкать меня,—и какъ же ласкать? взялъ руку и положилъ на свою, и сталъ гладить другою рукою; и смотритъ на мою руку; а точно, руки у меня въ это время ужъ были бѣлыя, пѣжныя... Такъ вотъ, какъ онъ взялъ мою руку,— вы не повѣрите, я такъ и покраснѣла: послѣ моей-то жизни, Вѣра Павловна, будто невинная барышня—вѣдь это странно, а такъ было. Но при всемъ моемъ стыдѣ,—смѣшно сказать, Вѣра Павловна: при моемъ стыдѣ, а вѣдь это правда.— я все-таки сказала: „какъ это вы захотѣли приласкать меня, Александръ Матвѣичъ?“ А онъ сказалъ: „Потому, Настенька, что вы теперь честная дѣвушка“. И эти слова, что онъ называлъ меня честною дѣвушкою, такъ меня обрадовали, что я залилась слезами. А онъ сталъ говорить: „Что это съ вами, Настенька!“ и поцаловалъ меня; что же вы думаете? Отъ этого поцалуя у меня голова

закружилась, я память потеряла; можно ли этому повѣрить, Вѣра Павловна, чтобы это могло быть послѣ такой моей жизни?

„Вотъ, на другое утро сижу я и плачу, что мнѣ теперь дѣлать бѣдной, какъ я жить стану? Только мнѣ и остается, что въ Неву броситься. Чувствую: не могу я дѣлать того, чѣмъ жила; зарѣжьте меня, съ голоду буду умирать, не стану дѣлать. Видите, значитъ, у меня давно была къ нему любовь, но какъ онъ не показывать ко мнѣ никакого чувства, и надежды у меня не было, чтобы я могла ему понравиться, то эта любовь и замирала во мнѣ, и я сама не понимала, что она во мнѣ есть. А теперь это все и обнаружилось. А это разумѣется, что когда такую любовь чувствуешь, какъ же можно на кого-нибудь и смотрѣть, кромѣ того, кого любишь. Это вы по себѣ чувствуете, что нельзя. Тутъ ужъ все пронападаетъ, кромѣ одного человѣка. Вотъ, сижу я и плачу: что я теперь буду дѣлать, нечѣмъ мнѣ жить. Ужъ я и въ самомъ дѣлѣ думала: пойду къ нему, увижусь еще разъ съ нимъ, да пойду послѣ того и утоплюсь. Такъ все утро проплакала. Только вдругъ вижу, онъ вошелъ, и бросился меня целовать, и говоритъ: „Настенька, хочешь со мною жить.“ И я сказала, что я думала. И стали мы съ нимъ жить.

„Вотъ было счастливое время, Вѣра Павловна; я думаю, мало кто такимъ счастьемъ пользовался. И все-то онъ на меня любовался! Сколько разъ случалось: проснусь, а онъ сидитъ за книгой, потомъ и подойдетъ посмотрѣть на меня, да такъ и забудется, все сидитъ да смотритъ. Но только какой онъ былъ скромный, Вѣра Павловна; вѣдь ужъ я послѣ могла понимать, вѣдь я стала читать, узнала, какъ въ романахъ любовь описываютъ, могла судить. Но только, при всей скромности, ужъ какъ онъ любовался на меня! И какое въ это время чувство, когда любимый человѣкъ на тебя любитъ: это такая радость, о какой и понятія нельзя имѣть. Ужъ на что, когда онъ меня въ первый разъ поцеловалъ: у меня даже голова закружилась, я такъ и опустилась къ нему на руки, кажется, сладкое должно быть чувство, но не то, все не то. То, знаете, кровь кипитъ, тревожно что-то, и въ сладкомъ чувствѣ есть какъ будто какое-то мученье, такъ что даже тяжело это, хотя нечего и говорить, какое это блаженство, что за такую минуту можно, кажется, жизнью пожертвовать,—да и жертвуютъ, Вѣра Павловна: значитъ, большое блаженство, а все не то, совсѣмъ не то. Это все равно, какъ если когда замечтаешься, сидя одна, просто думаешь: „ахъ, какъ я его люблю“, такъ вѣдь тутъ ужъ ни тревоги, ни боли никакой нѣтъ въ этой пріятности, а такъ ровно, тихо чувствуешь, такъ вотъ то же самое, только въ тысячу разъ сильнѣе, когда этотъ любимый человѣкъ на тебя любитъ: и какъ это спокойно чувствуешь, а не то что сердце стучитъ, нѣтъ, это ужъ тревога была бы, этого не чувствуешь, а только оно какъ-то ровнѣе, и съ пріятностью, и такъ мягко бьется, и грудь шире становится, дышется легче, вотъ это такъ, это самое вѣрное: дышать очень легко. Ахъ, какъ легко! такъ что и часъ, и два пролетятъ, будто одна минута, нѣтъ, ни минуты, ни секунды нѣтъ, вовсе времени нѣтъ, все равно, какъ уснешь, и проснешься: проснешься — знаешь, что много времени прошло съ той поры, какъ уснулъ; а какъ это время прошло? — и ни одного мига не составило; и тоже опять все равно, какъ послѣ сна: не то что утомленье, а напротивъ, свѣжесть, бодрость, будто отдохнулъ; да такъ и есть,

что отдохнулъ: я сказала „очень легко дышать“, это и есть самое настоящее. Какая сила во взглядѣ, Вѣра Павловна: никакія другія ласки такъ не ласкаютъ и не даютъ такой нѣги, какъ взглядъ. Все остальное, что есть въ любви, все не такъ нѣжно, какъ эта нѣга.

„И все, бывало, любитесь, все, бывало, любитесь. Ахъ, что это за наслажденіе такое! Этого никто не можетъ представить, кто не испытывалъ. Да вы это знаете, Вѣра Павловна.

„И какъ это не устанетъ онъ цловать глаза, руки, потомъ станетъ цловать грудь, ноги, всю, и вѣдь мнѣ не стыдно: а вѣдь я и тогда была потомъ ужъ такая же, какъ теперь. Вы знаете, Вѣра Павловна, вѣдь я и женскаго взгляда стыжусь, право; наши дѣвушки скажутъ вамъ, какая я застѣнчивая, вѣдь я потому и живу въ особой комнатѣ. А какъ же это странно, вы не повѣрите, что когда онъ на меня любитесь и цалуетъ, мнѣ вовсе не было стыдно, а только такъ пріятно, и такъ легко дышется; отчего жъ это, Вѣра Павловна, что я своихъ дѣвушекъ стыжусь, а его взгляда мнѣ не стыдно? Это, я думаю, не отъ того ли, что вѣдь онъ мнѣ ужъ и не казался другимъ человѣкомъ, а какъ будто мы оба одинъ человѣкъ; это какъ будто не онъ на меня смотритъ, а я сама на себя смотрю, это не онъ меня цалуетъ, а я сама себя цалую,—право, такъ мнѣ представлялось; оттого мнѣ и не стыдно. Да вы это знаете, вамъ не нужно этого рассказывать. А только, какъ подумаешь объ этомъ, то не можешь оторваться отъ этой мысли. Нѣтъ, я ужъ уйду, Вѣра Павловна, больше и говорить ни о чемъ нельзя. Я только хотѣла сказать, какой Сашенька добрый“.

XIV.

Крюкова досказала Вѣрѣ Павловнѣ свою исторію уже въ другіе дни. Они съ Кирсановымъ прожили около двухъ лѣтъ. Признаки начинавшейся болѣзни какъ будто исчезли. Но въ концѣ второго года, когда пришла весна, чахотка вдругъ обнаружилась уже въ сильномъ развитіи. Жить съ Кирсановымъ значило бы Крюковой обрекать себя на скорую смерть. Отказавшись отъ этой связи, она могла еще рассчитывать, что болѣзнь опять заглохнетъ надолго. Они рѣшились разстаться. Заниматься какою-нибудь усидчивою работою также значило бы губить себя. Надобно было искать должности экономки, горничной, няньки, — что-нибудь такое, — и у такой госпожи, при которой не было бы утомительныхъ обязанностей, да не было бы—это главное—и непріятностей: условія довольно рѣдкія. Но нашлось такое мѣсто. У Кирсанова были знакомства между начинающими артистами; черезъ нихъ Крюкова опредѣлилась въ горничныя къ одной изъ актрисъ русскаго театра, отличной женщинѣ. Долго разставались они съ Кирсановымъ, и не могли разстаться: „завтра отправляюсь на свою должность“, и одно завтра проходило за другимъ: плакали, плакали, и все сидѣли обнявшись, пока уже сама актриса, зная, по какому случаю поступаетъ къ ней горничная, пріѣхала за нею сама: догадалась, почему горничная долго не является, и увезла ее отъ продленія разлуки, вреднаго для нея.

Пока актриса оставалась на сценѣ, Крюковой было очень хорошо жить у ней: актриса была женщина деликатная, Крюкова дорожила своимъ мѣ-

стомъ—другое такое трудно было бы найти, — зато, что не имѣть непріятностей отъ госпожи, Крюкова привязалась и къ ней, актриса, увидѣвъ это, стала еще добрѣе. Крюковой было очень спокойно, и болѣзнь ея не развивалась или почти не развивалась. Но актриса вышла замужъ, покинула сцену, поселилась въ семействѣ мужа. Тутъ, какъ уже и прежде слышала Вѣра Павловна, отецъ мужа актрисы сталъ привязываться къ горничной; добродѣтель Крюковой, положимъ, и не подвергалась искушенію, но началась домашняя ссора: бывшая актриса стала стыдить старика, старикъ сталъ сердиться, Крюкова не хотѣла быть причиною семейнаго раздора, да еслибъ и хотѣла, ужь не имѣла спокойной жизни на прежней должности, и бросила ее.

Это было года черезъ два съ половиною послѣ разлуки съ Кирсановымъ. Она уже вовсе не видѣлась съ нимъ въ это время. Сначала онъ навѣщалъ ее; но радость свиданья такъ вредно дѣйствовала на нее, что онъ вытребовалъ у нея позволеніе не бывать у ней, для ея же пользы. Крюкова пробовала жить горничною еще въ двухъ, трехъ семействахъ; но вездѣ было столько тревогъ и непріятностей, что ужь лучше было поступить въ швей, хоть это и было прямымъ обреченіемъ себя на быстрое развитіе болѣзни; вѣдь болѣзнь все равно развивалась бы и отъ непріятностей, — лучше же подвергаться той же судьбѣ безъ огорченій, только отъ одной работы. Годъ швейной работы окончательно подрѣзалъ Крюкову. — Когда она поступила въ мастерскую Вѣры Павловны, Лопуховъ, бывшій тамъ домашнимъ врачомъ, дѣлалъ все возможное, чтобы задержать ходъ чахотки, едѣлалъ много, то-есть, много по трудности того небольшого успѣха, который получилъ; но развязка приближалась.

Крюкова до послѣдняго времени находилась въ обыкновенномъ заблужденіи чахоточныхъ, воображая, что ея болѣзнь еще не слишкомъ развилась, потому и не отыскивала Кирсанова, чтобы не вредить себѣ. Но уже мѣсяца два она очень настойчиво допрашивала Лопухова, долго ли ей остается жить. Зачѣмъ это нужно знать ей, она не сказывала, и Лопуховъ не почелъ себя въ правѣ прямо говорить ей о близости кризиса, не видя въ ея вопросахъ ничего, кромѣ обыкновенной привязанности къ жизни. Онъ успокоивалъ ее. Но она, какъ чаще всего случается, не успокоивалась, а только удерживалась отъ исполненія того, что могло доставить отраду ея концу; сама она видѣла, что ей не долго жить, и чувства ея опредѣлялись этою мыслью, но медики увѣряли ее, что она еще должна беречь себя; она знала, что должна вѣрить ему больше, чѣмъ себѣ, потому слушалась и не отыскивала Кирсанова.

Конечно, это недоразумѣніе не могло бы быть продолжительно; но мѣрѣ приближенія развязки, разспросы Крюковой дѣлались бы настойчивѣе; она или высказала бы, что у ней есть особенная причина знать истину, или Лопуховъ или Вѣра Павловна догадались бы, что есть какая-то особенная надобность въ ея разспросахъ, и двумя, тремя недѣлями, быть можетъ, нѣсколькими днями позже, дѣло все-таки пришло бы къ тому же, къ чему пришло нѣсколько раньше, благодаря неожиданному для Крюковой появленію Кирсанова въ мастерской. Но теперь недоразумѣніе было прекращено не дальнѣйшимъ ходомъ разспросовъ, а этимъ случайнымъ обстоятельствомъ.

— Какъ я рада, какъ я рада! вѣдь я все собиралась къ тебѣ, Сашенька! — съ восторгомъ сказала Крюкова, когда ввела его въ свою комнату.

— Да, Настенька, и я не меньше тебя радъ; теперь не разстанемся; переѣзжай жить ко мнѣ,—сказалъ Кирсановъ, увлеченный чувствомъ сострадательной любви, и сказавши, тотчасъ же вспомнилъ: какъ же я сказалъ ей это? вѣдь она, вѣроятно, еще не догадывается о близости кризиса?

Но она или не поняла въ первую минуту того смысла, который выходилъ изъ его словъ, или поняла, но не до того ей было, чтобы обращать вниманіе на этотъ смыслъ, и радость о возобновленіи любви заглушила въ ней скорбь о близкомъ концѣ,—какъ бы то ни было, но она только радовалась и говорила: какой ты добрый, ты все попрежнему любишь меня.

Но когда онъ ушелъ, она поплакала; только теперь она или поняла, или могла замѣтить, что поняла смыслъ возобновленія любви, что „мнѣ теперь ужъ нечего беречь тебя, не сбережешь; по крайней мѣрѣ, пусть ты порадуешься“.

И дѣйствительно, она порадовалась; онъ не отходилъ отъ нея ни на минуту, кромѣ тѣхъ часовъ, которые долженъ былъ проводить въ госпиталѣ и академіи; такъ прожила она около мѣсяца, и все время были они вмѣстѣ, и сколько было разсказовъ, разсказовъ обо всемъ, что было съ каждымъ во время разлуки, и еще больше было воспоминаній о прежней жизни вмѣстѣ, и сколько было удовольствій: они гуляли вмѣстѣ, онъ нанялъ коляску, и они каждый день цѣлый вечеръ ѣздили по окрестностямъ Петербурга, и восхищались ими; человѣку такъ мила природа, что даже этою жалкою, презрѣнною, хоть и стоившею миллионы и десятки миллионовъ природою петербургскихъ окрестностей радуются люди; они читали, они играли въ дурачки, они играли въ лото, она даже стала учиться играть въ шахматы, какъ будто имѣла время выучиться.

Вѣра Павловна нѣсколько разъ просиживала у нихъ поздніе вечера, по ихъ возвращеніи съ гулянья, а еще чаще заходила по утрамъ, чтобы развлечь ее, когда она оставалась одна; и когда онѣ были однѣ вдвоемъ, у Крюковой только одно и было содержаніе длинныхъ, страстныхъ разсказовъ,—какой Сашенька добрый, и какой нѣжный, и какъ онъ любитъ ее!

XV.

Прошло мѣсяца четыре. Заботы о Крюковой, потомъ воспоминанія о ней обманули Кирсанова: ему казалось, что теперь онъ безопасенъ отъ мыслей о Вѣрѣ Павловнѣ; онъ не избѣгалъ ея, когда она, навѣщая Крюкову, встрѣчалась и говорила съ нимъ, и потомъ, когда она старалась развлечь его. Пока онъ грустилъ, оно и точно, въ его сознательныхъ чувствахъ къ Вѣрѣ Павловнѣ не было ничего, кромѣ дружеской признательности за ея участіе.

Но — читатель уже знаетъ впередъ смыслъ этого „но“, какъ и всегда будетъ впередъ знать, о чемъ будетъ разсказываться послѣ страницъ, имъ прочтенныхъ,—но, разумѣется, чувство Кирсанова къ Крюковой при ихъ второй встрѣчѣ было вовсе не то, какъ было у Крюковой къ нему: любовь къ ней давнымъ давно прошла въ Кирсановѣ; онъ только остался расположенъ къ ней, какъ къ женщинѣ, которую когда-то любилъ. Препятствіе любви его къ ней была только жадной юноши, полюбивъ кого-нибудь, хотъ кого-нибудь. Разумѣется, Крюкова

была ему не пара, потому что они не были пара между собою по развитію. Когда онъ пересталъ быть юношею, онъ могъ только жалѣть Крюкову, не больше; могъ быть нѣженъ къ ней по воспоминанію, по состраданію, — и только. Грусть его по ней въ сущности очень скоро сгладилась; но когда грусть разсѣялась на самомъ дѣлѣ, ему все еще помнилось, что онъ занять этою грустью, а когда онъ замѣтилъ, что уже не имѣетъ грусти, а только вспоминаетъ о ней, онъ увидѣлъ себя въ такихъ отношеніяхъ къ Вѣрѣ Павловнѣ, что нашель, что попалъ въ большую бѣду.

Вѣра Павловна старалась развлекать его, и онъ поддавался этому, считая себя безопаснымъ, или, лучше сказать, и не вспоминая, что вѣдь онъ любить Вѣру Павловну, не вспоминая, что, поддаваясь ея заботливости, онъ идетъ на бѣду. Да и что же было теперь, черезъ два, три мѣсяца послѣ того, какъ Вѣра Павловна стала развлекать его отъ грусти по Крюковой? Ничего больше, кромѣ того, что онъ все это время почти каждый вечеръ или проводилъ у Лопуховыхъ, или провожалъ куда-нибудь Вѣру Павловну, провожалъ часто вмѣстѣ съ мужемъ, чаще — одинъ. Только и было. Но этого было слишкомъ довольно, и для нея, не только для него.

Какой былъ теперь характеръ дня Вѣры Павловны? До вечера тотъ же самый, какъ и прежде. Но вотъ 6 часовъ. Бывало, она въ это время идетъ одна въ свою мастерскую, или сидитъ въ своей комнатѣ и работаетъ одна. А теперь, если ей нужно быть въ мастерской вечеромъ, объ этомъ уже накануне сказано Кирсанову, и онъ является провожать ее. По дорогѣ туда и оттуда, впрочемъ, очень не дальней, они толкуютъ о чемъ-нибудь, обыкновенно о мастерской: Кирсановъ самый дѣятельный ея помощникъ по мастерской. Тамъ она занята распоряженіями, и у него тоже много дѣла: развѣ мало набирается у тридцати дѣвушекъ справокъ и порученій, которыя удобнѣе всего исполнить ему? А между этихъ дѣлъ онъ сидитъ, болтаетъ съ дѣтми: тутъ же нѣсколько дѣвушекъ участвуютъ въ этомъ разговорѣ обо всемъ на свѣтѣ, — и о томъ, какъ хороши арабскія сказки „Тысяча и одна ночь“, изъ которыхъ онъ много уже рассказалъ, и о бѣлыхъ слонахъ, которыхъ такъ уважаютъ въ Индіи, какъ у насъ многіе любятъ бѣлыхъ кошекъ: половина компаніи находятъ, что это безвкусіе, — бѣлые слоны, кошки, лошади — все это альбиносы, болѣзненная порода, по глазамъ у нихъ видно, что они не имѣютъ такого отличнаго здоровья, какъ цвѣтныя; другая половина компаніи отстаиваетъ бѣлыхъ кошекъ. А не знаете ли вы чего-нибудь поподробнѣе о жизни самой г-жи Бичеръ-Стоу, романъ которой мы всѣ знаемъ по вашимъ рассказамъ? говоритъ одна изъ взрослыхъ собесѣдницъ: нѣтъ. Кирсановъ теперь не знаетъ, но узнаетъ, это ему самому любопытно, а теперь онъ можетъ пока рассказать кое-что о Говардѣ, который былъ почти такой же человѣкъ, какъ г-жа Бичеръ-Стоу. Такъ идутъ то рассказы Кирсанова, то споры Кирсанова съ компанією, дѣтская половина которой постоянно одна и та же, а взрослая половина безпрестанно перемѣняется. Но вотъ Вѣра Павловна кончила свои дѣла, она возвращается съ нимъ домой къ чаю, и они долго сидятъ втроемъ послѣ чаю: теперь Вѣра Павловна и Дмитрій Сергѣевичъ просидятъ вмѣстѣ гораздо больше времени, чѣмъ когда не было тутъ же Кирсанова. Почти каждый изъ вечеровъ, которые они проводятъ только втроемъ, устраивается на

часъ, и даже часа на два, музыка: Дмитрій Сергѣичъ играетъ, Вѣра Павловна поетъ, Кирсановъ сидитъ и слушаетъ; иногда Кирсановъ играетъ, тогда Дмитрій Сергѣичъ поетъ вмѣстѣ съ женою. Но теперь часто случается, что Вѣра Павловна спѣшитъ изъ мастерской, чтобы успѣть одѣться въ оперу: теперь они очень часто бываютъ въ оперѣ, на половину втроемъ, на половину одинъ Кирсановъ съ Вѣрою Павловною. И кромѣ того, у Лопуховыхъ чаще прежняго стали бывать гости; прежде, не считая молодежи—какіе жъ это гости, молодежь? это племянники только,—бывали почти только Мерцаловы; теперь Лопуховы сблизились еще съ двумя, тремя такими же милыми семействами. Мерцаловы и еще два семейства положили каждую недѣлю поочередно имѣть маленькіе вечера съ танцами, въ своемъ кругу,—бываетъ по 6 паръ, даже по 8 паръ танцующихъ. Лопуховъ безъ Кирсанова не бываетъ почти никогда ни въ оперѣ, ни въ знакомыхъ семействахъ, но Кирсановъ часто одинъ провожаетъ Вѣру Павловну въ этихъ выѣздахъ. Лопуховъ говоритъ, что хочетъ остаться въ своемъ пальто, на своемъ диванѣ. Поэтому только половину вечеровъ проводятъ они втроемъ, но эти вечера уже почти безъ перерыва втроемъ: правда, когда у Лопуховыхъ нѣтъ никого, кромѣ Кирсанова, диванъ часто оттягивается Лопухова изъ зала, гдѣ рояль; рояль теперь передвинуть изъ комнаты Вѣры Павловны въ залъ, но это мало спасаетъ Дмитрія Сергѣича: черезъ четверть часа, много черезъ полчаса Кирсановъ и Вѣра Павловна тоже бросили рояль и сидятъ подлѣ его дивана; впрочемъ, Вѣра Павловна не долго сидитъ подлѣ дивана; она скоро устраивается полуприлечь на диванѣ, такъ однако, что мужу все-таки просторно сидѣть: вѣдь диванъ широкій: то-есть, не совсѣмъ ужъ просторно, но она обняла мужа одною рукою, поэтому сидѣть ему все-таки ловко.

Вотъ такимъ-то образомъ прошло мѣсяца три, и побольше.

Идиллія нынче не въ модѣ, и я самъ вовсе не люблю ея, то-есть, лично я не люблю, какъ не люблю гуляній, не люблю спаржи. — мало ли до чего я не охотникъ? вѣдь нельзя же одному человѣку любить всѣ бѣды, всѣ способности развлеченій; но я знаю, что эти вещи, которыя не по моему личному вкусу, очень хорошія вещи, что онѣ по вкусу, или были бы по вкусу, гораздо большому числу людей, чѣмъ тѣ, которые, подобно мнѣ, предпочитаютъ гулянья шахматную игру, спаржѣ — кислую капусту съ коноплянымъ масломъ: я знаю даже, что у большинства, которое не раздѣляетъ моего вкуса къ шахматной игрѣ и радо было бы не раздѣлять моего вкуса къ кислой капустѣ съ коноплянымъ масломъ, что у него вкусы не хуже моихъ, и потому я говорю: пусть будетъ на свѣтѣ какъ можно больше гуляній, и пусть почти совершенно исчезнетъ изъ свѣта, останется только античною рѣдкостью для немногихъ, подобныхъ мнѣ чудаковъ, кислая капуста съ коноплянымъ масломъ!

Точно такъ я знаю, что для огромнаго большинства людей, которые ничуть не хуже меня, счастье должно имѣть идиллическій характеръ, и я восклицаю: пусть станетъ господствовать въ жизни надъ всѣми другими характерами жизни идиллія. Для немногихъ чудаковъ, которые не охотники до нея, будутъ другіе характеры счастья, а большинству нужна идиллія. А что идиллія не въ модѣ, и потому люди чуждаются ея, такъ вѣдь это не возраженіе: они чуждаются ея, какъ лисица въ баснѣ чуждалась винограда. Имъ кажется, что

идиллія недоступна, потому онѣ и придумали: „пусть она будетъ не въ модѣ“.

Но чистѣйшій вздоръ, что идиллія недоступна: она не только хорошая вещь почти для всѣхъ людей, но и возможная, очень возможная; ничего труднаго не было бы устроить ее, но только не для одного человѣка, или не для десяти человѣкъ, а для всѣхъ. Вѣдь и итальянская опера—вещь невозможная для пяти человѣкъ, а для цѣлаго Петербурга—очень возможная, какъ всѣмъ видно и слышно; вѣдь и „Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. Москва 1861 г.“ вещь невозможная для десяти человѣкъ, а для всей публики очень возможная и недорогая, какъ всѣмъ извѣстно. Но пока итальянской оперы для всего города нѣтъ, можно лишь нѣкоторымъ, особенно усерднымъ меломанамъ пробавляться кое-какими концертами, и пока 2-я часть „Мертвыхъ Душъ“ не была напечатана для всей публики, только немногіе, особенно усердные любители Гоголя изготовляли, не жалѣя труда, каждый для себя, рукописные экземпляры ея. Рукопись не въ примѣръ хуже печатной книги, кое-какой концертъ очень плохъ передъ итальянской оперой, а все-таки хороша, все-таки хорошъ.

XVI.

Если бы кто посторонній пришелъ посоветоваться съ Кирсановымъ о такомъ положеніи, въ какомъ Кирсановъ увидѣлъ себя, когда очнулся, и если бы Кирсановъ былъ совершенно чуждъ всѣмъ лицамъ, которыхъ касается дѣло, онъ сказалъ бы пришедшему советовать: „поправлять дѣло бѣгствомъ—поздно; не знаю, какъ оно разыграется, но для васъ бѣжать или оставаться—одинаково опасно; а для тѣхъ, о спокойствіи которыхъ вы заботитесь, ваше бѣгство едва ли не опаснѣе, чѣмъ то, чтобы вы оставались“.

Разумѣется, Кирсановъ сказалъ бы это только такому человѣку, какъ онъ самъ, или какъ Лопуховъ, человѣку твердаго характера и неизмѣнной честности. Съ другими людьми бесполезно разсуждать о подобныхъ положеніяхъ, потому что эти другіе люди непременно поступаютъ въ такихъ случаяхъ дрянно и мерзко: осрамить женщину, обезчестятся сами, и потомъ идутъ по всей своей компаніи хныкать или хвастаться, усаждаться своею геройскою добродѣтелью или амурною привлекательностью. Съ такими людьми ни Лопуховъ, ни Кирсановъ не любили толковать о томъ, какъ слѣдуетъ поступать людямъ благороднымъ. Не говоря человѣку своего закона, что бѣжать теперь чуть ли уже не хуже, чѣмъ оставаться, Кирсановъ былъ бы правъ. При этомъ подразумевалось бы: „я знаю, какъ сталъ бы ты держать себя, оставаясь: вѣдь такъ, чтобы ничѣмъ не обнаружить своего чувства, потому что только въ этомъ случаѣ ты и не будешь негодяемъ, оставаясь. Задача въ томъ, чтобы какъ можно болѣе не нарушать спокойствія женщины, жизнь которой идетъ хорошо. Чтобы оно не нарушилось, этого, кажется, уже невозможно сдѣлать. Чувство, несогласное съ ея нынѣшними отношеніями, уже вѣроятно, — да чего тутъ вѣроятно, проще говоря: безъ всякаго сомнѣнія, — возникло въ ней, только она еще не замѣчаетъ его. Скоро или нѣтъ оно обнаружится въ ней для нея самой безъ всякаго вызова съ твоей стороны, неизвѣстно. Но твое удаленіе будетъ вызо-

вомъ ему обнаружиться. Стало быть, твое удаленіе только ускорить дѣло, котораго ты хочешь избѣжать“.

Но Кирсановъ разсуждалъ о дѣлѣ не какъ посторонній человѣкъ, а какъ участникъ. Ему представлялось, что удалиться труднѣе, чѣмъ оставаться; чувство влечетъ его остаться, слѣдовательно, остаться не будетъ ли значить—поддаться чувству, обольститься его внушеніями? Какое право онъ имѣетъ такъ безусловно вѣрить, что ни словомъ, ни взглядомъ не обнаружитъ своего чувства, не сдѣлаетъ вызова? Потому вѣрнѣе будетъ удалиться. Въ своемъ дѣлѣ мудрено различить, насколько разсудокъ обольщается софизмами влеченія, потому что честность говорить: поступи наперекоръ влеченію, тогда у тебя больше шансовъ, что ты поступишь благородно. Это въ переводѣ съ теоретическаго языка на обыкновенный; а теорія, которой держался Кирсановъ, считаетъ такіа пышныя слова, какъ благородство, двусмысленными, темными, и Кирсановъ по своей терминологіи выразился бы такъ: „всякій человѣкъ эгоистъ, я тоже; теперь спрашивается: что для меня выгоднѣе, удалиться или оставаться? Удаляясь, я подавляю въ себѣ одно частное чувство; оставаясь, я рискую возмутить чувство своего человѣческаго достоинства глупостью какого-нибудь слова или взгляда, внушеннаго этимъ отдѣльнымъ чувствомъ. Отдѣльное чувство можетъ быть подавлено, и черезъ нѣсколько времени мое спокойствіе возстановится, я опять буду доволенъ своею жизнью. А если я разъ поступлю противъ всей своей человѣческой натуры, я навсегда утрачу возможность спокойствія, возможность довольства собою, отравлю всю свою жизнь. Мое положеніе вотъ какое: я люблю вино, и передо мною стоитъ кубокъ съ очень хорошимъ виномъ; но есть у меня подозрѣніе, что это вино отравлено. Узнать, основательно или нѣтъ мое подозрѣніе, я не могу. Долженъ ли я пить этотъ кубокъ, или опрокинуть его, чтобы онъ не соблазнялъ меня? Я не долженъ называть своего рѣшенія ни благороднымъ, ни даже честнымъ, — это слишкомъ громкія слова, я долженъ назвать его только расчетливымъ, благоразумнымъ: я опрокидываю кубокъ. Черезъ это я отнимаю у себя нѣкоторую пріятность, дѣлаю себѣ нѣкоторую непріятность, но зато обезпечиваю себѣ здоровье, то-есть возможность долго и много пить такое вино, о которомъ я навѣрное знаю, что оно не отравлено. Я поступаю не глупо, вотъ и вся похвала мнѣ“.

XVII.

Какимъ же манеромъ удалиться? Прежняя штука, притвориться обиженнымъ, выставить какую-нибудь пошлую сторону характера, чтобы опереться на нее, негодится: два раза на одномъ и томъ же не проведешь; вторая такая исторія лишь раскрыла бы смыслъ первой, показала бы его героемъ не только новыхъ, но и прежнихъ временъ. Да и вообще отъ всякаго быстраго перерыва отношеній надобно отказаться; такое удаленіе было бы легче, но оно было бы эффектно, возбудило бы вниманіе, то-есть было бы теперь пошлостью и низостью (по Кирсановской теоріи эгоизма:—глупостью, нерасчетомъ). Потому остается только одинъ, самый мудреный и мучительный способъ: тихое отступленіе медленнымъ, незамѣтнымъ образомъ, такъ чтобы и не замѣтили, что онъ удаляется.

Тяжеловато и очень хитро это дѣло: уйти изъ виду такъ, чтобы не замѣтили твоего движенія, когда смотреть на тебя во все глаза, а нечего дѣлать, надобно дѣйствовать такъ. А впрочемъ, по Кирсановской теоріи, это и не мучительно, а даже пріятно; вѣдь чѣмъ труднѣе дѣло, тѣмъ больше радуешься (по самолюбію) своей силѣ и ловкости, исполняя его удачно.

И дѣйствительно, онъ исполнилъ его удачно: не выдалъ своего намѣренія ни однимъ недомолвленнымъ или перемолвленнымъ словомъ, ни однимъ взглядомъ; попрежнему, онъ былъ свободенъ и шутливъ съ Вѣрою Павловною, попрежнему, было видно, что ему пріятно въ ея обществѣ; только стали встрѣчаться разныя помѣхи ему бывать у Лопуховыхъ такъ часто, какъ прежде, оставаться у нихъ цѣлый вечеръ, какъ прежде, да какъ-то выходило, что чаще прежняго Лопуховъ хваталъ его за руку, а то и за лацканъ сюртука, со словами: „нѣтъ, дружище, ты отъ этого спора не уйдешь такъ вотъ сейчасъ“ — такъ что все большую и большую долю времени, проводимаго у Лопуховыхъ Кирсанову приводилось просиживать у дивана пріятеля. И все это устраивалось такъ постепенно, что вовсе и незамѣтно было, какъ развивалась перемѣна. Помѣхи являлись, и Кирсановъ не только не выставлялъ ихъ, а напротивъ, жалѣлъ (да и то лишь иногда, жалѣть часто негодилось бы), что встрѣтилась такая помѣха; помѣхи являлись все такія натуральныя, неизбѣжныя, что частенько сами Лопуховы гнали его отъ себя, напоминая, что онъ забылъ обѣщаніе нынѣ быть дома, потому что у него хотѣли быть такой-то и такой-то изъ знакомыхъ, отъ которыхъ ему не удалось отказаться... Или онъ забывъ, что если нынѣ онъ не будетъ у такого-то, этотъ такой-то оскорбится; или онъ забывъ, что у него къ завтрашнему утру остается работы часа на четыре, по крайней мѣрѣ: чтожь онъ, хочеть не спать нынѣшнюю ночь?—вѣдь ужъ 10 часовъ, нечего ему балагурить, пора ему отправляться за работу. Кирсановъ даже не всегда слушался этихъ напоминаній: не поѣдетъ онъ къ этому знакомому, пусть сердится этотъ господинъ, или: работа не уйдетъ, время еще есть, а онъ досидитъ вечеръ здѣсь. А помѣхи все накапливались; и ученныя занятія все неотступнѣе отнимали у Кирсанова вечеръ за вечеромъ.—провалились бы они, по его мнѣнію (изрѣдка выражаемому вскользь), эти ученныя занятія,—и знакомые тоже навязывались на него все больше и какъ только они навязываются (это выражается тоже изрѣдка, вскользь)—удивительно, какъ они навязываются! Это ему такъ кажется, а Лопуховымъ очень видно, почему такъ: онъ входитъ въ извѣстность, вотъ и является все больше и больше людей, которымъ онъ нуженъ: и работою нельзя ему пренебрегать, напрасно онъ начинаетъ полѣниваться,—да чего, онъ вовсе излѣнился въ предыдущіе мѣсяцы, вотъ ему и скучно приниматься за нее; — „а надобно, братъ Александръ“, — „пора, Александръ Матвѣичъ!“

Труденъ былъ маневръ, на цѣлыя недѣли надобно было растянуть этотъ поворотъ налѣво кругомъ и повертываться такъ медленно, такъ ровно, какъ часовая стрѣлка; смотрите на нее, какъ хотите, внимательно, не увидите, что она поворачивается, а она себѣ исподтишка дѣлаетъ свое дѣло, идетъ въ сторону отъ прежняго своего положенія. Зато и какое же наслажденіе было Кирсанову, какъ теоретика, любоваться своею ловкостью на практикѣ. Эгоисты и матеріалисты, вѣдь они все дѣлаютъ собственно только въ удовольствіе себѣ.

Да, и Кирсановъ могъ, положи руку на сердце, сказать, что онъ дѣлаетъ свою штуку въ удовольствіе себѣ: онъ радовался на свое искусство и молодечество.

Такъ прошелъ мѣсяцъ, можетъ быть, нѣсколько и побольше, и если бы кто сосчиталъ, тотъ нашелъ бы, что въ этотъ мѣсяцъ ни на волосъ не уменьшилась его короткость съ Лопуховыми, но вчетверо уменьшилось время, которое проводить онъ у нихъ, а въ этомъ времени на половину уменьшилась пропорція времени, которое проводить онъ съ Вѣрою Павловною. Еще какой-нибудь мѣсяцъ, и при всей неизмѣнности дружбы, друзья будутъ мало видѣться, — и дѣло будетъ въ шляпѣ.

Зорки глаза у Лопухова — неужели онъ ничего не замѣчаетъ? — Нѣтъ, ничего.

А Вѣра Павловна? И Вѣра Павлавна ничего не замѣчаетъ. И въ себѣ ничего не замѣчаетъ? и въ себѣ ничего не замѣчаетъ Вѣра Павловна; только снится Вѣрѣ Павловнѣ сонъ.

XVIII.

Третій сонъ Вѣры Павловны.

И снится Вѣрѣ Павловнѣ сонъ:

Послѣ чаю, поболтавши съ „миленькимъ“, пришла она въ свою комнату и прилегла, — не спать, спать еще рано, куда же, только еще половина девятаго, нѣтъ, она еще не раздѣвалась, — а только такъ, легла читать. Вотъ она и читаетъ на своей кроваткѣ, только книга опускается отъ глазъ, и думается Вѣрѣ Павловнѣ: „что это въ послѣднее время стало мнѣ нѣсколько скучно иногда? или это не скучно, а такъ? да, это не скучно, а только я вспомнила, что нынѣ я хотѣла ѣхать въ оперу, да этотъ Кирсановъ, такой невнимательный, поздно поѣхалъ за билетомъ: будто не знаетъ, что когда поетъ Бозіо, то нельзя въ 11 часовъ достать билетовъ въ 2 рубля. Конечно, его нельзя винить: вѣдь онъ до 5 часовъ работалъ, навѣрное до 5, хоть и не признался... а все-таки онъ виноватъ. Нѣтъ, впередъ лучше буду просить „миленькаго“ брать билеты, и въ оперу ѣздить буду съ миленькимъ: миленькій никогда этого не сдѣлаетъ, чтобъ я осталась безъ билета, а ѣздить со мною онъ всегда будетъ радъ, вѣдь онъ у меня такой милый, мой миленькій. А черезъ этого Кирсанова пропустила „Травиату“ — это ужасно! я бы каждый вечеръ была въ оперѣ, если бы каждый вечеръ была опера — какая-нибудь, хоть бы сама по себѣ плохая, съ главною ролью Бозіо. Еслибъ у меня былъ такой голосъ, какъ у Бозіо, я, кажется, цѣлый день пѣла бы. А если бы познакомиться съ нею? Какъ бы это сдѣлать? Этотъ артиллеристъ хорошъ съ Тамберликомъ, нельзя ли черезъ него? Нѣтъ, нельзя. Да и какая смѣшная мысль! Зачѣмъ знакомиться съ Бозіо? развѣ она станетъ пѣть для меня? Вѣдь она должна беречь свой голосъ.

„А когда жъ это Бозіо успѣла выучиться по-русски? И какъ чисто она произноситъ. Но какія же смѣшныя слова, и откуда она выкопала такіе пошлые стинки? да, она, должно быть, училась по той же грамматикѣ, по которой я: тамъ они приведены въ примѣръ для разстановки знаковъ препинанія;

какъ это глупо, приводить въ грамматикѣ такіе стихи, и хоть бы стихи-то были не такъ пошлы; но нечего думать о стихахъ, надобно слушать, какъ она поетъ“:

Часть наслажденья
Лови, лови;
Младя лѣта
Отдай любви.

„Какія смѣшныя слова: и „младя“ и „лѣта“ съ невѣрнымъ удареньемъ! Но какой голосъ, и какое чувство у ней! Да, у ней голосъ сталъ гораздо лучше прежняго, несравненно лучше, удивительно! какъ же это онъ могъ стать такъ много лучше? Да, вотъ я не знала, какъ съ нею познакомиться, а она сама пріѣхала ко мнѣ съ визитомъ. Какъ это она узнала мое желанье?“

— Да вѣдь ты давно зовешь меня, — говоритъ Бозіо, и говоритъ по-русски.

— Я тебя звала, Бозіо? Да какъ же я могла звать тебя, когда я съ тобою незнакома? Но я очень, очень рада видѣть тебя.

Вѣра Павловна раскрываетъ пологъ, чтобы подать руку Бозіо, но пѣвица хохочетъ, да вѣдь это не Бозіо, а скорѣе де-Мерикъ въ роли цыганки въ „Риголетто“, но только веселость хохота де-Мерикъ, а голосъ Бозіо, и отбѣгаетъ, и прячется за пологомъ; какъ досадно, этотъ пологъ прячетъ ее, и вѣдь прежде его не было, откуда онъ взялся?

— Знаешь, зачѣмъ я къ тебѣ пріѣхала? — и хохочетъ, будто де-Мерикъ, но только Бозіо.

— Да кто жъ ты? Вѣдь ты не де-Мерикъ?

— Нѣтъ.

— Вѣдь ты Бозіо?

Пѣвица хохочетъ: — узнаешь скоро; а теперь намъ надобно заняться тѣмъ, зачѣмъ я къ тебѣ пришла. Я хочу читать съ тобою твой дневникъ.

— У меня нѣтъ никакого дневника, я никогда не вела его.

— А посмотри, что жъ это лежитъ на столикѣ?

Вѣра Павловна смотритъ: на столикѣ у кровати лежитъ тетрадь съ надписью: „Дневникъ В. Л.“ Откуда взялась эта тетрадь? Вѣра Павловна беретъ ее, раскрываетъ — тетрадь писана ея рукою; когда же?

— Читай послѣднюю страницу. — говоритъ Бозіо.

Вѣра Павловна читаетъ: „Опять мнѣ часто приходится сидѣть одной по цѣлымъ вечерамъ. Но это ничего: я такъ привыкла“.

— Только? — говоритъ Бозіо.

— Только.

— Нѣтъ, ты не все читаешь.

— Здѣсь больше ничего не написано.

— Меня не обманешь, — говоритъ гостя: — а это что? — изъ-за полога протягивается рука — какъ хороша эта рука! нѣтъ, эта дивная рука не Бозіо, и какъ же эта рука протягивается сквозь пологъ, не раскрывая полога?

Рука новой гостыи дотрогивается до страницы; подъ рукою выступаютъ новыя строки, которыхъ не было прежде. „Читай“, говоритъ гостя. У Вѣры

Павловны сжимается сердце, она еще не смотрѣла на эти строки, не знаетъ, что тутъ написано; но у ней сжимается сердце. Она не хочетъ читать новыхъ строкъ. „Читай“, повторяетъ гостя.

Вѣра Павловна читаетъ: „нѣтъ, одной теперь скучно. Это прежде не было скучно. Отчего же это прежде не было скучно одной, и отчего теперь скучно?“

— Переверни страницу назадъ,—говоритъ гостя.

Вѣра Павловна перевертываетъ страницу. „Лѣто нынѣшняго года“, кто жъ такъ пишетъ дневники? думается Вѣрѣ Павловнѣ; надобно было написать: 1855, іюнь или іюль, и выставить число, а тутъ: лѣто нынѣшняго года; кто же такъ пишетъ въ дневникахъ? „Лѣто нынѣшняго года. Мы ѣдемъ, по обыкновенію, за городъ, на острова; а въ нынѣшній разъ съ нами ѣдетъ миленькій: какъ это пріятно мнѣ“. Ахъ, такъ это августъ,—какое число? 15 или 12? да, да, около 15-го, это про ту поѣздку, послѣ которой мой бѣдный миленькій сдѣлался боленъ, думаетъ Вѣра Павловна.

— Только?

— Только.

— Нѣтъ, ты не все читаешь. А это что? — говоритъ гостя, и опять сквозь нераскрывающійся пологъ является дивная рука, опять касается страницы, и опять выступаютъ на страницѣ новыя слова, и опять противъ воли читаетъ Вѣра Павловна новыя слова: „зачѣмъ мой миленькій не провожаетъ насъ чаще?“

— Переверни еще страницу, — говоритъ гостя.

„У моего миленькаго такъ много занятій, и все для меня, для меня онъ работаетъ, мой миленькій“. Вотъ и отвѣтъ, съ радостью думаетъ Вѣра Павловна.

— Переверни опять страницу.

„Какіе честные, благородные люди эти студенты, и какъ они уважаютъ моего миленькаго. И мнѣ съ ними весело: я съ ними, какъ съ братьями, безъ всякой церемоніи.

— Только?

— Только.

— Нѣтъ, читай дальше.—И опять является рука, касается страницы, опять выступаютъ новыя строки, опять противъ воли читаетъ Вѣра Павловна новыя строки:

„16 августа“, то-есть на другой день послѣ прогулки на острова. вѣдь она была именно 15-го, думаетъ Вѣра Павловна: „миленькій все время гулянья говорилъ съ этимъ Рахметовымъ, или, какъ они въ шутку зовутъ его, ригористомъ, и съ другими его товарищами. Подлѣ меня едва ли провелъ онъ четверть часа“, неправда, больше полчасъ, я думаю, да, больше полчасъ, я увѣрена, думаетъ Вѣра Павловна: „кромѣ того времени, которое мы сидѣли рядомъ въ лодкѣ. 17 августа. Вчера весь вечеръ просидѣли у насъ студенты“; да, это наканунѣ того дня, какъ миленькій занемогъ, „миленькій весь вечеръ говорилъ съ ними. Зачѣмъ онъ отдаетъ имъ такъ много времени, такъ мало мнѣ? Вѣдь не все же онъ работаетъ, онъ и самъ говоритъ, что далеко не все время, что безъ отдыха невозможно работать, что онъ много отдыхаетъ,

думаетъ о чемъ-нибудь только для отдыха, зачѣмъ же онъ думаетъ одинъ, зачѣмъ не со мною?“

— Переверни еще листъ.

„Юль нынѣшняго года, и всякій мѣсяцъ нынѣшняго года до болѣзни миленькаго, да и въ прошломъ году то же, и прежде то же. Пять дней тому назадъ были у насъ студенты; вчера тоже. Я съ ними много шалила, такъ весело было. Завтра или послѣ завтра будутъ опять, опять будетъ очень весело“.

— Только?

— Только.

— Нѣтъ, читай дальше. Опять является рука, касается страницы, опять выступаютъ подъ рукою новыя строки, опять противъ воли читаетъ ихъ Вѣра Павловна:

„Съ начала нынѣшняго года, особенно съ конца весны. Да, это прежде было мнѣ весело съ этими студентами, весело, и только. А теперь часто думается: это ребяческія игры, мнѣ долго будутъ онѣ забавны, вѣроятно, когда я буду и старуха, когда самой будетъ не по лѣтамъ играть, я буду любоваться на игры молодежи, напоминающія дѣтство. Но вѣдь я и теперь смотрю на этихъ студентовъ, какъ на младшихъ братьевъ, и я не всегда бы хотѣла превращаться непременно въ Вѣрочку, когда хочу отдыха отъ серьезныхъ мыслей и труда. Вѣдь я ужъ Вѣра Павловна; веселиться, какъ Вѣрочка, пріятно по временамъ, но не всегда же. Вѣра Павловна иногда хочетъ такого веселья, при которомъ бы оставаться Вѣрою Павловною. Это веселье съ равными по жизни“.

— Переверни еще нѣсколько страницъ назадъ.

„Я на дняхъ открываю швейную, и отправилась къ Жюли просить заказовъ. Миленькій заѣхалъ къ ней за мной. Она оставила насъ завтракать, велѣла подать шампанскаго, заставила меня выпить два стакана. Мы съ нею начали пѣть, бѣгать, кричать, бороться. Такъ было весело. Миленькій смотрѣлъ и смѣялся“.

— Будто только?—говоритъ гостья. и опять подъ рукою гостьи выступаютъ новыя слова, и опять противъ воли читаетъ ихъ Вѣра Павловна:

„Миленькій только смотрѣлъ и смѣялся. Почему жъ бы ему не пошалить съ нами? Вѣдь это было бы еще веселѣе. Развѣ это было неловко, или развѣ онъ этого не сумѣлъ бы—принять участіе въ нашей игрѣ? Нѣтъ, нисколько не неловко, и онъ сумѣлъ бы. Но у него такой характеръ. Онъ только не мѣшаетъ, онъ одобряетъ, радуется,—и только“.

— Переверни одну страницу впередъ:

„Нынче мы съ миленькимъ были въ первый разъ послѣ моего замужества у моихъ родныхъ. Мнѣ было такъ тяжело видѣть ту жизнь, которая давила, душила меня до замужества. Миленькій мой! отъ какой отвратительной жизни онъ меня избавилъ! Ночью мнѣ приснился страшный сонъ: будто маменька упрекаетъ меня въ неблагодарности и говоритъ правду, но такую ужасную правду, что я начала стонать. Миленькій услышалъ этотъ стонъ и вошелъ въ мою комнату, а я ужъ пѣла (все во снѣ), потому что пришла моя любимая красавица и утѣшила меня. Миленькій былъ моею горничною. Такъ было стыдно. Но онъ такой скромный, только поцаловалъ мое плечо“.

— Будто только написано? меня не обманешь, читай... Опять подь рукою гостыи выступают новыя слова, и Вѣра Павловна противъ воли читаетъ ихъ:
„А вѣдь это даже какъ будто обидно“.

— Переверни нѣсколько страницъ назадъ.

„Нынѣ я ждала своего друга, Д., на бульварѣ, подлѣ Новаго моста: тамъ живетъ дама, у которой я думала быть гувернанткою. Но она не согласилась. Мы съ Д. вернулись домой очень унылые. Я въ своей комнатѣ передъ обѣдомъ все думала, что лучше умереть, чѣмъ жить, какъ я живу теперь, и вдругъ, за обѣдомъ, Д. говоритъ: „Вѣра Павловна, пьемъ здоровье моей невѣсты и вашего жениха“. Я едва могла удержаться, чтобы не заплакать тутъ же при вѣхъ, отъ радости такого неожиданнаго избавленія. Послѣ обѣда мы долго говорили съ Д. о томъ, какъ мы будемъ жить. Какъ я его люблю: онъ выводитъ меня изъ подвала“.

— Читай же все.

— Больше ничего нѣтъ.

— Смотри. Опять подь рукою гостыи выступают новыя строки.

— Я не хочу читать,—въ страхѣ говоритъ Вѣра Павловна; она еще не разобрала, что написано на этихъ новыхъ строкахъ, но ей уже страшно.

— Не можешь не читать, когда я велю: читай!

Вѣра Павловна читаетъ:

„Такъ неужели же я люблю его за то, что онъ выводитъ меня изъ подвала? не самого его, а свое избавленіе изъ подвала?“

— Переверни еще назадъ, читай самую первую страницу.

„Въ день моего рожденія, сегодня, я въ первый разъ говорила съ Д. и полюбила его. Я еще ни отъ кого не слышала такихъ благородныхъ, утѣшительныхъ словъ. Какъ онъ сочувствуетъ всему, что требуетъ сочувствія, хочетъ помогать всему, что требуетъ помощи; какъ онъ увѣренъ, что счастье для людей возможно, что оно должно быть, что злоба и горе не вѣчно, что быстро идетъ къ намъ новая, свѣтлая жизнь. Какъ у меня радостно расширялось сердце, когда я слышала эти увѣренія отъ человѣка ученаго, серьезнаго: вѣдь ими подтверждались мои мысли... Какъ добръ онъ былъ, когда говорилъ о насъ, бѣдныхъ женщинахъ. Каждая женщина полюбитъ такого человѣка. Какъ онъ уменъ, какъ онъ благороденъ, какъ онъ добръ!“

— Хорошо. Переверни опять на послѣднюю страницу.

— Но эту страницу я уже прочла.

— Нѣтъ, это еще не послѣдняя. Переверни еще листъ.

— Но на этомъ листѣ ничего нѣтъ.

— Читай же! видишь, какъ много на немъ написано. — И опять отъ прикосновенія руки гостыи выступили строки, которыхъ не было.

Сердце Вѣры Павловны холодѣетъ:—я не хочу читать, я не могу читать.

— Я велю. Должна.

— Не могу и не хочу.

— Такъ я тебѣ прочту, что у тебя написано,—слушай:

„Онъ человѣкъ благородный, онъ мой избавитель. Но благородствомъ внушается уваженіе, довѣріе, готовность дѣйствовать за одно, дружба; избавитель награждается признательностью, преданностью. Только у него натура, быть мо-

жетъ, болѣе пылка, чѣмъ у меня. Когда кипитъ кровь, ласки его жгучи. Но есть другая потребность, потребность тихой, долгой ласки, потребность сладко дремать въ нѣжномъ чувствѣ. Знаетъ ли онъ ее? Сходны ли наши натуры. наши потребности? Онъ готовъ умереть для меня,—и я для него. Но довольно ли этого? Мыслями ли обо мнѣ живетъ онъ? Мыслями ли о немъ живу я? Люблю ли я его такую любовью, какая нужна мнѣ? Прежде я не знала этой потребности тихаго, нѣжнаго чувства—нѣтъ, мое чувство къ нему не“...

— Я не хочу слышать больше!—Вѣра Павловна съ негодованіемъ отбрасываетъ дневникъ.—Гадкая! злая! зачѣмъ ты здѣсь? Я не звала тебя, уйди!

Гостя смѣется тихимъ, добрымъ смѣхомъ.—Да ты не любишь его; эти слова написаны твоею рукою.

— Проклинаю тебя!

Вѣра Павловна просыпается съ этимъ восклицаніемъ, и быстрѣе, чѣмъ сознала она, что видѣла только сонъ, и что она проснулась, она уже вскочила, она бѣжитъ.

— Мой милый, обними меня, защити меня! Мнѣ снился страшный сонъ! Она жметъ къ мужу:—мой милый, ласкай меня, будь нѣженъ со мною, защити меня!

— Вѣрочка, что съ тобой?—мужъ обнимаетъ ее.—Ты вся дрожишь. Мужъ целуетъ ее.—У тебя на щекахъ слезы, у тебя холодный потъ на лбу. Ты босая бѣжала по холодному полу, моя милая; я целую твои ножки, чтобы согрѣть ихъ.

— Да, ласкай меня, спаси меня! мнѣ снился гадкій сонъ. мнѣ снилось, что я не люблю тебя.

— Милая моя, кого же ты любишь, какъ не меня? Нѣтъ, это пустой, смѣшной сонъ!

— Да, я люблю тебя, только ласкай меня, целуй меня,—я тебя люблю. я тебя хочу любить.

Она крѣпко обнимаетъ мужа, вся жметъ къ нему и, успокоенная его ласками, тихо засыпаетъ, целуя его.

XIX.

Въ это утро Дмитрій Сергѣичъ не идетъ звать жену пить чай: она здѣсь, прижавшись къ нему; она еще спитъ; онъ смотритъ на нее и думаетъ: „что это такое съ ней, чѣмъ она была испугана, откуда этотъ сонъ?“

— Оставайся здѣсь, Вѣрочка, я внесу сюда чай; не вставай, мой дружокъ, я подамъ тебѣ, ты умоешься не вставая.

— Да, я не буду вставать, я полежу, мнѣ такъ хорошо здѣсь: какой ты умный за это, миленькій, какъ я тебя полюбила. Вотъ я и умылась, теперь неси сюда чай; нѣтъ, прежде обними меня! И Вѣра Павловна долго не выпускала мужа, обнявши.—Ахъ, мой миленькій, какая я смѣшная! какъ я къ тебѣ прибѣжала! что теперь подумаетъ Маша? нѣтъ, мы это скроемъ отъ нея, что я проснулась у тебя. Принеси мнѣ сюда одѣваться. Ласкай меня, мой миленькій, ласкай меня, я хочу любить тебя. мнѣ нужно любить! я буду любить тебя, какъ еще не любила!

Комната Вѣры Павловны стоитъ пустая. Вѣра Павловна, ужъ не скрываясь отъ Маши, поселилась въ комнатѣ мужа. „Какой онъ нѣжный, какой онъ ласковый, мой милый, и я могла вздумать, что не люблю тебя? Какая я смѣшная!“

— Вѣрочка, теперь ты успокоилась, моя милая; скажи же мнѣ, что тебѣ приснилось третьего дня?

— Ахъ, пустяки! мнѣ только и приснилось, что я тебѣ сказала, что ты мало ласкаешь меня. А теперь мнѣ хорошо. Зачѣмъ мы не жили съ тобою всегда такъ? Тогда мнѣ не приснился бы этотъ гадкій сонъ, страшный, гадкій, я не хочу помнить его!

— Да вѣдь мы безъ него не жили бы, какъ теперь.

— Правда; я ей очень благодарна, этой гадкой: она не гадкая, хорошая.

— Кто „она“? У тебя, кромѣ прежней красавицы, еще новая подруга?

— Да, еще новая. Ко мнѣ приходила какая-то жениcina, съ такимъ очаровательнымъ голосомъ, гораздо лучше Бозію, а какія руки у нея! Ахъ, какая дивная красота! Только руку я и видѣла: сама она пряталась за пологомъ; мнѣ снилось, что у моей постели,—за то же я ее и бросила, что на ней это приснилось,—что у ней есть пологъ и что гостя прячется за нимъ; но какая дивная рука, мой милый! и она пѣла про любовь, и подсказывала мнѣ, что такое любовь. Теперь я поняла, мой милый. Какая была я глупенькая, я не понимала, вѣдь была дѣвочка, глупенькая дѣвочка?

— Моя милая, ангелъ мой, всему своя пора. И то, какъ мы прежде жили съ тобою—любовь; и то, какъ теперь живемъ—любовь; однимъ нужна одна, другимъ—другая любовь; тебѣ прежде было довольно одной, теперь нужна другая. Да, ты теперь стала женщиной, мой другъ, и что прежде было не нужно тебѣ, стало нужно теперь.

Проходитъ недѣля, двѣ. Вѣра Павловна нѣжится; въ своей комнатѣ бываетъ она теперь только когда мужа нѣтъ дома, или когда онъ работаетъ,—да нѣтъ, и когда работаетъ, она часто сидитъ у него въ кабинетѣ; когда замѣтитъ, что мѣшаетъ, что работа требуетъ полного вниманія, тогда зачѣмъ же мѣшать? Но вѣдь такихъ работъ у каждаго мало, большая часть и ученой работы—чисто механическая; поэтому три четверти времени онъ видитъ подлѣ себя жену, и порою они приласкаютъ другъ друга. Только одно изобрѣтеніе было нужно: купить другой диванъ, поменьше мужнина. И вотъ Вѣра Павловна послѣ обѣда нѣжится на своемъ диванчикѣ; у диванчика сидитъ мужъ и любитъ на нее.

— Милый мой, зачѣмъ ты цалуешь мои руки? вѣдь я этого не люблю.

— Да? я и забылъ, что обижаю тебя, ну, и буду обижать.

— Миленькій мой, ты во второй разъ избавляешь меня: спасъ меня отъ злыхъ людей, спасъ меня отъ себя самой! Ласкай меня, мой милый, ласкай меня!

Проходитъ мѣсяцъ. Вѣра Павловна нѣжится послѣ обѣда на своемъ широкомъ, маленькомъ, мягкомъ диванчикѣ въ комнатѣ своей и мужа, то-есть въ

кабинетъ мужа. Онъ присѣлъ на диванчикъ, а она обняла его, прилегла головой къ его груди, но она задумывается; онъ цалуетъ ее, но не проходитъ задумчивость ея и на глазахъ чуть ли не готовы навернуться слезы.

— Вѣрочка, милая моя, что ты задумчива?

Вѣра Павловна плачетъ и молчитъ. Нѣтъ, она утерла слезы:—нѣтъ, не ласкай, мой милый! Довольно. Благодарю тебя! и она такъ кротко и искренно смотритъ на него:—благодарю тебя, ты такъ добръ ко мнѣ.

— Добръ, Вѣрочка? Что это, какъ это?

— Добръ, мой милый; ты добрый.

Проходитъ два дня. Вѣра Павловна опять нѣжится послѣ обѣда, нѣтъ, не нѣжится, а только лежитъ и думаетъ, и лежитъ она въ своей комнатѣ, на своей кровати. Мужъ сидитъ подлѣ нея, обнявъ ее, тоже думаетъ.

„Да, это не то. Во мнѣ нѣтъ того“, думаетъ Лопуховъ.

„Какой онъ добрый, какая я неблагодарная!“ думаетъ Вѣра Павловна. Вотъ что они думаютъ.

Она говоритъ:—Мой милый, иди къ себѣ, занимайся, или отдохни,—и хочетъ сказать, и умѣетъ сказать эти слова простымъ, не унылымъ тономъ.

— Зачѣмъ же, Вѣрочка, ты гонишь меня? мнѣ и здѣсь хорошо, и хочеть, и умѣетъ сказать эти слова простымъ, веселымъ тономъ.

— Нѣтъ, иди, мой милый. Ты довольно дѣлаешь для меня. Иди, отдохни.

Онъ цалуетъ ее, и она забываетъ свои мысли, и ей опять такъ сладко и легко дышать.

— Благодарю тебя, мой милый,—говоритъ она.

А Кирсановъ совершенно счастливъ. Трудновата была борьба на этотъ разъ, но зато и сколько внутренняго удовольствія доставляла она ему, и это удовольствіе не пройдетъ вмѣстѣ съ нею, а будетъ грѣть его грудь долго, до конца жизни. Онъ честенъ. Да. Онъ сблизилъ ихъ. Да, въ самомъ дѣлѣ сблизилъ. Кирсановъ лежитъ на диванѣ, курить и думаетъ: „Будь честенъ, то-есть, разсчитливъ, не просчитывайся въ разсчетъ. помни сумму, помни, что она больше своей части, то-есть, что твоя человѣческая натура сильнѣе, важнѣе для тебя, чѣмъ каждое отдѣльное твое стремленіе, предпочитай же ея выгоды выгодамъ каждаго отдѣльнаго твоего стремленія, если онѣ какъ-нибудь разнорѣчатъ,—вотъ только и всего, это и называется по просту: будь честенъ, и все будетъ отлично. Одно правило, и какое немудрое, вотъ и весь результатъ науки, вотъ и весь сводъ законовъ счастливой жизни. Да, счастливы тѣ, которые родились съ наклонностью понять это простое правило. И я довольно счастливъ въ этомъ отношеніи. Конечно, я много, вѣроятно, больше, чѣмъ натурѣ, обязанъ развитію. А постепенно это будетъ развиваться въ обычное правило, внушаемое всѣмъ воспитаніемъ, всею обстановкою жизни. Да, тогда будетъ всѣмъ легко жить на свѣтѣ, вотъ какъ теперь мнѣ. Да, я доволенъ. Надобно однако зайти къ нимъ: я не былъ ужъ недѣли три. Пора, хоть это ужъ и непріятно мнѣ. Меня ужъ не тянетъ къ нимъ. Но пора. Заѣду на дняхъ на полчаса.

Или не отложить ли на мѣсяць? Кажется, можно. Да, отступленіе сдѣлано вполне, маневры кончены; скрылся изъ виду, и теперь не замѣтять, три недѣли или три мѣсяца не было я у нихъ. А пріятно издали думать о людяхъ, съ которыми поступилъ честно. Отдыхаю на лаврахъ“.

А Попуховъ еще черезъ два-три дня, тоже послѣ обѣда, входитъ въ комнату жены, беретъ на руки свою Вѣрочку, несетъ ее на ея оттоманку къ себѣ: „отдыхай здѣсь, мой другъ“, и любитъ ее на нее. Она задремала, улыбаясь; онъ сидитъ и читаетъ. А она уже опять открыла глаза и думаетъ:

„Какъ у него убрана комната: кромѣ необходимаго, ничего нѣтъ. Нѣтъ, есть и у него свои прихоти: вотъ огромный ящикъ сигаръ, который я ему подарила въ прошломъ году, онъ еще стоитъ цѣлъ, ждетъ своего срока. Да, это его единственная прихоть, одна роскошь—сигары. Нѣтъ, вотъ и еще роскошь: фотографія этого старика; какое благородное лицо у старика, какая смѣсь незлобیا и проницательности въ его глазахъ, во всемъ выраженіи лица! Сколько хлопотъ было Дмитрію достать эту фотографію. Въ портретовъ Овэна нѣтъ нигдѣ, ни у кого. Писалъ три письма, двое изъ бравшихъ письма не отыскали старика, третій нашелъ, и сколько мучилъ его, пока удалась дѣйствительно превосходная фотографія, и какъ Дмитрій былъ счастливъ, когда получалъ ее, и письмо отъ „святаго старика“, какъ онъ зоветъ его, письмо, въ которомъ Овэнъ хвалитъ меня, со словъ его. А вотъ и другая роскошь: мой портретъ; полгода онъ копилъ деньги, чтобы просить хорошаго живописца, и сколько они съ этимъ молодымъ живописцемъ мучили меня. Два портрета, и только. Неужели дорого стоило бы купить гравюрь и фотографій, какъ у меня? У него нѣтъ и цвѣтовъ, которыхъ такъ много въ моей комнатѣ; отчего же ему не нужны цвѣты, а мнѣ нужны? Неужели оттого, что я женщина? Что за пустяки! Или это оттого, что онъ серьезный, ученый человѣкъ? Но вѣдь у Кирсанова и гравюры, и цвѣты, а онъ также серьезный и ученый человѣкъ.“

„И почему ему скучно отдавать мнѣ много времени? Вѣдь я знаю, что это ему стоитъ усилія. Неужели оттого, что онъ серьезный и ученый человѣкъ? Но вѣдь Кирсановъ... нѣтъ, нѣтъ, онъ добрый, добрый, онъ все для меня сдѣлалъ, все готовъ съ радостью для меня сдѣлать! Кто можетъ такъ любить меня, какъ онъ? И я его люблю, и я готова на все для него“...

— Вѣрочка, а ты уже не дремлешь, мой милый другъ?

— Миленькій мой, отчего у тебя въ комнатѣ нѣтъ цвѣтовъ?

— Изволь, мой другъ, я заведу. Завтра же. Мнѣ просто не случилось подумать объ этомъ, что это хорошо. А это очень хорошо.

— И о чемъ еще просила бы я тебя: купи себѣ фотографій, или, лучше, я тебѣ куплю на свои деньги и цвѣтовъ, и фотографій.

— Тогда дѣйствительно они будутъ мнѣ пріятны. Я и такъ люблю ихъ, но тогда мнѣ пріятнѣе будетъ имѣть ихъ. Но, Вѣрочка, ты была задумчива, ты думала о своемъ свѣ. Позволишь ли ты мнѣ просить тебя, чтобы ты по-болѣе рассказала мнѣ объ этомъ свѣ, который такъ напугалъ тебя?

— Мой милый, теперь я не думала о немъ. И мнѣ такъ тяжело вспоминать его.

— Но, Вѣрочка, быть можетъ, мнѣ полезно будетъ знать его.

— Изволь, мой милый. Мнѣ снилось, что я скучаю оттого, что не поѣхала въ оперу, что я думаю о ней, о Бозіо; ко мнѣ пришла какая-то женщина, которую я сначала приняла за Бозіо и которая все пряталась отъ меня; она заставила меня читать мой дневникъ; тамъ было написано все только о томъ, какъ мы съ тобою любимъ другъ друга, а когда она дотрогивалась рукою до страницъ, на нихъ показывались новыя слова, говорившія, что я не люблю тебя.

— Прости меня, мой другъ, что я еще спрошу тебя: ты только видѣла во снѣ?

— Милый мой, еслибъ не только, развѣ я не сказала бы тебѣ? Вѣдь я это тогда же тебѣ сказала.

Это было сказано такъ нѣжно, такъ искренно, такъ просто, что Лопуховъ почувствовалъ въ груди волненіе теплоты и сладости, котораго всю жизнь не забудетъ тотъ, кому счастье дало испытать его. О, какъ жаль, что немногіе, очень немногіе мужья могутъ знать это чувство! Всѣ радости счастливой любви ничто передъ нимъ; оно навсегда наполняетъ чистѣйшимъ довольствомъ самую святою гордостью сердце человѣка. Въ словахъ Вѣры Павловны, сказанныхъ съ нѣкоторой грустью, слышался упрекъ; но вѣдь смыслъ упрека былъ: „другъ мой, неужели ты не знаешь, что ты заслужилъ полное мое довѣріе? Жена должна скрывать отъ мужа тайныя движенія своего сердца: таковы уже тѣ отношенія, въ которыхъ они стоятъ другъ къ другу. Но ты, мой милый, держалъ себя такъ, что отъ тебя не нужно утаивать ничего, что мое сердце открыто передъ тобою, какъ передо мною самой“. Это великая заслуга въ мужѣ; эта великая награда покупается только высокимъ нравственнымъ достоинствомъ; и кто заслужилъ ее, тотъ въ правѣ считать себя человѣкомъ безукоризненнаго благородства, тотъ смѣло можетъ надѣяться, что совѣсть его чиста и всегда будетъ чиста, что мужество никогда ни въ чемъ не измѣнитъ ему, что во всѣхъ испытаніяхъ, всякихъ, какихъ бы то ни было, онъ останется спокоенъ и твердъ, что судьба почти не властна надъ миромъ его души, что съ той поры, какъ онъ заслужилъ эту великую честь, до послѣдней минуты жизни, какимъ бы ударамъ ни подвергался онъ, онъ будетъ счастливъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства. Мы теперь довольно знаемъ Лопухова, чтобы видѣть, что онъ былъ человѣкъ не сантиментальный, но онъ былъ такъ тронутъ этими словами жены, что лицо его вспыхнуло.

— Вѣрочка, другъ мой, ты упрекнула меня,—его голосъ дрожалъ, во второй разъ въ жизни и въ послѣдній разъ: въ первый разъ голосъ его дрожалъ отъ сомнѣнія въ своемъ предположеніи, что онъ отгадалъ, теперь дрожалъ отъ радости:—ты упрекнула меня, но этотъ упрекъ мнѣ дороже всѣхъ словъ любви. Я оскорбилъ тебя своимъ вопросомъ; но какъ я счастливъ, что чей дурной вопросъ далъ мнѣ такой упрекъ! Посмотри, слезы на моихъ глазахъ, съ дѣтства первыя слезы въ моей жизни!

Онъ цѣлый вечеръ не сводилъ съ нея глазъ, и ей ни разу не подумалось въ этотъ вечеръ, что онъ дѣлаетъ надъ собою усиліе, чтобы быть нѣжнымъ, и этотъ вечеръ былъ однимъ изъ самыхъ радостныхъ въ ея жизни, но крайней мѣрѣ, до сихъ поръ; черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ я раз-

сказываю вамъ о ней, у ней будетъ много такихъ цѣлыхъ дней, мѣсяцевъ, годовъ: это будетъ, когда подрастутъ ея дѣти, и она будетъ видѣть ихъ людьми достойными счастья и счастливыми. Эта радость выше всѣхъ другихъ личныхъ радостей; что во всякой другой личной радости рѣдкая, мимолетная высокоость, то въ ней обыкновенный уровень каждаго обыкновеннаго дня. Но это еще въ будущемъ для нея.

XXI.

Но когда жена заснула, сидя у него на колѣняхъ, когда онъ положилъ ее на ея диванчикъ, Лопуховъ крѣпко задумался о ея снѣ. Для него дѣло было не въ томъ; любить ли она его; это ужъ ея дѣло, въ которомъ и она не властна, и онъ, какъ онъ видитъ, не властенъ; это само собою разъяснится, объ этомъ нечего думать иначе, какъ на досугъ, а теперь недосугъ, теперь его дѣло разобрать, изъ какого отношенія явилось въ ней предчувствіе, что она не любить его.

Не первый разъ онъ долго сидѣлъ въ этомъ раздумьѣ; ужъ нѣсколько дней онъ видѣлъ, что не удержать за собою ея любви. Потеря тяжелая, но чтожъ дѣлать? Еслибъ онъ могъ измѣнить свой характеръ, пріобрѣсти то влеченіе къ тихой нѣжности, какого требовала ея натура, о, тогда, конечно, было бы другое. Но онъ видѣлъ, что эта попытка напрасна. Если склонность не дана природою или не развита жизнію независимо отъ намѣреній самого человека, этотъ человекъ не можетъ создать ее въ себѣ усиліемъ воли, а безъ влеченія ничто не дѣлается такъ, какъ надобно. Стало быть, вопросъ о немъ рѣшенъ. На это и были потрачены прежнія раздумья. А теперь, покончивъ свое (какъ эгоистъ, всегда прежде всего думающій о себѣ, и о другихъ лишь тогда, когда уже нечего думать о себѣ), онъ могъ приняться и за чужое, то-есть за ея раздумье. Что онъ можетъ сдѣлать для нея? Она еще не понимаетъ, что въ ней происходитъ, она еще не такъ много пережила сердцемъ, какъ онъ; чтожъ, вѣдь это натурально: она четырьмя годами моложе его, а въ началѣ молодости четыре года много значать. Не можетъ ли онъ, болѣе опытный, разобрать то, чего не умѣетъ разобрать она? Какъ же разгадать ея сонъ?

Скоро у Лопухова явилось предположеніе: причина ея мыслей должна заключаться въ томъ обстоятельствѣ, изъ котораго произошелъ ея сонъ. Въ поводѣ къ сну должна находиться какая-нибудь связь съ его содержаніемъ. Она говоритъ, что скучала оттого, что не поѣхала въ оперу. Лопуховъ сталъ пересматривать свой и ея образъ жизни, и постепенно все для него проявлялось. Большую часть времени, остававшагося у нея свободнымъ, она проводила такъ же какъ онъ, въ одиночествѣ. Потомъ началась перемена: она была постоянно развлечена. Теперь опять возобновляется прежнее. Этого возобновленія она уже не можетъ принять равнодушно: оно не по ея натурѣ, оно было бы не по натурѣ и огромному большинству людей. Особенно загадочнаго тутъ нѣтъ ничего. Отъ этого было уже очень недалеко до предположенія, что разгадка всего—ея сближеніе съ Кирсановымъ, и потомъ удаленіе Кирсанова. Отчего жъ Кирсановъ удалился? Причина составлялась сама собою: недостатокъ времени, множество занятій. Но человека честнаго и развитого, опытнаго въ жизни, и

въ особенности умѣющаго пользоваться теоріею, которой держался Лопуховъ, нельзя обмануть никакими выдумками и хитростями. Онъ можетъ самъ обманываться отъ невнимательности, можетъ не обращать вниманія на фактъ: такъ и Лопуховъ ошибся, когда Кирсановъ отошелъ въ первый разъ; тогда, говоря чистую правду, ему не было выгоды, стало быть и охоты, усердно доискиваться причины, по которой удалился Кирсановъ; ему важно было только разсмотрѣть, не онъ ли виноватъ въ разрывѣ дружбы, ясно было—нѣтъ, такъ не о чемъ больше и думать; вѣдь онъ не дядька Кирсанову, не педагогъ, обязанный направлять на путь истинный стопы человѣка, который самъ понимаетъ вещи не хуже его. Да и какая ему надобность, въ сущности? Развѣ въ отношеніяхъ его съ Кирсановымъ было что-нибудь особенно важное для него? Пока ты хорошъ и хочешь, чтобы я любилъ тебя, мнѣ очень пріятно; нѣтъ—мнѣ очень жаль, и ступай, куда хочешь, не все ли равно мнѣ? Что однимъ глупцомъ на свѣтѣ больше или меньше, это составляетъ мало разницы. Я принималъ глупца за хорошаго человѣка, это мнѣ очень обидно, только и всего. Если наши интересы не связаны съ поступками человѣка, его поступки въ сущности очень мало занимаютъ насъ, когда мы люди серьезныя, исключая двухъ случаевъ, которые, впрочемъ, кажутся исключениями изъ правила только людямъ, привыкшимъ понимать слово „интересъ“ въ слишкомъ узкомъ смыслѣ обыденнаго разсчета. Первый случай—если поступки эти занимательны для насъ съ теоретической стороны, какъ психологическія явленія, объясняющія натуру человѣка, то-есть, если мы имѣемъ въ нихъ умственный интересъ: другой случай—если судьба человѣка зависитъ отъ насъ, тутъ мы были бы виноваты передъ собою, при невнимательности къ его поступкамъ, то-есть, если мы имѣемъ въ нихъ интересъ совѣсти. Но въ тогдашнихъ глупыхъ выходкахъ Кирсанова не было ничего такого, что не было бы извѣстно Лопухову за очень обыкновенную принадлежность нынѣшнихъ нравовъ; не рѣдкость было и то, что человѣкъ, имѣющій порядочныя убѣжденія, поддается пошлости, протсходящей отъ нынѣшнихъ нравовъ. А чтобы Лопуховъ могъ играть важную роль въ судьбѣ Кирсанова, этого не могло и воображаться Лопухову: съ какой стати Кирсановъ нуждается въ его заботливости? Слѣдовательно: ступай, мой другъ, отъ меня, куда тебѣ лучше, какая мнѣ надобность думать о тебѣ? Но теперь не то: дѣйствія Кирсанова представлялись имѣющими важное отношеніе къ интересамъ женщины, которую Лопуховъ любилъ. Онъ не могъ не подумать о нихъ внимательно. А подумать внимательно о фактѣ и понять его причины, это почти одно и то же для человѣка съ тѣмъ образомъ мыслей, какой былъ у Лопухова. Лопуховъ находилъ, что его теорія даетъ безошибочныя средства къ анализу движеній человѣческаго сердца, и я, признаюсь, согласенъ съ нимъ въ этомъ; въ тѣ долгіе годы, какъ я считаю ее за истину, она ни разу не ввела меня въ ошибку и ни разу не отказалась легко открыть мнѣ правду, какъ бы глубоко ни была затаена правда какого-нибудь человѣческаго дѣла. Правда и то, что теорія эта сама-то дается не очень легко: нужно и пожить, и подумать, чтобы умѣть понять ее.

Черезъ какіе нибудь полчаса раздумья для Лопухова было ясно все въ отношеніяхъ Кирсанова къ Вѣрѣ Павловнѣ. Но онъ долго все сидѣлъ и думалъ все о томъ же: разъяснять-то предметъ было уже нечего, но занима-

теленъ былъ онъ; открытіе было сдѣлано въ полной законченности всѣхъ подробностей, но было такъ любопытно, что довольно долго не дало уснуть.

Однако, чтожь въ самомъ дѣлѣ разстраивать свои нервы бессонницею? вѣдь ужъ три часа. Если не спится, надобно принять морфія, онъ принялъ двѣ пилюли, „вотъ только взгляну на Вѣрочку“. Но вмѣсто того, чтобы подойти и взглянуть, онъ пододвинулъ свои кресла къ диванчику и утѣлся въ нихъ, взявъ ея руку и поцаловалъ. „Миленькій мой, ты заработался, все для меня; какой ты добрый, какъ я люблю тебя“, проговорила она съвѣсь сонъ. Противъ морфія въ достаточномъ количествѣ не устоитъ никакое крушеніе духа; на этотъ разъ двухъ пилюль оказалось достаточно, вотъ ужъ одолеваетъ дремота. Слѣдовательно, крушеніе души своею силою приблизительно равнялось, по матеріалистическому взгляду Лопухова, четыремъ стаканамъ крепкаго кофе, противъ которыхъ Лопухову также было мало одной пилюли. а трехъ пилюль много. Онъ заснулъ, смѣясь надъ этимъ сравненіемъ.

° XXII.

Теоретическій разговоръ.

На другой день Кирсановъ только-что разлегся было сибаритски съ сигарою читать для отдыха послѣ своего поздняго обѣда по возвращеніи изъ госпиталя, какъ вошелъ Лопуховъ.

— Не во время гость—хуже татарина, — сказалъ Лопуховъ шутливымъ тономъ, но тонъ выходилъ не совсѣмъ удачно шутливъ. — Я тревожу тебя. Александръ; но ужъ такъ и быть, потревожся. Мнѣ надобно поговорить съ тобою серьезно. Хотѣлось поскорѣе, утромъ проспалъ, не засталъ бы. Лопуховъ говорилъ уже безъ шутки. „Что это значить? Неужели догадался?“ подумалъ Кирсановъ. — Поговоримъ-ко, — продолжалъ Лопуховъ, усаживаясь. — Погляди мнѣ въ глаза.

„Да, онъ говоритъ объ этомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія“. — Слушай. Дмитрій, — сказалъ Кирсановъ еще болѣе серьезнымъ тономъ: — мы съ тобою друзья. Но есть вещи, которыхъ не должны позволять себѣ и друзья. Я прошу тебя прекратить этотъ разговоръ. Я не расположенъ теперь къ серьезнымъ разговорамъ. И никогда не бываю расположенъ. Глаза Кирсанова смотрѣли пристально и враждебно, какъ будто передъ нимъ человѣкъ, котораго онъ подозрѣваетъ въ намѣреніи совершить злодѣйство.

— Нельзя не говорить, Александръ, — продолжалъ Лопуховъ спокойнымъ, но нѣсколько, чуть чуть глухимъ голосомъ: — я понялъ твои маневры.

— Молчи. Я запрещаю тебѣ говорить, если не хочешь имѣть меня вѣчнымъ своимъ врагомъ, если не хочешь потерять мое уваженіе.

— Ты когда-то не боялся терять мое уваженіе, — помнишь? Теперь вѣдь ясно все. Я тогда не обратилъ вниманія.

— Дмитрій, я прошу тебя уйти, или я ухожу.

— Не можешь уйти. Ты какъ полагаешь, твоими интересами я занятъ? Кирсановъ молчалъ.

— Мое положеніе выгодно. Твое въ разговорѣ со мною—нѣтъ. Я представляю совершающимъ подвигъ благородства. Но это все вздоръ. Мнѣ нельзя иначе поступать, по здравому смыслу. Я прошу тебя, Александръ, прекратить твои маневры. Они не ведутъ ни къ чему.

— Какъ? Неужели было ужъ поздно? Прости меня,—быстро проговорилъ Кирсановъ, и самъ не могъ отдать себѣ отчета, радость или огорченіе взволновало его отъ этихъ словъ „они не ведутъ ни къ чему“.

— Нѣтъ, ты не такъ меня понималъ. Не было поздно. До сихъ поръ еще нѣтъ ничего. Что будетъ, мы увидимъ. Но теперь еще нечего видѣть. Впрочемъ, Александръ, я не понимаю, о чемъ ты говоришь; и ты точно такъ же не знаешь, о чемъ я говорю; мы не понимаемъ другъ друга,—правда? Намъ и не за чѣмъ понимать другъ друга,—такъ? Тебѣ эти загадки, которыхъ ты не понимаешь, непріятны. Ихъ не было. Я ничего не говорилъ. Я не имѣю ничего сказать тебѣ. Давай сигару: я свои забылъ, въ разсѣянности. Закурю, и начнемъ разсуждать объ ученыхъ вопросахъ, я только за этимъ и пришелъ,—запяться, отъ нечего дѣлать, ученой болтовней. Какъ ты думаешь объ этихъ странныхъ опытахъ искусственнаго произведенія бѣлкины?—Лопуховъ пододвинулъ къ одному креслу другое, чтобы положить на него ноги, поспокойнѣе усѣлся, закуривая сигару и продолжая свою рѣчь: — по-моему, это великое открытіе, если оправдается. Ты повторялъ опыты?

— Нѣтъ, но надобно.

— Какъ ты счастливъ, что въ твоемъ распоряженіи порядочная лабораторія. Пожалуйста, повтори, повтори повнимательнѣе. Въдѣ полный переворотъ всего вопроса о пищѣ, всей жизни человѣчества,—фабричное производство главнаго питательнаго вещества прямо изъ неорганическихъ веществъ. Величайшее дѣло, стоитъ Ньютонова открытія. Ты согласенъ?

— Конечно. Только сильно сомнѣваюсь въ точности опытовъ. Раньше или позже, мы до этого дойдемъ, несомнѣнно; къ тому идетъ наука, это ясно. Но теперь едва ли еще дошли.

— Ты такъ думаешь? И я точно такъ же. Значитъ, нашъ разговоръ конченъ. До свиданья, Александръ. Но, прощаясь, я прошу тебя бывать у насъ часто, попрежнему. До свиданья.

Глаза Кирсанова, все время враждебно и пристально смотрѣвшіе на Лопухова, засверкали негодованьемъ.—Ты, кажется, хочешь, Дмитрій, чтобы я такъ и остался съ мнѣніемъ, что у тебя низкія мысли.

— Вовсе я не хочу этого. Но ты долженъ бывать у насъ. Что тутъ особеннаго? Въдѣ мы же съ тобою пріятели. Что особеннаго въ моей просьбѣ?

— Я не могу. Ты затѣваешь дѣло безразсудное, поэтому гадкое.

— Я не понимаю, о какомъ дѣлѣ ты говоришь, и долженъ тебѣ сказать, что этотъ разговоръ мнѣ вовсе не нравится, какъ тебѣ не нравился за двѣ минуты.

— Я требую объясненія, Дмитрій.

— Не за чѣмъ. Ничего нѣтъ, и объяснять нечего, и понимать нечего. Вздоръ тебя горячить, только.

— Нѣтъ, я не могу такъ отпустить тебя. Кирсановъ взялъ за руку Лопухова, хотѣвшаго уходить.—Садись. Ты началъ говорить, когда не было нужно. Ты требуешь отъ меня, Богъ знаетъ, чего. Ты долженъ выслушать.

Допуховъ съѣлъ.

— Какое право имѣешь ты, — началъ Кирсановъ голосомъ еще сильнѣйшаго негодованія, чѣмъ прежде: — какое право имѣешь ты требовать отъ меня того, что для меня тяжело? Чѣмъ я обязанъ передъ тобою? И къ чему это? Это нелѣпость. Постарайся выбить романическія бредни изъ твоей головы. То, что мы съ тобою признаемъ за нормальную жизнь, будетъ такъ, когда переимѣнятся понятія, обычаи общества. Оно должно перевоспитаться, это такъ. Оно и перевоспитывается развитіемъ жизни. Кто перевоспитался, помогаетъ другимъ, это такъ. Но пока оно еще не перевоспиталось, не переимѣнилось совершенно, ты не имѣешь права рисковать чужою судьбою. Вѣдь это страшная вещь, ты понимаешь ли, или сошелъ съ ума?

— Нѣтъ, я ничего не понимаю, Александръ. Я не знаю, о чемъ ты толкуешь. Тебѣ угодно видѣть какой-то удивительный смыслъ въ простой просьбѣ твоего пріятеля, чтобы ты не забывалъ его, потому что ему пріятно видѣть тебя у себя. Я не понимаю, отъ чего тутъ приходитъ въ азартъ.

— Нѣтъ, Дмитрій, въ такомъ разговорѣ ты не отдѣлаешься отъ меня шутя. Надобно показать тебѣ, что ты сумашедшій, задумавшій гадкое дѣло. Мало ли чего мы съ тобою не признаемъ? Мы не признаемъ, что пощечина имѣетъ въ себѣ что-нибудь безчестнае, — это глупый предразсудокъ, вредный предразсудокъ, больше ничего. Но имѣешь ли право теперь подвергать мужчину тому, чтобы онъ получилъ пощечину? вѣдь это было бы съ твоей стороны низкимъ злодѣйствомъ, вѣдь ты отнял бы спокойствіе жизни у человѣка. Понимаешь ли ты это, глупецъ? Понимаешь ли ты, что если я люблю этого человѣка, а ты требуешь, чтобы я далъ пощечину, которая и по моему, и по-твоему вздоръ, пустяки, — понимаешь ли, что если ты требуешь этого, я считаю тебя дуракомъ и низкимъ человѣкомъ, а если ты заставляешь меня сдѣлать это, я убью тебя или себя, смотря по тому, чья жизнь менѣе нужна, — убью тебя или себя, а не сдѣлаю этого? Понимаешь ли это, глупецъ? Я говорю о мужчинѣ и пощечинѣ, которая глупость, но которая пока отнимаетъ спокойствіе жизни у мужчины. Кромѣ мужинѣ есть на свѣтѣ женщины, которыя тоже люди; кромѣ пощечины, есть другіе вздоры, по-нашему съ тобою и по правдѣ вздоры, но которые тоже отнимаютъ спокойствіе жизни у людей. Понимаешь ли ты, что подвергать какого-нибудь человѣка, — ну, хоть женщину, какому-нибудь изъ этихъ по-нашему съ тобою и по правдѣ вздоровъ, — ну, какому-нибудь, все равно, понимаешь ли ты, что подвергать этому гадко, гнусно, безчестно? Слышишь, я говорю, что у тебя безчестныя мысли.

— Другъ мой, ты говоришь совершенную правду о томъ, что честно и безчестно. Но только я не знаю, къ чему ты говоришь ее, и не понимаю, какое отношеніе можетъ она имѣть ко мнѣ. Я ровно ничего тебѣ не говорилъ, ни о какомъ намѣреніи рисковать спокойствіемъ жизни, чьей бы то ни было, ни о чемъ подобномъ. Ты фантазируешь, и больше ничего. Я прошу тебя, своего пріятеля, не забывать меня, потому что мнѣ, какъ твоему пріятелю, пріятно проводить время съ тобою. — только. Исполнишь ты мою пріятельскую просьбу?

— Она безчестна, я сказалъ тебѣ. А я не дѣлаю безчестныхъ дѣлъ.

— Это похвально, что не дѣлаешь, но ты разгорячился изъ-за какихъ-то

фантазій и пустился въ теорію; тебѣ хочется, видно, теоретизировать попусту, безъ всякаго примѣненія къ дѣлу. Давай, и я стану также теоретизировать, тоже совершенно попусту, я предложу тебѣ вопросъ, нисколько не относящійся ни къ чему, кромѣ разъясненія отвлеченной истины, безъ всякаго примѣненія къ кому бы то ни было. Если кто-нибудь, безъ непріятности себѣ, можетъ доставить удовольствіе человѣку, то расчетъ, по моему мнѣнію, требуетъ, чтобы онъ доставилъ его ему, потому что онъ самъ получить отъ этого удовольствіе. Такъ ли?

— Это вздоръ, Дмитрій, ты говоришь не то.

— Я ничего не говорю, Александръ; я только занимаюсь теоретическими вопросами. Вотъ еще одинъ. Если въ комъ-нибудь пробуждается какая-нибудь потребность, — ведетъ къ чему-нибудь хорошему наше стараніе заглушить въ немъ эту потребность? Какъ по твоему? Не такъ ли вотъ: нѣтъ, такое стараніе не ведетъ ни къ чему хорошему. Оно приводитъ только къ тому, что потребность получаетъ утрированный размѣръ, — это вредно, или фальшивое направление, — это и вредно, и гадко, или, заглушаясь, заглушаетъ съ тобою и жизнь, — это жаль.

— Дѣло не въ томъ, Дмитрій. Я поставлю этотъ теоретическій вопросъ въ другой формѣ: имѣетъ ли кто-нибудь право подвергать человѣка риску, если человѣку и безъ риска хорошо? Будетъ время, когда всѣ потребности натуры каждаго человѣка будутъ удовлетворяться вполне, это мы съ тобою знаемъ; но мы оба одинаково твердо знаемъ, что это время еще не пришло. Теперь благоразумный человѣкъ доволенъ тѣмъ, если ему привольно жить, хотя бы не всѣ стороны его натуры развивались тѣмъ положеніемъ, въ которомъ ему привольно жить. Я предположу, въ смыслѣ отвлеченной гипотезы, что существуетъ такой благоразумный человѣкъ. Предположу, что этотъ человѣкъ — женщина; предположу, опять-таки въ смыслѣ отвлеченной гипотезы, что это положеніе, въ которомъ ему привольно жить — замужество: предположу, что онъ доволенъ этимъ положеніемъ, и говорю: при такихъ данныхъ по этой отвлеченной гипотезѣ, кто имѣетъ право подвергать этого человѣка риску потерять хорошее, которымъ онъ доволенъ, чтобы посмотреть, не удасть ли этому человѣку приобрести лучшее, безъ котораго ему легко обойтись? Золотой вѣкъ — онъ будетъ, Дмитрій, это мы знаемъ, но онъ еще впереди. Железный проходитъ, почти прошелъ, но золотой еще не насталъ. Если бы, по моей отвлеченной гипотезѣ, какая-нибудь сильная потребность этого человѣка, — предположимъ, вѣдь это только для примѣра, потребность любви — совершенно не удовлетворялась, или удовлетворялась плохо, я ничего не говорилъ бы противъ риска, предпринимаемаго имъ самимъ, но только противъ такого риска, а никакъ не противъ риска, навлекаемаго на него кѣмъ-нибудь постороннимъ. А если этотъ человѣкъ находитъ все-таки хорошее удовлетвореніе своей потребности, то и самъ онъ не долженъ рисковать: я предположу, въ смыслѣ отвлеченномъ, что онъ не хочетъ рисковать, и говорю: онъ правъ и благоразуменъ, что не хочетъ рисковать, и говорю: дурно и безумно поступить тотъ, кто станетъ его, не желающаго рисковать, подвергать риску. Что ты можешь возразить противъ этого гипотетическаго вывода? Ничего. Пойми же, что ты не имѣешь права.

— Я на твоёмъ мѣстѣ, Александръ, говорилъ бы то же, что ты; я,

какъ ты, говорю только для примѣра, что у тебя есть какое-нибудь мѣсто въ этомъ вопросѣ; я знаю, что онъ никого изъ насъ не касается, мы говоримъ только, какъ ученые, о любопытныхъ сторонахъ общихъ научныхъ воззрѣній, кажущихся намъ справедливыми; по этимъ воззрѣніямъ, каждый судитъ о всякомъ дѣлѣ съ своей точки зрѣнія, опредѣляющейся его личными отношеніями къ дѣлу, я только въ этомъ смыслѣ и говорю, что на твоёмъ мѣстѣ сталъ бы говорить точно такъ же, какъ ты. Ты на моемъ мѣстѣ говорилъ бы точно такъ же, какъ я. Съ общей научной точки зрѣнія вѣдь это безпорная истина. А на мѣстѣ В есть В; если бы оно на мѣстѣ В не было В, то оно еще не было бы на мѣстѣ В, ему еще недоставало бы чего-нибудь, чтобы быть на мѣстѣ В,—такъ вѣдь? Слѣдовательно, тебѣ противъ этого возразить нечего, какъ мнѣ нечего возразить противъ твоихъ словъ. Но я, по твоему примѣру, построю свою гипотезу, тоже отвлеченную, не имѣющую никакого примѣненія ни къ кому. Прежде положимъ, что существуютъ три человѣка,—предположеніе, не заключающее въ себѣ ничего невозможнаго,—предположимъ, что у одного изъ нихъ есть тайна, которую онъ желалъ бы скрыть и отъ второго, и въ особенности отъ третьяго; предположимъ, что второй угадываетъ эту тайну перваго, и говоритъ ему: дѣлай то, о чемъ я прошу тебя, или я открою твою тайну третьему. Какъ ты думаешь объ этомъ случаѣ?

Кирсановъ нѣсколько поблѣднѣлъ и долго крутилъ усы, — Дмитрій, ты поступаешь со мною дурно, — произнесъ онъ наконецъ.

— А очень мнѣ нужно съ тобою-то поступать хорошо, — ты для меня интересенъ, что ли? И притомъ, я не понимаю, о чемъ ты говоришь. Мы говорили съ тобою, какъ ученый съ ученымъ, предлагали другъ другу разныя ученныя отвлеченныя задачи; мнѣ наконецъ удалось предложить тебѣ такую, какъ которою ты задумался, и мое ученое самолюбіе удовлетворено. Потому я прекращаю этотъ теоретическій разговоръ. У меня много работы, не меньше, чѣмъ у тебя; итакъ, до свиданія. Кстати, чудь не забылъ: такъ ты, Александръ, исполнишь мою просьбу бывать у насъ, твоихъ добрыхъ пріятелей, которые всегда рады тебя видѣть, бывать такъ же часто, какъ въ прошлые мѣсяцы? Лопуховъ всталъ.

Кирсановъ сидѣлъ, разсматривая свои пальцы, будто каждый изъ нихъ — отвлеченная гипотеза. — Ты дурно поступаешь со мною, Дмитрій. Я не могу не исполнить твоей просьбы. Но въ свою очередь, я налагаю на тебя одно условіе. Я буду бывать у васъ; но если я отправлюсь изъ твоего дома не одинъ, ты обязанъ сопровождать меня повсюду, и чтобы я не имѣлъ надобности звать тебя, — слышишь? — самъ ты, безъ моего зова. Безъ тебя я никуда ни шагу, ни въ оперу, ни къ кому изъ знакомыхъ, никуда.

— Не обидно ли мнѣ это условіе, Александръ? Что ты, по моему мнѣнію, воръ, что ли?

— Не въ томъ смыслѣ я говорилъ. Я такой обиды не нанесу тебѣ, чтобы думать, что ты можешь почестъ меня за вора. Свою голову я отдаю бы въ твои руки безъ раздумья. Надѣюсь, имѣю право ждать этого и отъ тебя. Но о чемъ я думаю, то мнѣ знать. А ты дѣлай, и только.

— Теперь знаю и я. Да, ты много сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ. Теперь хочешь еще заботливѣе хлопотать объ этомъ. Что жъ, въ этомъ случаѣ ты

правъ. Да, меня надобно принуждать. Но, какъ я ни благодаренъ тебѣ, мой другъ, изъ этого ничего не выйдетъ. Я самъ пробовалъ принуждать себя. У меня тоже есть воля, какъ и у тебя, не хуже твоего маневрировалъ. Но то, что дѣлается по расчету, по чувству долга, по усилію воли, а не по влеченію натуры, выходитъ безжизненно. Только убивать что-нибудь можно этимъ средствомъ, какъ ты и дѣлалъ надъ собою, а дѣлать живое — нельзя. Лопуховъ расчувствовался отъ словъ Кирсанова: „но о чемъ я думаю, то мнѣ знать“. — Благодарю тебя, мой другъ. А что, мы съ тобою никогда не цаловались, можетъ быть, теперь и есть у тебя охота?

Если бы Лопуховъ разсмотрѣлъ свои дѣйствія въ этомъ разговорѣ, какъ теоретикъ, онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ бы: „А какъ, однакоже, вѣрна теорія: эгоизмъ играетъ человѣкомъ. Вѣдь самое-то главное и утаилъ. „предположимъ, что этотъ человѣкъ доволенъ своимъ положеніемъ“; вотъ тутъ-то вѣдь и надобно было бы сказать: „Александръ, предположеніе твое невѣрно“, а я промолчалъ, потому что мнѣ невыгодно сказать это. Пріятно человѣку, какъ теоретику, наблюдать, какія штуки выкидываетъ его эгоизмъ на практикѣ. Отступаешься отъ дѣла потому, что дѣло пронащее для тебя, а эгоизмъ поворачиваетъ твои жесты такъ, что ты корчишь человѣка, совершающаго благородный подвигъ“.

Если бы Кирсановъ разсмотрѣлъ свои дѣйствія въ этомъ разговорѣ какъ теоретикъ, онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ бы: „А какъ, однако же, вѣрна теорія; самому хочется сохранить свое спокойствіе, возлечь на лаврахъ, а толкую о томъ, что, дескать, ты не имѣешь права рисковать спокойствіемъ женщины; а это (ты понимай ужъ самъ) обозначаетъ, что, дескать, я дѣйствительно совершалъ надъ собою подвиги благородства, къ собственному сокрушенію, для спокойствія нѣкотораго лица и для твоего, мой другъ; а потому и преклонись передъ величіемъ души моей. Пріятно человѣку, какъ теоретику, наблюдать, какія штуки выкидываетъ его эгоизмъ на практикѣ. Отступался отъ дѣла, чтобы не быть дуракомъ и подлецомъ, и возликовалъ отъ этого, будто совершилъ геройскій подвигъ великодушнаго благородства: не поддаешься съ перваго слова зову, чтобы опять не хлопотать надъ собою и чтобы не лишиться этого сладкаго ликованія своимъ благородствомъ, а эгоизмъ поворачиваетъ твои жесты такъ, что ты корчишь человѣка, упорствующаго въ благородномъ подвижничествѣ“.

Но ни Лопухову, ни Кирсанову недосугъ было стать теоретиками и дѣлать эти пріятныя наблюденія: практика-то приходилась для обоихъ довольно тяжеловатая.

XXIII.

Возобновленіе частыхъ посѣщеній Кирсанова объяснилось очень натурально: мѣсяцевъ пять, онъ былъ отвлеченъ отъ занятій и запустилъ много работы, — потому мѣсяца полтора приходилось ему сидѣть надъ нею, не разгибая спины. Теперь онъ справился съ запущенною работою и можетъ свободнѣе распола-

гать своимъ временемъ. Это было такъ ясно, что почти не приходилось и объяснять.

Оно, дѣйствительно, было ясно и прекрасно, и не возбудило никакихъ мыслей въ Вѣрѣ Павловнѣ. И съ другой стороны, Кирсановъ выдерживалъ свою роль съ прежнею безукоризненною артистичностію. Онъ боялся, что когда придетъ къ Лопуховымъ послѣ ученаго разговора съ своимъ другомъ, то нѣсколько опростоволосится: или покраснѣетъ отъ волненія, когда въ первый разъ взглянетъ на Вѣру Павловну, или слишкомъ замѣтно будетъ избѣгать смотрѣть на нее, или что нибудь такое; нѣтъ, онъ остался, и имѣлъ полное право остаться доволенъ собою за минуту встрѣчи съ ней: пріятная дружеская улыбка человѣка, который радъ, что возвращается къ старымъ пріятелямъ, отъ которыхъ долженъ былъ оторваться на нѣсколько времени, спокойный взглядъ, бойкій и беззаботный разговоръ человѣка, не имѣющаго на душѣ никакихъ мыслей, кромѣ тѣхъ, которыя безопасно говорить онъ, — если бы вы были самая злая сплетница и смотрѣли на него съ величайшимъ желаніемъ найти что нибудь не такъ, вы все-таки не увидѣли бы въ немъ ничего другого, кромѣ какъ человѣка, который очень радъ, что можетъ, отъ нечего дѣлать, пріятно убить вечеръ въ обществѣ хорошихъ знакомыхъ.

А если первая минута была такъ хорошо выдержана, то что значило выдерживать себя хорошо въ остальной вечеръ? А если первый вечеръ онъ умѣлъ выдержать, то трудно ли было выдерживать себя во всѣ слѣдующіе вечера? Ни одного слова, которое не было бы совершенно свободно и беззаботно. ни одного взгляда, который не былъ бы хорошъ и простъ, прямъ и дружественъ, и только.

Но если онъ держалъ себя не хуже прежняго, то глаза, которые смотрѣли на него, были расположены замѣчать многое, чего и не могли бы видѣть никакіе другіе глаза. — да, никакіе другіе не могли бы замѣтить: самъ Лопуховъ, котораго Марья Алексѣвна признала рожденнымъ идти по откупной части, удивлялся непринужденности, которая ни на одинъ мигъ не измѣнила Кирсанову, и получалъ, какъ теоретикъ, большое удовольствіе отъ наблюденій, противъ воли заинтересовавшихъ его психологическою замѣчательностію этого явленія съ научной точки зрѣнія. Но гостя не даромъ пѣла и заставляла читать дневникъ. Слишкомъ зорки становятся глаза, когда гостя шепчетъ на ухо.

Даже и эти глаза не могли увидѣть ничего, но гостя шептала: нельзя ли увидѣть тутъ вотъ этого, хотя тутъ этого, и вовсе нѣтъ, какъ я сама вижу, а все-таки попробуемъ посмотрѣть; и глаза всматривались, и хоть ничего не видѣли, но и того, что всматривались глаза, уже было довольно, чтобы глаза замѣтили: тутъ что-то не такъ.

Вотъ, напримѣръ, Вѣра Павловна съ мужемъ и съ Кирсановымъ отправляются на маленькій очередной вечеръ къ Мерцаловымъ. Отчего Кирсановъ не вальсируетъ на этой безцеремонной вечеринкѣ, на которой самъ Лопуховъ вальсируетъ, потому что здѣсь общее правило: если ты семидесятилѣтній старикъ, но попался сюда, изволь дурачиться вмѣстѣ съ другими: вѣдь здѣсь никто ни на кого не смотритъ, у каждаго одна мысль — побольше шуму, побольше движенія, то-есть побольше веселья каждому и веѣмъ, — отчего же Кирсановъ не вальсируетъ? Онъ началъ вальсировать: но отчего онъ нѣсколько

минуть не начиналъ? Неужели стоило нѣсколько минутъ думать о томъ, начинать или не начинать такое важное дѣло? Если бы онъ не сталъ вальсировать, дѣло было бы на половину открыто тутъ же. Если бы онъ сталъ вальсировать, и не вальсировалъ бы съ Вѣрою Павловною, дѣло исполнѣ раскрылось бы тутъ же. Но онъ былъ слишкомъ ловкій артистъ въ своей роли, ему не хотѣлось вальсировать съ Вѣрою Павловною, но онъ тотчасъ же понялъ, что это было бы замѣчено, потому отъ недолгаго колебанья, не имѣвшаго никакого видимаго отношенія ни къ Вѣрѣ Павловнѣ, ни къ кому на свѣтѣ, остался въ ея памяти только маленькій, самый легкій вопросъ, который самъ по себѣ остался бы незамѣтенъ даже для нея, несмотря на шопотъ гостеприѣмницы, если бы та же гостя не нашептывала безчисленное множество такихъ же самыхъ маленькихъ, самыхъ ничтожныхъ вопросовъ.

Почему, напримѣръ, когда они, возвращаясь отъ Мерцаловыхъ, условливались на другой день ѣхать въ оперу на „Пуританъ“, и когда Вѣра Павловна сказала мужу: „Миленькій мой, ты не любишь этой оперы, ты будешь скучать, я поѣду съ Александромъ Матвѣичемъ; вѣдь ему всякая опера наслажденье: кажется, если бы я или ты написали оперу, онъ и ту сталъ бы слушать“, почему Кирсановъ не поддержалъ мнѣнія Вѣры Павловны, не сказалъ, что „въ самомъ дѣлѣ, Дмитрій, я не возьму тебѣ билета“, почему это? То, что „миленькій“ все-таки ѣдетъ, это, конечно, не возбуждаетъ вопроса: вѣдь онъ повсюду провожаетъ жену съ той поры, какъ она разъ его попросила: „отдавай мнѣ больше времени“, съ той поры никогда не забывалъ этого, стало быть, ничего, что онъ ѣдетъ, это значить все только одно и то же, что онъ добрый, и что его надобно любить, все такъ, но вѣдь Кирсановъ не знаетъ этой причины, почему жъ онъ не поддержалъ мнѣнія Вѣры Павловны? конечно, это пустяки, почти не замѣченные, и Вѣра Павловна почти не помнитъ ихъ, но эти незамѣтныя песчинки все падаютъ и падаютъ на чашку вѣсовъ, хоть и были незамѣтны. А напримѣръ, такой разговоръ уже не песчинка, а крупное зерно:

На другой день, когда ѣхали въ оперу въ извозничьей каретѣ (это вѣдь дешевле, чѣмъ два извозчика), между другимъ разговоромъ сказали нѣсколько словъ и о Мерцаловыхъ, у которыхъ были наканунѣ, похвалили ихъ согласную жизнь, замѣтили, что это рѣдкость; это говорили всѣ. въ томъ числѣ, Кирсановъ сказалъ: „да, въ Мерцаловѣ очень хорошо и то, что жена можетъ свободно раскрывать ему свою душу“, только и сказалъ Кирсановъ, и каждый изъ нихъ троихъ думалъ сказать то же самое, но случилось сказать Кирсанову; однако, зачѣмъ онъ сказалъ это? Что это такое значить? Вѣдь если понять это съ извѣстной стороны, это будетъ что такое? Это будетъ похвала Лопухову, это будетъ прославленіе счастья Вѣры Павловны съ Лопуховымъ; конечно, это можно было сказать не думая ровно ни о комъ, кромѣ Мерцаловыхъ, а если предположить, что онъ думалъ и о Мерцаловыхъ, и вмѣстѣ о Лопуховыхъ, тогда это, значить, сказано прямо для Вѣры Павловны, съ какою же цѣлью это сказано?

Это всегда такъ бываетъ: если явилось въ человѣкѣ настроеніе искать чего-нибудь, онъ во всемъ находитъ то, чего ищетъ; пусть не будетъ никакого слѣда, а онъ такъ вотъ и видитъ ясный слѣдъ; пусть не будетъ и тѣни, а

онъ все-таки видитъ не только тѣнь того, что ему нужно, но и все, что ему нужно, видитъ въ самыхъ несомнѣнныхъ чертахъ, и эти черты съ каждымъ новымъ взглядомъ, съ каждою новою мыслью его дѣлаются все яснѣе.

А тутъ, кромѣ того, дѣйствительно былъ очень осязательный фактъ, который тайлъ въ себѣ очень полную разгадку дѣла: ясно, что Кирсановъ уважаетъ Лопуховыхъ; зачѣмъ же онъ слишкомъ на два года расходился съ ними? Ясно, что онъ человѣкъ вполне порядочный; какимъ же образомъ произошло тогда, что онъ выставился человѣкомъ пошлымъ? Пока Вѣрѣ Павловнѣ не было надобности думать объ этомъ, она и не думала, какъ не думала Лопуховъ; а теперь ее влекло думать.

XXIV.

Медленно, незамѣтно для нея самой зрѣло въ ней это открытіе. Все накапливались мелкія, почти забывающіяся впечатлѣнія словъ и поступковъ Кирсанова, на которыя никто другой не обратилъ бы вниманія, которыя ею самою почти не были видимы, а только предполагались, подозрѣвались; медленно росла занимательность вопроса: почему онъ почти три года избѣгалъ ея? медленно укрѣплялась мысль: такой человѣкъ не могъ удалиться изъ-за мелочнаго самолюбія, котораго въ немъ рѣшительно нѣтъ; и за всѣмъ этимъ, неизвѣстно къ чему думающимся, еще смутнѣе и медленнѣе поднималась изъ нѣмой глубины жизни въ сознаніе мысль: почему-жъ я о немъ думаю? Что онъ такое для меня?

И вотъ, однажды послѣ обѣда Вѣры Павловны сидѣла въ своей комнатѣ, шила и думала, и думала очень спокойно, и думала вовсе не о томъ, а такъ, объ разной разности и по хозяйству, и по мастерской, и по своимъ урокамъ, и постепенно, постепенно мысли склонялись къ тому, о чемъ, неизвѣстно почему, все чаще и чаще ей думалось; явились воспоминанія, вопросы мелкіе, немногіе, росли, умножались, и вотъ они тысячами роятся въ ея мысляхъ, и все растутъ, растутъ, и все сливаются въ одинъ вопросъ, форма котораго все проясняется: что-жъ это такое со мною? о чемъ я думаю, что я чувствую? и пальцы Вѣры Павловны забывають шить, и шитье опустилось изъ опустившихся рукъ, и Вѣра Павловна немного поблѣднѣла, вспыхнула, поблѣднѣла больше, огонь коснулся ея запылавшихъ щекъ, — мигъ, и онѣ поблѣднѣли, какъ снѣгъ, она съ блуждающими глазами уже бѣжала въ комнату мужа, бросилась на колѣни къ нему, судорожно обняла его, положила голову къ нему на плечо, чтобы поддержало оно ея голову, чтобы скрыло оно лицо ея, задыхающимся голосомъ проговорила: — „Милый мой, я люблю его“, — и зарыдала.

— Что-жъ такое, моя милая? Чѣмъ же тутъ огорчаться тебѣ?

— Я не хочу обижать тебя, мой милый, я хочу любить тебя.

— Постарайся, посмотри. Если можешь, прекрасно. Успокойся, дай идти времени и увидишь, что можешь и чего не можешь. Вѣдь ты ко мнѣ очень сильно расположена, какъ же ты можешь обидѣть меня? Онъ гладилъ ея волосы, цаловалъ ея голову, пожималъ ея руку. Она долго не могла остановиться

отъ судорожныхъ рыданій, но постепенно успокоивалась. А онъ уже давно былъ приготовленъ къ этому признанію, потому и принялъ его хладнокровно, а впрочемъ, вѣдь ей не видно было его лица.

— Я не хочу съ нимъ видѣться, я скажу ему, чтобы онъ пересталъ бывать у насъ, — говорила Вѣра Павловна.

— Какъ сама разсудишь, мой другъ, какъ лучше для тебя, такъ и сдѣлаешь. А когда ты успокоишься, мы посовѣтуемся. Вѣдь мы съ тобою, что бы ни случилось, не можемъ не быть друзьями? Дай руку, пожми мою, видишь, какъ хорошо жмешь. Каждое изъ этихъ словъ говорилось послѣ долгаго промежутка, а промежутки были наполнены тѣмъ, что онъ гладилъ ея волосы, ласкалъ ее, какъ братъ огорченную сестру. — Помнишь, мой другъ, что ты мнѣ сказала, когда мы стали женихъ и невѣста? „ты выпускаешь меня на волю!“ Опять молчанье и ласки. — Помнишь, какъ мы съ тобою говорили въ первый разъ, что значить любить человѣка? Это значить радоваться тому, что хорошо для него, имѣть удовольствіе въ томъ, чтобы дѣлать все, что нужно, чтобы ему было лучше, такъ? Опять молчаніе и ласки. — Что тебѣ лучше, то и меня радуетъ. Но ты посмотришь, какъ тебѣ лучше. Зачѣмъ же огорчаться? Если съ тобою нѣтъ бѣды, какаѣ бѣды можетъ быть со мною?

Въ этихъ отрывочныхъ словахъ, повторявшихся помногу разъ съ обыкновенными легкими варіаціями повтореній, прошло много времени, одинаково тяжелаго и для Лопухова и для Вѣры Павловны. Но, постепенно успокоиваясь, Вѣра Павловна стала наконецъ дышать легче. Она обнимала мужа крѣпко, крѣпко, и твердила: — „Я хочу любить тебя, мой милый, тебя одного, не хочу любить никого, кромѣ тебя“.

Онъ не говорилъ ей, что это ужъ не въ ея власти: надобно было дать пройти времени, чтобы силы ея возстановились успокоеніемъ на одной какой-нибудь мысли, — какой, все равно. Лопуховъ успѣлъ написать и отдать Машѣ записку къ Кирсанову, на случай, если онъ пріѣдетъ. — „Александръ, не входи теперь, и не пріѣзжай до времени, особеннаго ничего нѣтъ, и не будетъ, только надобно отдохнуть“. — Надобно отдохнуть, и нѣтъ ничего особеннаго, — хорошо сочетаніе словъ. Кирсановъ былъ, прочиталъ записку, сказалъ Машѣ, что онъ за нею только и заѣзжалъ, а что теперь войти ему некогда, ему нужно въ другое мѣсто, а заѣдетъ онъ на возвратномъ пути, когда исполнить порученіе по этой запискѣ.

Вечеръ прошелъ спокойно, повидимому. Половину времени Вѣра Павловна тихо сидѣла въ своей комнатѣ одна, отсылая мужа, половину времени онъ сидѣлъ подлѣ нея и успокоивалъ ее все тѣми же немногими словами, конечно, больше не словами, а тѣмъ, что голосъ его былъ ровенъ и спокоенъ, разумѣется, не Богъ знаетъ какъ веселъ, но и не грустенъ, развѣ нѣсколько выражалъ задумчивость, и лицо также. Вѣра Павловна, слушая такіе звуки, смотря на такое лицо, стала думать, не вовсе, а нѣсколько, нѣтъ, не нѣсколько, а почти вовсе думать, что важнаго ничего нѣтъ, что она приняла за сильную страсть просто мечту, которая разбѣется въ нѣсколько дней, не оставивъ слѣда, или она думала, что нѣтъ, не думаетъ этого, что чувствуетъ, что это не такъ? да, это не такъ, нѣтъ, такъ, такъ, все тверже она думала,

что думаетъ это,—да вотъ ужъ она и въ самомъ дѣлѣ вовсе думаетъ это, да и какъ не думать, слушая этотъ тихій, ровный голосъ, все говорящій, что нѣтъ ничего важнаго? Спокойно она заснула подъ этотъ голосъ, спала крѣпко, и не видала гостыи, и проснулась поздно, и проснувшись чувствовала въ себѣ бодрость.

XXV.

„Лучшее развлеченіе отъ мыслей—работа,—думала Вѣра Павловна, и думала совершенно справедливо:—буду проводить цѣлый день въ мастерской, пока вылечусь. Это мнѣ поможетъ“. Она стала проводить цѣлый день въ мастерской. Въ первый день дѣйствительно довольно развлеклась отъ мыслей; во второй только устала, но ужъ мало отвлеклась отъ нихъ, въ третій и вовсе не отвлеклась. Такъ прошло съ недѣлю.

Борьба была тяжела. Цвѣтъ лица Вѣры Павловны сталъ блѣденъ. Но по наружности она была совершенно спокойна, старалась даже казаться веселою, и это даже удавалось ей почти безъ перерывовъ. Но если никто не замѣчалъ ничего, а блѣдность приписывали какому-нибудь легкому нездоровью, то вѣдь не Лопухову же было это думать и не видѣть, да вѣдь онъ и такъ зналъ, ему и смотрѣть-то было нечего.

— Вѣрочка,—началь опъ черезъ недѣлю:—мы съ тобою живемъ, исполняя старое повѣрье, что сапожникъ всегда безъ сапогъ, платье на портномъ сидитъ дурно. Мы учимъ другихъ жить по нашимъ экономическимъ принципамъ, а сами не думаемъ устроить по нимъ свою жизнь. Вѣдь одно большое хозяйство выгоднѣе нѣсколькихъ мелкихъ? Я желалъ бы примѣнить это правило къ нашему хозяйству. Если бы мы стали жить съ кѣмъ-нибудь, мы и тѣ, кто сталъ бы съ нами жить, стали бы сберегать почти половину своихъ расходовъ. Я бы могъ вовсе бросить эти проклятые уроки, которые противны мнѣ,—было бы довольно одного жалованья отъ завода, и отдохнулъ бы, и занялся бы ученою работою, возстановилъ бы свою карьеру. Надобно только сходитьсь съ такими людьми, съ которыми можно ужиться. Какъ ты думаешь объ этомъ?

Вѣра Павловна ужъ давно смотрѣла на мужа тѣми же самыми глазами, подозрительными, разгорающимися отъ гнѣва, какими смотрѣла на него Кирсановъ въ день теоретическаго разговора. Когда онъ кончилъ, ея лицо пылало.

— Я прошу тебя прекратить этотъ разговоръ. Онъ неумѣстенъ.

— Почему же, Вѣрочка? Я говорю только о денежныхъ выгодахъ. Люди небогатые, какъ мы съ тобою, не могутъ пренебрегать ими. Моя работа тяжела, часть ея отвратительна для меня.

— Со мною нельзя такъ говорить.—Вѣра Павловна встала. — Я не позволю говорить съ собою темными словами. Осмѣлся сказать, что ты хотѣлъ сказать!

— Я хотѣлъ только сказать, Вѣрочка, что, принимая въ соображеніе наши выгоды, намъ было бы хорошо...

— Опять! Молчи! Кто далъ тебѣ право онекуествовать надо мною! Я возненавижу тебя!—Она быстро ушла въ свою комнату и заперлась.

Это была первая и послѣдняя ихъ ссора.

До поздняго вечера Вѣра Павловна просидѣла запершись. Потомъ пошла въ комнату мужа.

— Мой милый, я сказала тебѣ слишкомъ суровыя слова. Но не сердись на нихъ. Ты видишь, я борюсь. Вмѣсто того, чтобы поддержать меня, ты началъ помогать тому, противъ чего я борюсь, надѣясь,—да, надѣясь устоять.

— Прости меня, мой другъ, за то, что я началъ такъ грубо. Но вѣдь мы помирились? поговоримъ.

— О, да; помирились, мой милый. Только не дѣйствуй противъ меня. Мнѣ и противъ себя трудно бороться.

— И напрасно, Вѣрочка. Ты дала себѣ время разсмотрѣть свое чувство, ты видишь, что оно серьезнѣе, чѣмъ ты хотѣла думать въ началѣ. Зачѣмъ мучить себя?

— Нѣтъ, мой милый, я хочу любить тебя, и не хочу, не хочу обижать тебя.

— Другъ мой, ты хочешь добра мнѣ. Что жъ, ты думаешь, мнѣ пріятно или нужно, чтобы ты продолжала мучить себя?

— Мой милый, но вѣдь ты такъ любишь меня!

— Конечно, Вѣрочка, очень; объ этомъ что говорить. Но вѣдь мы съ тобою понимаемъ, что такое любовь. Развѣ не въ томъ она, что радуешься радости, страдаешь отъ страданья того, кого любишь? Муча себя, ты будешь мучить меня.

— Такъ, мой милый; но вѣдь ты будешь страдать, если я уступлю этому чувству, которое—ахъ, я не понимаю, зачѣмъ оно родилось во мнѣ! я проклинаю его!

— Какъ оно родилось, зачѣмъ оно родилось,—это все равно, этого уже нельзя перемѣнить. Теперь остается только одинъ выборъ: или, чтобы ты страдала, и я страдалъ черезъ это; или, чтобы ты перестала страдать, и я также.

— Но, мой милый, я не буду страдать,—это пройдетъ. Ты увидишь, это пройдетъ.

— Благодарю тебя за твои усилія. Я цѣню ихъ, потому что они показываютъ въ тебѣ волю исполнять то, что тебѣ кажется нужно. Но знай, Вѣрочка: они пужны кажутся только для тебя, не для меня. Я смотрю со стороны, мнѣ яснѣе, чѣмъ тебѣ, твое положеніе. Я знаю, что это будетъ бесполезно. Борись, пока достаетъ силы. Но обо мнѣ не думай, что ты обидишь меня. Вѣдь ты знаешь, какъ я смотрю на это: знаешь, что мое мнѣніе на это и непоколебимо во мнѣ, и справедливо на самомъ дѣлѣ—вѣдь ты все это знаешь. Развѣ ты обманешь меня? развѣ ты перестанешь уважать меня? Можно сказать больше: развѣ твое расположеніе ко мнѣ, измѣнивши характеръ, ослабѣетъ? Не напротивъ ли,—не усилятся ли оно отъ того, что ты не нашла во мнѣ врага? Не жалѣй меня: моя судьба нисколько не будетъ жалка отъ того, что ты не лишишься черезъ меня счастья. Но довольно. Объ этомъ тяжело много говорить, а тебѣ слушать еще тяжеле. Только помни, Вѣрочка, что я теперь говорилъ. Прости, Вѣрочка. Иди къ себѣ думать, а лучше почитать. Не думай обо мнѣ, а думай о себѣ. Только думая о себѣ, ты можешь не дѣлать и мнѣ напраснаго горя.

XXVI.

Черезъ двѣ недѣли, когда Лопуховъ сидѣлъ въ своей заводской конторѣ, Вѣра Павловна провела все утро въ чрезвычайномъ волненіи. Она бросалась въ постель, закрывала лицо руками, и черезъ четверть часа вскакивала, ходила по комнатѣ, падала въ кресла, и опять начинала ходить неровными, порывистыми шагами, и опять бросалась въ постель, и опять ходила, и нѣсколько разъ подходила къ письменному столу и стояла у него, и отбѣгала, и наконецъ сѣла, написала нѣсколько словъ, запечатала, и черезъ полчаса схватила письмо, изорвала, сожгла, опять долго металась, опять написала письмо, опять изорвала, сожгла, и опять металась, опять написала, и торопливо, едва запечатавъ, не давая себѣ времени написать адреса, быстро, быстро побѣжала съ нимъ въ комнату мужа, бросила его на столъ, и бросилась въ свою комнату, упала въ кресла, сидѣла неподвижно, закрывъ лицо руками; полчаса, можетъ быть часъ, и вотъ звонокъ — это онъ, она побѣжала въ кабинетъ схватить письмо, изорвать, сжечь — гдѣ жъ оно? его нѣтъ, гдѣ жъ оно? она торопливо перебирала бумаги: гдѣ жъ оно? Но Маша ужъ отворяетъ дверь, и Лопуховъ видѣлъ отъ порога, какъ Вѣра Павловна промелькнула изъ его кабинета въ свою комнату, разстроенная, блѣдная.

Онъ не пошелъ за ней, а прямо въ кабинетъ; холодно, медленно осмотрѣлъ столъ, мѣсто подлѣ стола; да, ужъ онъ нѣсколько дней ждалъ чего-нибудь подобнаго, разговора, или письма, ну, вотъ оно, письмо, безъ адреса, но ея печать; ну, конечно, вѣдь она или искала его, чтобъ уничтожить, или только что бросила, нѣтъ, искала: бумаги въ беспорядкѣ, но гдѣ жъ ей было найти его, когда она, еще бросая его, была въ такой судорожной тревогѣ, что оно, порывисто брошенное, какъ уголь, жегшій руку, проскользнуло черезъ весь столъ и упало на окно за столомъ. Читать почти нѣтъ надобности: содержание извѣстно; однако, все нельзя не прочитать.

„Мой милый, никогда не была я такъ сильно привязана къ тебѣ, какъ теперь. Еслибъ я могла умереть за тебя! О, какъ бы я была рада умереть, если бы ты отъ этого сталъ счастливѣе! Но я не могу жить безъ него. Я обижаю тебя, мой милый, я убиваю тебя, мой другъ, я не хочу этого. Я дѣлаю противъ своей воли. Прости меня, прости меня“.

Съ четверть часа, а можетъ быть и побольше, Лопуховъ стоялъ передъ столомъ, разсматривая, тамъ, внизу, ручку кресель. Оно хоть ударъ былъ и предвидѣнный, а все-таки больно; хоть и обдуманно, и рѣшено впередъ все, что и какъ надобно сдѣлать послѣ такого письма или восклицанія, а все-таки не вдругъ соберешься съ мыслями. Но собрался же наконецъ. Пошелъ въ кухню объясняться съ Машею:

— Маша, вы пожалуйста погодите подавать на столъ, пока я опять скажу. Мнѣ что-то нездоровится, надобно принять лекарство передъ обѣдомъ. А вы не ждите, обѣдайте себѣ, да не торопясь: успѣете, пока мнѣ будетъ можно. Я тогда скажу.

Изъ кухни онъ пошелъ къ женѣ. Она лежала, спрятавши лицо въ по-

душки, при его входѣ встрепенулась:—Ты нашелъ его, прочиталъ его! Боже мой, какая я сумасшедшая! это неправда, что я написала, это горячка!

— Конечно, мой другъ, этихъ словъ не надобно принимать серьезно, потому что ты была слишкомъ взволнована. Эти вещи такъ не рѣшаются. Мы съ тобой успѣемъ много разъ подумать и поговорить объ этомъ спокойно, какъ о дѣлѣ важномъ для насъ. А я, мой другъ, хочу куда-то разсказать тебѣ о своихъ дѣлахъ. Я успѣлъ сдѣлать въ нихъ довольно много перемѣнъ,—всѣ, какія было нужно, и очень доволенъ. Да ты слушаешь? Разумѣется, она и сама не знала, слушаетъ она, или не слушаетъ: она могла бы только сказать, что какъ бы тамъ ни было, слушаетъ или не слушаетъ, но что-то слышитъ, только не до того ей, чтобы понимать, что это ей слышно; однакоже, все-таки слышно, и все-таки разслушивается, что дѣло идетъ о чемъ-то другомъ, не имѣющемъ никакой связи съ письмомъ, и постепенно она стала слушать, потому что тянетъ къ этому: нервы хотѣтъ заняться чѣмъ-нибудь, не письмомъ, и хоть долго ничего не могла понять, но все-таки успокоивалась холоднымъ и довольнымъ тономъ голоса мужа; а потомъ стала даже и понимать.—Да ты слушай, потому что для меня это важныя вещи. Безостановочно продолжаетъ мужъ послѣ вопроса „слушаешь ли“,—да, очень пріятныя для меня перемѣны, и онъ довольно подробно разсказываетъ; да вѣдь она три четверти этого знаетъ, нѣтъ, и все знаетъ, но все равно: пусть онъ разсказываетъ, какой онъ добрый! и онъ все разсказываетъ: что уроки ему давно надобли, и почему въ какомъ семействѣ или съ какими учениками надобли, и какъ занятіе въ заводской конторѣ ему не надобло, потому что оно важно, даетъ вліяніе на народъ цѣлаго завода, и какъ онъ кое-что успѣваетъ тамъ дѣлать: развелъ охотниковъ учить грамотѣ, выучилъ ихъ, какъ учить грамотѣ, вытянулъ отъ фирмы плату этимъ учителямъ, доказавши, что работники отъ этого будутъ меньше портить машины и работу, потому что отъ этого пойдетъ уменьшеніе прогуловъ и пьяныхъ глазъ, плату самую пустую, конечно, и какъ онъ оттягиваетъ рабочихъ отъ пьянства, и для этого часто бываетъ въ ихъ харчевняхъ,—и мало ли что такое. А главное въ томъ, что онъ порядкомъ установился у фирмы, какъ человѣкъ дѣльный и оборотливый, и постепенно забралъ дѣла въ свои руки, такъ что заключеніе разсказа и главная вкусность въ немъ для Лопухова вышло вотъ что: онъ получаетъ мѣсто помощника управляющаго заводомъ, управляющій будетъ только почетное лицо, изъ товарищей фирмы, съ почетнымъ жалованьемъ, а управлять будетъ онъ; товарищъ фирмы только на этомъ условіи и взялъ мѣсто управляющаго, „я, говорить, не могу, куда мнѣ“,—„да вы только мѣсто занимайте, чтобы сидѣть на немъ честный человѣкъ, а въ дѣло печего вамъ мѣшаться, я буду дѣлать“,—„а если такъ, то можно, возьму мѣсто“. но вѣдь и не въ этомъ важность, что власть, а въ томъ, что онъ получаетъ 3.500 руб. жалованья, почти на 1.000 руб. больше, чѣмъ прежде получалъ всего, и отъ случайной черной литературной работы, и отъ уроковъ, и отъ прежняго мѣста на заводѣ, стало быть, теперь можно бросить все, кромѣ завода,—и превосходно. И разсказывается это больше полчаса, и при концѣ разсказыванія Вѣра Павловна ужъ можетъ сказать, что дѣйствительно это хорошо, и ужъ можетъ привести въ порядокъ волосы и идти обѣдать.

А послѣ обѣда Машѣ дается 80 коп. сер. на извозчика, потому что она отправляется въ цѣлыхъ четыре мѣста, вездѣ показать записку отъ Лопухова, что, дескать, свободенъ я, господа, и радъ васъ видѣть; и черезъ нѣсколько времени является ужасный Рахметовъ, а за нимъ постепенно набирается цѣлая ватага молодежи, и начинается ожесточенная ученая бесѣда съ непомиѣрными изобличеніями каждаго чуть не всѣми остальными во всѣхъ возможныхъ неконсеквентностяхъ, а нѣкоторые измѣнники возвышенному пренію помогаютъ Вѣрѣ Павловнѣ кое-какъ убить вечеръ, и въ половинѣ вечера она догадывается, куда пропадала Маша, какой онъ добрый! Да, въ этотъ разъ Вѣра Павловна была безусловно рада своимъ молодымъ друзьямъ, хоть и не дурачилась съ ними, а сидѣла смирно, и готова была расцаловать даже самого Рахметова.

Гости разошлись въ 3 часа ночи, и прекрасно сдѣлали, что такъ поздно. Вѣра Павловна, утомленная волненіемъ дня, только-что улеглась, какъ вошелъ мужъ.

— Разсказывая про заводъ, другъ мой Вѣрочка, я забылъ сказать тебѣ одну вещь о новомъ своемъ мѣстѣ, это впрочемъ неважно, и говорить объ этомъ не стоило, а на случай скажу; но только у меня просьба: мнѣ хочется спать. тебѣ тоже; такъ если чего не договору о заводѣ, поговоримъ завтра, а теперь скажу въ двухъ словахъ. Видишь, когда я принимать мѣсто помощника управляющаго, я выговорилъ себѣ вотъ какое условіе: что я могу вступитъ въ должность когда хочу, хоть черезъ мѣсяцъ, хоть черезъ два. А теперь я хочу воспользоваться этимъ временемъ: пять лѣтъ не видалъ своихъ стариковъ въ Рязани, — съѣзжу къ нимъ. До свиданья, Вѣрочка. Не вставай. Завтра успѣешь. Спи.

XXVII.

Когда Вѣра Павловна на другой день вышла изъ своей комнаты, мужъ и Маша уже набивали вещами два чемодана. И все время Маша была тутъ безотлучно: Лопуховъ давалъ ей столько вещей завертывать, складывать, перекладывать, что куда управитъ Машѣ, „Вѣрочка, помоги намъ и ты“. И чай пили тутъ всѣ трое, разбирая и укладывая вещи. Только-что начала было опомниться Вѣра Павловна, а ужъ мужъ говоритъ: „половина 11-го; пора ѣхать на желѣзную дорогу“.

— Милый мой, я поѣду съ тобою.

— Другъ мой, Вѣрочка, я буду держать два чемодана, негдѣ сѣсть. Ты садись съ Машей.

— Я не то говорю. Въ Рязань.

— А если такъ, то Маша поѣдетъ съ чемоданами, а мы сядемъ вмѣстѣ.

На улицѣ не слишкомъ расчувствуешься въ разговорѣ. И притомъ, такой стукъ отъ мостовой: Лопуховъ многого не дослышитъ, на многое отвѣчаетъ такъ, что не разслышишь, а то и вовсе не отвѣчаетъ.

— Я ѣду съ тобою въ Рязань, — твердитъ Вѣра Павловна.

— Да вѣдь у тебя не приготовлены вещи. какъ же ты поѣдешь? Собирайся, если хочешь: какъ увидишь, такъ и сдѣлаешь. Только я тебя про-

силъ бы вотъ о чемъ: подожди моего письма. Оно придетъ завтра же; я напишу и отдамъ его гдѣ-нибудь на дорогѣ. Завтра же получишь, подожди, прошу тебя.

Какъ она его обнимаетъ на галлерей желѣзной дороги, съ какими слезами цалуетъ, отпуская въ вагонъ. А онъ все толкуетъ про свои заводскія дѣла, какъ они хороши, да о томъ, какъ будутъ радоваться ему его старики, да про то, что все на свѣтѣ вздоръ, кромѣ здоровья, и надобно ей беречь здоровье, и въ самую минуту прощанья, уже черезъ балюстраду, сказалъ:—ты вчера написала, что еще никогда не была такъ привязана ко мнѣ, какъ теперь—это правда, моя милая Вѣрочка. И я привязанъ къ тебѣ не меньше, чѣмъ ты ко мнѣ. А расположеніе къ человѣку—желаніе счастья ему, это мы съ тобою твердо знаемъ. А счастья нѣтъ безъ свободы. Ты не хотѣла бы стѣснять меня—и я тебя тоже. А если бы ты стала стѣсняться мною, ты меня огорчила бы. Такъ ты не дѣлай этого, а пусть будетъ съ тобою, что тебѣ лучше. А тамъ посмотримъ. Когда мнѣ воротиться, ты напиши. До свиданья, мой другъ,—второй звонокъ, слишкомъ пора. До свиданья.

XXVIII.

Это было въ концѣ апрѣля. Въ половинѣ іюня Лопуховъ возвратился; пожилъ недѣли три въ Петербургѣ, потомъ поѣхалъ въ Москву, по заводскимъ дѣламъ, какъ сказалъ. 9-го іюля онъ уѣхалъ, а 11 іюля поутру произошло недоумѣніе въ гостинницѣ у станціи московской желѣзной дороги, по случаю невставанья пріѣзжаго, а часа черезъ два потомъ сцена на Каменно-островской дачѣ. Теперь проницательный читатель уже не промахнется въ отгадкѣ того, кто жъ это застрѣлился. „Я ужъ давно видѣлъ, что Лопуховъ“, говоритъ проницательный читатель въ восторгѣ отъ своей догадливости. Такъ куда жъ онъ дѣвался, и какъ фуражка его оказалась прострѣленною по околышу? „Нужды нѣтъ, это все шутки его, а онъ самъ себя ловилъ бреднемъ, шельма“, ломитъ себя проницательный читатель. Ну, Богъ съ тобою, какъ знаешь, вѣдь тебя ничѣмъ не урезонишь.

XXIX.

Особенный человѣкъ.

Часа черезъ три послѣ того, какъ ушелъ Кирсановъ, Вѣра Павловна опомнилась, и одною изъ первыхъ ея мыслей было: нельзя же такъ оставить мастерскую. Да, хоть Вѣра Павловна и любила доказывать, что мастерская идетъ сама собою, но въ сущности вѣдь знала, что только обольщаетъ себя этою мыслью, а на самомъ дѣлѣ мастерской необходима руководительница, иначе все развалится. Впрочемъ, теперь дѣло ужъ очень установилось, и можно было имѣть мало хлопотъ по руководству имъ. У Мерцаловой было двое дѣтей, но часъ, полтора въ день, да и то не каждый день, она можетъ удѣлять. Она

навѣрное не откажется, вѣдь она и теперь много занимается въ мастерской. Вѣра Павловна начала разбирать свои вещи для продажи, а сама послала Машу, сначала къ Мерцаловой, просить ее пріѣхать, потомъ къ торговкѣ старымъ платьемъ и всякими вещами подѣ-стать, Рахели, одной изъ самыхъ оборотливыхъ евреекъ, но доброй знакомой Вѣры Павловны, съ которой Рахель была безусловно честна, какъ почти всѣ еврейскіе мелкіе торговцы и торговки со всѣми порядочными людьми. Рахель и Маша должны были заѣхать на городскую квартиру, собрать оставшіяся тамъ платья и вещи, по дорогѣ заѣхать къ мѣховщику, которому отданы были на лѣто шубы Вѣры Павловны, потомъ со всѣмъ этимъ ворохомъ пріѣхать на дачу, чтобы Рахель хорошенько оцѣнила и купила все гуртомъ.

Когда Маша выходила изъ воротъ, ее встрѣтилъ Рахметовъ, уже съ полчаса бродившій около дачи.

— Вы уходите, Маша? Надолго?

— Да, должно быть, ворочусь ужъ поздно вечеромъ. Много дѣла.

— Вѣра Павловна остается одна?

— Одна.

— Такъ я зайду, посижу вмѣсто васъ, можетъ быть, случится какая-нибудь надобность.

— Пожалуйста; а то я боялась за нее. И я забыла, г. Рахметовъ: позовите кого-нибудь изъ сосѣдей, тамъ есть кухарка и нянька, мои пріятельницы, подать обѣдать, вѣдь она еще не обѣдала.

— Ничего; и я не обѣдалъ, пообедаемъ одни. Да вы-то обѣдали ли?

— Да, Вѣра Павловна такъ не отпустила.

— Хоть это хорошо. Я думалъ, ужъ и это забудутъ изъ-за себя.

Кромѣ Маши и равнявшихся ей или превосходившихъ ее простотою души и платья, всѣ немного побаивались Рахметова: и Лопуховъ, и Кирсановъ, и всѣ не боявшіеся никого и ничего, чувствовали передъ нимъ, по временамъ, нѣкоторую трусоватость. Съ Вѣрою Павловною онъ былъ очень далекъ: она находила его очень скучнымъ, онъ никогда не присоединялся къ ея обществу. Но онъ былъ любимцемъ Маши, хотя меньше всѣхъ другихъ гостей былъ пріѣтливъ и разговорчивъ съ нею.

— Я пришелъ безъ зову, Вѣра Павловна,—началъ онъ:—но я видѣлъ Александра Матвѣича, и знаю все. Поэтому разсудилъ, что, можетъ быть, пригожусь вамъ для какихъ-нибудь услугъ и посижу у васъ вечеръ.

Услуги его могли бы пригодиться, пожалуй, хоть сейчасъ же: помогать Вѣрѣ Павловнѣ въ разборкѣ вещей. Всякій другой на мѣстѣ Рахметова въ одну и ту же секунду и былъ бы приглашенъ, и самъ вызвался бы заняться этимъ. Но онъ не вызвался, и не былъ приглашенъ; Вѣра Павловна только пожала ему руку и съ искреннимъ чувствомъ сказала, что очень благодарна ему за внимательность.

— Я буду сидѣть въ кабинетѣ,—отвѣчалъ онъ:—если что понадобится, вы позовете; и если кто придетъ, я отворю дверь, вы не беспокойтесь сама.

Съ этими словами онъ преспокойно ушелъ въ кабинетъ, вынулъ изъ кармана большой кусокъ ветчины, ломоть чернаго хлѣба,—въ суммѣ это составляло фунта четыре, усѣлся, съѣлъ все, стараясь хорошо пережевывать, вы-

пилъ полграфина воды, потомъ подошелъ къ полкамъ съ книгами и началъ пересматривать, что выбрать для чтенія: „извѣстно“... „несамобытно“... „несамобытно“... „несамобытно“... „несамобытно“... это „несамобытно“ относилось къ такимъ книгамъ, какъ Маколей, Гизо, Тьеръ, Ранке, Гервинусъ. „А, вотъ это хорошо, что попалось“; — это сказалъ онъ, прочитавъ на корешкѣ нѣсколько дюжихъ томовъ „Полное собраніе сочиненій Ньютона“; торопливо сталъ онъ перебирать томы, наконецъ нашелъ и то, чего искалъ, и съ любовною улыбкою произнесъ: „вотъ оно, вотъ оно“, *Observations on the Prophecies of Daniel, and the Apocalypse of St Iohn*, то-есть „Замѣчанія о пророчествахъ Даніила и Апокалиписисъ св. Іоанна“. „Да, эта сторона знанія до сихъ поръ оставалась у меня безъ капитальнаго основанія. Ньютонъ писалъ этотъ комментарий въ старости, когда былъ наполовину въ здоровомъ умѣ, наполовину помѣшанъ. Классическій источникъ по вопросу о смѣшеніи безумія съ умомъ. Въдъ вопросъ всемірно-историческій: это смѣшеніе во всѣхъ безъ исключенія событіяхъ, почти во всѣхъ книгахъ, почти во всѣхъ головахъ. Но здѣсь оно должно быть въ образцовой формѣ: во-первыхъ, гениальнѣйшій и нормальнѣйшій умъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ умовъ; во-вторыхъ, и примѣшавшееся къ нему безуміе признанное, безспорное безуміе. Итакъ, книга капитальная по своей части. Тончайшія черты общаго явленія должны выказываться здѣсь осязательнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и никто не можетъ подвергнуть сомнѣнію, что это именно черты того явленія, которому принадлежатъ черты смѣшенія безумія съ умомъ. Книга, достойная изученія“. Онъ съ усерднымъ наслажденіемъ принялся читать книгу, которую въ послѣднія сто лѣтъ едва ли кто читалъ, кромѣ корректоровъ ея: читать ее для кого бы то ни было, кромѣ Рахметова, то же самое, что ѣсть песокъ или опилки. Но ему было вкусно.

Такихъ людей, какъ Рахметовъ, мало: я встрѣтилъ до сихъ поръ только восемь образцовъ этой породы (въ томъ числѣ двухъ женщинъ); они не имѣли сходства ни въ чемъ, кромѣ одной черты. Между ними были люди мягкіе и люди суровые, люди мрачные и люди веселые, люди хлопотливые и люди флегматическіе, люди слезливые (одинъ съ суровымъ лицомъ, насмѣшливый до наглости; другой съ деревяннымъ лицомъ, молчаливый и равнодушный ко всему; оба они при мнѣ рыдали нѣсколько разъ, какъ истерическія женщины, и не отъ своихъ дѣлъ, а среди разговоровъ о разной разности; наединѣ, я увѣренъ, плакали часто), и люди, ни отъ чего не перестававшіе быть спокойными. Сходства не было ни въ чемъ, кромѣ одной черты, но она одна уже соединяла ихъ въ одну породу и отдѣляла отъ всѣхъ остальныхъ людей. Надъ тѣми изъ нихъ, съ которыми я былъ близокъ, я смѣялся, когда бывалъ съ ними наединѣ; они сердились или не сердились, но тоже смѣялись надъ собою. И дѣйствительно, въ нихъ было много забавнаго, все главное въ нихъ и было забавно, все то, почему они были людьми особой породы. Я люблю смѣяться надъ такими людьми.

Тотъ изъ нихъ, котораго я встрѣтилъ въ кругу Лопухова и Кирсанова и о которомъ разскажу здѣсь, служить живымъ доказательствомъ, что нужна оговорка къ разсужденіямъ Лопухова и Алексѣя Петровича о свойствахъ почвы, во второмъ снѣ Вѣры Павловны оговорка нужна та, что какова бы ни была почва, а все-таки въ ней могутъ попадаться хоть крошечные клочечки, на ко-

торыхъ могутъ выростать здоровые колосья. Генеалогія главныхъ лицъ моего разсказа: Вѣры Павловны, Кирсанова и Лопухова, не восходитъ, по правдѣ говоря, дальше дѣдушекъ съ бабушками, и развѣ съ большими натяжками можно приставить сверху еще какую-нибудь прабабушку (прадѣлущка уже неизбежно покрыть мракомъ забвенія, извѣстно только, что онъ былъ мужъ прабабушки, и что его звали Кириломъ, потому что дѣдушка былъ Герасимъ Кирилычъ). Рахметовъ былъ изъ фамиліи, извѣстной съ XIII вѣка, то-есть одной изъ древнѣйшихъ не только у насъ, а и въ цѣлой Европѣ. Въ числѣ татарскихъ темниковъ, корпусныхъ начальниковъ, перерѣзанныхъ въ Твери вмѣстѣ съ ихъ войскомъ, по словамъ лѣтописей, будто бы за намѣреніе обратить народъ въ магометанство (намѣреніе, котораго они навѣрное и не имѣли), а по самому дѣлу, просто за угнетеніе, находился Рахметъ. Маленькій сынъ этого Рахмета отъ жены русской, племянницы тверского дворскаго, то-есть оберъ-гофмаршала и фельдмаршала, насильно взятой Рахметомъ, былъ пощаженъ, для матери, и перекрещенъ изъ Латыфа въ Михаила. Отъ этого Латыфа-Михаила Рахметовича пошли Рахметовы. Они въ Твери были боярами, въ Москвѣ стали только окольными, въ Петербургѣ въ прошломъ вѣкѣ бывали генераль-аншефами,—конечно, далеко не всѣ: фамилія развѣтвилась очень многочисленная, такъ что генераль-аншефскихъ чиновъ не достало бы на всѣхъ. Прапрадѣдъ нашего Рахметова былъ пріятелемъ Ивана Ивановича Шувалова, который и возстановилъ его изъ опалы, постигнувшей было его за дружбу съ Минихомъ. Прадѣдъ былъ сослуживцемъ Румянцева, дослужился до генерала-аншефства и убитъ былъ при Нови. Дѣдъ сопровождалъ Александра въ Тильзитъ, и пошелъ бы дальше всѣхъ, но рано потерялъ карьеру за дружбу съ Сперанскимъ. Отецъ служилъ безъ удачи и безъ паденій, въ 40 лѣтъ вышелъ въ отставку генераль-лейтенантомъ, и поселился въ одномъ изъ своихъ помѣстій, разбросанныхъ по верховью Медвѣдицы. Помѣстья были, однакожъ, не очень велики, всего душъ тысячи двѣ съ половиною, а дѣтей на деревенскомъ досугѣ явилось много, человекъ 8; нашъ Рахметовъ былъ предпоследній, моложе его была одна сестра; потому нашъ Рахметовъ былъ уже человекъ не съ богатымъ наслѣдствомъ: онъ получилъ около 400 душъ да 7,000 десятинъ земли. Какъ онъ распорядился съ душами и съ 5,500 десятинъ земли, это не было извѣстно никому, не было извѣстно и то, что за собою оставилъ онъ 1,500 десятинъ, да не было извѣстно и вообще то, что онъ помѣщикъ и что, отдавая въ аренду оставленную за собою долю земли, онъ имѣетъ все-таки еще до 3,000 р. дохода, этого никто не зналъ, пока онъ жилъ между нами. Это мы узнали послѣ, а тогда полагали, конечно, что онъ одной фамиліи съ тѣми Рахметовыми, между которыми много богатыхъ помѣщиковъ, у которыхъ, у всѣхъ однофамильцевъ вмѣстѣ, до 75,000 душъ по верховьямъ Медвѣдицы, Хопра, Суры Цны, которые безземно бываютъ уѣздными предводителями тѣхъ мѣстъ, и не тотъ такъ другой постоянно бываютъ губернскими предводителями то въ той, то въ другой изъ трехъ губерній, по которымъ текутъ ихъ крѣпостныя верховья рѣкъ. И знали мы, что нашъ знакомый Рахметовъ проживаетъ въ годъ рублей 400; для студента это было тогда очень не мало, но для помѣщика изъ Рахметовыхъ уже слишкомъ мало; потому каждый изъ насъ, мало заботившихся о подобныхъ справкахъ, положилъ про себя безъ справокъ, что нашъ

Рахметовъ изъ какой-нибудь захирѣвшей и обезпомѣстившейся вѣтви Рахметовыхъ, сынъ какого-нибудь совѣтника казенной палаты, оставившаго дѣтямъ небольшой капитадецъ. Не интересоваться же въ самомъ дѣлѣ было намъ этими вещами.

Теперь ему было 22 года, а студентомъ онъ былъ съ 16 лѣтъ; но почти на 3 года онъ покидалъ университетъ. Вышелъ изъ 2-го курса, поѣхалъ въ помѣстье, распорядился, побѣдивъ сопротивленіе опекуна, заслуживъ анаѹему отъ братьевъ и достигнувъ того, что мужья запретили его сестрамъ произносить его имя; потомъ скитался по Россіи разными манерами: и сухимъ путемъ, и водою, и тѣмъ и другою по обыкновенному и по необыкновенному, — напри-мѣръ, и пѣшкомъ, и на расшивахъ, и на косныхъ лодкахъ, имѣлъ много приключеній, которыя все самъ устраивалъ себѣ; между прочимъ, отвезъ двухъ человѣкъ въ казанскій, пятерыхъ въ московскій университетъ, — это были его стипендіаты, а въ Петербургъ, гдѣ самъ хотѣлъ жить, не привезъ никого, и потому никто изъ насъ не зналъ, что у него не 400, а 3,000 р. дохода. Это стало извѣстно только уже послѣ, а тогда мы видѣли, что онъ долго про-падалъ, а за два года до той поры, какъ сидѣлъ онъ въ кабинетѣ Кирса-нова за толкованіемъ Ньютона на Апокалипсисъ, возвратился въ Петербургъ, поступилъ на филологическій факультетъ, — прежде былъ на естественномъ, и только.

Но если никому изъ петербургскихъ знакомыхъ Рахметова не были извѣстны его родственныя и денежныя отношенія, зато всѣ, кто его зналъ, знали его подъ двумя прозвищами; одно изъ нихъ уже попадалось въ этомъ разсказѣ — „ригористъ“; его онъ принималъ съ обыкновенною своею легкою улыбкою мрачно-ватаго удовольствія. Но когда его называли Никитушкою, или Ломовымъ, или по полному прозвищу Никитушкою Ломовымъ, онъ улыбался широко и сладко. и имѣлъ на то справедливое основаніе, потому что не получилъ отъ природы, а приобрѣлъ твердостью воли право носить это славное между милліонами людей имя. Но оно гремитъ славою только на полосѣ въ 100 верстъ шириною, идущей по восьми губерніямъ; читателямъ остальной Россіи надобно объяснить, что это за имя. Никитушка Ломовъ, бурлакъ, ходившій по Волгѣ лѣтъ 20, 15 тому назадъ, былъ гигантъ геркулесовской силы; 15 вершковъ ростомъ, онъ былъ такъ широкъ въ груди и въ плечахъ, что вѣсилъ 15 пудовъ, хотя былъ человѣкъ только плотный, а не толстый. Какой онъ былъ силы, объ этомъ довольно сказать одно: онъ получалъ плату за 4 человѣкъ. Когда судно приставало къ городу, и онъ шелъ на рынокъ, по волжскому на базаръ, по дальнимъ переулкамъ раздавались крики парней: „Никитупка Ломовъ идетъ, Никитупка Ломовъ идетъ!“ и всѣ бѣжали на улицу, ведущую съ пристани къ базару, и толпа народа валила вслѣдъ за своимъ богатыремъ.

Рахметовъ въ 16 лѣтъ, когда пріѣхалъ въ Петербургъ, былъ съ этой стороны обыкновеннымъ юношею довольно высокаго роста, довольно крѣпкимъ, но далеко не замѣчательнымъ по силѣ: изъ десяти встрѣчныхъ его сверстниковъ, двое, навѣрно, сладили бы съ нимъ. Но на половинѣ 17-го года онъ вздумалъ, что нужно приобрести физическое богатство, и началъ работать надъ собою. Сталъ очень усердно заниматься гимнастикою; это хорошо, но вѣдъ гимнастика только совершенствуетъ матеріалъ, надо запастись матеріа-

ломъ, и вотъ, на время, вдвое большее занятій гимнастикою, на нѣсколько часовъ въ день, онъ становился чернорабочимъ по работамъ, требующимъ силы: возилъ воду, таскалъ дрова, рубилъ дрова, пилилъ лѣсъ, тесалъ камни, копалъ землю, ковалъ желѣзо; много работъ онъ проходилъ, и часто мѣнялъ ихъ, потому что отъ каждой новой работы, съ каждой переменной, получаютъ новое развитіе какіе-нибудь мускулы. Онъ принялъ боксерскую діету: сталъ кормить себя, — именно кормить себя, — исключительно вещами, имѣющими репутацію укрѣплять физическую силу, больше всего бифштексомъ, почти сыромъ, и съ тѣхъ поръ всегда жилъ такъ. Черезъ годъ послѣ начала этихъ занятій онъ отправился въ свое странствованіе, и тутъ имѣлъ еще больше удобства заниматься развитіемъ физической силы: былъ пахаремъ, плотникомъ, перевозчикомъ и работникомъ всякихъ здоровыхъ промысловъ; разъ даже прошелъ бурлакомъ всю Волгу, отъ Дубовки до Рыбинска. Сказать, что онъ хочетъ быть бурлакомъ, показалось бы хозяину судна и бурлакамъ верхомъ нелѣпости, и его не приняли бы; но онъ сѣлъ просто пассажиромъ, подружившись съ артелью, сталъ помогать тянуть лямку, и черезъ недѣлю запрягся въ нее какъ слѣдуетъ настоящему рабочему; скоро замѣтили, какъ онъ тянетъ, начали пробовать силу, — онъ перетягивалъ троихъ, даже четверыхъ самыхъ здоровыхъ изъ своихъ товарищей; тогда ему было 20 лѣтъ, и товарищи его по лямкѣ окрестили его Никитушкою Ломовымъ, по памяти героя, уже сошедшаго тогда со сцены. На слѣдующее лѣто онъ ѣхалъ на пароходѣ; одинъ изъ простонародія, толпившагося на палубѣ, оказался его прошлогоднимъ сослуживцемъ по лямкѣ, а такимъ-то образомъ его спутники студенты узнали, что его слѣдуетъ звать Никитушкою Ломовымъ. Дѣйствительно, онъ приобрѣлъ и не щадя времени поддерживалъ въ себѣ непомѣрную силу. „Такъ нужно, говорилъ онъ: — это даетъ уваженіе и любовь простыхъ людей. Это полезно, можетъ пригодиться“.

Это ему засѣло въ голову съ половины 17-го года, потому что съ этого времени и вообще начала развиваться его особенность. 16 лѣтъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ обыкновеннымъ, хорошимъ, кончившимъ курсъ гимназистомъ, обыкновеннымъ добрымъ и честнымъ юношею, и провелъ мѣсяца три, четыре по обыкновенному, какъ проводятъ начинающіе студенты. Но сталъ онъ слышать, что есть между студентами особенно умныя головы, которые думаютъ не такъ, какъ другіе, и узналъ съ пятокъ именъ такихъ людей. — тогда ихъ было еще мало. Они заинтересовали его, онъ сталъ искать знакомства съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ; ему случилось сойтись съ Кирсановымъ, и началось его перерожденіе въ особеннаго человѣка, въ будущаго Никитушку Ломова и ригориста. Жадно слушалъ онъ Кирсанова въ первый вечеръ, плакалъ, перерывалъ его слова восклицаніями проклятій тому, что должно погибнуть, благословеній тому, что должно жить. — „Съ какихъ же книгъ мнѣ начать читать?“ Кирсановъ указалъ. Онъ на другой день ужъ съ 8 часовъ утра ходилъ по Невскому, отъ Адмиралтейской до Полицейскаго моста, выжидая, какой нѣмецкій или французскій книжный магазинъ первый откроется, взялъ, что нужно, и читалъ больше трехъ сутокъ сряду, — съ 11 часовъ утра четверга до 9 часовъ вечера воскресенья, 82 часа; первыя двѣ ночи не спалъ такъ, на третью выпилъ восемь стакановъ крѣпчайшаго кофе, до четвертой ночи не хватило

силы ни съ какимъ кофе, онъ повалился и проспалъ на полу часовъ 15. Черезъ недѣлю онъ пришелъ къ Кирсанову, потребовалъ указаній на новыя книги, объясненій; подружился съ нимъ, потомъ черезъ него подружился съ Лопуховымъ. Черезъ полгода, хотъ ему было только 17 лѣтъ, а имъ ужъ по 21 году, они ужъ не считали его молодымъ человѣкомъ сравнительно съ собою, и ужъ онъ былъ особеннымъ человѣкомъ.

Какіе задатки для того лежали въ его прошлой жизни? Не очень большіе, но лежали. Отецъ его былъ человѣкъ деспотическаго характера, очень умный, образованный и ультра-консерваторъ,—въ томъ же смыслѣ, какъ Марья Алексѣвна, ультра-консерваторъ, но честный. Ему, конечно, было тяжело. Это одно еще ничего бы. Но мать его, женщина довольно деликатная, страдала отъ тяжелаго характера мужа, да и видѣлъ онъ, чтò въ деревнѣ. И это бы все еще ничего; было еще вотъ что: на 15-мъ году онъ влюбился въ одну изъ любовницъ отца. Произошла исторія, конечно, надъ нею особенно. Ему было жалко женщину, сильно пострадавшую черезъ него. Мысли стали бродить въ немъ, и Кирсановъ былъ для него тѣмъ, чѣмъ Лопуховъ для Вѣры Павловны. Задатки въ прошлой жизни были; но чтобы стать такимъ особеннымъ человѣкомъ, конечно, главное — натура. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, какъ вышелъ онъ изъ университета и отправился въ свое помѣстье, потомъ въ странствованіе по Россіи, онъ уже принялъ оригинальные принципы и въ матеріальной, и въ нравственной, и въ умственной жизни, а когда онъ возвратился, они уже развились въ законченную систему, которой онъ держался неуклонно. Онъ сказалъ себѣ: „я не пью ни капли вина. Я не прикасаюсь къ женщинѣ“. А натура была кипучая. „Зачѣмъ это? Такая крайность вовсе не нужна“. — „Такъ нужно. Мы требуемъ для людей полного наслажденія жизнью,—мы должны своею жизнью свидѣтельствовать, что мы требуемъ этого не для удовлетворенія своимъ личнымъ страстямъ, не для себя лично, а для человѣка вообще, что мы говоримъ только по принципу, а не по пристрастію, по убѣжденію, а не по личной надобности“.

Поэтому же онъ сталъ и вообще вести самый суровый образъ жизни. Чтобы сдѣлаться и продолжать быть Никитушкою Ломовымъ, ему нужно было ѣсть говядины, много говядины,—и онъ ѣлъ ея много. Но онъ жалѣлъ каждой копѣйки на какую-нибудь пищу, кромѣ говядины; говядину онъ велѣлъ хозяйкѣ брать самую отличную, нарочно для него самые лучшіе куски, но остальное ѣлъ у себя дома все только самое дешевое. Отказался отъ бѣлаго хлѣба, ѣлъ только черныи за своимъ столомъ. По цѣлымъ недѣлямъ у него не бывало во рту куса сахара, по цѣлымъ мѣсяцамъ никакого фрукта, ни куса телятины, или пулярки. На свои деньги онъ не покупалъ ничего подобнаго: „не имѣю права тратить деньги на прихоть, безъ которой могу обойтись“, — а вѣдь онъ воспитанъ былъ на роскошномъ столѣ и имѣлъ тонкій вкусъ, какъ видно было по его замѣчаніямъ о блюдахъ, когда онъ обѣдалъ у кого-нибудь за чужимъ столомъ, онъ ѣлъ съ удовольствіемъ многія изъ блюдъ, отъ которыхъ отказывалъ себѣ въ своемъ столѣ, другихъ не ѣлъ и за чужимъ столомъ. Причина различенія была основательная: „то, что ѣсть, хотя по временамъ, простой народъ, и я могу ѣсть при случаѣ. Того, что никогда недоступно простымъ людямъ, и я не долженъ ѣсть! это нужно мнѣ для того,

чтобы хотя нѣсколько чувствовать, насколько стѣснена ихъ жизнь сравнительно съ моею“. Поэтому, если подавались фрукты, онъ абсолютно ѣлъ яблоки, абсолютно не ѣлъ абрикосовъ; апельсины ѣлъ въ Петербургѣ, не ѣлъ въ провинціи, — видите, въ Петербургѣ простой народъ ѣстъ ихъ, а въ провинціи не ѣстъ. Паштеты ѣлъ потому, что „хорошій пирогъ не хуже паштета, и слоеное тѣсто знакомо простому народу“, но сардинокъ не ѣлъ. Одѣвался онъ очень бѣдно, хотъ любилъ изящество, и во всемъ остальномъ велъ спартанскій образъ жизни: напримѣръ, не допускалъ тюфяка, и спалъ на войлокѣ, даже не разрѣшая себѣ свернуть его вдвое.

Было у него угрызёніе совѣсти,—онъ не бросилъ курить: „безъ сигары не могу думать; если дѣйствительно такъ, я правъ; но быть можетъ, это слабость воли“. А дурныхъ сигаръ онъ не могъ курить, — вѣдь онъ воспитанъ былъ въ аристократической обстановкѣ. Изъ 400 р. его расхода до 150 выходило у него на сигары. „Гнусная слабость“, какъ онъ выражался. Только она и давала нѣкоторую возможность отбиваться отъ него: если ужъ начнетъ слишкомъ доѣзжать своими обличеніями, доѣзжаемый скажетъ ему: „да вѣдь совершенство невозможно—ты же куришь“, —тогда Рахметовъ приходилъ въ двойную силу обличенія, но большую половину укоризнъ обращалъ уже на себя, обличаемому все-таки доставалось меньше, хотъ онъ не вовсе забывалъ его изъ-за себя.

Онъ успѣвалъ дѣлать страшно много, потому что и въ распоряженіи временемъ положилъ на себя точно такое же обузданіе прихотей, какъ въ матеріальныхъ вещахъ. Ни четверти часа въ мѣсяцъ не пропадало у него на развлеченіе, отдыха ему не было нужно. „У меня занятія разнообразны: перемѣна занятія есть отдыхъ“. Въ кругу пріятелей, сборные пункты которыхъ находились у Кирсанова и Лопухова, онъ бывалъ никакъ не чаще того, сколько нужно, чтобы остаться въ тѣсномъ отношеніи къ нему: „это нужно: ежедневные случаи доказываютъ пользу имѣть тѣсную связь съ какимъ-нибудь кругомъ людей,—надобно имѣть подъ руками всегда открытые источники для разныхъ справокъ“. Кромѣ какъ въ собраніяхъ этого кружка, онъ никогда ни у кого не бывалъ иначе, какъ по дѣлу, и ни пятью минутами больше, чѣмъ нужно по дѣлу; и у себя никого не принималъ и не допускалъ оставаться иначе, какъ на томъ же правилѣ: онъ безъ околичностей объявлялъ гостю: „мы переговорили о вашемъ дѣлѣ; теперь позвольте мнѣ заняться другими дѣлами, потому что я долженъ дорожить временемъ“.

Въ первые мѣсяцы своего перерожденія онъ почти все время проводилъ въ чтеніи, но это продолжалось лишь немного болѣе полгода: когда онъ увидѣлъ, что пріобрѣлъ систематическій образъ мыслей въ томъ духѣ, принципы котораго нашелъ справедливыми, онъ тотчасъ же сказалъ себѣ: „теперь чтеніе стало дѣломъ второстепеннымъ; я съ этой стороны готовъ для жизни“, и сталъ отдавать книгамъ только время, свободное отъ другихъ дѣлъ, а такого времени оставалось у него мало. Но несмотря на это, онъ расширялъ кругъ своего знанія съ изумительною быстротою: теперь, когда ему было 22 года, онъ былъ уже человѣкомъ очень замѣчательно основательной учености. Это потому, что онъ и тутъ поставилъ себѣ правиломъ: роскоши и прихоти—никакой; исключительно то, что нужно. А что нужно? Онъ говорилъ: „по каждому предмету

капитальныхъ сочиненій очень немного; во всѣхъ остальныхъ только повторяется, разжижается, портится то, что все гораздо полнѣе и яснѣе заключено въ этихъ немногихъ сочиненіяхъ. Надобно читать только ихъ; всякое другое чтеніе—только напрасная трата времени. Беремъ русскую беллетристику. Я говорю: прочитаю прежде всего Гоголя. Въ тысячахъ другихъ повѣстей я уже вижу по пяти строкамъ съ пяти разныхъ страницъ, что не найду ничего, кромѣ испорченнаго Гоголя,—зачѣмъ я стану ихъ читать? Такъ и въ наукахъ,—въ наукахъ даже еще рѣзче эта граница. Если я прочелъ Адама Смита, Мальтуса, Рикардо и Милля, я знаю альфу и омегу этого направленія, и мнѣ не нужно читать ни одного изъ сотенъ политико-экономовъ, какъ бы ни были они знамениты; я по пяти строкамъ съ пяти страницъ вижу, что не найду у нихъ ни одной свѣжей мысли, имъ принадлежащей, все заимствованія и искаженія. Я читаю только самобытное, и лишь настолько, чтобы знать эту самобытность“. Поэтому никакими силами нельзя было заставить его читать Маколея; посмотрѣвъ четверть часа на разныя страницы, онъ рѣшилъ: „я знаю все матеріи, изъ которыхъ набраны эти лоскуты“. Онъ прочиталъ „Ярмарку Суеты“ Теккерея съ наслажденіемъ, а началъ читать „Пенденниса“, закрылъ на 20-й страницѣ: „весь высказался въ „Ярмаркѣ Суеты“; видно, что больше ничего не будетъ, и читать не нужно“. — „Каждая прочтенная мною книга такова, что избавляетъ меня отъ надобности читать сотни книгъ“, говорилъ онъ.

Гимнастика, работа для упражненія силы, чтеніе были личными занятіями Рахметова; но по его возвращеніи въ Петербургъ они брали у него только четвертую долю его времени, остальное время онъ занимался чужими дѣлами, или ничьими въ особенности дѣлами, постоянно соблюдая то же правило, какъ въ чтеніи: не тратить времени надъ второстепенными дѣлами и съ второстепенными людьми, заниматься только капитальными, отъ которыхъ уже и безъ него измѣняются второстепенныя дѣла и руководимые люди. Напримѣръ, въ своего круга онъ знакомился только съ людьми, имѣющими вліяніе на другихъ. Кто не былъ авторитетомъ для нѣсколькихъ другихъ людей, тотъ никакими способами не могъ даже войти въ разговоръ съ нимъ. Онъ говорилъ: „вы меня извините, мнѣ некогда“, и отходилъ. Но точно такъ же, никакими средствами не могъ избѣжать знакомства съ нимъ тотъ, съ кѣмъ онъ хотѣлъ познакомиться. Онъ просто являлся къ вамъ и говорилъ, что ему было нужно, съ такимъ предисловіемъ: „я хочу быть знакомымъ съ вами; это нужно. Если вамъ теперь не время, назначьте другое“. На мелкія ваши дѣла онъ не обращалъ никакого вниманія, хотя бы вы были ближайшимъ его знакомымъ и упрашивали его вникнуть въ ваше затрудненіе: „мнѣ некогда“, говорилъ онъ и отворачивался. Но въ важныя дѣла вступался, когда это было нужно по его мнѣнію, хотя бы никто этого не желалъ: „я долженъ“, говорилъ онъ. Какія вещи онъ говорилъ и дѣлалъ въ этихъ случаяхъ, уму непостижимо. Да вотъ, напримѣръ, мое знакомство съ нимъ. Я былъ тогда уже не молодой, жилъ порядочно, потому ко мнѣ собиралось по временамъ человѣкъ пять, шесть молодежи изъ моей провинціи. Слѣдовательно, я уже былъ для него человѣкъ драгоцѣнный: эти молодые люди были расположены ко мнѣ, находя во мнѣ расположеніе къ себѣ; вотъ онъ и слышалъ по этому случаю мою фамилію. А я, когда въ первый разъ увидѣлъ его у Кирсанова, еще не слышалъ о немъ:

это было вскорѣ по его возвращеніи изъ странствія. Онъ вошелъ послѣ меня; я былъ только одинъ незнакомый ему человѣкъ въ обществѣ. Онъ, какъ вошелъ, отвелъ Кирсанова въ сторону и, указавши глазами на меня, сказалъ нѣсколько словъ. Кирсановъ отвѣчалъ ему тоже немногими словами, и былъ отпущенъ. Черезъ минуту Рахметовъ сѣлъ прямо противъ меня, всего только черезъ небольшой столъ у дивана, и съ этого-то разстоянія какихъ-нибудь полтора аршинъ началъ смотрѣть мнѣ въ лицо изо всей силы. Я былъ раздосадованъ: онъ разсматривалъ меня безъ церемоніи, будто передъ нимъ не человѣкъ, а портретъ,—я нахмурился. Ему не было никакого дѣла. Посмотрѣвши минуту двѣ, три, онъ сказалъ мнѣ: „Г. Н., мнѣ нужно съ вами познакомиться. Я васъ знаю, вы меня—нѣтъ. Спросите обо мнѣ у хозяина и у другихъ, кому вы особенно вѣрите изъ этой компаніи“, всталъ и ушелъ въ другую комнату. „Что это за чудакъ?“—Это Рахметовъ. Онъ хочетъ, чтобы вы спросили заслуживаетъ ли онъ довѣрія,—безусловно, и заслуживаетъ ли онъ вниманія,—онъ поважнѣе всѣхъ насъ здѣсь, взятыхъ вмѣстѣ“, сказалъ Кирсановъ, другіе подтвердили. Черезъ пять минутъ онъ вернулся въ ту комнату, гдѣ всѣ сидѣли. Со мною не заговаривалъ, и съ другими говорилъ мало,—разговоръ былъ не ученый и не важный. „А, десять часовъ уже,—произнесъ онъ черезъ нѣсколько времени:—въ 10 часовъ у меня есть дѣло въ другомъ мѣстѣ. Г. Н.,—онъ обратился ко мнѣ:—я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ. Когда я отвелъ хозяина въ сторону спросить его, кто вы, я указалъ на васъ глазами, потому что вѣдь вы все равно должны были замѣтить, что я спрашиваю о васъ, кто вы; слѣдовательно, напрасно было бы не дѣлать жестовъ, натуральныхъ при такомъ вопросѣ. Когда вы будете дома, чтобы я могъ зайти къ вамъ?“ Я тогда не любилъ новыхъ знакомствъ, а эта навязчивость уже вовсе не нравилась мнѣ.—Я только ночую дома; меня цѣлый день нѣтъ дома, сказалъ я.—„Но почуете дома? Въ какое же время вы возвращаетесь ночевать?“—Очень поздно.—„Напримѣръ?“—Часа въ два, въ три.—„Это все равно, назначьте время.“—Если вамъ непремѣнно угодно, утромъ послѣзавтра, въ половинѣ 4-го.—„Конечно, я долженъ принимать ваши слова за насмѣшку и грубость; а можетъ быть и то, что у васъ есть свои причины, можетъ быть, даже заслуживающія одобренія. Во всякомъ случаѣ, я буду у васъ послѣзавтра поутру въ половинѣ 4-го.“—Нѣтъ, ужъ если вы такъ рѣшительны, то лучше заходите попозднѣе: я все утро буду дома, до 12 часовъ.—„Хорошо, найду часовъ въ 10. Вы будете одинъ?“—Да.—„Хорошо“. Онъ пришелъ, и точно такъ же безъ околичностей приступилъ къ дѣлу, по которому нашелъ нужнымъ познакомиться. Мы потолковали съ полчаса; о чемъ толковали, это все равно; довольно того, что онъ говорилъ: „надобно“, я говорилъ: „нѣтъ“; онъ говорилъ: „вы обязаны“, я говорилъ: „нисколько“. Черезъ полчаса онъ сказалъ: „ясно, что продолжать бесполезно. Вѣдь вы убѣждены, что я человѣкъ, заслуживающій безусловнаго довѣрія?“—„Да, мнѣ сказали это всѣ, и я самъ теперь вижу“.—„И все-таки остаетесь при своемъ?“—Остаюсь.—„Знаете вы, что изъ этого слѣдуетъ? То, что вы или лжете, или дрянь!“ Какъ это понравится? Что надобно было бы сдѣлать съ другимъ человѣкомъ за такія слова? вызвать на дуэль? но онъ говоритъ такимъ тономъ, безъ всякаго личнаго чувства, будто историкъ, судящій холодно не для обиды, а для истины, и самъ

былъ такъ странный, что смѣшно было бы обижаться, и я только могъ за-смѣяться:—да вѣдь это одно и то же, сказалъ я.— „Въ настоящемъ случаѣ, не одно и то же“.— Ну, такъ можетъ быть я то и другое вмѣстѣ.— „Въ настоящемъ случаѣ то и другое вмѣстѣ невозможно. Но одно изъ двухъ—непремѣнно: или вы думаете и дѣлаете не то, что говорите: въ такомъ случаѣ вы лжете; или вы думаете и дѣлаете дѣйствительно то, что говорите: въ такомъ случаѣ вы дрянн. Одно изъ двухъ непремѣнно. Я полагаю, первое“.— Какъ вамъ угодно, такъ и думайте, сказалъ я, продолжая смѣяться.— Прощайте. Во всякомъ случаѣ знайте, что я сохраняю довѣріе къ вамъ и готовъ возобновить нашъ разговоръ, когда вамъ будетъ угодно“.

При всей дикости этого случая, Рахметовъ былъ совершенно правъ: и въ томъ, что началъ такъ, потому что вѣдь онъ прежде хорошо узналъ обо мнѣ, и только тогда уже началъ дѣло, и въ томъ, что такъ кончилъ разговоръ; я дѣйствительно говорилъ ему не то, что думалъ, и онъ дѣйствительно имѣлъ право назвать меня лжецомъ, и это нисколько не могло быть обидно, даже щекотливо для меня „въ настоящемъ случаѣ“, по его выраженію, потому что такой былъ случай, и онъ дѣйствительно могъ сохранять ко мнѣ прежнее довѣріе и, пожалуй, уваженіе.

Да, при всей дикости его манеры, каждый оставался убѣжденъ, что Рахметовъ поступилъ именно такъ, какъ благоразумнѣе и проще всего было поступить, и свои страшныя рѣзкости, ужаснѣйшія укорины онъ говорилъ такъ, что никакой разсудительный человѣкъ не могъ ими обижаться, и при всей своей феноменальной грубости онъ былъ, въ сущности, очень деликатенъ. У него были и предисловія въ этомъ родѣ. Всякое щекотливое объясненіе онъ начиналъ такъ: „вамъ извѣстно, что я буду говорить безъ всякаго личнаго чувства. Если мои слова будутъ непріятны, прошу извинить ихъ. Но я нахожу, что не слѣдуетъ обижаться ничѣмъ, что говорится добросовѣстно, вовсе не съ цѣлью оскорбленія, а по надобности. Впрочемъ, какъ скоро вамъ покажется бесполезно продолжать слышать мои слова, я останавлиюсь: мое правило предлагать мое мнѣніе всегда, когда я долженъ, и никогда не навязывать его“. И дѣйствительно, онъ не навязывалъ: никакъ нельзя было спастись отъ того, чтобъ онъ, когда находилъ это нужнымъ, не высказалъ вамъ своего мнѣнія настолько, чтобы вы могли понять, о чемъ и въ какомъ смыслѣ онъ хочетъ говорить; но онъ дѣлалъ это въ двухъ, трехъ словахъ, и потомъ спрашивалъ: „теперь вы знаете, каково было бы содержаніе разговора: находите ли вы полезнымъ имѣть такой разговоръ?“ Если вы сказали „нѣтъ“, онъ кланялся и отходилъ.

Вотъ какъ онъ говорилъ и велъ свои дѣла, а дѣлъ у него была бездна, и все дѣла, не касавшіяся лично до него: личныхъ дѣлъ у него не было. Это все знали; но какія дѣла у него, этого кружокъ не зналъ. Видно было только, что у него множество хлопотъ. Онъ мало бывалъ дома, все ходилъ и разъѣзжалъ, больше ходилъ. Но и у него безпрестанно бывали люди, то все одни и тѣ же, то все новыя: для этого у него было положено: быть всегда дома отъ 2 до 3 часовъ; въ это время онъ говорилъ о дѣлахъ и обѣдалъ. Но часто по нѣскольку дней его не бывало дома. Тогда, вмѣсто него, сидѣлъ у него и принималъ посѣтителей одинъ изъ его пріятелей, преданный ему душою и тѣломъ и молчаливый, какъ могила.

Года черезъ два послѣ того, какъ мы видимъ его сидящимъ въ кабинетѣ Кирсанова за Ньютоновымъ толкованіемъ на Апокалипсисъ, онъ уѣхалъ изъ Петербурга, сказавши Кирсанову и еще двумъ, тремъ самымъ близкимъ друзьямъ, что ему здѣсь нечего дѣлать больше, что онъ сдѣлалъ все, что могъ, что больше дѣлать можно будетъ только года черезъ три, что эти три года теперь у него свободны, что онъ думаетъ воспользоваться ими, какъ ему кажется нужно для будущей дѣятельности. Мы узнали потомъ, что онъ проѣхалъ въ свое бывшее помѣстье, продалъ оставшуюся у него землю, получилъ тысячъ 35, заѣхалъ въ Казань и Москву, роздалъ около 5 тысячъ своимъ семи стипендіатамъ, чтобы они могли кончить курсъ, тѣмъ и кончалась его достовѣрная исторія. Куда онъ дѣвался изъ Москвы, неизвѣстно. Когда прошло нѣскольکو мѣсяцевъ безъ всякихъ слуховъ о немъ, люди, знавшіе о немъ что-нибудь, кромѣ извѣстнаго всѣмъ, перестали скрывать вещи, о которыхъ по его просьбѣ молчали, пока онъ жилъ между нами. Тогда-то узналъ нашъ кружокъ и то, что у него были стипендіаты, узналъ большую часть изъ того о его личныхъ отношеніяхъ, что я рассказалъ, узналъ множество исторій, далеко впрочемъ не разъяснявшихъ всего, даже ничего не разъяснявшихъ, а только дѣлавшихъ Рахметова лицомъ еще болѣе загадочнымъ для всего кружка, исторій, изумлявшихъ своею странностью или совершенно противорѣчившихъ тому понятію, какое кружокъ имѣлъ о немъ, какъ о человѣкѣ совершенно чорствомъ для личныхъ чувствъ, не имѣвшемъ, если можно такъ выразиться, личного сердца, которое билось бы ощущеніями личной жизни. Рассказывать всѣ эти исторіи было бы здѣсь неумѣстно. Приведу лишь двѣ изъ нихъ, по одной на каждый изъ двухъ родовъ: одну дикаго сорта, другую — сорта противорѣчившаго прежнему понятію кружка о немъ. Выбираю изъ исторій, рассказанныхъ Кирсановымъ.

За годъ передъ тѣмъ, какъ во второй и, вѣроятно, окончательный разъ пропалъ изъ Петербурга, Рахметовъ сказалъ Кирсанову: „дайте мнѣ порядочное количество мази для заживленія ранъ отъ острыхъ орудій“. Кирсановъ далъ огромнѣйшую банку, думая, что Рахметовъ хочетъ отнести лекарство въ какую-нибудь артель плотниковъ или другихъ мастеровыхъ, которые часто подвергаются порѣзамъ. На другое утро хозяйка Рахметова въ страшномъ испугѣ прибѣжала къ Кирсанову: „батюшка лекарь, не знаю, что съ моимъ жильцомъ сдѣлалось: не выходитъ долго изъ своей комнаты, дверь заперъ, я заглянула въ щель: онъ лежитъ весь въ крови: я какъ закричу, а онъ мнѣ говоритъ сквозь дверь: „ничего, Аграфена Антоновна“ — какое, ничего! Спаси. батюшка лекарь, боюсь смертнаго случая. Вѣдь онъ такой до себя безжалостный“. Кирсановъ поскакалъ. Рахметовъ отперъ дверь съ мрачною широкою улыбкою, и посѣтитель увидѣлъ вещь, отъ которой и не Аграфена Антоновна могла развести руками: спина и бока всего бѣлья Рахметова (онъ былъ въ одномъ бѣльѣ) были облиты кровью, подъ кроватью была кровь, войлокъ, на которомъ онъ спалъ, также въ крови; въ войлокѣ были натканы сотни мелкихъ гвоздей илиишками съ-исподи, остріями вверхъ, они высовывались изъ войлока чуть не на полвершка; Рахметовъ лежалъ на нихъ ночь. „Что это такое, помилуйте. Рахметовъ“, — съ ужасомъ проговорилъ Кирсановъ. — „Проба. Нужно. Неправдоподобно, конечно: однакоже, на всякій случай нужно. Вижу, могу“.

Кромѣ того, что видѣлъ Рахметовъ, видно изъ этого также, что хозяйка, вѣроятно, могла бы рассказать много разнаго любопытнаго о Рахметовѣ; но, въ качествѣ простодушной и простошлатной, старуха была безъ ума отъ него, и ужь, конечно, отъ нея нельзя было бы ничего добиться. Она и въ этотъ-то разъ побѣжала къ Кирсанову потому только, что самъ Рахметовъ дозволилъ ей это для ея успокоенія: она слишкомъ плакала, думая, что онъ хочетъ убить себя.

Мѣсяца черезъ два послѣ этого, дѣло было въ концѣ мая, Рахметовъ пропадалъ на недѣлю или больше, но тогда никто этого не замѣтилъ, потому что пропадать на нѣсколько дней случалось ему нерѣдко. Теперь Кирсановъ рассказалъ слѣдующую исторію о томъ, какъ Рахметовъ провелъ эти дни. Они составляли эротическій эпизодъ въ жизни Рахметова. Любовь произошла изъ событія достойнаго Никитушки Ломова. Рахметовъ шелъ изъ перваго Парголова въ городъ, задумавшись и больше глядя въ землю, по своему обыкновенію, по сосѣдству лѣснаго института. Онъ былъ пробужденъ отъ раздумья отчаяннымъ крикомъ женщины; взглянулъ: лошадь понесла даму, катавшуюся въ шарабанѣ, дама сама правила, и не справилась, вожжи волочили въ землю—лошадь была уже въ двухъ шагахъ отъ Рахметова; онъ бросился на середину дороги, но лошадь ужь пронеслась мимо, онъ не успѣлъ поймать поводъ, успѣлъ только схватиться за заднюю ось шарабана—и остановилъ, но упалъ. Подбѣжалъ народъ, помогли дамѣ сойти съ шарабана, подняли Рахметова; у него была нѣсколько разбита грудь, но главное, колесомъ вырвало ему порядочный кусокъ мяса изъ ноги. Дама уже опомнилась и приказала отнести его къ себѣ на дачу, въ какой-нибудь полувѣстѣ. Онъ согласился, потому что чувствовалъ слабость, но потребовалъ, чтобы послали непременно за Кирсановымъ, ни за какимъ другимъ медикомъ. Кирсановъ нашелъ ушибъ груди не важнымъ, но самого Рахметова уже очень ослабѣвшимъ отъ потери крови. Онъ пролежалъ дней десять. Спасенная дама, конечно, ухаживала за нимъ сама. Ему ничего другого нельзя было дѣлать отъ слабости, а потому онъ говорилъ съ нею,—вѣдь все равно, время пропадало бы даромъ,—говорилъ и разговаривалъ. Дама была вдова лѣтъ 19, женщина не бѣдная, и вообще совершенно независимаго положенія, умная, порядочная женщина. Огненные рѣчи Рахметова, конечно не о любви, очаровали ее: „я во снѣ вижу его окруженнаго сіяньемъ“, говорила она Кирсанову. Онъ также полюбилъ ее. Она, по платью и по всему, считала его человекомъ, не имѣющимъ совершенно ничего, потому первая призналась и предложила ему вѣнчаться, когда онъ, на 11 день, всталъ и сказалъ, что можетъ ѣхать домой. „Я былъ съ вами откровеннѣе, чѣмъ съ другими; вы видите, что такіе люди, какъ я, не имѣютъ права связывать чью-нибудь судьбу съ своею“.—Да, это правда,—сказала она:—вы не можете жениться. Но пока вамъ придется бросить меня, до тѣхъ поръ любите меня.—„Нѣтъ, и этого я не могу принять,—сказалъ онъ:—я долженъ подавить въ себѣ любовь: любовь къ вамъ связывала бы мнѣ руки, онъ и такъ не скоро развяжутся у меня,—ужь связаны. Но развяжу. Я не долженъ любить“. Что было потомъ съ этою дамою? Въ ея жизни долженъ былъ произойти переломъ; по всей вѣроятности, она и сама сдѣлалась особеннымъ человекомъ. Мнѣ хотѣлось узнать. Но я этого не знаю, Кир-

сановъ не сказалъ мнѣ ея имени, а самъ тоже не зналъ, что съ нею: Рахметовъ просилъ его не видаться съ нею, не справляться о ней: „если я буду полагать, что вы будете что-нибудь знать о ней, я не удержусь, стану спрашивать, а это не годится“. Узнавъ такую исторію, всѣ вспомнили, что въ то время, мѣсяца полтора или два, а можетъ быть и больше, Рахметовъ былъ мрачноватѣе обыкновеннаго, не приходилъ въ азартъ противъ себя, сколько бы ни кололи ему глаза его гнусною слабостью, то-есть, сигарами, и не улыбался широко и сладко, когда ему льстили именемъ Никитушки Ломова. А я вспомнилъ и больше: въ то лѣто, три, четыре раза, въ разговорахъ со мною, онъ, черезъ нѣсколько времени послѣ перваго нашего разговора, полюбилъ меня за то, что я смѣялся (наединѣ съ нимъ) надъ нимъ, и въ отвѣтъ на мои насмѣшки вырывались у него такого рода слова: „да, жалѣйте меня, вы правы, жалѣйте: вѣдь и я тоже не отвлеченная идея, а человѣкъ, которому хотѣлось бы жить. Ну, да это ничего, пройдетъ“, прибавлялъ онъ. И точно, прошло. Только однажды, когда уже я слишкомъ много расшевелилъ его насмѣшками, даже позднею осенью, все еще вызвалъ я изъ него эти слова.

Проницательный читатель, можетъ быть, догадывается изъ этого, что я знаю о Рахметовѣ больше, чѣмъ говорю. Можетъ быть. Я не смѣю противорѣчить ему, потому что онъ проницателенъ. Но если я знаю, то мало ли чего я знаю такого, чего тебѣ, проницательный читатель, во вѣки вѣковъ не узнать. А вотъ чего я дѣйствительно не знаю, такъ не знаю: гдѣ теперь Рахметовъ, и что съ нимъ, и увижу ли я его когда-нибудь. Объ этомъ я не имѣю никакихъ другихъ ни извѣстій, ни догадокъ, кромѣ тѣхъ, какія имѣютъ всѣ его знакомые. Когда прошло мѣсяца три, четыре послѣ того, какъ онъ пропалъ изъ Москвы, и не приходило никакихъ слуховъ о немъ, мы всѣ предположили, что онъ отправился путешествовать по Европѣ. Догадка эта, кажется, вѣрна. По крайней мѣрѣ, она подтверждается вотъ какимъ случаемъ. Черезъ годъ послѣ того, какъ пропалъ Рахметовъ, одинъ изъ знакомыхъ Кирсанова встрѣтилъ въ вагонѣ по дорогѣ изъ Вѣны въ Мюнхенъ молодого человѣка, русскаго, который говорилъ, что объѣхалъ славянскія земли, вездѣ сближался со всѣми классами, въ каждой землѣ оставался по столько, чтобы достаточно узнать понятія, нравы, образъ жизни, бытовые учрежденія, степень благосостоянія всѣхъ главныхъ составныхъ частей населенія, жилъ для этого и въ городахъ, и въ селахъ, ходилъ пѣшкомъ изъ деревни въ деревню, потомъ точно такъ же познакомился съ румунами и венграми, объѣхалъ и обошелъ сѣверную Германію, оттуда пробрался опять къ югу, въ нѣмецкія провинціи Австріи, теперь ѣдетъ въ Баварію, оттуда въ Швейцарію, черезъ Вюртембергъ и Баденъ во Францію, которую объѣдетъ точно такъ же, оттуда затѣмъ же пройдетъ въ Англію, и на это употребить еще годъ; если останется изъ этого года время, онъ посмотритъ и на испанцевъ, и на итальянцевъ, если же не останется времени, такъ и быть, потому что это не такъ „нужно“, а тѣ земли осмотрѣть „нужно“ — зачѣмъ же? — „для соображеній“; а что черезъ годъ во всякомъ случаѣ ему „нужно“ быть уже въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, изучить которые болѣе „нужно“ ему, чѣмъ какую-нибудь другую землю, и тамъ онъ останется долго, можетъ быть, болѣе года, а можетъ быть, и навсегда. Если онъ тамъ найдетъ себѣ дѣло, по вѣроятію, что года черезъ три онъ возвра-

тится въ Россію, потому что, кажется, въ Россіи, не теперь, а тогда, года черезъ три, четыре, „нужно“ будетъ ему быть.

Все это очень похоже на Рахметова, даже эти „нужно“, запавшія въ память рассказчика. Лѣтами, голосомъ, чертами лица, насколько запомнилъ ихъ рассказчикъ, проѣзжій тоже подходилъ къ Рахметову; но рассказчикъ тогда не обратилъ особеннаго вниманія на своего спутника, который къ тому же не долго и былъ его спутникомъ, всего часа два: сѣлъ въ вагонъ въ какомъ-то городишкѣ, вышелъ въ какой-то деревнѣ; потому рассказчикъ могъ описывать его наружность лишь слишкомъ общими выраженіями, и полной достовѣрности тутъ нѣтъ: по всей вѣроятности, это былъ Рахметовъ, а впрочемъ, кто жъ его знаетъ? Можетъ быть, и не онъ.

Былъ еще слухъ, что молодой русскій, бывшій помѣщикъ, являлся къ величайшему изъ европейскихъ мыслителей XIX вѣка, отцу новой философіи, нѣмцу, и сказалъ ему такъ: „у меня 30,000 талеровъ; мнѣ нужно только 5.000; остальные я прошу васъ взять у меня“ (философъ живетъ очень бѣдно). — Зачѣмъ же? — „На изданіе вашихъ сочиненій“. — Философъ, натурально, не взялъ; но русскій, будто бы, все-таки положилъ у банкира деньги на его имя и написалъ ему такъ: „Деньгами распоряжайтесь, какъ хотите, хоть бросьте въ воду, а мнѣ ихъ уже не можете возвратить, меня вы не отыщете“, — и будто бѣ эти деньги такъ и теперь лежатъ у банкира. Если этотъ слухъ правдивъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ философу являлся именно Рахметовъ.

Такъ вотъ каковъ былъ господинъ, сидѣвшій теперь въ кабинетѣ у Кирсанова.

Да, особенный человѣкъ былъ этотъ господинъ, экземпляръ очень рѣдкой породы. И не за тѣмъ описывается мною такъ подробно одинъ экземпляръ этой рѣдкой породы, чтобы научить тебя, проницательный читатель, приличному (неизвѣстному тебѣ) обращенію съ людьми этой породы: тебѣ ни одного такого человѣка не видать; твои глаза, проницательный читатель, не такъ устроены, чтобы видѣть такихъ людей; для тебя они невидимы; ихъ видятъ только честные и смѣлые глаза; а для того тебѣ служить описаніе такого человѣка, чтобы ты хоть по наслышкѣ зналъ, какіе люди есть на свѣтѣ. Къ чему оно служить для читательницъ и простыхъ читателей, это они сами знаютъ.

Да, смѣшныя это люди, какъ Рахметовъ, очень забавны. Это я для нихъ самихъ говорю, что они смѣшны, говорю потому, что мнѣ жалко ихъ; это я для тѣхъ благородныхъ людей говорю, которые очаровываются ими: не сѣдуйте за ними, благородные люди, говорю я, потому что скуденъ личными радостями путь, на который они зовутъ васъ; но благородные люди не слушаютъ меня и говорятъ: нѣтъ, не скуденъ, очень богатъ, а хоть бы и былъ скуденъ въ иномъ мѣстѣ, такъ не длительно же оно, у насъ достанетъ силы пройти это мѣсто, выйти на богатую радость, безконечныя мѣста. Такъ видишь ли, проницательный читатель, это я не для тебя, а для другой части публики говорю, что такіе люди, какъ Рахметовъ, смѣшны. А тебѣ, проницательный читатель, я скажу, что это недурные люди: а то вѣдь ты, пожалуй, и не поймешь самъ-то; да, недурные люди. Мало ихъ, но ими расцвѣтаетъ жизнь всѣхъ; безъ нихъ она заглохла бы, прокисла бы; мало ихъ, но они даютъ всѣмъ лю-

дымъ дышать, безъ нихъ люди задохнулись бы. Велика масса честныхъ и добрыхъ людей, а такихъ людей мало; но они въ ней—теинъ въ чаю, букетъ въ благородномъ винѣ; отъ нихъ ея сила и ароматъ; это цвѣтъ лучшихъ людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли.

XXX.

„Ну, думаетъ проницательный читатель, теперь главнымъ лицомъ будетъ Рахметовъ и заткнетъ за поясъ всѣхъ, и Вѣра Павловна въ него влюбится, и вотъ скоро начнется съ Кирсановымъ та же исторія, какая была съ Лопуховымъ“. Ничего этого не будетъ, проницательный читатель; Рахметовъ просидитъ вечеръ, поговоритъ съ Вѣрою Павловною, я не утаю отъ тебя ни слова изъ ихъ разговора, и ты скоро увидишь, что если бы я не хотѣлъ передать тебѣ этого разговора, то очень легко было бы и не передавать его, и ходъ событій въ моемъ разсказѣ нисколько не измѣнился бы отъ этого умолчанія, и впередъ тебѣ говорю, что когда Рахметовъ, поговоривъ съ Вѣрою Павловною, уйдетъ, то уже и совсѣмъ онъ уйдетъ изъ этого разсказа, и что не будетъ онъ ни главнымъ, ни неглавнымъ, вовсе никакимъ дѣйствующимъ лицомъ въ моемъ романѣ. Зачѣмъ же онъ введенъ въ романъ и такъ подробно описанъ? вотъ попробуй, проницательный читатель, угадаешь ли ты это. А это будетъ сказано тебѣ на слѣдующихъ страницахъ, тотчасъ же послѣ разговора Рахметова съ Вѣрою Павловною; какъ только онъ уйдетъ, такъ это я и скажу тебѣ, въ концѣ главы. Угадай-ко теперь, что тамъ будетъ сказано: угадать не трудно, если ты имѣешь хоть малѣйшее понятіе о художественности, о которой ты такъ любишь толковать, — да куда тебѣ! Ну, я подскажу больше, чѣмъ половину разгадки: Рахметовъ выведенъ для исполненія главнѣйшаго, самаго коренного требованія художественности, исключительно только для удовлетворенія ему; ну, ну, угадай хоть теперь, хоть теперь-то угадай, какое это требованіе, и что нужно было сдѣлать для его удовлетворенія, и какимъ образомъ оно удовлетворено черезъ то, что показана тебѣ фигура Рахметова, остающаяся безъ всякаго вліянія и участія въ участія въ ходѣ разсказа; — ну-ко, угадай. Читательница и простой читатель, не толкующіе о художественности, они знаютъ это, а попробуй-ко угадать ты, мудрецъ. Для того и дается тебѣ время, и ставится собственно для этого длинная и толстая черта между строкъ: видишь, какъ я пекусь о тебѣ. Остановись-ко на ней, да и подумай, не отгадаешь ли.

Пріѣхала Мерцалова, потужила, поутѣшила, сказала, что съ радостью станетъ заниматься мастерскою, не знаетъ, сдумѣетъ ли, и опять стала тужить и утѣшать, помогая въ разборкѣ вещей. Рахметовъ, попросивъ сосѣдскую служанку сходить въ булочную, поставилъ самоваръ, подаль, стали пить чай; Рахметовъ съ полчаса посидѣлъ съ дамами, выпилъ пять стакановъ чаю, съ ними опросталъ половину огромнаго сливочника и сѣлъ страшную массу печенья, кромѣ двухъ простыхъ булокъ, служившихъ фундаментомъ: „имѣю право на это наслажденіе, потому что жертвую цѣлою половиною сутокъ“. Попазлаж-

дался, послушалъ, какъ дамы убиваются, выразилъ три раза мнѣніе, что „это безуміе“—то-есть, не то, что дамы убиваются, а убить себя, отъ чего бы то ни было, кромѣ слишкомъ мучительной и неизлечимой физической болѣзни или для предупрежденія какой-нибудь мучительной неизбежной смерти, напимѣръ, колесованія; выразилъ это мнѣніе каждый разъ въ немногихъ, но сильныхъ словахъ, по своему обыкновению, налилъ шестой стаканъ, вылилъ въ него остальные сливки, взялъ остальное печенье,—дамы ужь давно отпили чай,—поклонился и ушелъ съ этими матеріалами для финала своего матеріальнаго наслажденія опять въ кабинетъ, уже вполне посибаритствовать нѣсколько, улегшись на диванъ, на какомъ спитъ каждый, но который для него нѣчто уже въ родѣ капуанской роскоши. „Имѣю право на этотъ праздникъ, потому жертвую 12-ю или 14 часами времени“. Кончивъ матеріальное наслажденіе, возобновилъ умственное—чтеніе комментарія на апокалипсисъ. Часу въ 9-мъ пріѣхалъ полицейскій чиновникъ сообщить женѣ застрѣливагося дѣло, которое теперь уже вполне было разъяснено; Рахметовъ сказалъ, что жена ужь знаетъ, и толковать съ нею нечего; чиновникъ былъ очень радъ, что избавился отъ раздражительной сцены. Потомъ явились Маша и Рахель, началась разборка платья и вещей: Рахель нашла, что за все, кромѣ хорошей шубы, которую она не совѣтуетъ продавать, потому что черезъ три мѣсяца все равно же понадобится бы дѣлать новую,—Вѣра Павловна согласилась,—такъ за все остальное можно дать 450 р., дѣйствительно, больше нельзя было и по внутреннему убѣжденію Мерцаловой; такимъ образомъ, часамъ къ 10 торговая операція была кончена: Рахель отдала 200 р., больше у нея не было, остальные она пришлетъ дня черезъ три, черезъ Мерцалову, забрала вещи и уѣхала. Мерцалова посидѣла еще съ часъ, но пора домой кормить грудью ребенка, и она уѣхала, сказавши, что пріѣдетъ завтра проводить на желѣзную дорогу.

Когда Мерцалова уѣхала, Рахметовъ сложилъ Ньютоново „Толкованіе на Апокалипсисъ“, поставилъ аккуратно на мѣсто и послалъ Машу спросить Вѣру Павловну, можетъ ли онъ войти къ ней. Можетъ. Онъ вошелъ, съ обыкновенною неторопливостью и холодностью.

— Вѣра Павловна, я могу теперь въ значительной степени утѣшить васъ. Теперь уже можно, раньше не слѣдовало. Предупредивъ, что общій результатъ моего посѣщенія будетъ утѣшительнъ,—вы знаете, я не говорю напрасныхъ словъ, и потому впередъ должны успокоиться, — я буду излагать дѣло въ порядкѣ. Я вамъ сказалъ, что встрѣтился съ Александромъ Матвѣичемъ и что знаю все. Это дѣйствительно правда. Я, точно, видѣлся съ Александромъ Матвѣичемъ, и, точно, я знаю все. Но я не говорилъ того, что я знаю все отъ него, и я не могъ бы этого сказать, потому что, дѣйствительно, знаю все не отъ него, а отъ Дмитрія Сергѣича, который просидѣлъ у меня часа два; я былъ предувѣдомленъ, что онъ будетъ у меня, потому и находился дома, онъ сидѣлъ у меня часа два или болѣе послѣ того, какъ онъ написалъ записку, столько огорчившую васъ. Онъ-то и просилъ...

— Вы слышали, что онъ хочетъ сдѣлать, и не остановили его?

— Я просилъ васъ успокоиться, потому что результатъ моего посѣщенія будетъ утѣшительнъ. Да, я не остановилъ его, потому что рѣшеніе было основательно, какъ вы сама увидите. Я началъ:—онъ-то и просилъ провести этотъ

вечеръ у васъ, зная, что вы будете огорчены, и далъ мнѣ къ вамъ порученіе. Именно меня выбралъ онъ посредникомъ, потому что зналъ меня, какъ чело-вѣка, который съ буквальною точностью исполняетъ порученіе, если берется за него, и который не можетъ быть отклоненъ отъ точнаго исполненія принятой обязанности никакимъ чувствомъ, никакими просьбами. Онъ предвидѣлъ, что вы стали бы умолять о нарушеніи его воли, и надѣялся, что я, не тронувшись вашими мольбами, исполню ее. И я исполню ее, потому впередъ прошу:—не просите у меня никакой уступки въ томъ, что я скажу. Его порученіе состоитъ въ слѣдующемъ: онъ, уходя, чтобы „сойти со сцены“...

— Боже мой, что онъ сдѣлалъ! Какъ же вы могли не удержать его?

— Вникните въ это выраженіе: „сойти со сцены“ и не осуждайте меня преждевременно. Онъ употребилъ это выраженіе въ запискѣ, полученной вами, не такъ ли? и мы будемъ употреблять именно его, потому что оно очень вѣрно и удачно выбрано.

Въ глазахъ Вѣры Павловны стало выражаться нѣдоумѣніе; ей все яснѣе думалось: „я не знаю, что это? что же мнѣ думать?“ О, Рахметовъ, при всей видимой нелѣпости своей обстоятельной манеры изложенія, былъ мастеръ, великій мастеръ вести дѣло! Онъ былъ великій психологъ, онъ зналъ и умѣлъ выполнять законы постепеннаго подготовленія.

— Итакъ, уходя, чтобы, по очень вѣрному его выраженію, „сойти со сцены“, онъ оставилъ мнѣ записку къ вамъ...

Вѣра Павловна вскочила:—Гдѣ жъ она? Давайте ее! И вы могли сидѣть здѣсь цѣлый день, не отдавая мнѣ ея?

— Могъ, потому что видѣлъ надобность. Скоро вы оцѣните мои причины. Онѣ основательны. Но прежде всего я долженъ объяснить вамъ выраженіе, употребленное мною въ самомъ началѣ: „результатъ будетъ утѣшительнъ“. Подъ утѣшительностью результата я не разумѣлъ полученіе вами этой записки, по двумъ причинамъ, изъ которыхъ первая, самое полученіе записки, еще не было бы достаточнымъ успокоеніемъ, чтобы заслуживать имя утѣшенія, не правда ли? для утѣшенія требуется нѣчто больше. Итакъ, утѣшеніе должно заключаться въ самомъ содержаніи записки.

Вѣра Павловна опять вскочила.

— Успокойтесь, я не могу сказать, что вы ошибаетесь. Предупредивъ васъ о содержаніи записки, я прошу васъ выслушать вторую причину, по которой я не могъ разумѣть подъ „утѣшительностью результата“ самое полученіе вами записки, а долженъ былъ разумѣть ея содержаніе. Это содержаніе, характеръ котораго мы опредѣлили, такъ важно, что я могу только показать вамъ ее, но не могу отдать вамъ ея. Вы прочтете, но вы ея не получите.

— Какъ? Вы не отдадите мнѣ ея?

— Нѣтъ. Именно я потому и выбралъ, что всякій другой на моемъ мѣстѣ отдалъ бы. Она не можетъ остаться въ вашихъ рукахъ, потому что, по чрезвычайной важности ея содержанія, характеръ котораго мы опредѣлили, она не должна остаться ни въ чьихъ рукахъ. А вы захотѣли бы сохранить ее, еслибъ я отдалъ ее. Потому, чтобы не быть принуждену отнимать ее у васъ силою, я вамъ не отдамъ ее, а только покажу. Но я покажу ее только

тогда, когда вы сядете, сложите на колѣна ваши руки и дадите слово не поднимать ихъ.

Если бы тутъ былъ кто посторонній, онъ, какимъ бы чувствительнымъ сердцемъ ни былъ одаренъ, не могъ бы не засмѣяться надъ торжественностью всей этой процедуры и въ особенности надъ обрядными церемонностями этого ея финала. Смѣшно, это правда. Но какъ бы хорошо было для нашихъ нервъ, если бы, при сообщеніи намъ сильныхъ извѣстій, умѣли соблюдать хоть десятую долю той выдержки подготовленія, какъ Рахметовъ.

Но Вѣра Павловна, какъ человѣкъ не посторонній, конечно, могла чувствовать только томительную сторону этой медленности, и сама представила фигуру, которою не меньше могъ потѣшиться наблюдатель, когда, быстро сѣвши и торопливо, послушно сложивъ руки, самымъ забавнымъ голосомъ, то-есть голосомъ мучительнаго нетерпѣнія воскликнула: „клянусь!“

Рахметовъ положилъ на столъ листъ почтовой бумаги, на которомъ было написано десять, двѣнадцать строкъ.

Едва Вѣра Павловна бросила на нихъ взглядъ, она въ тотъ же мигъ, вспыхнувъ, забывши всякія клятвы, вскочила; какъ молнія мелькнула ея рука, чтобы схватить записку, но записка была ужъ далеко, въ поднятой рукѣ Рахметова.

— Я предвидѣлъ это, и потому, какъ вы замѣтили бы, если бы могли замѣчать, не отпускалъ своей руки отъ записки. Точно такъ же я буду продолжать держать этотъ листъ за уголь все время, пока онъ будетъ лежать на столѣ. Потому всякія ваши попытки схватить его будутъ напрасны.

Вѣра Павловна опять сѣла и сложила руки. Рахметовъ опять положилъ передъ ея глазами записку. Она двадцать разъ съ волненіемъ перечитывала ее. Рахметовъ стоялъ подлѣ ея кресла очень терпѣливо, держа рукою уголь листа. Такъ прошло съ четверть часа. Наконецъ, Вѣра Павловна подняла руку уже смирно, очевидно не съ похитительными намѣреніями, закрыла ею глаза: „какъ онъ добръ, какъ онъ добръ!“ проговорила она.

— Я не вполне раздѣляю ваше мнѣніе, и почему, мы объяснимся. Это уже не будетъ исполненіемъ его порученія, а выраженіемъ только моего мнѣнія, которое высказалъ я и ему въ послѣднее наше свиданіе. Его порученіе состояло только въ томъ, чтобы я показалъ вамъ эту записку и потомъ сжегъ ее. Вы довольно видѣли ее?

— Еще, еще.

Она опять сложила руки, онъ опять положилъ записку и съ прежнимъ терпѣніемъ опять стоялъ добрую четверть часа. Она опять закрыла лицо руками и твердила: „о, какъ онъ добръ, какъ онъ добръ!“

— Насколько вы могли изучить эту записку, вы изучили ее. Если бы вы были въ спокойномъ состояніи духа, вы не только знали бы ее наизусть, форма каждой буквы навѣки врѣзалась бы въ вашей памяти, такъ долго и внимательно вы смотрѣли на нее. Но въ такомъ волненіи, какъ вы теперь, законы запоминанія нарушаются, и память можетъ измѣнить вамъ. Предусматривая этотъ шансъ, я сдѣлалъ копію съ записки, и вы всегда, когда вамъ будетъ угодно, можете видѣть у меня эту копію. Черезъ нѣсколько времени, я, вѣроятно, даже найду возможнымъ отдать вамъ ее. А теперь, я полагаю, уже можно сжечь оригиналъ, и тогда мое порученіе будетъ кончено.

— Покажите еще.

Онъ опять положилъ записку. Вѣра Павловна на этотъ разъ безпрестанно поднимала глаза отъ бумаги: видно было, что она заучиваетъ записку наизусть и повѣряетъ себя, твердо ли ее выучила. Черезъ нѣсколько минутъ она вздохнула и перестала поднимать глаза отъ записки.

— Теперь, какъ я вижу, уже достаточно. Пора. Уже двѣнадцать часовъ, а я еще хочу изложить вамъ свои мысли объ этомъ дѣлѣ, потому что считаю полезнымъ для васъ узнать мое мнѣніе о немъ. Вы согласны?

— Да.

Записка въ то же мгновеніе запылала въ огнѣ свѣчи.

— Ахъ!—вскрикнула Вѣра Павловна:—я не то сказала, зачѣмъ?

— Да, вы сказали только, что согласны слушать меня. Но уже все равно. Надобно же было когда-нибудь сжечь.—Говоря эти слова, Рахметовъ сѣлъ.—И притомъ осталась копія съ записки. Теперь, Вѣра Павловна, я вамъ выражу свое мнѣніе о дѣлѣ. Я начну съ васъ. Вы уѣзжаете. Почему?

— Мнѣ было бы очень тяжело оставаться здѣсь. Видѣ мѣстъ, которыя напоминали бы прошлое, разстраивалъ бы меня.

— Да это чувство непріятное. Но неужели много легче было бы вамъ во всякомъ другомъ мѣстѣ? Вѣдь очень немногимъ легче. И между тѣмъ, что вы дѣлали? Для полученія ничтожнаго облегченія себѣ вы бросили на произволъ случая пятьдесятъ человѣкъ, судьба которыхъ отъ васъ зависѣла. Хорошо ли это?

Куда дѣвалась скучная торжественность тона Рахметова! онъ говорилъ живо, легко, просто, коротко, одушевленно.

— Да, но вѣдь я хотѣла просить Мерцалову.

— Это не такъ. Вы не знаете, въ состоянн ли она замѣнить васъ въ мастерской: вѣдь ея способность къ этому еще не испытана. А тутъ требуется способность довольно рѣдкая. Десять шансовъ противъ одного, что васъ некому было замѣнить и что вашъ отъѣздъ губилъ мастерскую. Хорошо ли это? Вы подвергали почти вѣрной, почти неизбѣжной гибели благосостояніе пятидесяти человѣкъ. И изъ-за чего?—изъ-за маленькаго удобства себѣ. Хорошо ли это? Какая нѣжная заботливость къ ничтожнѣйшему облегченію для себя, какое безчувствіе къ судьбѣ другихъ! Какъ вамъ нравится эта сторона вашего дѣла?

— Почему же вы не останавливали меня?

— Вы бы не послушались. Да вѣдь я же и зналъ, что вы скоро возвратитесь. стало быть, дѣло не будетъ имѣть ничего важнаго. Виновата вы?

— Кругомъ,—сказала Вѣра Павловна, отчасти шутя, но отчасти, даже больше чѣмъ отчасти, и серьезно.

— Нѣтъ, это еще только одна сторона вашей вины. Кругомъ будетъ гораздо больше. Но за покаяніе награда: помощь въ исправленіи другой вины, которую еще можно исправить. Вы теперь спокойна. Вѣра Павловна?

— Да, почти.

— Хорошо. Какъ вы думаете, спитъ Маша? Нужна она вамъ теперь на что-нибудь?

— Конечно, нѣтъ.

— А вѣдь вы ужъ успокоились: стало быть, вы уже могли бы вспомнить.

что надобно сказать ей: спи, ужь первый часъ, а вѣдь она поутру встаетъ рано. Кто долженъ былъ вспомнить объ этомъ, вы или я? Я пойду скажу ей, чтобы спала. И тутъ же кстати—за новее покаяніе, вѣдь вы опять каетесь,—новая награда, я наберу, что тамъ есть вамъ поужинать. Вѣдь вы не обѣдали нынѣ; а теперь, я думаю, ужь есть аппетитъ?

— Да, есть; вижу, что есть, и очень даже, когда вы напомнили,—сказала Вѣра Павловна, ужь вовсе смѣясь.

Рахметовъ принесъ холодное кушанье, оставшееся отъ обѣда, — Маша указала ему сыръ, баночку съ какими-то грибами, закуска составила очень исправная,—принесъ два прибора, сдѣлалъ все самъ.

— Видите, Рахметовъ, съ какимъ усердіемъ я ѣмъ, значить, хотѣлось; а вѣдь не чувствовала, и про себя забыла, не про одну Машу; стало быть, я еще не такая злонамѣренная преступница.

— И я не такое чудо заботливости о другихъ, что вспомнилъ за васъ о вашемъ аппетитѣ: мнѣ самому хотѣлось ѣсть, я плохо пообедалъ; правда, съѣлъ столько, что другому было бы за глаза довольно на полтора обѣда, но но вы знаете, какъ я ѣмъ—за двоихъ мужиковъ.

— Ахъ, Рахметовъ, вы были добрымъ ангеломъ не для одного моего аппетита. Но зачѣмъ же вы цѣлый день сидѣли, не показывая записки? Зачѣмъ вы такъ долго мучили меня?

— Причина очень солидная. Надобно было, чтобы другіе видѣли, въ какомъ вы разстройствѣ, чтобъ извѣстіе о вашемъ ужасномъ разстройствѣ разнеслось для достовѣрности событія, васъ разстроившаго. Вѣдь вы не захотѣли бы притворяться. Да и невозможно вполнѣ замѣнить натуру ничѣмъ, натура все-таки дѣйствуетъ гораздо убѣдительнѣе. Теперь три источника достовѣрности событія: Маша, Мерцалова, Рахель. Мерцалова особенно важный источникъ,—вѣдь это ужь на всѣхъ вашихъ знакомыхъ. Я былъ очень радъ вашей мысли послать за нею.

— Какой же вы хитрый, Рахметовъ!

— Да, это не глупо придумано—ждать до ночи, только не мной; это придумалъ Дмитрій Сергѣичъ самъ.

— Какой онъ добрый!—Вѣра Павловна вздохнула, только по правдѣ сказать, вздохнула не съ печалью, а лишь съ признательностью.

— Э, Вѣра Павловна, мы его еще разберемъ. Въ послѣднее время онъ, точно, обдумалъ все умно и поступалъ отлично. Но мы найдемъ за нимъ грѣшки, и очень крупненькіе.

— Не смѣйте, Рахметовъ, такъ говорить о немъ. Слышите, я разсержусь.

— Вы бунтовать? за это наказаніе. Продолжать казнить васъ? вѣдь списокъ вашихъ преступленій только еще начать.

— Казните, казните, Рахметовъ.

— За покорность награда. Покорность всегда награждается. У васъ, конечно, найдется бутылка вина. Вамъ не дурно выпить. Гдѣ найти? Въ буфетѣ или гдѣ въ шкапѣ?

— Въ буфетѣ. Въ буфетѣ нашлась бутылка хересу. Рахметовъ заставилъ Вѣру Павловну выпить двѣ рюмки, а самъ закурилъ сигару.

— Какъ жаль, что не могу и я выпить три, четыре рюмки—хотѣлось бы.

— Неужели хотѣлось бы, Рахметовъ?

— Завидно, Вѣра Павловна, завидно, — сказалъ онъ, смѣясь. — Человѣкъ слабъ.

— Вы-то еще слабъ, слава Богу! Но, Рахметовъ, вы удивляете меня. Вы совѣтъ не такой, какъ мнѣ казалось. Отчего вы всегда такое мрачное чудовище? А вѣдь вотъ теперь вы милый, веселый человѣкъ?

— Вѣра Павловна, я исполняю теперь веселую обязанность, отчего жъ мнѣ не быть веселымъ? Но вѣдь это случай, это рѣдкость. Вообще, видишь невеселыя вещи; какъ же тутъ не будешь мрачнымъ чудовищемъ? Только, Вѣра Павловна, если ужъ случилось вамъ видѣть меня въ такомъ духѣ, въ какомъ я былъ бы радъ быть всегда, и дошло у насъ до такихъ откровенностей, — пусть это будетъ секретъ, что я не по своей охотѣ мрачное чудовище. Мнѣ легче исполнять мою обязанность, когда не замѣчаютъ, что мнѣ самому хотѣлось бы не только исполнять мою обязанность, но и радоваться жизнью; теперь меня ужъ и не стараются развлекать, не отнимаютъ у меня времени на отпѣиваніе отъ зазывовъ. А чтобы вамъ легче было представлять меня не иначе, какъ мрачнымъ чудовищемъ, надобно продолжать слѣдствіе о вашихъ преступленіяхъ.

— Да чего жъ вамъ больше? — вы ужъ и такъ отыскиали два, безчувственность къ Машѣ и безчувственность къ мастерской. Я каюсь.

— Безчувственность къ Машѣ — только проступокъ, а не преступленіе: Маша не погибала отъ того, что терла бы себѣ спящіеся глаза лишній часъ, напротивъ, она дѣлала это съ пріятнымъ чувствомъ, что исполняетъ свой долгъ. Но за мастерскую я дѣйствительно хочу грызть васъ.

— Да вѣдь ужъ изгрызли.

— Еще не всю, а я хочу изгрызть всю васъ. Какъ вы могли бросать ее на гибель?

— Да вѣдь ужъ я раскаялась, и не бросала же: вѣдь Мерцалова согласилась замѣнить меня.

— Мы ужъ говорили, что ваше намѣреніе замѣнить себя ею — недостаточное извиненіе. Но вы этою отговоркою только уличили себя въ новомъ преступленіи. — Рахметовъ постепенно принималъ опять серьезный, хотя и не мрачный тонъ. — Вы говорите, что она замѣняетъ васъ, — это рѣшено?

— Да, — сказала Вѣра Павловна, безъ прежней шутливости уже, чувствуя, что изъ этого выходитъ дѣйствительно что-то нехорошее.

— Извольте же видѣть. Дѣло рѣшено, кѣмъ? вами и ею, рѣшено безъ всякой справки, согласны ли тѣ пятьдесятъ человѣкъ на такую перемѣну, не хотятъ ли они чего-нибудь другого, не находятъ ли они чего-нибудь лучшаго. Вѣдь это деспотизмъ, Вѣра Павловна. Вотъ ужъ за вами два великія преступленія: безжалостность и деспотизмъ. Но третье еще болѣе тяжелое. Учрежденіе, которое болѣе или менѣе хорошо соотвѣтствовало здоровымъ идеямъ объ устройствѣ быта, которое служило болѣе или менѣе важнымъ подтвержденіемъ практичности ихъ, — а вѣдь практическихъ доказательствъ этого еще такъ мало, каждое изъ нихъ еще такъ драгоцѣнно, — это учрежденіе вы подвергали риску погибнуть, обратиться изъ доказательства практичности въ свѣдѣтельство непримѣнимости, нелѣпости вашихъ убѣжденій, средствомъ для опро-

верженія идей, благотворныхъ для человѣчества; вы подавали аргументъ противъ святыхъ вашихъ принциповъ защитникамъ мрака и зла. Теперь, я не говорю уже о томъ, что вы разрушали благосостояніе 50 человѣкъ,—что значить 50 человѣкъ! вы вредили дѣлу человѣчества, измѣняли дѣлу прогресса. Это, Вѣра Павловна, то, что на церковномъ языкѣ называется грѣхомъ противъ Духа Святаго,—грѣхомъ, о которомъ говорится, что всякій другой грѣхъ можетъ быть отпущенъ человѣку, но этотъ — никакъ, никогда. Правда ли? преступница? Но хорошо, что все это такъ кончилось, и что ваши грѣхи совершены только вашимъ воображеніемъ. А вѣдь, однакъ, вы въ самомъ дѣлѣ покраснѣли, Вѣра Павловна. Хорошо, я вамъ доставлю утѣшеніе. Если бы вы не страдали очень сильно, вы не совершили бы такихъ преступныхъ вещей и въ воображеніи. Значить, настоящій преступникъ и по этимъ вещамъ—тотъ, кто такъ сильно разстроилъ васъ. А вы твердите: какъ онъ добръ, какъ онъ добръ!

— Какъ? по-вашему, онъ былъ виноватъ, что я страдала?

— А то кто же? И все это дѣло—онъ велъ его хорошо, я не спору,—но зачѣмъ оно было? зачѣмъ весь этотъ шумъ? ничему этому вовсе не слѣдовало быть.

— Да, я не должна была имѣть этого чувства. Но вѣдь я не звала его, я старалась подавить его.

— Ну, вотъ, не была должна. Въ чемъ вы виновата, того вы не замѣчали, а въ чемъ ничуть не виновата, за то корите себя! этому чувству необходимо должно было возникнуть, какъ скоро даны характеры вашъ и Дмитрія Сергѣича: не такъ, то иначе, оно все-таки развилось бы: вѣдь здѣсь коренное чувство вовсе не то, что вы полюбили другого, это уже послѣдствіе: коренное чувство — недовольство вашими прежними отношеніями. Въ какую форму должно было развиваться это недовольство? Если бы вы и онъ, оба, или хоть одинъ изъ васъ, были люди не развитые, не деликатные или дурные, оно развилось бы въ обыкновенную свою форму — вражда между мужемъ и женою, вы бы грызлись между собою, если бы оба были дурны, или одинъ изъ васъ грызъ бы другого, а другой былъ бы сгрызаемъ,—во всякомъ случаѣ, была бы семейная каторга, которою мы и любимся въ большей части супружествъ; она конечно не помѣшала бы развиваться и любви къ другому, но главная штука была бы въ ней, въ каторгѣ, въ грызеніи другъ друга. У васъ такой формы не могло принять это недовольство, потому что оба вы люди порядочные, и развилось только въ легчайшую, мягчайшую, безобиднѣйшую свою форму, въ любовь къ другому. Значить, о любви къ другому тутъ и толковать нечего: вовсе не въ ней сущность дѣла. Сущность дѣла—недовольство прежнимъ положеніемъ: причина недовольства —несходство характеровъ. Оба вы хорошие люди, но когда вашъ характеръ, Вѣра Павловна, созрѣлъ, потерялъ дѣтскую неопредѣленность, приобрѣлъ опредѣленные черты,—оказалось, что вы и Дмитрій Сергѣичъ не слишкомъ годитесь другъ для друга. Чтò тутъ предосудительнаго кому-нибудь изъ васъ? Вѣдь вотъ и я хороший человѣкъ, а могли ли бы вы ужиться со мною? Вы повѣсились бы отъ тоски со мною, — черезъ сколько дней, какъ вы полагаете?

— Черезъ немного дней,—сказала Вѣра Павловна смѣясь.

— Онъ не такое мрачное чудовище, какъ я, а все-таки вы и онъ слишкомъ не подѣ-стать другъ другу. Кто долженъ былъ первый замѣтить это? Кто старѣе лѣтами, чей характеръ установился раньше, кто имѣлъ больше опытности въ жизни? онъ былъ долженъ предвидѣть и приготовить васъ, чтобы вы не пугались и не убивались. А онъ понялъ это лишь тогда, когда не только что вполне развилось чувство, котораго онъ долженъ былъ ждать и не ждать, а когда ужъ даже явилось послѣдствіе этого чувства, другое чувство. Отчего жъ онъ не предвидѣлъ и не замѣтилъ? Глупъ онъ, что ли? Достало бы ума. Нѣтъ, отъ невнимательности, небрежности, онъ пренебрегалъ своими отношеніями къ вамъ, Вѣра Павловна, — вотъ что! а вы твердите: добрый онъ, любилъ меня! Рахметовъ, постепенно одушевляясь, говорилъ уже съ жаромъ. Но Вѣра Павловна остановила его.

— Я не должна слушать васъ, Рахметовъ, — сказала она тономъ рѣзкаго неудовольствія: — вы осыпаете упреками человѣка, которому я безконечно обязана.

— Нѣтъ, Вѣра Павловна, если бы вамъ не нужно было слушать этого, я бы не сталъ говорить. Что я, въ нынѣшній день, что ли, замѣтилъ это? Что я, съ нынѣшняго дня, что ли, могъ бы сказать это? Вѣдь вы знаете, что разговора со мною нельзя избѣжать, если мнѣ покажется, что нуженъ разговоръ. Значить, я бы могъ сказать вамъ это и прежде, но вѣдь молчалъ же. Значить, если теперь сталъ говорить, то нужно говорить. Я не говорю ничего раньше, чѣмъ нужно. Вы видѣли, какъ я выдержалъ записку цѣлыхъ девять часовъ въ карманѣ, хоть мнѣ и жалко было смотрѣть на васъ. Но было нужно молчать, я молчалъ. Слѣдовательно, если теперь заговорилъ, что я очень давно думалъ объ отношеніяхъ Дмитрія Сергѣича къ вамъ, стало быть, нужно говорить о нихъ.

— Нѣтъ, я не хочу слушать. — съ необычайною горячностью сказала Вѣра Павловна: — я васъ прошу молчать, Рахметовъ. Я васъ прошу уйти. Я очень обязана вамъ за то, что вы потеряли для меня вечеръ. Но я васъ прошу уйти.

— Рѣшительно?

— Рѣшительно.

— Хорошо-съ, — сказалъ онъ, смѣясь. — Нѣтъ-съ, Вѣра Павловна, отъ меня не отдѣлаетесь такъ легко. Я предвидѣлъ этотъ шансъ, и принялъ свои мѣры. Ту записку, которая сожжена, онъ написалъ самъ. А вотъ эту онъ написалъ по моей просьбѣ. Эту я могу оставить вамъ, потому что она не документъ. Извольте. — Рахметовъ подалъ Вѣрѣ Павловнѣ записку.

11 іюля, 2 часа ночи. Милый другъ Вѣрочка, выслушай все, что тебѣ будетъ говорить Рахметовъ. Я не знаю, что хочетъ онъ говорить тебѣ, я ему не поручалъ говорить ничего, онъ не дѣлалъ мнѣ даже и намека о томъ, что онъ хочетъ тебѣ говорить. Но я знаю, что онъ никогда не говоритъ ничего, кромѣ того, что нужно. Твой Д. Л.“.

Вѣра Павловна, Богъ знаетъ, сколько разъ цаловала эту записку.

— Зачѣмъ же вы не отдавали мнѣ ея? У васъ, можетъ быть, есть еще что-нибудь отъ него?

— Нѣтъ, ничего больше нѣтъ, потому что ничего больше не было нужно. Зачѣмъ не отдавалъ? — пока не было въ ней надобности, не нужно было отдавать.

— Боже мой, какъ же зачѣмъ? Да для доставленія мнѣ удовольствія имѣть отъ него нѣсколько строкъ послѣ нашей разлуки.

— Да, вотъ развѣ для этого,—ну, это не такъ важно: онъ улынулся.

— Ахъ, Рахметовъ, вы хотите бѣсить меня!

— Такъ эта записка служитъ причиною новой ссоры между нами? — сказалъ онъ, опять смѣясь: — если такъ, я отниму ее у васъ и сожгу, вѣдь вы знаете, про такихъ людей, какъ мы съ вами, говорятъ, что для насъ нѣтъ ничего святого. Вѣдь мы способны на всякія насилія и злодѣйства. Но что же, могу я продолжать? Оба они поостыли, она отъ полученія записки, онъ отъ того, что просидѣлъ нѣсколько минутъ молча, пока она цаловала ее.

— Да, я обязана слушать.

— Онъ не замѣчалъ того, что долженъ былъ замѣтить,—началъ Рахметовъ спокойнымъ тономъ: — это произвело дурныя послѣдствія. Но если не винить его за то, что онъ замѣчалъ, это все-таки не извиняетъ его. Пусть онъ не зналъ, что это должно неизбежно возникнуть изъ сущности данныхъ отношеній между вашимъ и его характеромъ, онъ все-таки долженъ былъ на всякій случай приготовить васъ къ чему-нибудь подобному, просто какъ къ дѣлу случайности, которой нельзя желать, которой не зачѣмъ ждать, но которая все-таки можетъ представиться: вѣдь за будущее никакъ нельзя ручаться. Какія случайности можетъ привести оно. Эту-то аксіому, что бываютъ всякія случайности, ужъ навѣрное онъ зналъ. Какъ же онъ оставлялъ васъ въ такомъ состояніи мыслей, что когда произошло это, вы не были приготовлены? То, что онъ не предвидѣлъ этого, произошло отъ пренебреженія, которое обидно для васъ, но само по себѣ вещь безразличная, ни дурная, ни хорошая; то, что онъ не подготовилъ васъ на всякій случай, произошло изъ побужденія положительно дурного. Конечно, онъ дѣйствовалъ безсознательно, но вѣдь натура и сказывается въ такихъ вещахъ, которыя дѣлаются безсознательно. Подготавливать васъ къ этому противорѣчило бы его выгодамъ, вѣдь подготовкою ослаблялось бы ваше сопротивленіе чувству, несогласному съ его интересами. Въ васъ возникло такое сильное чувство, что и самое сильное ваше сопротивленіе осталось напраснымъ; но вѣдь это опять случайность, что оно явилось съ такою силою. Будь оно внушено человѣкомъ менѣе заслуживающимъ его, хотя все-таки достойнымъ, оно было бы слабѣе. Такія сильныя чувства, противъ которыхъ всякая борьба бесполезна, рѣдкое исключеніе. Гораздо больше шансовъ для появленія такихъ чувствъ, которыя можно одолѣть, если сила сопротивленія совершенно не ослаблена. Вотъ для этихъ-то вѣроятнѣйшихъ шансовъ ему и не хотѣлось ослаблять ее. Вотъ мотивъ, по которому онъ оставилъ васъ неподготовленною и подвергъ столькимъ страданіямъ. Какъ вамъ это нравится?

— Это неправда, Рахметовъ. Онъ не скрывалъ отъ меня своего образа мыслей. Его убѣжденія были такъ же хорошо извѣстны мнѣ, какъ вамъ.

— Конечно, Вѣра Павловна. Скрывать это было бы уже слишкомъ. Мѣшать развитію въ васъ убѣжденій, которыя соотвѣтствовали бы его собственнымъ убѣжденіямъ, для этого притворяться думающимъ не то, что думаетъ, это было бы уже прямо безчестнымъ дѣломъ. Такого человѣка вы никогда бы и не полюбили. Развѣ я называлъ его дурнымъ человѣкомъ? Онъ человѣкъ очень хорошій, какъ же не хорошій?—я, сколько вамъ угодно, буду хвалить

его. Я только говорю, что прежде, чѣмъ возникло это дѣло,—когда оно возникло, онъ поступалъ хорошо, но прежде, чѣмъ оно возникло, онъ поступалъ съ вами дурно. Изъ-за чего вы мучились? Онъ говорилъ,—да тутъ и говорить-то нечего, это видно само по себѣ,—изъ-за того, чтобъ не огорчить его. Какъ же могла остаться въ васъ эта мысль, что это очень сильно огорчить его? Ей не слѣдовало оставаться въ васъ. Какое тутъ огорченіе? Это глупо. Что за ревности такіа?

— Вы не признаете ревности, Рахметовъ?

— Въ развитомъ человѣкѣ не слѣдуетъ быть ей. Это искаженное чувство, это фальшивое чувство, это гнусное чувство, это явленіе того порядка вещей, по которому я никому не даю носить мое бѣлье, курить изъ моего мундштука; это слѣдствіе взгляда на человѣка, какъ на мою принадлежность, какъ на вещь.

— Но, Рахметовъ, если не признавать ревности, изъ этого выходятъ страшныя послѣдствія.

— Для того, кто имѣетъ ее, они страшны, а для того, кто не имѣетъ ея, въ нихъ нѣтъ ничего не только страшнаго, даже важнаго.

— Но вы проповѣдуете полную безнравственность, Рахметовъ!

— Вамъ такъ кажется послѣ четырехъ лѣтъ жизни съ нимъ? Вотъ въ этомъ-то онъ и виноватъ. Сколько разъ въ день вы обѣдаете? Одинъ. Былъ бы кто-нибудь въ претензіи на то, если бы вы стали обѣдать два раза? Вѣроятно, нѣтъ. Почему жъ вы этого не дѣлаете? Бойтесь, что ли, огорчить кого-нибудь? Вѣроятно просто потому, что это вамъ не нужно, что этого вамъ не хочется. А вѣдь обѣдъ вещь пріятная. Да вѣдь разсудокъ и, главное, самъ желудокъ говоритъ, что одинъ обѣдъ пріятенъ, а другой ужъ былъ бы непріятенъ. Но если у васъ есть фантазія или болѣзненная охота обѣдать по два раза, удержало бы васъ отъ этого опасеніе огорчить кого-нибудь? Нѣтъ, если бы кто огорчался этимъ или запрещалъ это, вы только стали бы скрываться, стали бы кушать блюда въ плохомъ видѣ, пачкали бы ваши руки отъ торопливаго хватанья кушанья, пачкали бы ваше платье, оттого, что прятали бы его въ карманы,—только. Вопросъ тутъ вовсе не о нравственности или безнравственности, а только о томъ, хорошая ли вещь контрабанда. Кого удерживаетъ понятіе о томъ, что ревность—чувство достойное уваженія и пощады, что „ахъ, если я сдѣлаю это, я огорчу“—кого это заставляетъ попусту страдать въ борьбѣ? Только немногихъ, самыхъ благородныхъ, за которыхъ ужъ никакъ нельзя опасаться, что натура ихъ повлекла бы къ безнравственности. Остальныхъ этотъ вздоръ нисколько не удерживаетъ, а только заставляетъ хитрить, обманывать, то-есть, дѣлаетъ дѣйствительно дурными. Вотъ вамъ и все. Развѣ вамъ не извѣстно это?

— Конечно, извѣстно.

— Гдѣ жъ вы послѣ этого отыщете нравственную пользу ревности?

— Да вѣдь мы съ нимъ сами всегда говорили въ этомъ духѣ.

— Вѣроятно, не совѣмъ въ этомъ, или говорили слова, да не вѣрили другъ другу, слыша другъ отъ друга эти слова, а не вѣрили, конечно, потому, что безпрестанно слышали по всякимъ другимъ предметамъ, а можетъ быть, и по этому самому предмету, слова въ другомъ духѣ; иначе, какъ же вы мучи-

лись, Богъ знаетъ, сколько времени? и изъ-за чего? Изъ-за какихъ пустяковъ какой тяжелый шумъ! сколько разстройства для всѣхъ троихъ, особенно для васъ, Вѣра Павловна! Между тѣмъ какъ очень спокойно могли бы вы всѣ трое жить попрежнему, какъ жили за годъ, или какъ-нибудь перемѣститься всѣмъ на одну квартиру, или иначе перемѣститься, или какъ бы тамъ пришлось, только совершенно безъ всякаго разстройства, и попрежнему пить чай втроемъ, и попрежнему ѣздить въ оперу втроемъ. Къ чему эти мученія? Къ чему эти катастрофы? и все оттого, что у васъ, благодаря прежнему дурному способу его держать васъ неприготовленною къ этому, осталось понятіе: „я убиваю его этимъ“, чего тогда вовсе не было бы. Да, онъ надѣлалъ вамъ очень много лишняго горя.

— Нѣтъ, Рахметовъ, вы говорите ужасныя вещи.

— Опять „ужасныя вещи!“ Для меня ужасны: мученіе изъ-за пустяковъ и катастрофы изъ-за вздора.

— Такъ, по-вашему, вся наша исторія—глухая мелодрама?

— Да, совершенно ненужная мелодрама съ совершенно ненужнымъ трагизмомъ. И въ томъ, что, вмѣсто простыхъ разговоровъ самаго спокойнаго содержанія, вышла раздирающая мелодрама, виноватъ Дмитрій Сергѣичъ. Его честный образъ дѣйствія въ ней едва-едва достаточенъ для покрытія его прежней вины, что онъ не предотвратилъ эту мелодраму подготовленіемъ васъ да и себя, вѣроятно, къ очень спокойному взгляду на все это, какъ на чистый вздоръ, изъ-за котораго не стоитъ выпить лишній стаканъ чаю или недопить одного стакана чаю. Онъ сильно виноватъ. Ну, да онъ довольно поплатился. Выпейте еще рюмку хереса и ложитесь спать. Я достигъ теперь и послѣдней цѣли своего посѣщенія: вотъ уже три часа; если васъ не будить, вы проспите очень долго. А я сказалъ Машѣ, чтобы она не будила васъ раньше половины одиннадцатаго, такъ что завтра едва успеете вы напиться чаю, какъ ужъ надобно будетъ вамъ спѣшить на желѣзную дорогу; вѣдь если и не успеете уложить всѣхъ вещей, то скоро вернетесь, или вамъ привезутъ ихъ, какъ вы думаете сдѣлать, чтобы вслѣдъ за вами поѣхалъ Александръ Матвѣичъ, или сами вернетесь? а вамъ теперь было бы тяжело съ Машею. вѣдь не годилось бы, еслибъ она замѣтила, что вы совершенно спокойны. Да гдѣ будетъ ей замѣтить въ полчаса торопливыхъ сборовъ? Гораздо хуже была бы Мерцалова. Но я зайду къ ней рано поутру и скажу ей, чтобы не пріѣзжала сюда, потому что вы долго не спали, и не должно васъ будить, а ѣхала бы прямо на желѣзную дорогу.

— Какая заботливость обо мнѣ!—сказала Вѣра Павловна.

— Ужъ хоть этого-то не приписывайте ему, это ужъ я самъ. Но, кромѣ того, что я его браню за прежнее.—въ глаза ему я, конечно, наговорилъ побольше и посильнѣе,—кромѣ того, что онъ кругомъ виноватъ въ возникновеніи всего этого пустого мученія, въ самое время пустого мученія онъ держалъ себя похвально.

XXXI.

Бесѣда съ проницательнымъ читателемъ и изгнаніе его.

Скажи же, о, проницательный читатель, зачѣмъ выведенъ Рахметовъ, который вотъ теперь ушелъ и больше не явится въ моемъ разсказѣ? Ты ужъ знаешь отъ меня, что эта фигура, не участвующая въ дѣйствіи...

— Неправда,—перебиваетъ меня проницательный читатель:—Рахметовъ дѣйствующее лицо: вѣдь онъ принесъ записку, отъ которой...

— Ужъ очень плохъ ты, государь мой, въ эстетическихъ разсужденіяхъ, которыя такъ любишь,—перебиваю я его:—послѣ этого, по-твоему и Маша дѣйствующее лицо? Вѣдь она въ самомъ началѣ разсказа тоже принесла письмо, отъ котораго пришла въ ужасъ Вѣра Павловна. И Рахель дѣйствующее лицо? вѣдь она дала за вещи деньги, безъ которыхъ не могла бы Вѣра Павловна ухъхатъ. И профессоръ N дѣйствующее лицо, потому что рекомендовалъ Вѣру Павловну въ гувернантки г-жѣ Б., безъ чего не вышло бы сцены возвращенія съ Конно-гвардейскаго бульвара? Можетъ быть, и Конно-гвардейскій бульваръ—дѣйствующее лицо? потому что вѣдь безъ него не было бы сцены свиданія на немъ и возвращенія съ него? А Гороховая улица этакъ выйдетъ ужъ самое главное дѣйствующее лицо, потому что безъ нея не было бы и домовъ, стоящихъ на ней, значить, и дома Сторешникова, значить, не было бы и управляющаго этимъ домомъ, и дочери управляющаго этимъ домомъ не было бы, а тогда вѣдь и всего разсказа вовсе бы не было. Ну, однако, положимъ по-твоему, что все это дѣйствующія лица: Конно-гвардейскій бульваръ и Маша, Рахель и Гороховая улица, такъ вѣдь о нихъ и сказано по пяти словъ, или того меньше, потому что дѣйствіе ихъ такое, которое больше пяти словъ не стоитъ, а посмотрите-ко, сколько страницъ отдано Рахметову.

— А, теперь знаю,—говоритъ проницательный читатель:—Рахметовъ выведенъ за тѣмъ, чтобы произнести приговоръ о Вѣрѣ Павловнѣ и Лопуховѣ, онъ нуженъ для разговора съ Вѣрою Павловною.

— О, да какъ же ты плохъ, государь мой! какъ-разъ наоборотъ понимаешь дѣло. Развѣ нужно было выводить особаго человѣка за тѣмъ, чтобы онъ высказалъ свое мнѣніе о другихъ лицахъ? По этакимъ надобностямъ, можетъ быть, выводить и уводятъ людей въ своихъ произведеніяхъ твои великіе художники, а я, хоть и плохой писатель, а все-таки нѣсколько лучше понимаю условія художественности. Нѣтъ, государь мой, Рахметовъ вовсе не былъ нуженъ для этого. Сколько разъ сама Вѣра Павловна, Лопуховъ, Кирсановъ выражаютъ сами свое мнѣніе о своихъ поступкахъ и отношеніяхъ? Они люди не глухие, они сами могутъ разсудить, что хорошо, что дурно, на это имъ не нужно суфлера. Неужели ты думаешь, что сама Вѣра Павловна, когда на досугъ, черезъ нѣсколько дней, стала бы вспоминать прошлую сумятицу, не осудила бы свою забывчивость о мастерской точно такъ же, какъ осудить Рахметовъ? И неужели ты полагаешь, что Лопуховъ самъ не думалъ о своихъ отношеніяхъ къ Вѣрѣ Павловнѣ всего того, что сказалъ о немъ Вѣрѣ Павловнѣ

Рахметовъ? Онъ все это думалъ; порядочные люди сами думаютъ о себѣ все, что можно сказать въ осужденіе имъ, потому-то, государь мой, они и порядочные люди, развѣ ты этого не зналъ? Очень же плохъ ты, государь мой, по части соображеній о томъ, что думаютъ порядочные люди. Я тебѣ скажу больше: неужели ты полагалъ, что Рахметовъ въ разговорѣ съ Вѣрою Павловною дѣйствовалъ независимо отъ Лопухова? Нѣтъ, государь мой: онъ былъ тутъ лишь орудіемъ Лопухова, и самъ тогда же очень хорошо понималъ, что онъ тутъ лишь орудіе Лопухова, и Вѣра Павловна догадалась объ этомъ черезъ день или черезъ два, и догадалась бы въ ту же самую минуту, какъ Рахметовъ раскрылъ ротъ, еслибы не была слишкомъ взволнована: вотъ какъ на самомъ-то дѣлѣ были вещи, неужели ты и этого не понималъ? Конечно, Лопуховъ во второй запискѣ говорить совершенно справедливо, что ни онъ Рахметову, ни Рахметовъ ему ни слова не сказалъ, каково будетъ содержаніе разговора Рахметова съ Вѣрою Павловною; да вѣдь Лопуховъ хорошо зналъ Рахметова, и что Рахметовъ думаетъ о какомъ дѣлѣ, и какъ Рахметовъ будетъ говорить въ какомъ случаѣ, вѣдь порядочные люди понимаютъ другъ друга и не объяснявшихся между собою; Лопуховъ могъ бы впередъ чуть не слово въ слово написать все, что будетъ говорить Рахметовъ Вѣрѣ Павловнѣ, именно потому-то онъ и просилъ Рахметова быть посредникомъ. Не посвятить ли тебя еще глубже въ психологическія тайны? Лопуховъ очень хорошо зналъ, что все, что думаетъ теперь про себя онъ, и думаетъ про него Рахметовъ (и думаетъ Мерцаловъ, Мерцалова, и думаетъ тотъ офицеръ, который боролся съ нимъ на островахъ), стала бы черезъ нѣсколько времени думать про него и Вѣра Павловна, хотя ей никто этого не скажетъ. Она сейчасъ же увидѣла бы это, какъ только прошла бы первая горячка благодарности; слѣдовательно, разсчитывалъ Лопуховъ, въ окончательномъ результатѣ я ничего не проигрываю отъ того, что посылаю къ ней Рахметова, который будетъ ругать меня, вѣдь она и сама скоро дошла бы до такого же мнѣнія; напротивъ, я выигрываю въ ея уваженіи: вѣдь она скоро сообразитъ, что я предвидѣлъ содержаніе разговора Рахметова съ нею и устроилъ этотъ разговоръ, и зачѣмъ устроилъ; вотъ она и подумаетъ: „какой онъ благородный человѣкъ, зналъ, что въ тѣ первые дни волненія признательность моя къ нему подавляла бы меня своею экзальтированностью, и позаботился, чтобы въ умѣ моемъ какъ можно поскорѣе, явились мысли, которыми облегчилось бы это бремя; вѣдь хоть я и сердилась на Рахметова, что онъ бранить его, а вѣдь я тогда же поняла, что, въ сущности, Рахметовъ говорить правду; сама я додумалась бы до этого черезъ недѣлю, но тогда это было бы для меня ужъ не важно, а я и безъ того была бы спокойна; а черезъ то, что эти мысли были высказаны мнѣ въ первый же день, я избавилась отъ душевной тяжести, которая иначе длилась бы цѣлую недѣлю. Въ тотъ день эти мысли были для меня очень важны и полезны... да, онъ очень благородный человѣкъ“. Вотъ какую штуку устроилъ Лопуховъ, а Рахметовъ былъ только его орудіемъ. Видишь ли, государь мой, проницательный читатель, какіе хитрецы благородные-то люди, и какъ играетъ въ нихъ эгоизмъ-то: не такъ, какъ въ тебѣ, государь мой, потому что удовольствіе-то находятъ они не въ томъ, въ чемъ ты, государь мой; они, видишь ли, высшее свое наслажденіе находятъ въ томъ, чтобы люди, которыхъ они уважаютъ, думали о нихъ, какъ о благород-

ныхъ людяхъ, и для этого, государь мой, они хлопочатъ и придумываютъ всякія штуки не менѣе усердно, чѣмъ ты для своихъ цѣлей, только цѣли-то у васъ различныя, потому и штуки придумываются неодинаковыя тобою и ими: ты придумываешь дрянныя, вредныя для другихъ, а они придумываютъ честныя, полезныя для другихъ.

— Однако, какъ ты смѣешь говорить мнѣ грубости?—восклицаетъ проникательный читатель, обращаясь ко мнѣ:—я за это подамъ на тебя жалобу, разскажу тебя человѣкомъ неблагонамѣреннымъ!

— Пощадите, государь мой, — отвѣчаю я: — смѣю ли я говорить вамъ грубости, когда вашъ характеръ я столько же уважаю, какъ и вашъ умъ. А я только осмѣливаюсь просвѣщать васъ по части художественности, которую вы такъ любите. Вы въ этомъ отношеніи заблуждались, государь мой, полагая, будто Рахметовъ выведенъ собственно для произнесенія приговора о Вѣрѣ Павловнѣ и Лопуховѣ. Не было такой надобности: въ мысляхъ, которыя онъ о нихъ высказываетъ, нѣтъ ничего такого, чего бы я не могъ сообщить тебѣ, государь мой, какъ мысли самого Лопухова о себѣ и какъ мысли, которыя и безъ Рахметова имѣла бы черезъ нѣсколько времени Вѣра Павловна о себѣ и о Лопуховѣ. Теперь, государь мой, вопросъ тебѣ: зачѣмъ же я сообщаю тебѣ разговоръ Рахметова съ Вѣрою Павловною. Понимаешь ли ты теперь, что если я сообщаю тебѣ не мысли Лопухова и Вѣры Павловны, а разговоръ Рахметова съ Вѣрою Павловною, то нужно сообщить не тѣ только мысли, которыя составляли сущность разговора, но именно разговоръ? Зачѣмъ же нужно сообщать тебѣ именно этотъ разговоръ? Зачѣмъ, что онъ разговоръ Рахметова съ Вѣрою Павловною; понимаешь ли хоть теперь? Все еще нѣтъ? Хорошо же однако ты. Плохъ по части смысла-то, плохъ. Ну, вотъ тебѣ, раскушу: если разговариваютъ два человѣка, то изъ разговора бываетъ болѣе или менѣе виденъ характеръ этихъ людей,—понимаешь, къ чему идетъ дѣло? Характеръ Вѣры Павловны былъ ли тебѣ достаточно извѣстенъ до этого разговора? Былъ, ты не узналъ ничего новаго о ней; ты уже зналъ, что она и вспыхиваетъ, и шутитъ, и не прочь покушать съ аппетитомъ, и пожалуй выпить рюмочку хересу, значитъ, разговоръ нуженъ для характеристики не Вѣры Павловны, а кого же? вѣдъ разговаривающихъ-то двое: она да Рахметовъ, для характеристики не ея, а ну-тко, угадай?

— Рахметова!—восклицаетъ проникательный читатель.

— Ну, вотъ, молодецъ, угадалъ, за это люблю. Такъ видишь ли, совершенно наоборотъ противъ того, какъ представлялось было тебѣ прежде. Не Рахметовъ выведенъ для того, чтобы вести разговоръ, а разговоръ сообщенъ тебѣ для того, и единственно только для того, чтобы еще побольше познакомить тебя съ Рахметовымъ. Изъ этого разговора ты увидѣлъ, что Рахметову хотѣлось бы выпить хересу, хоть онъ и не пьетъ, что Рахметовъ не безусловно „мрачное чудовище“, что, напротивъ, когда онъ за какимъ-нибудь пріятнымъ дѣломъ забываетъ свои гонимыя думы, свою жгучую скорбь, то онъ и шутитъ, и весело болтаетъ, да только, говорить, рѣдко мнѣ это удается и горько, говорить, мнѣ, что мнѣ такъ рѣдко это удается, я, говорить, и самъ не радъ, что я „мрачное чудовище“, да ужъ обстоятельства-то такія, что человѣкъ съ моею пламенною любовью къ добру не можетъ не быть „мрачнымъ

чудовищем“, а какъ бы не это, гововорить, такъ я бы, можетъ быть, цѣлый день шутилъ да хохоталъ, да шѣлъ, да плясалъ.

Понялъ ли ты теперь, проницательный читатель, что хотя много страницъ употреблено на прямое описаніе того, какой человѣкъ былъ Рахметовъ, но что, въ сущности, еще гораздо больше страницъ посвящено все исключительно тому же, чтобы познакомить тебя все съ тѣмъ же лицомъ, которое вовсе не дѣйствующее лицо въ романѣ? Скажи же мнѣ теперь, зачѣмъ выставлена и такъ подробно описана эта фигура? Помнишь, я сказалъ тебѣ тогда: „единственно для удовлетворенія главному требованію художественности“. Подумай-ка, какое оно, и какъ удовлетворяется черезъ постановленіе передъ тобою фигуры Рахметова. Додумался ли? Да нѣтъ, куда тебѣ. Ну, слушай же. Или нѣтъ, не слушай, ты не поймешь, отстань, довольно я потѣшался надъ тобою. Я теперь говорю ужъ не съ тобою, я говорю съ публикою, и говорю серьезно.

Первое требованіе художественности состоитъ вотъ въ чемъ: надобно изображать предметы такъ, чтобы читатель представлялъ себѣ ихъ въ истинномъ ихъ видѣ. Напримѣръ, если я хочу изобразить домъ, то надобно мнѣ достичь того, чтобы онъ представлялся читателю именно домомъ, а не лачужкою и не дворцомъ. Если я хочу изобразить обыкновеннаго человѣка, то надобно мнѣ достичь того, чтобы онъ не представлялся читателю ни карликомъ и ни гигантомъ.

Я хотѣлъ изобразить обыкновенныхъ порядочныхъ людей новаго поколѣнія, людей, которыхъ я встрѣчаю цѣлыя сотни. Я взялъ троихъ такихъ людей: Вѣру Павловну, Лопухова, Кирсанова. Такими обыкновенными людьми я ихъ считаю, сами они считаютъ себя, считаютъ ихъ все ихъ знакомые, то есть, такіе же люди, какъ они. Гдѣ я говорилъ о нихъ не въ такомъ духѣ? Что я рассказывалъ о нихъ не такого? Я изображалъ ихъ съ любовью и уваженіемъ, потому что каждый порядочный человѣкъ стоитъ любви и уваженія. Но гдѣ я преклонялся передъ ними? Гдѣ проглядываетъ у меня хоть малѣйшая тѣнь мысли, что они ужъ, Богъ знаетъ, какъ высоки и прекрасны, что я не могу представить себѣ ничего выше и лучше ихъ, что они—идеалы людей? Какъ я о нихъ думаю, такъ они и дѣйствуютъ у меня,—не больше, какъ обыкновенные порядочные люди новаго поколѣнія. Что они дѣлаютъ превысренняго? не дѣлаютъ подлостей, не трусятъ, имѣютъ обыкновенныя честныя убѣжденія, стараются дѣйствовать по нимъ, и только — экое какое геройство, въ самомъ дѣлѣ! Да, мнѣ хотѣлось показать людей, дѣйствующихъ, какъ все обыкновенные люди ихъ типа, и, надѣюсь, мнѣ удалось достичь этого. Тѣ читатели, которые близко знаютъ живыхъ людей этого типа, надѣюсь, постоянно видѣли съ самаго начала, что главныя мои дѣйствующія лица—нисколько не идеалы, а люди вовсе не выше общаго уровня людей своего типа, что каждый изъ людей ихъ типа переживалъ не два, не три событія, въ которыхъ дѣйствовалъ нисколько не хуже того, какъ они у меня. Положимъ, что другіе порядочные люди переживали не точно такія событія, какъ рассказываемое мною: вѣдь въ этомъ нѣтъ рѣшительно никакой ни крайности, ни прелести, чтобы все жены и мужья расходились, вѣдь вовсе не каждая порядочная женщина чувствуетъ страстную любовь къ пріятелю мужа,

не каждый порядочный человѣкъ борется со страстью къ замужней женщинѣ, да еще цѣлые три года, и тоже не всякій бываетъ принужденъ застрѣлиться на мосту или (по словамъ проницательнаго читателя) такъ неизвѣстно куда пропасть изъ гостинницы. Но каждый порядочный человѣкъ вовсе не счелъ бы геройствомъ поступить на мѣстѣ этихъ изображенныхъ мною людей точно такъ же, какъ они, и совершенно готовъ къ этому, если бы такъ случилось, и много разъ поступалъ не хуже въ случаяхъ не менѣе, или даже и болѣе трудныхъ, и все-таки не считаетъ себя удивительнымъ человѣкомъ, а только думаетъ о себѣ, что я дескать такъ-себѣ, ничего, довольно честный человѣкъ. И добрые знакомые такого человѣка (все такіе же люди, какъ онъ: съ другими не водится у него добраго знакомства), тоже такъ думаютъ про него, что дескать онъ хорошій человѣкъ, но на колѣна передъ нимъ и не воображаютъ становиться, а думаютъ себѣ: и мы такіе же, какъ онъ. Надѣюсь, я успѣлъ достигъ этого, что каждый порядочный человѣкъ новаго поколѣнія узнаетъ обыкновенный типъ своихъ добрыхъ знакомыхъ въ моихъ трехъ дѣйствующихъ лицахъ.

Но эти люди, которые будутъ съ самаго начала разсказа думать про моихъ Вѣру Павловну, Кирсанова, Лопухова: „ну да, это наши добрые знакомые, простые обыкновенные люди, какъ мы“, люди, которые будутъ такъ думать о моихъ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ, все-таки еще составляютъ меньшинство публики. Большинство ея еще слишкомъ много ниже этого типа. Человѣкъ, который не выдвигалъ ничего, кромѣ лачужекъ, сочтетъ изображеніемъ дворца картинку, на которой нарисованъ такъ-себѣ, обыкновенный домъ. Какъ быть съ такимъ человѣкомъ, чтобы домъ показался ему именно домоу, а не дворцомъ? Надобно на той же картинкѣ нарисовать хоть маленькій уголокъ дворца; онъ по этому уголку увидитъ, что дворецъ — это должно быть штука совѣмъ ужъ не того масштаба, какъ строеніе, изображенное на картинкѣ, и что строеніе дѣйствительно, должно быть, не больше, какъ простой обыкновенный домъ, въ какихъ, или даже лучше, всѣмъ слѣдовало бы жить. Не покажи я фигуру Рахметова, большинство читателей сбилось бы съ толку на счетъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ моего разсказа. Я держу пари, что до послѣднихъ отдѣловъ этой главы Вѣра Павловна, Кирсановъ, Лопуховъ казались большинству публики героями, лицами высшей натуры, пожалуй даже лицами идеализированными, пожалуй даже лицами невозможными въ дѣйствительности по слишкомъ высокому благородству. Нѣтъ, друзья мои, злые, дурные, жалкіе друзья мои, это не такъ вамъ представлялось: не они стоятъ слишкомъ высоко, а вы стоите слишкомъ низко. Вы видите теперь, что они стоятъ просто на землѣ: это оттого только казались они вамъ парящими на облакахъ, что вы сидите въ преисподней трущобѣ. На той высотѣ, на которой они стоятъ, должны стоять, могутъ стоять все люди. Высшія натуры, за которыми не угнаться мнѣ и вамъ, жалкіе друзья мои, высшія натуры не таковы. Я вамъ показалъ легкій абрисъ профиля одной изъ нихъ: не тѣ черты, вы видите. А тѣмъ людямъ, которыхъ я изображаю вполне, вы можете быть равными, если захотите поработать надъ своимъ развитіемъ. Кто ниже ихъ, тотъ низокъ. Поднимайтесь изъ вашей трущобы. Друзья мои, поднимайтесь, это не такъ трудно, выходите на вольный бѣлый

свѣтъ, славно жить на немъ, и путь легокъ и заманчивъ, попробуйте: развитіе, развитіе. Наблюдайте, думайте, читайте тѣхъ, которые говорятъ вамъ о чистомъ наслажденіи жизнью, о томъ, что человѣку можно быть добрымъ и счастливымъ. Читайте ихъ—ихъ книги радуютъ сердце, наблюдайте жизнь—наблюдать ее интересно, думайте—думать завлекательно. Только и всего. Жертвъ не требуется, лишній не спрашивается—ихъ не нужно. Желайте быть счастливыми—только, только это желаніе нужно. Для этого вы будете съ наслажденіемъ заботиться о своемъ развитіи: въ немъ счастье. О, сколько наслажденій развитому человѣку! Даже то, что другой чувствуетъ, какъ жертву, горе, онъ чувствуетъ, какъ удовлетвореніе себѣ, какъ наслажденіе, а для радостей какъ открыто его сердце, и какъ много ихъ у него! Попробуйте:—хорошо!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Второе замужество.

I.

Берлинъ, 20 іюля 1856.

Милостивѣйшая государыня,

Вѣра Павловна.

Близость моя къ погибшему Дмитрію Сергѣичу Лопухову даетъ мнѣ надежду, что вы благосклонно примете въ число вашихъ знакомыхъ человѣка, совершенно вамъ неизвѣстнаго, но глубоко уважающаго васъ. И во всякомъ случаѣ, смѣю думать, что вы не обвините меня въ навязчивости: вступая въ корреспонденцію съ вами, я только исполняю желаніе погибшаго Дмитрія Сергѣича; и тѣ свѣдѣнія, которыя я сообщаю о немъ, вы можете считать совершенно достовѣрными, потому что я буду передавать его мысли его собственными словами, какъ бы говорилъ онъ самъ. Вотъ его слова о дѣлѣ, объясненіе котораго составляетъ цѣль моего письма.

„Мысли, которыя произвели развязку, встревожившую людей мнѣ близкихъ (я передаю подлинныя слова Дмитрія Сергѣича, какъ уже сказалъ), созрѣвали во мнѣ постепенно, и мое намѣреніе мѣнялось нѣсколько разъ, прежде чѣмъ получило свою окончательную форму. Обстоятельство, которое было причиною этихъ мыслей, было замѣчено мною совершенно неожиданно, только въ ту минуту, когда она (Дмитрій Сергѣичъ разумѣетъ васъ) съ исцугомъ сказала мнѣ о снѣ, ужаснувшемъ ее. Сонъ показался мнѣ очень важенъ; и, какъ человѣкъ, смотрѣвшій на состояніе чувствъ ея со стороны, я въ тотъ же мигъ понялъ, что въ ея жизни начинается эпизодъ, который, на время болѣе или менѣе продолжительное, измѣнитъ прежнія наши отношенія съ нею. Но человѣкъ до послѣдней крайности старается сохранить положеніе, съ которымъ сжился; въ основной глубинѣ нашей природы лежитъ консервативный элементъ,

отъ котораго мы отступаемъ только по необходимости. Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключается объясненіе перваго моего предположенія: мнѣ хотѣлось думать, и думалось, что этотъ эпизодъ черезъ нѣсколько времени минуется, и тогда наши прежнія отношенія возстановятся. Она хотѣла избѣжать самаго эпизода черезъ тѣснѣйшее сближеніе со мною. Это увлекло меня, и нѣсколько дней, я не считалъ невозможнымъ исполненіе ея надежды. Скоро я убѣдился однакоже, что надѣяться этого — вещь напрасная. Причина тому заключалась въ моемъ характерѣ.

„Я вовсе не хочу порицать своего характера, говоря это. Я понимаю его такъ.

„У человѣка, проводящаго жизнь какъ должно, время раздѣляется на три части: трудъ, наслажденіе и отдыхъ или развлеченіе. Наслажденіе точно такъ же требуетъ отдыха, какъ и трудъ. Въ трудѣ и въ наслажденіи общій человѣческій элементъ беретъ верхъ надъ личными особенностями: въ трудѣ мы дѣйствуемъ подлѣ преобладающимъ опредѣленіемъ внѣшнихъ раціональныхъ надобностей; въ наслажденіи, подлѣ преобладающимъ опредѣленіемъ другихъ, также общихъ потребностей человѣческой природы. Отдыхъ, развлеченіе — элементъ, въ которомъ личность ищетъ возстановленія силъ отъ этого возбужденія, истощающаго запасъ жизненныхъ матеріаловъ, элементъ, вводимый въ жизнь уже самою личностью; тутъ личность хочетъ опредѣляться собственными своими особенностями, своими индивидуальными удобствами. Въ трудѣ и въ наслажденіи люди влекутся къ людямъ общою могущественною силою, которая выше ихъ личныхъ особенностей, — расчетомъ выгоды въ трудѣ; въ наслажденіи — одинаковыми потребностями организма. Въ отдыхѣ не то. Это не дѣло общей силы, сглаживающей личныя особенности; отдыхъ наиболѣе личное дѣло, тутъ натура проситъ себѣ наиболѣе простора, тутъ человѣкъ наиболѣе индивидуализируется, и характеръ человѣка всего больше выказывается въ томъ, какого рода отдыхъ легче и пріятнѣе для него.

„Въ этомъ отношеніи люди распадаются на два главные отдѣла. Для людей одного отдѣла, отдыхъ или развлеченіе пріятнѣе въ обществѣ другихъ. Уединеніе нужно каждому. Но для нихъ нужно, чтобы оно было исключеніемъ; а правило для нихъ — жизнь съ другими. Этотъ классъ гораздо многочисленнѣе другого, которому нужно наоборотъ: въ уединеніи имъ просторнѣе, чѣмъ въ обществѣ другихъ. Эта разница замѣчена и общимъ мнѣніемъ, которое обозначаетъ ее словами: человѣкъ общительный и человѣкъ замкнутый. Я принадлежу къ людямъ необщительнымъ, она — къ общительнымъ. Вотъ и вся тайна нашей исторіи. Кажется, ясно, что въ этой причинѣ нѣтъ ничего предосудительнаго ни для кого изъ насъ. Нисколько не предосудительно и то, что ни у одного изъ насъ не достало силы отвратить эту причину: противъ своей природы человѣкъ безсиленъ.

„Каждому довольно трудно понять особенности другихъ натуръ; всякій представляетъ себѣ всѣхъ людей по характеру своей индивидуальности. Чего не нужно мнѣ, то, по-моему, не нужно и для другихъ, — такъ влечетъ насъ думать наша индивидуальность; надобны слишкомъ яркіе признаки, чтобы я вспомнилъ о противномъ. И наоборотъ: въ чемъ для меня облегченіе и просторъ, въ томъ и для другихъ. Натуральность этого расположенія мыслей — мое извиненіе въ томъ, что я слишкомъ поздно замѣтилъ разницу между на-

турою моею и ея. Ошибкѣ много помогло и то, что когда мы сошлись жить вмѣстѣ, она слишкомъ высоко ставила меня: между нами еще не было тогда равенства; съ ея стороны было слишкомъ много уваженія ко мнѣ; мой образъ жизни казался ей образцовымъ, она принимала за общую человѣческую черту то, что было моею личною собственностью, и на время она увлеклась ею. Была и другая причина еще болѣе сильная.

„Между неразвитыми людьми мало уважается неприкосновенность внутренней жизни. Каждый изъ семейства, особенно изъ старшихъ, безъ церемоніи суетъ лапу въ вашу интимную жизнь. Дѣло не въ томъ, что этимъ нарушаются наши тайны: тайны болѣе или менѣе крупныя драгоцѣнности, ихъ не забываешь прятать, стеречь; да и не у всякаго есть онѣ, многимъ и ровно нечего прятать отъ близкихъ. Но каждому хочется, чтобы въ его внутренней жизни былъ уголокъ, куда никто не залѣзалъ бы, какъ всякому хочется имѣть свою особую комнату, для себя одного. Люди неразвитые не смотрятъ ни на то, ни на другое: если у васъ и есть особая комната, въ нее лѣзетъ каждый, не изъ желанія подсмотреть или быть навязчивымъ, нѣтъ, просто потому, что не имѣетъ предположенія, что это можетъ беспокоить васъ; онѣ думаетъ, что лишь въ томъ случаѣ, когда бы онѣ былъ вообще противенъ вамъ, вы могли бы не желать увидѣть его вдругъ ни съ того, ни съ сего явившимся у васъ подъ носомъ: онѣ не понимаетъ, что можетъ надѣдать, можетъ, мѣшать человѣку, хотя бы и расположенному къ нему. Святыня порога, черезъ который никто не имѣетъ права переступить безъ воли живущаго за нимъ, у насъ признается только въ одной комнатѣ, комнатѣ главы семейства, потому что глава семейства можетъ выгнать въ шею всякаго, выросшаго у него подъ носомъ безъ его спроса. У всѣхъ остальныхъ вырастаетъ подъ носомъ, когда вздумаетъ, всякій, кто старше ихъ или равенъ имъ по семейному положенію. То же, что съ комнатою, и съ міромъ внутренней жизни. Въ него безъ всякой надобности, даже безъ всякой мысли залѣзаетъ всякій за всякимъ вздоромъ, и чаще всего не болѣе, какъ за тѣмъ, чтобы почесать языкъ о вашу душу. У дѣвушки есть два будничныя платья, бѣлое и розовое; она надѣла розовое, вотъ ужъ и можно чесать языкъ о ея душу. „Ты надѣла розовое платье, Аня, зачѣмъ ты его надѣла?“ Аня сама не знаетъ, почему она надѣла его,—вѣдь нужно же было надѣть какое-нибудь; да притомъ, еслибъ она надѣла бѣлое, то вышло бы то же самое. „Такъ, маменька“ (или „сестрица“).—„А ты бы лучше надѣла бѣлое“. Почему лучше, этого не знаетъ сама та, которая бесѣдуетъ съ Аней: она просто чешетъ языкъ. „Что ты нынѣ, Аня, какъ будто не весела?“ Аня совершенно ни невесела, ни весела; но почему жъ не спросить, отчего то, чего и не видно, и нѣтъ. „Я не знаю; нѣтъ, кажется, я ничего“. — „Нѣтъ, ты что-то невесела“. Черезъ двѣ минуты: „А ты бы, Аня, сѣла, поиграла на фортепьяно“, зачѣмъ,—неизвѣстно; и такъ далѣе, цѣлый день. Ваша душа будто улица, на которую поглядываетъ каждый, кто сидитъ подлѣ окна, не за тѣмъ, чтобы ему нужно было увидѣть тамъ что-нибудь, нѣтъ, онѣ даже знаетъ, что и не увидитъ ничего ни нужнаго, ни любопытнаго, а такъ, отъ нечего дѣлать: вѣдь все равно, слѣдовательно, почему же не поглядывать? Улицѣ, точно, все равно; но человѣку вовсе нѣтъ удовольствія отъ того, что пристають къ нему.

„Натурально, что это приставање безъ всякой цѣли и мысли можетъ вызывать реакцію; и какъ только человѣкъ станетъ въ такое положеніе, что можетъ уединяться, онъ нѣкоторое время находитъ удовольствіе въ уединеніи, хотя бы по натурѣ былъ расположенъ къ общительности, а не къ уединенію.

„Она съ этой стороны находилась до замужства въ исключительно рѣзкомъ положеніи: къ ней приставали, къ ней лѣзли въ душу не просто отъ нечего дѣлать, случайно и только по неделикатности, а систематически, неотступно, ежеминутно, слишкомъ грубо, слишкомъ нагло, лѣзли злобно и злонамеренно, лѣзли не просто безцеремонными руками, а руками очень жесткими и чрезвычайно грязными. Оттого и реакція въ ней была очень сильна.

Поэтому, не должно строго осуждать мою ошибку. Нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть, годъ, я и не ошибался: ей дѣйствительно нужно и пріятно было уединеніе. А въ это время у меня успѣло составиться мнѣніе о ея характерѣ. Сильная временная потребность ея сходилась съ моею постоянною потребностью, что жъ удивительнаго, что я принялъ временное явленіе за постоянную черту ея характера? Каждый такъ расположенъ судить о другихъ по себѣ!

„Ошибка была, и очень большая. Я не виню себя въ ней, но мнѣ все хочется оправдываться; это значитъ: мнѣ чувствуется, что другіе не будутъ такъ снисходительны ко мнѣ, такъ я самъ. Чтобы смягчить порицаніе, я долженъ нѣсколько поболѣе сказать о своемъ характерѣ съ этой стороны, которая ей и большей части другихъ людей довольно чужда, и потому безъ объясненій могла бы пониматься въ невѣрномъ видѣ.

„Я не понимаю отдыха иначе, какъ въ уединеніи. Быть съ другими, для меня значитъ уже чѣмъ-нибудь заниматься, или работать, или наслаждаться. Я чувствую себя совершенно на просторѣ только тогда, когда я одинъ. Какъ это назвать? Отчего это? У однихъ, отъ скрытности; у другихъ, отъ застѣнчивости; у третьихъ, отъ расположенія хандрить, задумываться; у четвертыхъ, отъ недостатка симпатіи къ людямъ. Во мнѣ, кажется, нѣтъ ничего этого: я прямодушенъ и откровененъ, я готовъ быть всегда веселъ и вовсе не хандрю. Смотрѣть на людей для меня пріятно; но это для меня ужъ соединено съ работою или наслажденіемъ, это ужъ нѣчто требующее послѣ себя отдыха, то есть, по-моему, уединенія. Сколько я могу понять, во мнѣ это просто особенное развитіе влеченія къ независимости, свободѣ.

„И вотъ, сила реакціи противъ прежняго, слишкомъ тревожнаго положенія въ семействѣ заставила ее на время принять образъ жизни, несообразный съ ея постоянною наклонностью; уваженіе ко мнѣ поддерживало ее въ этомъ временномъ расположеніи дольше, чѣмъ было бы само собою; а я въ это долгое время составилъ себѣ мнѣніе о ея характерѣ, принялъ временную черту за постоянную и успокоился на томъ, вотъ и вся исторія. Съ моей стороны была ошибка, но и въ этой ошибкѣ было мало дурного; а ужъ съ ея стороны не было совершенно ничего. А сколько страданія вышло изъ этого для нея, и какою катастрофою кончилось это для меня!

„Когда ея испугъ отъ страшнаго сна открылъ мнѣ положеніе ея чувствъ, поправлять мою ошибку было поздно. Но если бы мы замѣтили это раньше, то, можетъ быть, постоянными усиліями надъ собою мнѣ и ей удалось бы сдѣлать такъ, чтобы мы могли навсегда остаться довольны другъ другомъ! Не

знаю; но думаю, что и въ случаѣ успѣха не вышло бы тутъ ничего особенно хорошаго. Положимъ, мы передѣляли бы свои характеры настолько, чтобы не осталось намъ причины тяготиться нашими отношеніями. Но передѣлки характеровъ хороши только тогда, когда направлены противъ какой-нибудь дурной стороны; а тѣ стороны, которыя пришлось бы передѣлывать въ себѣ ей и мнѣ, не имѣли ничего дурного. Чѣмъ общительность хуже или лучше наклонности къ уединенію, или наоборотъ? А вѣдь передѣлка характера во всякомъ случаѣ насилуванье, ломка; а въ ломкѣ многое теряется, отъ насилуванія многое замираетъ. Результатъ, котораго я и она, можетъ быть (но только можетъ быть, а не навѣрное), достигли бы, не стоилъ такой потери. Мы оба отчасти обезцвѣтили бы себя, болѣе или менѣе заморили бы въ себѣ съѣжестъ жизни. Для чего же? Для того только, чтобы сохранить извѣстныя мѣста въ извѣстныхъ комнатахъ. Дѣло другое, еслибъ у насъ были дѣти; тогда надобно было бы много подумать о томъ, какъ измѣняется ихъ судьба отъ нашей разлуки: если къ худшему, то предотвращеніе этого стоитъ самыхъ великихъ усилій и результатъ—радость, что сдѣлалъ нужное для сохраненія наилучшей судьбы тѣмъ, кого любишь—такой результатъ вознаградилъ бы за всякія усилія. А теперь, какую разумную цѣль имѣло бы это?

„Потому, при данномъ положеніи, моя ошибка повидимому повела даже къ лучшему: благодаря ей, намъ обоимъ пришлось меньше ломать себя. Она принесла много горя, но безъ нея навѣрное было бы его больше. да и результатъ не былъ бы такъ удовлетворителенъ“.

Таковы слова Дмитрія Сергѣича. Изъ достойчивости, съ которою онъ такъ много занимался этою стороною дѣла, вы легко можете видѣть, что онъ, какъ и самъ говорилъ, чувствовалъ въ ней что-то неловкое, невыгодное для себя. Онъ прямо прибавлялъ: „я чувствую, что все-таки останусь не совсѣмъ правъ во мнѣніи тѣхъ, кто сталъ бы разбирать это дѣло безъ сочувствія ко мнѣ. Но я увѣренъ въ ея сочувствіи. Она будетъ судить обо мнѣ даже лучше, чѣмъ я самъ. А самъ я считаю себя совершенно правымъ. Таково мое мнѣніе о времени, которое было до ея сна“. Теперь я передамъ вамъ чувства и намѣренія, бывшія въ немъ послѣ того, какъ вашъ сонъ раскрылъ ему неудовлетворительность отношеній между вами и имъ.

„Я сказалъ (слова Дмитрія Сергѣича), что съ первыхъ же ея словъ о страшномъ снѣ я понялъ неизбежность какого-нибудь эпизода, различнаго отъ прежнихъ нашихъ отношеній. Я ждалъ, что онъ будетъ имѣть значительную силу, потому что иначе было невозможно при энергіи ея натуры и при тогдашнемъ состояніи ея недовольства, которое ужъ имѣло очень большую силу отъ слишкомъ долгой затаенности. Но все-таки ожиданіе представлялось мнѣ сначала въ самой легкой и выгодной для меня формѣ. Я разсуждалъ такъ: она увлечется на время страстной любовью къ кому-нибудь; пройдетъ годъ, два, и она возвратится ко мнѣ. Я очень хорошій человѣкъ. Шансы сойтись съ другимъ такимъ человѣкомъ очень рѣдки (я прямо говорю о себѣ, какъ думаю: у меня нѣтъ лицемѣрной уловки уменьшать свое достоинство). Удовлетворенное чувство любви утратитъ часть своей стремительности: она увидитъ, что хотя одна сторона ея натуры и менѣе удовлетворяется жизнью со мною, но что въ общей сложности жизни ей легче, просторнѣе жизнь со мною, чѣмъ съ дру-

гимъ; и все возстановится попрежнему. Я, наученный опытомъ, буду внимательнѣе къ ней; она пріобрѣтетъ новое уваженіе ко мнѣ, будетъ имѣть еще больше привязанности ко мнѣ, чѣмъ прежде, и мы будемъ жить дружнѣе прежняго.

„Но (это вещь, объясненіе которой очень щекотливо для меня; однакоже, оно должно быть сдѣлано), но какъ представлялась мнѣ перспектива того, что наши отношенія съ нею возстановятся? Радовало ли это меня? Конечно. Но только ли радовало? Нѣтъ, это представлялось мнѣ и обремененіемъ, конечно, пріятнымъ, очень пріятнымъ, но все-таки обремененіемъ Я очень сильно люблю ее и буду ломать себя, чтобы лучше приспособиться къ ней; это будетъ доставлять мнѣ удовольствіе, но все-таки моя жизнь будетъ стѣснена. Такъ представлялось мнѣ, когда я успокоился отъ перваго впечатлѣнія. И я увидѣлъ, что не обманывался. Она дала мнѣ испытать это, когда хотѣла, чтобы я постарался сохранить ея любовь. Мѣсяць угожденія этому желанію былъ самымъ тяжелымъ мѣсяцемъ моей жизни. Тутъ не было никакого страданія, это выраженіе нисколько не шло бы къ дѣлу, было бы тутъ нелѣпо; со стороны положительныхъ ощущеній я не испытывалъ ничего, кромѣ радости, угождая ей; но мнѣ было скучно. Вотъ тайна того, что ея попытка удержаться въ любви ко мнѣ осталась неудачна. Я скучалъ, угождая ей.

„На первый взглядъ можетъ казаться странно, почему же я не скучалъ, отдавая безчисленные вечера студентамъ, для которыхъ, разумѣется, не сталъ бы много беспокоить себя, и почему почувствовалъ очень сильное утомленіе, когда отдалъ всего лишь нѣсколько вечеровъ женщинѣ, которую любилъ больше, чѣмъ себя, на смерть для которой, и не только на смерть, на всякое мученіе для которой я былъ готовъ? Это можетъ казаться странно, но только для того, кто не вникнетъ въ сущность моихъ отношеній къ молодежи, которой я отдавалъ столько времени. Во-первыхъ, у меня не было никакихъ личныхъ отношеній съ этими молодыми людьми; когда я сидѣлъ съ ними, я не чувствовалъ передъ собою людей, а видѣлъ лишь нѣсколько отвлеченныхъ типовъ, которые обмѣниваются мыслями; разговоры мои съ ними мало отличались отъ раздумья наединѣ; тутъ была занята во мнѣ лишь одна сторона человѣка, та, которая всѣхъ менѣе требуетъ отдыха, — мысль. Все остальное спало. И при томъ, разговоръ имѣлъ практическую, полезную цѣль — содѣйствіе развитію умственной жизни, благородства и энергіи въ моихъ молодыхъ друзьяхъ. Это былъ трудъ, но трудъ такой легкій, что годился на возстановленіе силъ, израсходованныхъ другими трудами, не утомляющій, а освѣжающій, но все-таки трудъ; поэтому личность не имѣла тутъ требованій, которыя ставила для отдыха. Тутъ я искалъ пользы, а не успокоенія; тутъ я давалъ сонъ въѣмъ сторонамъ моего существа, кромѣ мысли; а мысль дѣйствовала безъ всякой примѣси личныхъ отношеній къ людямъ, съ которыми я говорилъ, поэтому чувствовала себя такой же просторъ, какъ наединѣ; эти разговоры, можно сказать, и не выводили меня изъ уединенія. Тутъ не было ничего сходнаго съ отношеніями, въ которыхъ участвуетъ весь человѣкъ.

„Я знаю, какъ щекотливо выговорить это слово „скука“: но добросовѣстность не позволяетъ мнѣ утаить его. Да, при всей моей любви къ ней я почувствовалъ облегченіе себя, когда потомъ убѣдился, что между нею и

мною не могутъ установиться отношенія, при которыхъ намъ было бы удобно жить попрежнему. Я началъ убѣждаться въ этомъ около того же времени, когда она стала замѣчать, что угожденіе ея желанію обременительно для меня. Тогда будущее представилось мнѣ въ новой формѣ, которая была пріятнѣе для меня; увидѣвъ, что намъ невозможно удержаться въ прежнихъ отношеніяхъ, я сталъ думать, какъ бы поскорѣе, — опять я долженъ употребить щекотливое выраженіе, — думать, какъ бы поскорѣе отдѣлаться, отвязаться отъ положенія, которое было мнѣ скучно. Вотъ тайна того, что должно было казаться великодушіемъ человѣку, который захотѣлъ бы ослѣплиться признательностью къ вѣщности дѣла, или не былъ бы такъ близокъ, чтобы разсмотрѣть самую глубину побужденій. Да, мнѣ просто хотѣлось отдѣлаться отъ скучнаго положенія. Не лицемѣрствуя отрицаніемъ хорошаго въ себѣ, я не стану отрицать того, что однимъ изъ моихъ мотивовъ было желаніе добра ей. Но это былъ уже только второй мотивъ, — положимъ, очень сильный, но все-таки далеко уступавшій силою первому, главному, — желанію избавиться отъ скуки: настоящимъ двигателемъ было оно. Подъ вліяніемъ его я сталъ внимательно разсматривать образъ ея жизни, и легко увидѣлъ, что въ перемѣнѣ ощущеній отъ перемѣны образа жизни главную роль играетъ появленіе и удаленіе Александра Матвѣича. Это заставило меня думать и о немъ: я понялъ причину его странныхъ дѣйствій, на которыя прежде не обращалъ вниманія, и послѣ того мои мысли получили новый видъ, — какъ я уже говорилъ, болѣе пріятный для меня. Когда я увидѣлъ, что въ ней ужъ не только одно исканіе страстной любви, а уже и сама любовь, только еще не сознаваемая ею, что это чувство обратилось на человѣка вполне достойнаго и вообще могущаго вполне замѣнить меня ей, что этотъ человѣкъ самъ страстно любитъ ее. — я чрезвычайно обрадовался. Правда, впрочемъ, что первое впечатлѣніе было тяжело: всякая важная перемѣна соединена съ нѣкоторою скорбью. Я видѣлъ теперь, что не могу, по совѣсти, считать себя лицомъ, необходимымъ для нея; — а вѣдь я уже привыкъ къ этому и, надобно сказать правду, это было мнѣ пріятно: слѣдовательно, потеря этого отношенія необходимо должна была имѣть тяжелую сторону. Но она только на первое время, очень недолго, преобладала надъ другою стороною, которая радовала меня. Теперь я былъ увѣренъ въ ея счастья и покоенъ за ея судьбу. Это было источникомъ большой радости. Но напрасно было бы думать, что въ этомъ заключалась главная пріятность; нѣтъ, личное чувство опять было гораздо важнѣе: я видѣлъ, что становлюсь совершенно свободнымъ отъ принужденія. Мои слова не имѣютъ того смысла, будто для меня безсемейная жизнь кажется свободнѣе или легче семейной: нѣтъ, если мужу и женѣ нисколько не нужно стѣснять себя для угожденія другъ другу, если они довольны другъ другомъ безъ всякихъ усилий надъ собою, если они угождаютъ другъ другу вовсе не думая угождать, то для нихъ, чѣмъ тѣснѣе отношенія между ними, тѣмъ легче и просторнѣе имъ обоемъ. Но отношеніе между нею и мною не было таково. Потому разойтись значило для меня стать свободнымъ.

„Изъ этого видно, что я дѣйствовалъ въ собственномъ интересѣ, когда рѣшился не мѣшать ея счастью; благородная сторона была въ моемъ дѣлѣ, но движущею силою ему служило влеченіе собственной моей натуры къ лучшему для меня самого. Вотъ поэтому-то я имѣлъ силу дѣйствовать, могу сказать, —

хорошо: не пошатываться туда и сюда, не дѣлать лишней суеты и непріятностей другимъ, не измѣнять своей обязанности. Это легко, когда обязанность—влеченіе собственной натуры.

„Я уѣхалъ въ Рязань. Черезъ нѣсколько времени она вызвала меня, говоря, что мое присутствіе уже не будетъ мѣшать ей. Я увидѣлъ, что оно все-таки мѣшаетъ. Сколько я могу понять, тутъ были двѣ причины. Ей было тяжело видѣть человѣка, которому она была слишкомъ много обязана, по ея мнѣнію. Она ошибалась въ этомъ, она не была нисколько обязана мнѣ, потому что я дѣйствовалъ гораздо больше для себя, нежели для нея. Но ей представлялось иначе, и она чувствовала чрезвычайно сильную признательность ко мнѣ. Это чувство тяжелое. Въ немъ есть пріятная сторона, но она имѣетъ верхъ только тогда, когда чувство не слишкомъ сильно. Когда оно сильно, оно дѣйствительно. Другая причина,—это опять нѣсколько щекотливое объясненіе, но надобно говорить то, что думаешь,—другую причину я нахожу въ томъ, что ей была непріятна ненормальность ея положенія въ смыслѣ общественныхъ условій; ей было тяжело то, что недоставало со стороны общества формальнаго признанія ея права занимать это положеніе. Итакъ, я увидѣлъ, что ей было тяжело мое существованіе подлѣ нея. Я не скрою, что въ этомъ новомъ открытіи была сторона, несравненно болѣе тяжелая для меня, чѣмъ всѣ чувства, которыя испытывалъ я въ прежнихъ періодахъ дѣла. Я сохранялъ къ ней очень сильное расположеніе; мнѣ хотѣлось оставаться человѣкомъ очень близкимъ къ ней. Я надѣялся, что это такъ будетъ. И когда я увидѣлъ, что этого не должно быть, мнѣ было очень, очень прискорбно. И тутъ ужъ не было вознагражденія прискорбію ни въ какихъ личныхъ разсчетахъ; я могу сказать, что тутъ мое рѣшеніе, мое послѣднее рѣшеніе, было принято единственно по привязанности къ ней, только изъ желанія, чтобы ей было лучше, исключительно по побужденіямъ не своекорыстнымъ. Зато никогда мои отношенія къ ней, и въ самое лучшее свое время, не доставляли мнѣ такого внутренняго наслажденія, какъ эта рѣшимость. Тутъ я поступалъ уже подъ вліяніемъ того, что могу назвать благородствомъ, вѣрнѣе сказать, благороднымъ разчетомъ, разчетомъ, въ которомъ общій законъ человѣческой природы дѣйствуетъ чисто одинъ, не заимствуя себѣ подкрѣпленія изъ индивидуальныхъ особенностей; и тутъ я узналъ, какое высокое наслажденіе чувствовать себя поступающимъ, какъ благородный человѣкъ, то-есть такъ, какъ слѣдуетъ поступать вообще всякому человѣку, не Ивану, не Петру, а всякому, всякому безъ различія именъ: какое высокое наслажденіе чувствовать себя просто человѣкомъ,—не Иваномъ, не Петромъ, а человѣкомъ, чисто только человѣкомъ. Это чувство слишкомъ сильно; обыкновенныя натуры, какова моя, не могутъ выносить слишкомъ частаго возвышенія до этого чувства; но хорошо тому, кому случалось иногда испытывать его.

„Нѣтъ надобности объяснять ту сторону моего образа дѣйствій, которая была бы величайшимъ безразсудствомъ въ дѣлахъ съ другими людьми, но слишкомъ очевидно оправдывается характеромъ лица, которому уступалъ я. Въ то время, какъ я уѣзжалъ въ Рязань, не было ни слова сказано между нею и Александромъ Матвѣичемъ; въ то время, какъ я принималъ свое послѣднее рѣшеніе, не было ни слова сказано ни между мною и имъ, ни между мною

и ею. Но я хорошо зналъ его; мнѣ не было надобности узнавать его мысли для того, чтобы узнать ихъ“.

Я передаю слова Дмитрія Сергѣевича съ буквальною точностью, какъ уже сказалъ.

Я человѣкъ совершенно чужой вамъ; но корреспонденція, въ которую я вступаю съ вами, исполняя желаніе погибшаго Дмитрія Сергѣича, имѣетъ такой интимный характеръ, что вѣроятно интересно будетъ вамъ узнать, кто этотъ чуждый вамъ корреспондентъ, совершенно посвященный во внутреннюю жизнь погибшаго Дмитрія Сергѣича. Я отставной медицинскій студентъ—больше ничего не умѣю сказать вамъ о себѣ. Въ послѣдніе годы я жилъ въ Петербургѣ. Нѣсколько дней тому назадъ я вздумалъ пуститься путешествовать и искать себѣ новой карьеры за границу. Я уѣхалъ изъ Петербурга на другой день послѣ того, какъ вы узнали о гибели Дмитрія Сергѣича. По особенному случаю, я не имѣлъ въ рукахъ документовъ, и мнѣ пришлось взять чужія бумаги, которыми обязательно снабдилъ меня одинъ изъ общихъ знакомыхъ вашихъ и моихъ. Онъ далъ мнѣ ихъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы я исполнилъ нѣкоторые его порученія по дорогѣ. Когда вамъ случится видѣть г. Рахметова, потрудитесь сказать, что все порученное исполнено мною, какъ должно. Теперь, я буду пока бродить—вѣроятно, по Германіи, наблюдая нравы. У меня есть нѣсколько сотенъ рублей, и мнѣ хочется погулять. Когда праздность надоѣстъ, я буду искать себѣ дѣла, какого, все равно.—гдѣ?—гдѣ случится. Я воленъ какъ птица, и могу быть беззаботенъ, какъ птица. Такое положеніе восхищаетъ меня.

Очень возможно, что вамъ угодно будетъ удостоить меня отвѣтомъ. Но я не знаю, гдѣ я буду черезъ недѣлю,—быть можетъ, въ Италіи, быть можетъ, въ Англіи, быть можетъ, въ Прагѣ.—я могу теперь жить по своей фантазіи, а куда она унесетъ меня, не знаю. Поэтому, дѣлайте на вашихъ письмахъ только слѣдующій адресъ: Berlin, Friedrichstrasse 20. Agentur von H. Schweigler; подъ этимъ конвертомъ будетъ ваше письмо въ другомъ конвертѣ, на которомъ вмѣсто всякаго адреса вы поставите только цифры 12345: онѣ будутъ означать для конторы агентства Швейглера, что письмо должно быть отправлено ко мнѣ.

Примите, милостивѣйшая государыня, увѣреніе въ глубокомъ уваженіи отъ человѣка, совершенно чуждаго вамъ, но безгранично преданнаго вамъ, который будетъ называть себя:

Отставнымъ медицинскимъ студентомъ.

Милостивѣйшій государь, Александръ Матвѣвичъ. По желанію погибшаго Дмитрія Сергѣича, я долженъ передать вамъ увѣреніе въ томъ, что наилучшимъ для него обстоятельствомъ казалось именно то, что свое мѣсто онъ долженъ былъ уступить вамъ. При тѣхъ отношеніяхъ, которые привели къ этой перемѣнѣ, отношеніяхъ, постепенно образовавшихся въ теченіе трехъ лѣтъ, когда вы почти вовсе не бывали его гостемъ, слѣдовательно, возникшихъ безъ всякаго вашего участія, единственно изъ несоотвѣтствія характеровъ между двумя людьми, которыхъ вы потомъ напрасно старались сблизить.—при этихъ отношеніяхъ была неизбежна та развязка, какая произошла. Очевидно, что Дмитрій Сергѣичъ нисколько не могъ приписывать ее вамъ. Конечно, это объясненіе

излишне; однакоже, болѣе только для формы, онъ поручилъ мнѣ сдѣлать его. Такъ или иначе, тотъ или другой долженъ былъ занять мѣсто, котораго не могъ занимать онъ, на которомъ только потому и могъ явиться другой, что Дмитрій Сергѣичъ не могъ занимать его. То, что на этомъ мѣстѣ явились именно вы, составляетъ, по мнѣнію погибшаго Дмитрія Сергѣевича, наилучшую для всѣхъ развязку. Жму вашу руку. Отставной медицинскій студентъ.

— А я знаю...

Что это? знакомый голосъ... Оглядываюсь,—такъ и есть! онъ! онъ, проницательный читатель, такъ недавно изгнанный съ позоромъ за незнаніе ни аза въ глаза по части художественности; онъ ужъ опять тутъ, и опять съ своею прежнею проницательностью, онъ ужъ опять что-то знаетъ!

— А! я знаю, кто это писалъ...

Но я торопливо хватаю первое, удобное для моей цѣли, что попало подъ руку,—попалась салфетка, потому что я, переписавъ письмо отставного студента, сѣлъ завтракать—итакъ, я схватываю салфетку и затыкаю ему ротъ: „Ну, знаешь, такъ и знай; что жъ орать на весь городъ?“

II.

Петербургъ, 25 августа 1856 г.

Милостивый государь,

Вы поймете, до какой степени я была обрадована вашимъ письмомъ. Отъ всей души благодарю васъ за него. Ваша близость къ погибшему Дмитрію Сергѣичу даетъ мнѣ право считать и васъ моимъ другомъ, — позвольте мнѣ употреблять это названіе. Характеръ Дмитрія Сергѣича виденъ въ каждомъ изъ его словъ, передаваемыхъ вами. Онъ постоянно отыскиваетъ самыя за-таенныя причины своихъ дѣйствій, и ему приноситъ удовольствіе подводить ихъ подъ его теорію эгоизма. Впрочемъ, это общая привычка всей нашей компаніи. Мой Александръ также охотникъ разбирать себя въ этомъ духѣ. Если бы вы послушали, какъ онъ объясняетъ свой образъ дѣйствій относительно меня и Дмитрія Сергѣича въ теченіе трехъ лѣтъ! по его словамъ, онъ все дѣлалъ изъ эгоистическаго разчета, для собственнаго удовольствія. И я ужъ давно приобрѣла эту привычку. Только это нѣсколько меньше занимаетъ меня и Александра, чѣмъ Дмитрія Сергѣича, мы съ нимъ совершенно сходимся, но у него больше влеченія къ этому. Да если послушать насъ, мы всѣ трое такіе эгоисты, какихъ до сихъ поръ свѣтъ не производилъ. А можетъ быть, это и правда? можетъ быть, прежде не было такихъ эгоистовъ? Да, кажется.

Но кромѣ этой черты, общей всѣмъ намъ тремъ, въ словахъ Дмитрія Сергѣича есть другая, которая принадлежитъ ужъ собственно его положенію: очевидна цѣль его объясненій — успокоить меня. Не то, чтобы его слова не были вполне искренни, — нѣтъ, онъ никогда не скажетъ того, чего не думаетъ, — но онъ слишкомъ сильно выставляетъ только ту сторону правды, которая можетъ меня успокоивать. Мой другъ, я очень признательна за это, но вѣдь и я эгоистка—я скажу, напрасно онъ только заботится о моемъ успокоеніи: мы сами

оправдываемъ себя гораздо легче, чѣмъ оправдываютъ насъ другіе; и я, если сказать правду, не считаю себя ни въ чемъ виноватою передъ нимъ; скажу больше: я даже не считаю себя обязанною чувствовать признательность къ нему. Я цѣню его благородство, о, какъ цѣню! но вѣдь я знаю, что онъ былъ благороденъ не для меня, а для себя. Вѣдь и я, если не обманывала его, то не обманывала не для него, а для себя, не потому, что обманывать было бы несправедливостью къ нему, а потому, что это было бы противно мнѣ самой.

Я сказала, что не виню себя,—также, какъ и онъ. Но также какъ и онъ, я чувствую наклонность оправдываться; по его словамъ (очень вѣрнымъ) это значить: я имѣю предчувствіе, что другіе не такъ легко, какъ я сама, могутъ избавить меня отъ порицанія за нѣкоторыя стороны моихъ дѣйствій. Я вовсе не чувствую охоты оправдываться въ той части дѣла, въ которой оправдывается онъ, и наоборотъ, мнѣ хочется оправдываться въ той части, въ которой не нужно оправдываться ему. Въ томъ, что было до моего сна, никто не назоветъ меня сколько-нибудь виноватою, это я знаю. Но потомъ, не я ли была причиною, что дѣло имѣло такой мелодраматическій видъ и привело къ такой эффектной катастрофѣ? Не должна ли я была гораздо проще смотрѣть на ту перемѣну отношеній, которая была ужъ неизбежна, когда мой сонъ въ первый разъ открылъ мнѣ и Дмитрію Сергѣичу мое и его положеніе? Вечеромъ того дня, какъ погибъ Дмитрій Сергѣичъ, я имѣла длинный разговоръ съ свирѣпымъ Рахметовымъ—какой это нѣжный и добрый человѣкъ! Онъ говорилъ мнѣ Богъ знаетъ какія ужасныя вещи про Дмитрія Сергѣича. Но если пересказать ихъ дружескимъ тономъ къ Дмитрію Сергѣичу, вмѣсто жестокаго, будто враждебнаго ему тона, которымъ говорилъ Рахметовъ,—что жъ, пожалуй, онъ справедливъ. Я подозреваю, что Дмитрію Сергѣичу было очень понятно, какія вещи будетъ говорить мнѣ Рахметовъ, и что это входило въ его расчетъ. Да, для меня тогда нужно было слышать это, это меня много успокоило, и кто бы ни устроилъ этотъ разговоръ, я очень благодарна за него вамъ, мой другъ. Но и самъ свирѣпый Рахметовъ долженъ былъ признать, что въ послѣдней половинѣ дѣла Дмитрій Сергѣичъ поступалъ отлично. Рахметовъ винилъ его только за первую половину, въ которой онъ имѣлъ охоту оправдываться. Я буду оправдываться во второй половинѣ, хотя никто не говорилъ мнѣ, что я въ ней виновата. Но у каждого изъ насъ,—я говорю про насъ и нашихъ друзей, про весь нашъ кружокъ, есть порицатель болѣе строгій, чѣмъ самъ Рахметовъ; это нашъ собственный умъ.

Да, я понимаю, мой другъ, что было бы гораздо легче для всѣхъ, если бы я смотрѣла на дѣло проще и не придавала ему слишкомъ трагическаго значенія. По взгляду Дмитрія Сергѣича, должно сказать больше: тогда ему вовсе не было бы надобности прибѣгать къ эффектной и очень тяжелой для него развязкѣ, онъ былъ доведенъ до нея только излишнею пылкостью моей тревоги. Я понимаю, что ему должно такъ казаться, хотя онъ и не поручалъ вамъ передавать мнѣ это. Тѣмъ больше я цѣню его расположеніе ко мнѣ, что оно не ослабѣло даже и отъ такого мнѣнія. Но послушайте, мой другъ, оно не совсѣмъ справедливо, оно вовсе несправедливо: не отъ моей ошибки, не отъ излишней моей тревоги произошла для Дмитрія Сергѣича необходимость испытать то, что онъ самъ называетъ очень тяжелымъ. Правда, если бы я не придавала чрезмѣрной важ-

ности перемены отношений, можно было бы обойтись без поѣздки въ Рязань; но онъ говорить, что она не была тяжела для него; итакъ, тутъ еще не было большой бѣды отъ моего экзальтированного взгляда. Тяжела была для Дмитрія Сергѣича только необходимость погибнуть. Онъ объясняетъ неизбежность этого своего рѣшенія двумя причинами: я страдала отъ чрезмѣрной признательности къ нему, я страдала отъ того, что не могла стать въ такія отношенія къ Александру, какія требуются общественными условіями. Дѣйствительно, я не была совершенно спокойна, я тяготилась своимъ положеніемъ, пока онъ не погибъ, но онъ не отгадываетъ настоящей причины. Онъ думаетъ, что видъ его тяготилъ меня чрезмѣрнымъ бременемъ признательности, — это не совсѣмъ такъ. Человѣкъ очень расположенъ отыскивать мысли, которыми можетъ облегчить себя; и въ то время, когда Дмитрій Сергѣичъ видѣлъ надобность погибели, эта причина уже давно не существовала: моя признательность къ нему давно получила ту умѣренность, при которой она составляетъ пріятное чувство. А вѣдь только эта причина и имѣла связь съ моимъ прежнимъ экзальтированнымъ взглядомъ на дѣло. Другая причина, которую приводитъ Дмитрій Сергѣичъ — желаніе придать моимъ отношеніямъ къ Александру характеръ, признаваемый обществомъ, — вѣдь она уже нисколько не зависѣла отъ моего взгляда на дѣло, она проистекала изъ понятій общества. Надъ нею я была бы безсильна. Но Дмитрій Сергѣичъ совершенно ошибается, думая, что его присутствіе было тяжело для меня по этой причинѣ. Нѣтъ. И безъ его погибели было бы легко устранить ее, еслибъ это было нужно и еслибъ этого было достаточно для меня. Если мужъ живетъ вмѣстѣ съ женою, этого довольно, чтобы общество не дѣлало скандала женѣ, въ какихъ бы отношеніяхъ ни была она къ другому. Это ужъ большой успѣхъ. Мы видимъ много примѣровъ тому, что благодаря благородству мужа, дѣло устранивается такимъ образомъ; и во всѣхъ этихъ случаяхъ, общество оставляетъ жену въ покоѣ. Теперь я нахожу, что, это самый лучший и легкій для всѣхъ способъ устраивать дѣла, подобныя нашему. Дмитрій Сергѣичъ прежде предлагалъ мнѣ этотъ способъ. Я тогда отвергла его по своей экзальтированности. Не знаю, какъ было бы, еслибъ я тогда приняла его. Еслибъ я могла быть довольна тѣмъ, что общество оставило бы меня въ покоѣ, не дѣлало бы мнѣ скандала, не хотѣло бы видѣть моихъ отношеній къ Александру, — тогда, конечно, способъ, который предлагалъ мнѣ Дмитрій Сергѣичъ, былъ бы достаточно, и ему не нужно было бы рѣшаться на погибель. Тогда, конечно, у меня не было бы никакой причины желать, чтобы мои отношенія къ Александру были опредѣлены формальнымъ образомъ. Но мнѣ кажется, что это устройство дѣла, удовлетворительное въ большей части случаевъ, подобныхъ нашему, не было бы удовлетворительно въ нашемъ. Наше положеніе имѣло ту рѣдкую случайность, что всѣ три лица, которыхъ оно касалось, были равносильны. Если бы Дмитрій Сергѣичъ чувствовалъ превосходство Александра надъ собою по уму, развитію или характеру, если бы, уступая свое мѣсто Александру, онъ уступалъ бы превосходству нравственной силы, если бы его отказъ не былъ добровольнъ, былъ бы только отступленіемъ слабаго передъ сильнымъ, о, тогда, конечно, мнѣ нечѣмъ было бы тяготиться. Точно то же, если бы я по уму или характеру была гораздо сильнѣе Дмитрія Сергѣича, еслибъ онъ до развитія моихъ отношеній

къ Александру былъ тѣмъ, что очень хорошо характеризуетъ анекдотъ, надъ которымъ, помнишь, мой другъ, мы много смѣялись, — анекдотъ, какъ встрѣтились въ фойе оперы два господина, разговорились, понравились другъ другу, захотѣли познакомиться: — „я поручикъ такой-то“, сказалъ одинъ, рекомендуясь, — „а я мужъ г-жи Тедеско“, отрекомендовался другой. Если бы Дмитрій Сергѣичъ былъ „мужъ г-жи Тедеско“, о, тогда, конечно, не было бы никакой надобности въ его гибели, онъ покорялся бы, смирялся бы, и если бы былъ человѣкъ благородный, онъ не видѣлъ бы въ своемъ смиреніи ничего обиднаго для себя, и все было бы прекрасно. Но его отношеніе ко мнѣ и къ Александру было вовсе не таково. Онъ не былъ ни на волосъ слабѣе или ниже кого-нибудь изъ насъ, — и мы это знали, и онъ это зналъ. Его уступка не была слѣдствіемъ безсилія — о, вовсе нѣтъ! Она была чисто дѣломъ его доброй воли. Такъ ли, мой другъ? Вы не можете отрицать этого. Поэтому, въ какомъ же положеніи видѣла я себя? Вотъ въ этомъ, мой другъ, вся сущность дѣла. Я видѣла себя въ положеніи зависимости отъ его доброй воли, вотъ почему мое положеніе было тяжело мнѣ, вотъ почему онъ увидѣлъ надобность въ своемъ благородномъ рѣшеніи — погибнуть. Да, мой другъ, причина моего чувства, принудившаго его къ этому, скрывалась гораздо глубже, нежели объясняетъ онъ въ вашемъ письмѣ. Обременительный размѣръ признательности уже не существовалъ. Удовлѣворить претензіямъ общества было бы легко тѣмъ способомъ, какой предлагалъ мнѣ самъ Дмитрій Сергѣичъ: да претензіи общества и не доходили до меня, живущей въ своемъ маленькомъ кругу, который совершенно не имѣетъ ихъ. Но я оставалась въ зависимости отъ Дмитрія Сергѣича, мое положеніе имѣло своимъ основаніемъ только его добрую волю, оно не было самостоятельно — вотъ причина того, что оно было тяжело. Судите же теперь, могла ли эта причина быть предотвращена тѣмъ или другимъ взглядомъ моимъ на перемѣну нашихъ отношеній. Тутъ важность была не въ моемъ взглядѣ, а въ томъ, что Дмитрій Сергѣичъ человѣкъ самообытнѣйшій, поступавшій такъ или иначе только по своей доброй волѣ, по доброй волѣ! Да, мой другъ, вы знаете и одобряете это мое чувство, я не хочу завистѣть отъ доброй воли чьей бы то ни было, хотя бы самаго преданнаго мнѣ человѣка, хотя бы самаго уважаемаго мною человѣка, въ которомъ я не менѣе увѣрена, чѣмъ въ самой себѣ, о которомъ я положительно знаю, что онъ всегда съ радостью будетъ дѣлать все, что мнѣ нужно, что онъ дорожитъ моимъ счастьемъ не меньше, нежели я сама. Да, мой другъ, не хочу, и знаю, что вы одобряете это.

И однакоже, къ чему все это говорится, къ чему этотъ анализъ, раскрывающій самыя тайныя мотивы чувствъ, которыхъ никто не могъ бы доискаться? все-таки, у меня, какъ у Дмитрія Сергѣича, это саморазоблаченіе дѣлается въ свою же пользу, чтобы можно было сказать: я тутъ не виновата, дѣло зависѣло отъ такого факта, который не былъ въ моей власти. Дѣлаю эту замѣтку потому, что Дмитрій Сергѣичъ любилъ такія замѣчанія. Я хочу подольститься къ вамъ, мой другъ.

Но довольно объ этомъ. Вы имѣли столько симпатіи ко мнѣ, что не пожалѣли потратить нѣсколько часовъ времени на ваше длинное (и, о, какое драгоценное для меня) письмо; изъ этого я вижу, какъ я дипломатически пишу точно такіе обороты, какъ у Дмитрія Сергѣича или у васъ, — да, *изъ этого*,

только изъ этого я вижу, что вамъ интересно будетъ узнать, что было со мною послѣ того, какъ Дмитрій Сергѣичъ простился со мною, уѣзжая въ Москву, чтобы вернуться и погибнуть. Возвратившись изъ Рязани, онъ видѣлъ, что я стѣснена. Это сильно обнаружилось во мнѣ только, когда онъ возвратился. Пока онъ жилъ въ Рязани, я, скажу вамъ правду, не такъ много думала о немъ, нѣтъ, не такъ много, какъ полагаете вы, судя по тому, что онъ видѣлъ возвратившись. Но когда онъ уѣхалъ въ Москву, я видѣла, что онъ задумалъ что-то особенное. Замѣчалось, что онъ развязывается съ дѣлами въ Петербургѣ, видно было, что онъ съ недѣлю ужъ только и ждалъ ихъ окончанія, чтобы уѣхать, и потомъ, — какъ же не было бы этого? я въ послѣдніе дни замѣчала иногда грусть на его лицѣ, этомъ лицѣ, которое довольно умѣетъ не выдавать тайнъ. Я предчувствовала, что готовится что-то рѣшительное, крутое. И когда онъ сѣдился въ вагонъ, мнѣ было такъ грустно, такъ грустно. И слѣдующій день я грустила, и на третій день поутру встала еще грустнѣе, и вдругъ, Маша подаетъ мнѣ письмо, — какая это была мучительная минута, какой это мучительный часъ, мучительный день, — вы знаете. Поэтому, мой другъ, я теперь лучше, чѣмъ прежде, знаю силу моей привязанности къ Дмитрію Сергѣичу. Я сама не думала, что она такъ сильна. Да, мой другъ, я теперь знаю силу ея, знаете и вы, потому что вы, конечно, знаете, что я рѣшилась тогда разстаться съ Александромъ; весь день я чувствовала, что моя жизнь разбита, отравлена навсегда, вы знаете и мой дѣтскій восторгъ при видѣ записки моего добраго, добраго друга, записки, совершенно измѣнившей мои мысли (видите, какъ осторожны мои выраженія, вы должны быть довольны мною, мой другъ). Вы знаете все это, потому что Рахметовъ отправился провожать васъ, посадивши меня въ вагонъ; Дмитрій Сергѣичъ и онъ были правы, говоря, что все-таки надобно было уѣхать изъ Петербурга для довершенія того эффекта, ради котораго Дмитрій Сергѣичъ не пожалѣлъ оставлять меня на страшныя мученія цѣлый день, — какъ я благодарна ему за эту безжалостность! Онъ и Рахметовъ также были правы, посоветовавъ Александру не являться ко мнѣ, не провожать меня. Но мнѣ уже не было надобности ѣхать до Москвы, нужно было только удалиться изъ Петербурга, и я остановилась въ Новгородѣ. Черезъ нѣсколько дней туда приѣхалъ Александръ, привезъ документы о гибели Дмитрія Сергѣича, мы повѣчались черезъ недѣлю послѣ этой гибели и прожили съ мѣсяцъ на желѣзной дорогѣ, въ Чудовѣ, чтобы Александру удобно было ѣздить три, четыре раза въ недѣлю въ свой гошпиталь. Вчера мы возвратились въ Петербургъ, — вотъ причина, по которой я такъ долго не отвѣчала на ваше письмо: оно лежало въ ящикѣ Маши, которая вовсе было и забыла о немъ. А вы, вѣроятно, Богъ знаетъ, чего ни придумали, такъ долго не получая отвѣта.

Обнимаю васъ, милый другъ, ваша

Вѣра Кирсанова.

Жму твою руку, мой милый. Только, пожалуйста, ужъ хоть мнѣ-то ты не пиши комплиментовъ; иначе я изолю передъ тобою сердце мое цѣлымъ потокомъ превознесеній твоего благородства, точнѣе чего, конечно, ничто не можетъ быть для тебя. А знаешь ли что? не доказывается ли присутствіе порочной дозы тупоумія, какъ во мнѣ, такъ и въ тебѣ, тѣмъ, что и ты мнѣ

и я тебѣ пишемъ лишь по нѣскольку строкъ; кажется, доказывается, будто мы съ тобою нѣсколько стѣсняемся. Впрочемъ, мнѣ-то, положимъ, это еще извинительно; а ты съ какой стати? Но въ слѣдующій разъ уже надѣюсь разсуждать съ тобою свободно и напишу тебѣ грудѣ здѣшнихъ новостей. Твой, Александръ Кирсановъ.

III.

Письма эти, совершенно искреннія, дѣйствительно были нѣсколько односторонни, какъ замѣчала сама Вѣра Павловна. Оба корреспондента, конечно, старались уменьшить другъ передъ другомъ силу тяжелыхъ потрясеній, которыми были ими испытаны,—о, эти люди очень хитры! Я часто слыхивалъ отъ нихъ, то-есть отъ этихъ и отъ подобныхъ имъ, такія вещи, что тутъ же хохоталъ среди ихъ патетическихъ увѣреній, что, дескать, это для меня было совершенно ничего, очень легко: разумѣется, хохоталъ, когда увѣренія дѣлались передо мною человѣкомъ постороннимъ, и при разговорѣ только вдвоемъ. А когда то же самое говорилось человѣку, которому нужно это слушать, то я поддакивалъ, что это, дескать, точно, пустяки. Препотѣшное существо порядочный человѣкъ: я всегда смѣялся надъ каждымъ порядочнымъ человѣкомъ, съ которымъ знакомъ.

Препотѣшное существо, даже до нелѣпости. Вотъ, хоть бы эти письма. Я къ этимъ штукамъ отчасти ужъ попривыкъ, води дружбу съ такими господами и господами; ну, а на свѣжаго, неиспорченного человѣка, какъ должны онѣ дѣйствовать, напиримѣръ, на проницательнаго читателя?

Проницательный читатель ужъ успѣлъ опростать свой ротъ отъ салфетки и изрекаетъ, качая головою:

— Безнравственно!

— Молодецъ! угадалъ! похваляю я его:—ну, порадуѣ еще словечкомъ.

— Да и авторъ-то безнравственный человѣкъ, изрекаетъ проницательный читатель:—вишь, какія вещи одобряетъ.

— Нѣтъ, мой милашка, ты ошибаешься. Я тутъ многое не одобряю. Пожалуй, даже все не одобряю, если тебѣ сказать по правдѣ. Все это слишкомъ еще мудрено, восторженно; жизнь гораздо проще.

— Такъ ты, значитъ, еще безнравственнѣе?—спрашиваетъ меня проницательный читатель, выдвинувъ глаза отъ удивленія тому, до какой непостижимой безнравственности узнало человѣчество въ моемъ персонажѣ.

— Гораздо безнравственнѣе, говорю я, неизвѣстно, въ правду ли, на смѣхъ ли надъ проницательнымъ читателемъ.

Переписка продолжалась еще три, четыре мѣсяца,—дѣятельно со стороны Кирсановыхъ, небрежно и скудно со стороны ихъ корреспондента. Потомъ онъ и вовсе пересталъ отвѣчать на ихъ письма; по всему видно было, что онъ только хотѣлъ передать Вѣрѣ Павловнѣ и ея мужу тѣ мысли Лопухова, изъ которыхъ составилось такое длинное первое письмо его, а исполнивъ эту обязанность, почелъ дальнѣйшую переписку излишнею. Оставшись раза два, три безъ отвѣта, Кирсановы поняли это и перестали писать.

IV.

Вѣра Павловна отдыхаетъ на своей мягкой кушеткѣ, дожидаясь мужа изъ его гошпиталѣ къ обѣду. Нынѣ она мало хлопотала въ кухнѣ надъ сладкими прибавками къ обѣду, ей хотѣлось поскорѣе прилечь, отдохнуть, потому что она до сыта наработалась въ это утро, и ужь давно такъ, и еще довольно долго будетъ такъ, что она будетъ имѣть досыта работы по утрамъ: вѣдь она устраиваетъ другую швейную въ другомъ концѣ города. Вѣра Павловна Лопухова жила на Васильевскомъ. Вѣра Павловна Кирсанова живетъ на Сергіевской улицѣ, потому что мужу нужно имѣть квартиру ближе къ Выборгской сторонѣ. Мерцалова очень хорошо пришлась по той швейной, которая была устроена на Васильевскомъ, — да и натурально: вѣдь она и мастерская были ужь очень хорошо знакомы между собою. Вѣра Павловна, возвратившись въ Петербургъ, увидѣла, что если и нужно ей бывать въ этой швейной, то развѣ изрѣдка, не надолго; что если она продолжаетъ бывать тамъ почти каждый день, то собственно потому только, что ее влечетъ туда ея привязанность, и что тамъ встрѣчаетъ ее привязанность; можетъ быть, на нѣсколько времени еще и не вовсе безполезны ея посѣщенія, все-таки Мерцалова еще находитъ иногда нужнымъ совѣтоваться съ нею; но это беретъ такъ мало времени, и бываетъ все рѣже; а скоро Мерцалова пріобрѣтетъ столько опытности, что вовсе перестанетъ нуждаться въ Вѣрѣ Павловнѣ. Да, ужь и въ первое время по возвращеніи въ Петербургъ Вѣра Павловна бывала въ швейной на Васильевскомъ больше, какъ любимая гостыя, чѣмъ какъ необходимое лицо. Чѣмъ же заняться? — ясно чѣмъ: надобно основать другую швейную, въ своемъ новомъ сосѣдствѣ, къ другому концѣ города.

И вотъ основывается новая мастерская въ одномъ изъ переулковъ, идущихъ между Бассейною и Сергіевской. Съ нею гораздо меньше хлопотъ, чѣмъ съ прежнею: пять дѣвушекъ, составившія основной штатъ, перенли сюда изъ прежней мастерской, гдѣ мѣста ихъ были заняты новыми; остальной штатъ набрался изъ хорошихъ знакомыхъ тѣхъ швей, которые работали въ прежней мастерской. А это значитъ, что все было уже приготовлено болѣе, чѣмъ на половину: цѣль и порядокъ швейной были хорошо извѣстны всѣмъ членамъ компаніи, новыя дѣвушки прямо и поступали съ тѣмъ желаніемъ, чтобы съ перваго же раза было введено то устройство, котораго такъ медленно достигала первая мастерская. О, теперь дѣло устройства идетъ въ десять разъ быстрѣе, чѣмъ тогда, и хлопотъ съ нимъ втрое меньше. Но все-таки много работы, и Вѣра Павловна устала нынѣ, какъ уставала и вчера, и третьяго дня, какъ уставала ужь мѣсяца два, только еще два мѣсяца, хотя уже больше полгода прошло со времени второго замужества; чтожъ, надобно же было сдѣлать себѣ свадебный праздникъ, и она праздновала долго. Но теперь она ужь принялась за работу.

Да, нынѣ она наработалась, и отдыхаетъ, и думаетъ о многомъ, все болѣе о настоящемъ: оно такъ хорошо и полно! оно такъ полно жизни, что рѣдко остается время воспоминаньямъ; воспоминанія будутъ послѣ, о. гораздо

послѣ, и даже не черезъ десять лѣтъ, не черезъ двадцать лѣтъ, а послѣ; теперь еще не ихъ время, и очень еще долго будетъ не ихъ время. Но все-таки бываютъ они и теперь, изрѣдка, вотъ, напримѣръ, и нынѣ ей вспомнилось то, что чаще всего воспоминается въ этихъ не частыхъ воспоминаніяхъ. Вотъ что ей воспоминается:

V.

„Миленькій! я ѣду съ тобою!“ — „Да вѣдь съ тобою нѣтъ твоихъ вещей“ — „Миленькій мой, завтра же поѣду вслѣдъ за тобою, когда ты не хотѣлъ взять меня съ собою нынѣ“ — „Подумай. Посмотри. Подожди моего письма. Оно будетъ завтра же“.

Вотъ она возвращается домой; что она чувствовала, когда ѣхала съ Машею домой, что чувствовалось и думалось ей во всю эту длинную дорогу съ Московской станціи за Средній проспектъ? она сама не знаетъ, такъ она потрясена была быстрымъ оборотомъ дѣла: еще не прошло сутокъ, да, только черезъ два часа будутъ сутки послѣ того, какъ онъ нашелъ ея письмо у себя въ комнатѣ, и вотъ онъ ужъ удалился, — какъ это скоро, какъ это внезапно! въ два часа ночи, она еще ничего не предвидѣла, онъ выждалъ, когда она, истомленная тревогою того утра, ужъ не могла долго противиться сну, вошелъ, сказалъ нѣсколько словъ, и въ этихъ немногихъ словахъ почти все было только непонятное предисловіе къ тому, что онъ хотѣлъ сказать, а что онъ хотѣлъ сказать, въ какихъ короткихъ словахъ сказалъ онъ: — „я давно не видѣлъ своихъ стариковъ, свѣзжу къ нимъ; они будутъ рады“ — только, и тотчасъ же ушелъ. Она бросилась вслѣдъ за нимъ, хотъ онъ, вошедши, и бралъ съ нея слово не дѣлать этого, бросилась за нимъ — гдѣ жъ онъ? — Маша, гдѣ жъ онъ, гдѣ жъ онъ? Маша, еще убирающая чайныя принадлежности послѣ недавнихъ гостей, говоритъ: — „Дмитрій Сергѣичъ ушелъ: сказалъ, когда проходилъ: я иду гулять“. И она должна была лечь спать: и странно, какъ могла она уснуть? но вѣдь она не знала же, что это будетъ въ то же утро, которое уже свѣтало; онъ говорилъ, что они еще успѣютъ переговорить обо всемъ. И едва она успѣла проснуться, ужъ пора ѣхать на желѣзную дорогу. Да, все это только мелькнуло передъ ея глазами, какъ будто не было это съ нею, будто ей кто-то торопливо рассказывалъ, что это было съ кѣмъ-то. Только теперь, возвратившись домой съ желѣзной дороги, она очнулась и стала думать: что же теперь съ нею, что же съ ней будетъ?

Да, она поѣдетъ въ Рязань. Поѣдетъ. Иначе нельзя ей. Но это письмо? что будетъ въ этомъ письмѣ? Нѣтъ, что же ждать этого письма для того, чтобы рѣшиться? Она знаетъ, что будетъ въ немъ. Но все-таки надобно отложить рѣшеніе до письма. Къ чему же отлагать? Она поѣдетъ. Да, она поѣдетъ. Это думается часъ, это думается два, это думается три, четыре часа. Но Маша проголодалась и ужъ въ третій разъ зоветъ ее обѣдать, и въ этотъ разъ больше велитъ ей, чѣмъ зоветъ. Чтожь, и это разсѣяніе. — „Бѣдная Маша, какъ я заставила ее проголодаться“. — „Да что же вы ждали меня, Маша, — вы бы давно обѣдали, не дожидаясь меня“. — „Какъ это можно, Вѣра Павловна“. И опять думается часъ, два: „я поѣду. Да, завтра же поѣду. Только

дождусь письма, потому что онъ просилъ объ этомъ. Но, что бы ни было написано въ немъ,—да вѣдь я и знаю что будетъ въ немъ, все равно, что бы ни было написано въ немъ, я поѣду“. Это думается часъ, и два;—да, часъ думается это; но два, думается ли это? Нѣтъ, хоть и думается все это же, но думаются еще четыре слова, такія маленькія четыре слова: „онъ не хочетъ этого“ и все больше и больше думаются эти четыре маленькія слова, и вотъ ужъ солнце заходить, а все думается прежнее и эти четыре маленькія слова: и вдругъ передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ опять входитъ неотвязная Маша и требуетъ, чтобы Вѣра Павловна пила чай—передъ самымъ этимъ временемъ изъ этихъ четырехъ маленькихъ словъ вырастаютъ пять другихъ маленькихъ словъ: „и мнѣ не хочется этого“. Какъ хорошо сдѣлала неотвязная Маша, что вошла!—она прогнала эти новыя пять маленькихъ словъ.

Но и благодѣтельная Маша не надолго прогнала эти пять маленькихъ словъ. Сначала они сами не смѣли явиться, они вмѣсто себя прислали опроверженіе себѣ: „но я должна ѣхать“, и только затѣмъ прислали, чтобы самимъ вернуться, подъ прикрытіемъ этого опроверженія:—въ одинъ мигъ съ нимъ опять явились ихъ носители, четыре маленькія слова, „онъ не хочетъ этого“, и въ тотъ же мигъ эти четыре маленькія слова опять превратились въ пять маленькихъ словъ: „и мнѣ не хочется этого“. И думается это полчаса, а черезъ полчаса эти четыре маленькія слова, эти пять маленькихъ словъ уже начинаютъ передѣлывать по своей волѣ даже прежнія слова, самыя главные прежнія слова, и изъ двухъ самыхъ главныхъ словъ „я поѣду“—вырастаютъ три слова: ужъ вовсе не такія, хоть и тѣ же самыя: „поѣду ли я?“ вотъ какъ растутъ и превращаются слова! Но вотъ, опять Маша: „я ему, Вѣра Павловна, ужъ отдала цѣлковый, тутъ надписано: если до 9-ти часовъ принесетъ, такъ цѣлковый, позже, такъ полтинникъ. Это принесъ кондукторъ, Вѣра Павловна, пріѣхалъ съ вечернимъ поѣздомъ: говоритъ, какъ общался, такъ и сдѣлалъ, для скорости взялъ извозчика“. Письмо отъ него!—да! Она знаетъ, что въ этомъ письмѣ: „не ѣзди“, но она все-таки поѣдетъ, она не хочетъ слушать этого письма, не послушаетъ его, она все-таки поѣдетъ. Нѣтъ, въ письмѣ не то.—вотъ что въ немъ, и чего нельзя не слушать: „я ѣду въ Рязань; но не прямо въ Рязань. У меня много заводскихъ дѣлъ по дорогѣ. Кромѣ Москвы, гдѣ, по множеству дѣлъ, мнѣ надобно прожить съ недѣлю, я долженъ побывать въ двухъ городахъ передъ Москвою, въ трехъ мѣстахъ за Москвою, прежде чѣмъ попаду въ Рязань. Сколько времени гдѣ я проживу, когда буду гдѣ,—этого нельзя опредѣлить, ужъ и по одному тому, что въ числѣ другихъ дѣлъ мнѣ надобно получать деньги съ нашихъ торговыхъ корреспондентовъ; а ты знаешь, милый другъ мой“—да, это было въ письмѣ: „милый мой другъ“, нѣсколько разъ было, чтобъ я видѣла, что онъ все попрежнему расположенъ ко мнѣ, что въ немъ нѣтъ никакого неудовольствія на меня, вспоминаетъ Вѣра Павловна: я тогда цаловала эти слова „милый мой другъ“,—да, было такъ:—„милый мой другъ, ты знаешь, что когда надобно получить деньги, часто приходится ждать нѣсколько дней тамъ, гдѣ рассчитывалъ пробыть лишь нѣсколько часовъ. Поэтому я рѣшительно не знаю, когда доберусь до Рязани; но только навѣрное не очень скоро“. Она почти слово въ слово помнитъ это письмо. Чтожь это? Да, онъ совершенно

отнял у нея возможность схватиться за него, чтобъ удержаться подлѣ него. Чтожъ ей теперь дѣлать? и прежнія слова: „я должна ѣхать къ нему“ превращаются въ слова: „все-таки, я не должна видѣться съ нимъ“, и этотъ „онъ“ ужь не тотъ, о которомъ думалось прежде. Эти слова замѣняютъ всѣ прежнія слова, и думается часъ, и думается два: „я не должна видѣться съ нимъ“; и какъ, когда они успѣли измѣниться, только уже измѣнились въ слова: „неужели я захочу увидѣться съ нимъ?—нѣтъ“; и когда она засыпаетъ, эти слова сдѣлались уже словами: „неужели же я увижусь съ нимъ?“ только гдѣ же отвѣтъ? когда онъ исчезъ? И едва ли ужь не выросли они, да, они выросли въ слова: „неужели жь я не увижусь съ нимъ?“ И когда она засыпаетъ на зарѣ, она засыпаетъ ужь съ этими словами: „неужели жь я не увижусь съ нимъ?“

И когда она просыпается поздно по утру, ужь вмѣсто всѣхъ прежнихъ словъ все только борятся два слова съ однимъ словомъ: „не увижусь“—„увижусь“,—и такъ идетъ все утро; забыто все, забыто все въ этой борьбѣ, и то слово, которое побольше, все хочетъ удержать при себѣ маленькое слово, такъ и хватается за него, такъ и держитъ его: „не увижусь“: а маленькое слово все отбѣгаетъ и пропадаетъ, все отбѣгаетъ и пропадаетъ: „увижусь“; забыто все, забыто все, въ усиліяхъ большого слова удержать при себѣ маленькое, да, и оно удерживаетъ его, и зоветъ на помощь себѣ другое маленькое слово, чтобы некуда было отбѣжать этому прежнему маленькому слову: „нѣтъ, не увижусь... нѣтъ, не увижусь“,—да, теперь два слова крѣпко держатъ между собою измѣнчивое самое маленькое слово, некуда уйти ему отъ нихъ, сжали они его между собою: „нѣтъ, не увижусь“—„нѣтъ, не увижусь“..... „Нѣтъ, не увижусь“,—только чтожъ это дѣлаетъ она? шляпа ужь надѣта, и это она инстинктивно взглянула въ зеркало: приглажены ли волосы, да, въ зеркалѣ она увидѣла, что на ней шляпа, и изъ этихъ трехъ словъ, которыя срослись—было такъ твердо, осталось одно, и къ нему прибавилось новое: „нѣтъ возврата“. Нѣтъ возврата, нѣтъ возврата. „Маша, вы не ждите меня обѣдать: я не буду нынѣ обѣдать дома“.

— Александръ Матвѣичъ еще не изволили возвращаться изъ гошпиталя,—спокойно говорятъ Степанъ, да и какъ же не говорить ему спокойно, съ флегмою? въ ея появленіи нѣтъ ничего особеннаго: прежде, еще недавно, она часто бывала здѣсь. „Я и думала такъ: все равно, я посижу. Вы не говорите ему, что я здѣсь“. Она беретъ какой-то журналъ—да, она можетъ читать, она видитъ, что можетъ читать; да, какъ только „нѣтъ возврата“, какъ только принято рѣшеніе, она чувствуетъ себя очень спокойною. Конечно, она мало читала, она вовсе не читала: она осмотрѣла комнату, она стала прибирать ее, будто хозяйка; конечно, мало прибирала, вовсе не прибирала, по какъ она спокойна: и можетъ читать, и можетъ заниматься дѣломъ, замѣтила, что изъ пчельницы не выброшенъ пчелъ, да и суконную скатерть на столѣ надобно поправить, и этотъ стулъ остался сдвинутъ съ мѣста. Она сидитъ и думаетъ: „нѣтъ возврата, нѣтъ выбора: начинается новая жизнь“—думаетъ часъ, думаетъ два: „начинается новая жизнь. Какъ онъ удивится, какъ онъ будетъ счастливъ. Начинается новая жизнь. Какъ мы счастливы“. Звонокъ; она немного покраснѣла и улыбнулась: шаги, дверь отворяется.—„Вѣра Пав

ловна!“ — онъ пошатнулся, да, онъ пошатнулся, онъ схватился за ручку двери; но она ужъ побѣжала къ нему, обняла его: „милый мой, милый мой! Какъ онъ благороденъ! какъ я люблю тебя! я не могла жить безъ тебя!“ и потомъ — что было потомъ? какъ они перешли черезъ комнату? Она не помнитъ, она помнитъ только, что подбѣжала къ нему, поцаловала его, но какъ они перешли черезъ комнату, она не помнитъ, и онъ не помнитъ; они только помнятъ, когда они уже обходили мимо креселъ, около стола, а какъ они отошли отъ двери... Да, на нѣсколько секундъ у обоихъ закружилась голова. потемнѣло въ глазахъ отъ этого поцалуя... — „Вѣрочка, ангелъ мой!“ — „Другъ мой, я не могла жить безъ тебя. Какъ долго ты любилъ меня, и молчалъ! Какъ ты благороденъ! Какъ онъ благороденъ, Саша!“ — „Разскажи же. Вѣрочка, какъ это было?“ — „Я сказала ему, что не могу жить безъ тебя; на другой день, вчера, онъ ужъ уѣхалъ, я хотѣла ѣхать за нимъ, весь день вчера думала, что поѣду за нимъ, а теперь, видишь, я ужъ давно сидѣла здѣсь“ — „Но какъ ты похудѣла въ эти двѣ недѣли, Вѣрочка, какъ блѣдны твои руки!“ Онъ цалуетъ ея руки — „да, мой милый, это была тяжелая борьба! Теперь я могу цѣнить, какъ много страдалъ ты, чтобы не нарушать моего покоя! какъ могъ ты такъ владѣть собою, что я ничего не видѣла? Какъ много ты долженъ былъ страдать!“ — „Да, Вѣрочка, это было не легко“, онъ все цалуетъ ея руки, все смотритъ на нихъ, и вдругъ она хохочетъ: — „ахъ, какая жъ я невнимательная къ тебѣ! Вѣдь ты усталъ, Саша, вѣдь ты голоденъ!“ Она вырывается отъ него и бѣжитъ. „Куда ты, Вѣрочка?“ Но она ничего не отвѣчаетъ, она ужъ въ кухнѣ и торопливо, весело говорить Степану: — „скорѣе давайте обѣдъ, на два прибора, — скорѣе! гдѣ тарелки, и все, давайте, я сама возьму и накрою столъ, а вы несите кушанье. Александръ такъ усталъ въ своемъ госпиталѣ, надобно скорѣе дать ему обѣдать“. Она идетъ съ тарелками, на тарелкахъ звенятъ ножи, вилки, ложки. — „Ха, ха, ха, ха, мой милый! первая забота влюбленныхъ при первомъ свиданьи — поскорѣе пообѣдать! ха, ха, ха!“ И онъ смѣется, помогаетъ ей накрывать столъ, много помогаетъ, но больше мѣшаетъ, потому что все цалуетъ ея руки. „Ахъ, Вѣрочка, какъ блѣдны эти руки!“ и все цалуетъ ихъ. Они цалуются и смѣются. — „Но, Саша, за столомъ сидѣть смирно!“ Степанъ подаетъ супъ. За обѣдомъ она рассказываетъ, какъ все это было. Ха, ха, мой милый, какъ мы ѣдимъ, влюбленные! Правда, я вчера ничего не ѣла“. Входитъ Степанъ съ послѣднимъ блюдомъ. „Степанъ! кажется, вы останетесь безъ обѣда отъ меня?“ — „Да, Вѣра Павловна, придется прикупить для себя что-нибудь въ лавочкѣ“. — „Ничего, Степанъ; впередъ вы ужъ будете знать, что надобно готовить, кромѣ самихъ васъ, на двоихъ. Саша, гдѣ жъ твоя сигарочница? Дай мнѣ“. Она сама обрѣзываетъ для него сигару, сама закуриваетъ ее. „Кури, мой милый, а я пока пойду готовить кофе, или ты хочешь чаю? Нѣтъ, мой милый, нашъ обѣдъ долженъ быть лучше, вы съ Степаномъ слишкомъ мало заботились объ этомъ“. Она возвращается черезъ пять минутъ, Степанъ несетъ за нею чайный приборъ, и возвратившись, она видитъ, что сигара Александра погасла — „ха, ха, мой милый, какъ ты замечтался безъ меня!“ и онъ смѣется — „кури же“ — она опять закуриваетъ ему сигару.

И, припоминая все это, Вѣра Павловна смѣется и теперь: „какъ же

прозаиченъ нашъ романъ! Первое свиданье—и супъ, головы закружились отъ перваго поцалуя — и хорошій аппетитъ, вотъ такъ сцена любви! Это презабавно! Да, какъ сіяли его глаза! Чтожъ, впрочемъ, они и теперь такъ же сіяютъ. И сколько его слезъ упало на мои руки, которыя были тогда такъ блѣдны, — вотъ этого теперь ужъ, конечно, нѣтъ; въ самомъ дѣлѣ, руки у меня хороши, онъ говоритъ правду“. И Вѣра Павловна, взглянувъ на свои руки, опускаетъ ихъ на колѣно, такъ что оно обрисовывается подъ легкимъ пеньюаромъ, и она думаетъ опять: „онъ говоритъ правду“. и улыбается, ея рука медленно скользитъ на грудь и плотно прилегаетъ къ груди, и Вѣра Павловна думаетъ: „правда“.

„Ахъ, чтожъ это я вспоминаю, продолжаетъ думать Вѣра Павловна и смѣется,—чтожъ это я дѣлаю? будто это соединено съ этими воспоминаніями! О, нѣтъ, это первое свиданіе, состоявшее изъ обѣданныя, цалованья рукъ, моего и его смѣха, слезъ о моихъ блѣдныхъ рукахъ, оно было совершенно оригинальное. Я сажусь разливать чай: „Степанъ, у васъ нѣтъ сливокъ? можно гдѣ-нибудь достать хорошихъ? Да нѣтъ, некогда, и навѣрное нельзя достать. Такъ и быть; но завтра мы устроимъ это. Кури же, мой милый: ты все забываешь курить“.

Еще не допить чай, рѣздается страшный звонъ колокольчика, и въ комнату влетаютъ два студента, и въ своей торопливости даже не видятъ ея.— „Александръ Матвѣичъ, интересный субъектъ! говорятъ они, запыхавшись:—сейчасъ привезли, чрезвычайно рѣдкое осложненіе“, Богъ знаетъ, какой латинскій терминъ, обозначающій болѣзнь интереснаго субъекта. „Очень любопытно, Александръ Матвѣичъ, и нужна немедленная помощь, каждые полчаса дороги, мы даже ѣхали на извозчикѣ“.— „Скорѣе же, мой милый, спѣши“, говоритъ она. Только тутъ студенты замѣчаютъ ее, и раскланиваются, и въ тотъ же мигъ уводятъ съ собою своего профессора; его сборы были слишкомъ не долги, онъ все еще оставался въ своемъ военномъ сюртукѣ, и она гонитъ его, — „оттуда ты ко мнѣ?“ говоритъ она, прощаясь.— „Да“. Долго ждетъ она вечеромъ: вотъ и десять часовъ, его все нѣтъ, вотъ и одиннадцать, — теперь ужъ нечего и ждать. Однако, что это такое? Она, конечно, нисколько не беспокоится, не могло же ничего случиться съ нимъ; но значить, какъ же онъ долго былъ задержанъ интереснымъ субъектомъ! и что этотъ бѣдный интересный субъектъ, живъ ли онъ теперь, удалось ли Сашѣ спасти его? Да, Саша былъ очень долго задержанъ. Онъ пріѣхалъ на другое утро въ девять часовъ, онъ до четырехъ часовъ оставался въ госпиталѣ: „случай былъ очень трудный и интересный, Вѣрочка“.— „Спасень?“ — „Да“.—Какъ же ты всталъ такъ рано?“ — „Я не ложился“.— „Не ложился? Чтобы не опоздать сюда, не спать ночь! Безбожникъ! Изволь отправиться домой и спи до самаго обѣда, непременно, чтобъ я застала тебя еще не проснувшимся“. Въ двѣ минуты онъ былъ уже выпровоженъ.

Вотъ какія были два первыхъ свиданья. Но этотъ второй обѣдъ идетъ уже какъ слѣдуетъ; они теперь уже съ толкомъ рассказываютъ другъ другу свои исторіи, а вчера, Богъ знаетъ, что они говорили; они и смѣются, и задумываются, и жалбуютъ другъ друга; каждому изъ нихъ кажется, что другой страдалъ еще больше... Черезъ полторы недѣли нанята маленькая дача на Каменномъ островѣ, и они поселяются на ней.

VI.

Не очень часто вспоминаетъ Вѣра Павловна прошлое своей нынѣшней любви; да, въ настоящемъ такъ много жизни, что остается мало времени для воспоминаній. Но когда вспоминаетъ она прошлое, то иногда, — сначала точно, только иногда, а потомъ все постоянноѣе, — при каждомъ воспоминаніи она чувствуетъ недовольство, сначала слабое, мимолетное, неопредѣленное, — кѣмъ? чѣмъ? — вотъ, ужъ ей становится видно кѣмъ: она недовольна собою, за что же? Вотъ она уже видитъ, изъ какой черты ея характера выходитъ недовольство, — да, она очень горда. Но въ одномъ ли прошедшемъ она недовольна собою? — сначала, да; но вотъ она ужъ замѣчаетъ, что недовольство собою относится въ ней и къ настоящему. И какой странный характеръ сталъ замѣтенъ въ этомъ чувствѣ, когда сталъ выясняться его характеръ: будто это не она, Вѣра Павловна Кирсанова, лично чувствуетъ недовольство, а будто въ ней отражается недовольство тысячъ и миллионовъ; и будто не лично собою она недовольна, а будто недовольны въ ней собою эти тысячи и миллионы. Кто жъ эти тысячи и миллионы? за что они недовольны собою? Если бы она, попрежнему жила больше одна, думала одна, вѣроятно, не такъ скоро выяснилось бы это; но вѣдь теперь она постоянно съ мужемъ, они все думаютъ вмѣстѣ, и мысль о немъ примѣшана ко всѣмъ ея мыслямъ. Это много помогло ей разгадать свое чувство. Прямо онъ самъ нисколько не могъ разъяснить эту загадку: пока чувство было темно для нея, для него оно было еще темнѣе; ему трудно было даже понять, какъ это возможно имѣть недовольство, нисколько не омрачающее личнаго довольства, нисколько не относящееся ни къ чему личному. Это было для него странною, во сто разъ болѣе темною. чѣмъ для нея. Но все-таки ей очень помогло то, что она постоянно думала о мужѣ, постоянно была съ нимъ, смотрѣла на него, думала съ нимъ. Она стала замѣчать, что когда приходитъ ей недовольство, оно всегда сопровождается сравняніемъ, оно въ томъ и состоитъ, что она сравниваетъ себя и мужа, — и вотъ блеснуло передъ ея мыслью настоящее слово: „разница, обидная разница“. Теперь ей понятно.

VII.

— Саша, какой милый этотъ NN (Вѣра Павловна назвала фамилію того офицера, черезъ котораго хотѣла познакомиться съ Тамберликомъ, въ своемъ страшномъ снѣ), — онъ мнѣ привезъ одну новую поэму, которая еще не скоро будетъ напечатана, говорила Вѣра Павловна за обѣдомъ. — Мы сейчасъ же послѣ обѣда примемся читать, — да? Я ждала тебя, — все съ тобою вмѣстѣ, Саша. А очень хотѣлось прочесть.

— Что жъ это за поэма?

— А вотъ услышишь. Посмотримъ, удалась ли ему эта вещь. NN го-

ворить, что самъ онъ — я говорю про автора, — отчасти доволенъ ею. Вотъ они располагаются въ ея комнатѣ, и она начинаетъ читать:

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалѣй, моя зазнобушка,
Молодецкаго плеча...

— Теперь я вижу, сказалъ Кирсановъ, прослушавъ нѣсколько десятковъ стиховъ:—это у него въ новомъ родѣ. Но видно, что это его, Некрасова, да? Очень благодаренъ тебѣ, что ты подождала меня.

— Еще бы! сказала Вѣра Павловна. Они прочли два раза маленькую поэму, которая, благодаря ихъ знакомству съ однимъ изъ знакомыхъ автора, попала имъ въ руки года за три раньше, чѣмъ была напечатана.

— Но знаешь, какіе стихи всего больше подѣйствовали на меня? сказала Вѣра Павловна, когда они съ мужемъ перечитали еще по нѣскольку разъ иныя мѣста поэмы:—эти стихи не изъ главныхъ мѣстъ въ самой поэмѣ, но они чрезвычайно влекутъ къ себѣ мои мысли. Когда Катя ждала возвращенія жениха, она очень тосковала:

Извелась бы, неутѣшная,
Кабы время горевать;
Да пора страдная, спѣшная —
Надо десять дѣлъ кончать.
Какъ ни часто приходилось
Молодицѣ невтерпѣжъ,
Подъ косою трава валилася,
Подъ серпомъ горѣла рожь.
Изъ всей-то силы-моченьки
Молотила по утрамъ,
Лень стлала до темной ноченьки
По росистымъ по лугамъ...

эти стихи не главные въ своемъ эпизодѣ, они только предисловіе къ тому, какъ эта славная Катя мечтаетъ о своей жизни съ Ваней: но мои мысли привязались именно къ нимъ.

— Да, вся эта картина—одна изъ самыхъ хорошихъ въ поэмѣ, но они занимаютъ въ ней самое видное мѣсто. Значитъ, они слишкомъ подошли къ мыслямъ, которыя тебя занимали. Какія жъ это мысли?

— Вотъ какія, Саша. Мы съ тобою часто говорили, что организація женщины едва ли не выше, чѣмъ мужчины, что поэтому женщина едва ли не отбѣснить мужчину на второй планъ въ умственной жизни, когда пройдетъ господство грубаго насилія: мы оба съ тобою выводили эту вѣроятность изъ наблюденія надъ жизнью; въ жизни больше встрѣчается женщинъ, чѣмъ мужчинъ, умныхъ отъ природы; такъ намъ обоимъ кажется. Ты подтверждалъ это разными подробностями изъ анатоміи, фізіологіи.

— Какія оскорбительныя вещи для мужчинъ ты говоришь, и вѣдь это больше ты говоришь, Вѣрочка, чѣмъ я: мнѣ это обидно. Хорошо, что время, которое мы съ тобою предсказываемъ, еще такъ далеко. А то бы я совершенно отказался отъ своего мнѣнія, чтобы не отходить на второй планъ. Впрочемъ, Вѣрочка, вѣдь это только вѣроятность, наука еще не собрала столько свѣдѣній, чтобы рѣшить вопросъ положительнымъ образомъ.

— Конечно, мой милый. Мы говорили, отчего до сихъ поръ факты исторіи такъ противорѣчатъ выводу, который слишкомъ вѣроятенъ по наблюденіямъ надъ частною жизнью и надъ устройствомъ организма. Женщина играла до сихъ поръ такую ничтожную роль въ умственной жизни потому, что господство насилія отнимало у ней и средства къ развитію, и мотивы стремиться къ развитію. Это объясненіе достаточное. Но вотъ другой такой же случай. По размѣру физической силы организмъ женщины гораздо слабѣе; но вѣдь организмъ ея крѣпче,—да?

— Это уже гораздо несомнѣннѣе, чѣмъ вопросъ о природномъ размѣрѣ умственныхъ силъ. Да, организмъ женщины крѣпче противится матеріальнымъ разрушительнымъ силамъ,—климату, погодѣ, неудовлетворительной пищѣ. Медицина и фізіологія еще мало занимались подробнымъ разборомъ этого; но статистика уже дала безспорный общій отвѣтъ: средняя продолжительность жизни женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ. Изъ этого видно, что женскій организмъ крѣпче.

— Это тѣмъ рѣзче видно, что образъ жизни женщинъ вообще еще гораздо менѣе здоровъ, чѣмъ у мужчинъ.

— Есть еще усиливающее соображеніе, которымъ увеличивается ясность вывода,—его даетъ фізіологія. Полное совершеннолѣтіе достигается женщиною нѣсколько раньше, чѣмъ мужчиною. Положимъ, возрастаніе женщины оканчивается въ 20 лѣтъ, мужчины въ 25,—приблизительно, въ нашемъ климатѣ, въ нашемъ племени. Положимъ, тоже приблизительно, что до 70 лѣтъ доживаетъ такая же пропорція женщинъ, какая изъ мужчинъ доживаетъ до 65; если мы сообразимъ разность сроковъ развитія, перевѣсъ крѣпости организма женщины выставится гораздо сильнѣе, чѣмъ предполагаетъ статистикъ, не бравшій въ расчетъ разности лѣтъ совершеннолѣтія. 70 лѣтъ—это 3 съ половиною раза 20 лѣтъ. 65 лѣтъ надобно дѣлить на 25 лѣтъ, сколько это будетъ?—да, въ частномъ немного больше 2 съ половиною—такъ, 2 цѣлыхъ и шесть десятыхъ. Значить, женщина проживаетъ три съ половиною срока своего полного развитія такъ же легко, какъ мужчина почти только два съ половиною срока. А этою пропорціею измѣряется крѣпость организма.

— Въ самомъ дѣлѣ, разница выходитъ больше, чѣмъ я читала о ней.

— Да, но вѣдь я говорилъ только для примѣра, я бралъ круглыя цифры, на память. Однакоже, характеръ заключенія тотъ самый, какъ я говорю. Статистика уже показала, что женскій организмъ крѣпче,—ты читала выводы только изъ таблицъ продолжительности жизни. Но если къ статистическимъ фактамъ прибавить фізіологическіе, разница выйдетъ еще гораздо больше.

— Такъ, Саша; смотри же, что я думала, а теперь это обнаруживается для меня еще рѣзче. Я думала: если женскій организмъ крѣпче выдерживаетъ разрушительныя матеріальныя впечатлѣнія, то слишкомъ вѣроятно, что жен-

щина должна была бы легче, тверже выносить и нравственные потрясенія. А на дѣлѣ мы видимъ не то.

— Да, это очень вѣроятно. Конечно, это будетъ пока только предположеніе, этимъ еще не занимались, спеціальныхъ фактовъ не собирали. Но точно, заключеніе твое такъ близко выходитъ изъ факта, уже безспорнаго, что сомнѣваться трудно. Крѣпость организма слишкомъ тѣсно связана съ крѣпостью нервъ. Вѣроятно, у женщины нервы эластичнѣе, имѣютъ болѣе прочную структуру, а если такъ, они должны легче и тверже выдерживать потрясенія и тяжелыя чувства. На дѣлѣ мы видимъ слишкомъ много примѣровъ противнаго. Женщина слишкомъ часто мучится тѣмъ, что мужчина выносить легко. Еще не занимались хорошенько разборомъ причинъ, по которымъ, при данномъ нашемъ историческомъ положеніи, мы видимъ такія явленія, противорѣчащія тому, чего слѣдуетъ ожидать отъ самаго устройства организма. Но одна изъ этихъ причинъ очевидна, она проходитъ черезъ все историческія явленія и черезъ все стороны нашего нынѣшняго быта. Это—сила предубѣжденія, дурная привычка, фальшивое ожиданіе, фальшивая боязнь. Если человѣкъ думаетъ „не могу“, то и дѣйствительно не можетъ. Женщинамъ натолковано; „вы слабы“— вотъ онѣ и чувствуютъ себя слабыми, и дѣйствительно оказываются слабы. Ты знаешь примѣры, что люди, совершенно здоровые, разслабывали до смерти и дѣйствительно умирали отъ одной мысли, что должны ослабѣвать и умереть. Но есть примѣры, касающіеся цѣлыхъ массъ, народовъ, всего человѣчества. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представляетъ военная исторія. Въ средніе вѣка пѣхота воображала себѣ, что не можетъ устоять противъ конницы, — и дѣйствительно, никакъ не могла устоять. Цѣлыя арміи пѣхоты разгонялись, какъ стада овецъ, нѣсколькими сотнями всадниковъ; до той поры, когда явились на континентъ англійскіе пѣхотинцы изъ гордыхъ, самостоятельныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ, у которыхъ не было этой боязни, которые привыкли никому не уступать безъ боя, какъ только пришли во Францію эти люди, у которыхъ не было предубѣжденія, что они должны бѣжать передъ конницею, конница, даже далеко превосходившая ихъ числомъ, была разбиваема ими при каждой встрѣчѣ; знаешь, знаменитыя пораженія французскихъ конныхъ армій малочисленными англійскими пѣхотинцами и при Кресси, и при Пуатье, и при Азенкурѣ. Та же самая исторія повторилась, когда швейцарцы-пѣхотинцы вздумали, что вовсе не для чего имъ считать себя слабѣе феодальной конницы. Австрійская, потомъ Бургундская конница, болѣе многочисленная, стала терпѣть отъ нихъ пораженія при каждой встрѣчѣ; потомъ перепробовали биться съ ними все другія конницы, и все были постоянно разбиваемы. Тогда все увидѣли: „а вѣдь пѣхота крѣпче конницы“, — разумѣется крѣпче; но шли же цѣлые вѣка, когда пѣхота была очень слаба сравнительно съ конницею только потому, что считала себя слабою.

— Да, Саша, это такъ. Мы слабы потому, что считаемъ себя слабыми. Но мнѣ кажется, что есть еще другая причина. Я хочу говорить о себѣ и о тебѣ. Скажи, мой милый: я очень много перемѣнилась тогда въ двѣ недѣли, которыя ты меня не видѣлъ? Ты тогда былъ слишкомъ взволнованъ. Тебѣ могло показаться больше, нежели было, или въ самомъ дѣлѣ перемѣна была сильна, — какъ ты теперь вспоминаешь?

— Да, ты въ самомъ дѣлѣ тогда очень похудѣла и стала блѣдна.

— Вотъ видишь, мой милый, я теперь поняла, что именно это возмущаетъ мою гордость. Вѣдь ты любилъ же меня очень сильно. Отчего же борьба не отразилась на тебѣ такими явными признаками? Вѣдь никто не видѣлъ, чтобы ты блѣднѣлъ, худѣлъ въ тѣ мѣсяцы, когда расходился со мною. Отчего же ты выносишь это такъ легко?

— Вотъ почему тебя такъ заняли стихи о томъ, что Катя избавлялась отъ тоски работою. Ты хочешь знать, испытать ли я вѣрность этого замѣчанія на себѣ? Да, оно совершенно справедливо. Я довольно легко выдерживалъ борьбу потому, что мнѣ некогда было много заниматься ею. Все время, когда я обращалъ вниманіе на нее, я страдалъ очень сильно; но ежедневная необходимость заставляла меня на большую часть времени забывать объ этомъ. Надобно было заниматься больными, готовиться къ лекціямъ. Въ это время я поневолѣ отдыхалъ отъ своихъ мыслей. Въ тѣ рѣдкіе дни, когда у меня оставалось много свободныхъ часовъ, я чувствовалъ, что силы измѣняются мнѣ. Мнѣ кажется, что если бы я недѣлю остался на волю своихъ мыслей, я сошелъ бы съ ума.

— Такъ, мой милый; и я въ послѣднее время поняла, что въ этомъ былъ весь секретъ разницы между мною и тобою. Нужно имѣть такое дѣло, отъ котораго нельзя отказаться, котораго нельзя отложить, — тогда человѣкъ несравненно тверже.

— Но вѣдь у тебя было тогда много дѣла, и теперь точно такъ же,

— Ахъ, Саша, развѣ это неотступныя дѣла? Я занимаюсь ими, когда хочу, сколько хочу. Когда мнѣ вздумается, я могу или очень сократить, или вовсе отложить ихъ. Чтобы заниматься ими въ такое время, когда мысли разстроены, нужно особое усиліе воли, только оно заставитъ заниматься ими. Нѣтъ опоры въ необходимости. Напримѣръ, я занимаюсь хозяйствомъ, трачу на это очень много времени; но девять десятыхъ частей этого времени я употребляю на него лишь по своей охотѣ. При порядочной прислугѣ, развѣ не пошло бы все почти такъ же, хотя бы я гораздо меньше занималась сама! И кому это нужно, чтобы съ большою тратою времени шло нѣсколько, немножко лучше того, чѣмъ шло бы при гораздо меньшей тратѣ моего времени? Тоже надобность этого только въ моей охотѣ. Когда мысли спокойны, занимаешься этими вещами; когда мысли разстроены, бросаешь ихъ, потому что безъ нихъ можно обойтись. Для важнаго всегда бросаешь менѣе важное. Лишь только чувства сильно разыгрываются, они вытѣсняють мысли о такихъ дѣлахъ. У меня есть уроки; это ужъ нѣсколько важнѣе: ихъ я не могу отбрасывать по произволу; но это все не то. Я внимательна къ нимъ только когда хочу; если я во время урока и мало буду думать о немъ, онъ пойдетъ лишь немного хуже, потому что это преподаваніе слишкомъ легко, оно не имѣетъ силы поглощать мысль. И потомъ: развѣ я въ самомъ дѣлѣ живу уроками? Развѣ отъ нихъ зависитъ мое положеніе, развѣ они доставляютъ мнѣ главные средства къ образу жизни, какой я веду? Нѣтъ, эти средства доставляла мнѣ работа Дмитрія, теперь — твоя. Уроки пріятны моему чувству независимости, и на самомъ дѣлѣ не бесполезны. Но все-таки въ нихъ нѣтъ для меня жизненной необходимости. Я пробовала тогда прогонять мучившія меня мысли, занявшись ма-

стерскою гораздо болѣе обыкновеннаго. Но опять, я дѣлала это только по усилію своей воли. Вѣдь я понимала, что мое присутствіе въ мастерской нужно только на часъ, на полтора, что если я остаюсь въ ней дольше, я ужъ беру на себя искусственное занятіе, что оно полезно, но все не необходимо для дѣла. И потомъ, самое дѣло это—развѣ оно можетъ служить важною опорою для обыкновенныхъ людей, какъ я? Рахметовы—это другая порода; они сливаются съ общимъ дѣломъ такъ, что оно для нихъ необходимость, наполняющая ихъ жизнь; для нихъ оно даже замѣняетъ личную жизнь. А намъ, Саша, недоступно это. Мы не орлы, какъ онъ. Намъ необходима только личная жизнь. Мастерская—развѣ это моя личная жизнь? Это дѣло—не мое дѣло, чужое. Я занимаюсь имъ не для себя, а для другихъ; пожалуй, и для моихъ убѣжденій. Но развѣ человѣку, — такому, какъ мы, не орлу, — развѣ ему до другихъ, когда ему самому очень тяжело? Развѣ его занимаютъ его убѣжденія, когда его мучать его чувства? Нѣтъ, нужно личное дѣло, необходимое дѣло, отъ котораго зависѣла бы собственная жизнь, такое дѣло, которое лично для меня, для моего образа жизни, для моихъ средствъ къ жизни, для всего моего положенія въ жизни, для всей моей судьбы, было бы важнѣе всѣхъ моихъ увлеченій страстью; только такое дѣло можетъ служить опорой въ борьбѣ со страстью, только оно не вытѣсняется изъ жизни страстью, а само заглушаетъ страсть, только оно даетъ силу и отдыхъ. Я хочу такого дѣла.

— Такъ, мой другъ, такъ, — горячо говорилъ Кирсановъ, цалуя жену, у которой горѣли глаза отъ одушевленія. — Такъ, и до сихъ поръ я не думалъ объ этомъ, когда это такъ просто; я не замѣчалъ этого! Да, Вѣрочка, никто другой не можетъ думать за самого человѣка. Кто хочетъ, чтобъ ему было хорошо, думай самъ за себя, заботься самъ о себѣ. — другой никто не замѣнитъ. Такъ любить, какъ я, и не понимать, пока ты сама не растолковала! Но, — продолжалъ онъ, уже смѣясь и все цалуя жену: — почему жъ ты видишь въ этомъ надобность теперь? собираешься влюбиться въ кого, Вѣрочка, — да?

Вѣра Павловна расхохоталась, и долго они оба не могли сказать ни слова отъ смѣха.

— Да, теперь мы оба можемъ это чувствовать, — заговорила наконецъ она: — я теперь могу, также какъ и ты, навѣрное знать, что ни съ тобою, ни со мною не можетъ случиться ничего подобнаго. Но, серьезно, знаешь ли, что мнѣ кажется теперь, мой милый: если моя любовь къ Дмитрію не была любовію женщины, уже развившейся, то и онъ не любилъ меня въ томъ смыслѣ, какъ мы съ тобою понимаемъ это. Его чувство ко мнѣ было соединеніе очень сильной привязанности ко мнѣ, какъ другу, съ минутными порывами страсти ко мнѣ, какъ женщинѣ; дружбу онъ имѣлъ лично ко мнѣ, собственно ко мнѣ; а эти порывы искали только женщины: ко мнѣ, лично ко мнѣ они имѣли мало отношенія. Нѣтъ, это не была любовь. Развѣ онъ много занимался мыслями обо мнѣ? Нѣтъ, онъ не былъ для него занимателенъ. Да, и съ его стороны, какъ съ моей, не было настоящей любви.

— Ты несправедлива къ нему, Вѣрочка.

— Нѣтъ, Саша, это такъ. Въ разговорѣ между мною и тобою напрасно

хвалить его. Мы оба знаемъ, какъ высоко мы думаемъ о немъ; знаемъ также, что сколько бы онъ ни говорилъ, будто ему было легко, на самомъ дѣлѣ было не легко; вѣдь и ты, пожалуй, говоришь, что тебѣ было легко бороться съ твоею страстью,—все это прекрасно и не притворство; но вѣдь не въ буквальномъ же смыслѣ надобно понимать такія рѣзкія увѣренія, — о, мой другъ, я понимаю, сколько ты страдалъ... Вотъ какъ сильно понимаю это...

— Вѣрочка, ты меня задушишь; и согласишься, что кромѣ силы чувства, тебѣ хотѣлось показать и просто силу? Да, ты очень сильна; да и какъ не быть сильною съ такой грудью...

— Милый мой Саша!

VIII.

— Саша, а вѣдь ты не далъ мнѣ договорить о дѣлѣ, — начала Вѣра Павловна, когда они часа черезъ два сидѣли за чаемъ.

— Я тебѣ не далъ договорить? Я виноватъ?

— Конечно, ты.

— Кто началъ дурачиться?

— И не совѣстно тебѣ это?

— Что?

— Что я начала дурачиться. Фи, такъ компрометировать скромную женщину своею флегматичностью!

— Будто? А я вѣрилъ тому, что ты толкуешь о равенствѣ: если равенство, то и равенство инициативы.

— Ха. ха, ха! какое ученое слово! Но неужели ты меня обвинишь въ непослѣдовательности? Развѣ я не стараюсь имѣть равенства въ инициативѣ? Но, Саша, я теперь беру инициативу продолжать серьезный разговоръ, о которомъ мы забыли.

— Бери, но я отказываюсь слѣдовать за тобою. Я теперь возьму инициативу продолжать забывать. Дай руку.

— Саша, но надобно же договорить.

— Завтра успѣемъ. Теперь меня, ты видишь, слишкомъ заинтересовало изслѣдованіе этой руки.

IX.

— Саша, договоримъ же то, о чемъ не договорили вчера. Это надобно, потому что я собираюсь ѣхать съ тобою: надобно же тебѣ знать зачѣмъ, — говорила Вѣра Павловна поутру.

— Со мною? Ты ѣдешь со мною?

— Конечно. Ты спрашивалъ меня, Саша, зачѣмъ мнѣ нужно дѣло, отъ котораго серьезно зависѣла бы моя жизнь, которымъ бы я такъ же дорожила, какъ ты своимъ, которое было бы такъ же неотступно, которое такъ же требовало бы отъ меня всего вниманія какъ твое отъ тебя. Мой милый, мнѣ надобно такое дѣло потому, что я очень горда. Меня давно тяготитъ и стыдитъ воспоминаніе, что борьба съ чувствомъ тогда отразилась на мнѣ такъ замѣтно,

была такъ невыносима для меня. Ты знаешь, я говорю не о томъ, что она была тяжела, — вѣдь и твоя была для тебя также не легка, — это зависитъ отъ силы чувства, и не мнѣ теперь жалѣть, что она была тяжела, это значило бы жалѣть, что чувство было сильно, — нѣтъ! но зачѣмъ у меня противъ этой силы не было такой же твердой опоры, какъ у тебя? Я хочу имѣть такую же опору. Но это только навело меня на мою мысль, а настоящая потребность, конечно, въ настоящемъ. Вотъ она: я хочу быть равна тебѣ во всемъ, — это главное. Я нашла себѣ дѣло. Когда мы съ тобою простились вчера, я долго думала объ этомъ, я вздумала это вчера поутру, безъ тебя, вчера я хотѣла посоветоваться съ тобою, какъ съ добрымъ человѣкомъ, а ты измѣнилъ моей надеждѣ на твою солидность. Теперь ужь поздно совѣтоваться: я рѣшилась. Да, Саша, тебѣ придется много хлопотать со мною; милый мой, какъ мы будемъ рады, если я увижу себя способной къ этому!

Да, теперь Вѣра Павловна нашла себѣ дѣло, о которомъ не могла бы она думать прежде: рука ея Александра была постоянно въ ея рукѣ, и потому идти было легко. Лопуховъ ни въ чемъ не стѣснялъ ее, какъ и она его, и только. Нѣтъ, было и больше, конечно, гораздо больше. Она всегда была увѣрена, что въ какомъ бы случаѣ ни понадобилось ей опереться на его руку, его рука, вмѣстѣ съ его головою, въ ея распоряженіи. Но только вмѣстѣ съ головою, своей головы онъ не пожалѣлъ бы для нея, точно такъ же не полѣнился бы и протянуть руку; т.-е., въ важныхъ случаяхъ, въ критическіе моменты, его рука такъ же готова и такъ же надежна, какъ рука Кирсанова, — и онъ слишкомъ хорошо доказалъ это своею женитьбою, когда пожертвовалъ для нея всѣми любимыми тогдашними мыслями о своей ученой карьерѣ и не побоялся рискнуть на голодъ. Да, когда было важное дѣло, рука подавалась. Но вообще рука эта была далеко отъ нея. Вѣра Павловна устраивала свою мастерскую; если бы въ чемъ была необходима его помощь, онъ помогалъ бы съ радостью. Но почему жь онъ почти ничего не дѣлалъ? Онъ только не мѣшалъ, одобрялъ, радовался. У него была своя жизнь, у нея — своя. Теперь не то. Кирсановъ не ждалъ ея требованія, чтобы участвовать во всемъ, что она дѣлала; онъ былъ заинтересованъ столько же, какъ она сама, во всей ея обыденной жизни, какъ и она во всей его жизни. Это было уже совершенно не то отношеніе, какъ съ первымъ мужемъ, и потому она чувствовала у себя новыя средства для дѣятельности, и потому стали въ ней серьезно являться, получать для нея практическую требовательность такіе мысли, которыя прежде были только теоретически извѣстны ей и въ сущности не затрагивали ея внутреннюю жизнь: чего нельзя дѣлать, о томъ и не думаешь серьезно.

Вотъ какого рода были эти мысли, которыя теперь стали живо чувствоваться Вѣрою Павловною и служить мотивами для дѣятельности.

X.

„Намъ формально закрыты почти всѣ пути гражданской жизни. Намъ практически закрыты очень многіе, — почти всѣ, — даже изъ тѣхъ путей общественной дѣятельности, которые не загорожены для насъ формальными препят-

ствіями. Изъ всѣхъ сферъ жизни, намъ оставлено тѣсниться только въ одной сферѣ семейной жизни, — быть членами семьи, и только. Кромѣ этого, какія же занятія открыты намъ? Почти только одно, быть гувернантками: да еще развѣ—давать какіе-нибудь уроки, которыхъ не захотятъ отнять у насъ мужчины. Намъ тѣсно на этой единственной дорогѣ; мы мѣшаемъ другъ другу, потому что слишкомъ толпимся на ней; она почти не можетъ давать намъ самостоятельности, потому что насъ, предлагающихъ свои услуги, слишкомъ много. Ни одна изъ насъ никому не нужна, все потому же, что насъ слишкомъ много. Кто станетъ дорожить гувернанткою? Только скажите слово, что вы хотите имѣть гувернантку, сбѣгаются десятки и сотни насъ перебивать одна у другой мѣсто.

„Нѣтъ, пока женщины не будутъ стараться о томъ, чтобы разойтись на много дорогъ, женщины не будутъ имѣть самостоятельности. Конечно, пробивать новую дорогу тяжело. Но мое положеніе въ этомъ дѣлѣ особенно выгодно. Мнѣ стыдно было бы не воспользоваться имъ. Мы не приготовлены къ серьезнымъ занятіямъ. Я не знаю, до какой степени нужно имѣть руководителя, чтобы готовиться къ нимъ. Но я знаю, что до какой бы степени ни понадобилась мнѣ его ежедневная помощь,—онъ тутъ, со мной. И это не будетъ ему бременемъ, это будетъ такъ же пріятно ему, какъ мнѣ.

„Намъ закрыты обычаемъ пути независимой дѣятельности, которые не закрыты закономъ. Но изъ этихъ путей, закрытыхъ только обычаемъ, я могу вступить на какой хочу, если только рѣшусь выдержать первое противорѣчіе обычая. Одинъ изъ нихъ слишкомъ много ближе другихъ для меня. Мой мужъ медикъ. Онъ отдаетъ мнѣ все время, которое у него свободно. Съ такимъ мужемъ мнѣ легко попытаться, не могу ли я сдѣлаться медикомъ.

„Это было бы очень важно, если бы явились наконецъ женщины - медики. Онѣ были бы очень полезны для всѣхъ женщинъ. Женщинѣ гораздо легче говорить съ женщиною, чѣмъ съ мужчиною. Сколько предотвращалось бы тогда страданій, смертей, сколько несчастій! Надобно попытаться“.

XI.

Вѣра Павловна кончила разговоръ съ мужемъ тѣмъ, что надѣла шляпу и поѣхала съ нимъ въ госпиталь испытать свои нервы,—можетъ ли она видѣть кровь, въ состояніи ли будетъ заниматься анатоміею. При положеніи Кирсанова въ госпиталь, конечно, не было никакихъ препятствій этому испытанію.

Я, нисколько не совѣстясь, ужь очень много компрометировалъ Вѣру Павловну со стороны поэтичности; наприимѣръ, не скрывалъ того, что она каждый день обѣдала, и вообще съ аппетитомъ, а кромѣ того, по два раза въ день пила чай. Но теперь я дошелъ до такого обстоятельства, что, при всей безстыдной низости моихъ понятій, на меня нападаетъ робость, и думаю я: „не лучше ли было бы скрыть эту вещь? Что подумаютъ о женщинѣ, которая въ состояніи заниматься медициною?“ Какіе грубые нервы должны быть у нея, какая чорствая душа! Это не женщина, а мясникъ! Но сообразивши, что вѣдь

я и не выставляю своихъ дѣйствующихъ лицъ за идеалы совершенства, я успокоиваюсь: пусть судятъ, какъ хотятъ, о грубости натуры Вѣры Павловны, мнѣ какое дѣло? Груба, такъ груба.

Поэтому я хладнокровно говорю, что она нашла очень большую разницу между празднымъ смотрѣніемъ на вещи и дѣятельною работою надъ ними на пользу себѣ и другимъ.

Я помню, какъ испугался я, двѣнадцатилѣтній ребенокъ, когда меня, никогда еще не видавшаго пожаровъ, разбудилъ слишкомъ сильный шумъ пожарной тревоги. Все небо пламенѣло, раскаленное; по всему городу, большому провинціальному городу летѣли головни, по всему городу страшный гвалтъ, бѣготня, крикъ. Я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. По счастью, я успѣлъ убѣжать на пожаръ, пользуясь тѣмъ, что всѣ домашніе были въ суматохѣ. Пожаръ былъ вдоль набережной (то-есть, просто берега, потому что какая же набережная?). Берегъ былъ уставленъ дровами, лубочнымъ товаромъ. Такіе же мальчишки, какъ я, разбирали и оттаскивали все это подальше отъ горѣвшихъ домовъ; принялся и я,—куда дѣвался весь мой страхъ! я работалъ очень усердно, пока сказали намъ: „довольно, опасность прошла“. Съ той поры я ужъ и зналъ, что если страшно отъ сильнаго пожара, то надобно бѣжать туда и работать, и вовсе не будетъ страшно.

Кто работаетъ, тому некогда ни пугаться, ни чувствовать отвращеніе или безразличность.

Итакъ, Вѣра Павловна занялась медициною; и въ этомъ, новомъ у насъ дѣлѣ она была одною изъ первыхъ женщинъ, которыхъ я зналъ. Послѣ этого она дѣйствительно стала чувствовать себя другимъ человѣкомъ. У нея была мысль: „черезъ нѣсколько лѣтъ я ужъ буду въ самомъ дѣлѣ стоять на своихъ ногахъ“. Это великая мысль. Полнаго счастья нѣтъ безъ полной независимости. Бѣдныя женщины, какъ немногія изъ васъ имѣютъ это счастье!

XII.

И вотъ, проходитъ годъ; и пройдетъ еще годъ, и еще годъ послѣ свадьбы съ Кирсановымъ, и все такъ же будутъ идти дни Вѣры Павловны, какъ идутъ теперь, черезъ годъ послѣ свадьбы, какъ шли съ самой свадьбой; и много лѣтъ пройдетъ, они будутъ идти все такъ же, если не случится ничего особеннаго; кто знаетъ, чтѣ принесетъ будущее? но до той поры, какъ я пишу это, ничего такого не случилось, и дни Вѣры Павловны идутъ все такъ же, какъ шли они тогда, черезъ годъ, черезъ два послѣ свадьбы съ Кирсановымъ.

Послѣ той страшно-компрометирующей вещи, что Вѣра Павловна вздумала и нашла себя способною заниматься медициною, мнѣ ужъ легко говорить обо всемъ: все остальное ужъ не можетъ такъ ужасно повредить ей во мнѣніи публики. И я долженъ сказать, что и теперь въ Сергіевской, какъ прежде на Васильевскомъ, три грани дня Вѣры Павловны составляютъ: чай утромъ, обѣдъ и вечерній чай; да, она сохранила непоэтическое свойство каждый день обѣдать и два раза пить чай, и находить это пріятнымъ, и вообще она сохранила всѣ свои непоэтическія и не изящныя, и не хорошаго тона свойства.

И многое другое осталось по прежнему въ это новое спокойное время, какъ было въ прежнее спокойное время. Осталось и раздѣленіе комнатъ на нейтральныя и не нейтральныя; осталось и правило не входить въ не нейтральныя комнаты другъ къ другу безъ разрѣшенія, осталось и правило не повторять вопроса, если на первый вопросъ отвѣчаютъ „не спрашивай“; осталось и то, что такой отвѣтъ заставляетъ совершенно ничего не думать о сдѣланномъ вопросѣ, забыть его: осталось это потому, что осталась увѣренность, что если бы стоило отвѣчать, то и не понадобилось бы спрашивать, давно все было бы сказано безъ всякаго вопроса, а въ томъ, о чемъ молчать, навѣрное нѣтъ ничего любопытнаго. Все это осталось по прежнему въ новое спокойное время, какъ было въ прежнее спокойное время; только въ нынѣшнее новое спокойное время все это нѣсколько измѣнилось, или, пожалуй, и не измѣнилось, но все-таки выходитъ не совсѣмъ то, что въ прежнее время, и жизнь выходитъ вовсе не та.

Напримѣръ, нейтральныя и не нейтральныя комнаты строго различаются; но разрѣшеніе на допускъ въ не нейтральныя комнаты установлено разъ навсегда для извѣстнаго времени дня: это потому, что двѣ изъ трехъ граней дня перенесены въ не нейтральныя комнаты; установился обычай пить утренній чай въ ея комнатѣ, вечерній чай въ его комнатѣ; вечерній чай устраивается безъ особенныхъ процедуръ: слуга, все тотъ же Степанъ, вносить въ комнату Александра самоваръ и приборъ, и только; но съ утреннимъ чаемъ особая манера: Степанъ ставитъ самоваръ и приборъ на столъ въ той нейтральной комнатѣ, которая ближе къ комнатѣ Вѣры Павловны, и говоритъ Александру Матвѣичу, что самоваръ поданъ, то-есть, говоритъ, если находитъ Александра Матвѣича въ его кабинетѣ; но если не застаетъ? тогда Степану ужъ нѣтъ дѣла извѣщать, пусть сами помнятъ, что пора пить чай. И вотъ, по этому заведенію, ужъ установлено правило, что по утру Вѣра Павловна ждетъ мужа безъ доклада, разрѣшается ли ему войти: безъ Саши тутъ нельзя обойтись ей, это всякій разсудитъ, когда сказать, какъ она встаетъ.

Просыпаясь, она нѣжится въ своей теплой постелькѣ, ей лѣнь вставать, она и думаетъ, и не думаетъ, и полу-дремлетъ, и не дремлетъ; думаетъ, — это значить думаетъ о чемъ-нибудь такомъ, что относится именно къ этому дню, къ этимъ днямъ, что-нибудь по хозяйству, по мастерской, по знакомствамъ, по планамъ, какъ расположить этотъ день, это конечно не дремота; но кромѣ того, есть еще два предмета, года черезъ три послѣ свадьбы, явился и третій, который тутъ въ рукахъ у нея, Митя: онъ „Митя“; конечно, въ честь друга Дмитрія; а два другіе предмета, одинъ—сладкая мысль о занятіи, которое даетъ ей полную самостоятельность въ жизни, другая мысль — Саша: этой мысли даже и нельзя назвать особою мыслью, она прибавляется ко всему, о чемъ думается, потому что онъ участвуетъ во всей ея жизни; а когда эта мысль, эта не особая мысль, а всегдашняя мысль, остается одна въ ея думѣ, — она очень, очень много времени бываетъ одна въ ея думѣ, — тогда, какъ это назвать? дума ли это, или дремота, спится ли ей, или не спится? глаза полужакрыты, на щекахъ легкій румянецъ будто румянецъ сна... да, это дремота. Теперь, видите сами, часто должно пролетать время такъ, что Вѣра Павловна еще не успѣетъ подняться, чтобы взять ванну (это устроено удобно,

стоило порядочныхъ хлопотъ: надобно было провести въ ея комнату кранъ отъ крана и отъ котла въ кухнѣ; и правду сказать, довольно много дровъ выходить на эту роскошь, но чтожъ, это теперь можно было позволить себѣ), да, очень часто Вѣра Павловна успѣваетъ взять ванну и опять прилечь отдохнуть, поѣжиться послѣ нея до появленія Саши, а часто, даже не чаще ли, такъ задумается и заполудрежется, что еще не соберется взять ванну, какъ Саша ужъ входитъ.

Но какъ хорошо каждый день поутру брать ванну; сначала вода самая теплая, потомъ теплый кранъ завертывается, открывается кранъ, по которому стекаетъ вода, а кранъ съ холодной водою остается открытъ, и вода въ ваннѣ незамѣтно, незамѣтно свѣжѣетъ, свѣжѣетъ, какъ это хорошо! полчаса, иногда больше, иногда цѣлый часъ не хочется разставаться съ ванною.

И все сама, безъ служанки, и одѣвается сама,—это гораздо лучше. Сама, то-есть, когда не продремлетъ срока, а если пропустить? тогда ужъ нельзя отдѣлаться—да къ чему жъ и отдѣлываться?—отъ того, чтобы Саша не исполнялъ должность горничной! Саша ужасно смѣшной! и можетъ быть, даже прикосновеніе руки шепчущей гостью-пѣвицы не заставитъ появиться въ воображаемомъ дневникѣ слова: „а вѣдь это даже обидно!“ А во всякомъ случаѣ, милый взялъ на себя неизмѣнную обязанность хозяйничать за утреннимъ чаемъ.

Да и нельзя было бы иначе. Саша совершенно правъ, что этому такъ слѣдовало устроиться, потому что пить утренній чай, то-есть почти только сливки, разгоряченныя не очень большою прибавкою очень густого чаю, что пить его въ постели чрезвычайно пріятно. Саша уходитъ за приборомъ,—да, это чаще, чѣмъ то, что онъ прямо входитъ съ чайнымъ приборомъ,—и хозяйничаетъ, а она все нѣжится, и напившись чаю, все еще полу-лежитъ ужъ не въ постелькѣ, а на диванчикѣ, такомъ широкомъ, но, главное достоинство его, такомъ мягкомъ, будто пуховикъ, полу-лежитъ до 10, до 11 часовъ, пока Сашѣ пора отправляться въ госпиталь, или въ клиники, или въ академическую аудиторію, но съ послѣднею чашкою Саша уже взялъ сигару, и кто-нибудь изъ нихъ напоминаетъ другому: „принимаемся за дѣло“, или „довольно, довольно, теперь за дѣло“, за какое дѣло? а какъ же, урокъ или репетиція по студенчеству Вѣры Павловны: Саша ея репетиторъ по занятіямъ медициною, но еще больше нужна его помощь по приготовленію изъ тѣхъ предметовъ гимназическаго курса для экзамена, заниматься которыми ей одной было бы ужъ слишкомъ скучно: особенно ужасная вещь—это математика: едва ли не еще скучнѣе латинскій языкъ: но нельзя, надобно поскучать надъ ними, впрочемъ, не очень же много: для экзамена, замѣняющаго гимназическій аттестатъ, въ медицинской академіи требуется очень, очень немного; напримѣръ, я не поручусь, что Вѣра Павловна когда-нибудь достигнетъ такого совершенства въ латинскомъ языкѣ, чтобы перевести хотя двѣ строки изъ Корнелія Непота, но она ужъ умѣетъ разбирать латинскія фразы, попадающіяся въ медицинскихъ книгахъ, потому что это знаніе надобное ей, да и очень не мудреное. Нѣтъ, однакожъ, довольно объ этомъ, я ужъ вижу, что до невозможности компрометирую Вѣру Павловну: вѣроятно, проника....

XIII.

Отступленіе о синихъ чулкахъ.

— Синій чулокъ! даже до крайности синій чулокъ! Терпѣть не могу синяго чулка! Глупъ и скученъ синій чулокъ! съ азартомъ, но не безъ солидности произносить проницательный читатель.

Однакоже, какъ мы съ проницательнымъ читателемъ привязаны другъ къ другу. Онъ разъ обругалъ меня, я два раза выгналъ его въ шею, а все-таки мы съ нимъ не можемъ не обмѣниваться нашими задушевными словами: тайное влеченіе сердець, что вы прикажете дѣлать!

— О, проницательный читатель, говорю я ему:—ты правъ, синій чулокъ подлинно глупъ и скученъ, и нѣтъ возможности выносить его. Ты отгадалъ это. Да не отгадалъ ты, *кто* синій чулокъ. Вотъ ты сейчасъ увидишь это, какъ въ зеркалѣ. Синій чулокъ съ бессмысленною аффектаціею самодовольно толкуетъ о литературныхъ или ученыхъ вещахъ, въ которыхъ ни бельмеса не смыслить, и толкуетъ не потому, что въ самомъ дѣлѣ заинтересованъ ими, а для того, чтобы пошеголять своимъ умомъ (котораго ему не случилось получить отъ природы), своими возвышенными стремленіями (которыхъ въ немъ столько же, какъ въ стулѣ, на которомъ онъ сидитъ) и своею образованностью (которой въ немъ столько же, какъ въ попугаѣ). Видишь, чья это грубая образина или прилизанная фигура въ зеркалѣ? твоя, пріятель. Да, какую длинную бороду ты ни отпускай, или какъ тщательно ни выбривай ее, все-таки ты несомнѣнно и неоспоримо подлиннѣйшій синій чулокъ, поэтому-то вѣдь я гонялъ тебя въ шею два раза, единственно поэтому, что терпѣть не могу синихъ чулковъ, которыхъ между нашимъ братомъ, мужчинами, въ десять разъ больше, нежели между женщинами.

А кто съ дѣльною цѣлью занимается какимъ-нибудь дѣломъ, тотъ, какое бы ни было это дѣло, и въ какомъ бы платьи ни ходилъ этотъ человѣкъ, въ мужскомъ или въ женскомъ, этотъ человѣкъ просто человѣкъ, занимающійся своимъ дѣломъ, и больше ничего.

XIV.-

Полезная для проницательнаго читателя бесѣда о синемъ чулкѣ, то-есть о немъ, оторвала меня отъ разсказа о томъ, какъ теперь проходитъ день Вѣры Павловны. „Теперь“—это значитъ когда жъ? да когда угодно, съ той поры, какъ она поселилась въ Сергіевской улицѣ, и вотъ до сихъ поръ. А впрочемъ, чтожъ и продолжать это описаніе. Развѣ только вообще сказать, что та перемѣна, которая началась въ характерѣ вечера Вѣры Павловны отъ возобновленія знакомства съ Кирсановымъ на Васильевскомъ островѣ, совершенно развилась теперь, что теперь Кирсановы составляютъ центръ уже довольно большого числа семействъ, все молодыхъ семействъ, живущихъ такъ же ладно

и счастливо, какъ они, и точно такихъ же по своимъ понятіямъ, какъ они, и что музыка и пѣнье, опера и поэзія, всякія гулянья и танцы наполняютъ всѣ свободные вечера каждаго изъ этихъ семействъ, потому что каждый вечеръ есть какое-нибудь сборище у того или другого семейства, или какое-нибудь другое устройство вечера для разныхъ желающихъ. Вообще, на этихъ сборищахъ и всякихъ другихъ препровожденіяхъ времени бываетъ въ наличности наполовину всего кружка, и Кирсановы, какъ другіе, наполовину вечеровъ проводятъ въ этомъ шумѣ. Но и объ этомъ нечего говорить, это понятно само собою. Но есть одна вещь, о которой, къ несчастію, слишкомъ многимъ надобно толковать слишкомъ подробно, чтобъ они поняли ее. Каждый, если не самъ испыталъ, то хоть начитался, какая разница для дѣвушки или юноши между тѣмъ вечеромъ, который просто вечеръ, и тѣмъ вечеромъ, на которомъ съ нею ея милый или съ нимъ его милая, между оперою, которую слушаешь и только, и тою оперою, которую слушаешь сидя рядомъ съ тѣмъ или съ тою, въ кого влюбленъ. Очень большая разница. Это извѣстно. Но вотъ что слишкомъ немногими испытано, что очаровательность, которую всему даетъ любовь, вовсе не должна, по настоящему, быть мимолетнымъ явленіемъ въ жизни человѣка, что этотъ яркій свѣтъ жизни не долженъ озарять только эпоху исканія, стремленія, назовемъ хотя такъ: ухаживанія, или сватанія, нѣтъ, что эта эпоха по настоящему должна быть только зарею, милою, прекрасною, но предшественницею дня, въ которомъ несравненно больше и свѣта и теплоты, чѣмъ въ его предшественницѣ, свѣтъ и теплота котораго долго, очень долго, растутъ, все растутъ, и особенно теплота очень долго растетъ, далеко за полдень все еще растетъ. Прежде было не такъ: когда соединялись любящіе, быстро исчезала поэзія любви. Теперь у тѣхъ людей, которые называются нынѣшними людьми, вовсе не такъ. Они, когда соединяетъ ихъ любовь, чѣмъ дольше живутъ вмѣстѣ, тѣмъ больше и больше озаряются и согрѣваются ея поэзіею, до той самой поры, поздняго вечера, когда заботы о вырастающихъ дѣтяхъ будутъ уже слишкомъ сильно поглощать ихъ мысли. Тогда забота болѣе сладкая, чѣмъ личное наслажденіе, становится выше его, но до той поры оно все растетъ. То, что прежніе люди знали только на мимолетные мѣсяцы, нынѣшніе люди сохраняютъ въ себѣ на долгіе, долгіе годы.

Отчего это такъ? А это ужъ секретъ; я вамъ, пожалуй, выдамъ его. Хорошій секретъ, славно имъ пользоваться, и не мудрено, только надобно имѣть для этого чистое сердце и честную душу, да нынѣшнее понятіе о правахъ человѣка, уваженіе къ свободѣ того, съ кѣмъ живешь. Только, — больше и секрета нѣтъ никакого. Смотри на жену, какъ смотрѣлъ на невѣсту, знай, что она каждую минуту имѣетъ право сказать: „я недовольна тобою, прочь отъ меня“; смотри на нее такъ, и она черезъ девять лѣтъ послѣ твоей свадьбы будетъ внушать тебѣ такое же поэтическое чувство, какъ невѣста, нѣтъ, болѣе поэтическое, болѣе идеальное въ хорошемъ смыслѣ слова. Признавай ея свободу такъ же открыто и формально и безъ всякихъ оговорокъ, какъ признаешь свободу твоихъ друзей чувствовать или не чувствовать дружбу къ тебѣ, и тогда, черезъ десять лѣтъ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ свадьбы, ты будешь ей такъ же милъ, какъ былъ женихомъ. Такъ живутъ мужья и жены изъ нынѣшнихъ людей. Очень завидно. Но зато же вѣдь они и честны другъ передъ другомъ, они

любить другъ друга черезъ десять лѣтъ послѣ свадьбы сильнѣе и поэтичнѣе, чѣмъ въ день свадьбы, но зато же вѣдь въ эти десять лѣтъ ни онъ, ни она не дали другъ другу притворнаго поцалуя, не сказали ни одного притворнаго слова. „Ложь не выходила изъ устъ его“, сказано про кого-то въ какой-то книгѣ. „Нѣтъ притворства въ сердцѣ его“, сказано про кого-то въ какой-то, можетъ быть, въ той же, книгѣ. Читаютъ книгу и думаютъ: „какая изумительная нравственная высота приписывается ему!“ Писали книгу и думали: „это мы описываемъ такого человѣка, которому всѣ должны удивляться“. Не предвидѣли, кто писалъ книгу, не понимаютъ, кто читаетъ ее, что нынѣшніе люди не принимаютъ въ число своихъ знакомыхъ никого, не имѣющаго такой души, и не имѣютъ недостатка въ знакомыхъ, и не считаютъ своихъ знакомыхъ ничѣмъ больше, какъ просто на просто нынѣшними людьми, хорошими, но очень обыкновенными людьми.

Одного жаль: въ нынѣшнее время на одного нынѣшняго человѣка все еще приходится цѣлый десятокъ, коли не больше, допотопныхъ людей. Оно, впрочемъ, натурально—допотопному міру имѣть допотопное населеніе.

XV.

— Вотъ мы живемъ съ тобою три года (прежде говорилось: годъ, потомъ два; потомъ будетъ говоритья четыре года, и такъ дальше), а все еще мы какъ будто любовники, которые видятся изрѣдка, тайкомъ. Откуда это взяли, Саша, что любовь ослабѣваетъ, когда ничто не мѣшаетъ людямъ вполне принадлежать другъ другу? Эти люди не знали истинной любви. Они знали только эротическое самолюбіе или эротическую фантазію. Настоящая любовь именно съ той поры и начинается, какъ люди начинаютъ жить вмѣстѣ.

— Ужъ не на мнѣ ли ты это замѣчаешь?

— На тебѣ я замѣчаю вещь гораздо болѣе любопытную: еще года черезъ три ты забудешь свою медицину, а еще года черезъ три разучишься читать, и изъ всѣхъ способностей къ умственной жизни у тебя останется одна—зрѣніе, да и то разучится видѣть что-нибудь, кромѣ меня.

Такіе разговоры не длинны и не часты, но все у нихъ бываютъ такіе разговоры.

— „Да, съ каждымъ годомъ сильнѣе“.

„Знаешь эти сказки про людей, которые ѣдятъ опиумъ: съ каждымъ годомъ ихъ страсть растетъ. Кто разъ узналъ наслажденіе, которое даетъ она, въ томъ она ужъ никогда не ослабѣетъ, а все только усиливается“.

„Да и всѣ сильныя страсти такія же, все развиваются, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе“.

„Пресыщеніе!—страсть не знаетъ пресыщенія, она знаетъ лишь насыщеніе, на нѣсколько часовъ“.

„Пресыщеніе знаетъ только пустая фантазія, а не сердце, не живой дѣйствительный человѣкъ, а испорченный мечтатель, ушедшій изъ жизни въ мечту“.

„Будто мой аппетитъ ослабѣваетъ, будто мой вкусъ тупѣетъ отъ того, что я не голодаю, а каждый день обѣдаю безъ помѣхи и хорошо. Напротивъ,

мой вкусъ развивается отъ того, что мой столъ хорошъ. А аппетитъ я потеряю только вмѣстѣ съ жизнью, безъ него нельзя жить“ (это ужъ грубый матеріализмъ, замѣчаю я вмѣстѣ съ проницательнымъ читателемъ).

„Развѣ по натурѣ человѣка привязанность ослабляется, а не развивается временемъ? Когда дружба крѣпче и милѣе, черезъ недѣлю, или черезъ годъ, или черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ началась? Надобно только, чтобы друзья сошлись между собою удачно, чтобы въ самомъ дѣлѣ они годились быть друзьями между собою“.

Эти разговоры постоянны, но вовсе не часты. Коротки, и очень не часты. Въ самомъ дѣлѣ, что объ этомъ много и часто говорить?

А вотъ эти и чаще, и длиннѣе.

— Саша, какъ много поддерживаетъ меня твоя любовь. Черезъ нее я дѣлаюсь самостоятельна, я выхожу изъ всякой зависимости и отъ тебя, — даже отъ тебя. А для тебя что принесла моя любовь?

— Для меня? Не менѣе, чѣмъ для тебя. Это постоянное, сильное, здоровое возбужденіе нервъ, оно необходимо развиваетъ нервную систему (грубый матеріализмъ, замѣчаемъ опять мы съ проницательнымъ читателемъ); поэтому. умственные и нравственные силы растутъ во мнѣ отъ моей любви.

— Да, Саша, я слышу отъ всѣхъ, — сама я плохая свидѣтельница въ этомъ, мои глаза подкуплены, но всѣ видятъ то же: твои глаза яснѣютъ, твой взглядъ становится сильнѣе и зорче.

— Вѣрочка, что хвалиться или не хвалиться мнѣ передъ тобою? мы одинъ человѣкъ; но это должно въ самомъ дѣлѣ отражаться и въ глазахъ. Моя мысль стала много сильнѣе. Когда я дѣлаю выводы изъ наблюдений, общій обзоръ фактовъ, я теперь въ часъ кончаю то, надъ чѣмъ прежде долженъ былъ думать нѣсколько часовъ. И я могу теперь обнимать мыслью гораздо больше фактовъ, чѣмъ прежде, выводы у меня выходятъ и шире, и полнѣе. Если бы, Вѣрочка, во мнѣ былъ какой-нибудь зародышъ гениальности, я съ этимъ чувствомъ сталъ бы великимъ гениемъ. Если бы отъ природы была во мнѣ сила создать что-нибудь маленькое новое въ наукѣ, я отъ этого чувства пріобрѣлъ бы силу пересоздать науку. Но я родился быть только чернорабочимъ, темнымъ мелкимъ труженикомъ, который разрабатываетъ мелкіе частные вопросы. Такимъ я и былъ безъ тебя. Теперь, ты знаешь, я ужъ не то: отъ меня начинаютъ ждать больше, думаютъ, что я переработаю цѣлую большую отрасль науки, все ученіе объ отправленияхъ нервной системы. И я чувствую, что исполню это ожиданіе. Въ 24 года у человѣка шире и смѣлѣе новизна взглядовъ, чѣмъ въ 29 лѣтъ (потомъ говорится: въ 30 лѣтъ, въ 32 года и такъ дальше), но тогда у меня не было этого въ такомъ размѣрѣ, какъ теперь. И я чувствую, что я все еще расту, когда безъ тебя я давно бы ужъ пересталъ расти. Да я ужъ и не росъ послѣдніе два, три года передъ тѣмъ, какъ мы стали жить вмѣстѣ. Ты возвратила мнѣ свѣжесть первой молодости. силу идти гораздо дальше того, на чемъ я остановился бы, на чемъ я ужъ и остановился-было безъ тебя.

— А энергія работы, Вѣрочка, развѣ мало значить? Страстное возбу-

жденіе силъ вносится и въ трудъ, когда вся жизнь такъ настроена. Ты знаешь, какъ дѣйствуетъ на энергію умственного труда кофе, стаканъ вина, то, что даютъ они другимъ на часъ, за которымъ слѣдуетъ расслабленіе, соразмѣрное этому внѣшнему и мимолетному возбужденію, то имѣю я теперь постоянно въ себѣ,—мои нервы сами такъ настроены постоянно, сильно, живо. (Опять грубый матеріализмъ, замѣчаемъ и проч.).

Эти разговоры чаще и длиннѣе.

„Кто не испытывалъ, какъ возбуждаетъ любовь все силы человѣка, тотъ не знаетъ настоящей любви“.

„Любовь въ томъ, чтобы помогать возвышенію и возвышаться“.

„У кого безъ нея не было бы средствъ къ дѣятельности, тому она даетъ ихъ. У кого они есть, тому она даетъ силы пользоваться ими“.

„Только тотъ любить, кто помогаетъ любимой женщинѣ возвышаться до независимости“.

„Только тотъ любить, у кого свѣтлѣетъ мысль и укрѣпляются руки отъ любви“.

И вотъ эти разговоры очень часты:

— Мой милый, я читаю теперь Боккаччіо (какая безнравственность! замѣчаемъ мы съ проницательнымъ читателемъ:—женщина читаетъ Боккаччіо! это только мы съ нимъ можемъ читать. Но я, кромѣ того, замѣчаю еще вотъ что: женщина въ пять минутъ услышитъ отъ проницательнаго читателя больше сальностей, очень благоприличныхъ, чѣмъ найдетъ во всемъ Боккаччіо, и ужь, конечно, не услышитъ отъ него ни одной свѣтлой, свѣжей, чистой мысли, которыхъ у Боккаччіо такъ много):—ты правду говорилъ, мой милый, что у него громадный талантъ. Нѣкоторые его рассказы надобно, по-моему, поставить рядомъ съ лучшими Шекспировскими драмами по глубинѣ и тонкости психологическаго анализа.

— А какъ тебя забавляютъ его комическіе рассказы, въ которыхъ онъ такъ безцеремоненъ?

— Нѣкоторые забавны, но вообще эти рассказы скучны, какъ всякій слишкомъ грубый фарсъ.

— Но это надобно извинить ему,—вѣдь онъ жилъ за 500 лѣтъ до насъ; то, что намъ кажется слишкомъ сальнымъ, слишкомъ площаднымъ, тогда не считалось неприличіемъ.

— Какъ и многіе наши обычаи, и весь нашъ тонъ будутъ казаться грубы и грязны гораздо меньше, чѣмъ черезъ 500 лѣтъ. Но это не занимательно, я говорю о тѣхъ его рассказахъ, превосходныхъ, въ которыхъ серьезно изображается страстная, высокая любовь. Въ нихъ всего виднѣе его великій талантъ. Но вотъ что я хотѣла сказать, Саша: онъ изображаетъ очень хорошо и сильно, суди по этому, можно сказать, что тогда не знали той нѣги любви, какъ теперь, любовь тогда не чувствовалась такъ сильно, хоть и говорятъ, что это была эпоха самаго полнаго наслажденія любовью. Нѣтъ, какъ можно, они не наслаждались ею и въ половину такъ сильно. Ихъ чувства были слишкомъ поверхностны, ихъ упоеніе еще слишкомъ слабо и слишкомъ мимолетно.

„Сила ощущенія соразмѣрна тому, изъ какой глубины организма оно под-

нимается. Если оно возбуждается исключительно внѣшнимъ предметомъ, внѣшнимъ поводомъ, оно мимолетно и охватываетъ только одну свою частную сторону жизни. Кто пьетъ только потому, что ему подносятъ стаканъ, тотъ мало смыслить вкусъ въ винѣ, оно слишкомъ мало доставляетъ ему удовольствія. Наслажденіе уже гораздо сильнѣе, когда корень его въ воображеніи, когда воображеніе ищетъ предмета и повода къ наслажденію. Тутъ кровь волнуется уже гораздо сильнѣе, и уже замѣтна нѣкоторая теплота въ ней, дающая впечатлѣнію гораздо больше нѣги. Но это еще очень слабо сравнительно съ тѣмъ, когда корень отношеній, соединенныхъ съ наслажденіемъ, находится въ самой глубинѣ нравственной жизни. Тутъ возбужденіе проникаетъ всю нервную систему, волнуетъ ее долго и чрезвычайно сильно. Тутъ теплота проникаетъ всю грудь: это ужъ не одно бѣненіе сердца, которое возбуждается фантазією, нѣтъ, вся грудь чувствуетъ чрезвычайную свѣжесть и легкость; это похоже на то, какъ будто измѣняется атмосфера, которую дышитъ человѣкъ, будто воздухъ сталъ гораздо чище и богаче кислородомъ, это ощущеніе въ родѣ того, какое доставляется теплымъ солнечнымъ днемъ, это похоже на то, что чувствуешь, грѣясь на солнцѣ, но разница огромная въ томъ, что свѣжесть и теплота развиваются въ самыхъ нервахъ, прямо воспринимаются ими, безъ всякаго ослабленія своей ласкающей силы посредствующими элементами“.

„Я очень довольна, что еще въ время бросила эту невыгодную манеру. Это правда: надобно, чтобы обращеніе крови не задерживалось никакими стѣсненіями. Но зачѣмъ послѣ этого такъ восхищаться, что цвѣтъ кожи сталъ нѣжнѣе? это такъ должно быть. И отъ какихъ пустяковъ! пустяки, но какъ это портитъ ногу! чулокъ долженъ держаться самъ, весь и слегка; линія стала правильна, этотъ перерѣзъ исчезаетъ.

„Это не такъ скоро проходитъ. А вѣдь я только три года носила корсетъ, я бросила его еще до нынѣшней нашей жизни. Но правда, что наши платья все-таки тѣснятъ талію и безъ корсета. Но правда ли, что и это пройдетъ, какъ исправилась нога? Правда, нѣсколько проходитъ;—пройдетъ; какъ я довольна. Какой неспосный покрой платья! Давно бы пора понять, что гречанки были умнѣе, платье должно быть широко отъ самыхъ плечъ, какъ одѣвались онѣ. Какъ нашъ покрой платья портитъ нашъ станъ! Но у меня эта линія возстановляется, какъ я рада этому!“

— Какъ ты хороша, Вѣрочка!

— Какъ я счастлива, Саша!

И сладкія рѣчи,
Какъ говоръ струй;
Его улыбка
И поцалуй.

Милый другъ! погаси
 Поцалуи твои:
 И безъ нихъ, при тебѣ
 Огнь пылаетъ въ крови,
 И безъ нихъ при тебѣ
 Жжетъ румянецъ лицо,
 И волнуется грудь,
 И блистають глаза,
 Словно въ ночи звѣзда.

XVI.

Четвертый сонъ Вѣры Павловны.

И снится Вѣрѣ Павловнѣ сонъ, будто доносится до нея знакомый,—о, какой знакомый теперѣ! — голосъ издали, ближе, ближе, —

Wie herrlich leuchtet
 Mir die Natur!
 Wie glänzt die Sonne!
 Wie lacht die Flur!

И видитъ Вѣра Павловна, что это такъ, все такъ...

Золотистымъ отливомъ сіяетъ нива; покрыто цвѣтами поле, развертываются сотни, тысячи цвѣтовъ на кустарникѣ, опоясывающемъ поле, зеленѣетъ и шепчетъ поднимающійся за кустарникомъ лѣсъ, и онъ весь пестрѣетъ цвѣтами; ароматъ несется съ нивы, съ луга, изъ кустарника, отъ наполняющихъ лѣсъ цвѣтовъ; порхаютъ по вѣткамъ птицы, и тысячи голосовъ несутся отъ вѣтвей, вмѣстѣ съ ароматомъ; и за нивою, за лугомъ, за кустарникомъ, лѣсомъ опять виднѣются такія же сіяющія золотомъ нивы, покрытыя цвѣтами луга, покрытыя цвѣтами кустарники, до дальнихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, озареннымъ солнцемъ, и надъ ихъ вершинами тамъ и здѣсь, тамъ и здѣсь свѣтлыя, серебристыя, золотистыя, пурпуровыя, прозрачныя облака своими пере-ливами слегка отбѣиваютъ по горизонту яркую лазурь; взошло солнце, радуется и радуется природа, льетъ свѣтъ и теплоту, ароматъ и пѣсню, любовь и вѣгу въ грудь, льется пѣсня радости и нѣги, любви и добра изъ груди—„о, земля! о, нѣга! о, любовь! о, любовь, золотая, прекрасная, какъ утреннія облака надъ вершинами тѣхъ горъ!“

O Erd'! O Sonne!
 O Glück! O Lust!
 O Lieb', o Liebe,
 So goldenschön,
 Wie Morgenwolken
 Auf jenen Höh'n!

— Теперь ты знаешь меня? Ты знаешь, что я хороша? Но ты еще не знаешь, никто изъ васъ еще не знаетъ меня во всей моей красотѣ. Смотри, что было, что теперь, что будетъ. Слушай и смотри:

Wohl perlet im Glase der purpurne Wein,
Wohl glänzen die Augen der Gäste...

У подошвы горы, на окраинѣ лѣса, среди цвѣтущихъ кустарниковъ высокихъ густыхъ аллей воздвигся дворецъ.

— Идемъ туда.

Онѣ идутъ, летятъ.

Роскошный пиръ. Пѣнятся въ стаканахъ вино; сияютъ глаза пирующихъ. Шумъ и шопотъ подъ шумъ, смѣхъ и, тайкомъ, пожатіе руки, и порою украдкой неслышный поцалуй. — „Пѣсю! Пѣсю! Безъ пѣсни не полно веселье!“ И встаетъ поэтъ. Чело и мысль его озарены вдохновеніемъ, ему говорить свои тайны природа, ему раскрываетъ свой смыслъ исторія, и жизнь тысячелѣтій проносится въ его пѣсни рядомъ картинъ.

1.

Звучать слова поэта, и возникаетъ картина.

Шатры номадовъ. Вокругъ шатровъ пасутся овцы, лошади, верблюды. Вдали лѣсъ оливъ и смоковницъ. Еще дальше, дальше, на краю горизонта къ сѣверо-западу, двойной хребетъ высокихъ горъ. Вершины горъ покрыты снѣгомъ, склоны ихъ покрыты кедрами. Но стройнѣе кедровъ эти пастухи, стройнѣе пальмъ ихъ жены, и беззаботна ихъ жизнь въ лѣнливой нѣгѣ: у нихъ одно дѣло — любовь, всѣ дни ихъ проходятъ, день за днемъ, въ ласкахъ и пѣсняхъ любви.

— Нѣтъ, говорить свѣтлая красавица: — это не обо мнѣ. Тогда меня не было. Эта женщина была рабыня. Гдѣ нѣтъ равенства, тамъ нѣтъ меня. Ту царицу звали Астарта. Вотъ она.

Роскошная женщина. На рукахъ и на ногахъ ея тяжелые золотые браслеты; тяжелое ожерелье изъ перловъ и коралловъ, оправленныхъ золотомъ, на ея шеѣ. Ея волосы увлажнены миррою. Сладострастіе и рабодѣтельство въ ея лицѣ, сладострастіе и безмысліе въ ея глазахъ.

„Повинуйся твоему господину; услаждай лѣнь его въ промежутки набѣговъ: ты должна любить его, потому что онъ купилъ тебя, и если ты не будешь любить его, онъ убьетъ тебя“. говоритъ она женщинѣ, лежащей передъ нею во прахѣ.

— Ты видишь, что это не я, говоритъ красавица.

2.

Опять звучать вдохновенныя слова поэта. Возникаетъ новая картина.

Городъ. Вдали на сѣверѣ и востокѣ горы; вдали на востокѣ и югѣ,

подлѣ на западѣ, море. Дивный городъ. Не велики въ немъ дома, и не роскошны снаружи. Но сколько въ немъ чудныхъ храмовъ! Особенно на холмѣ, куда ведетъ лѣстница съ воротами удивительнаго величія и красоты: весь холмъ занятъ храмами и общественными зданіями, изъ которыхъ каждаго, одного, было бы довольно нынѣ, чтобы увеличить красоту и славу великолѣпнѣйшей изъ столицъ. Тысячи статуй въ этихъ храмахъ и повсюду въ городѣ,—статуй, изъ которыхъ одной было бы довольно, чтобы сдѣлать музей, гдѣ стояла бы она, первымъ музеемъ цѣлаго міра. И какъ прекрасенъ народъ, толпящійся на площадяхъ, на улицахъ: каждый изъ этихъ юношей, каждая изъ этихъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ могли бы служить моделью для статуи. Дѣятельный, живой, веселый народъ, народъ, вся жизнь котораго свѣтла и изящна. Эти дома, нероскошные снаружи,—какое богатство изящества и высокаго умѣнья наслаждаться показываютъ они внутри: на каждую вещь изъ мебели и посуды можно залюбоваться. И всѣ эти люди, такіе прекрасные, такъ умѣющіе понимать красоту, живутъ для любви, для служенія красотѣ. Вотъ изгнанникъ возвращается въ городъ, свергнувшій его власть; онъ возвращается за тѣмъ, чтобы повелѣвать, всѣ это знаютъ. Что жъ ни одна рука не поднимается противъ него? На колесницѣ съ нимъ ѣдетъ, показывая его народу, прося народъ принять его, говоря народу, что она покровительствуетъ ему, женщина чудной красоты даже среди этихъ красавицъ,—и, преклоняясь передъ ея красотой, народъ отдаетъ власть надъ собою Пизистрату, ея любимцу. Вотъ судъ; судьи угрюмые старики,—народъ можетъ увлекаться, они не знаютъ увлеченія. Ареопагъ славится беспощадною строгостью, неумолимымъ нелицепріятіемъ: боги и богини приходили отдавать свои дѣла на его рѣшеніе. И вотъ должна явиться передъ нимъ женщина, которую всѣ считают виновной въ страшныхъ преступленіяхъ: она должна умереть, губительница Аѳинъ, каждый изъ судей уже рѣшилъ это въ душѣ; является передъ ними Аспазія, эта обвиненная, и они всѣ падаютъ передъ нею на землю и говорятъ: ты не можешь быть судима, ты слишкомъ прекрасна! Это ли не царство красоты? это ли не царство любви?

— Нѣтъ, говоритъ свѣтлая красавица:—меня тогда не было. Они поклонялись женщинѣ, но не признавали ее равною себѣ. Они поклонялись ей, но только, только какъ источнику наслажденій; человѣческаго достоинства они еще не признавали въ ней! Гдѣ нѣтъ уваженія къ женщинѣ, какъ къ человѣку, тамъ нѣтъ меня. Ту царицу звали Афродита. Вотъ она.

На этой царицѣ нѣтъ никакихъ украшеній,—она такъ прекрасна, что ея поклонники не хотѣли, чтобы она имѣла одежду, ея дивныя формы не должны быть скрыты отъ ихъ восхищенныхъ глазъ.

Что говоритъ она женщинѣ, почти такъ же прекрасной, какъ сама она, бросающей ейміамъ на ея алтарь?

„Будь источникомъ наслажденія для мужчинъ. Онъ господинъ твой. Ты живешь не для себя, а для него“.

И въ ея глазахъ только нѣга физическаго наслажденія. Ея осанка горда, въ ея лицѣ гордость, но гордость только своею физическою красотой. И на какую жизнь обречена была женщина во время царства ея? Мужчина записалъ женщину въ гинекей, чтобы никто, кромѣ него, господина, не могъ на-

слаждаться красотою, ему принадлежащею. У ней не было свободы. Были у нихъ другія женщины, которыя называли себя свободными, но онѣ продавали наслажденіе своею красотою, онѣ продавали свою свободу. Нѣтъ, и у нихъ не было свободы. Эта царица была полу-рабыня. Гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ счастья, тамъ нѣтъ меня.

3.

Опять звучать слова поэта. Возникаетъ новая картина.

Арена передъ замкомъ. Кругомъ амфитеатръ съ блистательной толпою зрителей. На аренѣ рыцари. Надъ ареною, на балконѣ замка сидитъ дѣвушка. Въ ея рукѣ шарфъ. Кто побѣдитъ, тому шарфъ и поцалуй руки ея. Рыцари бьются на смерть. Тоггенбургъ побѣдилъ. „Рыцарь, я люблю васъ какъ сестра. Другой любви не требуйте. Не бьется мое сердце, когда вы приходите,—не бьется оно, когда вы удаляетесь“. „Судьба моя рѣшена“, говоритъ онъ и плыветъ въ Палестину. По всему христіанству разносится слава его подвиговъ. Но онъ не можетъ жить, не видя царицу души своей. Онъ возвращается, онъ не нашелъ забвенья въ битвахъ. „Не стучитесь, рыцарь: она въ монастырѣ“. Онъ строитъ себѣ хижину, изъ оконъ которой, невидимый ей, можетъ видѣть ее, когда она поутру раскрываетъ окно своей кельи. И вся жизнь его—ждать, пока явится она у окна, прекрасная, какъ солнце; нѣтъ у него другой жизни. какъ видѣть царицу души своей, и не было у него другой жизни, пока не изсякла въ немъ жизнь; и когда погасала въ немъ жизнь, онъ сидѣлъ у окна своей хижины и думалъ только одно: увижу ли ее еще?

— Это ужъ вовсе, вовсе не обо мнѣ, говоритъ свѣтлая красавица. Онъ любилъ ее, пока не касался къ ней. Когда она становилась его женою, она становилась его подданною; она должна была трепетать его; онъ запиралъ ее; онъ переставалъ любить ее. Онъ охотился, онъ уѣзжалъ на войну, онъ пировалъ съ своими товарищами, онъ насиловалъ своихъ вассалокъ,—жена была брошена, заперта, презрѣна. Ту женщину, которой касался мужчина, этотъ мужчина ужъ не любилъ тогда. Нѣтъ, тогда меня не было. Ту царицу звали „Непорочною“. Вотъ она.

Скромная, кроткая, нѣжная, прекрасная,—прекраснѣ Астарты, прекраснѣ самой Афродиты, но задумчивая, грустная, скорбящая. Передъ нею преклоняютъ колѣна, ей подносятъ вѣнки розъ. Онъ говоритъ: „Печальна до смертельной скорби душа моя. Мечъ пронзилъ сердце мое. Скорбите и вы. Вы несчастны. Земля—долина плача“.

— Нѣтъ, нѣтъ. меня тогда не было, говоритъ свѣтлая красавица.

4.

„Нѣтъ, тѣ царицы были не похожи на меня. Всѣ онѣ еще продолжаютъ царствовать, но царства всѣхъ ихъ падаютъ. Съ рожденіемъ каждой изъ нихъ начинало падать царство прежней. И я родилась только тогда, когда стало

падать царство послѣдней изъ нихъ. И съ тѣхъ поръ, какъ я родилась, царства ихъ стали падать быстро, быстро, и они вовсе падутъ,—изъ нихъ слѣдующая не могла замѣнить прежнихъ, и онѣ оставались при ней. Я замѣняю всѣхъ, онѣ исчезнутъ, я одна останусь царствовать надъ всѣмъ міромъ. Но онѣ должны были царствовать прежде меня; безъ ихъ царствъ не могло придти мое.

„Люди были, какъ животныя. Они перестали быть животными, когда мужчина сталъ цѣнить въ женщинѣ красоту. Но женщина слабѣ мужчины силою; а мужчина былъ грубъ. Все тогда рѣшалось силою. Мужчина присвоилъ себѣ женщину, красоту которой сталъ цѣнить. Она стала собственностью его, вещью его. Это царство Астарты.

„Когда онъ сталъ болѣе развитъ, онъ сталъ больше прежняго цѣнить ея красоту, преклонился передъ ея красотою. Но ея сознаніе было еще не развито. Онъ цѣнилъ только въ ней красоту. Она умѣла думать еще только то, что слышала отъ него. Онъ говорилъ, что только онъ человѣкъ, она не человѣкъ, и она еще видѣла въ себѣ только прекрасную драгоцѣнность, принадлежащую ему,—человѣкомъ она не считала себя. Это царство Афродиты.

„Но вотъ, начало въ ней пробуждаться сознаніе, что и она человѣкъ. Какая скорбь должна была обнять ее, и при самомъ слабомъ появленіи въ ней мысли о своемъ человѣческомъ достоинствѣ! Вѣдь она еще не была признаваема за человѣка. Мужчина еще не хотѣлъ имѣть ее иною подругою себѣ, какъ своею рабынею. И она говорила: я не хочу быть твоею подругою! Тогда страсть къ ней заставляла его умолять и смиряться, и онъ забывалъ, что не считаетъ ее человѣкомъ, и онъ любилъ ее, недоступную, неприкосновенную, непорочную дѣву. Но лишь только вѣрила она его мольбѣ, лишь только онъ касался ея — горе ей! Она была въ рукахъ его, эти руки были сильнѣе ея рукъ, а онъ былъ грубъ, и онъ обращалъ ее въ свою рабыню и презиралъ ее. Горе ей! Это скорбное царство дѣвы.

„Но шли вѣка; моя сестра,—ты знаешь ее? та, которая раньше меня стала являться тебѣ, дѣлала свое дѣло. Она была всегда, она была прежде всѣхъ, она ужъ была, какъ были люди, и всегда работала неумоимо. Тяжелъ былъ ея трудъ, медленъ успѣхъ, но она работала, работала, и росъ успѣхъ. Мужчина становился разумнѣе, женщина тверже и тверже сознавала себя равнымъ ему человѣкомъ,—и пришло время, родилась я.

„Это было недавно, о, это было очень недавно. Ты знаешь ли, кто первый почувствовалъ, что я родилась, и сказалъ это другимъ! Это сказалъ Руссо въ „Новой Элоизѣ“. Въ ней отъ него люди въ первый разъ услышали обо мнѣ.

„И съ той поры мое царство растетъ. Еще не надъ многими я царила. Но оно быстро растетъ, и ты уже предвидишь время, когда я буду царствовать надъ всею землею. Только тогда вполнѣ почувствуютъ люди, какъ я хороша. Теперь тѣ, кто признаетъ мою власть, еще не могутъ повиноваться всей моей волѣ. Они окружены массою непріязненною всей моей волѣ. Масса истерзала бы ихъ, отравила бы ихъ жизнь, еслибъ они знали и исполняли всю мою волю. А мнѣ нужно счастье, я не хочу никакихъ страданій, и я говорю имъ: не дѣлайте того, за что васъ стали бы мучить; знайте мою волю теперь лишь настолько, насколько можете знать ее безъ вреда себѣ.

— Но я могу знать всю тебя?

— Да, ты можешь. Твое положеніе очень счастливое. Тебѣ нечего бояться. Ты можешь дѣлать все, что захочешь. И если ты будешь знать всю мою волю, отъ тебя моя воля не захочетъ ничего вреднаго тебѣ: тебѣ не нужно желать, ты не будешь желать ничего, за что стали бы мучить тебя незнающіе меня. Ты теперь вполне довольна тѣмъ, что имѣешь: ни о чемъ другомъ, ни о комъ другомъ ты не думаешь и не будешь думать. Я могу открыться тебѣ вся.

— Назови же мнѣ себя, ты назвала мнѣ прежнихъ царицъ, себя ты еще никогда не называла мнѣ.

— Ты хочешь, чтобъ я назвала себя? Смотри на меня, слушай меня.

5.

— Смотри на меня, слушай меня. Ты узнаешь ли мой голосъ? Ты узнаешь ли лицо мое? Ты видѣла ли лицо мое?

Да, она еще не видѣла лица ея, вовсе не видѣла ея. Какъ же ей казалось, что она видитъ ее? Вотъ ужъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ она говоритъ съ нимъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ смотритъ на нее, падаетъ ее, она такъ часто видитъ ее, эту свѣтлую красавицу, и красавица не прячется отъ нея, какъ она не прячется отъ него, она вся является ей.

— Нѣтъ, я не видѣла тебя, я не видѣла лица твоего: ты являлась мнѣ, я видѣла тебя, но ты окружена сіяніемъ, я не могла видѣть тебя, я видѣла только, что ты прекраснѣе всѣхъ. Твой голосъ, я слышу его, но я слышу только, что твой голосъ прекраснѣе всѣхъ.

— Смотри же, для тебя на эту минуту я уменьшаю сіянье моего ореола, и мой голосъ пусть звучитъ тебѣ на эту минуту безъ очаровательности, которую я всегда даю ему; на минуту я для тебя перестаю быть царицею. Ты видѣла, ты слышала? Ты узнала? Довольно, я опять царица, и уже навсегда царица.

Она опять окружена всѣмъ блескомъ своего сіянія, и опять голосъ ея невыразимо упоителенъ. Но на минуту, когда она перестала быть царицею, чтобы дать узнать себя, неужели это такъ? Неужели это лицо видѣла, неужели этотъ голосъ слышала Вѣра Павловна?

— Да, говоритъ царица:—ты хотѣла знать, кто я, ты узнала. Ты хотѣла узнать мое имя, у меня нѣтъ имени, отдѣльнаго отъ той, которой являюсь я, мое имя—ея имя; ты видѣла, кто я. Нѣтъ ничего выше человѣка, нѣтъ ничего выше женщины. Я та, которой являюсь я, которая любитъ, которая любима.

Да, Вѣра Павловна видѣла: это она сама, это она сама, но богиня. Лицо богини ея самой лицо, это ея живое лицо, черты котораго такъ далеки отъ совершенства, прекраснѣе котораго видитъ она каждый день не одно лицо; это ея лицо, озаренное сіяніемъ любви, прекраснѣе всѣхъ идеаловъ, завѣщанныхъ намъ скульпторами древности и великими живописцами великаго вѣка живописи, да, это она сама, но озаренная сіяніемъ любви, она, прекраснѣе ко-

торой есть сотни лицъ въ Петербургѣ, такомъ бѣдномъ красотою, она прекраснѣ Афродиты Луврской, прекраснѣ доселѣ извѣстныхъ красавицъ.

— Ты видишь себя въ зеркалѣ такую, какая ты сама по себѣ, безъ меня. Во мнѣ ты видишь себя такой, какою видишь тебя тотъ, кто любитъ тебя. Для него я сливаюсь съ тобою. Для него нѣтъ никого прекраснѣ тебя; для него всѣ идеалы меркнутъ передъ тобою. Такъ ли?

Такъ, о, такъ!

6.

„Теперь ты знаешь, кто я; узнай, что я...”

„Во мнѣ наслажденіе чувства, которое было въ Астартѣ: она родоначальница всѣхъ насъ другихъ царицъ, смѣнявшихъ ее. Во мнѣ упоеніе созерцаніемъ красоты, которое было въ Афродитѣ. Во мнѣ благоговѣніе передъ чистотою, которое было въ „Непорочности“.

„Но во мнѣ все это не такъ, какъ было въ нихъ, а полнѣе, выше, сильнѣе. То, что было въ „Непорочности“, соединяется во мнѣ съ тѣмъ, что было въ Астартѣ, и съ тѣмъ, что было въ Афродитѣ. И соединяясь во мнѣ съ другими силами, каждая изъ этихъ силъ становится могущественнѣе и лучше отъ союза. Но больше, еще гораздо больше могущества и прелести дается каждой изъ этихъ силъ во мнѣ тѣмъ новымъ, что есть во мнѣ, чего не было ни въ одной изъ прежнихъ царицъ. Это новое во мнѣ то, чѣмъ я отличаюсь отъ нихъ, — равноправность любящихъ, равное отношеніе между ними, какъ людьми, и отъ этого одного новаго все во мнѣ много, о, много прекраснѣе, чѣмъ было въ нихъ.

„Когда мужчина признаетъ равноправность женщины съ собою, онъ отказывается отъ взгляда на нее, какъ на свою принадлежность. Тогда она любитъ его, какъ онъ любитъ ее, только потому, что хочетъ любить, если же она не хочетъ, онъ не имѣетъ никакихъ правъ надъ нею, какъ и она надъ нимъ. Поэтому, во мнѣ свобода.

„Отъ равноправности и свободы, и то мое, что было въ прежнихъ царицахъ, получаетъ новый характеръ, высшую прелесть, прелесть, какой не знали до меня, передъ которой ничто все, что знали до меня.

„До меня не знали полного наслажденія чувства, потому что безъ свободного влеченія обоихъ любящихъ ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ свѣтлаго упоенія. До меня не знали полного наслажденія созерцаніемъ красоты, потому что если красота открывается не по свободному влеченію, нѣтъ свѣтлаго упоенія съ созерцаніемъ. Безъ свободного влеченія и наслажденіе, и восхищеніе мрачны передъ тѣмъ, каковы они во мнѣ.

„Моя непорочность чище той „Непорочности“, которая говорила только о чистотѣ тѣла: во мнѣ чистота сердца. Я свободна, потому во мнѣ нѣтъ обмана, нѣтъ притворства: я не скажу слова, котораго не чувствую, я не дамъ поцалуй, въ которомъ нѣтъ симпатіи.

„Но то, что во мнѣ новое, что дастъ высшую прелесть тому, что было въ прежнихъ царицахъ, оно само по себѣ составляетъ во мнѣ прелесть, которая выше всего. Господинъ стѣсененъ при слугѣ, слуга стѣсененъ передъ гос-

подономъ; только съ равнымъ себѣ вполне свободенъ человѣкъ. Съ низшимъ скучно, только съ равнымъ полное веселье. Вотъ почему до меня и мужчина не зналъ полного счастья любви; того, что онъ чувствовалъ до меня, не стоило называть счастьемъ, это было только минутное опьяненіе. А женщина, какъ жалка была до меня женщина! она была тогда подвластнымъ, рабствующимъ лицомъ; она была въ боязни, она до меня слишкомъ мало знала, что такое любовь: гдѣ боязнь, тамъ нѣтъ любви...

„Поэтому, если ты хочешь однимъ словомъ выразить, что такое я, это слово—равноправность. Безъ него наслажденіе тѣломъ, восхищеніе красотою, скучны, мрачны, гадки; безъ него нѣтъ чистоты сердца, есть только обманъ чистотою тѣла. Изъ него, изъ равенства, и свобода во мнѣ, безъ которой нѣтъ меня.

„Я все сказала тебѣ, что ты можешь сказать другимъ, все, что я теперь. Но теперь царство мое еще мало, я еще должна беречь своихъ отъ клеветы незнающихъ меня, я еще не могу высказывать всю мою волю всѣмъ. Я скажу ее всѣмъ, когда мое царство будетъ надъ всѣми людьми, когда всѣ люди будутъ прекрасны тѣломъ и чисты сердцемъ, тогда я открою имъ всю мою красоту. Но ты, твоя судьба особенно счастлива; тебя я не смущу, тебѣ я не поврежу, сказавши, чѣмъ буду я, когда не немногіе. какъ теперь, а всѣ будутъ достойны признавать меня своею царицею. Тебѣ одной я скажу тайны моего будущаго. Клянись молчать и слушай.

7.

.
.

8.

— О, любовь моя, теперь я знаю всю твою волю; я знаю, что она будетъ; но какъ же она будетъ? Какъ тогда будутъ жить люди?

— Я одна не могу рассказать тебѣ этого, для этого мнѣ нужна помощь моей старшей сестры. — той, которая давно являлась тебѣ. Она моя владычица и слуга моя. Я могу быть только тѣмъ, чѣмъ она дѣлаетъ меня; но она работаетъ для меня. — Сестра, приди на помощь.

Является сестра своихъ сестеръ, невѣста своихъ жениховъ.—Здравствуй, сестра, говоритъ она царицѣ: —здѣсь и ты, сестра? говоритъ она Вѣрѣ Павлоицѣ:—ты хочешь видѣть, какъ будутъ жить люди, когда царица, моя воспитанница, будетъ царствовать надъ всѣми?—Смотри.

Зданіе, громадное, громадное зданіе, какихъ теперь лишь по нѣскольку въ самыхъ большихъ столицахъ, — или нѣтъ, теперь ни одного такого! Оно стоитъ среди нивъ и луговъ, садовъ и рощъ. Нивы—это наши хлѣба, только не такіе, какъ у насъ, а густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? Кто жъ видѣлъ такіе колосы? Кто жъ видѣлъ такіа зерна? Только

въ оранжереѣ можно бы теперь выростить такіе колосья съ такими зернами. Поля, это наши поля; но такіе цвѣты теперь только въ цвѣтникахъ у насъ. Сады, лимонныя и апельсинныя деревья, персики и абрикосы, — какъ же они растутъ на открытомъ воздухѣ? О, да это колонны вокругъ нихъ, это они открыты на лѣто; да, это оранжереи, раскрывающіяся на лѣто. Рощи — это наши рощи: дубъ и липа, кленъ и вязъ, — да, рощи тѣ же, какъ теперь; за ними очень заботливый уходъ, нѣтъ въ нихъ ни одного больного дерева, но рощи тѣ же, — только онѣ и остались тѣ же, какъ теперь. Но это зданіе, — что жъ это, какой оно архитектуры? теперь нѣтъ такой; нѣтъ, ужъ есть одинъ наметъ на нее, — дворецъ, который стоитъ на Сайденгамскомъ холмѣ: чугуны и стекло, чугуны и стекло — только. Нѣтъ, не только: это лишь оболочка зданія, это его наружныя стѣны; а тамъ, внутри, ужъ настоящій домъ, громаднѣйшій домъ: онъ покрытъ этимъ чугунно-хрустальнымъ зданіемъ, какъ футляромъ; оно образуетъ вокругъ него широкія галлерей по всѣмъ этажамъ. Какая легкая архитектура этого внутренняго дома, какіе маленькіе простѣнки между окнами, — а окна огромныя, широкія, во всю вышину этажей! его каменные стѣны — будто рядъ пилястровъ, составляющихъ раму для оконъ, которыя выходятъ на галлерей. Но какіе это полы и потолки? Изъ чего эти двери и рамы оконъ? Что это такое? серебро? платина? да и мебель почти вся такая же, — мебель изъ дерева тутъ лишь капризъ, она только для разнообразія, но изъ чего жъ вся остальная мебель, потолки и полы? „Попробуй подвинуть это кресло“, говоритъ старшая царица. Эта металлическая мебель легче нашей орфховой. Но что жъ это за металл? Ахъ, знаю теперь, Саша показывалъ мнѣ такую дощечку, она была легка, какъ стекло, и теперь ужъ есть такіе серьги, брошки; да, Саша говорилъ, что рано или поздно алюминій замѣнитъ собою дерево, можетъ быть, и камень. Но какъ же все это богато! вездѣ алюминій и алюминій, и всѣ промежутки оконъ одѣты огромными зеркалами. И какіе ковры на полу! Вотъ въ этомъ залѣ половина пола открыта, тутъ и видно, что онъ изъ алюминія. „Ты видишь, тутъ онъ матовый, чтобы не былъ слишкомъ скользокъ, — тутъ играютъ дѣти, а вмѣстѣ съ ними и большіе; вотъ и въ томъ залѣ полъ тоже безъ ковровъ, — для танцевъ“. И повсюду южныя деревья и цвѣты; весь домъ — громадный зимній садъ.

Но кто же живетъ въ этомъ домѣ, который великолѣпнѣе дворцовъ. „Здѣсь живетъ много, очень много; иди, мы увидимъ ихъ. Онѣ идутъ на балконъ, выступающій изъ верхняго этажа галлерей. Какъ же Вѣра Павловна не замѣтила прежде? По этимъ нивамъ разсѣяны группы людей; вездѣ мужчины и женщины, старики, молодые и дѣти вмѣстѣ. Но больше молодыхъ; стариковъ мало, старухъ еще меньше, дѣтей больше, чѣмъ стариковъ, но все-таки не очень много. Больше половины дѣтей осталось дома заниматься хозяйствомъ; они дѣлаютъ почти все по хозяйству, они очень любятъ это; съ ними нѣсколько старухъ. А стариковъ и старухъ очень мало потому, что здѣсь очень поздно стареются ими, здѣсь здоровая и спокойная жизнь; она сохраняетъ свѣжесть“. Группы, работающія на нивахъ, почти всѣ поютъ: но какой работою онѣ заняты? Ахъ, это они убираютъ хлѣбъ. Какъ быстро идетъ у нихъ работа! Но еще бы не идти ей быстро, и еще бы не пѣть имъ! Почти все дѣлаютъ за нихъ машины, — и жнутъ, и вяжутъ снопы, и отвозятъ ихъ. — Люди почти

только ходять, ѣздить, управляютъ машинами; и какъ они удобно устроили себѣ; день зноенъ, но имъ, конечно, ничего: надъ тою частью нивы, гдѣ они работаютъ, раскинутъ огромный пологъ; какъ подвигается работа, подвигается и онъ,—какъ они устроили себѣ прохладу! Еще бы имъ не быстро и не весело работать, еще бы имъ не пѣть! Этакъ, и я стала бы жать! И все пѣсни, все пѣсни,—незнакомыя, новыя; а вотъ припомнили и нашу; знаю ее:

Будемъ жить съ тобой по пански:

Эти люди намъ друзья,—

Что душѣ твоей угодно,

Все добуду съ ними я...

Но вотъ работа кончена, всѣ идутъ къ зданію. Войдемъ опять въ залъ, посмотримъ, какъ они будутъ обѣдать, говорить старшая сестра. Онѣ входятъ въ самый большой изъ огромныхъ залъ. Половина его занята столами,—столы ужъ накрыты,—сколько ихъ! Сколько же тутъ будетъ обѣдающихъ? Да чело-вѣкъ тысяча или больше: „здѣсь не всѣ; кому угодно, обѣдаютъ особо у себя“; тѣ старухи, старики, дѣти, которые не выходили въ поле, приготовили все это: „готовить кушанье, заниматься хозяйствомъ, прибирать въ комнатахъ,—это слишкомъ легкая работа для другихъ рукъ, говорить старшая сестра:—ею слѣдуетъ заниматься тѣмъ, кто еще не можетъ, пли уже не можетъ дѣлать ничего другого“. Великолѣпная сервировка. Все алюминій и хрусталь; по средней полосѣ широкихъ столовъ разставлены вазы съ цвѣтами, блюда ужъ на столѣ, вошли работающіе, всѣ садятся за обѣдъ, и они, и готовившіе обѣдъ. А кто жъ будетъ прислуживать? „Когда? во время стола? зачѣмъ? Вѣдь всего пять, шесть блюдъ: тѣ, которыя должны быть горячія, поставлены на такихъ мѣстахъ, что не остынуть; видишь, въ углубленіяхъ,—это ящики съ кипяткомъ, говорить старшая сестра.—„Ты хорошо живешь, ты любишь хорошій столъ, часто у тебя бываетъ такой обѣдъ?“—Нѣсколько разъ въ годъ. „У нихъ это обыкновенный; кому угодно, тотъ имѣетъ лучше, какой угодно, но тогда особый расчетъ; а кто не требуетъ себѣ особеннаго противъ того, что дѣлается для всѣхъ, съ тѣмъ нѣтъ никакого расчета. И все такъ: то, что могутъ по средствамъ своей компаніи всѣ, за то нѣтъ расчетовъ: за каждую особую вещь или прихоть—расчетъ“.

— Неужели жъ это мы? неужели это наша земля? Я слышала нашу пѣсню, они говорятъ по-русски. „Да, ты видишь невдалекѣ рѣку, — это Ока: эти люди мы, вѣдь съ тобою я русская!“—И ты все это сдѣлала?—„Это все сдѣлано для меня, и я одушевляла дѣлать это, я одушевляю совершенствовать это, но дѣлается это вотъ она, моя старшая сестра, она работница, а я только наслаждаюсь“.—И всѣ такъ будутъ жить? „Всѣ, говорить старшая сестра:—для всѣхъ вѣчная весна и лѣто, вѣчная радость. Но мы показали тебѣ только конецъ моей половины дня, работы, и начало ея половины;—мы еще посмотримъ на нихъ вечеромъ, черезъ два мѣсяца“.

9.

Цвѣты завяли; листья начинаютъ падать съ деревьевъ; картина становится уныла. „Видишь, на это скучно было бы смотрѣть, тутъ было бы скучно жить, говорить младшая сестра:—я такъ не хочу“. „Залы пусты, на поляхъ и въ садахъ тоже нѣтъ ничего, говоритъ старшая сестра:—я это устроила по волѣ своей сестры царицы“. — Неужели дворецъ въ самомъ дѣлѣ опустѣлъ? „Да, вѣдь здѣсь холодно и сыро, зачѣмъ же быть здѣсь? Здѣсь изъ 2.000 человѣкъ осталось теперь десять, двадцать человѣкъ оригиналовъ, которыми на этотъ разъ показалось пріятнымъ разнообразіемъ остаться здѣсь, въ глуши, въ уединеніи, посмотреть на сѣверную осень. Черезъ нѣсколько времени, зимою, здѣсь будутъ безпрестанныя смѣны, будутъ пріѣзжать маленькими партіями любители зимнихъ прогулокъ, провести здѣсь нѣсколько дней по зимнему.

— Но гдѣ жъ они теперь? „Да вездѣ, гдѣ тепло и хорошо, говоритъ старшая сестра:—на лѣто, когда здѣсь много работы и хорошо, пріѣзжаетъ сюда множество всякихъ гостей съ юга; мы были въ домѣ, гдѣ вся компанія изъ однихъ васъ; но множество домовъ построено для гостей, въ другихъ и разноплеменные гости и хозяева поселяются вмѣстѣ, кому какъ нравится, такую компанію и выбираетъ. Но принимая лѣтомъ множество гостей, помощниковъ въ работѣ, вы сами на 7, 8 плохихъ мѣсяцевъ вашего года уѣзжаете на югъ, — кому куда пріятнѣе. Но есть у васъ на югѣ и особая сторона, куда уѣзжаетъ главная масса ваша. Эта сторона такъ и называется Новая Россія“. — Это гдѣ Одесса и Херсонъ? „Это въ твоё время; а теперь смотри, вотъ гдѣ Новая Россія“.

Горы, одѣтыя садами; между горъ узкія долины, широкія равнины. „Эти горы были прежде голыя скалы“, говоритъ старшая сестра: „теперь онѣ покрыты толстымъ слоемъ земли, и на нихъ среди садовъ растутъ рощи самыхъ высокихъ деревьевъ: внизу, во влажныхъ ложбинахъ, плантаціи кофейнаго дерева; выше финиковыя пальмы, смоковницы; виноградники перемѣшаны съ плантаціями сахарнаго тростника; на нивахъ есть и пшеница: но больше рись“. Что жъ это за земля? „Поднимемся на минуту повыше, ты увидишь ея границы“. На далекомъ сѣверо-востокѣ двѣ рѣки, которыя сливаются вмѣстѣ прямо на востокъ отъ того мѣста, съ котораго смотреть Вѣра Павловна; дальше къ югу, все въ томъ же юго-восточномъ направленіи, длинный и широкій заливъ; на югѣ далеко идетъ земля, расширяясь все больше къ югу между этимъ заливомъ и длиннымъ узкимъ заливомъ, составляющимъ ея западную границу. Между западнымъ узкимъ заливомъ и моремъ, которое очень далеко на сѣверо-западѣ, узкій перешеекъ.—Но мы въ центрѣ пустыни? говоритъ изумленная Вѣра Павловна. „Да, въ центрѣ бывшей пустыни; а теперь, какъ видишь, все пространство съ сѣвера, отъ той большой рѣки на сѣверо-востокъ, уже обращено въ благодатнѣйшую землю, такую же, какою была когда-то и опять стала теперь та полоса по морю на сѣверъ отъ нея, про которую говорилось въ старину, что она „кипитъ молокомъ и медомъ“. Мы не очень далеко, ты видишь, отъ южной границы воздѣланнаго пространства, горная

часть полуострова еще остается песчаною бесплодною степью, какою былъ въ твое время весь полуостровъ; съ каждымъ годомъ люди, вы русскіе, все дальше отодвигаете границу пустыни на югъ. Другіе работаютъ въ другихъ странахъ: всѣмъ и много мѣста, и довольно работы, и просторно, и обильно. Да, отъ большой сѣверо-восточной рѣки все пространство на югъ до половины полуострова зеленѣетъ и цвѣтетъ, по всему пространству стоятъ, какъ на сѣверѣ, громадныя зданія, въ трехъ, въ четырехъ верстахъ другъ отъ друга, будто бесчисленные громадныя шахматы на исполинской шахматницѣ. „Спустимся къ одному изъ нихъ“, говоритъ старшая сестра.

Такой же хрустальный громадный домъ, но колонны его бѣлыя. „Онѣ потому изъ алюминія, говоритъ старшая сестра, что здѣсь вѣдь очень тепло, бѣлое меньше разгорячается на солнцѣ, это нѣсколько дороже чугуна, но по здѣшнему удобнѣе“. Но вотъ что они еще придумали: на дальнее разстояніе кругомъ хрустальнаго дворца идутъ ряды тонкихъ, чрезвычайно высокихъ столбовъ, и на нихъ, высоко надъ дворцомъ, надъ всѣмъ дворцомъ и на полверсты вокругъ него, растянутъ бѣлый пологъ. „Онъ постоянно обрызгивается водою,—говоритъ старшая сестра:—видишь, изъ каждой колонны подымается выше полога маленькій фонтанъ, разлетающійся дождемъ вокругъ, поэтому жить здѣсь прохладно, ты видишь, они измѣняютъ температуру, какъ хотятъ“. — А кому нравится зной и яркое здѣшнее солнце? „Ты видишь, вдали есть навильоны и шатры. Каждый можетъ жить, какъ ему угодно: я къ тому веду, я все для этого только и работаю“.—Значитъ, остались и города для тѣхъ, кому нравится въ городахъ? „Не очень много такихъ людей: городовъ осталось меньше прежняго, — почти только для того, чтобы быть центрами сношеній и перевозки товаровъ, у лучшихъ гаваней, въ другихъ центрахъ сношеній, но эти города больше и великолѣпнѣе прежнихъ: всѣ туда ѣздить на нѣсколько дней для разнообразія; большая часть ихъ жителей безпрестанно смѣняется, бываетъ тамъ для труда, на недолгое время“. — Но кто хочетъ постоянно жить въ нихъ? „Живутъ, какъ вы живете въ своихъ Петербургахъ, Парижахъ, Лондонахъ,—кому жъ какое дѣло? кто станетъ мѣшать? Каждый живи, какъ хочешь; только огромнѣйшее большинство, 99 человекъ изъ 100, живутъ такъ, какъ мы съ сестрою показываемъ тебѣ, потому что это имъ пріятнѣе и выгоднѣе. Но иди же во дворецъ, ужъ довольно поздній вечеръ, пора смотрѣть на нихъ“.

— Но нѣтъ, прежде я хочу же знать, какъ это сдѣлалось? „Что?“ — То, что бесплодная пустыня обратилась въ плодороднѣйшую землю, гдѣ почти всѣ мы проводимъ двѣ трети нашего года. „Какъ это сдѣлалось? да что жъ тутъ мудренаго? Вѣдь это сдѣлалось не въ одинъ годъ, и не въ десять лѣтъ, я постепенно подвигала дѣло. Съ сѣверо-востока, отъ береговъ большой рѣки, съ сѣверо-запада, отъ побережья большого моря,—у нихъ такъ много такихъ сильныхъ машинъ,—возили глину, она связывала песокъ, проводили каналы. устраивали орошеніе, явилась зелень, явилось и больше влаги въ воздухѣ; или впередъ шагъ за шагомъ, по нѣскольку верстъ, иногда по одной верстѣ въ годъ, какъ и теперь все идутъ больше на югъ, что жъ тутъ особеннаго? Они только стали умны, стали обращать на пользу себѣ громадное количество силъ и средствъ, которые прежде тратили безъ пользы или и прямо во вредъ себѣ.

Не даромъ же я работаю и учу. Трудно было людямъ только понять, что полезно, они были въ твоѣ время еще такими дикарями, такими грубыми, жестокими, безразсудными, но я учила и учила ихъ; а когда они стали понимать, исполнять было уже не трудно. Я не требую ничего труднаго, ты знаешь. Ты кое-что дѣлаешь по-моему, для меня, — развѣ это дурно? — Нѣтъ. Вспомни же свою мастерскую, развѣ у васъ было много средствъ? развѣ больше, чѣмъ у другихъ? — Нѣтъ, какія жь у насъ были средства? А вѣдь твои швей имѣютъ въ десять разъ больше удобствъ, въ двадцать разъ больше радостей жизни, во сто разъ меньше испытываютъ непріятнаго, чѣмъ другія, съ такими же средствами, какія были у васъ. Ты сама доказала, что и въ твоѣ время люди могутъ жить очень привольно. Нужно только быть разсудительными, умѣть хорошо устроиться, узнать, какъ выгоднѣе употребить средства“. — Такъ, такъ; я это знаю. „Иди же еще посмотри въ немножко, какъ живутъ люди черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ стали понимать то, что давно понимала ты“.

10.

Онѣ входятъ въ домъ. Опять такой же громаднѣйшій, великолѣпный залъ. Вечеръ въ полномъ своемъ просторѣ и весельи, прошло ужь три часа послѣ заката солнца: самая пора веселья. Какъ ярко освѣщенъ залъ, чѣмъ же? — нигдѣ не видно ни канделябровъ, ни люстръ; ахъ, вотъ что! — въ куполѣ зала большая площадка изъ матоваго стекла, черезъ нее льется свѣтъ, — конечно, такой онъ и долженъ быть: совершенно, какъ солнечный, бѣлый, яркій и мягкій, — ну, да это электрическое освѣщеніе. Въ залѣ около тысячи человѣкъ народа, но въ ней могло бы свободно быть втрое больше. „И бываетъ, когда прѣзжаютъ гости, говоритъ свѣтлая красавица: — бываетъ и больше“. — Такъ что жь это? развѣ не балъ? Это развѣ простой будничный вечеръ? „Конечно“. — А по нынѣшнему, это былъ бы придворный балъ, такъ роскошна одежда женщинъ; да, другія времена, это видно и по покрою платья. Есть нѣсколько дамъ и въ нашемъ платьѣ, но видно, что онѣ одѣлись такъ для разнообразія, для шутки; да, онѣ дурачатся, шутятъ надъ своимъ костюмомъ; на другихъ другіе, самые разнообразные костюмы, разныхъ восточныхъ и южныхъ покрововъ, всѣ они граціознѣе нашего; но преобладаетъ костюмъ, похожій на тотъ, какой носили гречанки въ изыщнѣйшее время Аѳинъ — очень легкій и свободный, и на мужчинахъ тоже широкое, длинное платье безъ талии, что-то въ родѣ мантій и матіевъ, видно, что это обыкновенный домашній костюмъ ихъ, какъ это платье скромно и прекрасно! какъ мягко и изящно обрисовывается оно формы, какъ возвышаетъ оно граціозность движеній! И какой оркестръ, болѣе ста артистовъ и артистокъ, но особенно, какой хоръ! „Да, у васъ въ цѣлой Европѣ не было десяти такихъ голосовъ, какихъ ты въ одномъ этомъ залѣ найдешь цѣлую сотню, и въ каждомъ другомъ столько же: образъ жизни не тотъ, очень здоровый и вмѣстѣ изыщный, потому и грудь лучше, и голосъ лучше“, говоритъ свѣтлая царица. Но люди въ оркестрѣ и въ хорѣ безпрестанно мѣняются: одни уходятъ, другіе становятся на ихъ мѣсто, — они уходятъ танцовать, они приходятъ изъ танцующихъ,

У нихъ вечеръ, будничный обыкновенный вечеръ, они каждый вечеръ такъ веселятся и танцуютъ; но когда же я видѣла такую энергію веселья? но какъ и не имѣть ихъ веселью энергіи, неизвѣстной намъ?—Они поутру наработались. Кто не наработался вдоволь, тотъ не приготовилъ нервъ, чтобы чувствовать полноту веселья. И теперь веселье простыхъ людей, когда имъ удастся веселиться, болѣе радостно; живо и свѣжо, чѣмъ наше; но у нашихъ простыхъ людей скудны средства для веселья, а здѣсь средства богаче, нежели у насъ; и веселье нашихъ простыхъ людей смущается воспоминаніемъ неудобствъ и лишеній, бѣдъ и страданій, смущается предчувствіемъ того же впереди, — это мимолетный часъ забытья нужды и горя—а развѣ нужда и горе могутъ быть забыты вполне? развѣ песокъ пустыни не заноситъ? развѣ мѣзмы болота не заражаютъ и небольшого клочка хорошей земли съ хорошимъ воздухомъ, лежащаго между пустынею и болотомъ? А здѣсь нѣтъ ни воспоминаній, ни опасеній нужды или горя; здѣсь только воспоминанія вольнаго труда въ охоту, довольства, добра и наслажденія, здѣсь и ожиданія только все того же впереди. Какое же сравненіе! И опять: у нашихъ рабочихъ людей нервы только крѣпки, потому способны выдерживать много веселья, но они у нихъ грубы, не воспріимчивы. А здѣсь: нервы и крѣпки, какъ у нашихъ рабочихъ людей, и развиты, впечатлительны, какъ у насъ; приготовленность къ веселью, здоровая, сильная жажда его, какой нѣтъ у насъ, какая дается только могучимъ здоровьемъ и физическимъ трудомъ, въ этихъ людяхъ соединяется со всею тонкостью ощущеній, какая есть въ насъ; они имѣютъ все наше нравственное развитіе вмѣстѣ съ физическимъ развитіемъ крѣпкихъ нашихъ рабочихъ людей: понятно, что ихъ веселье, что ихъ наслажденіе, ихъ страсть, — все живѣе и сильнѣе, шире и сладостнѣе, чѣмъ у насъ. Счастливые люди!

Нѣтъ, теперь еще не знаютъ, что такое настоящее веселье, потому что еще нѣтъ такой жизни, какая нужна для него, и нѣтъ такихъ людей. Только такіе люди могутъ вполне веселиться и знать весь восторгъ наслажденія! Какъ они цвѣтутъ здоровьемъ и силою, какъ стройны и граціозны они, какъ энергичны и выразительны ихъ черты! Все они—счастливые красавцы и красавицы, ведущіе вольную жизнь труда и наслажденія,—счастливы, счастливы!

Шумно веселится въ громадномъ залѣ половина ихъ, а гдѣ жъ другая половина? „Гдѣ другіе? говоритъ свѣтлая царица:—они вездѣ; многіе въ театрѣ, одни актерами, другіе музыкантами, третьи зрителями, какъ нравится кому; иные разсѣялись по аудиторіямъ, музеямъ, сидятъ въ библіотекѣ; иные въ аллеяхъ сада, иные въ своихъ комнатахъ, или чтобы отдохнуть наединѣ, или съ своими дѣтьми, но больше, больше всего—это моя тайна. Ты видѣла, въ залѣ, какъ горятъ щеки, какъ блистаютъ глаза, ты видѣла они уходили, они приходили; они уходили—это я увлекла ихъ, здѣсь комната каждаго и каждой—мой пріютъ, въ нихъ мои тайны ненарушимы, занавѣсы дверей, роскошные ковры, поглощающіе звукъ, тамъ тишина, тамъ тайна; они возвращались—это я возвращала ихъ изъ царства моихъ тайнъ на легкое веселье. Здѣсь царствую я.

„Я царствую здѣсь. Здѣсь все для меня! Трудъ—заготовленіе свѣжести чувствъ и силъ для меня, веселье—приготовленіе ко мнѣ, отдыхъ послѣ меня. Здѣсь я—цѣль жизни, здѣсь я—вся жизнь“.

11.

„Въ моей сестрѣ, царицѣ, высшее счастье жизни, говоритъ старшая сестра:—но ты видишь, здѣсь всякое счастье, какое кому надобно. Здѣсь всѣ живутъ, какъ лучше кому жить, здѣсь всѣмъ и каждому—полная воля, вольная воля“.

„То, что мы показали тебѣ, не скоро будетъ въ полномъ своемъ развитіи, какое видѣла теперь ты. Смѣнится много поколѣній прежде, чѣмъ исполнѣтся то, что ты предощущаешь. Нѣтъ, немного поколѣній: моя работа идетъ теперь быстро, все быстрѣе съ каждымъ годомъ, но все-таки ты еще не войдешь въ это полное царство моей сестры; по крайней мѣрѣ, ты видѣла его, ты знаешь будущее. Оно свѣтло, оно прекрасно. Говори же всѣмъ: вотъ что въ будущемъ, будущее свѣтло и прекрасно. Любите его, стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее, сколько можете перенести: настолько будетъ свѣтла и добра, богата радостью и наслажденіемъ ваша жизнь, насколько вы умѣете перенести въ нее изъ будущаго. Стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее все, что можете перенести“.

XVII.

Черезъ годъ новая мастерская ужъ совершенно устроилась, установилась. Обѣ мастерскія были тѣсно связаны между собою, передавали одна другой заказы, когда одна была завалена ими, а другая имѣла время исполнить ихъ. Между ними былъ текущій счетъ. Размѣръ ихъ средствъ былъ уже достаточно, чтобы онѣ могли открыть магазинъ на Невскомъ, если сблизятся между собою еще больше. Устроить это стоило довольно много хлопотъ Вѣрѣ Павловнѣ и Мерцаловой. Хотя ихъ компаніи были дружны, хотя часто одна компанія принимала у себя въ гостяхъ другую, хотя часто онѣ соединялись для поѣздокъ за городъ, но все-таки мысль о солидарности счетовъ двухъ разныхъ предпріятій была мысль новая, которую надобно было долго и много разъяснять. Однакоже, выгода имѣть на Невскомъ свой магазинъ была очевидна, и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заботъ о сліяніи двухъ счетоводствъ прихода въ одно, Вѣрѣ Павловнѣ и Мерцаловой удалось достигъ этого. На Невскомъ явилась новая вывѣска: „Au bon travail. Magasin des nouveautés“. Съ открытіемъ магазина дѣла стали развиваться быстрѣе прежняго и становились все выгоднѣе. Мерцалова и Вѣра Павловна уже мечтали въ своихъ разговорахъ, что года черезъ два вмѣсто двухъ швейныхъ будетъ четыре, пять, а тамъ скоро и десять, и двадцать.

Мѣсяца черезъ три по открытіи магазина пріѣхалъ къ Кирсанову одинъ отчасти знакомый, а больше незнакомый собратъ его по медицинѣ, много рассказывавшій о разныхъ медицинскихъ казусахъ, всего больше объ удивительныхъ успѣхахъ своей методы врачеванія, состоявшей въ томъ, чтобы класть вдоль

по груди и по животу два узенькіе и длинныя мѣшечка, наполненныя толченымъ льдомъ и завернутыя каждый въ четыре салфетки, а въ заключеніе всего сказалъ, что одинъ изъ его знакомыхъ желаетъ познакомиться съ Кирсановымъ.

Кирсановъ исполнилъ желаніе; знакомство было пріятное, былъ разговоръ о многомъ, между прочимъ о магазинѣ. Объяснилъ, что магазинъ открытъ собственно съ торговою цѣлью; долго говорили о вывѣскѣ магазина, хорошо ли, что на вывѣскѣ написано travail, Кирсановъ говорилъ, что travail, значить: трудъ, Au bon travail—магазинъ хорошо исполняющій заказы; разсуждали о томъ, не лучше ли было бы замѣнить такой девизъ фамиліею. Кирсановъ сталъ говорить, что русская фамилія его жены надѣлаетъ коммерческаго убытка; наконецъ, придумалъ такое средство: его жену зовутъ „Вѣра“ — по-французски вѣра—foi; если бы на вывѣскѣ можно было написать вмѣсто Au bon travail—A la bonne foi, то не было ли бы достаточно этого?—Это бы имѣло самый невинный смыслъ—„добросовѣстный магазинъ“, и имя хозяйки было бы на вывѣскѣ; разсудивши, увидѣли, что это можно. Кирсановъ съ особеннымъ усердіемъ обращалъ разговоръ на такіе вопросы, и вообще успѣвалъ въ этомъ, такъ что возвратился домой очень довольный.

Но во всякомъ случаѣ Мерцалова и Вѣра Павловна значительно поурѣзали крылья своимъ мечтамъ, и стали заботиться о томъ, чтобы хотя удержаться на мѣстѣ, а ужь не о томъ, чтобы идти впередъ.

Такимъ образомъ, по охлажденіи лишняго жара въ Вѣрѣ Павловнѣ и Мерцаловой швейныя и магазинъ продолжали существовать, не развиваясь, по радуясь уже и тому, что продолжаютъ существовать. Новое знакомство Кирсанова продолжалось и приносило ему много удовольствія. Такъ прошло еще года два или больше, безъ всякихъ особенныхъ происшествій.

XVIII.

Письмо Катерины Васильевны Полозовой.

С.-Петербургъ. 17 августа 1860 г.

Милая Полина, мнѣ такъ понравилась совершенно новая вещь, которую я недавно узнала и которой теперь сама занимаюсь съ большимъ усердіемъ, что я хочу описать ее тебѣ. Я увѣрена, что ты также заинтересуешься ею. Но главное, ты сама, быть можетъ, найдешь возможность заняться чѣмъ-нибудь подобнымъ. Это такъ пріятно, мой другъ.

Вещь, которую я хочу описать для тебя—швейная: собственно говоря, двѣ швейныя, обѣ устроенныя по одному принципу, женщиною, съ которою познакомилась я всего только двѣ недѣли тому назадъ, но ужь успѣла очень подружиться. Я теперь помогаю ей, съ тѣмъ условіемъ, чтобы она потомъ могла мнѣ устроить еще такую же швейную. Эта дама—Вѣра Павловна Кирсанова, еще молодая, добрая, веселая, совершенно въ моемъ вкусѣ, то-есть больше похожа на тебя, Полина, чѣмъ на твою Катю, такую смирную: она бойкая и живая госпожа. Случайно услышавъ о ея мастерской,—мнѣ сказывали только объ одной,—я прямо пріѣхала къ ней безъ всякихъ рекомендацій

и предлоговъ, просто сказала, что я заинтересовалась ея швейною. Мы сошлись съ перваго же раза, тѣмъ больше, что въ Кирсановѣ, ея мужѣ, я нашла того самаго доктора Кирсанова, который пять лѣтъ тому назадъ оказалъ мнѣ, помнишь, такую важную услугу.

Поговоривши со мною съ полчаса и увидѣвъ, что я дѣйствительно сочувствую такимъ вещамъ, Вѣра Павловна повела меня въ свою мастерскую, ту, которою она сама занимается (другую, которая была устроена прежде, взяла на себя одна изъ ея близкихъ знакомыхъ, тоже очень хорошая молодая дама), и я перескажу тебѣ впечатлѣнія моего перваго посѣщенія: они были такъ новы и поразительны, что я тогда же внесла ихъ въ свой дневникъ, который былъ давно брошенъ, но теперь возобновился по особенному обстоятельству, о которомъ, быть можетъ, я расскажу тебѣ черезъ нѣсколько времени. Я очень довольна, что эти впечатлѣнія были тогда записаны мною: теперь я и забыла бы упомянуть о многомъ, что поразило меня тогда, а нынче, только черезъ двѣ недѣли, уже кажется самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, которое иначе и не должно быть. Но чѣмъ обыкновеннѣе становится эта вещь, тѣмъ больше я привязываюсь къ ней, потому что она очень хороша. Итакъ, Полина, я начинаю выписку изъ моего дневника, дополняя подробностями, которыя узнала послѣ.

Швейная мастерская, — что же такое увидѣла я, какъ ты думаешь? Мы остановились у подъѣзда, Вѣра Павловна повела меня по очень хорошей лѣстницѣ, знаешь, одной изъ тѣхъ лѣстницъ, на которыхъ нерѣдко встрѣчаются швейцары. Мы вошли на третій этажъ, Вѣра Павловна позвонила, и я увидѣла себя въ большомъ залѣ, съ роялемъ, съ порядочною мебелью, — словомъ, залъ имѣлъ такой видъ, какъ будто мы вошли въ квартиру семейства, проживающаго 4 или 5 тысячъ рублей въ годъ. — Это мастерская? И это одна изъ комнатъ, занимаемыхъ швеями? „Да; это пріемная комната и залъ для вечернихъ собраний; пойдемте по тѣмъ комнатамъ, въ которыхъ собственно живутъ швеи, онѣ теперь въ рабочихъ комнатахъ, и мы никому не помѣшаемъ“. — Вотъ что увидѣла я, обходя комнаты, и что пояснила мнѣ Вѣра Павловна.

Помѣщеніе мастерской составилось изъ трехъ квартиръ, выходящихъ на одну площадку и обратившихся въ одну квартиру, когда пробили двери изъ одной въ другую. Квартиры эти прежде отдавались за 700, 550 и 425 руб. въ годъ, всего за 1675 руб. Но отдавая все вмѣстѣ по контракту на 5 лѣтъ, хозяинъ дома согласился уступить ихъ за 1250 руб. Всего въ мастерской 21 комната, изъ нихъ 2 очень большія, по 4 окна, одна служитъ пріемною, другая — столовою; въ двухъ другихъ, тоже очень большихъ, работаютъ; въ остальныхъ живутъ. Мы прошли 6 или 7 комнатъ, въ которыхъ живутъ дѣвушки (я все говорю про первое мое посѣщеніе); меблировка этихъ комнатъ тоже очень порядочная, красного дерева или орѣховая; въ нѣкоторыхъ есть стоячія зеркала, въ другихъ — очень хорошія трюмо; много креселъ, дивановъ хорошей работы. Мебель въ разныхъ комнатахъ разная, почти вся она постепенно покупалась по случаямъ, за дешевую цѣну. Эти комнаты, въ которыхъ живутъ, имѣютъ такой видъ, какъ въ квартирахъ чиновничьихъ семействъ средней руки, въ семействахъ старыхъ начальниковъ отдѣленія или молодыхъ столоначальниковъ, которые скоро будутъ начальниками отдѣленія. Въ комна-

тахъ, которыя побольше, живутъ три дѣвушки, въ одной даже четыре, въ другихъ по двѣ.

Мы вошли въ рабочія комнаты, и дѣвушки, занимавшіяся въ нихъ, тоже показались мнѣ одѣты какъ дочери, сестры, молодыя жены этихъ чиновниковъ: на однѣхъ были шелковыя платья, изъ простенькихъ шелковыхъ матерій, на другихъ барежевыя, кисейныя. Лица имѣли ту мягкость и нѣжность, которая развивается только отъ жизни въ довольствѣ. Ты можешь представить, какъ это все удивляло меня. Въ рабочихъ комнатахъ мы оставались долго. Я тутъ же познакомилась съ нѣкоторыми изъ дѣвушекъ; Вѣра Павловна сказала цѣль моего посѣщенія. Степень ихъ развитія была неодинакова: однѣ говорили уже совершенно языкомъ образованнаго общества, были знакомы съ литературою, какъ наши барышни, имѣли порядочныя понятія и объ исторіи, и о чужихъ земляхъ, и обо всемъ, что составляетъ обыкновенный кругъ понятій барышень въ нашемъ обществѣ; двѣ были даже очень начитаны. Другія, не такъ давно поступившія въ мастерскую, были менѣ развиты, но все-таки съ каждою изъ нихъ можно было говорить, какъ съ дѣвушкою, уже имѣющею нѣкоторое образованіе. Вообще, степень развитія соразмѣрна тому, какъ давно которая изъ нихъ живетъ въ мастерской.

Вѣра Павловна занималась дѣлами, иногда подходила ко мнѣ, а я говорила съ дѣвушками, и такимъ образомъ мы дождались обѣда. Онъ состоитъ, по буднямъ, изъ трехъ блюдъ. Въ тотъ день былъ рисовый супъ, разварная рыба и телятина. Послѣ обѣда на столѣ явились чай и кофе. Обѣдъ былъ настолько хорошъ, что я поѣла со вкусомъ, и не почла бы большимъ лишениемъ жить на такомъ обѣдѣ.

А ты знаешь, что мой отецъ и теперь имѣетъ хорошаго повара.

Вотъ какое было общее впечатлѣніе моего перваго посѣщенія. Мнѣ сказали и я знала, что я буду въ мастерской, въ которой живутъ швей, что мнѣ покажутъ комнаты швей, что я буду видѣть швей, что я буду сидѣть за обѣдомъ швей; вмѣсто того, я видѣла квартиры людей не бѣднаго состоянія, соединенныя въ одно помѣщеніе, видѣла дѣвушекъ средняго чиновничьяго или бѣднаго помѣщичьяго круга, была за обѣдомъ, небогатымъ, но удовлетворительнымъ для меня;—чтожь это такое? и какъ же это возможно?

Когда мы возвратились къ Вѣрѣ Павловнѣ, она и ея мужъ объяснили мнѣ, что это вовсе не удивительно. Между прочимъ, Кирсановъ тогда написалъ мнѣ для примѣра небольшой расчетъ на лоскуткѣ бумаги, который уцѣлѣлъ между страницъ моего дневника. Я перенишу тебѣ его; но прежде еще нѣсколько словъ.

Вмѣсто бѣдности—довольство; вмѣсто грязи—не только чистота, даже нѣкоторая роскошь комнатъ; вмѣсто грубости—порядочная образованность; все это происходитъ отъ двухъ причинъ: съ одной стороны, увеличивается доходъ швей, съ другой—достигается очень большая экономія въ ихъ расходахъ.

Ты понимаешь, отчего онѣ получаютъ больше дохода: онѣ работаютъ на свой собственный счетъ, онѣ сами хозяйки; потому онѣ получаютъ ту долю, которая оставалась бы въ прибыли у хозяйки магазина. Но это не все: работая въ свою собственную пользу и на свой счетъ, онѣ гораздо бережливѣе и на матеріалъ работы, и на время: работа идетъ быстрѣе, и расходъ на нее меньше.

Понятно, что и въ расходахъ на ихъ жизнь много сбереженій. Онѣ покупаютъ все большими количествами, расплачиваются наличными деньгами, поэтому вещи достаются имъ дешевле, чѣмъ при покупкѣ въ долгъ и по мелочи; вещи выбираются внимательно, съ знаніемъ толка въ нихъ, со справками, поэтому все покупается не только дешевле, но и лучше, нежели вообще приходится покупать бѣднымъ людямъ.

Кромѣ того, многіе расходы или чрезвычайно уменьшаются, или становятся вовсе ненужны. Подумай, напримѣръ: каждый день ходить въ магазинъ за 2, за 3 версты—сколько изнашивается лишней обуви, лишняго платья отъ этого. Приведу тебѣ самый мелочной примѣръ, по который примѣняется ко всему въ этомъ отношеніи. Если не имѣть дождевого зонтика, это значитъ много терять отъ порчи платья дождемъ. Теперь, слушай слова, сказанныя мнѣ Вѣрою Павловною. Простой холщевый зонтикъ стоитъ, положимъ, 2 руб. Въ мастерской живетъ 25 швей. На зонтикъ для каждой вышло бы 50 р., та, которая не имѣла бы зонтика, терпѣла бы потери въ платьѣ больше, чѣмъ на 2 руб. Но онѣ живутъ вмѣстѣ; каждая выходитъ изъ дому только когда ей удобно; поэтому не бываетъ того, чтобы въ дурную погоду многія выходили изъ дому. Онѣ нашли, что 5 дождевыхъ зонтиковъ совершенно довольно. Эти зонтики шелковые, хорошіе; они стоятъ по 5 рублей. Всего расхода на дождевые зонтики—25 руб., или у каждой швей—по 1 руб. Ты видишь, что каждая изъ нихъ пользуется хорошею вещью вмѣсто дрянной, и все-таки имѣетъ вдвое меньше расхода на эту вещь. Такъ съ множествомъ мелочей, которыя вмѣстѣ составляютъ большую важность. То же съ квартирою, со столомъ. Напримѣръ, этотъ обѣдъ, который я тебѣ описала, обошелся въ 5 руб. 50 коп., или 5 руб. 75 коп. съ хлѣбомъ (но безъ чаю и кофе). А за столомъ было 37 человѣкъ (не считая меня, гости, и Вѣры Павловны), правда, въ томъ числѣ нѣсколько дѣтей. 5 руб. 75 коп. на 37 человѣкъ это составляетъ менѣе 16 коп. на человѣка, — менѣе 5 руб. въ мѣсяцъ. А Вѣра Павловна говоритъ, что если человѣкъ обѣдаетъ одинъ, онъ на эти деньги не можетъ имѣть почти ничего, кромѣ хлѣба и той дряни, которая продается въ мелочныхъ лавочкахъ. Въ кухмистерской такой обѣдъ (только менѣе чисто приготовленный) стоитъ, по словамъ Вѣры Павловны, 40 коп. сер.,—за 30 коп. гораздо хуже. Понятна эта разница: кухмистеръ, готовя обѣдъ на 20 человѣкъ или меньше, долженъ самъ содержаться изъ этихъ денегъ, имѣть квартиру, имѣть прислугу. Здѣсь этихъ лишнихъ расходовъ почти вовсе нѣтъ, или они гораздо меньше. Жалованье двумъ старушкамъ, родственницамъ двухъ швей, вотъ и весь расходъ по содержанію ихъ кухоннаго штата. Теперь тебѣ понятенъ будетъ расчетъ, который сдѣлалъ мнѣ для примѣра Кирсановъ, когда я была у нихъ въ первый разъ. Написавши его, онъ сказалъ мнѣ:

— Конечно, я не могу сказать вамъ точныхъ цифръ, да и трудно было бы найти ихъ, потому что, вы знаете, у каждого коммерческаго дѣла, у каждого магазина, каждой мастерской свои собственныя пропорціи между разными статьями дохода и расхода, въ каждомъ семействѣ также свои особенныя степени экономности въ дѣланіи расходовъ и особенныя пропорціи между разными статьями ихъ. Я ставлю цифры только для примѣра; но чтобы счетъ былъ убѣдительнѣе, я ставлю цифры, которыя менѣе дѣйствительною выгод-

ности нашего порядка, сравнительно съ настоящими расходами почти всякаго коммерческаго дѣла и почти всякаго мелкаго, бѣднаго хозяйства.

— Доходъ коммерческаго предпріятія отъ продажи товаровъ,—продолжалъ Кирсановъ,—распадается на три главныя части: одна идетъ на жалованье рабочимъ; другая—на остальные расходы предпріятія: наемъ помѣщенія, освѣщеніе, матеріалы для работы; третья остается въ прибыль хозяину. Положимъ, выручка раздѣляется между этими частями такъ: на жалованье рабочимъ — половина выручки, на другіе расходы—четвертая часть; остальная четверть—прибыль. Это значитъ, что если рабочіе получаютъ 100 руб., то на другіе расходы идетъ 50 руб., у хозяина остается также 50. Посмотримъ, сколько получаютъ рабочіе при нашемъ порядкѣ,—Кирсановъ сталъ читать свой билетикъ съ цифрами.

Они получаютъ свою плату.	100 р.
Они сами хозяева, потому получаютъ и хозяйскую прибыль	50 р.
У нихъ рабочія комнаты помѣщаются при ихъ квартирѣ, поэтому обходятся дешевле особой мастерской; они бережливы на матеріалъ; въ этомъ очень большая пропорція сбереженія, я думаю, наполовину, но мы положимъ только на третью долю; изъ 50 руб., которые шли бы на эти расходы, они сберегаютъ въ прибыль себѣ еще	16 р. 67 к.
	166 р. 67 к.

— Вотъ, мы ужъ набрали,—продолжалъ Кирсановъ:—что наши рабочіе получаютъ 166 р. 67 к., когда при другомъ порядкѣ они имѣютъ только 100 руб. Но они получаютъ еще больше: работая въ свою пользу, они трудятся усерднѣе, потому успѣшнѣе, быстрѣе; положимъ, когда при обыкновенномъ плохомъ усердіи они успѣли бы сдѣлать 5 вещей, въ нашемъ примѣрѣ 5 платьевъ, они теперь успѣваютъ сдѣлать 6,—эта пропорція слишкомъ мала, но положимъ ее; значитъ, въ то время, когда другое предпріятіе зарабатываетъ 5 руб., наше зарабатываетъ 6 руб.

Отъ быстроты усердной работы выручка и доходъ увеличиваются на одну пятую долю; отъ 166 р. 76 к. пятая доля 33 р. 33 к.,—итакъ еще	33 р. 33 к.
къ прежнимъ.	166 р. 67 к.
	200 р.

— Поэтому у нашихъ вдвое больше дохода, чѣмъ у другихъ,—продолжалъ Кирсановъ.—Теперь, какъ употребляется этотъ доходъ. Имѣя вдвое больше средствъ, они употребляютъ ихъ гораздо выгоднѣе. Тутъ выгода двойная, какъ вы знаете: во-первыхъ, отъ того, что все покупается оптомъ; положимъ, отъ этого выигрывается третья доля,—вещи, которыя при мелочной покупкѣ и долгахъ обошлись бы въ 3 руб., обходятся въ 2 руб. На самомъ дѣлѣ выгода

больше: возьмемъ въ примѣръ квартиру; если бѣ эти комнаты отдавать въ наемъ углами, тутъ жило бы: въ 17 комнатахъ съ 2 окнами по 3 и по 4 человѣка,—всего, положимъ, 55 человѣкъ; въ 2 комнатахъ съ 3 окнами по 6 человѣкъ и въ 2 съ 4 окнами по 9 человѣкъ, 12 и 18, всего 30 человѣкъ, и 55 въ маленькихъ комнатахъ,—въ цѣлой квартирѣ 85 человѣкъ; каждый платилъ бы по 3 р. 50 к. въ мѣсяцъ, это значитъ 42 р. въ годъ: итакъ, мелкіе хозяева, промысляющіе отдачею угловъ въ наймы, берутъ за такое помѣщеніе—42 руб. на 85,—3.570 руб. Наши имѣютъ эту квартиру за 1.250 рублей, почти вдвое дешевле. Такъ въ очень многомъ, почти такъ, почти во всемъ. Вѣроятно, я еще не дошелъ бы до истинной пропорціи, если бы положилъ сбереженіе наполовину; но я положу его тоже только въ третью долю. Это еще не все. При такомъ устройствѣ жизни они не имѣютъ нужды дѣлать многихъ расходовъ, или нужно гораздо меньшее количество вещей,—Вѣрочка приводила вамъ въ примѣръ обувь, платье. Положимъ, что отъ этого количество покупаемыхъ вещей сокращается на одну четвертую долю, вмѣсто 4 паръ башмаковъ достаточно 3, или 3 платья носятъ столько времени, какъ носились бы 4,—эта пропорція опять слишкомъ мала. Но посмотрите, что выходитъ изъ этихъ пропорцій:

Дешевизна покупки дѣлаетъ, что вещи достаются на одну третью долю сходиѣе,—то-есть, положимъ за три вещи платится вмѣсто 3 руб. только 2 руб.; но при нашемъ порядкѣ этими 3 вещами удовлетворяется столько надобностей, сколько при другомъ удовлетворялось бы не менѣе, какъ 4 вещами; это значитъ, что за свои 200 руб. наши швеи имѣютъ столько вещей, сколько при другомъ порядкѣ имѣли бы не менѣе, какъ за 300 руб. и что эти вещи при нашемъ порядкѣ доставляютъ ихъ жизни столько удобствъ, сколько при другомъ доставлялось бы суммою не меньше, какъ. 400 руб.

— Сравните жизнь семейства, расходующаго 1.000 руб. въ годъ, съ жизнью такого же семейства, расходующаго 4.000 руб., не правда ли, вы найдете громадную разницу?—продолжалъ Кирсановъ.—При нашемъ порядкѣ, точно такая же пропорція, если не больше: при немъ получается вдвое больше дохода, и доходъ употребляется вдвое выгоднѣе. Удивительно ли, что вы нашли жизнь нашихъ швей вовсе непохожею на ту, какую ведутъ швеи при обыкновенномъ порядкѣ?

Вотъ какое чудо я увидѣла, другъ мой Полина, и вотъ какъ просто оно объясняется. И я теперь такъ привыкла къ нему, что мнѣ ужъ кажется странно: какъ же я тогда удивлялась ему, какъ же не ожидала, что найду все именно такимъ, какимъ нашла. Напishi, имѣешь ли ты возможность заняться тѣмъ, къ чему я теперь готовлюсь: устройствомъ швейной или другой мастерской по этому порядку. Это такъ пріятно, Полина. Твоя

К. Полозова.

Р. С. Я совсѣмъ забыла говорить о другой мастерской,—но ужъ такъ и быть, въ другой разъ. Теперь скажу только, что старшая швейная развивалась больше и потому во всѣхъ отношеніяхъ выше той, которую я тебѣ описывала. Въ подробностяхъ устройства между ними много разницы, потому что все примѣняется къ обстоятельствамъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Новыя лица и развязка.

I.

Полозова говорила въ письмѣ къ подругѣ, что много обязана была мужу Вѣры Павловны. Чтобы объяснить это, надобно сказать, что за человѣкъ былъ ея отецъ.

Полозовъ былъ отставной ротмистръ или штабъ-ротмистръ; на службѣ, по обычаю стараго тогдашняго вѣка, кутилъ, и прокутилъ довольно большое родовое имѣніе. А когда прокутилъ, то остепенился и вышелъ въ отставку, чтобы заняться устройствомъ себѣ новаго состоянія. Собравъ послѣднія крохи, которыя оставались, онъ увидѣлъ у себя тысячъ десять,—по тогдашнему на ассигнаціи,—пустился съ ними въ мелкую хлѣбную торговлю, сталъ брать всякіе маленькіе подряды, хватался за всякое выгодное дѣло, приходившееся по его средствамъ, и лѣтъ черезъ десять имѣлъ изрядный капиталъ. Съ репутаціею такого солиднаго и оборотливаго человѣка, съ чиномъ своимъ и своею извѣстною въ тѣхъ мѣстахъ фамиліею онъ могъ теперь выбирать какую ему угодно невѣсту изъ купеческихъ дочерей въ двухъ губерніяхъ, въ которыхъ шли его торговые дѣла, и выбралъ очень основательно,—съ полумилліономъ (все на ассигнаціи) приданаго. Тогда ему было лѣтъ 50, и это было лѣтъ за 20 слишкомъ до того времени, какъ мы видимъ его дочь вошедшею въ дружбу съ Вѣрой Павловною. Приложивши такой большой кушъ къ своимъ прежнимъ деньгамъ, онъ повелъ дѣла уже въ широкомъ размѣрѣ и лѣтъ черезъ десять послѣ того былъ милліонеромъ и на серебро, какъ тогда стали считать. Его жена умерла; она, привычная къ провинціальной жизни, удерживала его отъ переселенія въ Петербургъ; теперь онъ переѣхалъ въ Петербургъ, пошелъ въ гору еще быстрее, и лѣтъ еще черезъ десять его считали въ трехъ, четырехъ милліонахъ. И дѣвицы, и вдовы, молодые и старыя, строили ему куры, но онъ не захотѣлъ жениться во второй разъ,—отчасти потому, что сохранялъ вѣрную привязанность къ памяти жены, а еще больше потому, что не хотѣлъ давать мачиху Катѣ, которую очень любилъ.

Полозовъ шелъ и шелъ въ гору,—имѣлъ бы ужъ и не три, четыре милліона, а десятокъ, если бы занялся откупамъ, но онъ имѣлъ къ нимъ отвращеніе, и считалъ честными дѣлами только подряды и поставки. Собратья по

милліонерству смѣялись надъ такою тонкостью подразличенія, и не были неправы; а онъ, хоть и былъ неправъ, но твердилъ свое: „коммерціею занимаюсь, грабежомъ не хочу богатѣть“. Но вотъ, за годъ или за полтора передъ тѣмъ, какъ дочь его познакомилась съ Вѣрой Павловною, явилось слишкомъ ясное доказательство, что его коммерція мало чѣмъ отличалась отъ откуповъ по сущности дѣла, хоть и много отличалась по его понятію. У него былъ огромный подрядъ, на холстъ ли, на провіантъ ли, на сапожный ли товаръ, не знаю хорошенько, а онъ, становившійся съ каждымъ годомъ упрямѣе и заносчивѣе и отъ лѣтъ, и отъ постоянной удачи, и отъ возрастающаго уваженія къ нему, поссорился съ однимъ нужнымъ человѣкомъ, погорячился, обругалъ, и штука стала выходить скверная. Сказали ему черезъ недѣлю „покорись“, — „не хочу“, — „лопнешь“, — „а пусть, не хочу“; черезъ мѣсяцъ то же сказали, онъ отвѣчалъ то же, и точно, покориться—не покорился, а лопнуть—лопнуть. Товаръ былъ забракованъ; кромѣ того, оказались какія-то провинности ли, злонамѣренности ли, и всѣ его три, четыре милліона ухнули, и Полозовъ въ 60 лѣтъ остался нищій. То-есть нищій передъ недавнимъ; но такъ, безъ сравненія съ недавнимъ, онъ жилъ хорошо: у него осталась доля въ какомъ-то стеариновомъ заводѣ, и онъ, не вѣная носа, сдѣлался управляющимъ этого завода, съ хорошимъ жалованьемъ. Кромѣ того, уцѣлѣло какими-то судьбами нѣсколько десятковъ тысячъ. Еслибы такіе остатки остались у него лѣтъ 15, или хоть 10 тому назадъ, ихъ было бы довольно, чтобы опять подняться въ порядочную гору. Но имѣя за 60 лѣтъ, подниматься ужъ тяжело, и Полозовъ разсудилъ, что пробовать такую вещь поздно, не подъ силу. Онъ думалъ теперь только о томъ, чтобы поскорѣе устроить продажу завода, акціи котораго почти не давали дохода, кредита и дѣлъ котораго нельзя было поправить: онъ разсудилъ умно и успѣлъ растолковать другимъ главнымъ акціонерамъ, что скорая продажа одно средство спасти деньги, похороненныя въ акціяхъ. Еще думалъ онъ о томъ, чтобы пристроить замужъ дочь. Но главное—продать заводъ, обратить всѣ деньги въ 5—процентные билеты, которые тогда пошли-было въ моду,—и доживать вѣкъ поспокойнѣе, вспоминая о прошломъ величіи, потерю котораго вынесъ онъ бодро, сохранивъ и веселость, и твердость.

II.

Отецъ любилъ Катю, не давалъ ультра-великосвѣтскимъ гувернанткамъ слишкомъ муштровать дѣвушку; „это глупости“, говорилъ онъ про всякія выправки таліи, выправки манеръ и все тому подобное; а когда Катѣ было 15 лѣтъ, онъ даже согласился съ нею, что можно обойтись ей и безъ англичанки, и безъ француженки. Тутъ Катя ужъ и вовсе отдохнула, ей сталъ полный просторъ въ домѣ. А просторъ для нея значилъ тогда то, чтобы ей не мѣшали читать и мечтать. Подругъ у ней было немного, двѣ, три близкихъ; искателей руки безъ числа: вѣдь одна дочь у Полозова, страшно сказать: 4 милліона!

Но Катя читала и мечтала, а искатели руки оставались въ отчаяніи. А Катѣ ужъ было 17 лѣтъ. Такъ, читала и мечтала, и не влюблялась, но только стала она вдругъ худѣть, блѣднѣть, и слегла.

III.

Кирсановъ не занимался практикою, но считалъ себя не въ правѣ отказываться бывать на консилиумахъ. А въ это время,—такъ черезъ годъ послѣ того, какъ онъ сталъ профессоромъ, и за годъ передъ тѣмъ, какъ повѣнчались они съ Вѣрой Павловною, тузы петербургской практики стали ужъ очень много приглашать его на консилиумы. Причинъ было двѣ. Первая: оказалось, что, точно, есть на свѣтѣ Клодъ Бернаръ, и живетъ въ Парижѣ. Одинъ изъ тузовъ, ѣздившій неизвѣстно зачѣмъ съ ученою цѣлью въ Парижъ, собственными глазами видѣлъ Клода Бернара, какъ есть живого Клода Бернара, настоящего; отрекомендовался ему по чину, званію, орденамъ и знатнымъ своимъ больнымъ, и Клодъ Бернаръ, послушавши его съ полчаса, сказалъ: „напрасно вы пріѣзжали въ Парижъ изучать успѣхи медицины, вамъ не зачѣмъ было выѣзжать для этого изъ Петербурга“; тузъ принялъ это за аттестацію своихъ занятій, и возвратившись въ Петербургъ, произносилъ имя Клода Бернара не менѣе 10 разъ въ сутки, прибавляя къ нему не менѣе 5 разъ: „мой ученый другъ“ или „мой знаменитый товарищъ по наукѣ“. Какъ же послѣ этого было не звать Кирсанова на консилиумы? Нельзя не звать. А вторая причина была еще важнѣе: всѣ тузы видѣли, что Кирсановъ не станетъ отбивать практику,—не только не отбивать, даже по просьбѣ съ насильствованіемъ не беретъ. Извѣстно, что у многихъ практикующихъ тузовъ такое заведеніе: если приближается неизбѣжный, по мнѣнію туза, карачунъ больному, и по злонамѣренному устроенію судьбы нельзя сбыть больного съ рукъ ни водами, ни какою другою заграницею, то слѣдуетъ сбыть его на руки другому медику,—и тузъ готовъ тутъ, пожалуй, самъ дать денегъ, только возьми. Кирсановъ и по просьбѣ желающаго бѣжать туза рѣдко бралъ на себя леченье,—обыкновенно рекомендовалъ своихъ друзей, занимающихся практикою, а себѣ оставлялъ лишь немногіе случаи, интересные въ научномъ отношеніи. Какъ же не приглашать на консилиумы такого собрата, извѣстнаго Клоду Бернару и не отбивающаго практики?

У Полозова-милліонера медикомъ былъ одинъ изъ самыхъ козырныхъ тузовъ, и когда Катерина Васильевна стала опасно больна, консилиумы долго составлялись все изъ тузовъ. Наконецъ, дѣло стало такъ плохо, что тузы рѣшили: пригласить Кирсанова. Дѣйствительно, задача была трудная для тузовъ: нѣтъ никакой болѣзни въ больной, а силы больной быстро падаютъ. Надобно же отыскать болѣзнь; пользовавшій врачъ придумалъ: *atrophia nervorum*, „прекращеніе питанія нервовъ“, бываетъ ли на свѣтѣ такая болѣзнь или нѣтъ, мнѣ неизвѣстно, но если бываетъ, то ужъ и я понимаю, что она должна быть неизлечима. А если, несмотря на неизлечимость, все-таки лечить ее, то пусть лечитъ Кирсановъ или кто другой изъ его пріятелей—наглецовъ мальчишекъ.

Итакъ, новый консилиумъ, съ Кирсановымъ. Изслѣдовали, разспрашивали больную; больная отвѣчала съ готовностью, очень спокойно; но Кирсановъ послѣ первыхъ словъ отсталъ отъ нея, и только смотрѣлъ, какъ изслѣдовали и разспрашивали тузы; а когда они намаялись и ее измучили, сколько требуетъ при-

личіе въ такихъ случаяхъ, и спросили Кирсанова: „вы что находите, Александръ Матвѣичъ?“ онъ сказалъ: „Я не довольно изслѣдовалъ больную. Я останусь здѣсь. Это случай интересный. Если будетъ нужно снова сдѣлать консилиумъ, я скажу Карлу Ѳеодорычу—то-есть пользовавшему врачу, который произіялъ восторгомъ спасенія отъ своей *atrophia nervorum*.“

Когда разошлись, Кирсановъ сѣлъ у постели больной. Больная насмѣшливо улыбнулась.

— Жаль, что мы незнакомы съ вами,—началъ онъ:—медику нужно довѣріе; а можетъ быть, мнѣ и удастся заслужить ваше. Они не понимаютъ вашей болѣзни, тутъ нужна нѣкоторая догадливость. Слушать вашу грудь, давать вамъ микстуры — совершенно напрасно. Нужно только одно: знать ваше положеніе, и подумать вмѣстѣ, можно ли что-нибудь сдѣлать. Вы будете помогать мнѣ въ этомъ?

Больная молчала.

— Вы не хотите говорить со мною?

Больная молчала.

— Вы, вѣроятно, даже хотите, чтобъ я ушелъ. Я прошу у васъ только десять минутъ. Если черезъ десять минутъ вы будете, какъ теперь, находить, что мое присутствіе бесполезно, я уйду. Вамъ извѣстно, что у васъ нѣтъ никакого расстройства, кромѣ печали? Вамъ извѣстно, что если это нравственное состояніе ваше продлится, то черезъ двѣ, три недѣли, а можетъ быть, и раньше, васъ нельзя будетъ спасти? а быть можетъ, вы и не проживете двухъ недѣль? У васъ нынѣ еще нѣтъ чахотки, но она очень, очень близка, и въ ваши лѣта, при такихъ усиліяхъ, она развивается необыкновенно быстро, можетъ кончаться въ нѣсколько дней.

Больная молчала.

— Вы не отвѣчаете. Но вы остались равнодушны. Значить, мои слова не были для васъ новостью. Тѣмъ, что вы молчите, вы отвѣчаете мнѣ „да“. Вы знаете, что сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ почти всякій другой? Онъ пошелъ бы говорить съ вашимъ батюшкою. Быть можетъ, мой разговоръ съ нимъ спасъ бы васъ, но если вамъ этого не угодно, я не сдѣлаю этого. Почему? Я принимаю правило: противъ воли человѣка не слѣдуетъ дѣлать ничего для него; свобода выше всего, даже и жизни. Поэтому, если вамъ не угодно, чтобы я узналъ причину вашего очень опаснаго положенія, я не буду узнавать. Если вы скажете, что вы желаете умереть—я только попрошу васъ объяснить мнѣ причины этого желанія; если онѣ покажутся мнѣ неосновательны, я все-таки не имѣю права мѣшать вамъ; если онѣ покажутся мнѣ основательны, я обязанъ помогать вамъ, и готовъ. Я готовъ дать вамъ ядъ. На этихъ условіяхъ, прошу васъ, скажите мнѣ причину вашей болѣзни.

Больная молчала.

— Вамъ не угодно отвѣчать. Я не имѣю права продолжать разспросъ. Но я могу просить у васъ дозволенія рассказать вамъ о себѣ самомъ то, что можетъ послужить къ увеличенію довѣрія между нами? Да? Благодарю васъ. Отъ чего бы то ни было, но вы страдаете. Я также. Я страстно люблю женщину, которая даже не знаетъ, и никогда не должна узнать, что я люблю ее. Жалѣете ли вы меня?

Больная молчала, но слегка улыбнулась печально.

— Вы молчите, но вы не могли скрыть, что эти мои слова нѣсколько больше замѣчены были вами, чѣмъ прежнія. Этого уже довольно: я вижу, что у васъ и у меня одна причина страданія. Вамъ угодно умереть? Мнѣ очень понятно это. Но умирать отъ чахотки — это долго, это тяжело. Я готовъ помочь вамъ умереть, если нельзя помочь ни въ чемъ другомъ, — я говорю, что готовъ дать вамъ ядъ — прекрасный, убивающій быстро, безъ всякихъ страданій. Угодно вамъ на этомъ условіи дать мнѣ средство узнать, дѣйствительно ли ваше положеніе такъ безвыходно, какъ вамъ кажется?

— Вы не обманете? — проговорила больная.

— Посмотрите внимательно мнѣ въ глаза, — вы увидите, что не обману.

Больная нѣсколько времени колебалась. — Нѣтъ, все-таки я слишкомъ мало знаю васъ.

— Другой на моемъ мѣстѣ, сталъ бы уже говорить, что чувство, отъ котораго вы страдаете, хорошо. Я еще не скажу этого. Вашъ батюшка знаетъ о немъ? Прошу васъ помнить, что я не буду говорить съ нимъ безъ вашего разрѣшенія.

— Не знаетъ.

— Онъ любитъ васъ?

— Да.

— Какъ вы думаете, что я скажу вамъ теперь? Вы говорите, онъ любить васъ: я слышалъ, что онъ человѣкъ не глупый. Почему же вы думаете, что напрасно открывать ему ваше чувство, что онъ не согласится? Если бы препятствіе было только въ бѣдности любимаго вами человѣка, это не удержало бы васъ отъ попытки убѣдить вашего батюшку на согласіе, — такъ я думаю. Значить, вы полагаете, что вашъ батюшка слишкомъ дурного мнѣнія о немъ, — другой причины вашего молчанія передъ батюшкою не можетъ быть. Такъ?

Больная молчала.

— Видно, что я не ошибаюсь. Что я теперь думаю? Вашъ батюшка — человѣкъ опытный въ жизни, знающій людей; вы неопытны; если какой-нибудь человѣкъ ему кажется дурень, вамъ — хорошъ, то, по всей вѣроятности, ошибаетесь вы, а не онъ. Вы видите, что я долженъ такъ думать. Хотите знать, почему я говорю вамъ такую непріятную вещь? Я скажу. Вы можете разсердиться на мои слова, почувствовать нелюбовь ко мнѣ за нихъ, но все-таки вы скажете себѣ: онъ говоритъ то, что думаетъ, не притворяется, не хочетъ меня обманывать. Я выигрываю въ вашемъ довѣріи. Правда ли, я говорю съ вами честно?

Больная колебалась, отвѣчать или нѣтъ. — Вы странный человѣкъ, докторъ, — проговорила она наконецъ.

— Нѣтъ, не странный, а только не похожій на обманщика. Я прямо сказалъ, какъ думаю. Но это лишь мое предположеніе. Можетъ быть, я и ошибаюсь. Дайте мнѣ возможность узнать это. Назовите мнѣ человѣка, къ которому вы чувствуете расположеніе. Тогда, — но опять, только если вы позволите, — я поговорю о немъ съ вашимъ батюшкою.

— Что же вы скажете ему?

— Онъ близко знаетъ его?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ я скажу ему, чтобы онъ согласился на вашъ бракъ, только съ однимъ условіемъ: назначить время свадьбы не сейчасъ, а черезъ два, три мѣсяца, чтобы вы имѣли время обдумать хладнокровно, не правъ ли вашъ батюшка.

— Онъ не согласится.

— Согласится, по всей вѣроятности. А если нѣтъ, я помогу вамъ, какъ сказалъ.

Кирсановъ долго говорилъ въ этомъ родѣ. Наконецъ добился того, что больная сказала ему имя и разрѣшила говорить съ ея отцомъ. Но сладить со старикомъ было еще труднѣе, чѣмъ съ нею. Полозовъ очень удивился, услышавъ, что упадокъ силъ его дочери происходитъ отъ безнадежной любви; еще больше удивился, услышавъ имя человѣка, въ котораго она влюблена, и твердо сказалъ: „пусть лучше умираетъ, чѣмъ выходить за него. Смерть ея и для нея, и для меня будетъ меньшее горе“. Дѣло было очень трудное, тѣмъ больше, что Кирсановъ, выслушавъ резоны Полозова, увидѣлъ, что правда дѣйствительно на сторонѣ старика, а не дочери.

IV.

Женихи сотнями увивались за наслѣдницею громаднаго состоянія: но общество, толпившееся за обѣдами и на вечерахъ Полозова, было то общество слишкомъ сомнительнаго типа, слишкомъ сомнительнаго изящества, которое наполняетъ залы всѣхъ подобныхъ Полозову богачей, возвысившихся надъ болѣе или менѣе приличнымъ, не великосвѣтскимъ роднымъ своимъ кругомъ, и не имѣющихъ ни родства, ни связей въ настоящемъ великосвѣтскомъ обществѣ, также болѣе или менѣе приличномъ: они становятся кормителями пройдохъ и фатовъ, совершенно неприличныхъ уже и по внѣшности, не говоря о внутреннихъ достоинствахъ. Поэтому Катерина Васильевна была заинтересована, когда въ числѣ ея поклонниковъ появился настоящій свѣтскій человѣкъ, совершенно хорошаго тона: онъ держалъ себя такъ много изящнѣе всѣхъ другихъ, говорилъ такъ много умнѣе и занимательнѣе ихъ. Отецъ рано замѣтилъ, что она стала показывать ему предпочтеніе передъ остальными, и, человѣкъ дѣльный, рѣшительный, твердый, тотчасъ же, какъ замѣтилъ, объяснился съ дочерью: „другъ мой, Катя, за тобою сильно ухаживаетъ Соловцовъ; остерегайся его: онъ очень дурной человѣкъ, совершенно бездушный человѣкъ; ты съ нимъ была бы такъ несчастна, что я желалъ бы лучше видѣть тебя умершею, чѣмъ его женою, это было бы легче и для меня, и для тебя“. Катерина Васильевна любила отца, привыкла уважать его мнѣніе: онъ никогда не стѣснялъ ее; она знала, что онъ говоритъ единственно по любви къ ней; а главное, у ней былъ такой характеръ больше думать о желаніи тѣхъ, кто любитъ ее, чѣмъ о своихъ прихотяхъ, она была изъ тѣхъ, которые любятъ говорить своимъ близкимъ: „какъ вы думаете, такъ я и сдѣлаю“. Она отвѣчала отцу: „Соловцовъ мнѣ нравится, но если вы находите, что для меня лучше удалиться отъ него, я такъ сдѣ-

лаю". Конечно, она не сдѣлала бы и, по своему характеру — не лгать, — не сказала бы этого, если бы любила; но привязанность ея къ Соловцову была еще очень слаба, почти еще вовсе не существовала тогда: онъ былъ только занимательнѣе другихъ для нея. Она стала холодна съ нимъ; и, можетъ быть, все обошлось бы благополучно; но отецъ, по своей горячности, пересолить; и очень немного пересолить, но ловкому Соловцову было довольно и этого. Онъ видѣлъ, что ему надобно играть роль жертвы, какъ же найти предлогъ, чтобы стать жертвою? Полозовъ разъ какъ-то сказалъ ему колкость, Соловцовъ съ достоинствомъ и печалью въ лицѣ простился съ нимъ, пересталъ бывать. Черезъ недѣлю Катерина Васильевна получила отъ него страстное и чрезвычайно смиренное письмо, въ томъ смыслѣ, что онъ никогда не надѣялся ея взаимности, что для его счастья было довольно только видѣть ее иногда, даже и не говорить съ нею, только видѣть; что онъ жертвуетъ и этимъ счастьемъ, и все-таки счастливъ, и несчастливъ, и тому подобное, и никакихъ ни просьбъ, ни желаній. Онъ даже не просилъ отвѣта. Такія письма продолжали приходить, и, наконецъ, подѣйствовали.

Но подѣйствовали они не очень скоро; Катерина Васильевна въ первое время по удаленіи Соловцова вовсе не была ни грустна, ни задумчива, а передъ тѣмъ она уже была холодна съ нимъ, да и такъ спокойно приняла совѣтъ отца остерегаться его. Поэтому, когда, мѣсяца черезъ два, она стала печальна, почему жъ бы могъ отецъ сообразить, что тутъ замѣшанъ Соловцовъ, о которомъ онъ ужъ и забылъ? — „Ты что-то грустна, Катя“. — Нѣтъ, я ничего; это такъ“. Черезъ недѣлю, черезъ двѣ старикъ ужъ спрашиваетъ: „да ты не больна ли, Катя?“ — Нѣтъ, ничего“. — Еще недѣли черезъ двѣ старикъ ужъ говоритъ: — „Тебѣ надобно лечиться, Катя“. Катя начинаетъ лечиться, и старикъ совершенно успокаивается, потому что докторъ не находитъ ничего опаснаго, а такъ только, слабость, нѣкоторое изнуреніе, и очень основательно доказываетъ утомительность образа жизни, какой вела Катерина Васильевна въ эту зиму, — каждый день вечеръ до двухъ, до трехъ часовъ, а часто и до пяти. Это изнуреніе пройдетъ. Но оно не проходитъ, а увеличивается.

Почему же Катерина Васильевна ничего не говорила отцу? — она была увѣрена, что это было бы напрасно: отецъ тогда сказалъ ей такъ твердо, а онъ не говорить даромъ. Онъ не любитъ высказывать о людяхъ мнѣнія, которое не твердо въ немъ; и никогда не согласится на бракъ ея съ человѣкомъ, котораго считаетъ дурнымъ.

И вотъ Катерина Васильевна мечтала, мечтала, читая скромныя, безнадежныя письма Соловцова, и черезъ полгода этого чтенія была ужъ на шагъ отъ чахотки. А отецъ ни изъ одного слова ея не могъ замѣтить, что болѣзнь происходитъ отъ дѣла, въ которомъ отчасти виноватъ и онъ: дочь была нѣжна съ нимъ, какъ и прежде. „Ты недовольна чѣмъ-нибудь?“ — „Ничѣмъ, папа“ — „Ты не огорчена ли чѣмъ-нибудь?“ — „Нѣтъ, папа“. — Да и видно, что нѣтъ: только уныла, но вѣдь это отъ слабости, отъ болѣзни. И докторъ говоритъ: это отъ болѣзни. А отъ чего болѣзнь? Пока докторъ считалъ болѣзнь пустою, онъ довольствовался порицаніями танцевъ и корсетовъ; а когда онъ замѣтилъ опасность, то явилось „прекращеніе питанія нервовъ“, *atrophia nervorum*.

V.

Но если практикующіе тузы согласились, что у m-lle Полозовой *atrophia nervorum*, развившаяся отъ изнурительнаго образа жизни при природной наклонности къ мечтательности, задумчивости, то Кирсанову нечего было много изслѣдовать болъную, чтобы видѣть, что упадокъ силъ происходитъ отъ какой-нибудь нравственной причины. Передъ консилиумомъ пользующій медикъ объяснялъ ему всѣ отношенія больной: семейныхъ огорченій—никакихъ; отецъ и дочь очень хороши между собою. А между тѣмъ, отецъ не знаетъ причины разстройства. потому что пользующій медикъ не знаетъ; что жъ это такое? Но ясно, что у дѣвушки сильный характеръ, если она такъ долго скрывала самое разстройство, и если во все время не дала отцу ни одного случая отгадать его причину; виденъ сильный характеръ и въ спокойномъ тонѣ ея отвѣтовъ на консилиумѣ. Нѣтъ въ ней никакихъ слѣдовъ раздраженія, она твердо переноситъ свою судьбу. Кирсановъ увидѣлъ, что такая дѣвушка заслуживаетъ, чтобы заняться ею,—нельзя ли помочь? Вмѣшательство показалось ему необходимо: конечно, такъ или иначе, и безъ него когда-нибудь дѣло разъяснится, но не будетъ ли это поздно? Чахотка очень близка, и тогда никакая заботливость уже не поможетъ.

Вотъ онъ бился съ болъною часа два, и успѣлъ побѣдить ея недовѣрчивость, узналъ, въ чемъ дѣло, и получилъ позволеніе говорить о немъ съ отцомъ.

Старикъ изумился, когда услышалъ отъ Кирсанова, что причина болѣзни его дочери любовь къ Соловцову. Какъ же это? Катя тогда такъ холодно приняла совѣтъ удалиться отъ него, оставалась такъ равнодушна, какъ онъ пересталъ бывать у нихъ. Какъ же она умираетъ отъ любви къ нему? Да и вообще, можно ли умирать отъ любви? Такія экзальтированности не могли казаться правдоподобными человѣку, привыкшему вести исключительно практическую жизнь, смотрѣть на все съ холоднымъ благоразуміемъ. Долго возился съ нимъ Кирсановъ, онъ все говорилъ: „фантазія ребенка, который помучится и забудетъ“. Кирсановъ объяснялъ, объяснялъ, наконецъ растолковалъ ему, что именно потому-то и не забудетъ, а умираетъ, что ребенокъ. Полозовъ уломался, убѣдился, но вмѣсто уступки, ударилъ кулакомъ по столу и сказалъ съ сосредоточенною рѣшимостью: „умреть, такъ умереть,—пусть умираетъ; это лучше, чѣмъ чтобы была несчастна. И для меня легче, и для нея легче!“ Тѣ самыя слова, какія были сказаны за полгода дочери. Катерина Васильевна не ошибалась, думая, что напрасно говорить съ нимъ.

— Да почему жъ вы такъ упорствуете? Я очень вѣрю, что онъ нехорошій человѣкъ; но неужели же ужъ такой дурной, что жизнь съ нимъ хуже смерти?

— Такой. Въ немъ души нѣтъ; она у меня добрая, деликатная, а онъ гадкій развратникъ. И Полозовъ пустился описывать Соловцова, описалъ его такъ, что Кирсановъ не нашелъ, какъ возражать. Да и точно, какъ было не согласиться съ Полозовымъ? Соловцовъ былъ тотъ самый Жанъ, который тогда,

передъ сватовствомъ Сторешникова, послѣ оперы, ужиналъ съ нимъ, Сержемъ и Юли. Это совершенная правда, что порядочной дѣвушкѣ гораздо лучше умереть, чѣмъ сдѣлаться женою такого человѣка. Онъ загрязнить, заморозить, извѣсть своею мерзостью порядочную женщину: гораздо лучше умереть ей.

Кирсановъ задумался на нѣсколько минутъ. — Нѣтъ, — потомъ проговорилъ онъ: — что жъ я въ самомъ дѣлѣ поддался вашему увлеченію? Это дѣло без-опасное, именно потому, что онъ такъ дурень. Она не можетъ этого не уви-дѣть, только дайте ей время всмотрѣться спокойно. Онъ сталъ настойчиво раз-вивать Полозову свой планъ, который высказывалъ его дочери еще только какъ свое предположеніе, можетъ быть и невѣрное, что она сама откажется отъ любимаго человѣка, если онъ дѣйствительно дурень. Теперь онъ въ этомъ былъ совершенно увѣренъ, потому что любимый человѣкъ былъ очень дурень.

— Я не буду говорить вамъ, что бракъ не представляетъ такой страш-ной важности, если смотрѣть на него хладнокровно: когда жена несчастна, по-чему жъ ей не разойтись съ мужемъ? Вы считаете это недозволительнымъ, ваша дочь воспитана въ такихъ же понятіяхъ, для васъ и для нея это, дѣйстви-тельно, безвозвратная потеря, и прежде, чѣмъ она перевоспитается, она съ та-кимъ человѣкомъ измучится до смерти, которая хуже, чѣмъ отъ чахотки. Но надобно взять дѣло съ другой стороны. Почему вы не надѣетесь на разсудокъ вашей дочери? Вѣдь она не сумасшедшая? Всегда разсчитывайте на разсудокъ, только давайте ему дѣйствовать свободно, онъ никогда не измѣнитъ въ спра-ведливомъ дѣлѣ. Вы сами виноваты, что связали его въ вашей дочери, раз-вяжите его, и онъ переведетъ ее на вашу сторону, когда правда на вашей сторонѣ. Страсть ослѣпляетъ, когда встрѣчаетъ препятствія; отстраните ихъ, и ваша дочь станетъ благоразумна. Дайте ей свободу любить или не любить, и она увидитъ, стоитъ ли этотъ человѣкъ ея любви. Пусть онъ будетъ ея же-нихомъ, и черезъ нѣсколько времени она откажется ему сама.

Такая манера смотрѣть на вещи была слишкомъ нова для Полозова. Онъ рѣзко отвѣчалъ, что въ такіе вздоры не вѣрить, что слишкомъ хорошо знаетъ жизнь, что видалъ слишкомъ много примѣровъ безразсудства людей, чтобы полагаться на ихъ разсудокъ; а тѣмъ смѣшнѣе полагаться на рассу-докъ 17-лѣтней дѣвочки. Напрасно Кирсановъ возражалъ, что безразсудства дѣлаются только въ двухъ случаяхъ: или горяча, въ минутномъ порывѣ, или когда человѣкъ не имѣетъ свободы, раздражается сопротивленіемъ. Такія понятія были совершенно тарабарщиною для Полозова. — „Она безумная; глупо ввѣрять такому ребенку его судьбу: пусть лучше умереть“; съ этихъ пунктовъ никакъ нельзя было сбить его.

Конечно, какъ ни тверды мысли человѣка, находящагося въ заблужденіи, но если другой человѣкъ, болѣе развитой, болѣе знающій, лучше понимающій дѣло, будетъ постоянно работать надъ тѣмъ, чтобы вывести его изъ заблу-жденія, заблужденіе не устоитъ. Такъ; но сколько времени возьметъ логиче-ская борьба съ нимъ? Конечно, и нынѣшній разговоръ не останется безъ ре-зультата; хотя теперь и незамѣтно никакого вліянія его на Полозова, ста-рикъ все-таки начнетъ задумываться надъ словами Кирсанова — это неиз-бѣжно; и если продолжать съ нимъ такіе разговоры, онъ одумается. Но онъ гордъ своею опытностью, считаетъ себя не ошибающимся, онъ твердъ и упрямъ;

урезонить его словами можно, безъ сомнѣнія, но не скоро. А всякая отсрочка опасна; долгая отсрочка, навѣрное, гибельна; а долгая отсрочка неизбежна при методическомъ способѣ разумной борьбы съ нимъ.

Надобно прибѣгнуть къ радикальному средству. Оно рискованно, это правда; но при немъ только рискъ, а безъ него вѣрная гибель. И рискъ въ немъ вовсе не такъ великъ на самомъ дѣлѣ, какъ покажется человѣку, менѣе твердому въ своихъ понятіяхъ о законахъ жизни, чѣмъ онъ, Кирсановъ. Рискъ вовсе не великъ. Но серьезенъ. Изъ всей лоттереи только одинъ билетъ выигрышный. Нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы вынулъ онъ, но если вынется? Кто идетъ на рискъ, долженъ быть готовъ не моргнуть, если вынется проигрышъ. Кирсановъ видѣлъ спокойную, молчаливую твердость дѣвушки и былъ увѣренъ въ ней. Но вправдѣ ли онъ подвергать ее риску? Конечно, да. Теперь изъ 100 шансовъ только одинъ, что она не погубить въ этомъ дѣлѣ своего здоровья, болѣе половины шансовъ, что она погибнетъ быстро; а тутъ, изъ тысячи шансовъ одинъ будетъ противъ нея. Пусть же она рискуетъ въ лоттерею, повидимому, болѣе страшную, потому что болѣе быструю, но въ сущности несравненно менѣе опасную.

— Хорошо, — сказалъ Кирсановъ, — вы не хотите вылечить ее тѣми средствами, которыя въ вашей власти; я буду лечить ее своими. Завтра я соберу опять консилиумъ.

Возвратившись къ больной, онъ сказалъ ей, что отецъ упрямъ. — упрямѣе, чѣмъ ждалъ онъ, что надобно будетъ дѣйствовать противъ него крутымъ образомъ.

— Нѣтъ, ничто не поможетъ, — грустно сказала больная.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Да.

— Вы готовы къ смерти?

— Да.

— Что, если я рѣшусь подвергнуть васъ риску умереть? Я говорилъ вамъ объ этомъ вскользь, чтобы выиграть ваше довѣріе, показать, что я на все согласенъ, что будетъ нужно для васъ: теперь говорю положительно. Что, если придется дать вамъ ядъ?

— Я давно вижу, что моя смерть неизбежна, что мнѣ осталось жить немного дней.

— А если завтра поутру?

— Тѣмъ лучше. Она говорила совершенно спокойно.

— Когда остается одно спасеніе — призвать себѣ въ опору рѣшимость на смерть, эта опора почти всегда выручить. Если скажешь: „уступай, или я умру“ — почти всегда уступать; но, знаете, шутить такимъ великимъ принципомъ не слѣдуетъ: да и нельзя унижать своего достоинства, если не уступать, то ужъ и надобно умереть. Онъ объяснилъ ей планъ, очень понятный ужъ и изъ этихъ разсужденій.

VI.

Конечно, въ другихъ такихъ случаяхъ Кирсановъ и не подумалъ бы прибѣгать къ подобному риску. Гораздо проще: увести дѣвушку изъ дому. и

пусть она вѣнчается, съ кѣмъ хочетъ. Но тутъ дѣло запутывалось понятіями дѣвушки и свойствами человѣка, котораго она любила. При своихъ понятіяхъ о неразрывности жены съ мужемъ, она стала бы держаться за дрянного человѣка, когда бы ужъ и увидѣла, что жизнь съ нимъ—мученіе. Соединить ее съ нимъ—хуже чѣмъ убить. Потому и оставалось одно средство—убить, или дать возможность образумиться.

На другой день собрался консилиумъ изъ самыхъ высокихъ знаменитостей великосвѣтской медицинской практики, было цѣлыхъ пять человѣкъ, самыхъ важнѣйшихъ: нельзя, чѣмъ же дѣйствовать на Полозова? Нужно, чтобы приговоръ былъ безапелляціонный въ его глазахъ. Кирсановъ говорилъ, — они важно слушали, что онъ говорилъ, тому все важно поддакнули, — иначе нельзя, потому что, помните, есть на свѣтѣ Клодъ Бернаръ и живетъ въ Парижѣ, да и кромѣ того, Кирсановъ говоритъ такія вещи, которыхъ — а чортъ бы побралъ этихъ мальчишекъ!—и не поймешь: какъ же не поддакивать?

Кирсановъ сказалъ, что онъ очень внимательно изслѣдовалъ больную и совершенно согласенъ съ Карломъ Оедорычемъ, что болѣзнь неизлечима; а агонія въ этой болѣзни—мучительна; да и вообще, каждый лишній часъ, проживаемый больною, лишній часъ страданія; поэтому онъ считаетъ обязанностью консилиума составить опредѣленіе, что, по человѣколюбію, слѣдуетъ прекратить страданія больной приѣмомъ морфія, отъ котораго она ужъ не проснулась бы. Съ такимъ напутствіемъ онъ повелъ консилиумъ вновь изслѣдовать больную, чтобы принять или отвергнуть это мнѣніе. Консилиумъ изслѣдовалъ, хлопая глазами подъ градомъ, чортъ знаетъ, какихъ, непонятныхъ разъясненій Кирсанова, возвратился въ прежній, далекій отъ комнаты больной, залъ и положилъ: прекратить страданія больной смертельнымъ приѣмомъ морфія.

Когда составили опредѣленіе, Кирсановъ позвонилъ слугу и попросилъ его позвать Полозова въ залъ консилиума. Полозовъ вошелъ. Важнѣйшій изъ мудрецовъ приличнымъ грустно-торжественнымъ языкомъ и величественно-мрачнымъ голосомъ объявилъ ему постановленіе консилиума.

Полозова хватило какъ обухомъ по лбу. Ждать смерти, хоть скоро, но неизвѣстно скоро ли, да и навѣрное ли? и услышать: черезъ полчаса ее не будетъ въ живыхъ — двѣ вещи совершенно разныя. Кирсановъ смотрѣлъ на Полозова съ напряженнымъ вниманіемъ: онъ былъ совершенно увѣренъ въ эффектъ, но все-таки дѣло было возбуждающее нервы: минуты двѣ старикъ молчалъ, ошеломленный: — „не надо! Она умираетъ отъ моего упрямства! Я на все согласенъ! Выздоровѣтъ ли она?“ — „Конечно“, — сказалъ Кирсановъ.

Знаменитости сильно разсердились бы, еслибъ имѣли время разсердиться, то-есть, переглянувшись, увидѣть, что, дескать, моимъ товарищамъ тоже, какъ и мнѣ, понятно, что я былъ куклою въ рукахъ этого мальчишки, но Кирсановъ не далъ никому заняться этимъ наблюденіемъ того, „какъ другіе на меня смотрятъ“. Кирсановъ, сказавъ слугѣ, чтобы вывести осѣвшаго Полозова, уже благодарилъ ихъ за проницательность, съ какою они отгадали его намѣреніе, поняли, что причина болѣзни нравственное страданіе, что нужно запугать упрямца, который иначе дѣйствительно погубилъ бы дочь. Знаменитости разѣхались, каждая довольная тѣмъ, что ученость и проницательность ея засвидѣтельствована передъ всеми остальными.

Наскоро давъ имъ аттестацію, Кирсановъ пошелъ сказать больной, что дѣло удалось. Она при первыхъ его словахъ схватила его руку, и онъ едва успѣлъ вырвать, чтобъ она не поцаловала ее. „Но я не скоро пушу къ вамъ вашего батюшку объявить вамъ то же самое,— сказалъ онъ: — онъ у меня прежде прослушаетъ лекцію о томъ, какъ ему держать себя“. Онъ сказалъ ей что онъ будетъ внушать ея отцу, и что не отстанетъ отъ него, пока не внушитъ ему этого основательно.

Потрясенный эффектомъ консиліума, старикъ много осѣлся, и смотрѣлъ на Кирсанова ужъ не тѣми глазами, какъ вчера, а такими, какъ нѣкогда Марья Алексѣвна на Лопухова, когда Лопуховъ снился ей въ видѣ пошедшаго по откупной части. Вчера Полозову все представлялась натуральная мысль: „я постарше тебя и боопытнѣй, да и нѣтъ никого на свѣтѣ умнѣе меня; а тебя, молокососъ и голышъ, мнѣ и подавно не приходится слушать, когда я своимъ умомъ нажилъ 2 милліона (точно, въ сущности, было только 2, а не 4); наживи-ка ты, тогда и говори“, а теперь онъ думалъ: — „экой медвѣдь, какъ поворотилъ: умѣетъ ломать“, и чѣмъ дальше говорилъ онъ съ Кирсановымъ, тѣмъ живѣе рисовалась ему, въ прибавокъ къ медвѣдю, другая картина, старое забытое воспоминаніе изъ гусарской жизни: берейторъ Захарченко сидитъ на „Громобой“ (тогда еще были въ ходу у барышень, а отъ нихъ отчасти и между господами кавалерами, военными и статскими, баллады Жуковского), и „Громобой“ хорошо вытанцовываетъ подъ Захарченкой, только губы у „Громобоя“ сильно порваны, въ кровь. Полозову было отчасти странно-вато слышать, какъ отвѣчаетъ Кирсановъ на его первый вопросъ:

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ дали бы ей смертельный пріемъ?

— Еще бы! разумѣется,—совершенно холодно отвѣчалъ Кирсановъ.

„Что за разбойникъ! говорить, какъ поваръ о зарѣзанной курицѣ“.—

И у васъ достало бы духа?

— Еще бы на это не достало,—чтожъ бы я за тряпка былъ!

— Вы страшный человѣкъ! —повторялъ Полозовъ.

— Это значить, что вы еще не видавали страшныхъ людей.—съ снисходительной улыбкой отвѣчалъ Кирсановъ, думая про себя: „показать бы тебѣ Рахметова“.

— Но какъ же вы повергивали всѣхъ этихъ медиковъ!

— Будто трудно повергивать такихъ людей!—съ легкой гримасою отвѣчалъ Кирсановъ.

Полозову вспомнился Захарченко, говорящій штабъ-ротмистру Волинову: „этого-то вислоухаго привели мнѣ объѣзжать, ваше благородіе? Зазорно мнѣ на него садиться-то“.

Прекративъ безконечные все тѣ же вопросы Полозова, Кирсановъ началъ внушеніе, какъ ему слѣдуетъ держать себя.—Помните, что человѣкъ можетъ разсуждать только тогда, когда ему совершенно не мѣшаютъ, что онъ не горячится только тогда, когда его не раздражаютъ: что онъ не дорожитъ своими фантазіями только тогда, когда ихъ у него не отнимаютъ, даютъ ему самому разсмотрѣть, хороши ли онѣ. Если Соловцовъ такъ дурень, какъ вы описываете,—и я этому совершенно вѣрю,—ваша дочь сама разсмотреть это; но только когда вы не станете мѣшать, не будете возбуждать въ ней мысли, что

вы какъ-нибудь интригуете противъ него, стараетесь разстроить ихъ. Одно ваше слово, враждебное ему, испортитъ дѣло на двѣ недѣли, нѣсколько словъ — навсегда. Вы должны держаться совершенно въ сторонѣ. — Направленіе было управляемо такими доводами: „легко заставить васъ сдѣлать то, чего вы не хотите? а вотъ я заставилъ же; значить, понимаю, какъ надобно браться за дѣло: такъ ужъ повѣрьте, какъ я говорю, такъ и надо дѣлать. Что я говорю, то знаю, вы только слушайтесь“. Съ такими людьми, какъ тогдашній Полозовъ, нельзя иначе дѣйствовать, какъ нахрапомъ, наступая на горло. Полозовъ вымущивался, общалъ держать себя, какъ ему говорятъ. Но убѣдившись, что Кирсановъ говоритъ дѣло, и что надо его слушаться, Полозовъ все еще не могъ взять въ толкъ, чтожъ это за человѣкъ: онъ на его сторонѣ, и вмѣстѣ на сторонѣ дочери: онъ заставляетъ его покориться дочери, и хочетъ, чтобы дочь измѣнила свою волю: какъ примирить это?

— Очень просто, я хочу, чтобы вы не мѣшали ей стать разсудительною, только.

Полозовъ написалъ къ Соловцову записку, въ которой просилъ его пожаловать къ себѣ по очень важному дѣлу; вечеромъ Соловцовъ явился, произвелъ нѣжное, но полное достоинства объясненіе со старикомъ, былъ объявленъ женихомъ, съ тѣмъ, что свадьба черезъ три мѣсяца.

VII.

Кирсановъ не могъ бросить дѣла: надобно было и помогать Катеринѣ Васильевнѣ поскорѣе выйти изъ ослѣпленія, а еще больше надобно было наблюдать за ея отцомъ, поддерживать его въ вѣрности принятому методу невмѣшательства. Но онъ почелъ неудобнымъ быть у Полозовыхъ въ первые дни послѣ кризиса: Катерина Васильевна, конечно, еще находится въ экзальтаціи: если онъ увидитъ (чего и слѣдуетъ непремѣнно ждать), что женихъ — дрянъ, то ужъ и его молчаливое недовольство женихомъ, не только прямой отзывъ, принесетъ вредъ, подновитъ экзальтацію. Кирсановъ заѣхалъ недѣли черезъ полторы, и поутру, чтобы не прямо самому искать встрѣчи съ женихомъ, а получить на это согласіе Катерины Васильевны. Катерина Васильевна ужъ очень поправилась, была еще очень худая и блѣдная, но совершенно здорова, хотъ и хлопоталъ надъ прописываньемъ лекарствъ знаменитый прежній медикъ, которому Кирсановъ опять сдалъ ее, сказавъ: — „лечитесь у него: теперь никакія его снадобья не повредятъ вамъ, хотъ бы вы и стали принимать ихъ“. Катерина Васильевна встрѣтила Кирсанова съ восторгомъ, но удивленными глазами посмотрѣла на него, когда онъ сказалъ, зачѣмъ пріѣхалъ.

— Вы спасли мнѣ жизнь. — и вамъ нужно мое разрѣшеніе, чтобы бывать у насъ!

— Но мое посѣщеніе при немъ могло бы вамъ показаться попыткою вмѣшательства въ ваши отношенія безъ вашего согласія. Вы знаете мое правило: не дѣлать ничего безъ воли человѣка, въ пользу котораго я хотѣлъ бы дѣйствовать.

Пріѣхавъ на другой или третій день вечеромъ, Кирсановъ нашелъ же-

ниха точно такимъ, какимъ описывалъ Полозовъ, а Полозова нашелъ удовлетворительнымъ: вышколенный старикъ не мѣшалъ дочери. Кирсановъ просидѣлъ вечеръ, ничѣмъ не показывая своего мнѣнія о женихѣ, и прощаясь съ Катериною Васильевою, не сдѣлалъ никакого намека на то, какъ онъ понравился ему.

Этого было уже довольно, чтобы возбудить ея любопытство и сомнѣнїе. На другой день въ ней безпрестанно возобновлялась мысль: „Кирсановъ не сказалъ мнѣ ни слова о немъ. Еслибъ онъ произвелъ хорошее впечатлѣнїе на Кирсанова, Кирсановъ сказалъ бы мнѣ это. Неужели онъ ему не понравился? Чтожъ могло не понравиться Кирсанову въ немъ?“ Когда вечеромъ прїѣхалъ женихъ, она всматривалась въ его обращенїе, вдумывалась въ его слова. Она говорила себѣ, зачѣмъ дѣлаетъ это: чтобы доказать себѣ, что Кирсановъ не долженъ былъ, не могъ найти никакихъ недостатковъ въ немъ. Это и было такъ. Но надобность доказывать себѣ, что въ любимомъ человѣкѣ нѣтъ недостатковъ, уже ведетъ къ тому, что они скоро будутъ замѣчены.

Черезъ нѣсколько дней Кирсановъ былъ опять, и опять не сказалъ ей ни слова о томъ, какъ понравился ему женихъ. На этотъ разъ она уже не выдержала, и въ концѣ вечера сказала:— „Ваше мнѣнїе? чтò же вы молчите?“

— Я не знаю, угодно ли будетъ вамъ выслушать мое мнѣнїе, и не знаю, будетъ ли оно сочтено вами за безпристрастное.

— Онъ вамъ не нравится?

Кирсановъ промолчалъ.

— Онъ вамъ не нравится?

— Я этого не говорилъ.

— Это видно. Почему жъ онъ вамъ не нравится?

— Я буду ждать, когда будетъ видно и то, почему онъ мнѣ не нравится.

На слѣдующій вечеръ Катерина Васильевна еще внимательнѣе всматривалась въ Соловцова. „Въ немъ все хорошо; Кирсановъ несправедливъ; но почему жъ я не могу замѣтить чтò въ немъ не нравится Кирсанову?“ Она досадовала на свое неумѣнїе наблюдать, думала: „неужели жъ я такъ проста?“ Въ ней было возбуждено самолюбіе въ направленїи, самомъ опасномъ жениху.

Когда Кирсановъ опять прїѣхалъ черезъ нѣсколько дней, онъ уже замѣтилъ возможность дѣйствовать сильнѣе. До сихъ поръ онъ избѣгалъ разговоръ съ Соловцовымъ, чтобы не встревожить Катерину Васильевну преждевременнымъ вмѣшательствомъ. Теперь онъ сѣлъ въ группѣ, которая была около нея и Соловцова, сталъ заводить разговоръ о вещахъ, по которымъ выказывался бы характеръ Соловцова, вовлекалъ его въ разговоръ. Шелъ разговоръ о богатствѣ, и Катеринѣ Васильевнѣ показалось, что Соловцовъ слишкомъ занятъ мыслями о богатствѣ; шелъ разговоръ о женщинахъ,—ей показалось, что Соловцовъ говорить о нихъ слишкомъ легко; шелъ разговоръ о семейной жизни,—она напрасно усиливалась выгнать изъ мысли впечатлѣнїе, что, можетъ быть, жеиъ было бы холодно и тяжело жить съ такимъ мужемъ.

Кризисъ произошелъ. Катерина Васильевна долго не могла заснуть, все плакала—отъ досады на себя за то, что обижаетъ Соловцова такими мыслями о немъ. „Нѣтъ, онъ не холодный человѣкъ; онъ не презираетъ женщинъ; онъ любитъ меня, а не мое богатство“. Еслибъ эти возраженїя были отвѣтомъ на слова другого, они упрямо держались бы въ ея умѣ. Но она возражала самой

себѣ; а противъ той истины, которую самъ нашель, долго не устоишь,—она своя, родная; въ ней нельзя заподозрить никакой хитрости. На слѣдующій вечеръ Катерина Васильевна уже сама испытывала Соловцова, какъ вчера испытывалъ его Кирсановъ. Она говорила себѣ, что только хочетъ убѣдиться, что напрасно обижаетъ его, но сама же чувствовала, что въ ней уже недовѣріе къ нему. И опять долго не могла заснуть, но досадовала уже на него: зачѣмъ онъ говорилъ такъ, что не успокоилъ ея сомнѣній, а только подкрѣпилъ ихъ? Досадовала и на себя; но въ этой досадѣ ясно уже проглядывалъ мотивъ: „какъ я могла быть такъ слѣпа“.

Понятно, что черезъ день, черезъ два она исключительно была занята страхомъ отъ мысли: „скоро я потеряю возможность поправить свою ошибку, если ошибалась въ немъ“.

Когда Кирсановъ пріѣхалъ въ слѣдующій разъ, онъ увидѣлъ, что можетъ говорить съ нею. „Вы допрашивались моего мнѣнія о немъ,—сказалъ онъ:—оно не такъ важно, какъ ваше. Что *вы* думаете о немъ?“

Теперь она молчала.

— Я не смѣю допытываться,—сказалъ онъ, заговорилъ о другомъ и скоро отошелъ.

Но черезъ полчаса она сама подошла къ нему:— „Дайте же мнѣ совѣтъ: вы видите, мои мысли колеблются“.

— Зачѣмъ же вамъ нуженъ чужой совѣтъ, когда вы сами знаете, что надобно дѣлать, если мысли колеблются.

— Ждать, пока онъ перестанутъ колебаться?

— Какъ вы сами знаете.

— Я отложу свадьбу.

— Почему жъ не отложить, когда вы находите это лучшимъ.

— Но какъ онъ приметъ это?

— Когда вы увидите, какъ онъ приметъ это, тогда опять подумайте, что будетъ лучше.

— Но мнѣ тяжело сказать ему это.

— Если такъ, поручите вашему батюшкѣ, чтобъ онъ сказалъ ему это.

— Я не хочу прятаться за другого. Я скажу сама.

— Если чувствуете силу сказать сама, то это, конечно, гораздо лучше.

Разумѣется, съ другими, напримѣръ, съ Вѣрою Павловною, не годилось вести дѣло такъ медленно. Но каждый темпераментъ имѣетъ свои особыя требованія: если горячій человѣкъ раздражается медленною систематичностью, то тихій человѣкъ возмущается крутою рѣзкостью.

Успѣхъ объясненія Катерины Васильевны съ женихомъ превзошелъ надежды Кирсанова, который думалъ, что Соловцовъ съумѣетъ соблудити расчетъ, протянетъ дѣло покорностью и кроткими мольбами. Нѣтъ, при всей своей выдержанности, Соловцовъ не сдержалъ себя, увидѣвъ, что огромное богатство ускользаетъ изъ его рукъ, и самъ упустилъ слабые шансы, остававшіеся ему. Онъ разсыпался рѣзкими жалобами на Полозова, котораго называлъ интригующимъ противъ него; говорилъ Катеринѣ Васильевнѣ, что она даетъ отцу слишкомъ много власти надъ собою, боится его, дѣйствуетъ теперь по его приказанію. А Полозовъ еще и не зналъ о рѣшеніи дочери отложить свадьбу; дочь

постоянно чувствовала, что онъ оставляетъ ей полную свободу. Упреки отцу и огорчили ее своею несправедливостью, и оскорбили тѣмъ, что въ нихъ выказывался взглядъ Соловцова на нее, какъ на существо, лишенное воли и характера. „Вы, кажется, считаете меня игрушкою въ рукахъ другихъ?“ — „Да“, сказалъ онъ въ раздраженіи. — „Я готовилась умереть, не думая объ отцѣ, и вы не понимаете этого! Съ этой минуты все кончено между нами“, сказала она и быстро ушла изъ комнаты.

VIII.

Послѣ этой исторіи Катерина Васильевна долго была грустна; но грусть ея, развившаяся по этому случаю, относилась уже не къ этому частному случаю. Есть такіе характеры, для которыхъ частный фактъ самъ по себѣ мало интересенъ, служить только возбужденіемъ къ общимъ мыслямъ, которыя дѣйствуютъ на нихъ гораздо сильнѣе. Если у такихъ людей умъ замѣчательно силенъ, они становятся преобразователями общихъ идей, а въ старину дѣлались великими философами: Кантъ, Фихте, Гегель не разработали никакого частнаго вопроса, имъ было это скучно. Это, конечно, только о мужчинахъ; у женщинъ вѣдь и не бываетъ сильного ума, по нынѣшнему, — имъ, видите ли, природа отказала въ этомъ, какъ отказала кузнецамъ въ нѣжномъ цвѣтѣ лица, портнымъ — въ стройности стана, сапожникамъ — въ тонкомъ обоняніи, — это все природа. Потому и между женщинами не бываетъ людей великаго ума. Люди очень слабаго ума съ такимъ направленіемъ характера бываютъ флегматичны до безчувственности. Люди обыкновеннаго ума бываютъ расположены къ задумчивости, къ тихой жизни, и вообще наклонны мечтать. Это еще не значить, что они фантазеры: у многихъ воображеніе слабо, и они люди очень положительные, они просто любятъ тихую задумчивость.

Катерина Васильевна влюбилась въ Соловцова за его письма; она умерла отъ любви, основывавшейся только на ея мечтахъ. Ужъ изъ этого видно, что она была тогда настроена очень романически. А шумная жизнь пошлаго общества, наполнявшаго домъ Полозовыхъ, вовсе не располагала къ экзальтированной идеальности. Значить, эта черта происходила изъ собственной ея натуры. Ее давно тяготилъ шумъ; она любила читать и мечтать. Теперь ее стало тяготить и самое богатство, не только шумъ его. Не нужно считать ее за это чувство необыкновенною натурою: оно знакомо всѣмъ богатымъ женщинамъ скромнаго и тихаго характера. Въ ней оно только развилось раньше обыкновеннаго, потому что рано получила она сильный урокъ.

„Кому я могу вѣрить? чему я могу вѣрить?“ спрашивала она себя послѣ исторіи съ Соловцовымъ, и видѣла: никому, ничему. Богатство ея отца притягивало изъ всего города жадность къ деньгамъ, хитрость, обманъ. Она была окружена корыстолюбцами, лжецами, льстецами; каждое слово, которое говорилось ей, было разсчитано по милліонамъ ея отца.

Ея мысли становились все серьезнѣе. Ее стали занимать общіе вопросы о богатствѣ, которое такъ мѣшало ей, о бѣдности, которая такъ мучитъ другихъ. Отецъ давалъ ей довольно много денегъ на булавки, она, какъ и всякая добрая женщина, помогала бѣднымъ. Но она читала и думала, и стала

замѣчать, что такая помощь, которую оказываетъ она, приносить гораздо меньше пользы, чѣмъ слѣдовало бы. Она стала видѣть, что слишкомъ много ее обманываютъ притворные или дрянные бѣдняки; что и людямъ, достойнымъ помощи, умѣющимъ пользоваться данными деньгами, эти деньги почти никогда не приносятъ прочной пользы: на время выведутъ ихъ изъ бѣды, а черезъ полгода, черезъ годъ эти люди опять въ такой же бѣдѣ. Она стала думать: зачѣмъ это богатство, которое такъ портитъ людей? и отчего эта неотступность бѣдности отъ бѣдныхъ? и отчего видитъ она такъ много бѣдныхъ, которые такъ же безразсудны и дурны, какъ богатые?

Она была мечтательница, но мечты ея были тихи, какъ ея характеръ, и въ нихъ было такъ же мало блеска, какъ въ ней самой. Ея любимымъ по-этомъ былъ Жоржъ-Зандъ; но она не воображала себя ни Телією, ни Индіаною, ни Кавальканти, ни даже Консуэло, она въ своихъ мечтахъ была Жанною, но чаще всего Женевьевою. Женевьева была ея любимая героиня. Вотъ она ходитъ по полю и собираетъ цвѣты, которые будутъ служить образцами для ея работы, вотъ она встрѣчаетъ Андре, — такія тихія свиданія! вотъ они замѣчаютъ, что любятъ другъ друга; это были ея мечты, о которыхъ она сама знала, что онѣ только мечты. Но она любила мечтать о томъ, какъ завидна судьба миссъ Найтингель, этой тихой, скромной дѣвушки, о которой никто не знаетъ ничего, о которой нечего знать, кромѣ того, за что она любимица всей Англіи: молода ли она? богата ли она, или бѣдна? счастлива ли она сама, или несчастна? объ этомъ никто не говоритъ, объ этомъ никто не думаетъ, всѣ только благословляютъ дѣвушку, которая была ангеломъ-утѣшителемъ въ англійскихъ госпиталахъ Крыма и Скутари, и по окончаніи войны, вернувшись на родину съ сотнями спасенныхъ ею, продолжаетъ заботиться о больныхъ... Это были мечты, исполненія которыхъ желала бы Катерина Васильевна. Дальше мыслей о Женевьевѣ и миссъ Найтингель не уносила ее фантазія. Можно ли сказать, что у ней была фантазія? и можно ли назвать ее мечтательницею?

Женевьева въ шумномъ, пошломъ обществѣ проидохъ и плохихъ фатовъ, миссъ Найтингель въ праздной роскоши, могла ли она не скучать и не грустить? Потому Катерина Васильевна была едва ли не больше обрадована, чѣмъ огорчена, когда отецъ ея разорился. Ей было жалко видѣть его, ставшаго старикомъ изъ крѣпкаго, еще не стараго человѣка; было жалко и того, что средства ея помогать другимъ слишкомъ уменьшились; было на первый разъ обидно увидѣть пренебреженіе толпы, извивавшейся и изгибавшейся передъ ея отцомъ и ею. Но было и отрадно, что пошлая, скучная, гадкая толпа покинула ихъ, перестала стѣснять ея жизнь, возмущать ее своею фальшивостью и низостью; ей стало такъ свободно теперь. Явилась и надежда на счастье: „теперь, если въ комъ я найду привязанность, то будетъ привязанность ко мнѣ, а не къ милліонамъ моего отца“.

IX.

Полозову хотѣлось устроить продажу стеариноваго завода, въ которомъ онъ имѣлъ пай и которымъ управлялъ. Черезъ полгода или больше усердныхъ

поисковъ онъ нашелъ покупщика. На визитныхъ карточкахъ покупщика было написано Charles Beaumont, но произносилось это не Шарль Бомонъ, какъ прочли бы незнающіе, а Чарльзъ Бьюмонтъ; и естественно, что произносилось такъ: покупщикъ былъ агентъ лондонской фирмы Ходчсона, Лотера и К^о, по закупкѣ сала и стеарина. Заводъ не могъ идти при жалкомъ финансовомъ и административномъ состояніи своего акціонернаго общества; но въ рукахъ сильной фирмы онъ долженъ былъ дать большія выгоды: затративъ на него 500—600 тысячъ, она могла рассчитывать на 100.000 руб. дохода. Агентъ былъ человекъ добросовѣстный: внимательно осматрѣлъ заводъ, подробно разобравъ его книги, прежде чѣмъ посоветовалъ фирмѣ покупку; потомъ начались переговоры съ обществомъ о продажѣ завода, и тянулись очень долго, по натурѣ нашихъ акціонерныхъ обществъ, съ которыми соскучились бы даже терпѣливые греки, не скупавшіе десять лѣтъ осаждать Трою. А Полозовъ все это время ухаживалъ за агентомъ, по старинной привычкѣ обращенія съ нужными людьми, и все приглашалъ его къ себѣ обѣдать. Агентъ сторонился отъ ухаживаній и долго отказывался отъ обѣдовъ; но однажды, слишкомъ долго засидѣвшись въ переговорахъ съ правленіемъ общества, уставши и проголодавшись, согласился пойти обѣдать къ Полозову, жившему на той же лѣстницѣ.

Х.

Чарльзъ Бьюмонтъ, какъ и слѣдуетъ всякому Чарльзу, Джону, Джемсу, Вильяму, не былъ охотникъ пускаться въ интимности и личныя изліянія; но когда его спрашивали, рассказывалъ свою исторію немногословно, но очень отчетливо. Семейство его, говорилъ онъ, было родомъ изъ Канады; точно, въ Канадѣ чуть ли не половину населенія составляютъ потомки французскихъ колонистовъ; его семейство изъ нихъ-то и было, потому-то и фамилія у него была французскаго фасона, да и лицомъ онъ походилъ все-таки скорѣе на француза, чѣмъ на англичанина или янки. Но, продолжалъ онъ, его дѣдъ перѣѣхалъ изъ окрестностей Квебека въ Нью-Йоркъ; и это бываетъ. Во время этого переселенія его отецъ былъ еще ребенкомъ. Потомъ, разумѣется, выросъ и сталъ взрослымъ мужчиною; а въ это время какому-то богачу и прогрессисту въ сельскомъ хозяйствѣ вздумалось устроить у себя на южномъ берегу Крыма, вмѣсто виноградниковъ, хлопчато-бумажныя плантаціи онъ и поручилъ кому-то достать ему управляющаго изъ Сѣверной Америки; ему и достали Джемса Бьюмонта, канадскаго уроженца, нью-йорскаго жителя, то-есть, на столько верстъ не видывавшаго хлопчато-бумажныхъ плантацій, на сколько мы съ вами, читатель, не видывали изъ своего Петербурга или Курска гору Ара-ратъ; это ужъ всегда такъ бываетъ съ подобными прогрессистами. Правда, дѣло нисколько не испортилось отъ совершеннаго незнакомства американскаго управляющаго съ хлопчато-бумажныхъ плантаторствомъ, потому что разводить хлопчато-бумажникъ въ Крыму то же самое, что въ Петербургѣ виноградъ. Но когда оказалось это, американскій управляющій былъ отпущенъ съ хлопчато-бумажнаго вѣдомства и попалъ винокуромъ на заводъ въ Тамбовской губерніи, дожилъ тутъ почти весь свой вѣкъ, тутъ прижилъ сына Чарльза, а

вскорѣ послѣ того похоронилъ жену. Годамъ къ 65-ти, накопивши нѣсколько денегъ на дряхлые годы, онъ вздумалъ вернуться въ Америку, и вернулся. Чарльзу было тогда лѣтъ 20. Когда отецъ умеръ, Чарльзъ захотѣлъ возвратиться въ Россію, потому что, родившись и проживъ до 20 лѣтъ въ деревнѣ Тамбовской губерніи, чувствовалъ себя русскимъ. Онъ съ отцомъ жилъ въ Нью-Йоркѣ и служилъ клеркомъ въ одной купеческой конторѣ. Когда отецъ умеръ, онъ перешелъ въ нью-йоркскую контору лондонской фирмы Ходгсона, Лотера и К^о, зная, что она имѣетъ дѣла съ Петербургомъ, и когда успѣлъ хорошо зарекомендовать себя, то и выразилъ желаніе получить мѣсто въ Россіи, объяснивши, что онъ Россію знаетъ, какъ свою родину. Имѣть такого служащаго въ Россіи, разумѣется, было выгодно для фирмы, его перевели въ лондонскую контору на испытаніе, и вотъ, съ полгода времени до обѣда у Полозова, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ агентомъ фирмы по сальной и стеариновой части, съ жалованьемъ въ 500 фунтовъ. Совершенно сообразно этой исторіи, Бьюмонтъ, родившійся и до 20-ти лѣтъ жившій въ Тамбовской губерніи, съ однимъ только американцемъ или англичаниномъ на 20 или 50 или и 100 верстъ кругомъ, съ своимъ отцомъ, который цѣлый день былъ на заводѣ, сообразно этой исторіи, Чарльзъ Бьюмонтъ говорилъ по-русски, какъ чистый русскій, а по-англійски — бойко, хорошо, но все-таки не совершенно чисто, какъ слѣдуетъ человѣку, уже только въ зрѣлые годы прожившему нѣсколько лѣтъ въ странѣ англійскаго языка.

XI.

Бьюмонтъ увидѣлъ себя за обѣдомъ только втроемъ со старикомъ и очень милою, нѣсколько задумчивою блондинкою, его дочерью.

— Думалъ ли я когда-нибудь, — сказала за обѣдомъ Полозовъ: — что эти акціи завода будутъ имѣть для меня важность! Тяжело на старости лѣтъ подвергаться такому удару. Еще хорошо, что Катя такъ равнодушно перенесла, что я погубилъ ея состояніе, оно и при моей-то жизни было больше ея, чѣмъ мое: у ея матери былъ капиталъ, у меня мало; конечно, я изъ каждаго рубля сдѣлалъ было двадцать, значить, оно съ другой стороны было больше отъ моего труда, чѣмъ по наслѣдству; и много же я трудился! и умѣнье какое нужно было! — старикъ долго разсуждалъ въ этомъ самопохвальному тонѣ, — потомъ и кровью, а главное, умомъ было нажито, заключилъ онъ, и повторилъ въ заключеніи предисловіе, что такой ударъ тяжело перенести, и что еслибъ еще да Катя этимъ убивалась, то онъ бы, кажется, съ ума сошелъ, но что Катя не только сама не жалѣетъ, а еще и его старика поддержи-ваетъ.

По американской привычкѣ, не видѣть ничего необыкновеннаго ни въ быстромъ обогащеніи, ни въ разореніи, или по своему личному характеру, Бьюмонтъ не имѣлъ охоты ни восхититься величіемъ ума, нажившаго было три, четыре милліона, ни скорбѣть о такомъ разореніи, послѣ котораго еще остались средства держать порядочнаго повара; а между тѣмъ, надобно же было что-нибудь замѣтить въ знакъ сочувствія чему-нибудь изъ длинной рѣчи;

потому онъ сказалъ: — „да, это большое облегченіе, когда семейство дружно переноситъ непріятности“.

— Да вы какъ будто сомнительно говорите, Карлъ Яковличъ. Вы думаете, что Катя задумчива, такъ это оттого, что она жалѣетъ о богатствѣ? Нѣтъ, Карлъ Яковличъ, нѣтъ, вы ее напрасно обижаете. У насъ съ ней другое горе: мы съ ней извѣрились въ людей, — сказалъ Полозовъ полу-шутливымъ, полу-серьезнымъ тономъ, какимъ говорятъ о добрыхъ, но неопытныхъ мысляхъ дѣтей опытные старики.

Катерина Васильевна покраснѣла. Ей было непріятно, что отецъ завелъ разговоръ о ея чувствахъ. Но кромѣ отцовской любви, было и другое, извѣстное обстоятельство, по которому отецъ не былъ виноватъ: если не о чемъ говорить, но есть въ комнатѣ кошка или собака, заводится разговоръ о ней; если ни кошки, ни собаки нѣтъ, то о дѣтихъ. Погода ужъ только третья, крайняя степень безрессурности.

— Нѣтъ, папа, вы напрасно объясняете мою задумчивость такимъ высокимъ мотивомъ: вы знаете, у меня просто невеселый характеръ, и я скучаю.

— Быть невеселымъ, это какъ кому угодно, — сказалъ Бьюмонтъ: — но скучать, по моему мнѣнію, неизвинительно. Скука въ модѣ у нашихъ братьевъ, англичанъ; но мы, американцы, не знаемъ ея. Намъ некогда скучать: у насъ слишкомъ много дѣла. Я считаю, мнѣ кажется (поправилъ онъ свой американизмъ), что и русскій народъ долженъ бы видѣть себя въ такомъ положеніи: по-моему, у него тоже слишкомъ много дѣла на рукахъ. Но дѣйствительно, я вижу въ русскихъ совершенно противное: они очень расположены хандрить. Сами англичане далеко не выдерживаютъ сравненія съ ними въ этомъ. Англійское общество, ославленное на всю Европу, и въ томъ числѣ на всю Россію, скучнѣйшимъ въ мірѣ, на столько же разговорчивѣе, живѣе, веселѣе русскаго, насколько уступаетъ въ этомъ французскому. И ваши путешественники говорятъ вамъ о скукѣ англійскаго общества! Я не понимаю, гдѣ жъ у этихъ людей глаза на свое домашнее!

— И русскіе правы, что хандрятъ, — сказала Катерина Васильевна: — какое жъ у нихъ дѣло? имъ нечего дѣлать; они должны сидѣть сложа руки. Укажите мнѣ дѣло, и я вѣроятно не буду скучать.

— Вы хотите найти себѣ дѣло? О, за этимъ не должно быть остановки; вы видите вокругъ себя такое невѣжество, извините, что я такъ отзываюсь о вашей странѣ, о вашей родинѣ, — поправилъ онъ свой англицизмъ: — но я самъ въ ней родился и выросъ, считаю ее своею, потому не церемонюсь, — вы видите въ ней турецкое невѣжество, японскую безпомощность. Я ненавижу вашу родину, потому что люблю ее, какъ свою, скажу я вамъ, подражая вашему поэту. Но въ ней много дѣла.

— Да; но одинъ, а еще болѣе, одна что можетъ сдѣлать?

— Но вѣдь ты же дѣлаешь, Катя, — сказалъ Полозовъ: — я вамъ выдамъ ея секретъ, Карлъ Яковличъ. Она отъ скуки учитъ дѣвочекъ. У нея каждый день бываютъ ея ученицы, и она возится съ ними отъ 10 часовъ до часу, иногда больше.

Бьюмонтъ посмотрѣлъ на Катерину Васильевну съ уваженіемъ: — вотъ это по-нашему, по-американски, — конечно, подъ американцами я понимаю только

сѣверные, свободные штаты; южные хуже всякой Мехики, почти такъ же гадки, какъ Бразилія (Бьюмонтъ былъ яростный аболіціонистъ),—это по-нашему; но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же скучать?

— Развѣ это серьезное дѣло, м-г Бьюмонтъ? это не болѣе, какъ развлеченіе, такъ я думаю; можетъ быть, я ошибаюсь; можетъ быть, вы назовете меня матеріалисткою...

— Вы ждете такого упрека отъ человѣка изъ націи, про которую всѣ утверждаютъ, что единственная цѣль и мысль ея—доллары?

— Вы шутите, но я серьезно боюсь, опасаясь высказать вамъ мое мнѣніе,—оно можетъ казаться сходно съ тѣмъ, что проповѣдуютъ обскуранты о безпольности просвѣщенія.

„Вотъ какъ?“ подумалъ Бьюмонтъ: „неужели она дошла до этого? это становится интересно“.—Я самъ обскурантъ,—сказалъ онъ:—я за безграмотныхъ черныхъ противъ цивилизованныхъ владѣльцевъ ихъ, въ южныхъ штатахъ,—извините, я отвлекся моей американской ненавистью. Но мнѣ очень любопытно услышать ваше мнѣніе.

— Оно очень прозаично, м-г Бьюмонтъ, но меня привела къ нему жизнь. Мнѣ кажется, дѣло, которымъ я занимаюсь, слишкомъ одностороннее дѣло, и та сторона, на которую обращено оно, не первая сторона, на которую должны быть обращены заботы людей, желающихъ принести пользу народу. Я думаю такъ: дайте людямъ хлѣбъ, читать они выучатся и сами. Начинать надобно съ хлѣба, иначе мы попусту истратимъ время.

— Почему жъ вы не начинаете съ того, съ чего надобно начинать?—сказалъ Бьюмонтъ уже съ нѣкоторымъ одушевленіемъ. — Это можно, я знаю примѣры, у насъ въ Америкѣ,—прибавилъ онъ.

— Я вамъ сказала: одна чтò я могу начать? Я не знаю, какъ приняться; и еслибъ знала, гдѣ у меня возможность? Дѣвушка такъ связана во всемъ. Я независима у себя въ комнатѣ. Но что я могу сдѣлать у себя въ комнатѣ? Положить на столъ книжку и учить читать. Куда я могу идти одна? Съ кѣмъ я могу видѣться одна? какое дѣло я могу дѣлать одна?

— Ты, кажется, выступаешь меня деспотомъ, Катя?—сказалъ отецъ:—ужь въ этомъ-то я не повиненъ, съ тѣхъ поръ, какъ ты меня такъ проучила.

— Папа, вѣдь я краснѣю отъ этого, я тогда была ребенокъ. Нѣтъ, папа, вы хороши, вы не стѣсняете. Стѣсняетъ общество. Правда, м-г Бьюмонтъ, что дѣвушка въ Америкѣ не такъ связана?

— Да, мы можемъ этимъ гордиться; конечно, и у насъ далеко не то, чему слѣдуетъ быть; но все-таки, какое сравненіе съ вами, европейцами. Все, что разсказываютъ вамъ о свободѣ женщины у насъ, правда.

— Папа, поѣдемъ въ Америку, когда м-г Бьюмонтъ купитъ у тебя заводъ,—сказала шутя Катерина Васильевна—я тамъ буду что-нибудь дѣлать. Ахъ, какъ бы я была рада!

— Можно найти дѣло и въ Петербургѣ,—сказалъ Бьюмонтъ.

— Укажите.

Бьюмонтъ двѣ, три секунды колебался.—„Но зачѣмъ же я и пріѣхалъ сюда? И черезъ кого же лучше узнать?“ подумалъ онъ. Вы не слышали?—

есть опытъ примѣненія къ дѣлу тѣхъ принциповъ, которые выработаны въ послѣднее время экономическою наукою: вы знаете ихъ?

— Да, я читала; это, должно быть, очень интересно и полезно. И я могу принять въ этомъ участіе? гдѣ жъ это найти?

— Это основано г-жею Кирсановою.

— Кто она? Ея мужъ медикъ?

— Вы его знаете? И онъ не сказалъ вамъ объ этомъ дѣлѣ?

— Это было давно, онъ тогда еще не былъ женатъ; я была очень больна, — онъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ и спасъ меня. Ахъ, какой это человѣкъ! Похожа на него она?

Но какъ же познакомиться съ Кирсановою? Бьюмонтъ рекомендуетъ Катерину Васильевну Кирсанову? — нѣтъ, Кирсановы даже не слышали его фамилии; но никакой рекомендаціи не надобно: Кирсанова, навѣрное, будетъ рада встрѣтить такое сочувствіе. Адресъ надобно узнать тамъ, гдѣ служитъ Кирсановъ.

XII.

Вотъ какимъ образомъ произошло то, что Полозова познакомилась съ Вѣрой Павловною; она отправилась къ ней на другой же день поутру; и Бьюмонтъ былъ такъ заинтересованъ, что вечеромъ пріѣхалъ узнать, какъ понравилось Катеринѣ Васильевнѣ новое знакомство и новое дѣло.

Катерина Васильевна была очень одушевлена. Грусти—никакихъ слѣдовъ; задумчивость замѣнилась восторгомъ. Она съ энтузіазмомъ рассказывала Бьюмонту, — а вѣдь ужъ рассказывала отцу, но отъ одного раза не унялась, — о томъ, что видѣла по утру, и не было конца ея разсказу; да, теперь ея сердце было полно: живое дѣло найдено! Бьюмонтъ слушалъ внимательно; но развѣ можно слушать такъ? и она чуть не съ гнѣвомъ сказала: „m-г Бьюмонтъ, я разочаровываюсь въ васъ: неужели это такъ мало дѣйствуетъ на васъ, что вамъ только интересно,—не больше?“

— Катерина Васильевна, вы забываете, что я все это видѣлъ у насъ, въ Америкѣ; для меня занимательны нѣкоторыя подробности; но само дѣло слишкомъ знакомо мнѣ. Интересъ новизны тутъ могутъ имѣть для меня только личности, которымъ обязано своимъ успѣхомъ это дѣло, новое у васъ. Напримѣръ, что вы можете разсказать мнѣ о m-me Кирсановой?

— Ахъ, Боже мой: разумѣется, она мнѣ чрезвычайно понравилась; она съ такою любовью объясняла мнѣ все.

— Это вы ужъ говорили.

— Чего жъ вамъ больше? Что я могу сказать вамъ больше? Неужели жъ мнѣ было до того, чтобы думать о ней, когда у меня передъ глазами было такое дѣло?

— Такъ,—сказалъ Бьюмонтъ:—я понимаю, что совершенно забываешь о лицахъ, когда заинтересованъ дѣломъ; однако, что жъ вы можете сказать мнѣ еще о m-me Кирсановой?

Катерина Васильевна стала собирать всѣ свои воспоминанія о Вѣрѣ Павловнѣ, но въ нихъ только и нашлось первое впечатлѣніе, которое сдѣлала

на нее Вѣра Павловна; она очень живо описала ея наружность, манеру говорить, все, что бросается въ глаза въ минуту встрѣчи съ новымъ человекомъ; но дальше, дальше у нея въ воспоминаніяхъ уже дѣйствительно не было почти ничего, относящагося къ Вѣрѣ Павловнѣ: мастерская, мастерская, мастерская,—и объясненія Вѣры Павловны о мастерской; эти объясненія она всѣ понимала, но самой Вѣры Павловны во все слѣдующее время, послѣ первыхъ словъ встрѣчи, она ужъ не понимала.

— Итакъ, на этотъ разъ я обманулся въ ожиданіи много узнать отъ васъ о т-те Кирсановой; но я не отстану отъ васъ: черезъ нѣсколько дней я опять стану разспрашивать васъ о ней.

— Но почему жъ вамъ самому не познакомиться съ нею, если она такъ интересуется васъ?

— Мнѣ хочется сдѣлать это; можетъ быть, я и сдѣлаю когда-нибудь. Но прежде я долженъ узнать о ней больше. Бьюмонтъ остановился на минуту.—Я думалъ, лучше ли просить васъ, или не просить, кажется, лучше попросить: когда вамъ случится упоминать мою фамилію въ разговорахъ съ ними, не говорите, что я разспрашивалъ васъ о ней, или хочу когда-нибудь познакомиться съ ними.

— Но это начинаетъ походить на загадку, т-г Бьюмонтъ,—серьезнымъ тономъ сказала Катерина Васильевна.—Вы хотите черезъ меня разузнавать о нихъ, а самъ хотите скрываться.

— Да, Катерина Васильевна; какъ вамъ объяснить это?—я опасаясь знакомиться съ ними.

— Все это странно, т-г Бьюмонтъ.

— Правда. Скажу прямѣе: я опасаясь, что имъ будетъ это непріятно. Они не слышали моей фамиліи. Но у меня могли быть какія-нибудь столкновенья съ кѣмъ-нибудь изъ людей, близкихъ къ нимъ, или съ ними. Это все равно. Словомъ, я долженъ удостовѣриться, пріятно ли было бы имъ познакомиться со мною.

— Все это странно, т-г Бьюмонтъ.

— Я честный человекъ, Катерина Васильевна; смѣю васъ увѣрить, что я никогда не захотѣлъ бы компрометировать васъ; мы съ вами видимся только во второй разъ, но я ужъ очень уважаю васъ.

— Я также вижу, т-г Бьюмонтъ, что вы порядочный человекъ; но...

— Если вы считаете меня порядочнымъ человекомъ, вы позволите мнѣ бывать у васъ, чтобы тогда, когда вы достаточно увѣритесь во мнѣ, я могъ опять спросить васъ о Кирсановыхъ. Или, лучше, вы сами заговорите о нихъ, когда вамъ покажется, что вы можете исполнить эту мою просьбу, которую я сдѣлаю теперь, и не буду возобновлять. Вы позволяете?

— Извольте, т-г Бьюмонтъ,—сказала Катерина Васильевна, слегка пожавъ плечами.—Но согласитесь, что...

Она опять не хотѣла договорить.

— Что я теперь долженъ внушать вамъ нѣкоторое недовѣріе? Правда. Но я буду ждать, пока оно пройдетъ.

XIII.

Бьюмонтъ сталъ очень часто бывать у Полозовыхъ. „Почему жь?—думалъ старикъ: подходящая партія. Конечно, Катя прежде могла бы имѣть не такого жениха. Но вѣдь она и тогда была не интересантка и не честолюбива. А теперь лучше и желать нельзя“.

Дѣйствительно, Бьюмонтъ былъ подходящая партія. Онъ говорилъ, что думаетъ навсегда остаться въ Россіи, потому что считаетъ ее своею родиною. Онъ человѣкъ основательный: въ 30 лѣтъ, вышедши изъ ничего, имѣетъ хорошее мѣсто. Еслибъ онъ былъ русскій, Полозову было бы пріятно, чтобъ онъ былъ дворянинъ, но къ иностранцамъ это не прилагается, особенно къ французамъ; а къ американцамъ еще меньше: у нихъ въ Америкѣ человѣкъ—нынѣ работникъ у сапожника, или пахарь, завтра генераль, послѣзавтра президентъ, а тамъ опять конторщикъ или адвокатъ. Это совсѣмъ особый народъ; у нихъ спрашиваютъ о человѣкѣ только по деньгамъ и по уму. „Это и правильнѣе, продолжалъ думать Полозовъ:—я самъ такой человѣкъ. Занялся торговлею, женился на купчихѣ. Деньги главное; и умъ, потому что безъ ума не наживешь денегъ. А онъ можетъ нажить: сталъ на такую дорогу. Купитъ заводъ, станетъ управляющимъ; потомъ фирма возьметъ его въ долю. А у нихъ фирмы не такія, какъ у насъ. Тоже и онъ будетъ ворочать милліонами“...

Очень возможно, что не суждено сбыться мечтамъ Полозова о томъ, что его зять будетъ милліонеромъ по коммерческой части, какъ не суждено было сбыться мечтамъ Марьи Алексѣвны о томъ, что ея первый зять пойдетъ по откупной части. Но все-таки Бьюмонтъ былъ хорошая партія для Катерины Васильевны.

Однакожъ, не ошибался ли Полозовъ, предусматривая себѣ зятя въ Бьюмонтѣ? Если у старика было еще какое-нибудь сомнѣніе въ этомъ, оно исчезло, когда Бьюмонтъ, недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ началъ бывать у нихъ, сказалъ ему, что, можетъ быть, покупка завода задержится на нѣсколько дней; впрочемъ, едва ли отъ этого будетъ задержка: вѣроятно, они и не дожидаясь мистера Лотера не составили бы окончательныхъ условій раньше недѣли, а мистеръ Лотеръ будетъ въ Петербургѣ черезъ четыре дня. „Прежде, когда я не былъ въ личномъ знакомствѣ съ вами, сказалъ Бьюмонтъ, я хотѣлъ кончить дѣло самъ. Теперь это неловко, потому что мы такъ хорошо знакомы. Чтобы не могло возникнуть потомъ никакихъ недоразумѣній, я писалъ объ этомъ фирмѣ, то-есть, о томъ, что я во время торговыхъ переговоровъ познакомился съ управляющимъ, у котораго почти весь капиталъ въ акціяхъ завода, я требовалъ, чтобы фирма прислала кого-нибудь заключить вмѣсто меня это дѣло, и вотъ, какъ видите, пріѣдетъ мистеръ Лотеръ“.

Осторожно и умно. А съ тѣмъ вмѣстѣ ясно показываетъ въ Бьюмонтѣ намѣреніе жениться на Катѣ: простое знакомство не было бы достаточною причиною принимать такую предосторожность.

XIV.

Два, три слѣдующія посѣщенія Бьюмонта начинались довольно холоднымъ пріемомъ со стороны Катерины Васильевны. Она стала, дѣйствительно, нѣсколько недовѣрять этому мало знакомому человѣку, высказавшему загадочное желаніе разузнавать о семействѣ, съ которымъ, по словамъ, онъ не былъ знакомъ, и однакоже опасался познакомиться, по какой-то неувѣренности, что знакомство съ нимъ будетъ пріятно этому семейству. Но и въ эти первыя посѣщенія, если Катерина Васильевна недовѣрчиво встрѣчала его, то скоро вовлеклась въ живой разговоръ съ нимъ. Въ прежней ея жизни, до знакомства съ нимъ и съ Кирсановымъ, ей не встрѣчались такіе люди. Онъ такъ сочувствовалъ всему, что ее интересовало, онъ такъ хорошо понималъ ее; даже съ любимыми подругами, впрочемъ, у ней собственно и была только одна подруга. Полина, которая ужь давно переселилась въ Москву, вышедши замужъ за московскаго фабриканта, даже съ Полиною она не говорила такъ легко, какъ съ нимъ.

И онъ, — онъ сначала пріѣзжалъ, очевидно, не для нея, а для того, чтобы узнать черезъ нее о Кирсановой; но съ самаго же начала знакомства, съ той минуты, какъ заговорили они о скукѣ и о средствахъ избѣгать скуки, видно было, что онъ уважаетъ ее, симпатизируетъ ей. При второмъ свиданіи онъ былъ очень привлеченъ къ ней ея восторгомъ оттого, что она нашла себя дѣло. Теперь, съ каждымъ новымъ свиданіемъ, его расположеніе къ ней было все виднѣе для нея. Очень скоро между ними установилась самая простая и теплая пріязнь, и черезъ недѣлю Катерина Васильевна уже рассказывала ему о Кирсановыхъ: она была увѣрена, что у этого человѣка не можетъ быть никакой неблагородной мысли.

Правда и то, что когда она заговорила о Кирсановыхъ, онъ остановилъ ее: „зачѣмъ такъ скоро? Вы слишкомъ мало меня знаете“. „Нѣтъ, достаточно, m-г Бьюмонтъ; я вижу, что если вы не хотѣли объяснить мнѣ того, что мнѣ казалось странно въ вашемъ желаніи, то, вѣроятно, вы не имѣли права говорить, мало ли бываетъ тайнъ“. А онъ сказалъ: „у меня, вы видите, ужь нѣтъ прежняго нетерпѣнія знать то, что мнѣ хочется знать о нихъ“.

XV.

Одушевленіе Катерины Васильевны продолжалось, не ослабѣвая, а только переходя въ постоянное, ужь обычное настроеніе духа, бодрое и живое, свѣтлое. И, сколько ей казалось, именно это одушевленіе всего больше привлекало къ ней Бьюмонта. А онъ ужь очень много думалъ о ней, — это было слишкомъ видно. Послушавъ два, три раза ея рассказы о Кирсановыхъ, онъ въ четвертый разъ уже сказалъ: „Я теперь знаю все, что мнѣ было нужно знать. Благодарю васъ“. „Да что-жь вы знаете? я вамъ только еще и говорила, что они очень любятъ другъ друга и совершенно счастливы своими отноше-

ніями“. „Больше мнѣ и не нужно было ничего знать. Впрочемъ, это я всегда зналъ самъ“. И разговоръ перешелъ къ чему-то другому.

Конечно, первая мысль Катерины Васильевны была тогда, при первомъ его вопросѣ о Кирсановой, что онъ влюбленъ въ Вѣру Павловну. Но теперь было слишкомъ видно, что этого вовсе нѣтъ. Сколько теперь знала его Катерина Васильевна, она даже думала, что Бьюмонтъ и неспособенъ быть влюбленнымъ. Любить онъ можетъ, это такъ. Но если теперь онъ любитъ кого-нибудь, то „меня“, думала Катерина Васильевна.

XVI.

А впрочемъ, любили ль они другъ друга? Начать хотя съ нея. Былъ одинъ случай, въ которомъ выказалась съ ея стороны заботливость о Бьюмонтѣ, но какъ же и кончился этотъ случай! вовсе не такъ, какъ слѣдовало бы ожидать по началу. Бьюмонтъ заѣзжалъ къ Полозовымъ рѣшительно каждый день, иногда надолго, иногда ненадолго, но все-таки каждый день; на этомъ-то и была основана увѣренность Полозова, что онъ хочетъ сватать Катерину Васильевну; другихъ основаній для такой надежды не было. По вотъ, однажды, прошелъ вечеръ, Бьюмонта нѣтъ. „Вы не знаете, папа, что съ нимъ?“ — „Не слышалъ; вѣроятно, ничего, некогда было, только“. Прошелъ и этотъ вечеръ, Бьюмонтъ опять не пріѣзжалъ. На третье утро Катерина Васильевна собралась куда-то ѣхать. — „Куда ты, Катя?“ — „Такъ, папа, по своимъ дѣламъ“. Она поѣхала къ Бьюмонту. Онъ сидѣлъ въ пальто съ широкими рукавами и читалъ; поднялъ глаза отъ книги, когда отворилась дверь. — „Катерина Васильевна, это вы? очень радъ и благодаренъ вамъ“, — тѣмъ самымъ тономъ, какимъ бы встрѣтилъ ея отца; впрочемъ, нѣтъ, гораздо пріятливѣе. — „Что съ вами, m-г Бьюмонтъ, что вы такъ давно не были? Вы заставили меня тревожиться за васъ, и, кромѣ того, заставили соскучиться“. — „Ничего особеннаго, Катерина Васильевна, какъ видите, здоровъ. Да вы не выкушаете чаю? Видите, я пью“. — „Пожалуй; да чтожь вы столько дней не были?“ — „Петръ, дайте стаканъ. Вы видите, что здоровъ; слѣдовательно пустяки. Вотъ что: былъ на заводѣ съ мистеромъ Лотеромъ, да объясняя ему что-то, не остерегся, положилъ руку на винтъ, а онъ повернулся и оцарапалъ руку сквозь рукавъ. И нельзя было ни третьяго дня, ни вчера надѣть куртку“. — „Покажите, иначе я буду тревожиться, что это не царапина, а большое поврежденіе“. — „Да какое же большое (входитъ Петръ со стаканомъ для Катерины Васильевны), когда я владѣю обѣими руками. А впрочемъ, извольте (отодвигаетъ рукавъ до локтя). — „Петръ, выбросьте изъ этой пепельницы и дайте сигарочницу, она въ кабинетѣ на столѣ. Видите, пустяки: кромѣ англійскаго пластыря, ничего не понадобилось“. — „Да, но все-таки есть опухоль и краснота“. — „Вчера было гораздо больше, а къ завтраму ничего не будетъ“ (Петръ, высыпавъ пепелъ и подавъ сигарочницу, уходитъ). — „Не хотѣлъ являться передъ вами раненымъ герцемъ“. — „Да написали бы, какъ же можно“. — „Да вѣдь я тогда думалъ, что надѣну куртку на другой день, то-есть третьяго дня; а третьяго дня думалъ, что надѣну вчера, вчера — что нынѣ. Ду-

малъ, не стоитъ тревожить васъ“. — „Да, а больше встревожили. Это нехорошо, m-r Бьюмонтъ. А когда вы кончите дѣло съ этою покупкою?“ — „Да, вѣроятно, на-дняхъ, но все, знаете, проволочка не отъ насъ съ мистеромъ Лотеромъ, а отъ самого общества“. — „А что это вы читали?“ — „Новый романъ Теккерея. При такомъ талантѣ, и какъ исписался! оттого, что запасъ мыслей скуденъ“. — „Я ужъ читала; дѣйствительно“ и т. д., пожалѣли о паденіи Теккерея, поговорили съ полчаса о другихъ вещахъ въ томъ же родѣ. — „Однако, мнѣ пора къ Вѣрѣ Павловнѣ, да когда же вы съ ними познакомитесь? очень хорошіе люди“. — „А вотъ какъ-нибудь соберусь, попрошу васъ. Очень вамъ благодаренъ, что навѣстили меня. А это ваша лошадь?“ — „Да, это моя“. — „То-то вашъ батюшка никогда на ней не ѣздитъ. А порядочная лошадь“. — „Кажется; я не знаю въ нихъ толку“. — „Хорошая лошадь, сударь, рублей 350 стоитъ“, — сказала кучеръ. — „А сколько лѣтъ?“ — „Шесть лѣтъ, сударь“. — „Поѣдемъ. Захаръ; я усѣлась. До свиданья, m-r Бьюмонтъ. Нынѣ пріѣдете?“ — „Едва ли; нѣтъ; — завтра навѣрное“.

XVII.

Такъ ли дѣлаются, такія ли бываютъ посѣщенія влюбленныхъ дѣвушекъ? Не говоря ужъ о томъ, что ничего подобнаго никогда не позволить себѣ благовоспитанная дѣвушка, но если позволить, то ужъ, конечно, выйдетъ изъ этого совѣсть не то. Если противенъ нравственности поступокъ, сдѣланный Катериною Васильевною, то еще противнѣ всякимъ общепринатымъ понятіямъ объ отношеніяхъ между мужчинами и дѣвушками содержаніе, такъ сказать, этого безнравственнаго поступка. Не ясно ли, что Катерина Васильевна и Бьюмонтъ были не люди, а рыбы, или если люди, то съ рыбьею кровью? Совершенно соотвѣтствовало этому свиданью и то, какъ она вообще обращалась съ нимъ, видя его у себя. — „Устала говорить, m-r Бьюмонтъ, — говорила она, когда онъ долго засиживался: — оставайтесь съ папа, а я уйду къ себѣ“. — и уходила. Онъ иногда отвѣчалъ на это: — „Посидите еще съ четверть часа, Катерина Васильевна“. — „Пожалуй“, — отвѣчала она въ такихъ случаяхъ; а чаще, онъ отвѣчалъ: — „Такъ до свиданья, Катерина Васильевна“.

Что это за люди такіе? желалъ бы я знать, и желалъ бы я знать, не просто ли они хорошіе люди, которымъ никто не мѣшаетъ видѣться, когда и сколько имъ угодно, которымъ никто не мѣшаетъ повѣнчаться, какъ только имъ вздумается, и которымъ поэтому не изъ-за чего бѣсноваться. Но все-таки меня смущаетъ ихъ холодное обращеніе между собою, и не столько за нихъ я стыжусь, сколько за себя: неужели судьба моя, какъ романиста, состоитъ въ томъ, чтобы компрометировать передъ благовоспитанными людьми всѣхъ моихъ героинь и героевъ? Одни изъ нихъ ѣдятъ и пьютъ; другіе не бѣсятся безъ причины: какіе неинтересные люди!

XVIII.

А между тѣмъ, по убѣжденію старика Полозова, дѣло шло къ свадьбѣ,—при такомъ обращеніи предполагаемой невѣсты съ предполагаемымъ женихомъ шло къ свадьбѣ! И неужели онъ не слышалъ разговоровъ? Правда, не вѣчно же вертѣлись у него передъ глазами дочь съ предполагаемымъ женихомъ: чаще, чѣмъ въ одной комнатѣ съ нимъ, они сидѣли или ходили въ другой комнатѣ или другихъ комнатахъ; но отъ этого не было никакой разницы въ ихъ разговорахъ. Эти разговоры могли бы въ комъ угодно изъ тонкихъ знатоковъ человѣческаго сердца (такого, какого не бываетъ у людей на самомъ дѣлѣ) отнять всякую надежду увидѣть Катерину Васильевну и Бьюмонта повѣнчавшимися. Не то, чтобъ они вовсе не говорили между собою о чувствахъ, нѣтъ, говорили, какъ и обо всемъ на свѣтѣ, но мало, и это бы еще ничего, что очень мало, но главное, что говорили и какимъ тономъ! Тонъ былъ возмутителенъ своимъ спокойствіемъ, а содержаніе — ужасно своею крайнею несообразностью ни съ чѣмъ на свѣтѣ. Вотъ, напримѣръ, это было черезъ недѣлю послѣ визита, за который „очень благодарилъ“ Бьюмонтъ Катерину Васильевну, мѣсяца черезъ два послѣ начала ихъ знакомства; продажа завода была покончена; мистеръ Лотеръ собирался уѣхать на другой день (и уѣхалъ; не ждите, что онъ произведетъ какую-нибудь катастрофу: онъ, какъ слѣдуетъ негоціанту, сдѣлалъ коммерческую операцію, объявилъ Бьюмонту, что фирма назначаетъ его управляющимъ завода съ жалованьемъ въ 1000 фунтовъ, чего и слѣдовало ожидать, и больше ничего: какая жъ ему надобность вмѣшиваться во что-нибудь, кромѣ коммерціи, сами разсудите), акціонеры, въ томъ числѣ и Полозовъ, завтра же должны были получить (и получили, опять не ждите никакой катастрофы: фирма Ходчсона, Лотера и К^о, очень солидная) половину денегъ наличными, а другую половину — векселями на 3-мѣсячный срокъ. Полозовъ, въ удовольствіи отъ этого, сидѣлъ за столомъ въ гостинной и пересматривалъ денежные бумаги, отчасти слушалъ и разговоръ дочери съ Бьюмонтомъ, когда они проходили черезъ гостиную: они ходили вдоль черезъ всѣ четыре комнаты квартиры, бывшія на улицу.

— Если женщина, дѣвушка затруднена предразсудками, — говорилъ Бьюмонтъ (не дѣлая уже никакихъ ни англицизмовъ, ни американизмовъ), то и мужчина, — я говорю о порядочномъ человѣкѣ, — подвергается отъ этого большимъ неудобствамъ. Скажите, какъ жениться на дѣвушкѣ, которая не испытала простыхъ житейскихъ отношеній въ смыслѣ отношеній, которыя возникаютъ отъ ея согласія на предложеніе? Она не можетъ судить, будетъ ли ей нравиться будничная жизнь съ человѣкомъ такого характера, какъ ея женихъ.

— Но если, m-г Бьюмонтъ, ея отношенія къ этому человѣку и до его предложенія имѣли будничный характеръ, это все-таки представляетъ ей и ему нѣкоторую гарантію, что они останутся довольны другъ другомъ.

— Нѣкоторую — да; но все-таки было бы гораздо вѣрнѣе, еслибъ испытаніе было полнѣе и многостороннѣе. Она все-таки не знаетъ по опыту характера отношеній, въ которыя вступаетъ: отъ этого свадьба для нея все-таки

страшный рискъ. Такъ для нея; но отъ этого и для порядочнаго человѣка, за котораго она выходитъ, то же. Онъ, вообще, можетъ судить, будетъ ли онъ доволенъ: онъ близко знаетъ женщинъ разнаго характера; онъ испыталъ, какой характеръ лучше для него. Она—нѣтъ.

— Но она могла наблюдать жизнь и характеры въ своемъ семействѣ, въ знакомыхъ семействахъ; она могла много думать.

— Все это прекрасно, но недостаточно. Ничто не можетъ замѣнить личнаго опыта.

— Вы хотите, чтобы замужъ выходили только вдовы?—смѣясь, сказала Катерина Васильевна.

— Вы выразились очень удачно. Только вдовы. Дѣвушкамъ должно быть запрещено выходить замужъ.

— Это правда, — серьезно сказала Катерина Васильевна.

Полозову сначала было дико слышать такіе разговоры или доли разговоровъ, выпадавшія на его слухъ. Но теперь онъ уже попривыкъ и думалъ: — „чтожъ, я самъ человѣкъ безъ предразсудковъ. Я занялся торговлей, женился на купчихѣ“.

На другой день эта часть разговора, — вѣдь это былъ лишь небольшой эпизодъ въ разговорѣ, шедшемъ вообще вовсе не о томъ, а о всякихъ другихъ предметахъ, — эта часть вчерашняго разговора продолжалась такимъ образомъ:

— Вы разсказывали мнѣ исторію вашей любви къ Соловцову. Но что это такое? Это было...

— Сядемъ, если для васъ все равно. Я устала ходить.

— Хорошо... ребяческое чувство, которое не даетъ никакой гарантіи. Это годится для того, чтобы шутить, вспоминая, и грустить, если хотите, потому что здѣсь есть очень прискорбная сторона. Вы спаслись только благодаря особенному, рѣдкому случаю, что дѣло попало въ руки такого человѣка, какъ Александръ.

— Кто?

— Матвѣичъ Кирсановъ, — дополнилъ онъ, будто не останавливался на одномъ имени „Александръ“: — безъ Кирсанова вы погибали отъ чахотки или отъ негодая. Можно было вывести изъ этого основательныя мысли о вредѣ положенія, которое занимали вы въ обществѣ. Вы ихъ и вывели. Все это прекрасно, но все это только сдѣлало васъ болѣе разсудительнымъ и хорошимъ человѣкомъ, а еще нисколько не дало вамъ опытности въ различеніи того, какого характера мужъ годится для васъ. Не негодий, а честный человѣкъ — вотъ только, что могли вы узнать. Прекрасно. Но развѣ всякая порядочная женщина можетъ остаться довольна, какого бы характера ни былъ выбранный ею человѣкъ, лишь бы только былъ честный? Нужно болѣе точное знаніе характеровъ и отношеній, то-есть, нужна совершенно другая опытность. Мы вчера рѣшили, что, по вашему выраженію, замужъ должны выходить только вдовы. Какая жъ вы вдова? — Все это было говорено Бьюмонтомъ съ какимъ-то неудовольствіемъ, а послѣднія слова отзывались прямо досадою.

— Это правда, — сказала нѣсколько уныло Катерина Васильевна: — но все-таки я не могла же обманывать.

— И не сѣмѣли бы, потому что нельзя поддѣлаться подъ опытность, когда не имѣешь ея.

— Вы все говорите о недостаточности средствъ у насъ, дѣвушекъ, дѣлать основательный выборъ. Вообще, это совершенная правда. Но бываютъ исключительные случаи, когда для основательности выбора и не нужно такой опытности. Если дѣвушка не такъ молода, она ужъ можетъ хорошо знать свой характеръ. Напримѣръ, я свой характеръ знаю, и видно, что онъ уже не измѣнится. Мнѣ 22 года. Я знаю, что нужно для моего счастья: жить спокойно, чтобы мнѣ не мѣшали жить тихо, больше ничего.

— Это правда. Это видно.

— И будто такъ трудно видѣть, есть ли нѣтъ необходимыя для этого черты въ характерѣ того или другого человѣка? Это видно изъ нѣсколькихъ разговоровъ.

— Это правда. Но вы сами сказали, что это исключительный случай. Правило не то.

— Конечно, правило не то. Но, м-г Бюмонтъ, при условіяхъ нашей жизни, при нашихъ понятіяхъ и нравахъ, нельзя желать для дѣвушки того знанія будничныхъ отношеній, о которомъ мы говоримъ, что безъ него въ большей части случаевъ дѣвушка рискуетъ сдѣлать неосновательный выборъ. Ея положеніе безвыходно при нынѣшнихъ условіяхъ. При нихъ, пусть она будетъ входить въ какія угодно отношенія, это тоже почти ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать ей опытности; пользы отъ этого ждать нельзя, а опасность огромная. Дѣвушка легко можетъ въ самомъ дѣлѣ унизиться, научиться дурному обману. Въдѣ она должна будетъ обманывать родныхъ и общество, скрываться отъ нихъ; а отъ этого недалеко переходъ до обмановъ, дѣйствительно роняющихъ ея характеръ. Очень возможно даже то, что она въ самомъ дѣлѣ станетъ слишкомъ легко смотрѣть на жизнь. А если этого не будетъ, если она останется хороша, то ея сердце будетъ разбито. А между тѣмъ, она все-таки почти ничего не выиграетъ въ будничной опытности, потому что эти отношенія, такія опасныя для ея характера или такія мучительныя для ея сердца, все-таки эффектныя, праздничныя, а не будничныя. Вы видите, что этого никакъ нельзя совѣтовать при нашей жизни.

— Конечно, Катерина Васильевна; но именно потому и дурна наша жизнь.

— Разумѣется, мы въ этомъ согласны.

Что это такое? Не говоря ужъ о томъ, что это, чортъ знаетъ, что такое со стороны общихъ понятій, но какой смыслъ это имѣло въ личныхъ отношеніяхъ? Мужчина говоритъ: „я сомнѣваюсь, будете ли вы хорошею женою мнѣ“. А дѣвушка отвѣчаетъ: „нѣтъ, пожалуйста, сдѣлайте мнѣ предложеніе“. — Удивительная наглость! или, можетъ быть, это не то? Можетъ быть, мужчина говоритъ: „о томъ, что я съ вами буду счастливъ, нечего мнѣ разсуждать; но будьте осторожны, даже выбирая меня. Вы выбрали,—но я прошу васъ, думайте, думайте еще. Это дѣло слишкомъ важное. Даже и мнѣ, хоть я васъ очень люблю, не довѣряйтесь безъ очень строгаго и внимательнаго разбора“. И, можетъ быть, дѣвушка отвѣчаетъ:— „другъ мой, я вижу, что вы думаете не о себѣ, а обо мнѣ. Ваша правда, мы жалкія, насъ обманываютъ, насъ во-

дять съ завязанными глазами, чтобы мы обманывались. Но за меня вы не бойтесь: *меня вы* не обманываете. Мое счастье вѣрно. Какъ вы спокойны за себя, такъ и я за себя“.

— Я одному удивляюсь,—продолжалъ Бьюмонтъ на слѣдующій день (они опять ходили вдоль по комнатамъ, изъ которыхъ въ одной сидѣлъ Полозовъ):—я одному удивляюсь, что при такихъ условіяхъ еще бываютъ счастливые браки.

— Вы говорите такимъ тономъ, будто досадуете на то, что бываютъ счастливые браки,—смѣясь, отвѣчала Катерина Васильевна; она теперь, какъ замѣтно, часто смѣется, такимъ тихимъ, но веселымъ смѣхомъ.

— А въ самомъ дѣлѣ, они могутъ наводить на грустныя мысли, вотъ какія: если при такихъ ничтожныхъ средствахъ судить о своихъ потребностяхъ и о характерахъ мужчинъ, дѣвушки все-таки довольно часто умѣютъ дѣлать удачный выборъ, то какую же свѣтлость и здравость женскаго ума показываетъ это! Какимъ вѣрнымъ, сильнымъ, проницательнымъ умомъ одарена женщина отъ природы! И этотъ умъ остается безъ пользы для общества, оно отвергаетъ его, оно подавляетъ его, оно задушаетъ его, а исторія человечества пошла бы въ десять разъ быстрее, если бы этотъ умъ не былъ отвергаемъ и убиваемъ, а дѣйствовалъ бы.

— Вы панегиристъ женщинъ, м-г Бьюмонтъ; нельзя ли объяснять это проще—случаемъ?

— Случай! сколько хотите случаевъ объясняйте случаемъ; но когда случаи многочисленны, вы знаете, кромѣ случайности, которая производитъ часть ихъ, должна быть и какая-нибудь общая причина, отъ которой происходитъ другая часть. Здѣсь нельзя предположить никакой другой общей причины, кромѣ моего объясненія: здравость выбора отъ силы и проницательности ума.

— Вы рѣшительно мистриссъ Бичеръ-Стоу по женскому вопросу, м-г Бьюмонтъ. Та доказываетъ, что негры—самое даровитое изъ всѣхъ племенъ, что они выше бѣлой расы по умственнымъ способностямъ.

— Вы шутите, а я вовсе нѣтъ.

— Вы, кажется, сердитесь на меня за то, что я не преклоняюсь передъ женщиною? Но примите въ извиненіе хотя трудность стать на колѣни передъ самой собою.

— Вы шутите, а я серьезно досаую.

— Но не на меня же? Я нисколько не виновата въ томъ, что женщины и дѣвушки не могутъ дѣлать того, что нужно по вашему мнѣнію. Впрочемъ, если хотите, и я скажу вамъ свое серьезное мнѣніе,—только не о женскомъ вопросѣ, я не хочу быть судьей въ своемъ дѣлѣ, а собственно о васъ, м-г Бьюмонтъ. Вы человѣкъ очень сдержаннаго характера, и вы горячитесь, когда говорите объ этомъ. Что изъ этого слѣдуетъ? То, что у васъ должны быть какія-нибудь личныя отношенія къ этому вопросу. Вѣроятно, вы пострадали отъ какой-нибудь ошибки въ выборѣ, сдѣланной дѣвушкою, какъ вы называете, неопытною.

— Можетъ быть, я, можетъ быть, кто-нибудь другой, близкій ко мнѣ. Однако, подумайте, Катерина Васильевна. А это я скажу, когда получу отъ васъ отвѣтъ. Я черезъ три дня попрошу у васъ отвѣтъ.

— На вопросъ, который не былъ предложенъ? Но развѣ я такъ мало

знаю васъ, чтобы мнѣ нужно было думать три дня?—Катерина Васильевна остановилась, положила руку на шею Бьюмонту, нагнула его голову къ себѣ и поцаловала его въ лобъ.

По всеѣмъ бывшимъ примѣрамъ, и даже по требованію самой вѣжливости, Бьюмонту слѣдовало бы обнять ее и поцаловать уже въ губы; но онъ не сдѣлалъ этого, а только пожалъ ея руку, опускавшуюся съ его головы. „Такъ, Катерина Васильевна; но все-таки, подумайте“. И они опять пошли.

— Но кто жъ вамъ сказалъ, Чарли, что я не думала объ этомъ гораздо больше трехъ дней?—отвѣчала она, не выпуская его руки.

— Такъ, конечно, я это видѣлъ; но все-таки, я вамъ скажу теперь.—это уже секретъ; пойдемъ въ ту комнату и сядемъ тамъ, чтобы онъ не слышалъ.

Конецъ этого начала происходилъ, когда они шли мимо старика: старикъ видѣлъ, что они идутъ подъ руку, чего никогда не бывало и подумалъ: „просилъ руки, и она дала слово. Хорошо“.

— Говорите вашъ секретъ, Чарли; отсюда папѣ не будетъ слышно.

— Это кажется смѣшно, Катерина Васильевна, что я будто все боюсь за васъ; конечно, бояться нечего. Но вы поймете, почему я такъ предостерегаю васъ, когда я вамъ скажу, что у меня былъ примѣръ. Конечно, вы увидите, что мы съ вами можемъ жить. Но ея мнѣ было жаль. Столько страдала, и столько лѣтъ была лишена жизни, какая ей была нужна. Это жалко. Я видѣлъ своими глазами. Гдѣ это было, все равно, положимъ, въ Нью-Йоркѣ, въ Бостонѣ, Филадельфіи,—вы знаете, все равно; она была очень хорошая женщина и считала мужа очень хорошимъ человѣкомъ. Они были чрезвычайно привязаны другъ къ другу. И однакожь, ей пришлось много страдать. Онъ былъ готовъ отдать голову за малѣйшее увеличеніе ея счастья. И все-таки она не могла быть счастлива съ нимъ. Хорошо, что это такъ кончилось. Но это было тяжело для нея. Вы этого не знали, потому я еще не имѣю вашего отвѣта.

— Я могла отъ кого-нибудь слышать этотъ разсказъ?

— Можетъ быть.

— Можетъ быть, отъ нея самой?

— Можетъ быть.

— Я еще не давала тебѣ отвѣта?

— Нѣтъ.

— Ты знаешь его?

— Знаю, — сказалъ Бьюмонтъ, и началась обыкновенная сцена, какой слѣдуетъ быть между женихомъ и невестою, съ объятіями.

XIX.

На другой день, часа въ три, Катерина Васильевна пріѣхала къ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Я вѣнчаюсь послѣ завтра, Вѣра Павловна.—сказала она входя:—и нынѣ вечеромъ привезу къ вамъ своего жениха.

— Конечно, Бьюмонта, отъ котораго вы такъ давно сошли съ ума?

— Я? сходила съ ума? Когда все это было такъ тихо и благоразумно.

— Очень вѣрю, что съ нимъ вы говорили тихо и благоразумно; но со мною—вовсе нѣтъ.

— Будто? это любопытно. Но вотъ что еще любопытнѣе: онъ очень любить васъ, васъ обоихъ, но васъ, Вѣра Павловна, еще гораздо больше, чѣмъ Александра Матвѣича.

— Что жъ тутъ любопытнаго? если вы говорили ему обо мнѣ хоть съ тысячною долею того восторга, какъ мнѣ о немъ, то конечно...

— Вы думаете, онъ знаетъ васъ черезъ меня? Вотъ въ томъ и дѣло, что не черезъ меня, а самъ, и гораздо больше, чѣмъ я.

— Вотъ новость! Какъ же это?

— Какъ? Я вамъ сейчасъ скажу. Онъ съ самаго перваго дня, какъ пріѣхалъ въ Петербургъ, очень сильно желалъ увидѣться съ вами; но ему казалось, что лучше будетъ, если онъ отложитъ знакомство до той поры, когда пріѣдетъ къ вамъ не одинъ, а съ невѣстою или женою. Ему казалось, что вамъ пріятнѣе будетъ видѣть его съ нею, нежели одного. Вы видите, что наша свадьба произошла изъ его желанія познакомиться съ вами.

— Жениться на васъ, чтобы познакомиться со мною!

— На мнѣ! кто жъ говорилъ, что на мнѣ онъ женится для васъ? О, нѣтъ, мы съ нимъ вѣнчаемся, конечно, не изъ любви къ вамъ. Но развѣ мы съ нимъ знали другъ о другѣ, что мы существуемъ на свѣтѣ, когда онъ ѣхалъ въ Петербургъ? А еслибъ онъ не пріѣхалъ, какъ же мы съ нимъ познакомились бы? А въ Петербургъ онъ ѣхалъ для васъ. Какая жъ вы смѣшная!

— Онъ лучше говорить по-русски, нежели по-англійски, говорили вы?— съ волненіемъ спросила Вѣра Павловна.

— По-русски, какъ я; и по-англійски, какъ я.

— Другъ мой, Катенька, какъ же я рада!—Вѣра Павловна бросилась обнимать свою гостью.—Саша, иди сюда! Скорѣе, скорѣе!

— Чтò, Вѣрочка? Здравствуйте, Катерина Ва...

Онъ не успѣлъ договорить ея имени,—гостя ужъ цаловала его.

— Нынѣ Пасха, Саша; говори же Катенькѣ: воистину воскресе.

— Да что жъ это?

— Садись, она разкажетъ; я и сама еще ничего не знаю порядкомъ. Довольно, нацаловались,—и при мнѣ! Разказывай, Катенька.

XX.

Вечеромъ, конечно, было еще больше гвалта. Но когда возстановился порядокъ, Бьюмонтъ, по требованію своихъ новыхъ знакомыхъ, разказывая свою жизнь, началъ прямо съ пріѣзда въ Соединенные Штаты. „Какъ только я пріѣхалъ, говорилъ онъ, я сталъ заботиться о томъ, чтобы поскорѣе получить натурализацию. Для этого надобно было сойтись съ кѣмъ-нибудь,—съ кѣмъ же? конечно съ аболіціонистами. Я написалъ нѣсколько статей въ Tribune о вліяніи крѣпостного права на все общественное устройство Россіи. Это былъ недурной новый аргументъ аболіціонистамъ противъ невольничества въ южныхъ штатахъ,

и я сдѣлался гражданиномъ Массачузетса. Вскорѣ по приѣздѣ я все черезъ нихъ же получилъ мѣсто въ конторѣ одного изъ немногихъ большихъ торговыхъ домовъ ихъ партіи, въ Нью-Йоркѣ“, далѣе шла та самая исторія, которую мы ужъ знаемъ. Значить, по крайней мѣрѣ, эта часть біографіи Бьюмонта не подлежитъ сомнѣнію.

XXI.

Въ тотъ же вечеръ условились: обоимъ семействамъ искать квартиръ, которыя были бы рядомъ. Въ ожиданіи того, пока удобныя квартиры отыскались и устроились, Бьюмонты прожили на заводѣ, гдѣ, по распоряженію фирмы, была отдѣлана квартира для управляющаго. Это удаленіе за городъ могло считаться соотвѣтствующимъ путешествію, въ которое отправляются молодые по прекрасному англійскому обычаю, распространяющемуся теперь по всей Европѣ.

Когда, мѣсяца черезъ полтора, двѣ удобныя квартиры рядомъ нашлись, и Кирсановы поселились на одной, Бьюмонты на другой, старикъ Полозовъ предпочелъ остаться на заводской квартирѣ, просторъ которой напоминаетъ ему, хотя въ слабой степени, прежнес его величіе. Приятно было остаться ему тамъ и потому, что онъ тамъ былъ почетнѣйшимъ лицомъ на три, четыре версты кругомъ: нѣтъ числа признакамъ уваженія, которыми онъ пользовался у своихъ и окрестныхъ приказчиковъ, артельщиковъ и прочей подгородной братіи, менѣе высокой и нѣсколько болѣе высокой заводскихъ и фабричныхъ приказчиковъ по положенію въ обществѣ; и почти нѣтъ мѣры удовольствію, съ какимъ онъ патріархально принималъ эти признаки общаго признаванія его первымъ лицомъ того околотка. Зять почти каждый день поутру приѣзжалъ на заводъ, почти каждый день приѣзжала съ мужемъ дочь. На лѣто они и вовсе переселялись (и переселяются) жить на заводѣ, замѣняющемъ дачу. А въ остальное время года старикъ, кромѣ того, что принимаетъ по утрамъ дочь и зятя (который такъ и остается сѣверо-американцемъ), часто, каждую недѣлю и чаще, имѣетъ наслажденіе принимать у себя гостей, приѣзжающихъ на вечеръ, съ Катериною Васильевою и ея мужемъ, — иногда только Кирсановыхъ, съ нѣсколькими молодыми людьми, — иногда общество болѣе многочисленное: заводъ служить обыкновенною цѣлью частыхъ загородныхъ прогулокъ Кирсановскаго и Бьюмонтскаго кружка. Полозовъ очень доволенъ каждымъ такимъ нашествіемъ гостей, да и какъ же иначе? ему принадлежитъ роль хозяина, не лишенная патріархальной почтенности.

XXII.

Каждое изъ двухъ семействъ живетъ по-своему, какъ больше нравится которому. Въ обыкновенные дни на одной половинѣ больше шума, на другой больше тишины. Видятся какъ родные, иной день и не десять разъ, но каждый разъ на одну, на двѣ минуты; иной день почти цѣлый день одна изъ половинокъ пуста, ея населеніе на другой половинѣ. Это все какъ случится. И когда бываютъ сборища гостей, опять тоже какъ случится: иногда двери между

квартирами остаются заперты, потому что двери, соединяющія залъ одной съ гостинною другой, вообще заперты, а постоянно отперта только дверь между комнатою Вѣры Павловны и Катерины Васильевны, — и такъ, иногда двери, которыми соединяются пріемныя комнаты, остаются заперты; это, когда компанія невелика. А когда вечеръ многолюденъ, эти двери отворяются, и тогда ужъ гостямъ неизвѣстно, у кого они въ гостяхъ, у Вѣры Павловны или у Катерины Васильевны; да и хозяйки плохо разбирають это. Можно развѣ сдѣлать такое различіе: молодежь, когда сидитъ, то сидитъ болѣе на половинѣ Катерины Васильевны, когда не сидитъ, то болѣе на половинѣ Вѣры Павловны. Но вѣдь молодежь нельзя считать за гостей, — это свои люди, и Вѣра Павловна безъ церемоніи гоняетъ ихъ къ Катеринѣ Васильевнѣ: „мнѣ вы надобли, господа; ступайте къ Катенькѣ, ей вы никогда не надобдите“. „И отчего вы съ ней смирнѣе, чѣмъ со мной? Кажется, я постарше“. „И не беспокойтесь, мы больше любимъ ее, чѣмъ васъ“. „Катенька, за что они больше любятъ тебя, чѣмъ меня?“ „Отъ меня меньше достается имъ, чѣмъ отъ тебя“. „Да, Катерина Васильевна обращается съ нами, какъ съ людьми солидными, и мы сами зато солидны съ ней“. Не дуренъ былъ эффектъ выдумки, которая повторялась довольно часто въ прошлую зиму въ домашнемъ кругу, когда собиралась только одна молодежь и самые близкіе знакомые: оба рояля съ обѣихъ половинъ сдвигались вмѣстѣ; молодежь бросала жребій и раздѣлялась на два хора, заставляла своихъ покровительницъ сѣсть одну за одну, другую за другой рояль, лицомъ одна прямо противъ другой: каждый хоръ становился за своею примадонною, и въ одно время пѣли, Вѣра Павловна съ своимъ хоромъ: *La donna e mobile*, а Катерина Васильевна съ своимъ хоромъ: „Давно отвергнутый тобою“, или Вѣра Павловна съ своимъ хоромъ какую-нибудь пѣсню Лизетты изъ Беранже, а Катерина Васильевна съ своимъ хоромъ „Пѣсню о Еремушкѣ“. Въ нынѣшнюю зиму вошло въ моду другое: бывшія примадонны общими силами передѣляли на свои нравы „Споръ двухъ греческихъ философовъ объ изящномъ“; начинается такъ: Катерина Васильевна, возводя глаза къ небу и томно вздыхая, говоритъ: „Божественный Шиллеръ, упоеніе души моей!“ Вѣра Павловна съ достоинствомъ возражаетъ: „Но прюнелевые ботинки магазина Королева такъ же прекрасны“, и подвигаетъ впередъ ногу. Кто изъ молодежи засмѣется при этомъ состязаніи, ставится въ уголъ; подъ конецъ состязанія изъ 10, 12 человекъ остаются только двое, трое, слушающіе не изъ угла. Но непомѣрный восторгъ производится тѣмъ, когда обманомъ приведутъ къ этой сценѣ Бюмонта и отправляютъ его въ уголъ.

Что еще? Швейцары, продолжая сживатьъ, продолжаютъ существовать: ихъ теперь ужъ три; Катерина Васильевна давно устроила свою, теперь много замѣняетъ Вѣру Павловну въ ея швейной, а скоро и вовсе должна будетъ замѣнить, потому что въ нынѣшнемъ году Вѣра Павловна, — простите ее, — дѣйствительно будетъ держать экзаменъ на медика, и тогда ей ужъ вовсе некогда будетъ заниматься швейною. „Жаль, что нѣтъ возможности развиваться этимъ швейнымъ: какъ онѣ стали бы развиваться“, говоритъ иногда Вѣра Павловна. Катерина Васильевна ничего не отвѣчаетъ на это, только въ глазахъ ея сверкаетъ злое выраженіе. „Какая ты горячая, Катя; ты хуже меня, говоритъ

Вѣра Павловна. А хорошо, что у твоего отца все-таки что-нибудь есть: это очень хорошо“. „Да, Вѣрочка, это хорошо; все-таки спокойнѣе за сына“, (слѣдовательно, у нея есть сынъ). „Впрочемъ, Катя, ты меня заставила, не знаю, о чемъ думать. Мы проживемъ тихо и спокойно“. Катерина Васильевна молчитъ. — „Да, Катя, ну, для меня скажи: да“. Катерина Васильевна смѣется. „Это не зависитъ отъ моего „да“ или „нѣтъ“, а потому, въ удовольствіе тебѣ скажу: да, мы проживемъ спокойно“.

И въ самомъ дѣлѣ, они всѣ живутъ спокойно. Живутъ ладно и дружно, и тихо и шумно, и весело и дѣльно. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мой рассказъ о нихъ былъ конченъ, нѣтъ. Они всѣ четверо еще люди молодые, дѣятельные; и если ихъ жизнь устроилась ладно и дружно, хорошо и прочно, то отъ этого она нимало не перестала быть интересною, далеко нѣтъ. и я еще имѣю рассказать о нихъ много, и ручаюсь, что продолженіе моего рассказа о нихъ будетъ гораздо любопытнѣе того, что я рассказывалъ о нихъ до сихъ поръ.

XXIII.

(Они живутъ весело и дружно, работаютъ и отдыхаютъ, и наслаждаются жизнью, и смотрятъ на будущее, если не безъ заботъ, то съ твердою и совершенно основательной увѣренностью, что чѣмъ дальше, тѣмъ лучше будетъ. Такъ прошло у нихъ время третьяго года и прошлаго года, такъ идетъ у нихъ и нынѣшній годъ, и зима нынѣшняго года ужъ почти проходила, снѣгъ начинать таять, и Вѣра Павловна спрашивала: „да будетъ ли еще хоть одинъ морозный день, чтобы хоть еще разъ устроить зимній пикникъ?“ и никто не могъ отвѣчать на ея вопросъ, только день проходилъ за днемъ, все съ оттепелю, и съ каждымъ днемъ вѣроятность зимняго пикника уменьшалась. Но вотъ, наконецъ, когда ужъ была потеряна надежда, выпалъ снѣгъ, совершенно зимній, и не съ оттепелю, а съ хорошеннымъ, легкимъ морозомъ; небо свѣтлое, вечеръ будетъ отличный, — пикникъ! пикникъ! на скоро, собирать другихъ некогда, — маленький безъ приглашеній.

Вечеромъ покатались двое саней. Одни сани катились съ болтовней и шутками; но другія сани были ужъ изъ рукъ вонъ: только выѣхали за городъ, заѣли во весь голосъ, и что заѣли!

Выходила молода
За новыя ворота,
За новыя кленовыя,
За рѣшетчатыя:
— „Родный батюшка грозень
„И немилостивъ ко мнѣ:
„Не велить поздно гулять,
„Съ холостымъ парнемъ играть.
„Я не слушаю отца,
„Распотѣшу молодца“...

Нечего сказать, отыскали пѣсню! Да это ли только? то ѣдутъ шагомъ, отстаютъ на четверть версты, и вдругъ пускаются вскачь, обгоняютъ съ крикомъ и гиканьемъ, и когда обгоняютъ, бросаютъ снѣжками въ веселыя, но не буйныя сани. Небуйныя сани, послѣ двухъ, трехъ такихъ обидъ, рѣшились защищаться. Пропустивши впередъ буйныя сани, нахватали сами пригоршни молодого снѣга, осторожно нахватали, такъ что буйныя сани не замѣтили. Вотъ буйныя сани опять поѣхали шагомъ, отстали, а не буйныя сани ѣдутъ коварно, не показали, обгоняя, никакого вида, что запаслись оружіемъ; вотъ буйныя сани опять несутся на нихъ съ гвалтомъ и гиканьемъ, небуйныя сани пригодились дать отличный отпоръ сюрпризомъ, но что это? буйныя сани берутъ вправо, черезъ канавку, имъ все ни почемъ,—проносятся мимо въ пяти саженьяхъ: „да, это она догадалась, схватила вожжи сама, стоитъ и править“, говорятъ небуйныя сани:—„нѣтъ, нѣтъ, догонимъ! отмстимъ!“ Отчаянная скачка. Догонять или не догонять?—„Догонимъ!“ съ восторгомъ говорятъ небуйныя сани,—„нѣтъ“, съ отчаяніемъ говорятъ они, „догонимъ“, съ новымъ восторгомъ.—„Догонять!“ съ отчаяніемъ говорятъ буйныя сани,—„не догонять!“ съ восторгомъ говорятъ они.—Догонять или не догонять?

На небуйныхъ саняхъ сидѣли Кирсановы и Бьюмонты; на буйныхъ чептире человѣка молодежи и одна дама, и отъ нея-то все буйство буйныхъ саней.

— Здравствуйте, mesdames и messieurs, мы очень, очень рады снова видѣть васъ,—говоритъ она съ площадки заводскаго подъѣзда:—господа, помогите же дамамъ выйти изъ саней,—прибавляетъ она, обращаясь къ своимъ путникамъ.

Скорѣе, скорѣе въ комнаты! морозъ нарумянилъ всѣхъ!

— Здравствуйте, старикашка! да онъ у васъ вовсе еще не старикъ! Катерина Васильевна, что это вы наговорили мнѣ про него. будто онъ старикъ? онъ еще будетъ волочиться за мною. Будете, милый старикашка? — говоритъ дама буйныхъ саней.

— Буду,—говоритъ Полозовъ, уже очарованный тѣмъ, что она ласково погладила его сѣдые бакенбарды.

— Дѣти, позволяете ему волочиться за мною?

— Позволяемъ,—говоритъ одинъ изъ молодежи.—Нѣтъ, нѣтъ!—говорятъ трое другихъ.

Но что жъ это дама буйныхъ саней вся въ черномъ? Трауръ это, или капризъ?

— Однако, я устала,—говоритъ она и бросается на турецкій диванъ, идущій во всю длину одной стѣны зала.—Дѣти, больше подушекъ! да не мнѣ одной! и другія дамы, я думаю, устали.

— Да, вы и насъ измучили,—говоритъ Катерина Васильевна.

— Какъ меня разбила скачка за вами по ухабамъ! — говоритъ Вѣра Павловна.

— Хорошо, что до завода оставалась только одна верста! — говоритъ Катерина Васильевна.

Обѣ опускаются на диванъ и подушки въ изнеможеніи.

— Вы недогадливы! да вы вѣрно мало ѣздили вскачь? Вы бы встали, какъ я; тогда ухабы—ничего.

— Даже и мы порядочно устали, — говорить за себя и за Бьюмонта Кирсановъ. Они садятся подлѣ своихъ женъ. Кирсановъ обнялъ Вѣру Павловну, Бьюмонтъ взялъ руку Катерины Васильевны. Идиллическая картина. Пріятно видѣть счастливые браки. Но по лицу дамы въ траурѣ пробѣжала тѣнь, на одинъ мигъ, такъ что никто не замѣтилъ, кромѣ одного изъ ея молодыхъ спутниковъ; онъ отошелъ къ окну и сталъ всматриваться въ арабески, слегка набросанные морозомъ на стеклѣ.

— Mesdames, ваши исторіи очень любопытны, но я ничего хорошенько не слышала, знаю только, что онѣ и трогательны, и забавны, и кончаются счастливо, я люблю это. А гдѣ же старикашка?

— Онъ хозяйничаетъ, приготовляетъ закуску; это его всегда занимаетъ. — сказала Катерина Васильевна.

— Ну, Богъ съ нимъ въ такомъ случаѣ. Расскажите же, пожалуйста. Только коротко; я люблю, чтобы разсказывали коротко.

— Я буду разсказывать очень коротко, — сказала Вѣра Павловна: — начинается съ меня; когда дойдетъ очередь до другихъ, пусть они разсказываютъ. Но я предупреждаю васъ, въ концѣ моей исторіи есть секреты.

— Что жъ, тогда мы прогонимъ этихъ господъ. Или не прогнать ли ихъ теперь же?

— Нѣтъ, теперь они могутъ слушать.

Вѣра Павловна начала свою исторію.

— Ха, ха, ха! Эта милая Жюли! Я ее очень люблю! И бросается на колѣна, и бранится, и держать себя безъ всякаго приличія! Милая!

— Bravo, Вѣра Павловна! „брошусь въ окно!“ bravo, господа! — дама въ траурѣ захлопала въ ладоши. По этой командѣ молодежь оглушительно зааплодировала и закричала „bravo“ и „ура“.

— Что съ вами? Что съ вами? — съ испугомъ сказала Катерина Васильевна черезъ двѣ, три минуты.

— Нѣтъ, ничего, это такъ; дайте воды, не беспокойтесь, Мосоловъ ужъ несетъ. Благодарю, Мосоловъ; — она взяла воду, принесенную тѣмъ молодымъ ея спутникомъ, который прежде отходилъ къ окну: — видите, какъ я его выучила, все впередъ знаетъ. Теперь совершенно прошло. Продолжайте, пожалуйста; я слушаю.

— Нѣтъ, я устала, — сказала она минутъ черезъ пять, спокойно вставая съ дивана. — Мнѣ надобно отдохнуть, уснуть часъ, полтора. Видите, я безъ церемоніи, ухожу. Пойдемъ же, Мосоловъ, искать старикашку, онъ насъ уложить.

— Позвольте, отчего жъ мнѣ не заняться этимъ? — сказала Катерина Васильевна.

— Стоить ли беспокоиться?

— Вы насъ покидаете? — сказали одинъ изъ молодежи, принимая трагическую позу: — если бы мы предвидѣли это, мы взяли бы съ собою кинжалы. А теперь намъ нечѣмъ заколоться.

— Подадутъ закуску, заколемся вилками!—съ восторгомъ неожиданнаго спасенія произнесъ другой.

— О, нѣтъ, я не хочу, чтобы преждевременно погибала надежда отечества,—съ такою же торжественностью произнесла дама въ траурѣ: — утѣштесь, дѣти мои. Мосоловъ, подушку, которая поменьше, на столъ!—Мосоловъ положилъ подушку на столъ. Дама въ траурѣ стала у стола въ величественной позѣ и медленно опустила руку на подушку.

Молодежь приложила къ рукѣ.

Катерина Васильевна пошла укладывать уставшую гостью.

— Бѣдная!—проговорили въ одинъ голосъ, когда онѣ ушли изъ зала, всѣ трое остальные, бывшіе въ небуйныхъ саняхъ.

— Молодецъ она! — проговорили трое молодыхъ людей.

— То-то жъ! — самодовольно сказалъ Мосоловъ.

— Ты давно съ нею знакомъ?

— Года три.

— А его хорошо знаешь?

— Хорошо. Вы не беспокойтесь, пожалуйста, — прибавилъ онъ, обращаясь къ ѣхавшимъ на небуйныхъ саняхъ: — это только оттого, что она устала.

Вѣра Павловна сомнительно переглянулась съ мужемъ и Бьюмонтомъ и покачала головой.

— Рассказывайте! устала! — сказалъ Кирсановъ.

— Увѣряю васъ. Устала, только. Уснетъ, и все пройдетъ,—равнодушно-успокоительнымъ тономъ повторилъ Мосоловъ.

Минуть черезъ десять Катерина Васильевна возвратилась.

— Что? — спросили шесть голосовъ. Мосоловъ не спрашивалъ.

— Легла спать и ужъ задремала, теперь, вѣроятно, уже спитъ.

— Вѣдь я жъ вамъ говорилъ,—сказалъ Мосоловъ.— Пустяки.

— Все-таки бѣдная!—сказала Катерина Васильевна.— Будемъ при ней врознь. Мы съ тобою, Вѣрочка, а Чарли съ Сашею.

— Но все-таки это нисколько не должно стѣснять насъ,—сказалъ Мосоловъ:—мы можемъ пѣть, танцевать, кричать; она спитъ очень крѣпко.

Если спать, если пустяки, то что жъ, въ самомъ дѣлѣ? Разстраивающее впечатлѣніе, на четверть часа произведенное дамою въ траурѣ, прошло, исчезло, забылось,—не советѣмъ, но почти. Вечеръ безъ нея понемножку направлялся, направлялся на путь всѣхъ прежнихъ вечеровъ въ этомъ родѣ и вовсе направился, пошелъ весело.

Весело, но не вполне. По крайней мѣрѣ, дамы разъ пять, шесть переглядывались между собою съ тяжелою встревоженностью. Раза два Вѣра Павловна украдкой шепнула мужу:—„Саша, что, если это случится со мною?“—Кирсановъ въ первый разъ не нашелся что сказать; во второй нашелся:—„Нѣтъ, Вѣрочка, съ тобою этого не можетъ случиться“.—„Не можетъ? Ты увѣренъ?“—„Да“.—И Катерина Васильевна раза два шепнула украдкой мужу:—„Со мной этого не можетъ быть, Чарли?“—Въ первый разъ Бьюмонтъ только

улыбнулся, не весело и не успокоительно; во второй тоже нашелся: — „По всей вѣроятности, не можетъ; по всей вѣроятности“.

Но это были только мимолетные отголоски, да и то лишь сначала. А вообще вечеръ шелъ весело, черезъ полчаса ужъ и вовсе весело. Болтали, играли, пѣли. Она спитъ крѣпко, увѣряетъ Мосоловъ и подаетъ примѣръ. Да и нельзя помѣшать, въ самомъ дѣлѣ: комната, въ которой она улеглась, очень далеко отъ зала, черезъ три комнаты, корридоръ, лѣстницу и потомъ опять комнату, на совершенно другой половинѣ квартиры.

И такъ, вечеръ совершенно поправился.

Молодежь, по обыкновенію, то присоединялась къ остальнымъ, то отдѣлялась, то вся, то не вся; раза два отдѣлялся къ ней Бьюмонтъ; раза два отбивала ее всю отъ него и отъ серьезнаго разговора Вѣра Павловна.

Болтали много, очень много; и разсуждали всей компаніею, но не очень много.

Сидѣли все вмѣстѣ.

— Ну, что жъ однако въ результатѣ: хорошо или дурно? — спросилъ тотъ изъ молодежи, который принималъ трагическую позу.

— Болѣе дурно, чѣмъ хорошо, — сказала Вѣра Павловна.

— Почему жъ, Вѣрочка? — сказала Катерина Васильевна.

— Во всякомъ случаѣ, безъ этого жизнь не обходится, — сказалъ Бьюмонтъ.

— Вещь неизбѣжная, — подтвердилъ Кирсановъ.

— Отлично дурно, слѣдовательно отлично, — рѣшили спрашивавшій.

Остальные трое его товарищей кивнули головами и сказали: „браво. Никитинъ“.

Молодежь сидѣла въ сторонѣ.

— Я его не зналъ, Никитинъ; а ты, кажется, зналъ? — спросилъ Мосоловъ.

— Я тогда былъ мальчишкою. Видалъ.

— А какъ теперь тебѣ кажется, по воспоминанію, правду они говорятъ? не прикрашиваютъ по дружбѣ?

— Нѣтъ.

— И послѣ того его не видѣли?

— Нѣтъ. Впрочемъ, вѣдь Бьюмонтъ тогда былъ въ Америкѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Карлъ Яковличъ, пожалуйста, на минуту. Вы не встрѣчались въ Америкѣ съ тѣмъ русскимъ, о которомъ они говорили?

— Нѣтъ.

— Пора бы ему вернуться.

— Да.

— Какая фантазія пришла мнѣ въ голову, — сказалъ Никитинъ: — вотъ бы пара съ нею.

— Господа, идите кто-нибудь пить со мною, — сказала Вѣра Павловна. — Даже двое охотниковъ? Тѣмъ лучше.

Остались Мосоловъ и Никитинъ.

— Я тебѣ могу показать любопытную вещь, Никитинъ, — сказалъ Мосоловъ. — Какъ ты думаешь, она спитъ?

— Нѣтъ.

— Только не говори. Ей можешь потомъ сказать, когда познакомишься побольше. Другимъ — никому. Она не любитъ.

Окна квартиры были низко.

— Вотъ, конечно, это окно, гдѣ огонь? — Мосоловъ посмотрѣлъ. — Оно. Видишь?

Дама въ траурѣ сидѣла пододвинувъ кресла къ столу. Лѣвою рукою она облокотилась на столъ; кисть руки поддерживала нѣсколько наклоненную голову, закрывая високъ и часть волосъ. Правая рука лежала на столѣ, и пальцы ея приподымались и опускались машинально, будто наигрывая какой-то мотивъ. Лицо дамы имѣло неподвижное выраженіе задумчивости, печальной, но больше суровой. Брови слегка сдвигались и раздвигались, сдвигались и раздвигались.

— И все время такъ, Мосоловъ?

— Видишь. Однако иди, а то простудимся. И то ужъ четверть часа стоимъ.

— Какой ты безчувственный! — сказалъ Никитинъ, — пристально посмотрѣвъ на глаза товарища, когда проходили мимо ревербера черезъ переднюю.

— Причувствовался, братецъ. Это тебѣ впервой.

Подавали закуску.

— А славная должна быть водка, — сказалъ Никитинъ: — да какая же крѣпкая! Духъ захватываетъ!

— Эхъ, дѣвчонка! и глаза покраснѣли, — сказалъ Мосоловъ.

Всѣ принялись стыдить Никитина. — „Это только оттого, что я поперхнулся, а то я могу пить“, — оправдывался онъ. Стали справляться, сколько часовъ. Только еще одиннадцать, съ полчаса можно еще поболтать, успѣемъ.

Черезъ полчаса Катерина Васильевна пошла будить даму въ траурѣ. Дама встрѣтила ее на порогѣ, потягиваясь послѣ сна.

— Хорошо вздремнули?

— Отлично.

— И какъ чувствуете себя?

— Превосходно. Я жъ вамъ говорила, что пустяки: устала, потому что много дурачилась. Теперь буду солиднѣе.

Но нѣтъ, не удалось ей быть солидною. Черезъ пять минутъ она ужъ очаровывала Полозова и командовала молодежью, и барабанила маршъ или что-то въ этомъ родѣ, черенками двухъ вилокъ по столу. Но торопила ѣхать, а другіе, которымъ ужъ стало вовсе весело отъ ея возобновляющагося буйства, не спѣшили.

— Готовы лошади? — спросила она, вставая изъ-за закуски.

— Нѣтъ еще, только велѣли запрягать.

— Несносные! Но если такъ, Вѣра Павловна, спойте мнѣ что-нибудь: мнѣ говорили, у васъ хорошій голосъ.

Вѣра Павловна пропѣла что-то.

— Я васъ буду часто просить пѣть, — сказала дама въ траурѣ.

— Теперь вы, теперь вы! — пристали къ ней всѣ.

Но не успѣли пристать, какъ она уже сѣла за рояль.

— Пожалуй, только вѣдь я не умѣю пѣть, но это мнѣ не остановка, мнѣ ничто не остановка! но, mesdames и messieurs, я пою вовсе не для васъ, я пою только для дѣтей. Дѣти мои, не смѣйтесь надъ матерью! — а сама брала аккорды, подбирая аккомпаниментъ: — дѣти, не смѣть смѣяться, потому что я буду пѣть съ чувствомъ. И, стараясь выводить ноты какъ можно визгливѣе, она запѣла:

Стонетъ сизый...

Молодежь фыркнула при такой неожиданности, и остальная компанія за-смѣялась, и сама пѣвица не удержалась отъ взрыва смѣха. но подавивъ его, съ удвоенною визгливостью продолжала:

..... голубочекъ

Стонетъ онъ и день и ночь:

Его миленькій дружо...

но на этомъ словѣ голосъ ея въ самомъ дѣлѣ задрожалъ и оборвался. „Не выходить—и прекрасно, что не выходить, это не должно выходить—выйдетъ другое, лучше; слушайте, дѣти мои, наставленіе матери: не влюбляйтесь, и знайте, что вы не должны жениться“. Она запѣла сильнымъ, полнымъ контраalto:

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,

Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ;

Сладко любить ихъ—завидная доля!

Но,—

это „но“ глупо, дѣти,—

Но веселѣй молодецкая воля,

не въ томъ возраженіе,—это возраженіе глупо,—но вы знаете. почему:

Не женися, молодецъ!

Слушайся меня!

Дальше, дѣти, глупость; и это, пожалуй, глупость: можно, дѣти, и влюбляться можно, и жениться можно, только съ разборомъ, и безъ обмана, безъ обмана, дѣти. И вамъ снова про себя, какъ я выходила замужъ, романсъ старый, но

вѣдь и я старуха. Я сижу на балконѣ, въ нашемъ замкѣ Далтонѣ, вѣдь я шотландка, такая бѣленькая, бѣлокурая; подлѣ лѣсъ и рѣка, Брингалъ; къ балкону, конечно, тайкомъ, подходит мой женихъ; онъ бѣдный, а я богатая, дочь барона, лорда; но я его очень люблю, и я ему пою:

Красивъ Брингала берегъ крутой
И зеленъ лѣсъ кругомъ;
Мнѣ съ другомъ тамъ пріютъ дневной

потому что я знаю, днемъ онъ прячется, и каждый день мѣняетъ свой пріютъ, —

Милѣй, чѣмъ отчій домъ;

впрочемъ, отчій-то домъ былъ не слишкомъ милъ и въ самомъ дѣлѣ. Такъ я пою ему: я уйду съ тобою. Какъ вы думаете, что онъ мнѣ отвѣчаетъ?

„Ты хочешь, дѣва, быть моей,
Забыть свой родъ и санъ,

потому что вѣдь я знатная, —

Но прежде отгадать съумѣй,
Какой мнѣ жребій данъ.

Ты охотникъ? говорю я. „Нѣтъ“. — Ты браконьеръ? — „Почти угадала“, говоритъ онъ, —

Какъ мы сберемся, дѣти тьмы,

потому что вѣдь мы съ вами, дѣти, mesdames и messieurs. очень дурные люди, —

То должно намъ, повѣрь,
Забыть, кто прежде были мы,
Забыть, кто мы теперь.

Поетъ онъ. — Давно отгадала, говорю я: — ты разбойникъ; что жъ, это правда, онъ разбойникъ, — да? онъ разбойникъ. Что жъ отвѣчаетъ онъ, господа? „Ви-дишь, говорить, я плохой женихъ тебѣ:

О, дѣва, другъ недобрый я;
Глухихъ лѣсовъ жилецъ;

совершенная правда, глухихъ лѣсовъ, потому, говорить, не ходи со мною,

Опасна будетъ жизнь моя,

потому что вѣдь въ глухихъ лѣсахъ звѣри,—

Печаленъ мой конецъ,—

это неправда, дѣти, не будетъ печаленъ, но тогда я думала, и онъ думать;
но все-таки я отвѣчаю свое:

Красивъ Брингала брегъ крутой
И зеленъ лѣсъ кругомъ;
Мнѣ съ другомъ тамъ пріютъ дневной
Милѣй, чѣмъ отчій домъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, такъ было. Значить, мнѣ и нельзя жалѣть: мнѣ
было сказано, на что я иду. *Такъ* можно жениться и любить, дѣти: безъ обмана;
и умѣйте выбирать:

Мѣсяцъ встаетъ
И тихъ и спокоенъ;
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигить;
И дѣва ему говоритъ:
„Мой милый, смѣлѣ
Ввѣрайся ты року!“—

въ такихъ можно влюбляться, на такихъ можно жениться,

(„ — Забуди, что я тебѣ говорила, Саша, слушай
ее! — шепчетъ одна и жметъ руку. „Зачѣмъ я не
говорила тебѣ этого? теперь буду говорить“, шеп-
четъ другая).

— такихъ любить разрѣшаю и благословляю, дѣти:

Мой милый, смѣлѣ
Ввѣрайся ты року!

совсѣмъ развеселилась я съ вами,—а гдѣ веселье, тамъ надобно пить,

Гей, шинкарочка моя,
Насыпь меду й вина,—

медъ только потому, что изъ пѣсни слова не выкинешь,—шампанское осталось?
да?—отлично!—откупоривайте.

Гей, шинкарочка моя,
Насыпь меду й вина,

Та щобъ моя головонька
Веселонька була!

кто шинкарка? я шинкарка:

А у шинкарки черны бривки
Кованы подбивки!

она вскочила, провела рукой по бровямъ и притопнула каблуками,—

— Налила, готово!—mesdames и messieurs, и старикашка, и дѣти,—
берите, щобъ головоньки веселоньки були!

— За шинкарку! за шинкарку!

— Благодарю! пью свое здоровье, и она опять была за роялемъ и пѣла:

Да разлетится горе въ прахъ!

и разлетится,—

И въ обновленные сердца
Да снидетъ радость безъ конца,—

такъ и будетъ,—это видно:

Черный страхъ бѣжить какъ тѣнь
Отъ лучей, несущихъ день;
Свѣтъ, тепло и аромать
Быстро гонять тьму и холодъ;
Запахъ тлѣнья все слабѣй,
Запахъ розы все слышнѣй...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Перемѣна декорацій.

Въ Пассаждъ!—сказала дама въ траурѣ, только теперь она была уже не въ траурѣ: яркое розовое платье, розовая шляпа, бѣлая мантилья. въ рукѣ букетъ. Ъхала она не одна съ Мосоловымъ; Мосоловъ съ Никитинымъ сидѣли на передней лавочкѣ коляски. на козлахъ торчали еще третій юноша; а рядомъ съ дамой сидѣлъ мужчина лѣтъ тридцати. Сколько лѣтъ было дамѣ? Неужели 25, какъ она говорила, а не 20? Но это дѣло ея совѣсти, если при-
бавляетъ.

— Да, мой милый, я два года ждала этого дня, больше двухъ лѣтъ: въ то время, какъ познакомилась вотъ съ нимъ (она указала глазами на Никитина), я еще только предчувствовала, но нельзя сказать, чтобы ждала; тогда была еще только надежда, но скоро явилась и увѣренность.

— Позвольте, позвольте! — говорить читатель, — и не одинъ проница-

тельный, а всякій читатель, приходя въ остолебеніе по мѣрѣ того, какъ со-
ображаетъ; — слишкомъ черезъ два года послѣ того, какъ познакомилась съ
Никитинымъ?

— Такъ, отвѣчаю я.

— Да вѣтъ она познакомилась съ Никитинымъ тогда же, какъ съ Кир-
сановыми и Бьюмонтами, на этомъ пикникѣ, бывшемъ въ концѣ нынѣшней зимы?

— Совершенная правда, отвѣчаю я.

— Такъ что жь это такое? вы начинаете рассказывать о 1865 годѣ?

— Такъ.

— Да можно ли это, помилуйте!

— Почему жь нельзя, если я знаю?

— Полноте, кто же станетъ васъ слушать!

— Неужели вамъ не угодно?

— За кого вы меня принимаете? — Конечно, нѣтъ.

— Если вамъ теперь не угодно слушать, я, разумѣется, долженъ отло-
жить продолженіе моего разсказа до того времени, когда вамъ угодно будетъ
его слушать. Надѣюсь дождаться этого довольно скоро.

4 апрѣля 1863.

